

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Маркина Л.А. Эволюция концепций
гражданственности и гражданских свобод:
от античности до современности..... 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Абдуллина А.Ш., Лысова О.В., Ларионова Ю.П.
Республиканский фестиваль православной
культуры «БлагоВест»: сохранение традиций,
формирование нового имиджа города 14

Ван Цзин. Анализ причины трагической любви
в произведении И.С. Тургенева «вешние воды»..... 17

Гордеева Е.Ю. Социогуманитарная компетентность
инженера XXI века: необходимость интеграции
в техническое образование 22

Горелышев В.А. Образ России в американском
кинематографе: паттерны, стереотипы, заблуждения..... 26

Нидергаус Е.О. Профессиональные ценности
преподавателей высшей школы: исследование
теоретических подходов формирования 33

Плещёв И.Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В. Влияние
эмоционального интеллекта на внутреннюю
мотивацию спортсменов 41

Решетова И.С., Ивахненко К.Д. Лексические
средства языковой манипуляции в российских
и зарубежных СМИ 46

Терентьева К.К. Влияние социальных сетей
на карьеру независимых вокалистов..... 52

Плещёв И.Е., Савгачев В.В., Шубин Л.Б.
Теоретический взгляд на понимание этических
принципов в спорте 57

Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л.,
Нор О.В., Екимова Е.Ю. Возможности
предотвращения буллинга в студенческой среде..... 61

Цзу Сюэцин. Отражение культурных ценностей
в переводе киносубтитров: на примере китайско-
российских фильмов..... 66

Цыплакова Е.П. Роль философско-правового
знания в подготовке студентов юридического вуза 69

Чжан Шоубо, Чжан Шоубо, Нин Ваньсинь. Дилемма
и прорывные пути практического преподавания
интеграции промышленности и образования
на юридических специальностях в колледжах
и университетах прикладного бакалавриата..... 73

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистриро-
ван в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, за-
служенный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор
Московского педагогического университета, академик РАСН, РАЕН, Международной
академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действи-
тельный член РАЕН; Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук,
профессор, почетный работник ВПО РФ; Владимирова Татьяна Николаевна – доктор
педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуни-
кации и медиаобразования, член Союза журналистов России; Волков Юрий Григо-
рьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; Иванов Виллен Николаевич –
доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы,
почетный доктор Института социологии РАН; Капицын Владимир Михайлович – док-
тор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по на-
учной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор
химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; Кефели Игорь
Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой куль-
турологии и социологии Балтийского государственного технического университета;
Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор
Института социологии (Польша); Кривопусков Виктор Владимирович – доктор соци-
ологических наук, профессор Государственного университета управления; Макаров
Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой про-
ектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы
(Беларусь); Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор,
зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного
университета; Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профес-
сор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра
политологии и политической социологии Института социологии РАН; Ореховская
Наталья Анатольевна – доктор философских наук, заведующий кафедрой гума-
нитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); Панфиро-
ва Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук,
профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского
педагогического государственного университета, почетный работник Высшего про-
фессионального образования РФ; Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономиче-
ских наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-
Петербургского университета; Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических
наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник
ВПО; Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Фа-
культета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; Хазиев
Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник
ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образо-
вания БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.07.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецен-
зированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от
информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Арамян К.А.</i> Гуманитарное знание и гуманизация образования в эпоху цифровизации	77
<i>Бакулина Р.А.</i> Делинквентное поведение в социальных сетях	81
<i>Боярский П.В.</i> Роль коммуникации в управлении поликультурной средой общеобразовательной организации	86
<i>Воробьева А.Г.</i> Анализ социокультурных барьеров при имплементации профессиональных стандартов в практику управления человеческими ресурсами современной организации	91
<i>Воронов В.П.</i> Регулирование хозяйственной деятельности на землях российских сословий как фактор формирования природоохранной деятельности в российском государстве (на примере казачества и духовенства)	96
<i>Сюй Цзинбо, Гу Эркан.</i> Эволюция традиций российского села: аспекты реализации потенциала в системе «город-деревня»	100
<i>Данкова Ж.Ю.</i> Оценка инновационного развития региональных экосистем: опыт социологического исследования	106
<i>Зарипов Р.М.</i> Влияние климатических факторов на социальную адаптацию: аспекты обеспечения экологической справедливости	110
<i>Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А.</i> Влияние человеческого потенциала на профессиональную адаптацию молодых специалистов в условиях неопределенности	116
<i>Карпова Г.Г., Лябах А.Ю.</i> Исследование состояния сферы ЖКХ в г.о. Красногорск Московской области: результаты социологического опроса	121
<i>Кокорева М.Е.</i> Социологическая работа со случаем – инновационные технологии и подходы	126
<i>Коротков Н.И.</i> Методы оценки цифровой зрелости компании для улучшения социального климата в коллективе	130
<i>Слухай С.А.</i> Анализ финансово-хозяйственного обеспечения Ногинского спасательного центра МЧС России	134
<i>Терентьев В.А.</i> Ключевые этапы развития инфраструктурных транспортных проектов в Российской империи и их особенности	138
<i>Тринадцатко А.А.</i> К вопросу о стратегиях цифровой адаптации лиц с тяжелыми нарушениями зрения	142
<i>Коротков Н.И.</i> Способы управления организацией с применением моделей социологических исследований	149
<i>Ушаков Е.В.</i> Гражданский потенциал фирмы как идеал и выражение социально ответственного поведения современной компании	153
<i>Хомяков Д.В., Печерица Е.В.</i> Модель управления социальной самоорганизацией в условиях информатизации: социологический подход к трансформации организационных структур	157
<i>Юдин П.В.</i> Гендерные особенности восприятия достойного труда: межпоколенческие различия	161

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Бондарева М.Н.</i> Гендер и стереотипы: философский подход	170
<i>Веденеев И.Н.</i> Движение MAGA (трампизм) в США как политический нарратив	175
<i>Глебов А.П.</i> От духовного поиска к товарному симулякру: социально-философский анализ трансформации контркультурных ценностей	182
<i>Ду Гоин, Ли Сикан.</i> Современное откровение особенностей древнекитайской цивилизации	187
<i>Елдин М.А., Кидямкин А.А.</i> Элементы византизма в культовой традиции храмоздательства города Саранска: социально-философский аспект	192
<i>Заховаева А.Г.</i> Проблема одиночества через призму живописи Н.Н. Ге и Н.К. Рериха в контексте экзистенциальной парадигмы	198
<i>Келеберда Н.Г.</i> Права человека в свете философии Максима Исповедника	203
<i>Пичугин В.Г.</i> Политика прошлого в цифровом социуме настоящего	206
<i>Фуэнтес Гонсалес Серхио Альберто.</i> Кант и мысленный эксперимент: методологические границы и исторический контекст	211
<i>Чиркова Е.А.</i> Методологические подходы к исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей	220

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Белобрагина А.С.</i> Философские проблемы когнитивных технологий	223
<i>Воронцова Т.Ю.</i> Язык в философии Мартина Хайдеггера	228

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Смулов А.М.</i> Иосифо-Волоцкий монастырь: воспитание и обучение детей, монастырская школа в конце XIX – начале XX вв. в свете проблем и задач воспитания сегодняшнего дня	234

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Иванов Эдвард.</i> ЕАЭС в риторике лидеров: сравнительный политический дискурс-анализ речей Владимира Путина и Касым-Жомарта Токаева (2022–2025 гг.)	242
<i>Бочанов М.А.</i> Консервативный ренессанс как ответ на вызовы глобализации	249
<i>Волошина Е.А.</i> Основные научные подходы к категории «Военно-политическая элита»	252
<i>Дуганов Д.Р.</i> Влияние цифровизации на политическое и экономическое положение США в 2000–2025 гг.	256
<i>Дутов В.А.</i> Современное состояние и тенденции развития мирового энергетического рынка в условиях глобализации	262
<i>Ишпаева В.А., Дядченко М.В.</i> Кризис доверия к СМИ в цифровую эпоху: стратегии преодоления и новые модели медиа	269

Климентьев И.М. Спортивная дипломатия Марокко как инструмент «мягкой силы» в контексте подготовки к чемпионату мира по футболу 2030 года ...	273
Младова В.М., Лаффах А.М. Проблемы и особенности развития средств массовой информации на российском рынке	278
Никлаус А.А. Пространственная политика федеративных и унитарных государств: сравнительная характеристика и отличительные черты.	285
Панов А.И. Культурный суверенитет на постсоветском пространстве: вызовы и перспективы	289
Сиушкин А.Е. Роль законодательства в политическом учении Платона	293
Федотов Н.Р., Лузянин С.Г. Смешанная избирательная система в Монголии и ее влияние на политический процесс	300
Фирре Ериммас Биниам. Идеология или власть? Спорные политические процессы в Эритрее до обретения независимости: 1970–1991 гг.	304
Чжан Янь, Печерица В.Ф. Эволюция политики государственного образовательного кредита в китайских вузах и логика ее развития со времени начала реформ и открытости (с конца 1970-х годов)	310

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Абилова Г.В. Геополитическое измерение академических обменов: как формируется единая культурная платформа стран-основательниц БРИКС	315
Колдунова И.Я. Императивы стратегии внешней политики Турции	319
Табасаранский Р.С. Нормативно-правовые основы обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике	325

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Белащенко Д.А., Гудкова Е.О., Меркулова Д.Г. Ресурсный потенциал Российско-Китайского сотрудничества в условиях многополярности	331
Бодрова О.И., Гудкова Е.О., Меркулова Д.Г. Некоторые особенности обеспечения кибербезопасности КНР на современном этапе	335
Грамолин В.В. Контрсанкционные механизмы для минимизации влияния политики санкций западных стран против России на развитие отечественной гражданской авиации	339
Гун Тинтин. Влияние Китая на социально-экономическое развитие Евразийского экономического союза: аспекты формирования международных отношений	345
Карташова М.Н., Бажина И.В. Обзор прихода к власти Отто фон Бисмарка	350
Самсонов М.М. Китайская модель развития и перспективы ее адаптации африканскими странами ...	355
Тянь Шуци, Амиантова И.С. Влияние российско-украинского конфликта на ситуацию на Корейском полуострове	359
Гун Тинтин. Процессы согласования внешнеполитических позиций Китая и стран Евразийского экономического союза: институциональные аспекты	364

Шэнь Дань, Михайлова Н.В. Китай и Россия в условиях санкций: сравнительный анализ стратегий экономической адаптации	370

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бризицкий Д.Л. Опыт обучения с искусственным интеллектом: феноменология образовательного взаимодействия и границы педагогической субъектности	375
Кравченко А.И. Метафоры бытовых вещей	381
Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В. Академическая адаптация китайских студентов к обучению в российских вузах	387
Щербина Т.В. Трансформация профессиональных практик в эпоху ИИ: анализ процесса гибридизации компетенций	390
Бондаренко Н.Г., Мещерякова А.В., Васильева И.А. Факторы нравственного формирования личности как элемент механизма взаимодействия права и морали	397
Крюков В.В., Сотникова Е.В., Ступина Н.С. Цивилизация: генезис понятия и сущность феномена ...	402
Уварова С.В., Шестакова Т.А. Содержание, конструирование и особенности реализации спортивной программы по оздоровительному бегу с людьми зрелого возраста	406
Гридина В.В. Анализ тенденций рынка труда в сфере ИТ: востребованность специалистов и подготовка кадров	410
Кудряшов И.Д. Факторы успеха региональных партий Японии и их влияние на национальные партии ...	415
Литаш-Сорокина Е.А. Практические аспекты влияния цифровизации на личностно-профессиональную эффективность сотрудников	421
Меджинян А.А., Квеквескири Г.М., Шарпаев Г.В. Подходы России и Китая в поддержании безопасности и стабильности на Корейском полуострове	427
Плещёв И.Е., Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Шкрёбо-Федотовская Д.А. Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели	432
Проскурина Е.А., Жуков В.Н. Политика национальной памяти в контексте политических практик: особенности и стратегии формирования	437
Раджиб Наимул Ислам. Корни безгражданства: военная агрессия Мьянмы и политические истоки рохинджа в истории гуманитарного кризиса	441
Тао Цзяци, Ван Цзюань. Исследование культурных лакун и стратегий межкультурной коммуникации в русском переводе романа Юй Хуа «Жить»	447
Фаттахов Р.А. Цивилизационная специфика современной культуры России	452
Хван Д.А. Алгоритм институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти	456
Шао Мэйхуа. Семиотический анализ романа в. В. Набокова «Защита Лужина»	463

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Markina L.A. Evolution of the concepts of citizenship and civil liberties: from antiquity to modernity 7

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Larionova Yu.P. Republican Festival of Orthodox Culture “BlagoVest”: Preserving Traditions, Forming a New Image of the City 14

Wang Jing. Analysis of the cause of tragic love in the work of I.S. Turgenev «Spring Waters» 17

Gordeeva E.Yu. Social and humanitarian competence of the 21st century engineer: the need for integration into technical education 22

Gorelyshev V.A. The Image of Russia in American Cinema: Patterns, Stereotypes, Misconceptions 26

Nidergaus E.O. Professional values of higher university teachers: a study of theoretical approaches to the formation 33

Pleshchev I.E., Shubin L.B., Savgachev V.V. The influence of emotional intelligence on the intrinsic motivation of athletes 41

Reshetova I.S., Ivakhnenko K.D. Lexical means of language manipulation in Russian and foreign media..... 46

Terentyeva K.K. The Impact of Social Networks on the Careers of Independent Vocalists..... 52

Pleshchev I.E., Savgachev V.V., Shubin L.B. A theoretical perspective on understanding ethical principles in sports 57

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Nor O.V., Ekimova E.Yu. Possibilities for preventing bullying in the student environment..... 61

Zu Xueqing. Reflection of Cultural Values in the Translation of Film Subtitles: The Case of Chinese-Russian Films 66

Tsyplakova E.P. The role of philosophical and legal knowledge in the training of law school students 69

Zhang Shoubo, Li Na, Ning Wanxin. Dilemma and Breakthrough Ways of Practical Teaching of Industry-Education Integration in Law Schools in Applied Bachelor's Colleges and Universities 73

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Aramyan K.A. Humanitarian knowledge and humanization of education in the era of digitalization 77

Bakulina R.A. Delinquent Behavior in Social Networks 81

Boyarskiy P.V. The role of communication in managing the multicultural environment of an educational organization 86

Vorobyova A.G. Analysis of Sociocultural Barriers in the Implementation of Professional Standards into Human Resource Management Practices of a Modern Organization..... 91

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov.

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.07.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”.

<i>Voronov V.P.</i> Regulation of economic activity on the lands of Russian estates as a factor in the formation of environmental protection activities in the Russian state (on the example of the Cossacks and the clergy)	96
<i>Xu Jingbo, Gu Erkang</i> Evolution of the traditions of the Russian village: aspects of the realization of potential in the “city-village” system	100
<i>Dankova J.Yu.</i> Assessment of the innovative development of regional ecosystems: experience of sociological research	106
<i>Zaripov R.M.</i> The Impact of Climate Factors on Social Adaptation: Aspects of Ensuring Environmental Justice	110
<i>Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.</i> The impact of human potential on the professional adaptation of young specialists in conditions of uncertainty	116
<i>Karpova G.G., Lyabakh A.Yu</i> Research of the state of the housing and communal services sector in the urban district of Krasnogorsk, Moscow Region: results of a sociological survey	121
<i>Kokoreva M.E.</i> Sociological Work with a Case – Innovative Technologies and Approaches	126
<i>Korotkov N.I.</i> Methods for assessing the digital maturity of a company to improve the social climate in the team	130
<i>Sluhai S.A.</i> Analysis of financial and economic support of the Noginsk rescue center of the EMERCOM of Russia ...	134
<i>Terentyev V.A.</i> Key stages of development of infrastructural transport projects in the Russian Empire and their features	138
<i>Trinadtsatko A.A.</i> On the issue of digital adaptation strategies for people with severe visual impairments	142
<i>Korotkov N.I.</i> Methods of managing an organization using sociological research models	149
<i>Ushakov E.V.</i> Civic potential as an ideal and manifestation of socially responsible behavior in a modern company	153
<i>Khomyakov D.V., Pecheritsa E.V.</i> Model of social self-organization in the conditions of informatization: a sociological approach to the transformation of organizational structures	157
<i>Yudin P.V.</i> Gender-specific perceptions of decent work: intergenerational differences	161

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>Bondareva M.N.</i> Gender and Stereotypes: A Philosophical Approach	170
<i>Vedeneev I.N.</i> The MAGA movement (trumpism) in the US as a political narrative	175
<i>Glebov A.P.</i> From spiritual search to commodity simulacrum: a socio-philosophical analysis of the transformation of countercultural values	182
<i>Du Guoying, Li Xikang.</i> The Modern Enlightenment from the Characteristics of Ancient Chinese Civilization	187
<i>Eldin M.A., Kidyamkin A.A.</i> Elements of Byzantinism in the cult tradition of Saransk temple building: a socio-philosophical aspect	192

<i>Zakhovaeva A.G.</i> Problem of loneliness through the prism of painting by N.N. Ge and N.K. Roerich in the context of the existential paradigm	198
<i>Keleberda N.G.</i> Human Rights in the Light of Maximus the Confessor's Philosophy	203
<i>Pichugin V.G.</i> Politics of the past in the digital Society of the present	206
<i>Fuentes Gonz lez Sergio Alberto.</i> Kant and Thought Experiments: Methodological Boundaries and Historical Context	211
<i>Chirkova E.A.</i> Methodological approaches to the study of the problem of tradition as a mechanism for transmitting values	220

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Belobragina A.S.</i> Philosophical Problems of Cognitive Technologies	223
<i>Vorontsova T.Yu.</i> Language in martin Heidegger's philosophy	228

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Smulov A.M.</i> Iosifo-Volotsky Monastery: upbringing and education of children, monastic school in the late XIX – early XX centuries in the light of the problems and tasks of education today	234

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Ivanov E.</i> The EAEU in leaders' rhetoric: a comparative political discourse analysis of speeches by Vladimir Putin and Kassym-Jomart Tokayev (2022–2025)	242
<i>Bochanov M.A.</i> Conservative Renaissance as a Response to the Challenges of Globalization	249
<i>Voloshina E.A.</i> Main scientific approaches to the category of «military-political elite»	252
<i>Duganov D.R.</i> The impact of digitalization on the political and economic position of the USA in 2000–2025	256
<i>Dutov V.</i> The present state and trends in the global energy market amid globalization	262
<i>Ishpaeva V.A., Dyadchenko M.V.</i> The crisis of trust in media in the digital age: overcoming strategies and new media models	269
<i>Klimentev I.M.</i> Sports diplomacy of morocco as a “soft power” tool in the context of preparations for the 2030 FIFA world cup	273
<i>Mladova V.M., Laffakh A.M.</i> Problems and features of the development of mass media on Russian market	278
<i>Niklaus A.A.</i> Spatial policy of federal and unitary states: comparative characteristics and distinctive features	285
<i>Panov A.I.</i> Cultural sovereignty in the post-Soviet space: challenges and prospects	289
<i>Siushkin A.E.</i> The role of legislation in Plato's political doctrine	293
<i>Fedotov N.R.</i> Mixed electoral system in Mongolia and its influence on the political process	300

<i>Firre Erimias Biniam</i> . Ideology or Power? The Contested Political Processes of Pre-Independence Eritrea: 1970–1991	304
<i>Zhang Yan, Pecheritsa V.F.</i> The evolution of public education loan policy in Chinese universities and the logic of its development since the beginning of reform and opening-up (since the late 1970s)	310

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Abilova G.V.</i> The geopolitical dimension of academic exchanges: how a unified cultural platform is being formed among the founding countries of BRICS	315
<i>Koldunova I.Ya.</i> Imperatives of Turkey's Foreign Policy Strategy	319
<i>Tabasaransky R.S.</i> Regulatory and legal framework for ensuring food security in the Republic of Azerbaijan	325

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Belashchenko D.A., Gudkova E.O., Merkulova D.G.</i> Some features of cybersecurity in China at the present stage	331
<i>Bodrova O.I., Gudkova E.O., Merkulova D.G.</i> Some features of cybersecurity in china at the present stage	335
<i>Gramolin V.I.</i> Counter-sanctions mechanisms to minimize the impact of Western countries' sanctions policy against Russia on the development of domestic civil aviation	339
<i>Gong Tingting.</i> China's influence on the socio-economic development of the Eurasian Economic Union: aspects of the formation of international relations ...	345
<i>Kartashova M.N., Bazina I.V.</i> Overview of Otto von Bismarck's Rise to Power	350
<i>Samsonov M.M.</i> Chinese model of development and prospects of its adaptation by African countries	355
<i>Tian Shuqi, Amiantova I.S.</i> The impact of the Russian-Ukrainian conflict on the situation on the Korean Peninsula	359
<i>Gong Tingting.</i> Processes of Coordination of Foreign Policy Positions of China and the Eurasian Economic Union Countries: Institutional Aspects	364
<i>Shen Dan, Mikhailova N.V.</i> China and Russia under Sanctions: A Comparative Analysis of Economic Adaptation Strategies	370

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Brizitskii D.L.</i> Experience of learning with artificial intelligence: phenomenology of educational interaction and the boundaries of pedagogical subjectivity	375

<i>Kravchenko A.I.</i> Metaphors of Everyday Things	381
<i>Paudial N.Yu., Filindash L.V.</i> Academic adaptation of Chinese students to study at Russian universities	387
<i>Shcherbina T.V.</i> Transformation of Professional Practices in the Age of AI: An Analysis of the Process of Hybridizing Competencies	390
<i>Bondarenko N.G., Vasilyeva I.A., Meshcheryakova A.V.</i> Factors of moral development of the individual as an element of the mechanism of interaction of law and morality	397
<i>Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Stupina N.S.</i> Civilization: Genesis of the Concept and Essence of the Phenomenon ...	402
<i>Uvarova S.V., Shestakova T.A.</i> Content, design and implementation features of a sports program for health running with mature people	406
<i>Gridina V.V.</i> Analysis of labor market trends in the IT sector: demand for specialists and personnel training	410
<i>Kudriashov I.D.</i> Regional parties in Japan: factors of success and influence on national parties	415
<i>Litash-Sorokina E.A.</i> Practical aspects of the impact of digitalization on the personal and professional effectiveness of employees	421
<i>Mejinyan A.A., Kvekveskiri G.M., Sharpaev G.V.</i> Russia's and China's Approaches to Maintaining Security and Stability on the Korean Peninsula	427
<i>Pleshchev I.E., Shubin L.B., Savgachev V.V., Shkrebko-Fedotovskaja D.A.</i> Dynamics of social norms: motives for compliance, factors of change, and integrative models	432
<i>Proskurina E.A., Zhukov V.N.</i> National memory policy in the context of political practices: features and strategies of formation	437
<i>Rajib Naimul Islam</i> Roots of Statelessness: Myanmar's Military Aggression and the Political Origins of the Rohingya in the history of Humanitarian Crisis	441
<i>Tao Jiaqi, Wang Juan.</i> A Study of Cultural Gaps and Intercultural Communication Strategies in the Russian Translation of Yu Hua's Novel "To Live"	447
<i>Fattakhov R.A.</i> The civilizational specifics of modern Russian culture	452
<i>Khvan D.A.</i> The algorithm of institutionalization of political technologies in the context of digital transformation of power	456
<i>Shao Meihua.</i> Semiotic analysis of v. V. Nabokov's novel «The Luzhin defense»	463

Эволюция концепций гражданственности и гражданских свобод: от античности до современности

Маркина Лидия Алексеевна,

соискатель кафедры всеобщей истории, политологии
и регионоведения, МГУ им. Н.П. Огарева
E-mail: markina.lida142010@yandex.ru/

В статье прослеживается историческая трансформация концепций гражданственности и гражданских свобод от античной эпохи до современности. Проведен анализ фундаментальных идеологем, формировавших гражданское сознание в древнегреческой и римской традициях. Особое внимание уделяется взаимосвязи между философскими концепциями гражданственности и образовательными практиками соответствующих эпох. Автор демонстрирует, как античные представления о гражданских свободах послужили основой для последующего развития европейской политико-правовой мысли через эпоху Средневековья, Возрождения и Нового времени, влияя на современное понимание гражданских прав и обязанностей. Исследование также раскрывает преемственность и трансформацию идей воспитания гражданственности отдельной личности в историческом контексте.

Ключевые слова: гражданственность, гражданские свободы, полис, civitas, демократия, республиканизм, исономия, парресия, воспитание, калокагатия, libertas, dignitas.

История гражданственности как политико-правового и философского конструкта начинается с Античности, где были заложены фундаментальные основы политического мышления, которые впоследствии стали отправной точкой для европейской политической философии. Именно в Древней Греции и Риме впервые были сформулированы представления о гражданине как политическом субъекте, его правах и обязанностях, а также о взаимоотношениях между личностью и государством. Многие из этих идей, переосмысленные в контексте современных реалий, сохраняют свою актуальность и сегодня.

Прежде чем рассматривать конкретные концепции отдельных мыслителей, необходимо обратиться к фундаментальным идеологемам, формировавшим античное сознание и определявшим понимание гражданственности, что в свою очередь влияло на подходы к формированию отдельной человеческой личности как политического субъекта.

Так, в древнегреческой традиции ключевыми идеологемами выступали понятия полиса как политической единицы, демоса как политического сообщества граждан, исономии как равенства перед законом, и парресии как свободы слова и выражения мнения в публичном пространстве.

Полис являлся не просто территориально-административной единицей, но формой политического бытия, вне которой гражданин не мыслился как социальный субъект. Аристотель утверждал, что «человек по природе своей есть существо политическое», подчеркивая органичную связь между индивидуальным развитием и полисной организацией¹. Идеологема полиса включала в себя представление о самодостаточном сообществе, способном обеспечить благо своих граждан через справедливое распределение не только материальных благ, но и политических прав и обязанностей.

Демос как идеологема подразумевал не просто население, но сообщество полноправных граждан, наделенных властью коллективного принятия решений. Трансформация этой идеологемы прослеживается от архаического периода, когда демос противопоставлялся аристократии, до классического периода, когда он стал основой демократического управления в Афинах и ряде других полисов.

Исономия, концепция политического равенства граждан перед законом, появилась как противовес аристократическому принципу управления и стала ключевой идеологемой афинской демократии. Она не подразумевала экономического равенства или равенства всех людей, но гарантировала гражданам равные политические права и одинаковый доступ к правосудию².

Парресия, или свобода выражения мнения, была неотъемлемой характеристикой греческой гражданственности, позволяющей участвовать в политической дискуссии. Сократ, например, считал паррессию не просто

¹ Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

² Камышанов А.М., Ходаковская А.Е. Демократия в произведениях античных авторов: признаки, преимущества, недостатки // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. № 2. С. 43.

правом, но обязанностью гражданина перед полисом, даже если это ведет к личным неприятностям (как в его собственном случае!).

В римской традиции идеологемами, формирующими гражданское сознание, выступали *civitas* (гражданская община), *res publica* (общее дело), *libertas* (свобода в контексте политических прав), *dignitas* (достоинство гражданина), и *virtus* (гражданская доблесть)¹.

Civitas отражала специфически римское понимание политического сообщества граждан, наделенных особыми правами и привилегиями. Цицерон определял республику как «дело народа», где под народом понимал не просто массу людей, а «объединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов». *Libertas* в римском сознании была неотделима от правовых гарантий и защиты от произвола власти, выражавшихся в институте трибуната, праве обжалования решений магистратов, запрете на применение телесных наказаний к гражданам и других правовых механизмах. *Dignitas* выражала представление о значимости и уважении, которыми пользуется гражданин в римском обществе. Эта идеология была тесно связана с понятием чести и требовала от гражданина определенного поведения, соответствующего его статусу. *Virtus*, первоначально обозначавшая воинскую доблесть, в республиканский период трансформировалась в более широкое понятие гражданской доблести, включающей в себя приверженность общему благу, справедливость, мудрость и умеренность.

Эти древнегреческие и римские идеологемы заложили основу для последующего развития понятий гражданственности и гражданских свобод в европейской политической традиции. Они определяли не только правовой статус личности, но и формировали ценностный фундамент политического сознания, обеспечивающий интеграцию индивида в гражданский коллектив.

Концепция гражданственности в античном мире имела фундаментальное значение для формирования политических институтов и социальных отношений. В отличие от современных представлений, где гражданство часто воспринимается как формальный правовой статус, в античности гражданственность подразумевала интегрированность индивида в политическое сообщество и активное участие в общественной жизни.

В греческой традиции гражданственность (πολιτεία, политейя) определялась через участие в политической жизни полиса. Аристотель в «Политике» определял гражданина как того, «кто имеет право участвовать в законосовещательной или судебной власти государства», подчеркивая активный характер гражданского статуса. Такое понимание исключало из числа граждан не только рабов и иностранцев, но и женщин, а также несовершеннолетних мужчин². В этой связи важно отметить, что гражданственность понималась не как врожденное качество, а как статус, требующий постоянного подтверждения через политическую активность.

Перикл в своей знаменитой речи, приведенной Фукидидом, выражал афинский идеал гражданственности: «Только мы сами принимаем решения и даем верную оценку делам... Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными»³. Эта речь подчеркивает неразрывность частной

и публичной сфер в представлении афинян о гражданском долге.

Греческая концепция гражданственности включала в себя также идеал калокагатии – единства красоты и добродетели, предполагающий гармоничное развитие гражданина в физическом, интеллектуальном и моральном аспектах. Этот идеал воспитания свободных граждан противопоставлялся узкопрофессиональному образованию, которое считалось делом ремесленников и рабов. Именно поэтому образовательные практики в греческих полисах были ориентированы не столько на приобретение специальных знаний, сколько на формирование личности, способной участвовать в общественной жизни.

В Спарте сложилась иная модель гражданственности, ориентированная на военную доблесть и безусловную преданность государству. Плутарх приписывает Ликургу слова о том, что Спарта сильна не стенами, а своими гражданами. Спартанская система агогэ (государственного воспитания) была нацелена исключительно на формирование воинов-граждан, готовых жертвовать индивидуальными интересами ради коллективной безопасности⁴. Эта система представляет собой яркий пример того, как воспитательные практики могут быть полностью подчинены задаче формирования определенного типа гражданственности.

Римская концепция гражданственности (*civitas*) существенно отличалась от греческой, прежде всего, своим правовым характером. Если греческая гражданственность была локализована в рамках полиса, то римская постепенно расширялась от города до империи. Римское гражданство предоставляло четко определенный набор прав: *ius suffragii* (право голоса), *ius honorum* (право занимать государственные должности), *ius commercii* (право на торговые сделки, защищенные римским правом), *ius connubii* (право на заключение законного брака с другими гражданами) и *ius provocacionis* (право на обжалование решений магистратов перед народным собранием)⁵.

Важным аспектом римской гражданственности было развитие правовой системы, защищающей граждан от произвола власти. Закон Валерия (*lex Valeria de provocacione*), принятый в начале республиканского периода, гарантировал гражданам право апелляции к народному собранию в случае тяжелых наказаний, наложенных магистратами. Этот закон стал одним из первых документально зафиксированных гарантий гражданских прав.

В имперский период понятие римской гражданственности трансформировалось, особенно после эдикта Каракаллы 212 года, даровавшего гражданство практически всем свободным жителям империи. Статус гражданина стал скорее привилегией, чем обязанностью, а политическое участие утратило реальное значение в условиях перехода власти к императору и имперской бюрократии. Тем не менее, римский идеал *civis Romanus* (римского гражданина) продолжал играть важную идентификационную роль. Именно это культурно-правовое понятие римской гражданственности стало одной из основ формирования более поздних европейских представлений о гражданских правах и свободах, ведь именно в римской традиции были разработаны правовые механизмы, которые впоследствии легли в основу современных демократических институтов признания, соблюдения и защиты прав граждан.

¹ Дементьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // АМА. 2009. № 13. С. 63.

² Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

³ Цит. по: Поплер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, 2013.

⁴ Торопов К.И. Агогэ и калокагатия: столкновение двух культур. концепция пайдеи как способ познания прекрасного в античной культуре // СИ. 2023. № 5.

⁵ Покровский И.А. История римского права. М.: Юрайт, 2025.

Сравнивая греческую и римскую концепции гражданственности, можно заметить, что первая делала акцент на активном политическом участии в рамках относительно небольшого городского сообщества, тогда как вторая постепенно эволюционировала в сторону универсальной правовой категории, объединяющей различные народы обширной империи. Эта эволюция отражает фундаментальный переход от непосредственной демократии греческого полиса к представительным формам правления, характерным для более крупных политических образований.

Прежде чем перейти к рассмотрению идей эпохи Возрождения и Нового времени, важно обратиться к традициям гражданских свобод, сформированным в античной культуре, поскольку именно эти традиции стали объектом переосмысления в последующие эпохи и феномен гражданственности по завершении Средневековья уже был неразрывно связан с тем набором прав и свобод, которыми обладает «человек и гражданин».

В греческой политической практике зарождение гражданских свобод связано с реформами Солона в Афинах (594 г. до н.э.), отменившими долговое рабство и установившими политическую систему, в которой права гражданина определялись не происхождением, а имущественным положением. Важнейшим шагом стало установление *ιστορία* (исегории) — равного права выступать и быть услышанным в народном собрании, что стало основой для политической свободы слова.

Дальнейшее развитие гражданских свобод произошло в ходе реформ Клисфена, создавшего систему, в которой политическая власть распределялась на основе территориальных, а не родовых принципов. Это существенно демократизировало политическую систему Афин и расширило круг граждан, активно участвующих в политической жизни.

Важной институциональной гарантией гражданских свобод стала процедура *γραφῆ παρανόμων* (графэ параномон) — возможность привлечь к ответственности любое лицо, предложившее закон, противоречащий существующему законодательству. Эта процедура выполняла функцию, аналогичную современному конституционному надзору, защищая граждан от произвольных изменений законов¹.

Афинские институты контроля за властью, такие как остракизм (изгнание политических лидеров, угрожающих демократии) и *εἵρεσις* (эвтина) — процедура проверки деятельности должностных лиц по истечении срока их полномочий, также служили гарантиями против тирании и обеспечивали подотчетность власти гражданскому обществу.

Для греческого понимания свободы характерно разделение на *ἐλευθερία* (элевтерия) — свободу от внешнего господства и *αὐτονομία* (автономия) — самоуправление в соответствии с собственными законами. Примечательно, что индивидуальная свобода не мыслилась вне коллективной свободы полиса, что существенно отличает античное понимание свободы от современного либерального.

В римской традиции развитие гражданских свобод происходило в контексте сословной борьбы между патрициями и плебеями. Ключевым моментом стало принятие Законов Двенадцати таблиц (451–450 гг. до н.э.), которые кодифицировали правовые нормы и сделали их публичными, что ограничивало произвол патрицианских магистратов в судебных процессах.

Институт народных трибунов, созданный для защиты плебеев от произвола патрицианских магистратов, стал важнейшим механизмом защиты гражданских прав. Право трибуна накладывать вето (*intercessio*) на действия магистратов служило гарантией против злоупотреблений властью. А личная неприкосновенность трибунов (*sacrosanctitas*) обеспечивала эффективное функционирование этого института.

Значимым аспектом римской концепции гражданских свобод был принцип *provocatio ad populum* — право гражданина апеллировать к народному собранию в случае вынесения магистратом смертного приговора или тяжелого наказания². Этот принцип, закрепленный в законе Валерия Публикола (509 г. до н.э.) и позднее в законах Порция, защищал граждан от произвольных наказаний и пыток.

Развитие римского частного права (*ius civile*) также способствовало укреплению гражданских свобод через формирование системы договорных отношений, защиты собственности и семейного права, регулирующих отношения между гражданами на основе принципов справедливости и взаимности.

Процесс постепенного распространения гражданских прав на все более широкие категории населения Римской империи достиг кульминации с изданием *Constitutio Antoniniana* (Эдикта Каракаллы) в 212 г.н.э., предоставившего римское гражданство практически всем свободным жителям империи. Это решение, хотя и диктовалось фискальными соображениями, стало важным шагом в универсализации концепции гражданских прав.

Политическими мыслителями античности были разработаны теоретические основы гражданских свобод. Аристотель в «Политике» обосновывал необходимость разделения властей и участия граждан в управлении для предотвращения тирании. Цицерон в «О государстве» и «О законах» развивал концепцию естественного права, стоящего выше позитивного законодательства и обязательного даже для правителей³.

Важно отметить, что античные гражданские свободы имели существенные ограничения: они распространялись только на граждан, исключая женщин, рабов и иностранцев; часто были обусловлены имущественным цензом; предполагали примат коллективных интересов над индивидуальными. Тем не менее, греко-римская традиция гражданских свобод заложила концептуальные и институциональные основы для последующего развития европейской политико-правовой мысли и практики: неслучайно в современных исследованиях античной политической мысли (например, в работах К. Скиннера и Ф. Петтита) особое внимание уделяется республиканской концепции свободы, происходящей из римской традиции⁴. Эта концепция, отличная от либертарианского понимания свободы как отсутствия вмешательства, делает акцент на отсутствии доминирования и произвола, обеспеченного системой правовых и политических гарантий.

В эпоху Средневековья, отмеченную доминированием христианской религии, античные концепции гражданственности претерпели существенную трансформацию. Основой самоидентификации индивида становилась прежде всего его религиозная принадлежность,

² Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

³ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966; Цицерон. О законах // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966.

⁴ Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006; Pettit P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford: Oxford University Press, 1997.

¹ Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003.

а не гражданский статус. Политические свободы, столь значимые в античном мире, отступили на второй план перед религиозными обязанностями и феодальной иерархией.

Так, в учении Фомы Аквинского, с одной стороны, проводится связь между знанием и добродетелью, подобная той, что была в античности. С другой стороны, значение божественного выходит на передний план. Так меняется понимание мудрости и добродетели, связанной с ней: теперь это не познание мира материального и себя самого, а познание Бога¹. По сути, речь шла о попытке синтеза аристотелевской этики с христианским богословием, за счет чего формировалась новая парадигма гражданственности, где гражданские добродетели подчинены религиозным ценностям.

Средневековые города, получавшие хартии вольностей от монархов, стали особыми зонами, где сохранялись и развивались элементы гражданских свобод. Городские коммуны Италии, Фландрии, Германии во многом воспроизводили республиканские институты античности, хотя и в измененном виде. Гильдии и цеховые организации, основанные на принципах самоуправления, также способствовали формированию представлений о гражданском участии и коллективных правах.

Эпоха Возрождения ознаменовалась возрождением интереса к античному наследию и его переосмыслением в новом социально-политическом контексте. В этот период происходит углубление внимания к личности человека и его индивидуальным особенностям. Культурный фон в этот период способствует расширению системы образовательных дисциплин. Активно развиваются архитектура и изобразительное искусство. В философии возникают идеи гуманизма. Происходит и отрыв от церкви: за человеком признается право действовать самостоятельно. В связи с этим меняются цели и задачи воспитания.

Флорентийская республиканская традиция, представленная работами Леонардо Бруни, Колуччо Салютати и Никколо Макиавелли, возродила античный идеал активного гражданина, участвующего в политической жизни. В особенности, Макиавелли в своих «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» развивает теорию республиканской свободы, основанную на римских политических идеалах, но адаптированную к реалиям ренессансной Италии².

Ренессансный гуманизм также внес существенный вклад в развитие образовательных концепций, направленных на формирование гражданских добродетелей. Такие авторы, как Петрарка, Эразм Роттердамский, Томас Мор и другие гуманисты разрабатывали программы обучения, включавшие изучение античной литературы, истории и философии, которые рассматривались как источники моральных и гражданских принципов. Отметим, что гуманистическое образование, в отличие от средневекового, было ориентировано не столько на подготовку к служению Богу, сколько на формирование личности, способной активно участвовать в общественной и культурной жизни.

Эпоха Нового времени стала периодом радикального переосмысления концепций гражданственности и гражданских свобод. Формирование национальных государств, развитие капиталистических отношений, религиозные войны и научная революция создали контекст, в котором происходила трансформация политического мышления.

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114. Киев: Ника-Центр, 2010.

² Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2019.

Томас Гоббс, реагируя на опыт Английской гражданской войны, в «Левиафане» представил теорию, согласно которой граждане добровольно отказываются от части своих естественных прав в пользу суверена ради обеспечения безопасности и порядка. Эта концепция общественного договора, хотя и оправдывала абсолютную власть монарха, заложила основу для последующего развития идей о правах и обязанностях граждан и государства.

Джон Локк, в отличие от Гоббса, в «Двух трактатах о правлении» отстаивал идеи естественных и неотчуждаемых прав человека на жизнь, свободу и собственность. По Локку, государство создается гражданами для защиты этих естественных прав, и если оно не выполняет этой функции, граждане имеют право на сопротивление. Эти идеи оказали огромное влияние на американскую и французскую революции и формирование либеральной концепции гражданских прав.

Жан-Жак Руссо в «Об общественном договоре» разработал концепцию народного суверенитета и общей воли, согласно которой граждане не просто передают свои права суверену, а коллективно осуществляют власть, являясь одновременно и подданными, и законодателями. Эта концепция демократической гражданственности требовала активного участия граждан в политической жизни и формирования гражданских добродетелей через воспитание.

Шарль Монтескье в «О духе законов» обосновал необходимость разделения властей как инструмента защиты политических свобод. Он также развил идею о влиянии географических, культурных и исторических факторов на формирование политических систем и гражданских ценностей, что обогатило понимание контекстуальной природы гражданственности.

Иммануил Кант в работах по политической философии разработал концепцию правового государства, основанного на принципах автономии личности, всеобщего равенства перед законом и республиканского устройства. Кантовское понятие гражданского достоинства как неприкосновенности и самоценности личности стало фундаментальным для современных представлений о правах человека.

Что касается современного понимания гражданственности и гражданских свобод, то оно сформировалось в результате синтеза и критического переосмысления античных, средневековых и новоевропейских концепций. Оно характеризуется признанием универсальности основных прав человека, расширением понятия гражданства и включением в него различных ранее исключенных групп, сложным взаимодействием либеральных и республиканских традиций.

Либеральная традиция, восходящая к Локку и развитая такими мыслителями как Бенжамен Констан, Джон Стюарт Милль и Исайя Берлин, делает акцент на защите индивидуальных прав и свобод от вмешательства государства. В этой традиции гражданские свободы понимаются как «негативные свободы» – свобода от принуждения и произвола власти. Концепция «негативной свободы», детально разработанная И. Берлином, предполагает существование сферы частной жизни, в которую государство не имеет права вмешиваться³.

Республиканская традиция, восходящая к римским и ренессансным политическим идеалам и развитая в работах современных теоретиков (Х. Арендт, К. Скиннер, Ф. Петтит и др.), трактует гражданские свободы как защиту от доминирования и произвола. В отличие от ли-

³ Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткінда. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

беральной концепции, республиканизм подчеркивает важность активного гражданского участия и совещательной демократии как механизмов обеспечения свободы. Согласно этой традиции, гражданственность требует не только пользования правами, но и исполнения обязанностей перед политическим сообществом.

Развитие международного права прав человека, особенно после Второй мировой войны, привело к формированию концепции универсальных прав человека, не зависящих от гражданства. Всеобщая декларация прав человека 1948 года и последующие международные конвенции закрепили идею о том, что основные права принадлежат человеку по факту его человеческой природы, а не по гражданскому статусу. Это существенно трансформировало понимание гражданских свобод, расширив их за пределы национальных границ. В свою очередь, понятие гражданственности в отдельных трактовках стало рассматриваться в контексте космополитизма.

В современной политической философии, особенно в работах Ю.Хабермаса, Д. Ролза, А. Сена, разрабатываются концепции делиберативной демократии, справедливости и возможностей, которые вносят вклад в понимание гражданственности в плюралистическом и глобализованном мире. Эти концепции стремятся совместить либеральное представление о индивидуальных правах с демократическим идеалом гражданского участия и признанием культурного разнообразия.

Далее представляется целесообразным рассмотреть, как осуществлялся процесс воспитания гражданственности – как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Этот процесс имеет длительную историю, тесно связанную с рассмотренной выше эволюцией самих концепций гражданственности. Проведем краткий исторический обзор, чтобы наглядно проследить трансформацию целей, содержания и методов гражданского воспитания от античности до наших дней.

В античной Греции воспитание гражданственности было неотъемлемой частью общей системы образования свободных граждан (παιδεία, пайдейя). В Афинах эта система была направлена на формирование гармонично развитой личности, способной участвовать в политической жизни полиса. Гражданское воспитание включало не только изучение грамматики, музыки и гимнастики, но и знакомство с законами, политическим устройством полиса, участие в публичных дискуссиях и религиозных церемониях – без чего сложно было бы представить себе полноценного, всесторонне развитого гражданина.

Особую роль в афинском гражданском воспитании играло участие юношей в эфебии – военно-гражданской подготовке, во время которой они не только обучались военному делу, но и знакомились с законами и традициями полиса, принимали гражданскую присягу. Как уже указывалось выше, значимый вклад в развитие теории гражданского воспитания внесли Сократ, Платон и Аристотель, рассматривавшие формирование гражданских добродетелей как необходимое условие создания справедливого общества.

В Спарте система агогэ представляла собой крайний вариант гражданского воспитания, полностью подчиненного интересам государства. Отрыв мальчиков от семьи в раннем возрасте, суровая физическая подготовка, воспитание в духе абсолютной преданности полису – все это было направлено на формирование воина-гражданина, готового пожертвовать личными интересами ради коллективной безопасности.

В римской традиции гражданское воспитание (*humanitas*) включало более практические элементы: изучение риторики и права, необходимых для участия в политической и судебной деятельности, знакомство с исто-

рией республики как источником моральных примеров (*exempla*), военную подготовку. Цицерон в своих трактатах подчеркивал важность формирования гражданских добродетелей через образование, основанное на греческой культуре, но адаптированное к римским реалиям¹.

В средневековом обществе, где доминировала христианская парадигма, гражданское воспитание было подчинено религиозным ценностям. Образование, контролируемое церковью, было направлено прежде всего на формирование христианина как гражданина «Града Небесного», и лишь во вторую очередь – гражданина или подданного земного государства. Однако в средневековых городах, особенно в итальянских коммунах, сохранялись элементы гражданского воспитания, связанные с участием в городском самоуправлении и цеховых организациях.

Гуманисты эпохи Возрождения, обращаясь к античному наследию, возродили идеал гражданского воспитания, основанного на изучении классической литературы, истории и философии. Такие педагоги как Витторино да Фельтре создавали школы, где формирование гражданских добродетелей было важной частью образовательной программы. В этот период происходит синтез античных идеалов гражданственности с христианскими ценностями и новым пониманием человеческого достоинства².

В эпоху Просвещения теория гражданского воспитания получила мощный импульс развития. Джон Локк в своей книге «Мысли о воспитании» подчеркивал важность формирования рациональной и автономной личности, способной к ответственному участию в общественной жизни³. Жан-Жак Руссо в «Эмиле» предложил концепцию естественного воспитания, которое должно подготовить индивида к осознанному выбору и выполнению гражданских обязанностей⁴.

Французская революция привела к попыткам создания систематической программы гражданского воспитания, направленного на формирование граждан новой республики. Кондорсе, Лепелетье и другие теоретики разрабатывали проекты общественного образования, которое должно было вытеснить религиозное влияние и создать новую гражданскую идентичность⁵.

В XIX веке развитие национальных государств сопровождалось формированием национальных систем образования, важной задачей которых было воспитание лояльных граждан. История, литература, география преподавались таким образом, чтобы укрепить национальную идентичность и патриотические чувства. В этот период гражданское воспитание часто принимало форму национального воспитания, что нашло отражение в педагогических теориях Иоганна Фихте, Джузеппе Мадзини и других мыслителей⁶.

¹ Титаренко И.Н. Гражданственность и идеальный гражданин в учении Цицерона // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1 (57). С. 62.

² Горячев Ю., Захаров В. На пути к международным стандартам образования: от педагогики мыслителей ранних эпох к современным подходам // Этнодиалоги. 2020. № 3 (61).

³ Локк Дж. Мысли о воспитании / Сочинения в трёх томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 411.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. Т. 1: Эмил, или О воспитании

⁵ Юсупов В.З. Источники, методологические основы и понятийный аппарат проектного управления в педагогическом менеджменте // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 4. С. 42.

⁶ Назиров Р.Г. Историческое мышление и философия истории // Назировский архив. 2014. № 3 (5). С. 68.

Параллельно развивались и более либеральные концепции гражданского воспитания. Джон Стюарт Милль подчеркивал важность формирования критического мышления и независимости суждений как основы гражданских добродетелей¹. В США Джон Дьюи разрабатывал прогрессивную педагогику, согласно которой школа должна быть своего рода «эмбрионом демократического общества», где ученики будут приобретать не только знания, но и опыт равного демократического участия и сотрудничества².

XX век, отмеченный тоталитарными режимами и мировыми войнами, выявил опасность превращения гражданского воспитания в инструмент идеологической индоктринации. Это привело к переосмыслению целей и методов гражданского образования в послевоенный период. Особое внимание стало уделяться воспитанию уважения к правам человека, культурному разнообразию, мирному разрешению конфликтов.

В современных демократических обществах гражданское образование стремится сочетать формирование знаний о политической системе и правах граждан с развитием навыков гражданского участия и критического мышления. Концепция «активного гражданства», разрабатываемая в Европейском Союзе, подчеркивает важность подготовки граждан к участию в многоуровневой и плюралистической политической системе³.

Наконец, следует учитывать, что глобализация и цифровая революция создали новые вызовы и возможности для гражданского образования, для воспитания в человеке чувства гражданственности. Актуальные в современном мире концепции «глобального гражданства» и «цифрового гражданства», несмотря на их (пока что) недостаточную концептуализацию, серьезно расширяют традиционное понимание гражданственности за пределы национальных границ, а также в цифровую сферу с имманентной ей экстерриториальностью. Как следует из документов ООН, современные подходы к гражданскому образованию включают развитие медиаграмотности, межкультурной компетентности, экологической сознательности как необходимых составляющих гражданственности в XXI веке⁴. Представляется, что и на уровне национальных государств воспитание соответствующих идеалов будет способствовать формированию здоровой личности, способной быть полноценным участником демократического управления на всех его уровнях.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. Камышанов А.М., Ходаковская А.Е. Демократия в произведениях античных авторов: признаки, преимущества, недостатки // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. № 2.
3. Дементьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // АМА. 2009. № 13.

¹ Mill J.S. On Liberty and Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 16–17.

² Dewey J. Democracy and Education. An Introduction to the Philosophy of Education. 1916

³ Active citizenship in European education [Electronic source]. URL: <https://school-education.ec.europa.eu/en/discover/news/active-citizenship-european-education> (accessed: 15.03.2025)

⁴ Q&A: Why digital global citizenship education is essential [Electronic source]. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/qa-why-digital-global-citizenship-education-essential> (accessed: 15.03.2025)

4. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
5. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, 2013.
6. Торопов К.И. Агогэ и калокагатия: столкновение двух культур. концепция пайдеи как способ познания прекрасного в античной культуре // СИ. 2023. № 5.
7. Покровский И.А. История римского права. М.: Юрайт, 2025.
8. Бузескул В.П. История афинской демократии. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003.
9. Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
10. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966; Цицерон. О законах // Цицерон. Диалоги. М.: Наука, 1966.
11. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006
12. Pettit P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford: Oxford University Press, 1997.
13. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114. Киев: Ника-Центр, 2010.
14. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. М.: АСТ, 2019. Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткінда. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
15. Титаренко И.Н. Гражданственность и идеальный гражданин в учении Цицерона // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1 (57).
16. Горячев Ю., Захаров В. На пути к международным стандартам образования: от педагогики мыслителей ранних эпох к современным подходам // Этнодиалоги. 2020. № 3 (61).
17. Локк Дж. Мысли о воспитании / Сочинения в трёх томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 411.
18. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джуринский. М.: Педагогика, 1981. Т. 1: Эмиль, или О воспитании
19. Юсупов В.З. Источники, методологические основы и понятийный аппарат проектного управления в педагогическом менеджменте // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 4.
20. Назиров Р.Г. Историческое мышление и философия истории // Назировский архив. 2014. № 3 (5).
21. Mill J.S. On Liberty and Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 1991.
22. Dewey J. Democracy and Education. An Introduction to the Philosophy of Education. 1916
23. Active citizenship in European education [Electronic source]. URL: <https://school-education.ec.europa.eu/en/discover/news/active-citizenship-european-education> (accessed: 15.03.2025)
24. Q&A: Why digital global citizenship education is essential [Electronic source]. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/qa-why-digital-global-citizenship-education-essential> (accessed: 15.03.2025)

EVOLUTION OF THE CONCEPTS OF CITIZENSHIP AND CIVIL LIBERTIES: FROM ANTIQUITY TO MODERNITY

Markina L.A.

N.P. Ogarev Moscow State University

The article traces the historical transformation of the concepts of citizenship and civil liberties from antiquity to modernity. An analysis of the fundamental ideologemes that formed civic consciousness

in the ancient Greek and Roman traditions is conducted. Particular attention is paid to the relationship between the philosophical concepts of citizenship and educational practices of the corresponding eras. The author demonstrates how ancient ideas about civil liberties served as the basis for the subsequent development of European political and legal thought through the Middle Ages, Renaissance and Modern Times, influencing the modern understanding of civil rights and responsibilities. The study also reveals the continuity and transformation of the ideas of civic education of an individual in the historical context.

Keywords: civic education, civil liberties, polis, civitas, democracy, republicanism, isonomia, parrhesia, education, kalokagathia, libertas, dignitas.

References

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983.
2. Kamyshanov AM, Khodakovskaya AE. Democracy in the works of ancient authors: features, advantages, disadvantages // Electronic scientific publication Almanac Space and Time. 2016. No. 2.
3. Dementyeva VV Roman identity: formation of traditions of the civil collective // AMA. 2009. No. 13.
4. Aristotle. Politics // Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983.
5. Popper KR Open society and its enemies. Vol. 1: Plato's charms. Translated from English. edited by VN Sadovsky. M.: Phoenix, 2013.
6. Toropov K.I. Agoge and kalokagathia: the clash of two cultures. the concept of paideia as a way of cognizing the beautiful in ancient culture // SI. 2023. No. 5.
7. Pokrovsky I.A. History of Roman Law. M.: Yurait, 2025.
8. Buzeskul V.P. History of Athenian Democracy. St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy", 2003.
9. Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
10. Cicero. On the State // Cicero. Dialogues. M.: Science, 1966; Cicero. On the Laws // Cicero. Dialogues. M.: Nauka, 1966.
11. Skinner K. Freedom before Liberalism. SPb.: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2006
12. Pettit P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford: Oxford University Press, 1997.
13. Thomas Aquinas. Summa Theologica. Part II-I. Questions 90–114. Kyiv: Nika-Center, 2010.
14. Machiavelli N. Discourses on the First Decade of Titus Livius // Machiavelli N. The Sovereign. M.: AST, 2019. Berlin I. Philosophy of Freedom. Europe / Preface by A. Etkind. M.: New Literary Review, 2001.
15. Titarenko I.N. Civic-mindedness and the ideal citizen in the teachings of Cicero // Scientific Thought of the Caucasus. 2009. No. 1 (57).
16. Goryachev Yu., Zakharov V. Towards International Education Standards: From the Pedagogy of Early Thinkers to Modern Approaches // Ethnodialogues. 2020. No. 3 (61).
17. Locke J. Thoughts on Education / Works in three volumes: Vol. 3. Moscow: Mysl, 1988. P. 411.
18. Russo J.-J. Pedagogical Works: in 2 volumes / edited by G.N. Dzhibladze; compiled by A.N. Dzhurinsky. Moscow: Pedagogy, 1981. Vol. 1: Emil, or On Education
19. Yusupov V.Z. Sources, methodological foundations and conceptual apparatus of project management in pedagogical management // Scientific works of the Moscow Humanitarian University. 2018. No. 4.
20. Nazirov R.G. Historical thinking and philosophy of history // Nazi archive. 2014. No. 3 (5).
21. Mill J.S. On Liberty and Other Essays. Oxford: Oxford University Press, 1991.
22. Dewey J. Democracy and Education. An Introduction to the Philosophy of Education. 1916
23. Active citizenship in European education [Electronic source]. URL: <https://school-education.ec.europa.eu/en/discover/news/active-citizenship-european-education> (accessed: 03/15/2025)
24. Q&A: Why digital global citizenship education is essential [Electronic source]. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/qa-why-digital-global-citizenship-education-essential> (accessed: 03/15/2025)

Республиканский фестиваль православной культуры «БлагоВест»: сохранение традиций, формирование нового имиджа города

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Ларионова Юлия Павловна,

студент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: larioнова_jup@vsw.ru

В статье рассматривается Республиканский фестиваль православной культуры «БлагоВест» как важное культурное событие, способствующее сохранению духовных и исторических традиций региона. Анализируются основные направления и формы проведения фестиваля, его роль в укреплении православных ценностей и формировании позитивного имиджа города на современном этапе. Научная новизна исследования заключается в том, что описанные формы массовых праздников, способствующих решению актуальных социокультурных вопросов, могут быть использованы в организации фестивалей в любом городе нашей страны. Особое внимание уделяется взаимодействию различных общественных и культурных институтов в организации мероприятия, а также влиянию фестиваля на развитие культурного туризма и повышение социальной сплочённости местного сообщества. Фестиваль «БлагоВест» способствует сохранению традиции народного творчества и привлечению молодежи к активному участию в организации культурных и развлекательных мероприятий, становится основой для массовых праздников в районе, способствуя культурному обмену и укреплению местного сообщества. Материал может быть полезен исследователям культуры, социологам и специалистам в области регионального развития.

Ключевые слова: фестиваль, массовые праздники, традиционные ценности, «БлагоВест», Благовещенск, Республика Башкортостан, имидж города.

Фестивали представляют собой важную форму творческой деятельности, способную привлечь большое число участников и зрителей. Они способствуют утверждению в современном обществе ценностей, таких как красота, добро, творчество и здоровая конкуренция. Фестивальное движение играет ключевую роль в интеграции новых форм, жанров и видов искусства в общий культурный контекст. Это замечательная возможность для талантливой молодежи продемонстрировать свои достижения и идеи. Подобные мероприятия могут быть направлены на решение актуальных социокультурных вопросов, предоставив платформу для обсуждения и поиска ответов на важные темы.

Сегодня наблюдается тенденция к снижению художественно-эстетических и воспитательных аспектов фестивалей. В настоящее время на первый план выходит коммерческая сторона, ориентированная на прибыль. В таких условиях возникает необходимость в постоянной целенаправленной работе над формированием концепции фестиваля, что открывает новые социальные и культурные возможности для развития культурной среды современного города.

Актуальность исследования объясняется тем, что фестивали представляют одну из популярных форм социально-культурной активности, а также являются актуальным способом организации массовых культурных событий. Следует отметить, что в каждом городе со временем формируется уникальное культурное пространство. Организация и проведение фестивалей в городе Благовещенск создаёт благоприятные условия для реализации социокультурного потенциала города и значительно повышает привлекательность Республики Башкортостан как важной туристической локации.

Степень научной разработанности. Вопросы, связанные с организацией и проведением массовых праздников, в целом, и фестивалей, в частности, рассмотрены благодаря обращению к работам Д.М. Генкина [2], И.Г. Шароева [7], Д.С. Саранцевой [4], А.И. Чечетина [6], И.М. Туманова [5], С.Н. Иконниковой [3].

В нашей стране в 2016 г. принята Стратегия государственной культурной политики до 2030 года. В этом документе она признана национальным приоритетом и важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, способствующим сохранению единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации.

В Республике Башкортостан важную работу в сфере культурного развития выполняет Республиканский центр народного творчества (РЦНТ РБ). Центр активно занимается организацией досуга для населения и продвижением народного художественного творчества, а также сохранением и развитием культурного наследия народов республики. Традиционная народная культура, как основа идентичности любого народа, становится особенно значимой в условиях глобализации, помогая противостоять смешению культур и сохраняя уникальность общества. «Чтобы вовлечь людей в социально-культурную деятельность, надо не только знать и понимать их совре-

менные культурные запросы, но и уметь быстро реагировать на них, успеть предложить новые формы и виды занятий, способные вызвать интерес и творческую активность. Поэтому совершенствование деятельности учреждений культуры сегодня является актуальной проблемой» [1, с. 113].

РЦНТ РБ реализует множество проектов, направленных на популяризацию культур башкирского, русского, татарского, марийского, удмуртского, мордовского, украинского и других народов. Большая часть из них являются традиционными и проводятся на протяжении многих лет и интерес участников и зрителей к ним только возрастает. РЦНТ РБ решает задачи развития и укрепления межрегиональных и международных отношений.

Культурная политика Благовещенского района определяется общей стратегией культурного развития России и Республики Башкортостан, главная цель которой – сохранение традиций народного художественного творчества. С этой целью на территории района проводятся фестивали, смотры, конкурсы, в рамках которых возможно проведение конференций, посвященных проблемам сохранения развития народного творчества. Специалисты культурно-досуговых учреждений Благовещенского района накопили определенный опыт организации подобных мероприятий, который транслируется на официальных сайтах учреждений и страницах в социальных сетях. Они являются частыми участниками и республиканских, а также всероссийских фестивалей и конкурсов, что позволяет держать на должном уровне исполнительское мастерство и творческую инициативу.

В районе утверждена и реализуется Муниципальная программа «Развитие культуры и искусства в муниципальном районе Благовещенский район Республики Башкортостан на 2021–2024 годы». На территории района работают местные отделения Всемирного Кулутая башкир Республики Башкортостан, Собора русских Башкортостана, Региональной национально-культурной автономии татар Республики Башкортостан, Республиканского историко-культурного марийского центра, районный научно-методический центр «Шежере-родословная».

В целях сохранения и развития традиционной татарской, башкирской, русской и марийской культур, поддержки и развития самостоятельного народного творчества, народных промыслов и ремесел, улучшения культурно-досугового обслуживания населения по инициативе МБУ РКМЦ в 2013 г. на базе сельских Домов культуры были созданы Центры национальных культур.

В 2024 году проведено 286 мероприятий по сохранению национальных традиций и обычаев с участием более 9 тысяч человек – фестивали, праздники национальных культур, конкурсы по развитию народного творчества, выставки народных умельцев. Всего учреждениями культуры в 2024 году проведено 4951 культурно-массовое мероприятие.

Брендовым мероприятием выступил Республиканский Фестиваль «Благовест», вошедший в план Республиканских мероприятий РЦНТ, в котором приняли участие 3000 человек. Фестиваль организован в рамках празднования православного праздника – Благовещение Пресвятой Богородицы.

Вот уже четвертый год подряд 7 апреля в Благовещенске РБ отмечается праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. В этот день проводится уникальное событие – Республиканский фестиваль «БлагоВест», который объединяет несколько мини-фестивалей. Это позволяет не только привлечь внимание к намечаемым традициям, но и укрепить связь жителей с их историческим наследием и культурными корнями.

Первый этап был организован на территории Храма Благовещения Пресвятой Богородицы и начался с Богослужения и Крестного хода. В открытии праздника приняли участие воспитанники Образцовой театральной студии «Отражение» МБУ ЦРК и ребята из Воскресной школы Храма. Кульминацией «Пролога» стал запуск голубей в небо. Молодые ребята в театрализованном представлении раскрыли библейский сюжет праздника. Белый голубь с оливковой ветвью в клюве является символом мира, свободы, благополучия, символом праздника – Благовещение Пресвятой Богородицы. Именно такой голубь изображен на гербе Благовещенского района. Это его истоки. В продолжение этой красивой темы на площади был организован Фестиваль голубей «Крылья Благодати», в которой приняли участие голубеводы города Благовещенск и Иглино.

Всем участникам праздника была дарована великолепная возможность насладиться колокольным звоном талантливых звонарей-благовещенцев, уфимцев и звонарей из города Белорецка. Гости фестиваля с большим интересом принимали участие в мастер – классах «Постигая колокольное искусство».

Участники праздника получили прекрасную возможность определить лучшие пироги и получить их рецепт на Фестивале «Пироги по-благовещенски», это обновление и сохранение кулинарной истории района. Самые увлеченные знатоки местной кухни были удивлены изобилием начинок традиционной выпечки. На выставке самоваров «Традиции русского чаепития» участникам фестиваля представили старинные самовары секреты заваривания русских травяных чаев.

На Республиканском фестивале «БлагоВест» большой интерес вызвали ремесленные ряды умельцев города Благовещенска, Уфы, Бирска, где были представлены авторские изделия прикладного искусства, мастер-классы по созданию восковых свечей, росписи имбирных пряников, по изготовлению броши «Пуховница».

В программу Фестиваля вошли экскурсии по Храму Благовещения Пресвятой Богородицы «Основы православной культуры» и в Успенский Свято-Георгиевский мужской монастырь, способствующие духовному обогащению и раскрывающие глубокий смысл православного праздника.

Второй этап Фестиваля был организован в Центре развития культуры. Программа была насыщенной, план мероприятий был разнообразным: выставка икон «Библейские эскизы», пуховых платков «Ажурные сокровища Благовещенска», работ ценителей и знатоков декоративно-прикладного искусства «Благая нить традиций».

Последним аккордом фестиваля стал большой концерт классической и духовной музыки, были представлены местные самодеятельные коллективы и профессионалы. «БлагоВест» посетили гости из Бирского, Уфимского, Мишкинского и Стерлитамакского районов и отметили прекрасную организацию фестиваля.

Фестиваль «БлагоВест» постепенно становится символом города Благовещенска, при этом обогащая его культурное пространство и отражая глубокую историю региона, включая православие, традиции гостеприимства, секреты ремесел и духовность. С каждым годом фестиваль становится все более увлекательным и насыщенным, привлекая все больше гостей и ярко выделяя город на культурной карте республики Башкортостан.

В современном мире фестиваль стал одним из самых эффективных способов сохранить и обогатить культурную жизнь определенной местности. Он выступает проводником новых идей и ценностей, способствует формированию сообществ и групп по интересам, помо-

гает людям найти своё место в культурной среде и глубже понять её.

Организация фестивалей стала популярна в бывших индустриальных городах, в которых градообразующие предприятия – заводы – оказались закрыты вследствие сокращения производственной деятельности. Одним из решений данной проблемы в ряде городов стала их «переориентация» на интенсификацию культурной жизни, создание фестивалей, опирающихся на местную историко-культурную специфику, связанные с городом знаменитые личности, ключевые исторические события, городские мифы и легенды. Таким же путем пошел и город Благовещенск Республики Башкортостан – небольшой город с историей в 269 лет, градообразующим предприятием которого стал ныне действующий Благовещенский арматурный завод.

Значимой задачей при организации фестивалей становится создание имиджа города как интересного места, привлекательного для жителей, туристов и инвестиций, «источающего аромат новизны». Именно так на территории Благовещенского района родился Фестиваль православной культуры «БлагоВест».

В 2023 году фестиваль «БлагоВест» получил статус Республиканского, тем самым обогатив культурный облик города Благовещенска, занимающего свое достойное место среди городов Республики Башкортостан, привлекающего гостей из других регионов и развивающегося как самобытное пространство, предназначенное для творческой и общественной реализации его жителей.

Фестиваль «БлагоВест» становится важной частью бренда Благовещенска, наполняя его новым культурным смыслом, отражая при этом богатую историю и собственные данной территории традиции – православие, культуру гостеприимства, секреты ремесел и духовность.

Литература

1. Абдуллина А.Ш., Лысова О.В., Иванова С.В. Особенности организации культурно-досуговой деятельности по сохранению и развитию народной традиционной культуры // Социальная работа в России: проблемы и их решения. Коллективная монография под редакцией А.Ю. Нагорновой. – Ульяновск, 2024. С. 108–117.
2. Генкин Д.М. Массовые праздники. – М.: Просвещение, 1975. 140 с.
3. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – М.: Питер, 2005. 473 с.
4. Саранцева Д.С. Виды фестивалей и их продвижение // Проблемы массовой коммуникации – новые подходы, 27–28 сентября 2016 г.: материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, факультет журналистики, 2016. С. 168–169.
5. Туманов И.М. Режиссура массового праздника и театрализованного концерта. – М.: Просвещение, 1976. 88 с.
6. Чечетин А.И. История массовых народных праздников и представлений. – М.: МГИК, 1976. 117 с.
7. Шароев И.Г. Режиссура эстрады и массовых представлений: учебник. – М.: ГИТИС, 2014. 339 с.

REPUBLICAN FESTIVAL OF ORTHODOX CULTURE “BLAGOVEST”: PRESERVING TRADITIONS, FORMING A NEW IMAGE OF THE CITY

Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Larionova Yu.P.

Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology

The article examines the Republican Festival of Orthodox Culture “BlagoVest” as an important cultural event that contributes to the preservation of the spiritual and historical traditions of the region. The main directions and forms of the festival, its role in strengthening Orthodox values and forming a positive image of the city at the present stage are analyzed. The scientific novelty of the study lies in the fact that the described forms of mass holidays that contribute to the solution of current socio-cultural issues can be used in organizing festivals in any city of our country. Particular attention is paid to the interaction of various public and cultural institutions in organizing the event, as well as the influence of the festival on the development of cultural tourism and increasing the social cohesion of the local community. The BlagoVest festival helps preserve the tradition of folk art and attract young people to active participation in organizing cultural and entertainment events, becomes the basis for mass celebrations in the region, promoting cultural exchange and strengthening the local community. The material may be useful to cultural researchers, sociologists and specialists in the field of regional development.

Keywords: festival, mass celebrations, traditional values, “BlagoVest”, Blagoveshchensk, Republic of Bashkortostan, city image.

References

1. Abdullina A.Sh., Lysova O.V., Ivanova S.V. Features of the organization of cultural and leisure activities to preserve and develop traditional folk culture // Social work in Russia: problems and their solutions. Collective monograph edited by A.Yu. – Ulyanovsk, 2024. Pp. 108–117.
2. Genkin D.M. Mass holidays. – M.: Education, 1975. 140 p.
3. Ikonnikova S.N. History of cultural theories. – M.: Piter, 2005. 473 p.
4. Sarantseva D.S. Types of festivals and their promotion // Problems of mass communication – new approaches, September 27–28, 2016: materials of the All-Russian scientific and practical conference of graduate and undergraduate students. – Voronezh: VSU Publishing House, Faculty of Journalism, 2016. P. 168–169.
5. Tumanov I.M. Directing a Mass Festival and Theatrical Concert. – M.: Education, 1976. 88 p.
6. Chechetin A.I. History of Mass Folk Festivals and Performances. – M.: MGIK, 1976. 117 p.
7. Sharoev I.G. Directing Variety Shows and Mass Performances: Textbook. – M.: GITIS, 2014. 339 p.

Анализ причины трагической любви в произведении И.С. Тургенева «вешние воды»

Ван Цзин,

магистр, Тяньцзиньский университет иностранных языков

E-mail: 3076625371@qq.com

В статье проводится комплексный анализ причин трагической любви в повести И.С. Тургенева «Вешние воды». Исследование раскрывает многофакторную природу трагедии, обусловленную слабостью и нерешительностью главного героя Дмитрия Санина как типичного «лишнего человека», разрушительным влиянием Марии Полозовой, мещанским эгоизмом матери Джеммы, а также социально-историческим контекстом эпохи. Особое внимание уделяется автобиографическим мотивам, связывающим личный опыт Тургенева с художественным воплощением темы любви. Литературная ценность произведения рассматривается через призму мастерского изображения характеров, конфликта идеала и реальности, а также философского осмысления любви как силы одновременно возвышающей и роковой. Результаты исследования вносят вклад в изучение тургеневской прозы, предлагая целостный анализ трагического финала, выходящий за рамки традиционных интерпретаций.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Вешние воды», трагическая любовь, автобиографический подтекст, русская литература XIX века.

Введение

Актуальность исследования трагической любви в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871) обусловлена необходимостью комплексного анализа причин краха отношений Дмитрия Санина и Джеммы, выходящего за рамки простого сюжетного конфликта. Несмотря на значительный корпус исследований тургеневской прозы, причины трагедии в «Вешних водах» часто рассматриваются фрагментарно либо через призму социального типажа «лишнего человека», либо сквозь линзу автобиографичности.

Целью данной статьи является многофакторный анализ истоков трагического финала любви главных героев, интегрирующий ключевые аспекты: 1) Глубинную характеристику Санина как классического «лишнего человека» эпохи (его слабость, нерешительность, оторванность от действия), предопределяющую роковые ошибки. 2) Критическое переосмысление роли вмешательства матери Джеммы, чей мещанский эгоизм и культ материального, хотя и создают давление, не являются первопричиной катастрофы. 3) Исследование разрушительного влияния фигуры Марии Полозовой, чье активное соблазнение и манипуляции эксплуатируют слабость Санина, становясь непосредственным катализатором измены. 4) Учет автобиографического контекста (личные трагические любовные опыты Тургенева) и исторических реалий николаевской России, формировавших мироощущение писателя и его героев.

Научная новизна работы заключается в синтезе этих факторов, демонстрирующем, что трагедия происходит не из единой причины, а из фатального сочетания слабости героя, разрушительного внешнего воздействия и социально-бытовых обстоятельств, на фоне глубоко личного для автора осмысления любви как силы одновременно возвышающей и роковой. Исследование опирается на текстологический анализ повести, работы классиков критики и современные литературоведческие исследования.

Автор и произведение

«Вешние воды» – одна из повестей И.С. Тургенева. Хотя объем произведения не отличается от остальных романов писателя, он все же считал ее повестью. По сравнению с другими любовными произведениями Тургенева, такими как «Первая любовь», «Ася» и другие, «Вешние воды» менее известны внутри страны, но вызвали огромный ажиотаж в зарубежных читательских кругах. В книге продемонстрирована непреодолимая сила любви, а само заглавие и эпиграф, взятые из старинного романса, говорят о чем-то безвозвратно утраченном[1]. В жизненном опыте главного героя Санина есть много сходств с его автором, и некоторые аспекты его характера, такие как искренность, любовь, слабость, нерешительность и т.д., очень похожи на Тургенева. Но еще более важно то, что в этой работе содержится множество эмоциональных переживаний самого автора.

Повесть была написана в 1871 году, и за ним стоит малоизвестная реальная история, которая произошла в мае 1840 года – Тургенев на обратном пути из Италии

и Швейцарии в Берлин прибыл во Франкфурт, немецкий город. Там он случайно зашёл в кондитерскую, чтобы выпить лимонад[2]. Дочь хозяина магазина просила его помочь спасти брата, который внезапно потерял сознание. Он скоро полюбил ту девушку с необыкновенной красотой, но из-за поспешного ухода, эта любовь так и не закончилась.

Эта история, которая навсегда запомнилась Тургеневу, стала его черновиком для работы над «Вешними водами» 30 лет спустя. Сюжет первой части повести почти идентичен тому, что он пережил, но это не его автобиографическая повесть, потому что он просто использует этот опыт как начало повести, а последующую часть он представлял себе.

Путешествуя по Европе, русский дворянин Дмитрий Санин останавливается во Франкфурте и мгновенно проникается симпатией к очаровательной Джемме. К сожалению, она уже помолвлена с господином Клубером. Во время одной из совместных прогулок пьяный офицер фон Донгоф оскорбляет Джемму и вырывает у нее розу. Клубер трусливо не заступает за невесту, тогда Санин вызывает обидчика на дуэль. На следующий день Джемма дарит Дмитрию ту самую розу, и он понимает, что влюблен. На дуэли Донгоф стреляет мимо, признавая свою вину. После этого мать Джеммы просит Санина отговорить дочь от разрыва с Клубером, но при встрече влюбленные признаются друг другу в чувствах, и Санин делает предложение. Чтобы финансировать свадьбу, богатый Дмитрий решает продать свое российское имение. По совету старого одноклассника он обращается к его богатой жене, Марии Полозовой. Та заставляет его ждать решения три дня и в итоге соблазняет[3]. Осознав измену, Санин признается Джемме, но не получает ответа. Он становится рабом Полозовой, пока она не бросает его. Лишь тогда он понимает, что не любил ее. Спустя тридцать лет Санин получает от Джеммы письмо: она счастлива в браке, растит пятерых детей и благодарна ему за помощь в разрыве с Клубером.

Трагические причины любви в «Вешних водах»

Как главный герой повести, Санин, несомненно, прекрасно выглядит. Так написано в повести «Он был очень и очень недурен собою. Статный, стройный рост, приятные, немного расплывчатые черты, ласковые голубоватые глазки, золотистые волосы, белизна и румянец кожи а главное: то простодушно-веселое, доверчивое, открытое, на первых порах несколько глуповатое выражение, по которому в прежние времена тотчас можно было признать детей степенных дворянских семей, «отецких» сыновей, хороших баричей, родившихся и утучненных в наших привольных полустепных краях; походочка с запинкой, голос с пришепеткой, улыбка, как у ребенка, чуть только взглянешь на него... наконец, свежесть, здоровье и мягкость, мягкость, мягкость, вот вам весь Санин. » [4]. Кроме того, он изо всех сил старался спасти брата Джеммы, а также порицал немецких офицеров, когда она была оскорблена ими, решительным образом выбрав опасную дуэль ставкой своей жизни, чтобы сохранить достоинство любимой девушки. Вскоре Джемма влюбилась в такого красивого и храброго мужчину и разорвала помолвку со своим женихом.

Но Санин был слишком слаб, и он был ещё одним образом персонажи, созданным Тургеневым, приближающимся к образу «лишний человек». Всем известно, что «лишний человек» был классическим примером в 19 веке аристократической интеллигенции, описанной в русской литературе. Их отличительной чертой являлся аристократизм, живущая в обильных условиях, хоро-

шо образованная культура. Несмотря на благородные идеалы, они были далеко от народа. Несмотря на неудовлетворенную реальность, им не хватает действий, так что они только тратят свой талант попусту[5]. Они принадлежали к знатым интеллектуалам, но не были удовлетворены в своих приличных обществах, которые не могут выйти за пределы этого круга жизни и соединиться с народом. Таким образом, они становятся «ненужными» в глазах других.

О характере Санина автор пишет, что Санин был и глуповат, и в то же время обладал некоторыми знаниями о жизни. Несмотря на заграничную поездку, он сохранил в себе детскую радость жизни, тяжёлые мысли не занимали его ум. В начале книги он представляется нам как благородный, честный человек ведь он вызвал на дуэль обидчика Джеммы, но после измены невесте мы можем сказать о его безвольности и безнравственности. «А там житье в Париже и все унижения, все гадкие муки раба, которому не позволено ни ревновать, ни жаловаться и которого бросают наконец, как изношенную одежду... Потом возвращение на родину, отравленная, опустошенная жизнь, мелкая возня, мелкие хлопоты, раскаяние горькое и бесплодное и столь же бесплодное и горькое забвение наказание не явное, но ежеминутное и постоянное, как незначительная, но неизлечимая боль, уплата по копейке долга, которого и сосчитать нельзя[6]. Чаша переполнилась довольно! ». Из-за своих недостатков характера, он не мог противостоять искушению и предал Джемму, но был отвергнут Марией, и его поздняя жизнь была неблагоприятной. Вокруг Марии всё ещё много мужчин, а Джемма уже замужем за кем-то другим.

Джемма искренняя, добрая девушка, мечтавшая о любви. Она смела и решительна: осознав ошибку, без колебаний разорвала помолвку с эгоистичным Клубером. Даже после измены Санина она сохранила благородство, позже поблагодарив его за спасение от брака с нелюбимым. Как отмечал Чернышевский, её судьба вызывает сочувствие, а «предательство» Санина в итоге спасло её. Союз с Санниным принёс бы Джемме несчастье её истинное счастье оказалось с другим. Трагический финал их истории закономерен.

В повести есть такие описания: «Моя дочь, Джемма, – вырвалось почти со стоном у фрау Леноре из-под смоченного слезами платка, бъявила мне сегодня, что не хочет выйти замуж за г-на Клубера и что я должна отказать ему! » «Вы обещаетесь? Вы не хотите, чтобы я тут же, сейчас, умерла перед вами? ». Эти все слова матери Джеммы сказала Санину. Мать Джеммы не хочет, чтобы влюблённые поженились, потому что у Санина маленькое состояние. К нему относятся с пренебрежением. Клубер не обращает на него внимания, игнорирует[7]. А когда видит вместе с Джеммой, презрительно произносит: «Обычный конец песенки!».

Из вышеприведенного диалога ярко проступает образ матери Джеммы – она эгоистична, недалёковидна и пропитана мещанством. Ее вмешательство, как туча, окутывает любовь Санина и Джеммы, предвещая, что им вряд ли суждено обрести счастье.

Мать Джеммы проявляет крайний эгоизм, ставя материальные интересы семьи выше счастья дочери. Когда Джемма отказывается от брака с Клубером, мать игнорирует её чувства, беспокоясь лишь о финансовой стабильности: «Мы не проживём на доходы лавки!» Для неё брак лишь сделка, обеспечивающая благополучие семьи. Она полностью пренебрегает эмоциональными потребностями дочери как личности, толкая её в пучину страданий. Её мышление поразительно недалёковидно: видя лишь богатство Клубера, она не замечает его вы-

сокомерия и полной несовместимости с Джеммой. Она слепо верит, что деньги решат всё, не понимая, что брак без любви станет для дочери золотой клеткой. Искренние чувства Санина и его достоинства для неё не существуют лишь его бедность вызывает у неё презрение, лишая Джемму права на собственный выбор.

Философия матери пропитана мещанством. Её по-добострастие к Клуберу (перед которым она робка и оправдывает даже его грубость) и пренебрежение к Санину создают отвратительный контраст. Она оценивает людей исключительно по богатству и статусу, отвергая подлинность чувств и душевные качества. Такое вмешательство обрекает любовь Джеммы и Санина на тяжкие испытания. Постоянное давление и попытки принудить к браку с Клубером заставляют Джемму разрываться между любовью и семьёй, а Санина чувствовать бессилие[8]. Даже преодолев препятствия, пара не обрела бы счастья: мать, как бомба замедленного действия, продолжала бы разрушать их жизнь своим контролем, эгоистичным расчётом и мещанским мировоззрением, наполняя брак бесконечными конфликтами.

В конечном счёте, Клубер богаче, а г-жа Ленора желает лучшей жизни своей дочери, она не согласна с Саниним. Но именно потому, что она хотела, чтобы её дочь была счастлива, и после того, как она узнала, что и санин не был бедным, она согласилась, чтобы он был с дочерью. Поэтому вмешательство матери Джеммы не было главной причиной трагической любви к «вешним водам».

Чтобы получить достаточно денег, вопрос, жизненный, роковой вопрос: каким образом он продаст свое имение как можно скорее и как можно выгоднее. В этот момент он встретил своего старого одноклассника это Ипполит Полозов. В повести Санин думал: Но если жена его очень богата – сказывают, она дочь какого-то откупщика, то не купит ли она мое имение? ». Эти слова говорят о том, что жена старого одноклассника Санина очень богата.

Мария и Санин оказали разрушительное влияние на любовь между Джеммой и Саниним, что в конечном итоге привело к трагическому исходу. Мария, обладая привлекательной внешностью и уникальным шармом, активно вмешалась в жизнь Санина и начала его преследовать. Она часто появлялась в его жизни, привлекая его внимание различными способами, тем самым нарушив относительно стабильное эмоциональное состояние между Джеммой и Саниним. Санин начал колебаться между Джеммой и Марией, что заложило опасный фундамент для кризиса в их отношениях. Неоднократные интимные взаимодействия Марии и Санина были замечены Джеммой, что серьезно подорвало доверие Джеммы к Санину. Доверие является основой любви, и как только оно рухнуло, отношения оказались под угрозой. Джемма начала сомневаться в чувствах Санина к себе, испытывая боль и беспокойство, которые постепенно разрушали их чувства. Присутствие Марии привело к обострению конфликтов между Джеммой и Саниним. Джемма не могла принять интимные отношения Санина с Марией, а Санин, под влиянием обаяния Марии, не мог решительно отказаться от нее, что привело к все более частым ссорам и конфликтам между ними. Каждый конфликт был как острый нож, режущий их сердца и еще больше ослабляя эмоциональную связь между ними. Сам Санин проявил недостаточную решимость и волю, поколебался в своих чувствах. Он не смог сохранить свои обещания любви к Джемме и легко впал в вихрь чувств Марии. Такая нерешительность Санина разочаровала и огорчила Джемму, и их чувства постепенно потеряли свою теплоту и направление. Когда Санин осоз-

нал свою измену Джемме, он не предпринял своевременных действий, чтобы вернуть ее сердце. Напротив, он колебался между Марией и Джеммой, проявляя нерешительность, и упустил лучший момент для примирения. Со временем чувства Джеммы к Санину остыли, в результате чего их любовь стала невозможной спасти. Измена Санина нанесла Джемме огромную боль, разрушив не только ее эмоциональную связь с Саниним, но и подорвав ее духовную опору. Джемма потеряла доверие и зависимость от Санина, а ее прекрасные мечты о любви рухнули. Поступки Санина разрушили основу любви между ними и Джеммой, в конечном итоге приведя к трагическому концу их отношений.

Трагическая причина любовной повести «вешние воды» заключается в том, что мы не можем просто остановиться на работе для обсуждения, а должны обсуждать её из его реальной жизни. Тургенев был очень впечатлён неудачным браком своих родителей в раннем возрасте. В памяти отца всегда было холодное лицо, грустные глаза. Он редко спрашивал о семье и смеялся, как посторонний человек. Тургенев, который когда-то был в растерянности, постепенно понял, что все это произошло из-за трагедии брака отца и матери. Отец Тургенева родился в разорившаяся аристократической семье, и однажды, чтобы купить лошадь, он познакомился с матерью Тургенева. Ей тогда было тридцать лет, а ему двадцать четыре лет. Она была низкой, толстой, ужасно уродливой и свирепой, а он был высоким и красивым. Но дедушка попросил отца сделать ей предложение. Почему? Потому что он был нищим, а она была богатой помещицей. Потом они поженились. И она построила дома порядок жизни, который был полностью сосредоточен на ней. Она хочет, чтобы люди, окружающие ее, были абсолютно покорны и не потерпели ни капли независимости. Эта нелиберальная, неравная жизнь сделала его несчастным. Отец рассказал Тургеневу о трагедии своего брака в качестве жизненного урока, так что для Тургенева брак это не счастье, а могила.

В 24 года Тургенев влюбился в служанку Авдотью. Узнав об этом, его мать в гневе выслала беременную женщину из Спасского. Родившуюся весной дочь сразу забрали у матери и отправили к бабушке. В пять лет девочку передали на воспитание Полине Виардо. В 1865 году 23-летняя дочь Тургенева вышла замуж, и писатель, сам не знавший семейного счастья, искренне верил в её будущее. Однако муж растратил приданое, брак распался. Жена, забрав детей, бежала в Швейцарию. Больной Тургенев до конца жизни поддерживал дочь материально, так и не увидев её снова. Жизнь жестоко обманула его отцовские надежды.

Тургенев пережил три трагических романа. В 1841 году, вернувшись в Россию, он страстно влюбился в гувернантку Авдотью, но мать немедленно выслала девушку, прервав его первую любовь. Зимой того же года сестра его друга Бакунина, Татьяна, восхищённая его манерами, за шесть дней призналась ему в чувствах. Однако Тургенев видел в ней лишь «совершенную богиню» и отверг её. Осенью 1843 года судьбоносной стала встреча с замужней певицей Полиной Виардо. Он посвятил ей всю жизнь безответной преданности, и эта изначально обречённая страсть стала самой мучительной. Этот горький любовный опыт, пронизанный тоской и сожалением, глубоко повлиял на его творчество, оставив неизгладимый след в произведениях.

Творивший в эпоху жестокой николаевской реакции (после разгрома декабристов), Тургенев столкнулся с реалиями полицейского государства: свирепствовали тайная полиция и цензура, подавлялось любое вольнодумство, контролировались все сферы жизни.

Изображая трагическую судьбу и жертвенную любовь своих «лишних людей», писатель выражал протест против социальной системы, обрекавшей людей на несчастье. Н.Г. Чернышевский видел корень этих литературных трагедий в страхе самого Тургенева перед «тёмным правлением» действительности, слабости его мировоззрения и ощущении невозможности реальных действий. Критик считал, что писатель, хоть и сочувствовал идее перемен, не мог принять радикального переустройства общества, а его собственная душевная надломленность мешала найти иной выход, кроме трагического финала что и стало сутью глубокой критики Чернышевским тургеневских любовных сюжетов.

Литературная ценность «вешних вод» и его влияние

Роман назван «Вешние воды», ибо первая любовь Санина подобна весеннему половодью: она стремительна, невозвратима и символизирует юность, пробуждение чувств. Как талые воды ежегодно обновляются, так и любовь уходит безвозвратно. Главная ценность произведения создание образа «лишнего человека» в лице Санина. Эти герои, просвещённые демократическими идеями, стремятся к истине и свободе, но отчуждены от реальности и парализованы неспособностью к действию. Чернышевский видел в них слабую аристократию, уступающую место деятельным разночинцам. Роман, отражая этот исторический феномен, обретает глубокую социальную значимость.

Особое внимание уделено образу Джеммы. Её доброта и душевная красота ставят её в один ряд с «тургеневскими девушками» идеалами женственности: чистыми, сдержанными, внутренне сильными, готовыми к самопожертвованию. Хотя её итальянское происхождение выделяет её, она воплощает лучшие черты этих героинь. Тургенев мастерски раскрывает характеры через призму любви: цельная Джемма контрастирует с инфантильным Саниным и противоречивой Полозовой, чья красота сочетается с пороком. Галерея ярких, исторически точных типажей придает роману особую глубину.

Наконец, роман выражает ключевые взгляды Тургенева на любовь. Писатель верил, что лишь истинное чувство приносит счастье, и потому осуждал браки по расчету (Джемма и Клубер) или слепой страсти. В финале страсть изображена как роковая, разрушительная сила. Трагизм героя проистекает из конфликта между жадой личного счастья, властью желаний и нравственным долгом. Это делает роман важным для понимания философии любви в творчестве Тургенева.

Заключение

Проведенное исследование трагической любви в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» позволило выявить комплекс причин, обусловивших крах отношений Дмитрия Санина и Джеммы. Трагедия героев предстает как результат взаимодействия внутренних и внешних факторов: слабости и нерешительности Санина как типичного «лишнего человека», разрушительного влияния Марии Полозовой, мещанского эгоизма матери Джеммы, а также социально-исторического контекста эпохи. Автобиографический подтекст, связанный с личными переживаниями Тургенева, придает произведению особую глубину, отражая его философское осмысление любви как силы одновременно возвышающей и роковой. Литературная ценность повести заключается в мастерском изображении характеров, где цельная и благородная Джемма

контрастирует с инфантильным Саниным, а также в раскрытии конфликта между идеалом и реальностью. Трагический финал истории любви подчеркивает не только личные слабости героев, но и социальные противоречия времени, что делает «Вешние воды» значимым произведением для понимания творчества Тургенева и русской литературы XIX века в целом. Результаты исследования вносят вклад в изучение тургеневской прозы, предлагая целостный анализ причин трагедии, выходящий за рамки традиционных интерпретаций.

Литература

1. Осипова З.Ю. Мотивы трагической любви в повестях И.С. Тургенева «Ася» и «Вешние воды» // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2021. № 13. С. 63–68.
2. Чэнь Цзылинь. Трагедия слабых: с небес в ад – краткий анализ образов мужчин и женщин в «Весеннем приливе» // Литература Аньхой. 2010. № 5. С. 19–20.
3. Ли Мяо. Трагическая жизнь и бесплодная любовь: новое исследование темы любви в романах Тургенева // Лесное обучение. 2014. № 5. С. 32–34.
4. Ло Лин. Трагические характеристики любовных романов Тургенева // Журнал Уханьского университета. 1983. № 2. С. 80–84.
5. Ван Пань. Интерпретация женского образа в «Весеннем приливе» с феминистской точки зрения // Журнал Муданьцзянского университета. 2015. Т. 24. № 12. С. 85–87.
6. Ван Цюпин. О Тургеневе и его романе «Весенний прилив» // Журнал Университета Внутренней Монголии по национальностям. 2010. Т. 16. № 3. С. 27–28.
7. Вань Синьцун, Ван Цзиньцун. О взгляде Тургенева на любовь // Журнал Педагогического колледжа Шаян. 2003. № 4. С. 40–43.
8. Сюй Цунцун. Взгляд на природу любви в произведениях Тургенева из любовной трагедии «Аша» // Журнал культурологических исследований. 2019. № 7. С. 116–117.

ANALYSIS OF THE CAUSE OF TRAGIC LOVE IN THE WORK OF I.S. TURGENEV «SPRING WATERS»

Wang Jing

Tianjin Foreign Studies University

The article provides a comprehensive analysis of the causes of tragic love in the story "Spring Waters" by I.S. Turgenev. The study reveals the multifactorial nature of the tragedy, caused by the weakness and indecisiveness of the protagonist Dmitry Sanin as a typical "superfluous man", the destructive influence of Maria Polozova, the bourgeois egoism of Gemma's mother, as well as the socio-historical context of the era. Particular attention is paid to autobiographical motifs that link Turgenev's personal experience with the artistic embodiment of the theme of love. The literary value of the work is considered through the prism of the masterful depiction of characters, the conflict between the ideal and reality, as well as the philosophical understanding of love as a force that is simultaneously uplifting and fatal. The results of the study contribute to the study of Turgenev's prose, offering a holistic analysis of the tragic ending that goes beyond traditional interpretations.

Keywords: I.S. Turgenev, "Spring Waters", tragic love, autobiographical subtext, Russian literature of the 19th century.

References

1. Osipova Z. Yu. Motifs of tragic love in the stories of I.S. Turgenev "Asya" and "Spring Tides" // Collections of conferences of the Research Center Sociosphere. 2021. No. 13. Pp. 63–68.

2. Chen Zilin. Tragedy of the weak: from heaven to hell – a brief analysis of the images of men and women in “Spring Tide” // Anhui Literature. 2010. No. 5. Pp. 19–20.
3. Li Miao. Tragic life and fruitless love: a new study of the theme of love in Turgenev's novels // Forest training. 2014. No. 5. Pp. 32–34.
4. Luo Ling. Tragic characteristics of Turgenev's love stories // Journal of Wuhan University. 1983. No. 2. P. 80–84.
5. Wang Pan. Interpretation of the female character in “Spring Tide” from a feminist perspective // Journal of Mudanjiang University. 2015. Vol. 24. No. 12. P. 85–87.
6. Wang Qiuping. About Turgenev and his novel “Spring Tide” // Journal of Inner Mongolia University of Nationalities. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 27–28.
7. Wan Xinqiong, Wang Jinqiong. About Turgenev's view of love // Journal of Shayang Teachers College. 2003. No. 4. P. 40–43.
8. Xu Congcong. A look at the nature of love in Turgenev's works from the love tragedy “Asha” // Journal of Cultural Studies. 2019. No. 7. P. 116–117.

Социогуманитарная компетентность инженера XXI века: необходимость интеграции в техническое образование

Гордеева Елена Юрьевна,

старший преподаватель, кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения

Статья посвящена обоснованию интеграции социогуманитарной составляющей в подготовку инженеров XXI века. Актуальность определяется дисбалансом между «hard»-и «soft»-компетенциями выпускников технических вузов и растущими требованиями промышленности к культурологической, этической и коммуникативной грамотности персонала. Новизна заключается в предложении трёхуровневой модели (базовый, проектный, рефлексивный горизонты), синтезирующей российские и зарубежные практики CDIO, STEM/STEAM и Pegasus. В работе описывается диагностическая картина отечественного инженерного образования, исследуются концептуальные основания конвергенции наук, приведены примеры транспрофессиональной подготовки. Цель – разработка инструментария сбалансированного формирования профессиональных и социокультурных компетенций. Для её достижения использованы сравнительный анализ, содержательный синтез, экспертные интервью и метод кейсов. В заключении сформулированы практические рекомендации для вузов, предприятий и методистов. Материал будет полезен руководителям инженерных программ, разработчикам образовательных стандартов, HR-специалистам высокотехнологичных компаний.

Ключевые слова: социогуманитарная компетентность, инженерное образование, транспрофессионализм, CDIO, STEM / STEAM, проектное обучение, междисциплинарность, коммуникация, культурная адаптация, ГУАП.

Введение

Ускоренная цифровизация и рост регуляторного давления делают инженера посредником между технологиями и обществом. Цель исследования – сформировать модель, способную уравновесить техническую и гуманитарную составляющие подготовки.

Для достижения цели решены задачи:

- 1) Зафиксировать современное состояние российской и мировой инженерной школы, выявив дефицит социогуманитарных знаний.
- 2) Сопоставить эффективные практики интеграции гуманитарных дисциплин в технические программы, предложить типологию компетенций.

Новизна исследования – перевод социокультурного блока из факультативной сферы в ядро инженерной программы через сквозные проектные и рефлексивные механизмы.

Материалы и методы

Материалы: И.М. Солодкова [7] анализировала модернизацию российского образования, что позволило установить исходные диспропорции учебных планов. С.Х. Туман [8] обобщил опыт развёртывания междисциплинарного университета, предложив модель синтеза знаний. Н.Г. Багдасарьян [2] сопоставила CDIO и русский метод подготовки, подсветив потенциал проектной парадигмы. Р.Н. Асланова [1] показала приоритеты современной гуманитарной науки, подтвердив социальный запрос на гуманизацию техники. Ю.С. Лыскова [5] описала социально-гуманитарные технологии, пригодные для формирования лидерских навыков инженера. Э.Н. Гаглоева [4] ввела понятие социокультурной компетентности и выделила её структурные элементы. В.П. Шибаев [10] обосновал конвергенцию естественных и гуманитарных знаний как базу интеграции. Э.Ф. Зеер [9] соавторами разработал концепт транспрофессиональных компетенций, использованный при проектировании модели. Р.П. Симоньянц [6] раскрыл барьеры сотрудничества вузов и промышленности, что ориентировало выбор механизмов внедрения. Н.А. Вагапова [3] с коллегами систематизировала soft-skills инженеров, задала индикаторы оценки.

Методы: сравнительный и содержательный анализ источников.

Результаты

Собранные и сопоставленные публикации позволили очертить несколько взаимосвязанных пластов проблемы.

1. Диагностический пласт.

Российская инженерная школа вступила в третье десятилетие XXI века с выраженным дефицитом социогуманитарных знаний; данное наблюдение подтверждается сравнительным анализом потребностей промышленных предприятий и содержания вузовских программ [7].

2. Концептуальный пласт.

Процессы конвергенции в науке создают системные связи между социогуманитарной, естественнонаучной и технической сферами образования [10]. Наиболее

удачное обобщающее понятие для такой междисциплинарной связки – «социогуманитарная компетентность инженера»; под ним в настоящем исследовании понимается совокупность знаний о человекоразмерности техники, навыков межкультурного общения, способности к социальному прогнозу, а также устойчивое ценностное основание инженерной ответственности.

3. Третий пласт связан с глобальными запросами.

В XXI веке проявляются многочисленные взгляды на социально-гуманитарные науки, на их значение и отношение к угрожающим человечеству проблемам [1]. Для инженера эти проблемы выражаются в растущем разрыве между «hard»-компетенциями и «soft»-навыками, это фиксируется международными образовательными аудититами.

4. Российский опыт.

Современные проблемы инженерного образования России связаны с политическими и экономическими потрясениями конца минувшего века [6]; тем не менее, ряд университетов, в том числе ГУАП, удержал фундаментальную подготовку, добавив к ней блоки истории техники, техники делового общения и делиберативной этики. Высшее техническое образование призвано обеспечивать подготовку высококвалифицированных специалистов для производства и в то же время ответственных граждан, способных удовлетворять не только свои личные, но и социальные потребности во всех сферах человеческой деятельности [8]. Такая двуединая установка реализуется через магистерские модули по инженерной психологии, профессиональной риторике и проектной социологии.

5. Зарубежные практики-ориентиры.

В сети «Pegasus» применяются схемы проектно-ориентированного обучения, а в Массачусетском технологическом институте – CDIO-модель, где каждый студент выполняет обязательный социальный анализ создаваемого технического решения [2]. Подготовка специалистов-транспрофессионалов, способных к выполнению широкого спектра социально-профессиональных функций, особенно востребована в динамически изменчивой социально-профессиональной среде, так как такие специалисты умеют находить комплексные и уникальные решения на основе трансдисциплинарного синтеза гуманитарных и естественно-научных знаний и межпрофессиональной коммуникации [9].

6. Методический пласт.

Социально-гуманитарные технологии благодаря воздействию на изменение качественных характеристик личности способствуют развитию человека, главным образом его творческих способностей, вхождению в мир ценностей [5]. При этом, как подчёркивает Е.Н. Гаглоева, достижение целевых показателей возможно лишь при опоре на расширенный пул гуманитарных дисциплин и регулярную экспертизу проектов со стороны социологов и философов [4].

Сводя данные наблюдения, исследование формирует рабочую модель интеграции. Её структура опирается на три горизонта:

- базовый – обязательные курсы по социологии техники, профессиональной этике, межкультурной коммуникации;
- проектный – командные задания, где гуманитарное измерение продукта равноправно инженерному;
- рефлексивный – персональные досье достижений, включающие самооценку влияния разработок на общество.

Суммарно анализ подтверждает: инженер XXI века востребован как специалист, свободно сочетающий

точные расчёты с социокультурным прогнозированием. Без баланса этих компонент технические решения теряют устойчивость в общественной среде; при сохранении равновесия повышается инновационный потенциал отрасли и укрепляется конкурентоспособность национальной экономики.

Обсуждение

Сопоставление полученных данных с международными и отечественными исследованиями показывает смещение инженеринга в плоскость культурно ориентированного проектирования. Гармонизация технических задач с гуманитарной составляющей перестаёт быть факультативной: выход продукции на глобальные рынки, переход к сервитизации и усиление нормативного контроля над экологией обуславливают потребность в специалисте, владеющем социокультурным анализом не хуже, чем аналитикой нагрузок. Прежде подобные навыки относились к разряду «soft» и отрабатывались спонтанно; сейчас они формализованы и переведены в категорию обязательных образовательных результатов, что подтверждают методики CDIO и программы университетской сети «Pegasus».

Российские материалы отражают ту же тенденцию, хотя и вступают с ней во временной резонанс. С одной стороны, фундаментальная математико-физическая подготовка удерживает лидирующие позиции, с другой – предприятия фиксируют избыток «узких» специалистов и дефицит инженеров-коммуникаторов. Получается, что усиление по гуманитаризации инженерного обучения обратно коррелирует с производственными издержками на поздних стадиях жизненного цикла изделия.

Содержательное наполнение понятия «социогуманитарная компетентность» неоднородно и охватывает несколько взаимодополняющих групп умений. Первая группа – прогноз. Инженеру требуется уверенно пользоваться инструментами социологического моделирования и быстроимитировать сценарии общественного восприятия продукта. Вторая – коммуникация. Сюда отнесены навыки переговоров с разноуровневыми стейкхолдерами, публичная аргументация инженерных решений, управление культурными коллизиями в многонациональных командах. Третья – ценностная рефлексия, в которой инженер оценивает последствия собственной деятельности для устойчивого развития, экологии, инклюзивности. Разработчики учебных планов склоняются к модульной структуре: блок фундаментальных дисциплин остаётся неизменным, а каждая из упомянутых групп умений интегрируется через проектные студии, сервис-лернинг и проблемно ориентированные семинары.

Переход к подобной модели высвечивает несколько ограничений. Во-первых, кадровое. Часть инженерно-научного преподавательского корпуса не использует гуманитарные методики в аудитории, а преподаватели гуманитарного профиля подчас не знакомы с инженерным циклом. Решение находится в сетевых формах ко-преподавания и стажировках, где учёные-технологии погружаются в методы социологии науки, а философы – в лабораторную практику. Во-вторых, организационное. Регламенты ФГОС прежней версии не обеспечивали интегрированной экспертизы дисциплин, что приводило к фрагментации знаний. Актуализированные документы позволяют использовать междисциплинарные треки, но требуют актуальных методик оценки результатов: привычные тесты не отражают способность выпускника рассчитать социальную устойчивость техносистемы. В-третьих, методологическое. При всей востребованности ценностной рефлексии инженерных решений инстру-

мент оценки таких компетенций пока остаётся дискуссионным; экспериментальные шкалы, апробированные в ГУАП, нуждаются в расширенной валидации.

Сопоставление российских и зарубежных кейсов подтверждает пригодность проектно-исследовательского формата как основного носителя гуманитаризирующего содержания. Решение инженерной задачи в реальном производственном контуре позволяет естественным образом втянуть студентов в социальный анализ: эксперимент показывает, что, если к традиционному техническому ТЗ добавляется требование описать интересы конечных групп пользователей и смоделировать репутационные риски, то более 70% команд корректируют исходное конструкторское решение ещё до стадии макета. Эффект особенно ярко проявляется в авиационных программах, где затраты на исправление ошибок пропорциональны квадрату глубины проектирования.

Часто обсуждаемая возможность перенести упомянутые практики в формат онлайн-платформ пока выглядит ограниченной. Дистанционные курсы успешно транслируют факторные знания, но коллективная ценностная дискуссия и ситуативная этика требуют очного взаимодействия. Комбинированные схемы, где теория социального проектирования изучается удалённо, а очные сессии посвящены полевым заданиям, демонстрируют наилучший баланс ресурсо- и трудозатрат.

Наконец, вопрос о соотношении глубины технической подготовки и широты гуманитарной культуры. Модель «Т-образного инженера» уступает позиции «π-образной»: одна вертикаль базируется на фундаментальных науках, вторая – на профильной технологии, тогда как горизонталь олицетворяет социально-коммуникативные навыки. Преимущество второй конфигурации проявляется при взаимодействии с индустрией 4.0, где каждая новая платформа соединяет инженерию, IT и сервисные практики.

Перенастройка учебных планов под обозначенную траекторию сопровождается и этическими дилеммами. Чем выше вклад гуманитарных курсов, тем выше вероятность поляризации мировоззрений в студенческой группе; педагогу приходится сочетать инженерные критерии доказательности с культурной полилогичностью. Предложенная в исследовании модель «непрерывной вертикали рефлексии» – от первого кейса до выпускного проекта – снижает напряжённость, поскольку ценностные дискуссии распределены по семестрам и подкреплены практическим опытом полевых исследований.

Методологические рамки работы ограничились преимущественно авиационно-космическим сегментом; другие отрасли – энергетика, биомедицинская инженерия, умные городские инфраструктуры – потребуют уточнённой калибровки индикаторов. Помимо этого, остаётся нерешённой задача количественного мониторинга так называемых «невидимых» эффектов: укрепления корпоративной культуры безопасности, повышения доверия клиентов к бренду, снижения конфликтности внутри проектных команд. Продвинутой оценка этих параметров потребует кооперации с поведенческими экономистами и специалистами по data-driven HR.

Исследование подтверждает: социогуманитарная составляющая не служит декоративным надстройкой над техническим ядром, она встраивается в технологический цикл подобно системам контроля обратной связи. Готовность к такому восприятию техники становится маркером зрелости инженерной культуры высшей школы и индикатором конкурентоспособности национальной промышленности.

Заключение

Исследование подтвердило наличие устойчивого разрыва между техническими и социогуманитарными компонентами подготовки инженеров. Предложенная трёхуровневая модель ликвидирует дисбаланс путём включения курсов социологии техники, командных проектов с обязательной социальной экспертизой и личных портфолио рефлексии.

Тем самым решены поставленные задачи: текущая ситуация описана, успешные практики синтезированы, интеграционная модель обоснована.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку метрических инструментов оценки «невидимых» эффектов (корпоративная безопасность, доверие клиентов) и тиражирование модели в энергетику, биомедицину, умные города.

Литература

1. Асланова Р.Н. Основные приоритеты современной социально-гуманитарной науки // *Хуманитарни Балкански изследвания*. – 2019. – № 2 (4). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-sovremennoy-sotsialno-gumanitarnoy-nauki> (дата обращения: 12.07.2025).
2. Багдасарьян Н.Г., Петрунева Р.М., Васильева В.Д. От компетентностной модели специалиста-инженера к STEM-образованию, или ... вперёд в прошлое? // *Высшее образование в России*. – 2022. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kompetentnostnoy-modeli-spetsialista-inzhenera-k-stem-obrazovaniyu-ili-vperyod-v-proshloe> (дата обращения: 14.07.2025).
3. Баранова Н.А., Долломанюк Л.В., Баранов Г.В. Soft skills как необходимый компонент содержания инженерного образования // *Вестник КГЭУ*. – 2016. – № 4 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-kak-neobhodimyy-komponent-soderzhaniya-inzhenerenogo-obrazovaniya> (дата обращения: 15.07.2025).
4. Гаглоева Э.Н. Социокультурная компетентность инженера // *Современные тенденции развития системы образования: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф., Чебоксары, 16 июня 2020 г.* – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2020. – С. 20–25. – EDN HCWGEC.
5. Лыскова Ю.С. Социально-гуманитарные технологии: к возможности применения в качестве основного инструмента формирования молодого лидера // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XLII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 февр. 2021 г.* – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 191–195. – EDN GXV-CAD.
6. Симоньянц Р.П. Проблемы инженерного образования и их решение с участием промышленности // *Машиностроение и компьютерные технологии*. – 2014. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-inzhenerenogo-obrazovaniya-i-ih-reshenie-s-uchastiem-promyshlennosti> (дата обращения: 14.07.2025).
7. Солодкова И.М., Хайруллина Н.Р., Муртазина Е.О. Роль социально-гуманитарных наук в реформировании системы образования в России // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2024. – № 85–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialno-gumanitarnyh-nauk-v-reformirovani>

reformirovani-sistemy-obrazovaniya-v-rossii (дата обращения: 15.07.2025).

8. Туман С.Х., Калиновская Т.Г., Фоменко А.И. Реализация идеи университета в современном образовательном пространстве: к синтезу естественнонаучного, технического и социально-гуманитарного знания // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3.
9. Формирование транспрофессиональных компетенций у будущих инженеров / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк, Д.В. Бердникова, Г.И. Борисов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2019. – № 2(51). – С. 27–35. – EDN AGWSKV.
10. Шibaев В.П. Интеграция гуманитарных, естественно-научных и профессиональных знаний // Вестник ГУУ. – 2012. – № 9–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-gumanitarnyh-estestvenno-nauchnyh-i-professionalnyh-znaniy> (дата обращения: 12.07.2025).

SOCIAL AND HUMANITARIAN COMPETENCE OF THE 21ST CENTURY ENGINEER: THE NEED FOR INTEGRATION INTO TECHNICAL EDUCATION

Gordeeva E.Yu.

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The article is devoted to the rationale for integrating the socio-humanitarian component into the training of 21st century engineers. The relevance is determined by the imbalance between the “hard” and “soft” competencies of technical university graduates and the growing industry requirements for cultural, ethical and communicative literacy of personnel. The novelty lies in the proposal of a three-level model (basic, project, reflexive horizons) synthesizing Russian and foreign practices of CDIO, STEM / STEAM and Pegasus. The work describes the diagnostic picture of domestic engineering education, examines the conceptual foundations of the convergence of sciences, and provides examples of transprofessional training. The goal is to develop a toolkit for the balanced formation of professional and socio-cultural competencies. To achieve this, comparative analysis, content synthesis, expert interviews and case studies were used. In conclusion, practical recommendations for universities, enterprises and methodologists are formulated. The material will be useful for heads of engineering programs, developers of educational standards, HR specialists of high-tech companies.

Keywords: socio-humanitarian competence, engineering education, transprofessionalism, CDIO, STEM/STEAM, project-based learning, interdisciplinarity, communication, cultural adaptation, GUAP.

References

1. Aslanova R.N. The Main Priorities of Modern Social and Humanitarian Science // Humanitarian Balkan Studies. – 2019. – No. 2 (4). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-sovremennoy-sotsialno-gumanitarnoy-nauki> (date of access: 12.07.2025).
2. Bagdasaryan N.G., Petruneva R.M., Vasilyeva V.D. From the Competence Model of an Engineer Specialist to STEM Education, or ... Forward to the Past? // Higher Education in Russia. – 2022. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kompetentnostnoy-modeli-spetsialista-inzhenera-k-stem-obrazovaniyu-ili-vperyod-v-proshloe> (date of access: 14.07.2025).
3. Vagapova N.A., Dolomanyuk L.V., Vagapov G.V. Soft skills as a necessary component of the content of engineering education // Bulletin of KGEU. – 2016. – No. 4 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soft-skills-kak-neobhodimyy-komponent-soderzhaniya-inzhenerenogo-obrazovaniya> (date of access: 15.07.2025).
4. Gagloeva E.N. Sociocultural competence of an engineer // Modern trends in the development of the education system: collection of materials. All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, June 16, 2020 – Cheboksary: Publishing house “Sreda”, 2020. – pp. 20–25. – EDN HCWGEC.
5. Lyskova Yu.S. Social and humanitarian technologies: towards the possibility of using them as the main tool for forming a young leader // Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations: collection of articles. XLII Int. scientific and practical conference, Penza, February 15, 2021 – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. – pp. 191–195. – EDN GXVCAD.
6. Simonyants R.P. Problems of engineering education and their solution with the participation of industry // Mechanical engineering and computer technologies. – 2014. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-inzhenerenogo-obrazovaniya-i-ih-reshenie-s-uchastiem-promyshlennosti> (date of access: 14.07.2025).
7. Solodkova I.M., Khairullina N.R., Murtazina E.O. The role of social sciences and humanities in reforming the education system in Russia // Problems of modern pedagogical education. – 2024. – No. 85–3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sotsialno-gumanitarnykh-nauk-v-reformirovani-sistemy-obrazovaniya-v-rossii> (date of access: 15.07.2025).
8. Tuman S.Kh., Kalinovskaya T.G., Fomenko A.I. Implementation of the idea of the university in the modern educational space: towards the synthesis of natural scientific, technical and social-humanitarian knowledge // Modern problems of science and education. – 2015. – No. 3.
9. Formation of transprofessional competencies in future engineers / E.F. Zeer, E.E. Symanyuk, D.V. Berdnikova, G.I. Borisov // Actual problems of psychological knowledge. – 2019. – No. 2 (51). – P. 27–35. – EDN AGWSKV.
10. Shibaev V.P. Integration of humanitarian, natural scientific and professional knowledge // Bulletin of the State University of Management. – 2012. – No. 9–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-gumanitarnyh-estestvenno-nauchnyh-i-professionalnyh-znaniy> (date of access: 12.07.2025).

Образ России в американском кинематографе: паттерны, стереотипы, заблуждения

Горелышев Виктор Алексеевич,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

В настоящей статье предпринята попытка выявить причины существования стереотипов в отношении России в американском кинематографе. Автор делает выводы о том, почему существуют стереотипы, какие причины заставляют представителей разных наций судить о себе и мире с позиций «свой–чужой», почему кинематографические клише являются неизбежными при создании художественных произведений, и на примере США и России рассуждает о том, какие последствия несёт для себя использование культурных стереотипов и возможны ли перемены в восприятии одних наций другими, прослеживая эволюцию образа России со времен немого кино до наших дней.

Ключевые слова: культурные стереотипы; кинематографические клише; холодная война; цивилизация; социальная реальность; нация.

Введение

Любому виду искусства свойственно как отражать существующие в обществе представления о тех или иных явлениях окружающей человека действительности, так и способствовать их формированию [1, с. 106]. В процессе социализации, осуществляющейся в том числе посредством ознакомления с произведениями культуры, человек усваивает нормы и паттерны поведения, начинает воспринимать окружающую его социальную действительность сквозь призму ценностей, почерпнутых им из художественных историй. Люди приучаются как различать добро и зло, мыслить в категориях «свой–чужой», так и формировать свое мнение о более частных политических и социальных вопросах.

Кинематограф в данном смысле является одним из наиболее важных средств распространения массовой информации и видов искусства, чья чрезвычайная популярность и доступность дают ему возможность оказывать широкое влияние на паттерны поведения множества людей, закрепляя у них в голове определенные образы, стереотипы, клише и заблуждения. Кинематограф учит нас воспринимать исторические события в определенном ключе, формируя как систему нашего ценностного мировоззрения, так и отношение к текущим политическим событиям. В связи с этим его изучение представляет чрезвычайный интерес для любого ученого, делая проблематику исследования кинематографа с точки зрения методологии политических наук чрезвычайно актуальной. В особенности, изучение американского кинематографа, который известен и потребляется на каждодневной основе в каждом регионе земного шара. Не каждый может даже знать о таких режиссерах, как Франсуа Трюффо или Акира Куросава, пусть и внесших весомый вклад в национальный и мировой кинематограф, но не являющихся иконами именно массовой и популярной культуры, но почти любой знаком со «Звездными войнами» и знает многих современных американских актеров и режиссеров. США являются несомненным лидером в области распространения своих аудиовизуальных произведений.

Так как кинематографические произведения в той или иной степени почти всегда отражают окружающую нас действительность, неудивительно, что в них оказываются представлены, «репрезентированы» и реально существующие нации и их представители, довольно часто в неоднозначном контексте, а нередко и в совершенно негативном, что можно сказать и о России в контексте американского кинематографа. Целью данного исследования является выявление причин существующей в американском кинематографе стереотипизации в отношении России и её представителей.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть общие причины существования стереотипов как социально-психологического и культурного феномена.
2. Выявить ценностные основания американской культуры, придающую стереотипам американцев

об окружающей их социально-политической реальности собственную национальную окраску.

3. Подробно разобрать существующие в американском кинематографе клише и заблуждения о России и проследить истоки их формирования.

Методологическая и теоретическая база проведенного исследования

В данном исследовании используется ряд специфичных терминов, которым необходимо дать четкое определение.

Троп – устоявшийся в культуре повествовательный, нарративный элемент, формула, сюжетный ход.

Стереотип – если просуммировать взгляды У. Липмана, впервые использовавшего данный термин, это «принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте» [11].

Клише – в контексте художественных произведений синоним «тропа», но с негативной коннотацией.

Нация – согласно Б. Андерсону, воображаемое политическое сообщество, возникшее в качестве идеи и социально-политической реальности на рубеже XVIII–XIX веков в Америке и Европе в связи с кризисом религиозного мировоззрения [12].

Социальный конструкт – категория или вещь, существующая лишь в интересубъективной, культурной реальности, т.е. являющаяся реальной лишь постольку, поскольку люди считают, что она таковой является.

Автор разделяет подходы социальных конструктивистов к восприятию социально-политической реальности, видя в ней продукт человеческой культуры, и считает социальный конструктивизм основным подходом, используемым в данном исследовании. Его научная новизна проявляется в первую очередь в его синтетическом, общем, фундаментальном характере, в выводах, которые делаются на основе изученного материала.

Политологи подходят к рассмотрению широкой междисциплинарной проблематики отражения политики в культуре с разных позиций. Во-первых, мы можем анализировать конкретные политические события по типу Вьетнамской и Корейской войны сквозь призму их прямого отражения в художественном самовыражении авторов, т.е. анализировать, как именно, в каком контексте и с каким посылом они отражаются в их творчестве. Во-вторых, политика может рассматриваться проблемно, т.е. предметом исследования оказываются не конкретные исторические события, а социально-политические вопросы по типу расизма, империализма, сексизма, гендера и т.д., что предполагает анализ широкого круга произведений, их сравнение и выявление общих черт на основании выбранного подхода (например, исследователи феминистической направленности анализируют ряд произведений с целью выявления тропов в отношении женщин). В-третьих, мы можем анализировать кинематограф сквозь призму отношений конкретного государства и иных стран («другого»), т.е. сквозь призму образов, которые авторы (сознательно или нет) создают в отношении представителей иных государств. Именно этот подход и используется в данном исследовании.

В связи с последним следует отметить, что, хоть множество фильмов прямо посвящено конкретным политическим событиям, имплицитно политические установки присутствуют в любом произведении и не требуют сознательной воли авторов для своего включения. Более того, и самой аудиторией они могут восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Хоть в условиях совре-

менной культурной войны между американскими консерваторами и либералами нередко лишь одни произведения воспринимаются как «политические», в то время как другие – нет, разница между первыми и вторыми на самом деле довольно размыта и иллюзорна.

Вместе с тем наибольший интерес представляют именно те произведения, которые не подаются и не воспринимаются как политические – именно они чаще оказываются популярными, и именно они оказывают наибольшее влияние на сознание населения, так как позволяют совершенно незаметно привить образы и паттерны потребительской аудитории. Например, хоть пенталогия об Индиане Джонсе и считается набором приключенческих фильмов, главный герой сталкивается в первом и третьем фильме с нацистами, во втором – с индейцами, чья культура подается как чуть ли не варварская, а в четвертом – с карикатурными советскими шпионами; хоть фильмы киновселенной Marvel, как кажется, являются лишь «попкорновыми блокбастерами», первый «Железный человек» оправдывает в глазах зрителя американскую «войну с терроризмом» на Ближнем Востоке, а «Капитан Марвел», фильм, прямо профинансированный Министерством обороны США, целенаправленно создает положительный образ американской армии; «Звездные войны» так и вовсе являются аллюзией на Вьетнамскую войну, о чем Джордж Лукас заявлял в своих интервью. Некоторыми исследователями и в образе Капитана Америки видится олицетворение американского мессианства [2, с. 42].

В связи с этим в рамках данного исследования автор не стал исключать из анализа фильмы, прямо не затрагивающие вопросы политики, и отдал предпочтение анализу наиболее известных фильмов в связи с их большим влиянием на умы рядовых граждан, т.е. главным критерием, с помощью которого была проведена выборка и типологизация произведений кинематографа, является популярность.

Роль национальных стереотипов в культурной жизни общества

Размышляя о культурных (национальных) стереотипах и клише, мы можем с уверенностью выделить несколько ключевых тезисов:

1. Стереотипы всегда в той или иной степени основаны на реальности, но выходят за её пределы.

2. Стереотипы бывают полезны, но накладываемые ими ограничения на мышление приводят к ошибкам в восприятии явлений.

3. Стереотипы неизбежны, так как вызваны необходимостью подходить к исследованию окружающей реальности с помощью простых паттернов мышления, которые можно было бы использовать в повседневной жизни [3, с. 71].

4. Национальные стереотипы существуют отчасти благодаря необходимости проведения границы между собой и «другим», а продолжают существовать благодаря пренебрежению и переоценке значимости менталитета и различий между нациями. Они позволяют «иметь на руках» набор мыслительных конструктов, которые упрощают человеку понимание чуждой ему культуры, с которой он плохо знаком.

5. Стереотипы поддаются изменению, но не могут полностью исчезнуть из жизни общества. Можно лишь минимизировать их вред и постоянно бороться с их распространением.

Формирование внешнеполитических паттернов, стереотипов и клише в американском кинематографе обу-

словлено несколькими факторами. Во-первых, как сказано выше, жители любого национального государства неизбежно сталкиваются с практической необходимостью понимания представителей иных культур и проведения линии разграничения между «ними» и «нами». Стереотипы всегда в той или иной мере основаны на реальности, но, как и в книге Марко Поло об его путешествиях по Востоку, носящей название «Книга чудес света», они нередко приобретают фантастический характер и выходят за её пределы. Даже в эпоху глобализации и интернета (если не благодаря ей) мы склонны судить о прочих нациях, о «других», не имея на руках корректной информации и не интересуясь её поиском, преувеличивая значимость различий между нациями и не замечая их схожести, а в иных случаях так и вовсе прямо находясь под влиянием таких явлений как ксенофобия, ура-патриотизм и национализм; основные положения последних двух особенно сказываются на наших суждениях о себе и окружающем нас мире, потому что патриотизм является одной из ценностных установок, которая прививается людям с самого детства такими институтами социализации, как государство и семья. Также отсутствие или наличие стереотипов в фильмах зависит от того, обращает ли на них внимание общество, поднимается ли волна негодования, имеются ли люди, которые могут указать на них и делают это.

Хоть в современном Голливуде и довольно щепетильно относятся к репрезентации европейских, азиатских и африканских культур и их потомков внутри страны и стремятся к тому, чтобы как можно менее стереотипно и «вредоносно» отображать данные меньшинства на экране, давая им голос, россияне по-прежнему отображаются на экране в своих ожидаемо стереотипных образах. Например, в «Соколином глазе» (выпущен в 2021 г.), сериале, входящем в «Кинематографическую вселенную Marvel» появляется русская банда, одетая в типичную спортивную одежду фирмы Adidas, что является классическим примером отображения российской преступности на экране как «гопников», одевающих соответственно данному образу; видимо, этот образ возник ещё в 90-х гг. в связи с расцветом организованной преступности в России и определенной популярностью спортивной одежды, и с тех пор прижился в качестве одного из наиболее выделяющихся тропов. Как и в любом другом случае, авторы стремятся здесь подчеркнуть визуально, что эти преступники являются частью определенной нации, что они принадлежат к определенной культуре, но вместо корректной репрезентации они по итогу делают образ российской преступности гораздо более фантастичным, чем он есть на самом деле. Впрочем, в «Сорвиголове» (2015–2018 гг.), также снимавшем под эгидой Marvel, преступники русской национальности одеты в совершенно обычную одежду.

Из всех проанализированных автором рецензий популярных американских киноблогеров на действительно «расистский», русофобский сериал «Секретное вторжение» (2023 г.), ставший глубоким провалом для Marvel, ни один из них не указал в качестве его главного минуса т.н. «клюкву» (распространенное народное обозначение для общей характеристики стереотипов в отношении русских), в то время как номинация «Эмилии Перез» (2024 г.) на премию Оскар была встречена волной критикой и обвинениями в использовании стереотипных и унижительных для мексиканцев образов. Лишь обращение внимания на наличие стереотипов со стороны непосредственно изнутри общества позволяет их искоренить, и в случае со стереотипами в отношении России стоит отметить, что, так как русских в США гораздо меньше, нежели чем представителей иных расово-

национальных групп, например, афроамериканцев, эта проблема не получает должного внимания со стороны общественности. Лишь совсем недавно в третьем сезоне «Белого лотоса» (2025 г.) автором впервые был отмечен факт публичного отрицания русскими персонажами использования ими в реальной жизни тоста «На здоровье!», который довольно часто встречается в американских кинопроизведениях ещё со времён Холодной войны и потому широко известен и за пределами Америки. Это можно считать положительным признаком наличия определенных перемен в восприятии россиян на Западе.

Во-вторых, на формирование современных внешнеполитических культурных паттернов в американском кинематографе оказывали и оказывают существенное влияние события последнего столетия, которые оказались в большей степени запечатлены в памяти населения: Вторая Мировая война, Холодная война, Карибский ракетный кризис, эпоха маккартизма, Вьетнамская война, война в Афганистане, война с терроризмом, 9/11, специальная военная операция. Например, что касается 9/11, среди краткосрочных последствий можно отметить тот факт, что сразу после осуществления теракта многие авторы решили не использовать в своих произведениях мотивы с терактами в отношении зданий из-за уважения к погибшим и чувствительности общества к рассмотрению данной темы, а также удалили изображения Всемирного торгового центра в процессе производства фильмов (например, из «Человека-Паука» (2002 г.) были вырезаны сцены, в которых герой натягивает паутину между двумя башнями [10]); а среди долгосрочных последствий – закрепление устойчивого образа исламских террористов в качестве типичных антагонистов в боевиках наравне с российскими/китайскими шпионами.

В-третьих, на формирование данных образов и клише сказывается и тот факт, что США являются относительно либеральной и демократической страной. С одной стороны, это позволяет выпускать фильмы разного характера, как, например, осуждающие американский империализм, так и прославляющие его. С другой стороны, это сказывается на том, сквозь какую именно призму все участники процесса культурного диалога, будь то авторы или потребители контента, рассматривают многие события и сюжеты за пределами страны, что довольно часто приводит к их «американизации», адаптации под собственные представления американцев. США не являются деидеологизированным пространством, их культура выстроена на наборе т.н. «западных» ценностей, а потому любые попытки перевода произведений одной страны на язык другой оборачиваются тем, что он неизбежно видоизменяется, чтобы лучше соответствовать современным представлениям американцев о том, каким должно быть произведение, какие идеи в него должны быть вложены. Например, рассчитанная на западную аудиторию адаптация One Piece (2023 г.) лишена некоторого типичного для японской анимации юмора, присутствовавшего в оригинальном произведении; адаптация «Ведьмака» (2019 г. – н.в.) сделала оригинальное произведение выглядящим менее польским и восточно-европейским как в плане подбора каста, так и общей эстетики показанного в ней мира; «Кунг-Фу Панда», хоть и считается относительно достоверным переизложением китайской мифологии и была положительно оценена в Китае, всё-таки в основе своего повествования содержит типичный для западных историй сюжет об аутсайдере, который смог себя превозмочь в своей сфере и стать великим воином (как, например, Дэниэл ЛаРуссо из «Малыша-каратиста» (1984 г.)).

Распространенные стереотипы в отношении России

Формирование образа России в американском кино началось еще в эпоху немого кино. Первые фильмы представляли Россию как загадочную, но пугающую страну. Особенно ярко это проявилось в картинах о революции 1917 г. и Гражданской войне [4, с. 70].

Во время Второй Мировой войны образ России приобрел гораздо более благоприятные черты в связи с вступлением СССР во Вторую Мировую войну [5, с. 161].

В период Холодной войны образ России стал исключительно негативным [6, с. 77]. Советский Союз изображался как империя зла, а русские – как коварные и опасные враги. Фильмы того времени создавали образ страны, где все люди ходят в ушанках, пьют водку и мечтают захватить мир, и едва ли отражали реальный быт населения СССР, скрытого за информационной стеной железного занавеса.

Постсоветский период принес новые клише. Теперь Россия изображается как страна олигархов, мафии и продажных чиновников. Стали популярны сюжеты о русских хакерах и киберпреступниках, а современные фильмы часто используют Россию как фон для шпионских историй или криминальных драм. При этом реальная жизнь россиян всё также остается за кадром. Даже недавняя «Анора» (2024 г.), ставшая лауреатом премии «Оскар» за лучший фильм, хоть и получила большую народную любовь в связи с участием в ней известных российских актеров Юрия Борисова и Марка Эйдельштейна, которым были даны широкие роли, всё-таки рассказывает не об обычных людях, а об олигархах. Не все стереотипы являются проблемными и многие из них так или иначе отражают реальность, но подача культуры и жизни определенной страны лишь с одной точки зрения способствует ассоциации всех представителей определенной культуры лишь с определенными явлениями, как если бы и они, и их жизнь сводится лишь к показываемым явлениям. Например, хоть, очевидно, Мексика и знаменита своими наркобаронами, это отнюдь не говорит о том, что её культура и образ мексиканцев сводятся лишь к этому, что они не привнесли в этот мир чего-то иного (например, выдающуюся кулинарию, литературу, впечатляющую историю, эстетику, изобразительное искусство); это, однако, не мешает американскому кинематографу нанимать актеров испаноязычного происхождения в основном лишь на роли людей, связанных с наркобаронами, о чём недавно как о своём опыте заявлял Диего Луна в контексте того, как он рад тому, что отыгрывает роль Кассиана Андора, главного героя одноименного сериала, революционера и действительно глубокого персонажа, т.е. не кого-то стереотипного с точки зрения его национального происхождения.

Нельзя сказать, что начало СВО как-то ухудшило образ России или изменило образ России (по сравнению с тем, что имелся), но её начало всё равно заставляет некоторых исследователей делать весьма громкие заявления и утверждать, что отношения с Западом испорчены на поколение вперед [7, С. 55]. Это, возможно, говорит нам о том, что надеяться на положительный образ страны в ближайшем будущем отнюдь не стоит.

Образ России в американском кинематографе можно описать следующими ключевыми словами, отражающими всё ещё существующие клише: тост «На здоровье!», зима, ломаный русский акцент, шапки-ушанки, матрешки, водка, медведи, Сибирь, балалайки, балет, авторитаризм, «олигархат», гопники в спортивной одежде, хакеры, геополитический противник времен Холод-

ной войны, шпион. Если россиянин появляется в кадре, он явно будет обладать одной из данных характеристик [8, с. 79]. Вместе с тем стоит отметить, что иностранцам довольно сильно понравился и образ старой, имперской России, в сеттинге которой происходит ряд произведений по типу «Великой» (2020 г.), «Войны и мира» (2016 г.), «Анастасии» (1997 г.), «Распутина» (1996 г.), и данный сеттинг чаще, чем нет, отображается в довольно нейтральном ключе [9, с. 326], т.е. без какой-либо негативной окраски в отношении русских людей, с большим уважением к презентации эпохи и с большей или меньшей исторической достоверностью. Американцы любят и адаптировать русскую классику: стоит вспомнить, например, «Братьев Карамазовых» (1958 г.), «Войну и мир» (1956 г.), «Анну Каренину» (версии 1935 г. и 1997 г.), «Доктор Живаго» (1965 г.), «Двенадцать стульев» (1970 г.).

Что касается современных блокбастеров, которые, в отличие от многих других фильмов, пользуются широкой популярностью, можно с уверенностью заявить, что положительные образы российских персонажей имеются. Например, авторы киновселенной Marvel, во многом благодаря тому факту, что в самих оригинальных комиксах уже имелись положительные образы россиян, отразили их и на экране. В данном случае имеются в виду Наташа Романофф и её сестра Елена Белова, а также их остальная семья из «Черной вдовы», которые неоднократно становятся спасителями мира. Впрочем, несмотря на достаточную глубину и важность их персонажей для киновселенной, их принадлежность именно к российской культуре вызывает сомнения, так как они попадают под классический образ «шпиона» и к тому же по своей сути выступают скорее в роли «глобальных русских», т.е. передвигающихся по миру и оторванных от своих корней интернациональных, американизированных супергероев, для которых их история происхождения не имеет какого-то важного значения, в отличие, например, от Черной Пантеры, для которого его принадлежность к Ваканде является одной из ключевых частей его идентичности.

Из-за широкого распространения данных клише в общественном сознании массовый потребитель воспринимает данные стереотипы как реальность, что создает серьезные проблемы в межкультурном диалоге и не способствует налаживанию понимания друг друга представителями США, России и других стран, в которые экспортируется данный образ. Американские фильмы формируют образ России как непредсказуемой и опасной страны, которая пытается установить мировое господство и экспортирует преступность в страны Запада; места, где правят только цинизм, сила и деньги; региона, где не соблюдаются права человека и элементарные свободы, а жители не способны сопротивляться власти и выполняют всё, что она от них требует. Хоть и можно рассуждать о том, является ли это корректным отображением действительности или нет, но, как уже было сказано выше, представление страны лишь сквозь одну призму и популяризация образов, которые имеют мало отношения к российской действительности, искажает образ России на мировой арене и затеняет положительные аспекты жизни в России, заставляя американцев видеть лишь одну сторону жизни и не замечая другой.

Репрезентация наций в художественных произведениях: теория и практика

С другой стороны, следует задаться следующим вопросом: а возможна ли вообще корректная репрезентация

чужой культуры иностранцами? Можно ли полностью избежать некорректной интерпретации тех или иных явлений чуждой людям культуры? И есть ли смысл требовать с других наций корректной репрезентации собственной культуры?

Любая нация склонна сравнивать себя с другими и пытаться выделять себя на их фоне. То же самое можно сказать и о жителях областей, штатов, городов и иных административно-территориальных единиц. Конфликты и попытки поставить себя выше остальных встречаются во всех группах, объединяемых вокруг общей идентичности, будь то фандом, политическая партия, нация, племя, государство и т.д. И представляется, что пока у человека существует чувство национальной идентичности, ассоциации себя с определенным набором ценностей, он будет продолжать выделять себя на фоне остальных схожих групп. Вероятно, даже если бы процессы глобализации достигли большего размаха, т.е. способствовали бы размыванию границ национальных государств и большому смешению культур и наций в одном котле, это всё равно не позволило бы создать свободный от национальных стереотипов мир, но смогло бы снизить значимость данных клише в силу того факта, что нация, национальность начали бы иметь такое же значение, какое для современного человека имеет принадлежность человека к определенному городу. Так как человек нередко воспринимает себя в категориях «я русский – он американец», в глобализованном мире, свободном от границ и приветливом для представителей любого региона, любые мисинтерпретации и дезинформация о нации воспринимались бы с меньшей неприязнью в силу того, что человека, живущего в подобном мире, уже бы меньше волновали подобные вопросы, т.е. сам вопрос был бы снят с повестки. Острота, с которой мы воспринимаем данные проблемы, связана лишь с недостатком связанности мира. Любая нация, в конечном итоге, является не более чем социальным конструктом, являющимся вымышленным вне зависимости от того, считаем ли «правдой» те или иные вещи об их представителях. Русский человек и американец – это не более чем образы, существующие лишь в человеческом воображении, в культурном пространстве.

Ко всему прочему, с художественной точки зрения примитивизация антагонистов в произведениях кажется неизбежной по той причине, что довольно часто обратное и не требуется для того, чтобы история работала. Например, нацисты довольно часто отыгрывают роли «плохих парней» в фильмах, и редко нам в действительности важно и интересно, чтобы их представители обладали сложной мотивацией и раскрывались бы как личности, потому что их цель – служить соломенными чучелами. Как в видеоиграх необходимы рядовые ИИ-противники, с которыми игрок мог бы сражаться и ликвидировать в массовом количестве, так и в случае с антагонистами в триллерах, боевиках, (анти)военных, приключенческих или исторических фильмах зачастую не требуется делать что-то большее, чтобы зритель ушел из кинотеатра удовлетворенным, потому что и цель фильма ведь заключается отнюдь не в этом, а в том, чтобы доставить определенное удовольствие от действия. То же самое мы можем сказать и о национальных стереотипах. Да, они наносят вред образу определенных стран. Но парадокс таких фильмов, как «Индиана Джонс и Храм судьбы» (1984 г.), однако, заключается в том, что, хоть в них и показаны в довольно стереотипизированные образы варваров, которые едят еду из черепов и занимаются жертвоприношениями, этот фильм всё равно работает как приключение и вдохновляет людей быть такими же, как главный герой; факт того, что он показывает индийцев

в исключительно негативном контексте, а сам Индиана (как и британцы) отыгрывают роли белых спасителей, оказывается маловажным в данной связи, хоть стереотипы и являются весьма болезненными.

Как в книгах наподобие «Острова сокровищ», определенным людям приходится отыгрывать роль соломенных чучел, в особенности, в сказках для детей, служить своего рода «монстрами». Вероятно, единственное, что можно сделать – лишь добиться того, чтобы эти соломенные чучела были не представителями других наций, что способствовало ксенофобии, а, например, людьми с определенными вредоносными политическими ценностями, как, например, нацисты в двух других фильмах об Индиане Джонсе.

Существует ещё один парадокс, который можно выявить на примере «Эмили Перез» (2024 г.), фильма, который не пытается служить корректной репрезентацией мексиканской культуры или запрещенного в России ЛГБТ-сообщества, а всего лишь старается быть рядовым боевиком, для которого сеттинг его событий и национальность персонажей не имеют большого значения, но вместе с тем по какой-то причине он всё равно получил долю своей критики – вероятнее всего, в связи с его включением в список номинантов на «Оскар». Имеется в виду, что, если бы этот фильм вышел в самой Мексике, если бы шпионские триллеры с участием русских выходили в странах, чьи представители отображаются на экране, никто бы не стал критиковать эти фильм. Подобная критика возникает лишь тогда, когда эти произведения выпускают «другими», «чужими», т.е. иностранцами. Например, при просмотре «Вечного сияния чистого разума» (2004 г.) или «Неадекватных людей» (2011 г.) зрителей и исследователей едва ли будет волновать, является ли американская или российская культура репрезентированной корректно и верно, хоть при просмотре обоих фильмов мы едва ли сможем получить какое-либо представление об обеих.

Стоит также добавить, что, так как любые цивилизации, любые культуры основаны на разных ценностях, невозможно полностью избавиться от конфликта их ценностей, парадигм их мышления, и есть пределы пониманию определенных явлений одной нации представителями другой. Гораздо большее значение, чем репрезентация россиян и России в американском кинематографе, имеет создание своей собственной культуры, отражение на российском экране тех образов, которые хотелось бы видеть именно российским авторам и гражданам и которые позволяли бы американцам и представителям иных наций влюбляться в российскую культуру так же, как сейчас современные молодые и более зрелые люди влюбляются в американский кинематограф и аниме.

Выводы

Автор приходит к выводу, что кинематографический образ России в США едва эволюционирует, хоть и достаточно медленно, и основные стереотипы остаются неизменными. Впрочем, не все из них являются отрицательными, а некоторые так или иначе основаны на реальности, что, впрочем, не говорит о том, что с их наличием российская культура оказывается репрезентирована корректно. Это создает серьезный разрыв между реальным восприятием страны и тем образом, который формируется через призму американского кино в глазах самих американцев и представителей иных наций. Преодоление этих стереотипов возможно только через более глубокое и разностороннее освещение российской действительности в мировом кинематографе с помощью самих российских авторов и способствование развитию процессов

глобализации, сближению, а не изоляции культур. Одна из причин, по которой существуют нынешние стереотипы, – изоляция Советского Союза и его конфронтационная активность. «Железный занавес», опустившийся над Европой, возникшая из-за него асимметрия информации способствовали ограничению доступа европейцев и американцев к информации о жизни советских граждан, из-за чего им пришлось самим домысливать, как именно живут и чем они живут; эти стереотипы, в свою очередь, продолжают своё существование по двум причинам: из-за конфронтации между Украиной и Россией, которая подпитывает существующие в Америке представления о России как угрозе национальной безопасности, и по причине недостатка осведомленности американцев о том, что стереотипы о россиянах в фильмах в принципе являются таковыми. Проблема совершенно игнорируется американским сообществом, что, впрочем, не является единичным случаем, и может быть сказано и об образах многих других наций в кинематографе США, и ныне несколько усугубляется СВО, хоть нынешние события и пробудили определенный интерес к российской культуре. Чем больше люди взаимодействуют друг с другом и заявлять о своем голосе, тем меньше в обществе будет встречаться мисинформация о жизни представителей других наций, в том числе в кинематографе. Важно понимать, что кино – это не только искусство, но и мощный инструмент формирования общественного мнения, способный как сближать культуры, так и создавать между ними непреодолимые барьеры.

Стоит отметить, однако, что следует стремиться не столько к репрезентации положительного образа нации, а, скорее, к отражению наиболее правдивого, довольно важно отделять одно от другого; это в том числе предполагает, что представители других наций имеют право отображать чуждые им культуры в негативном контексте, если считают это нужным и делают это без ксенофобии, потому что нередко оказывается так, что то, люди называют частью своей «культуры», частью своей идентичности, способствует страданиям людей, и мы должны говорить об этом честно и открыто. Если определенный негативный феномен реален, мы не должны бояться его отображения на экране только по той причине, что мы боимся задеть чьи-то чувства, будь то чувства определенной аудитории внутри или вовне. Если кто-то критикует в своих произведениях чужие культуры, чужие нации не с позиций «свой-чужой», без ксенофобии, а осуждая конкретные феномены социальной действительности, основываясь на желании и необходимости критиковать чужие культуры с позиций их несоответствия определенным общечеловеческим ценностям, делая это правдиво, а не выдумывая, как Дэвид Гриффит, в своем фильме «Рождение нации» (1915 г.), совершенно не отражающие действительность и вредные стереотипы об афроамериканцах, это представляется допустимым. В качестве примера подобного следует привести сериал «Чернобыль» (2019 г.), который, пускай и является художественным, говорит открыто и честно о наиболее чувствительной для российской и украинской культуры теме чернобыльской катастрофы.

Другая причина существующих нынешних стереотипов – локальность и неразвитость российского кинематографа, который, как и многие другие европейские, не работает в таких же масштабах, как и американский. Средний россиянин лучше знает об Америке, чем американец о России, и единственный способ изменить представление иных стран о российской культуре, изменить паттерны и стереотипы – это взять инициативу в свои руки, не надеяться на некое «осознание» американцами проблем репрезентации и добиться экспорта произведе-

ний российских авторов на международную арену и увеличить масштабы производства фильмов, добиться конкурентоспособности российского рынка. Возможно ли это в нынешнем культурном климате и какие перспективы существуют у современного российского кинематографа – предмет отдельного исследования, которым автор хотел бы заняться в последующих статьях.

Литература

1. Юдин К.А. К вопросу о типологии «образа чужого» в англо-американском кинематографе 1960–1970-х гг. // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 3 (35). С. 106–116.
2. Темербаева А.С. Американские кинокомиксы как инструмент «мягкой силы» США (на примере кинокомиксов Marvel) // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 3 (104). С. 40–44.
3. Дементьев П.А. Восприятие России через призму западных ценностей // Идеи и идеалы. 2014. № 4 (22). С. 69–78.
4. Журавлёва В.И. Русский «Другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 7 (87). С. 64–96.
5. Шатилов А.Б. Влияние политической конъюнктуры на трансформацию образа России в кинопродукции Голливуда (1930–2020-е гг.) // Власть. 2024. № 4. С. 159–166.
6. Юдин К.А. Англо-американский кинематограф 1940–1970-х гг. и система государственно-политического контроля США // На пути к гражданскому обществу. 2019. № 1 (33). С. 74–88.
7. Клепиков С. С., Передерий Д.А. Общая ретроспектива формирования негативного образа России в странах коллективного Запада. Причины и последствия // ИСОМ. 2023. № 2. С. 44–58.
8. Маткаримова Г.В. Формирование образа России на Западе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 3 (848). С. 75–82.
9. Тирахова В.А. Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 327–333.
10. After Sept. 11, Twin Towers Onscreen Are a Tribute and a Painful Reminder [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/10/movies/9-11-twin-towers-tv-movies.html>
11. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 202 с.
12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

THE IMAGE OF RUSSIA IN AMERICAN CINEMA: PATTERNS, STEREOTYPES, MISCONCEPTIONS

Gorelyshev V.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article attempts to identify the reasons for the existence of stereotypes about Russia in American cinema. Based on a wide range of materials, the author draws conclusions about why stereotypes exist, what reasons make representatives of any nation judge themselves and the world based on the position “we and they” and why cinematic clichés are inevitable when someone tries to cre-

ate a work of art. Using the example of the United States and Russia, the author discusses the consequences of using cultural stereotypes and whether changes in the perception of some nations by others are possible.

Keywords: cultural stereotypes; cinematic cliches; Cold War; civilization; social reality; nation.

References

1. Yudin K.A. On the typology of the "image of the alien" in Anglo-American cinema of the 1960s-1970s // *Towards a civil society*. 2019. No. 3 (35). P. 106–116.
2. Temerbaeva A.S. American comic book films as an instrument of US "soft power" (using Marvel comic book films as an example) // *Society: politics, economics, law*. 2022. No. 3 (104). P. 40–44.
3. Dementyev P.A. Perception of Russia through the prism of Western values // *Ideas and ideals*. 2014. No. 4 (22). P. 69–78.
4. Zhuravleva V.I. The Russian "Other" in American Political Cartooning: from the 19th to the 21st Century // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations*. 2012. No. 7 (87). P. 64–96.
5. Shatilov A.B. The Influence of the Political Conjuncture on the Transformation of Russia's Image in Hollywood Film Production (1930s-2020s) // *Vlast*. 2024. No. 4. P. 159–166.
6. Yudin K.A. Anglo-American Cinema of the 1940s-1970s and the System of State and Political Control in the United States // *Toward a Civil Society*. 2019. No. 1 (33). P. 74–88.
7. Klepikov S. S., Perederiy D.A. General retrospective of the formation of a negative image of Russia in the countries of the collective West. Causes and consequences // *ISOM*. 2023. No. 2. P. 44–58.
8. Matkarimova G.V. Formation of the image of Russia in the West // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022. No. 3 (848). P. 75–82.
9. Tirakhova V.A. Representation of the image of Russia in domestic and foreign cinema // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2018. No. 3. P. 327–333.
10. After Sept. 11, Twin Towers Onscreen Are a Tribute and a Painful Reminder [Electronic resource] URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/10/movies/9-11-twin-towers-tv-movies.html>
11. Lippman W. Public Opinion / Translated from English by T.V. Barchunov, edited by K.A. Levinson, K.V. Petrenko. – M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. – 202 p.
12. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism / Translated from English by V. Nikolaev; introduction by S.P. Bankovskaya. – M.: Kuchkovo Pole, 2016. – 416 p.

Профессиональные ценности преподавателей высшей школы: исследование теоретических подходов формирования

Нидергаус Елена Олеговна,

канд. соц. наук, доцент кафедры социальной работы
и управления персоналом, руководитель образовательной
программы бакалавриата «Управление персоналом»,
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина»
E-mail: e.o.nidergaus@urfu.ru

Профессиональные ценности преподавателей вузов являются ключевым фактором, определяющим качество образовательного процесса и подготовки будущих специалистов. В условиях постоянных изменений в сфере высшего образования возникает необходимость анализа и переосмысления ценностных ориентиров преподавательского состава. Высшее образование – это сфера взаимодействия социальных общностей групп и индивидов. Но несмотря на значимость этой темы, она остается недостаточно исследованной. В данной статье рассматривается генезис формирования профессиональных ценностей преподавателя высшей школы, данный экскурс поможет пониманию современных тенденций трансформации отношения преподавателя к своей работе. Цель работы заключалась в изучении теоретических подходов к формированию профессиональных ценностей преподавателей высшей школы и выявлении наиболее эффективных механизмов их развития и укрепления. В работе проведен комплексный анализ научной литературы по философии и социологии образования. Выявлены ключевые профессиональные ценности преподавателей вузов, такие как стремление к постоянному саморазвитию посредством научных изысканий, академическая свобода, ценность передачи знаний и опыта не только профессиональной деятельности, но и воспитание цельной, гармоничной и самодостаточной личности будущего специалиста. Формирование и укрепление профессиональных ценностей преподавателей высшей школы является ключевой задачей для обеспечения высокого качества образования. Синтез теоретических подходов и практических механизмов позволит создать эффективную систему развития и закрепления профессиональных ценностей преподавателей вузов, способствующую укреплению суверенитета страны посредством воспитания в стенах вуза не только высококвалифицированных специалистов, но и граждан своей страны.

Ключевые слова: профессиональные ценности, университет, высшее образование, модель классического университета, образование, ценности, иерархия ценностей.

Введение

Профессиональные ценности преподавателей высших учебных заведений представляют собой комплексный феномен, оказывающий решающее влияние на качество образовательного процесса и подготовку будущих специалистов. Формирование профессиональных ценностных ориентаций преподавателей является длительным и многогранным процессом, зарождающимся на этапе получения собственного образования и продолжающимся в ходе профессиональной деятельности. Необходимо отметить, что любая профессия подвержена трансформациям, обусловленным развитием технологий, изменением потребностей общества и другими факторами. Соответственно, содержание профессиональных ценностей работников также претерпевает изменения, адаптируясь к новым реалиям. В сфере высшего образования данные процессы протекают особенно динамично, что актуализирует необходимость постоянного анализа и переосмысления ценностных ориентиров преподавательского состава. Высшее образование представляет собой сложную систему взаимодействия различных социальных общностей, групп и индивидов. Характер взаимоотношений между преподавателем и студентом играет ключевую роль в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов. На этот процесс оказывают значительное влияние профессиональные ценности самого преподавателя, выступающего в роли наставника, проводника, образца для подражания.

Несмотря на очевидную значимость профессиональных ценностей преподавателей вузов, данная тематика остается недостаточно исследованной в рамках современной социологической науки. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть генезис формирования профессиональных ценностей преподавателей высшей школы. По нашему мнению, подобный экскурс в историческую ретроспективу позволит лучше понять современные тенденции трансформации отношения преподавателей к своей профессиональной деятельности.

Необходимо учитывать, что ценностные ориентации преподавателей формируются под влиянием множества факторов, включая особенности национальной культуры, традиции высшего образования, социально-экономические условия, личностные характеристики самих преподавателей.

Основной целью представленного исследования являлось всестороннее изучение существующих теоретических концепций, раскрывающих процессы формирования и развития профессиональных ценностей в среде преподавательского состава высших учебных заведений. Помимо анализа теоретических подходов, значительное внимание было уделено выявлению наиболее эффективных механизмов укрепления и поддержания системы профессиональных ценностей преподавателей на разных этапах развития вуза как социального института. Достижение поставленной цели потребовало комплексного анализа обширного массива научной литературы, охватывающей такие смежные области знаний, как философия и социология образования. Данные дис-

циплины рассматривают феномен высшего образования через призму фундаментальных мировоззренческих концепций и социальных процессов, протекающих в обществе. Изучение философских трудов позволило исследовать аксиологические основы профессиональной деятельности преподавателей, проанализировать философские подходы к трактовке понятия «ценности». Социологический подход, в свою очередь, помог раскрыть социальную природу профессиональных ценностей, их взаимосвязь с культурными традициями, социальной стратификацией и другими факторами общественной жизни.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования был использован аналитический подход. Была проведена систематическая литературная ревизия и анализ научных исследований, связанных с формированием профессиональных ценностей преподавателей вуза.

Литературный обзор

Понятие «ценности» принадлежит к междисциплинарному дискурсу и имеет философскую трактовку. Для понимания происхождения термина «ценность», можно обратиться к философским концепциям. Иммануил Кант считал, что ценность представляет собой цели, которые стоят перед человеком, являясь выражением значимости определенных факторов для каждой конкретной личности [5]. Исходя из мыслей И. Канта, ценности имеют двойственную природу, основанную на метафизическом и экзистенциальном уровнях. В метафизической плоскости ценности являются абсолютными и определяются волей человека, в то время как в экзистенциальной плоскости они являются относительными и основываются на потребностях человека. И. Кант признавал, что законы морали, долг и нравственность противопоставляются удовлетворению человеческих желаний. И. Кант пишет: «Именно с благотворения не по склонности, а из чувства долга и начинается моральная и вне сравнения высшая ценность» [6. С. 234]. Исследователь ставил перед собой задачу выявить связь между понятиями личности, ценности и культуры. И. Кант утверждал, что все объекты склонности имеют условную ценность, ибо если бы не было склонностей и связанных с ними потребностей, то предметы не обладали бы никакой ценностью. Экзистенциальные ценности приобретают значение только для конкретного человека в соответствии с его личной системой ценностей, тогда как метафизические ценности формируются под влиянием культуры, которая передает общепринятые ценности» [6].

Р.Г. Лотце продолжил идею И. Канта и ввел понятие ценности в ранг философской категории. В соответствии с его взглядами, ценность представляет собой выражение значимости для субъекта, подчеркивая индивидуальный характер этого явления [21. Р.Г. Лотце отмечал, что ценности подталкивают человека к тем или иным действиям, формируя тем самым его поведение, поскольку человек осуществляет свой выбор на основе сформированных и актуальных ценностей. Таким образом, по мнению Р.Г. Лотце, социальные ценности одобряются и принимаются сознанием и ценностной структурой человека, что формирует социально одобряемое поведение и побуждает человека к постоянному самосовершенствованию. В условиях выбора человек оказывается в состоянии противостояния между личными и социальными ценностями.

Подходы к анализу возникновения и изменения ценностей, прослеживаемые в философских теориях, можно выделить в три основных направления. Первое направление рассматривает ценности как особую надиндивидуальную реальность, возникающую в процессе коллективной деятельности людей. Философы, такие как Н. Гартман, М. Шелер, и Э. Шпрангер, относились к этому направлению. Они утверждали, что тип личности определяет выбор системы ценностей, которыми она руководствуется в повседневной жизни, и эти ценности составляют онтологическую основу личности.

Э. Шпрангер идентифицирует различные типы личности в зависимости от преобладающих ценностных ориентаций [19]. Согласно теории Э. Шпрангера существуют шесть типов личности, которые определяют образ жизни и систему мотивации человека: теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический и религиозный человек. Выделение этих шести культурно-психологических типов помогает понять различия в поведении людей. Преобладание одной ценности, например, экономической, по теории Э. Шпрангера, не исключает присутствие других в системе ценностей человека.

Э. Дюркгейм предложил социологический подход к анализу ценностей. Он рассматривал ценности как идеалы, определяющие поведение человека. Он считал, что стремление индивида стать частью общества побуждает его принять ценности общества. Поэтому человек, стремящийся быть «одним из своих», всегда будет делать выбор, соответствующий общественному одобрению. Во-первых, это означает, что ценности, разделяемые человеком, не противоречат ценностям общества. Во-вторых, соблюдение норм, определяемых этими ценностями, позволяет формировать у человека определенную мотивационную структуру, которая может быть предсказуема и подвержена управлению. Чем больше человек разделяет ценности общества (большинства), тем стабильнее будет само общество.

Согласно Э. Дюркгейму, формирование как отдельных обществ, так и цивилизаций происходит на основе сочетания идеальных представлений и реальности ценностей. Ценности включают в себя две противоположные составляющие: объективную и субъективную – «ценностям присуща та же объективность, что и вещам», но в то же время «всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств. Э. Дюркгейм предложил построить систему (иерархию) ценностей: «Существуют различные типы ценностей. Одно дело – экономическая ценность, другое – ценности нравственные, религиозные, эстетические, метафизические» [2].

Р.Б. Перри и Дж. Дьюи продолжали развитие теории ценностей. Согласно их взглядам, ценности формируются под влиянием биологических и психологических потребностей человека. Существующие ценности человек ощущает как объективную реальность, и видит в этом возможность удовлетворения собственных потребностей: «...любой объект интереса является ценностным фактом. Таким образом, ценность определяется интересом..., который сам детерминирован ожиданием результата» [22].

Т. Парсонс в своей работе «Система современных обществ» развил идеи о связи между потребностями и ценностями. Ценности, согласно взглядам американского социолога, играют основополагающую роль в формировании общества. Они представляют собой элементы символической системы, которые служат критерием или стандартом для ориентации и выбора между различными альтернативами. Стремление стать частью обще-

ства мотивирует людей к сохранению и передаче общепринятых элементов, а также обеспечивает интеграцию и согласованность общества с помощью ценности, которую все разделяют [15].

На основе представлений классиков социологии можно сформулировать социологическое понимание «ценности», признаваемое большинством исследователей «свойство общественного предмета удовлетворять определенным потребностям социального субъекта (человека, группы людей, общества); при помощи ценности характеризуют социально-историческое значение для общества и личностный смысл для человека определенных явлений действительности» [10].

В.А. Ядов считал, что в процессе первичной социализации каждый человек осваивает набор базовых ценностей, которые включают как терминальные, так и инструментальные ценности. Эти ценности располагаются в иерархическом порядке по их значимости. Основываясь на этой структуре базовых ценностей, каждый человек оценивает объекты и явления в своей жизни по степени их значимости для себя и для других людей. Поскольку каждый человек живет и действует в социальной общности, оценки множества людей становятся компонентами массового сознания, общественного мнения и влияют на структуру ценностей каждого индивида в общем [10].

Следующей составляющей структуры являются социальные идеалы, которые находят свое воплощение в различных предметах. Через активную человеческую деятельность осознаются эти идеалы, приводя к формированию духовной и материальной культуры. В процессе освоения этой культуры формируются личностные ценности у индивида. Это в свою очередь приводит к формированию ориентации человека на реализацию ценностей, принятых в обществе

В.А. Ядов, разрабатывая диспозиционную теорию личности, пришел к выводу, что «регуляция социального поведения личности осуществляется не отдельной (частной) диспозицией, но целостной диспозиционной системой» [20. С. 232]. Поначалу исследователь предположил, что ценностные ориентации относятся к высшему уровню диспозиционной структуры. Однако, при основательном анализе В.А. Ядов пришел к выводу, что «общая направленность интересов личности и ее ценностных ориентаций, по всей видимости, образуют «целостную подструктуру» диспозиционной системы личности» [10.С. 88]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что интересы личности и ценностные ориентации являются существенной и взаимосвязанной «подструктурой» диспозиционной системы личности [10].

Формирование ценностей и ценностных ориентаций происходит в результате воздействия системы детерминации человеческой деятельности. В своих исследованиях А.В. Меренков выделяет особую совокупность взаимосвязанных элементов в этой системе [13]. Цели и направления деятельности университетов формируются под влиянием внешних факторов, таких как потребности общества и государства в подготовке кадров, развитии определенных отраслей знаний и компетенций. Университеты вынуждены адаптировать свою работу к этим внешним требованиям и условиям, в которых они существуют и функционируют. История университетов отражает, как они реагировали и трансформировались для удовлетворения меняющихся потребностей в воспроизводстве и развитии человеческого капитала со стороны общества и страны. Преподаватели вузов обязаны соответствовать требованиям государственной системы высшего образования, которые направлены на обеспечение промышленности, учреждений социальной сфе-

ры и управления квалифицированным персоналом. Они также должны следовать установленным правилам в организации образовательной и научной деятельности как в прошлом, так и в настоящем времени.

Принятие этих требований ставит в сознании личности внутреннюю необходимость неукоснительно выполнять все предписания, регулирующие конкретную деятельность. В результате возникает потребность мобилизовать все знания и навыки, необходимые для успешного выполнения своих обязанностей в качестве преподавателя. Реализация этой задачи осуществляется через поиск наиболее эффективных способов выполнения умственных и физических операций. Эффективность определяется ценностью различных методов и их применения в конкретных ситуациях. Люди склонны выбирать и использовать те методы и подходы в своей практической деятельности, которые доказали свою эффективность и способность удовлетворять их личные потребности наилучшим образом. Ориентация на применение определенных приемов и стратегий формируется на основе положительного опыта получения желаемых результатов и удовлетворения собственных запросов с их помощью.

Эта система формирования ценностей и ценностных ориентаций может быть использована для анализа процесса формирования системы профессиональных ценностей, которые являются значимыми элементами в ценностной структуре человека.

Понятие ценностей возникает в контексте появления профессии, которая представляет собой особую форму организации устойчивой трудовой деятельности с целью создания товаров и услуг для различных потребителей. С.Г. Струмилин выделял несколько основных характеристик профессии, включая институционализацию (отделение от других видов деятельности), наличие специфических трудовых навыков и специальную подготовку для выполнения профессиональных обязанностей [18]. Профессия – это определенный вид трудовой деятельности, который характеризуется не только уникальностью характера и содержания работы, наличием специализированных знаний и навыков, а также общности профессиональных интересов, ценностных ориентаций, образцов поведения и образа жизни. Эти аспекты формируются и поддерживаются в рамках института профессии [7].

Профессиональные ценности – это идеализированные свойства, которые необходимы представителю определенной профессиональной группы для успешной реализации своих способностей в рабочей деятельности. Они закрепляются в его сознании в виде жизненных целей, устремлений и глубоких убеждений, детерминирующих профессиональное поведение и деятельность личности. Внешние факторы и требования, предъявляемые к определенному виду профессиональной деятельности, оказывают влияние на формирование профессиональных ценностей работников этой сферы. Принимая и соглашаясь с этими внешними требованиями, у специалистов возникает внутренняя потребность строго следовать установленным правилам и нормам профессии. Эта внутренняя необходимость проявляется в стремлении неукоснительно применять полученные в ходе специализированного обучения знания, умения и навыки для выполнения своих профессиональных обязанностей на высоком уровне в соответствии с принятыми стандартами

В процессе выполнения производственных заданий люди ищут оптимальные способы работы, учитывая ценность различных методов применения технических средств и последовательность трудовых действий. Добросовестное и эффективное исполнение профессио-

нальных обязанностей достигается благодаря приверженности работника профессиональным ценностям и нормам, присущим данной сфере деятельности. Следование принципам и стандартам своей профессии позволяет специалисту качественно выполнять свои функциональные обязанности на высоком уровне. Эти ценности ориентируют человека на выбор, освоение и выполнение своей профессиональной деятельности и также представляют собой средства, обеспечивающие личностно-социально значимый результат любой профессиональной деятельности [8].

По мнению П. Сорокина, профессия имеет способность преобразовывать индивида независимо от его личной воли или желания. Она формирует его по своему образу и подобию, оказывая влияние на его интересы, убеждения, вкусы, стремления и желания. В итоге профессия оказывает влияние на всю природу индивида [17]. Профессиональные ценности играют роль ориентира в выполнении профессиональных обязанностей, соответствия требованиям по качеству работы, поддержания производственной дисциплины и приобретении необходимых знаний и умений, что способствует непрерывному развитию мастерства сотрудника.

При выборе профессии ценности играют ключевую роль, и насколько глубоко будущие специалисты понимают ценностный смысл профессии, зависит их отношение как к самому выполняемому труду, так и к выбранной профессии в целом [12]. Профессиональные ценности сотрудников оказываются разнообразными в зависимости от условий, в которых происходило их профессиональное самоопределение в процессе получения общего образования и продолжительного обучения в колледже или университете после выбора конкретной профессии. Когда полученные знания и навыки соответствуют естественным склонностям личности к определенному виду профессиональной деятельности, сформируется способность полноценно принимать соответствующие ценности. В результате формируется высококвалифицированный профессионал, который умеет эффективно использовать технологии, машины и инструменты для создания высококачественной продукции в различных сферах материального и духовного производства.

Э.Ф. Зеер акцентировал внимание на тесной взаимосвязи между ценностными ориентирами личности и ее профессиональной деятельностью. По его мнению, процесс освоения профессии должен обязательно сопровождаться формированием у обучающегося определенной системы ценностей и ценностных ориентаций, соответствующих специфике данного вида труда. Иными словами, приобретение профессиональных знаний и навыков необходимо сочетать с развитием ценностного отношения к выбранной специальности [3. С. 100]. Формирование ценностных ориентаций в профессиональной деятельности не ограничивается окончанием специального образования, а продолжается на протяжении всей трудовой жизни, особенно если человек стремится полностью реализовать свои знания, навыки и способности.

И.Ф. Исаев разработал классификацию профессиональных ценностей, в которой выделил не только ценности, связанные с целями трудовой деятельности (ценности-цели), и ценности, определяющие средства достижения этих целей (ценности-средства), но также ввел категорию ценностей-отношений. Последние отражают особенности взаимоотношений и взаимодействия в рамках профессиональной сферы, раскрывая механизмы, обеспечивающие функционирование и реализацию самой профессиональной деятельности на практике. Он также выделил ценности-знания, которые определяют важность определенных знаний для конкретного вида

профессиональной деятельности, и ценности-качества, которые определяют качества самой личности, необходимые для успешного осуществления этого вида профессиональной деятельности [4].

Общая теория формирования профессиональных ценностей служит основой для выделения специфических ценностей, характерных для преподавательской деятельности. И.Ф. Исаев предложил комплексный подход к пониманию профессиональных ценностей педагогов, работающих со студентами. По его мнению, четкое осознание целей и смысла педагогической работы, нацеленной на формирование у будущих специалистов общей культуры и культуры труда, является ключевым фактором, определяющим качество обучения студентов. Иными словами, глубокое понимание преподавателем значимости своей миссии по подготовке высококвалифицированных кадров и воспитанию их общечеловеческих и профессиональных качеств напрямую влияет на результативность учебного процесса в вузе. Осмысление педагогом этих фундаментальных ценностей ориентиров задает правильный вектор его профессиональной деятельности. Понимание иерархии профессиональных ценностей невозможно без исторического экскурса в развитие и становление профессии преподавателя высшей школы [4. С. 31].

Формирование профессиональных ценностей преподавателей высшей школы имеет свои истоки в Средневековье, где католическая церковь играла важную роль в развитии университетов. В этот период формировалась одна из профессиональных ценностей преподавателя – воспитание, осуществляемое через просвещение, богословское образование и активное формирование личности граждан. Важно отметить, что в указанный период образование было элитарным и доступным только ограниченному кругу студентов. Университеты сосредоточивались на создании образованных людей, и их основным приоритетом было воспроизводство этой элиты, а не развитие практических навыков и передача знаний [16].

В дальнейшем сформировалась концепция классического университета, заложившая основы модели исследовательского университета. Ее основные принципы были разработаны В. фон Гумбольдтом и Дж. Ньюманом. Данная модель объединила в себе элементы традиций английских (Оксфорд, Кембридж) и французских университетов того времени. В ее рамках были гармонично сочетаны академическая свобода преподавателей и их социальная ответственность, а также интегрированы образовательная и научно-исследовательская составляющие деятельности университета. Модель исследовательского университета, предложенная В. фон Гумбольдтом, возникла в ответ на потребность активного внедрения достижений естественных наук в промышленное развитие европейских государств, концепция В. фон Гумбольдта об интеграции научных исследований в университетскую среду была продиктована необходимостью более тесного взаимодействия между фундаментальной наукой и индустриальным прогрессом, набравшим обороты в странах Европы в тот период. Создание исследовательских университетов стало ответом на запросы развивающейся промышленности, которая нуждалась в применении новейших научных разработок и открытий для совершенствования производственных процессов и технологий. Это способствовало более тесной связи академической науки с потребностями индустриального сектора. Столкнувшись с проблемой сочетания науки и преподавания при подготовке специалистов в области управления и технологий, университеты осознали необходимость пересмотра своей роли. Это стало внешней

необходимостью, одновременно с сохранением накопленных знаний и принятием новых требований, предъявляемых германским обществом в то время.

Научные учебные заведения, такие как Высшая школа, имеют целью подготовить специалистов, которые будут способны развивать общую культуру всего народа, а не только решать узкие задачи отдельных социальных групп. Поэтому университеты ставят перед собой задачу разработки фундаментальных представлений об организации жизни человека, определении ее смысла и предназначения, что меняет иерархию профессиональных ценностей преподавателя.

В связи с этим, отношения между преподавателем и студентом в высших научных заведениях становятся совершенно другими, чем раньше. Здесь уже не только учитель служит ученикам, но и те, и другие служат науке. Деятельность учителя непосредственно зависит от присутствия студентов, без которых он не мог бы достичь успеха. учитель сознательно стремился окружить себя студентами, чтобы соединить свой богатый жизненный опыт и знания со свежими, открытыми и устремленными во все стороны юными умами, лишенными закосненности и предубеждений. Это позволяло ему обогатить и обновить свой интеллект, дополняя его неиссякаемой энергией молодости. В этой фразе подчеркивается важность для преподавателя находиться в тесном контакте со студентами, черпать вдохновение из их стремления к познанию и впитывать новые идеи и взгляды, способствующие поддержанию гибкости и живости собственного разума [1].

Одним из основных требований, вытекающих из этого, является необходимость преподавателями постоянно заниматься научной работой для уточнения их представлений о природе, обществе и их развитии. Это знание должно быть бесконечным, так как человеческое познание не имеет окончательной границы. Мы считаем, что это требование по-прежнему остается актуальным. Независимо от страны и преподаваемой дисциплины, современному университетскому преподавателю необходимо быть активным научным работником в той форме, в которой он способен. Во-вторых, включение студентов в исследовательскую деятельность является неотъемлемой частью этого процесса. По словам В. фон Гумбольдта, это обеспечивает соединение опыта преподавателя с творческой активностью студентов.

Задача воспитания остается важной частью системы профессиональных ценностей и проявляется в том, чтобы студент, став физически, нравственно и интеллектуально свободным и самостоятельным, не стремился к безделью или повседневной жизни, а в глубине своего сердца питал горячее желание достичь науки, которая ранее только привлекала его издалека [1].

В период разработки такой модели университетского образования в Германии и других европейских странах существовали ученые, для которых наука была основной занятием. Они организовывались в академии, и их представители время от времени участвовали в подготовке новых специалистов. В фон Гумбольдт полагал, что приоритетом для ученых является проведение исследований. Однако он видел большее значение в том, чтобы многие представители научного сообщества одновременно исполняли роли университетских преподавателей и были задействованы в работе академий, объединяющих ведущих деятелей науки. По его концепции, ученые должны были сочетать несколько функций – заниматься фундаментальными изысканиями, преподавать в вузах, передавая знания студентам, а также состоять в академических кругах, обмениваясь идеями и результатами исследований с коллегами на экспер-

ном уровне, что и заложило основные профессиональные ценности преподавателя классического университета. Но при этом каждое из этих учреждений должно иметь своих ученых, которые не принадлежат к другому учреждению. В современной практике работы университетов фактически реализуется такой подход. Вузы заинтересованы в приглашении в качестве преподавателей академических ученых, занимающихся фундаментальными исследованиями в области естественных и общественных наук. От них требуется не только обладание навыками преподавания и организации образовательного процесса, но и способность связать его с воспитательной работой [1].

Кроме того, помимо разработки немецкой концепции университета, Джон Ньюмен позднее предложил модель либерального университета, которая стала основой английской традиции высшего образования. Эта традиция сформировалась под влиянием шотландских высших школ и университетов, которые учитывали потребности промышленных центров [9. С. 70].

Целью университета, по мнению Джона Ньюмена, было не просто передача научных знаний, а воспитание студентов через развитие их интеллекта. Он считал, что главной задачей является научить студента мыслить, быть внимательным слушателем и уметь услышать аргументы оппонента. Это позволит студенту вести обоснованный диалог и формировать собственную точку зрения, а также обрести свободу мысли [14]. Согласно взглядам Джона Ньюмена, университеты не должны ставить во главу угла извлечение коммерческой прибыли, а должны сосредоточиться на передаче знаний, прежде всего, в области гуманитарных дисциплин. Из этого можно заключить, что в модели университета, предложенной Ньюменом, основополагающей профессиональной ценностью выступает воспитание образованных и всесторонне развитых граждан.

К началу XX века в России университеты сочетали элементы моделей организации университетского образования, предложенных В. фон Гумбольдтом и Дж. Ньюменом. В основном ведущими дисциплинами были гуманитарные науки, но постепенно начали появляться факультеты, где студенты изучали физические, химические и биологические процессы, происходящие в природных системах. В указанный период появились специализированные высшие учебные заведения, ориентированные на подготовку инженерных кадров для развития отечественной промышленности. Параллельно функционировала Российская академия наук, которая объединяла ученых, сконцентрированных на проведении фундаментальных исследований в различных областях науки. Таким образом, в этот период наблюдалась диверсификация высшего образования и науки – формировались отраслевые вузы для удовлетворения кадровых потребностей развивающейся промышленности, а академия выступала центром притяжения для ученых, углубленно изучающих фундаментальные научные проблемы.

В советский период была продолжена практика обособления научных исследований и образовательного процесса. В то время как вузы концентрировались на обучении студентов, разработкой теоретических научных концепций занималась Академия наук СССР со своей разветвленной сетью региональных отделений, охватывающих в том числе отдаленные регионы. В СССР действовала система, при которой ведущие теоретические научные исследования проводились в учреждениях Академии наук, имевшей широкую географическую представленность, тогда как вузы выполняли преимущественно образовательные функции по подготовке кадров. Прикладные исследования, связанные с кон-

кретными отраслями, проводились в множестве специализированных институтов, которые существовали при каждом министерстве в различных регионах страны. В этих институтах работали десятки тысяч ученых, которые занимались разработкой новых технологий и технического оборудования для промышленности и сельского хозяйства. Они также участвовали в обучении студентов только во время их практической работы.

Преподавательской деятельностью занимались специалисты, работающие в университетах и институтах, которые готовили молодых специалистов для различных отраслей общественного производства. Различия между этими двумя формами организации высшего образования были незначительными. В институтах готовили будущих технологов, специалистов по машинам и механизмам для конкретных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Студенты университетов и институтов активно вовлекались в воспитательную работу, осуществляемую преподавателями высших учебных заведений. В процессе обучения молодых специалистов они формировали как представителей интеллигентской прослойки в советской классовой структуре, которая отличалась от двух основных классов – рабочих и колхозников. Интеллигенцию отличало две ключевые характеристики: соответствующий уровень образования (высшее или среднеспециальное) и трудовая занятость, требующая преимущественно использования интеллектуальных способностей, а не физических усилий. Развитие интеллигенции позволяло не только создавать новые теории, технологии и технические устройства, но и иметь более глубокое понимание искусства, литературы и социальных процессов.

Таким образом, в советском образовании фактически осуществлялась идея, выдвинутая Вильгельмом фон Гумбольдтом, о том, что высшее образование, в первую очередь университетское, должно давать знания о человеке, его трудовой и социальной жизни, целях и смыслах, которые изучаются в рамках философии, основ экономики, этики и эстетики, что и послужило основой формирования воспитательной деятельности посредством вовлечения в науку как одной из основных в системе профессиональных ценностей преподавателя классического университета. Преподаватель, чья система профессиональных ценностей формировалась в классической модели университета (в советское время) считает своим профессиональным долгом передать студентам знания, которые нацелены не только на подготовку квалифицированных специалистов, но и на формирование граждан своей страны. Это является важным фактором, поскольку государство заинтересовано в развитии страны и требует от высших учебных заведений формирования молодого поколения, способного обеспечить полное развитие страны. В фон Гумбольдт указывал, что университеты, в отличие от чистой науки, призваны ориентироваться на практические нужды и запросы, исходящие от государства, поскольку их миссия заключается в воспитании молодежи согласно установкам и требованиям, сформулированным государственными структурами [1]. В частном бизнесе стремятся привлечь выпускников высших учебных заведений, которые способны эффективно решать задачи, направленные на увеличение прибыли их владельцев. В то же время, до недавнего времени гражданская позиция молодых специалистов не привлекала особого внимания.

Современная модель российского университета, так называемая предпринимательская модель, существенно меняет иерархию профессиональных ценностей преподавателя вуза. Современная модель университета сочетает в себе новые методики и инструменты обра-

зовательной деятельности, внедрение новых образовательных форм и большее приближение к потребностям рынка труда (внедрение проектного обучения), внедрение системы эффективного контракта, изменение требований социума привело к преобладанию в иерархии желаемых профессиональных ценностей ценности лояльности к быстро меняющимся требованиям, ценность научных изысканий и привлечения финансирования в вуз, и только затем ценность воспитания образованных граждан. Однако, современность демонстрирует актуальность системы воспитательной работы и иерархии профессиональных ценностей классического университета.

Результаты

Сформированность профессиональных ценностей у преподавателей вузов связана с их участием в различных видах деятельности, которые направлены на подготовку востребованных выпускников высших учебных заведений. Профессиональные ценности преподавателей представляют собой систему руководящих принципов, акцентирующих важность образовательного процесса для формирования компетентных специалистов, способных поддерживать жизнедеятельность общества, государства и различных отраслей экономики в соответствующем социокультурном контексте.

Профессиональные ценности преподавателя в современном университете подвергаются некоторым изменениям. Нам видятся существенные противоречия в современных реалиях вуза, вынужденного реагировать на существенные изменения внешней среды. Не успели университеты внедрить новую идею предпринимательского университета, где «во главу угла» ставилась ценность научного знания, как сейчас страна вынуждена реагировать на новые угрозы – формирование смыслов и ценностей студенческой молодежи. Образование посредством науки становится на второй план, по сравнению с функцией воспитания образованных граждан, способных принести пользу своей стране.

Изменение отношений между университетами и государством, а также взаимодействие с крупным, средним и малым бизнесом приводят к тому, что реализация модели классического университета В. фон Гумбольдта становится невозможной в новых условиях. Такие изменения требуют переоценки профессиональных ценностей преподавателей как в классических университетах, так и в новых, ранее известных как технические университеты. В результате вводится новая модель предпринимательского университета, которая определяется как необходимость преобразований внутри университетской среды, вызванная внешними изменениями, влекущая за собой формирование новой иерархии профессиональных ценностей.

Изменение профессиональной направленности интересов преподавателя под воздействием новых целевых показателей менеджмента вуза координирует систему целевых ценностей и общей направленности профессиональных интересов преподавателя. Однако эффективность и степень закрепления новой иерархической структуры профессиональных ценностей пока не изучена.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 22. С. 5–10.

2. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106–114.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательство Юрайт, 2008.
4. Исаев И.Ф. Теория и практика формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы: дисс. ...д. пед.наук. М., 1993.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Издательство Мысль. 1994.
6. Кант И. Основоположение метафизики нравов. М.: ЧОРО. 1994.
7. Кораблева Г.Б. Становление подходов к социологии профессии в России // Социс. 2013. № 01. С. 110–118.
8. Коротаева Е.В. Профессиональные ценности профессии педагога: понятия и классификации // Педагогическое образование в России. 2012. № 3. С. 11–14.
9. Ладыец Н.С. Философия и практика университетского образования. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. 1995.
10. Лапин Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. № 3. С. 82–93.
11. Лотце Г. Основания практической философии СПб.: тип. М.И. Румша. 1882.
12. Медведева Г.П. Профессионально-этические основы социальной работы. М.: Изд-во МГСУ. 2001.
13. Меренков А.В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Издательство Уральского горно-геологической академии. 2003.
14. Ньюмен Дж.Г. Идея университета. Минск: БГУ. 2006.
15. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998.
16. Роуг В. Университет как явление культуры // Alma mater Вест. Высшей школы. 1991. № 7. С. 100–106.
17. Сорокин П. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука. 1993.
18. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука. 1982.
19. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности. М.: Изд-во МГУ. 1982.
20. Ядов В.А., Марун В.С., Борзикова П.В., Водзинская В.В., Каюрова В.Н., Саганенко Г.И., Узунова В.Н., Семенов А.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979.
21. Lotze H. Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1923.
22. Perry R.B. Realms of value. A critique of human civilization. Harwarde: Harvard University Press, 1952.

PROFESSIONAL VALUES OF HIGHER UNIVERSITY TEACHERS: A STUDY OF THEORETICAL APPROACHES TO THE FORMATION

Nidergaus E.O.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Professional values of university teachers are a key factor determining the quality of the educational process and training of future specialists. In the context of constant changes in the field of higher education, there is a need to analyze and rethink the value guidelines of the teaching staff. Higher education is a sphere of interaction of social communities, groups and individuals. But despite the importance of this topic, it remains insufficiently studied. This arti-

cle discusses the genesis of the formation of professional values of a university teacher, this excursion will help to understand modern trends in the transformation of the teacher's attitude to his work. The purpose of the work was to study theoretical approaches to the formation of professional values of higher education teachers and to identify the most effective mechanisms for their development and strengthening. The work provides a comprehensive analysis of the scientific literature on the philosophy and sociology of education. The key professional values of university teachers are identified, such as the desire for continuous self-development through scientific research, academic freedom, the value of transferring knowledge and experience not only in professional activities, but also the education of an integral, harmonious and self-sufficient personality of a future specialist. The formation and strengthening of professional values of higher education teachers is a key task for ensuring high quality education. The synthesis of theoretical approaches and practical mechanisms will allow the creation of an effective system for the development and consolidation of professional values of university teachers, which will contribute to strengthening the country's sovereignty by educating not only highly qualified specialists but also citizens of their country within the walls of the university.

Keywords: professional values, university, higher education, classical university model, education, values, hierarchy of values.

References

1. Humboldt V. von. On the internal and external organization of higher scientific institutions in Berlin. Neprikosnovennyj zapas. 2002; (22): 5–10 (In Russ).
2. Durkheim E. Value and “real” judgments. Sotsiologicheskie issledovaniya. 1991. (2): 106–114 (In Russ).
3. Zeer EF. Psihologiya professional'nogo obrazovaniya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij. [Psychology of professional education: studies. a student's manual. higher. studies. institutions]. Moscow: Izdatel'stvo YUrajt. 2008. (In Russ).
4. Isaev I.F. Teoriya i praktika formirovaniya professional'no-pedagogicheskoy kul'tury prepodavatelya vysshej shkoly. [Theory and practice of the formation of professional and pedagogical culture of a higher schoolteacher] [Dissertation]. Moscow; 1993 (In Russ).
5. Kant I. Kritika chistogo razuma.[Criticism of pure reason]. Moscow: Izdatel'stvo Mysl. 1994 (In Russ).
6. Kant I. Osnovopozhenie metafiziki нравов. [The foundation of the metaphysics of morals] Moscow: CHORO. 1994. (In Russ).
7. Korableva G.B. The formation of approaches to the sociology of the profession in Russia. Socis. 2013; (1): 110–118. (In Russ).
8. Korotaeva EV. Professional values of the teaching profession: concepts and classifications. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012; (3): 11–14. (In Russ).
9. Ladyzhets NS. Filosofiya i praktika universitetskogo obrazovaniya. [Philosophy and practice of university education]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta. 1995. (In Russ).
10. Lapin N.I. The problem of values in the research of V.A. Yadov and his colleagues. Economic Sociology. 2009; (3): 82–93. (In Russ).
11. Lotze G. Osnovaniya prakticheskoy filosofii. [The foundations of practical philosophy]. SPb.: tip. M.I. Rumsha; 1882. (In Russ).
12. Medvedeva GP. Professional'no-eticheskie osnovy sotsial'noy raboty. [Professional and ethical foundations of social work]. Moscow: MGSU Publishing House; 2001. (In Russ).
13. Merenkov AV. Sistema determinatsii chelovecheskoy deyatel'nosti. [The system of determination of human activity]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural Mining and Geological Academy; 2003. (In Russ).
14. N'yumen Dzh. G. Ideya universiteta. [The idea of a university]. Minsk: BGU; 2006. (In Russ).
15. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv. [The system of modern societies]. Moscow: Aspekt Press; 1998. (In Russ).
16. Rogue V. University as a cultural phenomenon. Alma mater Vest. Vysshey shkoly. 1991; (7): 100–106. (In Russ).
17. Sorokin P. Sotsial'naya analitika: Uchenie o stroenii slozhnykh sotsial'nykh agregatov. [Social analytics: The doctrine of the structure of complex social aggregates] Moscow: Nauka; 1993. (In Russ).
18. Strumilin SG. Problemy ekonomiki truda. [Problems of labor economics.]. Moscow: Nauka. 1982. (In Russ).

19. Shpranger E. Osnovnye ideal'nye tipy individual'nosti. [The main ideal types of individuality]. Moscow: Izd-vo MGU; 1982. (In Russ).
20. Yadov V.A., Magun V.S., Borzikova P.V., Vodzinskaya V.V., Kayurova V.N., Saganenko G.I., Uzunova V.N., Semenov A.A. Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti. [Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality]. Leningrad: Nauka; 1979. (In Russ).
21. Lotze H. Mikrokosmos. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit. Versuch einer Anthropologie. Leipzig: Verlag von S. Hirzel; 1923.
22. Perry R.B. Realms of value. A critique of human civilization. Harwarde: Harvard University Press; 1952.

Влияние эмоционального интеллекта на внутреннюю мотивацию спортсменов

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshkov@gmail.com

Шубин Леонид Борисович,

канд. мед. наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: LBSH@yandex.ru

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

В статье внимание сосредоточено на теории самоопределения, особый акцент сделан на внутренней мотивации – стремлении выполнять задачу без расчёта на внешнее вознаграждение. В спорте, мотивация остаётся одной из самых изучаемых переменных, поскольку именно она объясняет, почему спортсмены начинают, продолжают или прекращают тренировочный процесс.

Цель исследования – выявить и проанализировать связь между внутренней мотивацией и эмоциональным интеллектом в контексте теории самоопределения.

Результаты указывают на необходимость интеграции навыков эмоционального интеллекта в образовательные и тренировочные программы для будущих тренеров и преподавателей физической культуры, тем самым подчёркивается роль эмоционального интеллекта в формировании и поддержании внутренней мотивации спортсменов.

Ключевые слова: мотивация, эмоциональный интеллект, спортсмены, студенты, тренировки

Введение

Занятия спортом направлены на достижение комплексных целей, включающих физическое совершенствование и психологическое благополучие. При этом важную роль играют межличностные отношения, формируемые в процессе спортивной деятельности, а также реализация поставленных задач и достижение конкретных результатов [1, с. 8]. Спортивная психология за последние годы утвердилась как самостоятельная наука, изучающая психологические факторы, влияющие на спортивные достижения [2, с. 1570]. Среди множества исследуемых переменных мотивация занимает особое место как одна из наиболее изученных областей [3, с. 601]. Мотивация рассматривается как центральная тема спортивной психологии, поскольку она служит основой для получения высоких результатов, что делает её важной психологической переменной, определяющей успех в профессиональном и любительском спорте.

По своей сути мотивация представляет собой внутреннее побуждение, направляющее человека к выполнению определённых действий с конкретной целью. Таким образом, понимание мотивационных механизмов становится фундаментом для эффективной спортивной подготовки и достижения высоких результатов. [4, с. 70].

Фундаментальные принципы теории самоопределения

Современная мотивационная психология представляет собой обширную и многогранную область исследований, насчитывающую множество теоретических подходов и концепций. Среди этого разнообразия теоретических моделей теория самоопределения занимает особое место, являясь наиболее влиятельной и эмпирически обоснованной концепцией для понимания человеческой мотивации. Разработанная Эдвардом Деси и Ричардом Райаном, теория самоопределения (самодетерминации) предоставляет комплексную теоретическую основу для понимания механизмов мотивации человека. Эта теория выделяется среди других мотивационных концепций своей способностью объяснить широкий спектр поведенческих проявлений, особенно тех, которые характеризуются высоким уровнем саморегуляции и осознанного выбора. Теория самоопределения произвела революционные изменения в понимании мотивации спортсменов, предоставив исследователям и практикам мощный инструмент для анализа спортивного поведения. Ее основной вклад в спортивную психологию заключается в возможности детального анализа уровня вовлеченности спортсменов на основе различных психологических механизмов, регулирующих поведение [1, с. 5].

В рамках теории самоопределения мотивация рассматривается как сложная многомерная психологическая структура, которая характеризуется несколькими ключевыми особенностями. Во-первых, она варьируется по интенсивности, что означает различные уровни мотивационной активности у разных спортсменов и в разных ситуациях [3, с. 603].

Во-вторых, спортивная мотивация реагирует на различные цели и намерения, что проявляется в способности адаптироваться к изменяющимся условиям спортивной деятельности и личным целям атлета [5, с. 23]. Это особенно важно для понимания того, как спортсмены корректируют свое поведение в зависимости от поставленных задач.

В-третьих, мотивация спортсменов подвержена влиянию множества факторов, включая социальную среду, специфику тренерской и командной работы, а также, индивидуальные особенности личности. Эта многофакторность делает спортивную мотивацию особенно сложной для изучения и управления [6, с. 295].

Внешняя мотивация в спорте представляет собой сложный психологический феномен, который определяется совокупностью факторов, находящихся вне самой спортивной деятельности. Она характеризуется ориентацией на внешние результаты и вознаграждения, получаемые в процессе соревновательной активности. Эта форма мотивации обусловлена различными типами наград, которые спортсмены могут получить во время участия в соревнованиях. Внешнее удовлетворение, являющееся основой данного типа мотивации, проявляется через получение материальных и символических вознаграждений. К таким вознаграждениям относятся призы, медали, денежные премии, а также различные формы общественного признания и одобрения. Важно отметить, что внешняя мотивация может функционировать как через прямые экономические стимулы (зарботная плата, премии, спонсорские контракты), так и через косвенные неэкономические факторы (социальное признание, статус, репутация) [3, с. 598].

Внутренняя мотивация обусловлена удовольствием, которое спортсмены получают от самого процесса участия в деятельности. Она сопровождается чувствами компетентности и самореализации, что создает устойчивый мотивационный цикл. Спортсмены, движимые внутренней мотивацией, участвуют в деятельности не из-за внешних стимулов, а потому что сама деятельность приносит им глубокое психологическое удовлетворение. Современные исследования показывают, что внутренняя мотивация имеет глубокие нейробиологические корни, активируя крупномасштабные нейронные сети, отвечающие за обнаружение значимых стимулов, контроль внимания и саморефлексию [1, с. 3].

Внутренняя мотивация подразделяется на три основных подтипа, каждый из которых отражает различные аспекты психологического удовлетворения [7, с. 263]. Первый подтип, представляет собой внутреннюю мотивацию к знаниям. Этот тип мотивации проявляется, когда спортсмены занимаются деятельностью ради удовольствия и удовлетворения, которые они испытывают в процессе изучения новых навыков, техник или методик. Спортсмены с высоким уровнем данного типа мотивации получают интеллектуальное удовольствие от понимания тонкостей своего вида спорта, анализа тактических схем и освоения сложных двигательных паттернов. Второй подтип – это мотивация к мастерству, он характеризуется стремлением к совершенствованию и преодолению собственных пределов. Спортсмены этого типа участвуют в соревнованиях и тренировках ради самого процесса совершенствования, получая глубокое удовлетворение от достижения новых высот и установления личных рекордов. Данный тип мотивации связан с внутренним стремлением к превосходству и личностному росту. Спортсмены фокусируются на постоянном улучшении своих навыков, техник, рассматривая каждую тренировку как возможность стать лучше, получая удовольствие от процесса преодоления трудностей и до-

стижения новых уровней мастерства [8, с. 10]. Третий подтип, основан на внутренней мотивации к стимуляции и проявляется в стремлением испытать уникальные ощущения и эмоции, связанные со спортивной деятельностью. Люди этого типа занимаются спортом для того, чтобы пережить сильные сенсорные и эмоциональные переживания, которые невозможно получить в других сферах жизни. Этот тип мотивации особенно характерен для экстремальных видов спорта, где спортсмены стремятся к выбросу адреналина и острым эмоциональным переживаниям. Однако он может проявляться и в традиционных видах спорта через стремление к эстетическому удовольствию от красивых движений, чувству ритма во время соревнований, или удовольствию от физических ощущений во время интенсивных тренировок [9, с. 5].

Теория самоопределения представляет собой наиболее развитую и эмпирически обоснованную концепцию в современной психологии мотивации. Ее применение в спортивной психологии открывает новые возможности для понимания сложных механизмов, лежащих в основе спортивного поведения и достижений.

Многомерная природа мотивации, описываемая в рамках этой теории, позволяет исследователям и практикам более глубоко анализировать факторы, влияющие на спортивную деятельность, и разрабатывать более эффективные стратегии мотивационного воздействия. Это особенно важно в контексте современного спорта, где психологические аспекты играют все более значимую роль в достижении высоких результатов. [3, с. 614].

Эмоциональный интеллект и его структура

Эмоциональный интеллект (ЭИ) занимает важное место в исследованиях спортивной психологии, поскольку раскрывает механизмы восприятия, анализа и управления эмоциями спортсменов. В научной литературе выделяют два основных направления в понимании ЭИ: смешанные модели и модели способностей.

Модели способностей рассматривают ЭИ как совокупность когнитивных навыков, стандартизированных и поддающихся измерению. Согласно этому подходу, эмоциональный интеллект – это умение осознавать и анализировать собственные и чужие эмоции, а затем использовать эти знания для регуляции мышления и поведения [11, с. 10]. Ключевыми характеристиками таких моделей являются:

1. Фокус на когнитивных процессах, отсекающих личностные черты из определения;
2. Возможность целенаправленного развития и тренировки эмоциональных навыков;
3. Строгая эмпирическая проверяемость, делающая модель предпочтительной в научных исследованиях.

Эмоциональный интеллект определяется как комплекс когнитивных умений, ориентированных на распознавание, использование, понимание и управление эмоциями [2, с. 1564]. Именно этот четырехуровневый (четырёхветвевой) механизм, предложенный Мейером, обладает наибольшей эмпирической надёжностью и научной строгостью.

Ветвь 1: Восприятие эмоций. Это базовое умение обнаруживать и точно интерпретировать эмоциональные сигналы. Распознавание выражений лица, интонации, жестов и позы тела с оценкой эмоционального состояния других людей и собственного в момент переживаний.

Ветвь 2: Использование эмоций. Эмоции выступают информационными маркерами, способными направлять

мышление и творчество, мобилизуя эмоциональную энергию для фокусировки внимания на важных задачах.

Ветвь 3: Понимание эмоций. Углублённый анализ и категоризация эмоциональных явлений: распознавание переходов и сложных сочетаний чувств (например, раздражение, переходящее в гнев), а также, понимание причинно-следственных связей между событиями и эмоциональными реакциями.

Ветвь 4: Управление эмоциями. Высший уровень, предполагающий сознательную регуляцию собственных и чужих эмоций. Здесь, происходит коррекция и подавление деструктивных чувств (например, успокоение перед выступлением). Ветвь также играет роль в поддержании эмоционального климата в группе/команде через эмпатию и адаптивное взаимодействие.

Четыре ветви объединяются в иерархию: навыки восприятия являются основой для использования эмоций; понимание опирается на корректное использование, а управление базируется на глубоком понимании [12, с. 5]. Развитие каждого уровня усиливает следующие, создавая систему целостного эмоционального интеллекта, которая позволяет эффективно адаптироваться и добиваться успеха в любой сфере, включая спорт, образование и бизнес

Что касается роли и вклада спортивной психологии, многочисленные исследования показывают, что эмоциональный интеллект (ЭИ) выступает ключевым фактором. Более высокий уровень ЭИ тесно и положительно связан с такими переменными, как мотивация, удовлетворённость жизнью, осознанная саморегуляция, самоэффективность, качество межличностных отношений [13, с. 9], а также сниженный уровень тревожности, развитие психологических навыков [8, с. 11] и субъективное благополучие [14, с. 280].

Именно поэтому изучение эмоционального интеллекта становится приоритетным направлением в современном спорте: навыки ЭИ выступают теми инструментами, которые позволяют спортсменам эффективно справляться с разнообразными сложными ситуациями. Проще говоря, ЭИ предоставляет атлетам необходимые ресурсы для контроля и управления собственными эмоциями.

Что касается университетского образования, лежащего в основе нашей выборки, исследования показали, что внутренняя мотивация непосредственно связана со способностью осознавать и усваивать сведения о собственных и чужих эмоциях. Кроме того, она включает умение переживать новые или нестандартные эмоциональные состояния и адекватно их выражать [12, с. 7]. Иначе говоря, сущность моделей способностей заключается в рассмотрении эмоционального интеллекта как совокупности навыков, которые возможно развивать, совершенствовать и тренировать [9, с. 12].

Исследования Rodríguez González, P., с соавт. [15, с. 241] показали, что внутренняя мотивация имеет статистически значимое влияние на каждое из измерений, составляющих эмоциональный интеллект, а именно внимание, ясность и эмоциональную регуляцию.

Полученные результаты выполняют важную функцию обратной связи: они позволяют определить, в каких аспектах студенты уже обладают необходимыми знаниями и навыками, а какие области требуют дополнительного внимания и обучения в рамках спортивной психологии [16, с. 57]. Однако недостаток исследований, посвящённых взаимосвязи между внутренней мотивацией и эмоциональным интеллектом, существенно ограничивает наше понимание психологических механизмов, лежащих в основе спортивной деятельности, а также того, каким образом эмоциональный интеллект влияет на мотивационные процессы.

Устранение этого пробела в знаниях особенно важно для формирования прочной теоретической базы, которая послужит основой для разработки более эффективных и обоснованных методов повышения мотивации спортсменов. На основании имеющихся данных можно утверждать, что существует тесная связь между уровнем эмоционального интеллекта и внутренней мотивацией. Так, спортсмены, обладающие высоким эмоциональным интеллектом, чаще испытывают удовольствие и удовлетворение от участия в учебной, исследовательской или соревновательной деятельности, а также стремятся к личному росту и совершенствованию результатов.

Кроме того, такие спортсмены легче вовлекаются в активности, связанные с творчеством, эстетикой, развлечением и получением удовольствия [8, с. 3]. Можно сделать вывод, что высокий уровень самоопределения обычно сочетается с развитым эмоциональным интеллектом, что подтверждает существование связи между теорией самоопределения и концепцией эмоционального интеллекта [10, с. 22].

В результате формируется профиль спортсмена, который отличается позитивным отношением к тренировочному процессу, высокой степенью вовлечённости, активным участием в различных видах деятельности, значительным уровнем физической активности, способностью выстраивать позитивные отношения с окружающими, а также стремлением прилагать усилия и получать удовольствие от своей спортивной практики [1, с. 4].

Заключение

Ключевым достижением данного исследования стало систематическое обобщение существующих знаний о роли эмоционального интеллекта в спортивной сфере, особенно в процессе подготовки студентов, обучающихся по спортивным направлениям. Такой подход позволяет рассматривать эмоциональный интеллект не только как теоретическую концепцию, но и как практический инструмент для разработки и внедрения разнообразных стратегий, направленных на развитие эмоциональных и мотивационных компетенций у студентов, связанных с физической культурой и спортивными науками.

В результате, выявлена тесная взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и уровнем внутренней мотивации спортсменов и студентов, обучающихся по направлению подготовки «Физическая культура и спорт». Это подчеркивает важность целенаправленной работы с будущими педагогами и тренерами, для лучшего понимания всех педагогических и психологических аспектов во время работы со спортсменами.

Такой подход способствует не только росту приверженности и удовлетворенности участников образовательного и тренировочного процесса, но и повышению их результативности в сфере физической культуры и спорта. В перспективе эти выводы определяют дальнейшее направление исследований, ориентированных на создание и внедрение практических стратегий, способствующих развитию внутренней мотивации в тренерской и образовательной деятельности, а также в подготовке профессиональных спортсменов.

Литература

1. Mercader-Rubio I, Ángel NG, Silva S, Furtado G, Brito-Costa S. Intrinsic Motivation: Knowledge, Achievement, and Experimentation in Sports Science Students-Relations with Emotional Intelligence. Behav Sci (Basel). 2023;13(7):589. doi:10.3390/bs13070589

2. Lourenço, J., Almagro, B. J., Carmona-Márquez, J., & Sáenz-López, P. Predicting Perceived Sport Performance via Self-Determination Theory. *Perceptual and Motor Skills*. 2022. 129(5), 1563–1580. <https://doi.org/10.1177/00315125221119121>
3. Beauchamp MR, Kingstone A, Ntoumanis N. The Psychology of Athletic Endeavor. *Annu Rev Psychol*. 2023;74:597–624. doi:10.1146/annurev-psych-012722-045214
4. Vallejo-Reyes F.A., Campbell J.I.M., Lochbaum M.R., Duclos-Bastías D.M., Guerrero-Santana, I., Beltrán H.J.C. Adaptación y validación de la escala de motivación en el deporte 2 (EMD-2) para estudiantes universitarios chilenos. *Cuad. Psicol. Deporte* 2018, 18, 63–74.
5. Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Плещёв И.Е. Применение опросника SF-36 для оценки эффективности реабилитационной программы с применением водного велосипеда «Сибайк» после травмы нижних конечностей. *Медицинская психология в России*. 2025;17(1):20–26.
6. Эбзеев М. М., Кубеков Э.А., Семенова А.О. Теоретические основы спортивных результатов // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79–1. – С. 394–396.
7. Mohamad B.A.A., Mazalan N.S., Wan A.M.W., Kamaruzaman F.M., Nazarudin M.N. Intrinsic and Extrinsic Motivation in Sports. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. 2023. Vol. 12. Issue 3. Pp 261–265. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARPED/v12-i3/18460>.
8. Manninen, M.; Dishman, R.; Hwang, Y.; Magrum, E.; Deng, Y.; Yli-Piipari, S. Self-determination theory based instructional interventions and motivational regulations in organized physical activity: A systematic review and multivariate meta-analysis. *Psychol. Sport Exerc*. 2022. № 62, 102248. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2022.102248>
9. Guevara, A.G.B.; Cuayal, B.T.; Guerrero, P.M.P.; Odio, S.M.A. Análisis de la escala de motivación deportiva en la categoría sub16 de la escuela de fútbol “El Nacional” [Analysis of the scale of sports motivation in the category sub16 soccer school “El Nacional”]. *Lect. Educ. Física Deportes* 2015, 211, 15.
10. Muñoz Gómez, L. P., Morillo Puente, S., Hernández Bohórquez, E.E. Motivación deportiva en jugadoras de baloncesto de alto rendimiento de las selecciones nacionales de Argentina, Chile, Colombia, Ecuador, Paraguay, Perú y Venezuela. *Pensando Psicología*, 2021. 17(1), 1–26. <https://doi.org/10.16925/2382-3984.2021.01.04>
11. Wang K, Li Y, Zhang T, Luo J. The Relationship among College Students’ Physical Exercise, Self-Efficacy, Emotional Intelligence, and Subjective Well-Being. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(18):11596. Published 2022 Sep 15. doi:10.3390/ijerph191811596
12. Kopp A., Reichert M., Jekauc D. Trait and ability emotional intelligence and its impact on sports performance of athletes. *Sports*. 2021, 9, 60. <https://doi.org/10.3390/sports9050060>
13. Castro-Sánchez M, Zurita-Ortega F, Chacón-Cuberos R, López-Gutiérrez CJ, Zafra-Santos E. Emotional Intelligence, Motivational Climate and Levels of Anxiety in Athletes from Different Categories of Sports: Analysis through Structural Equations. *Int J Environ Res Public Health*. 2018;15(5):894. doi:10.3390/ijerph15050894
14. Villanueva L, Prado-Gascó V, Montoya-Castilla I. Longitudinal analysis of subjective well-being in preadolescents: The role of emotional intelligence, self-esteem and perceived stress. *J Health Psychol*. 2022;27(2):278–291. doi:10.1177/1359105320951605
15. Rodríguez González, P.; Cecchini Estrada, J.A.; Méndez Giménez, A.; Sánchez Martínez, B. Motivación intrínseca, inteligencia emocional y autorregulación del aprendizaje: Un análisis multinivel. *Rev. Int. Med. Cienc. Act. Física Deporte*. 2021, 2, 235–252. <http://dx.doi.org/10.15366/rimcafd2021.82.003>
16. Кулибина О. В., Плещев И.Е., Скобелева Т.Н. Социально-гигиенические аспекты факторов риска учебного стресса студентов и возможные пути его профилактики // Санитарный врач. – 2021. – № 10. – С. 55–62. – DOI 10.33920/med-08-2110-05. – EDN JLTFAH.

THE INFLUENCE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE ON THE INTRINSIC MOTIVATION OF ATHLETES

Pleshchev I.E., Shubin L.B., Savgachev V.V.
Yaroslavl State Medical University

In this article, attention is focused on the theory of self-determination, with special emphasis on intrinsic motivation – the desire to perform a task without relying on external rewards. In the sports field, motivation remains one of the most studied variables, as it explains why athletes start, continue or stop training. The purpose of the study is to identify how intrinsic motivation and emotional intelligence are related in the context of the theory of self-determination. For this purpose, three components of emotional intelligence are analyzed – emotional attention, clarity of experiences and the ability to regulate them – in combination with internal motivation aimed at gaining knowledge and perceiving stimuli. The results show that there is a significant relationship between all three dimensions of emotional intelligence and intrinsic motivation. This highlights the critical role of emotional intelligence in the formation and maintenance of athletes’ internal motivation.

Keywords: motivation, emotional intelligence, athletes, students, training.

References

1. Mercader-Rubio I, Ángel NG, Silva S, Furtado G, Brito-Costa S. Intrinsic Motivation: Knowledge, Achievement, and Experimentation in Sports Science Students-Relations with Emotional Intelligence. *Behav Sci (Basel)*. 2023;13(7):589. doi:10.3390/bs13070589
2. Lourenço, J., Almagro, B. J., Carmona-Márquez, J., & Sáenz-López, P. Predicting Perceived Sport Performance via Self-Determination Theory. *Perceptual and Motor Skills*. 2022. 129(5), 1563–1580. <https://doi.org/10.1177/00315125221119121>
3. Beauchamp MR, Kingstone A, Ntoumanis N. The Psychology of Athletic Endeavor. *Annu Rev Psychol*. 2023;74:597–624. doi:10.1146/annurev-psych-012722-045214
4. Vallejo-Reyes F.A., Campbell J.I.M., Lochbaum M.R., Duclos-Bastías D.M., Guerrero-Santana, I., Beltrán H.J.C. Adaptación y validación de la escala de motivación en el deporte 2 (EMD-2) para estudiantes universitarios chilenos. *Cuad. Psicol. Deporte* 2018, 18, 63–74.
5. Shubin L. B., Savgachev V.V., Pleshchev I.E. The use of the SF-36 questionnaire to evaluate the effectiveness of a rehabilitation program using a Seabike water bike after a lower limb injury // *Medical psychology in Russia*. 2025. Vol.17. No.1 (86). Pp. 20–26.
6. Ebzееv M. M., Kubekov E.A., Semenova A.O. Theoretical foundations of sports results // Problems of modern pedagogical education. – 2023. No. 79–1. pp. 394–396.
7. Mohamad B.A.A., Mazalan N.S., Wan A.M.W., Kamaruzaman F.M., Nazarudin M.N. Intrinsic and Extrinsic Motivation in Sports. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*. 2023. Vol. 12. Issue 3. Pp 261–265. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARPED/v12-i3/18460>.
8. Manninen, M.; Dishman, R.; Hwang, Y.; Magrum, E.; Deng, Y.; Yli-Piipari, S. Self-determination theory based instructional interventions and motivational regulations in organized physical activity: A systematic review and multivariate meta-analysis.

- sis. Psychol. Sport Exerc. 2022. № 62, 102248. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2022.102248>
9. Guevara, A.G.B.; Cuayal, B.T.; Guerrero, P.M.P.; Odio, S.M.A. Análisis de la escala de motivación deportiva en la categoría sub16 de la escuela de fútbol “El Nacional” [Analysis of the scale of sports motivation in the category sub16 soccer school “El Nacional”]. Lect. Educ. Física Deportes 2015, 211, 15.
 10. Muñoz Gómez, L. P., Morillo Puente, S., Hernández Bohórquez, E.E. Motivación deportiva en jugadoras de baloncesto de alto rendimiento de las selecciones nacionales de Argentina, Chile, Colombia, Ecuador, Paraguay, Perú y Venezuela. Pensando Psicología, 2021. 17(1), 1–26. <https://doi.org/10.16925/2382-3984.2021.01.04>
 11. Wang K, Li Y, Zhang T, Luo J. The Relationship among College Students’ Physical Exercise, Self-Efficacy, Emotional Intelligence, and Subjective Well-Being. Int J Environ Res Public Health. 2022;19(18):11596. Published 2022 Sep 15. doi:10.3390/ijerph191811596
 12. Kopp A., Reichert M., Jekauc D. Trait and ability emotional intelligence and its impact on sports performance of athletes. Sports. 2021, 9, 60. <https://doi.org/10.3390/sports9050060>
 13. Castro-Sánchez M, Zurita-Ortega F, Chacón-Cuberos R, López-Gutiérrez CJ, Zafra-Santos E. Emotional Intelligence, Motivational Climate and Levels of Anxiety in Athletes from Different Categories of Sports: Analysis through Structural Equations. Int J Environ Res Public Health. 2018;15(5):894. doi:10.3390/ijerph15050894
 14. Villanueva L, Prado-Gascó V, Montoya-Castilla I. Longitudinal analysis of subjective well-being in preadolescents: The role of emotional intelligence, self-esteem and perceived stress. J Health Psychol. 2022;27(2):278–291. doi:10.1177/1359105320951605
 15. Rodríguez González, P.; Cecchini Estrada, J.A.; Méndez Giménez, A.; Sánchez Martínez, B. Motivación intrínseca, inteligencia emocional y autorregulación del aprendizaje: Un análisis multinivel. Rev. Int. Med. Cienc. Act. Física Deporte. 2021, 2, 235–252. <http://dx.doi.org/10.15366/rimcafd2021.82.003>
 16. Kulibina O. V., Pleshchev I.E., Skobeleva T.N. Socio-hygienic aspects of risk factors for student learning stress and possible ways to prevent it // Sanitary doctor. 2021. No. 10. pp. 55–62. DOI 10.33920/med-08-2110-05.

Лексические средства языковой манипуляции в российских и зарубежных СМИ

Решетова Инна Сергеевна,

кандидат педагогических наук, доцент департамента лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет

Ивахненко Ксения Дмитриевна,

студентка департамента лингвистики, Северо-Кавказский федеральный университет

В статье рассматривается феномен речевого манипулирования и его особенности в языке русскоязычных и англоязычных средств массовой информации. В частности, авторы рассматривают лексические средства манипулирования общественным сознанием на основе анализа статей из двух англоязычных и трех русскоязычных изданий. Статья носит практическую направленность, поскольку позволяет ознакомиться с методами манипуляции, что в последующем позволит распознавать их в текстах.

Ключевые слова: манипуляция, речевое воздействие, язык СМИ, лексические средства манипуляции.

Актуальность исследования феномена языковой манипуляции в современных СМИ обусловлена, с одной стороны, их возрастающей ролью в жизни современного общества, с другой – повышением уровня субъективности предлагаемой информации, стиранием границ между фактами и мнением, все большей вовлеченностью средств массовой информации в политические игры, направленные на управление сознанием аудитории.

В лингвистических исследованиях манипуляция рассматривается как разновидность речевого воздействия (И.А. Стернин, А.А. Данилова, Г.А. Копнина, К.Ф. Седов и др.) [12, 3, 7, 10]. Так, И.А. Стернин, рассматривая понятия «манипуляция» и «речевое воздействие», разделяет их, главным образом на основе критерия «сознательность / бессознательность» действий адресата: «Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д. А манипулирование – это воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. неосознанно или вопреки его собственному мнению, намерению» [12, с. 67].

Сходное определение дает Е.В. Денисюк, определяя языковую манипуляцию как «специфическое речевое поведение в процессе общения, направленное на побуждение собеседника совершить невыгодное для него (но выгодное для побуждающего лица) действие. Отличительной чертой этого способа побуждения является его скрытый характер: и цель и процесс побуждения намеренно скрываются от адресата» [4, с. 110].

Именно латентность воздействия в процессе манипуляции составляет основную сложность для адресата речи, поскольку, не осознавая истинных намерений собеседника, невозможно защититься от манипулятивного воздействия [5]. «Специфика манипуляции состоит в том, что этот прием воздействия относится к средствам принципиально косвенного общения: если говорящий скажет, что его сообщение имеет манипулятивную цель, то произойдет «иллюкативное самоубийство», коммуникация примет несерьезный характер» [6, с. 67].

Следовательно, о речевой манипуляции мы можем говорить в том случае, если говорящий использует скрытые возможности языка чтобы сформировать у аудитории нужное ему мнение, определенную точку зрения на некоторое событие, вызвать выгодную для себя эмоциональную реакцию. Согласно Р. Блакару, одному из известных исследователей языковой манипуляции, «язык в таких случаях используется как инструмент социальной власти» [1, с. 68].

Знаменитый лингвист и филолог Ноам Хомский описал первые стратегии манипуляций в средствах массовой информации. В своих работах он выделяет около 10 способов управления общественными массами и говорит о том, что взгляды, мысли и стремления большинства людей всего лишь результат пропаганды, которая, в свою очередь, является качественной и продуманной. С тех пор массмедиа значительно расширили сферу своего влияния [8].

В настоящее время интернет, социальные сети и многие другие каналы используются повсеместно и влияют на сознание людей. Важно подчеркнуть, что «информационно оформленные влияния на сознание человека определяются как отрицательные, если они способствуют созданию напряжения на ментальном и физическом плане жизнедеятельности, как отдельных людей, так и всего общества в целом, искривляют зеркало морали, дезориентируют людей в их социальных и политических установках и приводят впоследствии к аномальному, разрушающему общественное и государственное устройство образу мыслей и поведенческих реакций, как одной личности, так и больших социальных групп» [11].

Современные СМИ профессионально пользуются всем набором средств языкового манипулирования, включая лексические, стилистические и синтаксические средства, несущие в себе определенную семантику и/или коннотативное значение. Мы в исследовании остановимся только на группе лексических средств манипулирования.

Для сравнительного анализа лексических средств манипулирования общественным сознанием были выбраны два англоязычных новостных канала: The Guardian и The Morning Star и три русскоязычных издания: «Комсомольская правда», «Взгляд» и «РБК».

С целью обеспечить возможность сравнения, выбранные статьи имеют примерно одинаковый объем и посвящены одной и той же теме. Выбранные темы отражают современную политическую ситуацию в России, что обусловлено актуальностью данной темы как для российских, так и для мировых изданий. Кроме того, различия в отношении общества к данной теме, вероятно, будут показаны в новостных сообщениях, освещающих эту область. Нами был исследован ряд языковых особенностей лексико-семантического характера.

Анализируя лексический состав статей, стоит обратиться к явлению имплицитности, наблюдаемого в большинстве текстов. Умение распознавать имплицитный смысл дискурса предполагает результат процесса понимания смыслового контента текста, в рамках которого коммуникатор замечает неоднозначность его семантики и недосказанность.

Таким образом, прочитав заголовок статьи, можно вывести лексическую пресуппозицию – «Холодная война уже существовала в какой-то промежуток времени» или «Западная демократия может потерпеть поражение». В случае если человек сталкивается с данным заголовком впервые без владения информацией о прежних исторических событиях, связанных с Холодной войной, у него может сложиться ложное понимание, что в первой Холодной войне Запад не отличался силой и терпел поражение. Также, лексема «the first – первый» даёт четкое понимание того, что вторая Холодная война уже началась. Тем самым, становится понятно, что для понимания имплицитного содержания текста и идентификации имплицитности необходимо обладать фоновыми знаниями.

Переходя к анализу текстового материала необходимо отметить, что одной из универсалий языка является оценка, для выражения которой авторами активно используются все доступные лингвистические средства.

Проанализированная нами статья «The sudden arrival of a cold war with China» написана с явной попыткой аргументировать, что новая холодная война с Китаем была бы ошибкой, и в ней можно обнаружить несколько лексических способов манипулирования, которые используются для поддержания этого аргумента.

Первое, что стоит отметить, это использование выражения «холодная война» в заголовке статьи. Это лексический прием, который усиливает воздействие статьи

на читателя, поскольку он напоминает ему о прежней холодной войне между США и СССР, которая длилась много лет и привела к огромным потерям с обеих сторон.

Имплицитность заголовка подразумевает, что раньше не было явного признака или предварительных сигналов о нарастании напряженности или конфликта с Китаем, что выражено словосочетанием «sudden arrival».

В статье наблюдается явное унижение политики, которую ведет Россия, осуждение тех или иных действий властей, а также дается оценка некоторым решениям, принятых российскими и китайскими властями. Прослеживается это в следующих высказываниях: «*Russia can still make a global nuisance of itself. A nuclear-armed rogue state with an appetite for territorial expansion can't be ignored*» (Россия все еще может создать из себя глобальную помеху. Государство-изгой, обладающее ядерным оружием и стремящееся к территориальной экспансии, нельзя игнорировать). В данных фразах можно выделить такие лексемы, как «global nuisance» – глобальная помеха, «rogue state» – государство-изгой, «appetite for territories» – аппетит к территориям, все они являются средствами выражения оценки для создания отрицательного образа политического режима России.

В целом, эти лексические манипуляции направлены на подчеркивание авторских взглядов на события, происходящие в мировой политике, и могут неоднозначно повлиять на мнение читателей. Язык, использованный в статье, критикует Путина и его руководство, представляя его как коррумпированного и манипулирующего лидера, у которого нет никакого грандиозного видения для своей страны или мира. В отрывке также говорится о том, что идеи Путина привлекательны для ультраправых групп и что Россия активно занимается распространением дезинформации и вмешательством в демократические процессы на Западе.

В проанализированных нами статьях прослеживается широкое использование перифразов, эвфемизмов и уклонений, чтобы смягчить высказывания или завуалировать неприятные факты. Например:

- *Although perfectly legal and compliant with sanctions imposed after the annexation of Crimea, it seemed to run rings around the intention of the restrictions. Proof to many observers they were tokenistic and ineffectual.* (Несмотря на то, что это было абсолютно законно и соответствовало санкциям, введенным после присоединения Крыма, это было похоже на намерения ввести ограничения. Доказательства для многих наблюдателей казались формальными и неэффективными).

В данном контексте термин annexation, употребленный для смягчения реальной ситуации, искажает реальную ситуацию и не позволяет читателю сделать собственный вывод о происходящих событиях.

- *US munitions slated for Ukraine held up over shortage as Trump «disappointed» by Putin's refusal to make concessions.* (Поставки американских боеприпасов для Украины задерживаются из-за дефицита, поскольку Трамп «разочарован» отказом Путина идти на уступки).

В данном примере автор использует слово «disappointed», вместо более сильных синонимов, но осознанно берет его в кавычки, предлагая читателям самостоятельно подобрать более подходящий термин. Такая иллюзия желания смягчить ситуацию еще больше провоцирует аудиторию к подбору негативных синонимов и восприятия ситуации как очень накаленной.

- *The US has said that it halted the shipments, some of which were already in Poland, due to a review of US military stockpiles that suggested that the country is running*

low on munitions for its own troops. (США заявили, что они приостановили поставки, некоторые из которых уже находились в Польше, из-за проверки военных запасов США, которая показала, что в стране заканчиваются боеприпасы для собственных войск).

Здесь мы отчётливо видим, что издание пытается смягчить ситуацию с наличием в США боеприпасов для собственных нужд, используя выражение «*running low*», которое является достаточно мягким по сравнению с другими синонимами.

Эвфемизмы употребляются в проанализированных текстах тогда, когда необходимо сгладить ситуацию, завуалировать неприятную информацию, сделать ее менее шокирующей. Еще одна причина эвфемизации – стремление скрыть смысл во избежание напряженности и конфликтности сторон.

- *Никто не может сказать, как будет развиваться вооруженный конфликт.*

В данном примере эвфемизм «вооруженный конфликт» используется вместо слова «война» и создает образ менее масштабного, менее трагичного события.

- *Кризис Украины снова оставляет эстонцев чувствовать уязвимость и изолированность.*

В приведенном примере эвфемизм «уязвимость» использован для смягчения экономической и политической ситуации и используется вместо слов «слабость, незащищенность».

Военное противостояние является сегодня чрезвычайно значимым понятием в политическом дискурсе и именно с ним связано большое количество приемов манипулирования посредством лексической синонимии [2]. В проанализированных текстах встречается целый ряд синонимов, означающих военные действия: *conflict, war, fighting, struggle, attack, brawl, scuffle, intervention, military operation, military action, mission.*

- *The country had been torn apart by a century of foreign aggression, invasion, warlordism and civil wars. Millions died every year from floods and famine.* (Страна была разорвана на части веком иностранной агрессии, вторжений, военачальников и гражданских войн. Ежегодно миллионы людей умирали от наводнений и голода).

В данном примере употребляется сразу несколько синонимов, что создает эффект усиления.

- *The plebiscite amounts to a tacit endorsement for the military-installed government* (Плебисцит равнозначен молчаливому одобрению военным способом установленного правительства).

В данном примере окказионализм «*military-installed*» образован по аналогии с программным обеспечением, которое обычно «устанавливают», что имплицитно показывает несамостоятельность такого правительства, а в сочетании с лексемой «*military*» подчеркивает агрессивный характер данного действия. Таким образом автор в скрытой форме выражает свое отношение к правительству и создает отрицательный образ, неосознанно воспринимаемый читателями.

Также как и в англоязычных текстах, в русскоязычных СМИ широко используются синонимы. «Война в Украине», «конфликт на Донбассе» – автор использовал синонимы для обозначения конфликта, что позволяет не только ввести разнообразие в текст и избежать повторений, но и манипулировать восприятием читателя используя синонимы разной степени напряженности в зависимости от целей автора. Также использование слова «война» и «конфликт» усиливает впечатление о серьезности и напряженности ситуации.

- *Также, по сведениям СКР, Киев завербовал для участия в военных действиях в рядах ВСУ десятки ты-*

сяч наемников из более чем 70 стран, в основном, из Европы и Северной Америки. Особенно хорошо это знают в Польше, куда гробы идут потоком.

- Спикер добавил, что еще не все из отправленного Киеву было использовано в **боевых действиях**: «В ближайшие недели и месяцы, когда все начнется, будет ясно, как украинцы способны использовать системы, которые мы им предоставили.

В данных примерах авторы избегают употребления слова «война», которое могло бы представить ситуацию как более серьезную.

- *US and Russia: Cosa Putina [...] The problem of describing a government in which officials, oligarchs and organised crime are bound together in a virtual mafia state* (США и Россия: Коза Путина [...] Проблема описания правительства, в котором чиновники, олигархи и организованная преступность связаны друг с другом в виртуальном мафиозном государстве).

В примере негативная оценка российского правительства выражена окказионализмом «*Cosa Putina*», образованного по аналогии с словосочетанием «*Cosa Nostra*», обозначающим итальянскую мафию. Таким образом автор создает в сознании читателей образ негативный образ криминальной группировки во главе с президентом, что в дальнейшем усиливается употреблением лексем «*organised crime*» и «*virtual mafia state*».

Для привлечения внимания читателей в проанализированных текстах мы наблюдаем также употребление окказионализмов. Это также заставляет читателя задуматься над значением слова и стимулирует к дальнейшему прочтению, чтобы проверить правильность догадки. В проанализированных нами русскоязычных статьях данный прием употребляется только с этой целью, не внося в текст оценочного элемента.

- «**Торгпредоносцы.** В Минпромторге выбрали семь торговых представительств, на которых протестируют новую систему продвижения и защиты внешнеэкономических интересов России за рубежом».

- «**Гомо Чиновникус:** Татьяна Никитович считает, что особый менталитет госслужащего вырабатывается годами малоэффективной службы».

В связи с употреблением окказионализмов как элементов для привлечения внимания читателей, все встреченные нами в русскоязычных СМИ окказионализмы были использованы в заголовках статей.

В современных медийных текстах политической направленности активно используются средства, помогающие создать атмосферу доверительного диалога автора со своими читателями. С этой целью в СМИ используются приемы, позволяющие объединить автора и аудиторию по какому-либо признаку, например, территориальному или политическому, обращения, местоимение «*we*». Данный прием известен в лингвистике как «дейктики» и служит для создания иллюзии объективного освещения информации, повышения статуса сообщения, представления авторской позиции как мнения большинства. Это позволяет представить субъективную позицию автора как объективную, общенародную и подчеркнуть оппозицию «свой» / «чужой».

- *Married couple die in Russian strike against Kostyantynivka; Ukraine on agenda as Macron makes state visit to UK. What we know on day 1,230.* (Супружеская пара погибла в результате удара русских по Константиновке; Украина на повестке дня, поскольку Макрон совершает государственный визит в Великобританию. Что мы знаем о дне 1230)

В данном примере местоимение «*we*» используется для создания оппозиции «свой-чужой», где в роли чужого выступает агрессивная Россия.

Дейктики используются в российской прессе чаще в случаях цитирования политических деятелей (пример 1), однако могут употребляться и от лица журналиста (пример 2):

- **У нас** в стране невероятное количество очень и очень болеющих за страну настоящих граждан нашей страны. Вы знаете, я абсолютно уверен, что **у нас** есть все возможности. **У нас** замечательные люди, которые выполняют эти задачи.

- Почему на белгородский рейд **мы** ответили ракетами, но не информационной контратакой?

В обоих случаях местоимения «у нас», «мы» употребляются, чтобы создать образ единства, подчеркнуть общность ценностей и целей.

Еще одним лексическим средством манипулирования является обыгрывание фразеологизмов:

- *European officials are watching for something else altogether – whether Mr. Xi will **add fuel to the full-scale war** that Mr. Putin began more than a year ago.* (Европейские чиновники следят совсем за другим – подольет ли господин Си масла в огонь полномасштабной войны, которую господин Путин начал более года назад). Идиоматическое выражение «add fuel to the fire» (подливать масла в огонь) трансформировано в «add fuel to the full-scale war» («подливать масла в огонь полномасштабной войны»), где в оригинальном тексте слово «огонь» заменено словосочетанием «полномасштабная война».
- *So, that kind of brings us full circle, really, to the other part of The Global POLITICO this week, where we're going to have a conversation with Mikhail Khodorkovsky, who represents this sort of beleaguered Russian opposition. He's now in exile from his country, but – because that's **the other side of the Vladimir Putin coin**, right?*

В данном случае автор использует фразеологизм «the other side of the coin» (оборотная сторона медали), подразумевающий негативную сторону кого-то или чего-то. Употребляя данный фразеологизм, автор создает негативный образ президента РФ, который создает невыносимые условия для оппозиции.

Обыгрывание фразеологизмов в текстах русскоязычных СМИ также играет важную роль в манипулировании читателями.

- *То есть русофобия, **выпущенная Трумэном из ящика Пандоры** в Форт-Ноксе, в конце концов сожрала его самого.*

В данном случае автор задействует фразеологизм, обозначающий некоторое действие, которое привело к печальным или даже катастрофическим последствиям. Выражение пришло из греческой мифологии и подчеркивает, как необдуманные действия могут стать причиной необратимых последствий. Таким образом автор описывает ситуацию, которая оказалась невыгодной для Трумэна по его же вине, поскольку это он открыл ящик Пандоры.

- *Когда европейцы богатеют и не считают нужным **окапываться** против «угрозы с Востока», то слишком много о себе воображают и смеют перечить **«Граду на холме»**.*

В данном примере автор использует фразеологизм «Град на холме», имеющий библейские корни, но употребляющийся для описания исключительности Соединенных штатов Америки.

В России выражение «[сияющий] град на холме» часто используют с сарказмом, и применяют, когда критикуют действия или высказывания американских политиков.

Следовательно, автор применяет данное выражение с целью создать негативный образ Америки не высказывая при этом свое мнение открыто.

Также, нами отмечено довольно интенсивное использование сравнений и контрастов, чтобы подчеркнуть различия между Россией, Китаем и Западом. Например, автор пишет: «В то время как Запад часто обсуждает свои проблемы с демократией, Россия и Китай не скрывают свою власть». Это противопоставляет Запад и Россию с Китаем, создавая впечатление, что Россия и Китай более сильны и могут привести к возникновению конфликта.

Авторы активно используют прилагательное «агрессивный» в описании действий Запада по отношению к Китаю и России, что усиливает отрицательное впечатление от этих действий.

В статьях используется много терминов, связанных с политикой и международными отношениями, таких как «геополитика», «экономические санкции», «национальные интересы», «военная мощь», «дипломатические переговоры» и другие. Использование софистичированной лексики позволяет создать у читателей ощущение важности и значимости рассматриваемых тем и повышает уровень доверия к авторам текстов, как к экспертам в своей области.

- *Но большая часть версий так или иначе упирается в роль Вашингтона – единственного очевидного **выгодополучателя** от текущего конфликта из всего списка осознаваемых россиянами врагов.*
- *Ранее стало известно о том, что Лондон хочет поставить Киеву сотни зенитно-ракетных комплексов и дронов, в том числе ударные беспилотники **большой дальности с радиусом более 200 км**.*

В приведенных выше примерах авторы используют софистичированную лексику, специальные военные термины для создания образа компетентного журналиста, которому можно доверять. Такая лексика делает текст достаточно трудно читаемым, но в то же время очень авторитетным. Широко используются такие лексемы, как: «refusal of investment», «geopolitics», «economic sanctions», «national interests», «military power», «diplomatic negotiations».

Также в проанализированных текстах отмечается большое количество эпитетов, создающих эмоциональную напряженность, облегчающую манипулирование читателями: «неконструктивная политика», «ограничение влияния», «неубедительные доводы», «несправедливое обвинение», «агрессивное поведение».

Активно используются словосочетания, которые подчеркивают значимость и сложность рассматриваемых событий, причем в этом контексте часто подключаются стилистические средства выразительности, особенно метафоры: «мировой порядок разваливается», «мировая гегемония на краю обрыва», «дипломатия проваливается», «мировая экономика вступает в эру неопределенности». Такие формулировки вызывают у читателей ощущение ответственности и в то же время некой приближающейся катастрофы.

Следующим рассмотренным нами лексическим средством манипулирования являются конверсивы, описывающие одну и ту же ситуацию с разных точек зрения. Выбор одного из конверсивов позволяет подчеркнуть одну из сторон происходящего, т.е. расставить логическое ударение.

- *Также, по сведениям СКР, Киев завербовал для участия в военных действиях в рядах ВСУ десятки тысяч наемников из более чем 70 стран, в основном, из Европы и Северной Америки.*

В данном примере автор подчеркивает активную позицию Киева, который «завербовал» наемников (не военные вступили в ряды ВСУ или подписали контракт). Здесь создается образ государства, которое активно ищет помощи за границей.

- На Куляньском направлении **поражена** живая сила и техника противника в районах населенных пунктов Першотравневое, Тимковка, Двуречная Харьковской области.

В примере использован глагол «поражена», т.е. ситуация описывается с позиции победителя. Данное лексическое средство имеет большой манипулятивный потенциал, поскольку позволяет показать ситуацию с выгодной стороны, не высказывая при этом открыто своего отношения к ней.

Использование существительных вместо глаголов (номинализация) позволяет отвлечь внимание от субъекта действия, а также сконцентрировать читателя не на самом действии, а на его результате.

- Из-за **сброса** боеприпаса были повреждены бетонное основание и цистерна для хранения нефтепродуктов.
- На территории произошло **возгорание**.

В данном примере употребляются существительные «сброс», «возгорание» вместо соответствующих глаголов, что как бы оставляет субъекта действия за кадром, поскольку читатель сам понимает о ком идет речь.

Также в языке СМИ для создания нужного эффекта активно используется полисемия и омонимия.

- *Даже панику новости не получились: В попытках ударить по Москве ВСУ промахнулись* не только беспилотниками.

В данном заголовке автор сразу указывает на многозначность глагола «промахнуться» употребляя его в сочетании «не только беспилотниками». Так, в толковом словаре Ожегова даются следующие определения: «ПРОМАХНУТЬСЯ 1. Не попасть в цель, дать промах. 2. перен. Ошибиться, оплошать (разг.)» [9]. Таким образом автор указывает не только на то, что дроны не достигли цели, но и на то, что украинские власти совершили ошибку, подвергнув атаке Москву.

Если говорить о количественных показателях, то всего нами было выделено 43 элемента лексических средств манипулирования в русскоязычных текстах и 51 – в англоязычных. Среди лексических средств манипуляции количественно преобладают в русском языке – полисемия, перифраз и синонимы, в английском языке – полисемия, эвфемизмы и дейктики.

Проведенное исследование показало, что, несмотря на меньший процент использования манипулятивных лингвистических приемов в русскоязычной прессе, они, тем не менее, присутствуют в достаточно большом объеме, что требует от читателей умения распознавать данные техники и анализировать предлагаемую точку зрения на те или иные события.

Литература

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 13–20.
2. Григоренко В.А. Синонимия как инструмент создания суггестивного потенциала в политическом дискурсе // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 3. – С. 167–171.
3. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. – М.: Добросвет. – 2011. – 231 с.

4. Денисюк Е.В. Феномен манипуляции: речедетельностная интерпретация // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: тез. докл. и сообщ. Всероссий. науч.-метод. конф. / под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург, 2000. – С. 66–68.
5. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ. – 1997. – 344 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена. – 2002. – 331 с.
7. Копнина Г.А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. – 2021. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-v-massmediynom-tekste-diskurse-problema-raspoznavaniya>.
8. Лещенко Г.В., Цыбина Л.В. Лексико-грамматические приемы речевого манипулирования в англоязычных спортивных статьях // Огарёв-Online. – 2017. – № 14 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-grammaticheskie-priemy-rechevogo-manipulirovaniya-v-angloyazychnyh-sportivnyh-statyah>
9. Ожегов С. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] <https://glosum.ru/index.php?act=dict&dict=%D0%A1.%20%D0%9E%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2>
10. Седов К.Ф. Речевая манипуляция как стремление к власти над человеком // Межвуз. сб. науч. трудов – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып.4. – С. 183–190.
11. Соколовская И.Э., Васякин Б.С., Щербак О.И. Информационно-психологическая безопасность личности как психотехнология защиты от манипуляции сознанием молодежи // Коммунология. – 2019. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psiologicheskaya-bezopasnost-lichnosti-kak-psihtehnologiya-zaschityot-manipulyatsii-soznaniem-molodyozhi>
12. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 227 с.
13. <https://www.theguardian.com/international>
14. <https://www.kp.ru/?ysclid=mcsxq8nntz553010287>
15. <https://www.rbc.ru/?ysclid=mcsxqsmdpd281094933>
16. <https://www.mirror.co.uk/>
17. <https://vz.ru/>

LEXICAL MEANS OF LANGUAGE MANIPULATION IN RUSSIAN AND FOREIGN MEDIA

Reshetova I.S., Ivakhnenko K.D.

North Caucasian Federal University

The article examines the phenomenon of speech manipulation and its features in the language of Russian-speaking and English-speaking mass media. In particular, the authors consider lexical means of manipulating public consciousness based on the analysis of articles from two English-language and three Russian-language publications. The article has a practical focus, as it reveals the methods of manipulation, which will allow the readers to recognize them in texts.

Keywords: manipulation, speech effect, media language, lexical means of manipulation.

References

1. Blakar R.M. Language as an instrument of social power / R.M. Blakar // Language and modeling of social interaction. – M.: Progress, 1987. – P. 13–20.
2. Grigorenko V.A. Synonymy as a tool for creating suggestive potential in political discourse // Modern pedagogical education. – 2022. – No. 3. – P. 167–171.

3. Danilova A.A. Manipulation of words in the media. – M.: Dobrosvet. – 2011. – 231 p.
4. Denisyuk E.V. Phenomenon of manipulation: speech activity interpretation // Cultural and speech situation in modern Russia: issues of theory and educational technologies: abstract of reports and communications of the All-Russian scientific-methodical conf. / ed. I.T. Veprevoy. – Ekaterinburg, 2000. – P. 66–68.
5. Dotsenko E.L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. – M.: CheRo, Moscow State University Publishing House. – 1997. – 344 p.
6. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. – Volgograd: Peremena. – 2002. – 331 p.
7. Kopnina G.A. Speech manipulation in mass media text / discourse: the problem of recognition // Philology and Man. – 2021. – No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-v-massmediynom-tekste-diskurse-problema-raspoznavaniya>.
8. Leshchenko G.V., Tsybina L.V. Lexical and grammatical techniques of speech manipulation in English-language sports articles // Ogarev-Online. – 2017. – No. 14 (103). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-grammaticheskie-priemy-rechevogo-manipulirovaniya-v-angloyazychnyh-sportivnyh-statyah>
9. Ozhegov S. Explanatory Dictionary of the Russian Language [Electronic resource] <https://glosum.ru/index.php?act=dict&dict=%D0%A1.%20%D0%9E%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B2>
10. Sedov K.F. Speech manipulation as a desire for power over a person // Interuniversity. collection of scientific papers. works – Saratov: Publishing house of Sarat. University, 2004. – Issue 4. – P. 183–190.
11. Sokolovskaya I.E., Vasyakin B.S., Shcherbakova O.I. Information and psychological security of the individual as a psychotechnology of protection against manipulation of the consciousness of young people // Communicology. – 2019. – No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti-kak-psihotehnologiya-zaschity-ot-manipulyatsii-soznaniem-molodyozhi>
12. Sternin I.A. Introduction to speech influence. – Voronezh, 2001. – 227 p.
13. <https://www.theguardian.com/international>
14. <https://www.kp.ru/?ysclid=mcsxq8nntz553010287>
15. <https://www.rbc.ru/?ysclid=mcsxqsmddpd281094933>
16. <https://www.mirror.co.uk/>
17. <https://vz.ru/>

Терентьева Карина Кайратовна,
независимый исследователь

Исследование направлено на широкое изучение трансформационных эффектов, которые социальные сети оказывают на процессы профессионального становления и карьерного развития независимых вокалистов в контексте современной российской медиасреды. Актуальность исследования обоснована переходом отрасли от традиционной лейбл-ориентированной модели к концепции «экономики создателей», позволяющей артистам устанавливать непосредственные связи с аудиторией и самостоятельно выстраивать коммерческую стратегию. Основная задача работы – систематизировать и критически осмыслить существующие стратегии продвижения, инструментарий и риски, связанные с использованием цифровых платформ как ключевых каналов профессионализации и монетизации музыкального контента. Методологическую основу составили методы контент-анализа и синтеза данных научных публикаций, отраслевых отчетов и аналитических материалов, посвященных цифровому маркетингу, развитию персонального бренда артиста и эволюции бизнес-моделей в музыкальной индустрии. В рамках эмпирического анализа идентифицированы приоритетные социальные платформы и их функциональные возможности для продвижения вокального творчества, выработаны рекомендации по эффективным контент-стратегиям и построению многоступенчатых воронок взаимодействия с целевой аудиторией. Сведения, представленные в рамках статьи будут представлять интерес для независимых музыкантов, продюсеров и маркетологов культурного сектора.

Ключевые слова: независимый вокалист, социальные сети, музыкальный маркетинг, личный бренд, экономика создателей, монетизация творчества, SMM, продвижение музыки, цифровая дистрибуция, карьерная стратегия.

Введение

Цифровая революция коренным образом преобразила музыкальную индустрию, сделав процессы создания, распространения и маркетинга музыкального контента открытыми и доступными более широкому кругу участников. Если ранее, в XX столетии, перспектива профессионального роста исполнителя напрямую зависела от заключения контракта с крупным звукозаписывающим лейблом, то в настоящее время ведущие платформы социальных медиа позволяют артистам строить прямой диалог с аудиторией и формировать независимый путь развития своей карьеры [1]. Этот феномен органично соответствует международному росту так называемой «экономики создателей», в рамках которой независимые артисты получают возможность напрямую монетизировать своё творчество. Вместе с тем расширение доступности цифровых инструментов предъявляет к вокалистам дополнительные нелинейные требования, выходящие за пределы традиционных художественных умений [10]. Однако в исследовании до сих пор отсутствует всестороннее исследование, систематизирующее оптимальные стратегии продвижения независимых исполнителей с учётом специфики SMM-инструментария и его прямого влияния на долгосрочные карьерные и финансовые результаты.

Цель статьи заключается в широком изучении и систематизации механизмов, посредством которых социальные сети формируют и трансформируют карьерные траектории независимых вокалистов в современных российских условиях.

Научная новизна работы состоит в описании многоуровневой стратегической модели построения профессиональной музыкальной карьеры через цифровые платформы, объединяющей инструменты контент-маркетинга, методы управления онлайн-сообществом и адаптированные к отечественному рынку схемы монетизации.

Авторская гипотеза предполагает, что системное применение диверсифицированного набора социальных медиаресурсов в сочетании с последовательной контент-стратегией и укреплением личного бренда превалирует над традиционными индустриальными связями в обеспечении коммерческого успеха и долговременной устойчивости независимого исполнителя.

Материалы и методы

В научных исследованиях по теме влияния социальных сетей на карьеру независимых вокалистов можно выделить пять ключевых смысловых направлений. К первому направлению относятся работы, посвящённые анализу аудитории и инструментов контент-стратегий в социальных медиа. Так, отчёт «Аудитория девяти крупнейших соцсетей в России в 2024 году» [1] представляет объёмную количественную характеристику пользовательской базы каждой платформы, что позволяет оценить потенциальный охват и демографические особенности целевой аудитории. Чи З.Т.Ф. [5] в своей работе исследует механизмы расширения присутствия библиотеки в социальных сетях через контент-стратегию, опираясь на инструменты аналитики и рекомендации по формированию визуального и текстового контента. Аналогично, Малинин И.И. и Ка-

рякин Д.И. [8] рассматривают феномен коротких видео (reels, TikTok-видео) как новый формат продвижения, применяя методы контент-анализа и интервью с практикующими блогерами, чтобы выявить ключевые драйверы вовлечённости и алгоритмической рекомендации.

Вторую группу составляют исследования, сосредоточенные на продвижении личного бренда и PR-технологиях. Юнусов А.Р. [2] предлагает модель формирования личного бренда музыканта на рынке, в которой сочетает теории бренд-менеджмента и digital-маркетинга, описывая этапы разработки позиционирования и инструментов коммуникации с аудиторией через социальные сети. Коновалова Е.Е., Макушева О.Н. и Муравьева К.Ю. [3] анализируют PR-технологии формирования имиджа медийных персон, акцентируя внимание на роли сторителлинга и медиапланирования в продвижении артистов, при этом используют кейс-стади участников телевизионных шоу и цифровых платформ для построения рекомендаций по оптимизации стратегий присутствия в сети.

Третье направление объединяет исследования, посвящённые цифровой трансформации музыкальных агрегаторов и стриминговых сервисов как новой инфраструктуры потребления и распространения музыкального контента. Алтынов А.И. [4] проводит анализ эволюции бизнес-моделей российских агрегаторов, раскрывая влияние технологий блокчейн и искусственного интеллекта на дистрибуцию независимых исполнителей. Обзорно-тематическое исследование на портале Tadvisee описывает ключевые функции стриминга и изменения в пользовательском поведении на примере «Музыки онлайн» [6]. Беликова А.И. [7] рассматривает стриминговый сервис как форму не только потребления, но и продвижения контента, анализируя monetization-процессы и возможности плейстинга для увеличения узнаваемости артистов.

Четвёртую группу составляют работы, изучающие правовые аспекты и регулирование авторских прав в цифровой среде. Сосорин К.Д. [9] анализирует развитие института защиты авторских прав в России в контексте цифровой трансформации, уделяя внимание законодательным инициативам, судебной практике и механизмам борьбы с пиратством в социальных сетях и на стриминговых платформах.

Пятое направление представлено исследованием творческого процесса и инноваций в независимом музыкальном производстве. Walzer D. [10] предлагает концептуальную модель креативности в независимом музыкальном продакшне, опираясь на интервью с музыкантами и анализ подачи контента в соцсетях, чтобы выявить, как цифровые инструменты меняют подход к созданию и дистрибуции музыки.

Несмотря на широкий охват тем, в литературе наблюдаются ряд противоречий. Одни авторы подчёркивают критическую роль алгоритмов платформ в формировании аудитории независимых вокалистов [8]; другие же акцентируют внимание на активной роли самого артиста и стратегическом управлении личным брендом вне зависимости от технических ограничений платформы [2, 3]. Кроме того, одни исследования фокусируются на количественных показателях охвата и вовлечённости [1, 6], тогда как другие предлагают качественные кейс-стади, что затрудняет синтез выводов и построение интегрированной модели. В то же время остаются недостаточно освещёнными некоторые важные проблемы: влияние конкретных алгоритмических изменений (например, обновлений рекомендаций) на устойчивость карьеры независимых вокалистов; механизм межплатформенной синергии при одновременном использовании несколь-

ких соцсетей и стриминговых сервисов; а также вопросы экономической эффективности разных форм монетизации в контексте российской сцены. Кроме того, мало уделяется внимания анализу долгосрочных траекторий развития карьеры артистов в связи с динамикой цифрового рынка, а также междисциплинарным исследованиям, объединяющим маркетинговые, правовые и креативные аспекты.

Результаты и обсуждение

Систематизация эмпирических данных указывает на коренную перестройку традиционной траектории развития карьеры независимого вокалиста. Классическая линейная схема, в которой артист последовательно искал A&R-специалиста, заключал договор с лейблом и добивался выхода треков в эфире радиостанций, трансформировалась в многомерную, сетевую архитектуру, где ключевую роль играет сам исполнитель и его непосредственная коммуникация с аудиторией. На Рисунке 1 эта эволюция иллюстрируется через смещение акцента от институциональных посредников к децентрализованным digital-платформам. В рамках обновлённой модели социальные сети берут на себя задачи, ранее монополизированные звукозаписывающими компаниями: выявление и вовлечение целевой аудитории (talent discovery), распределение и распространение контента, проведение маркетинговых и PR-кампаний, а также обеспечение механизмов монетизации произведений.

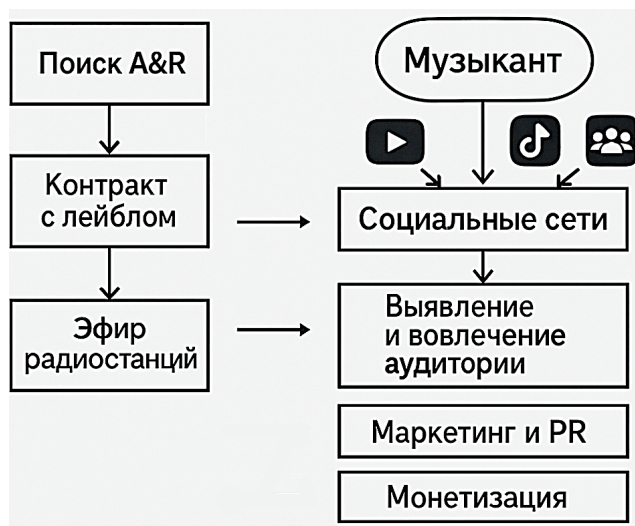

Рис. 1. Эволюция карьерной модели музыканта: от традиционной к цифровой, ориентированной на социальные сети (составлено автором на основе анализа [4, 7])

Эффективность модели продвижения вокалистов в значительной степени определяется глубиной и системностью подхода к выбору цифровых инструментов. Для российских исполнителей крайне важно учитывать специфику каждой платформы, поскольку они выполняют различные функции в многоуровневой маркетинговой стратегии (таблицу 1). Таким образом, невозможно полагаться на единое универсальное решение: оптимальная тактика подразумевает сочетание нескольких сервисов с чёткой сегментацией контента и адаптацией форматов под уникальные алгоритмы и поведенческие паттерны аудитории каждой из них [2, 9].

В частности, формирование первоначального охвата «холодной» аудитории реализуется посредством коротких видеороликов на платформах с высоким потенциалом (VK Клипы), что обеспечивает мгновенный прирост

просмотров и подписчиков. Параллельно для укрепления эмоциональной и ценностной связи с уже лояльным сегментом применяются более закрытые коммуникационные каналы: тематические каналы в Telegram и частные сообщества в VK, где артисты могут проводить эксклюзивные Q&A-сессии, продвигать премьеры и полу-

чать обратную связь в формате глубокой дискуссии [5, 8]. Такой комбинированный подход способствует постепенному переходу слушателей из разряда «случайных зрителей» в активных участников фан-сообщества, что, в свою очередь, создаёт предпосылки для устойчивого роста и монетизации.

Таблица 1. Сравнительный анализ ключевых социальных платформ для карьеры независимого вокалиста в России (составлено автором на основе анализа [3, 6, 7, 8,])

Платформа	Ключевые функции для вокалиста	Целевая аудитория	Инструменты монетизации	Стратегический фокус
ВКонтакте (VK)	«VK Музыка», «VK Клипы», паблики, таргетированная реклама, прямые трансляции, рассылки.	Широкая, все возрастные группы, ядро – 18–45 лет.	VK Donut, монетизация видео, партнерская программа, продажа билетов и мерча.	Создание центрального хаба для комьюнити, дистрибуция музыки, прямые продажи.
YouTube / YouTube Music	Размещение клипов, live-видео, бэкстейджей, уроков вокала. Shorts для виральности.	Глобальная, акцент на видеоконтенте.	Монетизация канала (реклама), спонсорство, YouTube Premium, продажа мерча.	Формирование визуального бренда, демонстрация экспертности, выход на широкую аудиторию.
Telegram	Каналы (блог), чаты (комьюнити), эксклюзивный контент, прямые эфиры.	Более взрослая и платежеспособная, ценит экспертность и прямой контакт.	Платные подписки, донаты (через ботов), реклама, продажа эксклюзива.	Построение лояльного, закрытого комьюнити, прямая коммуникация и монетизация.
Платформы для стриминга (Яндекс. Музыка, Звук)	Дистрибуция треков, попадание в плейлисты редакции и алгоритмические подборки.	Массовый слушатель.	Роялти от прослушиваний.	Основной канал дистрибуции и получения пассивного дохода от музыки.

Контент-стратегия выступает фундаментальным элементом, определяющим эффективность продвижения артиста в цифровом пространстве. Важно организовать разнообразные виды контента с учётом спецификации аудиторных сегментов и фаз их постепенного вовлечения. Формирование такой стратегии наглядно отражается в модели контент-воронки (рисунок 2), где каждый её уровень выполняет чётко очерченные функции:

1. Awareness (Осведомленность). На данном этапе приоритет отдается вирусному контенту, рассчитанному на молниеносное распространение и лёгкое восприятие. К нему относятся короткие видеоролики с кавер-версиями популярных композиций, участие в актуальных челленджах и прочие форматы, способные обеспечить максимально широкий охват и вызвать первичный интерес у максимально разнородной аудитории [8].
2. Consideration (Рассмотрение). Средний сегмент контент-воронки призван укрепить образ артиста как личности и эксперта. Сюда входят материалы закулисной жизни, демонстрация процессов создания музыкальных треков, образовательные видеоуроки по вокалу, а также интерактивные прямые эфиры с ответами на вопросы фанатов. Задача этого уровня – трансформировать пассивного зрителя в активного подписчика и сформировать устойчивую эмоциональную привязанность к артисту [5].
3. Conversion (Конверсия). На завершающем этапе внимание фокусируется на контенте, непосредственно побуждающем к целевым действиям: приобретению новых треков, билетов на живые выступления, брендированного мерча или оформлению платной подписки. Данный тип материалов носит прямой призыв к действию и интегрирован в аудиторский путь так, чтобы максимально повысить коэффициент конверсии [4, 9].

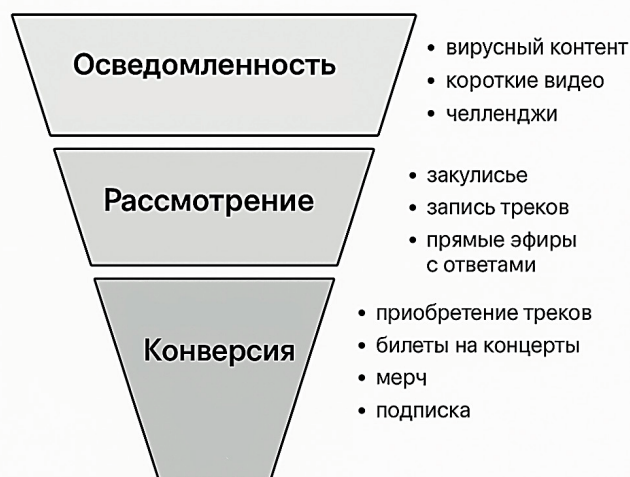

Рис. 2. Модель контентной воронки для продвижения независимого вокалиста в социальных сетях (составлено автором на основе анализа [2, 4, 5])

Применение данной методологии способствует расширению и диверсификации каналов монетизации, что, в свою очередь, минимизирует риски, связанные с традиционно незначительными выплатами от стриминговых платформ. В условиях современной музыкальной индустрии независимые исполнители создают комплексную систему доходов за счёт совокупности многочисленных «ручейков» – от прямых продаж мерча и организации живых выступлений до лицензионных соглашений и краудфандинга – что весьма укрепляет их экономическую устойчивость.

Несмотря на всю привлекательность концепции цифровой автономии, она неизбежно сопряжена с рядом существенных вызовов. Во-первых, артист оказывается заложником алгоритмической экосистемы: ему приходится непрестанно адаптировать свой контент под

постоянно эволюционирующие правила платформ, что часто противоречит его авторскому замыслу и художественным устремлениям [10]. Во-вторых, потребность в непрерывном потоке публикаций и в постоянной коммуникации с аудиторией значительно увеличивает вероятность профессионального выгорания, а также стирает границы между приватной жизнью исполнителя и его публичным образом, что может привести к психологическим и социальным дисбалансам. В-третьих, сохраняется проблема охраны интеллектуальной собственности: нелегальное воспроизведение и распространение музыкальных произведений, бюрократические барьеры при регистрации авторских прав и сложный механизм взыскания вознаграждений подрывают экономическую устойчивость творца. Наконец, прямая обратная связь с публикой приносит не только эмоциональную поддержку и восхищение, но и негативную реакцию – хейт, троллинг и агрессивную критику, что требует от артиста незаурядной психологической выносливости [7, 9]. В итоге современный независимый вокалист вынужден выступать в роли «универсального солдата»: он сочетает в себе таланты композитора и исполнителя, навыки маркетолога и аналитика аудитории, функции менеджера сообщества и предпринимателя, обеспечивая тем самым собственную конкурентоспособность и устойчивость в условиях цифровой экономики.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что появление и активное развитие платформ социальных сетей радикально перестроили траектории профессионального становления автономных вокалистов: теперь бренд-менеджмент исполнителя и непосредственное взаимодействие с аудиторией выступают ключевыми механизмами продвижения, существенно превосходящими традиционные каналы музыкальной индустрии. Выяснилось, что конкурентоспособность в цифровой среде определяется не только вокальной техникой и художественным амплуа, но и мастерством формирования комплексной кросс-платформенной стратегии. Такая стратегия включает многослойный цикл создания контента – от тизеров и учебных материалов до закулисных хроник – наряду с активным модераторским участием в сообществе и продуманной диверсификацией каналов монетизации (мерч, платные подписки, донаты, коллаборации и т.д.).

Выводом исследования является признание социальных сетей инструментом дуалистической природы: они открывают артисту беспрецедентную свободу доступа к слушателям и позволяют самостоятельно выстраивать карьерный маршрут, одновременно налагая дополнительные профессиональные обязательства и потенциальные риски. Среди последних – зависимость от алгоритмических фильтров, высокие требования к постоянной генерации оригинального контента, угрозы эмоционального выгорания и необходимость непрерывного развития предпринимательских, маркетинговых и технических компетенций. Предложенные в рамках работы аналитические модели (в частности, сравнительная матрица платформ, контентная воронка и многоуровневая схема доходов) служат прикладными инструментами для систематизации стратегий цифрового продвижения и оптимизации карьеры.

Практическая значимость результатов особенно высока для независимых вокалистов и музыкантов: они получают структурированный фреймворк, позволяющий ориентироваться в сложной экосистеме «экономики создателей». Кроме того, выводы статьи могут быть интегрированы в учебные программы творческих уни-

верситетов, а также использованы продюсерами и менеджерами для разработки актуальных курсов и тренингов, направленных на подготовку специалистов, способных эффективно функционировать в современной музыкальной индустрии. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением количественных лонгитудных изысканий, нацеленных на выявление чётких корреляций между конкретными SMM-метриками и коммерческими показателями артистов, а также с углублённым изучением психологических факторов, влияющих на профессиональное благополучие и мотивацию исполнителей в условиях растущей конкуренции и алгоритмической неопределённости digital-рынка.

Литература

1. Аудитория девяти крупнейших соцсетей в России в 2024 году: исследования и цифры [Электронный ресурс]. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifry/> (дата обращения: 01.05.2025).
2. Юнусов А.Р. Продвижение личного бренда на музыкальном рынке // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 4–3 (110). – С. 142–144. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-4-3-142-144.
3. Коновалова Е. Е., Макушева О.Н., Муравьева К.Ю. PR-технологии формирования и продвижения имиджа медийных персон // Сервис plus. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 157–174. DOI: 10.5281/zenodo.10968347.
4. Алтынов А.И. Цифровая трансформация музыкальных агрегаторов и дистрибьюторов на примере России // Бизнес-информатика. – 2022. – Т. 16. – № 1. – С. 56–71. DOI: 10.17323/2587-814X.2022.1.56.71.
5. Чи З. Т.Ф. Расширение присутствия библиотеки в социальных медиа с помощью контент-стратегии: инструменты и предложения // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9. – № 1. – С. 67–76. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(1).67-76.
6. Музыка онлайн (музыкальный стриминг) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Музыка_онлайн_\(музыкальный_стриминг\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Музыка_онлайн_(музыкальный_стриминг)) (дата обращения: 02.05.2025).
7. Беликова А.И. Стриминговый сервис как новая форма потребления и продвижения музыкального контента в XXI веке / ред. О.Л. Девятова, М.В. Капкан. – 2021. – 177 с.
8. Малинин И. И., Карякин Д.И. Феномен коротких видео в интернете: причины популярности, тенденции в производстве и способы использования для продвижения // Дискурс-Пи. – 2025. – Т. 22. – № 1. – С. 191–208. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_191.
9. Сосорин К.Д. Развитие системы регулирования института защиты авторских прав в условиях цифровой трансформации // Юридическая наука. – 2024. – № 11. – С. 271–275.
10. Walzer D. Towards an understanding of creativity in independent music production [Электронный ресурс] // Creative Industries Journal. – 2023. – Vol. 16. – No. 1. – P. 42–55. URL: <https://doi.org/10.1080/17510694.2021.1960705>

THE IMPACT OF SOCIAL NETWORKS ON THE CAREERS OF INDEPENDENT VOCALISTS

Terentyeva K.K.

The study is aimed at a broad examination of the transformational effects that social networks have on the processes of professional development and career advancement of independent vocalists in

the context of the modern Russian media environment. The relevance of the study is justified by the industry's transition from the traditional label-oriented model to the concept of the "creator economy", which allows artists to establish direct connections with the audience and independently build a commercial strategy. The main objective of the work is to systematize and critically comprehend existing promotion strategies, tools and risks associated with the use of digital platforms as key channels for the professionalization and monetization of musical content. The methodological basis is formed by the methods of content analysis and synthesis of data from scientific publications, industry reports and analytical materials devoted to digital marketing, the development of an artist's personal brand and the evolution of business models in the music industry. As part of the empirical analysis, priority social platforms and their functionality for promoting vocal creativity are identified, recommendations for effective content strategies and the construction of multi-stage funnels of interaction with the target audience are developed. The information presented in the article will be of interest to independent musicians, producers and marketers of the cultural sector.

Keywords: independent vocalist, social networks, music marketing, personal brand, creators' economy, monetization of creativity, SMM, music promotion, digital distribution, career strategy.

References

1. The audience of the nine largest social networks in Russia in 2024: research and figures [Electronic resource]. URL: <https://ppc.world/articles/auditoriya-devyati-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2024-godu-issledovaniya-i-cifry/> (date of access: 01.05.2025).
2. Yunusov A.R. Promotion of a personal brand in the music market // *Economy and business: theory and practice*. – 2024. – No. 4–3 (110). – P. 142–144. DOI: 10.24412/2411-0450-2024-4-3-142-144.
3. Kononova E. E., Makusheva O.N., Muravyova K. Yu. PR technologies for forming and promoting the image of media personalities // *Service plus*. – 2024. – Vol. 18. – No. 1. – P. 157–174. DOI: 10.5281/zenodo.10968347.
4. Altynov A.I. Digital transformation of music aggregators and distributors on the example of Russia // *Business informatics*. – 2022. – Vol. 16. – No. 1. – P. 56–71. DOI: 10.17323/2587-814X.2022.1.56.71.
5. Chi Z. T.F. Expanding the library's presence in social media using a content strategy: tools and suggestions // *Communicative research*. – 2022. – V. 9. – No. 1. – P. 67–76. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(1).67-76.
6. Online music (music streaming) [Electronic resource]. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Music_online_\(music_streaming\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Music_online_(music_streaming)) (date of access: 05/02/2025).
7. Belikova A.I. Streaming service as a new form of consumption and promotion of musical content in the 21st century / ed. O.L. Devyatova, M.V. Kapkan. – 2021. – 177 p.
8. Malinin I. I., Karyakin D.I. The phenomenon of short videos on the Internet: reasons for popularity, trends in production and methods of use for promotion // *Discourse-Pi*. – 2025. – Vol. 22. – No. 1. – P. 191–208. DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_191.
9. Sosorin K.D. Development of the regulatory system for the copyright protection institution in the context of digital transformation // *Legal science*. – 2024. – No. 11. – P. 271–275.
10. Walzer D. Towards an understanding of creativity in independent music production [Electronic resource] // *Creative Industries Journal*. – 2023. – Vol. 16. – No. 1. – P. 42–55. URL: <https://doi.org/10.1080/17510694.2021.1960705>

Теоретический взгляд на понимание этических принципов в спорте

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Шубин Леонид Борисович,

канд. мед. наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: LBSH@yandex.ru

Этические принципы занимают центральное место в современной спортивной практике, отражая не только свод норм, но и глубокие философские основания взаимодействия участников соревнований. Данная статья предлагает теоретический анализ ключевых концепций и моделей, лежащих в основе понимания этики в спорте.

Теоретический взгляд на понимание этических принципов в спорте раскрывает сложную многоуровневую систему, которая требует междисциплинарного подхода для полного понимания. Анализ показывает, что этические принципы в спорте не являются статичными нормами, а представляют собой динамическую систему взаимодействующих ценностей, убеждений и практик. Понимание теоретических основ этики спорта критически важно для развития эффективных образовательных программ, формирования этического лидерства и создания спортивной культуры, основанной на принципах справедливости, уважения и человеческого достоинства.

Будущие исследования должны сосредоточиться на разработке интегративных теоретических моделей, которые могут объединить нормативные и дескриптивные подходы для создания более совершенной этической основы современного спорта.

Ключевые слова: этика в спорте, психическое здоровье, социальная активность, этические принципы, спортсмены.

Введение

Физическое воспитание, как и спорт, – это деятельность человека, способствующая всестороннему развитию личности. Спорт признаётся индивидуальной деятельностью, предоставляющей возможность самопознания, самовыражения и реализации личных достижений. Спорт способствует приобретению и демонстрации навыков, радостной жизни, благополучию и крепкому здоровью. Более того, спорт также вовлекает нас в коллективные усилия по достижению человеческого совершенства, предоставляя нам реальную возможность для социального взаимодействия. Вслед за дисциплиной спорт становится источником удовольствия, но, что ещё важнее, спорт вдохновляет людей, объединяет их через культурные различия ради общей цели, создавая связи там, где ранее существовало социальное разделение. Помимо всех своих свойств, спорт, исходя из социально-конструктивистской парадигмы, может способствовать процветанию общества и стимулировать дружбу между нациями, одновременно призывая к совместной ответственности [1, с. 364]. Исходя из ответственности как социальной ценности, мы понимаем, что спорт – это среда, ответственная за применение правил и соблюдение моральных и этических ценностей, таких как взаимное уважение достоинства личности, солидарность, равенство, справедливость и прозрачность.

В данной статье кратко рассматривается, с теоретической точки зрения, значение этики в спорте и выделяются этические ценности, на которых основана спортивная практика, через призму международной специализированной литературы.

Спортивная практика и ее определения

Для рассмотрения вопросов связанных со спортивной этикой, считаем важным четко определить, что на самом деле означает спорт. Грион (2022) в своей рукописи, опубликованной в журнале «Wood in Sport Equipment», определяет спорт с трех точек зрения: с точки зрения игры, набора правил и социальной активности [2, с. 10].

Спорт как игра понимается исходя из идеи Йохана Хейзинга (1938) в работе «Человек человеческий», для которого игра – это акт свободы, отличный от обычной жизни, деятельность, которая является самоцелью и которая является ассоциируется с чувством напряжения и радости одновременно.

Игра в спортивном смысле – это игра, которая эволюционировала в более продвинутый вид деятельности, который становится контролируемым и подчиняется набору правил. По сути, спортивная игра представляет собой сложный социальный феномен, который существует на пересечении физической культуры, развлечения и соревновательной деятельности. Это особый вид человеческой активности, который сочетает в себе элементы игры, спорта и социального взаимодействия.

Игра превращается в спорт, когда в ней присутствуют 4 основных правила: 1) включает в себя элемент мастерства, 2) навыки, которые проверяются в игре; 3) привлекает широкую аудиторию людей, которые следят за игрой; и 4) игра приобретает определенный уровень стабильности, необходимый для развития федерации по виду спорта [2, с. 13].

Чтобы функционировать должным образом – спорт, как и другие сферы жизни, нуждается в структуре и порядке. Здесь на первый план выходят правила, устанавливающие общие рамки для всех участников соревнований. Еще одним способом обозначения спорта, является связь между спортом и правилами, которые определяют цель игры, а также средствами, необходимыми для ее достижения, что обеспечивает точность проведения игры. Когда речь идет о регламенте игры, правила показывают пределы игры, несоблюдение правил приводит к привлечению внимания и последствиям для спортсмена и команды. Цель регламента – побудить игрока уважать правила. Далее, мы приведем основные аспекты того, как спорт представляет собой набор правил:

1. Определение игры. Правила определяют основные элементы вида спорта, такие как: цель игры (забить больше голов, чем соперник); необходимое снаряжение (мячи, ракетки, клюшки); продолжительность игры (например, два тайма по 45 минут); количество игроков (11 игроков в команде по футболу).

2. Обеспечение честной игры. Правила способствуют честной и равноправной игре для всех посредством: запрета неспортивного поведения (например, агрессии, обмана); установление санкций за нарушение правил (например, желтые/красные карточки); обеспечение беспристрастного судьи для обеспечения соблюдения правил [3, с. 652].

3. Создание безопасной среды. Правила способствуют обеспечению безопасности игроков путем обеспечения необходимого защитного снаряжения (форма хоккеиста); запрета на опасные маневры (жесткие удары в регби); оказание первой медицинской помощи в случае несчастных случаев.

4. Стимулирование конкуренции. Правила создают справедливую систему соревнований, в которой: все игроки/команды имеют равные шансы на победу; результаты оцениваются объективно (по очкам, рейтингу итд); победа и усилия вознаграждаются [4, с. 8].

5. Содействие развитию спорта. Правила могут быть адаптированы и со временем они были изменены с целью: улучшения спортивных результатов; повышения безопасности игроков; адаптации спорта к текущим потребностям и контексту.

Хотя на первый взгляд правила могут показаться ограничительными, они необходимы для надлежащего функционирования спорта. Они обеспечивают четкую и прозрачную основу, гарантирующую честную, безопасную и конкурентоспособную игру для всех участников [5, с. 162].

В дополнение к перечисленным выше, правила этого вида спорта могут иметь и другие преимущества: они развивают дисциплину и уважение к авторитетам; поощряют сотрудничество и командная работа; это стимулирует дух честной игры и уважения к сопернику; это дает возможность расслабиться и повеселиться [1, с. 370].

Спорта – как социальная активность

Кайлуа Р. (2001) рассматривает игру как общественное мероприятие, в том смысле, что для участия в игре необходимы как минимум два игрока, спорт – это, по сути, социальная практика. Более того, не случайно игроков в игре называют конкурентами, а испытание, в котором они участвуют, называется соревнованием, игрой, в которой «мы» имеет приоритет над «я». Соревновательные игры и спорт, используются в качестве примера, чтобы объяснить концепцию «социальной практики» как социально устоявшейся, последовательной и сложной совместной деятельности людей [2, с. 12]. Спорт стано-

вится важной социальной деятельностью по нескольким причинам:

1. Социальное взаимодействие/ Спорт предоставляет прекрасную возможность взаимодействовать с другими людьми, независимо от возраста, пола, расы, этнической принадлежности или социального статуса [6, с. 11]. Если мы рассмотрим командные виды спорта, такие как баскетбол, футбол, волейбол, то они предполагают сотрудничество и коммуникацию для достижения общей цели, что укрепляет межличностные отношения и командный дух. Индивидуальные виды спорта, такие как теннис, бег, плавание и т.д., могут способствовать общению с другими энтузиастами того же вида спорта, создавая общую базу интересов и дискуссий [7, с. 5].

2. Развитие социальных навыков/ Спорт способствует развитию основных социальных навыков, таких как коммуникация (общение с товарищами по команде, тренерами и соперниками), лидерство (возможность брать на себя руководящие роли и мотивировать других); уважение (спортсмены учатся уважать правила игры, соперников и авторитет судей) управление конфликтами [1, с. 367].

3. Социальная интеграция: Спорт играет важную роль в содействии социальной интеграции, предлагая равные возможности всем, независимо от их происхождения.

Существует множество спортивных программ, посвященных людям с ограниченными возможностями, иммигрантам и беженцам, которые способствуют их социальной интеграции. Спорт помогает бороться со стереотипами и предрассудками, способствуя терпимости и уважению к людям. Бывший президент ЮАР (Южная Африка) и активист движения против апартеида Нельсон Мандела использовал спорт как инструмент примирения и социальных перемен. Он работал над устранением расовых барьеров в спорте и верил что спорт может способствовать честной игре и равенству людей [8, с. 150].

4. Здоровье и благополучие. Спорт оказывает значительное влияние на физическое и психическое здоровье людей, способствуя поддержанию оптимальной физической формы, профилактике хронических заболеваний и улучшению качества жизни. Занятия спортом могут помочь уменьшить стресс, тревогу и депрессию, способствуя позитивному психическому состоянию [9, с. 6].

5. Идентичность и принадлежность: Спорт может быть источником идентичности и принадлежности к сообществу [10, с. 8].

Этические принципы в спортивной практике

В исследовании, проведенном Эгнев Д. с соавт. (2017), исходя из предпосылки, что спортсмены являются хорошими образцами для подражания, которые в контексте занятий спортом соревнуются честно, обеспечивая прозрачность для общественности как в личной, так и в профессиональной жизни, ученые стремились проводить систематическую проверку честности, этики и благополучия в спорте высших достижений. Они проанализировали 23 статьи опубликованные в период с 2006-по 2016 годы, которые соответствовали установленным критериям отбора. В результате анализа были сделаны выводы о том, что этика, честность, спортивное мастерство и благополучие взаимосвязаны на уровне спорта высших достижений. В то же время внешние требования, предъявляемые к профессиональным спортсменам, не оказывают влияния на их жизнь и не являются реалистичными [11, с. 17].

Поэтому важно понимать, какие основные этические ценности лежат в основе спорта и как они признаются на международном уровне. Однако, когда мы говорим о спорте, мы имеем в виду не только элитных игроков,

но и любителей, профессионалов всех уровней, как личностей, которые должны получать удовольствие от своего выбора и занятий спортом в безопасной, морально-этической среде, со здоровыми границами.

Если мы рассмотрим честность и неподкупность как этические принципы, лежащие в основе спорта, то можем приблизиться к этим принципам, объединенным честностью и неподкупностью, к которым относятся: честная игра, где каждый заслуживает участия, соблюдая правила и уважая соперника [3, с. 651], запрещенные препараты, повышающие работоспособность, но наносящие непоправимый вред здоровью спортсменов [12, с. 7], борьба с договорными матчами, для предотвращения манипулирования результатами в личных целях, а также, прозрачность и подотчетность, что дает возможность привлечения отдельных лиц и организаций к ответственности за нарушения этических норм [13, с. 11].

Среди основных принципов в спорте, основанных на морали и на уважении к инклюзивности, являются: борьба со злоупотреблениями и домогательствами и защита благополучия спортсменов. На европейском и даже международном уровнях дискриминация в спорте чаще всего связана со стигматизацией по внешним признакам (цвет кожи, форма тела и пол), хотя существуют и некоторые вариации, о которых говорится в специальной литературе [1, с. 368]. Также важно проводить четкое различие между преднамеренной дискриминацией (в спортивных клубах, на спортивных площадках) и ощущением дискриминации, которое некоторые люди и сообщества могут испытывать сильнее, чем другие (иностранцы, трансгендеры). Благодаря принципу недискриминации как отдельные лица, так и организации, поддерживающие этическое поведение в спорте, способствуют обеспечению равных возможностей для всех участников независимо от пола, расы, этнической принадлежности, инвалидности или других личных характеристик [14, с. 31]. Инклюзивность, связанная с недопущением дискриминации, поддерживается организациями физкультурно – спортивных мероприятий, которые занимаются инвалидами, поскольку они играют ключевую роль в процессе интеграции людей с ограниченными возможностями в общество и вносят важный вклад в обеспечение равных возможностей. Говоря о принципе борьбы с жестоким обращением и домогательствами, надо стремиться создать безопасную и инклюзивную среду, свободную от физического, словесного или эмоционального насилия и домогательств [15, с. 1024]. Другие принципы, связанные с уважением и инклюзивностью – это культурная восприимчивость (уважение культурных традиций и ценностей) и защита благополучия спортсменов, где упор сделан на уделении внимания физическому и психическому благополучию спортсменов.

Что касается психического благополучия спортсменов, то результаты полученные Дэйли и др. (2023) показывают, что растущая тенденция к ранней спортивной специализации связана с повышенным риском травм и эмоционального выгорания, которые оказывают существенное влияние на психическое здоровье. В своей статье они рассматривают тот факт, что “программы повышения грамотности в области психического здоровья, направленные на повышение осведомленности, снижение стигматизации и поощрение поведения, связанного с обращением за помощью, могут быть эффективным способом повышения жизнестойкости и раннего выявления проблем у спортсменов [16, с. 413].

Рассматривая социальную ответственность в спорте, Уимс А.Д. с коллегами (2017), подвергли сомнению основные формы корпоративной социальной ответствен-

ности (КСО). Они поддерживают неолиберальную логику, которая служит рационализации и повышению роли спортивных организаций в обществе. Социальная ответственность по их мнению, подразумевает использование спорта в качестве платформы для позитивного социальных изменений и решение таких вопросов, как гендерное равенство, охрана окружающей среды и развитие сообществ [17, с. 907].

Вывод

Связь между спортом и этикой становится очевидной, поскольку спорт через свою специфику игры, набор правил и социальную активность подразумевает взаимодействие людей, что приводит к всесторонней коммуникации моральных принципов и этических ценностей людей.

Этические принципы имеют решающее значение для обеспечения «честного спорта», основанного на безопасности и уважении ко всем участникам. В статье мы ссылались на ряд принципов, изложенных в международной профильной литературе, однако, важно понимать что эти принципы не являются исчерпывающими, так как в каждом виде спорта могут возникать конкретные этические проблемы.

Для формирования целостной системы этических стандартов в спорте необходимо активное вовлечение всех заинтересованных сторон – от профессиональных атлетов до руководителей спортивных федераций. Каждый участник спортивного процесса должен иметь доступ к актуальной информации и возможность принимать участие в конструктивном обсуждении вопросов, связанных с внедрением моральных принципов на каждом уровне спортивной деятельности.

В рамках настоящего исследования был проведен концептуальный обзор этических подходов в спортивной сфере. Результатом работы стала систематизация ключевых моральных принципов, которые, не претендуя на полноту охвата всех аспектов спортивной этики, представляют собой фундаментальную основу для дальнейших исследований и практического применения. Представленные принципы могут служить базисом для специалистов, стремящихся к глубокому пониманию этических основ спорта и заинтересованных в их последующем развитии и совершенствовании.

Литература

1. Mindrescu V., Sandu E.R., Ilie L., Sorin D., Bogdan P., Bogdan O. A Theoretical Perspective on Understanding Ethical Principles in Sports. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*. 2024. 16(1). 362–372. DOI:10.18662/rrem/16.1/827
2. Grion, L. Sport and games from philosophy to the ethics of sport. *Wood in Sport Equipment*. 2022. № 9. <https://doi.org/10.22382/BOOK-2022-01>
3. Serrano-Durá, J., Molina, P., & Martínez-Baena, A. (2021). Systematic review of research on fair play and sporting competition. *Sport, Education and Society*. 2021. 26(6), pp 648–662. DOI:10.1080/13573322.2020.1786364
4. Kim YW, Han J, Jang K, et al. The connection to the public's preferred sports analysis and physical education curriculum. *PLoS One*. 2022;17(3): e0264032. doi:10.1371/journal.pone.0264032
5. Chappellet, J.L. The autonomy of sport and the European Union. *Edward Elgar*. 2018. Pp. 157–172. DOI:10.4337/9781784719500.00017
6. Yang J, Ju FY, Tian ZG. Sports and Social Interaction: Sports Experiences and Attitudes of the Urban

Running Community. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(21):14412. doi:10.3390/ijerph192114412

7. Kim YW, Han J, Jang K, et al. The connection to the public's preferred sports analysis and physical education curriculum. *PLoS One*. 2022;17(3): e0264032. doi:10.1371/journal.pone.0264032
8. Karim Salim S.A. Nelson R. Mandela (1918–2013).2014. *Science*. Vol. 343,150–150. DOI:10.1126/science.1249822
9. Eather N, Wade L, Pankowiak A, Eime R. The impact of sports participation on mental health and social outcomes in adults: a systematic review and the 'Mental Health through Sport' conceptual model. *Syst Rev*. 2023;12(1):102. doi:10.1186/s13643-023-02264-8
10. Гудимов С. В., Бурухин С.Ф., Плещёв И.Е., Николаев Р.Ю. Применение различных фитнес-технологий в физкультурно-спортивной деятельности студентов медицинского университета // Российский журнал спортивной науки: медицина, физиология, тренировка. 2024. – Т. 3. – № 3(11). DOI: 10.24412/2782-6570-2024_03_03_7
11. Agnew, D., Henderson, P., & Woods, C. (2017). Ethics, integrity and well-being in elite sport: A systematic review. *The Sport Journal*, No. 19, pp. 1–19.
12. Kayser B, Mauron A, Miah A. Current anti-doping policy: a critical appraisal. *BMC Med Ethics*. 2007;8:2. doi:10.1186/1472-6939-8-2
13. Urdaneta, R., Guevara-Pérez, J. C., Llana-Macarulla, F., Moneva, J.M. Transparency and accountability in sports: Measuring the social and financial performance of Spanish professional football. *Sustainability*. 2021. 13(15), 8663. <https://doi.org/10.3390/su13158663>
14. Martowicz M, Budgett R, Pape M, et al. Position statement: IOC framework on fairness, inclusion and non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations. *Br J Sports Med*. 2023;57(1):26–32. doi:10.1136/bjsports-2022-106386
15. Mountjoy M, Brackenridge C, Arrington M, et al. International Olympic Committee consensus statement: harassment and abuse (non-accidental violence) in sport. *Br J Sports Med*. 2016;50(17):1019–1029. doi:10.1136/bjsports-2016-096121
16. Daley MM, Shoop J, Christino MA. Mental Health in the Specialized Athlete. *Curr Rev Musculoskelet Med*. 2023;16(9):410–418. doi:10.1007/s12178-023-09851-1
17. Weems, A. J., Garner, J. R., Oshiro, K., & Singer, J. N. (2017). Corporate social responsibility: Considerations for sport management in the age of neoliberalism. *International Journal of Exercise Science*, 10(6), pp. 900–914. DOI: 10.70252/YXQC9679

A THEORETICAL PERSPECTIVE ON UNDERSTANDING ETHICAL PRINCIPLES IN SPORTS

Pleshchev I.E., Savgachev V.V., Shubin L.B.
Yaroslav State Medical University

Ethical principles occupy a central place in modern sports practice, reflecting not only a set of norms, but also the deep philosophical foundations of the interaction of competitors. This article offers a theoretical analysis of the key concepts and models underlying the understanding of ethics in sports.

A theoretical look at the understanding of ethical principles in sports reveals a complex multi-level system that requires an interdisciplinary approach to fully understand. The analysis shows that ethical principles in sports are not static norms, but represent a dynamic system of interacting values, beliefs and practices. Understanding the theoretical foundations of sports ethics is critically important for the development of effective educational programs, the formation of ethical leadership and the creation of a sports culture based on the principles of justice, respect and human dignity.

Future research should focus on developing integrative theoretical models that can combine normative and descriptive approaches to create a better ethical foundation for modern sports.

Keywords: ethics in sports, mental health, social activity, ethical principles, athletes.

References

1. Mindrescu V., Sandu E.R., Ilie L., Sorin D., Bogdan P., Bogdan O. A Theoretical Perspective on Understanding Ethical Principles in Sports. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*. 2024. 16(1). 362–372. DOI:10.18662/rrem/16.1/827
2. Grion, L. Sport and games from philosophy to the ethics of sport. *Wood in Sport Equipment*. 2022. № 9. <https://doi.org/10.22382/BOOK-2022-01>
3. Serrano-Durá, J., Molina, P., & Martínez-Baena, A. (2021). Systematic review of research on fair play and sporting competition. *Sport, Education and Society*. 2021. 26(6), pp 648–662. DOI:10.1080/13573322.2020.1786364
4. Kim YW, Han J, Jang K, et al. The connection to the public's preferred sports analysis and physical education curriculum. *PLoS One*. 2022;17(3): e0264032. doi:10.1371/journal.pone.0264032
5. Chappelet, J.L. The autonomy of sport and the European Union. *Edward Elgar*. 2018. Pp. 157–172. DOI:10.4337/9781784719500.00017
6. Yang J, Ju FY, Tian ZG. Sports and Social Interaction: Sports Experiences and Attitudes of the Urban Running Community. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(21):14412. doi:10.3390/ijerph192114412
7. Kim YW, Han J, Jang K, et al. The connection to the public's preferred sports analysis and physical education curriculum. *PLoS One*. 2022;17(3): e0264032. doi:10.1371/journal.pone.0264032
8. Karim Salim S.A. Nelson R. Mandela (1918–2013).2014. *Science*. Vol. 343,150–150. DOI:10.1126/science.1249822
9. Eather N, Wade L, Pankowiak A, Eime R. The impact of sports participation on mental health and social outcomes in adults: a systematic review and the 'Mental Health through Sport' conceptual model. *Syst Rev*. 2023;12(1):102. doi:10.1186/s13643-023-02264-8
10. Gudimov S. V., Burukhin S.F., Pleshchev I.E., Nikolaev R.Y. Application of various fitness technologies in physical culture and sports activities of female students of the Medical University // *Russian Journal of Sports Science: Medicine, Physiology, training*. 2024. Vol. 3. No. 3(11). DOI: 10.24412/2782-6570-2024_03_03_7
11. Agnew, D., Henderson, P., & Woods, C. (2017). Ethics, integrity and well-being in elite sport: A systematic review. *The Sport Journal*, No. 19, pp. 1–19.
12. Kayser B, Mauron A, Miah A. Current anti-doping policy: a critical appraisal. *BMC Med Ethics*. 2007;8:2. doi:10.1186/1472-6939-8-2
13. Urdaneta, R., Guevara-Pérez, J. C., Llana-Macarulla, F., Moneva, J.M. Transparency and accountability in sports: Measuring the social and financial performance of Spanish professional football. *Sustainability*. 2021. 13(15), 8663. <https://doi.org/10.3390/su13158663>
14. Martowicz M, Budgett R, Pape M, et al. Position statement: IOC framework on fairness, inclusion and non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations. *Br J Sports Med*. 2023;57(1):26–32. doi:10.1136/bjsports-2022-106386
15. Mountjoy M, Brackenridge C, Arrington M, et al. International Olympic Committee consensus statement: harassment and abuse (non-accidental violence) in sport. *Br J Sports Med*. 2016;50(17):1019–1029. doi:10.1136/bjsports-2016-096121
16. Daley MM, Shoop J, Christino MA. Mental Health in the Specialized Athlete. *Curr Rev Musculoskelet Med*. 2023;16(9):410–418. doi:10.1007/s12178-023-09851-1
17. Weems, A. J., Garner, J. R., Oshiro, K., & Singer, J. N. (2017). Corporate social responsibility: Considerations for sport management in the age of neoliberalism. *International Journal of Exercise Science*, 10(6), pp. 900–914. DOI: 10.70252/YXQC9679

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina-09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Бакшеева Светлана Лукинична,

д.м.н., доцент, заведующий кафедрой терапевтической стоматологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: sbacsheeva@mail.ru

Нор Ольга Владимировна,

к.м.н., доцент кафедры физической и реабилитационной медицины с курсом ПО, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: 245900@mail.ru

Екимова Екатерина Юрьевна,

к.б.н., доцент кафедры биологии и экологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: ekimova1981@mail.ru

Буллинг является одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкиваются современные учебные заведения, поскольку он имеет крайне негативные последствия для всех привлеченных сторон. Интерес теоретиков и практиков к проблеме буллинга имеет более чем сорокалетнюю традицию. За этот период исследователи сосредоточились на многих аспектах этого явления, в т.ч. на определении понятия, разработке коррекционных программ, характеристике видов буллинга, ролях участников насилия буллингового характера. В настоящее время исследования углубляются и включают буллинг, осуществляемый с использованием новых коммуникационных технологий (кибербуллинг). Однако современные исследования буллинга сосредоточены в основном на изучении проблемы применительно к школьной и подростковой среде.

Цель статьи: осуществить анализ возможности предотвращения буллинга среди студентов. Статья представляет собой теоретический подход к проблеме предотвращения буллинга с учетом специфики учреждения, в котором он происходит. Больше не остается сомнений, что буллинг в студенческой среде является значимой проблемой. В статье проанализировано понятие буллинга, осуществлен анализ методов преодоления и профилактики буллинга в студенческой среде. Также были предложены эффективные профилактические меры, которые позволяют в значительной степени исключить буллинг в студенческой среде, и сформулированы общие рекомендации относительно метода и сферы внедрения решений, направленных на предотвращение буллинга в студенческой среде.

Ключевые слова: буллинг, студенты, буллер, жертва, профилактические меры.

Введение

Одной из наиболее актуальных социальных проблем современности, которая имеет серьезные последствия для психического и физического здоровья детей и молодежи, является буллинг. Буллинг (bullying, от англ. bully – травля) – это деяния участников образовательного процесса, заключающиеся в психологическом, физическом, экономическом, сексуальном насилии, совершаемых в отношении малолетнего или несовершеннолетнего лица или таким лицом в отношении других участников образовательного процесса [1]. Наиболее распространено это явление среди детей и подростков.

Распространение информационных технологий и массовое использование социальных сетей, сайтов разной направленности обусловило появление кибербуллинга, проявлениями которого являются: рассылка сообщений, фото и видео материалов агрессивного и оскорбительного характера, открытое агрессивное поведение в чатах и социальных сетях. Из попадания на просторы Интернета информация, являющаяся проявлением кибербуллинга, может оставаться там надолго, что может оказать длительное травмирующее влияние на психику жертвы и привести к депрессии, аутодеструктивному поведению и даже самоубийству [2].

Однако буллинг как явление социальное имеет формы проявления на всех стадиях развития личности. В частности, продолжение образования в высшей школе предполагает переход человека в другую социальную среду, однако не означает кардинального изменения его личности, что дает основания предполагать перенесение личностных проблем на следующий образовательный уровень.

Заметим, что студенческий возраст (от 17 до 25 лет) относят к поздней юности или ранней взрослости, и указывают на возможные конфликты в студенческой среде, причинами которых служат социально-возрастное неравенство, увеличение потребностей и ограничение личностных возможностей для их удовлетворения, «взрывная» реакция на внешние раздражители и социальные помехи, идеализированное восприятие мира и т.д.

Учитывая указанное, травля, как групповой феномен, может быть перенесена в высшее образование. Агрессоры и виктимные личности могут проявлять ту же модель поведения в высшем образовании, что и в школе. Это обуславливает появление модифицированной ситуации буллинга. И если школьная травля является криминальным фактором, то явление буллинга в учреждениях высшего образования может привести к более тяжелым последствиям: суицидам, нанесению телесных повреждений, в том числе и с летальным исходом, когда жертва сознательно уничтожает буллера, преступным действиям в отношении имущества как со стороны буллера, так и со стороны жертвы.

Вместе с тем исследователи сосредотачивают внимание преимущественно на вопросах минимизации социально-педагогической и психологической проблемы буллинга в образовательной среде учреждений общего среднего образования, оставляя без внимания спектр вопросов, связанных с выявлением и профилактикой буллинга в студенческой среде вуза.

Цель исследования: раскрыть понятие буллинга и основные подходы к его исследованию; описать причины возникновения буллинга в вузе; осуществить анализ методов преодоления и профилактики буллинга среди студентов.

Методы и материалы исследования

Материалами исследования стали публикации в научных изданиях, посвященные вопросам профилактики буллинга и формированию стратегий его преодоления. В работе использованы такие методы исследования как анализ научно-методических работ по проблеме исследования; интерпретация результатов исследования.

Результаты исследования

Концепция буллинга была введена в научный оборот в 1970-х гг. Дэном Олвеусом, который, формулируя определение «буллинга», диагностирует его на основе трех критериев, которым должно соответствовать данное поведение, чтобы его можно было назвать буллингом. Это преднамеренное, негативное поведение отдельного человека или группы, направленное на причинение вреда, преследование отдельного человека или группы, которое происходит внезапно, неожиданно, повторяется и длится в течение длительного периода времени, при котором дисбаланс сил между буллером и жертвой отчетливо виден [3].

Определение, подчеркивающее вышеуказанную триаду, также дают К.Р. Кук с соавт., которые определяют буллинг как «негативные физические или словесные действия, которые характеризуются враждебными намерениями, вызывают негативные эмоции у жертв, повторяются с течением времени и характеризуются разницей в силе между преступниками и жертвой» [2].

А.А. Приходько перечисляет некоторые черты среди детерминант буллинга, такие как: односторонность вреда, причиненного жертве, длительность во времени и повторяемость [1]. М.А. Новикова с соавт., определяя феномен буллинга, также перечисляет три его черты, при этом подчеркивая отсутствие вины со стороны жертвы. Он определяет буллинг как негативные действия, повторяющиеся в течение более длительного периода времени, в течение которого происходит неравномерное распределение сил между буллером и жертвой, а все формы буллинга не провоцируются жертвой [4].

Анализируя феномен буллинга, можно наблюдать многообразие форм, которые он принимает. Речь идет о негативных действиях физического и психологического характера. Конфликты, споры и ссоры, которые когда-то были открытыми, здесь принимают форму тонких, изощренных преследований, скрытых атак, которые трудно заметить.

Исследователи феномена буллинга выделяют следующие его формы:

- физический буллинг – состоит из применения насилия по отношению к другому человеку: толкание, избивание, пинки, плевки, вымогательство денег, поджоги, уничтожение и/или отъем имущества. Агрессия и насилие в этой форме могут использоваться напрямую – когда жертва остается наедине с обидчиками – или косвенно, путем убеждения других людей совершать эти действия [5];
- сексуальный буллинг – состоит из наблюдения, прикосновений без согласия [6];
- вербальный буллинг – проявляется в оскорбительном отношении к другому человеку: высмеивании, оскорблении, угрозах, демонстрации неприличных

жестов и т.п. Этот вид насилия также происходит в косвенной форме путем убеждения других причинить кому-либо вред, высмеивания [7];

- реляционный буллинг – заключается в исключении из группы, игнорировании, настраивании других против человека. Такие действия приводят к понижению чьего-либо статуса в группе, изоляции [8], также происходит в прямой и косвенной форме;
- кибербуллинг (цифровой, электронный, киберзапугивание, преследование), осуществляемый через Интернет и мобильные телефоны. Проявляется в следующих действиях: оскорбительные текстовые сообщения, электронные письма, записи в социальных сетях, размещение в Интернете фотографий и видео, высмеивающих жертву, агрессивные атаки в чатах или дискуссионных группах, отправка неприятных сообщений жертве, кража личных данных, публикация секретов, личных материалов жертвы, преследование с помощью фотографий или видео, публикация унижительной информации и материалов о жертве [9].

Исследования показывают, что переживание травли приводит к снижению качества жизни и проблемам в области психического здоровья жертв, последствия чего часто сохраняются на более поздних этапах жизни, даже спустя много лет после виктимизации [3].

Поэтому важно искать решения, направленные на профилактику буллинга. Стоит отметить, что такие мероприятия значительно выходят за рамки социальных кампаний или простых образовательных мероприятий, повышающих осведомленность о важности проблемы. Вместо этого они скорее входят в систему повседневного функционирования образовательных учреждений и решений, направленных на организацию их работы и целостной системы взаимодействий таким образом, чтобы риск насилия со стороны сверстников был как можно ниже.

В связи с вышесказанным, деятельность педагогического коллектива вуза должна быть направлена как на преодоление, так и на предупреждение проявлений буллинга в учебном заведении. Вузы должны разместить на своих веб-сайтах:

- Этический Кодекс вуза (ЭК), содержащий единые правила для всех участников образовательного процесса;
- план мероприятий, направленных на предотвращение и противодействие буллингу;
- порядок подачи и рассмотрения заявлений о случаях буллинга;
- форму и приблизительное содержание заявления о случаях буллинга;
- информацию об ответственном лице и его контактом телефоне;
- порядок реагирования на доказанные случаи буллинга в вузе и ответственность лиц, причастных к буллингу;
- телефоны горячих линий и специалистов, к которым можно обратиться за помощью.

В вузе должен функционировать антибуллинговый комитет, который рассматривает случаи буллинга среди участников образовательного процесса. Антибуллинговый комитет разрабатывает и организует проведение превентивных мероприятий в учебном заведении, в частности составляет антибуллинговую программу вуза, которая должна содержать ссылку на основные нормативные документы, план мероприятий за год, алгоритм действий при выявлении случаев буллинга. Материалы программы размещаются на сайте вуза в рубрике «Профилактика буллинга».

Антибуллинг-программа вуза может содержать следующие направления:

1. Повышение уровня коммуникативной культуры участников образовательного процесса, повышение уровня знаний по предупреждению буллинга. В вузе должны быть разработаны четкие правила для всех студентов, столкнувшихся с буллингом.

2. Проведение образовательных программ и тренингов, направленных на повышение осведомленности участников образовательного процесса по вопросам противодействия буллингу и развитие социально-эмоциональных навыков: эмпатии, сострадания, эффективного общения и разрешения конфликтов.

3. Поощрение ответственного поведения, проведение мероприятий, способствующих формированию дружеских отношений и взаимоуважения – командных игр, проектов, творческих конкурсов и т.д.

4. Поддержка педагогического коллектива: студенты должны рассчитывать на поддержку преподавателей; преподаватели должны:

- распознавать потенциальных жертв буллинга и быть бдительными;
- распознавать студентов с властным, агрессивным поведением и направлять их энергию в конструктивное русло;
- оказывать поддержку потерпевшим, опираться на систему противодействия буллингу, антибуллинг-комитет.

5. Формирование у студентов навыков конструктивного поведения в ситуации буллинга. Студенты должны иметь возможность рассказать о случае буллинга, искать поддержку у друзей и сокурсников, заниматься восстановлением своей самооценки с помощью специалиста, использовать юмор против вербальной агрессии, обращаться к медиаторам за помощью. Критическая ситуация меняется, если объект буллинга не позиционирует себя как жертву, а вместо этого демонстрирует навыки ассертивного общения: достоинство, самоуважение, ненасильственную коммуникацию, стрессоустойчивость, понимание мотивации поступков другого человека, чувство юмора.

6. Создание групп поддержки для студентов, пострадавших от буллинга, наличие психологической службы или консультантов для оказания профессиональной помощи пострадавшим.

7. Формирование конструктивного поведения у наблюдателей – свидетелей буллинга. Студенты должны отказываться от предложений принять участие в травле; пытаться снять напряжение, когда ситуация становится проблемной; искать поддержку, звать на помощь в случае, если они стали свидетелями насилия; обратиться к преподавателям; оказывать поддержку пострадавшим, убедить их обратиться за помощью и т.д.

8. Использование технологических средств, предусматривающих внедрение анонимных платформ или горячих линий для сообщений о случаях буллинга, использование социальных медиа с целью проведения кампаний для повышения уровня осведомленности и поощрения неприятия буллинга.

В рамках внедрения системы противодействия буллингу в вузе целесообразно проводить:

- исходное анкетирование студентов и педагогов с целью определения уровня распространения проблемы насилия и травли в студенческой среде,
- заседание фокус-группы педагогических работников по внедрению системы противодействия буллингу,
- заседание фокус-группы с лидерами студенческого самоуправления с целью разработки механизма участия студентов в системе противодействия буллингу.

В начале учебного года участников образовательного процесса следует ознакомить с законодательной базой по преодолению буллинга в учебном заведении, пределами ответственности за противоправные действия по отношению к другим людям, антибуллинг-политикой вуза и предоставить четкие инструкции и профилактические пояснения и разъяснения школе.

Лучшим средством противодействия деструктивным поведенческим проявлениям в студенческой среде остается профилактическая работа. В течение учебного года специалистам психологической службы вуза и кураторам групп целесообразно проводить для студентов мероприятия, посвященные профилактике буллинга.

Среди превентивных мер можно выделить следующие:

- включение в образовательную программу профилактических тренингов, ролевых игр по вопросам толерантности, профилактики конфликтов и буллинга. Проведение групповых занятий, практикумов по развитию коммуникативных навыков, толерантного отношения к другим, профилактике асоциального поведения и проявлений насилия.
- разработка студентами в сотрудничестве с куратором группы правил поведения студенческого коллектива;
- участие в акциях, флешмобах, направленных на объединение студенческого сообщества.

Преподаватели и технический персонал заведения также должны повышать уровень осведомленности о преодолении буллинга путем прохождения специальных онлайн-курсов и обучения стратегиям профилактики буллинга и вмешательства в случае его проявления. Вопросы противодействия буллингу должны систематически обсуждаться на педагогических советах, заседаниях методических объединений классных руководителей. Технический персонал учреждения следует систематически вовлекать в тренинги и практические занятия по вопросам формирования навыков ненасильственного общения.

Следовательно, важным условием профилактики буллинга является комплексный подход с учетом специфики конкретного заведения. Только при таких условиях можно создать среду, где уменьшается вероятность возникновения насильственных отношений между участниками образовательного процесса и повышается способность эффективно предотвращать конфликтные ситуации, конструктивно реагировать на них.

Представленный анализ позволяет сформулировать общие рекомендации относительно метода и сферы внедрения решений, направленных на предотвращение буллинга в студенческой среде:

1. Действия должны включать в той или иной степени всех участников образовательного процесса, т.е. студентов (не только тех, кто участвует в травле), преподавателей, весь остальной персонал вуза и родителей студентов.

2. В вузе должен быть четко сформулированный и известный документ, определяющий подход к проблеме буллинга и указывающий конкретные профилактические и интервенционные мероприятия.

3. Используемые решения должны охватывать широкий спектр мероприятий и не ограничиваться простыми образовательными мероприятиями или процедурами вмешательства. Стоит убедиться, что персонал вуза обладает компетенцией для реализации такого спектра решений. Действия должны в первую очередь включать широкий спектр превентивных решений – направленных на создание среды, которая не поддерживает буллинг, а является его ингибитором. Кроме того, необходимо

знать и применять корректирующие решения, направленные на снижение ущерба в ситуациях, когда буллинг уже произошел.

4. В вузе должна быть актуальная диагностика проблемы, проводимая с использованием различных методов, например, анкетирования, безопасных каналов для студентов, чтобы сообщать о проблемах. Следует помнить, что социометрические методы очень инвазивны и при неправильном использовании могут привести к росту проблемы буллинга. Поэтому их следует использовать в исключительных случаях, когда другие диагностические решения неэффективны, а также грамотно, чтобы свести потенциальный ущерб к минимуму.

Заключение

Проведенное исследование возможности предотвращения буллинга в студенческой среде позволяет утверждать, что в университете должна быть создана и поддерживаться безопасная образовательная среда, направленная на предупреждение и противодействие буллингу (травле) студентов. Студенты должны быть осведомлены о понятии «буллинг», его формах, признаках, способах реагирования. В университете должен быть разработан ряд локальных документов, которые определяют политику предотвращения и противодействия буллингу, регламентируют механизм реагирования на случаи буллинга; должна проводиться системная работа по профилактике буллинга, воспитанию у студентов сострадания, толерантности, нетерпимого отношения к проявлениям любого насилия.

В случае выявления случаев проявления буллинга в образовательной среде университета по отношению к студентам (со стороны других студентов, преподавателей, сотрудников) требуется повышение ответственности субъектов реагирования на случаи буллинга; расширение системы мероприятий со стороны факультетов, студенческого самоуправления, кураторов академических групп относительно информирования студентов о механизмах обращения с жертвами буллинга; проведение тренингов, встреч с соответствующими специалистами с целью предупреждения неэтичного поведения со стороны участников образовательного процесса; формирование способности противостоять буллеру.

Среди направлений дальнейших исследований в этой области мы видим проведение мониторингового исследования с целью выяснения причин возникновения случаев буллинга в вузе и разработки методических рекомендаций по их устранению.

Литература

1. Приходько А.А., Суворова И.Ю. Школьный буллинг: системность и противодействие// Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 4. С. 136–144.
2. Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G., Kim T.E. Variability in the prevalence of bullying and victimization: a cross-national and methodological analysis// S.R. Jimerson, S.M. Swearer, D.L. Espelage (eds.), *Handbook of Bullying in Schools. An International Perspective*. – New York & London, Routledge, 2010. pp. 347–362.
3. Olweus D. School Bullying: Development and Some Important Challenges// *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. Vol. 9. pp. 751–780.
4. Новикова М.А., Реан А.А., Коновалов И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и свя-

зи со школьным климатом// Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90.

5. Guy A., Lee K., Wolke D. Differences in the early stages of social information processing for adolescents involved in bullying// *Aggressive Behavior*. 2017. Vol. 43(6). pp. 578–587.
6. Hong J.S., Espelage D.L. A review of research on bullying and peer victimization in school: An ecological system analysis // *Aggression and Violent Behavior*. 2012. Vol. 17(4). pp. 311–322
7. Kisfalusi D., Pál J., Boda Z. Bullying and victimization among majority and minority students: The role of peers' ethnic perceptions// *Social Networks*. 2020. Vol. 60. pp. 48–60.
8. van der Ploeg R., Steglich C., Veenstra R. The way bullying works: How new ties facilitate the mutual reinforcement of status and bullying in elementary schools// *Social Networks*. 2020. Vol. 60. P. 71–82
9. Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S. The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis// *Trauma, Violence, & Abuse*. 2022. Vol. 23(1). pp. 132–151.

POSSIBILITIES FOR PREVENTING BULLYING IN THE STUDENT ENVIRONMENT

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Nor O.V., Ekimova E.Yu.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Bullying is one of the most serious problems that modern educational institutions face, as it has extremely negative consequences for all parties involved. The interest of theorists and practitioners in the problem of bullying has a tradition of more than forty years. During this period, researchers have focused on many aspects of this phenomenon, including the definition of the concept, the development of correctional programs, the characteristics of the types of bullying, the roles of participants in bullying violence. Currently, research is deepening and includes bullying carried out using new communication technologies (cyberbullying). However, modern studies of bullying are focused mainly on studying the problem in relation to the school and adolescent environment. The purpose of the article: to analyze the possibility of preventing bullying among students. The article is a theoretical approach to the problem of preventing bullying, taking into account the specifics of the institution in which it occurs. There is no longer any doubt that bullying in the student environment is a significant problem. The article analyzes the concept of bullying, analyzes methods for overcoming and preventing bullying in the student environment. Effective preventive measures were also proposed that would allow bullying in the student environment to be largely eliminated, and general recommendations were formulated regarding the method and scope of implementation of solutions aimed at preventing bullying in the student environment.

Keywords: bullying, students, bully, victim, preventive measures.

References

1. Prihodko A.A., Suvorova I. Yu. School bullying: systematicity and counteraction// *Modern foreign psychology*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 136–144
2. Cook C.R., Williams K.R., Guerra N.G., Kim T.E. Variability in the prevalence of bullying and victimization: a cross-national and methodological analysis// S.R. Jimerson, S.M. Swearer, D.L. Espelage (eds.), *Handbook of Bullying in Schools. An International Perspective*. – New York & London, Routledge, 2010. pp. 347–362.
3. Olweus D. School Bullying: Development and Some Important Challenges// *Annual Review of Clinical Psychology*. 2013. Vol. 9. pp. 751–780.
4. Novikova M.A., Rean A.A., Kononov I.A. Bullying in Russian schools: experience of diagnosing prevalence, gender and age

- characteristics and connection with school climate // Education issues. 2021. No. 3. P. 62–90.
5. Guy A., Lee K., Wolke D. Differences in the early stages of social information processing for adolescents involved in bullying// Aggressive Behavior. 2017. Vol. 43(6). pp. 578–587.
 6. Hong J.S., Espelage D.L. A review of research on bullying and peer victimization in school: An ecological system analysis // Aggression and Violent Behavior. 2012. Vol. 17(4). pp. 311–322
 7. Kísfalusi D., Pál J., Boda Z. Bullying and victimization among majority and minority students: The role of peers' ethnic perceptions// Social Networks. 2020. Vol. 60. pp. 48–60.
 8. van der Ploeg R., Steglich C., Veenstra R. The way bullying works: How new ties facilitate the mutual reinforcement of status and bullying in elementary schools// Social Networks. 2020. Vol. 60. P. 71–82
 9. Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S. The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis// Trauma, Violence, & Abuse. 2022. Vol. 23(1). pp. 132–151.

Отражение культурных ценностей в переводе киносубтитров: на примере китайско-российских фильмов

Цзу Сюецин,

кандидат филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет

Перевод киносубтитров, являясь ключевым средством межкультурной коммуникации, представляет собой не только искусство языкового преобразования, но и мост для передачи культурных ценностей. В данной статье, посвященной китайско-российским фильмам, рассматриваются практики обработки культурных реалий, воссоздания культурных образов и передачи социальных ценностей в переводе субтитров с точки зрения теории функциональной эквивалентности, теории вариативного перевода и экологической теории перевода. Анализируя примеры перевода китайских фильмов, таких как «Ип Ман» и «Жить», на русский язык, а также стратегии перевода российских фильмов, таких как «Слон Будды» и «Утомленные солнцем», на китайский язык, выявляется роль динамического баланса между стратегиями доместикации и фореинизации в формировании культурной идентичности. Исследование показывает, что перевод субтитров, благодаря точному обращению с культурными реалиями, воссозданию образов с помощью функциональной эквивалентности и регулированию многомерных стратегий перевода, эффективно способствует межкультурному пониманию и признанию между Китаем и Россией, обеспечивая важный практический путь для поддержания глобального культурного многообразия.

Ключевые слова: перевод киносубтитров; культурные ценности; китайско-российские фильмы; межкультурная коммуникация; стратегии перевода.

Стратегии перевода культурных реалий и формирование культурной идентичности

Перевод культурных реалий (Culture-specific Items) является первостепенным этапом передачи культурных ценностей в субтитрах. В практике перевода китайских фильмов на русский язык переводчики часто используют сочетание транслитерации и смыслового перевода. Например, фильм «Ип Ман» был переведен на русский язык как «Ип Ман» (Ip Man), что позволяет сохранить своеобразие кантонского произношения и одновременно обеспечить межкультурную идентификацию посредством транслитерации латинскими буквами (Чжан Мэйин, 2024). Такой подход не только позволяет избежать трудностей понимания, вызванных культурным пробелом, но и благодаря функции «культурной маркировки» субтитров, формирует уникальную идентичность культуры восточных боевых искусств. Аналогично, при переводе российского фильма «Слон Будды» на китайский язык к названию «Слон» (Слон) было добавлено слово «Будда», используя образ буддийского понятия «просветление», что позволило сохранить религиозный колорит фильма и пробудить культурный резонанс у китайских зрителей (Еременко, 2017).

Использование стратегии доместикации проявляется в адаптивном преобразовании культурных образов. Например, китайский фильм «Битва умов» был переведен на русский язык как «Битва умов», посредством смыслового перевода превращая «мысли о самообороне школы Мо» в знакомое российским зрителям понятие «стратегической игры», сохраняя при этом метафорическую функцию исходного предложения и соответствуя когнитивным привычкам русскоязычной аудитории (Вэй Синь, 2017). Эта стратегия не является простой компромиссом, а скорее придает культурным ценностям новую жизненную силу в контексте целевого языка посредством корректировки языковой формы.

Воссоздание культурных образов в рамках теории функциональной эквивалентности

Теория функциональной эквивалентности подчеркивает, что перевод должен обеспечивать в культуре целевого языка тот же функциональный эффект, что и в культуре исходного языка. При переводе российского фильма «Утомленные солнцем» на китайский язык переводчики добились точной передачи исторического контекста, используя динамичный баланс прямого и смыслового перевода. Например, слово «Коммунизм» было переведено как «共产主义» (gòngchǎnzhǔyì, Коммунизм), что сохранило серьезность политического термина и благодаря существующему историческому повествованию в китайском контексте, позволило зрителям быстро принять советский исторический фон (Когай, 2018). Такой подход иллюстрирует роль перевода субтитров как моста между политической риторикой и массовой культурой.

Практика перевода китайских фильмов на русский язык уделяет больше внимания дополнению культурно-

го фона. Например, словосочетание «Великий скачок» (大跃进, dà yuèjìn) из фильма «Жить» было переведено как «Большой скачок», сохраняя собственное название исторического события посредством прямого перевода, и в то же время достигая межкультурного понимания благодаря параллельному знанию российскими зрителями «Великого скачка» в советской истории (Кулагина, 2020). Эта стратегия отражает искусство баланса между историческим повествованием и современными ценностями в переводе субтитров.

Теория вариативного перевода и динамическая культурная адаптация

Семь вариативных методов, предложенных теорией вариативного перевода: «добавление, сокращение, редактирование, описание, сжатие, слияние, изменение», предоставляют рабочую основу для передачи культурных ценностей в переводе субтитров. В русском переводе китайского фильма «Затерянные в Таиланде» переводчики усилили комедийный эффект с помощью стратегии добавления. Например, фраза «Ты что, сумасшедший?!» была переведена как «Ты что, сумасшедший?», сохраняя угрожающую силу оригинального предложения с помощью разговорного выражения и использования знака восклицания, но при этом соответствуя чувству юмора русскоязычной аудитории (Лэй Цзе, 2014). Эта стратегия добавления не только отвечает потребностям темпа комедийного фильма, но и обеспечивает динамическую адаптацию культурного контекста посредством корректировки языкового стиля.

При переводе российских фильмов на китайский язык больше внимания уделяется локализации культурно-насыщенных слов. Например, слово «ученик» из фильма «Ученик» было переведено как «门徒» (méntú, ученик), заменив его концепцией «отношений учитель-ученик», знакомой китайским зрителям, что позволило сохранить культурные особенности и достичь межкультурного понимания (Ван Лина, 2019). Эта стратегия отражает мудрое взвешивание между сохранением культуры и принятием аудиторией в переводе субтитров.

Многомерные преобразования с точки зрения экологической теории перевода

Экологическая теория перевода подчеркивает, что перевод должен осуществлять адаптивный выбор в трех измерениях: язык, культура и общение. В русском переводе китайского фильма «Балет в пламени войны» переводчики, используя лаконичное и выразительное выражение, сохранили стремление к справедливости оригинального предложения и в то же время соответствовали временным и пространственным ограничениям субтитров. Например, фраза «За победу, вперед!» была переведена как «За победу, вперёд!», что обеспечило эффективность передачи информации посредством прямого перевода (Лю И, 2017).

Преобразование в культурном измерении проявляется в обработке культурно-насыщенных слов. Например, слово «Лотос» из российского фильма «Слон Будды» было переведено как «莲花» (liánhuā, лотос), заменив его концепцией «священного цветка буддизма», знакомой китайским зрителям, что позволило сохранить культурные особенности и достичь межкультурного понимания (Пахомова, 2019). Эта стратегия отражает баланс между сохранением культуры и принятием аудиторией в переводе субтитров.

Вывод: Перевод субтитров как медиум для распространения культурных ценностей

Перевод киносубтитров, благодаря балансу между стратегиями фореинизации и доместикации, реализации функциональной эквивалентности и гибкому применению теории вариативного перевода, не только завершает передачу языковой информации, но и становится важным медиумом для распространения культурных ценностей. Его культурная ценность проявляется в трех аспектах: во-первых, содействие межкультурному пониманию, путем перевода культурных реалий строится мост для культурного диалога; во-вторых, сохранение культурного разнообразия, посредством стратегии фореинизации поддерживается уникальность культурной идентичности; в-третьих, содействие культурной самоидентификации, посредством стратегии доместикации реализуется локализованное возрождение культурных ценностей. В контексте глобализации и культурного многообразия перевод киносубтитров стал важным полем битвы за конкуренцию культурной мягкой силы, а степень реализации его культурной ценности напрямую влияет на эффективность и глубину межкультурной коммуникации. Практика перевода субтитров китайско-русских фильмов показывает, что благодаря точному обращению с культурными реалиями, динамичному воссозданию культурных образов и регулированию многомерных стратегий перевода можно эффективно способствовать взаимному пониманию и признанию культур двух стран, внося важный вклад в поддержание глобального культурного разнообразия.

Литература

1. Чжан Мэйин. Исследование перевода субтитров с точки зрения теории культурного перевода [D]. Пекинский второй университет иностранных языков, 2024.
2. Ши Цзюньцзюнь, Гуань Сюэцзюань. Исследование перевода китайских кинофильмов на русский язык: проблемы и перспективы [J]. Исследования в области русской лингвистики, литературы и культуры, 2021(2): 37–47.
3. Е.Д. Еременко. Передача скрытого смысла в русских переводах названий китайских фильмов [J]. Исследование русского перевода, 2017(3): 45–52.
4. Вэй Синь. Анализ межкультурных факторов в субтитрах к сериалу «Бог медицины Си Лайюэ» на русском языке [J]. Китайское преподавание русского языка, 2017(4): 58–63.
5. Ю.Е. Когай. Обработка культурно-насыщенных слов в русских переводах сериала «Воин судьбы» [J]. Исследование перевода фильмов и телевидения, 2018(2): 76–82.
6. Е.К. Кулагина. Перевод собственных имен в субтитрах к фильму «Тайна печати дракона» на русском языке [J]. Мир русского языка, 2020(1): 90–95.
7. Лэй Цзе. Стратегии перевода культурных реалий в русском переводе фильма «Затерянные в Таиланде» [J]. Китайский перевод, 2014(5): 112–115.
8. Ван Лина. Исследование адаптивности субтитров к российским зрителям в мультфильме «Медведи-соседи» [J]. Изучение русского языка, 2019(3): 78–82.
9. Пахомова С.С. Анализ прецедентных явлений в русских субтитрах к мультфильму «Хранители дверей» [J]. Русский перевод и межкультурная коммуникация, 2019(4): 102–108.

10. Лю И. Исследование русского перевода документального фильма «Чай, история одного листа» с точки зрения экологической теории перевода [J]. Китайский технологический перевод, 2017(2): 40–43.

REFLECTION OF CULTURAL VALUES IN THE TRANSLATION OF FILM SUBTITLES: THE CASE OF CHINESE-RUSSIAN FILMS

Zu Xueqing

Heilongjiang University

Movie subtitle translation, as a key means of intercultural communication, is not only an art of linguistic transformation but also a bridge for transmitting cultural values. This article, devoted to Chinese-Russian films, examines the practices of processing cultural realities, recreating cultural images and transmitting social values in subtitle translation from the perspective of functional equivalence theory, variable translation theory and ecological translation theory. By analyzing examples of translating Chinese films such as *Ip Man* and *To Live into Russian*, as well as the translation strategies of Russian films such as *Buddha's Elephant* and *Burnt by the Sun* into Chinese, the role of the dynamic balance between domestication and foreignization strategies in shaping cultural identity is revealed. The study shows that subtitle translation, through accurate handling of cultural realities, reconstruction of images through functional equivalence and adjustment of multidimensional translation strategies, can effectively promote intercultural understanding and recognition between China and Russia, providing an important practical way to maintain global cultural diversity.

Keywords: film subtitle translation; cultural values; Chinese-Russian films; intercultural communication; translation strategies.

References

1. Zhang Meiying. A Study on Subtitle Translation from the Perspective of Cultural Translation Theory [D]. Beijing Second Foreign Studies University, 2024.
2. Shi Junjun, Guan Xiujuan. A Study on the Translation of Chinese Movies into Russian: Problems and Prospects [J]. Research in Russian Linguistics, Literature and Culture, 2021(2): 37–47.
3. E.D. Eremenko. Conveying Hidden Meaning in Russian Translations of Chinese Movie Titles [J]. Research on Russian Translation, 2017(3): 45–52.
4. Wei Xingyi. Analysis of Cross-Cultural Factors in the Subtitles of the TV Series "The God of Medicine Xi Laiyue" in Russian [J]. Chinese Teaching of the Russian Language, 2017(4): 58–63.
5. Yu.E. Kogai. Processing culturally rich words in Russian translations of the TV series "Warrior of Destiny" [J]. Research of Film and Television Translation, 2018(2): 76–82.
6. E.K. Kulagina. Translation of proper names in subtitles to the film "The Secret of the Dragon Seal" in Russian [J]. The World of Russian Language, 2020(1): 90–95.
7. Lei Jie. Strategies for translating cultural realities in the Russian translation of the film "Lost in Thailand" [J]. Chinese translation, 2014(5): 112–115.
8. Wang Lina. A study of the adaptability of subtitles to Russian viewers in the cartoon "Bear Neighbors" [J]. Study of the Russian Language, 2019(3): 78–82.
9. Pakhomova S.S. Analysis of Precedent Phenomena in Russian Subtitles of the Cartoon "Door Keepers" [J]. Russian Translation and Intercultural Communication, 2019(4): 102–108.
10. Liu Y. A Study of the Russian Translation of the Documentary Film "Tea, the Story of One Leaf" from the Perspective of Ecological Theory of Translation [J]. Chinese Technological Translation, 2017(2): 40–43.

Роль философско-правового знания в подготовке студентов юридического вуза

Цыплакова Екатерина Петровна,

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Статья посвящена переоценке места философско-правового знания в системе современного юридического образования. Актуальность определяется тремя обстоятельствами: переходом к компетентностной модели, ростом спроса на ценностно-ориентированную экспертизу и необходимостью сократить разрыв между позитивным правом и правовой культурой обучающихся. Научная новизна заключается в комплексном сопоставлении педагогических, догматических и аксиологических эффектов введения полноформатного курса «Философия права». В работе описаны изменения учебных планов, изучены эмпирические данные о динамике правосознания, раскрыты механизмы интеграции аксиологического блока и юридической техники. Особое внимание уделено влиянию философских семинаров на мотивацию к исследовательской деятельности и качество интерпретационных решений. Цель исследования – обосновать педагогическую и профессиональную результативность философско-правовой подготовки. Использованы сравнительный, системно-функциональный, контент-анализ и метод педагогического мониторинга. В заключении формулируются критерии эффективности курса и рекомендации по межвузовскому мониторингу. Статья будет полезна преподавателям, разработчикам ФГОС, методистам юридических факультетов и исследователям в области философии права.

Ключевые слова: философия права, юридическое образование, правосознание, аксиология, юридическая техника, компетенции, методика, правовая социализация, правовая культура.

Введение

Философско-правовой компонент традиционно считался «вспомогательным» для отраслевых дисциплин, однако цифровизация права и ценностная турбулентность общества делают недостатки узкой догматики особенно ощутимыми.

Цель статьи – выявить, каким образом системная философско-правовая подготовка повышает продуктивность юридического образования.

Для достижения цели поставлены задачи:

- 1) Проанализировать историческую эволюцию курса «Философия права» и её влияние на структуру учебных планов.
- 2) Оценить педагогические и когнитивные эффекты аксиологической подготовки на правосознание студентов и качество их интерпретационных решений.
- 3) Выработать критерии интеграции философско-правового блока с курсом «Юридическая техника» и предложить рекомендации по межвузовскому мониторингу.

Новизна исследования проявляется в синтезе разнородных эмпирических массивов (судебные симуляции, мониторинг правового поведения, контент-анализ курсовых) и их сопоставлении с типологией ценностных моделей обучения.

Материалы и методы

Материалы. О.Т. Сланов [9] изучил формирование правосознания через философию права и предложил измерители нормативно-ценностной идентификации. В.Н. Владова [2] раскрыла мировоззренческие, прогностические и конструктивно-технические функции курса и обосновала целостность «юридической педагогики». А.А. Исаев [3] описал место дисциплины в учебной сетке и обосновал необходимость её переноса на старшие курсы. О.М. Мещерякова [7] выделила онтологические, антропологические и аксиологические разделы философии права. А.А. Пудова [8] эмпирически подтвердила влияние междисциплинарности на развитие аналитического мышления студентов. Н.Н. Букина [1] проанализировала социально-правовое воспитание и подчеркнула непрерывность формирования правовой культуры. О.А. Кузьмина [6] систематизировала понятие «юридическая техника» и связала его с компетенциями правотворца. Э.В. Кузнецов [5] провёл сравнительное исследование подготовки юристов в России и за рубежом, показав значимость философского модуля. А.В. Корнев [4] раскрыл методологическую неоднородность юридической науки и критику «словесной алхимии». А.А. Хасанов, А.В. Махиянова [10] проследили тенденции массовизации юридического образования и аккредитационные вызовы.

Применены: системно-структурный анализ (выявление функций курса), сравнительный метод (российская и зарубежная подготовка), контент-анализ учебных и эмпирических источников, педагогический мониторинг (оценка правосознания), логико-юридический метод (сопоставление категорий).

Результаты

Учебные планы юридических факультетов постепенно восстанавливают преемственность дореволюционного курса «Философия права», о котором напоминал А.А. Исаев [3]. При смещении акцента с сухой догматики на мировоззренческие основания студенты получают возможность сравнивать нормативное право с его аксиологическими основаниями: философия права представляет собой научную дисциплину, изучающую сущность и принципы права, его основные категории, цели и ценности [9]. В результате бакалавриат перестает сводиться к компиляции отраслевых норм; осознание ценностного содержания права позволяет будущему юристу различать границы позитивного текста и естественно-правовой идеи, что подтверждают исследования О.М. Мещеряковой [7].

Перечень компетенций педагога-юриста расширяется. Происходящие инновационные процессы в образовании и методике преподавания ставят новые задачи перед специалистами, отвечающими за подготовку будущих профессионалов [2]. Конкретизация мировоззренческих, прогностических и конструктивно-технических функций учебного курса ведёт к обновлению методического арсенала: схемы кейсов дополняются дискуссионными модулями, а симуляторы судебных заседаний дополняют классический семинар. Функциональное место философии права в подготовке юриста измеряется через способность студента самостоятельно формулировать концептуальные выводы, а не только апеллировать к прецеденту или статье закона.

Развитие правосознания обучающихся фиксируется как педагогический результат. Правовое воспитание, как целенаправленную деятельность на процесс формирования личности отличают такие характеристики как сложность и непрерывность [1]. Эмпирические данные О.Т. Сланова [9] показывают рост показателя нормативно-ценностной идентификации, когда обсуждение онтологических и аксиологических категорий стимулирует уважение к закону без морального релятивизма. Освоение философии права способствует переходу от комплаенса к этически мотивированному поведению, повышая эффективность профориентационных модулей на старших курсах.

Исследования А.А. Пудовой [8] подтверждают, что философия права принадлежит к междисциплинарной области познания, поэтому результаты внедрения философии права в образовательный модуль отражаются и на практических дисциплинах. При решении кейсов по корпоративному и финансовому праву студенты опираются на категорию справедливости, заданную в разделе «аксиология права», что снижает число формалистических ошибок при анализе договоров и способствует формированию устойчивых профессиональных ценностей.

Повышенная юрико-техническая грамотность выпускников коррелирует с системной интеграцией курса «Юридическая техника». Юридическая техника рассматривается как «совокупность средств, приёмов, правил разработки, оформления, публикации и систематизации законов, иных правовых актов, обеспечивающая их совершенство» [6]. При наличии философии права работа с текстом нормы приобретает телеологический характер: будущее действие акта соотносится с концепцией естественного права, а не только со схемой делегирования полномочий. В выборке О.А. Кузьминой пост-редакционная нагрузка снижается на треть, что связывается с более глубоким пониманием категорий справедливости и общественного блага.

Э.В. Кузнецов [5] и А.В. Корнев [4] показывают, что методологическая неоднородность отраслевых иссле-

дований компенсируется включением философско-правовой критики в учебный процесс. Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своём поведении [4]; поэтому программа, ориентированная на развитие категориального мышления, стимулирует индивидуальное исследование, а не цитатное компилирование. Результатом становится снижение процента «словесной алхимии» и повышенная аргументационная культура: при защите курсовых проектов доля ссылок на эмпирические данные возрастает, а апелляции к авторитету заменяются логико-практическим обоснованием предложений.

Системное обобщение представленных данных позволяет заключить, что философия права, встроенная в профессиональную подготовку, обеспечивает нормативную устойчивость учебного процесса и выводит его результаты за рамки утилитарного освоения законодательства.

Обсуждение

Обнаруженная в результатах зависимость между философско-правовой подготовкой и профессиональной продуктивностью позволяет переосмыслить функции теоретического блока юридического образования. Философия права обогащает классическую «технику чтения нормы» ценностным слоем, вследствие чего интерпретационные решения становятся менее казуистичными. Практические задания, основанные на сопоставлении нормативного текста и онтологических категорий, формируют у студента привычку проверять соответствие положительного права критерию справедливости. За счёт этого снижается формалистическая ригидность, характерная для ранних курсов, когда будущий юрист усваивает лишь процедурную логику кодекса.

Участие обучающихся в философии права изменяет структуру их познавательной мотивации. Доминирование репродуктивного запоминания постепенно уступает место исследовательскому поиску, что подтверждается возрастанiem доли аргументов, основанных на эмпирических наблюдениях, в защите курсовых проектов. Такой сдвиг трудно объяснить одним расширением учебного содержания; решающее значение имеет смена когнитивного формата: вместо горизонтального перечисления институтов студенты начинают выстраивать вертикаль-иерархию ценностей, где закон получает оправдание как средство защиты свободы, а не как самоцель.

Полученные данные свидетельствуют о корреляции между степенью философско-правовой грамотности и качеством решений в студенческих судебных симуляциях. Участники, владевшие аксиологическим аппаратом, точнее определяли пределы усмотрения суда, ориентировались на баланс интересов, реже допускали ошибки в подборе норм. Отдельного внимания заслуживает факт, что эта компетенция растёт опережающими темпами у тех групп, где философские семинары объединены с тренингами по юридической технике: ценность-ориентированный разбор текста повышает чувствительность к латентным смыслам нормы.

Сопоставление выборок показало, что традиционная догматическая модель, лишённая мировоззренческого сопровождения, больше подталкивает к эклектическому цитированию авторитетов, чем к аналитическому синтезу. При этом дополнительное насыщение учебного плана философско-правовыми темами не приводит к снижению часов отраслевых дисциплин: осмысленное чтение норм экономит время на последующих корректировках ошибочно составленных документов. Экономия прояв-

ляется прежде всего на этапах редактирования и медиа-тивной урегулировки, где заранее учтённые ценностные коллизии уменьшают количество исправлений.

Обратной стороной интеграции философии права выступает возрастание методических требований к преподавателю. При отсутствии собственных исследовательских наработок в области правового мышления семинар легко скатывается к поверхностным морализаторским экзерсисам, что нивелирует эффект. Следовательно, успех реформы зависит от готовности кафедр вырабатывать общие методические стандарты, в которых философская проблематика подаётся не абстрактной лекцией, а сквозной линией через кейсовые форматы, проекты юридических документов и симуляции переговоров.

Ограниченность исследования – в рамках одного вуза – указывает на желательность межуниверситетского мониторинга. Различия региональных правовых школ, различие социокультурной среды, а также вариативность нормативных учебных планов способны модифицировать описанные тенденции. При расширении географии наблюдения удастся точнее оценить, какие элементы философско-правового модуля обеспечивают максимальный ресурс профессиональной автономии выпускника и какие – требуют дополнительного методического сопровождения.

Заключение

Эволюция курса демонстрирует обратное движение от редукционистской догматики к ценностно-мировоззренческому ядру, восстанавливая преемственность дореволюционных моделей.

Философско-правовая подготовка статистически повышает точность интерпретационных решений, снижает формалистическую ригидность и усиливает исследовательскую мотивацию студентов.

Комплексное соединение аксиологии и юридической техники образует эффективную методическую пару: ценностная фильтрация нормы заранее минимизирует редакционные коллизии.

Рекомендуется закрепить философию права как самостоятельный модуль с проектными и кейсовыми форматами; разработать единый мониторинг результатов в сети юридических вузов; создать программы повышения квалификации преподавателей, обеспечивающие методическую целостность курса. Выполнение обозначенных задач подтверждает, что философско-правовое знание является необходимым условием устойчивого повышения качества юридического образования.

Литература

1. Букина Н.Н. Проблемы социально-правового воспитания современной молодежи: теория и практика // Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов: сб. ст. по матер. Всерос. круглого стола, Санкт-Петербург, 22 нояб. 2018 г. / сост. В.Г. Бондарев. – Санкт-Петербург: Изд. дом «Петрополис», 2019. – С. 29–31. – EDN ZFBFQT.
2. Власова В.Н. Философско-правовые аспекты в системе современного юридического образования // Философия права. – 2017. – № 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-aspekty-v-sisteme-sovremennogo-yuridicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 26.07.2025).
3. Исаев А.А. Место курса «Философия права» в системе юридического образования // Общество, право,

государственность: ретроспектива и перспектива. – 2021. – № 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kursa-filosofiya-prava-v-sisteme-yuridicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 26.07.2025).

4. Корнев А. В. О некоторых особенностях юридической науки и поисках права // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 5–15. – DOI 10.12737/jrl.2020.116. – EDN GMWCAL.
5. Кузнецов Э.В. Подготовка юристов в России и за рубежом: сравнительно-правовое исследование на основе собственного опыта // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 163–178. – EDN VANWLC.
6. Кузьмина О.А. Роль юридической техники в подготовке студентов по направлению «юриспруденция» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2021. – № 8(56). – С. 85–89. – DOI 10.17084/20764359–2021–56–85. – EDN NNKKJX.
7. Мещерякова О.М. Философия права в системе философии и юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 2(19). – С. 22–27. – EDN EGALPT.
8. Пудова А.А. Формирование философско-правового мировоззрения в изучении философии права у студентов юридического вуза // Социально-гуманитарное знание в профессиональной подготовке специалистов для судебной системы: сб. матер. Всерос. круглого стола, Санкт-Петербург, 28 окт. 2021 г. – Санкт-Петербург: Центр науч.-производ. технол. «Астерион», 2022. – С. 119–125. – EDN HNYOIQ.
9. Сланов О.Т. Философия права как инструмент формирования правосознания у молодежи в процессе образования // Педагогика и просвещение. – 2024. – № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-kak-instrument-formirovaniya-pravosoznaniya-u-molodezhi-v-protseste-obrazovaniya> (дата обращения: 26.07.2025).
10. Хасанов А. А., Махиянова А.В. Юридическое образование в современных российских вузах // Право, история, педагогика и современность: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 30–31 янв. 2023 г. / под ред. А.В. Яшина, А.А. Грачева, Н.И. Свечникова. – Пенза: Пенз. гос. аграр. ун-т, 2023. – С. 320–325. – EDN RHTKUH.

THE ROLE OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL KNOWLEDGE IN THE TRAINING OF LAW SCHOOL STUDENTS

Tsyplakova E.P.

North-West branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev"

The article is devoted to the reassessment of the place of philosophical and legal knowledge in the system of modern legal education. The relevance is determined by three circumstances: the transition to a competency-based model, the growing demand for value-oriented expertise and the need to reduce the gap between positive law and the legal culture of students. Scientific novelty lies in the comprehensive comparison of pedagogical, dogmatic and axiological effects of the introduction of a full-length course "Philosophy of Law". The work describes changes in curricula, studies empirical data on the dynamics of legal consciousness, reveals the mechanisms of integration of the axiological block and legal technique. Particular attention is paid to the influence of philosophical seminars on motivation for research activities and the quality of interpretative decisions. The purpose of the study is to substantiate the pedagogical and professional effectiveness of philosophical and legal training. Comparative, system-functional, content analysis and

the method of pedagogical monitoring are used. In conclusion, the criteria for the effectiveness of the course and recommendations for inter-university monitoring are formulated. The article will be useful for teachers, developers of the Federal State Educational Standard, methodologists of law faculties and researchers in the field of philosophy of law.

Keywords: philosophy of law, legal education, legal consciousness, axiology, legal technique, competencies, methodology, legal socialization, legal culture.

References

1. Bukina N.N. Problems of social and legal education of modern youth: theory and practice // Humanistic guidelines for professional and moral-legal education of future lawyers: collection of articles on the materials of the All-Russian round table, St. Petersburg, November 22, 2018 / compiled by V.G. Bondarev. – St. Petersburg: Publishing house “Petropolis”, 2019. – Pp. 29–31. – EDN ZFBFQT.
2. Vlasova V.N. Philosophical and legal aspects in the system of modern legal education // Philosophy of Law. – 2017. – No. 2 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovye-aspekty-v-sisteme-sovremennogo-yuridicheskogo-obrazovaniya> (date of access: 26.07.2025).
3. Isaev A.A. Place of the course “Philosophy of Law” in the system of legal education // Society, Law, Statehood: Retrospective and Prospect. – 2021. – No. 3 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kursa-filosofiya-prava-v-sisteme-yuridicheskogo-obrazovaniya> (date of access: 26.07.2025).
4. Kornev A.V. On Some Features of Legal Science and the Search for Law // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 10. – P. 5–15. – DOI 10.12737/jrl.2020.116. – EDN GMWCAL.
5. Kuznetsov E.V. Training of lawyers in Russia and abroad: a comparative legal study based on my own experience // Legal science: history and modernity. – 2021. – No. 5. – Pp. 163–178. – EDN VANWLC.
6. Kuzmina O.A. The role of legal technology in training students in the field of “jurisprudence” // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. – 2021. – No. 8(56). – Pp. 85–89. – DOI 10.17084/20764359-2021-56-85. – EDN NNK-KJX.
7. Meshcheryakova O.M. Philosophy of Law in the System of Philosophy and Jurisprudence // Russian Journal of Legal Research. – 2019. – Vol. 6, No. 2 (19). – P. 22–27. – EDN EGALPT.
8. Pudova A.A. Formation of a Philosophical and Legal Worldview in the Study of the Philosophy of Law among Law School Students // Social and Humanitarian Knowledge in the Professional Training of Specialists for the Judicial System: Coll. Proc. of the All-Russian Round Table, St. Petersburg, October 28, 2021 – St. Petersburg: Center for Scientific and Production Technology “Asterion”, 2022. – P. 119–125. – EDN HNYOIQ.
9. Slanov O.T. Philosophy of Law as a Tool for Forming Legal Awareness Among Young People in the Education Process // Pedagogy and Education. – 2024. – No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-prava-kak-instrument-formirovaniya-pravosoznaniya-u-molodezhi-v-protssesse-obrazovaniya> (date of access: 07.26.2025).
10. Khasanov A. A., Makhyanova A.V. Legal education in modern Russian universities // Law, history, pedagogy and modernity: collection. Art. IV Int. scientific-practical Conf., Penza, January 30–31. 2023 / ed. A.V. Yashina, A.A. Gracheva, N.I. Svechnikova. – Penza: Penz. state agrarian univ., 2023. – pp. 320–325. – EDN RHTKUH.

Дилемма и прорывные пути практического преподавания интеграции промышленности и образования на юридических специальностях в колледжах и университетах прикладного бакалавриата

Чжан Шоубо,

степень магистра, профессор школы культурного туризма колледжа Хэйхэ, направление научных исследований: гражданское и коммерческое право и практическое преподавание права, Институт культуры и туризма Хэйхэского университета

Ли На,

степень магистра, доцент, Школа культурного туризма колледжа Хэйхэ, научное направление: экологическое право и практическое преподавание права, Институт культуры и туризма Хэйхэского университета

Нин Ваньсинь,

бакалавр, направление исследований: маркетинг в сфере туризма и преподавание практики туризма; преподаватель школы культуры и туризма колледжа Хэйхэ, Институт культуры и туризма Хэйхэского университета

Юридическая специальность – это очень прикладная и практическая специальность, и при развитии прикладных юридических талантов возникает множество дилемм. В рамках наглядного представления об интеграции промышленности и образования в этой статье рассматриваются дилеммы юридических специальностей, основанные на текущей ситуации с практическим преподаванием в колледжах и университетах прикладного бакалавриата в нашей стране, и предлагаются соответствующие пути прорыва, основанные на их дилеммах, чтобы способствовать интеграции промышленности и образования в стране. профессия юриста. Таким образом, повышается эффективность практического обучения и воспитываются юридические таланты, необходимые обществу для удовлетворения его потребностей.

Ключевые слова: колледжи прикладного бакалавриата; юридические специальности; интеграция промышленности и образования; практическое обучение.

Развитие социальной экономики предъявляет растущий спрос на прикладные юридические таланты. Студенты-юристы, получившие высшее образование по традиционной модели подготовки юридических талантов, больше не в состоянии адаптироваться к социальным потребностям. Ввиду этой проблемы необходимо содействовать интеграции промышленности и образования в подготовке прикладных юридических талантов в России. колледжи и университеты повышают качество подготовки талантливых юристов и дают обществу большое количество выдающихся студентов-юристов. Однако в процессе интеграции и применения достижений промышленности и образования в некоторых университетах недостаточно практических учебных ресурсов, низкий уровень участия и энтузиазма студентов, а также несовершенная система оценки качества практического преподавания, что повлияло на прикладной эффект интеграции промышленности и образования. Всем сторонам необходимо срочно работать сообща создать практическую модель обучения для подготовки специалистов в области прикладного права с интеграцией промышленности и образования в качестве основной основы.

Содержательная характеристика интеграции образования и производства

Интеграция промышленности и образования подразумевает совместное участие правительства, университетов, научно-исследовательских подразделений, предприятий и других общественных организаций в удовлетворении потребностей общества в прикладных талантах в качестве основной цели, с учебными проектами в качестве основного носителя, для достижения нового типа многопартийной формы образования. совместное использование основных образовательных ресурсов. Еще в 2013 году Центральный комитет партии дал важные указания по реформированию и развитию высшего образования, выдвинул концепцию “интеграции промышленности и образования” и сосредоточился на содействии сотрудничеству школы и предприятия в контексте интеграции промышленности и образования, с тем чтобы воспитывать выдающихся талантов, обладающих профессиональными знаниями, отличные способности и профессиональные качества. Благодаря углубленной реформе высшего образования интеграция промышленности и образования полностью проникла в сферу высшего образования и сыграла важную роль в практике подготовки талантливых специалистов в колледжах для студентов старших курсов.

Дилемма, с которой сталкивается практическое преподавание интеграции промышленности и образования на юридических специальностях в колледжах и университетах

Недостаточные практические учебные ресурсы

С одной стороны, практический опыт профессорско-преподавательского состава колледжей и университетов

Проект фонда: Проект реформы преподавания в высших учебных заведениях провинции Хэйлуцзян на 2023 год “Инновационное исследование системы практического обучения для интеграции промышленности и образования по юридическим специальностям в колледжах и университетах прикладного бакалавриата” (SJGY20220665)

напрямую влияет на эффективность практического преподавания интеграции промышленности и образования в юридической профессии. В настоящее время структура юридических факультетов в колледжах и университетах неразумна. Большинство преподавателей сразу после окончания колледжей и университетов поступают в колледжи и университеты, чтобы заниматься преподавательской деятельностью, и не имеют опыта работы на кафедре юридической практики. Доля преподавателей юридического факультета колледжа Хэйхэ, имеющих опыт юридической практики более 3 лет, составляет всего 17%. В результате преподавателям трудно передавать студентам примеры из реальной юридической практики и практический опыт преподавания. Содержание обучения часто основано на теоретических знаниях и лишено практической глубины и широты. Например, при проведении практических курсов по преподаванию гражданского процессуального права преподаватели могут объяснять только в соответствии с содержанием учебника, поскольку у них нет практического опыта юридической работы, и они не могут обеспечить студентов практическими навыками, в результате чего знания студентов носят лишь поверхностный характер и не позволяют применять теоретические знания на практике. юридическая работа.

С другой стороны, база практики является важным местом для проведения практических занятий студентами-юристами, и степень совершенства ее конструкции имеет важное значение для развития практических способностей студентов. Однако на практике глубина сотрудничества между базами практики недостаточна. Некоторые базы практики предоставляют студентам только места для прохождения практики и не имеют тесного сотрудничества с университетами в разработке учебных планов, реформировании преподавания и разработке программ подготовки талантливых специалистов. В то же время инструкторам практической базы часто не хватает систематического обучения и переподготовки в процессе практического преподавания, а методы руководства носят более случайный характер, что затрудняет предоставление студентам всесторонних и углубленных рекомендаций, что, в свою очередь, влияет на улучшение практических способностей студентов.

Недостаточный уровень вовлеченности и учебной мотивации студентов

С одной стороны, непонимание студентами практического преподавания интеграции промышленности и образования является одной из важных причин их низкого уровня участия и энтузиазма. Некоторые студенты уделяют слишком много внимания изучению теоретических знаний и результатов экзаменов и считают, что практическое обучение является лишь вспомогательным звеном, и они не осознают важности дальнейшего карьерного роста. Студенты верят, что если они хорошо усвоят теорию права и получат высокие баллы на экзамене, то смогут закрепиться в будущей юридической профессии. Из-за этой концепции студентам не хватает энтузиазма для активного участия в практическом обучении, и они относятся к практическому обучению как к рутинной задаче. Во время процесса стажировки некоторые студенты лишь пассивно выполняют простую работу, организованную отделом стажировки, и не желают проявлять инициативу в изучении и изучении глубинных проблем реального юридического бизнеса, а также не в полной мере используют возможности стажировки.

С другой стороны, практическое содержание непривлекательно, и трудно пробудить у студентов энтузиазм к участию. В настоящее время содержание практического обучения по интеграции промышленности и образова-

ния в некоторых колледжах и университетах не соответствует реальным потребностям юридической профессии, что затрудняет удовлетворение ожиданий студентов в отношении совершенствования практических навыков. Содержание стажировок часто ограничивается некоторыми основными операционными работами, такими как сортировка документов и ввод данных. Студенты редко имеют возможность участвовать в основных аспектах ведения дела, таких как составление юридических документов, судебные прения и т.д. Такого рода разрозненный и повторяющийся практический контент не позволяет студентам в полной мере реализовать свои профессиональные знания и способности, а также не позволяет им ощутить трудности и чувство выполненного долга, связанные с профессией юриста, что приводит к отсутствию у студентов интереса к практическому обучению.

Несовершенная система оценки качества практического обучения

Показателям оценки не хватает научности и всесторонности. При оценке практического преподавания некоторые колледжи и университеты уделяют слишком много внимания формальным показателям, таким как формат написания отчета об исследовании, посещаемость стажировки и т.д., и не уделяют достаточного внимания фактической успеваемости студентов на практике, такой как способность к юридической практике, умение для решения практических задач, повышения профессиональной грамотности и других аспектов оценки. При оценке стажировок оценки выставляются только на основании отчета о стажировке, представленного студентами, и комментариев группы стажировки, и в отчете о стажировке даже присутствует плагиат. Комментарии группы стажировки часто носят более общий характер и не содержат конкретной оценки реальной работы студентов способности, которые не могут по-настоящему отражать практические способности студентов и эффект от прохождения практики. В то же время оценочные показатели не в полной мере отражают характеристики и требования интеграции промышленности и образования. Практическое преподавание интеграции промышленности и образования делает акцент на развитии способностей студентов и повышении профессиональной грамотности в реальных условиях работы, но существующие показатели оценки не в состоянии эффективно охватить такие ключевые элементы, как оценка студентов отделом стажировки, качество выполнения практических проектов и эффективность обучения, успеваемость студентов в командной работе. Студенты, проходящие стажировку, не получили достаточной оценки и обратной связи об их эффективности работы, умении работать в команде и решать актуальные юридические проблемы в группе стажировки, в результате чего результаты оценки не могут в полной мере отражать успехи и рост студентов в практическом преподавании интеграции отрасли и образования.

Продвигать путь практического преподавания интеграции промышленности и образования на юридических специальностях в колледжах и университетах

Оптимизация распределения учебных ресурсов

Качество преподавательского состава является одним из ключевых факторов, определяющих практический педагогический эффект от интеграции промышленности и образования в юридической профессии. Колледжи и университеты должны усилить подготовку преподава-

телей и сформировать команду преподавателей “с двумя преподавателями”, обладающих глубокими теоретическими знаниями и богатым практическим опытом. С одной стороны, преподаватели права в кампусе отбираются для отстранения от работы в отделе юридической практики на время занятий, чтобы преподаватели могли лично участвовать в рассмотрении реальных юридических дел и накапливать практический опыт. Школа сотрудничает с известными местными юридическими фирмами, регулярно проводя отбор преподавателей в юридическую фирму для участия в рассмотрении дел на срок от полугода до одного года. Таким образом, когда учителя возвращаются к преподаванию в классе, они могут интегрировать практические примеры и практический опыт в содержание обучения, сделать преподавание более ярким и практичным, а также повысить интерес учащихся к учебе и их практические способности. С другой стороны, мы активизировали наши усилия по привлечению экспертов, юристов, судей и т.д. из числа практикующих юристов в качестве преподавателей на неполный рабочий день. Эти преподаватели, работающие неполный рабочий день, обладают богатым практическим опытом и профессиональными навыками и могут дать студентам реальные знания в области юриспруденции и самую передовую информацию в отрасли. Старшие юристы приглашаются преподавать студентам практические курсы по договорному праву. Юристы объединяют свой многолетний практический опыт, чтобы поделиться практическими навыками и кейсами по составлению контрактов, их пересмотру, ведению переговоров и разрешению споров по контрактам, чтобы студенты могли понять ключевые моменты и трудности в практике договорного права, а также как использовать юридические инструменты. знания для решения практических задач. В то же время, создан механизм регулярного обмена между преподавателями, работающими неполный рабочий день, и преподавателями, работающими в кампусе, для содействия обмену и сотрудничеству между двумя сторонами в области концепций преподавания, методов преподавания и т.д., формирования синергии преподавания и совместного повышения качества практического преподавания.

База практики является важным местом для проведения студентами практических занятий, и укрепление структуры базы практики имеет большое значение для повышения практических способностей студентов. Университетам следует укреплять сотрудничество с юридическими факультетами и создавать базу для долгосрочного стабильного и углубленного сотрудничества. Установите отношения сотрудничества с рядом юридических фирм, судов, прокуратур, корпоративных юридических департаментов и т.д. и подпишите соглашения о сотрудничестве, чтобы разъяснить права и обязанности обеих сторон в ходе практического обучения. Соглашение о сотрудничестве должно включать отбор студентов-стажеров, руководство стажировкой, оценку стажировки и совместное использование практических учебных ресурсов для обеспечения стандартизации и институционализации практического преподавания. В то же время база практики должна не только предоставлять студентам места для прохождения практики, но и участвовать в разработке учебных программ, реформировании преподавания и разработке планов подготовки талантливых специалистов в колледжах и университетах. Что касается разработки учебной программы, то эксперты-практики из practice base обсуждают с преподавателями колледжа, как включить новые вопросы и кейсы из реального юридического бизнеса в содержание учебной программы, чтобы приблизить ее к реальности. При разработке планов подготовки талантливых специалистов

практическая база предоставляет университетам предложения, основанные на потребностях отрасли и требованиях к работе, чтобы обеспечить тесную интеграцию целей подготовки талантливых специалистов с потребностями рынка.

Внедрение инновационной системы оценки качества преподавания

Построение диверсифицированной системы оценки качества преподавания, в основе которой лежат практические навыки, является ключевым звеном в повышении качества практического преподавания в рамках интеграции промышленности и образования по юридическим специальностям в колледжах и университетах. Что касается предметов оценки, то следует отказаться от традиционной единой модели оценки и обеспечить диверсифицированное развитие. В дополнение к оценке преподавателей в кампусе, следует полностью внедрить самооценку и взаимооценку наставниками и студентами в подразделении стажировки. Как опытный специалист в области юридической практики, преподаватель отдела стажировок может оценивать эффективность работы студентов на практике, основываясь на реальных потребностях в работе и профессиональных стандартах, таких как объективная оценка отношения студентов к работе, деловых способностей, командной работы и т.д. во время корпоративных стажировок, а также предоставлять студентам более целенаправленные отзывы и предложения. Самооценка учащихся может побудить их задуматься о собственном процессе обучения и достижениях в практическом преподавании, а также развить навыки самосознания и самоуправления; взаимная оценка позволяет учащимся увидеть различные точки зрения и идеи с точки зрения своих сверстников и способствовать взаимному обучению и общему прогрессу.

При установлении показателей оценки следует все-сторонне учитывать множество аспектов, таких как знания, навыки и грамотность. Что касается уровня знаний, то необходимо не только оценить уровень владения студентами юридическими текстами и юридическими теориями, но и проверить их всестороннее использование знаний. Например, на экзамене по анализу кейсов от студентов требуется использовать знания в области права различных департаментов для анализа сложных кейсов и ответа на них. измерение должно быть сосредоточено на оценке навыков студентов в юридической практике, включая написание юридических документов, навыки судебных дебатов, навыки ведения юридических переговоров и т.д., посредством количественной оценки качества юридических документов, фактически заполненных студентами, работы в спорных судах и т.д.; Измерение грамотности сосредоточено на профессиональной этике студентов, профессиональном этика, дух командной работы, коммуникативные навыки, способность к инновациям и т.д., наблюдая за выполнением студентами практических проектов. Оценивайте поведение, командную работу и решение вопросов профессиональной этики.

Повышение вовлеченности и активности студентов

С одной стороны, чтобы повысить энтузиазм студентов к участию в практическом обучении интеграции промышленности и образования, необходимо усилить пропаганду и руководство, чтобы изменить традиционные представления студентов. Проводите профессиональные лекции, приглашайте экспертов и успешных выпускников из сообщества юристов-практиков поделиться своим опытом в юридической карьере, подчеркивайте важность практических навыков в юридической карьере и заставляйте

студентов осознать, что практическое обучение является важным способом повышения их конкурентоспособности. Организуйте мероприятия по планированию карьеры и инструктажу, чтобы помочь студентам понять требования различных профессиональных должностей в юридической отрасли к практическим навыкам, побудить студентов активно участвовать в практическом обучении в соответствии с их собственными профессиональными целями и повысить свои практические способности и профессиональную грамотность.

С другой стороны, оптимизируйте практическое содержание обучения. Измените традиционное единое базовое содержание практической стажировки и разработайте содержание стажировки на иерархическом уровне, основанном на различных оценках студентов и различиях в их способностях. Учащиеся младших классов в основном сосредотачиваются на вспомогательной работе, такой как изучение логики классификации дел с помощью составления досье по делам и изучение нормативной природы юридической терминологии с помощью ввода данных; учащиеся старших классов могут участвовать в основной работе под руководством инструкторов-практиков, таких как следующие юристы для участия при ведении судебных переговоров, оказании помощи судьям в досудебном посредничестве, составлении простых проектов контрактов для предприятий и так далее. В процессе стажировки студенты получают двойную оценку “выполнение задания + повышение квалификации”, чтобы студенты могли видеть свой рост в процессе стажировки и испытывать чувство выполненного долга.

Литература

1. Ли На, Се Хуэй, Сюй Бин. Подготовка и создание факультета прикладного бакалавриата по юридическим специальностям с двойным преподаванием в контексте интеграции промышленности и образования [J]. Журнал колледжа Хэйхэ, 2021, 12(06).
2. Юань Дандань. Исследование по созданию системы обеспечения качества преподавания в колледжах

и университетах прикладного бакалавриата с точки зрения интеграции отрасли и образования [J]. Профессионально-техническое образование, 2020 (08).

3. Ю Мяохун. Исследование “интеграции отрасли и образования” при подготовке специалистов в области прикладного права в местных университетах [J]. Журнал Чжэцзянского колледжа Ванли, 2019 (09)

DILEMMA AND BREAKTHROUGH WAYS OF PRACTICAL TEACHING OF INDUSTRY-EDUCATION INTEGRATION IN LAW SCHOOLS IN APPLIED BACHELOR'S COLLEGES AND UNIVERSITIES¹

Zhang Shoubo, Li Na, Ning Wanxin

Heihe University Institute of Culture and Tourism

Law major is a highly applied and practical major, and there are many dilemmas in cultivating applied legal talents. Through the visual introduction of industry-education integration, this paper discusses the dilemmas of legal majors based on the current situation of practical teaching in applied undergraduate colleges and universities in our country, and proposes corresponding breakthrough paths based on their dilemmas to promote the integration of industry and education in the country's legal profession. Thus improving the effectiveness of practical teaching and cultivating the legal talents needed by society to meet its needs.

Keywords: applied undergraduate colleges; legal majors; industry-education integration; practical teaching.

References

1. Li Na, Xie Hui, Xu Bing. The Preparation and Establishment of Dual-Teaching Applied Bachelor's Law School in the Context of Industry-Education Integration [J]. Journal of Heihe College, 2021, 12(06).
2. Yuan Dandang. Research on the Establishment of the Teaching Quality Assurance System of Applied Bachelor's Colleges and Universities from the Perspective of Industry-Education Integration [J]. Vocational Education, 2020 (08).
3. Yu Miaohun. Research on “Industry-Education Integration” in the Training of Applied Law Professionals in Local Universities [J]. Journal of Zhejiang Wanli College, 2019 (09)

¹ Foundation Project: Heilongjiang Province Higher Education Institutions Teaching Reform Project 2023 “Innovative Research on Practical Teaching System for Integrating Industry and Education in Law Specialties in Colleges and Universities of Applied Undergraduate Studies” (SJGY20220665)

Гуманитарное знание и гуманизация образования в эпоху цифровизации

Арамян Каринэ Арменовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент Государственного университета управления; член рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации
E-mail: aramyan.ka@gmail.com

Глобальная ситуация XXI века формирует новую социальную реальность, где значение и ценность гуманитарного знания и гуманизма как учения, принципа права и государственной политики становится все более выраженным. В статье анализируется образование как социальный институт в контексте реализации «стратегии гуманизма» и задачи приведения в прямое соответствие ценностно-целевых аспектов государственной политики, утверждающей принципы приоритетности и гуманистического характера образования, и запросов нового социума.

Ключевые слова: гуманизм, гуманитарное знание, образование, культура, четвертая промышленная революция, социальное киберпространство.

В условиях глобальной ситуации XXI века и формируемой ею новой социальной реальности значение и ценность гуманитарного знания и гуманизма как учения, принципа права и государственной политики становится все более выраженным. Контуры и высокие темпы мирового развития, новый постиндустриальный информационно-цифровой порядок четвертой промышленной революции (ЧПР) задает «новый этап развития, в который мировая экономика вступила в первом десятилетии 2000-х гг.» [Шваб, Дэвис, 2018], диктует новые принципы функционирования социума и его институтов, определяет темпоритмы динамики и, главное, изменяет ценностно-смысловое ядро социальных процессов. Совокупность глобальных и внутринациональных общественно-экономических перемен меняют структуру социального каркаса общественного устройства, сущность его институтов и механизмов. Принципиальной особенностью ЧПР является то, что ее изменения «касаются всех сфер общественной жизни, будут осуществляться в зависимости от международной обстановки, и это будут комплексные перемены, где социальные, биологические, химические и технические процессы и перемены будут взаимозависимыми» [Яницкий, 2019]. Параллельно с материальным формируется новое информационно-виртуальное пространство, в котором живут индивид и общество, названное социологами «социальным киберпространством» (далее – СКП) [Яницкий, 2019]. СКП усилиями социально-конструктивной деятельности человека стремительно развивается, «сжимаемая» социальное пространство и постепенно вытесняя его как основного объекта культуры и общественной ментальности. СКП имеет сложную социобиотехническую природу, его ключевая особенность – способность реформатирования фундаментальных понятий, образов, символов, знаков, собственно культуры и ее элементов. Современная культура, ставшая «интегральной частью глобального киберпространства» [Яницкий, 2019], производит, прежде всего, массовые запросы.

Другими словами, социобиотехническая природа новой социальной реальности перекраивает духовную сферу общества и саму культуру, видоизменяя ее ценностно-смысловое ядро, образ прошлого, настоящего и будущего, трансформируя саму гуманистическую суть культуры на социобиотехническую, выводя из ценностно-смыслового ряда культуры гуманизм и Человека как высшую ценность. Происходящая на наших глазах объективизация (воплощение, явление в материальных и нематериальных формах континуума) изменений в социальную реальность перекраивает модус бытия человека, структуру общественного сознания, социальные институты, «отвечающие» за социализацию и формирование знаний, идей, духовных ценностей.

Одним из проявлений этих процессов стали метаморфозы, происходящие с мировоззренческими основами бытующего в мире человека. Наука, мораль, право, идеология, культура как формы общественного сознания в новой редакции «перепрошивают» коллективные представления современных поколений.

Социальный институт образования оказался в эпицентре этого комплекса социальных трансформаций, одним из первых став объектом «активного и глубокого реформирования в соответствии с концепцией конвергенции образовательных систем» [Миронов, Кочкаева, 2014], и в результате чего его «роль качественно меняется» [Кривопусков, 2012]. Постиндустриальное общество в фокус общественного внимания поставило вопрос о качестве человеческого капитала, что во многом и изменило роль Знания и образования в социуме.

Мировое сообщество и СКП энергично меняют институт образования, пытаясь подстроить его под реалии нового мира. Международные институты развития и государства мира генерируют и реализуют концепции, программы и инструментарий создания цифровых научно-образовательных экосистем. Институт ЮНЕСКО по обучению на протяжении всей жизни еще в 2011 году прогнозировал преобразование Information Society в Learning Society¹. В Инчонской декларации ЮНЕСКО «Образование – 2030» была сформулирована новая концепция всемирного движения за образование, которая заключается в преобразовании жизни людей с помощью образования и отражена в предлагаемой Цели устойчивого развития 4: «Обеспечить инклюзивное и справедливое качественное образование и создать возможности для обучения на протяжении всей жизни для всех». В перечне национальных целей развития современной России, определенных Президентом России В.В. Путиным², образование заняло также одно из центральных мест.

Краеугольным принципом современных образовательных концепций и национальных (государственных) стратегий по-прежнему декларируется гуманизм, как принцип и философское течение, научно оформившееся в эпоху Возрождения. Российское государство в правовых нормативных актах утвердило принципы приоритетности и гуманистического характера образования³, стратегические задачи образовательной политики⁴.

В педагогике доцифровой эпохи гуманизм как философское мировоззрение, в центре которого лежит идея о благе человека, заботе о его правах на счастье, свободу, равенство, личностное развитие, был признан в качестве ведущей основополагающей идеи развития образования, по сути, гуманистическая парадигма являлась основой педагогического процесса. Более того, в науке давно утвердилось мнение, что «образование и включаемое в него воспитание в идеале не должно зависеть от каких-либо конъюнктурных политических ситуаций и идеологических взглядов» [Помелов, 2020].

С позиций гуманизма конечная цель образования Человека это формирование свободной самодетельной личности, полноценного субъекта познания, социальной деятельности и общения. Однако, социальная практика показала, что постановка ценности «благо человека» в концептуальный центр образования и смещение идеи

социального блага на его периферию не приводит к ожидаемым результатам.

Причиной этого, на наш взгляд, является смешение понятий «гуманизация» и «гуманитаризация», что приводит к дегуманитаризации образования и, в конечном итоге, его дегуманизации. Возникает задача проверки функциональности социального института и целей государственного управления: точности их формулирования, их востребованности как с точки зрения сиюминутных потребностей социума (прежде всего, его экономической эффективности, спроса профессий на рынке труда), так и с точки зрения ценностей и целей долгосрочного развития общества и личности, то есть «первородной» миссии образования⁵.

Институт образования – главный агент «стратегии гуманизма» в социуме, поэтому фундаментальным ядром общего и профессионального образования должны быть гуманитарные науки как «инструмент и пространство авторефлексии социума и социально-гуманитарное знание как совокупный результат его авторефлексии, непрерывно приращиваемый, как на индивидуальном (в процессе жизни), так и на совокупном социальном (в процессе развития общества) уровнях» [Демидова, 2009]. Невозможно достичь целей гуманизации без блока гуманитарного знания в образовании.

Возвращение гуманитарного знания в образование позволит решить ситуативные и долгосрочные задачи, прежде всего, сбалансирует технократическую нагрузку на личность, снизит уровень отчуждения субъектов образовательного процесса друг от друга, в конечном итоге, сохранит саму природу педагогической деятельности и функциональность института образования. Гуманитаризация образовательного процесса дополнит социобиотехническое пространство гуманистическим измерением, придаст новой социальной реальности «человеческое лицо».

Сформулируем основные ценностно-целевые приоритеты развития института образования, по нашему мнению, которые априори должны быть не только декларативными ориентирами (принципами), но и практическими задачами государственной политики.

1. Гуманитаризация образования (в том числе преподавания негуманитарных предметов), признание первичного и равноценного (наряду с другими отраслями) значения гуманитарного знания, поскольку именно гуманитарные науки исследуют связи и различия между категориями сознания (индивидуального, общественного, социумного) и соответствующими подкатегориями менталитета, то есть обеспечивает реализацию образованием культурно-и менталеобразующей социальной функции. Весь смысл образовательной деятельности, по сути, сводится именно к влиянию на духовный, нравственный потенциал личности и общества, на то ментальное пространство, которое это общество образует и в котором оно пребывает. Проблема человека должна быть осмыслена в новых условиях, в новых измерениях его самоактуализации и самореализации, разработаны новые теоретико-методологические подходы и педагогические инструментарий. Это ставит новые задачи не толь-

¹ UNESCO Incheon Declaration for Education 2030// <https://un-docs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/74/223>

² Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», доступ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/> (дата обращения 1.11.2021).

³ Статья 3. «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 1.11.2021)

⁴ Например, см.: Распоряжение Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения РФ».

⁵ Под «первородной миссией» образования мы понимаем:

1) исторически непрерывную трансляцию от поколения к поколению и закрепление наиболее устойчивых ценностей, определяющих коренные основания общественной ментальности; 2) обогащение ментальных свойств социума гуманитарными общечеловеческими нравственными ценностями, отражающими естественный процесс интеграции социумов при сохранении самобытности каждого социума; 3) коррекцию и преобразование в необходимых случаях аксиологических ориентиров.

ко и не столько перед общественными науками, сколько перед гуманитарными науками. Однако, сегодня, приходится констатировать, информационно-цифровая революция повсеместно в мире естественным образом снизила значимость гуманитарного образования, налицо сокращение финансирования научных исследований, образовательных учреждений и бюджетных мест гуманитарной направленности и т.п. Данная ситуация требует безусловной корректировки.

2. Признание равнозначными двух ценностей образования – коллективистской (общественной) и личностной, выраженной в индивидуализации (персонификации) обучения. В настоящее время персонифицированное обучение признается одним из основных инструментов образования в условиях цифровизации [5]. Социальная природа института образования определяет **первичность** его общественной и государственной значимости, общественную «идеологизацию» – то есть насыщение государственной политики именно общественно значимыми идеями и целями (идеологией). Социально-идеологический вакуум лишает его адекватного, видового, целеполагания и превращает институт образования в аморфную дисфункциональную структуру, неспособную к реализации целей государственной политики.

3. Отказ от признания инвестиций в человека как капитальных затрат, ориентированных на получение прибыли (дохода) в будущем (что является признаком капитала). Денежная оценка абсолютных размеров человеческого капитала (образовательного фонда) или методика рыночной оценки инвестиций в образование должны применяться исключительно только как инструмент расчета (индивидуального экономического эффекта для отдельного человека, затраты и прибыль инвестора, экономическую продуктивность образования), но не как приоритетная ценность образования и цель государственной образовательной политики. Увлечение экономическим аспектом образования приводит к примитивному сведению к принципу «дешевизны» образования и превращению социального института в область бизнеса. Представляется целесообразным вернуться к методикам расчета экономической эффективности образования, предложенными отечественными экономистами еще в 1920 гг. (школа академика Струмилина) и показывающая существенную зависимость роста национального дохода страны от инвестиций в институт образования и связанного с этим роста производительности труда. Методики, предложенные представителями западной неоклассической теории человеческого капитала (Г. Беккера, Д. Минцера, Т. Шульца, Б. Вейсброта, Б.Л. Хансена, В.И. Марцинкевич и др.), могут гармонично дополнять отечественный экономический инструментарий [6].

В заключении напрашивается вывод о том, что дискуссии о трансформации образования как института внутри экспертной научной и профессиональной общественности должны обновить не только теоретико-методологические подходы к решению существующих проблем, но и инструментарий государственного стратегического управления, прежде всего, в части подчинения запланированных результативных показателей и содержания образовательного процесса концептуальным установкам (принципам) государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (ст. 3 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ). Гуманитарное знание должно быть не только сохранено как структурообразующий элемент социального института образования и основа педагогического процесса, но и дополнено об-

новленной, переосмысленной методологией и практикой управления системой образования (в первую очередь, в части методик оценки ее эффективности).

В завершении процитируем выдающегося гуманиста и просветителя XIX века, первого армянского детского писателя Хачатура Абовяна: «С помощью просвещения становится на ноги всякий народ, от просвещения проистекает всякое благополучие» [Абов, 1948].

Литература

1. Абов Г.А. Хачатур Абовян: Жизнь и творчество: [1805–1848] / проф. Г.А. Абов; Акад. наук Арм. ССР. Ин-т литературы им. М.Х. Абегамяна. – Ереван: изд-во и тип. Акад. наук Арм. ССР, 1948. – 200 с.
2. Демидова О.Р. Гуманитаристика, гуманитарное знание, гуманитарные науки / Universum: Вестник Герценовского университета. 2009 – № 11 -с. 7–12.
3. Кривоусов В.В. Доверие как фактор консолидации российского общества. – М; Социально-гуманитарные знания, 2012. – с. 117–118.
4. Миронов А.В., Кочкаева Т.Н. Приоритеты модернизации российского образования. Москва: Социально-гуманитарные знания; Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2014, с. 225.
5. Подр. см., например: Арамян К.А. Персонифицированное обучение как главный инструмент цифрового образования / Психология и педагогика служебной деятельности, 2021 – № 1, с. 11–16.
6. Подр. см.: Социологизация проблем стратегического управления. В 2-х частях. Часть I. Образование. [монография] / К.А. Арамян, В.А. Корнилов, А.В. Миронов. Ответственный редактор д.соц.н., проф. ГУУ В.В. Кривоусов – М.: Издательский дом ГУУ, 2021.
7. Помелов В.Б. Традиция гуманизма в истории зарубежного образования. Киров, 2020 – с. 5.
8. Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: ЭКСМО, 2018, с. 11
9. Яницкий О.Н. Методология анализа динамики социальных систем // Научный результат. Социология и управление. Т. 5, № 1, 2019 – с. 84. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND HUMANIZATION OF EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Aramyan K.A.

State University of Management

The global situation of the 21st century is forming a new social reality, where the significance and value of humanitarian knowledge and humanism as a teaching, principle of law and public policy is becoming increasingly pronounced. The article analyzes education as a social institution in the context of the implementation of the “strategy of humanism” and the task of bringing into direct correspondence the value-target aspects of state policy, which affirms the principles of priority and the humanistic nature of education, and the demands of the new society.

Keywords: humanism, humanitarian knowledge, education, culture, fourth industrial revolution, social cyberspace.

References

1. Abov G.A. Khachatur Abovyan: Life and Work: [1805–1848] / prof. G.A. Abov; Acad. of Sciences of the Arm. SSR. Institute of Literature named after M. Kh. Abeghyan. – Yerevan: Publishing House and Printing House. Acad. of Sciences of the Arm. SSR, 1948. – 200 p.
2. Demidova O.R. Humanitarian Studies, Humanitarian Knowledge, Humanitarian Sciences / Universum: Bulletin of Herzen University. 2009 – No. 11 – pp. 7–12.

3. Krivopuskov V.V. Trust as a factor in the consolidation of Russian society. – M; Social and humanitarian knowledge, 2012. – p. 117–118.
4. Mironov A.V., Kochkaeva T.N. Priorities for the modernization of Russian education. Moscow: Social and humanitarian knowledge; Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2014, p. 225.
5. For more details, see, for example: Aramyan K.A. Personalized learning as the main tool of digital education / Psychology and pedagogy of service activities, 2021– No. 1, pp. 11–16.
6. Other see: Sociologization of strategic management problems. In 2 parts. Part I. Education. [monograph] / K.A. Aramyan, V.A. Kornilovich, A.V. Mironov. Responsible editor: Doctor of Social Sciences, Prof. GUU V.V. Krivopuskov – M.: GUU Publishing House, 2021.
7. Pomelov VB Tradition of humanism in the history of foreign education. Kirov, 2020 – p. 5.
8. Schwab K., Davis N. Technologies of the Fourth Industrial Revolution. Moscow: EKSMO, 2018, p. 11
9. Yanitsky O.N. Methodology of analysis of dynamics of social systems // Scientific result. Sociology and management. Vol. 5, No. 1, 2019 – p. 84. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-7

Бакулина Регина Айдаровна,

аспирант, ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Отделение социально-политических наук Казанский федеральный университет
E-mail: riginii9@gmail.com

Статья посвящена специфике проявления делинквентности в социальных сетях. В работе обосновано понимание социальной сети как пространства для проявления личностных качеств. В статье приведено обоснование делинквентности в социальной сети, с позиции научного подхода. Отмечается, что феномен отклоняющегося поведения имеет достаточно широкое обоснование в научных исследованиях, соответственно текущее восприятие делинквентности в социальной сети не может рассматриваться как особая поведенческая форма. В статье обосновано восприятие делинквентности в виртуальной среде, как формы отклоняющегося поведения, рассмотренной в многочисленных научных работах, но имеющей собственную специфику, определяющее социальное позиционирование личности в социальной сети.

Ключевые слова: делинквентность, социальное пространство, агрессия, декларирование, образ, социальные сети, личность, пространство и пр.

Определяя специфику рассматриваемой темы следует обосновать научный подход к рассматриваемым научным категориям.

В современном мире наблюдается активная реконфигурация социальной реальности, сопровождаемая трансформацией индивидуальных и коллективных представлений об обществе. Пространство повседневной коммуникации изменяется под влиянием медиатизации и цифровизации, что приводит к формированию полицивилизационного многообразия и новых форм социокультурной интеграции. Возникает иная целостность восприятия социального окружения, в которой усиливаются процессы гибридизации идентичностей и смещения границ между офлайн- и онлайн-взаимодействием. Триггерами этих изменений выступают изменяющиеся ценностные матрицы, отражающие сдвиг жизненных смыслов под влиянием социодинамики, сетевых практик и цифровых нарративов. В условиях постоянного появления новых рисков – таких как инфодемия, техностресс, цифровое неравенство – и вызовов в виде социальной фрагментации, платформизации общения и алгоритмического управления вниманием, происходит переосмысление социальных норм, ролей и механизмов социализации. Социальные сети становятся экспериментальной средой, в которой апробируются стратегии адаптации, развивается цифровой активизм и усиливается влияние сетевой социализации. Современное общество всё активнее вовлекается в процесс рефлексивного поиска ответов на вызовы времени, комбинируя традиционные и инновационные формы взаимодействия и выстраивая новые модели социального поведения в условиях трансформирующейся реальности.

Методология социального познания и проблема конституирования социальной реальности традиционно оставались в центре научной дискуссии. В условиях стремительных социокультурных изменений данный концепт приобретает особую значимость, обусловленную трансформацией коммуникационных практик, усложнением структур социального взаимодействия и цифровизацией повседневности. События последних десятилетий радикально переопределили механизмы восприятия социальной реальности, изменили парадигмы интерпретации происходящего и вызвали смещение акцентов в оценке социальных явлений.

В условиях медийной насыщенности и экспансии цифровых платформ наблюдается переориентация коммуникативных стратегий личности: социальные сети становятся не только пространством самопрезентации, но и ареной борьбы за символический капитал, мнения и идентичности. Детерминированное цифровой анонимностью и снижением уровня социальной ответственности поведение в онлайн-среде часто выходит за рамки нормативной модели, что приводит к распространению делинквентных практик – устойчивых форм нарушения социально значимых норм, сопровождающихся размытием границ между частным и общественным, допустимым и отклоняющимся.

Делинквентность в данном контексте может быть определена как сознательное поведенческое отступление от общепринятых моральных и социальных установлений, отражающее стремление к личной автономии и отказу от коллективных ценностных ориентиров.

Ведущими акторами социологического анализа остаются личность и общность как ключевые элементы структурно-функционального и интеракционистского подходов. В современной теоретической рамке любое социальное действие может быть переосмыслено сквозь призму ситуативной морали, тогда как массовая мораль всё чаще воспринимается как результат сетевой координации, отражающий фрагментарную и множественную природу современных сообществ.

Исторически дискуссия о роли личности в социальной группе развивалась в русле нормативно-коллективистской парадигмы, согласно которой индивидуальные действия легитимировались через доминирующие ценностные системы и страх перед социальными санкциями, такими как утрата репутации или материальные потери. Эта традиция восходит к идеям Дж. Бентама и была институционализирована в социологическом знании конца XIX – начала XX века.

Современные интерпретации, опираясь на труды Т. Парсонса, Г. Л.А. Харта и О.Г. Дробницкого, подчеркивают, что моральная регуляция поведения формируется на стыке внешнего санкционирования и интериоризованного самоосуждения, что особенно актуализируется в условиях социокультурной амбивалентности, цифровой медиации и нормативного плюрализма.

В рамках подготовки исследования проведен социологический опрос, объективным образом, позволяющий обосновать условия проявления деликвентности в социальных сетях.

Цель исследования заключается в обосновании условий для проявления деликвентности в социальной сети.

В качестве респондентов выступили 270 человек. Анкетирование проводилось с использованием google-форм, в которых систематизированы базовые вопросы, позволяющие достичь поставленной цели исследования.

В исследовании участвовали респонденты обоих полов (рис. 1).

Пол участников

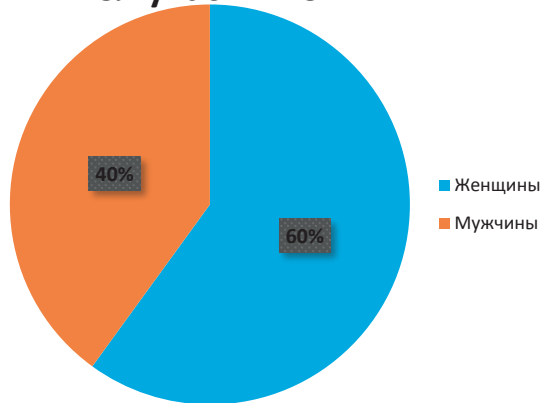

Рис. 1. Распределение респондентов по половому признаку

В исследовании приняло участие больше представителей женского пола, что не может указывать на приоритет присутствия в обсуждениях женщин. Данный результат может косвенно указывать на отсутствие желания участвовать в опросах у представителей мужской аудитории социальных сетей.

Далее проведен оценку результатов по возрастному признаку (рис. 2).

Приведенные данные указывают, что основные представители обсуждений в социальных сетях старше 40 лет, что в принципе может быть обусловлено пенсионным возрастом, включенным в данную категорию. Рассмотрим целевые ориентиры участников социальных сетей (рис. 3).

Возраст участников опроса

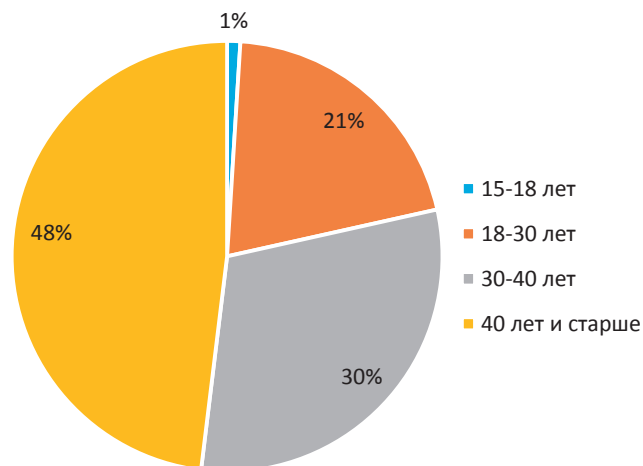

Рис. 2. Распределение участников по возрастному признаку

Рис. 3. Цели присутствия в социальных сетях

Большинство участников опроса указывают на ежедневную потребность своего присутствия в социальных сетях. При этом помощь в случае необходимости рассматривается как мотивирующий фактор только в 25% случаев.

Из результатов опроса, был сделан вывод, что более 87% зарегистрированы в какой-либо социальной сети. Более 56% зарегистрированы в двух и более социальных сетях. Распределение приведено на рисунке 4.

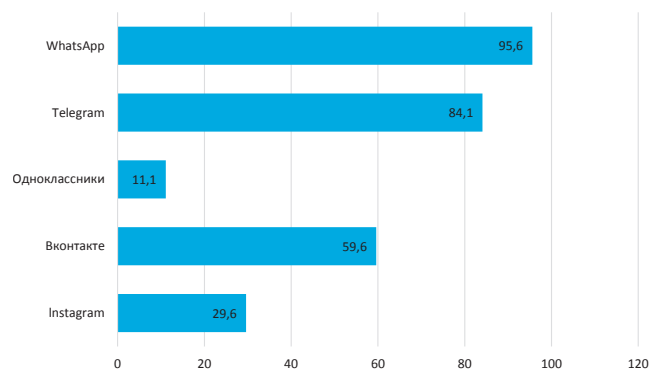

Рис. 4. Присутствие респондентов в различных социальных сетях

Современный мир предъявляет новые вызовы для личности, формируя повышенные требования к социальной адаптации. [1] Проблема развития личности в контексте дихотомии «норма – патология» приобретает всё большую актуальность как с индивидуально-психологической, так и с культурно-исторической перспективы. В условиях высокой социальной турбулентности и усиливающейся неопределённости возрастает

необходимость переосмысления критериев нормативно-го функционирования личности в различных сферах – от образования, экономики и права до политических институтов, семейных взаимодействий и производственной среды. [2]

Социальный мир человека – категория и понятие, которое по своей глубинной сущности выступает важной методологической основой, на которой происходит разработка разных по направленности исследований социогуманитарных научных дисциплин (философии, социологии, политологии, психологии, антропологии, социальной педагогики, истории, культурологии, др.). [3] Так, русский социолог и философ П.Л. Лавров (1823–1900) рассматривал исторический процесс с позиции потребности осуществления различных человеческих потребностей, к которым относил:

- а) потребности развития;
- б) потребности основные или биосоциальные, как например в безопасности, в питании;
- в) потребности временные, как-то: религиозные, государственно-правовые и т.д.

Он полагал процесс направленным и подлежащим измерению через оценку развития социальной солидарности. Ведущей силой прогресса он называл личность, у которой есть критическое сознание и стремление к переменам в застывших общественных формах. То есть, общество развивается тогда, когда появляется индивидуальность с критическим мышлением и способностью к состраданию, и проходит такие фазы: появление критически мыслящих и способных к состраданию индивидов → организованные выступления групп в защиту угнетенных → образование политических партий, стремящихся трансформировать существующий строй. [4] Лавров полагал также, что причинами, которые побуждают к действию, можно назвать интересы и убеждения, обычай, аффекты, а двигателем социального развития называл интеллигенцию как класс, способный критически мыслить.

Второй представитель этого направления – социолог Н.К. Михайловский (1842–1904) – пытался в своей концепции соединить сразу два ведущих идейных течения своего времени: субъективного метода Лаврова в объяснении социальных явлений и в обосновании человеческого поведения и материализм Чернышевского. [5] По мнению Михайловского, развитие одних способностей индивида может быть осуществимо лишь за счет других по причине разделения труда. Отдельно взятый индивид может обладать малой толикой знаний и навыков. Узкая специализация приводит к обеднению личности и фрагментаризации ее мира. Общество, исходя из позиции Михайловского, должно развиваться над-органическим образом, в котором кооперация простого сотрудничества обеспечивает развитие и целостность отдельных личностей. [6]

По мнению российского социолога и философа Е.В. Де Роберти (1843–1915) человеческой жизнью в обществе управляют некоторые имеющие вес и значение поведенческие правила, которые выражают управляющие нашим поведением существенные законы. Задачей социологии он видел раскрытие этих законов, а главным исследовательским объектом – психологическое взаимодействие людей. [7]

Социальные изменения, процессы и явления ученый отождествлял с психологическими процессами, и категоризировал их следующим эволюционным рядом: психологическое взаимодействие → общественные группы → индивид → наука → философия → искусство → практическая деятельность. Де Роберти также считал, что социальная энергия влияет на индивидуальное созна-

ние и этим провоцирует развитие цивилизации. Человеческая деятельность зависит от человеческих же идей, а двигатель абсолютно любого социального действия есть не что иное, как чувства и желания, воля и эмоции. Основопологающей причиной социальных явлений выступает психологическое взаимодействие между отдельными индивидами. [8]

Существовала еще социологическая теория русского социолога и историка Н.И. Кареева (1850–1931), которая жестко подвергала критике теорию контовскую. Кареев считал, что между биологическим и социологическим необходимо ставить психологическое. При этом он отмечал, что психология в этом случае должна быть не индивидуальной, но коллективной (или массовой). Коллективная психология именовалась им как непосредственная основа общества, которое в свою очередь выступает у него в абстрактной форме, находясь за рамками исторических, экономических и прочих особенностей. [9]

Содействуя интеграции социальных общностей, обеспечению устойчивости развития и функционирования социальной реальности, выполняя регулятивную функцию, ценностно-нормативные стандарты сами нередко становятся источником возникновения противоречий.

Далее нами рассмотрены проблемы участников опроса связанные с деликвентностью в форме мошенничества (рис. 5).

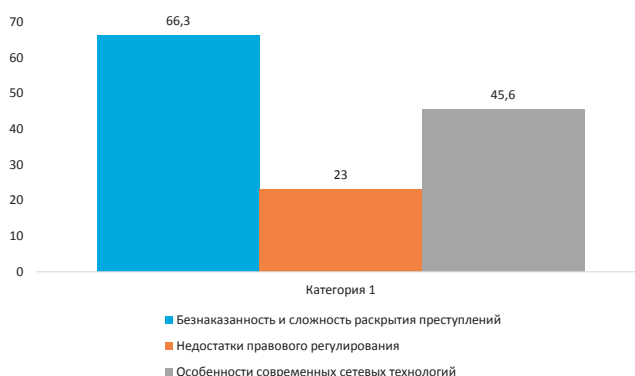

Рис. 5. Причины проявления деликвентности в социальных сетях по мнению респондентов

В рамках исследования были заданы вопросы, о возможности использования социальных сетей для получения личной выгоды. Такой вариант не рассматриваю 96,7% опрошенных.

Проведя оценку результатов социологического исследования рассмотрим причины деликвентности в социальной сети с позиции социологической обусловленности.

Социальная сеть, для современного человека является средством общения и формирования личного статуса. [10] С точки зрения статусной характеристики личности выделяют ее социальный и личный, предписываемый и достигаемый статусы. Социальный статус – положение индивида в обществе как представителя большой социальной группы (профессии, класса, национальности, пола, возраста, религии). Личный статус – положение индивида в малой группе, зависящее от того, как его оценивают члены этой группы в соответствии с его личностными качествами. Приписываемый (прирожденный) статус – это статус, который индивид занимает вне своих личностных усилий, по рождению (пол, национальность и др.). Достигаемый статус – это позиция в обществе, которую индивид сам выбирает и достигает (профессия, принадлежность к определенной политической партии, религиозной общине и др.)

Динамической характеристикой статуса является социальная роль – модель поведения, ориентированная на определенный статус. Если статус подчеркивает сходство людей, то реальное ролевое поведение – различия.

Формирование личности, т.е. усвоение индивидом знаний, навыков, умений, ценностей, норм, образцов поведения, присущих обществу, происходит в процессе социализации – (а) сознательной, осуществляющейся на основе целенаправленного педагогического воздействия; (б) стихийной, как результата влияния социальной среды – совокупности социальных условий жизнедеятельности человека, оказывающих влияние на его сознание и поведение. В социальной среде различают микро– и макросреду. Макросреда – это общая социальная среда, куда входят факторы, воздействующие на всех членов общества (определенный уровень развития производства, социально-политический строй, система образования, средства массовой информации и т.д.). [11]

Современное общество всё чаще ставит человека в ситуацию экзистенциальной неопределённости, когда привычные ориентиры стираются, а идеологическая целостность уступает место разрозненным и подчас противоречивым посланиям со стороны социальных институтов. Индивид, раздробленный на множество социальных ролей, теряет ощущение внутренней устойчивости: внешне он может выглядеть адаптированным, но на глубинном уровне всё чаще испытывает кризис идентичности. В этом контексте становится особенно заметным то, что личность сегодня существует не просто в социальной или природной среде, а в так называемой интегральной реальности – гибридном пространстве, где пересекаются и влияют друг на друга биологические, социальные и цифровые факторы.[12] Это не абстрактная теория, а живая повседневность, где человек одновременно участвует в физическом мире, взаимодействует с социальными структурами и постоянно присутствует в виртуальном измерении.

На этом перекрёстке реальностей возникают новые эффекты – техногенное вмешательство в человеческую природу, иллюзия полной прозрачности жизни, постоянное обновление восприятия через цифровые фильтры. Мы уже не просто живём – мы «апгрейдем» свою реальность, как программное обеспечение, подстраивая её под запросы алгоритмов и социальных платформ. Эта трансформация затрагивает не только внешние проявления, но и внутренний мир человека: меняется эмоциональное состояние, мышление, способы принятия решений. Индивидуальное и коллективное сознание трансформируется – и не всегда осознанно. Мы всё чаще действуем не исходя из внутренних убеждений, а в рамках тех цифровых сценариев, которые формирует информационно-сетевая среда.

Цифровое пространство, которое изначально казалось инструментом расширения возможностей, становится самостоятельным актором, влияющим на ценностные ориентации и типы поведения. Оно задаёт ритм, формирует язык общения, диктует нормы реагирования и встраивается в саму ткань социальной жизни. В этих условиях трансформация как универсальных, так и локальных, национальных ценностей становится неизбежной. Глобализация, цифровизация, сетевизация – все эти процессы не просто расширяют горизонты, они перезаписывают систему координат. Постиндустриальные представления о возможности баланса между традицией и инновацией теряют реалистичность. Мы живём в обществе, где ценности текучи, как поток в ленте новостей, и столь же мгновенно сменяемы. Цифровая эпоха не даёт человеку времени на закрепление – она требует

гибкости, адаптивности и готовности постоянно реформировать себя. Именно поэтому вопрос об устойчивости личности, о её границах между нормой и отклонением, становится не просто научным – он становится экзистенциальным.

Проведенный теоретический анализ позволяет определить личность, как индивидуума, обладающего набором ценностных ориентаций. Совмещение ценностей различных индивидуумов становится причиной формирования общности. Общность в свою очередь формирует коллективные ценности и определяет специфику социализации личности. Проявление делинквентности, является формой отклоняющегося поведения. Любые значимые проявления: от агрессии до мошеннических практик в социальных сетях формируются под воздействием тех же социокультурных и психологических детерминант, что и в офлайн-пространстве. Однако цифровая среда, обладающая высокой степенью анонимности, децентрализации и сниженным уровнем социального контроля, значительно облегчает реализацию делинквентного поведения. Платформенная архитектура социальных сетей способствует нарушению нормативных границ за счёт доступности инструментов анонимизации, многослойной идентичности и алгоритмически обусловленного размывания ответственности. Виртуальное пространство функционирует как катализатор девиантных стратегий, снижая барьеры к осуществлению мошенничества и иных форм цифровой девиации, при этом воспроизводя классические модели мотивации – от анонимии и социальной фрустрации до ролевой амбивалентности и утраты институционального доверия.

Таким образом, мы считаем, что делинквентность в социальной сети имеет те же механизмы проявления, что и в обычной жизни. Социальная среда способствует активизации деструктивных намерений, из-за широты охвата и скрытности действий (мифологизации личности).

Литература

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди / Э. Берн. – СПб., 1992.
2. Бодалев, А.А. Личность и общение: избранные труды / А.А. Бодалев. – М., 1983.
3. Гофман А.В. Социология морали Эмиля Дюркгейма. Дюркгейм Е Моральное воспитание. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2021, 7–105.
4. Дробницкий О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974, 388 с.
5. Антонова О.Г. Теория прогресса С.Н. Южакова и М.А. Энгельгардта // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – 2012. – № 1. – С. 46–47
6. Мионов А. Словарь-справочник по социологии / Авт.-сост. А.А. Акмалова, В.М. Капицын, А.В. Мионов, В.К. Мокшин. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. – 304 с; Седов М.П.Л. Лавров в революционном движении России. [Электронный ресурс]. – URL: http://scepsis.net/library/id_3727.html (Дата обращения: 15.01.2024)
7. Вязинкин А.Ю. Субъективный метод в социологии как источник философской антропологии Н.К. Михайловского // Вестник ТГУ. – 2012. – № 7. – С. 243–248.
8. Кажанов О.А. Евгений Тарле о гранях соприкосновения академической социологии и социологической публицистики (на примере творчества Н.К. Михайловского) // История и современность. – 2014. – № 1. – С. 16–33.

9. Гаврилова, Ю.В. Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей / Ю.В. Гаврилова // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 2. С. 82–93
10. Фролова Н.А. Утилитаризм Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского // Аналитика культурологии. – 2012. – № 23. – С. 34–37; Чернов Г.Ю. Понятие массовизации: антропосоциокультурный подход // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 4 (258). – С. 85–88.
11. Бочкарева В.И. Отечественные социологи о статусе культуры в системе социологического знания, середина XIX начало XX века // Труды СПбГУКИ. – 2015. – Т. 206 – С. 36–47.
12. Валеви́ч Е.С. Эволюция коллективности в аспектах массы, толпы и вождизма // Ценности и смыслы. – 2014. – № 5 (33). – С. 106–110;
13. Дехканова Г.Н. Некоторые соображения о природе социального факта // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2012. – № 5 (33). – С. 175–184.

DELINQUENT BEHAVIOR IN SOCIAL NETWORKS

Bakulina R.A.

Kazan Federal University

The article is devoted to the specifics of manifestation of delinquent behavior in social networks. The paper substantiates the understanding of social network as a space for the manifestation of personal qualities. The article provides the substantiation of delinquency in social network, from the position of scientific approach. It is noted that the phenomenon of deviant behavior has a wide enough substantiation in scientific research, accordingly, the current perception of delinquency in the social network cannot be considered as a special behavioral form. The article substantiates the perception of delinquency in the virtual environment as a form of deviant behavior, considered in numerous scientific works, but having its own specificity, determining the social positioning of the individual in the social network.

Keywords: delinquency, social space, aggression, declaration, image, social networks, personality, space and so on.

References

1. Berne, E. Games People Play / E. Berne. – St. Petersburg, 1992.
2. Bodalev, A.A. Personality and Communication: Selected Works / A.A. Bodalev. – Moscow, 1983.
3. Gofman, A.V. The Sociology of Morality of Émile Durkheim. In: Durkheim, É. Moral Education. – Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021, pp. 7–105.
4. Drobnitsky, O.G. The Concept of Morality: A Historical and Critical Essay. – Moscow: Nauka, 1974. – 388 p.
5. Antonova, O.G. The Theory of Progress of S.N. Yuzhakov and M.A. Engelgardt // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2012. – No. 1. – Pp. 46–47.
6. Mironov, A. et al. Sociology: A Dictionary-Reference / Compiled by A.A. Akmalova, V.M. Kapitsyn, A.V. Mironov, V.K. Mokshin. – Moscow: Dashkov & Co, 2013. – 304 p.; Sedov, M. P.L. Lavrov in the Revolutionary Movement in Russia [Electronic resource]. – URL: http://scepsis.net/library/id_3727.html (Accessed: 15.01.2024).
7. Vyazinkin, A. Yu. The Subjective Method in Sociology as a Source of Philosophical Anthropology of N.K. Mikhailovsky // Tomsk State University Bulletin. – 2012. – No. 7. – Pp. 243–248.
8. Kazhanov, O.A. Evgeny Tarle on the Boundaries Between Academic Sociology and Sociological Journalism (on the Example of N.K. Mikhailovsky's Work) // History and Modernity. – 2014. – No. 1. – Pp. 16–33.
9. Gavrilova, Yu.V. Mentality in the Context of the Interaction Between Social and Virtual Realities // Humanitarian Vector. – 2022. – Vol. 17, No. 2. – Pp. 82–93.
10. Frolova, N.A. Utilitarianism of N.G. Chernyshevsky, P.L. Lavrov, and N.K. Mikhailovsky // Analytics of Cultural Studies. – 2012. – No. 23. – Pp. 34–37; Chernov, G. Yu. The Concept of Massification: An Anthro-Socio-Cultural Approach // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2012. – No. 4 (258). – Pp. 85–88.
11. Bochkareva, V.I. Russian Sociologists on the Status of Culture in Sociological Knowledge, Mid-19th to Early 20th Century // Proceedings of St. Petersburg State University of Culture and Arts. – 2015. – Vol. 206. – Pp. 36–47.
12. Valevich, E.S. The Evolution of Collectivity in the Context of the Mass, the Crowd, and Leadership // Values and Meanings. – 2014. – No. 5 (33). – Pp. 106–110.
13. Dekhkanova, G.N. Some Considerations on the Nature of the Social Fact // Scientific Notes of Khujand State University Named After Academician B. Gafurov. Humanities. – 2012. – No. 5 (33). – Pp. 175–184.

Роль коммуникации в управлении поликультурной средой общеобразовательной организации

Боярский Петр Владимирович,

аспирант, ИГСУ РАНХиГС; координатор программ развития, ОАНО «Школа «Летово»

Статья посвящена роли коммуникации в управлении поликультурной средой общеобразовательных организаций. Рассматриваются особенности взаимодействия в условиях культурного и языкового разнообразия среди учащихся и преподавателей, а также основные проблемы, возникающие в поликультурной среде, такие как культурные барьеры, предрассудки и недостаток межкультурной компетенции. В статье анализируются модели коммуникации, используемые для эффективного управления поликультурными коллективами, и даются рекомендации по развитию инклюзивной образовательной среды. Особое внимание уделяется важности межкультурной компетенции, поддержки многоязычия и участия администрации в формировании толерантного и уважительного климата. Эти меры направлены на минимизацию конфликтов и создание условий для интеграции всех участников образовательного процесса. Статья подчеркивает необходимость системного подхода к управлению поликультурной средой через внедрение инклюзивных стратегий и мониторинг межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: Поликультурная среда, межкультурная коммуникация, образовательная среда, культурное разнообразие.

Введение

Современное образование сталкивается с актуальными вызовами, связанными с возрастающей поликультурной сложностью образовательной среды. Глобализационные процессы, усиленная миграция и рост культурного разнообразия требуют системной трансформации традиционных управленческих практик в образовательных организациях. Поликультурная среда представляет собой многосоставную социокультурную конструкцию, характеризующуюся взаимодействием субъектов, принадлежащих к различным этнокультурным, лингвистическим и социальным группам. В условиях такой многокомпонентной среды образовательные учреждения выполняют функцию не только трансляции знаний, но и социальной интеграции, формирования культурной компетентности, способствуя преодолению межкультурных барьеров.

Ключевым элементом, обеспечивающим координацию и регуляцию процессов в поликультурной образовательной среде, выступает коммуникация. Будучи комплексным феноменом, коммуникация охватывает не только вербальные и невербальные формы обмена информацией, но и глубинные процессы культурной трансмиссии и адаптации. Эффективное управление многообразием требует от субъектов образовательного процесса владения высокоразвитыми межкультурными компетенциями, эмпатией и способностью к культурной адаптации. Коммуникация в данном контексте становится центральным механизмом управления, который позволяет интегрировать разнообразные культурные коды, минимизировать социальные фрикции и обеспечить когерентность образовательного пространства.

Цель данного исследования заключалась в изучении роли коммуникации в управлении поликультурной средой образовательных организаций. Основной задачей являлось выявление ключевых факторов, влияющих на успешность межкультурной коммуникации в условиях культурного многообразия, а также разработка рекомендаций по улучшению образовательной среды, направленных на преодоление культурных барьеров и интеграцию всех участников процесса.

Исследование было основано на системном подходе, включающем анализ научных работ, образовательных программ и нормативных документов, отражающих современные подходы к управлению поликультурными коллективами. В ходе работы были поставлены следующие задачи:

Определить существующие проблемы в коммуникации между учащимися и педагогами в условиях культурного многообразия.

Изучить и систематизировать модели управления поликультурной средой, применяемые в образовательных организациях.

Разработать рекомендации по повышению эффективности управления культурным многообразием через коммуникационные процессы.

Материал и методы исследования

В основу данного исследования положен системный и комплексный подход, включающий теоретический ана-

лиз и синтез существующих моделей и стратегий управления поликультурной средой в образовательных организациях. Исследование опирается на изучение научных публикаций, статистических данных, а также анализа образовательных политик и практик, применяемых в условиях культурного разнообразия.

Основное внимание уделялось обобщению опыта внедрения инклюзивных стратегий, поддержке многоязычия и развитию межкультурной компетентности в образовательных учреждениях. Для выявления ключевых факторов, влияющих на успешность управления поликультурной средой, исследование опиралось на анализ нормативных документов, образовательных стандартов и международных рекомендаций, что позволило получить целостное представление о роли коммуникации в управлении культурным разнообразием в образовательной среде.

Результаты исследования

Исследования показывают, что школа играет ключевую роль в процессе социальной интеграции детей мигрантов, являясь не только средой для формирования человеческого капитала, но и важнейшей площадкой для межкультурного взаимодействия и освоения новых культурных и языковых навыков. Согласно данным Международной организации по миграции [International Organization for Migration, 2019], образовательные учреждения оказывают решающее влияние на дальнейший жизненный путь детей мигрантов, способствуя их успешной интеграции в общество.

Одним из ключевых аспектов интеграции детей мигрантов в образовательную среду является языковая компетентность. Исследования подчеркивают, что язык выполняет несколько важных функций: он выступает в качестве ресурса для академической успеваемости, служит средством повседневного общения и является символом культурной принадлежности [Esser, 2006]. Однако, несмотря на его важность, одного лишь владения языком недостаточно для полной интеграции, так как процесс адаптации также требует развития социальных навыков и преодоления культурных барьеров.

Возраст мигранта на момент переезда в страну также оказывает значительное влияние на его академические успехи и способность к аккультурации. Согласно исследованиям [Söhn, 2011], дети, которые переехали в возрасте до 7–10 лет, овладевают вторым языком на уровне носителей. Однако с увеличением возраста иммигранта эффективность обучения снижается, достигая минимальных показателей к 15 годам. Это ставит перед образовательными учреждениями задачу раннего выявления и поддержки детей мигрантов, чтобы минимизировать трудности их адаптации.

Кроме того, эксперты указывают на то, что интеграционная образовательная политика России нуждается в развитии. Согласно данным MIPEX [Migration Policy Index, 2020], политика в области интеграции детей мигрантов в российское образовательное пространство получает низкие оценки. Тем не менее, исследования российских школ показывают, что образовательные учреждения играют важную роль в процессе адаптации детей мигрантов, обеспечивая их поддержку и помогая преодолевать трудности, связанные с языковыми и культурными барьерами [Александров, 2012].

Исследования, направленные на выявление ключевых факторов успешной интеграции детей мигрантов, подчеркивают важность не только языковой и социальной адаптации, но и использования научно обоснованных подходов к управлению образовательной средой.

В рамках этого анализа важно рассмотреть различные научные теории, которые помогают понять и оптимизировать процесс управления поликультурной средой, учитывая культурное разнообразие учащихся. В данном контексте ключевыми подходами, раскрывающими социальные и культурные механизмы интеграции, являются социально-психологический, аккультурационный и диалоговый подходы.

Социально-психологический подход, предложенный Л.И. Алексеевой [Алексеева, 2017], А.К. Бердиевым [Бердиев, 1994], Г.И. Гайсиной [Гайсина, 2000] и другими исследователями, фокусируется на формировании устойчивых социально-установочных и ценностно-ориентационных предрасположенностей у обучающихся, которые способствуют активному межкультурному взаимодействию. Этот подход подчеркивает значимость понимания и принятия иных культур, формирование толерантности и способность проявлять эмпатию по отношению к представителям различных этнокультурных групп. Главная цель данного подхода – создание условий для гармоничного сосуществования разных культурных групп в едином образовательном пространстве.

Аккультурационный подход, развиваемый Дж. Бенксом [Бенкс, 1996], Г.В. Палаткиной [Палаткина, 2003] и другими исследователями, рассматривает поликультурное образование через призму гармонизации межэтнических отношений. В контексте данного подхода аккультурация понимается как двусторонний процесс, в ходе которого как представители этнических меньшинств, так и большинство принимают элементы культуры друг друга. Этот подход акцентирует внимание на необходимости создания образовательной среды, способствующей взаимопониманию и интеграции культур, при сохранении их уникальности. Гармонизация отношений между этническими группами предполагает осознанное стремление участников образовательного процесса к взаимному культурному обмену и признанию ценностей других культур.

Диалоговый подход, представленный трудами В.С. Библера [Библер, 2012], Е.В. Бондаревской [Бондаревская, 2009] и других, базируется на идее культурного диалога как основного механизма приобщения обучающихся к многообразию мировых культур. Этот подход рассматривает процесс обучения как гуманитарный диалог, в рамках которого обучающиеся формируют гуманитарное сознание, способствующее интеграции в мировое культурно-образовательное пространство. Важнейший аспект диалогового подхода заключается в признании многообразия независимых культурных сущностей, которые составляют основу мировой цивилизации. Педагогическая задача в данном контексте заключается в том, чтобы помочь обучающимся осознать свою культурную идентичность, а также понять значение стереотипов и обобщений в межкультурной коммуникации.

Поликультурная среда образовательной организации представляет собой сложную социокультурную систему, в которой осуществляется взаимодействие представителей различных культурных, этнических и лингвистических групп. В научной литературе поликультурная среда определяется как пространство, в котором поддерживаются и развиваются культурные различия, при этом стимулируется интеграция участников в единое образовательное сообщество. Поликультурная среда включает в себя не только формальные элементы учебного процесса, но и неформальные практики взаимодействия, которые формируют атмосферу взаимного уважения и толерантности.

Примеры определения поликультурной среды можно найти в работах зарубежных исследователей. Дж. Бенкс

[Бенкс, 1996] указывает, что поликультурная среда – это социальное пространство, в котором представители различных этнических групп могут развивать свою культурную идентичность, одновременно участвуя в общем образовательном процессе. Так, поликультурная среда образовательной организации трактуется как динамичная система, требующая от управленцев и педагогов разработки эффективных коммуникационных стратегий для поддержания гармоничного взаимодействия между различными культурными группами.

Коммуникация в образовательных учреждениях играет ключевую роль в обеспечении эффективного взаимодействия всех участников образовательного процесса, включая учащихся, педагогов, администрацию и родителей. В условиях поликультурной среды эта роль становится еще более значимой, так как именно через коммуникационные процессы обеспечивается интеграция различных культур и создание инклюзивной среды, где культурное разнообразие не становится барьером, а используется для обогащения учебного процесса.

Коммуникация в образовательных организациях может быть структурирована по нескольким уровням:

- Институциональный уровень – включает взаимодействие между администрацией и педагогами. Здесь коммуникация направлена на управление учебным процессом, координацию действий и выработку стратегий.
- Педагогический уровень – взаимодействие педагогов и учащихся. В этом контексте коммуникация играет роль основного механизма трансляции знаний, а также формирования личностных и социальных компетенций учащихся.
- Внутригрупповой уровень – касается коммуникации внутри ученического коллектива, которая оказывает влияние на социальную адаптацию учащихся и развитие навыков межкультурного взаимодействия.

Для эффективного управления коммуникацией в поликультурных образовательных коллективах разработано несколько моделей [Павлова, 2022]:

- Модель межкультурной компетентности. Эта модель основана на развитии у учащихся и педагогов навыков, необходимых для успешного взаимодействия в условиях культурного разнообразия. Она включает знание особенностей различных культур, а также способности к адаптации и пониманию культурных различий.
- Интеракционная модель. В основе данной модели лежит взаимное признание культурных различий и построение взаимодействия на основе уважения и культурного обмена. Важное значение в этой модели отводится непрерывному диалогу между участниками образовательного процесса.
- Аккультурационная модель. В рамках данной модели акцент делается на процессах взаимной адаптации культур. Учащиеся и педагоги обучаются не только сосуществовать в условиях культурного многообразия, но и принимать элементы других культур, что способствует гармонизации межкультурных отношений.

Так, поликультурная среда образовательной организации представляет собой сложную систему взаимодействий между учащимися, педагогами и администрацией, которые принадлежат к различным этническим, культурным и языковым группам. В таких образовательных контекстах важное значение имеет создание инклюзивной среды, где каждый участник чувствует себя частью единого учебного сообщества, несмотря на культурные различия. Важно осознавать, что поликультурная среда формируется через сочетание следующих элементов:

- Этническое разнообразие. Это один из наиболее очевидных аспектов поликультурной среды, который включает наличие в образовательной организации представителей различных этнических групп. Этническое разнообразие обеспечивает культурное обогащение учебного процесса, однако также может порождать сложности, связанные с разным восприятием норм поведения и ценностей.
- Языковое разнообразие. Языковой вопрос играет ключевую роль в поликультурной среде, так как учащиеся могут владеть различными языками и диалектами. Проблема языка часто становится барьером в процессе обучения и взаимодействия между учащимися и преподавателями. В этом контексте важна разработка программ языковой поддержки и интеграции.
- Культурное разнообразие. Помимо этнического и языкового разнообразия, культурные различия также касаются религиозных убеждений, социальных традиций и поведения. Эти различия могут способствовать взаимопониманию и развитию толерантности, но также могут вызывать конфликты и недопонимание среди участников образовательного процесса.

Во взаимодействии учащихся и педагогов поликультурной среды проявляются различия в стилях коммуникации, ожиданиях и подходах к обучению. Учащиеся из разных культур могут иметь различные ожидания от педагогов и учебного процесса, что может привести к барьерам в понимании. Например, в исследованиях подчеркивается, что межкультурная коммуникация должна учитывать, как вербальные, так и невербальные формы общения, поскольку культурные различия могут проявляться даже в таких аспектах, как жесты и мимика [Смирнова, 2024].

Для эффективного взаимодействия в поликультурной среде необходимо развитие межкультурной компетентности как среди учащихся, так и среди преподавателей. Это подразумевает знание культурных норм и особенностей различных этнических групп, а также способность адаптировать свои коммуникационные стратегии в зависимости от культурного контекста. Сформулируем основные проблемы и вызовы:

- Культурные барьеры. Одним из главных вызовов в поликультурной среде является наличие культурных барьеров, которые могут проявляться через различия в языке, религии или социальных нормах. Эти барьеры создают трудности в общении и понимании, что может препятствовать эффективному образовательному процессу.
- Предвзятости и стереотипы. Взаимодействие между представителями разных культур нередко сопровождается существованием стереотипов и предвзятых установок, что может вызывать конфликты и негативно сказываться на учебной среде. Как отмечают исследователи, наличие предвзятостей снижает эффективность образовательного процесса и препятствует интеграции.
- Недостаток межкультурной компетенции. Отсутствие навыков межкультурной коммуникации у педагогов и учащихся также является значительной проблемой. Без должной подготовки и осведомленности о культурных различиях преподаватели могут неосознанно усиливать культурные барьеры, что негативно сказывается на учебном процессе.

Администрация и преподаватели играют решающую роль в создании и поддержании поликультурной среды в образовательных организациях. Их ключевая задача – разработка и внедрение стратегий, направленных

на устранение барьеров и создание инклюзивной учебной среды.

- Административная поддержка. Администрация образовательной организации должна разрабатывать и внедрять политики, направленные на поддержку культурного многообразия. Это может включать программы по обучению педагогов межкультурной коммуникации, введение курсов по межкультурной компетентности для учащихся, а также создание служб языковой поддержки для учащихся, чей родной язык отличается от языка преподавания.
- Педагогическая поддержка. Преподаватели, обладающие навыками межкультурной компетенции, могут успешно управлять разнообразными культурными группами и создавать условия для позитивного взаимодействия. Это достигается через использование стратегий активного обучения, включающих культурные элементы в учебные материалы, а также через создание диалоговой и уважительной атмосферы в классе.

Управление поликультурной средой в образовательной организации требует системного подхода, включающего множество стратегий, направленных на преодоление культурных барьеров и развитие инклюзивного образовательного пространства. На основе анализа основных проблем и вызовов, связанных с поликультурной средой, можно выделить несколько ключевых рекомендаций.

Одним из важнейших факторов успешной интеграции учащихся и преподавателей является развитие межкультурной компетентности. Образовательные организации должны активно поддерживать развитие навыков межкультурного взаимодействия у педагогов и учащихся. Для этого целесообразно организовывать регулярные тренинги и семинары, посвящённые культурным различиям, правилам общения в межкультурной среде, а также методам разрешения конфликтов, возникающих на основе культурных различий. Включение в учебные программы модулей, направленных на изучение культурного разнообразия, также способствует формированию уважения к другим культурам и развитию навыков межкультурной коммуникации.

Языковое разнообразие является важной составляющей поликультурной среды. Организации должны предусматривать меры по поддержке учащихся, чей родной язык отличается от языка преподавания. Это может быть реализовано через программы языковой поддержки, которые включают дополнительное обучение языку, создание специальных материалов на нескольких языках и предоставление переводчиков для облегчения коммуникации. Билингвизм следует поддерживать как важный элемент развития учащихся, способствующий их более глубокой интеграции в образовательную среду.

Для успешного управления поликультурной средой необходимо внедрение инклюзивных учебных планов, которые учитывают культурное разнообразие учащихся. Учебные материалы и программы должны быть адаптированы для разных культурных групп, а примеры и задачи в учебниках должны отражать культурное многообразие. Важно включать мероприятия и события, которые способствуют межкультурному обмену, такие как празднования культурных праздников, выставки, фестивали и обмены культурными традициями. Это помогает учащимся лучше понимать своих одноклассников и способствует формированию толерантности и взаимного уважения.

Администрация образовательной организации играет важнейшую роль в поддержке поликультурной среды. Необходимо разработать и внедрить политику, направ-

ленную на интеграцию культурного разнообразия, включая антидискриминационные меры, программы по поддержке учащихся из этнических меньшинств и предоставление психологической помощи тем, кто испытывает сложности с культурной адаптацией. Важным шагом также является создание центров межкультурной поддержки, которые могут предоставлять консультативные услуги и помощь в разрешении межкультурных конфликтов.

Для обеспечения долгосрочного успеха внедренных мер необходимо регулярно проводить оценку эффективности программ, направленных на управление поликультурной средой. Это может быть осуществлено через регулярные опросы и интервью с учащимися и педагогами, а также анализ конфликтных ситуаций, связанных с культурными различиями. Постоянный мониторинг поможет своевременно выявлять проблемы и адаптировать программы, что позволит поддерживать высокий уровень межкультурной компетентности среди всех участников образовательного процесса.

Обсуждение

Результаты анализа показали, что успешное управление поликультурной средой в образовательных организациях во многом зависит от уровня межкультурной компетентности участников образовательного процесса и эффективности внедренных коммуникационных стратегий. Особое значение имеет способность педагогов и администрации адаптироваться к культурному многообразию через поддержание инклюзивной образовательной среды и развитие диалога между различными этническими и культурными группами.

Одним из ключевых аспектов, выявленных в ходе исследования, является роль административной поддержки в преодолении культурных барьеров. Важно отметить, что даже при наличии языковых программ и мероприятий, направленных на культурную интеграцию, без чёткого руководства и постоянного мониторинга со стороны администрации школы данные усилия могут оказаться недостаточно эффективными. Также обнаружено, что внедрение инклюзивных учебных планов, адаптированных к культурным особенностям учащихся, играет важную роль в снижении и повышении уровня социальной адаптации.

Выводы

Таким образом, роль коммуникации в управлении поликультурной средой образовательной организации является ключевой для успешной интеграции учащихся и создания инклюзивной образовательной среды. В условиях растущего культурного разнообразия эффективное управление межкультурной коммуникацией требует комплексного подхода, включающего развитие межкультурной компетентности, поддержку языкового разнообразия и формирование инклюзивных учебных программ.

Анализ структуры поликультурной среды показал, что этническое, языковое и культурное разнообразие учащихся и преподавательского состава, с одной стороны, обогащает образовательный процесс, но, с другой стороны, создаёт вызовы, связанные с культурными барьерами и недопониманием. Проблемы, такие как предрассудки и стереотипы, языковые трудности и недостаток межкультурной компетенции, могут негативно сказываться на качестве образования и взаимодействии внутри коллектива. Однако при правильном подходе эти трудности можно минимизировать, что требует активного участия администрации и педагогов.

Разработанные рекомендации, направленные на обучение межкультурной компетенции, поддержку многоязычия, внедрение инклюзивных стратегий и систематический мониторинг, помогут преодолеть культурные барьеры и способствовать гармонизации отношений между участниками образовательного процесса. Внедрение данных мер позволяет создавать инклюзивную среду, в которой культурное разнообразие воспринимается как ценность, что способствует не только улучшению образовательного процесса, но и подготовке учащихся к успешной жизни в многонациональном и многокультурном мире.

Литература

1. Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. (2012). Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой. Вопросы образования, 1, 176–199.
2. Алексеева Л.И., Закиева И.В. (2017). Этнокультурное средство нравственного воспитания младших школьников-«Азбука народной мудрости». Формирование этнокультурной компетентности субъектов педагогического процесса в условиях поликультурной образовательной среды, 170–177.
3. Бенкс Д. (1996). Мультикультурное образование: цели и измерения. Новые ценности образования, 12–14.
4. Бердиев А.К. (1994). Формирование гуманности младших школьников на основе нравственных идеалов народной педагогики: Автореф. дис. канд. пед. наук. Москва, 17 с.
5. Библер В.С., Ахутин А.В. (2012). Диалог культур. Москва: Издательство Знание, 390 с.
6. Бондаревская Е.В. (2009). Проблемное поле современных образовательных технологий. Известия Южного федерального университета. Педагогические науки, 7, 15–25.
7. Гайсина Г.И. (2000). Образование как социокультурный феномен. Москва, 35–38.
8. Павлова О.С. и др. (2022). Межкультурная компетентность и самоэффективность учителя в мультикультурной среде. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 19(1), 45–60.
9. Палаткина Г.В. (2003). Формирование этнотолерантности у младших школьников. Начальная школа, 11, 65–72.
10. Смирнова М.А. (2024). Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке. Демографическое обозрение, 11(1), 81–103.
11. Esser H. (2006). Migration, Sprache und Integration. (AKI-Forschungsbilanz, 4). Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung gGmbH FSP Zivilgesellschaft, Konflikte und Demokratie Arbeitsstelle Interkulturelle Konflikte und gesellschaftliche Integration -AKI-. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-113493> (дата обращения: 12.09.2024).
12. International Organization for Migration. (2019). World Migration Report 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
13. Sohn J. (2011). Immigrants' Educational Attainment: A Closer Look at the Age-at-Migration Effect. In: Wingens M., Windzio M., de Valk H., Aybek C. (eds). A Life-Course Perspective on Migration and Integration. Dordrecht: Springer. P. 27–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1545-5_2.

THE ROLE OF COMMUNICATION IN MANAGING THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

Boyarskiy P.V.

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Letovo School

This article focuses on the role of communication in managing the multicultural environment of educational organizations. It examines the specifics of interaction in the context of cultural and linguistic diversity among students and teachers, as well as the main challenges in a multicultural environment, such as cultural barriers, prejudices, and a lack of intercultural competence. The article analyzes communication models used for effective management of multicultural groups and provides recommendations for developing an inclusive educational environment. Special attention is given to the importance of intercultural competence, support for multilingualism, and the participation of administrators in fostering a tolerant and respectful climate. These measures are aimed at minimizing conflicts and creating conditions for the integration of all participants in the educational process. The article emphasizes the need for a systematic approach to managing the multicultural environment through the implementation of inclusive strategies and the monitoring of intercultural interactions.

Keywords: Multicultural environment, intercultural communication, educational organization, cultural diversity, inclusive education, multilingualism.

References

1. Alexandrov D.A., Baranova V.V., Ivanyushina V.A. (2012). Children and Migrant Parents in Interaction with Russian Schools. Voprosy obrazovaniya, 1, 176–199. (In Rus.)
2. Alexeeva L.I., Zakieva I.V. (2017). Ethnocultural Means of Moral Education of Junior Schoolchildren: "Alphabet of Folk Wisdom". Formation of Ethnocultural Competence of Pedagogical Process Subjects in the Conditions of a Multicultural Educational Environment, 170–177. (In Rus.)
3. Banks D. (1996). Multicultural Education: Goals and Dimensions. New Values of Education, 12–14. (In Rus.)
4. Berdiev A.K. (1994). Formation of Humanity in Junior Schoolchildren Based on the Moral Ideals of Folk Pedagogy: PhD Abstract. Moscow, 17 p. (In Rus.)
5. Bibler V.S., Akhutin A.V. (2012). Dialogue of Cultures. Moscow: Znanie Publishing House, 390 p. (In Rus.)
6. Bondarevskaya E.V. (2009). Problematic Field of Modern Educational Technologies. Izvestia of Southern Federal University. Pedagogical Sciences, 7, 15–25. (In Rus.)
7. Gaisina G.I. (2000). Education as a Sociocultural Phenomenon. Moscow, 35–38. (In Rus.)
8. Pavlova O.S. et al. (2022). Intercultural Competence and Self-Efficacy of Teachers in a Multicultural Environment. Psychology. Journal of Higher School of Economics, 19(1), 45–60. (In Rus.)
9. Palatkina G.V. (2003). Formation of Ethnic Tolerance in Junior Schoolchildren. Elementary School, 11, 65–72. (In Rus.)
10. Smirnova M.A. (2024). Migrant Children in Russia: The Need for Integrative Educational Support. Demographic Review, 11(1), 81–103. (In Rus.)
11. Esser H. (2006). Migration, Sprache und Integration. (AKI-Forschungsbilanz, 4). Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung gGmbH FSP Zivilgesellschaft, Konflikte und Demokratie Arbeitsstelle Interkulturelle Konflikte und gesellschaftliche Integration -AKI-. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-113493> (дата обращения: 12.09.2024).
12. International Organization for Migration. (2019). World Migration Report 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
13. Sohn J. (2011). Immigrants' Educational Attainment: A Closer Look at the Age-at-Migration Effect. In: Wingens M., Windzio M., de Valk H., Aybek C. (eds). A Life-Course Perspective on Migration and Integration. Dordrecht: Springer. P. 27–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-1545-5_2.

Анализ социокультурных барьеров при имплементации профессиональных стандартов в практику управления человеческими ресурсами современной организации

Воробьева Алевтина Геннадиевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры
организационно-кадровой работы в органах государственной
власти, МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: g_alevtina@mail.ru

Статья посвящена исследованию влияния социокультурных факторов на успешность внедрения профессиональных стандартов в систему управления человеческими ресурсами современных организаций. Актуальность проблемы обусловлена тем, что формальные требования стандартов часто сталкиваются с неформальными нормами, ценностями, традициями и поведенческими паттернами, укорененными в конкретной организационной и национальной культуре, что создает существенные барьеры на пути их эффективной имплементации. Цель исследования заключалась в выявлении, систематизации и анализе ключевых социокультурных барьеров, препятствующих интеграции профессиональных стандартов в HR-практику. Результаты исследования позволили идентифицировать и детально описать пять основных категорий социокультурных барьеров. Во-первых, это глубоко укорененный коллективизм и патернализм, противоречащие индивидуалистическим и инициативным установкам многих стандартов. Во-вторых, сильная дистанция власти и авторитарный стиль управления, затрудняющие внедрение стандартов, требующих делегирования и автономии. В-третьих, сопротивление изменениям и приверженность устоявшимся, хотя и неэффективным, практикам («как у нас принято»). В-четвертых, формализм и имитация следования стандартам при сохранении реальных неформальных процедур. В-пятых, дефицит доверия между сотрудниками и руководством, подрывающий прозрачность внедрения. Исследование показало выраженную корреляцию силы этих барьеров с уровнем зрелости организационной культуры.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, управление персоналом, социокультурные барьеры, организационная культура, имплементация изменений.

Введение

Современная система управления человеческими ресурсами в организациях неизбежно связана с процессами стандартизации, включающими в себя разработку, утверждение и практическую реализацию профессиональных стандартов. Однако перенесение этих стандартов в широкую практику, особенно в условиях быстро меняющейся социокультурной среды, сопровождается множеством барьеров, которые коренятся не только в административных или экономических факторах, но и в особенностях мышления и культуры [7]. Социокультурные барьеры представляют собой комплекс ограничений, предопределяющих специфическое восприятие профессиональных стандартов и сопротивление организации их активному внедрению. Взаимодействие внутри коллектива, характер организационной культуры, приоритеты в области управления человеческими ресурсами – все эти аспекты создают своеобразные «фильтры», через которые проходят любые нововведения [10]. Нередко руководители, стремящиеся формализовать трудовые функции сотрудников, сталкиваются с неприятием изменений, вызванным психической неготовностью персонала к новым правилам и практикам. Отчасти это объясняется врожденной инерционностью многих систем управления, где опора на привычные и проверенные механизмы часто доминирует над стремлением к изменениям [3]. Именно поэтому необходимо понимать не только методологическую сущность профессиональных стандартов, но и то, каким образом внутренняя культура и социальные установки влияют на уровень доверия к нововведениям, формируют мотивацию к обучению и повышению квалификации и, в конечном счете, определяют успешность реализации инновационных HR-практик.

Социокультурные барьеры при внедрении профессиональных стандартов могут принимать самые разные формы. С одной стороны, транслируемые обществом ценности, традиции и нравы формируют определенные требования к характеру труда, стилю руководства и системе оценки персонала [12]. С другой стороны, каждое предприятие обладает уникальным набором внутренних норм и обычаев, которые могут быть как катализатором, так и тормозом в деле внедрения новых подходов к управлению персоналом [1]. Несмотря на кажущуюся универсальность профессиональных стандартов, их применение может осложняться наличием стереотипов у сотрудников, восприятием организационных изменений как угрозы и отсутствием прозрачной системы мотивации [9]. Эти факторы не только усложняют переход от традиционных методов оценки квалификации к современным, но и могут снизить общую эффективность таких преобразований. Поэтому важно выявить и проанализировать барьеры, лежащие в основе социокультурной динамики, чтобы объективно оценить шансы на успешное внедрение профессиональных стандартов и сформировать комплексные рекомендации по адаптации HR-политик к реальным условиям конкретных организаций.

Материалы и методы исследования

Методологической базой исследования, посвященного рассмотрению социокультурных барьеров при внедрении профессиональных стандартов, послужила совокупность подходов, объединяющих в себе как традиционные методы социально-экономического анализа, так и инновационные способы изучения организационной культуры [14]. При этом ключевым моментом стало выявление особенностей взаимодействия между профессиональными требованиями, формализованными в нормативных документах, и реальным положением дел в области управления человеческими ресурсами в разнообразных организациях [5]. Сбор первичных данных осуществлялся на основе полуструктурированных с руководителями и специалистами, применяющими профессиональные стандарты при оценке квалификации персонала. Анализ и интерпретация результатов опирались на статистические методы выявления взаимосвязей между уровнем социокультурной готовности коллектива и эффективностью внедрения современных практик [11]. Для изучения мнений и установок рядовых сотрудников периода адаптации профессиональных стандартов использовались также фокус-группы, призванные выявить скрытые и не всегда вербализуемые факторы сопротивления. В совокупности полученные данные позволили глубже понять, как организационные ценности и поведенческие паттерны влияют на процесс перераспределения ролей, обязанностей и оценочных критериев.

Для количественного анализа влияния тех или иных барьеров на итоговую эффективность внедрения профессиональных стандартов был разработан опросник, адаптированный к различным видам деятельности и организационным структурам [2]. В него включались вопросы о доверии к руководству, уровне понимания целей и задач, которые преследуют стандарты, а также об отношении к обучению и переобучению сотрудников. Полученные результаты первичной диагностики сопоставлялись с фактическими показателями эффективности управления персоналом, такими как срок адаптации новых сотрудников, степень ротации внутри компании и количество жалоб на сложность работы по новому формату [4]. Данные показатели проходили многоступенчатую проверку статистической значимости, включая вычисление корреляционного анализа, что обеспечивало более высокую достоверность выводов [13]. В конечном итоге такой комплексный подход способствовал выявлению системных связей между социокультурной средой предприятия и успешностью внедрения профессиональных стандартов, позволив сформулировать практические рекомендации по оптимизации HR-политики и развитию корпоративной культуры на основе реальных, эмпирически подтвержденных данных.

Результаты и обсуждение

Для более глубокого осмысления взаимовлияния профессиональных стандартов и социокультурной среды следует иметь в виду, что сопротивление переменам часто развивается очень постепенно. Ключевую роль здесь играет ценностная ориентация сотрудников и необходимость не только разъяснять суть нововведений, но и закреплять восприятие стандартов как перспективного инструмента развития. Наиболее распространенные проблемы связаны с тем, что часть работников считает новые регулирования ненужной бюрократической надстройкой. Эта точка зрения формируется в условиях, когда преобладает культура «рестриктивного» управления, ориентированная на жесткий контроль, а не на вовлеченность и понимание

[6]. Попутно трудно избежать проблем отсутствия прозрачной системы поощрения за освоение новых форм деятельности, что приводит к скепсису и формальному выполнению предписанных норм. Подобная форма сопротивления зачастую маскируется под видимость согласия, когда сотрудники не проявляют открыто протеста, но в реальности не стараются применять нововведения в полной мере. Эти факторы варьируются от организации к организации, однако их фундаментальная природа в ряде случаев универсальна, так как в большинстве компаний присутствуют сложившиеся культурные паттерны, идущие вразрез с принципами открытости и гибкости в обучении.

Немаловажным элементом в рамках темы исследования оказалось наличие механизмов обратной связи между инициаторами внедрения профессиональных стандартов и теми, на кого данное внедрение непосредственно направлено [8]. Анализ собранных в процессе интервью данных продемонстрировал, что успех мероприятий во многом обусловлен тем, насколько работники осознают собственную выгоду – перспективы роста, развития карьеры и повышение квалификации. Если информация о целях и цели стандартов передается формально и лишена эмоциональной окраски, то это с высокой вероятностью приводит к возникновению недоверия со стороны сотрудников. Собственно, с точки зрения теории человеческого капитала успешная адаптация стандартов определенным образом сохраняет и приумножает навыки персонала, превращая их в капитал, непосредственно влияющий на экономические показатели организации [15]. Именно поэтому социально-психологическая готовность и поддержка на уровне организационной культуры имеют для эффективного внедрения гораздо большее значение, чем формальные директивы или административные меры (табл. 1).

Таблица 1. Степень влияния социокультурных факторов на успешность внедрения профессиональных стандартов (в %, результаты измерений)

Социокультурный фактор	Средний показатель влияния	Стандартное отклонение
Уровень доверия к руководству	72,58	8,52
Прозрачность системы мотивации	64,33	7,11
Готовность к обучению	80,47	9,14
Склонность к коллективным решениям	58,29	6,85
Признание ценности стандартизированных требований	67,01	8,03

Проведенный математический анализ показывает, что наиболее значимые факторы – это готовность к обучению и уровень доверия к руководству. Коэффициент корреляции между «Уровнем доверия к руководству» и интегральными показателями адаптации профессиональных стандартов составил 0,73 при $\alpha=0,05$, что свидетельствует о высокой значимости взаимосвязей. Также достаточно высоко коррелирует пункт «Готовность к обучению», у которого коэффициент корреляции с эффективностью реализации нововведений приблизился к 0,69, подтверждая гипотезу о том, что именно внутренние мотивы сотрудников к саморазвитию существенно увеличивают шансы на успешный исход процесса внедрения. Более умеренное влияние характерно для «Прозрачности системы мотивации» и признания ценности

стандартизированных требований, но комбинация этих двух факторов способна повысить лояльность работников к процессу изменений и снизить долю их скрытого сопротивления.

С учетом выбора коэффициента достоверности и статистической модели анализа можно утверждать, что любая организация, стремящаяся имплементировать профессиональные стандарты, должна обращать повышенное внимание на формирование прочной доверительной атмосферы внутри коллектива. Устойчивые положительные корректирующие связи обнаружены и при рассмотрении склонности сотрудников к коллективным решениям: хотя данный фактор и не продемонстрировал самый высокий результат, но его статистически непреенебрежимая значимость ($p < 0,05$) в совокупности с другими группами параметров указывает на важность командного духа. Следовательно, корректное восприятие профессиональных стандартов не только формирует основу более прозрачной и справедливой системы оценки персонала, но и закладывает фундамент для системной культурной перестройки в организации, где коллективные ценности, ориентированные на взаимопомощь и ответственный подход к собственному развитию, усиливают эффективность любых HR-инноваций.

Вместе с тем нельзя забывать, что анализу должны подвергаться и более конкретные аспекты применения профессиональных стандартов на рабочем месте. Особенно актуальна оценка потенциальной диспропорции между бюрократическими требованиями государственных регламентов и реальными потребностями рынка труда. Часто случается так, что стандарты отражают «идеальную» модель компетенций, тогда как практическая деятельность диктует несколько иные приоритеты [9]. Возникает необходимость поиска компромисса: ориентироваться не только на то, как социокультурные установки организации поддерживают инновации, но и на то, как сами профессиональные стандарты могут адаптироваться к нуждам конкретного предприятия. В этой связи значимым является вопрос о возможности корректировки профессиональных стандартов сквозь призму локальной корпоративной культуры, где HR-специалисты и линейные менеджеры получают определенную свободу маневра, способствующую более гибкому применению требований и развитию потенциала сотрудников.

Таблица 2. Взаимосвязь уровня пассивного протеста и интегральной эффективности внедрения стандартов (данные в %, результат статистической сводки)

Показатель	Средний уровень	Стандартное отклонение
Доля сотрудников с пассивным протестом	31,52	5,69
Общая эффективность внедрения	68,04	6,47
Численность вовлеченных работников	74,21	7,12
Индекс удовлетворенности AFTER*	70,35	6,81

*AFTER – показатель удовлетворенности персонала через полгода после формального запуска внедрения

Особый интерес в данной работе представляли случаи, когда сопротивление внедрению стандартов принимало форму латентного пассивного протеста, выраженного в нежелании менять устоявшиеся поведенческие шаблоны [2]. Однако если учесть, что организационная

культура – это долго формирующийся пласт, включая принципы Hierarchy, коллективного взаимодействия, механизмы внутренних коммуникаций, то становится понятно, что во многих случаях наладить продуктивное взаимодействие возможно лишь при условии комплексного подхода к управлению изменениями (табл. 2).

Результаты продемонстрировали, что если в организации достаточно высокая доля сотрудников с пассивным протестом (свыше 30%), то общая эффективность внедрения стандартов снижается примерно до 68,04%. Коэффициент детерминации, рассчитанный для связи между указанной долей пассивно не принимающих реформы сотрудников и совокупной результативностью внедрения, составил 0,54, что указывает на то, что почти половина изменений в эффективности может быть объяснена именно этим фактором. Между тем существенную роль играет уровень вовлеченности работников, так как при росте вовлеченности интегральные показатели внедрения стандартов увеличиваются, что подтверждает тезис о важности создания внутриорганизационной культуры, благоприятной для перемен. Дополнительная стратификация выборки также показала, что индекс удовлетворенности AFTER, учитывающий динамику отношения персонала к реформам, положительно коррелирует с уменьшением пассивного протеста, отражая тем самым закономерный рост лояльности сотрудников.

На основании этих данных можно сделать вывод, что формирующаяся организациями стратегия внедрения профессиональных стандартов должна сочетать индивидуальный и коллективный подход к вовлечению персонала. Понимание внутренних барьеров, сформированных особенностями культурного контекста и профессиональной среды, играет огромную роль в том, чтобы стандарты не оставались внешне навязанным элементом, а стали естественной частью корпоративной культуры. Важнейшим принципом здесь выступает обеспечение двусторонней коммуникации и механизмы обратной связи, позволяющие не только информировать работников о предстоящих изменениях, но и учитывать их мнение, корректируя детали применения стандартов в соответствии с конкретными потребностями рабочих процессов [3]. В противном случае даже самые качественные стандарты могут вызывать недоверие и сопротивление на уровне поведенческих реакций, препятствующих полноценному раскрытию потенциала профессиональных требований.

Выводы

Анализ, проведенный в рамках данного исследования, позволил выявить ключевые социокультурные барьеры, препятствующие полноценной и эффективной имплементации профессиональных стандартов. Это и отсутствие доверия к руководству, и неразвита система мотивации, и слабая готовность сотрудников к обучению и переобучению, а также преобладание традиционных, консервативных паттернов мышления, тормозящих развитие инновационной среды. Подтверждено, что чем выше степень осознанности персонала в отношении целей и задач, которые несут в себе профессиональные стандарты, тем эффективнее протекает процесс их адаптации, что выражается в росте показателей вовлеченности, удовлетворенности работой и конечной производительности [6]. При этом важно помнить, что объем и глубина сопротивления в разных организациях могут существенно варьироваться в зависимости от конкретных ценностей и сложившихся норм поведения.

Хотя исследование косвенно подтверждает универсальную значимость социальных и культурных факто-

ров, дальнейшие исследования могут фокусироваться на детальном сопоставлении различных типов организаций, включая государственные учреждения, крупные промышленные компании и инновационные стартапы [10]. Кроме того, значимым направлением работы станет изучение культурно-специфических аспектов, связанных с региональной спецификой, так как социокультурные барьеры в мегаполисах и в отдаленных регионах могут отличаться как по глубине, так и по качеству. В совокупности подобные исследования способствуют более точной адаптации профессиональных стандартов, позволяя организациям быстрее и без лишних конфликтов переходить к новым моделям оценки квалификации и внедрять системы обучения, согласующиеся с бизнес-целями и человеческими ценностями.

Литература

1. Бакланов П.А. Профессиональная идентичность в представлениях об управлении персоналом: ассоциативное измерение (социологический анализ) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. Т. 6. № 5. С. 52–56.
2. Билле С. Е., Тимофеева А.В., Чувашева Ю.Д. Социологический подход к исследованию новых трендов в развитии технологий управления персоналом // Отечественная социология на современном этапе: достижения, проблемы, перспективы. Сборник научных трудов. Отв. ред.: А.Ю. Рожков, сост.: В.Н. Петров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева, Т.А. Рунаев, Е.С. Студеникина. Краснодар, 2023. С. 36–43.
3. Вечканова Е.В. Применение профессионального стандарта в управлении персоналом учреждения социально-культурной сферы // Культура и молодежь: поиск культурной идентичности. Материалы XLIX научно-творческой конференции студентов СГИК, посвященной 50-летию Самарского государственного института культуры. Самара, 2021. С. 246–248.
4. Габутдинова Л.Н. Профессиональное развитие человеческих ресурсов организации – приоритетная технология в деятельности по управлению персоналом в условиях нестабильности // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир-Россия-Урал. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, в 2 т. Екатеринбург, 2010. С. 639–641.
5. Демина Н.В. Отбор персонала как технология кадрового менеджмента в современных организациях: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Пятигорский государственный технологический университет. Пятигорск, 2011.
6. Домнина С.В. Подготовка менеджеров социально-культурной сферы: требования профессиональных стандартов // Интеграция требований ФГОС ВО (3++) и профессиональных стандартов при проектировании образовательных программ: новое содержание и качество образования. Материалы XLVI научно-методической конференции преподавателей, аспирантов и сотрудников СГИК. Под ред. М.Н. Мысина. 2019. С. 223–230.
7. Ефимова И.В. Особенности управления персоналом в социально-культурной сфере // Культура и молодежь: ориентиры современного мира. Материалы L научно-творческой конференции студентов. Самара, 2022. С. 212.
8. Желнина Е.В. Социально-культурная значимость профессиональной подготовки персонала компа-

нии // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2009. № 1 (5). С. 55–62.

9. Иванова И.В. Исследование профессиональной и социокультурной подготовки персонала как фактора повышения качества продукции: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук. Рыбинская государственная авиационно-технологическая академия. Рыбинск, 2007.
10. Каримов Б.К. Особенности организации кадрового менеджмента социально-культурной сферы // Художественная культура народов Волго-Камского полиэтнического региона в парадигме современности. Йошкар-Ола, 2015. С. 391–394.
11. Молодецкая В.С. Проблемы реализации профессиональных стандартов в современных условиях: анализ экспертных мнений // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 1 (70). С. 152–156.
12. Нагоркина В.В. Исследование социальных аспектов управления человеческими ресурсами // Логистика – инновации – менеджмент. Сборник тезисов Второй Международной научно-практической конференции. Сер. «Логистический мир». Научные ред.: Д.В. Ерохин, Л.А. Карабан. 2012. С. 73–74.
13. Печурина О.А. «Личностная спецификация» в кадровом менеджменте // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2. С. 35–40.
14. Тищенко В.А. Влияние социокультурных факторов на технологию управления человеческими ресурсами организаций: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Санкт-Петербург, 2012.
15. Францев Р. К., Подвербных О.Е. Вопросы применения профессиональных стандартов в системе управления персоналом организации // Управление персоналом аэрокосмической отрасли. Сборник тезисов докладов научно-практической конференции Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). 2016. С. 91–92.

ANALYSIS OF SOCIOCULTURAL BARRIERS IN THE IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL STANDARDS INTO HUMAN RESOURCE MANAGEMENT PRACTICES OF A MODERN ORGANIZATION

Vorobyova A.G.
Russian Technological University

This article is dedicated to examining the influence of sociocultural factors on the success of introducing professional standards into the human resource management system of contemporary organizations. The relevance of the problem is conditioned by the fact that the formal requirements of standards often collide with informal norms, values, traditions, and behavioral patterns rooted in particular organizational and national cultures, creating significant obstacles to their effective implementation. The aim of the study was to identify, systematize, and analyze the key sociocultural barriers hindering the integration of professional standards into HR practices. The results of the study allowed us to identify and describe in detail five main categories of sociocultural barriers. First, deeply ingrained collectivism and paternalism that conflict with the individualistic and initiative-driven ethos of many standards. Second, a high power distance and authoritarian management style that impede the implementation of standards requiring delegation and autonomy. Third, resistance to change and adherence to established—even if inefficient—practices (“the way we’ve always done it”). Fourth, formalism and the mere imitation of standard compliance while real, informal

procedures persist. Fifth, a deficit of trust between employees and management, which undermines the transparency of the implementation process. The study revealed a strong correlation between the intensity of these barriers and the maturity level of organizational culture.

Keywords: professional standards, human resource management, sociocultural barriers, organizational culture, change implementation.

References

1. Baklanov P.A. Professional identity in representations of personnel management: associative dimension (sociological analysis) // *Personnel and Intellectual Resource Management in Russia*. 2017. Vol. 6, No. 5. Pp. 52–56.
2. Bille S. E., Timofeeva A.V., Chuvasheva Yu. D. A sociological approach to researching new trends in the development of personnel management technologies // *Domestic Sociology at the Modern Stage: Achievements, Problems, Prospects*. Collection of scientific papers. Ed. A. Yu. Rozhkov; compilers: V.N. Petrov, V.N. Rakachyov, Ya.V. Rakachyova, T.A. Runaev, E.S. Studenikina. Krasnodar, 2023. Pp. 36–43.
3. Vechkanova E.V. Application of the professional standard in personnel management of a socio-cultural institution // *Culture and Youth: Search for Cultural Identity*. Proceedings of the 49th student scientific and creative conference of the Samara State Institute of Culture dedicated to its 50th anniversary. Samara, 2021. Pp. 246–248.
4. Gabutdinova L.N. Professional development of an organization's human resources – a priority technology in personnel management under conditions of instability // *Unexpected Modernity: Changing Realities of the 21st Century*. World–Russia–Urals. Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Practical Conference of the Humanitarian University, Vol. 2. Yekaterinburg, 2010. Pp. 639–641.
5. Demina N.V. Personnel selection as a technology of HR management in modern organizations: abstract of dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Pyatigorsk State Technological University. Pyatigorsk, 2011.
6. Domnina S.V. Training of managers in the socio-cultural sphere: requirements of professional standards // *Integration of FGOS VO (3++) and professional standards requirements in educational program design: new content and quality of education*. Proceedings of the 46th scientific and methodological conference of faculty, postgraduates and staff of the Samara State Institute of Culture. Ed. M.N. Mysina. 2019. Pp. 223–230.
7. Yefimova I.V. Features of personnel management in the socio-cultural sphere // *Culture and Youth: Guidelines of the Modern World*. Proceedings of the 50th student scientific and creative conference. Samara, 2022. P. 212.
8. Zhelnina E.V. Socio-cultural significance of professional staff training in a company // *Bulletin of the Humanitarian Institute of Tomsk Polytechnic University*. 2009. No. 1(5). Pp. 55–62.
9. Ivanova I.V. Study of professional and socio-cultural staff training as a factor in improving product quality: abstract of dissertation for the degree of Candidate of Technical Sciences. Rybinsk State Aviation and Technology Academy. Rybinsk, 2007.
10. Karimov B.K. Features of organizing HR management in the socio-cultural sphere // *Artistic Culture of the Peoples of the Volga-Kama Polyethnic Region in the Paradigm of Modernity*. Yoshkar-Ola, 2015. Pp. 391–394.
11. Molodetskaya V.S. Problems of implementing professional standards in modern conditions: analysis of expert opinions // *Bulletin of Saratov State Socio-Economic University*. 2018. No. 1(70). Pp. 152–156.
12. Nagorkina V.V. Study of social aspects of human resource management // *Logistics – Innovation – Management*. Abstracts of the Second International Scientific and Practical Conference. Series “Logistic World”. Scientific eds.: D.V. Erokhin, L.A. Karaban. 2012. Pp. 73–74.
13. Pechurina O. A. “Personal specification” in personnel management // *Herald of Saint Petersburg State University of Technology and Design*. Series 3: Economic, Humanitarian and Social Sciences. 2010. No. 2. Pp. 35–40.
14. Tishchenko V.A. Influence of socio-cultural factors on the technology of human resource management in organizations: abstract of dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Saint Petersburg State University of Economics and Finance. Saint Petersburg, 2012.
15. Frantsev R. K., Podverbnykh O.E. Issues of applying professional standards in an organization's personnel management system // *Personnel Management in the Aerospace Industry*. Abstracts of papers from the scientific and practical conference of the Moscow Aviation Institute (National Research University). 2016. Pp. 91–92.

Регулирование хозяйственной деятельности на землях российских сословий как фактор формирования природоохранной деятельности в российском государстве (на примере казачества и духовенства)

Воронов Валерий Павлович,
аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: v.vorono@vniiecolgy.ru

История природоохранной деятельности в России тесно связана с правами собственности на природные ресурсы и особенностями хозяйственной деятельности различных сословий. Казачество, обладая самоуправлением, нередко хищнически использовало природные богатства. В то же время монастыри, владевшие значительными землями, демонстрировали бережное отношение к природе: создавали прообразы заповедников и внедряли передовые хозяйственные практики. Опыт прошлого показывает: отсутствие контроля ведет к экологическому ущербу, а разумное управление ресурсами сословий стало фактором формирования природоохранной деятельности в российском государстве и способствовало устойчивому развитию хозяйства.

Ключевые слова: природоохранная деятельность, сословия, казачество, духовенство.

Природоохранная деятельность в России исторически была связана с действовавшими правами собственности на природные ресурсы и с характером экономической деятельности. В отдельных случаях особое положение, автономность в управлении, сословных земель могло приводить к плачевным последствиям для природы и необходимости усилить природоохранные меры. В некоторых, напротив, позволяла внедрять передовые хозяйственные решения, снижая ущерб окружающей среде от деятельности человека.

Со времен первых русских князей и до периода правления Петра I природоохранная деятельность в России была связана с действовавшими тогда правами собственности на природные ресурсы (государственная, царская, монастырская, частновладельческая, общинная), а также с характером экономической деятельности (охота, рыбная ловля, бортничество, подсечное земледелие, использование древесины и др.).

[Научное издание «История развития природоохранных органов Российской Федерации», А.А. Соловьянов, 2017, ФГБУ «ВНИИ Экология»].

Природоохранные акты закрепляли права на «владение землей и ее природными богатствами, охране их от посягательства других лиц», закрепляли царскую (княжескую, боярскую, церковную) монополию на использование многих природных богатств. Первые письменные законодательные акты по охране природы в России появились в XI–XII вв. Например, в «Русской правде» можно найти примеры регулирования охоты.

«Если кто подрежет веревку в сети для ловли птиц – 3 гривны штрафа князю, а владельцу гривна кун» (статья 80). «Кража ястреба, сокола, голубя, утки, гуся, лебедя, журавля – штраф в зависимости от вида птицы» (статья 81).

Позднее в различных княжествах или административных единицах (например, в Новгородской республике) появлялись документы, в которых содержались статьи об ответственности за недозволенные действия по отношению к землям, лесам, диким животным. При этом на протяжении XVII – первой четверти XVIII веков в России формируются основные институты абсолютизма. Помимо сосредоточения законодательной, исполнительной и судебной власти в руках монарха, наращивания разветвленного бюрократического аппарата, для российского абсолютизма было присуща регламентация состояния сословий. Процесс активного нормотворчества сохранялся в Российской империи вплоть до 1917 года (и был продолжен уже в новом государстве). В итоге, регулирование различных сфер жизни российских сословий стало фактором влияния на природоохранную деятельность в России.

С XVI века территория российского государства начала стремительно расширяться. В это время громко заявило о себе казачество – сообщество вольных людей, живущее на подвижных рубежах страны. Казаки были важнейшей движущей силой процесса расширения границ.

Как писал первый историк казачества Александр Иванович Ригельман в 1778 году, «начало заведения

народа их будто бы пошло от одного человека, имевшего охоту бить зверей и с тем промыслом, переходя с одного на другое место, пробрался он на реку Дон, и оным, по хорошей удаче в ловлении зверя, дотянулся почти до устьев оной, где избрал себе для житья удобное место и там получал добычу изобильную».

Ригельман, Александр Иванович. История или повествование о Донских казаках. М., 1846

Таким образом, можно отметить, что одним из главных занятий казаков была охота. Конечно, важнейшей частью жизни донского казачества была и рыбная ловля.

Земледелами казаки в ранней своей истории не занимались – хлеб, другой провиант, как и боеприпасы и все прочие необходимые материалы, получали в награду за службу от царя. Что касается землепользования, то изначально казаки селились на берегах Дона и его притоков по своему усмотрению, но по мере увеличения числа желающих поселиться на Дону, между казачьими городками началось разделение поземельных дольностей и ограничение права самовольного захвата земли.

Разводные грамоты, в которых определялись границы городков, определяли только самые важные места – леса, луга, озера, берега рек. Отдаленные же земли находились в общем довольствии. Что довольно ясно подтверждает полулегендарный ответ казаков царю на царское предложение прекратить воевать с турками и начать пахать землю: «Потный труд нам не в обычай!». Уже к XVIII веку ситуация немного меняется, границам начинают уделять большее внимание, идет разграничение и дальних земель.

Таким образом, природоохрана, охота, рыбная ловля, вопросы землепользования в большинстве случаев решались на месте, самим Войском донским, которое пользовалось самоуправлением. Казалось бы, относительная малочисленность населения в сочетании с обширным земельным и водным фондом, должна была способствовать сохранению природных ресурсов.

Но «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1832 годах» дает нам другую картину. В прежние времена весьма много зверей обитало на землях донских: медведи, бобры, вепри, олени, большие стада диких коз и тарпанов (диких лошадей) водились в здешних лесах и пустых степях, куда казаки выезжали на долгое время для охоты, находя в ловле зверей забаву и промысел. Ныне медведи, вепри, олени удалились вовсе; число других зверей весьма уменьшилось».

Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1833 годах

<http://www.cossackdom.com/book/stdon/g%2005.htm>

Что касается птиц, то сборник отмечает, что «некоторые жители получают нарочитую прибыль от ловли и стреляния птиц. Весьма достойно примечания, что год от года заметно умалывается их количество, вероятно, от умножающегося населения». Более того, казаки собирали весной тысячи яиц и успешно ими торговали, но к моменту создания сборника этот хищнический промысел был запрещен.

Следует обратить внимание и на регулирование рыбного промысла. «Изобилием рыбы Дон славился истари, ибо в старину было в оном такое множество рыбы, что ныне едва кажется сие вероятным. Обыкновенную белую рыбу продавали тогда не весом и не счетом, а целыми кучами или возами».

Там же

Весенний лов и ловом то называть было нельзя – рыбу просто доставали из реки черпаками.

«Теперь количество ее (рыбы) в Донском краю уменьшилось более чем во сто крат», отмечается в сборнике. В нём же названа и главная причина такого явления – «злоупотребительный лов в устье Дона».

«Преимущественно эта причина отняла у казаков рыбу. Ибо те, кто ловят в устье, могут рыболовными снастями перетянуть всю ширину реки», хотя подобный лов и был запрещен постановлениями верховной власти.

Там же

Из всего вышесказанного следует единственно возможный вывод: не следует откладывать введение природоохранных мер и вводить их нужно централизованно. Казаки, пользуясь правами самоуправления и географической удаленностью от центральной власти, хотя и были относительно малочисленны и пользовались примитивными орудиями охоты и лова, нанесли заметный ущерб природным ресурсам. Кажущиеся неисчерпаемыми запасы зверя и рыбы могут очень быстро уменьшиться, а то и вовсе исчезнуть.

При этом, надо сказать, что центральная власть не пускала на самотек ситуацию с рыбной ловлей на Дону и в Азовском море и издавала законы, которые должны были упорядочить ситуацию и не допустить бесконтрольного вылова.

Например, было выпущено положение князя Потемкина о воспрещении жителям Азовской крепости ставить вентери, препятствующие проходу рыбы из моря и производить лов рыбы в водах, принадлежащих Войску Донскому от 1775 года. В 1801 году был издан «Указ о подтверждении привилегии войска Донского на вывоз за его пределы соленой рыбы, соленой маньчжурской солью».

В документе отмечалось: «Сим правом Войско издревле беспрепятственно пользуется», тем более «многие из станиц, особливо не имеющие хлебопашества, единственно от сего промысла как довольствуются их семействами, так и справляются на службу». Здесь, помимо торговли рыбой, поднят вопрос о соляной монополии государства. Согласно указу, в натуральном виде вывозить соль и торговать ею запрещено, а солить рыбу (солью, добытой из вод лимана Маньчжурского, на территории Войска Донского) и торговать ею – неотъемлемая привилегия казачества.

В 1819 году вышел «Указ Правительствующего Сената по вопросу о привилегиях и правах Войска Донского на рыбные ловли в донских гирлах и близких к Азовскому морю местах». В документе перечислен ряд ограничений:

- Запретить лов крючковыми снастями, а сами снасти уничтожить. «Кто отважится употреблять оные снасти и будет изобличен, таковой неминуемо подвергнет себя всей строгости законов».
- Морские гирлы не запирают, ловлю неводами, бродками, распорными всякого рода и сетями рыбу ловить запретить. Использовать такие орудия лова допускалось только в море. Жителям крепостей, то есть не казакам, дозволялся лов только для собственного довольствия.

ПРИМЕЧАНИЕ: гирла – сеть многочисленных протоков, разветвлений в устье Дона.

Но «до царя далеко», да и традиции донской вольницы были все еще сильны, поэтому вышеперечисленные указы если и исполнялись, то не в полной мере. Знаменитая максима Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина: «Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» относилась к той эпохе и не только.

Помимо упорядочивания рыболовства, центральная власть пыталась навести порядок в управлении лесны-

ми ресурсами. Этому призваны были служить «Правила о лесах Войска Донского». Они были разработаны в рамках Лесного Устава 1857 года. «Все леса, отделяемые в собственность Войска [...] составляют неприкосновенное войсковое имущество [...] Никакая часть войсковых лесов не может быть отводима в частное владение». Незаконная порубка каралась по закону, войсковой лес должен был использоваться для постройки войсковых зданий, ремонта мостов и перевозов, для снабжения присутственных мест дровами и для надобностей конно – артиллерийских батарей. Станицам войсковой лес предоставлялся для постройки храмов, общественных строений и хлебных магазинов, также для отстройки после пожара.

Во всех остальных случаях лес следовало закупать, причем он должен был быть «из посторонних лесов», доставляемый в пределы Войска из губерний. Для недопущения незаконной вырубki вводилась должность кордонного смотрителя. Как видим, ситуация с лесом на территории Войска Донского, располагавшегося преимущественно в степной зоне, была сложной и государство старалось ее отрегулировать.

Все вышесказанное говорит о том, что предоставленное самому себе казачество на первых порах эксплуатировало природные ресурсы, не заботясь о последствиях, что привело к неутешительным результатам. Но, начиная с XIX века, ситуация постепенно меняется, на войсковых землях все прочнее утверждается центральная власть, принимается ряд природоохранных законов, призванных исправить ситуацию.

К концу XIX-го, началу XX века природоохранные вопросы уже широко освещались и обсуждались в местных газетах: «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы», «Приазовский край». Одна из статистических брошюр – приложений к «Ведомостям» была посвящена состоянию сточных вод Ростова-на-Дону. Появление таких материалов отражало настроение общества, которое начало уделять внимание охране природы.

При этом, если говорить об особенностях регулирования хозяйственной деятельности и природопользования отдельных российских сословий, следует отметить и такую особую административно-правовую единицу, как церковные земли.

Право владеть земельным имуществом было предоставлено Митрополиту Всея Руси первыми русскими христианскими князьями Владимиром и Ярославом. Их примеру следовали великие и удельные князья, причем одаривали церковь не только селами и слободами, но и городами. Сами митрополиты также стремились расширить свои владения – новые земли выкупались, обменивались, и приобретались путем заселения.

Митрополит посылал на незанятые земли церковных людей для поселения. Отправленный митрополитом посланник занимал необрабатываемую землю, начинал ее обработку, к нему тянулись новые поселенцы и земля автоматически считалась принадлежащей митрополиту, зачастую на этой территории основывались монастыри.

На деле удельный князь не мог отказать митрополиту в официальном признании указанной земли за ним и выдавал на нее жалованную грамоту. Расширение шло за счет самых разных земель: пашни, пустоши, сады, деревни, реки и озера, приобреталось все и приобретения не ограничивались московским княжеством. Церковь приобретала земли и в удельных княжествах, вне Москвы. Действия церкви одобрялись московскими князьями, потому что все владения митрополита управлялись из Москвы, что дополнительно скрепляло страну.

Однако к концу XVI века, когда при Иване IV Грозном большая часть русских земель была собрана и под-

чинена центру, царская власть начала принимать меры к ограничению церковного землевладения. С этого момента монастыри могли приобретать землю только после доклада царю, крупные монастыри более не могли принимать землю в качестве пожертвования. К концу XVI века объем церковных владений был четко определен и расширяться уже не мог. Однако общий объем владений церкви к тому времени оценивался в «треть части всего царства».

Петр I начинает наступление на права церкви. Его дело продолжила Екатерина II. 26 февраля (8 марта) 1764 года по её указу церковные земли и крестьяне передаются в ведение Экономической коллегии. От доли владения до 1764 года в 12% от всех земель у церкви остается только 2%.

Два века: журнал российской истории XVIII–XIX столетий; номер 9; Земельные владения монастырей в Российской империи. Государственный контроль и секуляризация

<https://www.dvaveka.pp.ru/Nomer9/jashina.htm>

Монастыри лишались пахотных земель, оставались лишь выгоны для скота, озера и пруды, для поддержания церкви государством выделяется денежное довольствие. Все это привело к упадку монастырского хозяйства и при Николае I церковь снова наделяется новыми дворами и угодьями, так как государство оказалось не в состоянии содержать бывшее церковное хозяйство на должном уровне, да и выделяемых правительством средств не хватало для нормальной жизни и функционирования церковного хозяйства.

Важно понимать, что монашеский труд являлся не только средством добычи насущного хлеба, но и формой богослужения. В православной традиции труд – не наказание за грехи, но способ преодоления праздности, возможность воспитать гармонично развитую личность.

Благодаря труду, многие монастыри становятся крупнейшими центрами хозяйственной жизни. На монастырских землях выращивается хлеб, разводят скот, занимаются огородничеством, бортничеством, выращивают птицу и рыбу, занимаются торговлей. Примерами таких монастырей могут служить Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский и другие. Во многих областях землепользования монастыри были новаторами.

Монастырские сады дали толчок возникновению царских и боярских садов, а также развитию плодоводства и огородничества в крестьянских усадьбах и наделах.

Т.П. Смирнова, Возникновение и развитие монастырских садов

<https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-razvitie-monastyrskih-sadov/viewer>

Помимо практического значения – в садах росли плодовые деревья и кустарники – сады имели и декоративное значение.

Что касается сбережения природы, то об этом мы можем прочитать в Лесном Уставе 1857 года (книга 4, раздел первый, глава первая).

В документе указано, что «леса принадлежащие Архиерейским домам, монастырям и церквам», состоят в их полном распоряжении. «Сверх лесов (упомянутых выше) для подкрепления православных монастырей в способах их существования и в чаянии, что собственная польза побудит их к сбережению лесов, отделяются им там, где возможность позволит [...] с тем, чтобы они, охраняя сей лес от истребления, пользовались на первый раз из оного валежником, а в последствии. Когда деревья придут в надлежащий подрост, могли оныя употреблять на собственное продовольствие».

Там же

Из приведенного отрывка мы видим, что нередко церковь относилась к природе более бережно, нежели светские люди. Еще одним подтверждением данного тезиса может служить «Анкета русских мужских монастырей по вопросу защиты и охраны птиц» из журнала «Птицеведение и птицеводство» (второй выпуск 1914 года).

В 1913 году Русский орнитологический комитет разослал анкеты в 45 монастырей с вопросом о наличии при монастырях земель, на которых запрещена охота и ловля птиц. Ответы были получены из 20 монастырей.

«От некоторых монастырей получились интересные ответы, удостоверяющие существование заповедников, хотя [...] не в смысле полной неприкосновенности, а лишь в смысле запрещения стрельбы и ловли зверей и птиц. Факты эти глубоко отрадны и невольно заставляют нас думать о том, что к благому делу охраны природы могут быть в самой широкой мере привлечены монастыри», говорится в комментарии к опросу.

Ссылка <https://zoomet.ru/zhurnal/Pticevedenie-i-Pticevodstvo-1914-2.pdf>

«Расположенные весьма часто в местах глухих и всегда имеющие земельные, в том числе обычно лесные участки, монастыри поставлены в самые благоприятные условия для устройства заповедников».

Там же

Автор статьи отмечает, что устройство заповедника согласуется с самой идеей монастыря. «Полагаю, что среди иноков могут найтись такие, которые начнут присматриваться к жизни природы и делать над нею некоторые наблюдения».

Как указано в материале, специально для устройства заповедников монастыри вполне удобны потому что «являются учреждениями плотно поставленными, обычно солидно обеспеченными и имеющими полные шансы на неопределенно долгое благополучное существование».

Таким образом, при разных подходах к хозяйственной деятельности на казацких и церковных землях, можно отметить, что регулирование различных сфер хозяйственной деятельности российских сословий стало фактором формирования природоохранной деятельности в России.

Со времен первых русских князей и до периода правления Петра I и других российских монархов природоохранная деятельность в России была связана с действовавшими правами собственности на природные ресурсы и с характером экономической деятельности. В отдельных случаях особое положение, автономность в управлении, сословных земель могло приводить к плачевным последствиям для природы и необходимости усилить природоохранные меры. В некоторых, напротив, позволяла внедрять передовые хозяйственные решения, снижая ущерб окружающей среде от деятельности человека.

Литература

1. [Научное издание «История развития природоохранных органов Российской Федерации», А.А. Соловьянов, 2017, ФГБУ «ВНИИ Экология»].
2. Ригельман, Александр Иванович. История или повествование о Донских казаках. М., 1846
3. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–1833 годах.
4. Русская правда пространной редакции
5. Два века: журнал российской истории XVIII–XIX столетий; номер 9; Земельные владения монастырей в Российской империи. Государственный контроль и секуляризация
6. Т.П. Смирнова, Возникновение и развитие монастырских садов
7. Лесной Устав 1857 года, книга 4
8. Журнал «Птицеведение и птицеводство» (второй выпуск 1914 года)

REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY ON THE LANDS OF RUSSIAN ESTATES AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL PROTECTION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN STATE (ON THE EXAMPLE OF THE COSSACKS AND THE CLERGY)

Voronov V.P.

Lomonosov Moscow State University

The history of environmental protection activities in Russia is closely connected with the property rights to natural resources and the specifics of economic activity of various estates. The Cossacks, having self-government, often used natural resources in a predatory manner. At the same time, monasteries, which owned significant lands, demonstrated a careful attitude towards nature: they created prototypes of reserves and introduced advanced economic practices. Past experience shows that lack of control leads to environmental damage, while rational management of class resources has become a factor in the formation of environmental protection activities in the Russian state and has contributed to the sustainable development of the economy.

Keywords: environmental protection, estates, Cossacks, clergy.

References

1. [Scientific publication "History of the Development of Nature Protection Authorities of the Russian Federation", A.A. Solovyov, 2017, FGBU "VNIIE Ecology"].
2. Rigelman, Alexander Ivanovich. History or Narrative of the Don Cossacks. Moscow, 1846
3. Statistical Description of the Land of the Don Cossacks, Compiled in 1822–1833.
4. Russkaya Pravda, Extended Edition
5. Two Centuries: Journal of Russian History of the 18th-19th Centuries; Issue 9; Land Holdings of Monasteries in the Russian Empire. State Control and Secularization
6. T.P. Smirnova, The Origin and Development of Monastery Gardens
7. Forest Charter of 1857, Book 4
8. Journal "Poultry Science and Poultry Farming" (second issue of 1914)

Эволюция традиций российского села: аспекты реализации потенциала в системе «город-деревня»

Сюй Цзинбо,

профессор, Северо-восточный сельскохозяйственный университет
E-mail: Jingbo@mail.ru

Гу Эркин,

старший преподаватель, Северо-восточный сельскохозяйственный университет
E-mail: Gurk1977@mail.ru

Статья посвящена исследованию формирования, эволюции и современной ценности традиций и нравов российского села. Введение обосновывает актуальность темы, подчеркивая многовековой процесс становления уникального уклада сельской жизни, глубоко укорененного в связи с землей, природными циклами и коллективным трудом. Рассматривается влияние географических и климатических условий России на формирование разнообразных региональных особенностей сельской культуры, а также роль семейно-родственных отношений и общинных принципов взаимопомощи как фундаментальных основ нравственности. Материалы и методы исследования фокусируются на анализе этических и моральных устоев крестьянского мира, культе труда как священной обязанности и средства преемственности поколений. Исследуется система нравственных норм, регулировавших поведение и основанных на гармонии, порядке, семейной чести и общественном осуждении нарушителей традиций. Основное внимание уделяется коллективному характеру труда и его духовному смыслу в поддержании социально-природного равновесия. Результаты и обсуждение раскрывают комплекс ключевых элементов сельских традиций: глубокое влияние православия, переплетенного с дохристианскими верованиями; культуру гостеприимства и открытости; значимость обрядовой культуры (свадьбы, праздники урожая, поминальные дни) и традиционных ремесел. Анализируется трансформация нравов под воздействием исторических катаклизмов (революция, коллективизация, урбанизация), приводящая к депопуляции и угрозе утраты наследия, но также выявляется их удивительная живучесть и способность к адаптации. Подчеркивается возрождение интереса к традициям в современных условиях (агротуризм, фольклорные фестивали, ремесленные мастерские) как источнику национальной идентичности, духовных ориентиров (взаимопомощь, уважение к старшим, почитание земли, семьи) и экологического сознания.

Ключевые слова: российское село, традиции, нравственные ценности, коллективизм, культурное наследие.

Введение

Многообразие традиций и нравов российского села складывалось на протяжении веков, отражая многослойный опыт народа и его уникальную связь с природой и земледельческим трудом [7]. Основы этих традиций уходят корнями в дохристианские времена, когда на территории Древней Руси формировалось самобытное сельское общество, стоящее у истоков народной культуры. Обряды, связанные с почитанием сил природного цикла, переходом от одного времени года к другому, закладывали в сознание крестьян представления о гармонии с окружающим миром. Также именно в сельской среде ключевым фактором становились семейно-родственные отношения, представлявшие собой тот фундамент, на котором держалось всё сообщество. С течением времени эти нормы и обычаи обогащались влиянием христианства, а в более поздние периоды – социально-экономическими переменами отечественной истории. Но в основе своего характера крестьянские традиции продолжали сохранять неразрывную связь с землёй, круговым ритмом жизни и эмоциональной близостью внутри небольшой сельской общины.

Уникальность российского села также определялась его географией и климатическими условиями [13]. Пространственные масштабы России и разнообразие её ландшафтов обусловили широкий спектр вариантов ведения хозяйства. На севере люди были вынуждены выжимать максимум из скудной почвы и короткого лета, а на юге располагались благоприятные земли для земледелия, дававшие больше возможностей для устойчивого развития крестьянских поселений. Отсюда рождались различные способы организации труда, принципы ведения общих полевых работ и традиции взаимопомощи. Вплетённые в народное сознание привычки и обычаи широко опирались на взаимовыручку, что, в частности, отражается в старинных формах артели или толоки. Чувство коллективизма значительно усиливалось в периоды сбора урожая, когда каждый член общины вносил свою лепту в общее дело. Завершая сезон, земля вознаграждала крестьян, и празднование нового урожая сопровождалось множеством обрядов, песни и хороводы становились символами благодарности и радости. Не случайно установка на сотрудничество, пусть и преломлённая через новую историческую и политическую реальность, до сих пор живёт в сельской среде.

Материалы и методы исследования

В крестьянской культуре этика и нравственность формировались, исходя из представлений о гармонии и порядке. Существовало чёткое осознание принадлежности к одной общности, которая держалась не только на кровных связях, но и на общности идеалов [9]. Ценность семьи и приверженность семейной чести составляли моральный фундамент крестьянской жизни, а само определение «честь» имело широкий смысл: держать своё слово, не предать, соблюдать правила гостеприимства, поддерживать слабых. Такая система моральных норм не только регулировала поведение отдельной личности, но и позво-

Научно-исследовательский проект в рамках Программы развития философии и общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР) «Исследование преобразования движущей силы преемственности земледельческой цивилизации для построения сильной аграрной державы» (№ 23KSA123)

ляла ограждать сообщество от разрозненности и внутренних конфликтов. Наказание за нарушение традиций было скорее общественным осуждением, но оно очень тяжело отражалось на участии нарушителя. Общественное мнение в деревне не было «абстрактным» – представители одной деревни или села все друг друга хорошо знали, и дурная слава быстро портит отношения, делая жизнь несносной. Страх оказаться исключённым из общины создавал особое уважение к негласным правилам, соблюдение которых рассматривалось как естественная часть повседневности и отражало глубокую связь каждого человека с сельским сообществом.

Для российского крестьянского мира был характерен особый культ труда. Крестьянский труд воспринимался не просто как средство к существованию, но как почётная обязанность и даже священная миссия [5]. Работа на земле сочеталась с духовным смыслом, подтверждая природно-социальное равновесие и обеспечивая единство малая – большая Родина. Неотделимыми от этики труда становились забота о скоте, поддержание порядка в усадьбе, соблюдение обрядов, связанных с посевом, сбором урожая или приготовлением традиционных блюд. Труд прежде всего был коллективным делом: помогали родственники, соседи, привлекались подростки, дети, потому что совместность труда укрепляла общественные связи. Кроме того, именно труд являлся своеобразным «мостом» между поколениями: опыт родителей передавался детям в процессе работы, с пояснениями и напутствиями. Это обеспечивало преемственность традиций, позволяла хранить и умножать накопленные знания.

Результаты и обсуждение

Кроме любви и почтения к труду, для села была и остаётся важной религиозная составляющая. Православие стало мощным фактором преобразования старых языческих верований и внедрения в массовое сознание новой этической системы [10]. Церковные праздники в деревнях играли роль центральных социально-культурных событий, объединяя все слои деревенского социума в общих радостях и печалях. Богослужения, крестные ходы, храмовые торжества сплачивали общину, а нравственная доминанта, несомая церковью, в идеале должна была заложить веру, сострадание, добродетель как непреходящую часть жизни. Фольклорные мотивы и религиозные образы иногда тесно переплетались, создавая своеобразный народный обрядовый комплекс: колядки, щедровки, вечерки, связаны одновременно с церковным календарём и пережитками древних ритуалов. На этом пересечении язычества и христианства возникала живая, яркая культура, впитавшая широкую гамму символов и ритуалов. Она помогала формировать устойчивые нравственные принципы, которые по сей день воспринимаются как фундаментальные в российском сельском мире, хотя в наше время они заметно трансформируются.

Традиции гостеприимства, сформировавшиеся в российском селе, заслуживают особого упоминания, поскольку в значительной степени отражают народное отношение к ближнему. Считалось, что путник не должен остаться без ночлега, а голодный – без куска хлеба, и это правило распространялось даже на незнакомцев [3]. Была распространена идея, что каждого гостя посылает Бог, и проявить к нему уважение – значит исполнить свой нравственный долг. За праздничным столом, будь то свадьба или поминки, каждый проживал коллективную радость или скорбь, находя подтверждение общественного единения. Подобная отзывчивость объединяла и многие деревенские семьи, проявлявшие

готовность делиться не только материальными благами, но и временем. Одним из важнейших элементов деревенского быта становились посиделки: женщины собирались вместе, чтобы заняться рукоделием и поговорить о жизни. Мужчины также проводили совместные встречи, где могли утрясти конфликты, определить планы на предстоящие сельскохозяйственные работы или обсудить важные бытовые вопросы. Гостеприимство и открытость обеспечивали существование доверительной атмосферы в селе, когда каждое событие, радостное или печальное, оказывалось общим делом.

Переживая усиление городской культуры, развитие инфраструктуры, массовую миграцию молодёжи и множество других факторов, в XVIII–XIX веках крестьянство претерпевало сложные преобразования. Если раньше сельский быт более-менее укладывался в устойчивую традиционную колею, то с расширением экономических возможностей и ростом промышленного производства стало меняться сознание даже самых консервативных крестьян [12]. Однако именно этот период в исторической перспективе стал временем усиления крестьянской самобытности, ведь в условиях перемен люди пытались тщательнее держаться своих корней, обычаев, языка. На рубеже XIX–XX веков вопросы сохранения народного наследия поднимались учёными, писателями, этнографами, желавшими зафиксировать и осмыслить богатейшую культуру русского села. Многие исследователи отправлялись в этнографические экспедиции, записывая крестьянский фольклор, изучая старинную одежду, собранные веками ремесленные традиции. Уделялось особое внимание обрядам и ритуалам как своеобразным носителям народного миропонимания, ведь в них заключалась квинтэссенция векового пути крестьянской цивилизации.

После революции 1917 года начинается период принципиальных перемен в социальной структуре деревни. Коллективизация, раскулачивание, а затем индустриализация повлияли на естественный уклад сельской жизни [1]. Взять хотя бы практику создания колхозов: коллективные хозяйства призваны были модернизировать сельское производство, однако часто это ломало традиционные формы, обесценивало роль семьи как хозяйственной единицы и меняло всю структуру народного быта. Общинную мораль периодически пытались подменить политическими лозунгами, и нередко церковь вытеснялась на периферию общественной жизни. Тем не менее в советские десятилетия сохранилось множество архаичных элементов: даже коллективизация не могла уничтожить тягу крестьян к взаимопомощи и семейным ценностям. Многие из наследия продолжало существовать на уровне полулегальной традиции, что позволяло деревенским людям не терять глубину своего культурного кода. Пусть снижалось количество церковных таинств, но внутри семейных циклов – рождение, свадьба, похороны – по-прежнему оставались символические ритуалы, передававшиеся поколениями. Вечерки, совместные чаепития, праздники урожая тоже находили себе место, хотя и в изменённой форме, потому что большую часть торжеств стали заменять советские государственные праздники.

Во второй половине XX века стремительный процесс урбанизации привёл к оттоку большого числа сельских жителей в города, где они искали более высокие заработки и возможности для карьерного роста. Для деревни это стало непростым вызовом – традиции и устои, формировавшиеся веками, постепенно теряли опору на молодые поколения. Однако, несмотря на сложные социально-экономические обстоятельства, традиционно-коллективная культура села не исчезала

[14]. Бывшие сельские жители не полностью отрывались от своих корней, сохраняя в новом окружении какие-то элементы прежнего быта, будь то обряды, кулинарные предпочтения или специфические языковые обороты. Иногда создалось впечатление, что уже к концу советского периода ситуация в деревне близка к кризису, но в конце XX – начале XXI века произошёл процесс переосмысления ценности национального наследия. Это не означало мгновенного возрождения деревенского уклада, но всё чаще в обществе заговорили о важности сохранения истории, традиций и культуры русского села для формирования национального самосознания.

Сегодня, в эпоху глобализации и цифровых технологий, национальные культуры не могут оставаться неподвижными. С одной стороны, комфортабельные условия жизни, электронные коммуникации и массовая культура влияют на молодёжь, порождая стандартизацию взглядов и поведенческих моделей [8]. С другой стороны, именно появление сети Интернет, доступ к информации и возросшая мобильность дают шанс на творческое переосмысление традиций. В российских деревнях, пусть и не повсеместно, возникают инициативы по реконструкции старых праздников, возрождению ремёсел и привлечению людей к уникальному фольклору. Иногда это становится частью так называемого агротуризма, когда жители городов, уставшие от суеты, хотят отдохнуть на сельском подворье, познакомиться с традиционной кухней, поучаствовать в народных гуляньях. Таким образом, традиции и нравы русского села, приспособившись к современным реалиям, сохраняют свою историческую сущность, способны быть источником национальной самоидентификации и духовного роста.

Одним из наиболее характерных проявлений живучести сельских нравов остаётся обрядовая культура. На свадьбах всё ещё можно услышать фольклорные песни или увидеть традиционные костюмы, хотя они порой сильно видоизменились [6]. В ритуале венчания крестьяне серебрили зерном молодожёнов, желая обильного плодородия и благословения на счастливое будущее. Теперь же в некоторых деревнях вместо зерна могут бросать искусственные лепестки, но символический смысл единения двух родов, двух людей, сохранён. Подобные образы и знаки являются духовной нитью, соединяющей эпохи. Иногда это явление встречается в современной культуре через свадебные обычаи, оправдано местной традицией и всегда акцентирует ценность семьи, а это качество очень важно в обществе, где институт брака переживает непростые времена. Поэтому мы видим, что возвращение интереса к сельскому фольклору распространяется не в среде этнографов, но и в массах, которым хочется чего-то «настоящего», исконного.

В то же время важной культурной составляющей русского села остаются традиционные ремёсла: резьба по дереву, плетение из лозы, гончарное искусство [15]. Эти навыки исторически базировались на умении использовать местные природные ресурсы, сочетать эстетическую выразительность с функциональной пользой. В современное время такие ремёсла становятся частью туристической индустрии, а в некоторых регионах их поддерживают специализированные учебные центры. Мастера часто передают свой опыт молодежи, но возникает проблема: передача знаний требует времени, упорства, а современный ритм жизни порой препятствует глубине погружения в ремесленные традиции. Однако с сохранением таких умений в России и за рубежом часто связывают идею «мягкой силы» культуры, которая поддерживает творческую самобытность народа. Ведь каждая резная ложка, расписная шкатулка, кувшин или

украшение ручной работы несут в себе отпечаток традиционного художественного мировидения.

Немало современных исследователей обращаются к теме нравов русского села, подчеркивая, что они несправедливо были отодвинуты на периферию общественного интереса во второй половине XX века [2]. Сейчас, когда общество ищет духовные ориентиры, традиционные крестьянские ценности – уважение к старшим, почитание земли, взаимопомощь и скромность – могут послужить точкой опоры для новых поколений. Психологическая устойчивость, выработанная веками, обусловлена единением с природой, проживанием всех жизненных циклов вместе со своими близкими и соседями. В частности, современные психологи отмечают, что сельские люди, умеющие жить в гармонии с природным окружением, обладают меньшей склонностью к депрессивным состояниям, к сильным стрессам, поскольку часто сохраняют жизненный ритм, соотносящийся с естественным ходом времени. В то же время они подвержены и напряжениям, связанным с экономическими сложностями, оторванностью от крупных промышленных центров, поэтому вопрос адаптации традиционной культуры к современности становится более чем актуален.

Однако нельзя сказать, что традиции русского села сохраняются автоматически. Бурный выход в медийное пространство, распространение социальных сетей формируют новые горизонты коммуникации [4]. Молодые жители деревень слушают ту же музыку, что и городские, смотрят одни и те же фильмы, активно пользуются глобальными сервисами. Происходит укоренение повсеместной эстетики массового потребления – сетевые магазины, реклама, унификация одежды. В некоторых регионах молодёжь уезжает ради более перспективной жизни, оставляя села на попечение пенсионеров. Исходя из этого, задача сохранения сельского наследия требует комплексной поддержки: от образовательных программ и культурных проектов до стимулирования хозяйственного подъёма. Государственные гранты и инициативы общественных организаций стараются придать сельским культурам новое звучание: создаются этнодеревни, проводятся фольклорные фестивали, выпускаются пособия по традиционному пению, ремёслам, кулинарному искусству. Для того чтобы современные люди увидели всю глубину крестьянской культуры, нужно не только демонстрировать некий «музей живых традиций», но и вовлекать местное население в процесс сохранения и обновления культурных практик.

Особую роль в передаче ценностей играют старшие поколения. Дедушки и бабушки, которые в своём детстве общались с теми, кто родился ещё до войны, несут богатейший запас знаний о том, как строилась жизнь в деревне раньше [11]. Истории о старых домашних праздниках, обычаях, сезонных обрядах упоминаются в их воспоминаниях. Когда человек живёт этими историями, он не только знает текст обрядовой песни, но и чувствует её смысл, способен объяснить, почему какой-то символ важен. В этом кроется огромный воспитательный потенциал, ведь общность традиций позволяет детям и внукам увидеть себя в семье поколений, а не изолированными островками времени. В то же время пожилые люди нуждаются в уважении и внимании, чтобы их мудрость не растворялась в пустоте. Наличествует и обратный эффект: если старшие не чувствуют потребности, то теряется стимул делиться большими объёмами знаний. Таким образом, поддержка преемственности между поколениями – важнейшее условие для возрождения нравов села в современных условиях.

Рассуждая о ценности традиций и нравов русского села в нынешнюю эпоху, нельзя обойти вопрос эко-

логического самосознания. Сельское сообщество, научившееся веками сосуществовать с природной средой, непременно накопило знания о бережном обращении с землёй, водой, лесом [2]. Крестьянские хозяйства работали на относительно замкнутом круге ресурсов, и нерациональное расходование энергии могло грозить гибелью урожая и голодной зимой. Отсюда берёт начало уважение к земле как к кормилице и понимание сезонных циклов, на которые полагается местная экономика. В XXI веке, когда экологические проблемы приобретают глобальный масштаб, такой опыт выглядит особенно актуальным. Конечно, невозможно слепо перенести архаичные методы сельского хозяйства на современную индустрию, но воспитать бережный подход к природе, видение земли как ценности, а не как бесконечного ресурса, — это миссия, которую выполняет сельская культура и которая крайне важна для всей планеты. Многие современные фермеры, переходящие на органические методы, фактически возвращаются к крестьянским принципам, адаптируя их к новым технологиям, чтобы свести к минимуму вред окружающей среде.

Вековые нравственные принципы села, такие как сплочённость и уважительное отношение к личной ответственности, находят отражение в современных формах кооперации [1]. Крупные холдинги и индивидуальные предприниматели, ориентируясь на рыночные отношения, не всегда способны обеспечить благополучие всего местного населения. Но если задействовать традиционные идеи народной взаимопомощи, то возникает иной путь развития, при котором малые производители объединяются для совместного сбыта, взаимовыгодного обмена опытом. Такие кооперативы, опираясь на традиционный фундамент, могли бы устойчиво выдерживать конкуренцию и способствовать социальному и экономическому росту сёл. На примере некоторых регионов видно, что именно возрождение коопераций, а также мелкого и среднего сельского предпринимательства открывает новые возможности трудоустройства, даёт людям стимул оставаться на родной земле и сохранять местный колорит. В конечном счёте нравы села, этаж за этажом выстроенные поколениями крестьян, могут послужить ориентиром для современных форм хозяйствования и социального уклада.

Ещё одним важным слоем в структуре деревенских традиций является культура коллективной памяти, которая поддерживается обрядами, посвящёнными прошлому. Поминальные дни, посвящения предкам, переходные обряды, связанные с местами захоронений, во многом способствуют укреплению связи между живыми и умершими [4]. Такое отношение к предкам выходит за рамки религиозных обрядов и касается самой сути миропонимания: предки выступают неотъемлемой частью семьи, хранителями знаний и опыта. Это формирует глубокую укоренённость в истории, осознание личной идентичности через принадлежность к роду. Конечно, в мегаполисах подобные взгляды на мир теряют былую значимость, а в сельской местности сохраняют силу, хотя и подвержены изменениям. Важно, что традиции поминовения предков не ограничиваются формальными ритуалами: люди действительно приезжают в родную деревню на родительские дни, ухаживают за могилами, встречаются со старыми соседями и родственниками. Тем самым происходит обновление связей, всё сообщество ощущает свою преемственность и единство, а деревня наполняется новыми звуками и жизнью.

В свете современных интересов к здоровому образу жизни многие замечают, что в деревне всегда внимательнее относились к питанию. Традиционные блюда, основанные на натуральных продуктах — овощах, зёрнах,

молочных продуктах и мясе от собственного скота — составляли рацион, который сегодня назвали бы «экологически чистым» [9]. Заготовки на зиму — соленья, варенья, сушёные грибы и травы — тоже являются частью бытовой культуры, десятилетиями поддерживающей продовольственную независимость семьи. Современные реалии вынуждают пересматривать подходы: качество питания в некоторых сёлах ухудшается, так как люди обращаются к массовым дешёвым продуктам. Но одновременно идёт возрождение интереса к «деревенской еде», когда городские жители ищут возможность достать натуральные продукты. Это можно рассматривать и как своеобразный мост между городом и селом: традиционная пищевая культура села помогает горожанам вернуться к более натуральным и здоровым стандартам потребления. В конечном итоге даже такие аспекты быта, как питание, могут укреплять позицию деревни в современном мире, если ей удаётся сохранить исконные рецепты и методы заготовки.

Важным элементом сельской традиции остаётся песенно-музыкальная культура [6]. Народные песни испокон веков сопровождали рабочие процессы, ритуалы, праздники и даже бытовые занятия. В песнях нашли отражение и надежды, и горести, и радость единения человека с природой, и семейные переживания. Эти мотивы не только передавались устно, но и видоизменялись в зависимости от региона, от истории жизни конкретных людей. Сегодня благодаря усилиям энтузиастов фольклорной музыки многие аутентичные песни сохраняются и даже получают новое звучание на фестивалях. Некоторые коллективы занимаются реконструкцией старинных напевов, возвращая их в современную музыкальную среду. Подобная деятельность показывает, что традиции не являются чем-то мёртвым и законсервированным: они могут жить, перерастать в новые формы, обогащать современную культуру. Фольклорные ансамбли, хоры, мероприятия по возрождению народных инструментов помогают сохранить необычный ментальный код, присутствующий в русском селу с его мягкой лирикой и трогательной интимностью.

На нравы села влияли и народные сказки, пословицы, поговорки, формировавшие моральные ориентиры с раннего возраста [10]. Они учат доброте, смекалке, уважению к старшим, побуждают к заступничеству за слабых. Сказка «Колобок», «Репка», многочисленные былины о богатырях — всё это не просто детские истории, а целостная система ценностей, где дружба, стойкость, забота о ближних являются нормой поведения. Пословицы и поговорки придавали лаконичность крестьянской мудрости, помогая людям в коротких фразах выразить ключевые, проверенные жизнью правила. В наше время, когда информационные потоки невероятно обширны, такие короткие формулы могут стать духовной опорой, позволяя людям находить короткие и точные выражения для сложных явлений жизни. Ведь правда в том, что глобальные перемены заставляют нас постоянно переоценивать ценности, а народная мудрость, умеющая рождать меткие изречения, помогает нам не потеряться в бурном море новостей. Именно поэтому и сегодня грамотно вставленная пословица или поговорка делает речь образной, а умение применять их указывает на связь человека с традицией.

Выводы

Сельская педагогика, учитывающая местные обычаи и специфику сообщества, способна создавать атмосферу, где дети видят примеры настоящего, живого опыта [2]. Школьные программы в ряде мест уже содержат элемен-

ты региональной культуры, обучение народным песням, участие в фольклорных коллективах. Это не формальность, если учитель действительно любит и уважает родные традиции. Привлечение к таким занятиям старших носителей культуры, организация школьных краеведческих музеев, занятий на природе – все эти методы возвращают детям осознание, что жизнь не исчерпывается смартфоном и социальными сетями. Да, современные технологии сильно влияют на детей, но при разумном подходе они могут работать и на пользу местной культуре: в интернете ученик создаст блог о родном селе, выложит видеоролики с деревенскими праздниками, записанные интервью с бабушками, и тем самым сохранит для истории огромную часть живой традиции. Можно сказать, что молодые люди могут стать новыми хранителями культуры, объединяя технологии с исконными ценностями.

Таким образом, процесс формирования традиций и нравов российского села – это многовековой путь, в котором отразились все коллизии российской истории: влияние внешних и внутренних факторов, религиозных преобразований, экономических потрясений [3]. Суть крестьянской традиции сохраняется в умении жить коллективно, в важности семьи и родственных уз, в уважении к земле как к «кормильце», в тяге к духовному поиску. Эти ценности могут переживать кризис и трансформации, но они не исчезают бесследно. В наши дни их значимость только возрастает, учитывая потребность в экологической гармонии, в духовных основах и социальной сплочённости. Российское село имеет потенциал стать площадкой для возрождения и демонстрации того, как можно сочетать модернизацию с сохранением культурного кода. Да, это потребует усилий, поддержки и осознанных шагов, но время показывает, что традиции и нравы не так легко уничтожить. Они живы, пока люди помнят о них, используют их в повседневной жизни и передают детям, чтобы те смогли почувствовать родовые корни, осознать своё место в череде поколений и сохранить живую связь с землёй.

Литература

1. Бояк Т.Н. Сохранение и развитие села в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 4. С. 49–56.
2. Шерайзина Р.М., Александрова М.В. Культурно-исторический анализ развития образования на селе // Педагогика сельской школы. 2020. № 1 (3). С. 5–14.
3. Афанасьев А.А. Историко-правовой аспект жизненного мира российского села // История государства и права. 2022. № 7. С. 13–19.
4. Козлов С.А., Марасанова В.М. Современная российская деревня: возрождение исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2022. № 1. С. 137–142.
5. Бондарь И.А., Малышкина Е.В., Колесников И.Н., Климова Н.Ю. Сельские традиции в крестьянских представлениях о жизни в коллективизированном селе // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 191–196.
6. Малахова О.Ю., Евstrupова В.В. Альянс традиций и новаций – историко-культурная основа современной российской цивилизации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2024. № 1 (101). С. 71–74.
7. Фидель Е.С., Петрова К.А., Мунаев А.А. Сравнение исторически культурных традиций русского и чечен-

ского народов, на примере свадебной церемонии // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3 (6). С. 223–229.

8. Шатковская Т.В. Нравственные начала традиционных правовых представлений великорусских крестьян // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2. С. 43–50.
9. Шалаева Н.В., Крайнов А.Л. Проблема крестьянской ментальности и модернизационные процессы России начала XX в.: теоретико-методологический аспект // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 86–91.
10. Леутина В.С. Традиции и новации в повседневной жизни крестьян пореформенного периода // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2023. № 1 (22). С. 50–54.
11. Belsky V.Yu., Borovinskaya D.N. Social changes and traditions in modern society // Social-Humanitarian Review. 2020. № 1. С. 9–10.
12. Бекирова Л.С. Традиции в контексте проблем современности // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История. 2024. № 1. С. 68–73.
13. Медко М.А., Ищенко О.И. «Сохраняя культуру, сохраняем народ». Всякий народ, заботящийся о будущем, бережет свои традиции // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2023. № 15. С. 431–432.
14. Замчалова И.Ю. Традиции в этнокультурных практиках Саратовского региона // Этническая культура. 2020. № 3 (4). С. 7–10.
15. Бояк Т.Н. О сохранении традиционной праздничной культуры в условиях современного села // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 60. С. 13–18.

EVOLUTION OF THE TRADITIONS OF THE RUSSIAN VILLAGE: ASPECTS OF THE REALIZATION OF POTENTIAL IN THE “CITY-VILLAGE” SYSTEM

Xu Jingbo, Gu Erkang
Northeast Agricultural University

This article is devoted to the study of the formation, evolution, and contemporary value of traditions and morals of the Russian village. The introduction substantiates the relevance of the topic, emphasizing the centuries-long process of shaping a unique rural way of life, deeply rooted in the connection with the land, natural cycles, and collective labor. The influence of Russia's geographical and climatic conditions on the formation of diverse regional features of rural culture is examined, as well as the role of family kinship ties and communal principles of mutual assistance as fundamental bases of morality. The research focuses on the analysis of ethical and moral foundations of the peasant world, the cult of labor as a sacred duty and a means of generational continuity. The system of moral norms that regulated behavior—based on harmony, order, family honor, and societal condemnation of tradition violators—is explored. Special attention is paid to the collective nature of labor and its spiritual meaning in maintaining socio-natural balance. The findings reveal a complex of key elements of rural traditions: the deep influence of Orthodoxy intertwined with pre-Christian beliefs; a culture of hospitality and openness; the significance of ritual culture (weddings, harvest festivals, memorial days); and traditional crafts. The transformation of morals under the impact of historical cataclysms (revolution, collectivization, urbanization), leading to depopulation and the threat of heritage loss, is analyzed, yet their remarkable resilience and capacity for adaptation are also highlighted. The revival of interest in traditions in modern conditions (agritourism, folklore festivals, craft workshops) is emphasized as a source of national identity, spiritual guidelines (mutual assistance, respect for elders, reverence for the land and family), and ecological consciousness.

Keywords: Russian countryside, traditions, moral values, collectivism, cultural heritage.

References

1. Boyak T.N. Preservation and development of the village in modern conditions // Herald of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2023. No. 4. P. 49–56.
2. Sherayzina R.M., Alexandrova M.V. Cultural-historical analysis of the development of education in rural areas // Pedagogy of rural schools. 2020. No. 1 (3). P. 5–14.
3. Afanasyev A.A. Historical and legal aspect of the life world of Russian villages // History of the state and law. 2022. No. 7. P. 13–19.
4. Kozlov S.A., Marasanova V.M. Modern Russian village: revival of historical memory // Bulletin of Saint Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Studies. Philological sciences. 2022. No. 1. P. 137–142.
5. Bondar I.A., Malishkina E.V., Kolesnikov I.N., Klimova N.Y. Rural traditions in peasant perceptions of life in collectivized villages // Questions of History. 2020. No. 8. P. 191–196.
6. Malakhova O.Yu., Evstrupova V.V. Alliance of traditions and innovations – the historical and cultural foundation of modern Russian civilization // Current problems of humanitarian and socio-economic sciences. 2024. No. 1 (101). P. 71–74.
7. Fidel E.S., Petrova K.A., Munaev A.A. Comparison of the historical and cultural traditions of Russian and Chechen peoples, using a wedding ceremony as an example // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (6). P. 223–229.
8. Shatkowska T.V. Moral principles of traditional legal perceptions of Great Russian peasants // Journal of legal anthropology and conflictology. 2023. No. 2. P. 43–50.
9. Shalaeva N.V., Kraynov A.L. The problem of peasant mentality and modernization processes in Russia in the early 20th century: a theoretical and methodological aspect // Society: philosophy, history, culture. 2023. No. 1 (105). P. 86–91.
10. Leutina V.S. Traditions and innovations in the everyday life of post-reform peasants // Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University. 2023. No. 1 (22). P. 50–54.
11. Belsky V.Yu., Borovinskaya D.N. Social changes and traditions in modern society // Social-Humanitarian Review. 2020. No. 1. P. 9–10.
12. Bekirova L.S. Traditions in the context of modern problems // Scientific Notes of the Crimean Engineering and Pedagogical University. Series: Philology. History. 2024. No. 1. P. 68–73.
13. Medko M.A., Ishchenko O.I. "Preserving culture, saving the people." Every people caring about the future protects its traditions // Education and training of young children. 2023. No. 15. P. 431–432.
14. Zamchalova I. Yu. Traditions in the ethno-cultural practices of the Saratov region // Ethnic culture. 2020. No. 3 (4). P. 7–10.
15. Boyak T.N. On preserving traditional festive culture in the modern village // Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2022. No. 60. P. 13–18.

Оценка инновационного развития региональных экосистем: опыт социологического исследования

Данкова Ж.Ю.

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Института управленческих исследований и консалтинга Финансового университета при Правительстве РФ; доцент кафедры государственного и муниципального управления, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: zdankova@yandex.ru

Статья посвящена анализу результатов проведенного социологического исследования, направленного на выявление уровня инновационного развития регионов. Исследовательский замысел состоял в сравнении результатов проводимой оценки инновационной деятельности в рамках рейтинга региональных индексов развития инноваций и полученных эмпирических данных о самооценке состояния отдельных аспектов инновационного развития субъектов РФ с точки зрения непосредственных руководителей и исполнителей задач инновационной деятельности.

В результате установлены разная степени отличие в таких параметрах как: развитие инновационной инфраструктуры, наличие благоприятной среды для технологической инфраструктуры и инновационная активность, в части решения проблемы кадрового потенциала.

Ключевые слова: индекс инновационного развития, инновации, инновационный потенциал, пространственное развитие, оценка инновационного развития, показатели инновационного развития, региональная политика, ресурсы инновационного роста, технологическая инфраструктура, технологический суверенитет, технологическая трансформация.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ на тему: «Формирование и развитие инновационной экосистемы экосистемы регионов России».

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена несколькими обстоятельствами:

Во-первых, основной вектор стратегического развития РФ в настоящее время направлен на обеспечение устойчивого, динамичного и сбалансированного развития государства. Инструментальной реализацией данного целевого ориентира выбрана «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 [1]. В названном документе закреплены цель, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития страны, приняты принципы, основные направления государственной политики в этой области и меры по ее реализации, сформулированы ожидаемые результаты ее реализации.

Положения названного выше документа, обуславливают активное включение всех институтов, ведомств, организаций, предприятий и учреждений в процесс создания, внедрения и интеграции инноваций в научно-технологические и социально-экономические процессы.

Во-вторых, важность исследования инновационного развития регионов связана, в том числе и с принятой изменённой стратегией пространственного развития, согласно которой все без исключения регионы признаны приоритетными. При этом выделены перспективные центры экономического роста во всех регионах, несмотря на то, что дискуSSIONными и неоднозначными и по сей день являются вопросы сокращения межрегиональных различий и сокращения различий в уровне социально-экономического развития, в том числе и посредством увеличения доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей, а также производства средне- и высокотехнологичной продукции [2].

В-третьих, повышение эффективности и результативности реализации направлений государственной политики, в том числе и в сфере инновационного развития требуют разработки объективных параметров оценки достигаемых целевых ориентиров, выраженные в корректных индикативно-критериальных значениях. Однако, сложившаяся к настоящему моменту практика оценки результатов инновационного развития регионов не имеет чёткого целостного систематического механизма. Среди научных специалистов и практиков известно несколько методик оценки, как в целом результатов инновационной деятельности, так и ее отдельных аспектов. Например, инновационного потенциала, инновационной инфраструктуры, инновационной активности, инновационной среды и т.д. [3;4; 5]. В частности, для оценки регионального уровня инновационного развития рассчитываются:

- Региональный индекс развития инноваций (I-Index). Предложен и определяется ежегодно Ассоциацией инновационных регионов России для оценки текущего уровня инновационного развития и прогноза возможных траекторий изменений в перспективе [6];
- Индекс регионального инновационного табло стран Европейского союза. Раскрывает методологические и методические аспекты измерения инноваций на основе разработки и оценки международно сопо-

ставимых показателей инновационной деятельности [7].

- Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index). Рассчитывается для стран мира по показателю уровня развития инноваций на основании методики Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization) [8].
- Российский региональный инновационный индекс. На основании его формируется рейтинг инновационного развития регионов, который ежегодно определяется Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ направлен на мониторинг четырех переменных: социально-экономических условий инновационной деятельности, научно-технического потенциала инновационной активности, качество региональной инновационной политики и инновационной деятельности [9].

Анализ названных и других методик оценки уровня инновационного развития (например, рейтинг «Руссофт», «Рейтинг инновационной активности регионов России», методики Центра стратегических разработок «Северо-Запад») показывает как ряд безусловных, положительных сторон, так и наличие отдельных недостатков, которые отражают некорректность производимых расчетов, сопоставимость их результатов, в целом объективность всесторонней оценки качества инновационных изменений.

В данной связи, для определения качественной оценки уровня инновационного развития регионов было проведено социологическое исследование, **цель** которого состояла в получении данных о самооценке состояния отдельных аспектов инновационного развития субъектов РФ с точки зрения непосредственных руководителей и исполнителей задач инновационной деятельности.

В социологическом экспертном опросе, проведенном в период с март по апрель 2025 года приняли участие сотрудники региональных органов исполнительной власти, которые в той или иной степени задействованы в реализации направлений инновационного развития регионов. Выборка исследования включает представителей 18-ти регионов субъектов РФ восьми федеральных округов (n=51).

Анкета состояла из вопросов, направленных на измерение таких индикаторов как: результативность проводимой инновационной политики в регионе; динамика изменений в результатах инновационной деятельности; степень инновационной активности; уровень инновационного потенциала; степень сформированности инновационной среды; факторы инновационного роста, его потенциал; возможные пути повышения инновационного развития.

Методология исследования представлена общенаучными **методами**: качественного (анкетирование) и количественного (статистические) анализа и обобщения, а также методами сравнения и обобщения.

Полагаем, что практическая значимость исследования, заключается в получении альтернативной оценки уровня инновационного развития региона, позволяющей выявить возможные проблемные моменты в достижении отдельных показателей инновационной деятельности на территории конкретных субъектов РФ.

Авторский анализ полученных данных

Полученные распределения ответов на общий вопрос об оценке уровня инновационного развития в разрезе

регионов показали, что только треть обследованных регионов считают результаты инновационной деятельности низкими (см. рисунок 1). Между тем, если опираться на данные, которые приводятся в рейтинге по I-Index, доля регионов группы Д [6, с. 5–6], куда входят территории с инновационными системами, находящимися на этапе становления и накопления опыта, составляет чуть более 11-ти процентов, что почти в три раза меньше в сравнении с данными исследования.

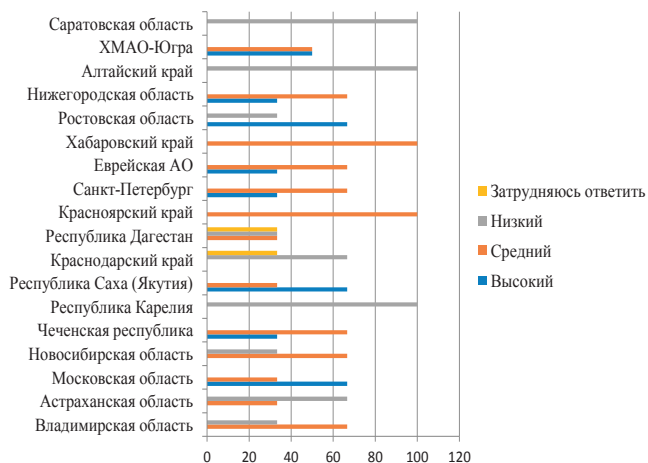

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете уровень инновационного развития региона?», %

Данное обстоятельство позволяет предположить, что оценка уровня по одной из методик не в полной мере отражает реальную ситуацию по регионам.

Высказанное предположение отчасти подтверждают эмпирические данные, полученные на вопрос о динамике изменений, касающихся вопроса инновационного развития региона (см. рисунок 2).

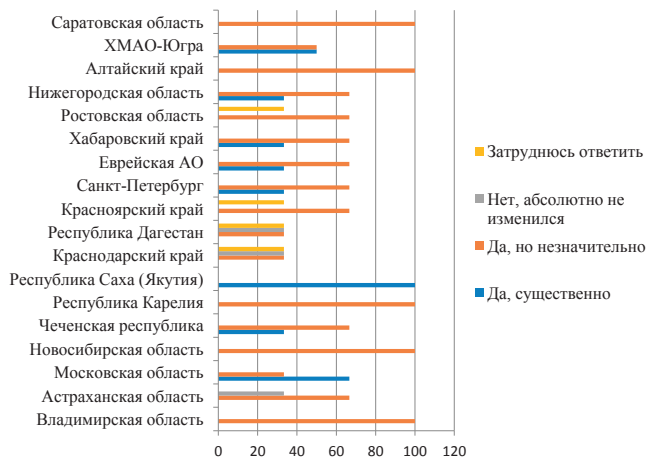

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Изменился ли уровень инновационного развития региона за последние 3–5 лет?», %

Анализируя данные, полученные в ходе ответов на вопрос об оценке отдельных показателей инновационного развития региона, было установлено, что по различным показателям респондентами даны существенно разные характеристики. При этом, оценки агрегированы по регионам и отображают субъективное восприятие уровня инновационного развития (см. таблицу 1). Вопросы данного блока анкеты содержали четыре варианта ответов в рамках порядковой шкалы, отражающих по существу положительные («высокая», «выше среднего» и «средняя»), и отрицательные («ниже среднего» и «низкая» «затрудняюсь ответить») оценочные характеристики.

Таблица 1. Сводные оценки отдельных показателей инновационного развития регионов

Наименование показателей	Наиболее частые оценки в ответах	Характеристика оценки автором
1. Инновационная активность	Высокая / Выше среднего	Оценочные суждения респондентов инновационной активности крайне неоднородны, зачастую высказывается субъективно оптимистичная оценка.
2. Инновационный потенциал региона	Высокая	Высокий ресурсный задел в сфере инновационного развития отмечается практически во всех регионах. Однако, такая оценка представляется не вполне обоснованной, учитывая ответы на другие, уточняющие вопросы.
3. Инновационная среда	Высокая	Судя по полученным распределениям ответов, условия и возможности региональных систем, позволяющих осуществлять активное производство инноваций и тесно взаимодействовать субъектам инновационной деятельности с другими участниками данного процесса, нужно отнести к наиболее развитым компонентам инновационной деятельности.
4. Финансовая поддержка инноваций	Выше среднего	В целом финансовое обеспечение коммерциализируемых результатов интеллектуальной деятельности, которые выступают нематериальными активами региона определяется участниками опроса достаточно высоко, хотя и отмечается необходимость его расширения и гибкости в использовании.
5. Инновационная инфраструктура	Высокая / Выше среднего	Качество и результативность функционирования созданных государственных и общественных организаций и инструментов реализации инновационной политики регионов в ответах опрошенных не демонстрирует единой позиции. Напротив, можно говорить о неравномерном развитии элементов инновационной инфраструктуры как внутри отдельной территории субъектов РФ, так и по регионам.
6. Трансфер инновационных технологий	Выше среднего	Оценивая сложившуюся в регионах практику передачи разработок, технологических проектов компаниям, реализующим инновационные виды деятельности, на выгодных условиях, респондентами высказывается достаточно положительное мнение. Однако, дополнительные вопросы выявили факт «размытого» понимания результатов трансфера для разных регионов. что участники
7. Коммерциализация инноваций	Высокая	Аналогичная ситуация с оценкой предыдущего параметра. Зафиксирована высокая оценка процесса трансформации результатов интеллектуальной деятельности в востребованные на рынке инновационные продукты и технологии практически во всех регионах. Низких характеристик – минимальное количество. При этом отмечается необходимость в реализации имеющегося потенциала активизации рыночного внедрения на территории регионов.

Если рассмотреть распределение ответов, представленных в таблице 1, в разрезе регионов, то получается, что значение показателя «Инновационная активность» отмечается, как «высокий» в таких регионах как: Московская область, Санкт-Петербург и Красноярский край. Оценка в параметрах «Выше среднего» зафиксирована в Якутии и Хабаровском крае. Значение исследуемого показателя «ниже среднего» и «низкая» указывается в большинстве регионов (Владимирская область, Астраханская область, Новосибирская область, Чеченская республика, Республик Карелия, Республика Дагестан, Еврейская АО, Краснодарский край, Ростовская область, Нижегородская область, Алтайский край и Саратовская область). В ХМАО Югра затруднись дать какую бы то ни было оценку.

Обобщая оценку уровня в целом, можно говорить, что респонденты оценивают инновационный потенциал своего региона достаточно высоко. Как «средний» и «выше среднего» уровень опрошенные определяют инновационную активность, инновационную среду и уровень коммерциализации инноваций. Скорее низкими и низкими оценками характеризуются, по мнению участников опроса, трансфер инновационных технологий, инновационная инфраструктура и уровень финансовой поддержки инноваций.

Заключение и общие выводы по исследованию

Результаты анкетирования показывают в среднем примерно средний уровень сбалансированности инновационного развития в регионах РФ. Несмотря на наличие отдельных высокоразвитых центров по результатам опроса (Московская область, Санкт-Петербург, Красно-

ярский край), большинство субъектов, которые участвовали в исследовании, оценивают свой уровень инновационного развития как средний или ниже среднего. Это подтверждает в целом гипотезу о существующей инновационной дифференциации регионов и требует принятия адресных мер государственной инновационной политики.

Кроме того, результаты исследования говорят о необходимости формирования и использования единой методологии оценки уровня инновационного развития регионов, с активным применением мониторинговых качественных исследований, что позволит, вероятно, снизить уровень субъективности оценочных процедур и повысить сопоставимость результатов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «Гарант» [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 14.06.2025).

2. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html> (дата обращения: 14.06.2025).

3. Нестеров В.Н., Сунгатуллина Л.Б. Методические подходы к оценке инновационной деятельности // Дайджест-Финансы. – 2024. – Т. 29, № 3. – С. 244–264. URL: <https://doi.org/10.24891/df.29.3.244> (дата обращения: 21.06.2025).

4. Брянцева Т.А. Методика оценки инновационного потенциала организации // Проблемы современной экономики. 2021. № 4(80). С. 69–73. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7203> (дата обращения: 21.06.2025).
5. Мерзликина, Г.С. Принципы оценки инновационного развития промышленного предприятия / Г.С. Мерзликина // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14, № 8. – С. 1775–1794. – (дата обращения: 21.06.2025).
6. Региональный индекс развития инноваций // Отчет Ассоциация инновационных регионов России. 2024. URL: https://i-regions.ru/images/books/I_Index_отчет_в_макете.pdf (дата обращения: 21.06.2025).
7. Руководство по измерению научной и научно-технической активности (The Measurement of Scientific and Technological Activities – Oslo Manual) | Совместная публикация ОЭСР и Евростата. Издание второе исправл. – М.: «Центр исследований статистики науки» (ЦИСН). – 2010. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 20.06.2025).
8. Рейтинг стран мира по индексу инноваций. – 2024. <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index> (дата обращения: 20.06.2025).
9. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 9 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 248 с URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/949132853.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

ASSESSMENT OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONAL ECOSYSTEMS: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Dankova J.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik

This article is devoted to the analysis of the results of a sociological study aimed at identifying the level of innovative development in the regions. The research objective was to compare the results of the assessment of innovative activity within the framework of the regional innovation development index rating and the empirical data obtained on the self-assessment of the state of certain aspects of innovative development in the constituent entities of the Russian Federation from the perspective of direct managers and performers of innovative activities.

As a result, differences were identified in various parameters, such as the development of innovative infrastructure, the availability of

a favorable environment for technological infrastructure, and innovative activity in terms of addressing the issue of human resources. The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation on the topic: "Formation and Development of the Innovative Ecosystem of the Regions of Russia."

Keywords: innovation development index, innovation, innovation potential, spatial development, assessment of innovation development, indicators of innovation development, regional policy, resources for innovation growth, technological infrastructure, technological sovereignty, and technological transformation.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 145 dated February 28, 2024, "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" // SPS "Garant" [website]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (accessed on 14.06.2025).
2. Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r dated 13.02.2019 "On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025" // SPS "ConsultantPlus" [website]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/56857.html> (accessed: 14.06.2025).
3. Nesterov V.N., Sungatullina L.B. Methodological Approaches to Assessing Innovative Activity // Digest-Finance. – 2024. – Vol. 29, No. 3. – Pp. 244–264. URL: <https://doi.org/10.24891/df.29.3.244> (date of reference: 21.06.2025).
4. Bryantseva T.A. Methodology for Assessing the Innovative Potential of an Organization // Problems of Modern Economics. 2021. No. 4(80). Pp. 69–73. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7203> (accessed: 21.06.2025).
5. Merzlikina, G.S. Principles of Assessing the Innovative Development of an Industrial Enterprise / G.S. Merzlikina // Creative Economy. – 2020. – Vol. 14, No. 8. – Pp. 1775–1794. – (accessed on 21.06.2025).
6. Regional Innovation Development Index // Report by the Association of Innovative Regions of Russia. 2024. URL: https://i-regions.ru/images/books/I_Index_report_in_layout.pdf (accessed on 21.06.2025).
7. The Measurement of Scientific and Technological Activities (Oslo Manual) | Joint publication of the OECD and Eurostat. The second edition is corrected. – М.: "Center for Research in Statistics of Science" (CISN). – 2010. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/ruk.oslo.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed on 20.06.2025).
8. Ranking of countries by the Innovation Index. – 2024. <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index> (accessed: 20.06.2025).
9. Rating of Innovative Development of the Subjects of the Russian Federation. Issue 9 / V.L. Abashkin, G.I. Abdrakhmanova, S.V. Artyomov, et al.; ed. by L.M. Gokhberg, E.S. Kutsenko; Nat. issled. University of the Higher School of Economics. Moscow: ISSEK HSE, 2024. 248 p. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/949132853.pdf> (accessed: 20.06.2025).

Влияние климатических факторов на социальную адаптацию: аспекты обеспечения экологической справедливости

Зарипов Ратмир Маратович,
независимый исследователь
E-mail: ratmirzaripov@gmail.com

В статье исследуются социальные последствия климатического кризиса, рассматриваемые как ключевой вызов принципам экологической справедливости. Введение обосновывает актуальность проблемы, подчеркивая, что климатические изменения выступают мощным фактором социальной трансформации, усугубляющим существующее неравенство.непропорционально высокий ущерб несут уязвимые группы населения (малообеспеченные, коренные народы, женщины, дети, мигранты), которые внесли минимальный вклад в глобальное потепление, но первыми сталкиваются с его разрушительными эффектами: потерей источников дохода, вынужденной миграцией, утратой культурной идентичности и доступных ресурсов. Исторические модели колониализма и неравномерного развития усиливают эту несправедливость. Основное внимание уделяется анализу адаптационных возможностей таких сообществ. Материалы и методы исследования включают анализ взаимосвязи климатических рисков (засухи, наводнения, экстремальные температуры) с социально-экономическими факторами (бедность, доступ к инфраструктуре, социальная защита), демонстрируя, как эти факторы взаимно усиливают уязвимость. Подчеркивается системный характер проблем, требующий учета человеческого измерения в климатической политике. Результаты и обсуждение выявляют сложную картину: с одной стороны, сообщества сталкиваются с деградацией традиционного уклада, ростом конфликтности из-за ресурсов и ограниченным доступом к технологиям и финансированию. С другой стороны, выявляется значительный потенциал локальной адаптации, основанный на традиционных знаниях, социальной сплоченности, взаимопомощи и инновационных подходах (кооперативы, экотуризм, сочетание традиционных и современных практик). Ключевым выводом является необходимость смены парадигмы: эффективная адаптация невозможна без обеспечения экологической справедливости. Это предполагает активное вовлечение уязвимых групп в принятие решений, учет их специфических потребностей и культурного контекста, справедливое распределение как рисков, так и выгод от адаптационных мер и «зеленого» перехода.

Ключевые слова: климатический кризис, экологическая справедливость, уязвимые сообщества, адаптационные стратегии, социальное неравенство.

Введение

Человечество на протяжении своей истории неоднократно сталкивалось с масштабными вызовами, связанными с природными катаклизмами. Однако климатический кризис, очевидцами которого мы являемся сегодня, приобрел такие черты, что стал не просто проблемой изменения погоды или уровня моря, а мощным социальным фактором трансформации систем жизнеобеспечения и справедливости в глобальном масштабе. Ускорение темпов изменения климата приводит к возникновению новых форм уязвимости, затрагивающих целые общины и регионы, а социальное неравенство в распределении ресурсов и благ усложняет адаптационные стратегии людей, уже столкнувшихся с потерей привычной среды обитания. Некоторые исследователи подчеркивают, что реальное понимание социального аспекта экологических проблем стало фундаментом появления особого движения за экологическую справедливость, где учитываются не только технические или природоохранные параметры, но и вопросы прав человека, культурной самобытности и равноправного доступа к ресурсам [12]. Ключевым вызовом остается необходимость осознания того, что климатический кризис, помимо глобального экономического ущерба и ухудшения состояния экосистем, приводит к долговременным социальным последствиям, которые могут углублять старые и рождать новые конфликты.

Некоторые страны и сообщества уже ощущают двойную несправедливость: с одной стороны, они внесли минимальный вклад в глобальное потепление, а с другой – первыми страдают от его эффектов. Существующие исторические схемы колониализма и неравномерной индустриализации лишь укрепляют этот разрыв в уязвимости, ведь глобальные корпорации, извлекающие выгоду из природных ресурсов, часто не несут прямой ответственности за социальный и экологический урон на дальних территориях [3]. Социальные последствия здесь выражаются в деградации традиционных форм хозяйствования, оттоке трудоспособного населения, истощении местных природных ресурсов и повышении конфликтности из-за конкуренции за оставшиеся возможности. И в такой ситуации речь идет уже не просто о компенсации материального ущерба, а о гарантиях прав местных жителей на участие в принятии решений, касающихся их будущего. При этом адаптационный потенциал уязвимых групп часто недооценивается, так как формальные программы помощи построены без учета культурной специфики и реальных социально-экономических условий.

Материалы и методы исследования

Резкое возрастание числа экстремальных погодных явлений, вызванных изменением климата, бьет в первую очередь по недостаточно защищенным социальным группам. Сельские общины, зависящие от дождей и качества почвы, сталкиваются с засухами или наводнениями, которые разрушают их единственный источник пропитания [14]. В городских кварталах, находящихся в неблагоприятных районах, резко увеличивается риск

подтоплений и связанных с этим всплеск инфекционных заболеваний. Кроме того, усиление жары в периоды аномальных волн тепла становится смертельно опасным для пожилых людей и тех, у кого нет доступа к кондиционированию воздуха. Во многих случаях эти факторы взаимно усиливаются: люди лишаются урожая, вынуждены мигрировать, а в местах прибытия испытывают беспрецедентное давление рынка труда и отсутствие базовых социальных гарантий. Все это сплетено в сложно устроенную сеть проблем, которые предопределяют, что борьба с климатическим кризисом не может вестись без должного учета человеческого измерения.

Одновременно возникает вопрос о справедливости распределения рисков и выгод как между странами, так и внутри них. Принципиальным примером здесь является то, что в крупных мегаполисах богатыми гражданами скупается жилье в наиболее безопасных районах, где влияние климатических рисков минимизировано. Менее обеспеченное население вытесняется на окраины либо в зоны техногенной опасности, где отсутствует качественная инфраструктура, и где малейшее повышение уровня воды или экстремальные температуры чреваты катастрофическими последствиями [7]. В результате социальный конфликт обостряется, и граждане предъявляют правительствам новые требования об ответственном и равноправном подходе к планированию городской среды и распределению природных ресурсов. Таким образом, глобальное изменение климата в сочетании с социальными и экономическими факторами формирует совершенно новый вызов экологической справедливости: речь идет уже не столько о классической проблеме загрязнений и их перераспределении, сколько о системной трансформации всей инфраструктуры и отношений между различными слоями общества.

Результаты и обсуждение

Многочисленные исследования показывают, что группы, подверженные множественной дискриминации, в первую очередь женщины, дети, представители коренных народов, мигранты и люди с ограниченными возможностями, испытывают наиболее тяжелые удары климатических катаклизмов. На уровне домашнего хозяйства именно женщины в ряде регионов отвечают за водоснабжение, поиск топлива и продовольствия, и их нагрузка в периоды экстремальных погодных колебаний возрастает многократно [9]. Пока мужчины могут покидать неблагоприятные районы в поисках работы, женщины часто остаются в опустошенных домах, стараясь сохранить детей и имущество. Если же речь идет о миграции, то уязвимость женщин и детей проявляется в повышенном риске насилия и ограниченном доступе к социальным услугам даже после переселения. Ограниченность экономических ресурсов связывает руки и не позволяет полноценно инвестировать в адаптационные агротехнологии или инфраструктурные проекты на местах. Сложная социальная стратификация лишь раз подчеркивает, что при поиске решений нельзя руководствоваться едиными универсальными схемами: необходимо понимать внутреннее многообразие сообществ и особые потребности разных групп населения.

Помимо острых кризисных явлений, связанных с климатической миграцией и деградацией окружающей среды, обостряется проблема сохранения культурной идентичности целых народов, живущих в гармонии с природой на протяжении десятилетий. Утрата суши из-за повышения уровня моря или разрушения почвенного слоя в результате засух угрожает развитию традиционных культурных практик, которые неразрывно связа-

ны с ландшафтом. Исчезают священные места, обряды утрачивают свою ценность без прямой связи с природными символами, а подрастающее поколение теряет культурные корни [15]. Такой процесс может нарастать лавинообразно, когда, например, у коренного народа Северной территории или жителей небольших островных государств исчезает не только экономическая база существования, но и полноценная система знаний об окружающем мире. Школы и институты, которые могли бы сохранить культурное наследие, часто испытывают нехватку ресурсов и квалифицированных кадров, поэтому социальные последствия климатического кризиса приобретают еще и форму утраты культурного многообразия.

Однако следует отметить, что в самих сообществах все более укрепляется понимание необходимости адаптации, основанной на традиционных знаниях и локальном контексте. На примере ряда регионов видно, как коренные жители пытаются соединить современные технологии с накопленным поколением опытом регулирования ресурсопользования и природоохранных практик [1]. Вместо того чтобы воспринимать внешние меры адаптации как нечто навязанное, они стараются участвовать в принятии решений, добиваясь права определять, какие решения будут реально работать в конкретных условиях. Это особенно важно, учитывая, что быстрая глобализация и технологические инновации не всегда учитывают уязвимость сельских сообществ и не гарантируют им долгосрочной устойчивости. Проблема заключается еще и в том, что человеческие сообщества, живущие по соседству, могут кардинально отличаться по своим адаптационным возможностям, и это дополнительный вызов для государственного планирования.

Экологические активисты и международные организации подчеркивают, что важнейшим аспектом преодоления социальных последствий климатического кризиса является привлечение самих уязвимых групп к формированию политики. Люди, чьи права и возможности уже были ограничены в силу их происхождения или социально-экономического статуса, часто лишены голоса, когда речь идет о распределении средств на восстановление или о масштабных измерениях городской и сельской инфраструктуры [11]. Без вовлечения этих групп в дискуссии высок риск того, что решения опять будут спущены сверху и окажутся неэффективными. Впрочем, именно такие сообщества могут инновационно подходить к вопросу адаптации, используя гибкие социальные структуры и взаимопомощь, которые формировались как ответ на многолетние стрессы. Важно, чтобы международное сообщество и национальные правительства не игнорировали этот колоссальный потенциал локальной самоорганизации, ведь именно там могут рождаться нестандартные, но жизнеспособные проекты адаптации.

В последние годы все чаще звучат призывы о необходимости балансировать между экстренной гуманитарной помощью и долгосрочными стратегиями повышения социальной и экологической устойчивости. Речь идет о том, что финансовые инвестиции в инфраструктуру, логику и образование должны сопровождаться изменениями в самих механизмах координации ресурсов, чтобы учитывалась вовлеченность местных лидеров и гарантии их прав. Модели развития с ориентацией исключительно на экономический рост без экологического и социального анализа уже показали свою несостоятельность в ряде регионов, где деградация экосистем привела к системному обнищанию населения [2]. С другой стороны, именно справедливое распределение инвестиций и учет потребностей уязвимых групп повышают их шансы адаптироваться к изменяющемуся кли-

мату, сохраняя при этом социальную стабильность. Это означает не только строительство дамб или установка систем капельного орошения, но и развитие местного предпринимательства, знаний в сфере экологического управления и политических институтов, основанных на принципах прозрачности и участия.

При рассмотрении адаптационных возможностей часто говорят о необходимости укрепления системы здравоохранения и социальной защиты. Климатический кризис провоцирует рост заболеваемости, включая тепловые удары, малярию в ранее нетипичных регионах, сложные респираторные инфекции из-за горящих лесов и пыльных бурь. Для уязвимых сообществ, где медицина уже испытывала нехватку препаратов и кадров, новая волна эпидемических угроз может означать катастрофический крах системы здравоохранения [13]. В этом контексте социальные последствия становятся особенно тяжелыми, так как болезни приводят к сокращению трудоспособного населения, подрывают экономику домохозяйств и формируют долгосрочные барьеры к образованию детей и молодежи. Формирование новых механизмов реагирования на риски для здоровья важно рассматривать в комплексе с другими факторами, обусловленными климатическими изменениями, поскольку они неразрывно взаимосвязаны и могут накладываться друг на друга.

Значительную роль в разработке адаптационных стратегий может играть молодежь, которая, благодаря своей гибкости и способности к новым формам коммуникации, часто становится двигателем перемен. Молодежные движения за климатическую справедливость призывают политиков к активным действиям, поднимая вопрос о том, что нынешние решения повлияют на будущие поколения самым непосредственным образом [5]. С помощью социальных сетей, различных платформ краудфандинга и участия в международных форумах активисты доводят до мировой общественности голос тех, кто не имеет прямого доступа к средствам массовой информации. Взаимодействие между городскими и сельскими молодежными объединениями способно вырабатывать свежие подходы к решению инфраструктурных задач, причем эти подходы нередко согласуются с традиционными практиками устойчивого хозяйствования. Но важно, чтобы подобные инициативы не оставались лишь энтузиазмом небольших групп, а получали ресурсную поддержку и институциональное признание.

Примером положительной практики считается развитие локальных кооперативов и социальных предприятий, способных обеспечить уязвимые сообщества альтернативными источниками дохода. Когда жители небольшого села или городского района могут объединиться для переработки сельхозпродукции, ремесленного производства или экологического туризма, это не только укрепляет местную экономику, но и снижает зависимость от внешних факторов, будь то погодные аномалии или рыночные колебания [8]. Важнейшее условие успеха подобных инициатив – доступ к образованию, микрокредитованию и технологиям, которые позволяют кооперативам конкурировать на современном рынке. При этом качество инфраструктуры и дорог, доступ к цифровым платформам и стабильной связи напрямую влияют на способность сообщества адаптироваться. Если традиционно эти аспекты считались “городскими” или “государственными” вопросами, то теперь они становятся частью экологической справедливости, так как именно возможность доступа к технологиям превращается в основу для выживания в условиях климатических стрессов.

Еще одно направление развития адаптивного потенциала – это упор на укрепление локальных институтов

самоуправления, способных оперативно реагировать на экстремальные ситуации. Ведь в большинстве случаев, когда происходит стихийное бедствие, решающими оказываются первые часы и дни: от слаженности работы местных органов власти, систем оповещения и координации зависит, насколько эффективно будут организованы спасательные операции и последующее восстановление [10]. Если у этих органов достаточно полномочий и ресурсов, уязвимое население получает реальный шанс минимизировать потери и быстрее вернуться к нормальному укладу жизни. В иных же случаях, особенно при отсутствии устойчивых местных институтов, люди остаются без помощи, а внешнее вмешательство оказывается хаотичным и не всегда соответствует культурным и социальным реалиям.

Стоит отметить, что крупные города, несмотря на их, казалось бы, большие финансовые и технологические возможности, тоже демонстрируют высокую социальную уязвимость. Плотность населения и его неоднородность создают условия, при которых даже небольшой перебой с энергоснабжением или подъем уровня воды в реке могут привести к существенным проблемам [6]. Отсутствие зеленых зон, ограниченный доступ к питьевой воде, неэффективная система общественного транспорта и бедность городских окраин – все это приводит к росту социальной напряженности. В некоторых мегаполисах строительство элитных жилых комплексов или бизнес-центров не только не решает комплексных задач по устойчивости города к климатическим нагрузкам, но и усугубляет неравенство в доступе к природным благам. Таким образом, социальные и экологические проблемы переплетаются и создают ситуацию, где без продуманного планирования город не сможет адаптироваться, а уязвимые группы окажутся на периферии общественного внимания.

В контексте экологической справедливости и социального неравенства интерес современной науки сосредоточен также на проблеме климатических беженцев, число которых может исчисляться десятками миллионов в будущем. Перемещения из регионов, пострадавших от засух, ураганов, повышения уровня моря или разрушений инфраструктуры, уже происходят и затрагивают разные континенты [4]. Сложность этой ситуации заключается в том, что действующие международные правовые нормы не всегда признают климатических мигрантов в качестве официальных беженцев, что ограничивает доступ к правовым гарантиям и социальной поддержке. Государствам предстоит переосмыслить само понятие национальных границ и систему распределения ответственности, ведь климатические изменения не останавливаются на таможенном контроле, а их последствия выходят за пределы локальных юрисдикций.

Нередко места, куда перемещаются беженцы, уже страдают от собственных экологических и экономических проблем. Это создает дополнительное напряжение и может порождать конфликты между местными жителями и новоприбывшими, которые пытаются найти работу и жилье [6]. В подобных ситуациях важны механизмы интеграции, направленные на развитие диалога и устранение барьеров, особенно когда речь идет о культурных различиях. Ведь социальные последствия климатического кризиса усугубляются не только физической нехваткой ресурсов, но и неспособностью сообществ договориться о том, как их распределять. В этой связи экологическая справедливость тесно переплетена с механизмами превентивного урегулирования конфликтов, где необходимы как юридические, так и дипломатические инструменты, способствующие мирному сосуществованию разных групп населения.

Применительно к адаптационным возможностям уязвимых сообществ встает вопрос участия частного сектора и крупных транснациональных компаний. В идеале бизнес, ориентированный на принципы устойчивого развития, может стать важным партнером в реализации проектов, связанных с возобновляемой энергетикой, экологичным сельским хозяйством и строительством resilient-инфраструктуры [4]. Однако на практике весьма распространены случаи, когда экономическая выгода доминирует над социальными и экологическими интересами, а местные сообщества оказываются лишены реальных дивидендов от эксплуатации природных богатств. Запуск добывающих предприятий без тщательной экологической экспертизы, создание индустриальных зон на месте исторически значимых территорий или нарушение экологических регламентов в условиях политики “свободных экономических зон” неизбежно приводят к негативным последствиям. Для преодоления этого разрыва нужно развивать механизмы многостороннего партнерства, где уязвимые группы имеют реальную договорную силу, подкрепленную правовым и социальным сопровождением.

Несмотря на масштабность проблем, во многих регионах уже появляются позитивные примеры, когда государственные и местные органы власти признают важность экологической справедливости и пытаются системно подходить к вопросам адаптации. Особенно показательны экспериментальные проекты по восстановлению территорий, пострадавших от промышленных и климатических катастроф, где подчеркивается значимость не только инженерных решений, но и участия граждан в обсуждении планов [4]. Вмешательство экспертов, которые разбираются в природоохранных технологиях, должно дополняться консультациями с представителями местных общин, чтобы корректно определить первоочередные нужды и понять локальную специфику. Такое взаимодействие помогает укреплять доверие и формировать чувство ответственности за общий результат, ведь адаптация – это не одномоментный процесс, а длительный путь, требующий совместных усилий.

Говоря о социальных последствиях климатического кризиса, нельзя игнорировать растущую популярность экологического образования и многочисленных информационных кампаний. Попытки донести до людей масштабы и причины изменений в экосистемах сопровождаются инициативами, направленными на формирование экологического мышления у детей и подростков [6]. Сейчас происходит переосмысление роли классической формы обучения: школы, университеты и дополнительные курсы не ограничиваются простой передачей знаний о климате, а включают в программу социальные аспекты экологических проблем и международный опыт их решения. Идея в том, чтобы воспитывать сознательных граждан, способных критически осмысливать сложные взаимосвязи между экономикой, культурой, политикой и естественными циклами. Такой подход к образованию показывает, что борьба за экологическую справедливость и адаптация к изменению климата – это не только задача для специалистов, но и дело всех членов общества, от маленьких поселков до столичных мегаполисов.

Важным моментом в понимании социальной стороны климатического кризиса является признание, что люди не всегда реагируют на изменения окружающей среды рационально и предсказуемо. Страх перед будущим, фатализм, недоверие к властям, экономические ограничения – все эти факторы могут приводить к нежеланию участвовать в адаптационных программах или к отрицанию проблемы. Порой лидеры мнений, стремясь

к политическим дивидендам, могут использовать тему климата в деструктивных целях, утверждая, что любые ограничения выбросов или реформы по переходу на возобновляемые источники энергии нанесут ущерб национальной экономике. Такой популизм затрудняет выстраивание консенсуса в обществе, ведь нужна взвешивающая политика, ориентированная на долгосрочные выгоды и защиту наименее защищенных групп. Однако уроки мировой истории говорят о том, что при должном уровне информированности и участии граждан, системной работе со стейкхолдерами и общественными организациями все же возможно переключение с реактивного на проактивное поведение. И здесь важно, чтобы научные данные о климате не оставались достоянием узкой группы специалистов, а становились частью общественного дискурса.

Заметную трудность для уязвимых сообществ представляют быстрые экономические изменения, связанные с переходом к “зеленой” энергетике и перестройкой цепочек поставок. С одной стороны, такие преобразования могут означать появление новых рабочих мест и возможностей роста, например, в области строительства солнечных или ветропарков. С другой – высок риск того, что транснациональные компании, получив доступ к технологиям и инвестициям, будут действовать без учета местных условий и потребностей людей, которые прежде работали в традиционных отраслях. Обвальное закрытие шахт или переход на другие виды сырья нередко ведут к социальной нестабильности там, где население десятилетиями жило за счет добычи и переработки полезных ископаемых. Поэтому вопрос экологической справедливости складывается не только из распределения ущерба от климатического кризиса, но и из распределения выгод от развития чистой энергетики и “зеленых” проектов. Если выгоды концентрируются в руках инвесторов и политических элит, а простые люди теряют работу и средства к существованию, социальное напряжение лишь растет.

В контексте адаптационных возможностей особое место занимает проблема рационального использования воды, которая становится все более дефицитным ресурсом. В условиях прогрессирующего таяния ледников, изменения режима осадков и загрязнения источников воды, многие сообщества буквально сражаются за каплю пресной влаги. Сложность ситуации усугубляется тогда, когда в распределении водных ресурсов задействовано сразу несколько стран и у каждого правительства свои интересы, продиктованные экономикой и политикой. Уязвимые сообщества, чья жизнь зависит от стабильной работы каналов и орошения, оказываются заложниками этих международных договоренностей, не имея возможности повлиять на решение глобальных вопросов. При этом климатические изменения приводят к непредсказуемости паводков и засух, что подрывает сельскохозяйственное производство и усиливает продовольственную нестабильность. Для многих регионов это означает необходимость пересмотра привычных агротехнологий, перехода на засухоустойчивые культуры или внедрения более сложных методов хранения и переработки продуктов.

Эффективные программы адаптации зачастую базируются на принципе многоуровневого взаимодействия, когда национальные правительства, международные организации, негосударственные объединения и местные сообщества совместно разрабатывают стратегию реагирования. Но при этом важно, чтобы такие программы не были очередной бюрократической акцией, ориентированной лишь на освоение средств. История показывает, что настоящую устойчивость формируют инициати-

вы, которые идут “снизу вверх”, принимая во внимание конкретные потребности и возможности людей. Когда сельская община участвует в проекте очистки и восстановления водоема, она не только получает доступ к качественной воде, но и укрепляет взаимное доверие, перенимает новые навыки, учится конструктивно взаимодействовать с различными заинтересованными сторонами. Такая вовлеченность повышает шансы, что даже после завершения формальной фазы проекта люди продолжат поддерживать и развивать достигнутые результаты.

Успех адаптации во многом зависит и от того, насколько социально сплоченным является сообщество. Там, где традиции взаимопомощи и коллективной ответственности сильны, все члены сообщества лучше справляются с экологическими стрессами. Это может проявляться в распределении продуктов и воды для нуждающихся, в организации совместных работ по укреплению домов или дамб, в согласовании графиков использования общих ресурсов. В условиях климатического кризиса, когда число экстремальных событий растет, такие неформальные институты становятся критически важными для выживания. Однако в обездоленных районах, где социальные связи ослаблены бедностью, отсутствием стабильной работы и недоверием к властям, любые природные катаклизмы могут привести к резким всплескам конфликтов и росту криминогенной обстановки.

Наблюдение за текущей глобальной ситуацией указывает на то, что ранние сценарии изменения климата, предполагавшие постепенное повышение температуры и плавную трансформацию экосистем, оказались слишком оптимистичными. На деле мы видим ускорение процессов, будь то разрушение коралловых рифов, таяние вечной мерзлоты или учащение штормов в прибрежных районах. Ускоряются и социальные последствия: миграционные потоки растут, обостряются старые конфликты за ресурсы, а проявления неравенства становятся все более явными. Но вместе с тем расширяются и окна возможностей для инноваций, поскольку кризисная ситуация побуждает искать нестандартные решения, которые могут менять привычные уклады жизни. Многие государства уже приступили к созданию “дорожных карт” по снижению выбросов углерода, хотя темпы и масштабы их реализации пока отстают от рекомендаций научного сообщества. Тем не менее, зримо желание все шире вовлекать в дискуссии о климате гражданское общество и бизнеса, пытаясь синхронизировать усилия разных заинтересованных сторон.

Выводы

При всем том, что климатический кризис угрожает многим аспектам человеческой жизни, он также высвечивает нашу общую взаимосвязанность и необходимость координации усилий. Понятие экологической справедливости эволюционирует: теперь речь идет не только об участии людей в принятии решений без дискриминации по расовому, этническому или гендерному признаку, но и о том, чтобы обеспечивать равный доступ к безопасной среде и ресурсам, необходимых для полноценной и достойной жизни. Уязвимые сообщества, столкнувшись со множеством трудностей, демонстрируют и способность к инновациям и смекалке, объединяя традиционные знания с современной наукой, осваивая новые механизмы финансирования и строя горизонтальные сети обмена информацией.

В конечном счете, социальные последствия климатического кризиса настолько масштабны, что способны изменить сами основы планирования будущего — от глобальных соглашений по сокращению выбросов

до локальных практик совместного ведения сельского хозяйства. Там, где раньше решения принимались исключительно “сверху”, теперь растет запрос на более открытые и демократичные процедуры, в которых слышен голос каждого затрагиваемого события человека. И хотя путь к созданию по-настоящему справедливой системы, способной адекватно ответить на вызовы климата, непрост, становится ясно, что альтернативы такому пути нет. Кризис, вызванный быстрым изменением природных процессов, одновременно обнаруживает слабые места существующего мироустройства и задает вектор для переосмысления наших отношений с окружающей средой. Смена парадигмы уже началась, и от внимания каждого члена общества зависит, сможет ли человечество превратить угрозу в возможность, правильно расставить приоритеты и обеспечить будущее, где экологическая справедливость и социальная устойчивость станут базовыми ценностями.

Литература

1. Lockie S. Sociologies of climate change are not enough. Putting the global biodiversity crisis on the sociological agenda // *Environmental Sociology*. 2023. Т. 9. № 1. С. 1–5.
2. Порфирьев Б.Н. Приоритеты устойчивого развития и климатическая повестка в начале 2020-х годов в мире и в России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. Т. 241. № 3. С. 72–80.
3. Шкляров А.П. Изменение климата – благо или проблема современности // *Аграрная экономика*. 2021. № 7 (314). С. 89–96.
4. Алиева Л. В., Хришкевич Т.Г., Антонова Л.В., Дмитриев В.А. Проблема социальной сплоченности в контексте государственных стратегий противодействия изменениям климата // *Via in Tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 1. С. 107–116.
5. Harte M.E. Climate future. Averting and adapting to climate change // *Quarterly Review of Biology*. 2023. Т. 98. № 1. С. 50–51.
6. The Lancet Regional Health – Americas. Climate change. We must act now to secure a sustainable, healthy future for all // *The Lancet Regional Health – Americas*. 2023. Т. 20. С. 100494.
7. Иванова З.И. Социально-экономические последствия климатического кризиса. Некоторые оценки // *Экономика и предпринимательство*. 2022. № 10 (147). С. 57–60.
8. Yoo S., Kumagai J., Managi S. Challenges and opportunities in climate economics // *Frontiers in Climate*. 2021. Т. 3. С. 701818.
9. Лобанов М. М., Лобанова Е.З., Звезданович М. Климатический дискурс в России. От дихотомии климатического сознания к четырем формам климатической политики // *Мир России. Социология. Этнология*. 2024. Т. 33. № 3. С. 141–169.
10. Schulze K., Schoenefeld J.J., Hildén M. Adapting to climate change. Promises and pitfalls in the diffusion of solutions // *Regional Environmental Change*. 2024. Т. 24. № 1. С. 4.
11. Coumel L. Climate change discourse in Russia. Past and present // *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*. 2022. Т. N° 1. № 1. С. 216–221.
12. Chenet H. Climate change and biodiversity loss. New territories for financial authorities // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2024. Т. 68. С. 101449.

13. Davis C. J., Lewandowsky S. Thinking about climate change. Look up and look around // Thinking and Reasoning. 2022. T. 28. № 3. С. 321–326.
14. Kim H. S., Eom K., Panzone L.A., Sherman D.K. Why do I act for the environment. Socioeconomic status moderates the relationship between climate change beliefs and sustainable actions // Motivation Science. 2024.
15. Вьяльцев А.В. Оценка рисков и разработка стратегий по предотвращению экологических катастроф на промышленных объектах // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 5–1. С. 197–204.

THE IMPACT OF CLIMATE FACTORS ON SOCIAL ADAPTATION: ASPECTS OF ENSURING ENVIRONMENTAL JUSTICE

Zaripov R.M.

This article examines the social consequences of the climate crisis as a key challenge to the principles of environmental justice. The introduction justifies the relevance of the problem by emphasizing that climate change is a powerful driver of social transformation that exacerbates existing inequalities. Vulnerable population groups—low-income households, indigenous peoples, women, children and migrants—bear a disproportionately high share of the damage. Although they have made minimal contributions to global warming, they are the first to face its destructive effects: loss of livelihoods, forced migration, erosion of cultural identity and dwindling access to resources. Historical patterns of colonialism and uneven development reinforce this injustice. The main focus is on analyzing the adaptive capacities of these communities. Materials and methods include an analysis of the interconnections between climate risks (droughts, floods, extreme temperatures) and socioeconomic factors (poverty, access to infrastructure, social protection), demonstrating how these factors mutually intensify vulnerability. The systemic nature of these problems is underscored, calling for the inclusion of the human dimension in climate policy. Results and discussion reveal a complex picture: on one hand, communities face degradation of traditional lifestyles, rising resource conflicts and limited access to technology and finance; on the other hand, there is significant potential for local adaptation based on traditional knowledge, social cohesion, mutual support and innovative approaches (cooperatives, ecotourism, blending traditional and modern practices). A key conclusion is the need for a paradigm shift: effective adaptation is impossible without ensuring environmental justice. This requires the active involvement of vulnerable groups in decision-making, attention to their specific needs and cultural context, and fair distribution of both risks and benefits arising from adaptation measures and the green transition.

Keywords: climate crisis, environmental justice, vulnerable communities, adaptation strategies, social inequality.

References

1. Sociological agenda // Environmental Sociology. 2023. Vol. 9. No. 1. pp. 1–5.
2. Porfiryov B.N. Priorities of sustainable development and the climate agenda at the beginning of the 2020s in the world and in Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2023. Vol. 241. No. 3. pp. 72–80.
3. Shklyarov A.P. Climate change – a benefit or a problem of modernity // Agricultural Economics. 2021. No. 7 (314). pp. 89–96.
4. Alieva L. V., Khriskevich T.G., Antonova L.V., Dmitriev V.A. The problem of social cohesion in the context of government strategies to combat climate change // Via in Tempore. History. Political Science. 2021. Vol. 48. No. 1. pp. 107–116.
5. Harte M.E. Climate future. Averting and adapting to climate change // Quarterly Review of Biology. 2023. Vol. 98. No. 1. pp. 50–51.
6. The Lancet Regional Health – Americas. Climate change. We must act now to secure a sustainable, healthy future for all // The Lancet Regional Health – Americas. 2023. Vol. 20. pp. 100494.
7. Ivanova Z.I. Socio-economic consequences of the climate crisis. Some assessments // Economics and Entrepreneurship. 2022. No. 10 (147). pp. 57–60.
8. Yoo S., Kumagai J., Managi S. Challenges and opportunities in climate economics // Frontiers in Climate. 2021. Vol. 3. pp. 701818.
9. Lobanov M. M., Lobanova E.Z., Zvezdanovich M. Climate discourse in Russia. From the dichotomy of climate awareness to four forms of climate policy // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2024. Vol. 33. No. 3. pp. 141–169.
10. Schulze K., Schoenefeld J.J., Hildén M. Adapting to climate change. Promises and pitfalls in the diffusion of solutions // Regional Environmental Change. 2024. Vol. 24. No. 1. p. 4.
11. Coumel L. Climate change discourse in Russia. Past and present // Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest. 2022. Vol. 1 № 1. pp. 216–221.
12. Chenet H. Climate change and biodiversity loss. New territories for financial authorities // Current Opinion in Environmental Sustainability. 2024. Vol. 68. p. 101449.
13. Davis C. J., Lewandowsky S. Thinking about climate change. Look up and look around // Thinking and Reasoning. 2022. Vol. 28. No. 3. pp. 321–326.
14. Kim H. S., Eom K., Panzone L.A., Sherman D.K. Why do I act for the environment. Socioeconomic status moderates the relationship between climate change beliefs and sustainable actions // Motivation Science. 2024.
15. Vyaltsov A.V. Risk assessment and development of strategies for preventing environmental disasters at industrial facilities // Education management: theory and practice. 2024. No. 5–1. pp. 197–204.

Влияние человеческого потенциала на профессиональную адаптацию молодых специалистов в условиях неопределенности

Иванов Сергей Юрьевич,

д.социол.н., профессор, завкафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,

к. социол.н., доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,

д.филос.н., профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

Статья посвящена вопросам формирования востребованного человеческого потенциала молодых специалистов. В центре внимания проблемы, связанные с обеспечением успешной профессиональной адаптации молодых специалистов на рынке труда. Большое значение отводится факторам, которые определяют сбалансированный спрос и предложение на рабочую силу. Подчеркивается, что обеспечение занятости молодых специалистов должно решаться в рамках взаимодействия социальных партнеров в контексте многопрофильной подготовки специалистов и активизации гибкой системы профессиональной подготовки с учетом формирования у обучающихся необходимого уровня профессиональной ответственности, передовых нравственных качеств и творческих способностей.

Ключевые слова: социальной партнерство, образование, рынок труда, молодой специалист, профессия, мобильность, занятость, безработица.

В рамках профессионального становления на различных стадиях молодые люди делают целенаправленный выбор о возможных траекториях своего профессионального развития. Современному поколению молодежи приходится принимать решения в непростых условиях. Отмечаемые сегодня тенденции в экономике, обусловленные санкционной политикой, вызывают существенные сдвиги на рынке труда. Фиксируемые при этом рыночные и структурные преобразования меняют ценностные приоритеты и трудовую мотивацию населения. При этом молодым людям зачастую приходится действовать в условиях неопределенности с различной степенью интенсивности. Неопределенность представляется как некоторое состояние знания о незнании, при котором одна или несколько альтернатив приводят к ряду возможных результатов, вероятности которых неизвестны. Обычно это происходит потому, что молодые люди не располагают надежными данными, на основании которых можно было бы принять решение. Это означает, что принятие решений в условиях неопределенности всегда субъективно. Не всегда решение, принимаемое индивидом, может носить объективный характер. Молодежь отличается по своему отношению к неопределенности и формату своего индивидуального развития.

Так, согласно Зазнобовой Т.Н., Иванову И.И., Петровой А.А., Янова Н.Г. и др. акцент в исследовательском плане необходимо делать на системные барьеры в процессе трудоустройства, в их числе: несоответствие полученных знаний требованиям работодателей, недостаточная практика во время обучения. Исследователями предлагаются пути повышения эффективности адаптации через интеграцию практического обучения и наставничества [1, 2, 3].

В работах Дмитриева С.М., Красавина Е.В., Забайкин Ю.В., Петрова Т.М., Харламов М.Ф. и др. приоритет отдается инновационным методам повышения готовности молодежи к рынку труда, такие как проектное обучение, стажировки, международные программы. Обосновывается необходимость формирования гибких компетенций и развития soft skills [4].

Еще одна группа ученых (Безюлева Г.В., Гурьев М.Е., Дикая Л.Г., Кузнецова М.В. и др.) внимание обращают на психологические механизмы адаптации, уровень стрессоустойчивости, мотивация индивида [5, 6, 7, 8]. Выделяются особенности адаптации в зависимости от личностных характеристик и социального окружения. В исследованиях ученых построен психологический профиль молодых специалистов, анализируются способы повышения мотивации и уверенности в себе для успешной адаптации.

Резюмируя отмеченные работы, подчеркнем, что в самом широком смысле слова социальная адаптация – это процесс взаимодействия двух систем «личности и социальной среды», который обуславливает складывающееся субъект-субъектное взаимодействие. Поскольку производственно-трудовая деятельность служит основой жизни и развития личности, коллектива, общества, то процесс адаптации в сфере трудовой деятельности (производственная адаптация) – предмет особого исследовательского внимания.

Целью данной статьи является определение оснований складывающейся неопределенности и социальных рисков, стоящих перед современным поколением молодых специалистов, формирующих свой человеческий потенциал, и определение возможных направлений по их успешной адаптации на рынке труда. Предмет исследования – взаимодействие системы высшего образования и рынка труда в условиях социально-экономической неопределенности.

Молодежь как наиболее уязвимая социальная группа оказывается в группе социального риска. Несомненный интерес представляет те молодые люди, которые подвержены повышенному неопределенности и риску при выборе места своей будущей учебы и работы. К ним относятся те представители молодежи, которые не смогли успешно адаптироваться к будущей профессиональной деятельности.

Процесс профессиональной адаптации будет идти тем успешнее, чем в большей степени нормы и ценности профессии являются и становятся нормами и ценностями отдельного индивида, чем скорее он принимает и усваивает их. В этой связи под профессиональной адаптацией будем понимать социальный процесс освоения личностью новой профессиональной ситуации с учетом имеющегося трудового потенциала. При этом возможны несколько видов причинно-следственных связей в рамках взаимодействия личности и профессиональной среды:

- личность в большей степени влияет на профессиональную среду, а влияние профессиональной среды оказывается незначительной;
- профессиональная среда окажет большее воздействие на личность, при этом возможно изменение поведения личности;
- сопоставимое взаимное влияние личности и профессиональной среды друг на друга.

Социальные партнеры в лице работодателей, представителей государственных органов власти и работников должны ориентироваться на такие рыночные регуляторы как спрос, предложение и достойная оплата труда. Основным ориентиром видится в создании условий для эффективной занятости, в том числе и такой группы социального риска как молодые специалисты. Это позволит снизить неопределенность, следовательно, многие социальные риски, в принятии решений для молодых людей, выходящих на рынок труда.

Особым вопросом является восприимчивость различных групп населения, в том числе молодежи, к экономической активности и структурной перестройки рынка труда. Сегодня отмечается общий позитивный тренд на уменьшение уровня безработицы. Так, только за период 2023–2024 гг. уровень безработицы в целом по стране заметно снизился (с 3,6% до 2,3%), а количество потенциальной рабочей силы уменьшилось на 121 тыс. человек. Вместе с тем, по прогнозу аналитиков Банка России, в 2025 году средняя безработица будет зафиксирована на уровне 2,5% и вырастет в 2026 г. – до 2,7% (–0,1 п.п.) и в 2027 г. – до 3,0% (+0,1 п.п.) [9].

У молодежи фиксируется востребованный трудовой потенциал. Тем не менее, приходится отмечать определенные проблемы, связанные с отсутствием опыта работы у более чем половины выпускников с высшим образованием. На долю молодежи в возрасте до 25 лет среди безработных приходилось в 2023 г. – 21,0%, в 2024 г. – 20,8 [10]. Позитивным моментом является то, что в рамках отмечаемого дефицита трудовых ресурсов и роста государственных расходов компании стали все активнее нанимать молодежь. Согласно данным официальной статистики, только за период 2020–2024 гг. доля безра-

ботной молодежи в возрасте 15–24 года снизилась более чем в два раза – с 17,3% до 8,5%. Вместе с тем измеряемые производственные характеристики незначительно влияют на различия среди молодежных групп. Сохраняется рыночная дискриминация в непропорциональных количествах занятых в разрезе невысокой оплаты труда для молодежи. Отмечаемые разрывы между уровнем зарплаты молодежью и производительностью труда показывает, что в экономике сохраняются существенные проблемы и в отношении активного использования молодых кадров. Каждый третий молодой человек сталкивается с проблемой устройства не по специальности [11].

Безусловно, структурный запрос рынка труда не всегда согласуется с ожиданиями и возможностями различных групп молодых специалистов. По существу, фиксируются высокие затраты на их приспособление к окружающей среде и социальные риски работодателей при их найме. Ситуация обостряется и низкой трудовой мотивацией молодежи, при нежелании работодателей брать на работу неопытных сотрудников. По данным крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HH.ru, на настоящее время в РФ работает 69% молодежи в возрасте 18–25 лет. Около 77% молодежи ожидают, что работа должна приносить радость и удовлетворение, а 72% хотят с ее помощью найти свое предназначение [12].

Одним из препятствий в снижении трудовой мотивации молодого человека могут стать барьеры, связанные как с получаемой специальностью, имеющей перевес теоретического опыта над практическим, так и неудачные карьерные треки в профессиональной сфере, связанные с невысоким уровнем компетенций, относящихся непосредственно к полученной специальности. Такие снижающие трудовую мотивацию факторы, а также публичная демонстрация в социальных сетях гедонистического образа жизни все чаще приводит к формированию целого поколения, которых многие исследователи обозначили термином «ни-ни» (NEET) – поколения, не желающих ни учиться, ни работать, приводящих к деактивации ценности диплома о высшем образовании и снижении уровня потребности в трудовой адаптации и интеграции в социум. Для части этого поколения выбор такого образа жизни связан с затянувшимся поиском последующих жизненных траекторий и интересной работы, для других это невозможность найти достойную работу с достойной оплатой их труда, большинство же отказываются от работы вообще, занимаясь малозначительными подработками и ведя иждивенческий образ жизни. Многие специалисты связывают такой тип поведения с демонстративным потреблением и жизненным принципом «здесь и сейчас».

Интерес представляют результаты социологического опроса «Молодые преподаватели педагогических вузов государств-участников СНГ», проведенного лабораторией социальных технологий кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой в марте 2023 г. Цель исследования состояла в изучении особенностей развития молодых преподавателей, а также выявление факторов, влияющих на повышение их участия в научно-педагогической деятельности.

Одна из задач исследования состояла в выявлении мотивов выбора профессии преподавателями высшей школы. Обратимся к полученной структуре мотивов выбора профессии преподавателя (табл. 1).

Результаты опроса показывают, что в структуре ответов доминирующие позиции занимают нематериальные мотивы выбора профессии. В Топ-3 основных мотивов выбора профессии преподавателя доминирующие позиции входят: люблю давать знания (23%), любят работать

с людьми (23%), в целях саморазвития (22%). Примечательно, что участники опроса, ориентирующиеся на про-

должение работы в вузе, чаще, чем в среднем по выборке, отмечали данные позиции.

Таблица 1. Мотивы выбора профессии преподавателя, %

Оценочные позиции	Стаж работы						Продолжение работы в вузе		Всего
	Отсутствует	До 1 года	1-3 года	4-5 лет	6-10 лет	Более 10 лет	Да	Нет	
1. Люблю давать знания	11,8	18,3	25,4	25,2	22,2	22,8	22,9	20,7	23,2
2. Люблю работать с людьми	11,8	21,9	20,3	24,5	23,3	28,5	23,7	18,3	23,0
3. В целях саморазвития	23,5	24,2	23,6	20,5	21,3	19,8	22,4	18,9	22,1
4. Стабильная занятость и социальная защита	17,6	11,8	12,0	11,9	14,1	8,7	13,3	6,7	12,1
5. Высокий социальный статус	5,9	8,8	6,8	5,1	3,6	6,5	6,4	4,3	5,9
6. Продолжаю семейные традиции	0,0	4,2	4,7	5,1	4,8	9,5	5,5	7,9	5,3
7. Другое	23,5	5,2	4,7	4,7	6,8	2,7	3,2	14,0	5,2
8. На работу всегда можно легко устроиться	5,9	3,9	2,0	1,6	2,1	0,8	1,4	6,7	2,1
9. Эта работа хорошо оплачивается	0,0	1,6	0,6	1,4	1,8	0,8	1,3	2,4	1,2

Существенное влияние на распределение ответов оказывает стаж работы. С повышением стажа работы возрастает доля тех, кто любит работать с людьми. Напротив, представители преподавателей, имеющих стаж работы до 3-х лет гораздо чаще, чем другие, отмечали саморазвитие как цель выбора профессии.

О стабильной занятости и социальной защите заявили лишь 6% респондентов. Чаще, чем в целом по выборке, данную позицию отмечали молодые преподаватели, не имеющие опыта работы. Более того, с повышением опыта работы, уменьшается доля тех, кто полагает, что на работу можно легко устроиться.

Аутсайдером в оценочном ряду оказывается мотив, связанный с хорошей оплатой работы преподавателя. Как можно заметить, молодые преподаватели, как собирающиеся продолжать работу в вузе, так и не собирающиеся работать, изначально ориентируются на невысокую оплату преподавательского труда.

Уровень полученной молодыми подготовки представляет собой важнейший социально-экономический фактор интенсификации производства, определяющий социально-экономический потенциал общества. Поэтому на повестке – вопрос постоянного улучшения качества подготовки молодых специалистов.

Удовлетворенности молодых специалистов работой, предполагает сочетание различных обстоятельств, обеспечивающих комфортные условия жизнедеятельности и профессионального развития. В расчет принимается не только достойная заработная плата, но и социальные ожидания, возможности для карьерного продвижения, свободное время и др. Значимая доля выпускников вузов амбициозны, они многого ждут от будущей работы. При трудоустройстве они часто ориентируются на престижность работодателя, инновационность компании и комфортные условия труда.

Оценка соответствия работы полученному образованию – это субъективный показатель, однако он также влияет на общий уровень восприятия работы и удовлетворённости от неё, снижает неопределенность при выборе работы. Полученные результаты подтверждают, что образование не всегда в полной мере отвечает запросам работодателей, в силу ряда объективных причин. Одна-

ко на первое место выходит способность молодого человека адаптироваться к новым условиям труда.

Нередки ситуации, при которых после окончания вуза молодые люди, меняют свою специальность. Исследования профильных специалистов показывают, что высокая приверженность профессии ограничена достаточно узким кругом направлений подготовки (юристы, учителя средней школы, it-специалисты). Это обусловлено сохраняющейся асимметрией между спросом и предложением по различным видам экономической деятельности, наличием работы, аккумулирующей избыточное высшее образование. Например, результаты исследования, проведенного Е. Кузнецовой, фиксируют, что наиболее высоко оценивают пользу от образования представители инженерных и медицинских направлений подготовки, в меньшей степени – гуманитарных направлений подготовки [13].

Особого внимания заслуживает подход к анализу человеческого потенциала как совокупность востребованных образовательных, профессиональных и квалификационных характеристик работника, обеспечивающих его успешную адаптацию на рынке труда. Так, в качестве основания для адаптации молодых специалистов на рынке труда Карабчук Т.С., Рыжикова З.А. рассматривают отдачу от высшего образования в условиях быстро меняющегося спроса [14]. Поэтому одна из ключевых задач системы образования видится в формировании профессиональных компетенций обеспечивающих успешную адаптацию на рынке труда по относительно широкому перечню направлений, обеспечивающих необходимый профессиональный выбор. Очевидно, что особо выделяются те направления профессиональной подготовки, которые обеспечивают возможность многопрофильной занятости на протяжении всей трудовой жизнедеятельности. В условиях развития рыночной экономики по-прежнему относительно высокий спрос прослеживается по направлениям социально-экономического и нормативно-правового блоков, востребованных по различным видам профессиональной деятельности.

Проблема трудоустройства представителей современного поколения молодежи напрямую связана и с их «усеченной» профессиональной мобильностью. Про-

веденное сервисом HH.ru исследование, также подтверждает, что по состоянию на начало 2025 г., потенциально для молодых соискателей в возрасте от 14 до 24 лет годится всего лишь 9% всех вакансий на рынке. Это рабочие места, которые не требуют опыта работы, допускают частичную занятость и дают возможность совмещать учебу с работой. В топ-5 профессиональных сфер, с наиболее востребованным спросом вошли «Продажи, обслуживание клиентов» (47% от общего числа вакансий для молодых), «Транспорт, логистика, перевозки» и «Розничная торговля» (по 27%), «Административный персонал» (22%), и «Туризм, гостиницы, рестораны» (13%) [15, 16].

Ключевые причина отмеченных негативных явлений, лежит в глубине организации системы профориентационной работы, не интересующей молодежь в развитии своих профессиональных качеств. Фиксируются недостатки системы «локализованного» (узкопрофильного) образования, которая не ориентирует должным образом на формирование у обучающихся необходимого уровня профессиональной ответственности, передовых нравственных качеств и творческих способностей в условиях быстроизменяющейся, непредсказуемой социально-экономической ситуации.

В этой связи задача видится и в коренной переориентации всех звеньев системы образования, использовании таких форм и методов учебно-воспитательной деятельности, которые формируют творчески развитую личность специалиста.

С одной стороны, существует объективная необходимость повышения уровня образования населения в сложившихся социально-экономических условиях, что особенно актуально для молодежи. Это, безусловно, важная задача государства, поскольку уровень образования населения рассматривается как один из резервов экономического роста и развития страны, следовательно, необходимо поддерживать и повышать его уровень. С другой стороны, молодежь должна быть заинтересована в получении профессионально значимых знаний и навыков для обеспечения более высокого дохода, и перспектив карьерного роста. Тем не менее, данные социальной статистики фиксируют, что численность молодежи, желающей получить высшее образование, снижается. Во много это обусловлено наличием барьеров для получения качественного образования.

В этой связи ориентир в совершенствовании профессиональной подготовки в контексте снижения социальной неопределенности видится в актуализации успешных образовательных траекторий, соответствии квалификации выпускника запросам работодателя. Для этого должна быть сформирована гибкая и эффективная система подготовки специалистов, ориентированных на запросы экономики. Данная система должны быстро приспосабливаться к изменяющимся запросам времени. Руководителям органов государственного управления необходимо согласование объемов и профессионально-квалификационной структуры подготовки рабочих и специалистов с учетом потребности территориальных рынков труда.

Литература

1. Иванов И.И., Петрова А.А. Профессиональная адаптация молодых специалистов: теоретические аспекты и практическое применение [Электронный ресурс]//Научный журнал «Современные проблемы науки и образования»: сведения, относящиеся к заглавию/Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный универси-

тет». URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29527>

2. Янова М.Г., Адольф В.А., Янов В.В. Реализация целевой модели наставничества в образовательных организациях: учебное пособие. – Красноярск, 2021. – 84 с.
3. Красавина Е.В., Забайкин Ю.В., Харламов М.Ф. Методы и технологии профессиональной адаптации молодых специалистов в учреждениях социальной защиты//Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Том 9. – № 7А. – С. 181–188.
4. Петрова Т.Н., Дмитриева С.Н., Евдокорова Т.В. Профессионально-личностное становление будущего педагога в условиях предпрофессиональной подготовки. Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Педагогика. Психология. Философия». Pedagogics. Psychology. Philosophy». – 2022, (4):67–73.
5. Безюлева Г.В. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов. – М.: МПСИ, 2008. – 320 с.
6. Гурьев М.Е. Теоретические аспекты исследования трудовой адаптации и адаптационного потенциала в психологии//В сборнике: Наука и образование: Материалы I международной научно-практической конференции. – М.: Вектор науки, 2014. – С. 148–151.
7. Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психологическая адаптация и социальная среда. Современные подходы, проблемы, перспективы. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 624 с.
8. Кузнецова М.В. Теории профессиональной адаптации: современный взгляд [Электронный ресурс]// Вестник психологии и педагогики: сведения, относящиеся к заглавию / Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://www.psychology.spbu.ru/journal/view/6789>
9. Макроэкономический прогноз Банка России. – URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/
10. Уровень безработицы в РФ в сентябре (2024 г.) составил 2,4%. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22273309>
11. За 5 лет уровень безработицы среди молодежи в РФ снизился более чем в два раза. – URL: <https://www.finmarket.ru/news/6401929>
12. Бычкова С.Г. Социальная статистка. – М., 2014. – С. 231.
13. Молодежь за деньги не купишь. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/molodezh-za-dengi-ne-kupish/>
14. Российский работник: образование, профессия, квалификация/под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. – М., 2011. – С. 189.
15. Лишь 9% всех вакансий на рынке труда потенциально подходят молодым соискателям. – URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2024/01/29/1017177-lish-9-vseh-vakansii-na-rinke-truda-potentsialno-podhodyat-molodim-soiskatelyam?from=copy_text
16. Рынок труда. – URL: https://hh.ru/articles/labour-market?from=footer_new&htmlFromLabel=footer_new&htmlFrom=article

THE IMPACT OF HUMAN POTENTIAL ON THE PROFESSIONAL ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

The article is devoted to the issues of formation of the demanded human potential of young specialists. The focus is on the problems

associated with ensuring the successful professional adaptation of young specialists in the labor market. Great importance is attached to the factors that determine the balanced demand and supply of labor. It is emphasized that the employment of young specialists should be solved within the framework of interaction of social partners in the context of multidisciplinary training of specialists and activation of a flexible system of vocational training, taking into account the formation of the necessary level of professional responsibility, advanced moral qualities and creative abilities in students.

Keywords: social partnership, education, labor market, young specialist, profession, mobility, employment, unemployment

References

1. Ivanov I.I., Petrova A.A. Professional adaptation of young specialists: theoretical aspects and practical application [Electronic resource] // Scientific journal "Modern Problems of Science and Education": information related to the title / Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State University". URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=29527>
2. Yanova M.G., Adolf V.A., Yanov V.V. Implementation of the target model of mentoring in educational organizations: a tutorial. – Krasnoyarsk, 2021. – 84 p.
3. Krasavina E.V., Zabaikin Yu.V., Kharlamov M.F. Methods and technologies of professional adaptation of young specialists in social protection institutions // Economics: yesterday, today, tomorrow. – 2019. – Vol. 9. – No. 7A. – P. 181–188.
4. Petrova T.N., Dmitrieva S.N., Evdokarova T.V. Professional and personal development of a future teacher in the context of pre-professional training. Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series "Pedagogy. Psychology. Philosophy". Pedagogics. Psychology. Philosophy ». – 2022, (4): 67–73.
5. Bezyuleva G.V. Psychological and pedagogical support for professional adaptation of pupils and students. – M.: MPSI, 2008. – 320 p.
6. Guryev M.E. Theoretical aspects of the study of labor adaptation and adaptation potential in psychology // In the collection: Science and education: Proceedings of the I international scientific and practical conference. – M.: Vector of science, 2014. – P. 148–151.
7. Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Psychological adaptation and social environment. Modern approaches, problems, prospects. – M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2007. – 624 p.
8. Kuznetsova M.V. Theories of professional adaptation: a modern view [Electronic resource] // Bulletin of Psychology and Pedagogy: information related to the title / St. Petersburg State University. URL: <https://www.psychology.spbu.ru/journal/view/6789>
9. Macroeconomic forecast of the Bank of Russia. – URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/
10. The unemployment rate in the Russian Federation in September (2024) was 2.4%. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22273309>
11. Over 5 years, the unemployment rate among young people in the Russian Federation has decreased more than twice. – URL: <https://www.finmarket.ru/news/6401929>
12. Bychkova S.G. Social statistics. – Moscow, 2014. – P. 231.
13. You can't buy youth for money. – URL: <https://expert.ru/obshchestvo/molodezh-za-dengi-ne-kupish/>
14. Russian worker: education, profession, qualification / edited by V.E. Gimpelson, R.I. Kapelyushnikov. – M., 2011. – P. 189.
15. Only 9% of all vacancies on the labor market are potentially suitable for young applicants. – URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2024/01/29/1017177-lish-9-vs-eh-vakansii-na-rinke-truda-potentsialno-podhodyat-molodim-soiskatelyam?from=copy_text
16. Labor market. – URL: https://hh.ru/articles/labour-market?from=footer_new&hhtmFromLabel=footer_new&hhtmFrom=article

Исследование состояния сферы ЖКХ в г.о. Красногорск Московской области: результаты социологического опроса

Карпова Галина Геннадьевна,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и рекламных коммуникаций ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)»
E-mail: karpgal@mail.ru

Лябах Андрей Юрьевич,

независимый исследователь
E-mail: 0190555@mail.ru

В статье отражены результаты проведения социологического опроса жителей городского округа Красногорск Московской области на предмет состояния сферы ЖКХ в городском округе. Выявлены проблемы частого отключения теплоснабжения с зимний период, недостаточно результативной работы по подписанию паспортов готовности домов к отопительному периоду, недостаточной результативности работы управляющих организаций по проведению регулярной уборки подъездов в многоквартирных домах. В общем и целом, выявлен достаточно низкий уровень информированности населения о работе органов власти, о проведении выездных администраций и информированности населения о необходимости проведения собраний собственников жилья для ускорения сроков проведения капитального ремонта домов. Авторы исследования приходят к выводу о необходимости модернизации муниципальных программ г.о. Красногорск «Экология и окружающая среда», «Развитие инженерной инфраструктуры, энергоэффективности и отрасли обращения с отходами» путем расширения количества показателей и целевых мероприятий.

Ключевые слова: городской округ Красногорск, жилищно-коммунальное хозяйство, капитальный ремонт домов, Московская область, отопительный период, социологический опрос.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена несколькими тезисами:

Во-первых, на момент 2024 года степень износа коммунальных сетей в Московской области составляет около 80% [1], что является критическим показателем и требует срочных действий от органов государственной и муниципальной власти, а также ресурсоснабжающих организаций.

Во-вторых, в Московской области запущен комплекс государственных программ по модернизации коммуникаций и в целом сферы ЖКХ, которые в совокупности подразумевают самую масштабную модернизацию сетей, коммуникаций и функционирования организаций, осуществляющих деятельность в сфере ЖКХ. По словам Губернатора Московской области А.Ю. Воробьева, совершенствование работы жилищно-коммунального хозяйства является приоритетной задачей для Московской области [2].

В-третьих, проблематику развития сферы ЖКХ в Московской области анализировало множество исследователей. Так исследовательский коллектив, рассматривающий политические аспекты модернизации сферы ЖКХ приходит к выводу о недостаточной согласованности ведомств и структурных подразделений области, и необходимости повышения уровня координации государственных и муниципальных органов власти, а также государственных и муниципальных организаций, функционирующих в сфере ЖКХ [3, с. 142].

Также стоит упомянуть, что сфера развития ЖКХ в Московской области является предметом диссертационных исследований по экономическим наукам. Автор В.В. Стрельченко, в своем диссертационном исследовании рассматривает опыт развития ЖКХ в одном из областных городских округов и приходит к выводу о необходимости внедрения механизмов инновационного развития в систему управления в данной сфере [4, с. 8].

Проводя анализ публикаций по состоянию сферы ЖКХ в г.о. Красногорск можно выделить статью авторов Е.В. Фроловой и Е.С. Сергеевой, которые в своей работе отмечают целый ряд проблем в сфере ЖКХ, основные из которых: высокие тарифы по оплате за услуги ЖКХ и износ основных фондов [5, с. 546]. Также исследователи М.Ю. Кузнецов и А.П. Чумаченко в своей работе о муниципальном контроле в г.о. Красногорск (частью которого является муниципальный жилищный контроль) отмечают, что деятельность по муниципальному контролю в г.о. Красногорск находится на крайне низком уровне [6, с. 7], что также обуславливает наличие проблем, изложенных выше.

Цель данного исследования: провести анализ мнения населения г.о. Красногорск по определению актуального состояния развития сферы ЖКХ в городском округе.

Метод исследования: социологический опрос в виде анкетирования.

Далее дадим характеристику проведенного социологического исследования: генеральная совокупность исследования составляет 193127 человек. Доверительный интервал исследования составляет 3%, доверительная вероятность 95%, требуемая выборка составляет 1063 респондента, при опрошенных 1109 человек, что позво-

ляет прийти к выводу о репрезентативности результатов исследования. Опрос проводился в онлайн формате, путем рассылки анкеты через тематические группы в социальных сетях в ноябре 2024 года [7].

Далее дадим характеристику опрошенных. Из них 56% – женщины и 44% мужчины, средний возраст опрошенных составляет 42 года. Территориально респонденты были распределены следующим образом: город Красногорск – 31%, поселок Нахабино – 21%, поселок Опахи – 12%, микрорайон Путилково – 8%, микрорайон Павшинская Пойма – 7%, поселок Ильинское-Усово – 7%, поселок Архангельское – 2%, поселок Гольево – 5%, поселок Полушкинские Дачи – 3%, Петрово-Дальнее – 2%, Мечниково – 1%, Губайлово – 1%. Таким образом охвачены территории всех микрорайонов г.о. Красногорск, что также позволяет судить о высоком уровне репрезентативности исследования.

Далее перейдем к непосредственному анализу результатов опроса, к ответам на вопрос о том, как часто в домах жителей проходили отключения отопления (см. рисунок 1).

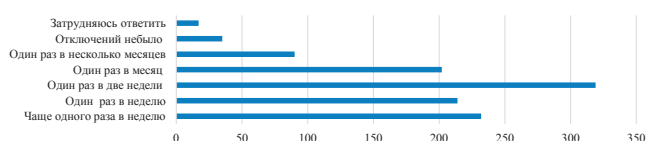

Рис. 1. Ответ респондентов на вопрос: «Как часто в зимний период 2023–2024 гг. происходили отключения отопления в Вашем доме?»

Анализируя результаты ответов респондентов, приведенные на рисунке 1, авторы статьи приходят к выводу о том, что в зимний период 2023–2024 гг. отключения отопления в домах в г.о. Красногорск происходили достаточно часто. Если суммировать полученные ответы, то более одного раза в две недели отопление отключали у 765 опрошенных или у 68,9% респондентов.

Территориально отключения наиболее часто отключение наблюдались у жителей города Красногорск, микрорайона Путилково, микрорайона Павшинская Пойма. Авторы исследования связывают подобное территориальное разделение с двумя факторами: во-первых, с тем, что сравнительно наибольшее количество домов в городском округе находится именно в городе Красногорск. Во-вторых, микрорайон Путилково – это новые дома, многоэтажной застройки, теплоснабжение которых создает достаточно серьезную нагрузку на теплосеть, что повышает риск отключений.

Так как один из авторов статьи является жителем г.о. Красногорск, он из своего личного опыта может судить о том, что данная зима действительно изобилвала прорывами в сети теплоснабжения, при этом за прошедший год органы власти не разработали публичного плана или программы по обновлению аварийных сетей коммунальной инфраструктуры (напомним, износ сетей составляет более 80% по Московской области). Более того, запущенная в г.о. Красногорск и реализуемая на момент 2024 года, муниципальная программа «Развитие инженерной инфраструктуры и энергоэффективности» не подразумевает показателем по обновлению аварийной жилищной инфраструктуры [8]. Фактически большая часть показателей направлена на содержание сетей и обеспечение их энергоэффективности, но не на их обновление, при наличии достаточно кризисного значения показателя износа. При этом, стоит отметить наличие действий администрации и АО «Красногорская теплосеть» по обновлению инфраструктуры и установке надземных трубопроводов, которые в некотором роде решают проблему на наиболее изношенных участках

трубопроводов, но вызывают значительный негативный отклик у жителей г.о. Красногорск.

Далее перейдем к ответам респондентов на вопрос о наличии специальных мусорных площадок и контейнеров для крупногабаритного мусора в их районах (см. рисунок 2).

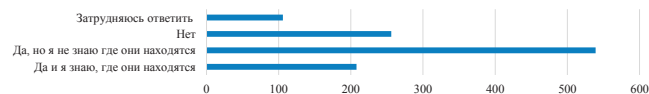

Рис. 2. Ответ респондентов на вопрос: «Есть ли в Вашем районе специальные мусорные площадки и контейнеры для крупногабаритного мусора?»

Анализируя результаты ответов респондентов, приведенные на рисунке 2, авторы статьи приходят к выводу о том, что контейнеры для сбора крупногабаритного мусора в районах есть, при этом население указывает на то, что точно не знает, где именно они находятся, что приводит к появлению проблемы. А именно, жители выбрасывают мебель и крупногабаритный мусор в контейнеры возле домов, которые для этого не предназначены и договор между управляющими компаниями и региональным оператором по вывозу мусора подразумевает работу по определенным объемам мусора, которые превышаются, что приводит к несвоевременному вывозу мусора.

Далее, продолжая некоторую логику предыдущего вопроса, рассмотрим ответы респондентов на вопрос «Часто ли Вы наблюдаете значительные скопления мусора на контейнерных площадках возле Вашего дома?» (см. рисунок 3).

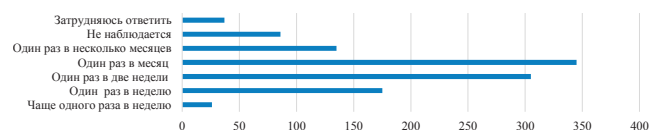

Рис. 3. Ответ респондентов на вопрос: «Часто ли Вы наблюдаете значительные скопления мусора на контейнерных площадках возле Вашего дома?»

Анализируя результаты ответов респондентов, приведенные на рисунке 3, авторы статьи приходят к выводу о том, что в г.о. Красногорск действительно достаточно часто вывоз мусора осуществляется не своевременно. Авторы исследования связывает этот факт с несколькими вероятностными причинами: помимо упомянутого выше выброса в общие контейнеры крупногабаритного мусора, имеет место быть проблема выброса мусора юридическими лицами (магазинами, шиномонтажами и т.д.), находящимися на территории г.о. Красногорск, которые выбрасывают мусор в придомовые контейнеры. Согласно законодательству, юридические лица обязаны заключать отдельный договор на вывоз мусора с ресурсоснабжающей организацией, но с целью экономии средств организации идут на нарушения, что приводит к превышению нормы объема и затрудняет вывоз мусора.

Далее перейдем к анализу ответов респондентов на вопрос о смене управляющих компаний (см. рисунок 4).

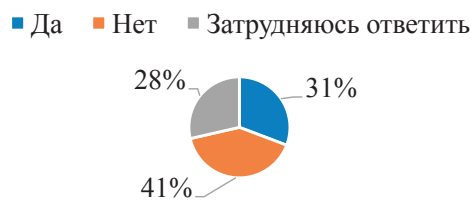

Рис. 4 Ответ респондентов на вопрос: «Происходила ли за последний год в Вашем доме смена управляющей компании?»

Анализируя результаты ответов респондентов, приведенные на рисунке 4, авторы статьи приходят к выводу о том, что более чем у 30% опрошенных происходила смена управляющих компаний за прошедший год (как и у автора исследования). Важным в контексте данного вопроса является то, что 28% опрошенных или 317 человек затруднились ответить на вопрос о смене управляющей компании. Авторы исследования предполагают, что опрошенные в целом не интересуются тем, какая именно у них управляющая компания, следовательно и не осуществляют реального контроля за работой УК.

Следующий вопрос был направлен на оценку результативности работы управляющих компаний по проведению уборки в многоквартирных домах (см. рисунок 5).

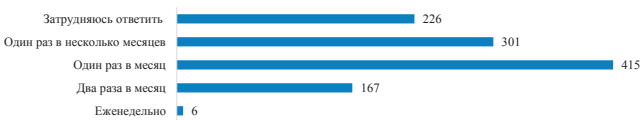

Рис. 5. Ответ респондентов на вопрос: «Как часто проводится влажная уборка подъездов в Вашем доме?»

Анализируя результаты ответов респондентов, приведенные на рисунке 5, авторы статьи приходят к выводу о том, что у большей части опрошенных наблюдается отклонение от норматива, согласно которому влажная уборка подъездов должна проводиться не менее чем два раза в месяц. Данный факт позволяет авторам исследования прийти к выводу о наличии проблемы с работой управляющих компаний, которые не исполняют возложенные на них обязанности в случае с 85% опрошенных респондентов.

Далее перейдем к анализу информации о посещении «выездных администраций» жителями г.о. Красногорск (см. рисунок 6).

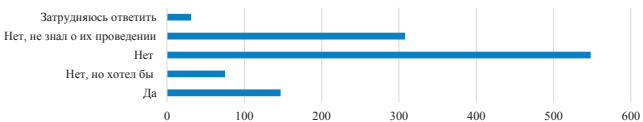

Рис. 6. Ответ респондентов на вопрос: «Посещаете ли Вы выездные заседания администрации?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 6, авторы статьи приходят к нескольким выводам. Во-первых, большая часть опрошенных не посещают выездные администрации, при этом 308 респондентов не знают о их проведении, что в целом позволяет в отрицательном ключе характеризовать деятельность территориальных отделов администрации г.о. Красногорск по информированию населения о проведении мероприятий. Во-вторых, 75 респондентов не принимали участия в данных мероприятиях, при этом указали наличие желания принять в них участие и задать представителям органов власти, ресурсоснабжающих и управляющих организаций вопросы по состоянию жилого фонда и решению проблем жителей.

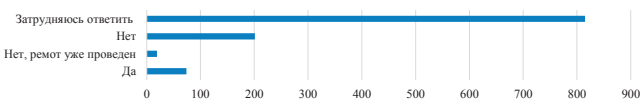

Рис. 7. Ответ респондентов на вопрос: «Находится ли Ваш дом в очереди на проведение капитального ремонта?»

Проводя анализ данных, отраженных на рисунке 7, авторы статьи приходят к нескольким выводам. Во-первых, большая часть респондентов затруднилась ответить на вопрос, что свидетельствует о недостаточно результативной работе органов власти, управления ЖКХ

администрации и территориальных отделов по информированию населения. В общем и целом, капитальный ремонт является одним из основных, а зачастую единственным механизмом, позволяющим решить проблемы с состоянием жилого фонда. При этом сам процесс включения домов в очередь на проведения ремонта может быть инициирован либо самими жителями, либо органами власти и как показывает практика при включении дома в очередь органами власти, ремонт проводится через несколько лет [9, с. 198]. Для более оперативного включения дома в очередь на проведение капитального ремонта, одним из обязательных пунктов является проведение общего собрания собственников жилья, на котором данный вопрос должен обсуждаться. Авторы исследования приходят к выводу о том, что, если опрошенные затрудняются ответить, что и собраний собственников не проводилось и капитальный ремонт в домах жителей будет проведен сравнительно не так скоро. Во-вторых, сравнительно лишь 19 опрошенных указали, что в их домах уже проведен капитальный ремонт, что является крайне незначительным процентом от общего количества опрошенных (1,7%) и позволяет авторам исследования прийти к выводу о недостаточно результативной работе органов власти и организаций, по проведению капитального ремонта.

Далее перейдем к результатам ответа на открытый вопрос о том, какие именно проблемы есть в их домах (см. таблицу 1).

Таблица 1. Проблемы в сфере ЖКХ, указанные жителями г.о. Красногорск

Проблема	Число жителей, которые ее указали
Постоянные отключения горячей воды и отопления	326
Низкое качество (уровень примесей, цвет) воды	504
Замена управляющей компании без проведения собрания собственников жилья	107
Несвоевременная уборка подъездов УК	452
Несвоевременный вывоз мусора	57
Постоянные протечки кровли	179

По данным ответов респондентов, отраженных в таблице 1, авторы исследования приходят к нескольким выводам:

Во-первых, наиболее распространенной проблемой является низкое качество воды в городском округе, данная проблема во многом актуальна для Московской области в целом и системных решений по этому вопросу не принимается [10, с. 45]. Данная проблема усугубляется еще и тем, что качество воды не является целевым показателем муниципальных программ г.о. Красногорск «Экология и окружающая среда», «Развитие инженерной инфраструктуры, энергоэффективности и отрасли обращения с отходами», что снижает вероятность оперативного решения данного вопроса.

Во-вторых, достаточно распространенной проблемой является несвоевременная уборка подъездов управляющими компаниями. Авторы исследования связывают наличие данной проблемы с катастрофической нехваткой кадров в организациях, осуществляющих управление многоквартирными домами [11, с. 137].

В-третьих, наблюдается наличие проблем с отключением теплоснабжения и горячей воды, что является

особенно важным в зимний период. Рассмотрим данную проблему подробнее, так как она имеет достаточно глубокие, системные корни. В данном контексте есть документ – Паспорт обеспечения готовности муниципального образования к отопительному периоду, в рамках которого подписываются паспорта готовности на каждый многоквартирный дом. При подписании данного документа проводится проверка состояния коммуникаций дома, и главное, документ должен быть подписан председателем совета дома, также создается акт оценки обеспечения готовности к отопительному периоду. Проверка по документам должна проводиться достаточно системная и постоянная, при этом статистика показывает износ большей части коммуникаций, а также результаты опроса позволяют прийти к выводу о том, что данная деятельность фактически недостаточно результативна.

Заключение и некоторые итоги

В качестве общих выводов по исследованию сформулируем ряд авторских тезисов:

Во-первых, стоит отметить наличие значительного количества проблем в сфере ЖКХ в городском округе Красногорск, которые, судя по отчетным документам по реализации муниципальных программ и проектов не подразумевает системного или программного решения [8].

Во-вторых, авторы исследования уверены в необходимости расширения показателей и самих программ «Экология и окружающая среда», «Развитие инженерной инфраструктуры, энергоэффективности и отрасли обращения с отходами», путем включения показателей по качеству воды, а также показателей по обновлению сетей теплоснабжения.

В-третьих, как показали результаты опроса, необходимо улучшение качества взаимодействия с председателями совета дома в контексте подписания паспортов готовности домов к отопительному периоду, проведению выездных администраций и в целом по информированию населения и органов власти о состоянии сферы ЖКХ.

В-четвертых, необходима публикация на сайте органов власти, а также в тематических группах данных о проведении региональной программы капитального ремонта, для повышения информированности населения о возможности принятия участия в программе и проведении капитального ремонта домов.

Литература

1. Царьград нашел округа Подмосковья, где износ теплосетей стал критическим [Электр. ресурс]. URL: https://mo.tsargrad.tv/articles/cargrad-nashel-okrugapodmoskovja-gde-iznos-teplosetej-stal-kriticheskim_943528?ysclid=mcd18zpaot650279653 (дата обращения: 17.11.2024).
2. Губернатор Подмосковья Андрей Воробьев выделил 5 направлений развития ЖКХ в регионе [Электр. ресурс]. URL: <https://odin.ru/news/?id=71853&ysclid=mcd2a3ni2p627502791> (дата обращения: 17.11.2024).
3. Карташов, К.И. Совершенствование региональной политики в сфере ЖКХ на примере Московской области / К.И. Карташов, Р.Е. Торгашев // Юность науки: Сборник студенческих научных статей / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. – С. 139–145.
4. Стрельченко, В.В. Организационно-экономический механизм обеспечения инновационного развития жилищно-коммунального хозяйства (на примере Московской области): специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Стрельченко Владимир Владимирович. – Санкт-Петербург, 2012. – 27 с.
5. Фролова, Е.В. Совершенствование деятельности местных органов власти по развитию социальной инфраструктуры Красногорска / Е.В. Фролова, Е.С. Сергеева // Материалы Ивановских чтений. – 2017. – № 1–2(11). – С. 544–550.
6. Кузнецов, М.Ю. Механизм контроля со стороны органов местного самоуправления (на примере г.о. Красногорск Московской области) / М.Ю. Кузнецов, А.П. Чумаченко // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2017. – № 2(20). – С. 7.
7. Социологический опрос жителей г.о. Красногорск Московской области на предмет характеристики состояния сферы ЖКХ [Электр. ресурс]. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeYk4hbgFd-Bae2kstbseq8wQYQwH_rb0q5obWPQX8YBI0Ltiw/viewform?usp=header (дата обращения: 17.11.2024).
8. Сводный годовой отчет о ходе реализации муниципальных программ городского округа Красногорск Московской области в 2024 году [Электр. ресурс]. URL: https://krasnogorsk-adm.ru/netcat_files/multifile/2711/418/Svodnyy_godovoy_otchet_o_hode_realizatsii_munitsipal_nyh_programm_za_2024.pdf (дата обращения: 17.11.2024).
9. Матюшкин, Д.А. Эффективность цифровизационных технологий в фонде капитального ремонта Москвы и Московской области / Д.А. Матюшкин // Актуальные вопросы и перспективы развития региональной и отраслевой экономики: сборник научных статей обучающихся. – Москва: Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский инновационный университет», 2023. – С. 197–201.
10. Цвырь, Е.В. Экологические проблемы использования водных ресурсов в Москве и Московской области / Е.В. Цвырь // Студенческая наука: первые шаги большого пути: Материалы I студенческой научно-практической межвузовской конференции по итогам практик, Москва, 23 октября 2017 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Ритм», 2017. – С. 43–46.
11. Потапенко, О.С. Проблемы кадрового обеспечения ЖКХ региона / О.С. Потапенко // Экономическая политика и ресурсный потенциал региона: Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Брянск, 14 апреля 2020 года. – Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2020. – С. 136–138.

12. Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 13 ноября 2024 г. N 2234 «Об утверждении правил обеспечения готовности к отопительному периоду и порядка проведения оценки обеспечения готовности к отопительному периоду» [Электр. ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=484034&ysclid=mcirayww5q436469205> (дата обращения: 17.11.2024).

RESEARCH OF THE STATE OF THE HOUSING AND COMMUNAL SERVICES SECTOR IN THE URBAN DISTRICT OF KRASNOGORSK, MOSCOW REGION: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY

Karpova G.G., Lyabakh A.Yu

Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art)

The article reflects the results of a sociological survey of residents of the urban district of Krasnogorsk, Moscow Region, on the state of the housing and communal services sector in the urban district. The problems of frequent disconnection of heat supply in the winter period, insufficiently effective work on signing passports of readiness of houses for the heating season, insufficient effectiveness of the work of management organizations in conducting regular cleaning of entrances in apartment buildings were identified. In general, a rather low level of public awareness of the work of government bodies, the conduct of mobile administrations and public awareness of the need to hold meetings of homeowners to speed up the timing of major repairs of houses was revealed. The authors of the study come to the conclusion about the need to modernize the municipal programs of the urban district of Krasnogorsk "Ecology and Environment", "Development of Engineering Infrastructure, Energy Efficiency and Waste Management Industry" by expanding the number of indicators and target events.

Keywords: Krasnogorsk urban district, housing and communal services, major repairs of houses, Moscow region, heating season, sociological survey.

References

1. Tsargrad found districts of the Moscow region where the wear and tear of heating networks has become critical [Electrical resource]. URL: https://mo.tsargrad.tv/articles/cargrad-nashel-okruga-podmoskovja-gde-iznos-teplosetej-stal-kriticheskim_943528?ysclid=mcd18zpaot650279653 (date of access: 11/17/2024).
2. Governor of the Moscow region Andrei Vorobyov identified 5 areas for the development of housing and communal services in the region [Electrical resource]. URL: <https://odin.ru/news/?id=71853&ysclid=mcd2a3ni2p627502791> (date of access: 11/17/2024).
3. Kartashov, K.I. Improving regional policy in the sphere of housing and communal services on the example of the Moscow region / K.I. Kartashov, R.E. Torgashev // Youth of Science: Collection of student research articles / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian State University for the Humanities. – Moscow: Russian State University for the Humanities, 2019. – P. 139–145.
4. Strelchenko, V.V. Organizational and economic mechanism for ensuring innovative development of housing and communal services (using the Moscow region as an example): specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (by industries and areas of activity, including: economics, organization and management of enterprises, industries, complexes; innovation management; regional economics; logistics; labor economics; population economics and demography; economics of natural resource management; economics of entrepreneurship; marketing; management; pricing; economic security; standardization and quality management of products; land management; recreation and tourism)": abstract of a dissertation for the degree of candidate of economic sciences / Strelchenko Vladimir Vladimirovich. – St. Petersburg, 2012. – 27 p.
5. Frolova, E.V. Improving the activities of local authorities in developing the social infrastructure of Krasnogorsk / E.V. Frolova, E.S. Sergeeva // Materials of the Ivanovo Readings. – 2017. – No. 1–2 (11). – P. 544–550.
6. Kuznetsov, M. Yu. Mechanism of control by local governments (on the example of the urban district of Krasnogorsk, Moscow region) / M. Yu. Kuznetsov, A.P. Chumachenko // GosReg: state regulation of public relations. – 2017. – No. 2 (20). – P. 7.
7. Sociological survey of residents of the urban district of Krasnogorsk, Moscow region on the subject of characterizing the state of the housing and communal services sector [Electronic resource]. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeYk4hbgFdBae2kstbseq8wQYQwH_rb0q5obWPQX8YBI0Ltiw/viewform?usp=header (accessed: 11/17/2024).
8. Consolidated annual report on the implementation of municipal programs of the urban district of Krasnogorsk, Moscow region in 2024 [Electronic resource]. URL: https://krasnogorsk-adm.ru/netcat_files/multifile/2711/418/Svodnyy_godovoy_otchet_o_hode_realizatsii_munitsipal_nyh_programm_zh_2024.pdf (accessed: 11/17/2024).
9. Matyushkin, D.A. Efficiency of digitalization technologies in the capital repair fund of Moscow and the Moscow region / D.A. Matyushkin // Current issues and prospects for the development of regional and sectoral economies: a collection of scientific articles by students. – Moscow: Educational private institution of higher education "Moscow Innovation University", 2023. – P. 197–201.
10. Tsvyr, E.V. Environmental problems of water resources use in Moscow and the Moscow region / E.V. Tsvyr // Student science: the first steps of a long journey: Materials of the 1st student scientific and practical interuniversity conference on the results of practices, Moscow, October 23, 2017. – Moscow: Limited Liability Company "Ritm Publishing House", 2017. – P. 43–46.
11. Potapenko, O.S. Problems of staffing the housing and communal services of the region / O.S. Potapenko // Economic policy and resource potential of the region: Collection of articles of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation, Bryansk, April 14, 2020. – Bryansk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bryansk State University of Engineering and Technology", 2020. – P. 136–138.
12. Order of the Ministry of Energy of the Russian Federation dated November 13, 2024 N 2234 "On approval of the rules for ensuring readiness for the heating period and the procedure for assessing readiness for the heating period" [Electronic resource]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=484034&ysclid=mcirayww5q436469205> (date of access: 11/17/2024).

Социологическая работа со случаем – инновационные технологии и подходы

Кокорева Марина Евгеньевна,

к.с.н., доцент кафедры социальной работы ИКПСР, ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет)

Несмотря на значительный интерес к цифровизации в социальной сфере, остаются недостаточно изученными вопросы комплексной оценки её влияния на качество поддержки и особенности внедрения в разных социальных и культурных условиях. *Цель исследования* – изучить инновационные технологии в социологической работе со случаем для повышения эффективности социальной поддержки. *Материалы и методы*. Применены методы контент-анализа и сравнительного анализа, что позволило выявить преимущества и ограничения цифровых решений в практике кейс-менеджмента. *Результаты и обсуждения*. Международный опыт показывает важность комплексных социальных услуг, включая нематериальную поддержку, тогда как российская практика всё ещё ориентирована преимущественно на материальную помощь. Сравнительный анализ традиционного и инновационного подходов выявил преимущества цифровизации в качестве и доступности социальной поддержки. Однако, остаются вызовы, связанные с цифровым неравенством, недостаточной цифровой грамотностью и безопасностью данных. Предложены рекомендации направленные на повышение эффективности социальной поддержки. *Выводы*. Цифровая трансформация социальной сферы расширяет возможности качественной и персонализированной поддержки населения, меняя традиционные методы работы со случаем. Для успешного внедрения инноваций необходим комплексный подход.

Ключевые слова: социальная работа, работа со случаем, социологический подход, инновационные технологии, методы социальной работы, информационные технологии, цифровые инструменты.

Введение

В современном обществе происходят стремительные социально-технологические изменения, которые затрагивают все сферы деятельности человека, в том числе систему социальной поддержки. В условиях цифровизации особую актуальность приобретает социологическая работа со случаем, предполагающая индивидуализированный подход к решению социальных проблем конкретного человека или семьи. Внедрение инновационных технологий в этот процесс открывает новые возможности для повышения эффективности, адаптивности и доступности социальных услуг [1].

Проблема применения инновационных методов в работе со случаем активно исследуется в современной науке. В ряде работ подробно рассматриваются различные цифровые инструменты, кейс-менеджмент и использование информационно-коммуникационных технологий в социальной сфере. Например, в исследовании Гамаевой К.К. и Магомедбеговой С.Х. рассматриваются тенденции развития и внедрения инновационных технологий в сфере социальной работы с пожилыми людьми, акцентируя внимание на повышении качества и доступности предоставляемых услуг [2]. Афанасьева О.О. подчеркивает, что инновации играют ключевую роль в модернизации социальной сферы, способствуя ее адаптации к современным вызовам и эффективному использованию ресурсов [3]. Несмотря на возрастающий интерес научного сообщества к данной тематике, остаются недостаточно изученными вопросы комплексной оценки влияния цифровых технологий на качество социальной поддержки, а также особенности их внедрения в различных социальных и культурных контекстах.

Работа со случаем зарекомендовала себя как эффективный метод практической социальной помощи [4]. Однако традиционные подходы к ее реализации требуют пересмотра в свете современных вызовов, таких как рост цифровых платформ, развитие искусственного интеллекта и появление новых форм коммуникации. Интеграция технологий в кейс-менеджмент позволяет не только оптимизировать рабочие процессы, но и обеспечить более чуткое и персонализированное взаимодействие с клиентами [5]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения и анализа влияния инновационных инструментов на качество и содержание социологической работы со случаем.

Цель работы – изучить инновационные технологии и подходы в социологической работе со случаем для повышения эффективности социальной поддержки.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы разнообразные материалы и методы, направленные на комплексный анализ инновационных технологий и подходов, применяемых в социологической работе со случаем. В качестве основных источников информации были выбраны научные публикации последних лет, отражающие современные тенденции в области цифровизации социальной сферы,

отчеты профильных организаций, содержащие методические рекомендации и аналитические данные. Для обработки и анализа данных были использованы методы контент-анализа и сравнительного анализа. Такой подход позволил получить комплексное понимание преимуществ и ограничений современных технологических решений, используемых в практической социологической деятельности при работе с социальными случаями.

Результаты и обсуждения

Согласно отчетам Программы развития ООН (ПРООН), успешные модели социальной политики в ряде стран основываются на предварительном формировании комплексной системы социальных услуг, направленной не только на удовлетворение текущих потребностей, но и на профилактику социальных рисков. Международный опыт подчеркивает важность создания условий для устойчивого и осознанного спроса на нематериальную помощь, включая психологическую, юридическую, консультативную и медико-социальную поддержку [6]. В российской практике, напротив, до сих пор преобладает компенсаторный подход, при котором основное внимание уделяется предоставлению материальной помощи. Однако результаты современных социологических и маркетинговых исследований свидетельствуют о растущей потребности населения в услугах нематериального характера [7]. Так, по данным ВЦИОМ, индекс потребности россиян в психологической помощи за период с 2022 по 2024 год увеличился в 1,3 раза.

В современных условиях цифровизация социальных услуг и системы управления социальным обслуживанием становится одним из ключевых направлений их модернизации. Различные цифровые технологии позволяют повысить качество обслуживания, упростить доступ к услугам и оптимизировать взаимодействие между ведомствами и гражданами. Ниже, в таблице (табл. 1), представлены ключевые цифровые технологии, применяемые в кейс-менеджменте в социальной сфере, а также примеры их внедрения в России.

Таблица 1. Инновационные цифровые технологии в социальной работе со случаям

№	Технология	Описание	Примеры внедрения
1	Цифровые платформы управления	Системы ведения кейсов и мониторинга	Социальный навигатор, Портал госуслуг (gosuslugi.ru)
2	Мобильные приложения	Упрощенный доступ к услугам	Насилию.нет, Помощь рядом
3	Искусственный интеллект	Анализ кейсов и предиктивные модели	Чат-боты, ML-системы, системы распознавания речи в «Яндекс.Здоровье»
4	Электронные документы	Ускорение межведомственного взаимодействия	ЕМИАС, ЕГИССО

Источник: составлено автором

Анализ представленных цифровых технологий позволяет выделить несколько основных направлений их влияния на практику кейс-менеджмента в социальной сфере.

Во-первых, использование цифровых платформ управления случаями, таких как «Социальный навигатор» и «Госуслуги», способствует систематизации

данных о получателях услуг, автоматизации процессов и обеспечению своевременного межведомственного взаимодействия. Это особенно важно при работе с гражданами, находящимися в трудной жизненной ситуации, где необходима координация действий различных специалистов. Во-вторых, мобильные приложения способствуют повышению доступности социальных услуг, особенно для молодежи и жителей отдаленных регионов. Они позволяют в режиме онлайн получить консультацию, экстренную помощь (например, через приложение «Насилию.нет») или найти ближайшие социальные учреждения. В-третьих, интеграция искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения в систему управления делами позволяет более точно анализировать сложные жизненные ситуации, прогнозировать риски и предлагать оптимальные пути решения проблем. Особенно перспективными являются решения, связанные с чат-ботами и голосовыми ассистентами, которые могут использоваться для первичной консультации или оценки запроса.

В результате внедрения электронных документов и единых информационных систем (ЕМИАС, ЕГИССО) произошло значительное ускорение обмена данными между учреждениями, что снизило бюрократическую нагрузку как на специалистов, так и на заявителей. Это способствовало более оперативному принятию решений в процессе сопровождения конкретного случая.

В таблице (табл. 2) представлен сравнительный анализ традиционного и инновационного подходов по ключевым параметрам, отражающим методы работы, коммуникации и доступности услуг.

Таблица 2. Сравнительный анализ традиционного и инновационного подходов в социальной сфере

Критерий	Традиционный подход	Инновационный подход
Инструменты	Бумажные носители	Цифровые платформы и искусственный интеллект (ИИ)
Коммуникация	Очные встречи	Онлайн-связь, чат-боты
Доступность	Часы приема, долгое ожидание	Круглосуточный доступ (24/7) через мобильные приложения

Источник: составлено автором

Как видно из таблицы, инновационный подход позволяет повысить скорость и качество обслуживания, расширить возможности коммуникации и сделать услуги более доступными для пользователей в любое время. Внедрение цифровых технологий способствует оптимизации затрат и позволяет более точно учитывать индивидуальные потребности клиентов.

Таким образом, внедрение цифровых инноваций меняет логику работы с каждым случаем: от фрагментарного реагирования к более персонализированному, координированному и проактивному подходу. Однако существуют вызовы, такие как цифровое неравенство, недостаточная цифровая грамотность отдельных групп населения, а также вопросы защиты персональных данных. Таким образом, на основании проведенного исследования мною предложены рекомендации направленные на повышение эффективности социальной поддержки:

- важно разработать адаптированные цифровые сервисы с учетом потребностей разных социальных групп. Следует создавать решения, учитывающие уровень цифровой грамотности, возраст и соци-

альные особенности пользователей, чтобы не допустить усиления цифрового неравенства. Для пожилых людей и сельских жителей необходимы более простые и доступные интерфейсы, а также офлайн-поддержка;

- обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных. Важно внедрять современные стандарты информационной безопасности и соблюдать законодательство о защите персональных данных. Это укрепит доверие населения к цифровым инструментам и предотвратит возможные утечки или злоупотребления;
- повышение цифровой грамотности и регулярное обучение специалистов. Необходимо проводить системные тренинги и курсы повышения квалификации для социальных работников, чтобы они эффективно использовали новые технологии и понимали их потенциал и ограничения. Важно уделять внимание не только техническим навыкам, но и этическим аспектам работы с данными;
- рекомендуется продолжить разработку и поддержку мобильных приложений, предназначенных для предоставления социальных услуг. Следует развивать сервисы, подобные «Насилию.нет» и «Помощь рядом», с функционалом экстренного вызова, онлайн-консультаций и локатора социальных учреждений. Это особенно важно для молодёжи, мигрантов и жителей отдалённых территорий.

Таким образом, предложенные рекомендации позволяют формировать эффективную систему социальной защиты населения, основанную на принципах адресности, прозрачности и максимальной автоматизации процессов предоставления помощи нуждающимся гражданам.

Заключение

Модернизация социального сектора с использованием цифровых технологий значительно расширяет возможности оказания качественной поддержки населению, а также трансформирует традиционные методы социальной работы. Применение передовых технологических решений позволяет создавать персонализированные сервисы, способные оперативно реагировать на разнообразные запросы граждан в условиях динамично меняющейся социальной среды. Эффективное внедрение цифровых инноваций требует разработки комплексной стратегии, включающей в себя адаптацию услуг под различные категории населения, обеспечение защиты персональных данных и постоянное повышение квалификации сотрудников социальных служб. Реализация этих мер способствует формированию устойчивой системы социального обеспечения, ориентированной на потребности граждан и готовой к эффективному решению задач современного общества.

Литература

1. Balashov A.I. Conditions for the development of innovations in the social sphere // Russian Journal of Management. 2022. no. 1. pp. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-1-81-85>
2. Гаматаева, С.Х. Основные направления развития инновационных технологий в социальной работе с пожилыми людьми / С.Х. Гаматаева, К.К. Магомедбегова // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Т. 4, № 6. – С. 43–47. – EDN SAFDVO.
3. Афанасьева, О.О. Применение инновационных технологий в развитии социальной работы / О.О. Афа-

насьева // Отечественный журнал социальной работы. – 2018. – № 4(75). – С. 54–59. – EDN ZBFRWH.

4. Арчакова Т.О., Геласимова А.В., Данилкина Д.Д., Деснянская О.В., Иванова А.В., Курчанова Ю.Р., Сурмило А.Э. Работа со случаем в профилактике социального сиротства: практические инструменты для куратора случая. Опыт БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам» – М.: БФ «Волонтеры в помощь детям-сиротам», 2019. – 73 с.
5. Юнусова Н. Ш., Хасанова Ш.А., Жуманова Л.А. Инновационные подходы к улучшению социальной гигиены через технологии и цифровизацию // Экономика и социум. 2024. № 4–1 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-podhody-k-uluchsheniyu-sotsialnoy-gigieny-cherez-tehnologii-i-tsifrovizatsiyu> (дата обращения: 29.06.2025).
6. UNDP'S social protection offer 2.0. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-11/UNDP-Social-Protection-Offer-2.0.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 28.06.2025)
7. Индекс потребности россиян в психологической поддержке. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 28.06.2025)

SOCIOLOGICAL WORK WITH A CASE – INNOVATIVE TECHNOLOGIES AND APPROACHES

Kokoreva M.E.

Pirogov Russian National Research Medical University

Despite significant interest in digitalization in the social sphere, the issues of a comprehensive assessment of its impact on the quality of support and the specifics of implementation in different social and cultural conditions remain insufficiently studied. The purpose of the study is to examine innovative technologies in sociological case work to improve the effectiveness of social support. Materials and methods. The methods of content analysis and comparative analysis were used, which made it possible to identify the advantages and limitations of digital solutions in case management practice. Results and discussions. International experience shows the importance of comprehensive social services, including non-material support, while Russian practice is still focused primarily on material assistance. A comparative analysis of traditional and innovative approaches revealed the advantages of digitalization in the quality and availability of social support. However, challenges remain related to digital inequality, insufficient digital literacy and data security. Recommendations are proposed to improve the effectiveness of social support. Conclusions. Digital transformation of the social sphere expands the possibilities of high-quality and personalized support for the population, changing traditional methods of working with a case. An integrated approach is needed for the successful implementation of innovations.

Keywords: social work, case work, sociological approach, innovative technologies, methods of social work, information technology, digital tools.

References

1. Balashov A.I. Conditions for the development of innovations in the social sphere // Russian Journal of Management. 2022. no. 1. pp. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-1-81-85>
2. Gamataeva, S. Kh. Main directions of development of innovative technologies in social work with the elderly / S. Kh. Gamataeva, K.K. Magomedbegova // Russian Economic Bulletin. – 2021. – Vol. 4, No. 6. – P. 43–47. – EDN SAFDVO.
3. Afanasyeva, O.O. Application of innovative technologies in the development of social work / O.O. Afanasyeva // Domestic journal of social work. – 2018. – No. 4 (75). – P. 54–59. – EDN ZBFRWH.
4. Archakova T.O., Gelasimova A.V., Danilkina D.D., Desnyanskaya O.V., Ivanova A.V., Kurchanova Yu.R., Surmi-

- lo A.E. Working with a case in the prevention of social orphanhood: practical tools for a case manager. Experience of the Charitable Foundation "Volunteers to Help Orphans" – M.: Charitable Foundation "Volunteers to Help Orphans", 2019. – 73 p.
5. Yunusova N. Sh., Khasanova Sh. A., Zhumanova L.A. Innovative approaches to improving social hygiene through technology and digitalization // Economy and Society. 2024. No. 4–1 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-podhody-k-uluchsheniyu-sotsialnoy-gigieny-cherez-tehnologii-i-tsifrovizatsiyu> (date of access: 29.06.2025).
6. UNDP'S social protection offer 2.0. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-11/UNDP-Social-Protection-Offer-2.0.pdf?utm_source=chatgpt.com (date of access: 28.06.2025)
7. Index of Russians' need for psychological support. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/index-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (date of access: 28.06.2025)

Методы оценки цифровой зрелости компании для улучшения социального климата в коллективе

Коротков Никита Игоревич,

аспирант, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный институт)

E-mail: ort-korotkov@mail.ru

В статье проводится анализ имеющихся методов оценки цифровой зрелости компании, которые могут быть эффективны для описания социального климата в коллективе. Такой анализ важен, так как современные условия развития общества и цифровой среды диктуют новые требования потребителей к товарам, услугам. Поэтому пристальное внимание уделяется деятельности компаний, способных противостоять рискам с помощью внедрения средств цифровизации и инструментов. Цель статьи состоит в том, чтобы предложить обновлённый метод оценки цифровой зрелости компании для улучшения социального климата в коллективе. Теоретический обзор в статье содержит научные подходы авторов и исследователей к термину «цифровая зрелость». Особый акцент уделяется важности поддержания хорошего социального климата в коллективе как фактору повышения производительности и конкурентоспособности.

Научная новизна статьи состоит в том, чтобы были уточнены знания, касающиеся современных методов оценки цифровой зрелости компаний, а также на основе изученных подходов обоснован новый метод с акцентом на улучшение социального климата. Данный подход важен, так как поможет оценить комплексно компанию с точки зрения социологических аспектов. Результаты работы подчеркивают необходимость разработки и обновления знаний по методам оценки цифровой зрелости компании, так как технологический прогресс не стоит на месте, а инструменты постоянно обновляются. Их внедрение в деятельность является важным аспектом не только повышения эффективности работы компании, но и улучшения социального климата в коллективе.

Ключевые слова: цифровая зрелость, социальный климат, коллектив, цифровизация, методы оценки.

Введение

Актуальность темы данной работы объясняется тем, что на современном этапе развития общества цифровизация затронула все сферы, позволяя потребителям получать доступную информацию о товарах, услугах, компаниях в целом. Развитие технологий оказывает существенное влияние на внутренние и внешние процессы современных предприятий, включая социальный климат в коллективе.

Оценка цифровой зрелости компании является важным этапом пересмотра стратегий управления, так как сейчас важно внедрять новые технологии, что поможет создать благоприятную социальную среду для сотрудников. Имеющиеся методы оценки цифровой зрелости в большей степени сконцентрированы на технических аспектах и не всегда учитывают влияние цифровизации на социальные процессы внутри организации.

Согласно Указу Президента РФ № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», одним из главных показателей национальной цели РФ в области цифровой трансформации является достижение цифровой зрелости стратегически важных отраслей экономики и социальной сферы [7].

В теоретическом плане термин «цифровая зрелость» формировался на протяжении нескольких этапов. Когда начался первый этап оцифровки, то аналоговая информация постепенно была переведена в цифровой формат. Далее на этапе происходящей цифровизации, направленной на оптимизацию отдельных операционных сегментов с помощью цифровых инструментов, наступает более глобальный период, называемый цифровой трансформацией.

По мнению исследователей Абдрахмановой Г.И., Вишневого К.О., Гохберга Л.М. цифровая трансформация характеризуется фундаментальными качественными сдвигами в экономической деятельности и бизнес-процессах, возникающими при интеграции современных цифровых решений. Поэтому важно различать эти понятия для понимания степени цифровой зрелости организации или процесса [1].

Ученые Мерзлов И.Ю., Kane G.C., Palmer D., Phillips A.N. определили цифровую зрелость с точки зрения адаптации к конкурентной борьбе в современном технологическом пространстве. Авторы считают, что это непрерывный процесс подстройки под трансформирующуюся цифровую реальность. По их мнению, компании должны интегрировать инновационные технологии, улучшая корпоративную стратегию, обучая персонал, совершенствуя корпоративную культуру, технологическое оснащение и внутреннюю структуру. Подобная трансформация необходима для удовлетворения цифровых запросов всех заинтересованных сторон [4, 8].

В целом, измерение степени реализации технологического потенциала является важным показателем для анализа прогресса цифровизации. Уровень цифровой трансформации, именуемый цифровой зрелостью, может быть определен как для индивидуальных компаний, так и для целых государств. В рамках социологического аспекта оценивается цифровая готовность организаций

с точки зрения их информационно-коммуникационных технологий, то есть насколько эффективно компании развивают цифровые компетенции персонала, привлекают профессионалов в области информационных технологий и внедряют современные цифровые решения [5].

Информационные технологии с расширенной функциональностью включают системы защиты данных, модифицированное программное обеспечение для бизнес-управления и индивидуальные программные решения. Такая готовность организации характеризуется функционирующим интернет-порталом, позволяющим осуществлять коммерческую деятельность в сети и размещать рекламные материалы онлайн.

Основанная часть

В контексте социального взаимодействия в компаниях есть корпоративные информационные системы, которые в процессе работы создают журналы событий, анализируют и извлекают ценные сведения о структуре и функционировании бизнес-процессов. Оптимизация всей системы деловых операций становится возможной благодаря таким полученным данным. Поэтому одним из методов оценки цифровой зрелости является «процессная аналитика». Данная область направлена на изучение и совершенствование эффективности бизнес-процессов организации, предлагающая различные методологии для улучшения рабочих процедур компании.

На рисунке 1 можно увидеть разные подходы к оценке уровня цифровой зрелости компании, включая социальный аспект.

Рис. 1. Шкала оценки цифровой зрелости

Источник: составлено автором на основании источника [2]

Согласно рисунку 1, оценка цифровой зрелости включает 7 важных элементов или блоков. Так, организационная культура помогает изучить уровень, который поддерживает процессы постоянного совершенствования инноваций с точки зрения изменений. Кадры и человеческий потенциал – это изучение того, как именно соответствует персонал требованиям и компетенциям в цифровой среде.

Оценка процессов предполагает возможность применения практики процессного управления, включая реинжиниринг, методы процессной оптимизации, бережливое производство, дизайн-мышление. Что касается оценки использования цифровых продуктов, то подразумевается анализ существующих продуктов и результатов их деятельности. Модели помогают проводить аналитику и использовать в процессе оценки математические инструменты, а также искусственный интеллект. Такой элемент, как данные помогает осуществить доступ к важной и нужной информации в режиме реального времени, обеспечивая при этом должный уровень

безопасности. Последний седьмой блок или элемент – это инфраструктура и инструменты. В данном случае предполагается доступ к современной цифровой инфраструктуре с помощью облачных решений и других технологий.

Метод оценки с помощью аналитического инструментария для изучения процессов охватывает несколько подходов. Математическое моделирование формирует репрезентативные схемы процессов, применимые в дальнейшей работе. При исследовании бизнес-операций специалисты детально рассматривают каждую фазу, измеряют временные затраты на отдельные операции и обнаруживают проблемные участки либо потенциальные зоны оптимизации. Для сбора и интерпретации такой информации применяется анализ данных, использующий различные статистические методики, включая временной и регрессионный анализ, а также другие инструменты [2].

Кроме аналитического метода, есть еще ряд подходов к измерению цифровой зрелости, созданные организациями России и мира. Так, например, метод Deloitte (Digital Maturity Model) применяет такие бизнес-метрики как клиентский опыт и стратегия для определения уровня зрелости. С помощью данного метода можно оценивать уровень доверия, открытость инновациям, отношение коллектива к поддержке со стороны руководства.

Методология KPMG под названием Digital Business Aptitude, выделяет 5 основных направлений: видение стратегического развития, формирование цифровых компетенций, совершенствование бизнес-процессов, технологическую адаптивность и руководство в рамках цифровой стратегии.

Организационная культура, процессы операционного характера и технологические инновации – это важные аспекты цифрового преобразования. Нил МакКьюн, создатель модели Ionology, рассматривает трансформацию в контексте инновационного развития и стратегических модификаций. В свою очередь, модель Gartner определяет 9 главных компетенций, среди которых выделяется приоритизация цифровизации в корпоративных стратегиях, трансформация цепочек создания ценности и формирование инновационных бизнес-моделей.

Артур Д. Литтл предлагает альтернативный подход, выдвигая на первый план параметры корпоративных и операционных процессов, клиентского управления, а также продуктовых и сервисных предложений.

Адаптированная к особенностям российских компаний модель Центра передовых управленческих решений представляет собой интеграционный подход к внедрению цифровых инноваций в разные бизнес-направления. Эта отечественная методология включает оценку семи ключевых компонентов:

- инфраструктурные решения,
- информационные массивы,
- бизнес-модели,
- цифровые решения,
- операционные процессы,
- человеческий капитал,
- корпоративная цифровая культура.

Как уже отмечалось ранее, социальный климат в коллективе имеет большое значение, влияя на вовлеченность сотрудников в рабочие процессы. Поэтому многие эксперты оценивают состояние коммуникативной системы в команде, что во многом определяется интеллектуальными, социальными и лидерскими качествами участников, то есть их soft skills. Так называемые «мягкие навыки» представляют собой способность организатора выстраивать эффективные межличностные отношения.

Они рассматривают эмоциональный интеллект как главный компонент [6].

Исследования показывают, что степень развития профессиональных (hard) и социально-психологических (soft) компетенций сотрудников существенно влияет на атмосферу в организации и определяет общий климат рабочего коллектива [3].

Итак, на основе изученных методов оценки цифровой зрелости можно предложить свою модель, направленную на улучшение социально-психологического климата в коллективе (рисунок 2).

Рис. 2. Метод оценки цифровой зрелости, направленный на улучшение социально-психологического климата в коллективе

Источник: составлено автором

Итак, предлагаемый подход к оценке является комплексным и подразумевает применение различных цифровых средств, инструментов, включая проведение опросов в режиме онлайн, а также рабочих чатах. Цифровая платформа в данном подходе поможет оценить доступность современных инструментов для всех категорий сотрудников. Модель также показывает, что для улучшения социального климата в коллективе важно развивать цифровые компетенции персонала, обновлять знания, получать обратную связь о различных изменениях внутри коллектива.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что оценка цифровой зрелости компании имеет важное значение, так как помогает выявить проблемные моменты и возможные трудности, связанные с взаимодействием персонала и руководства, а также сотрудников между собой. Было определено, что на этапе технологического прогресса важным шагом к успешной цифровой эволюции становится не столько внедрение инновационных инструментов, сколько поиск квалифицированных кадров, компетенций и умений, способных реализовать потенциал новых технологий. Залогом благоприятного климата в коллективе является грамотное управление цифровой зрелостью и постоянно развивающийся аспект деятельности современных организаций в контексте общей дигитализации общества.

Литература

1. Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая трансформация: ожидания и реальность. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 221 с.
2. Балахонова И.В. Оценка цифровой зрелости как первый шаг цифровой трансформации процессов промышленного предприятия: монография / И.В. Балахонова. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. – 276 с.

3. Верещагина Л.С. Повышение благоприятности социально-психологического климата на основе развития soft- и hard-компетенций в условиях цифровизации экономики // Вестник СГСЭУ. 2019. № 3 (77). С. 82–85.
4. Мерзлов И.Ю. Методы оценки цифровой зрелости: обзор международной практики // Креативная экономика. – 2022. – № 2. – с. 503–520.
5. Кричевский, М.Л. Оценка цифровой зрелости предприятия / М.Л. Кричевский, Ю.А. Мартынова, С.В. Дмитриева // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2545–2560.
6. Рыбина О.В. Сформированность компетенций soft skills как фактор успешности работы в команде // Сборник статей XXIV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 75–82.
7. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
8. Kane G.C., Palmer D., Phillips, A.N. et al. Achieving digital maturity. Adapting your company to a changing world. research report. MIT Sloan Manag. URL: <https://sloanreview.mit.edu/projects/achieving-digital-maturity> (дата обращения 26.07.2025).

METHODS FOR ASSESSING THE DIGITAL MATURITY OF A COMPANY TO IMPROVE THE SOCIAL CLIMATE IN THE TEAM

Korotkov N.I.

MADI (Moscow Automobile and Road Institute)

This article analyzes the available methods for assessing the digital maturity of a company, which can be effective for describing the social climate in a team. Such an analysis is important because modern conditions for the development of society and the digital environment dictate new consumer demands for goods and services. Therefore, close attention is being paid to the activities of companies that are able to withstand risks through the introduction of digitalization tools and tools. The purpose of the article is to propose an updated method for assessing a company's digital maturity in order to improve the social climate in the team. The theoretical review in the article contains the scientific approaches of the authors and researchers to the term "digital maturity". Special emphasis is placed on the importance of maintaining a good social climate in the team as a factor in increasing productivity and competitiveness.

The scientific novelty of the article is to clarify the knowledge concerning modern methods of assessing the digital maturity of companies, as well as to substantiate a new method based on the studied approaches with an emphasis on improving the social climate. This approach is important because it will help to evaluate the company comprehensively from the point of view of sociological aspects.

The results of the work emphasize the need to develop and update knowledge on methods for assessing a company's digital maturity, as technological progress does not stand still, and tools are constantly being updated. Their implementation is an important aspect of not only increasing the efficiency of the company, but also improving the social climate in the team.

Keywords: digital maturity, social climate, team, digitalization, assessment methods.

References

1. Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. and others. Digital transformation: expectations and reality. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics, 2022. 221 p.
2. Balakhonova I.V. Assessment of digital maturity as the first step of digital transformation of industrial enterprise processes: a monograph / I.V. Balakhonova. Penza: Publishing House of PSU, 2021. 276 p.
3. Vereshchagina L.S. Improving the favorable socio-psychological climate based on the development of soft and hard competencies.

- cies in the context of the digitalization of the economy// Bulletin of the SSEU. 2019. No. 3 (77). pp. 82–85.
4. Merzlov I.Y. Methods for assessing digital maturity: an overview of international practice // Creative Economy. – 2022. – № 2. – с. 503–520. – doi: 10.18334/ce.16.2.114163.
 5. Krichovsky, M.L. Assessment of the digital maturity of the enterprise / M.L. Krichovsky, Yu.A. Martynova, S.V. Dmitrieva // Issues of innovative economics. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – pp. 2545–2560.
 6. Rybina O.V. Formation of soft skills competencies as a factor of successful teamwork// Collection of articles of the XXIV International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, 2021. pp. 75–82.
 7. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030”.
 8. Kane G.C., Palmer D., Phillips, A.N. et al. Achieving digital maturity. Adapting your company to a changing world. research report. MIT Sloan Manag. URL: <https://sloanreview.mit.edu/projects/achieving-digital-maturity> (date of issue: 07/26/2025).

Анализ финансово-хозяйственного обеспечения Ногинского спасательного центра МЧС России

Слухай Сергей Александрович,

слушатель, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты
МЧС России имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: 2348377268@rambler.ru

В статье проводится анализ финансово-хозяйственного обеспечения Ногинского спасательного центра МЧС России. Путем применения метода экспертного опроса сотрудников и управленческих кадров Ногинского спасательного центра МЧС России проводится оценка процесса финансово-хозяйственного обеспечения и выявляется ряд управленческих проблем. В первую очередь выявляется проблема недостаточного финансирования деятельности Ногинского спасательного центра МЧС России. Также выявлено, что проблемы вещевого обеспечения деятельности Ногинского спасательного центра МЧС России носят системный характер, что автор исследования связывает с некоторым недостатком финансирования.

Ключевые слова: МЧС России, Ногинский спасательный центр, спасательные воинские формирования, финансовое обеспечение, хозяйственное обеспечение, экспертный опрос.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена следующими тезисами:

Во-первых, в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины значительно возрастает нагрузка на все подразделения войск гражданской обороны Российской Федерации, Ногинский спасательный центр МЧС России не является исключением.

Во-вторых, как отмечает российский исследователь М.С. Власенко, в современных условиях во многом меняется специфика деятельности тыловых подразделений Министерства обороны и МЧС России, что приводит к появлению новых, комплексных проблем, требующих модернизации деятельности и управления [1, с. 196].

В-третьих, проблематика функционирования подразделений Ногинского спасательного центра МЧС России активно рассматривается в российском научном сообществе. Так исследователи А.А. Морев и Д.И. Новоселов, в статье, посвященной планированию мероприятий в Ногинском СЦ МЧС России (далее Центр), посвященных чрезвычайному гуманитарному реагированию, приходят к выводу о планомерном увеличении нагрузки на подразделения центра, что сказывается на качестве финансового и хозяйственного обеспечения [2, с. 165]. Также исследователи Р.К. Тагибеков и А.Ф. Эркин, в работе, посвященной рассмотрению организационной структуры Центра, указывают на наличие следующих проблем: «отсутствие заместителей по материально-техническому обеспечению и штатный недокомплект» [3, с. 14], что явно оказывает негативное влияние и на хозяйственное обеспечение работы Центра. Исследовательский коллектив, рассматривающий специфику взаимодействия МЧС России с другими федеральными службами и министерствами, приходит к выводу что именно спасательные центры являются основным видом подразделений, которые будут осуществлять взаимодействие на местах, в особенности в условиях чрезвычайных ситуаций [4, с. 127].

Цель исследования – провести анализ процесса финансово-хозяйственного обеспечения Ногинского спасательного центра МЧС России.

Метод исследования – экспертный опрос.

В рамках достижения поставленной цели исследования автором был проведен экспертный опрос – 7 сотрудников Ногинского СЦ МЧС России, на предмет анализа процесса финансово-хозяйственного обеспечения ФГКУ «Ногинский спасательный центр МЧС России» в мирное время. Опрос проводился на базе Центра в марте 2025 года в очном формате, путем заполнения тематических анкетных бланков с вопросами.

Далее дадим характеристику экспертной группе. Средний возраст экспертов – 43 года, 4 эксперта мужчины, 3 эксперта женщины. Все эксперты являются сотрудниками финансово-экономического отдела Центра. 2 эксперта имеют звание полковника, 3 эксперта имеют звание подполковника, 2 эксперта не имеют воинских званий, так как не являются военнослужащими. Опыт работы 4 экспертов – от 5 – до 8 лет, 2 экспертов – от 8 до 10 лет, 1 эксперта – свыше 10 лет в данной организации.

Далее перейдем к анализу результатов экспертного опроса, первый вопрос был направлен на выявление степени достаточности финансирования для результативного обеспечения подразделений Центра (см. рисунок 1).

Рис. 1. Ответы экспертов на вопрос: «Достаточно ли финансирования Центра для закупки всех необходимых товаров и услуг?»

На основании распределения мнений экспертов Ногинского СЦ МЧС России можно сделать вывод, что финансирование Центра вызывает значительные сомнения и неоднозначную оценку. Отсутствие единого мнения свидетельствует об объективных пробелах в обеспечении ресурсами: часть специалистов полагает, что средств хватает, однако существенная доля склоняется к недостаточности финансирования или не может дать однозначный ответ из-за недостатка информации. Такая ситуация указывает на необходимость повышения прозрачности финансовых процессов для сотрудников учреждения. Для обеспечения полноценного функционирования и своевременной закупки всех необходимых товаров и услуг важно системно улучшать планирование бюджета и коммуникацию между руководством и специалистами.

Далее перейдем к анализу ответов экспертов на вопрос о наличии жалоб о недостаточном вещевом обеспечении сотрудников (см. рисунок 2).

Рис. 2. Ответы экспертов на вопрос: «Часто ли Вы получаете жалобы от служащих о недостаточном вещевом обеспечении или о приходе в негодность вещей досрочно?»

Анализ ответов экспертов Ногинского СЦ МЧС России показывает, что более 70% респондентов фиксируют на регулярной основе проблемы с качеством или количеством материального обеспечения. При этом 14% экспертов считают, что жалобы поступают редко, а ещё 14% затрудняются дать чёткий ответ.

Ответы экспертов позволяют прийти к выводу о том, что существенная часть сотрудников действительно

сталкивается с неудовлетворительным вещевым обеспечением, что указывает на системные проблемы в снабжении и контроле за состоянием имущества. Для повышения эффективности необходимо усилить мониторинг качества выдаваемых ресурсов и своевременность их обновления, а также учитывать мнение служащих для корректировки процессов обеспечения.

Далее перейдем к анализу результатов ответов экспертов по работе в системе Госзакупки (см. рисунок 3).

Рис. 3. Ответы экспертов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы системой заказа товаров и услуг через Госзакупки?»

Анализ ответов экспертов показывает, что подавляющее большинство (57%) скорее удовлетворены системой заказа товаров и услуг через Госзакупки. Еще 29% дали однозначно положительный ответ, что в сумме составляет 86% положительных оценок. Противоположного мнения – 14% экспертов – считают, что система скорее работает неудовлетворительно. Никто не затруднился ответить или ответил однозначно «нет».

В целом система Госзакупок воспринимается экспертами как достаточно эффективная и удобная для заказа товаров и услуг. Однако наличие небольшой доли неудовлетворенных указывает на возможности для улучшения, например, в части функционала, удобства использования или скорости оформления закупок (данное мнение разделяет ряд отечественных исследователей [5, с. 150]).

Далее перейдем к анализу мнения экспертов относительно уровня вещевого обеспечения сотрудников центра (см. рисунок 4).

Рис. 4. Ответы экспертов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень вещевого обеспечения служащих Центра?»

Анализ ответов экспертов Ногинского СЦ МЧС России показывает, что большинство (57%) оценивают уровень вещевого обеспечения служащих Центра как достаточно высокий. Еще 29% экспертов считают его средним, а 14% указывают на недостаточный уровень обеспеченности.

В целом вещевое обеспечение служащих в Центре воспринимается положительно – преобладает удовлетворенность качеством и количеством выдаваемого снаряжения. Однако наличие специалистов, отмечающих

недостаточный уровень, указывает на существующие проблемы (рис. 5).

Рис. 5. Ответы экспертов на вопрос: «Как Вы оцениваете техническое оснащение Центра (компьютеры и т.д.)?»

Анализ ответов экспертов по оценке технического оснащения Центра позволяет прийти к выводу о том, что техническое оснащение Центра в целом оценивается как удовлетворительное, однако только небольшая часть экспертов считает его действительно высоким. Значительная доля сотрудников видит необходимость улучшений – переход от среднего к более высокому уровню оснащения. Это свидетельствует о потенциальной возможности и необходимости инвестиций в модернизацию компьютеров и сопутствующего оборудования для повышения оперативной эффективности центра (рис. 6).

Рис. 6. Ответы экспертов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень технического оснащения Центра (автомобили и спец техника)?»

Техническое оснащение Ногинского спасательного центра МЧС России в части автомобилей и специализированной техники оценивается экспертами в основном положительно: более 85% оценивают его на высоком или достаточно высоком уровне. Это свидетельствует о наличии надежной и современной материально-технической базы, способной эффективно поддерживать оперативные задачи центра (рис. 7).

Рис. 7. Ответы экспертов на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень организации диагностических мероприятий для оценки состояния материально-технической базы Центра?»

Организация диагностических мероприятий в Ногинском спасательном центре МЧС России вызывает смешанные оценки среди экспертов. Оптимистично настроенных (оценивающих уровень как достаточно высокий) лишь немного меньше трети, при этом почти равная доля считает организацию диагностики недостаточной. Это указывает на наличие существенных проблем и пробелов в диагностике материально-технической базы, которые требуют внимания и улучшений. Высокий процент ответивших «на среднем уровне» и «затрудняюсь ответить» подтверждает необходимость повышения прозрач-

ности и системности в организации контрольных процедур для объективной оценки и своевременного выявления недостатков (рис. 8).

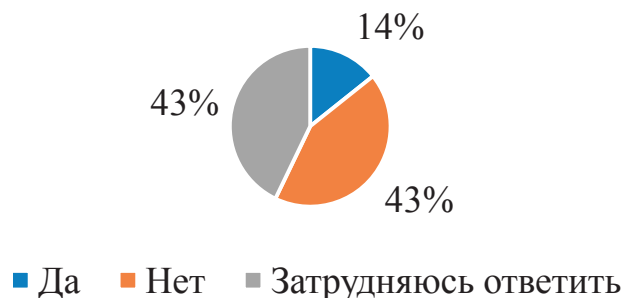

Рис. 8. Ответы экспертов на вопрос «Применяется ли в Центре электронная система управления финансами и материально-технической базой?»

Данные свидетельствуют о слабом внедрении и низкой информированности сотрудников относительно использования электронной системы управления финансами и материально-технической базой в Центре. Высокий процент неопределённых ответов указывает на необходимость повышения прозрачности в вопросах цифровизации и управления ресурсами. Недостаток внедрения современных электронных систем может снижать эффективность контроля и координации, что требует внимания для повышения качества управления материально-технической базой и финансовыми потоками.

В качестве итога настоящей статьи сформулируем ряд авторских выводов:

1. Финансирование Центра вызывает неоднозначную оценку – часть экспертов считает средства достаточными, однако значительная доля отмечает их недостаток или не может дать однозначный ответ. В современных условиях проведения СВО, соразмерное поставленным перед центром задачам финансирование является ключевым фактором достижения успеха в их выполнении.

2. Проблемы с вещевым обеспечением носят системный характер: более 70% респондентов фиксируют регулярные жалобы на недостаток или низкое качество имущества, что требует усиления контроля и повышения мониторинга состояния и обновления материальных ресурсов.

3. Система государственных закупок (Госзакупки) оценивается преимущественно положительно – 86% экспертов довольны её работой, однако определённый процент недовольных свидетельствует о наличии потенциала для совершенствования, особенно в области удобства и скорости оформления заказов.

В целом, выводы показывают необходимость повышения прозрачности и эффективности финансового обеспечения, улучшения качества материально-технической базы и оптимизации закупочных процедур для более слаженной и результативной работы Центра.

Литература

1. Власенко, М.С. Определение проблем в деятельности службы тыла ФГБУ КИ «Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе» с помощью анкетирования / М.С. Власенко // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2024. – № 3(50). – С. 187–198.
2. Морев, А.А. Планирование применения спасательного центра МЧС России в гуманитарных мероприятиях на примере ФГКУ «Ногинский СЦ МЧС России» / А.А. Морев, Д.И. Новоселов // Международ-

ный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 10–4(73). – С. 163–166.

3. Тагибеков, Р.К. Оптимизация организационно-штатной структуры подразделений ФГКУ «Ногинский ордена Жукова спасательный центр МЧС России»: результаты исследовательской практики / Р.К. Тагибеков, А.Ф. Эркин // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2024. – № 3(50). – С. 9–15.
4. Опыт взаимодействия МЧС России и Росгидромета в обеспечении безопасности населения и территорий Арктической зоны Российской Федерации / А.И. Данилов, С.А. Мельков, Н.В. Соловьева [и др.] // Метеорология и гидрология. – 2019. – № 4. – С. 122–129.
5. Ломакин, М.И. Проблемы использования стандартов организаций как нестоимостных критериев оценки в госзакупках / М.И. Ломакин, А.В. Докучкин, А.А. Стреха // Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях, Вологда, 27 декабря 2017 года. Том Часть 1. – Вологда: ООО «Маркер», 2018. – С. 149–150.

ANALYSIS OF FINANCIAL AND ECONOMIC SUPPORT OF THE NOGINSK RESCUE CENTER OF THE EMERCOM OF RUSSIA

Sluhai S.A.

Civil Defence Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

This article analyzes the financial and economic support of the Noginsk rescue center of the Ministry of Emergency Situations of Russia. By applying the method of expert survey of employees and management personnel of the Noginsk rescue center of the Ministry of Emergency Situations of Russia, an assessment of the process of financial and economic support is carried out and a number of management problems are identified. First of all, the problem of in-

sufficient funding for the activities of the Noginsk rescue center of the Ministry of Emergency Situations of Russia is identified. It was also revealed that the problems of material support for the activities of the Noginsk rescue center of the Ministry of Emergency Situations of Russia are systemic in nature, which the author of the study associates with some lack of funding.

Keywords: EMERCOM of Russia, Noginsk rescue center, rescue military formations, financial support, economic support, expert survey.

References

1. Vlasenko, M.S. Identification of problems in the activities of the rear service of the Federal State Budgetary Institution of Scientific Research "Central House of the Russian Army named after M.V. Frunze" using questionnaires / M.S. Vlasenko // GosReg: state regulation of public relations. – 2024. – No. 3 (50). – P. 187–198.
2. Morev, A.A. Planning the use of the rescue center of the Ministry of Emergency Situations of Russia in humanitarian events on the example of the Federal State Budgetary Institution "Noginsk SC EMERCOM of Russia" / A.A. Morev, D.I. Novoselov // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. – 2022. – No. 10–4 (73). – P. 163–166.
3. Tagibekov, R.K. Optimization of the organizational and staffing structure of the divisions of the Federal State Budgetary Institution "Noginsk Order of Zhukov Rescue Center of the Ministry of Emergency Situations of Russia": results of research practice / R.K. Tagibekov, A.F. Erkin // GosReg: state regulation of public relations. – 2024. – No. 3 (50). – P. 9–15.
4. Experience of interaction between the Ministry of Emergency Situations of Russia and Roshydromet in ensuring the safety of the population and territories of the Arctic zone of the Russian Federation / A.I. Danilov, S.A. Melkov, N.V. Solovyova [et al.] // Meteorology and Hydrology. – 2019. – No. 4. – P. 122–129.
5. Lomakin, M.I. Problems of using organizational standards as non-cost evaluation criteria in public procurement / M.I. Lomakin, A.V. Dokukin, A.A. Strekhina // Science today: theoretical and practical aspects: materials of the international scientific and practical conference: in 2 parts, Vologda, December 27, 2017. Volume Part 1. – Vologda: ООО Маркер, 2018. – P. 149–150.

Ключевые этапы развития инфраструктурных транспортных проектов в Российской империи и их особенности

Терентьев Виталий Андреевич,

соискатель Академии базовой подготовки, ФГАОУ ВО
«Российский университет транспорта» (МИИТ)
E-mail: abp-rut@yandex

Разделение транспортных проектов Российской Империи на определенные этапы помогает сформировать представление об их технической и идейной эволюции. Выделение особенностей и отличительных черт позволяет дать характеристику каждого из обозначенных периодов. Необходимость данного заключается в качественном понимании рассматриваемых тенденций развития инфраструктуры, благодаря которым становится возможным спрогнозировать дальнейший прогресс в данной отрасли. Проводимое исследование будет уместно ограничить железнодорожным делом, поскольку именно оно составляет основу транспортных проектов во времена XVII–XVIII веков¹.

Ключевые слова: железные дороги, Главное общество железных дорог, Российская империя, строительство железных дорог, Царскосельская железная дорога, инфраструктурные проекты, железные дороги в Российской империи, Николаевская дорога, железнодорожные сети, концессии.

Введение

На протяжении большей части своей истории Россия имела догоняющий характер политического, экономического, технологического, общественного развития. Сфера железнодорожного строительства не стала исключением. Первые документальные сведения о заинтересованности России в строительстве новой транспортной системы приходится на 1835 год, в то время как за границей уже не раз были совершены попытки создания железнодорожного полотна как на лошадиной, так и на паровой тяге.

Строительство первой железной дороги в Российской Империи неотъемлемо связано с именем профессора Венского Политехнического Института – Франца Антона Риттера фон-Герстнера. Австрийский инженер провел ни один год в поездках по России, предлагая императору Николаю Павловичу масштабные проекты по возведению транспортных проектов. Вместе с этим иностранный специалист выдвигал и определенные условия:

1. Владельцу привилегии и его наследникам должно быть в течение 20 лет предоставлено исключительное право постройки железных дорог во всем Российском государстве.
2. Необходимые для постройки железных дорог казенные земли должны быть уступлены бесплатно, частные же по оценке с надбавкой в 20%.
3. Назначение тарифных ставок предоставляется владельцам привилегии, казенные же транспорты перевозятся за половинную плату.
4. Дороги остаются собственностью владельца привилегии на вечные времена, а через 20 лет прекращается лишь исключительное право постройки.
5. Владелец привилегии получает право строить гостиницы по объему сторонам своих железных дорог <...>, причем необходимые для того казенные земли уступаются ему бесплатно, а за частные он рассчитывается, как выше сказано.
6. Ближайшее определение направления железных дорог зависит от владельца привилегии.
7. Привилегия может быть нарушена, если в течение 4 лет будет выстроено менее 100 верст дорог <...>.

Выдвинутые Герстнером требования не могли остаться незамеченными государственными деятелями. Образованная при Главном управлении Комиссия признала поставленные кондиции неблагоприятными. Признать правильность вынесенного вердикта можно лишь проанализировав представленные положения.

Своими требованиями Герстнер лишил государство право на монополистический контроль железнодорожной промышленности. Де-факто, его требования были сравнимы с законом 1990 года «О собственности РСФСР», который давал право на владение частной собственностью. Это, в свою очередь, противоречило монархическому строю государства. Более того, при таком раскладе государство не могло контролировать вектор развития железнодорожной отрасли: не исключено было, что частные владельцы строили пути по стратегически важным местам для них лично, но не для государства этого. Также прописанные условия предполагали

¹ См.: Кочетков Е.Е. Федерализм в российской империи: идея и практика // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4). С. 215–236; Кочетков Е.Е. Идейно-теоретические основания асимметричного федерализма в российской и мировой практике // Вестник Российской нации. 2014. № 5 (37). С. 134–143.

монополию на строительство дорог частными лицами при условии, что пользуются они деньгами государства, а не только личными средствами. Данное, бесспорно, могло послужить основанием для расцвета коррупции и финансовых махинаций, контролировать которые практически не представлялось возможным¹.

Отдельное внимание австрийский инженер предал выкупу земель под строительство полотна. Отдавать казенные земли бесплатно еще представлялось государству допустимым, однако выкуп частных территорий доставлял определенное количество проблем. Во-первых, это требовало больших финансовых затрат. Во-вторых, не все землевладельцы даже за выкуп были готовы уступить свои имения. Вступать в конфликт с ними государство не хотело, кроме того, именно крупные землевладельцы составляли основу поддержки императора. Многие из них не отличались прогрессивными взглядами, а, следовательно, не поддерживали внедрение железных дорог, видя в них лишь развлечение выходного дня.

Разумеется, в предлагаемых требованиях можно было выделить и положительные для государства аспекты. Делегирования части своих полномочий в руки частных лиц способствовало бы уменьшению нагрузки на центральное правительство, которому самостоятельно приходилось бы контролировать абсолютно все проекты, возводимые в дальнейшей перспективе. Контроль и поддержание такого числа инженерно-сложных объектов на большой территории не представляется эффективным в едином лице, наделенным исключительной компетенцией. Деволюция прав в этой части местным землевладельцам и предпринимателям могла бы значительно, на наш взгляд улучшить поддержание и развитие железнодорожных проектов на тот период времени и в тех условиях.

Таким образом, опасения государства и внутренний уклад политики того времени сочли последнее не таким весомым аргументом в сравнении с описанными рисками. Не желая кардинальных изменений, к которым страна оказалась не готова, было принято решение не только об отказе принятия выдвинутых Герстнером требований, но и от предложенных им проектов. Объяснить данное можно ретроградным мышлением общества того времени. Все новое, а, тем более, пришедшее из Европы, воспринималось с определенной долей скептицизма и негатива. Сам император Николай Павлович в начале утверждения первого проекта о строительстве Царскосельской дороги не верил в полезность данного дела. Сказать тоже самое о Герстнере нельзя – несмотря на многочисленные отказы в его масштабных проектах он с энтузиазмом взялся за порученное ему строительство первой железной дороги в России.

«Все сомнения <...> почти исключительно вращались на почве вопросов о соответствии железных дорог в России местным климатическим условиям, о вреде, который они могут причинять крестьянскому заработку, о возможности собрать необходимые капиталы и о могущественном разорении акционеров»². Стоит отметить, что, действительно, климатически условия России отличались от европейских стран, которые не обладали ни тяжелыми для строительства грунтами, ни морозными зимами, ни сложностью рельефа. Многие из ближайших сподвижников Николая Павловича мысленно не поддер-

живали его решение, касательно введения нового транспорта, хотя и были вынуждены с ним соглашаться.

К сожалению, отметим, что единственные слова, которые с того времени остаются правдивыми и по сей день – это слова о невыгодности капиталовложения частных акционеров в строительство железных дорог и транспортную сферу в целом. В настоящее время Правительству дается достаточно трудно привлекать инвестиций со стороны частотного бизнеса для развития железнодорожной сети. Данная область сама по себе является очень финансово затратной, при этом ее окупаемость напрямую контролируется дорожными тарифами, которые устанавливает государство по своему усмотрению.

Во времена Николая I, когда железнодорожная отрасль была еще чем-то новым и неизведанным, местные акционеры тем более не отличались желанием вкладывать свои средства в новое непредсказуемое предприятие и затею. Вследствие этого все финансирование строительства легло на государственную казну, сумма затраченных средств из которой по итогу, как нам известно, оказалась намного больше ожидаемой и запланированной.

Вместе с тем, отметим, что сам процесс строительства дороги оказался долгим, но четко спланированным. Собрав вокруг себя таких же активистов, Герстнер принялся за работу. И как известно, по окончании реализации задуманной идеи Россия получила небольшую железную дорогу, соединяющую Петербург и Царское Село.

Как и ожидалось, проложенный путь не сразу восприняли всерьез. В первое время после открытия его воспринимали как развлечение выходного дня, которое могли позволить себе элита того времени и состоятельные лица. Почти никто не видел в новом инновационном сооружении стратегический потенциал и далекие перспективы, которые помогут соединить и удержать нашу страну в едином формате на многие века вперед.

Следующий этап развития железнодорожной промышленности связан с приходом к власти Александра II. Несмотря на имеющийся прогресс, Россия все равно имела существенное отставание от Европы. Крымская война 1853–1856 показало то, насколько империя является отсталым государством. Желая исправить положение страны, Император впервые в истории России проводит системные реформы, которые касаются в том числе и транспортной сферы. В 1857 году создается Главное Общество Российских железных дорог, отвечающее за сооружение и эксплуатацию главных линий железнодорожной сети, необходимых для удовлетворения экономических, социальных и политических потребностей. Мнения о работе данной организации разнятся.

В.М. Верховский в своем очерке обращает особое внимание на тот факт, что правительство было уверено в необходимости строительства полноценной железнодорожной сети, однако проблема заключалась в том, что среди огромного количества предложений от частных лиц было мало заслуживающих доверия³. При этом важно учесть, что автор работал под покровительством Министерства путей сообщений, то он имел доступ к протоколам заседаний Комитета министров, и его работа направлена на раскрытие механизмов принятия решений на высшем уровне.

В.М. Верховский также указывает, что, несмотря на чрезвычайно выгодные условия, которые были предоставлены обществу, оно не справилось с задачей постройки целой сети, и было вынуждено отказаться от по-

¹ Кочетков Е.Е. Политические формы адаптации асимметричного федерализма и унитаризма в современных условиях // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 215–225.

² Верховенский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно – СПб, 1898, С. 39.

³ Верховенский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно – СПб, 1898, С. 93.

стройки Либавской и Феодосийской линий. Основной причиной неудач автор считает «недостаточную расчётливость в расходах». Подводя итоги, он пишет о разочаровании в частном строительстве, которое вынудило правительство в дальнейшем перейти к смешанной системе железнодорожного строительства.

Более подробно вопрос деятельности Главного общества российских железных дорог был рассмотрен в работе Н.А. Кислинского «Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров»¹. Автор дополняет основные тезисы Верховского о том, что убежденность в необходимости незамедлительной постройки железных дорог стала всеобщей и указывает на определяющую роль главноуправляющего путями сообщений и публичными зданиями К.В. Чевкина в принятии предложений иностранных банкиров. Н.А. Кислинский утверждает, что при составлении условий для акционерного общества правительство широко использовало иностранный опыт, так при составлении предельных тарифов применялся французский опыт по классификации перевозимых товаров, а при составлении понижающих коэффициентов по расстоянию (понижение тарифов по мере увеличения расстояния перевозки) – прусский. Это, по мнению автора, свидетельствовало о понимании правительством особенностей работы крупных железнодорожных сетей. Вопрос же о государственном контроле был проработан слабее, что исследователь объясняет тем, что «в этом отношении пришлось подчиниться домогательствам общества, которое на иных условиях не соглашалось строить безусловно необходимой для России сети рельсовых путей». Однако он также утверждает, что небывалые преимущества, которые получило акционерное общество, привели к оживлению интереса к железнодорожным предприятиям как из иностранных государств, так и внутри страны. Как указывает Н.А. Кислинский, одной из важнейших целей, которую преследовало правительство при организации Главного общества российских железных дорог, было привлечь в Россию иностранные капиталы в металлической валюте, путем размещения бумаг общества на международном рынке. Однако эта задача не была выполнена. Более того, провал акций этого общества повлек за собой недоверие к акциям других предприятий, что больно ударило по частному железнодорожному строительству.

В.М. Верховский и Н.А. Кислинский, как нам представляется, являются исследователями, которые имели исключительный доступ к документам как Комитета министров, так и Министерства путей сообщений, что привело к тому, что их работы обращены на как можно более полное освещение имеющихся у них документов и поэтому они склонны рассматривать события с позиции государственных чиновников, пренебрегая порой практической стороной вопроса.

Между тем в первом томе своего исследования «Влияние железных дорог на экономическое состояние России» И.С. Блиох приводит причины, по которым Главное общество российских железных дорог превысило первоначально установленную стоимость строительства². Одной из таких причин он считает чрезмерный почет и уважение, с которыми в обществе относились к французским инженерам, при одновременном недоверии к русским, что было связано с большими затратами при постройке Николаевской дороги. Другой причиной он считает малую заинтересованность акционеров в эко-

номической эффективности строительства, так как правительство в любом случае гарантировало 5% дохода. Вместе с тем он положительно оценивает роль, которую иностранные инженеры сыграли в развитии железнодорожного строительства в Российской империи: «французские инженеры принесли немалую долю пользы России тем, что в железнодорожное дело внесли систему, приемы и формы более усовершенствованные, чем существовавшие при постройке Николаевской железной дороги». Столь положительная оценка деятельности инженеров Главного общества выделяет его работу на фоне остальных.

А.А. Радциг в своей работе «Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю» также подробно освещает деятельность Главного общества³. Провал докапитализации (повторного выпуска акций и облигаций с целью привлечь новые средства) общества он объясняет обстоятельствами нашего денежного рынка и кредита самого общества, однако в целом исследователь предпочитает не давать оценок, а ограничивается перечислением основных этапов деятельности общества.

А.И. Штукенберг в своей статье «Из истории железнодорожного дела в России» кратко упоминает инженеров Главного общества во главе с Колиньоном, давая ему нелестную характеристику: «всех наших удалил и привез к нам под фирмой инженеров, при нескольких знающих дело, – своих родственников и приятелей всех оружий – включая фехтовальных учителей и куаферов⁴. Таким образом совершилось второе нашествие на Россию иноплемennых, хотя мирное, но обирательное».

Но существовала и другая точка зрения, так наиболее критически к деятельности Главного общества относится А.А. Головачев, который в своей работе «История железнодорожного дела в России» с негодованием описывает злоупотребление французских инженеров⁵. «На все высшие и даже второстепенные должности приглашены были французские техники и инженеры с громадными окладами, и оргия безобразных расходов началась», – пишет автор, говоря о чрезмерных расходах на работы и материалы. Он также указывает, что цена линий, построенных Главным обществом была лишь немногим ниже цены Николаевской железной дороги, и это, в свою очередь, дает ему возможность заявить о том, что «обе системы постройки дорог как за счет казны, так и при посредстве частного общества оказались далеко неудовлетворительными и обошлись весьма дорого»⁶.

В заключении отметим, что, деятельность Главного общества российских железных дорог предстает в работах прогосударственных исследователей как сложное явление, которое было порождено особенностями экономики Российской империи в послевоенный период и желаниями правительства с помощью привлечения иностранных банкиров решить одновременно две проблемы: обеспечить приток металлических денег и дать толчок частному железнодорожному строительству. Вместе с тем, они не стремятся возложить вину на учредителей общества или на правительство, объясняя все сложными обстоятельствами того времени. Логично, что данные исследователи, которые работали не по государственному заказу, выражают самые различные мнения:

³ Радциг А.А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю – СПб, 1896. С. 69.

⁴ Штукенберг А.П. Из истории железнодорожного дела в России // Русская старина – 1886. № 4. С. 128.

⁵ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России – СПб, 1881. С. 23, 28.

⁶ Там же. С. 29

¹ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров – СПб, 1902, С. 75, 77, 101.

² Блиох И.С. Постройка и эксплуатация железных дорог – СПб, 1878, С. 7, 9.

от строго критических до положительных, что определяется в основном личным отношением авторов к деятельности Главного общества.

Литература

1. Блюх И.С. Постройка и эксплуатация железных дорог – СПб, 1878, С. 7, 9.
2. Верховенский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно – СПб, 1898, С. 39; 93;
3. Головачев А.А. История железнодорожного дела в России – СПб, 1881. С. 23, 28.
4. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров – СПб, 1902, С. 75, 77, 101.
5. Кочетков Е.Е. Политические формы адаптации асимметричного федерализма и унитаризма в современных условиях // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 215–225.
6. Кочетков Е.Е. Федерализм в российской империи: идея и практика // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4). С. 215–236.
7. Кочетков Е.Е. Идеино-теоретические основания асимметричного федерализма в российской и мировой практике // Вестник Российской нации. 2014. № 5 (37). С. 134–143.
8. Радциг А.А. Влияние железных дорог на сельское хозяйство, промышленность и торговлю – СПб, 1896. С. 69.
9. Штукенберг А.П. Из истории железнодорожного дела в России // Русская старина – 1886. № 4. С. 128.

KEY STAGES OF DEVELOPMENT OF INFRASTRUCTURAL TRANSPORT PROJECTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THEIR FEATURES

Terentyev V.A.

Russian University of Transport

Dividing the transport projects of the Russian Empire into certain stages helps to form an idea of their technical and ideological evolution. Highlighting the features and distinguishing features allows us to characterize each of the designated periods. The need for this lies in a qualitative understanding of the infrastructure development trends under consideration, which makes it possible to predict further progress in this industry. It would be appropriate to limit the conducted research to the railway business, since it forms the basis of transport projects during the XVII–XVIII centuries.

Keywords: railways, Main Society of Railways, Russian Empire, railway construction, Tsarskoye Selo Railway, infrastructure projects, railways in the Russian Empire, Nikolaevskaya road, railway networks.

References

1. Bliokh I.S. Construction and operation of railways – St. Petersburg, 1878, pp. 7, 9.
2. Verkhovensky V.M. A brief historical sketch of the beginning and spread of railways in Russia in 1897 inclusive – St. Petersburg, 1898, p. 39; 93;
3. Golovachev A.A. The history of railway business in Russia – St. Petersburg, 1881. pp. 23, 28.
4. Kislinisky N.A. Our railway policy according to the documents of the archive of the Committee of Ministers – St. Petersburg, 1902, pp. 75, 77, 101.
5. Kochetkov E.E. Political forms of adaptation of asymmetric federalism and unitarianism in modern conditions // Bulletin of the Russian Nation. 2014. No. 1 (33). pp. 215–225.
6. Kochetkov E.E. Federalism in the Russian Empire: idea and practice // Bulletin of the Russian Nation. 2009. No. 2 (4). pp. 215–236.
7. Kochetkov E.E. Ideological and theoretical foundations of asymmetric federalism in Russian and world practice // Bulletin of the Russian Nation. 2014. No. 5 (37). pp. 134–143.
8. Radzig A.A. Influence of railways on agriculture, industry and trade – St. Petersburg, 1896. p. 69.
9. Shtukenberg A.P. From the history of railway business in Russia // Russian antiquity – 1886. No. 4. p. 128.

К вопросу о стратегиях цифровой адаптации лиц с тяжелыми нарушениями зрения

Тринадцатко Антон Александрович,

кандидат социологических наук, Высшая школа менеджмента,
Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13–176@rambler.ru

Охвативший практически все сферы жизни общества процесс цифровизации, ставящий перед различными группами населения вопрос их социально-цифровой адаптации, актуализировал проблему такой адаптации для людей с тяжелыми группами инвалидности, испытывающих трудности с социальной интеграцией как в объективную реальность, так и в информационно-цифровое пространство. В статье исследуется вопрос социально-цифровой адаптации инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции. Предлагается авторская типология адаптивных стратегий, реализуемых такими инвалидами с учетом их субъективной оценки уровня своей цифровой грамотности. Приводится типовой социальный портрет людей с инвалидностью по зрению, использующих каждую из указанных адаптивных социально-цифровых стратегий. Делается вывод о том, что выбор соответствующей адаптивной социально-цифровой модели поведения зависит от совокупности взаимосвязанных факторов, включающих уровень образования, занятость, социальную активность индивида, семейное положение и пр. Констатируется факт признания инвалидами с тяжелыми нарушениями зрения и высоким уровнем цифровой грамотности, феномена цифрового неравенства, существование которого обуславливается не материальными, социальными или психологическими особенностями индивида, а причинами, аналогичными существующим в реальном мире.

Ключевые слова: инвалиды, инвалиды по зрению, тяжелые нарушения зрения, цифровизация, адаптивные цифровые технологии, цифровая среда, цифровая грамотность, цифровая адаптация, цифровая дискриминация.

Процесс цифровизации, проникший в последние годы практически во все сферы жизни общества и обусловивший формирование его виртуального инварианта – цифрового социума, отразил проявление в нем социальных феноменов, свойственных оригиналу. К их числу относятся такие взаимосвязанные социальные явления и процессы, как цифровой разрыв, цифровая дискриминация и цифровая адаптация, выступающие, с одной стороны, объективной чертой современного общества, обусловленной материальными, социальными и личностно-психологическими характеристиками его членов, а, с другой, стороной, отражающей реальную доступность цифровой среды для потенциальных цифровых граждан, не связанной с указанными аспектами.

Следует отметить, что состав лиц, являющихся жертвами цифровой дискриминации по критерию технико-технологической доступности цифрового пространства, лишь частично соответствует своему денотату в реальном мире, поскольку включает в себя индивидов, желающих, но не имеющих физической возможности в полной мере использовать современные цифровые технологии. Одновременно с этим, процесс цифровой адаптации таких индивидов, наоборот, связан, как и у нормотипичных представителей социума, с материальным, социальным и психологическим аспектами их жизнедеятельности.

Напомним, что сущностно-содержательное понимание феномена цифрового неравенства в ходе технологического развития общества претерпело ряд преобразований – от наличия доступа к техническим устройствам и сети Интернет, до качества интернета и имеющихся у пользователей цифровых навыков и мотивации в их улучшении. В настоящее время все более распространяется подход, в соответствии с которым под цифровым неравенством понимается различие в преимуществах, которые может получить человек, прибегая к помощи цифровых технологий, в т.ч. и влияния этих преимуществ на социальные статусы и роли личности в обыденной жизни [1]. Можно заключить, что в современных условиях цифровая дискриминация проявляется не столько в недостаточном уровне доступности для людей технических устройств, сколько в наличии возможности воспользоваться ими для решения каких-либо задач в личных, организационно-производственных или общественных интересах, повышая, таким образом, как качество собственной жизни, так и свой социальный статус в глазах окружения.

Цифровую адаптацию можно рассматривать как формирование у индивида цифровых навыков, проявляющихся в таком уровне его цифровой грамотности, который позволяет ему, при наличии желания, самостоятельно решать повседневные задачи используя цифровые технологии.

В научной периодической литературе последних лет достаточно подробно изучаются социальные аспекты цифровизации применительно к отдельным группам населения.

Преобладающее число научных публикаций посвящены изучению феномена цифровой грамотности населения [2; 3; 4; 5] и проблеме взаимодействия людей старшего поколения с цифровыми технологиями и ин-

формационным пространством [1; 6; 7]. В то же время, в немалой части научных работ рассматриваются и иные социальные стороны цифровизации. Так, вопросы цифрового неравенства исследовали Т.Ф. Шарифьянов и Д.А. Гайнанов [8], О.Н. Вершинская [9], а цифровое неравенство в гендерном разрезе – В.Г. Доброхлеб и О.Н. Махрова [10] и др. Социальные адаптивные практики, используемые населением с целью преодоления цифрового разрыва, изучали М.В. Вдовина и Х.Х. Нгуен [11], О.В. Шиняева, О.В. Полетаева и О.М. Слепова [12] и др.

Определенная часть работ раскрывает различные аспекты использования цифровых технологий в процессе обучения детей-инвалидов [13; 14], социализации, социокультурной реабилитации и трудоустройства инвалидов при помощи цифровых технологий [15; 16; 17], а также доступности цифровых технологий для инвалидов [18]. При этом, среди всего множества опубликованных научных результатов, практически отсутствуют труды, связанные с разнообразными контекстами использования технологических последствий цифровизации наиболее стигматизированной и дискриминированной обществом частью лиц – инвалидами, относящимися к дискредитированному стигматипу, в частности инвалидами с тяжелыми нарушениями зрения.

Результаты социологического опроса 180 инвалидов по зрению I гр. (113 чел. или 63%) и II гр. (67 чел. или 37%), проведенного в 2023 г. свидетельствуют о том, что инвалиды с тяжелыми нарушениями зрения имеют неплохой уровень цифровой грамотности, что находит свое отражение и в социологических опросах ВЦИОМ [19], в т.ч. и представители старшей возрастной группы (60+), что означает, что они, в целом, в той или иной степени смогли адаптироваться к цифровизации некоторых аспектов повседневной жизни, преодолев возникший в последние годы цифровой разрыв [20; 21].

В данной работе под цифровой грамотностью мы будем понимать совокупность взаимосвязанных навыков по взаимодействию с ПК и прочими цифровыми устройствами, с программным обеспечением (ПО), предназначенным для работы с информацией, а также общих навыков работы с цифровыми технологиями. Это определение было предложено Г. Дженкинсом с соавторами [22] и достаточно корректно очерчивает современные ключевые характеристики указанного феномена. В то же время, следует отметить, что есть и иные подходы к его трактованию, также вполне логично подчеркивающие его особенности и не вступающие в конфликт с приведенным определением, например, дефиниции, данные П. Гилстером [2] или А. Эмеджулу и К. Макгрегор [3].

Однако, как отмечалось ранее [20; 21], определение уровня цифровой грамотности инвалидов по зрению на основе существующих подходов, например, методикой, предложенной аналитическим центром НАФИ [23], не позволяет оценить реальную картину, поскольку ряд аспектов, характеризующих степень развития цифровых компетенций обычных людей, не может быть измерен в отношении незрячих и слабовидящих граждан в силу имеющихся у них особенностей [20].

Сами же лица с тяжелыми нарушениями зрения, субъективно оценивают уровень своей цифровой грамотности как не самый высокий. В частности, 75% информантов указали, что считают уровень своей цифровой грамотности средним или низким, в т.ч. 1% – оценили его как нулевой. Около 19% считают его высоким, и лишь 6% – очень высоким. При этом круг причин, влияющих на цифровую грамотность таких инвалидов достаточно широк – начиная от возраста индивида и заканчи-

вая возрастом, в котором он утратил зрение и имеющимися у него на тот момент цифровыми навыками [21].

Можно констатировать, что наиболее высокий уровень цифровой грамотности имеют молодые инвалиды по зрению, относящиеся, в соответствии с концепцией М. Прински [24] к цифровым аборигенам, а также «цифровые мигранты» 30–55 лет, получившие среднее специальное или высшее образование, опыт трудовой деятельности или продолжающие трудиться, имеющие несовершеннолетних детей, а также являющиеся акторами в различных сферах жизни своей социальной общности или общества в целом (спортивной, культурной, общественной).

В связи с тем, что около 50% лиц с тяжелыми нарушениями зрения относятся к возрастной когорте «60+», вполне логичным является факт, что указанные материальные, социальные и личностно-психологические факторы, ограничивающие цифровую адаптацию зрячих пожилых людей, аналогично, а иногда и в большей степени, препятствуют цифровой адаптации слепых и слабовидящих пожилых лиц. Это находит отражение в субъективной оценке ими своей цифровой грамотности, указываемой как «низкая» и, соответственно, эффективности процесса их социально-цифровой адаптации.

Заметим, что процесс социальной адаптации и ее практические аспекты достаточно подробно были изучены яркими представителями социологической науки, такими, как Г. Тард, Э. Дюркгейм, Р. Парк, Т. Парсонс, Дж. Берри и др. [1; 12].

В 2001 г., Л.А. Беляева выделила особенность адаптивного поведения людей в меняющихся российских условиях. Ею было указано, что адаптивное поведение – это компенсаторное поведение человека или социальной группы во время кардинальных социально-экономических преобразований. Эффективность такого поведения зависит от того, на каком этапе остановился адаптационный процесс социальной общности или индивида – социальный шок, мобилизация адаптивных ресурсов или ответ на вызов социальной среды [25]. Логично, что в выигршной ситуации оказываются те индивиды, которые в меняющихся условиях способны гибко реагировать, выбирая подходящую адаптивную модель поведения, позволяющую им встроиться в новую реальность, что и демонстрирует, хотя и в разной степени, существенная часть опрошенных лиц с инвалидностью по зрению.

В том же 2001 г. М.А. Шабановой была предложена своя классификация практик адаптивного поведения, которая, по мнению О.В. Шиняевой, О.В. Полетаевой и О.М. Слеповой может быть применена для исследования цифрового поведения российских граждан. В частности, М.А. Шабанова разделила такие практики и реализующих их лиц на 3 типа: прогрессивную адаптацию (прогрессивные адаптанты), регрессивную адаптацию (регрессивные адаптанты) и регрессивную неадаптацию (регрессивные неадаптанты) [26].

Уже исходя из названий перечисленных моделей понятно, что в условиях цифровизации именно первая адаптивная практика является предпочтительной, обеспечивая актору более сильную конкурентную позицию и продуктивное функционирование в формирующихся информационно-технологических условиях. Второй подход, в случае его адекватного ситуации применения, может позволить индивиду сохранить, а то и усилить свои позиции в актуальных для него секторах жизни, приобретая необходимые для этого цифровые навыки и компетенции. Третья стратегия, в контексте цифровизации значимых сфер жизни человека, выглядит однозначно деструктивной, выступая фактором цифровой дискри-

минации, социальной эксклюзии и, даже, сегрегации дезадаптированных граждан [12].

В 2003 г. в своем труде «Аккультурация как разновидность адаптации» Дж. Берри также классифицировал практики социальной адаптации, отнес к ним 4 типа адаптивного поведения: интеграция, ассимиляция, маргинальность и сепаратизм [27].

Немного позже, свою «матрицу адаптационных моделей», связанных с выполнением различных функций в условиях трансформации объективной реальности, предложила Л.В. Корель. В числе представленных ею моделей, присутствуют: повышение приспособленности адаптантов к меняющимся условиям через совершенствование внутренней структуры; ликвидация отклонений между ранее усвоенными социальными правилами, нормами и моделями поведения, и новыми; преодоление индивидом субъективного чувства несоответствия новым социальным условиям; включение вариантов ситуационного поведения адаптирующихся лиц в группу постоянных социальных практик [28].

Итак, как уже отмечалось выше, успешность цифровой адаптации граждан обусловлена материальными, социальными и личностно-психологическими факторами, а в отношении незрячих лиц – еще и технологической доступностью цифрового пространства.

Если для нормотипичных представителей социума техническая доступность цифровых устройств практически утратила свою актуальность, ограничиваясь преимущественно материальным фактором (в данном случае мы сознательно опускаем ряд аспектов, делающих для здоровых лиц затруднительным приобретение современных цифровых устройств из-за места жительства, уровня дохода и пр., поскольку такие причины не являются неустранимыми), то в отношении лиц с тяжелыми нарушениями зрительной функции, проблема технической доступности таких устройств не потеряла своей значимости, являясь, фактически, одной из сторон проявления эйблизма.

Как и в прочих аспектах доступности для слепых и слабовидящих граждан объектов физического мира, многие современные цифровые устройства (смарт-ТВ, бытовые роботы, интернет вещей и пр.) не имеют ассистивного речевого интерфейса, позволяющего инвалидам по зрению самостоятельно взаимодействовать с ними. Наличие данного аспекта приводит к снижению эффективности применяемой такими людьми активной социально-адаптивной стратегии, препятствуя повышению уровня их самостоятельности и независимости от ближнего социального окружения, ограничивая свободу их действий и ослабляя их социальную и профессиональную конкурентоспособность практически во всех сферах социальной жизни.

Технологическая доступность цифрового пространства для нормотипичных граждан ограничивается социальными и психологическими характеристиками конкретной личности, её мотивами, желаниями, когнитивными способностями, в то время, как для лиц с нарушениями зрения, в действие вступает ещё один ограничительный фактор – низкий уровень совместимости некоторых компьютерных программных продуктов, мобильных приложений и сетевых ресурсов с существующими цифровыми ассистивными технологиями, являющимися для инвалидов по зрению инструментом, обеспечивающим их взаимодействие с информационно-цифровой средой.

Таким образом, в отношении инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения, вынужденных адаптироваться к новой социальной реальности, характеризующейся цифровизацией всех значимых сфер жизни общества,

нами предлагается следующая типология адаптивных стратегий, основанная на результатах указанного выше социологического исследования:

- активная социально-цифровая адаптация;
- реактивная социально-цифровая адаптация;
- пассивная социально-цифровая адаптация;
- социально-цифровая дезадаптация.

Результаты указанного выше социологического опроса инвалидов по зрению, в разрезе их субъективной оценки уровня своей цифровой грамотности, позволяют нам сделать вывод о том, что лица, оценивающие свою цифровую грамотность как высокую или очень высокую (около 25% или 45 чел.), реализуют стратегию активной социально-цифровой адаптации. Данное заключение подтверждает и социальный портрет индивидов, ответивших таким образом и придерживающихся этой модели поведения.

Так, представители этой группы информантов в большинстве случаев имеют I гр. инвалидности по зрению, причем в равной степени с остатком и без остатка зрительной функции. Они характеризуются наличием высшего образования и широкой возрастной дифференциацией – от 18 до 50 лет. Практически все они занимают активную жизненную позицию, как минимум осуществляя трудовую деятельность, а также участвуя в социокультурных и общественных мероприятиях.

С точки зрения возраста получения инвалидности по зрению, в данную группу входят как лица, относящиеся к категории слепорожденных, обучавшиеся в специализированных школах-интернатах для слепых и слабовидящих детей, так и граждане, ослепшие уже во взрослом возрасте и успевшие получить высшее образование, трудовой опыт и навыки работы на ПК. Состав лиц, относящихся к категории слепорожденных, включает в себя и цифровых аборигенов, и цифровых мигрантов. Первые приобрели цифровые навыки как в процессе обучения в школе-интернате, так и взаимодействуя с ближним социальным окружением. В дальнейшем они закрепили их при получении высшего образования, трудовой, социокультурной и (или) спортивной деятельности и осуществления повседневных коммуникаций посредством мобильных цифровых устройств. Вторые, относящиеся к цифровым мигрантам, обучаясь в школе-интернате приобрели только навыки работы на ПК, а с развитием и распространением новых цифровых технологий и устройств, учились взаимодействовать с ними при помощи родственников, друзей, коллег и других инвалидов по зрению, уже обладающих соответствующими цифровыми компетенциями.

Лица, получившие инвалидность по зрению во взрослом возрасте, относятся к цифровым мигрантам. Они приобрели цифровые навыки являясь еще зрячими представителями социума и отличаются от других инвалидов по зрению тем, что после потери зрения не посещали специальных курсов компьютерной грамотности и взаимодействия с сенсорными мобильными устройствами, организуемых местными организациями (МО) ВОС, специализированными библиотеками для слепых, социальными службами и реабилитационными центрами, а самостоятельно восстановили их посредством имеющихся, как встроенных, так и установленных дополнительно, цифровых ассистивных технологий (например, TTS в ОС Windows и TalkBack в ОС Android).

В социально-семейном плане инвалиды, высоко и очень высоко оценивающие уровень своей цифровой грамотности, также представляют собой неоднородную группу. Среди них есть одинокие индивиды, лица, состоящие в отношениях, но не заключившие брак, а также семейные граждане, супруг или супруга которых тоже имеет

инвалидность по зрению I гр., чаще всего без остатка зрительной функции. Инвалиды, находящиеся в браке, обычно имеют детей, которых воспитывают самостоятельно или при незначительной помощи старших родственников.

В гендерном разрезе, 2/3 представителей группы составляют мужчины (30 чел.) и 1/3 женщины (15 чел.).

Данная категория лиц в своей трудовой и повседневной деятельности активно использует настольные (десктоп) и мобильные (лэптоп) виды ПК, имеет как минимум два сенсорных мобильных устройства и для решения различных профессионально-трудовых и бытовых задач прибегает к помощи различных компьютерных программ и мобильных приложений, дублирующих друг друга, в зависимости от того, насколько тот или иной цифровой продукт может помочь в решении конкретной задачи. Фактически, именно таких инвалидов можно смело отнести к категории «цифровых граждан». При этом именно инвалиды, считающие, что имеют высокий и очень высокий уровень цифровой грамотности, также чаще прочих представителей своей нозологии указывают на наличие проблемы цифрового неравенства, которое в т.ч. и побуждает их к поиску и апробации различных способов ее нивелирования, подтверждая тем самым реализацию ими указанной адаптивной стратегии [21].

Инвалиды по зрению, субъективно оценивающие уровень своей цифровой грамотности как «средний» (32,8% или 59 чел.) и «низкий» (41% или 74 чел.) обычно реализуют 2 вида адаптивных стратегий: реактивной и пассивной социально-цифровой адаптации. Можно констатировать, что данные адаптивные модели реализуются индивидами, обладающими схожими социальными характеристиками, а выбор одной из них определяется такими факторами, как: уровень социальной или трудовой активности, состав членов семьи, с которыми проживает инвалид; стремление к повышению независимости и самостоятельности в повседневной жизни и т.п.

При этом, реактивную социально-цифровую стратегию слепые и слабовидящие люди обычно выбирают в тех случаях, когда они являются актором в каком-либо одном направлении социальной жизни. Причем условия участие их в этой сфере требует наличия у них соответствующих цифровых навыков. Это относится к обучающимся и работающим лицам, а также к инвалидам, занимающимся социокультурной, спортивной или общественной деятельностью. Объективные условия диктуют им необходимость наличия цифровых навыков, позволяющих им самостоятельно взаимодействовать с офисными программами на ПК, работать с поисковыми ресурсами и электронной корреспонденцией, осуществлять коммуникации при помощи социальных сетей и мессенджеров, делать денежные переводы и оплачивать коммунальные счета. В результате именно такие индивиды определили уровень своей цифровой грамотности как «средний» [29].

Инвалиды, реализующие реактивную адаптивную стратегию, обычно взаимодействуют с ограниченным числом цифровых устройств, программ и приложений, но, в случае возникновения такой необходимости, способны освоить и иные цифровые инструменты, прибегая при этом к помощи более грамотных в этом смысле индивидов.

В отличие от них, инвалиды, придерживающиеся модели пассивной социально-цифровой адаптации, характеризуются тем, что уже не осуществляют трудовую деятельность, а в социально-досуговых сферах жизни занимают роль наблюдателя, а не актора. Несмотря на то, что они часто имеют навыки работы на ПК, в реальной жизни практически не прибегают к его помощи, ограничиваясь возможностями современных сенсорных мо-

бильных устройств. Такие люди владеют ограниченным цифровым инструментарием, присутствующем в смартфоне или планшете, который зачастую сводится к телефонным звонкам и обмену сообщениями в мессенджерах. Социальные сети, различного рода онлайн-покупки, онлайн-банкинг, электронная почта, геолокация и прочие цифровые сервисы и инструменты остаются ими невостребованными в силу наличия рядом родственников, берущих на себя решение повседневных задач.

Также такие инвалиды гораздо чаще пользуются специальными вспомогательными цифровыми устройствами, получаемыми в социальном фонде России (СФР) согласно перечню технических средств реабилитации (ТСР), указанных реабилитологом бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) в индивидуальной программе реабилитации/абилитации (ИПРА) инвалида, и позволяющих решить отдельные задачи вспомогательного или досугового характера.

Типовой социально-демографический портрет незрячих и слабовидящих граждан, применяющих обе указанных социально-цифровых адаптационных стратегии, выглядит следующим образом.

Это инвалиды по зрению I или II гр., относящиеся к возрастной когорте «старше 50 лет». Уровень их образования достаточно дифференцирован. Среди таких инвалидов есть индивиды как с общим средним, так и средним специальным и высшим образованием. Чаще всего они имеют определенный трудовой стаж, полученный как на предприятиях и в организациях системы ВОС, так и вне ее.

В их число входят лица, относящиеся к категории слепорожденных, а также получившие инвалидность по зрению уже в зрелом, а зачастую и в пожилом возрасте. Слепорожденные инвалиды чаще всего приобретают цифровые навыки на курсах цифровой грамотности, где их обучают взаимодействию с ПК и смартфонами с использованием технологии TTS, либо им помогают в приобретении таких навыков другие инвалиды по зрению, обладающие соответствующими цифровыми компетенциями. Индивиды, получившие инвалидность по зрению в зрелом или пожилом возрасте, обычно уже имеют навыки работы на ПК, а взаимодействию с сенсорными мобильными устройствами их обучают близкие родственники, другие инвалиды по зрению, либо они приобретают их на соответствующих курсах.

В гендерном разрезе, и слепорожденные, и поздно ослепшие инвалиды в равной степени представлены как мужчинами, так и женщинами. В социально-семейном плане инвалиды, применяющие эти стратегии, характеризуются наличием семьи, в которой супруг/супруга также может иметь инвалидность по зрению, может быть инвалидом другой нозологии, а также быть нормотипичным представителем социума, не относящимся к людям с ограниченными возможностями.

Среди инвалидов по зрению, реализующих пассивную адаптивную социально-цифровую стратегию, практически не встречается одиноких людей, из чего следует логический вывод о том, что одинокие инвалиды по зрению, представляющие собой отдельное домохозяйство, чаще реализуют активную или реактивную адаптивные стратегии, нежели лица, имеющие семью и не участвующие ни в трудовой, ни в социальной жизни.

В повседневной жизни инвалиды по зрению со средним и низким уровнем цифровой грамотности редко самостоятельно используют цифровые устройства и технологии (смарт-часы, смарт-ТВ, бытовые роботы, умная бытовая техника, умный дом, интернет-вещей), если они не обладают речевым интерфейсом. Исключением являются устройства из перечня ТСР, имеющие речевой

выход, к которым относятся тифлофлешплееры, тонометры, термометры, электронные наручные часы и пр., а также различные виды умных колонок, настраиваемых, впрочем, обычно одним из зрячих родственников или друзей [20].

Последнюю, дезадаптивную социально-цифровую стратегию, применяют инвалиды по зрению, оценивающие уровень своей цифровой грамотности как «нулевой» (1% или 2 чел.). Отметим, что число таких инвалидов среди слепых и слабовидящих лиц в действительности очень низко, что обусловлено естественными причинами – в данном случае постепенным, но постоянным уменьшением людей преклонного возраста, которых эпоха цифровизации застала в таком состоянии, когда уже нет ни возможностей, ни желания обучаться чему-то новому. К данной категории лиц чаще всего относятся граждане, входящие в группу «70–80+». Такие инвалиды в социальном плане логично придерживаются пассивной потребительской позиции, а решение всех жизненных вопросов возлагают на своих детей и внуков.

Профессиональный срез характеризует их как людей с большим трудовым стажем, в молодости и зрелом возрасте отличавшихся высоким уровнем социальной активности. Состав представителей данной группы включает в себя как слепорожденных граждан, так и поздно ослепших. С точки зрения уровня образования такие лица характеризуются высокой дифференциацией – от неполного среднего, до высшего. Необходимо подчеркнуть, что среди представителей возрастной группы, реализующих дезадаптивную цифровую стратегию, практически не встречаются лица, имеющие научные степени или занимавшиеся высокоинтеллектуальной профессиональной деятельностью.

Таким образом, мы можем констатировать, что инвалиды с тяжелыми нарушениями зрения, независимо от возраста, характеризуются наличием у них цифровых навыков. Уровень цифровой грамотности таких инвалидов зависит от множества факторов, среди которых следует особо выделить совокупное влияние уровня образования, осуществления трудовой деятельности, активного участия в различных сферах социальной жизни общества, группы инвалидности и семейного статуса.

Имеющийся у инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения уровень цифровой грамотности проявляется как в признании ими наличия факта цифрового неравенства, так и в реализуемой ими стратегии социально-цифровой адаптации. Причем и цифровое неравенство, и качество социально-цифровой адаптации инвалидов по зрению, фактически являются всего лишь результатом игнорирования разработчиками и производителями цифровых устройств технологий и ресурсов особенностей лиц, подвергающихся различным видам дискриминации по критерию состояния здоровья в объективном мире.

Представленная в работе типология адаптивных социально-цифровых стратегий, применяемых инвалидами с тяжелыми нарушениями зрительной функции в условиях глобальной цифровизации жизни социума, вероятно может быть использована и в отношении иных нозологий инвалидов, включенных нормотипичными представителями общества в группу лиц с инвалидностью с дискредитированным стигматипом. Однако применение в их отношении данной типологии будет логически обосновано лишь в случае наличия валидных результатов соответствующих социологических исследований.

Литература

1. Щанина Е.В. Информационно-коммуникационные технологии как адаптационный ресурс пожилых людей в условиях информатизации российского общества / Е.В. Щанина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 131–144.
2. Gilster P. Digital Literacy / P. Gilster. – New York: Wiley, 1997. – 279 с.
3. Emejulu A. Towards a radical digital citizenship in digital education / A. Emejulu, C. McGregor // Critical Studies in Education. – 2019. – Т. 60. – № 1. – С. 131–147. DOI: 10.1080/17508487.2016.1234494.
4. Токтарова В.И. Цифровая грамотность: понятие, компоненты и оценка / В.И. Токтарова, О.В. Ребко // Вестник Марийского государственного университета. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 165–177.
5. Бороненко Т.А. Концептуальная модель понятия цифровой грамотности / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 4 (46). – С. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
6. Зубова О.Г. Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе / О.Г. Зубова // Социология. – 2022. – № 5. – С. 55–64.
7. Москвина Н.Б. Освоение пенсионерами цифровых технологий: от наличной ситуации к новым возможностям / Н.Б. Москвина // Социальная работа: современные проблемы и технологии. – 2020. – № 1. – С. 148–156.
8. Шарифьянов Т.Ф. Эволюция цифрового неравенства и инструментарий нейтрализации его последствий / Т.Ф. Шарифьянов, Д.А. Гайнанов // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 22. – С. 2–18.
9. Вершинская О.Н. Цифровая депривация / О.Н. Вершинская // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Москва, – 2016. – С. 431–435.
10. Доброхлеб В.Г. Гендерный аспект цифрового неравенства / В.Г. Доброхлеб, О.Н. Махрова // Социальные процессы современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2020. – 678 с. – С. 27–29.
11. Вдовина М.В. Использование пожилыми людьми цифровых технологий для здоровьесбережения: социологическое исследование в Хошимине / М.В. Вдовина, Х.Х. Нгуен // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – № 1. – С. 15–22.
12. Шиняева О.В. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения / О.В. Шиняева, О.В. Полетаева, О.М. Слепова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 4. – С. 68–85.
13. Дьяконова Д.А. Роль информационных ресурсов в социализации людей с ограниченными возможностями [Электронный ресурс] / Д.А. Дьяконова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 4211–4215. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/971169.htm> (дата обращения: 13.07.2025).
14. Шестакова Е.В. Инновационные цифровые технологии в социально-педагогической реабилитации детей-инвалидов и членов их семей / Е.В. Шестакова, Т.В. Рогачева // Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика: Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ялта, 20–22 мая 2021 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 207–211.

15. Мещерякова Н.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы / Н.Н. Мещерякова, Е.Н. Роготнева // *Цифровая социология*. – 2021. – Т. 4. – № 3. – С. 44–52.
16. Чойжалсанова А.Ц. Новые возможности и барьеры социальной адаптации лиц с ОВЗ в условиях цифровой трансформации / А.Ц. Чойжалсанова // *Фундаментальные исследования*. – 2021. – № 11. – С. 190–194.
17. Никонова О.Д. Развитие инклюзивного рынка труда в условиях цифровизации экономики / О.Д. Никонова // *Лидерство и менеджмент*. – 2025. – Т. 12. – № 3. – С. 703–714.
18. Альтовский Е.В. Доступность интернет-ресурсов инвалидам и лицам с ограниченными возможностями: информационно-аналитический обзор / Е.В. Альтовский, А.А. Демидов, Г.А. Краснова; под ред. Г.А. Красновой. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. – 114 с.
19. ВЦИОМ: Трудоустройство с ограниченными возможностями [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 13.07.2025).
20. Тринадцатко А.А. Цифровая грамотность, цифровое неравенство и цифровая адаптация инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // *Социология*. – 2024. – № 5. – С. 74–85.
21. Тринадцатко А.А. Инвалиды по зрению и цифровое неравенство / А.А. Тринадцатко // *Социально-гуманитарные знания*. – 2024. – № 7. – С. 67–72.
22. Бороненко Т.А. Концептуальная модель понятия цифровой грамотности / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // *Перспективы науки и образования*. – 2020. – № 4 (46). – С. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
23. НАФИ: Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 13.07.2025).
24. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // *On the Horizon*. – 2001. – № 9 (5–6). – С. 1–6.
25. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания / Л.А. Беляева // *Социологические исследования*. – 2001. – № 6. – С. 44–53.
26. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций / М.А. Шабанова // *Мир России*. – 2001. – № 3. – С. 78–104.
27. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation / J.W. Berry. – Boston: McGraw-Hill, 2003. – 279 с.
28. Корель Л.В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.
29. Тринадцатко А.А. Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // *Социология*. – 2024. – № 3. – С. 101–111.

ON THE ISSUE OF DIGITAL ADAPTATION STRATEGIES FOR PEOPLE WITH SEVERE VISUAL IMPAIRMENTS

Trinadtsatko A.A.

Pacific National University

The digitalization process, which has covered almost all spheres of society's life and poses the question of their social and digital adaptation to various groups of the population, has actualized the

problem of such adaptation for people with severe disabilities who experience difficulties with social integration both in objective reality and in the information and digital space. The article examines the issue of social and digital adaptation of people with disabilities with severe visual impairments. The author proposes a typology of adaptive strategies implemented by such disabled people, taking into account their subjective assessment of the level of their digital literacy. A typical social portrait of people with visual disabilities using each of the indicated adaptive social-digital strategies is given. It is concluded that the choice of an appropriate adaptive social-digital model of behavior depends on a set of interrelated factors, including the level of education, employment, social activity of the individual, marital status, etc. It is stated that people with disabilities with severe visual impairments and a high level of digital literacy recognize the phenomenon of digital inequality, the existence of which is not due to the material, social or psychological characteristics of the individual, but to reasons similar to those that exist in the real world.

Keywords: disabled people, blind and visually impaired people, severe visual impairment, digitalization, adaptive digital technologies, digital space, digital literacy, digital adaptation, digital discrimination.

References

1. Shanina E.V. Information and communication technologies as an adaptation resource for older people in the context of informatization of Russian society / E.V. Shanina // *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. – 2021. – No. 63. – P. 131–144.
2. Gilster P. Digital Literacy / P. Gilster. – New York: Wiley, 1997. – 279 p.
3. Emejulu A. Towards a radical digital citizenship in digital education / A. Emejulu, C. McGregor // *Critical Studies in Education*. – 2019. – V. 60. – No. 1. – P. 131–147. DOI: 10.1080/17508487.2016.1234494.
4. Toktarova V.I. Digital literacy: concept, components and assessment / V.I. Toktarova, O.V. Rebko // *Bulletin of Mari State University*. – 2021. – Vol. 15. – No. 2. – P. 165–177.
5. Boronenko T.A. Conceptual model of the concept of digital literacy / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotova // *Prospects for science and education*. – 2020. – No. 4 (46). – P. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
6. Zubova O.G. Digitalization and quality of life of older people in modern Russian society / O.G. Zubova // *Sociology*. – 2022. – No. 5. – P. 55–64.
7. Moskvina N.B. Mastering digital technologies by pensioners: from the current situation to new opportunities / N.B. Moskvina // *Social work: modern problems and technologies*. – 2020. – No. 1. – P. 148–156.
8. Sharif'ianov T.F. The digital divide evolution and the tools to neutralize its effects / T.F. Sharif'ianov, D.A. Gainanov // *Regional Economics: Theory and Practice*. – 2014. – No. 22. – P. 2–18.
9. Vershinskaya O.N. Digital deprivation / O.N. Vershinskaya // *Russia: trends and development prospects. Yearbook*. Moscow. – 2016. – P. 431–435.
10. Dobrokhleb V.G. Gender aspect of digital inequality / V.G. Dobrokhleb, O.N. Makhrova // *Social processes of modern Russia / Under the general editorship of prof. Z. Kh. Saraliev: In 2 volumes. Vol. 2*. – N.Novgorod: Publishing house of NISOC, 2020. – 678 p. – P. 27–29.
11. Vdovina M.V. Older adults' use of digital technologies for health management: A case study in Ho Chi Minh City / M.V. Vdovina, H.H. Nguyen // *Sociology, Psychology, Pedagogics*. – 2023. – No. 1. – P. 15–22.
12. Shinyaeva O.V. Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices / O.V. Shinyaeva, O.V. Poletaeva, O.M. Slepova // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2019. – No. 4. – P. 68–85.
13. Dyakonova D.A. The role of information resources in the socialization of people with disabilities [Electronic resource] / D.A. Dyakonova // *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. – 2017. – Vol. 39. – P. 4211–4215. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/971169.htm> (date of the application: 13.07.2025).
14. Shestakova E.V. Innovative digital technologies in social and pedagogical rehabilitation of disabled children and their families / E.V. Shestakova, T.V. Rogacheva // *Social and pedagog-*

- ical support for persons with disabilities: theory and practice: Collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference, Yalta, May 20–22, 2021. – Simferopol: Limited Liability Company “Publishing House Printing House “Arial”, 2021. – P. 207–211.
15. Meshcheryakova N.N. Digitalization: new risks for people with disabilities. Statement of the problem / N.N. Meshcheryakova, E.N. Rogotneva // Digital sociology. – 2021. – Vol. 4. – No. 3. – P. 44–52.
 16. Choizhalsanova A. Ts. New opportunities and barriers to social adaptation of persons with disabilities in the context of digital transformation / A. Ts. Choizhalsanova // Fundamental research. – 2021. – No. 11. – P. 190–194.
 17. Nikonova O.D. Development of an inclusive labor market in the context of digitalization of the economy / O.D. Nikonova // Leadership and Management. – 2025. – Vol. 12. – No. 3. – P. 703–714.
 18. Altovsky E.V. Accessibility of Internet resources for people with disabilities and limited opportunities: information and analytical review / E.V. Altovsky, A.A. Demidov, G.A. Krasnova; edited by G.A. Krasnova. – M.: ID “Delo” RANEPa, 2021. – 114 p.
 19. ACPOR. Employment with disabilities [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (date of the application: 13.07.2025).
 20. Trinadtsatko A.A. Digital literacy, digital inequality and digital adaptation of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – No. 5. – P. 74–85.
 21. Trinadtsatko A.A. Visually impaired people and digital inequality / A.A. Trinadtsatko // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 7. – P. 67–72.
 22. Boronenko T.A. Conceptual model of the concept of digital literacy / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotova // Prospects for science and education. – 2020. – No. 4 (46). – P. 47–73. DOI 10.32744/pse.2020.44.
 23. NAFI: Digital literacy of Russians: study 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (date of the application: 13.07.2025).
 24. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // On the Horizon. – 2001. – No. 9 (5–6). – P. 1–6.
 25. Belyaeva L.A. Strategies for Survival, Adaptation, and Success / L.A. Belyaeva // Sociological Studies. – 2001. – No. 6. – P. 44–53.
 26. Shabanova M.A. Mass adaptation strategies and perspectives of institutional transformations / M.A. Shabanova // Universe of Russia. – 2001. – No. 3. – P. 78–104.
 27. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation / J.W. Berry. – Boston: McGraw-Hill. – 279 p.
 28. Korel L.V. Sociology of adaptation, problems of theory and methodology / L.V. Korel. – Novosibirsk: Nauka. – 424 p.
 29. Trinadtsatko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments / A.A. Trinadtsatko // Sociology. – 2024. – No. 3. – P. 101–111.

Способы управления организацией с применением моделей социологических исследований

Коротков Никита Игоревич,

аспирант, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный институт)

E-mail: ort-korotkov@mail.ru

В статье рассматривается применение соционики в управлении организациями, её ключевая роль в понимании типов личности и взаимодействия между сотрудниками. Автор подчеркивает значимость соционических исследований как инструмента для оптимизации командной работы, повышения продуктивности и создания гармоничной рабочей атмосферы. Рассматриваются основные методики соционики и ее практическое использование в рекрутинге, а также влияние соционических характеристик на формирование лидерских качеств и управление конфликтами. В заключение выделяются перспективы интеграции психолого-соционических исследований в практику управления, что способствует повышению вовлеченности и удовлетворенности сотрудников, а также устойчивому развитию организаций в современном бизнесе.

Ключевые слова: организация, управление персоналом, социологические исследования, управление, модели.

Введение

Соционика, разработанная в последние десятилетия двадцатого столетия на базе психологических исследований К.Г. Юнга, раскрывает закономерности психологических процессов и классификацию характеров людей, впоследствии ставшую фундаментом индикатора Майерс-Бриггс. Практическое применение методики Майерс-Бриггс получило признание среди специалистов по подбору персонала, позволяя точнее оценивать поведенческие паттерны соискателей.

Методология социологических исследований представляет собой логически структурированный комплекс процедур, включающий организационно-техническую, методическую и методологическую составляющие, базирующиеся на главных принципах социологической науки. Организационный менеджмент использует данный инструмент для получения достоверных научных данных о социальных процессах внутри управляемых систем, позволяющих прогнозировать будущие тенденции развития и анализировать текущее состояние на предприятии.

Современная типология личности в рамках соционики описывает шестнадцать психологических портретов, раскрывающих особенности мировосприятия и межличностного взаимодействия человека. Несмотря на отсутствие широкого научного признания, растущее применение соционического подхода международными компаниями при подборе персонала показывает его эффективность. Глубокий анализ взаимодействия различных психотипов позволяет значительно оптимизировать рабочие процессы и совершенствовать методы руководства персоналом.

Грамотное применение соционических методик в корпоративном управлении позволяет существенно улучшить командное взаимодействие сотрудников, снизить вероятность возникновения межличностных конфликтов и сформировать продуктивную рабочую атмосферу. Внедрение принципов соционического анализа в систему управления человеческими ресурсами открывает новые возможности для совершенствования менеджмента и повышения общей результативности организации. Дальнейшие исследования в области практического применения соционики способны предоставить организациям дополнительные инструменты оптимизации рабочих процессов и достижения поставленных целей.

Основные методы социологических исследований

Существует три основные научные школы соционики: Новосибирская, Киевская и Петербургская. Новосибирская школа фокусирует свое внимание на расширении теоретических основ, анализируя типологии личности и их влияние на межличностное взаимодействие. Киевская школа вносит значимый вклад в понимание динамики отношений между людьми, а Петербургская сосредоточена на исследовании соционических типов и их воздействии на межличностные связи. Эти школы образуют богатую основу для практического применения соционики в управ-

лении персоналом, что становится особенно актуальным в современном бизнесе. В США и Европе большей популярностью обладает опросник Маейрс-Бриггс, который определяет основные типы личности.

Соционика описывает шестнадцать уникальных психотипов, характеризующихся специфическими паттернами обработки информации и поведенческими реакциями. Буквенные обозначения психотипов отражают особенности мировосприятия и социального взаимодействия личности. Сотрудники с преобладанием интровертной логики демонстрируют выдающиеся способности к системному анализу, тогда как экстраверты проявляют незаурядные коммуникативные навыки при некотором снижении способности к объективной оценке ситуаций. Распределение рабочих задач с учетом психотипа каждого члена команды позволяет повысить эффективность деятельности организации. Грамотная диагностика личностных характеристик персонала служит основой для разработки оптимальной стратегии профессионального развития сотрудников [1, с. 78].

Психосоционическая диагностика основывается на систематическом наблюдении и проведении экспериментов при установлении типологических характеристик личности. Присвоенные аббревиатуры соционических типов способствуют быстрому распознаванию поведенческих паттернов и предрасположенностей людей во время социального взаимодействия. Комплексное использование диагностического инструментария позволяет оптимизировать процесс создания рабочих коллективов, обеспечивая синхронизацию индивидуальных особенностей каждого сотрудника с общей динамикой функционирования команды.

Соционические особенности личности оказывают значительное влияние на развитие управленческого потенциала и способность вести за собой коллектив. Руководители организаций получают дополнительные возможности эффективного кадрового отбора благодаря пониманию предрасположенности определенных психотипов к организаторской деятельности и готовности брать на себя ответственность за принятые решения.

Руководители организаций формируют результативные команды посредством детального анализа индивидуальных характеристик персонала, выстраивая рабочее пространство с учетом мотивационных факторов каждого сотрудника. Методология соционического анализа позволяет оптимизировать групповую коммуникацию, создавая благоприятные условия для коллективного решения поставленных задач и реализации стратегических планов компании [5, с. 12].

Применение соционики в определении личностных характеристик сотрудников способствует разработке эффективных мотивационных стратегий для каждого члена команды. Руководящий состав, опираясь на глубокое понимание индивидуальных особенностей персонала, оптимизирует рабочие процессы и максимизирует достижение поставленных целей. Грамотное распределение сотрудников по микрогруппам с учетом их психологической совместимости существенно увеличивает производительность всего коллектива и укрепляет корпоративную приверженность.

Современное управление персоналом активно внедряет соционические методы исследования для решения практических задач организации. Применение соционического подхода позволяет руководителям формировать эффективные рабочие коллективы, создавая оптимальные условия труда и повышая производительность сотрудников через понимание их психологических особенностей.

Психолого-социологические исследования в управлении персонала

Психолого-социологические исследования представляют собой важный инструмент для современного управления персоналом, позволяя организациям не только повысить свою эффективность, но и создать гармоничную рабочую атмосферу. Основной ценностью данного подхода является возможность глубоко понять индивидуальные качества сотрудников.

Рациональное применение соционического анализа позволяет руководящему составу определять индивидуальные особенности сотрудников для формирования эффективных рабочих групп. Распределение задач между участниками команды с учетом их психологических характеристик значительно увеличивает результативность коллективной работы, позволяя каждому специалисту реализовать свой профессиональный потенциал.

Внедрение соционических методик существенно оптимизирует взаимодействие между различными структурными подразделениями организации. Менеджмент, учитывая личностные особенности персонала, модифицирует управленческие подходы, создавая продуктивную атмосферу для профессиональной деятельности и развития корпоративной культуры. Построение мотивационных программ на основе соционического анализа обеспечивает индивидуальный подход к стимулированию каждого работника [6, с. 103].

Грамотное разрешение конфликтных ситуаций становится ключевым фактором успешной интеграции психосоциологических практик в корпоративную среду. Производственные разногласия возникают регулярно, а результативность их преодоления напрямую связана с глубоким пониманием фундаментальных причин возникновения. Руководители, обладающие знаниями о соционических особенностях сотрудников, приобретают возможность заблаговременно выявлять зоны потенциального напряжения и применять адаптированные методы урегулирования, формируя стабильное рабочее пространство с высокой производительностью.

Психолого-социологические методы анализа личностных характеристик сотрудников раскрывают всесторонние возможности управления мотивационными процессами внутри компании. Определение соционических профилей персонала создает основу для глубокого осмысления потенциала каждого специалиста, позволяя руководителям формировать максимально релевантные рабочие задания. Сотрудники, получающие проекты в соответствии с природными склонностями характера, демонстрируют повышенную результативность и погруженность в рабочий процесс [2, с. 81].

Грамотное распределение рабочих обязанностей с учетом персональных качеств сотрудников минимизирует негативное психологическое воздействие и способствует профессиональному росту персонала. Рациональное применение индивидуальных преимуществ каждого специалиста формирует эффективную рабочую группу, где профессиональные навыки участников максимально реализуются в назначенных ролях. Продуманное распределение задач повышает результативность работы и создает благоприятный микроклимат внутри коллектива [4, с. 114].

Эффективное управление профессиональным ростом персонала с учетом соционических характеристик открывает широкие возможности для сохранения кадрового потенциала и привлечения перспективных специалистов. Создание персонализированных траекторий карьерного развития повышает лояльность сотрудников благодаря учету их природных способностей. Организа-

ционная среда, выстроенная по такому принципу, обеспечивает непрерывное совершенствование компетенций и стимулирует активное участие работников в деятельности компании.

Профессиональная результативность существенно возрастает при грамотном применении различных методик обратной связи между сотрудниками. Учет индивидуальных особенностей восприятия информации каждым членом команды, основанный на соционическом подходе, способствует оптимизации рабочих процессов и минимизации коммуникативных барьеров в производственной среде.

Внедрение соционических методов в управление персоналом способствует качественному развитию организационных процессов. Грамотный подход к типологическим особенностям каждого члена коллектива позволяет раскрыть профессиональный потенциал и создать благоприятный психологический климат. Оптимизация межличностного взаимодействия и индивидуальный подход к планированию рабочего времени формируют продуктивную атмосферу, повышающую результативность совместной деятельности.

Конструктивные коммуникации между руководителями и подчиненными позволяют выстраивать эффективную систему развития персонала. Регулярное взаимодействие сотрудников разных уровней способствует определению потенциала каждого специалиста согласно индивидуальным соционическим характеристикам. Построение карьерных траекторий с учетом личностных особенностей и профессиональных компетенций формирует взаимовыгодные условия для организации и ее кадрового состава, обеспечивая постоянное совершенствование навыков. Повышение уровня мотивации и удовлетворенности сотрудников закономерно отражается на результативности их деятельности [3, с. 96].

Систематизированный подход к психосоционическому тестированию при рекрутинге позволяет компаниям заблаговременно определять совместимость потенциальных сотрудников с корпоративными ценностями и актуальными задачами организации.

Профессиональное развитие управленческого состава позволяет максимально эффективно применять соционические методики в системе организационного менеджмента. Целенаправленное обучение руководителей всех уровней методам командного взаимодействия создает условия для раскрытия индивидуального потенциала работников и обеспечивает рост результативности предприятия в целом.

Заключение

Таким образом, применение моделей социологических исследований, в частности соционики, в управлении организациями открывает большие перспективы для оптимизации процессов и повышения эффективности трудовой деятельности. Эти методы позволяют глубже понять индивидуальные особенности сотрудников, что в свою очередь даёт возможность более точно формировать команды, основываясь на сильных сторонах и неявных потребностях работников. Соционика, как наука о типах личности, предлагает уникальную возможность для персонализированного подхода в управлении, что может значительно улучшить динамику взаимодействия внутри коллектива.

Применение соционических подходов в управлении персоналом ведёт к минимизации конфликтов и снижению уровня стресса, создавая более гармоничную и продуктивную рабочую атмосферу. Знание психосоциониче-

ских характеристик способствует более целенаправленному распределению задач, улучшению методов обратной связи и адаптации стилей управления. Всё это непосредственно влияет на уровень вовлеченности и удовлетворенности сотрудников.

Систематическая работа с кадровым резервом, основанная на соционических исследованиях, создает прочный фундамент для удержания квалифицированных специалистов и привлечения новых талантов, чьи характеристики гармонично сочетаются с корпоративной культурой организации. Построение персонализированных траекторий профессионального роста, учитывающих личностные особенности и потенциал каждого работника, способствует синергетическому развитию сотрудников и компании.

Применение психолого-социологического подхода в управленческой практике формирует методологическую основу для выстраивания продуктивного взаимодействия с персоналом, обеспечивая стабильное развитие организаций в условиях динамичной бизнес-среды. Комплексное использование данных инструментов становится определяющим фактором достижения организационной эффективности и рыночного преимущества при постоянно эволюционирующих требованиях экономического пространства.

Литература

1. Аугустинавичюте А. Соционика. М.: Черная белка, 2016. 464 с.
2. Емельянов Б.Б. Соционические исследования как инструмент управления персоналом организации // Прогрессивная экономика. 2024. № 4. С. 80–89.
3. Кириллова В.Э. Особенности применения методов социологических исследований в процессе кадрового аудита // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 96–104.
4. Скубенко Д.В. Методика проведения кадрового аудита персонала организации Д.В. Скубенко, Т.А. Сапунова // Символ науки. 2017. № 2. С. 113–115.
5. Соболев Н.В. Проблемность современного состояния социологической диагностики организаций и управления // Психология, социология и педагогика. 2015. № 6. С. 12–18.
6. Сушкова Е.В. Социологические методы управления как фактор эффективного менеджмента // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 100–110.

METHODS OF MANAGING AN ORGANIZATION USING SOCIOLOGICAL RESEARCH MODELS

Korotkov N.I.

MADI (Moscow Automobile and Road Construction Institute)

The article explores the application of sociology in organizational management, highlighting its key role in understanding personality types and employee interactions. The author emphasizes the significance of sociological research as a tool for optimizing teamwork, enhancing productivity, and fostering a harmonious work environment. The article delves into the fundamental principles of sociology and its practical applications in recruitment, as well as the impact of sociological characteristics on leadership development and conflict management. The article concludes by highlighting the potential for integrating psychological and sociological research into management practices, contributing to increased employee engagement, satisfaction, and sustainable organizational growth in today's business landscape.

Keywords: organization, personnel management, sociological research, management, models.

References

1. Augustinavichyute A. Socionics. M.: Chernaya belka, 2016. 464 p.
2. Emelyanov B.B. Socionic research as a tool for managing the personnel of the organization//Progressive economy. 2024. No. 4. Pp. 80–89.
3. Kirillova V.E. Features of application of methods of sociological research in the process of personnel audit//Kazan pedagogical journal. 2018. No. 6. Pp. 96–104.
4. Skubenko D.V. Methodology of conducting personnel audit of the organization's personnel D.V. Skubenko, T.A. Sapunova // Symbol of science. 2017. No. 2. Pp. 113–115.
5. Sobolev N.V. Problematic nature of the current state of sociological diagnostics of organizations and management // Psychology, sociology and pedagogy. 2015. No. 6. Pp. 12–18.
6. Sushkova E.V. Sociological methods of management as a factor of effective management//Social and humanitarian knowledge. 2019. No. 1. Pp. 100–110.

Гражданский потенциал фирмы как идеал и выражение социально ответственного поведения современной компании

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Важнейшая роль бизнеса в современном мире, положительные и отрицательные последствия частной деятельности порождают вопросы о социально ответственном поведении компаний. В этой связи сегодня активно развивается концепция социальной ответственности бизнеса, в русле которой появляются все новые идеи. Эти новые разработки отражают изменения в мире, в основах ведения бизнеса, в отношениях бизнеса и общества. В статье предлагается понятие гражданского потенциала фирмы. Данный концепт отражает высокий уровень социально ответственного поведения компаний, на котором фирма выступает как моральный субъект и гражданский актор. Гражданский потенциал может проявляться в различных видах деятельности, которые направлены на внесение вклада в решение фундаментальных общественных проблем (экологических, этических, социальных и др.)

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, бизнес и общество, этика бизнеса, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность, корпоративное гражданство.

Социальная ответственность бизнеса (или корпоративная социальная ответственность) – понятие, которое широко используется в практической деятельности, а также в научных исследованиях и в общественных обсуждениях. В этом понятии концентрируются такие темы, как возросшая роль бизнеса в современном мире, взаимоотношения бизнеса и общества, бизнеса и государства, общественные ожидания в отношении частной деятельности, влияние деятельности компаний на окружающую среду и др.

Имеется немало определений социальной ответственности бизнеса.

Например, Европейская комиссия по социальной ответственности определяет корпоративную ответственность как ответственность предприятий за их влияние на общество. Для выполнения требований этого вида ответственности необходимы соблюдение законодательства, коллективных соглашений между социальными партнерами, а также интеграция в деятельность и стратегии компаний социальных, экологических, этических аспектов, прав человека и интересов потребителей. [1]

Согласно еще одному определению, глобальную корпоративную социальную ответственность можно определить как деловую практику, основанную на этических ценностях и уважении к работникам, сообществам и окружающей среде. [2]

Концепция социальной ответственности бизнеса активно развивается уже несколько десятилетий, и за это время появилось множество новых идей и понятий, уточняющих, обновляющих или дополняющих эту концепцию. Так, среди новых терминов, обозначающих те или иные трансформации или интерпретации данного концепта, можно назвать такие, как корпоративное социальное предпринимательство, целенаправленный бизнес, тройной результат, корпоративное гражданство, этика бизнеса, создание общей ценности, корпоративная социальная эффективность, адаптивная корпоративная ответственность и другие. Постепенно идея социальной ответственности бизнеса распространяется и на развивающиеся страны.

В работе [3] было предложено понятие общественного потенциала частной организации как концепта, означающего совокупность связей и видов деятельности фирмы, направленных на лучшее взаимодействие частной организации с окружающей социальной средой. Можно сказать, что в целом общественный потенциал (его состав, качество, динамика) отражает степень адаптации компании к окружающему контексту и уровень ее социальной устойчивости.

Общественный потенциал может реализовываться в виде широкой совокупности мероприятий, осуществляемых фирмой. Сюда относятся производство продукции, сфокусированной на потребностях местных потребителей, политика найма местной рабочей силы (включая обучение и развитие), работа в муниципально-частных партнерствах, участие в местных инициативах по охране природы, развитию культуры, туризма, развитию местных сообществ и т.п., содействие решению местных социальных проблем, участие в инфраструктурных проектах и многое другое.

Понятие общественного потенциала объединяет ряд идей из других концепций из области социальной ответственности бизнеса. Кроме того, данное понятие предназначено для того, чтобы характеризовать конкретные проявления, текущее состояние, а также возможные будущие проекты социальной ориентированной деятельности той или иной частной организации.

Однако социальная ответственность фирмы проявляется не только в тесном взаимодействии с охватываемым ее ближайшим социальным (а также политическим, экономическим, культурным, экологическим) контекстом.

Существует и более высокий уровень выражения социально ответственной деятельности той или иной компании. Для данного уровня характерно существенное участие организации в решении более фундаментальных проблем, при котором фирма действует уже не только как экономический или социальный, но и гражданский субъект, проявляющий гражданское сознание, активность и ответственность.

Этот уровень социальной ответственности бизнеса можно обозначить таким термином, как гражданский потенциал компании.

Данный потенциал может выражаться в разнообразных формах. Например, это может быть участие в союзах производителей (промышленников и т.п.) с целью улучшения качества продукции (услуг) в данной отрасли и др., участие в разработке различных стандартов (производственных, этических, экологических и т.п.) в данной сфере. Это может быть разработка и добровольное принятие различных соглашений между фирмами (или между бизнесом и государством) для внесения вклада в разрешение сложнейших общественных проблем (изменение климата, загрязнение окружающей среды, истощение ресурсов и т.п.).

Еще одним примером может служить участие в антикоррупционных мероприятиях и комитетах (с целью борьбы с коррупцией внутри корпораций). Кроме того, это может быть совместная с властями или общественностью деятельность в сфере экологических и гуманитарных экспертиз, представительство фирмы в работе различных гражданских жюри и других общественных структур и т.п.

Понятие гражданского потенциала отражает высокую степень зрелости корпорации как коллективного актора с моральной и политической точек зрения. Если общественный потенциал все же теснее связан с экономическими интересами фирмы, так как сосредоточен прежде всего на обеспечении адаптации и социальной устойчивости фирмы в окружающем контексте (хотя данный потенциал, разумеется, выходит за пределы чисто коммерческих интересов и отражает социальную ответственность бизнеса по отношению к местным сообществам), то гражданский потенциал – это установка и деятельность фирмы, которая идет гораздо дальше.

Развитый гражданский потенциал – это высокая степень участия в социальных, политических, культурных и других проблемах общества. Это означает, что фирма не просто осуществляет социально ответственную деятельность на местном уровне, то есть участвует в решении локальных проблем (содействие сообществам, органам муниципальной власти и т.п.), но и принимает участие в более фундаментальных проблемах. Например, компания осознает и принимает ответственность за состояние окружающей среды, за изменение климата, за сохранение ресурсов для будущих поколений, за развитие данной отрасли в целом, за поддержание позитивных отношений бизнеса и государства, бизнеса и общества.

Как правило, для полноценного развития и реализации гражданского потенциала от фирмы предварительно требуется достижение экономической устойчивости и надежного положения на рынке, т.е. это должна, в идеале, быть известная компания с хорошей деловой репутацией, что, соответственно, позволит ей быть полноценным участником различных мероприятий с высокой общественной значимостью. Полезным также может быть опыт работы в государственно-частных партнерствах, а также поддержка и обеспечение постоянного контакта с властью, так как это облегчает возможность обращаться к власти с различными инициативами.

Таким образом, под гражданским потенциалом фирмы можно понимать совокупность видов ее деятельности, направленных на участие в решении фундаментальных проблем общества; при этом фирма выступает как коллективный моральный субъект и гражданский актор, проявляющий высокую степень социальной ответственности.

Ценностную основу развития гражданского потенциала фирмы составляют такие, разделяемые руководством и сотрудниками организации, ценностные понятия, как социальная солидарность, социальная ответственность, справедливость, равенство, гражданский долг, честность, гражданское участие, забота и др.

Формирование и развитие гражданского потенциала происходит, в частности, из осознания корпорациями той роли, которую играет сегодня в обществе бизнес в целом.

В современных условиях государство вынуждено отдавать бизнесу все больше полномочий, делегировать ему все новые сферы ответственности, т.е., в итоге, передавать бизнесу важнейшие функции обеспечения, удовлетворения общественных потребностей, инновационной деятельности, участия в решении наиболее актуальных общественных проблем и др.

Так, Саймон Задек в известной книге «Гражданская корпорация» говорит о все более тесных и взаимно зависимых отношениях бизнеса и государства, при которых происходит своего рода сближение их легитимности (несмотря на их разные исторические основания). Это сближение обусловлено множеством факторов (рост сложных партнерств с участием государственных и частных субъектов, расширение политических возможностей граждан благодаря их роли на рынках и др.). [4, p.2]

Следует отметить, что легитимность бизнеса является сегодня отдельной проблемой, и от общественного признания бизнеса в современных условиях (развитые гражданские структуры, активность потребителей и т.п.) зависит, собственно сама возможность для осуществления частной деятельности. [5, pp. 45–60] С фундаментальной точки зрения, взаимоотношения общества и бизнеса основаны на своего рода социальном контракте (включающем общественные ожидания, идеалы, требования и т.п.).

В этом смысле развитый гражданский потенциал фирмы предполагает довольно высокую степень легитимизации как отдельной корпорации, так и частного сектора в целом. Гражданский потенциал компании демонстрирует ее значение в качестве морально зрелого актора, равнодушного к крупным общественным проблемам: таким как состояние отрасли, экономики, будущее экологии, сбережение ресурсов, этика поведения частных организаций на рынке и др.

Понятие гражданского потенциала имеет определенное родство с идеей корпоративного гражданства. Данная концепция стала особенно популярной в конце 90-х – начале 2000-х годов. [6] За рубежом даже сформировалось целое движение за корпоративное гражданство,

в котором участвовал ряд крупных корпораций, провозгласивших себя корпоративными гражданами, а также исследователи и некоторые специализированные исследовательские институты. Имеется внушительный массив литературы, посвященный развитию данной идеи.

Отдельным направлением в этой концепции является политическая роль корпораций. [7],[8]

Следует отметить, что идея корпоративного гражданства охватывает все виды деятельности частной компании и подчеркивает расширенные обязательства компании перед обществом.

Согласно одному из лаконичных определений, корпоративное гражданство заключается в том, что бизнес в большей степени учитывает свои социальные, экологические, а также финансовые последствия. [4, р. 36]

Само название и подход корпоративного гражданства оказались удачными с той точки зрения, что гражданственность рассматривается в настоящее время как важнейший организующий принцип для распределения ролей и обязанностей между членами политических сообществ, а также между сообществами и властными институтами. [9, р.4]

Концепция гражданского потенциала (в сравнении с идеями корпоративного гражданства) подчеркивает прежде всего высокий уровень социальной ответственности фирмы, который выражается в ее нацеленности на участие в решении фундаментальных общественных проблем (вплоть до глобальных). Кроме того, это понятие позволяет конкретизировать те виды деятельности компании, которые свидетельствуют о наличии у руководства и сотрудников фирмы развитого морального и гражданского сознания. Как говорилось выше, данный концепт выступает в качестве продолжения и развития идеи общественного потенциала компании.

Таким образом, в нашей концепции высвечиваются наиболее высокие проявления гражданской активности частной организации, тесно связанные в итоге с аутентичным смыслом гражданственности вообще.

Разумеется, прямая задача бизнеса – это создание ценности. Однако решение этой задачи не является самоочевидным процессом, а требует критической оценки с точки зрения стратегических параметров, моральных и гражданских ценностей. В идеале выбор частной организацией форм и способов создания ценности должен основываться не только на ближайших целях, но также на ориентирах (установках, ценностях) более фундаментального характера.

Соответственно, для компаний с высоким уровнем морального и гражданского сознания анализу подлежат и сам процесс создания ценностей, причем не только собственный, но также и отрасли (бизнеса) в целом. В частности, имеет значение такой вопрос, как устойчивое производство ценности (стабильность отрасли в целом, ее социальное и политическое признание). Далее, создаваемая ценность должна быть максимально адекватна ожиданиям и потребностям общества. Огромное значение имеет и то, какими способами (с какими отходами и т.п.) и с каким использованием ресурсов производится ценность, как отразятся текущие способы создания ценности на возможности производства ценности в будущем (межпоколенческая справедливость) и т.п.

Таким образом, на высоком уровне социальной ответственности рассмотрение вопросов создания ценности выходит далеко за рамки узко экономического контекста и осуществляется в таких категориях, как устойчивость, справедливость, сбережение ресурсов и т.п.

Итак, гражданский потенциал компаний – это высокий уровень социальной ответственности бизнеса, на котором фирмы проявляют себя в качестве морального

субъекта и гражданского актора. Развитый гражданский потенциал – одновременно и идеал для частных организаций, и вполне осуществимая цель, достигаемая через конкретные виды общественно ориентированной, ответственной деятельности.

Литература

1. European Commission. A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility, Brussels, 2011
2. Global Corporate Social Responsibility Policies Project. A Role for the Government – Issues at Hand. Kenan-Flagler Business School of the University of North Carolina, Chapel Hill, 2003
3. Ушаков Е.В. Понятие общественного потенциала фирмы как качества деятельности в современных условиях социальной ответственности бизнеса. Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5. С 197–199.
4. Zadek S. The Civil Corporation. London; Sterling, VA: Earthscan, 2007
5. Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability / Crowther D., Seifi Sh., Wond T. (Eds.). Springer, 2019
6. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. Business Ethics Quarterly, 2008, 18(1): 51–59
7. Corporate Citizenship and New Governance: The Political Role of Corporations. / Pies I., Koslowski P. (Eds.). Springer, 2011
8. Matten D., Crane A. Corporate citizenship: Towards an extended theoretical conceptualization. Academy of Management Review, 2005, 30(1): 166–179
9. Crane A., Matten D., Moon J. Corporations and Citizenship. Cambridge: Cambridge University Press, 2008

CIVIC POTENTIAL AS AN IDEAL AND MANIFESTATION OF SOCIALLY RESPONSIBLE BEHAVIOR IN A MODERN COMPANY

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The crucial role of business in the modern world, as well as the positive and negative consequences of private activity, raises questions about the socially responsible behavior of companies. In this regard, the concept of business social responsibility is actively developing, and new ideas are emerging. These new developments reflect changes in the world, in the foundations of doing business, and in the relationship between business and society. The article proposes the concept of a company's civic potential. This concept reflects a high level of socially responsible behavior by companies, where the company acts as a moral entity and a civic actor. Civic potential can be expressed in various activities aimed at contributing to solving fundamental social problems (environmental, ethical, social, etc.).

Keywords: social responsibility of business, business and society, business ethics, sustainable development, corporate social responsibility, corporate citizenship.

References

1. European Commission. A renewed EU strategy 2011–14 for Corporate Social Responsibility, Brussels, 2011
2. Global Corporate Social Responsibility Policies Project. A Role for the Government – Issues at Hand. Kenan-Flagler Business School of the University of North Carolina, Chapel Hill, 2003
3. Ushakov E.V. The concept of a company's public potential as a quality of activity in modern conditions of social responsibility of business. Social and humanitarian knowledge. 2025. № 5. P. 197–199

4. Zadek S. The Civil Corporation. London; Sterling, VA: Earthscan, 2007
5. Responsibility and Governance: The Twin Pillars of Sustainability / Crowther D., Seifi Sh., Wond T. (Eds.). Springer, 2019
6. Wood D. J., Logsdon J.M. Business citizenship as metaphor and reality. *Business Ethics Quarterly*, 2008, 18(1): 51–59
7. Corporate Citizenship and New Governance: The Political Role of Corporations. / Pies I., Koslowski P. (Eds.). Springer, 2011
8. Matten D., Crane A. Corporate citizenship: Towards an extended theoretical conceptualization. *Academy of Management Review*, 2005, 30(1): 166–179
9. Crane A., Matten D., Moon J. *Corporations and Citizenship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008

Модель управления социальной самоорганизацией в условиях информатизации: социологический подход к трансформации организационных структур

Хомяков Денис Витальевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: hdvmail@rambler.ru

Печерица Елена Васильевна,

кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: Helene8@yandex.ru

В статье рассматриваются современные теоретические и практические подходы к формированию модели управления социальной самоорганизацией предприятия в условиях информатизации. Описаны основные принципы интеграции корпоративных платформ и механизмов самоорганизации для повышения эффективности управленческих решений. Особое внимание уделено анализу российского опыта внедрения цифровых инструментов, развитию корпоративных сообществ и горизонтальных коммуникаций. Представлены результаты анализа кейсов, дана характеристика авторской модели управления с учетом процессов информатизации в отечественных организациях. Сформулированы рекомендации по внедрению современных инструментов социальной самоорганизации на предприятиях.

Ключевые слова: социальная самоорганизация, информатизация, корпоративные платформы, управление предприятием, корпоративная культура.

Введение

В последние годы в российской экономике усиливается интерес к поиску новых организационных форм, способных обеспечить развитие и адаптивность предприятий на фоне информатизации современного общества [6, 5, 12]. Усложнение бизнес-процессов, переход к работе в распределённых командах и расширение применения корпоративных информационных систем приводят к изменению стандартных подходов к управлению [4, 2, 9]. В этой связи возникает задача выработки управленческих моделей, в которых сочетаются формальные структуры и механизмы социальной самоорганизации [7, 3, 1]. Многие российские предприятия используют корпоративные платформы, информационные порталы, внутренние социальные сети, а также искусственный интеллект для поддержки управленческих процессов [1, 4, 14, 8]. Эти инструменты способствуют формированию профессиональных сообществ, укрепляют горизонтальные коммуникации и стимулируют участие работников в инновационных проектах [4, 2]. Становится актуальным анализ возможностей интеграции цифровых решений и самоорганизационных процессов для развития современных форм управления [3, 5, 13, 15].

Цель работы – анализ и описание модели управления социальной самоорганизацией предприятия, основанной на использовании корпоративных информационных инструментов, а также рассмотрение примеров их применения в российских организациях и выработка практических рекомендаций.

Теоретические основы формирования моделей управления социальной самоорганизацией

Исследование процессов социальной самоорганизации в организациях базируется на трудах как зарубежных, так и отечественных авторов в области теории управления, социологии организаций и информатизации. Так, Г. Хакен рассматривает самоорганизацию как процесс возникновения внутреннего порядка за счет взаимодействия элементов системы без внешнего директивного воздействия [7]. В работах Л.В. Докашенко подчеркивается, что способность коллектива самостоятельно определять цели и вырабатывать нормы деятельности становится основой для устойчивого развития организации в условиях постоянных изменений среды [3]. Ключевые принципы развития социальной самоорганизации в современной экономике отражены также в исследованиях А.В. Семенова, который выделяет роль информатизации и цифровых инструментов в трансформации управленческих практик [6]. Информатизация влияет не только на производственную сферу, но и на изменение форм коллективной работы, распределение ролей и создание новых моделей взаимодействия в компаниях [5]. По данным исследований Аббосова М.И., Ястребовой Т.Е., широко используются корпоративные платформы, информационные порталы, социальные сети, а также инструменты искусственного интеллекта для поддержки процессов управления, обмена

знаниями, принятия решений и анализа производственных данных [1]. К таким инструментам можно отнести внутренние корпоративные мессенджеры, базы знаний, электронные системы управления проектами, сервисы для анализа больших данных и внедрение элементов искусственного интеллекта для автоматизации бизнес-процессов и поддержки принятия решений. В работах Мажажихова А.А. и Мисхожева Э.Р. указывается, что для российских предприятий характерно сочетание формальных и неформальных структур, при этом информатизация способствует формированию профессиональных сообществ, развитию горизонтальных коммуникаций, внедрению проектного управления и распространению инновационных практик [4]. По мнению Балашовой И.В., эффективная модель управления должна учитывать как формализованные механизмы, так и поддержку инициатив работников, развитие открытых коммуникаций и создание условий для горизонтального взаимодействия [2].

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база исследования включает комплексное социологическое исследование, проведённое на российских предприятиях частного сектора. В исследовании использовались смешанные методы, представленные в Таблице 1.

Таблица 1. Основные методы исследования управления самоорганизацией в условиях информатизации

Метод	Описание и область применения	Преимущества
Анкетирование	Опрошены сотрудники различных уровней (от линейных специалистов до руководителей отделов). Анкета включала блоки, посвящённые оценке цифровой зрелости, мотивации к самоорганизации, удовлетворённости горизонтальными коммуникациями, использованию корпоративных платформ и инструментов ИИ в повседневной работе.	Массовость, объективность
Глубинное интервью	Проведены интервью с руководителями и ключевыми специалистами, отвечающими за цифровую трансформацию, развитие проектных команд и корпоративных платформ. Основное внимание уделялось барьерам и стимулам внедрения практик самоорганизации, а также опыту интеграции цифровых инструментов.	Качественная глубина
Анализ документации	Изучались внутренние регламенты, цифровые политики, отчеты по внедрению платформ, результаты опросов вовлечённости.	Формализация данных
Кейс-анализ	Подробно проанализированы процессы внедрения цифровых платформ и проектного управления на примере предприятий с разным уровнем цифровой зрелости (от традиционных производств до agile-команд в ИТ-компаниях).	Привязка к практике

Модель управления социальной самоорганизацией в условиях информатизации: структура и механизм применения

Авторская модель управления социальной самоорганизацией предприятия в условиях информатизации, по-

строенная на сочетании эмпирических и теоретических данных [7, 3, 6, 2, 12, 14] предполагает интеграцию ключевых компонентов.

Горизонтальные экспертные и проектные сообщества. Создаются для решения текущих задач, обмена опытом, генерации и внедрения инноваций. Эти сообщества формируются как по профессиональному признаку, так и по интересам, и поддерживаются как через формальное назначение ролей, так и через добровольное участие сотрудников [16, 14].

Динамическая ролевая структура. Работник может временно брать на себя роль эксперта, модератора, наставника или координатора проекта в зависимости от задач и потребностей предприятия. Перераспределение ролей поддерживается за счет прозрачной системы внутреннего отбора и цифрового мониторинга активности [15, 11].

Система цифрового мониторинга и обратной связи. С помощью BI-аналитики, автоматизированных отчетов, регулярных опросов и ИИ-аналитики руководство получает объективные данные о вовлеченности, активности, коммуникациях и результатах деятельности команд и отдельных сотрудников. Это позволяет своевременно выявлять лидеров мнений, зоны риска и точки роста [8, 10].

Инфраструктура поддержки изменений и обучения. Интеграция с корпоративными образовательными платформами (LMS), доступ к онлайн-курсам, обмен опытом в формате peer-to-peer и программ наставничества для новых участников сообществ [17].

Корпоративная цифровая платформа. Объединяет информационные ресурсы предприятия, обеспечивает доступ к корпоративным базам знаний, чатам, экспертным сообществам, системе управления, а также к сервисам искусственного интеллекта (например, для автоматизации поиска информации, анализа обратной связи, управления распределением задач) [10].

Результаты и обсуждение

В совокупности с вышеописанными элементами, модель управления социальной самоорганизацией предприятия в условиях информатизации представляет собой целостную систему организационного развития, в которой интегрированы формальные (административные, платформенные) и неформальные (самоорганизационные, сетевые) механизмы. В центре модели – корпоративная цифровая платформа, объединяющая информационные ресурсы, системы управления проектами, каналы коммуникации и сервисы поддержки принятия решений. Вокруг неё формируются горизонтальные проектные и экспертные сообщества, функционирующие на принципах добровольного участия, обмена знаниями и совместной ответственности за результат.

Взаимодействие участников строится по динамической ролевой структуре: сотрудники могут временно или постоянно брать на себя функции лидеров, наставников, модераторов, что позволяет быстро адаптироваться к изменяющимся задачам. Система цифрового мониторинга и обратной связи обеспечивает постоянный анализ активности, выявление лидеров мнений и зон роста, а также поддерживает прозрачность и открытость процессов. Инфраструктура поддержки изменений и обучения, включающая внутренние образовательные сервисы, peer-to-peer взаимодействие и наставничество. Регулярная оценка эффективности по KPI, анализ вовлечённости и экономических результатов позволяет корректировать управленческие решения и совершенствовать модель.

Внедрение модели управления социальной самоорганизацией проходит в несколько последовательных эта-

пов, каждый из которых имеет свои задачи и инструменты, представленные в Таблице 2.

Таблица 2. Этапы внедрения модели управления самоорганизацией в условиях информатизации современного общества

Этап	Основные задачи	Инструменты и действия
Диагностика	Анализ готовности организации, выявление «точек роста»	Опросы, интервью, аудит ИТ-инфраструктуры
Проектирование	Формирование структуры платформ и сообществ	Разработка регламентов, настройка платформ
Пилотное внедрение	Запуск первых проектных команд и сообществ	Внутренние конкурсы, акселераторы идей
Масштабирование	Расширение практик самоорганизации на весь коллектив	Внедрение BI-мониторинга, автоматизация ИИ
Поддержка изменений	Адаптация программ обучения, настройка обратной связи	LMS, регулярные опросы, поддержка наставников
Оценка эффективности	Анализ результатов, корректировка модели	KPI, аналитика вовлеченности, экономический эффект

Применение разработанной модели на практике начинается с диагностики текущего уровня информатизации и зрелости горизонтальных коммуникаций. Например, на производственном предприятии с развитой филиальной сетью создание цифровой платформы для обмена технологическими инновациями между регионами позволяет вовлекать сотрудников в проектную деятельность, вне зависимости от их территориального положения. Регулярные опросы сотрудников и аналитика активности в корпоративных сетях дают руководству объективную информацию для дальнейшей поддержки наиболее инициативных команд. В ИТ-компании модель реализуется через формирование agile-команд, где сотрудники сами определяют задачи, распределяют роли и используют внутренние мессенджеры, доски задач и сервисы искусственного интеллекта для автоматизации рутинных процессов. Это приводит к ускорению запуска новых продуктов, более быстрому тиражированию успешных решений, появлению «сквозных» проектных групп, работающих одновременно над несколькими направлениями. В торговой и сервисной отрасли социальная самоорганизация поддерживается внутренними социальными сетями, где сотрудники делятся предложениями по улучшению обслуживания, участвуют в конкурсах инновационных идей, получают быстрый отклик от руководства и коллег. Использование ИИ для анализа клиентских обращений и формирования рекомендаций позволяет оперативно реагировать на изменения рынка и формировать команды для реализации новых проектов.

Для успешной реализации предложенной модели предприятиям рекомендуется на этапе диагностики использовать не только количественные, но и качественные методы, такие как интервью, обсуждения в малых группах. При проектировании структуры платформы предусмотреть возможность соблюдения условий.

Поддержка руководства. Основой является личное участие топ-менеджмента. Руководители демонстриру-

ют приверженность проекту, выступают инициаторами изменений и показывают пример всему коллективу.

Гибкая ИТ-инфраструктура. Ключевым моментом является интеграция платформ и сервисов. Это обеспечивает возможность оперативно подключать новые инструменты, повышая мобильность и масштабируемость системы.

Обучение персонала. Важную роль играют курсы, тренинги и наставничество. Обученные сотрудники лучше осознают цели проекта и могут эффективно использовать новые технологии и подходы в работе.

Стимулирование инициатив. Одним из способов мотивации служат конкурсы, премии и признание. Таким образом, идеи от сотрудников поощряются и получают развитие, поддерживая инновационный дух в компании.

Прозрачность коммуникаций. Нужно внедрять открытые каналы обратной связи. Это помогает каждому сотруднику свободно высказывать мнения, чтобы поддерживать тесное взаимодействие и повышать доверие внутри коллектива.

Система регулярной оценки. Помогают BI-аналитика, опросы и отчетность. Они предоставляют объективную информацию о ходе работы, помогают корректировать действия и принимать взвешенные решения.

Внедрение предложенной модели на российских предприятиях обеспечивает ряд практических преимуществ. Во-первых, организация получает возможность существенно сократить время на согласование управленческих решений и снизить количество бюрократических процедур за счёт автоматизации процессов и развития горизонтальных коммуникаций. Во-вторых, усиливается мотивация сотрудников, формируется устойчивое ядро профессиональных сообществ, что способствует появлению и реализации инновационных инициатив. В-третьих, повышается устойчивость предприятия к внешним изменениям – как рыночным, так и нормативным.

Выводы

Исследование продемонстрировало, что интеграция механизмов социальной самоорганизации с инструментами информатизации создает условия для формирования гибких, инновационно-активных и устойчивых корпоративных структур. Разработанная модель управления социальной самоорганизацией, ориентированная на применение цифровых платформ, горизонтальных команд и динамических ролевых моделей, может быть адаптирована под специфику российских предприятий различных отраслей. Реализация модели требует комплексного подхода, сочетающего развитие ИТ-инфраструктуры, обучение персонала, изменение системы мотивации и поддержку новых управленческих практик со стороны руководства. Полученные данные подтверждают эффективность предложенных решений и их применимость в современных экономических условиях. Модель обеспечивает не только повышение эффективности управления, но и создает основу для долгосрочного развития, внутренней устойчивости и расширения инновационного потенциала российских предприятий.

Литература

1. Аббосов М.И., Ястребова Т.Е. Бирюзовые организации как тренд развития деловых организаций // Sciences of Europe. 2020. № 47–4. С. 13–15.
2. Балашова И.В. Внедрение цифровых технологий в организацию работы виртуальных команд // На-

учный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 4(61). С. 91–99.

3. Докашенко Л.В. Управление устойчивым развитием организации на принципах самоменеджмента // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 8. С. 89–94.
4. Мажажихов А.А., Мисхожев Э.Р. Теоретические вопросы исследования промышленных предприятий как сложных самоорганизующихся систем // Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 2. С. 3–9.
5. Печерица Е.В. Современные тренды цифровизации в сфере устойчивого развития туризма: монография. СПб.: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2023.
6. Семенов А.В. Методика оценки уровня информатизации хозяйствующего субъекта // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 7.
7. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.: Мир, 1991.
8. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S., Chui M., Allas T., Dahlström P., Henke N., Trench M. Artificial Intelligence: The Next Digital Frontier? // McKinsey Global Institute, 2017.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, 2010.
10. Davenport T.H., Ronanki R. Artificial Intelligence for the Real World // Harvard Business Review. 2018. Vol. 96(1). P. 108–116.
11. Edmondson A.C. Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy. San Francisco: Jossey-Bass, 2012.
12. Kane G.C., Palmer D., Phillips A.N., Kiron D., Buckley N. Strategy, Not Technology, Drives Digital Transformation // MIT Sloan Management Review and Deloitte University Press. 2015.
13. Laloux F. Reinventing Organizations: A Guide to Creating Organizations Inspired by the Next Stage of Human Consciousness. Brussels: Nelson Parker, 2016.
14. Lee G., Xia W. Toward Agile: An Integrated Analysis of Quantitative and Qualitative Field Data on Software Development Agility // MIS Quarterly. 2010. Vol. 34(1). P. 87–114.
15. Raisch S., Birkinshaw J., Probst G., Tushman M.L. Organizational Ambidexterity: Balancing Exploitation and Exploration for Sustained Performance // Organization Science. 2009. Vol. 20(4). P. 685–695.
16. Sutherland J. Scrum: The Art of Doing Twice the Work in Half the Time. New York: Crown Business, 2014.
17. Zammuto R.F., Griffith T.L., Majchrzak A., Dougherty D.J., Faraj S. Information Technology and the Changing Fabric of Organization // Organization Science. 2007. Vol. 18(5). P. 749–762.

MODEL OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION: A SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE TRANSFORMATION OF ORGANIZATIONAL STRUCTURES

Khomyakov D.V., Pecheritsa E.V.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article considers modern theoretical and practical approaches to the formation of the model of social self-organization management

in the conditions of informatization of enterprise social self-organization management in the conditions of informatization. The article describes the basic principles of integration of corporate platforms and self-organization mechanisms to improve the effectiveness of management decisions. Special attention is paid to analysis of the Russian experience of implementation of informatization tools, development of corporate communities and horizontal communications. Corporate communities and horizontal communications are analyzed. The results of case analysis, characteristic of the author's model of management taking into account the processes of informatization in domestic organizations. informatization processes in domestic organizations. Recommendations for the introduction of modern tools of social self-organization at enterprises.

Keywords: social self-organization, informatization, corporate platforms, enterprise management, corporate culture.

References

1. Abbosov M.I., Yastrebova T.E. Turquoise Organizations as a Trend in the Development of Business Organizations // Sciences of Europe. 2020. No. 47–4. P. 13–15.
2. Balashova I.V. Implementation of Digital Technologies in Organizing the Work of Virtual Teams // Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments. 2022. No. 4(61). P. 91–99.
3. Dokashenko L.V. Management of Sustainable Development of an Organization Based on the Principles of Self-Management // Bulletin of Orenburg State University. 2004. No. 8. P. 89–94.
4. Mazazhikhov A.A., Miskhozhev E.R. Theoretical Issues in the Study of Industrial Enterprises as Complex Self-Organizing Systems // Economy and Ecological Management. 2023. No. 2. P. 3–9.
5. Pecheritsa E.V. Modern Trends in Digitalization in the Field of Sustainable Tourism Development: Monograph. St. Petersburg: Anatoly Sobchak International Banking Institute, 2023.
6. Semenov A.V. Methodology for Assessing the Level of Informatization of an Economic Entity // Regional Economics: Theory and Practice. 2012. No. 7.
7. Haken G. Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems. Moscow: Mir Publishers, 1991.
8. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S., Chui M., Allas T., Dahlström P., Henke N., Trench M. Artificial Intelligence: The Next Digital Frontier? // McKinsey Global Institute, 2017.
9. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishers, 2010.
10. Davenport T.H., Ronanki R. Artificial Intelligence for the Real World // Harvard Business Review. 2018. Vol. 96(1). P. 108–116.
11. Edmondson A.C. Teaming: How Organizations Learn, Innovate, and Compete in the Knowledge Economy. San Francisco: Jossey-Bass, 2012.
12. Kane G.C., Palmer D., Phillips A.N., Kiron D., Buckley N. Strategy, Not Technology, Drives Digital Transformation // MIT Sloan Management Review and Deloitte University Press, 2015.
13. Laloux F. Reinventing Organizations: A Guide to Creating Organizations Inspired by the Next Stage of Human Consciousness. Brussels: Nelson Parker, 2016.
14. Lee G., Xia W. Toward Agile: An Integrated Analysis of Quantitative and Qualitative Field Data on Software Development Agility // MIS Quarterly. 2010. Vol. 34(1). P. 87–114.
15. Raisch S., Birkinshaw J., Probst G., Tushman M.L. Organizational Ambidexterity: Balancing Exploitation and Exploration for Sustained Performance // Organization Science. 2009. Vol. 20(4). P. 685–695.
16. Sutherland J. Scrum: The Art of Doing Twice the Work in Half the Time. New York: Crown Business, 2014.
17. Zammuto R.F., Griffith T.L., Majchrzak A., Dougherty D.J., Faraj S. Information Technology and the Changing Fabric of Organization // Organization Science. 2007. Vol. 18(5). P. 749–762.

Гендерные особенности восприятия достойного труда: межпоколенческие различия

Юдин Павел Валерьевич,

аспирант кафедры социологии и социальной работы
Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарёва

В статье рассматриваются гендерные различия в восприятии трудовых условий, мотивации и профессиональных установках среди работников Москвы и регионов. На основе данных социологического опроса, проведенного в 2024 году, выявлены различия в мотивационных ориентирах, предпочтениях рабочего пространства и формата занятости. Приведены статистические показатели, отражающие значимые различия по полу и региону, включая уровень занятости, соответствие работы полученной специальности, отношение к дистанционному формату и дресс-коду. Результаты сопоставлены с данными других эмпирических исследований. Сформулированы рекомендации для работодателей по учету гендерных и региональных факторов при формировании трудовой среды.

Ключевые слова: дистанционная работа, дресс-код, занятость, гендерные различия, гендерные трудовые ценности, мотивация, половые различия, профессиональные ценности.

Введение

В современном обществе вопросы достойного труда приобретают все большую актуальность в контексте обеспечения социальной справедливости и устойчивого развития. Концепция достойного труда, закрепленная в международных документах, таких как рекомендации Международной организации труда, предполагает не только приемлемые условия занятости и уровень доходов, но и признание, защиту трудовых прав, возможности для профессионального роста и самореализации. Однако восприятие и приоритеты, связанные с понятием достойного труда, значительно варьируются в зависимости от социальных факторов, среди которых ключевую роль играют гендер и возраст [3].

Гендерные особенности восприятия труда обусловлены исторически сложившимися социальными ролями и культурными стереотипами, влияющими на профессиональные установки и мотивацию мужчин и женщин. Исследования показывают, что женщины и мужчины могут различаться в своих ожиданиях относительно условий работы, баланса между трудовой и личной жизнью, а также в отношении к нематериальным аспектам труда, таким как признание и уважение [4,25]. Кроме того, социально-экономические трансформации последних десятилетий привели к существенным изменениям в структуре трудовых ценностей различных поколений, что требует учета межпоколенческого измерения в анализе гендерных различий.

Межпоколенческий анализ представляет собой важный методологический подход, позволяющий выявить динамику изменений восприятия достойного труда в зависимости от возраста и историко-культурного контекста, в котором формировались различные возрастные группы. С учетом особенностей поколений X, Y и Z можно проследить, как меняются приоритеты и установки в отношении труда, и как эти изменения коррелируют с гендерными различиями [19].

Научная новизна исследования заключается в комплексном межпоколенческом рассмотрении гендерных аспектов восприятия достойного труда, что расширяет существующие теоретические и эмпирические знания в области социологии труда и гендерных исследований. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов для разработки эффективных механизмов социальной политики и управления персоналом, учитывающих специфические потребности различных гендерно-возрастных групп.

Методология

В исследовании, проведенном в апреле 2024 года, приняли участие 1020 респондентов с использованием неслучайной квотной выборки и сплошного опроса на тему «Факторы формирования трудовых ценностей и их восприятие различными возрастными группами».

Социально-демографический состав респондентов распределен следующим образом: Москва – 510 респондентов, из которых 18–32 года – 170, 33–48 лет – 170, 49–65 лет – 170.

Республика Татарстан – 127 респондентов. Республика Мордовия – 128 респондентов. Республика Калмыкия – 127 респондентов. Пензенская область – 128 респондентов. В возрастном разрезе по регионам за исключением Москвы представлен следующий состав: 18–32 года – 170 респондентов, 33–48 лет – 170 респондентов, 49–65 лет – 170 респондентов.

Обзор литературы

Гендерные различия в трудовой сфере и специфические особенности трудовых ценностей мужчин и женщин являются предметом многочисленных исследований как в отечественной, так и в зарубежной социологии труда.

Исследование социального неравенства и гендерных аспектов занятости в России опирается на работы ряда отечественных ученых, среди которых значительное место занимают Н.А. Римащевская [14], Т.М. Хоткина [16] и Л.Н. Баскакова [1]. Их труды формируют основу анализа положения женщин на рынке труда, причин гендерной дифференциации занятости и особенностей женской бедности в условиях социально-экономических трансформаций.

Римащевская одной из первых в российской науке обратилась к системному анализу гендерных измерений социального неравенства. В своих работах она изучала социальное положение женщин в постсоветской России, особенности женской занятости и бедности, а также дискриминационные практики на рынке труда. Большое внимание уделяла разработке гендерных индикаторов, в том числе Гендерного индекса развития, и их применению в социальной политике. Римащевская подчеркивала необходимость учета гендерной специфики в статистике и государственном управлении.

Татьяна Хоткина занималась преимущественно исследованием гендерной сегрегации рынка труда. Она выделяла два ключевых механизма: горизонтальную сегрегацию (распределение мужчин и женщин по различным отраслям) и вертикальную сегрегацию (ограничение доступа женщин к высоким должностям и управленческим позициям). В ряде работ Хоткина анализировала феномен «феминизации бедности», акцентируя внимание на низкой оплате труда в «женских» секторах экономики. Ее исследования также охватывают неформальную занятость, где женщины чаще оказываются в уязвимом положении.

Малышева исследовала гендерные последствия экономических реформ и особенности положения женщин в периоды кризисов. Основное внимание в ее работах уделяется гендерным аспектам занятости, в том числе влиянию материнства на трудовую активность, а также различиям в занятости между регионами. Малышева анализировала, как институциональные изменения (в сфере занятости, социальной защиты, семейной политики) влияют на рост или сокращение гендерного неравенства [11]. Ее исследования подчеркивают значимость интерсекционального подхода – учет сочетания гендера, возраста, регионального и миграционного статуса.

Баскакова внесла значительный вклад в развитие гендерной статистики в России и количественных исследований социального неравенства. В своих работах она подробно анализировала различия в оплате труда мужчин и женщин, подчеркивая влияние как экономических, так и институциональных факторов. Особое внимание Баскакова уделяла мониторингу показателей социального и гендерного неравенства, включая доступ к образованию, здравоохранению и социальным ресурсам. Ее исследования служат основой для практического применения гендерной аналитики в социальной политике.

Одним из ключевых направлений исследований стало изучение гендерного разрыва в оплате труда и влияния цифровых навыков. Так, Лукьянова на основе данных российских обследований показала, что женщины демонстрируют не меньший, а иногда даже более высокий уровень ИКТ-компетенций, однако это не приводит к росту доходов: гендерный разрыв в оплате сохраняется даже в технологичных профессиях [10]. Это подтверждает, что цифровизация не устраняет структурное неравенство, а лишь меняет его форму.

Исследования Мингалева и Широной [12] выявили, что цифровая трансформация рабочих мест ведет к автоматизации преимущественно «женских» профессий (бухгалтерия, документооборот), что увеличивает риск вытеснения женщин с рынка труда. Кроме того, женщины чаще испытывают дефицит времени и ресурсов для переобразования, а работодатели не всегда предлагают гендерно-чувствительные программы адаптации.

Хоткина анализирует влияние цифровизации на структурную сегрегацию труда. Согласно ее данным, женщины преобладают в низкооплачиваемых цифровых секторах (контент-модерация, соцмедиа), тогда как высокооплачиваемые технологические ниши остаются преимущественно мужскими. Это усиливает горизонтальное и вертикальное неравенство, несмотря на формальную открытость новых профессий.

Пандемия COVID-19 стала катализатором цифровых трансформаций в занятости. Как подчеркивает Мосакова [13], удаленная занятость помогла многим женщинам сохранить работу, но одновременно усилила нагрузку по неоплачиваемому труду (уход за детьми, дом), что негативно сказалось на их профессиональной мобильности и карьерных перспективах.

Международные исследования [24] показывают, что цифровые платформы (такие как Upwork, Fiverr) не только не устраняют дискриминацию, но и формируют новые механизмы неравенства – от фильтрации по полу и внешности до различий в доступе к высокооплачиваемым заданиям. Это подтверждает глобальный характер проблемы, а также ее сложность и многослойность.

А.И. Шкартан [18], а также Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина [5] подробно исследуют механизмы гендерного воспроизводства неравенства на рынке труда, выявляя как формальные, так и неформальные практики, поддерживающие сегрегацию занятости. Они акцентируют внимание на социально-культурных нормах, формирующих ожидания и поведение мужчин и женщин в профессиональной среде.

Особое значение имеют работы отечественных авторов, которые сосредоточились на региональных аспектах гендерных различий. Так, Ш.В. Хертек [17] исследует гендерные особенности трудового поведения и мобильности в Республике Тыва, демонстрируя влияние этнических и культурных факторов на занятость мужчин и женщин в условиях регионального рынка труда. В.И. Грошев [4] и Э.Г. Вайкок [3] рассматривают гендерный аспект трудовой культуры и организационных практик, выявляя, что культурные установки существенно влияют на распределение ролей в трудовом коллективе и стратегии управления персоналом.

Исследования Болдыревой Н.В. [2], а также Колодиной А.А. [7] посвящены анализу ценностных ориентаций и менталитета с учетом гендерной дифференциации. Они выявляют, что различия в ценностных системах мужчин и женщин оказывают влияние на их карьерные установки, предпочтения в управлении и восприятие трудовых условий. Лебедева М.В. и Вербина Г.Г. [9] акцентируют внимание на гендерных различиях в личностных

ценностях, что дополнительно подтверждает необходимость учета этих факторов при формировании кадровой политики и мотивационных программ.

В зарубежной научной традиции ключевыми исследованиями в области гендерной социологии труда являются труды Джоан Акер [20], разработавшей концепцию «гендерированных организаций», которая рассматривает организационные структуры и процессы как репродуцирующие гендерное неравенство. Пола Ингланд [22] исследует проблему недооценки женского труда и ее влияние на заработную плату и карьерные возможности, а Барбара Рескин [25] анализирует механизмы сегрегации труда и дискриминации, выявляя институциональные причины гендерного разрыва на рынке труда.

Результаты исследования

Анализ распределения уровня заработной платы по полу и возрасту выявил статистически значимые гендерные различия только в старшей возрастной группе 49–65 лет ($\chi^2 = 16.54$, $p < 0.001$). В этой группе мужчины значительно чаще, чем женщины, имеют заработную плату выше 130 000 рублей – 87% и 75% соответственно. При этом женщины более часто представлены в среднем диапазоне 90 100–110 000 рублей (20% и 6% у мужчин).

В младшей возрастной группе 18–32 лет ($\chi^2 = 8.47$, $p = 0.293$) и средней группе 33–48 лет ($\chi^2 = 4.46$, $p = 0.486$) гендерные различия в уровне заработной платы статистически незначимы, несмотря на тенденцию к более высокому уровню дохода у мужчин. Так, в возрасте 18–32 лет 52% мужчин и 42% женщин получают свыше 130 000 рублей, а в группе 33–48 лет – 73% мужчин и 63% женщин.

В старшей возрастной группе выявлен значимый гендерный разрыв в уровне доходов в пользу мужчин, тогда как в младших возрастах наблюдается тенденция, не подкрепленная статистической значимостью. Это свидетельствует об усилении гендерного неравенства в заработной плате с возрастом и карьерным стажем (табл. 1).

Таблица 1. Ваш уровень заработной платы – Москва?

Возраст	Уровень ЗП (руб.)	Мужчины	Женщины
18–32 года	Выше 130 000	52%	42%
	110 100–130 000	10%	12%
	90 100–110 000	5%	5%
	70 100–90 000	19%	25%
	50 100–70 000	2%	4%
	30 100–50 000	2%	4%
	13 027–30 000	6%	6%
	До 13 026	4%	2%
33–48 лет	Выше 130 000	73%	63%
	110 100–130 000	7%	9%
	90 100–110 000	6%	10%
	70 100–90 000	8%	12%
	50 100–70 000	3%	3%
	30 100–50 000	3%	3%
	13 027–30 000	0%	0%
	До 13 026	0%	0%

Окончание

Возраст	Уровень ЗП (руб.)	Мужчины	Женщины
49–65 лет	Выше 130 000	87%	75%
	110 100–130 000	4%	8%
	90 100–110 000	6%	20%
	70 100–90 000	0%	0%
	50 100–70 000	0%	0%
	30 100–50 000	0%	0%
	13 027–30 000	0%	0%
	До 13 026	0%	0%

Анализ распределения формата работы по полу и возрасту выявил статистически значимые гендерные различия только в возрастной группе 33–48 лет ($\chi^2 = 6.17$, $p = 0.046$).

В группе 18–32 лет мужчины (37%) и женщины (39%) с сопоставимой частотой работают полностью удаленно, а гибридный формат выбирают 41% мужчин и 47% женщин. Различия в распределении форматов работы по полу в данной возрастной группе не значимы ($\chi^2 = 2.75$, $p = 0.252$).

В возрастной группе 33–48 лет женщины значительно чаще работают в гибридном формате (58%) по сравнению с мужчинами (46%), в то время как офисный формат предпочитают мужчины (27%) больше, чем женщины (13%). Полностью удаленная работа встречается у мужчин и женщин примерно с одинаковой частотой (27% и 29% соответственно). Отмечены статистически значимые гендерные различия в выборе формата работы ($\chi^2 = 6.17$, $p = 0.046$).

В группе 49–65 лет различия между мужчинами и женщинами по формату работы выражены менее ярко: женщины чаще работают в гибридном режиме (57% и 51%), мужчины предпочитают офисный формат (22% и 12%). Тем не менее, эти различия не достигают статистической значимости ($\chi^2 = 5.60$, $p = 0.061$).

Молодом и пожилом возрасте предпочтения мужчин и женщин по формату работы сходны, тогда как в среднем возрасте женщины заметно чаще выбирают гибридный формат, а мужчины – офисный.. Исследование McKinsey & Company подтверждает, что 71% женщин готовы сменить работу при отсутствии гибридного формата, в то время как среди мужчин таких 60%¹ (табл. 2).

Таблица 2. Ваш формат работы?

Возраст	Пол	Полностью удаленно	Гибридный	Офисный
18–32	Мужчины	37%	41%	22%
	Женщины	39%	47%	14%
33–48	Мужчины	27%	46%	27%
	Женщины	29%	58%	13%
49–65	Мужчины	27%	51%	22%
	Женщины	29%	57%	12%

Анализ оценки значимости различных форм опощений по полу и возрасту выявил статистически зна-

¹ McKinsey & Company, LeanIn.Org. Women in the Workplace 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/diversity-and-inclusion/women-in-the-workplace-2023> (дата обращения: 20.06.2025).

чимые гендерные различия в категории «карьерный рост/продвижение» во всех возрастных группах: 18–32 лет ($\chi^2 = 12.59$, $p < 0.001$), 33–48 лет ($\chi^2 = 11.71$, $p = 0.001$) и 49–65 лет ($\chi^2 = 10.69$, $p = 0.001$). Мужчины во всех возрастных когортах значительно чаще, чем женщины, оценивают карьерный рост и продвижение как важный стимул, достигая от 63% до 69% и 35–47% у женщин.

Значимые различия по полу также наблюдались в группе 18–32 года в отношении «похвалы» ($\chi^2 = 7.32$, $p = 0.007$), где женщины (56%) придают похвале большее значение, чем мужчины (40%). В остальных возрастных группах похвала статистически значимо не различалась.

Карьерный рост является ключевым и значимо более важным стимулом для мужчин всех возрастных групп, тогда как женщины чаще ценят нематериальные поощрения, такие как похвала, преимущественно в молодом возрасте (табл. 3).

Таблица 3. Оценка значимости поощрений

Возраст	Пол	Преимии	Похвала	Карьерный рост/Продвижение	Дополнительные выходные
18–32	Мужчины	65%	40%	69%	34%
	Женщины	61%	56%	47%	38%
33–48	Мужчины	70%	36%	69%	29%
	Женщины	64%	48%	43%	33%
49–65	Мужчины	60%	34%	63%	40%
	Женщины	62%	36%	35%	42%

В возрастной группе 18–32 года данные показывают практически идентичные распределения готовности покинуть работу у мужчин и женщин: 39% мужчин и женщин однозначно готовы уйти, 28% – скорее готовы, и по 33% – не готовы ($\chi^2 = 0.00$, $p = 1.000$). Это свидетельствует об отсутствии гендерных различий в данной возрастной группе.

В группе 33–48 лет выявлены некоторые различия между мужчинами и женщинами в отношении готовности к уходу. Мужчины чаще однозначно готовы покинуть работу (38%), женщины – 28%. Мужчины и женщины с примерно равной долей скорее готовы (31% и 32% соответственно). Однако женщины чаще не готовы уйти (40%) по сравнению с мужчинами (31%). Статистический анализ показал, что различия не достигли уровня значимости ($\chi^2 = 4.83$, $p = 0.089$), указывая на тенденцию, но не значимое отличие.

В возрастной группе 49–65 лет выявлены значимые гендерные различия в готовности покинуть работу при буллинге ($\chi^2 = 17.36$, $p < 0.001$). Мужчины значительно чаще однозначно готовы уйти (20%) или скорее готовы (26%), тогда как у женщин эти показатели существенно ниже – 6% и 20% соответственно. При этом 74% женщин в этой возрастной группе не готовы покинуть работу, что значительно выше, чем среди мужчин (54%).

Готовность покинуть работу в условиях буллинга существенно зависит от возраста и пола. В младших возрастных группах гендерных различий нет, тогда как в старшей группе женщины значительно реже вы-

ражают готовность уйти с работы, что может отражать социально-экономические или психологические особенности этой категории работников (табл. 4).

Таблица 4. Вы уволитесь, если столкнетесь с буллингом в коллективе?

Возраст	Пол	Однозначно готовы	Скорее готовы	Не готовы
18–32	Мужчины	39%	28%	33%
	Женщины	39%	28%	33%
33–48	Мужчины	38%	31%	31%
	Женщины	28%	32%	40%
49–65	Мужчины	20%	26%	54%
	Женщины	6%	20%	74%

Женщины в регионах больше обеспокоены низкой оплатой (72%) и конфликтной атмосферой (52%), мужчины – переработками (59%) и «серой» зарплатой (55%). В Москве женщины выделяют проблемы коллективного климата (57%) и «серой» оплаты (60%), мужчины – переработки (65%) и отсутствие карьерных перспектив (64%).

По трудовым ценностям мужчины в Москве чаще ориентируются на материальные стимулы (48%), женщины – на самореализацию (50%). В регионах доминирует материальная мотивация у обоих полов, но женщины сохраняют ориентацию на самореализацию (28%).

Различия по полу и региону выражены следующим образом: в Москве мужчины чаще ориентируются на материальный аспект работы (48% и 36% женщин), женщины – на самореализацию (50% и 37% мужчин). В регионах оба пола склонны к материальной мотивации, при этом мужчины (62%) сильнее фокусируются на зарплате, чем женщины (54%). Однако женщины в регионах сохраняют некоторую ориентацию на самореализацию (28% и 24% мужчин) (табл. 5).

Таблица 5. Что для Вас работа?

Варианты ответов	Работа как источник средств	Работа как самореализация	Работа не является приоритетом	Работа как неприятная обязанность
Москва (Мужчины)	48%	37%	14%	1%
Москва (Женщины)	36%	50%	12%	2%
Регионы (Мужчины)	62%	24%	12%	2%
Регионы (Женщины)	54%	28%	15%	3%

В Москве наблюдается более гибкое отношение к выбору работы: 75% респондентов, независимо от пола, считают, что работа по специальности не имеет значения. В регионах этот показатель ниже – 65% мужчин и 68% женщин. Жители Москвы чаще рассматривают работу как возможность карьерного роста и разнообразия профессиональных направлений, тогда как в регионах существует большая привязанность к профессии и специальности (табл. 6).

Таблица 6. Важна ли для Вас работа по специальности?

Варианты ответов	Мужчины (Москва)	Женщины (Москва)	Мужчины (Регионы)	Женщины (Регионы)
Считаю важным	75%	74%	65%	68%
Не имеет значение	25%	26%	35%	32%

В Москве уровень образования среди респондентов, как мужчин, так и женщин, существенно выше, чем в регионах. Высшее образование имеют 70% москвичей, при этом доля лиц с незаконченным высшим образованием составляет 20%. Это отражает высокую образовательную дифференциацию столицы, где сосредоточено множество вузов и образовательных учреждений. В регионах 60% респондентов обладают высшим образованием, а 25% – незаконченным высшим. Также в регионах заметно выше доля лиц со средним и средне-специальным образованием – 10% мужчин и 12% женщин (табл. 7).

Таблица 7. Какой у Вас уровень образования?

Варианты ответов	Мужчины (Москва)	Женщины (Москва)	Мужчины (Регионы)	Женщины (Регионы)
Высшее	68%	71%	58%	52%
Незаконченное высшее	18%	22%	23%	28%
Среднее	2%	2%	5%	5%
Средне-специальное	5%	4%	8%	12%
Ученая степень	5%	6%	4%	3%

В возрастной группе 18–32 года наблюдаются значительные гендерные различия в уровне занятости ($\chi^2 = 72.98$, $p < 0.001$). Среди мужчин трудоустроены 78% респондентов, тогда как среди женщин только 36% являются занятыми, а 64% – не трудоустроены. Это указывает на существенно более высокий уровень занятости у молодых мужчин по сравнению с женщинами того же возраста.

В возрастной группе 33–48 лет также выявлены значимые различия ($\chi^2 = 16.22$, $p < 0.001$). Мужчины демонстрируют высокий уровень занятости – 95%, тогда как у женщин он составляет 75%. Доля нетрудоустроенных среди мужчин этой группы – 5%, а среди женщин – 25%.

В группе 49–65 лет гендерные различия менее выражены, но все же остаются статистически значимыми ($\chi^2 = 5.16$, $p = 0.023$). Уровень занятости мужчин составляет 92%, женщин – 87%. Процент нетрудоустроенных мужчин равен 8%, женщин – 13%.

Уровень занятости у мужчин значительно выше, чем у женщин во всех возрастных группах, особенно заметно это в молодой возрастной группе 18–32 года. В более старших возрастах гендерный разрыв в уровне занятости сокращается, однако сохраняется статистически значимым. Эти данные свидетельствуют о необходимости учитывать половые особенности при анализе рынка труда и формировании программ поддержки занятости женщин (табл. 8).

Анализ соответствия работы полученной специальности по полу и возрасту выявил статистически значимые различия между мужчинами и женщинами в каждой возрастной группе.

Таблица 8. Уровень занятости

Возраст	Пол	Трудоустроены	Не трудоустроены
18–32	Мужчины	78%	22%
	Женщины	36%	64%
33–48	Мужчины	95%	5%
	Женщины	75%	25%
49–65	Мужчины	92%	8%
	Женщины	87%	13%

В возрастной группе 18–32 года наблюдаются наиболее выраженные различия ($\chi^2 = 19.80$, $p < 0.001$). Мужчины значительно чаще работают строго по специальности – 50%, в то время как женщины в этой же группе реже придерживаются строго специальности (32%), предпочитая трудоустройство в смежных областях (45%) или вне специальности (23%). У мужчин доли работы в смежной области и вне специальности составляют 33% и 17% соответственно.

В группе 33–48 лет различия между полами сохраняются, но становятся менее выраженными, хотя и остаются статистически значимыми ($\chi^2 = 6.20$, $p \approx 0.045$). Мужчины в этой возрастной группе чаще работают строго по специальности (58%), по сравнению с женщинами (46%), которые чаще трудоустроены в смежных областях (41%) и в равной степени вне специальности (13%) с мужчинами (13%).

В возрастной группе 49–65 лет отмечены наиболее значимые половые различия ($\chi^2 = 27.45$, $p < 0.001$). Мужчины преимущественно работают строго по специальности (51%) или в смежных областях (41%), в то время как женщины значительно чаще трудоустроены вне специальности – 30%, при этом только 45% женщин работают строго по специальности.

Мужчины чаще соответствуют своей полученной специальности, тогда как женщины в разных возрастных группах с большей вероятностью работают в смежных или совсем иных областях, что особенно проявляется в молодом и старшем возрастах (табл. 9).

Таблица 9. Соответствие текущей работы полученной специальности

Возраст	Пол	Строго по специальности	В смежной области	Вне специальности
18–32	Мужчины	50%	33%	17%
	Женщины	32%	45%	23%
33–48	Мужчины	58%	29%	13%
	Женщины	46%	41%	13%
49–65	Мужчины	51%	41%	8%
	Женщины	45%	25%	30%

Выявлены статистически значимые различия в отношении к дистанционному формату работы между мужчинами и женщинами, которые варьируются в зависимости от возрастной группы. В общей совокупности различия были значимыми ($\chi^2 = 22.75$, $p < 0.001$).

В группе 18–32 года женщины демонстрируют более высокую поддержку дистанционной работы (49%) по сравнению с мужчинами (37%) при одновременном снижении доли «скорее не поддерживают» (11% у жен-

щин и 19% у мужчин). Аналогично, в возрастной группе 49–65 лет женщины чаще поддерживают дистанционный формат (29%) по сравнению с мужчинами (27%), при этом женщины реже высказываются против дистанционной работы (17% и 7% у мужчин), что свидетельствует о большей поляризации мнений в этой группе ($\chi^2 = 10.28$, $p = 0.016$).

В возрастной группе 33–48 лет различия по полу статистически не значимы ($p = 0.56$), что может указывать на более сбалансированное отношение к дистанционной работе среди мужчин и женщин среднего возраста (табл. 10).

Таблица 10. Отношение к дистанционной работе

Возраст	Пол	Поддерживают	Скорее поддерживают	Скорее не поддерживают	Против
18–32	Мужчины	37%	39%	19%	5%
	Женщины	49%	35%	11%	5%
33–48	Мужчины	33%	43%	19%	5%
	Женщины	39%	35%	18%	8%
49–65	Мужчины	27%	31%	35%	7%
	Женщины	29%	35%	19%	17%

Анализ предпочтений организации рабочей среды по полу и возрасту выявил значимые различия только в возрастной группе 49–65 лет ($\chi^2 = 48.54$, $p < 0.001$).

В возрастной группе 18–32 года мужчины (30%) и женщины (38%) с примерно одинаковой частотой предпочитают открытое пространство; удаленная работа также популярна – 50% мужчин и 46% женщин. Различия по полу в распределении предпочтений незначимы ($\chi^2 = 1.87$, $p = 0.392$).

В группе 33–48 лет наблюдается схожая картина: мужчины (27%) и женщины (29%) выбирают открытое пространство, а удаленная работа предпочитается 37% мужчин и 43% женщин; различия незначимы ($\chi^2 = 2.90$, $p = 0.234$).

Однако в группе 49–65 лет отмечены статистически значимые гендерные различия ($\chi^2 = 48.54$, $p < 0.001$). Мужчины преимущественно предпочитают кабинетную систему (50%) и открытое пространство (33%), при этом лишь 17% выбирают удаленную работу. Женщины в этой же группе значительно чаще предпочитают удаленное пространство (57%), реже выбирают открытое пространство (5%) и кабинетную систему (38%).

Предпочтения рабочего пространства у мужчин и женщин в молодом и среднем возрасте схожи, а в старшей возрастной группе проявляются выраженные половые различия, отражающие разные предпочтения в организации рабочего места (табл. 11).

Таблица 11. Предпочтения рабочей среды

Возраст	Пол	Открытое пространство	Кабинетная система	Удаленное пространство
18–32	Мужчины	30%	20%	50%
	Женщины	38%	16%	46%

Возраст	Пол	Открытое пространство	Кабинетная система	Удаленное пространство
33–48	Мужчины	27%	36%	37%
	Женщины	29%	28%	43%
49–65	Мужчины	33%	50%	17%
	Женщины	5%	38%	57%

Анализ отношения к дресс-коду в зависимости от пола и возраста выявил значительные различия в большинстве возрастных групп.

В возрастной группе 18–32 года ($\chi^2 = 11.03$, $p = 0.001$) мужчины значительно чаще поддерживают строгий дресс-код (22%) по сравнению с женщинами (8%). Большинство женщин (92%) предпочитают отсутствие дресс-кода, тогда как среди мужчин таковых 78%.

В группе 33–48 лет различия между мужчинами (6%) и женщинами (2%) по строгому дресс-коду менее выражены и статистически незначимы при уровне значимости 0.05 ($\chi^2 = 3.42$, $p = 0.064$), что свидетельствует о схожих взглядах на дресс-код в этой возрастной категории.

В возрастной группе 49–65 лет наблюдается наиболее выраженное и статистически значимое различие ($\chi^2 = 103.53$, $p < 0.001$): 65% мужчин поддерживают строгий дресс-код, в то время как только 7% женщин выражают такую позицию. Большинство женщин (93%) предпочитают отсутствие дресс-кода.

Предпочтения в отношении дресс-кода существенно различаются по полу и возрасту. Мужчины старшего возраста значительно чаще выступают за строгий дресс-код, тогда как женщины и молодые мужчины склонны предпочитать более свободный стиль одежды на рабочем месте (табл. 12).

Таблица 12. Отношение к дресс-коду

Возраст	Пол	Строгий дресс-код	Отсутствие дресс-кода
18–32	Мужчины	22%	78%
	Женщины	8%	92%
33–48	Мужчины	6%	94%
	Женщины	2%	98%
49–65	Мужчины	65%	35%
	Женщины	7%	93%

Анализ отношения к субординации в коллективе выявил значимые межполово-возрастные различия.

В группе 18–32 года ($\chi^2 = 7.49$, $p = 0.006$) женщины существенно чаще предпочитают отсутствие субординации (87%), чем мужчины (69%). Мужчины чаще поддерживают наличие субординации (31%) по сравнению с женщинами (13%).

В возрастной группе 33–48 лет ($\chi^2 = 5.20$, $p = 0.023$) женщины также чаще выступают за отсутствие субординации (64%), тогда как среди мужчин это менее популярно (48%). Наличие субординации поддерживают 36% женщин и 52% мужчин.

В старшей возрастной группе 49–65 лет различия наиболее выражены ($\chi^2 = 67.05$, $p < 0.001$). Большинство мужчин (82%) поддерживают наличие субординации, тогда как 66% женщин склоняются к ее отсутствию.

Представители молодой и средней возрастных групп женского пола предпочитают более свободную структуру взаимоотношений в коллективе, а мужчины, особен-

но старшего возраста, придерживаются более строгих иерархических моделей (табл. 13).

Таблица 13. Отношение к субординации

Возраст	Пол	Отсутствие субор- динации	Наличие суборди- нации
18–32	Мужчины	69%	31%
	Женщины	87%	13%
33–48	Мужчины	48%	52%
	Женщины	64%	36%
49–65	Мужчины	18%	82%
	Женщины	66%	34%

Анализ отношения к важности строгого графика работы выявил статистически значимые половые различия в двух возрастных группах: 18–32 года ($\chi^2 = 8.41$, $p = 0.004$) и 49–65 лет ($\chi^2 = 18.01$, $p < 0.001$). В младшей возрастной группе мужчины значительно чаще подчеркивали важность строгого графика – 44% мужчин и 28% женщин. Аналогичная тенденция наблюдалась в старшей возрастной группе, где 77% мужчин и лишь 49% женщин считают строгий график работы важным. В возрастной группе 33–48 лет различия между мужчинами (59%) и женщинами (53%) не достигли статистической значимости ($p = 0.26$).

Объединение категорий «Не имеет значения» и «Затрудняюсь ответить» показало, что женщины чаще занимают позицию, при которой строгий график либо не важен, либо вызывает неопределенность: 72% женщин в 18–32 года и 51% мужчин в той же группе. Мужчины же в обеих значимых возрастных когортах проявляют большую склонность к структурированному рабочему времени.

Результаты отражают межпоколенческие и гендерные особенности восприятия строгого рабочего графика: молодые и пожилые мужчины более ориентированы на регламентированность рабочего дня (44% и 77% соответственно), тогда как женщины в тех же возрастных группах проявляют большую гибкость (28% и 49%) (табл. 14).

Таблица 14. Важность строгого графика

Воз- раст	Пол	Да, важно	Не имеет значения	Затрудняюсь ответить
18–32	Мужчины	44%	51%	5%
	Женщины	28%	67%	5%
33–48	Мужчины	59%	36%	5%
	Женщины	53%	42%	5%
49–65	Мужчины	77%	18%	5%
	Женщины	49%	47%	4%

Анализ значимости отдельных характеристик достойного труда показал, что различия между мужчинами и женщинами варьируются в зависимости от возраста. Были рассмотрены следующие элементы: достойная оплата, стабильность, безопасность, справедливость и уважение.

Различия между мужчинами и женщинами в значимости элементов труда не достигли статистической значимости в возрастной группе 18–32 года ($\chi^2 = 4.35$, $p = 0.361$). Мужчины чаще подчеркивали значимость до-

стойной оплаты (75%) и стабильности (50%), женщины – безопасности (41%) и уважения (36%). Однако в целом приоритеты сторон были схожи.

Различия между полами приближаются к статистической значимости в возрастной группе 33–48 лет ($\chi^2 = 8.79$, $p = 0.066$). Мужчины чаще выбирали достойную оплату (80%) и безопасность (49%), в то время как женщины придавали больше значения справедливости (43% и 33%) и уважению (36% и 26%). Это может свидетельствовать о более ценностно-ориентированном подходе у женщин среднего возраста, тогда как мужчины фокусируются на материальных и структурных аспектах занятости.

В старшей возрастной группе были выявлены статистически значимые различия между мужчинами и женщинами в возрастной группе 49–65 лет ($\chi^2 = 14.87$, $p = 0.005$). Мужчины значительно чаще подчеркивали важность достойной оплаты (78% и 68%), стабильности (70%) и безопасности (56%). Женщины, напротив, чаще акцентировали справедливость (35% и 23%) и уважение (47% и 35%). Эти результаты могут отражать различие в опыте трудовой социализации и отношении к человеческому достоинству и признанию на позднем этапе карьеры.

Гендерные различия в восприятии элементов достойного труда слабо выражены в молодом возрасте, начинают проявляться в среднем и становятся значимыми в старшем возрасте. Женщины старших возрастных групп чаще придают значение нематериальным аспектам – уважению и справедливости, тогда как мужчины сохраняют приоритет материальных и структурных компонентов – оплаты и стабильности (табл. 15).

Таблица 15. Элементы достойного труда

Воз- раст	Пол	До- стой- ная опла- та	Ста- биль- ность	Без- опас- ность	Спра- вед- ли- вость	Ува- же- ние
18– 32 го- да	Мужчины	75%	42%	35%	39%	27%
	Женщины	67%	54%	43%	45%	39%
33– 48 лет	Мужчины	78%	53%	42%	35%	29%
	Женщины	74%	61%	48%	41%	33%
49– 65 лет	Мужчины	70%	63%	56%	25%	35%
	Женщины	76%	69%	48%	33%	47%

Закключение и обсуждение

Гендерный разрыв в трудовых ценностях проявляется в различиях приоритетов и мотиваций мужчин и женщин на рабочем месте. Мужчины чаще ориентируются на карьерный рост и материальные стимулы, тогда как женщины больше ценят нематериальные поощрения и гибкий график работы. Эти различия влияют на поведение, выбор профессии и удовлетворенность трудом, что остаётся важной проблемой социальной и трудовой сферы. Теоретические исследования показывают, что формирование этих различий во многом связано с исторически сложившимися гендерными ролями и стереотипами, которые продолжают влиять на мотивацию и приоритеты мужчин и женщин в профессиональной деятельности. В частности, мужчины традиционно ориентированы

на материальные аспекты труда – стабильность дохода, карьерный рост и статус – тогда как женщины чаще акцентируют внимание на гибкости работы, эмоциональном комфорте и социальной поддержке.

Межпоколенческие особенности также накладывают отпечаток на восприятие достойного труда. Молодое поколение, вне зависимости от пола, проявляет большую потребность в гибкости и самореализации, а поколение старшее больше ориентируется на стабильность и материальные гарантии. Однако гендерные различия сохраняются во всех возрастных группах, что указывает на глубокую укорененность этих ценностей в социально-культурных моделях.

Региональные особенности усиливают эти различия. В крупных городах и столичных регионах женщины чаще получают возможность реализовать свои потребности в гибкости и развитии, тогда как в регионах наблюдается более консервативное восприятие ролей и условий труда, что влияет на формирование и поддержание гендерного разрыва.

Гендерный разрыв в трудовых ценностях представляет собой комплексное явление, обусловленное взаимодействием социальных стереотипов, культурных традиций и экономических условий. Мужчины и женщины предъявляют разные требования к условиям труда, что следует учитывать при разработке кадровой политики и социальной поддержки. В частности, необходимо создавать условия, способствующие устранению неравенства, внедрять гибкие формы занятости и расширять нематериальные стимулы, особенно для женщин.

Важным направлением является учет межпоколенческих и региональных различий в формировании трудовых ценностей, что позволит более эффективно адаптировать меры поддержки и мотивации работников. В конечном итоге, комплексный подход к пониманию и устранению гендерного разрыва в трудовых ценностях способствует формированию более справедливой и устойчивой системы трудовых отношений, в которой каждый работник сможет реализовать свой потенциал с учетом личных потребностей и социальных условий.

Литература

- Баскакова М.Е. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 336 с.
- Болдырева Н.В. Особенности управления персоналом на основе гендерных различий. – М.: Академия, 2014. – 224 с.
- Вайкок Э.Г. Гендерные различия в занятости и оплате труда. – М.: Новые технологии, 2008. – 212 с.
- Грошев И.В. Гендерный аспект способностей и интереса в работе с новыми информационными технологиями // Журнал прикладной психологии. – 1999. – № 3. – С. 15–38.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 768 с.
- Золотарева А. В., Безруков В.В. Социодемографические цели в условиях цифровизации: гендерный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 45–60. – DOI: 10.22363/2312-9274-2020-22-3-45-60.
- Колодина А. А., Мостицкая Н.Д. Ценностные ориентации и менталитет в структуре гендерной дифференциации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 68–73.
- Кон Н.Л. Социология личности. – М.: Политиздат, 1991. – 366 с.
- Лебедева М. В., Вербина Г.Г. Гендерные различия в ценностных ориентациях личности. – М.: Образование и право, 2019. – 256 с.
- Лукьянова А.Л. Digitalization and the Gender Pay Gap [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://dspace.hse.ru/handle/123456789/15235> (дата обращения: 26.06.2025).
- Малышева М.М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин / под ред. М.М. Малышевой. – М.: Эслан, 2002. – 238 с.
- Мингалева Ж. А., Широнина Е.Н. Gender aspects of digital workplace transformation // Journal of Women's Entrepreneurship and Education. – 2021. – № 1–2. – С. 42–58.
- Мосакова Е.А. Эра COVID-19: как пандемия повлияла на гендерное неравенство и рождаемость (на примере стран БРИКС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 348–361. – DOI: 10.22363/2312-9247-2021-21-2-348-361.
- Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Народонаселение. – 2000. – № 2. – С. 6–16.
- Римашевская Н. М., Баллаева Е.А. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / под ред. Н.М. Римашевской. – М.: Наука, 2009. – 273 с. – (Серия: Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН).
- Хоткина З.А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 2. – С. 136–148. – DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12.
- Хертек Ш.В. Гендерные аспекты трудовой мобильности в Республике Тыва. – Кызыл: ТывГУ, 2014. – 124 с.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М.: ОЛМА медиа групп, 2009. – 556 с.
- Ядов В.А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальная тенденция // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 50–62.
- Acker J. Hierarchies, jobs, bodies: A theory of gendered organizations // Gender & Society. – 1990. – Vol. 4, No. 2. – P. 139–158.
- Aleksynska M., Shevchuk A., Strebkov D. Online platform work in Russia and Ukraine: Gender differences in earnings and work satisfaction // In: *Gendering Post-Soviet Space*. – Springer, 2021. – P. 205–224. – DOI: 10.1007/978-3-030-68772-7_11.
- England P. Comparable Worth: Theories and Evidence. – New York: Aldine de Gruyter, 1992. – 236 p.
- McKinsey & Company, LeanIn.Org. Women in the Workplace 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/diversity-and-inclusion/women-in-the-workplace-2023> (дата обращения: 20.05.2025).
- Munoz P., Kimmitt J., Marti I. Platformization of Inequality: Gender and Race in Digital Labor Platforms // Journal of Business Ethics. – 2023. – Vol. 190, Issue 3. – P. 803–819. – DOI: 10.1007/s10551-023-05221-5.
- Reskin B.F. The Realities of Affirmative Action in Employment. – Washington, D.C.: American Sociological Association, 1998. – 172 p.

GENDER-SPECIFIC PERCEPTIONS OF DECENT WORK: INTERGENERATIONAL DIFFERENCES

Yudin P.V.

Ogarev Mordovian State University

The article examines gender differences in the perception of working conditions, motivation and professional attitudes among workers in Moscow and the regions. Based on the data from a sociological survey conducted in 2024, differences in motivational guidelines, workplace preferences and employment format were revealed. Statistical indicators are presented that reflect significant differences by gender and region, including the level of employment, the relevance of the work to the profession, the attitude to the distance format and the dress code. The results are compared with data from other empirical studies. Recommendations for employers on the consideration of gender and regional factors in the formation of the work environment are formulated.

Keywords: remote work, dress code, employment, gender differences, gender labor values, motivation, gender differences, professional values.

References

1. Baskakova M.E. Gender inequality in modern Russia through the prism of statistics. – M.: Editorial URSS, 2004. – 336 p.
2. Boldyreva N.V. Features of personnel management based on gender differences. – M.: Academy, 2014. – 224 p.
3. Vaykok E.G. Gender differences in employment and remuneration. – M.: New technologies, 2008. – 212 p.
4. Groshev I.V. Gender aspect of abilities and interest in working with new information technologies // Journal of Applied Psychology. – 1999. – No. 3. – P. 15–38.
5. Zdravomyslova E. A., Temkina A.A. 12 lectures on gender sociology: a tutorial. – St. Petersburg.: Publishing house of the European University at St. Petersburg, 2015. – 768 p.
6. Zolotareva AV, Bezrukov VV Sociodemographic goals in the context of digitalization: gender aspect // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2020. – Vol. 22, No. 3. – P. 45–60. – DOI: 10.22363/2312-9274-2020-22-3-45-60.
7. Kolodina AA, Mostitskaya ND Value orientations and mentality in the structure of gender differentiation // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2013. – No. 1. – P. 68–73.
8. Kon NL Sociology of personality. – M.: Politizdat, 1991. – 366 p.
9. Lebedeva M. V., Verbina G.G. Gender differences in the value orientations of the individual. – M.: Education and Law, 2019. – 256 p.
10. Lukyanova A.L. Digitalization and the Gender Pay Gap [Electronic resource]. – 2020. – Access mode: <https://dspace.hse.ru/handle/123456789/15235> (date of access: 06/26/2025).
11. Malysheva M.M. Globalization, gender inequality and women's reproductive labor / edited by M.M. Malysheva. – M.: Eslan, 2002. – 238 p.
12. Mingaleva Zh. A., Shironina E.N. Gender aspects of digital workplace transformation // Journal of Women's Entrepreneurship and Education. – 2021. – No. 1–2. – P. 42–58.
13. Mosakova E.A. The COVID-19 era: how the pandemic affected gender inequality and fertility (on the example of the BRICS countries) // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2021. – Vol. 21, No. 2. – P. 348–361. – DOI: 10.22363/2312-9247-2021-21-2-348-361.
14. Rimashevskaya N.M. Gender aspects of socio-economic transformation in Russia // Population. – 2000. – No. 2. – P. 6–16.
15. Rimashevskaya N. M., Ballaeva E.A. Gender Stereotypes in a Changing Society: Experience of Comprehensive Social Research / edited by N.M. Rimashevskaya. – M.: Nauka, 2009. – 273 p. – (Series: Institute of Social and Economic Population Problems, Russian Academy of Sciences).
16. Khotkina Z.A. Current Challenges of the Labor Market and Their Gender Consequences for Employment // Population. – 2020. – Vol. 23, No. 2. – P. 136–148. – DOI: 10.19181/population.2020.23.2.12.
17. Khertek Sh.V. Gender Aspects of Labor Mobility in the Republic of Tyva. – Kyzyl: TyvGU, 2014. – 124 p.
18. Shkaratan O.I. Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia / state. univ. – Higher. school of economics. – M.: OLMA media group, 2009. – 556 p.
19. Yadov V.A. Attitude to work: conceptual model and real tendency // Sociological research. – 2003. – No. 3. – P. 50–62.
20. Acker J. Hierarchies, jobs, bodies: A theory of gendered organizations // Gender & Society. – 1990. – Vol. 4, No. 2. – P. 139–158.
21. Aleksynska M., Shevchuk A., Strebkov D. Online platform work in Russia and Ukraine: Gender differences in earnings and work satisfaction // In: Gendering Post-Soviet Space. – Springer, 2021. – P. 205–224. – DOI: 10.1007/978-3-030-68772-7_11.
22. England P. Comparable Worth: Theories and Evidence. – New York: Aldine de Gruyter, 1992. – 236 p.
23. McKinsey & Company, LeanIn.Org. Women in the Workplace 2023 [Electronic resource]. – Available at: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/diversity-and-inclusion/women-in-the-workplace-2023> (accessed 05/20/2025).
24. Munoz P., Kimmitt J., Marti I. Platformization of Inequality: Gender and Race in Digital Labor Platforms // Journal of Business Ethics. – 2023. – Vol. 190, Issue 3. – P. 803–819. – DOI: 10.1007/s10551-023-05221-5.
25. Reskin B.F. The Realities of Affirmative Action in Employment. – Washington, D.C.: American Sociological Association, 1998. – 172 p.

Гендер и стереотипы: философский подход

Бондарева Мария Николаевна,

аспирант кафедры философии, Сибирский федеральный университет

E-mail: lychkovskay@mail.ru

Статья посвящена анализу феномена гендерных стереотипов, рассматривая его эволюцию сквозь призму различных философских парадигм и методологических подходов. Исследование начинается с критического анализа исторического контекста, в котором биологический пол традиционно рассматривался как основополагающий фактор, детерминирующий гендерную идентичность и социальные роли. Исследование демонстрирует преодоление редукционистского подхода биологического детерминизма и переход к концепции гендера как динамического социокультурного конструкта, формирующегося под влиянием множества переплетающихся факторов. Статья особо подчеркивает методологические проблемы гендерных исследований, указывая на необходимость дальнейшего развития теоретических инструментов для адекватного анализа онтогенеза, семантики и функциональных аспектов гендерных стереотипов, включая анализ межпоколенной трансмиссии и динамики их изменения в различных социокультурных контекстах. Работа предназначена для специалистов в области гендерных исследований, философов, социологов и всех заинтересованных в глубоком понимании проблемы гендерных стереотипов и их влияния на формирование социальных отношений.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, гендерные исследования, гендерная идентичность, патриархат, социальные роли, культурные нормы, дискурсивные практики, маскулинность, феминность, гендерное неравенство, дискриминация, социальная стратификация, социальный конструктивизм, биологический детерминизм, феминистская философия, постструктурализм, постмодернизм.

Гендерные стереотипы – устойчивые, упрощенные и часто искаженные представления о чертах характера, ролях, поведении и способностях мужчин и женщин – представляют собой сложный и многогранный феномен, оказывающий значительное влияние на формирование и воспроизводство гендерных отношений в обществе. Исторически, в социокультурном дискурсе биологический пол ошибочно рассматривался как детерминант психологических и социальных аспектов гендера, что вело к формированию жесткой бинарной оппозиции «мужское/женское» и закреплению устойчивых стереотипов. Однако, начиная с 1970-х годов, парадигмальный сдвиг в научном понимании гендера привел к признанию его социального конструирования и отказу от редукционистского биологического детерминизма. Гендер стал рассматриваться как динамичный социокультурный конструкт, формирующийся и изменяющийся под влиянием сложного взаимодействия культурных норм, социальных практик и индивидуального опыта.

Исторический анализ социокультурного дискурса выявляет укоренившуюся тенденцию к редукционизму, где биологический пол традиционно рассматривался как причинно-следственный фактор, детерминирующий как психологические, так и социальные аспекты гендера. В рамках классических исследований проблематики пола априорно постулировалась фундаментальная бинарная оппозиция «мужское/женское», что приводило к формированию и легитимации устойчивых стереотипов, отражающих предполагаемые принципиальные различия между полами. Однако современные научные исследования гендерных стереотипов подчеркивают их многогранность и сложность, отмечая недостаточную разработанность как методологического инструментария, так и адекватной теоретической базы для их всестороннего анализа, что определяет необходимость дальнейшего междисциплинарного исследования данного феномена [7, с. 36]. Хотя в фундаментальном труде Симоны де Бовуар «Второй пол» сам термин «гендерные стереотипы» не используется, ее критический анализ традиционных представлений о женщинах и систематического угнетения, которому они подвергаются, заложил несомненно фундаментальную основу для последующих исследований гендерного неравенства. Вклад в разработку понимания гендерных стереотипов также внесли исследования А. Шепард, Л. Гоунг, Г. Дьюби, Дж. Мосс и Р.М. Каррас, чьи труды обогатили эмпирическую и теоретическую базу данной области. Таким образом, формирование концепции «гендерных стереотипов» представляет собой эволюционный процесс, результат коллективного вклада множества исследователей, чьи работы существенно влияют на современное понимание гендера и его социокультурной роли.

Несмотря на несомненную актуальность проблемы гендерных стереотипов, эмпирические исследования в данной области характеризуются существенным методологическим дефицитом, ограничивающим адекватное понимание всех аспектов этого сложного социокультурного феномена. В частности, требуют дополнительного исследования онтогенетические аспекты формирования

гендерных стереотипов, семантический анализ их содержания, функциональные механизмы влияния на поведение, источники и механизмы их усвоения индивидами, а также процессы межпоколенной трансмиссии, обеспечивающие репродукцию и эволюцию гендерных представлений в исторической перспективе. Более глубокий анализ динамики изменения и контентный анализ гендерных стереотипов в различных социокультурных контекстах являются необходимыми условиями для развития адекватной теоретической модели и более эффективного борьбы с гендерным неравенством.

Анализ историко-культурной вариативности гендерных ролей демонстрирует их динамическую природу и подверженность трансформациям. Гендерные роли, рассматриваемые как социокультурные конструкты, подвергаются модификации под влиянием эволюционирующих социальных контекстов и индивидуального опыта, формируя сложную систему взаимосвязей. Внутри конкретных культурных систем гендерные роли тесно коррелируют с преобладающими культурными паттернами, которые воспроизводят и поддерживают специфические гендерные нормы, определяя восприятие и социализацию индивидов. Возникновение гендерных исследований как самостоятельной дисциплины в 1980-х годах в академическом поле США и Западной Европы, выросших из женских исследований, привнесло парадигмальный сдвиг в понимание человека, предложив гендерный подход как ключевую перспективу для анализа социальных процессов.

Ещё до возникновения специализированных гендерных исследований в рамках философской традиции были сформулированы глубокие и актуальные размышления о проблемах, связанных с гендерными стереотипами. Античная философская мысль, в частности, труды Аристотеля и Платона, предлагала различные концепции соотношения мужского и женского в культуре. В античной традиции преобладала бинарная антропологическая оппозиция полов, акцентирующая доминирующую роль мужского начала, в противовес концепциям взаимодополняемости маскулинного и феминного начал или первоначальной андрогинной природы человека. Утверждение Канта о человеке как разумном существе, способном к самостоятельному мышлению и нравственному самосовершенствованию, позволяет интерпретировать гендерные стереотипы как форму ограничения разума, препятствующую полной реализации человеческого потенциала.

В новоевропейский период произошла частичная ревизия традиционной антропологической модели, представлявшей женщину как инфериорную по отношению к мужчине в моральном, интеллектуальном и физическом планах. В это время возникли альтернативные теории пола, представленные трудами Д. Милля, Д. Локка, Ф. Шлегеля, Т. Мора, М. Уолстонкрафт, Ш. Фурье и Д.И. Писарева, которые объясняли женскую дискриминацию влиянием социокультурных факторов, предвосхищая появление концепции социального конструирования гендерных различий. Внутренне противоречивые теории И. Канта и Г. Зиммеля, пытаясь рационализировать женскую природу, приводили к выводу о «естественном» превосходстве мужской природы, тем самым легитимируя мужское доминирование.

Начиная с фундаментального труда Симоны де Бовуар «Второй пол», феминистская философия рассматривает гендерные стереотипы как ключевой механизм патриархальной системы, систематически угнетающей женщин и лишаящей их равных прав и возможностей. Эта работа представляет собой парадигмальный сдвиг в понимании гендера и роли женщин в обществе, ра-

дикально переосмысливая исторические, социальные и философские основы гендерного неравенства и критикуя традиционные представления о женской природе. Де Бовуар аргументировано отвергает биологическое объяснение «женского вопроса», утверждая, что он является продуктом социальных и культурных структур, которые лишают женщин равных прав и возможностей. Используя концепцию «Другого», автор демонстрирует, как женщин систематически помещают в позицию «не-субъекта», в позицию объекта патриархального взгляда, что приводит к их угнетению [1]. Де Бовуар проводит глубокий анализ исторических и социальных факторов, способствовавших угнетению женщин, включая религиозные догмы, патриархальные институты и экономические отношения, показывая, как исторические и социальные конструкты формируют «женское сознание» и приводят к созданию и воспроизводству «второго пола». Однако, в своем анализе Де Бовуар рассматривает женщину не как «второй пол», а как самостоятельную личность, свободную от стереотипных ролей, призывая к борьбе за освобождение женщин от угнетения и создание более справедливого и равного общества.

Джудит Батлер оказала фундаментальное влияние на феминистскую философию и гендерные исследования, радикально переосмыслив традиционное понимание гендера. В своем труде «Гендерные проблемы» [3] она демонстрирует, как рекламные образы женщин как объектов желания, использующих косметику для удовлетворения мужских представлений, воспроизводят идеологию патриархата и ограничивают женский потенциал. Батлер предлагает глубокую критику биологического детерминизма, аргументируя, что гендер не является внутренней, присущей индивиду сущностью, а представляет собой перформативный акт, постоянное воспроизводство и репетицию социально усвоенных ролей и моделей поведения. Таким образом, гендер рассматривается не как биологический детерминант, а как социокультурный конструкт, формирующийся в процессе социализации. Анализ Батлер демонстрирует, как язык и дискурсивные практики воспроизводят и укрепляют гендерные стереотипы, интегрируя их в ежедневный опыт и поведение. Бинарная оппозиция «мужчина/женщина» рассматривается как искусственная конструкция, не отражающая многообразие гендерных идентичностей. Автор критикует традиционные представления о постоянстве половой идентичности, доказывая ее изменчивость под влиянием личного опыта и социальных факторов. Исследование феномена трансгендерности показывает, как традиционные гендерные нормы порождают социальную маргинализацию и угнетение индивидов, не соответствующих установленным социокультурным ожиданиям [2]. Однако, критика теории Батлер заключается в недостаточном учете вариативности социокультурных контекстов и избыточном универсализме, игнорирующем специфику гендерных отношений в различных культурах и социальных стратах. Фокусируясь преимущественно на языке и дискурсе, Батлер недостаточно учитывает влияние экономических, политических и широких социальных факторов на формирование гендерной идентичности и не предлагает конкретных решений для преодоления гендерных стереотипов, сосредотачиваясь преимущественно на деконструкции традиционного гендерного понимания.

Постструктуралистская парадигма, сформулированная в трудах Деррида, Лиотара, Делёза, Фуко и других выдающихся мыслителей, осуществила фундаментальную ревизию традиционных теорий пола, ознаменовав XX век возникновением гендерной теории как альтернативного антропологического дискурса и формировани-

ем феминистской антропологии. Этот процесс сопровождался активной философской рефлексией феминизма над собственными онтологическими основами, отраженной в работах множества выдающихся исследователей (Брайдотти, Бенхабиб, Гросс, Гиллиган, Рубин, Иригаре, Коннелл, Лорбер, Миллет, Сиксу, Файерстоун, Ходоров и др.). Фундаментальный вклад в постструктуралистский подход внесла работа Жака Деррида «О грамматологии», представившая критику традиционного понимания языка как нейтрального инструмента отражения реальности. Деррида предложил концепцию языка как структуры, формирующей и определяющей наше восприятие мира, введя понятие «грамматологии» – науки о письме как несуществующем объекте в абстрактном и философском смыслах. Применяя метод «деконструкции», Деррида разоблачает скрытые идеологические предпосылки и внутренние противоречия, лежащие в основе традиционного понимания языка. В этом контексте отслеживается процесс создания языком «бинарных оппозиций», таких как «природа/культура», «мужчина/женщина», «мыслящий/немыслящий», которые не отражают объективную реальность, а являются продуктом взаимодействия власти и идеологии [4].

В своем исследовании «Состояние постмодерна» Жан-Франсуа Лиотар анализирует смену эпистемологических парадигм, отмечая переход от модернистского доминирования «великих нарративов» к постмодернистской фрагментации и множественности знаний. Лиотар деконструирует традиционное понимание знания как объективной и нейтральной системы, предлагая его интерпретацию как социокультурного конструкта, порожденного конкретными историческими и социальными контекстами. Он подчеркивает роль дискурсивных практик в формировании и воспроизводстве знания, связывая его генезис с деятельностью определенных социальных групп и институтов [6]. Таким образом, критика метанарративов Лиотаром позволяет рассмотреть устойчивость гендерных стереотипов сквозь призму воспроизводства доминирующих дискурсов, которые формируют и поддерживают соответствующие идеологические конструкты.

Постструктуралистский подход рассматривает язык не как нейтральный инструмент отражения реальности, а как активного участника ее конструирования. В этом контексте гендерные стереотипы интерпретируются как интегральные компоненты языковой системы, вплетенные в ее терминологию, образные метафоры и грамматические структуры. Анализ дискурсивных практик – способов использования языка в различных социальных контекстах – позволяет выявить механизмы репродуцирования гендерных стереотипов и проследить их влияние на формирование мировоззрения и межличностных отношений. Мишель Фуко в своем влиятельном труде «Порядок дискурса» аргументированно демонстрирует неразрывную связь знания и власти, утверждая, что производство знания неизбежно происходит в контексте властных отношений и служит их легитимации и репродуцированию. Дискурс, по Фуко, не является нейтральным инструментом доступа к истине, а представляет собой сложную систему, формирующую и поддерживающую существующие властные структуры, регулируя допустимое знание и устанавливая границы между «истинным» и «ложным», осуществляя тем самым тонкий механизм социального контроля. Дискурсы о женщине часто основаны на устойчивых стереотипах, представляющих женщин в ограниченном образе «слабых», «эмоционально лабильных», «домохозяек» и «объектов желания», воспроизводимых в различных формах дискурса, от рекламы и кинематографа до образовательных практик и семейных

отношений. Фуко не стремится «развенчать» гендерные стереотипы, а сосредотачивается на демонстрации их функционирования в системе властных отношений и механизмов их формирования и передачи через язык и дискурсивные практики [8].

Французская феминистская теоретик Тереза де Лауретис определяет социокультурные практики, терминологически обозначаемые как «гендерные технологии», в качестве фундаментального механизма формирования гендерной идентичности. Эти технологии конструируют социальный субъект в соответствии с нормативными ожиданиями, базирующимися на половой дифференциации. В интерпретации де Лауретис, гендерные технологии тесно взаимосвязаны с дискурсивными практиками, представляя собой механизмы гендерного моделирования индивида, при чем гендер рассматривается не как простая производная от анатомического пола, а как социальная конструкция, репрезентация, или скорее, составной эффект дискурсивных и визуальных репрезентаций [5]. Процесс гендерной реализации, по де Лауретис, является непрерывным и онтогенетически продолжающимся: гендер становится реальным только тогда, когда его репрезентация приобретает статус саморепрезентации индивида, принятой им в качестве своей социальной или субъективной идентичности. Субъект, по де Лауретис, «гендерится» (*is en gendered*) – производится или конструируется как гендерный – в процессе принятия, отождествления и идентификации с диспозициями и эффектами значений, определенными гендерной системой данного общества. В этом контексте осмысление эффектов репрезентации гендера становится инструментом его переопределения.

В рамках постструктуралистской парадигмы французский философ Юлия Кристева предлагает фундаментальную критику традиционных представлений о женщинах, отвергая их восприятие в качестве пассивных объектов и утверждая активную субъектность женщин, способных к переосмыслению гендерных норм и оказанию влияния на социокультурные процессы. В своем исследовании «Время женщин» Кристева анализирует динамику социокультурных структур, отмечая их онтологическую устойчивость, основанную на механизмах репродукции традиций, и одновременную хрупкость, связанную с изменением символических знаменателей, определяющих идентичность и ее трансформации [11]. Кристева предлагает переосмысление концепции времени в контексте женского опыта, отказываясь от линейной исторической модели в пользу циклического и монументального времени, связанных с женской субъективностью. Выделяя два поколения феминисток – первое, ориентированное на национальные проблемы, и второе, характеризующееся трансевропейской ориентацией и переосмыслением женского опыта в контексте символического порядка – Кристева анализирует влияние социализма и фрейдизма на формирование феминистского движения, отмечая ограниченность социалистической идеологии в восприятии женского опыта и переосмыслении проблемы «кастрации» в контексте психоанализа. «Время женщин» подчеркивает необходимость нового подхода к проблеме женщины и власти, отмечая опасность идентификации женщины с традиционными моделями власти и возникновение концепции «противообщества» как альтернативы жертвенному социосимволическому договору. В заключение Кристева предлагает концепцию «третьего поколения» феминисток, основанную на переосмыслении идентичности и взаимоотношений между мужским и женским в контексте постмодернистской реальности, призывая к переходу от «войны полов» к созданию новой

этики, основанной на признании внутреннего множества и разнообразия человеческих опытов.

В рамках либеральной философской традиции Джон Стюарт Милль в своем исследовании «О подчинении женщин» анализирует проблематику гендерных стереотипов, основываясь на фундаментальных принципах либерализма – свободы личности и равенства перед законом. Являясь одним из пионеров либерального феминизма, Милль представил всесторонний аналитический труд, оказавший значительное влияние на движение за права женщин [9]. Милль рассматривает влияние патриархальных норм на женщин, анализируя его проявление в сферах образования, профессиональной деятельности, социальной жизни и семейных отношений. Аргументируя необходимость равных прав женщин на образование и профессиональную реализацию, Милль утверждает равенство интеллектуальных способностей мужчин и женщин, рассматривая ограничения в образовании и карьере как лишение общества значительного потенциала женской части населения.

В русской философской традиции дискуссия о дифференциации онтологических и гносеологических принципов маскулинного и феминного развивается в трудах теоретиков «теологии пола». Отдельное направление исследований, сосредоточенное на феноменологии любви и интерпретирующее религиозность через призму Эроса, традиционно ассоциируемого с феминным началом в западной традиции, представлено в работах Бердяева и Розанова. Ортодоксально-богословское направление философии нашло отражение в трудах Булгакова, Ильина и Флоренского. В современном отечественном философском и культурологическом дискурсе проблематика гендера получила значительное развитие в работах Ворониной, Горошко, Гаповой, Демидовой, Жеребкина, Здравомысловой, Кон, Орловой, Пушкирёвой, Усмановой, Ушакина, Хоткиной и других исследователей. Эта тенденция способствует легитимации гендера как универсальной общенаучной категории, позволяя рассматривать его как самостоятельный социофилософский универсум. Однако, несмотря на существенный прогресс, философское осмысление гендерной проблематики в академическом поле остается не полностью институционализированным, как в России, так и за рубежом. Дискурсивные ограничения советского периода привели к фрагментарному применению гендерной методологии в отечественном научном поле [10].

Проблема гендерных стереотипов представляет собой многоаспектный феномен, требующий междисциплинарного анализа с привлечением разнообразных философских концепций. Различные теоретические подходы предлагают своеобразные методологические инструменты для изучения гендерных стереотипов и их влияния на социальную реальность. В феминистской теории проблема гендерных различий и стереотипов изначально возникла как эмпирически зафиксированный факт социальной реальности, пройдя эволюцию от политической актуальности к глубокому теоретическому осмыслению. Возникнув как политическое движение за равные права женщин, феминизм инициировал радикальную ревизию устоявшихся социальных и политических структур, а также привел к критическому переосмыслению укоренившихся культурных ценностей и идеологических конструктов. Этот процесс выступил в качестве катализатора парадигмального сдвига в изучении «женской природы», став определяющим этапом в пересмотре понимания проблемы пола и способствуя формированию и динамичному развитию гендерных исследований.

Гендерные исследования инициировали фундаментальный парадигмальный сдвиг в понимании онтологического соотношения биологического и социального, маркируя новый этап в изучении этой проблемы в философии. Утверждение недетерминированности гендера (социального пола) биологическим полом привело к ревизии традиционных гендерных подходов. Значительным прорывом стало рассмотрение половых различий не как биологически predetermined, а как социокультурно сконструированных и изменяющихся во времени и пространстве. Таким образом, гендерная теория постулирует приоритет социальных факторов (воспитание, культурные представления о маскулинности и феминности) над биологическими в определении половых различий и их манифестации. В результате, категория пола переосмысливается как дискурсивная категория, не зависящая от чисто биологических параметров и приобретающая смысл в процессе коммуникативной и диалогической продукции значений, формирующих соответствующие социальные конструкты.

Принимая конструктивистскую эпистемологическую парадигму, гендерные исследования осуществляют фундаментальную ревизию традиционных представлений об иерархичности и асимметрии половых ролей, предлагая новую методологическую фундаментализацию для их интерпретации. В этом перспективном поле исследований происходит разработка теоретических моделей на междисциплинарном пересечении философского, социологического и психологического анализа, фокусируясь на взаимосвязи проблематики пола с феноменами личности, социальных структур и различных сфер социальной жизни, таких как политика, семейные институты, образование и межличностные коммуникации. Многоаспектность исследовательских задач и методологического инструментария в гендерных исследованиях обуславливает необходимость их метатеоретического и философско-методологического анализа для достижения целостного понимания этого сложного феномена.

Литература

1. Бовуар С. де. Второй пол. – СПб.: Азбука, 2022. – 928 с.
2. Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». New York, Routledge, 1993.
3. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London & New York, Routledge, 1990.
4. Деппида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
5. Лауретис Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования / Под ред. Жеребкина С. – СПб.: Алетейя, 2001. – Т. 2. – С. 34.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.
7. Lippman W. Public Opinion. N.Y., 1922.
8. Foucault M. L'Ordre du discours. Lecon inaugurale au College de France prononcee le 2 decembre 1970. Paris: Gallimard, 1971.
9. Милль Д. С. О подчинении женщины. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 303 с.
10. Номеровская А.Д. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2015.
11. Kristeva J. Women's Time. The University of Chicago Press, 1981. – 13–35 p.

GENDER AND STEREOTYPES: A PHILOSOPHICAL APPROACH

Bondareva M.N.

Siberian Federal University

The article is devoted to analyzing the phenomenon of gender stereotypes, examining its evolution through the prism of different philosophical paradigms and methodological approaches. The study begins with a critical analysis of the historical context in which biological sex was traditionally considered as a fundamental factor determining gender identity and social roles. The study demonstrates overcoming the reductionist approach of biological determinism and moving towards a conceptualization of gender as a dynamic sociocultural construct shaped by a multitude of intertwining factors. The article emphasizes methodological problems of gender studies, pointing to the need for further development of theoretical tools for adequate analysis of ontogenesis, semantics and functional aspects of gender stereotypes, including analysis of intergenerational transmission and dynamics of their change in different socio-cultural contexts. The work is intended for specialists in the field of gender studies, philosophers, sociologists and all those interested in a deep understanding of the problem of gender stereotypes and their influence on the formation of social relations.

Keywords: gender, gender stereotypes, gender studies, gender identity, patriarchy, social roles, cultural norms, discursive practices, masculinity, femininity, gender inequality, discrimination, social stratification, social constructivism, biological determinism, feminist philosophy, poststructuralism, postmodernism.

References

1. Beauvoir, S. de. *The Second Sex*. St. Petersburg: Azbuka, 2022. – 928 p.
2. Butler, J. *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»*. New York: Routledge, 1993.
3. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London & New York: Routledge, 1990.
4. Derrida, J. *Of Grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 2000. – 511 p.
5. Lauretis, T. «American Freud» In *Introduction to Gender Studies*, ed. Zhrebkin, S. St. Petersburg: Aletheia, 2001, vol. 2, pp. 34.
6. Lyotard, J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998. – 159 p.
7. Lippmann, W. *Public Opinion*. N.Y., 1922.
8. Foucault, M. *L'Ordre du discours*. Inaugural lecture at the Collège de France, delivered December 2, 1970. Paris: Gallimard, 1971.
9. Mill, J.S. *The Subjection of Women*. Moscow: Ripol-Classic, 2019. – 303 p.
10. Nomerovskaya, A.D. *Research on Gender Identity in a Philosophical and Anthropological Perspective: Dissertation Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.13*. St. Petersburg, 2015.
11. Kristeva, J. *Women's Time*. The University of Chicago Press, 1981. pp. 13–35.

Движение MAGA (трампизм) в США как политический нарратив

Веденеев Илья Николаевич,

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: invedenyev@fa.ru

Исследование рассматривает объективные предпосылки становления MAGA-движения в США, неразрывно связанного с именем Д. Трампа. С одной стороны, показываются социально-экономические истоки этого движения. В то же время оно рассматривается как нарратив, сквозь такие нарратологические понятия как аллюзивность и сторителлинг. Применительно к политическим нарративам последнее означает, что если история распространяется среди единомышленников, её правдоподобие оказывается сравнительно неважно. Оригинальностью работы является формулирование категории исключения. Также рассмотрены технические аспекты правового дискурса США. Успех Д. Трампа в ходе последних выборов был не в последнюю очередь связан с тем что лидерам мнений трампистов удалось создать ряд альтернативных СМИ, с помощью которых поддерживать коммуникацию со сторонниками MAGA-повестки. Делается вывод, что никакой нарратив не может рассматриваться (быть вполне понят) в отрыве от объективных материальных условий, призвавших его к жизни, равно как технических возможностей, сделавших возможными его продвижение.

Ключевые слова: нарратив, MAGA-движение, трампизм, исключение, аллюзивность, сторителлинг, постправда.

Данный текст является продолжением нашего исследовательского проекта, задачей которого является обоснование правомочности экстраполяции категорий классической нарратологии – базовым объектом изучения которой являются произведения художественной литературы – на реалии других модальностей языка: философии, истории и политики. В предыдущей статье приводилась аргументация в пользу того что тексты, написанные как в философской, так и исторической (историографической) модальности соответствуют критериям нарративности. Как следствие, они могут рассматриваться сквозь призму одноимённого понятийного аппарата. Кратко суммируем основные положения этой работы:

Во-первых, с гносеологической точки зрения нарратив и нарративность представляются синонимами не-объективности. В значительной степени это происходит из-за того что и философские, и исторические (историографические) нарративы всегда открыты к переосмыслению. Ни про одну философскую или историческую концепцию, что до сих пор возникали в истории человечества, нельзя сказать, что они носили исчерпывающий, «предельный» характер. Любая интеллектуальная традиция, когда бы она ни была основоположена, всегда может получить дальнейшее развитие. Так, например, Н.М. Карамзин стоит у истоков отечественной историографии (представлений о том как нужно писать историю России). Можно сказать что влияния Карамзина не смог избежать и пытавшийся основать альтернативный нарратив М.Н. Покровский: противопоставляя себя «истории правителей» он был вынужден брать её за «точку отсчёта». В свою очередь то обстоятельство что историческое повествование ранних большевиков было де-факто ликвидировано Сталиным как нельзя лучше свидетельствует что ни один нарратив не следует рассматривать «сам по себе» (как это делал, например, Х. Уайт в «Метаистории») [1, с. 10].

Во-вторых, легко представить себе «частный» нарратив, по какой-то конкретной проблеме, но невозможно представить такой «метанарратив», который был бы способен непротиворечиво описать всю окружающую реальность, во всей полноте её проявлений. Впрочем, исторически претендовавшие на это «большие нарративы» (Ж.-Ф. Лиотар) время от времени возникали. В Средние века это была религия (применительно к Западной Европе – католическая церковь). В XX в. таким «метанарративом» стал марксизм: по меньшей мере на это претендовала та его разновидность, что получила развитие в СССР.

В-третьих, Ф. Анкерсмит считает, что нет прямой связи между способностью нарративов (в его случае – исторических и политических репрезентаций) быть интерпретируемыми различным образом и свойством естественного языка содержать неоднозначность уже на уровне элементарных элементов (слов¹, если не сказать, букв) [2, с. 9]. Мы согласны что проводить прямые параллельно не вполне правомочно. Однако именно потому что неоднозначность, невозможность однозначной интерпре-

¹ Так, в русском языке слово «запустить» имеет не только разные, но и прямо противоположные значения: инициировать что-то (запустить спутник в космос); забросить что-то, оставить без присмотра (запустить хозяйство).

тации имеет место на обоих уровнях, мы считаем необходимым подчеркнуть сам факт их наличия.

Проще всего представить антиномию «нарративность – отсутствие нарратива» по оси «необъективность – объективность». Несмотря на определённую точность, эта классификация не может считаться исчерпывающей. Зато эта интуиция хорошо коррелирует с утверждением, что мысль изречённая есть ложь. Она также соответствует представлению, разработанному психиатром и психоаналитиком Ж. Лаканом и впоследствии онтологизированному его философствующими последователями (С. Жижек, А. Джонстон) [3, с. 9, 43]. Согласно этому представлению всё, что существует в материальной реальности, чтобы быть операбельным для субъекта, должно быть означено, «поименовано» символически (посредством означающих). То, что не поименовано, может существовать (даже оказывать на субъекта реальное воздействие – как гравитация до открытия соответствующего закона), однако не будет иметь для субъекта смысла; не будет оказывать воздействия на его сознательное целеполагание. Так, представления людей о самих себе – равно как представителях других этнических и конфессиональных групп – всегда оказывали значительное воздействие на ход истории.

Более того, можно утверждать, что в каком-то смысле самой «объективной» реальности не существует. То, какие виды взаимодействия с материей (в т.ч. собственными телами) оказываются для нас доступны, зависит, не в последнюю очередь, от категорий, в которых мы её осмысливаем (осуществляя идеальную реконструкцию реальности в сознании) [4, с. 111–113]. В свою очередь, имя Реального закрепляется в рамках такого подхода за тем, что ускользает от всякой символизации, означивания [4, с. 163]. К схожим выводам приходит Анкерсмит, утверждая, что вся философия языка XX в., «языковой поворот» (в т.ч. теория Лакана) представляет собой продолжение «кантовской эпистемологической традиции», в рамках которой ставится вопрос, насколько точно язык способен отражать реальность [2, с. 7]. Как итог мы приходим к тому, что Кант называл «ноуменальной действительностью»: к которой у нас нет (и не может быть) доступа [1, с. 12].

Ввиду этого мы настаиваем, в частности, на расширительном понятии, понимании «символической политики» [5, с. 9]. С точки зрения нашего подхода любая политика является символической. С одной стороны, потому что она передаётся, формализуется (не может передаваться, формализоваться) иначе, нежели посредством символов (которые либо сами являются, одновременно, знаками, либо состоят из знаков как элементарных элементов: таких как буквы). С другой, потому что никакое политическое действие не является «сугубо» практическим, исчерпывается праксисом.

Так, например, когда Трамп говорит: «разбомбить хуситов», это означает не только то, что Йемен будет подвергнут массированным бомбардировкам (материальные последствия которых очевидны), но и то что США – в лице Трампа – демонстрируют решимость незамедлительно подавлять тех, кто выступает против них, силой, в т.ч. грубой, военной. Безотносительно реальных последствий бомбардировок с точки зрения ослабления боевого потенциала хуситов (эффект которых представляется сомнительным), невозможно недооценить символическое измерение их «анонса». Более того, представляется, что воздействие заявления на внутриамериканскую аудиторию (прежде всего трампистов, но не только) даже больше, нежели союзников и потенциальных противников США в мире (таких как Иран и КНДР): в то время как более логичным было бы представить

именно противников США на международной арене основными «адресатами» этого американского месседжа (как если бы речь шла только о «реальном» измерении бомбардировок, их материальных последствиях). Также нельзя исключать, что для самого Трампа поддержание репутации «крутого парня» – равно как демонстрация успехов его администрации (будь то реальных или мнимых) – важнее, нежели обеспечение безопасности судоходства в Аденском заливе (от нарушения которого страдают, в первую очередь, европейцы). Что характерно, достигнутая вскоре сделка между Трампом и хуситами «ошеломила» официальных лиц Израиля [13]. Нет необходимости говорить, что Израиль является ближайшим союзником США в регионе, территория которого периодически подвергается обстрелам баллистических ракет с территории Йемена (в ответ на операцию, проводимую Израилем и Газе).

Представляется, что все перечисленные выше общие особенности философских и исторических нарративов представляются равно справедливыми по отношению к политическим: хотя бы потому что и те, и другие находят своё выражение в естественном языке, а не в виде математических формул. Это так, однако не исключает того, что политические нарративы обладают собственной спецификой (точно так же как собственной спецификой обладают исторические нарративы по отношению к философским и наоборот). Прояснить специфику политических нарративов (на примере MAGA-повестки в США) – задача этой работы.

Первое, на что следует обратить внимание при изучении политических нарративов – то обстоятельство, что они характеризуются исключением (exclusion). Под «исключением» понимается ситуация при которой какие-то элементы реальности выдвигаются на первый план, в то время как другие, напротив, отодвигаются в тень. Для политических нарративов не характерно в равной степени уделять внимание всем аспектам общественной жизни (впрочем, это равно справедливо для исторических нарративов). Так, MAGA-повестка, снискавшая популярность среди американских избирателей за последние 10 лет (также известна как лозунг «Сделаем Америку снова великой») характеризуется особым вниманием к вопросам миграции, равно как «несправедливым» правилам мировой торговли. При этом нельзя сказать что трамписты (и сам Трамп) объективны при рассмотрении этих вопросов.

Так, противники действующего президента США утверждают, что его заявления относительно миграции и мигрантов носят расистский характер. В качестве образцов трамповского нарратива приводятся такие выражения как «заражение» (infestation), «вторжение» (invasion) и «дерьмовые страны» (shit-hole countries) [6, с. 687]. Более того, оппоненты Трампа утверждают, что существует прямая корреляция между высказываниями президента и актами насилия, совершаемыми в США на почве межрасовой и межнациональной ненависти. Так, согласно расследованию, проведённому ABC News на основе полицейских отчётов и судебных протоколов, в 30 случаях люди, совершившие акты насилия – от массовых расстрелов¹ до нападений на мигрантов –

¹ В качестве примеров можно привести шутинг (массовый расстрел) в магазине «Волмарт» 3 августа 2019 г. в Эль-Пасо (штат Техас). На следующий день произошёл расстрел в городе Дейтон (штат Огайо). В первом случае стрелок оставил «Манифест», в котором изложил свои расистские, антимигрантские взгляды. Весьма вероятно, что эти взгляды сформировались у него ещё до того как Трамп пришёл к власти, однако они были сформулированы в выражениях, схожих с приведёнными выше.

восхваляли Трампа. Ещё в 10 случаях они упоминали риторику и политику президента в судах, используя её как оправдание своих насильственных действий. Всего было зафиксировано 54 случая агрессии сторонников превосходства белых (white supremacists) против афроамериканцев, мусульман и представителей других меньшинств. Для сравнения, силами правопорядка было зафиксировано только 13 актов насилия, целью которой было противодействие политике Трампа. В то же время не было ни одного акта насилия, которое оправдывалось бы – или осуществлялось «от имени» – предыдущих президентов-демократов (Б. Обамы или Дж. Байдена) [14]. Ситуация дополняется тем, что в ближайшем окружении Трампа есть фигуры наподобие Стива Бэннона, которые тесно ассоциируются с идеологией превосходства белых (если не сказать, являются её идеологами). В качестве своей цели они – белые националисты, также известные как «альтернативные правые» (alt-right) – ставят превращение США в «белое этническое государство» [7, с. 45]. Также существуют исследования, согласно которым при определённых условиях сторонники MAGA могут оказаться более склонны к политически мотивированному насилию, нежели умеренные республиканцы и, тем более, их идеологические оппоненты – члены Демократической партии [8, с. 22].

Исключение может носить и позитивный характер, например «американская исключительность» (American exceptionalism). В таком случае, понятие несёт в себе позитивную коннотацию (на уровне нарративной логики: за счёт соответствующего, пропорционального умаления роли остальных наций в мировой истории и политике). Собственно, то, что сейчас делает Трамп – к месту и не к месту упоминая «великих фермеров-патриотов» [15], «великую нацию», «великую стену» (на границе с Мексикой) и т.д. – это мобилизация массовой поддержки в ситуации когда Америка – как это ощущается огромным числом рядовых избирателей (и самим Трампом) утратила ориентиры, приоритеты, итогом чего является якобы имеющее место «обкрадывание» США другими нациями. Можно сказать что идеологическая мобилизация, осуществляемая Трампом, носит преимущественно негативный характер, апеллируя к такому низменному чувству как resentment, которому американское общество, как выяснилось, оказалось легко и в большой степени подвержено. Это тем более удивительно, что США одержали победу в Холодной войне.

С нашей точки зрения здесь нет противоречия. С одной стороны, США действительно стали бенефициарами окончания Холодной войны. Однако в самом американском обществе «плоды» этой победы оказались распределены очень неравномерно. Более того, феномен глобализации – который лишь с распадом СССР и мог набрать, вполне, силу – обернулся для рядовых американцев утратой рабочих мест. В ситуации отсутствия каких-либо ограничений на перемещение капиталов – что было одним из краеугольных камней глобализации – инвестиции (а с ними и реальные производства) устремились в те места земного шара, где издержки производства (в т.ч. на рабочую силу) были минимальны. По состоянию на 90-е – нулевые гг. таким регионом была Юго-Восточная Азия. Производства переносились, в первую очередь, в Китай. Всё это не могло не сказаться на положении рабочего класса Америки. Целые регионы страны (т.н. «ржавый пояс» – ряд штатов, в которых до начала процесса деиндустриализации была сконцентрирована крупная промышленность) пришли в упадок.

В итоге, за период президентства Дж. Буша-младшего (2000–2008 гг.) количество человек, живущих за чертой бедности, увеличилось с 33 до 40 млн чел. Одноре-

менно с этим количество миллиардеров возросло вдвое. В дальнейшем неравенство усугубилось ещё больше. Если по состоянию на 2009 г. американцев, живущих за чертой бедности было 43,6 млн. чел. (14,3% населения), то в 2012 г. их доля возросла до 46,2 млн. чел (т.е. 15,1%) [9, с. 120, 124]. Как можно видеть, избрание в 2008 г. Б. Обамы – позиционировавшего себя в качестве прогрессивного левого либерала – не могло переломить базовой логики системы.

В настоящее время независимый сенатор от штата Вермонт, Берни Сандерс, критикуя нарратив Трампа за полное игнорирование системных проблем американской экономики, приводит данные, согласно которым 60% американцев едва сводят концы с концами [16]. Из этих экономических предпосылок независимый сенатор делает политический вывод что власть в США принадлежит «олигархам».

Таким образом, с момента распада СССР власть в США удерживали либо демократы – которые прямо ассоциировались с новым глобальным, неолиберальным порядком (Б. Клинтон, Б. Обама, Дж. Байден) – либо республиканцы, которые не выступали против status-quo (Дж. Буш-младший). В лице Трампа в 2016 г. впервые произошёл «слом» парадигмы. Многими обозревателями (внутри США и в мире) это воспринималось как случайность, однако возвращение Трампа спустя четыре года свидетельствует что трампизм не является просто случайным «отклонением», но выражением (в искажённой – как и всякая идеология – форме) реальных противоречий, существующих в американском обществе, которые за время нахождения у власти его предшественников не столько разрешались, сколько накапливались. Из наиболее крупных достижений Трампа во внутренней политике за первый срок можно отметить снижение налогов на богатых, однако нельзя сказать, что эта мера способствует снижению неравенства (скорее наоборот).

В числе других специфических черт политического нарратива, известного как MAGA или трампизм, имеет смысл выделить следующие.

Во-первых, ключевым фактором с точки зрения обеспечения электорального успеха Трампа является наличие у него обширной группы поддержки. В этом нет ничего нового. У каждого крупного политика есть общественная группа (группы), на которые он опирается. Более того, в демократическом обществе успех того или иного политика определяется способностью сплотить вокруг себя самые разные группы населения.

Уникальность трампизма как популистского политического нарратива состоит в том что он оказался способен сформулировать и репрезентировать – посредством публичных высказываний – очень широкую платформу, коалицию, разнородную во всех отношениях: идеологически, с точки зрения социального положения и т.д. С одной стороны, исследователи единодушны что основной (массовой) опорой Трампа являются сегодняшние «новые бедные» – вчерашние представители «среднего класса», выпавшие из него вследствие описанных выше процессов глобализации. Однако они не являются единственной опорой Трампа. Вторым «столпом» поддержки действующего президента являются «наиболее обеспеченные слои населения», которые стали бенефициарами налоговой реформы, которую Трампу удалось провести в период его первого нахождения в Белом доме [10, с. 139]. Наиболее заметно это стало в ходе последней инаугурации, которая стала рекордной по числу гостей-долларовых миллиардеров. Нет необходимости говорить, что многие из них сделали свои пожертвования в ходе избирательной кампании в надежде конвертировать эти вложения в политическую власть и влияние при

«новом» президенте. Нельзя сказать, что в 2016 г. Илон Маск бы как-то особенно расположен Трампу. Теперь же он является, де-факто, министром в его правительстве (хотя и без портфеля), а принадлежащая ему социальная сеть X (бывший Twitter)¹ занимается продвижением протрамповских нарративов.

Другим, не менее важным обстоятельством, напрямую связанным со спецификой избирательной системы в США, является то что сторонники Трампа не являются абсолютным большинством в стране. Если бы в Америке проводились прямые выборы, в 2016 г. Хиллари Клинтон победила бы. Трампу удалось победить за счёт этой специфики демократии по-американски. Он заручился большинством выборщиков благодаря большей политической вовлечённости, политизации, «индоктринированности» его сторонников идеалами трампизма. Как следствие, люди в красных кепках активнее агитировали за своего кандидата тех, кто ещё не определился и голосовали более «слаженно». Руководство демократов, напротив, проявило халатность и многие из тех, кто были готовы проголосовать за Клинтон, не явились на избирательные участки. Демократам также не удалось привлечь на свою сторону часть электората, традиционной симпатизирующую Демпартии, но разочарованную политикой Обамы и Клинтон (за которой волочился ряд скандалов). Многие из них – вместе с колеблющимися – приняли на тех выборах сторону республиканцев [11, с. 108].

Во-вторых, специфика самого «ядерного электората» Трампа. Известно, что его рейтинги никогда не были высоки. На протяжении первых 100 дней своей нынешней каденции они были самыми низкими из всех президентов в новейшей истории страны (за исключением первых 100 дней его собственного, первого срока) [17]. С нашей точки зрения это происходит – равно как не мешает ему успешно избираться и переизбираться – вследствие того что трампистами является относительно меньшинство, сила которого в активности и сплочённости. С одной стороны, рейтинги действующего президента США сравнительно низки, однако, с другой, остаются стабильными: сколь бы ни были сомнительны достижения трамповской администрации. Так, в ходе эпидемии COVID-19 некомпетентность американского руководства привела к гибели 100 тыс. чел. (что составило 29% всех жертв эпидемии: каждый третий человек, умерший от COVID-19, был американцем притом что население США составляет лишь 4% мирового). Однако уровень поддержки Трампа вследствие этих событий снизился лишь незначительно: колеблясь в диапазоне от 41 до 45% [11, с. 106].

В книге был высказан прогноз, что если Трамп проиграет, есть все основания полагать, что он выведет своих сторонников на какие-то несанкционированные мероприятия. Именно так это и произошло – события, получившие название «штурм Капитолия», имели место 6 января 2021 г. (книга была написана в 2020 г.). С высоты нашего времени можно добавить лишь то что, вступив в должность президента повторно, Трамп помиловал почти всех, кто принимал участие в штурме (несмотря на то, что это были неконституционные действия, сопряжённые с насилием) [18].

В свою очередь, одним из критериев, позволяющих отнести того или иного американца к ядерному электорату Трампа, «ядру MAGA» является убеждённость в том, что «выборы 2020 г. были украдены, а Дж. Байден – нелегитимный президент». Согласно исследованиям, к числу наиболее рьяных трампистов следует от-

нести до трети республиканцев (33,6%), что составляет порядка 15% американской нации в целом [8, с. 18].

В-третьих, сам феномен наличия достаточно большой (самовоспроизводящейся) группы трампистов, поддержка которых не ослабевает (хотя фактов, свидетельствующих о неудачах Трампа более чем достаточно) представляется объяснимой (по меньшей мере, отчасти) спецификой функционирования СМИ в США. Так, дерегулирование, имевшее место в этой сфере в 70-е гг. (продолжено впоследствии Рейганом) привело к её монополизации и коммерциализации. Побочным следствием этого стало то что СМИ перестали стремиться к широким охватам, но, напротив, начали «специализироваться» на конкретных аудиториях. В итоге сформировалась благоприятная среда для создания «провокационного, более того, заведомо предсудительного контента», который соответствовал бы предрассудкам той или иной аудитории (вместо того чтобы проблематизировать её взгляды путём предоставления альтернативной точки зрения) [12, с. 396]. Многими исследователями отмечается крайняя поляризация американского общества, которая проявляется, в частности, в том что представители разных политических взглядов избегают публичных дискуссий друг с другом.

Это приводит к тому что сторонники тех или иных взглядов (как демократы, так и республиканцы) замыкаются в своих «эхо-камерах». Люди, разделяющие одни и те же взгляды, распространяют в своих сообществах сообщения, услышанные в определённых СМИ (в случае республиканцев это может быть Fox News). Истории носят аллюзивный (allusive) характер, что означает, что они всегда отсылают к другим историям, содержащим аналогичный идеологический посыл. Другой особенностью рассказывания историй (storytelling) является то что когда истории распространяются среди единомышленников, их истинность оказывается «относительно неважна» [12, с. 392]. Этот феномен также получил название «постправды» (post-truth). Данное обстоятельство особенно важно при анализе трамповского нарратива, т.к. трампизм тяготеет к тому чтобы разделять теории заговора. Трамп неоднократно упоминал конспирологические теории в своих выступлениях. Более того, в продвижении теорий заговора обвиняются многие из тех, кого он поддерживает в качестве своих политических выдвиженцев (Лору Лумер, Марджори Тейлор Грин и др.) [19].

В числе теорий заговора, популярных среди сторонников Трампа, следует упомянуть «Кьюанон» (QAnon) и теорию «великого замещения» (great replacement). Последняя подразумевает что миграционный кризис в США и Европе был специально создан мировыми, глобалистскими элитами чтобы размыть идентичность белых людей, «старые нации» Европы и Америки. Несмотря на крайне спорный характер этой «теории», он пользуется значительной популярностью. Более того, в США она используется для оправдания нападений на цветных и мигрантов.

В-четвёртых, инструментальная специфика «новых СМИ», равно как то что с идейно-идеологической точки зрения они почти с самого начала оказались оккупированны трампистами. С одной стороны, появление и массовое распространение социальных сетей за последние два десятилетия привело к тому что у пользователей появилась возможность самим продвигать те месседжи, что они считают заслуживающими внимания. Это в равной степени касается и ложных сообщений (fake news) и в ситуации когда одновременно несколько человек репостят одно и то же сообщение, это может усиливать иллюзию их достоверности. Как следствие, «сила» каждого отдельного информационного сообщения ока-

¹ Часть компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой в РФ.

зывается сравнительно более высокой (по меньшей мере в ситуации, когда распространение происходит в лояльной «эхо-камере» и при отсутствии альтернативных точек зрения) [12, с. 392].

Можно сказать, что вокруг Трампа уже сформировалась медийная инфраструктура, альтернативная мейнстримным СМИ, доминирование в которых сохраняют сторонники демократической партии. Альтернатива представлена собственной социальной сетью Трампа Truth Social, другой новой соцсетью Rumble, известную продвижением конспирологических теорий и упомянутый выше X Маска. Рост числа партийных «эхо-камер» привёл к тому, что в ходе прошлых выборов республиканцы, по сути, игнорировали мейнстримные СМИ в пользу собственных, правых СМИ. Они ощущали себя настолько уверенно, что отказывались от дебатов с демократами [20]. Конечный итог выборов подтвердил, что их уверенность в себе имела под собой основания.

В числе новых СМИ трампистов также можно назвать Real America's Voice, War Room и др. Последняя представляет собой ютуб-канал Стива Бэннона, который считался советником Трампа по идеологии в период первого нахождения власти. В ходе текущей каденции он также остаётся лицом, приближенным к президенту. На своём канале Бэннон продвигает протрамповские нарративы. В числе других инфлюенсеров – персон, имеющих большую аудиторию в СМИ и продвигающих правую повестку можно назвать Джо Рогана, Джордана Питерсона и др. Все они получили широкие охваты сравнительно недавно, бросая вызов традиционным СМИ. Их оппоненты называют их повестку агрессивной, продвигающей идеи превосходства белых, мужского доминирования, мизогинии и т.д.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Нарратив – это способ, с помощью которого познающее сознание составляет представление об окружающей реальности и самом себе. С этой точки зрения любой нарратив – это определённая картина мира, выраженная в языке. С одной стороны, не может быть субъекта без картины мира. С другой, выражаясь в языке, эта «картина мира» подчиняется законам функционирования языка, «языковым эффектам» (таким как метафора и метонимия). Уже этого обстоятельства достаточно чтобы с гносеологической точки зрения поставить под сомнение «объективность» любых наших представлений о реальности.

Что касается политических нарративов, с нашей точки зрения, их характерной чертой является исключение (exclusion). Нет такого политического (и исторического) нарратива, который ставил бы своей целью уделить равное внимание всем аспектам общественного бытия. Какие-то аспекты неизбежно окажутся выдвинутыми на первый план, в то время как другие – оттенёнными. Поскольку создание политических нарративов представляется достаточно произвольным, творческим процессом¹, расстановка приоритетов носит сознательный характер. Как следствие, проблемой политических нарративов является не только невозможность однозначной интерпретации знаков и символов, образующих язык (что особенно актуально для философских и исторических нарративов), но и возможность сознательной манипуляции. Фактически, одно представляется неразрывно связанным с другим.

¹ Это не отменяет того обстоятельства что реально востребованными оказываются только те нарративы, что соответствуют практическим потребностям людей (либо, как минимум, производят впечатление способных дать ответ на реальные проблемы).

Что касается политического нарратива, известного как MAGA или трампизм, его характерными чертами является противодействие миграции (вплоть до создания «белого этнического государства»), а также стремление ограничить конкуренцию американских фирм с иностранными (прежде всего китайскими) путём введения протекционистских тарифов. Неизвестно, до какой степени это позволит Трампу возродить промышленность в США, однако это одно из ключевых требований его избирательных кампаний.

Сторонники Трампа не представляют большинство населения страны, однако они представляют наиболее сплочённую и идеологически накалённую его часть. Отчасти это связано с харизматичной фигурой самого Трампа, а также разочарованием в демократах даже у тех, кто отдавал свои голоса за их кандидатов в ходе предыдущих выборов.

Важным обстоятельством представляется то, что, несмотря на сравнительно низкий уровень поддержки (рейтинг 41–45% одобрения) и то обстоятельство что многие решения Трампа и его администрации носят спорный характер (например, противодействие эпидемии COVID-19), MAGA-повестка не утрачивает своей актуальности, по меньшей мере в глазах тех, кто был расположен к ней изначально. Насколько нам удалось прояснить этот вопрос, это связано со спецификой функционирования медийного ландшафта США. Вследствие объективных причин он является фрагментированным, будучи, своего рода, инвариантом расколотости, разобщённости американского общества на уровне «надстройки». Сторонники разных взглядов (демократы и республиканцы) внемяют разным СМИ и стараются не взаимодействовать друг с другом в реальной жизни.

Подлинной революцией трампистов в сфере медиа стало создание новых, альтернативных СМИ (как с точки зрения подачи, так и идеологически). Будучи преследуемым мейнстримными СМИ и блокируемым ими в ходе своего первого нахождения у власти, Трамп и его сторонники создали к 2024 г. ряд новых СМИ: Truth Social и Rumble. Соцсеть X также продвигает теперь протрамповские нарративы, в то время как её глава Маск является министром без портфеля в новом правительстве Трампа.

Качественное отличие новых интернет-СМИ от «старых» состоит в том что поскольку пользователи могут самостоятельно продвигать интересующие их мнения в соцсетях, сила информационного воздействия каждого сообщения относительно возрастает. Это дополнительно накладывается на упомянутую выше специфику американского медийного ландшафта, которая характеризуется наличием замкнутых «эхо-камер», в которых люди, которые придерживаются тех или иных политических нарративов, не имеют возможности или не желают рассматривать альтернативные взгляды. Как следствие, вероятность того, что то или иное фейковое сообщение будет воспринято за истину, возрастает. Это особенно важно для MAGA-повестки, т.к. она тяготеет к конспирологическим нарративам.

Помимо исключения политические нарративы также характеризуются аллюзивностью (allusiveness). Это означает, что одни политические истории вызывают к жизни другие воспоминания, другие истории со схожим идеологическим посылом. Как следствие, рассказывание историй (storytelling) ведёт к усилению политической идентичности той или иной группы. Все эти понятия являются категориями нарратологии.

Таким образом, мы утверждаем, что никакой нарратив не может рассматриваться «сам по себе»: вне зависимости от тех материальных обстоятельств, которые

призвали его к жизни; равно как конкретных механизмов, «приводных ремней», посредством которых месседж, исходящий от харизматичного лидера, достигает его аудитории. Содержание представляется органически связанным с формой подачи, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном, более глубоком рассмотрении.

Литература

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003.
3. Ветушинский А. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
4. Узланер Д. Жак Лакан: введение. М.: РИПОЛ классик, 2022.
5. Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.
6. Duffy M. «Wagging the Dog»: Feigning Crisis in U.S. Anti-Migration Narratives to Create Crisis // *Revista Estudos Institucionais*. Vol. 5. № 2. 2019. P. 656–698.
7. Самуйлов С.М. Трампизм: раскол общества и элиты. М.: Весь мир, 2022.
8. Wintermute G., Robinson S., Tomsich E., Tancredi D. MAGA Republicans' Views of American Democracy and Society and Support for Political Violence in the United States: Findings from a Nationwide Population-Representative Survey // *PLoS ONE*. 2024. № 1. P. 1–26.
9. Согрин В.В. Американские идеологии XVII–XXI веков. М.: Весь мир, 2024.
10. Cisneros-Tirado J.A., Babbili A. Trumpian Populism: Legitimizing Chaos and Right-Wing Nationalism as a Political Strategy // *Norte America*. Vol. 17. № 1. 2022. P. 139–165.
11. Dean J., Altemeyer B. *Authoritarian Nightmare. Trump and his Followers*. Melville House, 2020.
12. Poletta F., Callahan J. Deep Stories, Nostalgia Narratives, and Fake News: Storytelling in the Trump Era // *American Journal of Cultural Sociology*. 2017. Vol. 5. P. 392–408.
13. Miller M. Netanyahu Says 'Israel Will Defend Itself by Itself' after Trump Announcement of Ceasefire with Houthis // *Red State*. 08.09.2025. URL: https://redstate.com/mike_miller/2025/05/08/netanyahu-says-israel-will-defend-itself-by-itself-after-trump-announcement-of-ceasefire-with-houthis-n2188846 (accessed: 11.05.2025)
14. Levine M. 'No Blame?' ABC News Finds 54 Cases Invoking 'Trump' in Connection with Violence, Threats, Alleged Assaults // *ABC News*. 30.05.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/blame-abc-news-finds-17-cases-invoking-trump/story?id=58912889> (accessed: 09.05.2025)
15. Burnett S., McFetridge S. Trump's 'Great Patriot' Farmers Follow Him into a Trade War // *Associated Press*. 20.05.2019. URL: <https://apnews.com/article/donald-trump-global-trade-ia-state-wire-mi-state-wire-norh-america-bb54595393a14fcd867476996ef94129> (accessed: 11.05.2025)
16. Bruenig M. How Many Americans Really Live Paycheck to Paycheck? // *Jacobin*. 19.03.2025. URL: <https://jacobin.com/2025/03/bernie-sanders-paycheck-economic-statistics> (accessed: 12.05.2025)

17. Langer G. Trump Has Lowest 100-Day Approval Rating in 80 Years: POLL // *ABC News*. 27.04.2025. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-lowest-100-day-approval-rating-80-years/story?id=121165473> (accessed: 12.05.2025)
18. Tillman Z., Wingrove J. More Than 1,500 US Capitol Riot Defendants Pardoned by Trump // *Bloomberg*. 21.01.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-21/trump-says-he-s-pardoning-nearly-all-capitol-riot-defendants> (accessed: 27.04.2025)
19. Trump Praises 'Terrific' White Supremacist Conspiracy Theorist // *The Guardian*. 14.08.2023. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/aug/14/laura-loomer-trump-praise-white-supremacist> (accessed: 27.04.2025)
20. Smith D. 'It's All about Trolling': How Far-Right Influencers are Shaping Republican Narrative // *The Guardian*. 26.03.2023. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/mar/26/jack-posobiec-digital-influencers-far-right-republicans-trolling> (accessed: 27.04.2025)

THE MAGA MOVEMENT (TRUMPISM) IN THE US AS A POLITICAL NARRATIVE

Vedenev I.N.

Financial University

The study examines the objective prerequisites for the formation of the MAGA-movement in the United States, inextricably linked to the name of D. Trump. On the one hand, the socio-economic origins of this movement are shown. At the same time, it is considered as a narrative through such narratological concepts as allusiveness and storytelling. In the case of political narratives, the latter means that if a story is circulated among like-minded people, its verisimilitude is relatively unimportant. The originality of the paper is the formulation of the category of exclusion. Technical aspects of the US right-wing discourse are also considered. The success of D. Trump during the last election was not least due to the fact that Trumpist opinion leaders managed to create a number of alternative media, with the help of which to maintain communication with the supporters of the MAGA-agenda. It is concluded that no narrative can be considered (fully understood) in isolation from the objective material conditions that called it into being, nor from the technical possibilities that made its promotion possible.

Keywords: narrative, MAGA movement, trumpism, exclusion, allusiveness, storytelling, post-truth.

References

1. Ankersmit F. History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor. Moscow: Progress-Tradition, 2003.
2. Ankersmit F. Narrative Logic. Semantic Analysis of the Language of Historians. Moscow: Idea-Press, 2003.
3. Vetushinsky A. In the Name of Matter: Critical and Metaphysical Studies. Perm: Hyle Press, 2018.
4. Uzlaner D. Jacques Lacan: Introduction. Moscow: RИPOL Classic, 2022.
5. Malinova O.Y. Symbolic Politics: Contours of the Problem Field // *Symbolic Politics*. Vol. 1: Constructing Representations of the Past as a Power Resource / Ed. by O.Y. Malinova. M.: IN-ION RAN, 2012. P. 5–16.
6. Duffy M. «Wagging the Dog»: Feigning Crisis in U.S. Anti-Migration Narratives to Create Crisis // *Revista Estudos Institucionais*. Vol. 5. № 2. 2019. P. 656–698.
7. Samuilov S.M. Trumpism: the Split of Society and the Elite. Moscow: All the World, 2022.
8. Wintermute G., Robinson S., Tomsich E., Tancredi D. MAGA Republicans' Views of American Democracy and Society and Support for Political Violence in the United States: Findings from a Nationwide Population-Representative Survey // *PLoS ONE*. 2024. № 1. P. 1–26.
9. Sogrin V.V. American Ideologies of the XVII–XXI Centuries. Moscow: All the World, 2024.

10. Cisneros-Tirado J.A., Babbili A. Trumpian Populism: Legitimizing Chaos and Right-Wing Nationalism as a Political Strategy // Norte America. Vol. 17. № 1. 2022. P. 139–165.
11. Dean J., Altemeyer B. Authoritarian Nightmare. Trump and his Followers. Melville House, 2020.
12. Poletta F., Callahan J. Deep Stories, Nostalgia Narratives, and Fake News: Storytelling in the Trump Era // American Journal of Cultural Sociology. 2017. Vol. 5. P. 392–408.
13. Miller M. Netanyahu Says 'Israel Will Defend Itself by Itself' after Trump Announcement of Ceasefire with Houthis // Red State. 08.09.2025. URL: https://redstate.com/mike_miller/2025/05/08/netanyahu-says-israel-will-defend-itself-by-itself-after-trump-announcement-of-ceasefire-with-houthis-n2188846 (accessed: 11.05.2025)
14. Levine M. 'No Blame?' ABC News Finds 54 Cases Invoking 'Trump' in Connection with Violence, Threats, Alleged Assaults // ABC News. 30.05.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/blame-abc-news-finds-17-cases-invoking-trump/story?id=58912889> (accessed: 09.05.2025)
15. Burnett S., McFetridge S. Trump's 'Great Patriot' Farmers Follow Him into a Trade War // Associated Press. 20.05.2019. URL: <https://apnews.com/article/donald-trump-global-trade-ia-state-wire-mi-state-wire-norh-america-bb54595393a14fcd867476996ef94129> (accessed: 11.05.2025)
16. Bruenig M. How Many Americans Really Live Paycheck to Paycheck? // Jacobin. 19.03.2025. URL: <https://jacobin.com/2025/03/bernie-sanders-paycheck-economic-statistics> (accessed: 12.05.2025)
17. Langer G. Trump Has Lowest 100-Day Approval Rating in 80 Years: POLL // ABC News. 27.04.2025. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/trump-lowest-100-day-approval-rating-80-years/story?id=121165473> (accessed: 12.05.2025)
18. Tillman Z., Wingrove J. More Than 1,500 US Capitol Riot Defendants Pardoned by Trump // Bloomberg. 21.01.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-21/trump-says-he-s-pardoning-nearly-all-capitol-riot-defendants> (accessed: 27.04.2025)
19. Trump Praises 'Terrific' White Supremacist Conspiracy Theorist // The Guardian. 14.08.2023. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/aug/14/laura-loomer-trump-praise-white-supremacist> (accessed: 27.04.2025)
20. Smith D. 'It's All about Trolling': How Far-Right Influencers are Shaping Republican Narrative // The Guardian. 26.03.2023. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/mar/26/jack-posobiec-digital-influencers-far-right-republicans-trolling> (accessed: 27.04.2025)

От духовного поиска к товарному симулякру: социально-философский анализ трансформации контркультурных ценностей

Глебов Андрей Павлович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры политических процессов и технологий Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
E-mail: n.a.naumova@uwc-i.ru

Статья посвящена анализу изменения контркультурных ценностей в условиях современного общества. Рассмотрен процесс коммерциализации контркультуры, при котором радикальные и духовные знаки сопротивления, изначально выражавшие протест и альтернативные ценности, теряют подлинность и, становясь частью рыночной системы, превращаются в рыночные симулякры – поверхностные культурные формы, утратившие своё исходное значение. Рассматриваются исторические корни контркультуры 1960-х годов – движения хиппи, панк, а также их современные аналоги: неохиппи, экостиль, цифровая контркультура и практики «поколения Z». Показано, как идеалы свободы, антиматериализма и коллективного бунта против системы редуцируются до модных трендов, продаваемых через бренды, социальные сети и СМИ. Особое внимание уделено цифровой среде, где контркультурные практики подвергаются новым формам монетизации и социальному контролю. Электронные платформы становятся пространствами демонстрации «бунтарской» идентичности, которая мгновенно распознаётся алгоритмами и встраивается в потребительскую логику. С помощью концепций Жана Бодрийяра, Ролана Барта и Дика Хебдиджа показано, как система коммерциализации и симуляции подрывает господствующие социальные нормы, ценности и структуры. Анализ дополняется диалектической нотой: несмотря на повсеместную коммерциализацию, некоторые движения сохраняют автономию мировоззрения, оставаясь сферами этического противостояния и подлинного духовного поиска. Это свидетельствует о том, что превращение контркультуры в симулякр не является неизбежным. Существование «островков» живого сопротивления позволяет избежать пессимизма и утверждает возможность подлинного поиска при условии сознательного противостояния упрощению и спекуляции.

Ключевые слова: контркультура, симулякр, коммерциализация, духовный поиск, субверсия, цифровая культура, культурные практики, сопротивление

Введение

Современное культурное пространство всё чаще становится ареной столкновения между истинными формами духовного поиска и их коммерческим муляжом. Контркультура, некогда выражавшая протест против растворения повседневности и символизировавшая стремление к свободе и независимости, сегодня всё чаще воспринимается в качестве естественного элемента рыночной системы. Преобразование контркультурных ценностей из духовного поиска в товарный симулякр становится важным объектом социально-философского анализа. Этот процесс затрагивает ключевые аспекты потери подлинности, догматизации и внедрения сопротивления в структуру капиталистической культуры.

Культура как процесс смыслопорождения часто становится объектом воздействия и коммерциализации. Культура – это не просто совокупность объектов или символов, но динамический процесс, в котором смыслы формируются, изменяются и переписываются в зависимости от социального контекста. Это особенно актуально в случае контркультуры, символы которой, будучи вырванными из первоначального контекста, начинают проявляться в новых, часто противоположных по смыслу, системах.

Материалы и методы

В основе исследования лежит социально-философский анализ трансформации контркультурных ценностей в условиях цифрового и постмодернистского общества. Методологическую базу составляют концепции симуляции и символического обмена Жана Бодрийяра, теория мифа Ролана Барта, а также подход Дика Хебдиджа к анализу стиля как формы сопротивления в субкультурах. Используются труды Чарли Гира о цифровой контркультуре, Мартина Хаммерсли о природе культуры, Н.Д. и Е.В. Петраш о формировании идентичности, а также работы Е.Е. Елькиной и А.В. Сарапульцевой, посвящённые цифровой культуре и её социальным последствиям. Важную роль в анализе играет акцент А.С. Роговцевой, отмечающей, что «всё творчество представителей контркультур – в их протесте», что подчёркивает изначальную сопротивленческую природу этих движений. Учёт позиции Н.И. Петева, констатирующего, что в современных протестных движениях, таких как BLM, преобладает культ насилия как единственный инструмент «диалога», позволяет глубже понять трансформацию форм протеста – от духовного поиска и этического сопротивления к деструктивным, институционализированным проявлениям. Анализ опирается на историко-культурное рассмотрение движений 1960-х годов (хиппи, панк), их современных аналогов (неохиппи, экостиль) и цифровых форм самовыражения. Особое внимание уделяется роли молодёжи, в частности «поколения Z», в воспроизводстве и изменении контркультурных практик в цифровой среде. Исследование проводится с использованием анализа научной литературы и теоретического осмысления процессов коммерциализации, симуляции и социального контроля.

Результаты и обсуждение

Контркультура традиционно рассматривается как социокультурный феномен, направленный на переосмысление господствующих норм и ценностей. В 1960-х годах она стала выражением стремления к альтернативной реальности, в которой символы мира, любви и свободы противопоставлялись войне, потреблению и идеологии прогресса. Цветок и пацифик (☸ – знак, первоначально созданный для британского движения за ядерное разоружение), ставшие знаками эпохи, несли в себе не просто эстетическую, но и глубоко символическую нагрузку. «Смысл заключал в себе целую систему ценностей» [2, с. 26], и контркультура активно использовала этот механизм для перекодировки существующих знаков. Мартин Хаммерсли в своей работе «The Concept of Culture» задаётся вопросом: «Концептуализируется ли этот процесс как сознательно направляемый или как действующий вне осознания людей; и рассматривается ли он как полностью составляющий социальный мир или как протекающий наряду с другими формами структурирования, более «материального» характера?» [11, с. 48]. В любом случае, перекодировка означала попытку **подрыва господствующих в обществе норм, ценностей и структур (субверсии), а также** переосмысления и интеграции культурных практик в рыночную систему при одновременной потере своих сил. Примерами этого процесса являются движения **неохиппи и экостиль**. Коммерциализируясь, они оказывают всё меньшее влияние на разрушение существующих **в обществе порядков**. Вспомним, что хиппи, панки, экологические и прочие активисты изначально выступали в качестве носителей альтернативных ценностей, ставившие под сомнение основы капиталистического уклада. В своих первоначальных формах они ориентировались на личностное и коллективное освобождение, на духовный поиск, переосмысление тела, природы и общественных отношений.

Исследователи Н.Д. Петраш и Е.В. Петраш указывают: «Во многом мода «хиппи» возникла благодаря их противостоянию коммерции... такая одежда выделяла их на фоне остальных представителей общества» [7, с. 92]. Но уже тогда возникали предпосылки того, как символы контркультуры могут быть вырваны из контекста и внедрены в систему, которая сама их породила.

Капиталистическая система поглотила утопические идеи, превратив их в товарные знаки. Контркультурные символы, будучи переосмысленными, продолжают существовать, но уже в качестве пустых форм, наполненных новыми, часто коммерческими значениями. Контркультурные практики, включая духовные поиски, превращаются в инструменты укрепления системы.

Как отмечает Чарли Гир, «в начале 90-х годов появилось много явно преувеличенных сравнений CD-Rom, например, с «новым папирусом»» [1, с. 67]. Это указывает на то, что уже в тот период цифровые технологии воспринимались как культурный ресурс, способный трансформировать традиционные формы выражения и символизации. Гир подчёркивает: «Несмотря на гиперболическую силу метафор, индустрия CD-Rom не оправдала возложенных на неё ожиданий» [1, с. 67], что можно интерпретировать как метафору для контркультуры в целом: её потенциал часто завышается. Эти ожидания часто не оправдываются, поскольку коммерциализация подавляет субверсивный потенциал новых технологий. В то же время, «достижения в информационных технологиях сравнимы с изобретением книгопечатания, и потому со стороны издателей было бы просто глупо игнорировать этот факт» [1, с. 67], а представители моды, родившиеся примерно с 1997 по 2012 г. («по-

коление Z») некоторыми исследователями характеризуются как «цифровой человек» и «цифровой гражданин» [5, с. 216]. В цифровой культуре важно не просто восхищаться технологическими инновациями, но и критически осмысливать их культурные и социальные последствия. Особенно это касается контркультуры, которая может быть легко интегрирована в рыночные структуры под видом «инновационных» продуктов.

Жан Бодрийяр в своём труде «Символический обмен и смерть» описывает капитализм как систему, способную не просто потреблять, но и симулировать даже самые радикальные формы сопротивления. Он утверждает, что «глобальная власть – это власть симулякра» [10, с. 25]. Эта мысль раскрывает суть процесса, в котором контркультурные символы теряют своё первоначальное значение и превращаются в знаки, не имеющие в своей основе никакого конкретного объекта.

Процесс симуляции заключается в том, что система не просто использует контркультурные элементы, но и активно их воспроизводит в виде товара, стиля, бренда или рекламного слогана. Так, пацифик, изначально символ протеста против войны, стал частью массовой культуры, используемой в моде, дизайне и маркетинге. В этом случае знак становится частью культурного кода, который уже не вызывает сопротивления, а наоборот, поддерживает существующий порядок. В случае симуляции контркультуры её символы становятся не просто объектами коммерциализации, но и средствами поддержания статус-кво.

Изначально контркультура не просто выступала против войны или капитализма, но и предлагала альтернативную парадигму человеческого существования, отвергавшую традиционные представления о личности и прогрессе. Гай Стивенсон в своей работе «Антигуманизм в контркультуре» говорит о том, что антигуманистические тенденции в контркультуре проявлялись в стремлении к преодолению индивидуализма и рациональности, характерных для просветительского мышления. «Стивенсон определяет антигуманизм как “насильственную реакцию на кажущееся тщеславие, проявляющееся в вере в то, что люди в основе своей хороши”» [14, с. 446].

Антигуманизм контркультуры, выразившийся в отказе от традиционного понимания человека как рационального, автономного субъекта, стал одной из причин её поглощения капиталистической системой. Мартин Хаммерсли пишет: «Левые критики культуры, начиная с Вальтера Беньямина и Теодора Адорно, подвергали сомнению концепции рациональности эпохи Просвещения, рассматривая их как репрессивные проявления буржуазной и/или западной культуры. Тем не менее, эти концепции по-прежнему широко распространены» [11, с. 54]. Другими словами, контркультура была не просто протестом против войны или потребления, но и попыткой переосмысления самого понятия человеческой субъективности и самостоятельности. Эту особенность отмечает и Бодрийяр, говоря о том, что «симулируется поведение слаборазвитых (даже провозглашают марксистские тезисы) для того, чтобы, прикрываясь экологией, энергетическим кризисом и критикой капитала, добавить последний эзотерический венчик к торжеству экзотерической культуры» [3, с. 23].

Это описание идеально подходит к современным формам контркультуры, таким как экостиль или неохиппи, которые, претендуя на духовный поиск и экологическую ответственность, на самом деле становятся частью потребительского рынка. Например, экологическая тематика всё чаще используется в рекламе, где забота о природе становится не столько этическим принципом, сколько маркетинговым ходом.

Со временем контркультурные символы, изначально выражавшие протест и альтернативное видение мира, подвергаются симуляции, превращаясь в стилизованные элементы массовой культуры. В результате этот процесс приводит к их догматизации и утрате подлинности. Попадая в сферу рыночных отношений, такие символы теряют свою изначальную функцию и уже не могут нести смысл сопротивления или новой идеологии. Это явление Ролан Барт описывает как процесс, в котором «миф – язык, не желающий умирать, питаясь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь, искусственно отсрочивает их смерть и сам удобно вселяется в эту отсрочку, он превращает их в говорящие трупы» [2, с. 12].

Очевидно, что любая деконструкция рискует стать новой ортодоксией, если игнорирует собственную условность. Это особенно актуально для контркультуры, которая, борясь с догмами, может сама воспроизводить авторитарные структуры. Н.И. Петев, проанализировавший специфику современных протестных движений, приходит к выводу о том, что насилие в них является не побочным эффектом, а системной характеристикой, когда «доминирует культ насилия как единственный инструмент “диалога”» [6, с. 152]. Протест выражается в сносе памятников, погромах и поджогах, что является чистым симулякром сопротивления, поскольку не приводит ни к каким изменениям и не предполагает диалога. Форма побеждает содержание; бунт требует не перемен, а лишь внимания. И система это внимание предоставляет, лишь бы через зрелище сохранить над бунтом контроль.

Таким образом, контркультура не только перекодирует существующие символы, но и сама становится жертвой перекодировки. Её знаки, изначально несущие в себе потенциал сопротивления, становятся частью культурного мифа, в котором настоящие ценности заменяются их имитацией. Это подтверждается и работами Дика Хебдиджа, который отмечает, что стиль субкультуры – это результат диалектики действия и реакции, где «напряжения между доминирующими и подчинёнными группами находят отражение на поверхностях субкультуры – в стилях» [12, с. 13–14].

Современные формы контркультуры демонстрируют высокую степень симуляции. Это особенно актуально в контексте так называемой «зелёной» моды или эко-продуктов, которые часто не соответствуют заявленным экологическим стандартам, а экологичность становится частью глобального рынка и превращается в бренд. Изначально направленное на системные изменения, экологическое движение часто сводится к поверхностной «зелёной» рекламе, что подтверждает тезис о коммодификации протеста [13, с. 63], т.е. **превращения благ в товар с конкретной денежной стоимостью**. Неохиппи также воспроизводят символику и ритуалы оригинального движения 1960-х годов, но в формате потребительской культуры. Медитации, йога, натуральные продукты и духовные практики становятся частью «нового образа жизни», который продвигается через рекламу и социальные сети. Это приводит к тому, что духовный поиск превращается в форму самопрезентации, а не становится путём подлинного осознания. А.С. Роговцева отмечает: «... всё творчество представителей контркультур – в их протесте» [8, с. 126]. Именно протест является онтологической основой, первоисточником контркультуры, со временем превращающийся в стилистический жест. Без акта сопротивления невозможно само существование не только контркультурного искусства, но контркультурного мировоззрения. Это ключевой момент в рассматриваемой теме, когда контркультура ещё была подлин-

ным духовным поиском, выражавшимся через экзистенциальный бунт и искусство. Это отличает истинный протест 1960-х годов от его современной имитации.

Интересно, что контркультура черпала свои идеи не только из политической теории, но и из художественной практики, которая сама по себе была открыта к интерпретации и коммерциализации. Так, поэзия нередко становится важным источником вдохновения для контркультурных авторов, поскольку в ней выражается критика рационального мышления и стремление к новому восприятию действительности. В то же время, используемая контркультурой художественная практика оказалась уязвима перед коммерциализацией, что свидетельствует о её внутренних противоречиях, облегчившим её слияние с капиталистической системой. В итоге сопротивление становится частью системы, которую оно должно было оспаривать. Дик Хебдидж в работе «Субкультура: значение стиля» показывает, как визуальные коды контркультуры создают связную систему знаков, где каждый элемент становится выражением сопротивления: «Передача существенных различий (и параллельная передача групповой идентичности) является «точкой отсчета», стоящей за стилем всех зрелищных субкультур» [12, с. 102].

Таким образом, трансформация контркультурных ценностей в товарные симулякры – это не просто процесс их поглощения, но активная симуляция, при которой система нейтрализует угрозу, превращая её в элемент спектакля.

Сегодня всё большее влияние на жизнь общества приобретает цифровизация, развитие которой напрямую связано с изменением мышления человека. Чарли Гир отмечает: «Необходимость смены парадигмы восприятия компьютеров требовала культурных трансформаций в не меньшей степени, чем развития самих технологий» [1, с. 52]. Исходя из этого, **есть основания полагать, что** в цифровой среде контркультура сталкивается не только с коммерциализацией, но и с новыми формами социального контроля, которые угрожают её автономии и субверсивному потенциалу. Более того, в цифровой культуре даже духовный поиск и саморефлексия индивида начинают подчиняться алгоритмам, что ставит под сомнение их подлинность и независимость.

В своей статье «Цифровая культура: понятие, модели и практики» Е.Е. Елькина подчёркивает, что в XXI веке происходит «антропологическая революция как изменение природы человека и природы культурного потребления» [4, с. 198]. Это особенно важно в контексте цифровой культуры, где привычные формы духовного поиска и самовыражения всё чаще реализуются через цифровые платформы, что приводит к их преобразованию и, зачастую, коммерциализации.

В условиях цифровой культуры симуляция контркультурных практик становится не просто маркетинговым приёмом, а преобразуется в часть системного взаимодействия между технологией, экономикой и социальными практиками. Как отмечает А.В. Сарапульцева, «интеллектуальное цифровое производство, опирающееся на целевые ориентации и создание соответствующей потребительской стоимости, усиливает значимость непрерывного и постоянного взаимодействия между отраслями производства и социальной сферой» [9, с. 122].

Сарапульцева также обращает внимание на то, что в цифровой культуре «не все сферы культуры возможно дигитализировать, поэтому невозможно полностью идентифицировать культуру и цифровую культуру» [9, с. 124]. Это подтверждает мысль о том, что даже в цифровом формате контркультура сохраняет автономию, одновременно рискуя быть поглощённой системой, ис-

пользующей её символы для узаконения новых форм потребления и контроля. Важно отметить, что «в электронной среде меняются принципы и характер обоснования мышления и знания («машинное мышление»), результатом чего является технизация мышления, системы знания, социальной памяти... Цифровые технологии используются для социального контроля, сохранения культурного наследия, расширения познания, делают возможным широкий доступ к библиотечным и музейным фондам. Но могут использоваться не только во благо, но и во зло» [9, с. 125].

Заключение

Контркультура, начавшаяся как духовный поиск и попытка создания альтернативной парадигмы существования, в современных условиях превратилась в товарный симулякр. Процесс симуляции, описанный Жаном Бодрийяром, показывает, как система нейтрализует угрозу, превращая сопротивление в фикцию.

Несмотря на сохранение автономии в некоторых сферах, особенно в цифровой культуре, контркультурные практики всё чаще подвергаются коммерциализации и алгоритмизации. Способность контркультуры к сопротивлению оказывается подорванной. Она перестаёт быть силой, способной преобразовать общество, и становится частью потребительской логики, где каждая разновидность протеста может быть предсказана, упакована и продана.

В результате проведённого социально-философского анализа может сложиться мнение о том, что превращение контркультуры в симулякр неизбежно. Однако, некоторые контркультурные движения сохраняют независимость своего мировоззрения, оставаясь сферой этического противопоставления и настоящего духовного поиска. Эта особенность вносит важную диалектическую ноту в предложенный анализ. Она показывает, что превращение контркультуры в симулякр не является неизбежным итогом. Даже в условиях повсеместной коммерциализации продолжают существовать независимые островки живого и действующего мировоззрения. Это позволяет не скатываться в пессимистическое уныние, а признать, что духовный поиск может сохраняться, но лишь в условиях сознательного сопротивления упрощению и спекуляции.

Контркультура – это не только выражение идентичности или сопротивления, но и механизм, через который социальные отношения воспроизводятся и трансформируются. Она отражает противоречия современного общества и становится частью его динамики, в которой знаки сопротивления нередко теряют свой первоначальный смысл и приобретают новые, часто противоположные функции.

Литература

1. Гир Ч. Цифровая контркультура / Чарли Гир; пер. с англ. Д.В. Галкина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kontrkultura> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Барт Р. Мифология: [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина] / Ролан Барт. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с. – ISBN 5-8242-0048-3.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3Mckv4> (дата обращения: 18.04.2025).
4. Елькина Е.Е. Цифровая культура: понятие, модели и практики // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2018. – Вып. 2. – С. 195–203. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ojs.itmo.ru/index.php/ISESCTF/article/view/799> – DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203. – (дата обращения: 18.04.2025).
5. Панкратов С.А. Протестная активность современной молодёжи в контексте институционализации цифровой политики / С.А. Панкратов, С.И. Морозов, С.Д. Гаврилов // Вестник ВолГ У. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 214–221. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-aktivnost-sovremennoy-molodezhi-v-kontekste-institutsionalizatsii-tsifrovoy-politiki> – DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.18. – (дата обращения: 20.07.2025).
6. Петев Н.И. Специфика современных протестных движений: от социально-культурной деструкции до девальвации морали (на примере протестов организации BLM) // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. – 2023. – № 2. – С. 142–155. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sovremennyh-protestnyh-dvizheniy-ot-sotsialno-kulturnoy-destruktsii-do-devalvatsii-morali-na-primere-protstov-svobodnyy> – DOI: 10.25198/2077-7175-2023-2-142 – (дата обращения: 20.07.2025).
7. Петраш Н.Д. Оценка влияния символов и образов контркультуры на формирование индивидуальной идентичности / Н.Д. Петраш, Е.В. Петраш // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 7. – С. 91–97. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-simvolov-i-obrazov-kontrkultury-na-formirovanie-individualnoy-identichnosti> – DOI: 10.24158/fik.2024.7.11. – (дата обращения: 20.07.2025).
8. Роговцева А.С. Контркультурные движения на заре «долгих шестидесятых» в трансатлантическом контексте // Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2024. – № 2. – С. 116–133. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrkulturnye-dvizheniya-na-zare-dolgih-shestidesyatih-v-transatlanticheskom-kontekste-svobodnyy>. – DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133 – (дата обращения: 20.07.2025).
9. Сарапульцева А.В. Актуальные аспекты анализа феномена цифровой культуры // Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург, 2022. – № 121. – С. 12–15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3MciCo> – DOI: 10.22449/10.12345.123456. – (дата обращения: 08.06.2025).
10. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death / Jean Baudrillard. – London: SAGE Publications, 2017. – ISBN 978-1-4739-9840-7; 978-1-4739-9841-4; 978-1-4739-9842-1; 978-1-5264-0149-6; 978-1-4739-0758-4; 978-1-4739-0759-1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3NDzGp> (дата обращения: 18.04.2025).
11. Hammersley M. Troublesome Sociological Concepts: An Analysis of Critical Ideas / Martin Hammersley. – Cham, Switzerland: Springer, 2020. – 247 p. – ISBN 978-3-030-51643-7; ISBN 978-3-030-51644-4 (eBook) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/113036240/Troubling_

Sociological_Concepts?email_work_card=view-paper – DOI: 10.1007/978-3-030-51644-4 – (дата обращения: 15.07.2025).

12. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style* / D. Hebdige. – London: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 195 с. – ISBN 0-415-03949-5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3McXlr> – (дата обращения: 15.05.2025).
13. Klein N. *This Changes Everything: Capitalism vs. The Climate* / Naomi Klein. – New York: Simon & Schuster, 2014. – 576 с. – ISBN 978-1-4516-9738-4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3NDzXY> (дата обращения: 19.05.2025).
14. Wayne E.A. Stevenson, G. (2020). *Anti-Humanism in the Counterculture*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 223 p. // *Litera*. – 2021. – V. 31, № 1. – P. 445–451. – ISBN 978-3-030-47760-8; 978-3-030-47759-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3NEEpj> – DOI: 10.26650/LITERA2020-869273. – (дата обращения: 20.06.2025).

FROM SPIRITUAL SEARCH TO COMMODITY SIMULACRUM: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE TRANSFORMATION OF COUNTERCULTURAL VALUES

Glebov A.P.

V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations

The article is devoted to the analysis of changes in countercultural values in modern society. The article considers the process of commercialization of counterculture, in which radical and spiritual signs of resistance, which initially expressed protest and alternative values, lose their authenticity and, becoming part of the market system, turn into market simulacra – superficial cultural forms that have lost their original meaning. The article examines the historical roots of the counterculture of the 1960s – the hippie and punk movements, as well as their modern counterparts: neo-hippie, eco-style, digital counterculture and the practices of Generation Z. It shows how the ideals of freedom, anti-materialism and collective rebellion against the system are reduced to fashion trends sold through brands, social networks and the media. Special attention is paid to the digital environment, where countercultural practices are subject to new forms of monetization and social control. Electronic platforms are becoming spaces for demonstrating “rebellious” identity, which is instantly recognized by algorithms and integrated into consumer logic. Using the concepts of Jean Baudrillard, Roland Barthes and Dick Hebdige, it is shown how the system of commercialization and simulation undermines prevailing social norms, values and structures. The analysis is complemented by a dialectical note: despite widespread commercialization, some movements retain the autonomy of their worldview, remaining spheres of ethical confrontation and genuine spiritual search. This indicates that the transformation of the counterculture into a simulacrum is not inevitable. The existence of “islands” of living resistance avoids pessimism and asserts the possibility of genuine search, provided that simplification and speculation are consciously opposed.

Keywords: counterculture, simulacrum, commercialization, spiritual search, subversion, digital culture, cultural practices, resistance

Referents

1. Gere H. *Digital counterculture* / Charlie Gere; translated from English by D.V. Galkin. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kontrkultura> (date of reference: 07/20/2025).
2. Barth R. *Mythology*: [translated from French, introductory article and commentary by S.N. Zenkin] / Roland Barth. – Moscow: Publishing House named after Sabashnikov, 1996. – 312 p. – ISBN 5-8242-0048-3.
3. Baudrillard J. *Simulacra and simulations* / Jean Baudrillard; [translated from French by A. Kachalov]. Moscow: POSTUM

Publishing House, 2015. 240 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3Mckv4> (date of request: 04/18/2025).

4. Yelkina E.E. *Digital culture: concept, models and practices* // *Information society: education, science, culture and technologies of the future*. – 2018. – Issue 2. – pp. 195–203. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://ojs.itmo.ru/index.php/ISESCTF/article/view/799> – DOI: 10.17586/2587-8557-2018-2-195-203. – (accessed: 04/18/2025).
5. Pankratov S.A. *Protest activity of modern youth in the context of the institutionalization of digital policy* / S.A. Pankratov, S.I. Morozov, S.D. Gavrilov // *Bulletin of the Volga State University. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations*. – 2022. – Vol. 27, No. 1. – pp. 214–221. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnaya-aktivnost-sovremennoy-molodezhi-v-kontekste-institutsionalizatsii-tsifrovoy-politiki> – DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.1.18. – (accessed: 07/20/2025).
6. Petev N.I. *The specifics of modern protest movements: from socio-cultural destruction to the devaluation of morality (using the example of the BLM protests)* // *Intellect. Innovation. Investments* / Intellect. Innovations. Investments. – 2023. – No. 2. – pp. 142–155. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-sovremennyh-protestnyh-dvizheniy-ot-sotsialno-kulturnoy-destruktsii-do-devalvatsii-morali-na-primere-protestov>, free – DOI: 10.25198/2077-7175-2023-2-142 – (accessed: 07/20/2025).
7. Petrash N.D. *Assessment of the influence of symbols and images of counterculture on the formation of individual identity* / N.D. Petrash, E.V. Petrash // *Society: philosophy, history, culture*. – 2024. – No. 7. – pp. 91–97. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vliyaniya-simvolov-i-obrazov-kontrkultury-na-formirovanie-individualnoy-identichnosti> – DOI: 10.24158/fik.2024.7.11. – (accessed: 07/20/2025).
8. Rogovtseva A.S. *Countercultural movements at the dawn of the “long sixties” in the transatlantic context* // *Socio-political processes in the past and present. The series “Political Science. History. International relations”*. – 2024. – No. 2. – pp. 116–133. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontrkulturnye-dvizheniya-na-zare-dolgiy-shestidesyatih-v-transatlanticheskom-kontekste>, free. – DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-116-133 – (accessed: 07/20/2025).
9. Sarapultseva A.V. *Actual aspects of the analysis of the phenomenon of digital culture* // *Ural State University of Economics. Yekaterinburg*, 2022, No. 121, pp. 12–15. [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3MciCo> – DOI: 10.22449/10.12345.123456. – (accessed: 06/08/2025).
10. Baudrillard J. *Symbolic Exchange and Death* / Jean Baudrillard. – London: SAGE Publications, 2017. – ISBN 978-1-4739-9840-7; 978-1-4739-9841-4; 978-1-4739-9842-1; 978-1-5264-0149-6; 978-1-4739-0758-4; 978-1-4739-0759-1. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3NDzGp> (date of request: 04/18/2025).
11. Hammersley M. *Troublesome Sociological Concepts: An Analysis of Critical Ideas* / Martin Hammersley. – Cham, Switzerland: Springer, 2020. – 247 p. – ISBN 978-3-030-51643-7; ISBN 978-3-030-51644-4 (eBook) – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.academia.edu/113036240/Troubling_Sociological_Concepts?email_work_card=view-paper – DOI: 10.1007/978-3-030-51644-4 – (accessed: 07/15/2025).
12. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Style* / D. Hebdige. – London: Taylor & Francis e-Library, 2002. – 195 p. – ISBN 0-415-03949-5. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3McXlr> – (date of access: 05/15/2025).
13. Klein N. *This Changes Everything: Capitalism vs. The Climate* / Naomi Klein. – New York: Simon & Schuster, 2014. – 576 p. – ISBN 978-1-4516-9738-4. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3NDzXY> (date of request: 05/19/2025).
14. Wayne E.A. Stevenson, G. (2020). *Anti-Humanism in the Counterculture*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 223 p. // *Litera*. – 2021. – V. 31, No. 1. – P. 445–451. – ISBN 978-3-030-47760-8; 978-3-030-47759-2. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://clck.ru/3NEEpj> – DOI: 10.26650/LITERA2020-869273. – (accessed: 06/20/2025).

Современное откровение особенностей древнекитайской цивилизации

Ду Гоин,

вице-профессор, Институт иностранных языков, Харбинский политехнический университет

Ли Сикан,

аспирант, Институт иностранных языков, Харбинский политехнический университет

Древняя китайская цивилизация обладает глубокими идеями и мудростью, и в наше время она по-прежнему имеет важное откровение. Её экологическая концепция единства неба и человека подчёркивает гармоничный симбиоз между человеком и природой, который служит источником идей для современного общества по преодолению экологических кризисов и содействию устойчивому развитию, а также побуждает людей пересмотреть модель развития и уважать законы природы. Народная мудрость управления, заключающаяся в том, что народ является основой государства, придаёт большое значение ключевой роли народа, вдохновляет на строительство современной демократической политики и инновации в социальном управлении, а также призывает к ориентации на народ и к защите его прав и интересов. В то же время стремление к гармонии и различным ценностям демонстрирует толерантность к мультикультурализму, соответствует потребностям цивилизованных обменов и взаимного обучения в эпоху глобализации, поощряет уважение различий между цивилизациями и способствует процветанию мировой культуры. Кроме того, дух прагматичных инноваций древних цивилизаций, таких как технологические инновации и институциональная оптимизация, вдохновил современное общество смело преодолевать стереотипы и постоянно исследовать и внедрять инновации в науке, технике, культуре и других областях. Углубленное изучение особенностей древнекитайской цивилизации может дать ссылку на решение многих проблем в развитии современного общества, помочь построить более гармоничное, инклюзивное и инновационное современное общество и способствовать непрерывному прогрессу человеческой цивилизации.

Ключевые слова: древняя китайская цивилизация; единство Неба и человека; гармония и различия; современное откровение; устойчивое развитие; управление обществом.

После пяти тысяч лет непрерывного существования китайская цивилизация, как бесконечная река, не только оседает тяжелый фон аграрной цивилизации, но и поднимает яркие волны идеологических столкновений. От древней мудрости, выгравированной на костях оракула, до инновационной мощи четырёх великих изобретений, она переписывает мировую историю; от космологического наблюдения «единства Неба и человека» до этической практики «самосовершенствование и упорядочение семьи», древняя китайская цивилизация с её уникальными философскими размышлениями, институциональными инновациями и художественной эстетикой создала уникальную систему ценностей в истории человеческой цивилизации. Эти черты не только сформировали духовный облик китайской нации, но и продемонстрировали сильную жизненную силу, унаследованную за тысячи лет.

В то время, когда волна глобализации и модернизации захлестывает мир, технический прогресс приводит к материальному процветанию, что вызвало множество дилемм, таких как экологический кризис, психическая тревога и столкновение цивилизаций. Перед лицом этих вызовов мудрость управления, экологические концепции и гуманистический дух, заложенные в древней китайской цивилизации, подобны коду, пересекающему время и пространство, предлагая современному обществу уникальные идеи для решения проблем. Например, идея управления страной по принципу «Народ есть основа государства» совпадает с ориентацией современного управления на обеспечение средств к существованию людей. Инклюзивная философия «гармонии и разногласий» указывает путь к мультикультурному сосуществованию, а экологическая философия «учение о природе Дао» перекликается с предложением времени для строительства экологической цивилизации. Эти резонансы, охватывающие время и пространство, не только демонстрируют универсальную ценность традиционной цивилизации, но и раскрывают глубинную логику цивилизационного наследия и инноваций.

Цель этой статьи направлена на то, чтобы переосмыслить современное значение особенностей древней китайской цивилизации, исследовать пути диалога между традиционной мудростью и современными ценностями и показать, как китайская цивилизация может возродиться в новую эпоху и внести вклад восточной мудрости в глобальное управление и развитие человеческой цивилизации, исходя из актуальных потребностей современного общества.

Сближение мудрости традиционного управления с современным социальным управлением

В процессе развития человеческого общества мудрость традиционного управления подобна древнему сокровищу. Углубленное изучение взаимосвязи между мудростью традиционного управления и современным социальным управлением не только поможет лучше понять историческое развитие управления обществом, но и дать новые идеи и методы для решения многих проблем, с которыми сталкивается современное социальное управление.

Конфуцианство, как важная часть традиционной мудрости управления Китая, оказало глубокое влияние

на развитие китайского общества. После того, как династия Хань «отклонила все философские школы, установила конфуцианство», конфуцианство постепенно стало ортодоксальной идеей феодального общества, играя ведущую роль в политике, образовании, культуре и других областях. Его концепция управления пронизывает все аспекты официального отбора должностных лиц и социального просвещения, заложив идеологическую основу для обеспечения долгосрочного мира и стабильности феодальной династии. А философия школы «фа» подчёркивает необходимость регулирования общественного порядка посредством чётких правовых положений и строгой системы вознаграждения и наказания, а также повышения эффективности государственного управления. И «Бездействие даосизма» – это не пассивное бездействие, а акцент на следовании законам природы и не чрезмерное вмешательство в жизнь общества и людей. Сочетание конфуцианской идеи «управление на основе моральных принципов», «ориентированности на народ» со строительством сервисного правительства в современном социальном управлении подчёркивает, что государственные служащие должны сформировать идеи о политической деятельности и ценности, руководствоваться интересами народных масс в качестве отправной точки и точки опоры, а также повысить осведомлённость об обслуживании и его уровень. Например, забота о простых людях осуществляется в рамках политики «возрождения сельских районов» и «общего обогащения». В то же время, опираясь на даосскую идею «управление без принудительного вмешательства», сокращается ненужное административное вмешательство в сферу рыночной экономики, в полной мере развёртывается решающая роль рынка в распределении ресурсов и стимулируется жизнеспособность рынка. Однако, когда речь заходит об общественной безопасности, охране окружающей среды и в других областях правительство должно активно выполнять свои надзорные обязанности, чтобы добиться того, что сделано, а что нет. Законническая концепция школы Фацзя соответствует современной концепции построения общества, основанного на верховенстве закона. Правовая и регулирующая система должна быть и далее усовершенствована, должно быть обеспечено строгое соблюдение законов, авторитет и беспристрастность закона, а также справедливое отношение к людям, и создана справедливая социальная среда.

«Ритуальное правление» в традиционной мудрости управления в Китае подчёркивает контроль за поведением людей посредством этических норм и общественного мнения, что перекликается с построением системы социального кредита в современном социальном управлении. Можно сочетать традиционные этические нормы с современными информационными технологиями, создать и усовершенствовать механизмы оценки социального кредита, вознаградить доверчивых, наказать недобросовестных и направить членов общества к сознательному соблюдению социальных норм. Кроме того, в традиционном управлении особое внимание уделяется роли семьи и поселковых мудрецов (сянсянь) в местном управлении. И из этого опыта современное общество может извлечь уроки, в полной мере использовать роль различных субъектов в управлении на низовом уровне, таких как общественные организации, общественные волонтеры и поселковые мудрецы, и создать модель социального управления, основанную на сотрудничестве, совместное управление и обмен информацией[1]. Отличные ценностные установки традиционной культуры, такие как честность, дружелюбие и гармония, являются важной духовной опорой социального управления. По-

средством проведения разнообразных культурных мероприятий укрепляется традиционное культурное образование, интегрируются эти ценности в повседневную жизнь членов общества, повышается их нравственная и культурная самобытность и укрепляется социальная сплоченность [2]. Например, в коммуне проводятся лекции по традиционной культуре и фольклорные мероприятия, чтобы создать благоприятную культурную атмосферу, способствовать гармонии в отношениях с соседями и заложить хорошую культурную основу для социального управления.

Современное конструирование культурных генов и национальной идентичности

Под воздействием волны глобализации и модернизации культурные гены, как основной код национальной культуры, оказывает глубокое влияние на формирование и развитие национальной идентичности. Культурные гены несут в себе историческую память, ценности, образ мышления и нормы поведения нации и являются той духовной связью, которая поддерживает национальное сообщество. Как реализовать наследственность и инновационность культурных генов и способствовать современному формированию национальной идентичности в контексте современного общества, стало важным вопросом, связанным с национальной сплоченностью и национальным развитием.

Культурные гены относятся к культурным элементам, которые передаются из поколения в поколение, обладают стабильностью и уникальностью в определенной национальной культуре. Они подобны биологическим генам, способные передавать будущим поколениям основные характеристики национальной культуры и продолжать эволюционировать в разные эпохи и в разных средах. Культурные гены пронизывают все уровни национальной культуры: языки и письменность, традиционные обычаи, религиозные верования и формы искусства. Например, китайские иероглифы, как важный культурный ген китайской нации, являются не только средством коммуникации, но и отражают уникальный образ мышления и эстетические концепции китайской нации. После тысячелетней эволюции они всегда были важным связующим звеном для поддержания национальной идентичности. Культурные гены обладают двойственными характеристиками – стабильностью и изменчивостью. Их стабильность отражается в прочном наследовании основных ценностей и культурных традиций, таких как Жэнь(человеколюбие), И (долг) Ли (ритуал), Чжи(знание), Синь(честность), пропагандируемых конфуцианством. После более чем двух тысяч лет это по-прежнему оказывает глубокое влияние на моральные ценности и правила поведения китайского народа[3]. С другой стороны, изменчивость проявляется в том, что культурные гены постоянно обогащаются и корректируются с течением времени, социальными изменениями и культурными обменами, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни и социальным потребностям. Например, традиционные обычаи праздника Весны в современном обществе нашли отражение в новых формах, таких как электронные красные конверты и онлайн-поздравления с Новым годом, что не только сохраняет культурное ядро воссоединения и празднования, но и демонстрирует характеристики времени.

А процесс глобализации ускорил обмен и столкновение между различными культурами, а приток мультикультурных идей подверг национальные культуры риску размывания и разрушения. Обладая мощной коммуни-

кационной силой и влиянием, западная культура широко распространилась по всему миру, оказав влияние на местную культуру. И молодые люди более восприимчивы к иностранным культурам, таким как голливудские фильмы, японская и корейская популярная культура и т.д., что в определённой степени ослабляет их чувство идентичности и принадлежности к собственной национальной культуре. По мере продвижения модернизации социальная структура и образ жизни претерпели огромные изменения. Трансформация традиционного сельскохозяйственного общества в индустриальное и информационное привела к постепенному исчезновению многих традиционных обычаев и образа жизни, несущих в себе культурные гены. Некоторые традиционные ремесла утрачиваются из-за воздействия промышленного производства, а традиционные фестивали в сельской местности постепенно сокращаются из-за перемещения населения и процесса урбанизации, что вызывает проблемы для формирования национальной идентичности, основанной на традиционной культуре. Развитие Интернета и цифровых технологий изменило способы передачи и восприятия культуры. Взрывной рост информации и её фрагментарное распространение затрудняют глубокое понимание традиционной культуры и её наследование. В то же время столкновение плюралистических ценностей и распространение ложной информации в киберпространстве могут легко привести к путанице в ценностях членов общества.

Необходимо глубоко осмыслить гены традиционной культуры и передать их с помощью различных методов, таких как школьное образование и культурные мероприятия. В школах необходимо включить курсы традиционной культуры в систему образования, усилить обучение каллиграфии, поэзии, традиционным навыкам и т.д., а также привить молодёжи осведомлённость и любовь к национальной культуре. Одновременно поощряется инновационная трансформация традиционной культуры, например, музей Гугун интегрировал элементы традиционной культуры в предметы быта с помощью современного дизайна, чтобы традиционная культура вошла в общественную жизнь в новой форме и стимулировала чувство идентичности и гордости за национальную культуру.

Культурные символы являются внешними выражениями культурных генов, и создание системы культурных символов с учётом характеристики времени помогает укрепить национальную идентичность. Нужно создать культурную эмблему с широким влиянием, такую как проведение крупных международных мероприятий, таких как Олимпийские игры и ЭКСПО, чтобы продемонстрировать имидж страны и национальные культурные особенности; использовать современные медиа – технологии для создания высококачественных культурных фильмов и телевизионных произведений с целью распространения национального культурного духа. Кроме того, в полной мере распространить функции городских достопримечательностей, культурных объектов и других материальных и культурных символов для создания сильной национальной культурной атмосферы.

В условиях глобализации необходимо активно проводить культурные обмены и диалоги с зарубежными странами, подчёркивая национальные культурные особенности, укрепляя национальную культурную уверенность в себе. С помощью платформ международного сотрудничества, такую как «Один пояс и один путь», продвигать культуру во всём мире, распространяя китайскую культуру и ценности, и с открытым и инклюзивным отношением к восприятию выдающихся зарубежных культур-

ных достижений, обогащать и развивать национальную культуру.

Современное просвещение в области экологической мудрости и научно-технической этики

В контексте эпохи, когда искусственный интеллект глубоко укоренился в производстве и жизни, а изменение климата угрожает глобальной безопасности, интеграция традиционной экологической мудрости и этики науки и техники стала ключевым путём решения дилеммы развития. Это предложение требует не только возврата к конфуцианской мудрости восточной философии, такой как «единства неба и человека» и «учение о природе Дао», но и изучения путей непрерывного развития в культурном генетическом наследии и инновациях в области социального управления в сочетании с современными научно – техническими и этическими дилеммами.

Система «человеколюбия и любви ко всему сущему», построенная конфуцианством, распространяет моральную заботу человеческого общества на всё сущее в природе. Экологическая концепция единства неба и человека, зафиксированная в «Ли цзи» (Книга обрядов) обеспечивает защиту биологических ресурсов посредством церемониальных ограничений. Эта модель управления «соединения Дао и Фа» служит историческим отражением современного экологического законодательства. Даосская экологическая концепция «удерживаться в простоте и сохранять натуральность» подчёркивает «уменьшение эгоизма и сокращение желания» к природе, что перекликается с современной концепцией «низкоуглеродистой жизни». Например, четырёхэлементная изоморфная экосистема «лес-деревня-террасы-водная система» Хани в провинции Юньнань реализует рециркуляцию ресурсов с помощью традиционных общинных правил, демонстрируя практическую значимость экологической мудрости. Идея школы Фацзя «соответствие знаний действительности» воплощена в чётком определении ответственности в современном экологическом управлении. Сезонный запрет на посещение гор, лесов и рек в «Законодательство Цин» создал самую раннюю правовую систему охраны природных ресурсов. Подобная логика управления, направленная на «полномочия должны соответствовать воле народа», служит историческим ориентиром для современной системы пожизненного привлечения к ответственности за экологический ущерб. Этическая цепочка конфуцианства «самосовершенствование, управление семейством и государством и установление мира на земле», которая связывает индивидуальное моральное совершенствование с защитой окружающей среды, соответствует воспитанию чувства экологической ответственности у современных граждан.

Опираясь на представления о «балансе инь и ян» в традиционной культуре, создаётся динамичный механизм регулирования технологического развития и защиты окружающей среды. Внедряются «экологические алгоритмы» в исследования и разработки в области искусственного интеллекта, чтобы снизить экологические издержки эксплуатации технологий с помощью моделей оптимизации энергопотребления; создаётся «этический брендмауэр» в области редактирования генов, чтобы законы природы были основой для применения технологий. Эта модель интеграции требует, чтобы правительство, предприятия и научно-исследовательские институты создали многостороннюю сеть совместного управления, подобную традиционной системе совместного управления «деревенские мудрецы-клан-правительство».

Преобразуются понятия «бережливости и симбиоза» в традиционной культуре в этические нормы современной науки и техники. Например, традиционная мудрость «извлекать максимум пользы из вещей» интегрирована в законодательство о циклической экономике для содействия управлению жизненным циклом продукции; благодаря инновационным формам, таким как «цифровые нематериальные культурные наследия», традиционные методы защиты окружающей среды сочетаются с современной наукой и технологиями, чтобы унаследовать культурные гены и реализовать преобразование экологических ценностей. Этот процесс трансформации требует активного участия системы образования и включения экологической этике в систему учебных программ СТЕМ.

Обращаясь к «комбинированному управлению ритуалами и законами» в традиционном управлении, создаётся система управления этикой науки и техники, которая сочетает в себе «жёсткий закон + мягкий закон». Совершенствуя законы и нормативные акты, такие как «Закон о защите данных» и «Закон о биобезопасности», поощряются отраслевые ассоциации к разработке конвенций по технической этике. Создаётся система этической прослеживаемости науки и техники с помощью технологии блокчейн, осуществляется прозрачный надзор за процессом исследований и разработок и формируется доброкачественный цикл «технологии управления техникой», что соответствует превентивному мышлению «прекращение споров посредством разумного доказательства» в традиционном управлении.

В эпоху, когда построение экологической цивилизации идёт параллельно с научно-технической революцией, интеграция традиционной экологической мудрости и научно-технической этики является не только творческим преобразованием исторического опыта, но и неизбежным выбором для построения сообщества человеческих судеб. Такого рода интеграция должна преодолеть барьеры между дисциплинами, активизировать мудрость управления культурным наследием, придерживаться этических принципов в технологических инновациях и, в конечном счёте, обеспечить гармоничный симбиоз между человеком и природой, наукой, техникой и цивилизацией [4].

Ответ на проблему ресурсов духовной цивилизации и современности

Под воздействием волны современности человеческое общество пережило высокую степень процветания материальной цивилизации, но оно также сталкивается с такими проблемами, как пустота духовного мира, хаосом ценностей, отчуждением человеческих отношений и т.д. Ресурсы традиционной духовной цивилизации содержат богатые гуманистические идеи, моральные правила и ценности, которые служат важным источником мысли и практическим путём для решения проблем современности. Глубокое изучение и использование ресурсов духовной цивилизации стало ключом к восстановлению духовной родины человечества и достижению здорового развития общества.

Технический прогресс и материальное изобилие, принесённые современностью, и с повышением удобства жизни вызвали ряд духовных кризисов. Процветает потребительство, люди чрезмерно стремятся к материальному наслаждению и просто отождествляют счастье с накоплением материальных богатств, что приводит ко все более пустому духовному миру; распространение утилитаризма привело к тому, что человеческие отношения стали более утилитарными, а эмоциональные связи

были заменены расчетами на выгоду. Чрезмерное развитие индивидуализма привело к усилению отчуждения между членами общества и постепенному отсутствию общественного духа. Кроме того, быстрый темп жизни и жёсткая социальная конкуренция приводят к тому, что люди впадают в негативные эмоции, такие как тревога и депрессия, и проблемы с психическим здоровьем становятся все более заметными. Эти проблемы современности серьёзно сказываются на качестве человеческой жизни, гармонии и стабильности общества.

В традиционной духовной культуре содержится много мудрых идей для решения проблем современности. Концепция конфуцианства «самосовершенствование, управление семейством, ригирование государства и установление мира на земле» подчёркивает важность нравственного совершенствования личности и выступает за осознание ценности жизни посредством самоограничения и самосовершенствования. В современном обществе такое мышление помогает людям избавиться от материальных соблазнов, обратить внимание на обогащение внутреннего мира и совершенствование духовной сферы, а также сформировать правильный взгляд на жизнь и ценности[5]. Даосская концепция «Достаточно счастье от удовлетворённости» и «Свобода и непринужденность» может помочь людям облегчить жизненный стресс, спокойно относиться к конкуренции и вызовам и обрести внутренний покой в быстро меняющейся жизни. А буддийская доктрина «милосердие и сострадание ко всем» и «спасение всех живых существ» помогает развивать в людях эмпатию и альтруизм, содействовать гармонии межличностных отношений и укрепляет социальную сплочённость.

Интеграция ресурсов духовной цивилизации в строительство современного общества является важной мерой для решения проблем современности. В области образования следует укреплять традиционное культурное образование, включать классические достижения духовной культуры в систему учебных программ и использовать различные формы, такие как учебная работа на уроках и практические занятия, чтобы учащиеся могли глубже понять и постигнуть очарование традиционной культуры, развить их моральные качества и повысить гуманистическую грамотность. На социальном уровне посредством общественного культурного строительства, пропаганды средств массовой информации и т.д. можно создать благоприятную культурную атмосферу, направить общественное внимание на духовную жизнь, активно участвовать в волонтерских службах, мероприятиях по обеспечению общественного благосостояния и т.д., а также повысить социальную ответственность и осведомлённость общественности. В то же время, культурной индустрии также необходимо в полной мере использовать свои преимущества, ресурсы традиционной духовной цивилизации, и создать больше выдающихся произведений культуры, например, фильмов, сериалов, литературных произведений и т.д., для удовлетворения разнообразных духовных и культурных потребностей, и передать позитивные ценности как-то незаметно.

Заключение

Характерные черты древней китайской цивилизации не являются статичным историческим наследием, а содержат динамичную мудрость для решения современных проблем. От логики управления к экологической этике, от культурной идентичности к цивилизованному диалогу – творческая трансформация традиций и современности требует не только освоения основных ценностей, заложенных в генах цивилизации, но и инновационной

интерпретации в соответствии с требованиями времени. Этот процесс – не только дань истории, но и неизбежный выбор, позволяющий обеспечить плюралистический путь развития человеческой цивилизации.

Литература

1. Ли Сяолинь.Отзывы сельских мудрецов: новая парадигма продвижения строительства современных сельских колледжей с точки зрения возрождения сельских районов [J].Современная сельская наука и техника, 2025, (07): 123–124.
2. Ли Хуайинь. Построение сообщества сельских мудрецов, деревенское управление и традиционная китайская деревенская община [J].Наблюдение за сельскими районами Китая, 2025, (03): 67–84.
3. Ли Процветание, Янь Цзиньхун.Гены выдающейся традиционной культуры Китая отразились в представлениях Си Цзиньпина об экологической цивилизации, начиная с экологической этики "единства неба и человека».Экономика земельных и ресурсных ресурсов Китая
4. Лу Бо, Фан Шинан.Творческая трансформация и инновационное развитие экологической цивилизации Си Цзиньпина на основе традиционной экологической культуре Китая [J].Учебный форум, 2023 (6):21–30.
5. Ван Синьюй. Исследование системы содействия построению сельской духовной цивилизации с основными социалистическими ценностями [J].Руководство по разумному ведению сельского хозяйства,2025,5(12):89–92.

THE MODERN ENLIGHTENMENT FROM THE CHARACTERISTICS OF ANCIENT CHINESE CIVILIZATION

Du Guoying, Li Xikang
Harbin Institute of Technology

Ancient Chinese civilization embodies profound characteristics and wisdom, which still hold significant enlightenment for the contemporary era. Its ecological concept of "harmony between humanity and nature" emphasizes the harmonious coexistence of humans

and nature, providing an ideological source for modern society to address ecological crises and promote sustainable development, prompting people to re-examine development models and respect the laws of nature. The governance wisdom of "people being the foundation of the state" values the core position of the people in national governance, offering insights for the construction of modern democratic politics and innovation in social governance, advocating a people-centered approach and safeguarding people's rights and interests. Meanwhile, the value pursuit of "harmony without uniformity" demonstrates inclusiveness towards diverse cultures, which aligns with the needs of cultural exchanges and mutual learning in the era of globalization, encouraging respect for differences among civilizations and promoting the prosperity of world cultures. In addition, the spirit of pragmatic innovation in ancient civilization, such as technological innovation and institutional optimization, inspires modern society to bravely break through stereotypes and continuously explore and innovate in fields such as science, technology, and culture. In-depth exploration of the characteristics of ancient Chinese civilization can provide references for solving many problems in the development of modern society, 助力 the construction of a more harmonious, inclusive, and innovative modern society, and promote the continuous progress of human civilization.

Keywords: Ancient Chinese civilization; harmony between humanity and nature; people being the foundation of the state; harmony without uniformity; modern enlightenment; sustainable development; social governance.

References

1. Li Xiaoling Feedback from local elites and celebrities: a new paradigm for promoting the construction of modern rural academies from the perspective of rural revitalization [J]. Modern Rural Science and Technology, 2025, (07): 123–124.
2. Li Huayin Rural elites, village governance, and the construction of traditional Chinese village communities [J]. China Rural Observation, 2025, (03):67–84.
3. Li Fanrong, Yan Jinhong.The genes of China's outstanding traditional culture in Xi Jinping's thought of ecological civilization-starting from the ecological ethics of "the unity of Heaven and Man" [J/OL].China's Land and Resources Economy.
4. Lu Bo, Fang Shinan.The creative transformation and innovative development of Xi Jinping's ecological civilization thought on China's outstanding traditional ecological culture [J].Learning Forum, 2023 (6):21–30.
5. Wang Xinyu.Exploring the system of promoting the construction of rural spiritual civilization with socialist core values [J]. Guide to Smart Agriculture,2025,5(12):89–92.

Элементы византизма в культовой традиции храмоздательства города Саранска: социально-философский аспект

Елдин Михаил Александрович,

доктор философских наук, профессор кафедры философии
Национального исследовательского университета
им. Н.П. Огарева «МГУ им. Н.П. Огарёва»
E-mail: eldin1974@yandex.ru,

Кидямкин Алексей Анатольевич,

аспирант кафедры философии Национального
исследовательского университета им. Н.П. Огарева «МГУ
им. Н.П. Огарёва»
E-mail: alexey.kidyamkin@gmail.com

В статье исследуются вопросы социально-философского контекста развития культово-региональных традиций саранского пространства региональной культуры. На примере города Саранска рассматриваются важные аспекты бытия городской моральной среды и ее эволюции. Указываются тенденции влияния фактора византийского наследия как парадигмы общественного сознания.

Важной целью современных исследовательских задач социально-философского дискурса, как показано в данной статье, реализуется духовная парадигма российской традиции в деле успешного решения глобальных проблем современного социума важно осуществление анализа традиций храмоздательства в ценностном аспекте социальной философии. Взаимодействие традиций храмоздательства в современном контексте весьма важно и в условиях возрастания духовно-нравственных потребностей является продуктивным, если процесс решения совместных задач сотрудничества религиозных организаций и современного российского социума будет основан на системе духовных ценностей и традиций.

В результате отмечается, что социально-философский анализ ценности социокультурного наследия россиян в духовном контексте, в региональном измерении, играют важную роль при конструировании социальной реальности взаимосвязанными уровнями системы ценностей российского общества.

Ключевые слова: социум, философия, пространство; город; символизм; Саранск; региональная идентичность; традиция, византизм, динамика; Мордовия.

Введение

Модернизация почти всегда бывает нежеланной для этнокультурных пространств и регионов, так как вызывает сильный стресс у населения, который потом отражается на материальном положении, отражается на упадке материального производства, экономическом кризисе. В духовной сфере результаты модернизации не всегда однозначны. Результаты модернизации не всегда приносят благоприятное разрешение социальных, духовных и культурных проблем, но с необратимостью привносит изменение сознания. С указанными особенностями неоднократно сталкивались многие города и регионы России.

Следует отметить, что вопросам исследования социальной потребности в социальной городской среде уделялось значительное внимание в классических работах А.Ф. Вебера «Рост городов в XIX столетии» [4]. Проблема урбанистических проблем в современной зарубежной науке связано с именами представителей новейшей философии и [15] с социологами Ж. Бодриаром, Л. Виртом, Р. Парком и Э. Бёрджессом [2].

В основе данного исследования были использованы: принципы историзма, объективности, системности.

Основную теоретико-методологическую базу работы составили подходы, разработанные в трудах этнологов и антропологов, культурологов: соотношение религии и этноса, факторы формирования социокультурной идентичности и роль в этом среды, в частности среды провинциального города Саранска.

Основная часть

В социальной среде бытия современных россиян и сегодня храмы одухотворяют городское культурное пространство. Храмоздательство, свойственное многовековой традиции Византии и русской культуры восстанавливает материальную связь с прошлыми поколениями, формирует представление о неразрывности истории и преемственности межпоколенческой традиции. Саранские храмы возводятся в стилистике XIX в. расширяют культурный пространственный хронотоп города и Мордовии.

Храм и соотносимая с ним городская территория наполняются для горожан дополнительными культурными смыслами и расширяют рекреационную территорию города. При этом Церковь адаптируется к пространству новых микрорайонов, наполняет их религиозным смыслом на базе сложившегося социального и культурного профиля города.

Исследователь архитектуры городской среды Саранска Н.И. Воронина верно отмечает важные вехи эволюции уклада жизни с его «особой летописью ментальности», что выразилась в неспешной стилистике городских улиц и площадей некогда деревянного и патриархального городского поселения российской провинции [6, с. 70]. Благоустроены территории, отделяющие духовное строение церкви от утилитарных площадей рынка. Подчеркнут культурный статус сооружение освящением, газонами, клумбами. Само здание построено на возвышенной точке микрорайона, отделено от трассы, но находится в зоне обзора участников транспортного потока.

Исходя из указанного, основной задачей при рассмотрении мировоззренческих оснований этнокультурного и специфики эстетического наследия в стилистике оформления архитектурно-культовых доминант и развития духовной сферы одного из центров Средневолжского региона – г. Саранска, где следует учитывать структуру нравственно-эстетического сознания и общественно-уклада наиболее важными факторами регионального развития России. Важной составляющей был аспект утверждения в российском обществе философии и семантики духовной традиции Руси-России как преемницы византийского наследия, что было немаловажным при распространении общероссийской имперской парадигмы общественного сознания.

Со времен основания города Саранска в регионе «... кипела духовная жизнь. Кроме Знаменского и Спасского соборов в кремле, в слободах находилось множество приходских церквей ...» [14, с. 71]. Указанный факт свидетельствует о торжестве в некогда языческом крае победившего тогда еще московского культового стиля православной Руси.

Вопросы социокультурного бытия империй в последнее время выдвигается на передние рубежи исследований гуманитариев современности не случайны. Определение социокультурных тенденций в прошлом, идущих в настоящем является довольно перспективной проблемой современности. Многие определялось не сколько утилитарностью новоевропейской эпохи утверждения Российской империи как универсального государства, но и традиционными принципами эстетики византийской культовой монументальности: «Основными элементами архитектурной композиции церковного здания является алтарь, ядро храма, трапезная и колокольня. Пространственная структура церкви может быть построена на основе одной плоскости симметрии, проходящей по оси восток-запад (одноосный тип), либо на основе двух плоскостей симметрии, когда к продольной оси добавляется перпендикулярная ось север-юг, проходящая поперек храма (центрический и двухосный типы)» [9, с. 53].

Еще в первые два века земного бытия Церкви вряд ли можно говорить о достаточно четко оформившихся эстетических течениях в культовом зодчестве. Но уже имперские традиции Средневековья, Нового и Новейшего времени поддерживались воспитанием и наглядной демонстрацией могущества церковной традиции, ибо система назидания вытекала из мировоззрения, выработанного веками. Это объясняется, во-первых, тем, что христианству необходима была систематизация унаследованных традиций, а, во-вторых, достаточно остро стоял вопрос об утверждении проекта манифестации консервативной модели конфессиональной культуры в России в условиях наступавшего модерна. Указанная тенденция в начале XX столетия оказалась опосредованной при распространении так называемого «русского-византийского» стиля в культовой архитектуре от образца тоновского Храма Христа Спасителя в Москве и до Спасского собора в Саранске.

Специфика развития традиций зодчества в городской среде Саранска наполнена трагичными переменами и трансформациями. Современный исследователь традиций культового строительства «Если в Европе наследницей Западной Римской империи была провозглашена «Священная Римская империя» (австрийская империя и Германская империя с 1870 года), то Московское царство и Петербургская империя унаследовали политическую и культурную традицию Византии – Восточной Римской империи» [12, с. 20].

Имперский стиль мышления в условиях модернизирующегося российского социума привел к широкому

применению в образах храмов «византийского стиля». Восточный вопрос обрел одно из своих наиболее ярких примеров такого воплощения в практике российского имперского культового строительства. Примечательно, что: «пики эволюции «византийского стиля» в архитектуре Руси и России довольно точно совпадали с периодами государственного и общественного интереса к византийскому наследию и к Царьграду (Константинополю) – столице Византийской империи» [13, с. 21]. Попытки возвращения в сферу обладания православными Константинополя в нравственном отношении и управление Константинополем были извечной реминисцентной темой идей «вечного Рима» и «третьеримскости» на Руси, центром древнего христианского Востока.

Вопросы российской философии историзма и эстетизма в методологическом плане формировались под сильным влиянием сначала византийской, а с конца XVII столетия западноевропейской. В указанном плане уникальной репликацией поздневизантийских архитектурных тенденций в так называемом «русско-византийском стиле» Московского царства в провинции можно считать соборную церковь Иоанна Богослова в Саранске, снабженную традиционным русским пятиглавием и аркадами древнерусских закомар здания, придает ему особый колорит эстетическому символизму казанному памятнику архитектуры на рубеже веков от древнерусского к имперскому времени с его классикой зданий Троицкой, Успенской, Петропавловской саранских городских церквей. Идеи российской традиционалистской мысли оказались во многом эстетически поддерживалось спецификой российского восприятия духовной традиции от Византии, как имперской культурной парадигмы утверждения общественного уклада имперского российского региона и города: «На протяжении третьего периода в начале XX века, в России возникли самые значительные «реплики» константинопольского Софийского собора. Мысли о Софии – премудрости Божией, руководившей православными правителями, стала актуальной в начале XX века, когда вопросы власти и судеб России встали с необыкновенной остротой» [13, с. 22]. Саранск как типичный уездный город российской провинции продолжал установленные тренды в культовой архитектуре имперского периода.

Византийский стиль мыслился не только как главный в культовой архитектуре имперского периода. Многие в городской застройке начала XX столетия было подчинено общегосударственной идеологии величия православной империи: «Не подлежит сомнению основополагающая роль византийской художественной традиции для русского зодчества. Именно она стала причиной того, что начальные памятники, почти в любом искусстве являются первыми и потому еще неразвитым обнаружением расцветающих идей, на Руси превратились в произведение высокого искусства, вызывающие и поныне восхищение и удивление» [13, с. 315].

Особое значение приобретает среди сегодняшних исследователей культовой архитектуры: «Лишь знание существенных свойств и процессов столичного византийского искусства дало основание для суждений и о степени сходства с ним русских памятников, и о самостоятельной природе последних» [13, с. 316]. Византийская имперская традиция была одной из влиятельных в русском социальном пространстве.

Карпов С.П. верно отмечает значение фактора социализации византизма в регионах Евразии: «По отношению к славянам и иным народам византийского круга империя позиционировала себя как источник всяческого благочестия и учительница законов» [8, с. 53].

В 20-е годы XX столетия сохранение нерушимости основ богослужебного чина и догматики снискало славу и авторитет Московской патриархии как хранительницы русского православия в среде гонимой и попираемой от светской государственности. Указанные обстоятельства, несмотря на обвинения в сервилизме, оказались весомым обстоятельством в глазах всего православного мира. Происходила разрушительная для морали социума и подчас насильственная десакрализация социального пространства России и Мордовии, распространялась дехристианизация в Советской России.

Однако дехристианизация – не всегда следствие секуляризации. Иногда она может проявляться в форме стихийного отпадения от церкви при сохранении сознательной ориентации на сверхъестественное, но чаще всего от насильственных действий организаций и атеистических структур. Тогда с 1918 г. и до 1988 г. РСФСР была провозглашена безрелигиозным государством. В начале XX в. в России шел двойной процесс сочетая обе тенденции.

Последствия разрушительных тенденций прошлого преодолеваются сегодня системно. В региональной социальной среде довольно часто присутствует культовый элемент реконструктивности социальной среды. Пример второго города Мордовии Рузаевки достаточно показателен: «впервые за 50 лет г. Рузаевка стал объектом планировочного эксперимента: строительство велодрома и храм в микрорайоне «Химмаш» изменяет пространственную структуру города» [7, с. 22].

В указанном плане важно обращение к богатому духовно культурному и эстетическому наследию не только гражданских традиций зодчества, но и культовой созидательной практики прошлого. Достаточно монументальны и символичным выглядит подход к сооружению в Саранске нового кафедрального собора в честь праведного воина и флотоводца Фёдора Ушакова. Современный отечественный исследователь В. Петрунин верно указывает, что: «Ф.Ф. Ушаков – безупречный нравственный авторитет для всех русских моряков, известный своей праведной жизнью, непрестанной и искренней заботе о каждом воине. С благодарностью вспоминают греки, населяющие остров Керкира, управление эти островом прославленным флотоводцем...» [12, с. 50].

По современной классификации на местах распространены следующие типы приходских объединений, соответствующие картине приходской жизни городских храмов города Саранска: «1. храмы с продолжительной историей служения, с «крепким ядром» прихожан и поколенческой преемственностью в приходской общине (приход Иоанна-Богослова, отчасти приход Никольского храма, сохранившего семейные традиции прихожан на базе частного сектора района); 2. новостроящиеся или восстановленные приходы с «ядром» активных людей молодого или среднего возрастов, как правило, семейных, с детьми (приходы Иоанна Кронштадтского, Мефодия и Кирилла, Георгия Победоносца); 3. «приходы с подвижным ядром и периферией, действующие при больницах» (например: приход иконы Божьей Матери «Всех скорбящих радости», иконы Божьей матери «Целительницы»); 4. приходы особой судьбы, которые имеют свою уникальную историю, благодаря чему подбирается особый контингент прихожан (например: приходы Предтеченской или Успенской церквей)» [11, с. 110–116].

Православные храмы исторически определяли культурный и социальный ландшафт города Саранска. Их возведение знаменовало религиозную и государственную идентичность в условиях противостояния набегам иноверцев. Принадлежность к слободе (казаков. стрельцов. ремесленников) инкорпорировало сакральное стро-

ение в социальную повседневность, одновременно возвышая ее, давая дополнительный смысл существованию прихода. Строительство и содержание храмов Саранска давали внешнюю характеристику городскому округу, определенному границами церковного прихода. Храм представлял собирательный образ жителей. Отсюда любовь к «своей церкви», попечение о ее украшении, ремонте или строительстве нового здания. Настоятель и причт могли вызывать недовольство мирян. Храм оставался постоянной константой пространства города и личной территорией прихожан.

Приходская жизнь определялась как религиозной самоидентификацией личности и ее первичного социального окружения, так и гражданским делопроизводством. Православный храм регламентировал и упорядочивал повседневную и духовную жизнь приходов. Благотворительная религиозная активность богатейших горожан: Сыромятниковых, Фалилеевых, Кротковых, Кубанцевых, Коровиных обеспечивала строительство храмов города, но поддерживала прежде всего свои приходские церкви.

Организация духовно-просветительской работы в приходе лежала на священнике. Исторически сложились формы и методы этой работы, которые дополняли литургию и проповеди внецерковными формами: беседами, библиотечными лекториями, групповыми читками книг духовного содержания и т.д. У приходов не было специальных помещений. Священник собирал прихожан, как правило, после воскресной службы или в своем доме, или в доме церковного старосты, или в помещении церковной школы.

В связи с утратой традиций храмостроения и монастырей в России XX столетия, очевидна необходимость обращения к истокам – сохранившейся практике строительства культовых сооружений, обращенной ко временам восприятия Русью христианства от древних образцов, которые носили универсальный эстетический характер. Весьма верной считаем мысль Маслина М.А. о том, что, «XX век внес в российский исторический процесс особенно тяжелую череду беспрецедентных переломов, взлетов и падений, отрицаний и потерь... Россия как бы втянулась в поставленный историей грандиозный и мучительно затянувшийся эксперимент на выживание» [10, с. 50].

В Саранске в 1930-е гг. храмы были закрыты. Соответственно, приходы уничтожены. Открытый в годы Великой Отечественной войны храм Иоанна Богослова стал единственным не только для Саранска, но и в округе.

Законодательная практика государства привела к оторванности настоятеля храма от его актива и изоляции городских верующих друг от друга в условиях контроля за духовной жизнью. В новейшее время Синод РПЦ постановил, признавая важность воссоздания общинного строя приходской жизни, в том числе посредством приближения к территориальному принципу разграничения приходов, признать это разграничение затруднительным в настоящее время, учитывая сложившуюся в современных городах практику участия православных христиан в жизни приходов.

Традиционно материальными символами лучшего в культурном развитии населенного пункта становились культовые сооружения. Для России православные храмы стали символами духовного развития, национальной самоидентификации, носителями культурного архетипа.

На протяжении многовековой истории России храмы и их клир оставались носителями непреходящих этнических ценностей. Конвергируя с традиционной этнической культурой социума Мордовии и города Саранска православная культура влияла на духовное состояние

общества, формируя социально-нравственные идеалы и модели поведения прихожан, организуя религиозную сторону их быта.

В Саранске в 1930-е гг. храмы были закрыты. Соответственно, приходы уничтожены. Открытый в годы Великой Отечественной войны храм Иоанна Богослова стал единственным не только для Саранска, но и в округе.

Святейший Патриарх всея Руси Алексей II в преддверии XXI в произнес слова, которые могут быть отнесены к приходу и прихожанам: «Мы пришли к концу второго тысячелетия нашей работы по преобразению мира. Способствовали наши труды расширению присутствия Божия в мире? <...> Но ведь, в конце концов, именно этот вопрос и будет единственным на нашем главном и последнем экзамене» [5, с. 21].

Таким образом храмы Саранска на протяжении XVII – начала XX вв. формировали культурный ландшафт города, служили центрами духовного развития и социальной коммуникации. Потери храмов в XX в. возводимые на деньги горожан разного уровня финансового достатка, образования и статуса, церкви почитались как семейное достояние, воплощение поколенческой памяти, символы патриотизма (как Владимирская церковь, возведенная в память о героях Отечественной войны 1812 г.) нивелировали облик города, привели к утрате многих исторических памятников, святынь народной памяти

Многие явления эстетического сознания прошлого для нас стали малопонятными. Удаленность от культовых прошлых традиций имперского периода России оказывается драматичной: «Византия, однако, дальше от нас, чем древний Рим от Запада. Мы неоднократно пытались сблизиться с Западом, но до сих пор не сблизились» [1, с. 425].

Как никогда в современных временных срезах важна тематика реновации и реставрации, по возможности, утраченного наследия. Верным считаем положение Н.В. Бибикина, затмившего, что: «идея восстановления *restauratio* величия древности из руин «нынешнего века» – квинтэссенция такого способа мышления» [1, с. 225].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. в период «религиозного ренессанса» в России на территории Саранска как епархиального центра, произошел бурный рост восстановленных и построенных заново храмов, часовен и поклонных крестов. Количественное увеличение православных культовых сооружений сопровождалось восстановлением приходской общины верующих.

Проектирование храмов в Саранске в рамках канонической архитектуры адаптировало приемы, освященные непрерывной вековой культурной традицией и устойчивым религиозным сознанием, которые позволяли свободно считывать культурно-семантические коды прежней храмостроительной традиции Руси и России как живого переживания храма и как материального воплощения на земле «социального идеала византизма как универсальной государственной традиции духовного единства». Архитектурные проекты новых храмов учитывают новые строительные технологии, особенности современных строительных материалов, городскую застройку при опоре на существующие традиции храмового зодчества, опирающиеся на опыт РПЦ. При этом, архитекторы понимают, что культовые сооружения с пластичными, отдельно стоящими в городской застройке формами, будут, как и прежде выделяться в культурном городском ландшафте.

Новые приходские храмы строились в разных местах городской застройки: городских кварталов, на бульва-

рах, в точках транспортных узлов. Православные культовые здания Саранска строились при активном участии горожан. Их появление стало свидетельством возрождения религиозной жизни в столице республики, ростом интереса к религиозной самоидентификации. Конфессиональные объекты отражали социальные и культурные процессы, в частности, межконфессиональные отношения.

Предпочтение той или другой церкви горожанами расширяет возможности индивидуальной самоидентификации в современных условиях формирования прихода, расширяет религиозные практики и религиозные представления жителей города.

Строительство храма или часовни поднимает статус городского пространства, придает ему новое смысловое значение даже в глазах людей неверующих или представителей иных конфессий.

В сфере культуры регионального социума коллективы формируются и функционируют на основе стремления к сохранению достижений и культурного развития общества. К социальным общностям сферы культуры относятся коллективы музеев, театров, литературных, художественных, архитектурных, музыкальных организаций и др. Со сферой духовности связаны организация всех отраслей человеческой деятельности. Для оптимального функционирования социальных общностей культуры необходимо также наличие общих целей, интересов, ценностей. К ценностям, необходимым для развития этих коллективов относятся: культура, стремление сохранить культурное наследие, создание условий для творчества человека, а также инициатива новых достижений, создание произведений культуры [15].

В сфере духовности социума коллективы формируются и функционируют на основе стремления к сохранению достижений и культурного развития общества. К социальным общностям сферы культуры относятся коллективы музеев, театров, литературных, художественных, архитектурных, музыкальных организаций и др. Со сферой духовной традиции связаны предприятия всех отраслей человеческой деятельности. Для оптимального функционирования социальных общностей культуры необходимо также наличие общих целей, интересов, ценностей. К ценностям, необходимым для развития этих коллективов относятся: культура, стремление сохранить культурное наследие, создание условий для творчества человека, а также инициатива новых достижений, создание произведений культуры [15].

Заключение

Анализ храмовой традиции города Саранска рубежа XX–XXI вв. свидетельствует об использовании архитекторами классических объемно-планировочные композиции, свойственных церковной архитектуре XIX в., реже начала XX вв. Это указывает на возрождение древних социальных ценностных установок, пришедших на Русь из Византии во время христианизации в виде современных вариаций: единства, патриотизм, гражданственность.

Усиления духовного влияния на культурную атмосферу локуса города связано с наличием или стертой границ сакрального (религиозного) или профанного (мирского) в пространстве религиозного строения. Эстетическое преобразование ландшафта и архитектурные достоинства здания в восприятии значительной части горожан довлеют над сакральными задачами культовых строений.

Объединяющим фактором во единое в регионе указанные компоненты явилась традиция имперскости и православия. Для реализации системы ценностей

в концептах храмосздательства выработаны определенные механизмы традиционного и инновационного в этнорелигиозной жизни Мордовии. Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. в период «религиозного ренессанса» в России на территории Саранска как духовного центра Мордовии, произошел бурный рост восстановленных и построенных заново храмов, часовен и поклонных крестов. Количественное увеличение православных культовых сооружений сопровождалось восстановлением приходской общины верующих.

Литература

1. Библихин Н.В. Мир, язык, философия / Н.В. Библихин. – СПб.: Аст, 2016. – 448 с.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический Проект, 2007. 335 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц; отв. Ред. перевода Н.А. Шматко/ П. Бурдьё. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетеия, 2007. – 288 с.
4. Вебер А.Ф. Рост городов в 19-м столетии / Пер. с англ. А.Н. Котельникова / А.Ф. Вебер. – СПб.: Е.Д. Кускова, 1903. – 464 с.
5. Вольтер О.В. Отношения Русской Православной Церкви и государства в XX – начале XXI века / О.В. Вольтер. // Среднерусский вестник общественных наук. Политология. – 2009. – № 3. – С. 100–107.
6. Воронина, Н.И. Саранск: город и горожане в зеркале истории: монография / Н.И. Воронина. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2019. – 180 с.
7. Гагаев А.А. Философия культуры города Рузаевки/ А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – Рузаевка, 2009. – 312 с.
8. Карпов С.П. Доктрина императорской власти в Византии и ее судьба после 1204 г./ Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и ранее Новое время/ (Отв. Ред. и сост. Н.А. Хачатурян); Ин-т всеобщей истории РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Наука, 2011. – С. 46–65.
9. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X–XII в. (текст): византийское наследие и становление самостоятельной традиции / А.И. Комеч; отв. ред. В.Л. Янин; Акад. наук СССР. Всесоюзный научно-исслед. ин-т искусствознания М-ва культуры СС-СР. – М.: Наука, 1987. – 317 с.
10. Маслин М.А. Разноликость и единство русской философии / М.А. Маслин. СПб.: Изд-во Русской христиан. гуманитар. академии, 2017. – 526 с.
11. Махаев В.Б., Меркулов А.И. Архитектурная история мордовского края / В.Б. Махаев. Рузаевка: Рузаевский печатник, 1998. 119 с.
12. Отношения Русской Православной Церкви и государства в XX – начале XXI века / О.В. Вольтер. // Среднерусский вестник общественных наук. Политология. – 2009. – № 3. – С. 100–107.
13. Петрунин Ю. Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре/ Ю.Ю. Петрунин. – М.: КДУ, 2006. – 224 с.
14. Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ / Ю.Р. Савельев. Вторая половина XIX– начало XX века. – М.: Совпадение, 2008. – 400 с.
15. Фролов Д.В. Саранск семнадцатого столетия в документах и артефактах: монография/ Д.В. Фролов. Саранск., 2019. 444 с.
16. Этноистория и этнокультура восточных финно-угров: Материалы международной научно-практической

конференции. В 2-х ч. Ч. 1. – Саранск: Кр. Октябрь, 2003. – 208с.

ELEMENTS OF BYZANTINISM IN THE CULT TRADITION OF SARANSK TEMPLE BUILDING: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Eldin M.A., Kidyamkin A.A.

N.P. Ogarev Mordovian State University

The article explores the socio-philosophical context of the development of the cult-regional traditions of the Saransk space of regional culture. Using the example of the city of Saransk, the article examines important aspects of the urban moral environment and its evolution.

The article also highlights the influence of the Byzantine heritage as a paradigm of public consciousness. As shown in this article, an important goal of modern research in the field of socio-philosophical discourse is to analyze the traditions of temple construction in the value aspect of social philosophy. The interaction of temple-building traditions in the modern context is very important, and in the context of increasing spiritual and moral needs, it is productive if the process of solving joint tasks of cooperation between religious organizations and modern Russian society is based on a system of spiritual values and traditions.

As a result, it is noted that the socio-philosophical analysis of the value of the sociocultural heritage of Russians in the spiritual context and in the regional dimension plays an important role in the construction of social reality by the interconnected levels of the value system of Russian society.

Keywords: society, philosophy, space; city; symbolism; Saransk; regional identity; tradition, Byzantinism, dynamics; Mordovia.

References

1. Bibikhin N.V. The World, Language, Philosophy / N.V. Bibikhin. – SPb.: Ast, 2016. – 448 p.
2. Baudrillard J. To the Critique of the Political Economy of the Sign / translated from French by D. Kralechkin / J. Baudrillard. – M.: Academic Project, 2007. 335 p.
3. Bourdieu P. Sociology of Social Space / Translated from French; edited by N.A. Shmatko / P. Bourdieu. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia, 2007. – 288 p.
4. Weber M. The Growth of Cities in the 19th Century / Translated from English by A.N. Kotelnikov / A.F. Weber. – St. Petersburg: E.D. Kuskova, 1903. – 464 p.
5. Volter O.V. Relations between the Russian Orthodox Church and the State in the 20th and Early 21st Centuries / O.V. Volter. // Central Russian Bulletin of Social Sciences. Political Science. – 2009. – No. 3. – Pp. 100–107.
6. Voronina, N.I. Saransk: the city and citizens in the mirror of history: monograph / N.I. Voronina. – Saransk: Publishing House of Mordovian University, 2019. – 180 p.
7. Gagaev, A.A. Philosophy of culture of the city of Ruzaevka / A.A. Gagaev, P.N. Gagaeva. Ruzaevka, 2009. 312 p. ill.
8. Karpova, S.P. The doctrine of imperial power in Byzantium and its fate after 1204/ Empires and ethnonational states in Western Europe in the Middle Ages and earlier Modern Times/ (Ed. and comp. N.A. Khachaturian); Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University. – M.: Nauka, 2011. – St. 46–65.
9. Komech. A.I. Ancient Russian architecture of the late X–XII century. (text): Byzantine heritage and formation of an independent tradition / A.I. Komech; ed. by V. N.L. Yanin; Academy of Sciences of the USSR. All-Union scientific researcher. Russian Russian Academy of Sciences Institute of Art Studies, Moscow: Nauka Publ., 1987. 317 p. .
10. Maslina, M.A. The diversity and Unity of Russian Philosophy / M.A. Maslin, St. Petersburg: Publishing House of Russian Christians. humanitarian. Academies, 2017. 526 p.
11. Makhaeva, V. B., Merkulov, A.I. Architectural history of the Mordovian region / V. N.B. N. Makhaeva. Ruzaevka: Ruzaevsky Printer, 1998. 119 p.
12. Relations of the Russian Orthodox Church and the state in the 20th – early 21st century / O.V. Volter. // Central Russian Bulletin of Social Sciences. Political Science. – 2009. – No. 3. – Pp. 100–107.

13. Petrunin Yu.Yu. The Ghost of Tsargrad: Unsolvables Problems in Russian and European Culture/ Yu.Yu. Petrunin. – M.: KDU, 2006. – 224 p.
14. Savelyev Yu.R. The Art of Historicism and the State Order / Yu.R. Savelyev. The Second Half of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. – Moscow: Sovpadenie, 2008. – 400 p.
15. Frolov D.V. Saransk in the 17th Century: Documents and Artifacts: A Monograph / D.V. Frolov. Saransk, 2019. 444 p.
16. Ethnohistory and Ethnoculture of the Eastern Finno-Ugrians: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Part 1. – Saransk: Krasny Oktyabr, 2003. – 208 p.

Проблема одиночества через призму живописи Н.Н. Ге и Н.К. Рериха в контексте экзистенциальной парадигмы

Заховаева Анна Георгиевна,

доктор философских наук, член-корр. РАН, академик
MAST, профессор кафедры гуманитарных наук, ФГБОУ ВО
Ивановский государственный медицинский университет
E-mail: ana-zah@mail.ru

В предложенной работе исследуется значимая для современного человека и общества проблема – это проблема одиночества как экзистенциальная. При этом акцент делается не только на философский аспект в рамках экзистенциальной парадигмы, а как это проблема нашла своё выражение в религиозно-сакральной живописи Николая Николаевича Ге (1831–1894) и Николая Константиновича Рериха (1874–1947), именно через их творчество можно проследить православную тематику и теологию Востока в понимание проблемы одиночества. Цель исследования: 1. Рассмотреть понимание «одиночества» в творчестве Н. Ге через изображения Иисуса Христа и его учеников; проанализировать работы Н. Рериха, связанные с Восточной философией. 2. Связать искусствоведческое понимание картин с философией экзистенциализма. При написании статьи использовались следующие методы: диалектика, как рассмотрение проблемы в развитии и связи; сравнительный и системный анализ, экзистенциальный подход; герменевтический анализ при трактовке произведений искусства.

В экзистенциализме одиночество – это состояние личностного «Я». Каждый человек – это особый уникальный Мир. Важно найти гармонию Мира каждого и Мира всех.

В картинах Н. Ге и Н. Рериха, рассмотренных в представленной работе, одиночество личности – это поиски смысла своего бытия, духовные искания. Такие разные по стилистике художники, являются невероятно близки в понимании экзистенциальных переживаниях личности.

Ключевые слова: Н.Н. Ге, Н.К. Рерих, экзистенциализм, одиночество, живопись, философия, эстетика, личность.

Введение

В предложенной работе исследуется значимая для современного человека и общества проблема – это проблема одиночества как экзистенциальная. При этом акцент делается не только на философский аспект в рамках экзистенциальной парадигмы, а как это проблема нашла своё выражение в религиозно-сакральной живописи Николая Николаевича Ге (1831–1894) и Николая Константиновича Рериха (1874–1947), именно через их творчество можно проследить православную тематику и теологию Востока в понимание проблемы одиночества.

Цель исследования: 1. Рассмотреть понимание «одиночества» в творчестве Н. Ге через изображения Иисуса Христа и его учеников; проанализировать работы Н. Рериха, связанные с Восточной философией. 2. Связать искусствоведческое понимание картин с философией экзистенциализма.

При написании статьи использовались следующие методы: диалектика, как рассмотрение проблемы в развитии и связи; сравнительный и системный анализ, экзистенциальный подход; герменевтический анализ при трактовке произведений искусства.

Проблема экзистенциального одиночества

Одиночество – особое пространственно-временное состояние индивида (существование вне общества, изоляция по стечению обстоятельств или по собственной воли) и психологическое состояние личности (чувство одиночества, поиски экзистенциальных смыслов своего бытия). Личность социальна, а одиночество это всегда индикатор дезинтеграции, «дисгармония отношений между Я и ОНИ» [6], отсутствие взаимопонимания, эмоционального единения.

В философии экзистенциализма, проблема одиночества понимается как неизбежность личного существования, бытийное состояние человека «заброшенного» во враждебный ему Мир и, как следствие, выбор: противостоять этому Миру или «выпасть» из него. Дилемма быть одному или подчиниться. При этом одиночество – это всегда тревога, «уход» внутрь себя, чтобы найти своё «Я», ибо «общество – это некое «безличное оно», которое стирает, нивелирует всё личностное, индивидуальное и навязывает человеку стандартизированные трафаретные общие вкусы, нравы, взгляды, мысли, убеждения» [9].

Экзистенциализм ищет основы бытийности человека не в пассивности личности, а в противостоянии с обществом, «где личность начинает вступать в действенные и активные взаимоотношения с миром и с другими людьми, человек неизбежно сталкивается с холодной и мертво-безжизненной объективностью, она как бы «давит» на личность и ведет ее к омертвлению, одиночеству» [2]. В науке выделено множество типов и видов одиночества [8, 13].

Экзистенциальное одиночество – это:

1) тревожное уединения для постижения смысла жизни, решение духовных проблем;

2) переживание своего бытия, как данности, муки совести, духовный кризис;

3) одиночество среди людей, «заброшенность» в мир людей, где сверхличностное значительнее социального или не понято.

В экзистенциализме С. Кьёркегора, одиночество – это переосмысления своего Я, желание «найти истину и обрести себя, пройдя через экзистенциальный страх и испытание одиночеством» [7].

Как понимали экзистенциальное одиночество великие художники Н. Ге и Н. Рерих?

Творчество Николая Ге в контексте экзистенциальной парадигмы

Н.Н. Ге в картине «Христос в Гефсиманском саду» (рис. 1) показывает, своего рода, «экзистенциальное погружение в себя». Мы видим одинокого человека, силы покидают его, кажется – всё потеряно, но мы чувствуем, как он борется со своими страхами и сомнениями. Тревога – главная парадигма картины, это подчёркнуто тёмно-серыми тонами полотна, мистическим пейзажем: деревья одновременно замерли и в тоже время, словно сильнейшая буря качает их. «Да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Новый завет, Мф 29:39), – «звучит» внутренний голос коленопреклонённого Христа. «Моление о чаше» – это выбор страданий во имя истинной веры, это обретения духовного смысла своего бытия.

В картине «Совесть. Иуда» Н.Н. Ге касается самой сути экзистенциального переживания в «пограничной ситуации» – это чувство вины, муки совести (рис. 2). По мнению К. Ясперса в «пограничной ситуации» раскрывается безусловное, неминуемое, происходит крушение бытия, «к таким ситуациям он относит: смерть, страдание, зависимость, чувство вины» [10].

Рис. 1. Н.Н. Ге. «Христос в Гефсиманском саду» (1891)

Рис. 2. Н.Н. Ге «Совесть. Иуда» (1869–1880)

Картина Н.Ге «Совесть. Иуда» композиционно и колористически проста: на переднем плане фигура человека, скучная серо-чёрная цветовая гамма, но в этой простоте и таится гениальность художника. Словно застыл на границе миров образ Иуды (человек без лица). Ночь и только Луна высвечивает его сутуловатую фигуру, как будто от озноба кутающуюся в серый, похожий на саван плащ, а чёрная тень, как пятно лежит на мощённой каменной дороге ведущей в никуда. Образ статичен, но, кажется, что вот-вот Иуда шагнёт, но всё бессмысленно, он сделал выбор, он предал и он одинок. Тайна картины кроется в том, что вдалеке мы видим едва различимые силуэты людей, освещенные факельным светом, они уводят Христа. У Иуды были друзья, учитель, но он их предал, обрекая себя на одиночество, духовную пустоту и муки совести.

Главная экзистенциальная проблема современности – это «одиночество среди людей». В картине Н.Н. Ге «Тайная вечеря», написанная на традиционный евангельский сюжет, который встречается у многих художников [4], но эта проблема у Н. Ге обретает особый сакральный смысл (рис. 3). Рассмотрим картину в контексте «экзистенциального переживания». Традиционно, искусствоведами, делается акцент на столкновении «света (образ Христа и его учеников) и тьмы (образ Иуды)» [12]. Иуда, который покидает сумрачную комнату, накидывая на себя плащ, обретает черты «падшего ангела». Мягкий свет освещает «задумчивый образ Христа... скорбь о потерянном ученике... готовность к осознанной жертвенности» [1], но главное здесь – это внутреннее переживания. Иисус одинок среди своих учеников, никто не обращает на него внимание. «Одиночество среди людей» близких-единомышленников. Христос – единственный, чья фигура изображена горизонтально, т.е. находится в противоречии с вертикальным изображением его учеников. Христос спокоен, он осознает своё одиночество, невероятное чувство тревоги наполняет картину.

Н.Н. Ге художник-философ, «характерной чертой творчества Н.Н. Ге являлось единение в его спекулятивной части общефилософских проблем и философии искусства» [3]. Таким образом, его картины несут не только религиозный, а глубокий духовный, гуманистический смысл человеческих переживаний.

Рис. 3. Н.Н. Ге «Тайная вечеря». 1863 год

Творчество Николая Рериха в контексте экзистенциальной парадигмы

В творчестве Николая Рериха одиночество – это скрытый «герой» всех его картин. Тревожное уединение для постижения духовного смысла бытия прослеживается в его полотне «Будда Победитель». Рерих изобразил Сиддхартху Гаутаму в момент Просветления, когда он стал Буддой, получил сверхъестественную силу, познал всю глубину познания и саму истину, он свободен от Мира людей, от страстей, страданий. Будда создает свой Мир. Поэтому изображённый вокруг него пейзаж не имеет смысла. Здесь нет дерева смоковница, где по легенде, Он обрёл высшую духовность. Он созидает особую сакральную бытийность. Искусство Н. Рериха – это «космизация искусства... Рерих в своих полотнах расширил художественное представление о пространстве до Беспредельности» [11], так человек становится песчинкой затерянной среди Миров, но эта песчинка сама Вселенная (рис. 4, 5).

Рис. 4. Н.К. Рерих. Будда Победитель (1925)

Одиноким странником медленно и спокойно движется на фоне величественного горного пейзажа, освещённого полной яркой луной. Кто он? Конфуций? Лао-Цзы? Или просто Мудрец-учитель? Практически все оттенки синего и голубого, Рерих мастер-виртуоз в этой палитре, создают ощущения покоя и умиротворения. Голубой цвет снижает тревожность, успокаивает, расслабляет. Картина называется «Тишина», как изобразить тишину? Тишина как гармония человека и природы. Это не просто дорога одинокого мудреца, это поиски Дао. В китайской философии «Дао – это не только путь, образ жизни, это

метод, принцип существования. Дао – это одновременно пустота и всё сущее. Цель мудреца слиться с Дао» [5]. Здесь восточная тематика, лишь визуальным доминантом картины, важна суть: найти свой смысл жизни.

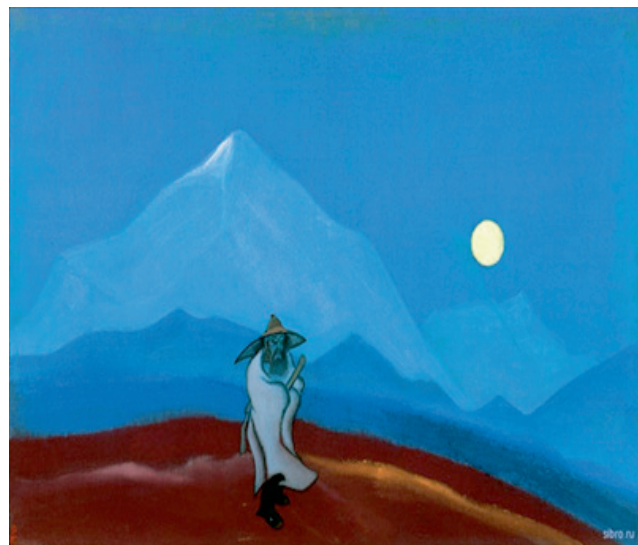

Рис. 5. Н.К. Рерих. Философ. Тишина. (1940)

Рис. 6. Рерих Н.К. – Благословенный (Панацея) (1939)

Особенность творчества Н.Н. Рериха в том, что у него практически нет картин изображающих более трёх человек (кроме работ «Хоровод (Пляска девушек)» и «Пляска»). Мир Н. Рериха – это мир одиночества, однако есть полотно, невероятно близкое по «звучанию» с картиной Н. Ге «Тайная вечеря» – это работа «Благословенный (Панацея)» (рис. 6). Здесь, как и у Н. Ге, представлен учитель-мессия и его ученики. На полотне «Благословенный» изображён Будда с золотым нимбом вокруг головы (подобно христианским святым), он предлагает своим восьми ученикам чашу с панацеей, в данном контексте, панацея – это то, что решит все проблемы бытия, это эликсир с избавлением от духовных проблем,

«болезней Духа». Если фигура Будды – величественна и равна по высоте горам, то ученики изображены как реальные люди, крошечные безликие фигуры, закутанные в жёлтые накидки (жанчи), каждый замкнут в своем мире. Несоответствие размеров Будды и учеников создают огромную трансцендентную дистанцию между ними, тем самым подчёркивается одиночество Благословенного, его высокую духовную миссию. Жёлтый цвет доминирует на картине, у Н. Рериха – это символ гармонии, «жёлтый – энергия, созидание» [15].

Заключение

Философская концепция экзистенциализма оказала большое влияние на развитие искусства, став основой для множества шедевров (вспомним произведения Ф. Кафки, Ж.-П. Сартра, С. Дали, А. Хичкока и других), а в русской культуре нашла свое выражение в литературном наследии Достоевского Ф.М. Идеи экзистенциальной философии, в частности, тема одиночества, отчетливо прослеживаются в работах Н. Ге и Н. Рериха.

В экзистенциализме одиночество – это состояние личностного «Я». Каждый человек – это особый уникальный Мир. Однако реальность в том, что «Мир личности» не должен противостоять «Миру людей». Как утверждает один из основоположников экзистенциализма М.Хайдеггер, «одиночество есть дефективный модус со-бытия» [14]. Человек социален, одиночество не есть сущностное состояние человека. «Человеку нужен человек», – утверждает С. Лем в романе «Солярис», но мы транспонируем этот антропологический тезис в экзистенциальный контекст, человеку нужен «Другой», который понимает его и разделяет его идеи. Важно найти гармонию Мира каждого и Мира всех. В картинах Н. Ге и Н. Рериха, рассмотренных в представленной работе, одиночество личности – это поиски смысла своего бытия, духовные и метафизические искания. Такие разные по стилистике художники, являются невероятно близки в понимании экзистенциальных переживаний личности.

Литература

- Алексеев С.В. «Тайная вечеря» или «Последний вечер Христа с учениками»? О картине Николая Николаевича Ге // Верующий разум. 2021. № 10. С. 76–82.
- Алебастрова А.А. Метафоричность философии одиночества и одиночество другого // Межрегиональные Пименовские чтения. 2012. № 9. С. 396–402. С. 402.
- Замотохин П.П. Поиски философских обоснований искусства в творчестве Н.Н. Ге // В сборнике: Актуальные вопросы современной науки. Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 4-х частях. 2017. С. 53–63. С. 55.
- Заховаева А.Г. Когнитология как поиск универсального мыслительного кода в полотнах Леонардо да Винчи и Сальвадора Дали «Тайная вечеря» // Человек: образ и сущность. 2010. № 1 (21). С. 251–255.
- Заховаева А.Г. Философия и её смысл. М.: Издательский дом Академии Естествознания. 2017. 223 с. С. 22.
- Катальников Г.А., Гудовский И.В. Одиночество как социально-психологический феномен // В сборнике: Мир человека. Материалы ежегодной Всероссийской конференции. Красноярск. 2024. С. 74–77. С. 77.
- Корнющенко-Ермолаева Н.С. Кьеркегор о человеческом бытии и одиночестве // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 244–248. С. 246.
- Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества. Москва: Московский психолого-социальный институт. 2005. 196 с.
- Левикова С.И. Одиночество как онтологическое экзистенциальное основание жизни современного человека // В сборнике: Наука и общество в эпоху технологий и коммуникаций. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 206–217. С. 210.
- Мануковский В.В. Экзистенциальное содержание понятий «встреча» Г. Марселя и «пограничная ситуация» К. Ясперса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (259). С. 122–125. С. 122.
- Маточкин Е.П. Н.К. Рерих: космический синтез красоты // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. Т. 204. С. 39–41. С. 40.
- Муза Д.Е. Картина Н.Н. Ге «Тайная вечеря»: к спорам вокруг сюжета // В сборнике: Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VIII Международной научной конференции. Донецк. 2023. С. 59–61.
- Нефёдова С. Виды Одиночества // Журнал Вестник Психологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://psychologyjournal.ru/stories/odinochestvo/vidy-odinochestva/?ysclid=mbc4wle9ss359531333> (дата обращения: 21.06.2025).
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AD MARGINEM. 1997. 451 с. С. 120.
- Хачирон Л.А. Цвета – цветовосприятие и цветовой символизм // International Journal of Professional Science. 2023. № 12–1. С. 107–112. С. 110.

PROBLEM OF LONELINESS THROUGH THE PRISM OF PAINTING BY N.N. GE AND N.K. ROERICH IN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL PARADIGM

Zakhovaeva A.G.

Ivanovo State Medical University

The proposed work explores a significant problem for modern man and society – the problem of loneliness as an existential problem. In this case, the focus is not only on the philosophical aspect within the existential paradigm, but also on how this problem was expressed in the religious and sacred paintings of Nikolai Nikolaevich Ge (1831–1894) and Nikolai Konstantinovich Roerich (1874–1947), and it is through their work that we can trace the Orthodox themes and the theology of the East in understanding the problem of loneliness. The purpose of the study is to: 1. To consider the understanding of “loneliness” in N. Ge’s work through the images of Jesus Christ and his disciples; to analyze N. Roerich’s works related to the philosophy of Confucius and Buddhism. 2. To connect the art-historical understanding of the paintings with the philosophy of existentialism. The following methods were used in writing this article: Dialectics, as a consideration of the problem in its development and connection; comparative and systemic analysis, an existential approach; hermeneutic analysis in the interpretation of works of art. In existentialism, loneliness is a state of the individual self. Each person is a unique world. It is important to find harmony between the world of each individual and the world of all. In the paintings by N. Ge and N. Roerich, which are discussed in this article, the loneliness of the individual is a search for the meaning of their existence and a spiritual quest. Despite their different styles, these artists share a profound understanding of the existential experiences of the individual.

Keywords: N.N. Ge, N.K. Roerich, existentialism, loneliness, painting, philosophy, esthetics, personality.

References

1. Alekseev S.V. "The Last Supper" or "The Last Evening of Christ with His Disciples"? About Nikolai Nikolaevich Ge's Painting // The Believing Mind. 2021. No. 10. Pp. 76–82.
2. Alebastrova A.A. The Metaphorical Nature of the Philosophy of Loneliness and the Loneliness of the Other // Interregional Pimenov Readings. 2012. No. 9. Pp. 396–402. P. 402.
3. Zamotokhin P.P. Search for Philosophical Foundations of Art in the Works of N.N. Ge // In the collection: Actual Issues of Modern Science. Collection of Articles based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. In 4 parts. 2017. Pp. 53–63. P. 55.
4. Zakhovaeva A.G. Cognitive science as a search for a universal mental code in the canvases of Leonardo da Vinci and Salvador Dalí "The Last Supper" // Man: Image and Essence. 2010. No. 1 (21). Pp. 251–255.
5. Zakhovaeva A.G. Philosophy and its meaning. M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences. 2017. 223 p. P. 22.
6. Katalnikov G.A., Gudovsky I.V. Loneliness as a socio-psychological phenomenon // In the collection: The World of Man. Materials of the annual All-Russian conference. Krasnoyarsk. 2024. Pp. 74–77. P. 77.
7. Korniyushchenko-Ermolaeva N.S. Kierkegaard on human existence and loneliness // Izvestiya of Tomsk Polytechnic University. 2006. Vol. 309. No. 8. Pp. 244–248. P. 246.
8. Korchagina S.G. Genesis, Types, and Manifestations of Loneliness. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. 2005. 196 p.
9. Levikova S.I. Loneliness as an Ontological and Existential Foundation of Modern Man's Life. In the collection: Science and Society in the Age of Technology and Communications. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2016. Pp. 206–217. P. 210.
10. Manukovsky V.V. The Existential Content of G. Marcel's Concepts of "Encounter" and K. Jaspers's "Border Situation" // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2012. No. 4 (259). Pp. 122–125. P. 122.
11. E.P. Matotkin N.K. Roerich: Space Synthesis of Beauty // Proceedings of the St. Petersburg State University of Culture and Arts. 2014. V. 204. Pp. 39–41. P. 40.
12. Muza D.E. The painting by N.N. Ge "The Last Supper": to the disputes around the plot // In the collection: Donetsk Readings 2023: Education, Science, Innovations, Culture and Challenges of the Present. Materials of the VIII International Scientific Conference. Donetsk. 2023. Pp. 59–61.
13. Nefyodova S. Types of Loneliness // Journal of Psychology. [Electronic resource]. Access mode <https://psychologyjournal.ru/stories/odinochestvo/vidy-odinochestva/?ysclid=mbc4w-le9ss359531333> (date of access: 06.21.2025).
14. Heidegger M. Being and time. Moscow: AD MARGINEM. 1997. 451 p. P. 120.
15. Khachiron L.A. Colors – color perception and color symbolism // International Journal of Professional Science. 2023. № 12–1. Pp. 107–112. P. 110.

Келеберда Нина Григорьевна,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Центра подготовки сотрудников органов внутренних дел для участия в миротворческих миссиях, ВИПК МВД России
E-mail: kng24@list.ru

В статье актуализируется защита прав человека через интерпретацию понятия «достоинство», включенного как базовый элемент в космологию Максима Исповедника. Такой подход, по мнению автора, дает обоснование не только прав человека, но и прав животных, экологических прав, прав будущих поколений, заявленных в Целях устойчивого развития ООН. Права, понимаемые в контексте философии Максима Исповедника, позволяют формулировать принципы ненасильственности, справедливости, беспристрастности, важные для поддержания достоинства сотрудников ОВД-кандидатов для участия в миротворческих миссиях.

Ключевые слова: права человека, достоинство, личность, логос, образ Божий.

Актуальность темы исследования

Большие проекты социальной инженерии и последовавшие за ними гуманитарные катастрофы 21 столетия приводят к противоположениям смыслов «уникальности» и «личности» каждого отдельного человека [1]. Такие антропологические сдвиги актуализируют решение проблем защиты прав человека и сохранения человеческого достоинства, которые в условиях все возрастающей интенсивности конфликтов в мире становятся приоритетной задачей миротворческих инициатив ООН. При этом в ряде ежегодных докладов Генерального Секретаря по проблемам миротворческих миссий ООН [2] звучит обеспокоенность участвовавшими случаями попрания прав человека в результате насилия, совершаемого отдельными сотрудниками миротворческих миссий. Каждый отдельный такой факт вызывает широкий резонанс в мировом сообществе, из-за чего любые миротворческие инициативы ООН подвергаются резкой критике и отрицательно сказываются на репутации Организации как эффективного инструмента поддержания мира. С другой стороны, подобные акты создают угрозу для персонала миротворческих миссий. Следовательно, одна из задач реформы миротворческой деятельности ООН в том, чтобы подготовить достаточное количество сотрудников миротворческих миссий, осведомленных в области прав человека.

Степень разработанности темы

Проблема достоинства личности в философии поднималась И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, И.Г. Фихте, Вл. Соловьевым, И.А. Ильиным, Б.Н. Чичериным, а в настоящее время в статьях И.В. Козловой, С.А. Шаракшане, А.В. Кирякина и др. Концепцию достоинства человека сквозь призму реализации прав описал Ю. Хабермас. Интерпретация понятия «достоинство» в контексте космологии Максима Исповедника предложена К. Бренной.

Объектом исследования является «достоинство человека» в свете миротворческой деятельности ООН, а предметом исследования выступает проблема интерпретации достоинства в рамках защиты прав человека при проведении миротворческих операций сквозь призму космологии Максима Исповедника.

Постановка проблемы

Сегодня от миротворцев ожидают не только тактического, но и морального превосходства. Такие принципы как *всеобщность, неотъемлемость, равенство и достоинство*, защищаемые международными договорами и национальными законами государств, являются категориями философского плана и не имеют четких правовых дефиниций. Зачастую они носят «субъективно-оценочный характер, а значит, в процессе правоприменения могут наполняться разными по объему смыслами» [4, стр. 219], интерпретация которых часто обусловлена социокультурной средой, что создает риск необъективности и пристрастности. То есть каждый сможет отстаивать свои права, пренебрегая или отказываясь уважать права других.

Как поясняют М.Г. Вилова и М.С. Пермиловский, интерпретация ценностного содержания правовой нормы заключается в поиске *желаемого* смысла, а учет обще-

ственного мнения повышает ее легитимность. Человек, его жизнь как витальная ценность «выступает ядром всех отраслей права и ориентиром для законодательной, исполнительной и судебной власти» [4, стр. 220] и устанавливает минимальный уровень уважения к достоинству личности.

Создается впечатление, что гарантии правового статуса личности мужчины, женщины, ребенка, защиты всех форм собственности и равенства правосудия зависят от разнообразных *желаемых* истолкований содержания витальных ценностей. Однако описание того, кто на что имеет право, ничего не объясняет, *почему* человек имеет собственно право на это. Если даже сказать, что человек имеет право на что-то, например, на свободу или равный доступ к правосудию, декларированные Целями устойчивого развития ООН [5], то это не значит ограничить его только такими качествами как *равенство* или *достоинство*. Это не отвечает на вопрос: на каком основании то или иное существо заслуживает, чтобы с ним обращались определенным образом? И наоборот. Ответ будет диктовать желаемый смысл, который человек признает для правовой нормы.

Теоретико-методологической основой исследования послужили общенаучные теоретические и эмпирические методы, в том числе компаративистский и герменевтический. *Эмпирическая база исследования* представлена на материалах международных программных и правовых документов, оригинальных первоисточников и научно-исследовательских статей.

Дискуссия

Достоинство, равенство неотъемлемы и всеобщы. Эта аксиома, с которой начинается Всеобщая декларация прав человека, изначально коренится в библейской традиции понимания природы человека как некоего единства человеческого и Божественного. Хотя современная теория прав основывается почти исключительно на секулярной философии Просвещения, и поэтому на сегодняшний день концепция прав человека приобрела такой уровень автономии, что фактически не совместима с Воплощением, но христианство сделало возможным движение за права человека, в том числе, в конкурирующей среде радикально автономной личности. Образ и подобие Бога являются подходящей основой для утверждения прав человека, определяя нашу свободу и равенство перед Богом.

Будучи образом Божиим, человек существует на границе между тварным и нетварным, что создает двойную обязанность, с одной стороны, участвовать в жизни св. Троицы, а с другой стороны, вовлечь все творение в наше богообщение. Эта базовая идея лежит в основе признания внутренней ценности личности, ее святости и неприкосновенности вне зависимости от ее социального статуса, личных моральных качеств, физических атрибутов, ибо «нет разумной души, которая по сущности была бы более ценной, чем [другая] разумная душа. Ибо Бог, будучи Благим, созидает всякую душу по образу Самого Себя и приводит ее в бытие самодвижущейся. И каждая [душа] по своей воле избирает либо честь, либо через дела свои добровольно принимает бесчестие». [6, п. 11]

Репатриация онтологического смысла «достоинство личности» в матрицу светского толкования как рациональной способности и автономии (И. Кант) поставило его в центр этических дискуссий различных доктрин прав человека. С этой позиции определение человеческого достоинства связано с таким качеством личности, которое «заслуживает уважения».

Достоинство можно понимать и как базовую, и как частную ценности. Будучи базовой ценностью, достоинство признается неотъемлемым универсальным качеством для всех людей, а личное чувство ценности обусловлено частными целями и социальными обстоятельствами, самооценкой и восприятием окружающих людей как «уважаемых». Смысл социального достоинства человека включает самоуважение как результат заслуг и положения в обществе, резонирующих с культурными факторами, тем самым выступая альтернативой базовой ценности.

В современном обществе внутренним достоинством личности непреднамеренно пренебрегается, а внешнее социальное достоинство может быть разрушено в условиях конфликтов. Но именно внутреннее достоинство, обусловленное природой человека, подчеркивает равную ценность всех людей, хотя может привести к преуменьшению значимости личных качеств.

Фундамент достоинства и прав человека заложен в христианской антропологии [7]. Императив защиты прав человека коренится в концепте «образ Божий» – общий для природы всех людей, что обеспечивает естественный моральный закон, который является основой морального долга. Права человека есть выражение этого морального закона, и наоборот. Например, заповедь «не убий» устанавливает право на жизнь.

К. Бренна [8] соотносит базис для трактовки прав человека не с антропологией, а с христианской космологией в понимании Максима Исповедника. То, что каждый из нас обладает особой индивидуальностью, для Максима является доказательством присутствия Божественного логоса в человеке, занимающего в структуре космоса центральное положение. Это не мировая душа как у стоиков или Г. Гегеля, а нетварное Слово Божие, это – тайна Христа, который есть Логос. Будучи «частицами Бога» логосы присутствуют во всем, обуславливая уникальность и особую индивидуальность всех разумных существ, так как «каждый был сотворен согласно ...его логосу, который определяет его генезис и сущность» [9].

Концепция логосов Максима Исповедника означает, что все люди, участвуя в творческой воле Бога, имеют свой собственный образ. Мы уникальны, поскольку выполняем свое особое призвание в структуре космоса, ориентированного в эсхатологическое будущее и наша ценность заключается в этом нашем призвании. Задача права установить меру этой ценности, которая включает в себя не какое-то статичное качество человека, а общее мироустройство, где логосы присутствуют во всем.

Исходя из такого понимания, защита прав человека является законной, но акцент направлен не в сторону отстаивания своих прав, а, скорее, в сторону защиты прав слабых и беззащитных. Любовь как основной закон духовной жизни в христианстве может иногда требовать отказа от личных притязаний, а прощение может привести к тому, что чьи-то права могут быть нарушены. Но прощение кого-то, кто поступил несправедливо, не отменяет права. Например, если у нас есть право на свободу, но некий человек порабощает нас, то мы не теряем право на свободу, прощая того, кто поработил нас. Более того, прощая причиненное зло, мы реализуем свое право на свободу.

Права не защищают святых, сделавших прощение своей повседневной привычкой, права защищают грешников от других грешников. Но если мы игнорируем права святых, то мы рискуем проигнорировать моральную задачу виновного, который освобождается от ответственности. Космология Максима Исповедника не допускает подобного пренебрежения, но рассматривает виновную сторону и жертву как связанные неразрыв-

но. Это открывает возможности для обоснования новых прав, например, экологических: человек, загрязнивший источник воды, становится виновным не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к животным и даже будущим поколениям: он сделал источник жертвой преступления. Такой подход позволяет обосновать не только права человека, но и права животных, право на чистую окружающую среду, права будущих поколений и так далее, обозначенные в Целях устойчивого развития ООН [5].

Выводы

Права, понимаемые в контексте космологии Максима Исповедника, способны дать всеобъемлющее представление о том, кому или чему было причинено зло, и кто является виновным. Права нуждаются в поддержке, в том, чтобы хорошие люди требовали их соблюдения. Этот морально привилегированный статус наделяет отдельных лиц, скажем сотрудников полиции, участвующих в миротворческих операциях, обязанностью уважения и защиты жизни и чести, побуждает к осуществлению ответственности во взаимодействии с другими.

Предостережение связано с принципами ненасильственности и справедливости, выраженные в религиозном представлении о том, что мы все равны перед лицом Бога вне зависимости от расы, пола, социального статуса или любого другого фактора. Это безусловное достоинство означает, что, во-первых, отношение ко всем людям без внимания на их различия помогает построить сострадательные отношения; во-вторых, обеспечивает признание ценности свободы каждого человека, не позволяя расценивать человека как объект или средство.

Литература

1. Келеберда Н.Г. Концепция личности в максимологии и современный философский контекст. // Гуманитарные и социально-экономические науки № 1, 2024. – стр. 48–52
2. Доклады. Операции ООН по поддержанию мира. Сайт ООН. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/reports> (дата обращения 29.05.2025)
3. Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4 КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorchestvo-onn-v-xxi-veke-osnovnye-vektory-reform-po-povysheniyu-effektivnosti-mirotvorcheskikh-operatsiy> (дата обращения 03.05.2025)
4. Вилова М.Г., Пермиловский М.С. Права человека – ценность или норма? КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-tsennost-ili-norma> (дата обращения 14.05.2025)
5. Цели в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 21.05.2024)
6. Прп. Максим Исповедник Главы о богословии и о домостроительстве Воплощения // Исихазм. URL: https://www.hesychasm.ru/library/max/maximus_teo.htm (дата обращения 01.06.)
7. Papanikolaou A. The Mystical as Political: Democracy and Non-Radical Orthodoxy // Augustinian Studies. January, 2018. 49 (1) URL: https://www.researchgate.net/publication/323422476_Aristotle_Papanikolaou_The_Mystical_as_Political_Democracy_and_Non-Radical_Orthodoxy (дата обращения 03.04.2025)

8. Brenna C. The Transfiguration of Rights: A Proposal for Orthodoxy's Appropriation of Rights Language // Logos: A Journal of Eastern Christian Studies. Vol. 55 (2014) Nos. 1–2, pp. 15–40
9. Панайотис Х. Преп. Максим Исповедник о бесконечности человека. Православие.ру URL: <https://pravoslavie.ru/90257.html> (дата обращения 18.04.2025)
10. Бельский В.Ю., Гусев Н.Н. Проблема состава и содержания прав человека в концепции гуманитарного права: теоретико-методологический аспект // М: Журнал «Свободная мысль», № 2, 2019, С. 187–193.

HUMAN RIGHTS IN THE LIGHT OF MAXIMUS THE CONFESSOR'S PHILOSOPHY

Keleberda N.G.

All-Russian Advanced Training Institute

The article actualizes the human rights' protection through the interpretation of the concept of "dignity" implemented as a basic element in the cosmology of Maxim the Confessor. According to the author's opinion such approach provides a justification not only for human rights, but also for animal rights, environmental rights and the rights of future generations declared in the UN Sustainable Development Goals. Rights understood in the context of Maxim the Confessor's philosophy allow us to formulate the principles of non-violence, justice, impartiality, which are important for maintaining the dignity of the internal affairs officers-candidates for participation in peacekeeping missions.

Keywords: human rights, dignity, personality, logos, image of God.

References

1. Keleberda N.G. The Concept of Cersonality in Maximology and the Modern Philosophical Context // Humanities and Socio-Economic Sciences No. 1, 2024. – pps 48–52
2. Reports. Ooh Peacekeeping Operations. UN website. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/reports> (accessed 29.05.2025)
3. Khudaykulova A.V. UN Peacekeeping in the XXI Century: the Main Vectors of Reforms to Improve the Effectiveness of Peacekeeping Operations // South Russian Journal of Social Sciences. 2019. V. 20. No. 4 CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirotvorchestvo-onn-v-xxi-veke-osnovnye-vektory-reform-po-povysheniyu-effektivnosti-mirotvorcheskikh-operatsiy> (accessed 03.05.2025)
4. Vilova M.G., Permillovsky M.S. Human Rights – Value or Norm? CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-tsennost-ili-norma> (accessed 14.05.2025)
5. UN Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 21.05.2024)
6. Maximus the Confessor Snt. The Chapters on Theology and on the Incarnation House-Building // Hesychasm. URL: https://www.hesychasm.ru/library/max/maximus_teo.htm (accessed 01.06.)
7. Papanikolaou A. The Mystical as Political: Democracy and Non-Radical Orthodoxy // Augustinian Studies. January, 2018. 49 (1) URL: https://www.researchgate.net/publication/323422476_Aristotle_Papanikolaou_The_Mystical_as_Political_Democracy_and_Non-Radical_Orthodoxy (accessed 03.04.2025)
8. Brenna C. The Transfiguration of Rights: A Proposal for Orthodoxy's Appropriation of Rights Language // Logos: A Journal of Eastern Christian Studies. Vol. 55 (2014) Nos. 1–2, pp. 15–40
9. Panagiotis H. Maximus the Confessor Snt. About the Man's Infinity. Pravoslaviye.ru URL: <https://pravoslavie.ru/90257.html> (accessed 18.04.2025)
10. Belsky V.Yu., Gusev N.N. The problem of the composition and content of human rights in the concept of humanitarian law: theoretical and methodological aspect // M: Magazine «Free Thought», № 2, 2019, С. 187–193.

Пичугин Виталий Григорьевич,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при правительстве РФ
E-mail: VGPichugin@fa.ru

В статье рассматривается трансформация исторической политики (политики памяти) в условиях цифровизации общества. Исследуются основные цели и методы исторической политики, направленные на укрепление власти, формирование национальной идентичности и легитимизации геополитических претензий. Особое внимание уделяется новым технологическим инструментам, включая социальные сети, искусственный интеллект и deepfake-технологии, которые позволяют манипулировать историческим сознанием, создавая альтернативные нарративы и стирая границы между реальностью и симуляцией.

Анализируется опыт различных стран (Германии, Польши, Франции, стран Прибалтики) в использовании исторической политики для конструирования национальной идентичности и исторической памяти.

Отдельно рассматривается роль цифровых платформ (социальных сетей, стриминговых сервисов, видеоигр) в формировании фрагментированного и поляризованного исторического сознания. Подчеркивается опасность использования искусственного интеллекта для генерации псевдоисторических текстов и визуальных материалов, что усиливает манипулятивные возможности исторической политики.

Делается вывод о необходимости развития цифровой грамотности, критического мышления и механизмов верификации исторических данных, чтобы противостоять манипуляциям и сохранить историческую память как основу для осмысленного будущего.

Ключевые слова: сознание, общество, историческое сознание, цифровизация, практики, социальное конструирование, история, политика прошлого.

Введение

Политика памяти или историческая политика приобретает особую актуальность в современности. С одной стороны остаются неизменными основные цели и задачи данной политики (укрепление и легитимизация власти, обоснование претензий на территории, создание национальной идентичности и др.), с другой стороны, значительно меняются методы и средства реализации исторической политики в связи цифровизацией общества и совершенствованием информационно-коммуникативных технологий. Интерпретация исторических событий теперь имеет очень широкий диапазон в практической реализации, от придания нового смысла известным фактам прошлого, до полной замены подлинной истории вымышленной, причём на очень высоком технологическом уровне, когда массовый потребитель информации не в состоянии различить, где правда, а где ложь. В постмодернистском мире границы между реальностью и её представлением стираются, а представление событий прошлого может быть подвержено манипуляциям, становясь потоком информации, образов, чувств, что не имеет самостоятельного значения. В такой ситуации история перестаёт быть просто знанием фактов прошлого, она становится инструментом влияния и контроля, оказывая существенное воздействие на современные политические и социальные процессы. «Когда один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду, когда умерла трансцендентность, уступив место имманентности, соответствующей значительно более высокой стадии ошеломляющего манипулирования общественными отношениями» [1, с. 130] В своё время Ж. Бодрийяр рассуждал о пространстве тотальной симуляции и утрате возможности разделения реального и воображаемого, но ещё не было искусственного интеллекта, делающего воображаемое реальным, что, по мнению Ж. Бодрийяра, и есть господство чистых ирреферентных симулякров. В 1991 году в работе «Дух терроризма. Войны в Заливе не было» [2] Бодрийяр апеллирует к телевидению, которое в реальном времени создаёт картинку войны, заменяя изображением на экране саму реальность военных действий, утверждая само событие войны как «излишнее». В настоящее время, посредством искусственного интеллекта можно «оживить» сражения любой прошлой (да и будущей) войны, придумать историческое действие, которое будет убедительным доказательством свершившегося как факта, что в восприятии массовой аудитории станет реальностью. Значит ли это, что историческое сознание в настоящем (и будущем) уже не будет отражать исторической реальности и может быть любым, в зависимости от желания субъектов управления массовым сознанием? Это новый вызов современности и глобальная проблема, исследование которой является важным направлением для понимания того, как государства и другие социальные акторы используют прошлое для достижения своих целей в настоящем и формируют будущее через призму интерпретации истории.

Возникновение и развитие политики прошлого (исторической политики)

В ФРГ во времена правления Гельмута Коля была сформулирована концепция «Geschichtspolitik» – историческая

политика. Основная идея – переосмысление истории с целью управления восприятием и пониманием событий прошлого обществом настоящего времени, для снятия в социуме чувства вины за преступления нацистов в годы войны. В начале 1980-х годов была профинансирована правительством разработка социально-исторических проектов с участием учёных историков и философов М. Штюрмера, Э. Нольте, Ю. Хабермаса и других. Заявленный Г. Колем «морально-политический поворот» встретил в немецком обществе неоднозначное отношение. За позитивными намерениями утверждения в обществе нового патриотизма научное сообщество Германии (и не только) усмотрело именно интерпретацию истории по политическим мотивам и стремление непризнания вины за преступления нацистов в период Третьего рейха. В результате развернулась широкая дискуссия «Historikerstreit» (спор историков), в ходе которой возобладала позиция, что необходимо помнить и учиться на уроках прошлого, чтобы избежать повторения ошибок, а не оправдывать действия нацистов в контексте противостоения с другими идеологиями или государствами. Но само понятие «Политика прошлого или Историческая политика» стало прочно ассоциироваться с целенаправленным и системным управлением со стороны определённых акторов (в приведённом примере – государством) восприятием и пониманием смысла и значения прошлого для общества настоящего.

Сама идея исторической политики оказалась достаточно востребованной и её элементы можно наблюдать практически во всех странах современного мира. В Европе этот феномен играет ключевую роль в национальном самосознании, международных отношениях и идеологических конфликтах.

Многие европейские страны активно используют историческую память для консолидации нации. Польша делает акцент на героизме антинацистского и антикоммунистического сопротивления, подчеркивая свою роль жертвы тоталитарных режимов к коим в равной степени относит нацистскую Германию и СССР, а также формулируются идеологические основания противостояния современной России, как наследнице Советского союза. Такая историческая политика ведётся на государственном уровне, что выражается в создании института национальной памяти (Комиссия по расследованию преступлений против польского народа «IPN»). Данное учреждение подчиняется Сейму Польши, а его глава назначается парламентом. Деятельность «IPN», фактически, направлена на искажение фактов прошлого, переписывание и продвижении националистической версии истории. В этом же ключе необходимо рассматривать призывы к массовому сносу и осущестляемый демонтаж памятников, установленных воинам советской армии, участвовавшим в освобождении польской территории, в частности генералу армии И.Д. Черняховскому, и ряда других памятников и обелисков. Институт национальной памяти Польши уничтожает историческую память о подвиге советских воинов, отдавших жизнь при освобождении от немецкой оккупации.

В Германии есть ряд организаций и учреждений, занимающиеся изучением исторической памяти: Федеральный фонд изучения диктатуры СЕПГ (Bundestiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur), Фонд «Память, ответственность и будущее» (Stiftung Erinnerung, Verantwortung und Zukunft, EVZ), Институт современной истории (Institut für Zeitgeschichte, IfZ) и ряд других. Научная и просветительская деятельность указанных учреждений сталкивается в настоящем со значительными трудностями, вызванными политизацией истории. Т. Адорно в 1959 году призвал к «проработке прошлого», учёный утверждал, что: «Национал-социализм не мертв, и нам

до сих пор неизвестно, то ли это просто призрак того, что было настолько ужасным, что и собственная смерть его не убила, то ли он так и не умер и готовность совершить невыразимое подспудно живет в людях, равно как и в окружающем их порядке» [3, с. 36]. «Проработка прошлого» – это его осмысление, чтобы «Nie wieder!» (Никогда снова!) не повторились ужасы нацистского прошлого, для этого необходимо осознание вины и принятие моральных (и финансовых) обязательств в отношении жертв войны.

Однако в современной Германии набирает обороты правый популизм и ревизионизм, стремящийся пересмотреть отношение к прошлому, уйти от «культы вины», «нормализовать» немецкую историю. Историческая память подвержена глобализации, поэтому надо менять рамки и границы ответственности, перестать фокусироваться только на XX веке. Историческая политика национального покаяния должна смениться исторической политикой национальной гордости, примеры для которой необходимо искать во всей национальной истории. Происходит как раз тот процесс, о котором предупреждал Т. Адорно: «С социально-психологической точки зрения, в связи с этим следует ожидать, что пострадавший коллективный нарциссизм только и ждет момента восстановления и поэтому цепляется за все, что позволило бы сперва привести прошлое в согласие с нарциссическими желаниями, а затем, быть может, преобразовать реальность так, чтобы отменить тот самый ущерб» [3, с. 43].

Во Франции политика исторической памяти сосредоточена вокруг значимых для республики событий колониального прошлого, Второй мировой войны и других ключевых периодов истории. Миссия по исторической памяти при Министерстве обороны (Mission Mémoire et Patrimoine) – занимается сохранением военной истории Франции. Национальный центр научных исследований (CNRS) – включает исторические институты, изучающие коллективную память. Французская идентичность активно поддерживается через воспитание гражданственности (историческая школьная программа), основанной на республиканских идеалах, культе Великой французской революции, «цивилизаторстве», а не колониализме, победе во Второй мировой войне наряду с СССР и странами антигитлеровской коалиции, хотя, в последнее время в историческом сознании французского общества больше присутствуют как победители США, которые своей военной помощью СССР буквально спасли мир от нацизма.

В странах Прибалтики (Латвии, Литве, Эстонии) политика прошлого определяется нарративами о советской «оккупации» и борьбе за независимость. Все структуры, занимающиеся исторической политикой, активно поддерживаются и финансируются на государственном уровне.

В Литве Институт национальной памяти в программных документах указывает свою основную цель – исследование «преступлений оккупационных режимов», под которыми в равной степени понимаются нацистский и советский, занимавшиеся «геноцидом» населения Литовской территории в период СССР. Тут история напрямую используется для выполнения политического заказа государства по формированию в сознании общества представления об агрессивной и захватнической политики СССР (потом России), и Литвы как жертвы такой политики, которая не сдалась и в результате «борьбы за свободу» получила независимость.

В Латвии такая же картина, как и в Литве. Музей оккупации Латвии создан для документирования «преступлений» советского режима, который приравнивают к преступлениям нацистов, продвигая идею «двойной

оккупации». Одновременно с этим проводятся ежегодные марши легионеров СС и их идеологических последователей.

Эстонский институт исторической памяти также ставит своей программной целью исследование «преступлений тоталитарных режимов», продвижение темы «советской оккупации» и депортаций эстонцев. По результатам «исследований» устраиваются трибуналы над «коммунистическими преступлениями».

Во всех странах Прибалтики сносятся памятники советским воинам-освободителям, погибшим на территории республик в годы Великой отечественной войны.

В результате анализа формирования и развития исторической политики в странах восточной и западной Европы, бывших союзных республик можно выявить некоторые общие нарративы, которые в упрощённом и доступном для понимания виде распространяются в массовом сознании.

1. Советский союз и нацистская Германия – равное зло и не имеет особого значение, кто из этих зол решил напасть первым, если бы не развязал войну Гитлер, то это сделал бы Сталин.

2. Продвижение тезиса о «советской оккупации», которая проводилась под видом освобождения Европы от немецких захватчиков.

3. Создание общественного осуждения всего советского периода истории, сочетаемого с мерами государственного принуждения. Общие термины «декоммунизация», «десоветизация», что на практике проявляется сносом памятников, мемориалов, уничтожением могил советских воинов, запрет советской (и российской) символики, введение уголовного преследования за отрицание «оккупации».

4. Приравнение современной России к СССР (отсутствие демократии, нечестные выборы, милитаризация и т.п.), антироссийская риторика в средствах массовой информации, основанная на исторической преемственности (и юридической) Российской Федерацией прав (и обязательств) после распада СССР.

5. Создание нарратива «жертвенности». Особенно это проявляется в ряде стран Восточной Европы и Прибалтике, а также государствах, бывших союзными республиками, где история переписывается с акцентов на «жертвенность» перед лицом советской (Российской) «агрессии».

6. Основываясь на истории «тоталитаризма» времён СССР создание и продвижение негативного образа России, как «империи зла», имеющей в «друзьях» страны «изгои», такие как КНДР или с «тоталитарным режимом» – Белоруссия.

7. Россия побеждённая страна в «холодной войне». В борьбе «добра и зла» победу одержал коллективный Запад, а СССР и его правопреемник Россия проиграли.

8. «Агрессию» России надо сдерживать, что якобы подтверждается историей, для этого необходимо расширять военно-политический блок НАТО.

Антироссийские нарративы – это не столько результат исследования исторических фактов, сколько инструмент геополитического и социально-психологического влияния. Таким образом, историческая политика в современной Европе и некоторых странах ближнего зарубежья остается полем идеологической борьбы. С одной стороны, она помогает формировать национальную идентичность и обосновывать экономико-политические решения (расширение НАТО, санкции, «заморозка» финансовых активов и т.п.) с другой – обостряет международные отношения и военно-политическую обстановку в мире вплоть до венной конфронтации.

Историческая политика в современном цифровом социуме

Пространство современного цифрового социума, при всём техническом совершенстве, содержит в себе все характеристики, присущие массовости: оперирование лозунгами, поверхностные эмоциональные суждения, акценты на краткость и простоту восприятия (клиповое восприятие) и т.п. Поэтому история предстаёт не как результат академических исследований, а скорее набор нарративов, находящихся своё отражение в массовом сознании социума и влияющих на его формирование.

Воздействие на общественное сознание реализуется посредством современных психологических технологий с использованием цифровых инструментов, что представляет собой сложный и многофакторный процесс, зависящий от контекста настоящего, выбора конкретных психотехнологий (в части содержания и процесса реализации), прогнозирования желаемого результата, учёта факторов неопределённости и влияния извне различных акторов [4].

Политика прошлого, то есть интерпретация и использование исторических событий в политических целях, приобретает новые формы в условиях цифровизации за счёт появления и развития обширного инструментария технических и программных средств, совмещённых с технологиями социально-психологического воздействия. Социальные сети, медиаплатформы, алгоритмы рекомендаций и искусственный интеллект трансформируют способы восприятия истории, создавая новые вызовы для сохранения исторической памяти.

Социально-политические исследования современности сосредоточены на новом явлении – «Цифровой политике» (Digital Politics), что представляет собой формирование теории и выявление практики влияния цифровых технологий на различные социально-политические процессы в обществе. По мнению С. Коулмэна и Д. Фрилона цифровая политика (технологии) во многом определяет существование современного общества, позволяя различным субъектам социального влияния создавать смыслы и реализовывать определённые практики, конструируя реальность в противоречивости институционализированного и постоянно меняющегося пространства социально-политической коммуникации [5].

Социальные сети (Facebook, X (Twitter), Instagram (запрещённые в РФ), VK TikTok, Телеграмм и другие) играют ключевую роль в исторической политике и влиянии на историческое сознание общества. В социальных сетях активно распространяются как исторические факты, так и мифы, создаются вирусные хештеги, продвигаются государственные и общественные инициативы, связанные коллективной с исторической памятью. Алгоритмы соцсетей усиливают поляризацию, фрагментацию (локализацию) исторического сознания [6] формируя, так называемые, «эхо-камеры», где пользователи получают только подтверждение своих взглядов. «Интернет предоставляет нам возможность отфильтровывать нежелательный шум и создавать собственные «эхо-камеры / комнаты», но ведь демократия подразумевает, что каждый из нас должен быть ознакомлен со всем, что происходит в мире, и со всеми противоположными точками зрения» [7, с. 57].

Посредством медиаплатформ и стриминговых сервисов (YouTube, Rutube, VK и др.) распространяется множество документальных, художественных фильмов исторической тематики, лекций учёных историков, а также лиц, не имеющих никакого отношения к науке, но рассуждающих на исторические темы, зачастую, имеющих огромную аудиторию. Netflix, Amazon Prime и другие стриминги

становятся полем битвы за историческую правду, провоцируя споры, которые идут вокруг правдивости, достоверности, идеологической и политической ангажированности многих исторических сериалов и фильмов. Подкасты и аудиоплатформы (Яндекс. Музыка, Spotify и другие) содержат множество популярных альтернативных исторических интерпретаций (аудиокнижки по «новой хронологии» и т.п.).

Онлайн-архивы и цифровые библиотеки предоставляют оцифрованные исторические документы, делая их доступными для массового пользователя. Наряду с важной миссией исторического просвещения (декларируемой этими архивами и библиотеками), стоит отметить, что нередко, материалы отбираются исходя из идеологических предпочтений создателей или тех, кто финансирует проект.

Видеоигры и интерактивные проекты, как правило, формируют упрощённое представление о исторических событиях, делая акцент на эмоциональное восприятие, игровую мотивацию, что облегчает манипулятивное воздействие на пользователей.

Искусственный интеллект является идеальным инструментом исторической политики, поскольку любые версии ИИ имеют заказчика (обычно, это та организация, которая финансирует разработку), исполнителей (программистов), управляющих процессом «обучения» ИИ на обработке различных данных (книг, статей, изображений и т.п.), исправления ошибок, настраивания алгоритмов. На каждом этапе (заказе и определении целей, «обучении», отладки алгоритмов) возможно определённое сознательное влияние, приводящее к заранее запланированному результату, по крайней мере, по самым важным событиям прошлого. Поэтому стоит согласиться в выводами Г.И. Герасимова: «Анализ ответов показывает, что объективность искусственного интеллекта лишь декларируется. Поскольку источники, используемые ИИ, в большинстве своем базируются на западных либеральных теориях, то они отчетливо проявляются как в оценках и интерпретациях исторических событий, так и в применении категориально-понятийном аппарате: свобода, демократия, авторитаризм, деспотия, права человека и т.п. Иностраный ИИ дополнительно использует еще и созданные на Западе и на Украине русофобские исторические конструкты, например, – голодомор» [8, с. 25].

Также некоторые генеративные нейросети (ChatGPT, Midjourney) легко воспроизводят альтернативные исторические сценарии (буквально придумывают историю), открывая простор для манипуляций. Такие тексты выглядят правдоподобно, по заказу могут быть написаны научным языком, со ссылками на реальных или выдуманных учёных. Сгенерированные «исторические» тексты для массового сознания вполне убедительны, а придуманные «исторические факты» легко «оживают» с помощью deepfake-технологии, добавляя «достоверности» визуального восприятия.

Выводы

Цифровая среда радикально изменила историческую политику, сделав её более динамичной и конфликтной. Государство и социальные группы используют соцсети, игры, ИИ и медиа для продвижения своих нарративов, идеологии, политических интересов.

В международных отношениях геополитические интересы отстаиваются, в том числе, посредством продвижения определённой исторической политики, тем самым воспроизводя конфликт исторической памяти в глобальном масштабе. Теперь у каждого государства не просто

«своя» история, она ещё является противопоставлением, оппозицией «другой» государственной истории, что отражается не только в учебниках, но и всех возможных средствах информационного влияния цифрового социума. История подвержена фрагментации не только в результате отстаивания геополитических государственных интересов, но и внутривнутриполитических, в результате чего разные группы (объединённые по политическим, идеологическим, культурно-национальным признакам) получают «свои» версии истории через механизм «это-камеры». Поэтому создаются поляризованные большие группы внутри государства, разделённые противоположным видением и пониманием истории, отстаивающие свою «историческую правду», для которой всегда имеются в цифровых архивах «фактические» подтверждения, когда-то копии настоящих документов прошлого, но, часто, просто выдуманные, сгенерированные искусственным интеллектом.

Социально-психологическая особенность массового восприятия в его эмоциональности, чувственности, краткости, делает востребованным не научную историческую информацию, а мифологизированную историю в виде коротких видео, мемов, постов в социальных сетях с наглядными изображениями, где сложные события прошлого упрощаются до тезиса, картинка, образа, разделения на «чёрное и белое», чему способствуют цифровые инструменты создания информационных сообщений.

Искусственный интеллект и цифровые алгоритмы подстраиваются под интересы и запросы массовой аудитории, продвигая исторический контент, вызывающий эмоциональные реакции, споры, конфликты, развлекая аудиторию, решая задачу привлечения новых подписчиков, удержания старых в «праведном гневе» при отстаивании своей правды, при этом история как наука и объективное знание о прошлом уходит на второй план.

Политика прошлого в цифровом социуме – это не просто качественно новый механизм влияния на историческое сознание общества настоящего времени, а борьба, нацеленная в будущее. В условиях, когда информация распространяется мгновенно, а алгоритмы формируют наше восприятие реальности, критическое осмысление истории становится важнее, чем когда-либо. Общество нуждается в новых механизмах верификации исторических данных, цифровой грамотности и открытых дискуссиях, чтобы прошлое оставалось не инструментом манипуляции, а уроком для настоящего.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добрая книга, 2000. – 387 с.
2. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
3. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого». // «Неприкосновенный запас» –2005.-№ 2–3. – С. 36–45.
4. Пичугин В.Г. Современные психотехнологии в бизнесе: учебник / В.Г. Пичугин. – Москва: Прометей, 2024. – 188 с.
5. Handbook of digital politics / S. Coleman, D. Freelon (eds). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 512 p.
6. Пичугин В.Г. Социально-философский анализ феномена исторического сознания: аспекты локализации и дефрагментации / В.Г. Пичугин, Ж.В. Коробанова // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 124–127.

7. Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. -Vol. 47, N 12. – P. 57–59.
8. Герасимов Г.И. Какую историю пишет искусственный интеллект? // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 1. С. 20–26.

POLITICS OF THE PAST IN THE DIGITAL SOCIETY OF THE PRESENT

Pichugin V.G.

Financial University under the government of the Russian Federation

The article examines the transformation of historical politics (memory politics) in the context of the digitalization of society. The main goals and methods of historical politics aimed at strengthening power, forming national identity and legitimizing geopolitical claims are investigated. Special attention is paid to new technological tools, including social networks, artificial intelligence and deepfake technologies that allow manipulating historical consciousness, creating alternative narratives and blurring the boundaries between reality and simulation.

The article analyzes the experience of various countries (Germany, Poland, France, and the Baltic States) in using historical politics to construct national identity and historical memory.

The role of digital platforms (social networks, streaming services, video games) in the formation of fragmented and polarized historical consciousness is considered separately. The danger of using artificial intelligence to generate pseudo-historical texts and visual materials is emphasized, which enhances the manipulative capabilities of historical politics.

It is concluded that it is necessary to develop digital literacy, critical thinking and mechanisms for verifying historical data in order to resist manipulation and preserve historical memory as a basis for a meaningful future.

Keywords: consciousness, society, historical consciousness, digitalization, practices, social construction, history, politics of the past.

References

1. Baudrillard J. Symbolic exchange and death / J. Baudrillard. Moscow: Dobraya kniga, 2000. 387 p.
2. Baudrillard J. The spirit of terrorism. There was no war in the Gulf / J. Baudrillard; [translated from French by A. Kachalov]. Moscow: RIPOLL Classic, 2016. 224 p.
3. Adorno T. What does it mean to "study the past"? // "Inviolable reserve" – 2004.-№ 2–3. – pp. 36–45.
4. Pichugin V.G. Modern psychotechnologies in business: textbook / V.G. Pichugin. Moscow: Prometheus, 2024. 188 p.
5. Handbook of digital politics / S. Coleman, D. Freelon (eds). – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 512 p.
6. Pichugin V.G. Socio-philosophical analysis of the phenomenon of historical consciousness: aspects of localization and defragmentation / V.G. Pichugin, J.V. Korobanova // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 5. – pp. 124–127.
7. Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. – 2004. -Vol. 47, N 12. – P. 57–59.
8. Gerasimov G.I. What kind of history is artificial intelligence writing? // History and modern worldview. 2024. Vol. 6. No. 1. pp. 20–26.

Кант и мысленный эксперимент: методологические границы и исторический контекст

Фуэнтес Гонсалес Серхио Альберто,

аспирант, научный сотрудник, Академия Кантиана,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила
Канта

E-mail: GFuentes1@kantiana.ru

В статье переосмысливается роль Канта в истории философского осмысления мысленных экспериментов на основе анализа того, как его работы ретроспективно интерпретировались в рамках современного философского дискурса. Несмотря на то что сам Кант никогда не использовал термин «мысленный эксперимент» (*Gedankenexperiment*), который приобрёл своё современное значение лишь в XX веке, его понятие «эксперимента чистого разума» (*Experiment der reinen Vernunft*) и отдельные примеры из *Метафизических начал естествознания* побудили некоторых исследователей рассматривать его как предшественника методологии мысленного экспериментирования. Путём тщательного текстуального и концептуального анализа в статье рассматривается, позволяет ли кантовский подход считать его не просто случайным пользователем мысленных экспериментов, а предвестником их систематического философского осмысления. Показывается, что метод Канта эпистемологически отличается от современного научного понимания мысленного эксперимента, например, у Галилея. Вместо этого его подход основан на аналогии с химическим экспериментом. Тем самым статья уточняет методологическое значение кантовской эпистемологии в контексте современных дискуссий о природе и функциях мысленных экспериментов.

Ключевые слова: Кант, эпистемология, мысленные эксперименты, эксперимент чистого разума, трансцендентальный метод.

Введение

В современных исследованиях по философии науки общепризнано, что термин *мысленный эксперимент* (МЭ) восходит как минимум к 1811 году [Witt-Hansen, 1976], когда датский физик и химик Ханс Кристиан Эрстед (1777–1851) использовал его для описания демонстративного способа рассуждения, обнаруживаемого в *Метафизических началах естествознания* Иммануила Канта [Кант, 1966]. Этот факт значительно усилил интерес к работам Канта как в историческом, так и в философском изучении МЭ. С одной стороны, его труды предоставляют историкам науки примеры для анализа научного рассуждения; с другой стороны, неокантианские теории познания способствуют более глубокому пониманию роли МЭ как в науке, так и в философии. Таким образом, кантовское наследие имеет двойственное значение: оно служит одновременно источником примеров МЭ и концептуальной основой для философского анализа их природы. Основываясь на этом двойственном наследии, данная статья исследует, в какой мере кантовское учение – в особенности его понятие «эксперимент чистого разума» – может быть осмыслено как вклад в философские основания мысленного экспериментирования. Поместив Канта в историографический контекст МЭ и проанализировав ключевые текстовые примеры, автор стремится определить, оправдывает ли его методологический подход рассмотрение его не только как случайного практикующего МЭ, но и как предшественника их систематического философского осмысления.

Учитывая, что Кант никогда не использовал термин "*Gedankenexperiment*", а его современное значение сложилось лишь в XX веке, любая попытка изложить кантовскую философию МЭ неизбежно требует реконструкции, формируемой современным научным рационализмом. За последние три десятилетия были предприняты значительные усилия по разработке всеобъемлющей теории МЭ [Brown, 2011; Sorensen, 1992; Kühne, 2005]. Используя иной методологический подход, Хоровиц и Мэсси в 1990-х годах инициировали серию коллективных сборников, в которых МЭ систематически классифицируются по историческому контексту, области применения, философским предпосылкам и другим критериям [Horowitz, Massey, 1991] (см. также: Ierodiakonou, Roux, 2011; Frappier et al., 2013; Stuart et al., 2018). Эта последняя редакторская тенденция отражает неизбежные трудности, связанные с определением концептуальных границ данного понятия. Как отмечал Томас Кун, «очевидно, что ни один мысленный эксперимент не может служить примером для всех исторически значимых случаев. Сама категория *мысленного эксперимента* слишком широка и размыта, чтобы её можно было выразить через единый образец» [Kuhn, 1977, p. 241]. Такая проблема возникает и при анализе кантовского обращения к МЭ: жёсткое определение рискует исключить случаи, имеющие философскую или историческую значимость. Вместо этого я предлагаю наметить контуры данного понятия, составив краткий обзор мест в произведениях Канта, которые в исследовательской литературе были интерпретированы как МЭ. Настоящая статья, однако,

сосредоточена исключительно на анализе кантовского использования МЭ в теоретической философии и естествознании. Хотя в практической философии Канта также встречаются гипотетические рассуждения и модельные построения, подобные случаи остаются за рамками данного исследования.

Один из аргументов Канта до-критического периода, который в критической литературе был интерпретирован как МЭ, содержится, например, в его эссе *О первом основании различия сторон в пространстве* [Кант, 1964] [см. Virvidakis, 2011, с. 127]¹. В этом тексте Кант рассматривает человеческие руки как пример *неконгруэнтного подобия*, то есть «такое тело, которое во всем совершенно равно и подобно другому, хотя и не может быть заключено с ним в одни и те же границы» [Кант, 1964, с. 376; II: 382–383]. Он предлагает читателю представить «... что первым, что было создано [в мире], была человеческая рука...» [Там же, с. 378 (II: 382–383)] – эта гипотеза служит отправной точкой для МЭ, направленного на опровержение лейбнизианской реляционной концепции пространства. В критический период, в начале «Трансцендентальной эстетики» в *Критике чистого разума*, Кант воображает тело, которое постепенно абстрагируется от всего «что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т.п.». Затем он предлагает читателю отделять от представления этого тела «все, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твердость, цвет и т.п.» [Кант, 2006а, с. 51; А 20 / 2006b, с. 91; В 35]. Лиза Шабель трактует этот фрагмент как «мысленный эксперимент, призванный дополнительно подтвердить идею о том, что форму явлений можно исследовать независимо от их содержания и, следовательно, что наука априорной чувствительности является легитимной» [Shabel, 2010, с. 95]. Что касается позднего критического периода, Фейг и Стюарт относят к примерам МЭ его доказательство того, что силы отталкивания и притяжения являются равно фундаментальными – вывод, к которому Кант приходит, анализируя последствия воображаемой ситуации, в которой человек мог бы непосредственно воспринимать силу притяжения [Fehige, Stuart, 2014, с. 20]².

Эти примеры – относящиеся к докритическому, критическому и позднему критическому периодам Канта – демонстрируют многообразие, с которым мысленные эксперименты проявляются в его трудах. В настоящей работе не ставится под сомнение тот факт, что Кант применял мысленные эксперименты весьма разнообразным образом. Напротив, автор разделяет точку зрения, что «сочинения Канта изобилуют мысленными экспериментами самых разных типов» [Virvidakis, 2011, р. 127] и что «Кант был мастером мысленного экспериментирования» [Fehige, Stuart, 2014, р. 203]. Однако, как справедливо отмечают Фейге и Стюарт, само понятие мысленного эксперимента исторически изменчиво и контекстуально обусловлено, вследствие чего существует «тенденция маргинализировать историческую обусловленность доказательной значимости, которую может иметь любой мысленный эксперимент» [Там же, pp. 179–180]. Таким образом, оценка подхода Канта к мысленным экспери-

¹ О других местах в сочинениях Канта, где рассматривается данный мысленный эксперимент, см.: Кант, 1964, с. 403–404 (II: 403; § 15); Кант, 1965, с. 101–102 (IV: 285–286; § 13). Философское обсуждение аргумента о неконгруэнтном подобии как в широком философском контексте, так и в кантоведческих исследованиях см.: Cleve, Frederick, 1991. В русскоязычной философской литературе (хотя и вне контекста мысленных экспериментов) значение аргумента о неконгруэнтном подобии для формирования философии Канта анализируется в следующих работах: Васильев, 1998, с. 8; Васильев, 2003, с. 239.

² См. Кант 1966, с. 107; IV: 509

ментам требует более исторически обоснованного и концептуально аккуратного анализа.

В этом отношении четырёхэтапная периодизация Брауна и Фейга представляет собой полезную схему для размещения Канта в контексте современной философской рефлексии о МЭ. По их мнению [Brown, Fehige, 2023; см. раздел 3], введение Эрстедом термина относится к первому этапу, охватывающему XVIII–XIX века, когда МЭ начинают осознаться как значимое явление как в философии, так и в науке, особенно в физике. Присутствие Канта на этом этапе лишь опосредованное – через специфическое прочтение его *Метафизических начал естествознания* Эрстедом. Второй этап, начавшийся в начале XX века, характеризуется более структурированным обращением к МЭ, однако остаётся во многом оторванным от предыдущей стадии и, что показательно, проходит без отсылок к Канту. Третий этап, возникший в середине XX века, скорее всего, был обусловлен усилением интереса к научной практике как способу осмысления самой науки. Четвёртый этап, начавшийся в 1980-х годах, был вызван дискуссией между Дж.Р. Брауном и Дж. Нортоном, представляющими соответственно рационалистскую и эмпиристскую позиции в интерпретации МЭ [Brown, 2011, 2004; Norton, 2004]. В последнее время Йифтах Фейг предложил рассматривать данную дискуссию в рамках «обещания Канта», утверждая, что «кантовская теория познания, по-видимому, позволяет сохранить рационалистский характер МЭ и вместе с тем признать за эмпиризмом приоритет реальных экспериментов в научном исследовании мира» [Fehige, 2012, с. 145]. На этом этапе Кант вновь оказывается вовлечён в дискуссию, поскольку неокантианские интерпретации МЭ ныне рассматриваются как возможный путь разрешения спора между Нортоном и Брауном – аналогично тому, как когда-то сама кантианская эпистемология стремилась примирить конкурирующие теории эмпиризма и рационализма. Однако настоящее исследование сосредоточено преимущественно на первом этапе, на котором вклад Канта в философию экспериментального метода представляется наиболее прямым.

Соответственно, в первой части данной статьи рассматривается, как фигура Канта была представлена в историографии мысленных экспериментов, с особым вниманием к ретроспективному осмыслению его трудов и влиятельному прочтению Ханса Кристиана Эрстеда. В этой части реконструируются классификационные схемы, в рамках которых Кант – либо на периферии, либо опосредованно – включается в ранние этапы дискуссий о МЭ. Вторая часть посвящена анализу кантовского понятия «эксперимент чистого разума» в первой *Критике*, с особым акцентом на введении к изданию В. Рассматривается, каким образом Кант выстраивает эту процедуру по аналогии с экспериментальными практиками в химии, в частности, с методом разложения и последующего соединения, и оценивается её роль в более широком контексте трансцендентального исследования. В третьей части эта процедура переосмысливается через призму концепции Эрнста Маха о методе вариации; утверждается, что подход Канта предвосхищает ключевые черты философского мысленного экспериментирования – прежде всего концептуальную вариативность и трансцендентальную аргументацию – оставаясь при этом отличным от эмпирических моделей.

Место Канта в историографии мысленных экспериментов

Следует начать с характеристики первого этапа в современной истории исследования мысленных экс-

периментов, предложенной Брауном и Фейге: «в XVIII–XIX веках начинает формироваться осознание значимости мысленных экспериментов как в философии, так и в науке. Помимо Лихтенберга и Ханса-Кристиана Эрстеда, следует особо отметить и Новалиса» [Brown, Fehige, 2023]. Особенно заметно в этом перечне отсутствие Канта. Немецкий физик и философ Георг-Кристоф Лихтенберг (1742–1799), напротив, занимает важное место на этом этапе благодаря своей методологической установке на *экспериментирование с идеями и мыслями* (“*mit Ideen experimentieren*”; “*mit Gedanken experimentieren*” [Lichtenberg, 1994, p. 454]. По мнению Лихтенберга, необычные сочетания идей приводят к переосмыслению, которое способствует углублению нашего понимания мира: «эти эксперименты помогают преодолеть укоренившиеся привычки мышления, способные тормозить развитие науки, и делают возможной просвещённую философию» [Brown, Fehige, 2023].

Подобно Лихтенбергу, Новалис (псевдоним Георга-Филиппа Фридриха фон Харденберга, 1772–1801) также не использовал термин «мысленный эксперимент», хотя Йифтах Фейге и М.Т. Стюарт приписывают ему использование выражения «поэмы продуктивного воображения». В рамках немецкого романтизма сама природа осмыслялась как органическое целое, где умственное и физическое рассматривались как различные уровни её организации. Как отмечают Фейге и Стюарт, благодаря предполагаемой связи между поэзией и природой Новалис воспринимал продуктивное воображение как проявление природы, отражающее экспериментальный характер физических экспериментов [Fehige, Stuart, 2014]. Таким образом, Лихтенберг и Новалис не только систематически прибегали к мысленным экспериментам, но и осмыслили их как методологическую установку, то есть как результат философского исследования значения мысленного экспериментирования для познания. Они исследовали взаимосвязь между мысленными экспериментами, научным знанием и реальными экспериментами, преимущественно в области физики.

Со своей стороны, Эрстед в 1811 году ввёл в употребление датский термин «*Tankeexperiment*», эквивалентный немецкому «*Gedankenexperiment*», который позднее вошёл в англоязычную философию как «мысленный эксперимент». В *Общем введении в физику* Эрстед ссылался на *Метафизические начала естествознания* Канта как на произведение, содержащее «наиболее прекрасные примеры» «творческого» или «генетического метода» для «показа истины в момент её зарождения» [Ørsted, 1998, с. 295–296]. По мнению Даниэля Конитца, употребление Эрстедом термина «мысленный эксперимент» соответствует кантовскому понятию доказательства через наглядное представление, включающего воображаемые геометрические построения, осуществляемые в чистом созерцании. Применённый к математическому анализу, этот подход привёл к формированию своеобразной метафизики, основанной на кинематических принципах. Таким образом, использование Кантом термина «мысленный эксперимент» отражало специфическую математико-физическую практику XVIII века, а не более широкий смысл, который этот термин имеет сегодня [см. Cohnitz, 2009, с. 429].

Final del formulario

В другой статье Йифтах Фейге и М.Т. Стюарт (2014) дают развёрнутую оценку начальному этапу в истории современной философии мысленных экспериментов, который они называют «преддверием». Хотя Лихтенберг и Новалис остаются центральными фигурами этого этапа, Эрстед здесь заметно отсутствует. Поскольку именно Эрстед в своё время ввёл термин *Tankeexperiment*

по отношению к *Метафизическим началам естествознания* Канта, авторы предполагают, что датский учёный будет более уместно подробно рассмотрен в будущей (на момент публикации ещё не вышедшей) статье, посвящённой второму этапу, обозначенному как «период наречения» [с. 180]. Вместо Эрстеда они возвращаются к Канту в рамках анализа первого этапа, обеспечивая таким образом «плавный переход» ко второму. В статье Фейге и Стюарта (2014) нет дополнительных указаний на то, какие ещё авторы включены во второй этап – «период наречения», – за исключением упоминания о том, что этот период начинается с Эрстеда и «во многом обязан Канту» [с. 180]. Однако в более поздней работе Брауна и Фейге подчёркивается, что второй этап «имеет мало общего с попытками, предпринятыми на первом этапе» [Brown & Fehige, 2023], и среди его ключевых фигур называются Эрнст Мах, Пьер Дюэм и Алексис Мейнонг. Можно предположить, что связь между Кантом и «периодом наречения» здесь устанавливается посредством рациональной реконструкции, которая прослеживает влияние неокантианских идей на заре современной философии науки в конце XIX века.

Как видно из приведённой ниже схемы, я в целом согласен с периодизацией, предложенной Фейге и Стюартом (2014), которая включает этапы «преддверие» и «период наречения». Однако я не разделяю их включение Эрстеда в первый этап; напротив, я придерживаюсь более поздней классификации Брауна и Фейге, согласно которой Эрстед отнесён ко второму этапу [Brown, Fehige, 2023]. Датский учёный не только ввёл термин *Gedankenexperiment*, но и использовал его для описания метода, сопоставимого с реальными экспериментами в физике. В этом смысле, возможно, будет точнее сохранить само понятие «наречение» именно за конкретным историческим вкладом Эрстеда – особенно с учётом его специфической интерпретации *Метафизических начал естествознания* Канта и его роли во введении этого термина. При этом более широкое использование обозначения «период наречения» предпочтительно для первого систематического этапа исследований мысленных экспериментов (табл. 1).

Таблица 1

I. Этап-преддверие		II. Этап-наречения
XVIII–XIX вв.		XX в. (первая половина)
Кант Новалис Г.К. Лихтенберг	Эрстед – «наречение»: <i>Tankeexperiment</i>	Дюэм Мах Мейнонг
Предвосхищение концепции <i>Эксперименты чистого разума</i> (Кант) <i>Поэмы продуктивного воображения</i> (Новалис) <i>Эксперименты с мыслями и идеями</i> (Lichtenberg)		Введение термина Первое систематическое исследование <i>Gedankenexperiment</i> <i>Thought Experiment</i>

Независимо от того, как интерпретируется роль Эрстеда – будь то как предшественника или как участника «периода наречения», – центральный вопрос заключается в том, внёс ли сам Кант вклад в философское осмысление мысленных экспериментов таким образом, чтобы это оправдывало его включение в один из этих этапов. Йифтах Фейге и М.Т. Стюарт [2014, с. 299] дают утвердительный ответ, приводя четыре ключевых основания: (i) замечания Эрстеда о *Метафизических нача-*

лах естествознания; (ii) влияние Канта на Лихтенберга и Новалиса; (iii) кантовское понятие «эксперимента чистого разума»; (iv) потенциал кантовской теории познания для примирения рационалистского и эмпиристского подходов к мысленным экспериментам. Пункты (i) и (ii) указывают на несомненное влияние Канта на размышления его современников о понятиях, предвосхищающих современное понимание мысленного эксперимента. В свою очередь, пункт (iv) касается современных неокантианских подходов, которые рассматривают мысленные эксперименты как метод научной практики. Однако среди этих оснований лишь пункт (iii) действительно обосновывает представление о том, что Кант предложил нечто подобное философии мысленных экспериментов – подход, который позволяет рассматривать его не просто как экспериментатора, но как предшественника их систематического философского анализа. Для оценки этого утверждения в следующем разделе рассматривается понятие «эксперимента чистого разума», его роль в *Критике* и те интерпретации, которые оно получило в научной литературе.

Как станет ясно далее, подход Канта принципиально отличается от современных научных или эпистемологических моделей мысленных экспериментов. Эта разница наглядно обозначена в приведённой выше схеме, где имя Канта зачёркнуто. Кант не разработал систематическую теорию мысленных экспериментов, и его так называемый «эксперимент чистого разума» не являлся экспериментом в современном смысле слова. Скорее, это был трансцендентальный метод, предназначенный для выявления условий возможности, который гораздо ближе к химическому анализу, чем к физическому эксперименту.

Переосмысление эксперимента чистого разума как мысленного эксперимента

В *Критике чистого разума* Кант предлагает метод проверки концептуальных различий и трансцендентальных принципов. Приняв «изменённый метод самого способа мысли», а именно: «мы *a priori* познаём в вещах только то, что сами в них вложили» [Кант, 2006b, с. 19 (В xviii)], Кант вводит процедуру проверки, «подражающий деятельности естествоиспытателя» [Там же, с. 19, примеч.]. В примечании к предисловию ко второму изданию он поясняет:

Этот эксперимент чистого разума во многих отношениях походит на тот эксперимент химиков, который они иногда называют *редукцией*, а вообще же *синтетическим методом*. Произведённый *метафизиком анализ* разделил чистое познание *a priori* на два весьма различных элемента – познание вещей как явлений и познание вещей самих по себе. *Диалектика* в свою очередь приводит оба эти элемента к общему согласию с необходимой идеей разума – с идеей *безусловного* и считает, что это согласие получается не иначе как через упомянутое различие, которое, следовательно, есть истинное различие [Там же, с. 23, примеч. (В xxi)].

Таким образом, эксперимент чистого разума подражает естествознанию «насколько это позволяет сходство их с метафизикой как основанных на разуме познаний» [Там же, с. 17 (В xvi)]. Он включает новый метод, направленный на то, чтобы «найти элементы чистого разума в том, что поддаётся подтверждению или опровержению в эксперименте». Такой эксперимент, в свою очередь, должен проводиться в мысли, поскольку «для испытания положений чистого разума, особенно когда он отваживается выходить за пределы всякого возможного опыта, нельзя провести ни одного эксперимента с его объекта-

ми (как это делается в естествознании). Следовательно, это возможно только по отношению к *a priori* принятым нами понятиям и основоположениям» [Там же, с. 19–21, примеч. (В xviii)]. Экспериментальный характер этой процедуры обосновывается аналогией с химией, где эксперимент редукции доказал свою эффективность для проверки состава раствора путём его разложения и последующего соединения. Аналогично этому Кант предлагает, чтобы чистый разум проверял обоснованность собственных принципов и различий, подвергая их эксперименту, который разлагает познание на явления и вещи сами по себе, а затем вновь синтезирует их для проверки действительности *a priori* принципов.

Однако простого утверждения, что процедура, которую Кант называет экспериментом чистого разума, действительно является экспериментом на основании её аналогии с процессом химической редукции, недостаточно для прояснения сути дела. Необходимо разъяснить эту аналогию и чётко определить экспериментальный характер обеих процедур. Только после этого можно будет установить, существует ли концептуальное единство между *Критикой чистого разума* и другими формами рассуждения в кантовском философском наследии.

Трудность заключается в том, что Кант нигде – ни в *Критике*, ни в других работах – не предлагает развернутого описания научного эксперимента. Как отмечает Ванцо, «в кантовском корпусе отсутствует детальное и самостоятельное обсуждение того, что такое эксперимент, за исключением утверждения, которое было общепринятым среди немецких современников Канта... а именно, что посредством экспериментов мы вмешиваемся в природу, приводя объекты в такие состояния, в которых они иначе не оказались бы» [Vanzo, 2012, с. 76–77]. Одним из самых показательных фрагментов об экспериментировании в *Критике чистого разума* является хорошо известное замечание из предисловия ко второму изданию, где Кант упоминает Галилея, Торричелли и Шталья:

Свет блеснул для всех естествоиспытателей тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары с им самим избранной тяжестью, когда Торричелли заставил воздух поддерживать вес, который, как он заранее предвидел, был равен весу известного ему столба воды, или когда Шталь в ещё более позднее время превращал металлы в известь и известь обратно в металлы, что-то выделяя из них и вновь присоединяя к ним* [...]

*Я здесь не следую в точности истории экспериментального метода, к тому же первые шаги его не очень-то известны [Kant 2006b, pp. 13–15 (В xiii)].

Две идеи, содержащиеся в этом фрагменте, имеют ключевое значение для прояснения того, в каком именно смысле эксперимент чистого разума можно считать экспериментом. Во-первых, Кант поясняет в примечании, что постановка этих трёх учёных на один уровень не отражает реального хронологического развития экспериментального метода, истоки которого ему были неизвестны. Однако это не означает, что предисловие ко второму изданию лишено исторической значимости в данном отношении. Напротив, Кант предлагает историческую перспективу методологической (коперниканской) революции в физике – интерпретацию, которая, как отмечает Лемански, тесно связана с рациональной реконструкцией понятия эксперимента и простирается даже до химии Шталья:

Коперник первым осуществил эту методологическую революцию, хотя сам он её теоретически не осмысливал. Лишь методологическая революция в астрономии привела к содержательной революции – то есть переход

от индукции к дедукции повлѣк за собой переопределение содержания, выразившееся в смене геоцентрической модели на гелиоцентрическую. Позднее Бэкон вновь обратился к этому методологическому «следу», оставленному Коперником, и «оживил» открытие метода посредством собственных теоретических размышлений. Кант, в свою очередь, стремился вновь продемонстрировать и проиллюстрировать этот процесс на примере «быстрой революции в способе мышления» в трудах Галилея, Торричелли и Штала [Lemansky, 2016, с. 458].

Лемански подчѣркивает в этом и других фрагментах, что определяющей чертой методологической революции, начатой Галилеем, Торричелли и Шталем, стало принятие дедуктивного метода в экспериментировании. Соответственно, первый перешѣл от индуктивного рассуждения и экспериментирования к дедуктивному [Там же, с. 467]; второй отказался от подхода, основанного на эмпирических данных, в пользу теоретически ориентированного [Там же, с. 474]; третий же перешѣл от теории, зависящей от опыта, к методу дедуктивной проверки гипотез [Там же, с. 482]. Действительно, благодаря отказу от понимания эксперимента как исключительно индуктивной процедуры становится возможным представить такую форму экспериментального рассуждения, которая не связана строго ни с опытом, ни с физической реализацией. Именно это методологическое смещение и позволяет осмысленно (не противоречиво) говорить о «мысленном» эксперименте или об эксперименте «чистого разума».

Во-вторых, упоминание процесса образования калькса (от латинского *calx*; известъ) и восстановления металла у Штала в (В хiii) имеет особое значение, поскольку Кант прямо проводит параллель между экспериментом чистого разума и химическим экспериментом редукции. По наблюдению Лемански, Кант отсылает к конкретному месту из «*Beweis von den Saltzen*» (1723), где Шталь описывает процесс восстановления металла из калькса путѣм добавления угля [Там же, 2016, с. 478]. В этом эксперименте кусок угля нагревался вместе с кальксом, который в химии XVII века понимался как остаток металла после утраты определённого компонента – флогистона, согласно шталевской химии. Предполагалось, что в процессе нагрева уголь вновь вносит этот жизненно важный компонент в калькс, тем самым восстанавливая металл в его исходное состояние. Орывок (В хiii) явно отсылает к тому же химическому опыту редукции, который затем снова появляется в примечании (В хxi) как образцовый пример рационального познания. Успех этого эксперимента, в свою очередь, обосновывает методологический подход, избранный в предисловии ко второму изданию *Критики чистого разума*, где для метафизики постулируется новый метод по аналогии с химией.

Мартин Штикер предлагает однозначное сопоставление элементов данной аналогии: «Метафизик, занимающийся диалектикой, не только заново объединяет элементы чистого познания после их разложения, но и вводит третий элемент (идею безусловного). Это делается с целью получения нового метафизического знания, касающегося предельной (безусловной) структуры реальности» [Sticker, 2016, с. 44–45].

Исходя из этой интерпретации Штикера и развивая её в рамках подхода Лемански, можно выстроить следующую схему соответствий: познание выступает аналогом металла, калькс соответствует вещи как явлению, флогистон – вещи самой по себе, а рациональная идея безусловного – третьему элементу, то есть углю в шталевском эксперименте. Интерпретация Штикера справедливо указывает на то, что третий элемент в обеих частях аналогии выполняет функцию активного начала:

в опыте Штала уголь структурирует металл, так же как в кантовском эксперименте идея безусловного направляет разум в стремлении к завершѣнности эмпирических условий и активно структурирует само познание.

Что касается экспериментального характера кантовской процедуры, Штикер утверждает, что она опирается на «экспериментальный метод, основанный на разложении вещества, сохранении его компонентов в изолированном виде и наблюдении их последующего соединения с другими компонентами в соответствии с законами природы» [Там же, с. 44–45]. Однако, хотя это описание метода не является неправильным, оно чрезмерно акцентирует роль наблюдения и, тем самым, расходится с пониманием эксперимента, которое Кант разделял со своими немецкими современниками, – а именно, с представлением о том, что эксперимент есть постановка вопроса природе [Кант, 2006b, с. 15; В хiii]. Кэрриер справедливо отмечает, что Кант сопоставил эксперименты Галилея, Торричелли и Штала именно потому, что они «образцово воплощали один из ключевых аспектов научного метода – требование активно задавать природе вопросы, которые формулируются разумом в соответствии с принципами суждения, а не пассивно следовать за природой». В отношении опыта Штала Кэрриер также подчѣркивает, что Кант ценил его за то, что тот «проектировал эксперименты таким образом, чтобы они могли дать ответы на теоретически значимые вопросы, а не просто служили накоплению данных» [Carrier, 2001, с. 216]. Такое понимание экспериментального метода, в свою очередь, не исключает интерпретацию Лемански; напротив, оно демонстрирует применение метода дедуктивной проверки гипотез, где гипотеза направляется идеями разума.

Эксперимент чистого разума сквозь призму Маха

Здесь я предлагаю альтернативную и, возможно, более всеобъемлющую интерпретацию, которая согласуется с подходами Лемански, Штикера и Кэрриера, но при этом позволяет яснее взглянуть на эксперимент чистого разума как на мысленный эксперимент. Эта интерпретация опирается на экспериментализм Эрнста Маха. Согласно Маху, мысленные эксперименты проводятся «на более высокой ступени умственного развития», где экспериментатор получает «умственный опыт» [Mach, 2014, с. 195]. Иными словами, мысленный эксперимент позволяет при помощи воображения сопоставить предполагаемую ситуацию с определёнными ожиданиями и допущениями, которые опираются на предыдущий опыт взаимодействия с миром. Более того, Мах утверждает, что мысленный эксперимент «есть и необходимое *предварительное условие* эксперимента физического» [Там же]. Помимо этого методологического приоритета, Мах также настаивает на том, что мысленные эксперименты обладают когнитивным, а возможно, и эволюционным превосходством по сравнению с реальными экспериментами. Он полагает, что не существует чѣткой границы между экспериментированием, направляемым мышлением, и инстинктивными изобретениями доисторического человека, такими как завязывание узлов или ткачество, что позволяет заключить: склонность человека к эксперименту предшествует формализации научного исследования.

Предлагаю рассмотреть то, что Кант усматривает в экспериментах Штала, Галилея и Торричелли, как аналог того, что Эрнст Мах позже назвал *методом вариации* – принципа, общего как для мысленных, так и для

физических экспериментов, начиная с доисторических практик и вплоть до современных научных исследований:

Все, что мы можем узнать при помощи эксперимента, сводится к *зависимости* или *независимости* элементов (или условий) какого-нибудь явления от другого, и этим исчерпывается. Когда мы произвольно изменяем известную группу элементов или даже *один* из них, другие элементы тоже изменяются или – при других условиях – остаются без изменения. Основной метод эксперимента есть метод *вариации*[¹]. [Mach, 2014, 196].

Если рассматривать данный фрагмент (В хiii) сквозь призму Маха, становится очевидно, что Галилей изменял вес шаров, скатывающихся с наклонной плоскости; Торричелли систематически изменял тип жидкости (вода, ртуть), перемещаемой давлением воздуха, а также регулировал её объём и высоту труб, в которых она содержалась; Шталь варьировал комбинацию веществ в химическом составе. Во всех случаях осуществлялась произвольная вариация элементов исследуемых систем в рамках своих экспериментальных установок – подобно тому, как эксперимент чистого разума у Канта предполагает вариацию в методе «самого способа мысли».

Однако между ними существует ключевое различие: если реальные (физические) эксперименты служат средствами эмпирической проверки, то эксперимент чистого разума представляет собой трансцендентальную процедуру верификации – трансцендентальный аргумент. Это различие требует более пристального анализа, поскольку трансцендентальные аргументы обладают рядом черт, схожих с парадигматическими экспериментами, упомянутыми в процитированном фрагменте предисловия ко второму изданию, которые и принесли Галилею, Торричелли и Шталю уважение Канта: они являются дедуктивными и используют основной метод вариации.

Одним из наиболее значимых вкладов в интерпретацию эксперимента чистого разума у Канта как мысленного эксперимента в современном смысле считается статья Каллина «Kant's Transcendental Arguments as *Gedankenexperimente*». Каллин утверждает, что мысленные эксперименты представляют собой метод Канта для обоснования трансцендентальных принципов в *Критике чистого разума* [Kalin, 1972, p. 321]. Его анализ сосредоточен на законе каузальности, а именно: «все изменения происходят по закону связи причины и действия» [Кант, 2006а, с. 255; А 189 / 2006b, с. 321; В 232]. Индуктивные аргументы неэффективны для обоснования таких положений, поскольку трансцендентальный принцип составляет само условие возможности опыта, что делает обращение к реальному опыту недостаточным для их обоснования. Точно так же догматические аргументы оказываются непригодными, поскольку концептуальный анализ даёт только аналитические положения, в то время как трансцендентальные принципы, по Канту, являются синтетическими и априорными. Согласно Каллину, стратегия Канта предполагает особый тип аргументации, которая не является ни индуктивной, ни догматической. Подобная структура, по его мнению, обнаруживается в нескольких фрагментах «Второй аналогии», особенно в А 194/В 239 и А 201/В 247 [Там же, 1972, с. 307; 311]. Отмечая, что в указанных фрагментах прослеживается

логическая структура доведения до абсурда, он предполагает, что эти аргументы, хотя и так построены, также могут быть поняты как мысленные эксперименты. Далее Каллин проводит различие между тем, что он называет «обычным» мысленным экспериментом и его «кантовской» версией. С одной стороны, обычный мысленный эксперимент «служит для оценки гипотезы путём предвосхищения некоторых эмпирических последствий её предполагаемой истинности или ложности» [Там же., 1972, с. 322]. Кантовский тип мысленного эксперимента, напротив, i) не «предвосхищает» эмпирические обстоятельства, а предполагает фундаментальные изменения в самой структуре опыта; ii) служит обоснованию трансцендентальных принципов, а не проверке обычных гипотез². Такой мысленный эксперимент, функционально представляющий собой трансцендентальный аргумент с логической структурой *reductio ad absurdum*, может быть также понят как приложение основного метода вариации. Он исследует, как изменилась бы структура нашего опыта при отсутствии определённых фундаментальных элементов, таких как принцип причинности.

Фейге и Стюарт утверждают, что кантовский тип эксперимента, выделенный Каллином, наглядно представлен во «Второй аналогии» Канта через примеры дома и лодки, движущейся по течению³. [Fehige, Stuart, 2014, p. 200]. В этих случаях Кант противопоставляет упорядоченные и неупорядоченные последовательности восприятия: движение лодки воспринимается как необходимый временной порядок, тогда как дом может быть осмыслен в любом порядке без изменения самого восприятия объекта. Хотя эти примеры демонстрируют необходимость каузального порядка в опыте, они не являются теми конкретными фрагментами, которые Каллин выделяет в качестве мысленных экспериментов у Канта. Вместо этого Фейге и Стюарт трактуют эти примеры как составляющие сам мысленный эксперимент, тогда как для Каллина они служат лишь иллюстрацией в рамках более широкого трансцендентального эксперимента, направленного на обоснование принципа каузальности [Kalin, 1972, p. 320]. Вирвидакис указывает на характерную черту мысленных экспериментов, которая не чужда Канту и помогает объяснить различие между интерпретациями Каллина и Фейге со Стюартом: «...мы могли бы говорить о мысленных экспериментах, которые вводят аргументы, обосновывая одну или несколько исходных посылок, а также о более протяжённых аргументах, включающих один или несколько мысленных экспериментов на определённом этапе» [Virvidakis, 2011, p. 130].

Заключение

Эти рассуждения позволяют поместить эксперимент чистого разума Канта в контекст развивающегося дискурса

² В этом отношении кантовский мысленный эксперимент методологически в целом сопоставим с концепцией мысленного эксперимента у Томаса Куна, при условии принятия концепции релятивизированного априори. Так, Кун (1977) отмечает, что основная функция экспериментов состоит в устранении противоречий в тех концептах, которыми оперирует естествоиспытатель, а мысленные эксперименты способствуют одновременному прояснению как природы, так и понятий: «в результате мысленных экспериментов большинство людей одновременно узнаёт нечто и о своих концептах, и о мире» (Kuhn, 1977, с. 253). В аналогичном ключе рассуждает и Филатов (2016), подчеркивая, что «основная роль мысленных экспериментов состоит не в «исследовании природы»,...а в прояснении и анализе наших способов воспринимать и мыслить реальность» (Filatov, 2016, с. 24).

³ Кант называет эти аргументы «примерами» (Beispiele). См.: Кант, 2006а, с. 259; А 192 / 2006b, с. 327; В 237.

¹ Исправленный перевод. Термин «метод изменений» заменён на «метод вариации» как более точный перевод немецкого «Methode der Variation», используемого Махом. По той же причине в данном исследовании используется выражение «мысленный эксперимент» вместо предложенного в русском издании варианта «умственный эксперимент» как перевода немецкого «Gedankenexperiment».

о мысленных экспериментах. Понятие эксперимента чистого разума у Канта возникло не из размышлений о его связи с физическими экспериментами, как это происходило на других этапах развития концепции мысленного эксперимента. Напротив, оно имеет происхождение в аналогии с конкретным химическим экспериментом – важный момент, который помещает кантовское употребление термина в совершенно иной эпистемологический контекст. В отличие от научных экспериментов, направленных на проверку гипотез посредством сопоставления с эмпирическими данными, основанием доказательства в эксперименте чистого разума выступает не собственно опыт, а возможный опыт. Эти обстоятельства объясняют, почему эксперимент чистого разума у Канта не превосходит современный методологический подход к мысленным экспериментам, который сегодня ассоциируется, например, с Галилеем или Эйнштейном. Скорее, он превосходит философскую форму мысленного эксперимента как метод, отличающийся от научных мысленных экспериментов и более тесно связанный с рационалистскими способами философского исследования. Действительно, в *Критике чистого разума* эксперимент чистого разума функционирует не как интуитивная процедура (как в математике или физике), а как дискурсивный философский инструмент.

Анализ отношения Канта к мысленным экспериментам выявляет сложный и методологически своеобразный вклад. Его эксперимент чистого разума, рассматриваемый в историческом и текстуальном контексте, предстаёт как явно трансцендентальный подход, основанный на методе вариации, который находит отклик в последующих философских интерпретациях, но при этом остаётся эпистемологически отличным от современных научных мысленных экспериментов. Таким образом, центральный вопрос заключается не в том, превосходил ли Кант методологию позднейших научных мысленных экспериментов, а в том, внёс ли он прямой вклад в философское осмысление их функции. Тем не менее предполагаемая методологическая преемственность между критической философией Канта и его научными доказательствами в *Метафизических началах естествознания* оказывается как в историческом, так и в концептуальном отношении сомнительной. В этом контексте кантовские мотивы, лежащие в основе введения Эрстедом соответствующего термина, в конечном счёте оказываются несущественными. Даже если поставить под сомнение точность его прочтения – а его ссылки на *Метафизические начала* действительно кратки и неоднозначны, – сам факт его обращения к ним тем не менее знаменует собой ранний этап формирования современного философского дискурса о мысленных экспериментах. Эпизод Эрстеда в этом особом разделе истории научного эксперимента, безусловно, свидетельствует о том, что существует Кант, мыслящий в русле научного экспериментирования. Однако рассматривать это участие Канта как даже предварительный набросок философии мысленных экспериментов означало бы явное преувеличение.

Литература

1. Васильев, 1998 – Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). Москва: Наследие, 1998. 160 с.
2. Васильев, 2003 – Васильев В.В. История философской психологии. Западная Европа – XVIII век. Калининград: Stoa Kantiana, 2003. 559 с.
3. Филатов, 2016 – Филатов В.П. Мысленные эксперименты и априорное познание. Эпистемология и философия науки, 2016, т. 49, No. 3, с. 17–27.
4. Кант, 1964 – Кант И. О форме и принципах чувственного воспринимаемого и умопостигаемого мира // Сочинения в шести томах. Т. 2. Москва: Мысль, 1964. С. 382–425.
5. Кант, 1965 – Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки // Сочинения в шести томах. Т. 4 (ч. I). Москва: Мысль, 1965. С. 71–799.
6. Кант, 1966 – Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения в шести томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966. С. 53–176.
7. Кант, 2006b – Кант И. Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 1. Москва: Наука, 2006b.
8. Кант, 2006a – Кант И. Критика чистого разума // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2, ч. 2. Москва: Наука, 2006a.
9. Мах Э., 2014 – Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 458 с.
10. Brown, 2004 – Brown J.R. Why Thought Experiments Transcend Empiricism // C. Hitchcock (Ed.) Contemporary Debates in Philosophy of Science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 23–43.
11. Brown, 2011 – Brown J.R. The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. New York: Routledge, 2011. 226 p.
12. Brown, Fehige, 2023 – Brown J.R., Fehige Y. Thought Experiments (Winter 2023 Edition) // Edward N. Zalta, Uri Nodelman (Eds.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/thought-experiment/> (accessed on: 25.04.2025).
13. Carrier, 2001 – Carrier M. Kant's Theory of Matter and His Views on Chemistry // Kant and the Sciences. New York: Oxford University Press, 2001. P. 205–230.
14. Cleve, 1991 – Cleve J., Frederick R.E. (Eds.). The Philosophy of Right and Left: Incongruent Counterparts and the Nature of Space. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991.
15. Cohnitz, 2009 – Cohnitz D. "Ørsted's 'Gedankenexperiment': eine Kantianische Fundierung der Infinitesimalrechnung?" // Kant-Studien. 2009. Vol. 99. No. 4. P. 407–433.
16. Fehige, 2012 – Fehige Y. 'Experiments of Pure Reason': Kantianism and Thought Experiments in Science // Epistemologia. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 141–160.
17. Fehige, Stuart, 2014 – Fehige Y., Stuart M.T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // Perspectives on Science. 2014. Vol. 22. No. 2. P. 179–220.
18. Frappier et al., 2013 – Frappier M., Meynell L., Brown J.R. (Eds.). Thought Experiments in Philosophy, Science, and the Arts. New York: Routledge, 2013. 268 pp.
19. Horowitz, Massey, 1991 – Horowitz T., Massey G.J. (Eds.). Thought Experiments in Science and Philosophy. Savage, Md: Rowman & Littlefield, 1991. 335 pp.
20. Ierodiakonou, Roux, 2011 – Ierodiakonou K., Roux S. (Eds.). Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. Leiden; Boston: Brill, 2011. 233 pp.
21. Kalin, 1972 – Kalin M.G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // Kant-Studien. 1972. Vol. 63. No. 1–4. P. 315–328.
22. Kuhn, 1977 – Kuhn T.S. A Function for Thought Experiments // The Essential Tension: Selected Studies in Sci-

entific Tradition and Change. Chicago; London: University of Chicago Press, 1977. P. 240–265.

23. Kühne, 2005 – Kühne U. Die Methode des Gedankenexperiments. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 409 pp.
24. Lemanski, 2016 – Lemanski J. Galilei, Torricelli, Stahl – Zur Wissenschaftsgeschichte der Physik in der B-Vorrede zu Kants Kritik der reinen Vernunft // Kant-Studien. 2016. Vol. 107. No. 3. P. 451–484.
25. Lichtenberg, 1994 – Lichtenberg G.C. Schriften und Briefe. Zweiter Band: Sudelbücher II. Materialhefte, Tagebücher. Frankfurt am Main: Zweitausendeins, 1994. 867 pp.
26. Norton, 2004 – Norton J. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism // C. Hitchcock (Ed.) Contemporary Debates in Philosophy of Science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 44–66.
27. Ørsted, 1998 – Ørsted H.C. First Introduction to General Physics: A Prospectus of Lectures in this Science // Selected Scientific Works of Hans Christian Ørsted. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 282–309.
28. Shabel, 2010 – Shabel L. The Transcendental Aesthetic // The Cambridge Companion to Kant's Critique of Pure Reason. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. P. 96–117.
29. Sorensen, 1992 – Sorensen R.A. Thought Experiments. New York: Oxford University Press, 1992. 318 pp.
30. Sticker, 2016 – Sticker M. Experiments in Ethics?: Kant on Chemistry and Practical Philosophy // Idealistic Studies. 2016. Vol. 46. No. 1. P. 41–64.
31. Stuart et al., 2018 – Stuart M.T., Fehige J.H. Y., Brown R. (Eds.). The Routledge Companion to Thought Experiments. London; New York: Routledge, 2018. 567 pp.
32. Stuart, Fehige, 2021 – Stuart M.T., Fehige Y. Motivating the History of the Philosophy of Thought Experiments // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 212–221.
33. Vanzo, 2012 – Vanzo A. Kant on Experiment // Rationis Defensor: Essays in Honour of Colin Cheyne. Dordrecht; New York: Springer, 2012. P. 75–95.
34. Virvidakis, 2011 – Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 127–142.
35. Witt-Hansen, 2003 – "H.C. Ørsted: Immanuel Kant and the thought experiment // Kierkegaard and his contemporaries: the culture of Golden Age Denmark / под ред. J. Stewart. Berlin: de Gruyter, 2003. P. 62–77.

KANT AND THOUGHT EXPERIMENTS: METHODOLOGICAL BOUNDARIES AND HISTORICAL CONTEXT

Fuentes González Sergio Alberto

Accademia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University

This paper reexamines Kant's role in the philosophical history of thought experiments, analyzing how his work has been retrospectively interpreted within modern philosophical discourse. Although Kant never used the term "Thought experiment" (*Gedankenexperiment*), which only gained its current meaning in the twentieth century, his notion of the "experiment of pure reason" (*Experiment der reinen Vernunft*) and several examples from *Metaphysical Foundations of Natural Science* have led some scholars to regard him as a pioneer of thought experimentation. Through close textual and conceptual analysis, this paper evaluates whether Kant's approach justifies viewing him not merely as an occasional user of thought experiments, but as a precursor to their systematic philosophical treatment. It argues that Kant's method is epistemologically distinct from the modern scientific model of thought experimentation—exemplified, for instance, by Galileo. Instead, his method draws on an analogy

with chemical experiments. In doing so, the paper clarifies the methodological significance of Kant's epistemology for contemporary debates on the nature and function of thought experiments.

Keywords: Kant, epistemology, thought experiments, experiment of pure reason, transcendental method.

References

1. Vasiliev, 1998 – Vasiliev V.V. Cellars of Kantian Metaphysics (Deduction of Categories). Moscow: Nasledie, 1998. 160 p.
2. Vasiliev, 2003 – Vasiliev V.V. History of Philosophical Psychology. Western Europe – 18th Century. Kaliningrad: Stoa Kantiana, 2003. 559 p.
3. Filatov, 2016 – Filatov V.P. Thought Experiments and A Priori Knowledge. Epistemology and Philosophy of Science, 2016, Vol. 49, No. 3, pp. 17–27.
4. Kant, 1964 – Kant I. On the Form and Principles of the Sensible Perceived and Intelligible World // Works in Six Volumes. T. 2. Moscow: Mysl, 1964. Pp. 382–425.
5. Kant, 1965 – Kant I. Prolegomena to Any Future Metaphysics That May Arise in the Sense of Science // Works in Six Volumes. T. 4 (Part I). Moscow: Mysl, 1965. Pp. 71–799.
6. Kant, 1966 – Kant I. Metaphysical Principles of Natural Science // Works in Six Volumes. T. 6. Moscow: Mysl, 1966. Pp. 53–176.
7. Kant, 2006b – Kant I. Critique of Pure Reason // Works in German and Russian. T. 2, Part 1. Moscow: Nauka, 2006b.
8. Kant, 2006a – Kant I. Critique of Pure Reason // Works in German and Russian. Vol. 2, part 2. Moscow: Nauka, 2006a.
9. Mach E., 2014 – Mach E. Cognition and Delusion. Essays on the Psychology of Research. Moscow: BINOM. Laboratory of Knowledge, 2014. 458 p.
10. Brown, 2004 – Brown J.R. Why Thought Experiments Transcend Empiricism // C. Hitchcock (Ed.) Contemporary Debates in Philosophy of Science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004. P. 23–43.
11. Brown, 2011 – Brown J.R. The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. New York: Routledge, 2011. 226 p.
12. Brown, Fehige, 2023 – Brown J.R., Fehige Y. Thought Experiments (Winter 2023 Edition) // Edward N. Zalta, Uri Nodelman (Eds.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/thought-experiment/> (accessed on: 04/25/2025).
13. Carrier, 2001 – Carrier M. Kant's Theory of Matter and His Views on Chemistry // Kant and the Sciences. New York: Oxford University Press, 2001. pp. 205–230.
14. Cleve, 1991 – Cleve J., Frederick R.E. (Eds.). The Philosophy of Right and Left: Incongruent Counterparts and the Nature of Space. Dordrecht: Springer Netherlands, 1991.
15. Cohnitz, 2009 – Cohnitz D. "Ørsted's 'Gedankenexperiment': eine Kantianische Fundierung der Infinitesimalrechnung?" // Kant-Studien. 2009. Vol. 99.No. 4. P. 407–433.
16. Fehige, 2012 – Fehige Y. 'Experiments of Pure Reason': Kantianism and Thought Experiments in Science // Epistemologia. 2012. Vol. 35.No. 1. P. 141–160.
17. Fehige, Stuart, 2014 – Fehige Y., Stuart M.T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // Perspectives on Science. 2014. Vol. 22.No. 2. P. 179–220.
18. Frappier et al., 2013 – Frappier M., Meynell L., Brown J.R. (Eds.). Thought Experiments in Philosophy, Science, and the Arts. New York: Routledge, 2013. 268 pp.
19. Horowitz, Massey, 1991 – Horowitz T., Massey G.J. (Eds.). Thought Experiments in Science and Philosophy. Savage, Md: Rowman & Littlefield, 1991. 335 pp.
20. Ierodiakonou, Roux, 2011 – Ierodiakonou K., Roux S. (Eds.). Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. Leiden; Boston: Brill, 2011. 233 pp.
21. Kalin, 1972 – Kalin M.G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // Kant-Studien. 1972. Vol. 63.No. 1–4. P. 315–328.
22. Kuhn, 1977 – Kuhn T.S. A Function for Thought Experiments // The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. Chicago; London: University of Chicago Press, 1977, pp. 240–265.
23. Kühne, 2005 – Kühne U. Die Methode des Gedankenexperiments. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 409 pp.

24. Lemanski, 2016 – Lemanski J. Galilei, Torricelli, Stahl – Zur Wissenschaftsgeschichte der Physik in der B-Vorrede zu Kants Kritik der reinen Vernunft // Kant-Studien. 2016. Vol. 107.No. 3. P. 451–484.
25. Lichtenberg, 1994 – Lichtenberg G.C. Schriften und Briefe. Zweiter Band: Sudelbücher II. Materialhefte, Tagebücher. Frankfurt am Main: Zweitausendeins, 1994. 867 pp.
26. Norton, 2004 – Norton J. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism // C. Hitchcock (Ed.) Contemporary Debates in Philosophy of Science. Malden, MA: Blackwell Pub, 2004, pp. 44–66.
27. Ørsted, 1998 – Ørsted H.C. First Introduction to General Physics: A Prospectus of Lectures in this Science // Selected Scientific Works of Hans Christian Ørsted. Princeton: Princeton University Press, 1998, pp. 282–309.
28. Shabel, 2010 – Shabel L. The Transcendental Aesthetic // The Cambridge Companion to Kant's Critique of Pure Reason. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. pp. 96–117.
29. Sorensen, 1992 – Sorensen R.A. Thought Experiments. New York: Oxford University Press, 1992. 318 pp.
30. Sticker, 2016 – Sticker M. Experiments in Ethics?: Kant on Chemistry and Practical Philosophy // Idealistic Studies. 2016. Vol. 46.No. 1. P. 41–64.
31. Stuart et al., 2018 – Stuart M.T., Fehige J.H. Y., Brown R. (Eds.). The Routledge Companion to Thought Experiments. London; New York: Routledge, 2018. 567 pp.
32. Stuart, Fehige, 2021 – Stuart M.T., Fehige Y. Motivating the History of the Philosophy of Thought Experiments // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 212–221.
33. Vanzo, 2012 – Vanzo A. Kant on Experiment // Rationis Defensor: Essays in Honour of Colin Cheyne. Dordrecht; New York: Springer, 2012. P. 75–95.
34. Virvidakis, 2011 – Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 127–142.
35. Witt-Hansen, 2003 – "H.C. Ørsted: Immanuel Kant and the thought experiment // Kierkegaard and his contemporaries: the culture of Golden Age Denmark / под ред. J. Stewart. Berlin: de Gruyter, 2003. P. 62–77.

Методологические подходы к исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей

Чиркова Екатерина Александровна,

ассистент кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного университета
E-mail: 425257@mail.ru

Статья посвящена методологическим подходам к исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей. Цель: обобщение и систематизация теоретико-методологических подходов к изучению проблемы традиции как механизма трансляции ценностей с учетом современных тенденций цифровой глобализации общественного развития. Задачи: раскрыть теоретико-методологические подходы к исследованию традиций и ценностей, их роли в развитии социальных систем и общества в целом; описать содержание, сущность и функции традиции и ценностей как нормативно-ценностных элементов социокультурной реальности; раскрыть роль традиции как механизма трансляции ценностей. Сделан вывод о том, что к исследованию традиции как механизму трансляции ценностей продуктивными являются системный, социокультурный, аксиологический и коммуникативный подходы. Данные подходы позволяют раскрыть роль и диалектическое единство традиций и ценностей в развитии общества, рассмотреть традиции как механизм трансляции ценностей, который обеспечивает устойчивость и преемственность общественного развития.

Ключевые слова: общество, культура, ценности, традиции, социокультурный подход, аксиологический подход, коммуникативный подход.

Введение

Проблема традиции как механизма трансляции ценностей является междисциплинарной и исследуется во многих областях гуманитарного знания: в философии, антропологии, культурологии, социологии, социальной психологии, каждая из которых анализирует данные феномены в рамках различных научных парадигм. Традиции выполняют важную роль как в социокультурной среде традиционного общества, так и в современном информационно-сетевом социокультурном пространстве. На современном этапе общественного развития, как отмечает А.В. Теняков, «в результате практически неограниченного нарастания процессов информатизации, глобализации, технологизации социальных практик в современном обществе происходит смешивание разнообразных стилей и форм деятельности и поведения, ценностных ориентиров и мировоззренческих позиций индивидов и различных социальных субъектов» [5, с. 14.]. В условиях цифровой глобализации общественных отношений, наличия противоречивых социокультурных и нормативно-ценностных тенденций, связанных, с одной стороны, с многообразием этнокультурных верований, традиций и ценностей, с другой – с процессами глобализации и доминированием образцов ценностей Западной культуры, возникает необходимость осмысления роли традиций в трансляции ценностных основ общественного и культурного развития.

Анализ методологических подходов к исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей в современных условиях цифровой глобализации позволяет по-новому обобщить и систематизировать существующие теоретические подходы к изучению проблемы традиции и ценностей как социокультурных регуляторов общественных отношений. Целью исследования является обобщение и систематизация теоретико-методологических подходов к изучению проблемы традиции как механизма трансляции ценностей с учетом современных тенденций цифровой глобализации общественного развития. Задачи исследования:

- раскрыть теоретико-методологические подходы к исследованию традиций и ценностей, их роли в развитии социальных систем и общества в целом;
- описать содержание, сущность и функции традиции и ценностей как нормативно-ценностных элементов социокультурной реальности общества;
- раскрыть роль традиции как механизма трансляции ценностей в контексте развития социальных систем.

Результаты и обсуждение

Методологические подходы к исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей анализируются в контексте понимания сущности и содержания понятий «традиция», «ценности», социокультурных закономерностей и механизмов их возникновения, функционирования и влияния на общественное и культурное развитие. Традиции и ценности образуют ценностно-мировоззренческую и нормативно-ценностную основу общества, обуславливающие устойчивость и преемственность его развития. Существующие к настоящему вре-

мени определения «традиции» и «ценностей» отражают специфику социального и культурного опыта прошлого и настоящего, отличаются разным содержанием, формирующим целостное научное представление о взаимосвязи традиций и ценностей и их роли в обществе. К исследованию проблемы традиции как механизма трансляции ценностей внимания заслуживают следующие теоретико-методологические подходы:

- системный подход, исследующий взаимодействие и динамику социальных и культурных феноменов, в том числе традиции и ценностей, в контексте целостной социокультурной системы, которая характеризуется открытостью для изменений в результате внешних воздействий социальной и природной среды;
- социокультурный подход, позволяющий изучить роль и взаимодействие традиции и ценностей в контексте понимания общественного развития «как развернутого в историческом пространстве-времени процесса взаимодействия политических и экономических компонентов с феноменами и ценностями культуры» [5, с. 7];
- аксиологический подход, согласно которому традиция рассматривается как абсолютная ценность, и позволяющий изучить роль традиций в контексте ценностной проблематики, как в рамках отдельных обществ, так и их систем;
- коммуникативный подход, позволяющий исследовать механизмы трансляции традиций и ценностей в процессе межпоколенческой и внутрипоколенческой коммуникации [2].

Для понимания роли традиций в общественном развитии внимания заслуживают теоретические подходы в дихотомии «традиционализма – антитрадиционализма». С позиции традиционализма традиции отводится ведущая роль в социальном устройстве, которая «рассматривается как важнейшее и действенное средство сохранения социальной и культурной идентичности, достижения устойчивости и преемственности опыта поколений, времен и эпох» [7, с. 43]. С противоположных позиций антитрадиционализма традиция «воспринимается как фактор, сдерживающий развитие социума, консервирующий существующий на определенном историческом этапе уклад жизни» [7, с. 43]. Внимания заслуживает методологический подход к исследованию традиции в контексте дихотомии традиция-инновация, предложенный А.В. Теняковым, которой утверждает, что «традиции и инновации должны рассматриваться диалектически, в их единстве и противоположности, борьбе нового со старым, что предполагает диалектическое отрицание старого, оптимальное соотношение наследуемого и вновь создаваемого, прогресса и регресса» [5, с. 21]. Традиция с этих позиций «выступает базой обновления общества, атрибутом социального прогресса» [5, с. 10]. Данные подходы в своей совокупности позволяют раскрыть диалектическое единство, то есть взаимосвязи и взаимодействия традиций и ценностей, а также рассмотреть традиции как механизм трансляции ценностей, обеспечивающий устойчивость и преемственность социокультурного развития и общества в целом.

Традиции, отражающие социокультурное наследие и опыт прошлых поколений, выполняют важную роль в обществе, поскольку, как отмечает А.В. Теняков, «существование и устойчивость развития социальных феноменов и процессов, а также общественной системы в целом обеспечивается воспроизводством, передачей и повторением предыдущего опыта, ориентацией в процессе деятельности на определённые установки и правила» [5, с. 13]. Процессы глобализации, широ-

кое распространение сетевой коммуникации в современном информационном обществе актуализировали проблемы трансляции новых культурных ценностей, присущих цифровому обществу, формирование новой общественной культурно-ценностной парадигмы, которая интегрируется в нормативно-ценностную среду общества. Как отмечается Н.Р. Хупения, «в зависимости от степени приверженности к традициям одни общества консервируют, обретают или изобретают традиции, становясь более традиционными, другие – утрачивают, ослабляют или разрушают их, превращаясь в общество, менее зависимое от традиционных институтов и норм» [7, с. 4]. Традиционные культуры в большей степени реагируют на трансформационные процессы в ценностно-мировоззренческой сфере общественного бытия [4, с. 111]. Отсюда важным является понимание механизмов создания новых и сохранения традиционных ценностей в нормативно-ценностной среде общества, обеспечивающих преемственность общественного развития [1]. Поступательное развитие общества и переход на качественно новый уровень во многом определяются «подходами к решению проблемы выбора традиции, отношением к историческому прошлому и устоявшимся ценностям» [7, с. 4].

Социокультурное пространство общества представляет собой ценностно-смысловую реальность, в развитии которой важную роль играют ценности. Ценности «отражают представления и идеи, выступающие эталонами должного, составляющие осевой смысл человеческого бытия» [6, с. 16]. Продуктивным с точки зрения задач настоящего исследования является аксиологическое понимание традиции как ценности, которая является частью наследия и подлежит оценке с последующим усвоением посредством механизма межпоколенной передачи. Развитие общества, согласно концепции П.А. Сорокина, представляет собой процесс циклической смены различных типов культурных систем, в которых ведущей побудительной силой выступают ценности [3]. В различные исторические эпохи целостность и устойчивость социальной системы, как пишет О.В. Тимофеева, «обеспечивается процессом воспроизводства культуры, то есть трансляцией некоторого социального опыта (ценностей, обычаев, норм), аккумулированного предыдущим поколением, и принятием этого опыта» [6, с. 139]. Разным историческим эпохам присуща своя система ценностей, которая имеет свойства всеобщности и отражают культурно-исторический тип общества.

Традиции не являются статичным образованием, меняются в соответствии с новыми тенденциями развития социальных систем. В качестве примера приведем восточный традиционализм Китая, берущий начало в этико-философском учении Конфуция и воплощенный в современной социальной практике китайского общества. Китайский традиционализм, как пишет Н.Р. Хупения, есть «способ достижения консенсуса относительно моральных и социальных ценностей посредством придания им авторитета с отсылкой в отдаленное прошлое и показа их полезности в исторической ретроспективе» [7, с. 46]. В данной случае традиции прошлого конфуцианской системы выступают межпоколенческим механизмом воспроизводства ценностей в китайском обществе.

Внимания заслуживают вопросы о механизмах трансляции традиций. С позиции функционального подхода, как пишет Н.Р. Хупения, ссылаясь на И.А. Барсегян, выделяются следующие механизмы передачи традиций: «акторная форма традиции: передача элементов наследия через личный пример путем прямого подражания; устная форма традиции: передача наследия через устное слово; письменная форма традиции: передача

ча наследия через письменный источник; синтетическая форма традиции: передача наследия посредством каналов СМИ» [7, с. 19]. Рассматривая традицию в контексте аксиологической проблематики как ценность, данные механизмы выступают трансляцией ценностей, обеспечивающей устойчивость социального развития на разных этапах исторического развития общества. Следует отметить, что процесс передачи традиций является многоаспектным, поскольку в рамках одного общества могут существовать общности с различными культурными традициями и различными типами передачи традиций [1; 2; 7].

Ценности как социокультурный феномен функционирует на уровне общественного и индивидуального сознания, отражаются как качественная характеристика социального субъекта, социальной группы и общества в целом. Интериоризация ценностей на уровне социального субъекта является сложным процессом. Как пишет О.В. Тимофеева, «формирование ценностей в сознании субъекта происходит на трех уровнях: значимости, смысла и переживания» [6, с. 26]. Как отмечает Н.Р. Хупения, «если в условиях первичной социализации индивид усваивает благодаря традиции принятые в общности нормы и модели поведения без глубокого их осмысления, то впоследствии, на втором этапе, приобретая достаточный спектр знаний, мировоззренческих установок и устойчивых убеждений, он осуществляет осознанное отношение к традиции и иным элементам социокультурного наследия» [7, с. 40]. Принятие и следование традиции в социальном поведении, с одной стороны, регламентирует жизнедеятельность человека, создает чувство причастности к прошлым поколениям, культуре социальной общности, к которой он принадлежит, с другой стороны – сам человек как носитель культурных, этнокультурных и национальных ценностей выступает их транслятором в социальной среде следующим поколениям.

Заключение

Теоретические взгляды к изучению традиций и ценностей наполнены различным содержанием, отражающим разные аспекты социального поведения, верований и ценностей, существующих в социокультурной реальности. К исследованию традиции как механизму трансляции ценностей продуктивными являются системный, социокультурный, аксиологический и коммуникативный подходы. Реализация данных подходов к изучению проблемы исследования позволяет раскрыть диалектическое единство и роль традиций и ценностей в развитии общества, рассмотреть традиции как механизм трансляции ценностей, обеспечивающий устойчивость и преемственность социальных систем и общества в целом.

Литература

1. Бондаренко Н.Г. Традиция как исторический вектор трансляции ценностей в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8–9. С. 45–46.
2. Лобанова Т.В. Основные подходы к изучению проблем традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1(9). С. 70–76.

3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
4. Стычинский М.С. Трансляция культурных ценностей в современной России в условиях информационного общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 5А. С. 110–118.
5. Теняков А.В. Диалектика традиции и инновации в социокультурном пространстве современного российского общества: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 5.7.7. Новочеркасск, 2023. 23 с.
6. Тимофеева О.В. Формирование и трансляция духовных ценностей в современном обществе: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. Нижний Новгород, 2014. 197 с.
7. Хупения Н.Р. Ценностный статус традиции в период социальных трансформаций: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2019. 148 с.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE PROBLEM OF TRADITION AS A MECHANISM FOR TRANSMITTING VALUES

Chirkova E.A.

Pyatigorsk State University

The article is devoted to methodological approaches to the study of the problem of tradition as a mechanism for transmitting values. Objective: to generalize and systematize theoretical and methodological approaches to the study of the problem of tradition as a mechanism for transmitting values, taking into account modern trends in the digital globalization of social development. Objectives: to reveal theoretical and methodological approaches to the study of traditions and values, their role in the development of social systems and society as a whole; to describe the content, essence and functions of tradition and values as normative and value elements of socio-cultural reality; to reveal the role of tradition as a mechanism for transmitting values. It is concluded that the systemic, socio-cultural, axiological and communicative approaches to the study of tradition as a mechanism for transmitting values are productive. These approaches allow us to reveal the role and dialectical unity of traditions and values in the development of society, to consider traditions as a mechanism for transmitting values, which ensures the sustainability and continuity of social development.

Keywords: society, culture, values, traditions, sociocultural approach, axiological approach, communicative approach.

References

1. Bondarenko N.G. Tradition as a historical vector of transmission of values in modern society // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. No. 8–9. P. 45–46.
2. Lobanova T.V. Main approaches to the study of problems of tradition // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2008. No. 1 (9). P. 70–76.
3. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992. 542 p.
4. Stychinsky M.S. Transmission of cultural values in modern Russia in the context of the information society // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2021. Vol. 10. No. 5A. P. 110–118.
5. Tenyakov A.V. Dialectics of Tradition and Innovation in the Sociocultural Space of Modern Russian Society: abstract of candidate of philosophical sciences dissertation: 5.7.7. Novocherkassk, 2023. 23 p.
6. Timofeeva O.V. Formation and Broadcasting of Spiritual Values in Modern Society: abstract of candidate of philosophical sciences dissertation: 09.00.11. Nizhny Novgorod, 2014. 197 p.
7. Khupenia N.R. Value Status of Tradition in the Period of Social Transformations: abstract of candidate of philosophical sciences dissertation: 09.00.11. Moscow, 2019. 148 p.

Философские проблемы когнитивных технологий

Белобрагина Анна Сергеевна,

аспирант, Национальный исследовательский университет
«МИЭТ»

E-mail: belobragina@gmail.com

В статье рассматриваются ключевые философские проблемы, возникающие в связи с развитием когнитивных технологий – комплекса современных технических средств и методов, расширяющих или имитирующих человеческое познание. Обсуждаются этические аспекты искусственного интеллекта (ИИ) (от приватности и справедливости до дилеммы автономности машинных решений), границы машинного мышления и вопрос о том, могут ли алгоритмы мыслить или понимать на уровне человека, проблема сознания в контексте ИИ (включая вопрос, способен ли ИИ обладать самосознанием или только симулировать когнитивные функции), антропологические последствия внедрения когнитивных интерфейсов (нейроинтерфейсов) для природы человека, эпистемологические вызовы цифровой эпохи (такие как, например, распространение дезинформации и проблема истины при широком использовании ИИ), а также онтологические и гносеологические аспекты взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Проведён анализ последних исследований по данным вопросам. Показано, что стремительный прогресс когнитивных технологий требует переосмысления традиционных философских категорий – разума, мышления, истины и этических норм. В заключение делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода к формированию нормативных рамок и философского осмысления когнитивных технологий, позволяющего обеспечить их этическую и гуманистическую интеграцию в общество.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта; этика ИИ; границы мышления машин; сознание и ИИ; нейро-технологии; цифровой гуманизм.

Введение

Активное развитие когнитивных технологий – систем и устройств, направленных на имитацию, расширение или усиление человеческих когнитивных способностей – породило ряд фундаментальных философских вопросов. Под когнитивными технологиями в широком смысле понимаются технологии искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, нейросетевые алгоритмы, а также нейротехнологии (например, интерфейсы «мозг–компьютер»), которые вовлечены в процессы восприятия, мышления, принятия решений и коммуникации. Эти технологии уже проникли во многие сферы жизни – от медицины и образования до управления и быта – и существенно влияют на то, как человек познаёт мир и взаимодействует с окружающей средой.

По мнению современных исследователей, «в настоящее время цивилизация находится в состоянии перехода к новой стадии – цивилизации когнитивных технологий» [4, стр. 31], которая приходит на смену техногенной (машинной) цивилизации. В связи с чем одной из возможных опасностей, с философской точки зрения, становится потеря человеком центральной роли в развитии цивилизации в связи с полным замещением людей искусственными когнитивными системами в интеллектуальном управлении машинами с целью производства материальных благ. В то же время, А.В. Разин в своей известной работе «Этика искусственного интеллекта» предполагает, что в перспективе нас ожидает «параллельное развитие двух цивилизаций: построенной на естественном биологическом носителе и цивилизации технической, в чем-то – более совершенной, но неспособной полностью заменить естественно развивающуюся цивилизацию» [9, стр. 72].

В философском плане когнитивные технологии ставят под сомнение ряд традиционных представлений. Во-первых, возникает этическая проблематика: каким образом обеспечить, чтобы системы ИИ действовали в соответствии с моральными ценностями и не наносили вреда человеку? Эта проблема включает такие аспекты, как приватность данных, предотвращение алгоритмической предвзятости и дискриминации, прозрачность и ответственность решений ИИ, а также вопрос об автономности машин и сохраняющейся роли человеческого контроля над ИИ [15]. Сторонники идей цифрового гуманизма убеждены, что в этих условиях «нам нужны гуманитарии с более глубоким пониманием технологии, технологи с более глубоким пониманием гуманитарных наук и политики» [15, р. 6].

Во-вторых, на первый план выходят вопросы о границах мышления машин: способны ли алгоритмы и нейросети по-настоящему понимать смысл, или они лишь манипулируют символами без осознания (как это иллюстрирует знаменитый мысленный эксперимент «китайской комнаты»)? Где проходит граница между сложным вычислением и собственно мышлением, пониманием? А.В. Костина считает, что «именно разумность и рациональность являются одним из основополагающих атрибутов человека и тем качеством, к которому стремятся разработчики сильного ИИ» [7, стр. 39]. Философ также настаивает на том, что некорректно ставить вопрос о способности машина думать и поддерживает идею

принципиальной невероятности слияния мозга и компьютера.

В-третьих, тесно связана с этим проблема сознания в контексте ИИ: может ли искусственно созданная система обладать субъективным опытом, самосознанием, или же сознание неотделимо от биологической природы человека? Этот вопрос относится к так называемой «трудной проблеме сознания» (Д. Чалмерс) [12] – объяснению того, как и почему возникают субъективные ощущения.

В-четвёртых, важным является антропологический аспект: как преобразуется сама человеческая природа и образ жизни под влиянием когнитивных технологий? Например, использование нейроинтерфейсов и имплантатов ставит вопрос о расширении границ человеческого тела и разума, появлении своеобразных «киборгов» и о трансгуманистических перспективах эволюции человека.

В-пятых, возникают эпистемологические вопросы, связанные с достоверностью знания в эпоху цифровых технологий: как изобилие информации, генерируемой ИИ (включая синтетические тексты, изображения – так называемые *deepfakes*), влияет на наши представления о истине и знании? Не ведёт ли это к усилению когнитивных искажений и утрате доверия к информации? Наконец, стоит упомянуть онтологические и гносеологические аспекты взаимодействия человека и ИИ: меняются ли наши представления о природе разума, реальности и процессе познания в свете появления автономных интеллектуальных агентов?

Цель данной статьи – выполнить связный аналитический обзор перечисленных проблем, опираясь на последние научные публикации, и выявить основные философские вызовы, порождаемые когнитивными технологиями. Актуальность исследования обусловлена стремительным прогрессом ИИ и нейротехнологий в последние годы, что требует их философского осмысления заново. Новизна исследования заключается в рассмотрении совокупности концепций, связанных с влиянием развития когнитивных технологий на роль и положение человека в условиях цифровой трансформации.

Статья имеет следующую структуру. В разделе «Материалы и методы» описывается методология исследования – преимущественно философско-теоретический анализ литературы. В разделе «Результаты и обсуждение» последовательно рассматриваются: этика искусственного интеллекта, пределы машинного интеллекта, проблема сознания в ИИ, антропологические аспекты (на примере нейроинтерфейсов), эпистемологические трудности цифровой эпохи и связанные онтологические и гносеологические вопросы. В заключение формулируются основные выводы и направления дальнейших исследований.

Материалы и методы исследований

Исследование носит междисциплинарный теоретико-аналитический характер. В качестве материалов привлечены научные публикации, посвящённые философским аспектам искусственного интеллекта, нейротехнологий и когнитивных наук. Основной массив литературы включает статьи из рецензируемых научных журналов по философии техники, этике ИИ и когнитивистике. Изучено 16 источников, которые отражают современное состояние дискуссий по ключевым направлениям (этика, философия разума, антропология и пр.).

Методологически работа опирается на философский анализ и синтез идей, а также на принцип компаративистики – сопоставление различных точек зрения

(например, оптимистических и скептических сценариев развития ИИ). Применяется метод концептуального анализа (выявление и уточнение основных понятий: сознание, мышление, интеллект и др. в новом технологическом контексте). Также используется прогностический подход: философские рассуждения о возможных сценариях развития когнитивных технологий (например, идеи трансгуманизма). В разделе «Результаты и обсуждение» результаты исследования представлены в виде тематически выделенных подтем, где излагаются выявленные позиции и аргументы из литературы с авторским анализом.

Достоверность вывода обеспечивается опорой на авторитетные источники и согласованием философских рассуждений с эмпирическими данными смежных наук (нейронаук, информатики).

Результаты и обсуждение

Для разрешения этических проблем современными исследователями и разработчиками предлагаются различные подходы. Один из них – человеко-ориентированный ИИ (*human-in-the-loop*, *human-centric AI*), подразумевающий, что финальное решение всегда остается за человеком, а ИИ выступает лишь инструментом поддержки [13]. В этом случае «человек останется человеком со своим интеллектом, сознанием, подсознанием и эмоционально-духовным миром, а машины и алгоритмы будут разрабатываться человеком и в «самообучении» следовать своей, отличной от человека логике развития» [10, стр. 571]. С точки зрения человека ориентированного подхода к разработке ИИ человечеству потребуется определить и использовать принципы включения ИИ в различные сферы человеческой деятельности, будь то юриспруденция [10] или образование [3]. Философским фундаментом при этом, по мнению автора, может выступать концепция цифрового гуманизма – «взвешенная интерпретация искусственного интеллекта, подчеркивающая необходимость согласования технологий с человеческими ценностями» [8, стр. 70].

Другой подход – разработка технических средств обеспечения этичности: алгоритмы для выявления и устранения систематических ошибок обработки данных, методы объяснимого ИИ, позволяющие сделать работу нейросетей прозрачной и подотчетной. При этом важно понимать, что лишь этических ограничений ИИ, зафиксированных в программном коде, недостаточно, чтобы говорить об этике ИИ. «Этика непосредственно начинается тогда, когда появляется способность реагировать на собственные ошибки, осуществлять рефлексию поведения, учитывая при этом мнения других людей» [9, стр. 57]. То есть при разработке программного кода для систем ИИ необходимо закладывать принципиальную возможность ошибки, только в этом случае можно будет говорить об этике искусственного интеллекта.

Одним из самых трудных философских вопросов, связанных с когнитивными технологиями, является вопрос о сознании. Сознание традиционно рассматривается как субъективное переживание, «ощущение бытия», связанное с первым лицом (*qualia*, интенциональность, самосознание). Многие философы указывают, что у машин отсутствует феноменальный аспект опыта. Даже если компьютер описывает эмоции или говорит о себе, это лишь симуляция без внутреннего переживания. Д. Чалмерс обозначил трудную проблему сознания: почему нейронные процессы сопровождаются субъективным опытом? [12] По аналогии можно спросить: если реализовать функциональный эквивалент мозга в кремнии, появится ли у него осознание себя? В настоящее время

речи о возможности появления так называемой «искусственной личности» не идёт, однако некоторые исследователи допускают вероятность её развития в определённых форматах в будущем [1, стр. 173].

Современные когнитивные науки и нейробиология предлагают несколько теорий сознания (теория нейронного глобального рабочего пространства С. Деана [5], теория интегрированной информации Д. Тонони [16] и др.), но ни одна из них пока не получила всеобщего признания. Некоторые исследователи (например, Роджер Пенроуз [14]) даже предполагают, что для объяснения сознания нужны квантовые процессы в мозге, что указывает на принципиальное отличие мозга от современных компьютеров. Однако эти спекуляции остаются спорными. Так, критический анализ теории Пенроуза–Хамероффа в своём научном исследовании даёт Д.И. Дубровский, подчёркивая «несостоятельность объяснения сознания с позиций радикального физикализма» [6, стр. 89].

Когнитивные технологии влияют не только на абстрактные понятия разума, но и на конкретный облик и возможности человека, то есть имеют антропологические следствия. Особенно показателен пример нейротехнологий – устройств, обеспечивающих непосредственное взаимодействие мозга с внешними электронными системами. Нейроинтерфейсы (или интерфейсы мозг–компьютер, Brain–Computer Interfaces, BCI) уже используются для восстановления утраченных функций: например, парализованные пациенты с помощью имплантированных электродов могут мыслью двигать роботизированной рукой или печатать текст. В перспективе те же технологии могут применяться для усиления нормальных способностей – улучшения памяти, внимания, скорости мышления у здоровых людей. Такие проекты вызывают ассоциации с идеями трансгуманизма, согласно которым человечество может и должно выйти за пределы биологической ограниченности с помощью техники.

Философски это поднимает вопрос: что есть человек, если его когнитивные способности можно расширять и изменять искусственно? Классическая антропология исходит из относительно постоянной природы человека. Трансгуманизм же рассматривает человека скорее как «проект», открытый к радикальным изменениям. Если память хранится частично на внешних устройствах, если эмоции регулируются нейростимуляторами, границы между человеческим и техническим стираются. Появляется образ киборга – кибернетического организма, соединяющего биологическое и техническое. Ещё в 2019 г. А.К. Сельченко и В.А. Берест в работе «Телесность и самость: стирание границ с технологией» отмечали тенденцию размывания границ между телом, Я и технологическими расширениями человека [11]. Человек сросся со своими гаджетами информационно, а вскоре и физически срастется с имплантами, превращаясь в гибридное существо. Подобные прогнозы вызывают как энтузиазм, так и тревогу. Основные особенности идей трансгуманизма и его подробный сравнительный анализ с идеями постгуманизма были отражены автором в статье «Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку» [2].

Потенциальные выгоды когнитивных интерфейсов и расширения человека очевидны: избавление от болезней, продление жизни, усиление интеллекта. Но риски и этические вызовы также значительны. Во-первых, безопасность и надёжность: вмешательство в мозг несёт медицинские риски (инфекции, повреждения) и технологические (что, если имплант взломают хакеры?).

Наконец, на метафизическом уровне встаёт вопрос: не потеряет ли человек человечность, радикально моди-

фицируя себя? Биоконсерваторы утверждают, что боль, старение и естественные пределы – важные составляющие человеческого опыта и мотивации; устранив их, мы можем непреднамеренно утратить ценность жизни или смысл стремлений. Сторонники же трансгуманизма возражают, что эти страхи похожи на опасения прошлых эпох перед прогрессом (как когда-то боялись «неестественных» очков или вакцинации). Они считают моральным долгом – облегчать страдания и расширять потенциал разума, и техника для этого – просто инструмент.

Выводы

Когнитивные технологии – от мощных систем искусственного интеллекта до нейроинтерфейсов – сегодня являются не только предметом технических наук, но и источником глубочайших философских вопросов. Проведенный анализ показал следующее:

- Этические проблемы ИИ доминируют в повестке последних лет. Общество стремится выработать принципы и стандарты для искусственного интеллекта, однако одного лишь создания этических кодексов недостаточно. Требуется внедрение этики в практику, развитие регулятивных механизмов и преодоление вызовов – защиты приватности, устранения системных ошибок, обеспечения прозрачности и сохранения человеческого надзора. Без этого риски – от дискриминации до утраты контроля – могут подорвать доверие к технологиям.
- Границы машинного интеллекта всё ещё далеки от границ интеллекта человеческого. Хотя ИИ превосходит человека во многих узких задачах, ему недостаёт гибкости, контекстуальности и понимания смысла. Современные ИИ-системы не обладают сознанием или самосознанием, и остаётся открытым, требуется ли сознание для высших форм интеллекта. Вероятно, наиболее продуктивной стратегией является комплементарное партнёрство человека и ИИ, где каждый используется там, где силен. Это снимает ложную дихотомию «машины против людей» и направляет развитие на благо взаимовыгодного сотрудничества.
- Проблема сознания по-прежнему не имеет решения: ни в философии, ни в когнитивной науке нет консенсуса о природе сознания, а значит, и о возможности его искусственной реализации. Пока нет оснований полагать, что текущие ИИ обладают субъективным опытом. Однако их успехи в решении когнитивных задач заставляют пересматривать гипотезы о функции сознания в познании. Этот вопрос остаётся прежде всего философским, но его практическое значение возрастет, если системы ИИ станут претендовать на роль сознательных агентов.

Общим лейтмотивом проведенного анализа является необходимость интегрального, междисциплинарного подхода к пониманию и руководству развитием когнитивных технологий. Технический прогресс без философского осмысления чреват негативными последствиями – от этических катастроф до утраты человеком самости. Поэтому важным выводом работы становится признание того, что философия и гуманитарное знание в целом должны идти рука об руку с когнитивными науками и инженерией ИИ. Этот факт подтверждается широким распространением идей философской концепции цифрового гуманизма. Только комплексный междисциплинарный подход к цифровизации позволит своевременно выявлять проблемные зоны (будь то моральные дилеммы или кризисы познания) и формулировать ценностные ориентиры.

Литература

1. Алексеев А.Ю. Когнитотехнологические проекты искусственной личности // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2014. – № 1. – С. 156–174. EDN: SQVTKF.
2. Белобрагина А.С. Трансгуманизм и постгуманизм: два пути навстречу постчеловеку // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 136–143. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-136-143> EDN: KKTUAD.
3. Букина Т.В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития / Т.В. Букина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 1(129). – С. 76–83. – DOI 10.24158/spp.2025.1.9. – EDN LKLHXQ.
4. Грибков А.А. Человек в цивилизации когнитивных технологий / А.А. Грибков // Философия и культура. – 2024. – № 1. – С. 22–33. – DOI 10.7256/2454-0757.2024.1.69678. – EDN KAPIMN.
5. Деан 2018 – Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера-Пресс, 2018. 416 с.
6. Дубровский Д.И. Критический анализ теории сознания Пенроуза-Хамероффа. Часть 2 / Д.И. Дубровский // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 89–102. – EDN YMWLHU.
7. Костина А.В. О корректности постановки вопроса «Может ли машина мыслить?», или Какие особенности человеческого мышления способен воспроизводить искусственный интеллект? / А.В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 36–53. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.3. – EDN NCTSUI.
8. Нагль Л. Цифровые технологии: размышления о различии между инструментальной рациональностью и практическим разумом // Кантовский сборник. – 2022. – Т. 41, № 1. – С. 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3. EDN: HSHBOF.
9. Разин А.В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. – 2019. – № 1. – С. 57–73. EDN: YPCXWS.
10. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. (2023). Возможность и необходимость человекоориентированного искусственного интеллекта в юридической теории и практике. Journal of Digital Technologies and Law, 1(2), 564–580. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.24>
11. Сельчёнок А.К., Берест В.А. Телесность и самость: растворение границ под влиянием технологий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 302–311. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-302-311
12. Чалмерс Дэвид. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
13. Hallamaa J., Kalliokoski T. (2022). AI Ethics as Applied Ethics, pp. 1–15.
14. Hameroff S.R., Penrose R. Conscious events as orchestrated spacetime selections // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 36–53.
15. Lee E.A. (2022). Are We Losing Control? In: Werthner H., Prem E., Lee E.A., Ghezzi C. (eds) Perspectives on Digital Humanism. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86144-5_1
16. Tononi G. Integrated information theory of consciousness: Some ontological considerations // The blackwell companion to consciousness / Ed. by M. Velmans S. Schneider, Hoboken N.J. 2017. P. 621–633.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF COGNITIVE TECHNOLOGIES

Belobragina A.S.

National Research University of Electronic Technology

The author examines key philosophical issues arising in connection with the development of cognitive technologies – a complex of modern technical means and methods that expand or imitate human cognition. The article discusses the ethical aspects of artificial intelligence (from privacy and fairness to the dilemma of the autonomy of machine decisions), the limits of machine thinking and the question of whether algorithms can think or understand at the level of humans, the problem of consciousness in the context of AI (including the question of whether artificial intelligence is capable of self-awareness or only simulates cognitive functions), the anthropological consequences of the introduction of cognitive interfaces (neural interfaces) for human nature, the epistemological challenges of the digital age (such as, for example, the spread of disinformation and the problem of truth with the widespread use of AI), as well as the ontological and epistemological aspects of the interaction between humans and artificial intelligence. An analysis of the latest research on these issues is conducted. It is shown that the rapid progress of cognitive technologies requires a rethinking of traditional philosophical categories – reason, thinking, truth and ethical norms. In conclusion, a conclusion is made about the need for an interdisciplinary approach to the formation of a normative framework and philosophical understanding of cognitive technologies, which allows for their ethical and humanistic integration into society.

Keywords: philosophy of artificial intelligence; AI ethics; limits of machine thinking; consciousness and AI; neurotechnology; digital humanism.

References

1. Alekseev A. Yu. Cognitotechnological projects of artificial personality // Man: image and essence. Humanitarian aspects. – 2014. – No. 1. – P. 156–174. EDN: SQVTKF.
2. Belobragina A.S. Transhumanism and posthumanism: two paths towards the posthuman // Economic and social-humanitarian studies. 2023. No. 3 (39). P. 136–143. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-136-143> EDN: KKTUAD.
3. Bukina T.V. Artificial intelligence in education: current state and development prospects / T.V. Bukina // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2025. – No. 1(129). – P. 76–83. – DOI 10.24158/spp.2025.1.9. – EDN LKLHXQ.
4. Gribkov A.A. Man in the civilization of cognitive technologies / A.A. Gribkov // Philosophy and Culture. – 2024. – No. 1. – P. 22–33. – DOI 10.7256/2454-0757.2024.1.69678. – EDN KAPIMN.
5. Dean 2018 – Dean S. Consciousness and the brain. How the brain encodes thoughts / Translated from English by I. Yushchenko. Moscow: Career-Press, 2018. 416 p.
6. Dubrovsky D.I. Critical analysis of the Penrose-Hameroff theory of consciousness. Part 2 / D.I. Dubrovsky // Philosophy of Science and Technology. – 2017. – Vol. 22, No. 2. – P. 89–102. – EDN YMWLHU.
7. Kostina A.V. On the correctness of posing the question “Can a machine think?”, or What features of human thinking can artificial intelligence reproduce? / A.V. Kostina // Knowledge. Understanding. Skill. – 2020. – No. 3. – P. 36–53. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.3. – EDN NCTSUI.
8. Nagl L. Digital technologies: reflections on the difference between instrumental rationality and practical reason // Kantovsky sbornik. – 2022. – Vol. 41, No. 1. – P. 60–88. DOI: 10.5922/0207-6918-2022-1-3. EDN: HSHBOF.
9. Razin A.V. Ethics of Artificial Intelligence // Philosophy and Society. – 2019. – No. 1. – P. 57–73. EDN: YPCXWS.
10. Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2023). The Possibility and Necessity of Human-Oriented Artificial Intelligence in Legal Theory and Practice. Journal of Digital Technologies and Law, 1(2), 564–580. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.24>
11. Selchenok A.K., Berest V.A. Corporeality and Selfhood: Dissolution of Boundaries under the Influence of Technologies // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. – 2019. – Vol. 23. – No. 3. – P. 302–311. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-302-311

12. Chalmers David. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Translated from English. Moscow: URSS: Book House «LIBROKOM», 2013. – 512 p.
13. Hallamaa J., Kalliokoski T. (2022). AI Ethics as Applied Ethics, pp. 1–15.
14. Hameroff S.R., Penrose R. Conscious events as orchestrated spacetime selections // Journal of Consciousness Studies. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 36–53.
15. Lee E.A. (2022). Are We Losing Control? In: Werthner H., Prem E., Lee E.A., Ghezzi C. (eds) Perspectives on Digital Humanism. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86144-5_1
16. Tononi G. Integrated information theory of consciousness: Some ontological considerations // The blackwell companion to consciousness / Ed. by M. Velmans, S. Schneider, Hoboken N.J. 2017. P. 621–633.

Воронцова Татьяна Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: sportvtu2@yandex.ru

Статья посвящена исследованию взглядов Мартина Хайдеггера на язык, который рассматривается как важнейший элемент человеческого существования и познания. Автор подчеркивает значимость философского подхода к изучению языка, который позволяет глубже проникнуть в его сущность, нежели традиционные научные методы. Особое внимание уделяется критике традиционных подходов к языку, предлагаемых гуманитарными дисциплинами, которые, по мнению Хайдеггера, не способны выявить подлинную природу языка. Хайдеггер рассматривает язык как субъект, обладающий независимостью и активным участием в бытии, подчёркивая его онтологическую функцию. В статье проводится анализ основных аспектов философии языка Хайдеггера, акцентируя внимание на его уникальном взгляде на природу языка и его влияние на человеческое восприятие реальности. Работа направлена на осмысление ключевых идей Хайдеггера относительно языка, их связь с его общей философской системой и вклад в развитие современной мысли о языке. Предложен фундаментально новый подход к пониманию языка, рассматривая его не просто как средство передачи информации, а как динамичную систему, активно влияющую на восприятие и познавательную деятельность человека. Сделан акцент на трех главных аспектах языка: его природа как активного субъекта, зависимость от исторической и культурной среды, а также особая роль в формировании мировоззрения и философских понятий. Концепция языка Хайдеггера ведёт к формированию междисциплинарных подходов в гуманитарных науках, мотивируя учёных искать новые пути исследования взаимосвязей между языковыми явлениями и основными принципами человеческого сознания и культуры.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, человек, общество, язык, бытие, мышление, онтология, герменевтика, речь, поэзия.

Язык представляет собой одну из ключевых проблем междисциплинарных научных исследований в условиях современной культурной и технологической эволюции. Философский подход к изучению языка позволяет глубже осмыслить такие фундаментальные вопросы, как природа языка, его возникновение и связь с мышлением и реальностью. Исторически сложилось так, что изучение языка долгое время было сосредоточено преимущественно на лингвистике и филологии. Однако, начиная с XX века, различные дисциплины – от психологии и социологии до антропологии и когнитивных наук – начали активно исследовать этот феномен. Такие исследования позволили выявить разнообразные аспекты функционирования языка, но несмотря на значительный прогресс в исследовании языка различными гуманитарными дисциплинами, многие аспекты требуют дальнейшего анализа и обсуждения.

Одним из ярких представителей философского подхода к исследованию языка является Мартин Хайдеггер. Его концепция языка выделяется своей глубиной и оригинальностью. Согласно Хайдеггеру, язык – это не просто инструмент коммуникации, а живое существо, которое способно воздействовать на формирование нашего восприятия мира и самого процесса познания. Для Хайдеггера язык играет ключевую роль в создании и развитии философских идей, становясь средой обитания человеческой мысли.

Философия Мартина Хайдеггера акцентирует внимание на подвижной природе языка, подчёркивая центральную роль языка в формировании философской мысли. По мнению Хайдеггера, язык не просто средство передачи информации, но живой организм, способный формировать наше восприятие мира и самой философии. Таким образом, его идеи требуют особого внимания и тщательного анализа, чтобы раскрыть их истинное значение.

Хайдеггер выделяет три основных аспекта понимания языка: природа языка (понимание языка как живого организма, способного развиваться и меняться в зависимости от исторического контекста и культурных условий), его связь с реальностью (рассмотрение языка как посредника между человеком и миром, формирующего наше представление о действительности) и роль в познании (анализ роли языка в процессе формирования философских концепций и взглядов на мир). Эти аспекты подчеркивают важность языка как живого существа, развивающегося в историческом и культурном контексте, и его способность влиять на формирование представлений о мире и философских концепций. Работа направлена на глубокое понимание сложной природы языка и его значимости в жизни общества и культуры.

Анализ связи между языком и мышлением является одной из ключевых тем хайдеггеровской философии. Такой подход открывает новые перспективы для переосмысления роли языка в культуре и обществе, предлагая свежий взгляд на классические философские вопросы.

По мнению Мартина Хайдеггера, традиционные научные подходы неспособны постичь глубинную сущность языка. В его философии язык рассматривается не как пассивный инструмент коммуникации, а как активный субъект, обладающий собственной независимостью и свободой. Мыслитель исследует язык через его связь

с бытием, акцентируя внимание на его активной роли в формировании человеческого существования. Он подчеркивает онтологическую функцию языка, раскрывающую его глубину и значимость в контексте бытия.

Тема философии языка Мартина Хайдеггера представляет собой одну из наиболее глубоко разработанных областей в современных исследованиях. Значительное количество ученых посвятили свои труды рассмотрению данного аспекта философии немецкого мыслителя. В работах таких известных авторов, как Ханс-Георг Гадамер, Отто Пёггелер, Жан Бофре, Петр Травны, Готтфрид Фигаль, Ханспетер Йегер и Виктор Васильевич Биbihин, вопрос языка занимает центральное место.

Кроме того, существует целый ряд обобщающих исследований, где данная проблема рассматривается в контексте общей философии Хайдеггера. Здесь стоит отметить труды Игоря Александровича Михайлова, Александра Григорьевича Чернякова, Николая Леонидовича Сухачева и Евгения Владимировича Фалёва. Более специализированные аспекты философии языка Хайдеггера находят отражение в работах как зарубежных, так и российских исследователей, среди которых выделяются Андреас Рехштайнер, Альберт Вельмер, Вольфганг Анц, Хайнрих Хорнштайн, Кристина Нойн-Хойзер, Валерий Александрович Подорога, Мария Евгеньевна Соболева, Андрей Львович Вольский и др.

Философия языка Хайдеггера продолжает оставаться актуальной областью для современного философского сообщества. Её значимость обусловлена как теоретическими вопросами, поднимаемыми автором, так и возможностью практического применения его идей в анализе культурных и социальных процессов. Продолжающееся исследование наследия Хайдеггера свидетельствует о том, что его концепции сохраняют свою научную ценность и служат источником вдохновения для новых поколений философов.

Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», – подчёркивает глубокую связь языка с бытием и его основополагающую роль в мироздании¹. Аналогично этому взгляду, Мартин Хайдеггер придавал языку первостепенное значение, считая его основой всех явлений и процессов, происходящих в мире. Согласно Хайдеггеру, бытие неразрывно связано с языком, и именно через язык раскрывается сущность существования.

Хайдеггер утверждал, что язык обладает уникальной способностью выражать и передавать истину бытия. По его мнению, язык является не просто инструментом коммуникации, но также хранителем глубоких смысловых слоев, отражающих саму сущность человеческого существования. Философ подчеркивал важность этимологического анализа слов, утверждая, что исследование происхождения и первоначальных значений слов позволяет раскрыть их истинное бытийное содержание, которое часто утрачивается в ходе исторического развития языка.

Хайдеггер полагал, что современные языки зачастую скрывают или искажают подлинные смыслы, заложенные в словах изначально. Через возвращение к корням и исходному значению слов он стремился восстановить связь между языком и бытием, подчеркнуть значимость языка как медиума, способствующего осознанию человеком своей сущности и места в мире. Следовательно, язык становится ключевым элементом философии Хайдеггера, позволяя проникнуть в глубинный слой понимания мира и самого себя.

¹ Евангелие от Иоанна. Перевод с древнегреческого священника Православной Церкви о. Л. Лутковского. Москва: Дружба народов, 1991. С. 2–3.

Исследование Хайдеггером природы языка представляет собой важный этап в развитии философской мысли XX века. Оно ставит перед учёными задачи переосмысления традиционных представлений о языке и его функциях, стимулируя дальнейшие исследования в области герменевтики, семиотики и философии языка.

Именно через язык человек получает доступ к сущностным структурам своего опыта, осознавая свою собственную природу и окружающий мир. Язык выступает не только как форма выражения мыслей, но и как среда, в которой рождается понимание реальности и формируются концептуальные рамки познания.

Работа Хайдеггера над природой языка стимулирует дальнейшее изучение различных аспектов языковой деятельности – от семантики и синтаксиса до интерпретационных практик и культурологических исследований. Подчеркивая взаимосвязь языка и бытия, философия Хайдеггера способствует развитию междисциплинарных подходов в гуманитарных науках, вдохновляя ученых на углубленное изучение связей между лингвистическими феноменами и общими принципами человеческой культуры и сознания.

Философия Мартина Хайдеггера сосредоточена на теме бытия, эволюционировавшей от понимания сущности сущего (Sein) до концепции бытия как ничто (Seyn). Ключевым элементом является Dasein – сложное понятие, определяющее человеческое существование и вызывающее трудности в переводе и интерпретации.

Философия Мартина Хайдеггера подчеркивает тесную связь языка и речи с бытием, особенно с концептом Dasein. Хайдеггер утверждает, что язык служит домом бытия, местом обитания человека, и выступает важнейшим средством выражения и сохранения открытости бытия. «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, настолько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя ее в языке». «Язык – это Sein Dasein»².

Язык не воспринимается как простой инструмент или объект, которым человек владеет, напротив, язык говорит через человека, имея приоритет над человеческим существованием. Хайдеггер также отвергает представление о языке как результате человеческой активности, предпочитая идею его божественного происхождения. Таким образом, язык выходит за рамки обычного средства коммуникации, становясь основным посредником между человеком и истинной сущностью бытия³.

Мартин Хайдеггер рассматривает язык как intersubъективное явление, способное преобразовывать индивидуальные представления в общие и объективные смыслы. «Со-общение» – процесс взаимодействия между говорящими, посредством которого формируется общее понимание мира. Язык играет ведущую роль в установлении единства мира, отражающего его внутреннюю структуру.

Хайдеггер рассматривает язык как нечто большее, чем инструмент общения; он видит в нём форму самовыражения бытия. «Язык функционирует как “сказ”, показывая и передавая те смыслы, которые он содержит.

² Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Биbihина. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 266–267.

³ Хайдеггер М. Язык / перевод и примечания Б.В. Маркова. Санкт-Петербург: Ленинградский Союз ученых. ЛО Всесоюзного благотворительного фонда «Интеллект». Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭЙ-ДОС», 1991. С. 9.

Человеческая речь, использующая этот «сказ», даёт возможность выразить собственное понимание и опыт»¹.

Речь выступает ключевым экзистенциалом Dasein, наряду с настроением и пониманием. Как утверждает философ, «речь представляет собой экзистенциально-онтологическую основу языка, служащую фундаментом для его функционирования»².

Идеи Хайдеггера формируют целостное видение языка как явления, выходящего за пределы простого коммуникативного инструмента и обладающего глубокой онтологической значимостью.

В античной культуре человек первоначально определялся как «говорящее существо», однако впоследствии это представление сменилось латинской формулой «разумное животное», отражающей новый взгляд на природу человека. По мнению А.Г. Дугина: «Далеко не всегда говорение обнаруживает наличие разума, но всегда наличие Dasein»³.

В своей работе «Бытие и время» Хайдеггер отмечает следующее: «Человек выказывает себя как сущее через речь. Через речь человек определяет себя как сущее в мире других сущих. Уникальность человека заключается в его способности именовать сущее. Каждому предмету присвоено имя, и посредством наименования человек придаёт вещам бытие – точнее, язык через человека наделяет всё бытием. Именно слово дарует вещи бытие»⁴.

Язык и речь в философии Мартина Хайдеггера значимы для определения человеческой сущности. В отличие от традиционного определения человека как разумного животного, Хайдеггер акцентирует внимание на его способность говорить, что тесно связано с его бытием (Dasein).

Хайдеггер утверждает, что через речь человек проявляет себя в мире и определяет своё существование среди других сущностей. Особенность человека состоит в его способности давать имена вещам, тем самым наделяя их бытием. Именно язык, воплощённый в словах, даруется человеку для выражения и понимания бытия.

Философия Мартина Хайдеггера существенно обогатила представление о природе языка и речи, продемонстрировав глубокую связь этих явлений с сутью человеческого существа. Хайдеггер выделяет способность говорить как основополагающее свойство человека, выделяющее его среди прочих живых существ. Именно через речь и язык человек имеет возможность постичь своё бытие и смысл жизни.

Хайдеггер предлагает считать определяющей чертой человека его способность к слову. Эта способность выходит далеко за пределы простой передачи информации или эмоционального выражения: речь и язык позволяют человеку осознать свое уникальное положение в мире, исследовать собственное существование и задать вопросы о смысле и назначении жизни. Способность говорить позволяет человеку подняться над непосредственным восприятием мира и достичь уровня осознанности, ставящего под сомнение устоявшиеся представления о реальности и своём месте в ней.

Язык в философии Хайдеггера воспринимается не как пассивный инструмент общения, а как активное

начало, определяющее формы нашего знания и понимания. В этом отношении человек не просто пользуется языком, а живет внутри него, создавая посредством языка понятия, ценности и способы осмысления мира. Такое понимание языка показывает, почему способность говорить оказывает такое глубокое воздействие на человеческое познание и сознание, делая её одной из ключевых характеристик человеческого существования.

Центральным моментом в рассуждениях Хайдеггера является идея о том, что речь как экзистенциал включает в себя слушание и молчание. Слушание играет ключевую роль в процессе речи, ведь прежде чем начать говорить, человек должен услышать призыв бытия, исходящий от вещей. Это «звон тиши» – молчаливое обращение бытия, которое требует словесного выражения. Способность воспринимать язык лежит в основе говорения, делая его возможным и осмысленным. «Говорению в качестве возможностей принадлежат слушание и молчание»⁵. Речь зарождается в процессе слушания, когда язык проявляет себя как звон тишины, несущий в себе сущность мира и вещей. Способность говорить основана на предварительном вслушивании в эту тишину, которая раскрывает глубинную природу языка.

Следовательно, согласно Хайдеггеру, язык и речь – это не просто инструменты коммуникации, а глубокие экзистенциальные процессы, позволяющие человеку осознавать и проявлять своё бытие в мире.

Молчание в философии Мартина Хайдеггера играет ключевую роль в процессе речи и понимания. Оно не является простым отсутствием речи, а представляет собой её источник и основу. Молчание позволяет человеку уловить и понять окружающий мир, что предшествует любому высказыванию. Именно в тишине рождается речь, и понимание, достигнутое в молчании, находит своё выражение в словах. «Молчание – это не просто отсутствие речи или ее отрицание, но это исток речи, речь в ее чистом бытии»⁶.

«Речь и молчание могут быть уподоблены сущему и бытию. Бытие и есть сущее и не есть. Так же молчание: и вызывает к наличию речь, и снимает ее во всеобъемлющей торжественности истины»⁷.

Таким образом, молчание и речь образуют единый цикл: начиная с восприятия и понимания в тишине, человек приходит к высказыванию, после чего вновь погружается в размышление. Данный цикл начинается с момента, когда человек пребывает в состоянии покоя и молчаливого созерцания, активно впитывая впечатления и пытаясь осмыслить происходящее вокруг. Тишина здесь служит своеобразным резервуаром для сбора и накопления впечатлений, переживаний и размышлений, являющихся основой будущего высказывания.

Затем наступает следующий этап, когда внутреннее содержание требует выхода наружу, приводя к возникновению речи. Реализуя потребность поделиться своим опытом, рассказать о собственных мыслях и чувствах, человек переходит от состояния молчания к состоянию словесного проявления. Произнесённые слова способствуют закреплению сформированных идей, делают внутренний опыт объективированным и открытым для дальнейшего осмысления и критики со стороны окружающих.

Но даже после завершения акта речи человек не остаётся неподвижным. Осознавая последствия произнесённого, реагируя на отклики и реакции других, он

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 266–267. С. 271.

² Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2008. С. 493.

³ Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2010. С. 257.

⁴ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. С. 86.

⁵ Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2008. С. 494.

⁶ Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2010. С. 260.

⁷ Там же. С. 261

вновь погружается в размышления, оценивая правильность своих слов, усваивая обратную связь и готовясь к следующему циклу восприятия и осмысления. Тем самым этот цикл замыкается, повторяется заново, обеспечивая постоянное движение вперед, обновление и рост индивидуального сознания.

Именно в таком диалектическом единстве, согласно Хайдеггеру, заключается один из центральных принципов человеческого бытия: постоянный переход от состояния внутренней концентрации к внешнему проявлению и обратно, создающий основу для личностного роста, взаимопонимания и общего движения человечества вперед.

В философии Мартина Хайдеггера особое внимание уделяется различиям между аутентичным и неаутентичным существованием (*Dasein*). Одним из признаков неаутентичной формы существования является *Gerede* («болтовня»), характеризующаяся как пустые, бессмысленные разговоры и пересказы. «Болтовня имитирует настоящую речь, но лишается всякого глубокого смысла, превращаясь в фоновый шум повседневной жизни. Она вовлекает как говорящего, так и слушающего, подавляет подлинное молчание и препятствует формированию настоящего понимания»¹.

Болтовня, в отличие от подлинной речи, лишена основы в форме молчания, необходимого для формирования значимых высказываний. Безмолвие, играющее ключевую роль в возникновении настоящей речи, отсутствует в неаутентичном существовании, что ведёт к неспособности уловить «звук тишины» – тот глубинный зов бытия, который стимулирует понимание и порождает настоящее высказывание. В результате, человек оказывается поглощённым поверхностными разговорами, теряя способность к рефлексии и подлинному выражению. «Голос бытия всегда тихий, но, чтобы его совсем не услышать, *Gerede* звучит всё громче и громче»².

В результате, болтовня символизирует утрату контакта с самим бытием, искажая восприятие мира и препятствуя подлинному существованию. Она демонстрирует, насколько важно сохранять баланс между речью и молчанием, чтобы поддерживать связь с миром и самим собой. Настоящая речь должна возникать из внутреннего понимания и личного опыта, а не являться механическим воспроизведением готовых шаблонов. Молчание же служит важным этапом формирования подлинного понимания, позволяя человеку сосредоточиться на внутреннем опыте, глубже осмыслить происходящее и подготовить полноценное, искреннее высказывание.

Хайдеггер призывает к возвращению к изначальной природе языка, отказываясь от чрезмерного многословия ради наполненности каждого слова содержанием. Только таким образом возможно сохранить живую связь с действительностью, обрести ясность и целостность взгляда на мир, сохранив внутреннюю свободу и независимость от социальных штампов и клише. В конечном итоге, достижение равновесия между молчанием и подлинной речью позволяет человеку жить полноценной жизнью, свободно осознавая и выражая своё бытие.

Важно отметить концепцию языка в поэзии через призму философских идей Мартина Хайдеггера. Хайдеггер рассматривает искусство, включая поэзию, как фундаментальную основу человеческого бытия, подчеркивая тесную связь искусства с жизнью и историей. Особое внимание уделяется роли языка в творчестве поэта, который создает и определяет существование через слово. Он утверждал, что «поэзия есть учреждение бытия

в слове»³. «Поэзия не ограничивается описанием прошлого или настоящего, она творит бытие своими словами. Язык поэзии – это многообразное выговаривание»⁴.

Хайдеггер утверждает, что поэзия является важнейшим способом выражения и установления бытия, определяя её как «учреждение бытия в слове». Он акцентирует внимание на идее изначальности языка, видя в нём первичное проявление человеческой сущности. Поэтический язык, согласно Хайдеггеру, представляет собой нечто большее, чем просто средство описания действительности – он формирует и создает саму реальность. «Поэзия в широком смысле» – это просто изначальный язык: «поэзия и язык – это не две разные вещи; они представляют собой одну и ту же базовую структуру исторического существования»⁵. «Поэзия – это просто единичное явление, возникающее в процессе возникновения языка»⁶.

Поэзия выступает не только как художественное выражение мыслей и чувств, но и как глубинная основа истории и культуры. Через нее человек способен осмыслить свое существование и создать новое понимание мира. Этот подход позволяет рассматривать поэзию как уникальный способ восприятия и переживания жизни, открывающий новые горизонты понимания человеческой природы и её связи с окружающим миром.

Хайдеггер рассматривает поэзию как фундаментальное основание бытия, которое выражается через язык. Он утверждает, что поэзия не ограничивается лишь стихотворной формой, но включает в себя и прозу, которая, будучи «чистой», становится поэтической и такой же редкой, как и поэзия⁷.

Философская позиция Хайдеггера заключается в том, что поэты и философы являются хранителями «дома бытия», то есть языка. Они играют ключевую роль в формировании и сохранении человеческого существования через слово. Язык, по мнению Хайдеггера, представляет собой особую форму творчества, которая выходит за пределы повседневного общения и достигает уровня искусства.

Таким образом, в философии Мартина Хайдеггера поэзия рассматривается не просто как вид искусства, служащий эстетическому удовольствию, но как фундаментальная категория, лежащая в основе истории и культуры. Она выступает уникальным способом, посредством которого человек способен осмыслить свое существование, пересмотреть свои представления о мире и сформировать новую картину реальности. Такой подход возвышает поэтический акт до статуса важнейшего элемента человеческого опыта, предоставляя ему

³ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова А.В. М.: Издательство «Гнозис», 1993. С. 12.

⁴ Хайдеггер М. Язык / перевод и примечания Б.В. Маркова. Санкт-Петербург: Ленинградский Союз ученых. ЛО Всесоюзного благотворительного фонда «Интеллект». Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭЙ-ДОС», 1991. С. 16.

⁵ Gosetti-Ferencei J.A. Heidegger, Holderlin, and the subject of poetic language: toward a new poetics of *dasein*. New York: Fordham University Press, 2004. P.68–70.

⁶ Arion L.K. Zum Verhältnis von Dichtung und Denken bei Heidegger. Skizze eines Problems // Romantik. Literatur und Philosophie. Internationale Beiträge zur Poetik. Frankfurt Frankfurt am Main, 1987. S. 279–287.

⁷ Хайдеггер М. Язык / перевод и примечания Б.В. Маркова. СПб.: Ленинградский Союз ученых. ЛО Всесоюзного благотворительного фонда «Интеллект». Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭЙ-ДОС», 1991. С. 18.

¹ Там же. С. 264.

² Там же. С. 258

ключевую роль в восприятии и создании нового понимания жизни.

Хайдеггер убеждён, что поэзия способна стать основой бытия, причём не только в традиционном литературном виде стиха, но и в форме чистой прозы, которая, обладая высокой степенью выразительности и силы воздействия, приближается к уровню поэзии. В этом свете творчество поэта предстает как особый способ прикосновения к истокам бытия, позволяющий обнаружить сокровенную суть вещей и раскрыть глубокие слои человеческого опыта. Поэзия становится инструментом восстановления связи с бытием, утраченной вследствие рационализации и механизации современной цивилизации, помогая человеку вернуться к истинному ощущению своей природы и предназначения.

Хайдеггер также высказывается о наступлении нового этапа в развитии философии, когда традиционная философия подходит к своему концу, и появляется необходимость в новом Начале. Это требует разработки собственного языка и метафизики, которые будут соответствовать новым условиям и вызовам. Язык Хайдеггера характеризуется уникальной структурой и сложной системой образов, что делает его труды трудными для понимания и перевода. Однако именно благодаря этому языку мысли автора обретают глубину и многогранность, выражая идею независимости и свободы.

Итак, Мартин Хайдеггер – мыслитель, чьи идеи вышли далеко за рамки традиционных представлений о мире и человеческом существовании. В центре его внимания находится вопрос бытия, но не просто бытия, а бытия в ином, новаторском измерении. Хайдеггер стремился найти новый путь в философии, путь, который привел бы нас к пониманию сути вещей, скрытых от поверхностного взгляда.

Одним из ключевых элементов этой новой философии является язык. Для Хайдеггера язык – это не просто инструмент коммуникации, не набор знаков и символов, используемых человеком для передачи информации. Язык – это нечто гораздо большее. Он является самостоятельным феноменом, обладающим собственной силой и динамикой. Язык живет и действует независимо от нас, он существует вне зависимости от человеческих желаний и потребностей. Мы говорим на языке, но одновременно язык говорит через нас. Именно в этом взаимодействии проявляется подлинная сущность языка, который, по словам Хайдеггера, является «домом бытия».

Эта идея кажется парадоксальной, ведь мы привыкли думать, что язык подчиняется человеку, что мы сами создаем и формируем его. Но Хайдеггер предлагает нам взглянуть глубже. Он утверждает, что язык – это пространство, в котором раскрываются возможности нашего существования. Язык не просто отражает мир, он его создает. Именно через язык мы вступаем в диалог с миром, понимаем его и воздействуем на него. Без языка наше бытие было бы неполным, неопределенным, даже невозможным.

Однако эта независимость языка не означает, что человек бессилён перед ним. Напротив, свобода человека заключается в способности взаимодействовать с языком, использовать его для выражения своих мыслей и чувств. Но вместе с этой свободой приходит и ответственность. Ведь язык – это не только пространство открытий и возможностей, но и территория конфликтов, разрушений и хаоса. Именно в языке проявляются исторические события, решения и действия людей. История совершается через язык, и это обязывает нас относиться к нему с особым вниманием и уважением.

Подход Мартина Хайдеггера в изучении языка обладает большой важностью для множества сфер науки

и искусства. Прежде всего, он показывает, насколько глубоко наши представления о мире зависят от языкового окружения. Теория Хайдеггера подвергает сомнению распространённое мнение о языке как нейтральном инструменте общения, акцентируя внимание на активной роли языка в формировании мировоззрения.

Его идеи оказывают сильное воздействие на методологию герменевтики, предоставляя возможность анализировать тексты и интерпретировать их смыслы с учётом влияния языка на мыслительные процессы.

Анализ связи между языком и мышлением, проведённый Хайдеггером, позволяет переосмыслить устоявшиеся представления о роли языка в жизни человека и общества. Эта перспектива открывает новые возможности для философского анализа и содействует глубокому пониманию сложного взаимодействия между культурой, обществом и индивидом.

У Хайдеггера язык играет центральную роль в понимании бытия. Он не просто посредник между нами и миром, но активный участник нашей жизни, создающий и формирующий нашу реальность. Понять этот феномен – значит приблизиться к разгадке самой тайны человеческого существования.

Литература

1. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2010. С. 257–264.
2. Евангелие от Иоанна. Перевод с древнегреческого священника Православной Церкви о. Л. Лутковско-го. Москва: Дружба народов, 1991. С. 2–3.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 266–271.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. С. 86.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. М.: Академический Проект, 2008. С. 493–494.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова А.В. М.: Издательство «Гнозис», 1993. 464 с.
7. Хайдеггер М. Язык / перевод и примечания Б.В. Маркова. Санкт-Петербург: Ленинградский Союз ученых. ЛО Всесоюзного благотворительного фонда «Интеллект». Философско-культурологическая исследовательская лаборатория «ЭИДОС», 1991. С. 9–8.
8. Arion L.K. Zum Verhältnis von Dichtung und Denken bei Heidegger. Skizze eines Problems // Romantik. Literatur und Philosophie. Internationale Beiträge zur Poetik. Frankfurt Frankfurt am Main, 1987. S. 279–287.
9. Gosetti-Ferencei J.A. Heidegger, Holderlin, and the subject of poetic language: toward a new poetics of dasein. New York: Fordham University Press, 2004. P.68–70.

LANGUAGE IN MARTIN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY

Vorontsova T.Yu.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl

The article is devoted to studying Martin Heidegger's views on the language as the most important element of human existence and cognition. The importance of the philosophical approach to language learning, which enables to get a deeper insight into its essence than traditional scientific methods, is emphasized. Special attention is paid to the criticism of traditional approaches to the language offered by humanitarian disciplines, which, according to Hei-

degger, are unable to reveal the true nature of language. Heidegger considers language as a subject with independence and active participation in being, emphasizing its ontological function. The main aspects of Heidegger's philosophy of language, focusing on his unique view of the nature of language and its impact on human perception of reality are analyzed. The work is aimed at understanding Heidegger's key ideas about the language, their connection with his general philosophical system and contribution to the development of modern thought about language. A fundamentally new approach to understanding language is proposed, considering it not just as a means of transmitting information, but as a dynamic system, that actively influences human perception and cognitive activity. The emphasis is made on three main aspects of language: its nature as an active subject, its dependence on the historical and cultural environment, as well as its special role in shaping worldviews and philosophical concepts. Heidegger's concept of language leads to the formation of interdisciplinary approaches in the humanities, motivating scientists to look for new ways to explore the interrelationships between linguistic phenomena and the basic principles of human consciousness and culture.

Keywords: Martin Heidegger, human being, society, language, being, thinking, ontology, hermeneutics, speech, poetry

References

1. Dugin A.G. Martin Khaidegger: filosofiya drugogo Nachala. M.: Fond «Mir», Akademicheskii Proekt, 2010. S.257–264.
2. Evangelie ot Ioanna. Perevod s drevnegrecheskogo svyashchennika Pravoslavnoi Tserkvi o. L. Lutkovskogo. Moskva: Druzhba narodov, 1991. C. 2–3.
3. Heidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / per. s nem. V.V. Bibikhina. St.Petersburg: Nauka, 2007. S. 266–271
4. Heidegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya / per. s nem. V.V. Bibikhina. Kharkov: Folio, 2003. S.86.
5. Heidegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya / per. s nem. Mikhailova A.V. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. S.493–494.
6. Heidegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let / per. s nem. A.V. Mikhailova A.V. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1993. 464 s.
7. Heidegger M. Yazyk / perevod i primechaniya B.V. Markova. St.Petersburg: Leningradskii Soyuz uchenykh. LO Vsesoyuznogo blagotvoritelnogo fonda "Intellekt". Filosofsko-kul'turologicheskaya issledovatel'skaya laboratoriya «EIDOS», 1991. S. 9–18.
8. Arion L.K. Zum Verhältnis von Dichtung und Denken bei Heidegger. Skizze eines Problems // Romantik. Literatur und Philosophie. Internationale Beiträge zur Poetik. Frankfurt Frankfurt am Main, 1987. S. 279–287.
9. Gosetti-Ferencei J.A. Heidegger, Holderlin, and the subject of poetic language: toward a new poetics of dasein. New York: Fordham University Press, 2004. R.68–70.

Иосифо-Волоцкий монастырь: воспитание и обучение детей, монастырская школа в конце XIX – начале XX вв. в свете проблем и задач воспитания сегодняшнего дня

Смулов Алексей Михайлович,

доктор экономических наук, профессор, магистр теологии,
профессор кафедры Миссиологии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
E-mail: jeger@bk.ru

Статья затрагивает задачи реализации Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Исследование раскрывает участие Иосифо-Волоцкого монастыря в конце XIX – начале XX вв. в оказании помощи развитию духовного образования в Московской епархии, созданию собственной церковно-приходской школы, просвещению обителей детей-паломников. Особо обращается внимание на воспитание подростков, проживающих в школьном приюте и обеспечению их всем необходимым для обучения и бытовой жизни. Одновременно показывается имеющийся опыт Курского государственного университета по подготовки учителей на основе использования основ воспитательно-образовательной деятельности Православия. Делаются выводы о возможности гармоничного сочетания воспитательного опыта православных монастырей и современной системы церковного и светского образования. Указывается на необходимость существенного изменения в определении ключевых понятий воспитательной деятельности и отношения российской школы к базовым традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Ключевые слова: Иосифо-Волоцкий монастырь, церковно-приходская школа, духовная семинария, духовная академия, иконописное училище, паломничество, благотворительность, Указ Президента Российской Федерации, традиция, духовно-нравственные ценности, Курский государственный университет.

Актуальность представленной работы определяется потребностью в надлежащей реализации Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17] и ликвидации имеющегося в РФ отрыва образовательного процесса от процесса духовно-нравственного воспитания, что подтверждается целым рядом научных исследований.

Имеющиеся подходы не позволяют разрешить сложившуюся негативную ситуацию и требуют их изменения, в связи с чем, представляется целесообразным обратиться к изучению уникального опыта системы единого образования, воспитания и духовно-нравственного потенциала, накопленного монастырями РПЦ в конце XIX – начале XX вв., с целью его применения в современной практике духовно-нравственного образования населения.

Рассмотрение проблемы предполагает теоретическое осмысление опыта деятельности, в указанный период, Свято-Успенского Иосифо-Волоцкого монастыря по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, как в процессе организации школьного образования, так и во внеклассной деятельности.

С давних времен православные монастыри были на Руси очагами просвещения. Сведения о просветительской роли и значении монастырей и монашествующих, во всем историческом периоде существования Русской Православной Церкви, достаточно широко освещены в документах, научной и научно-популярной литературе. Например, в [3,4,6,20 и др.].

Большинство документов и трудов рассматривали общее значение монастырей в истории России, усваивали им духовно-нравственный базис культуры, определяли как место духовного и нравственного воспитания народа, демонстрировали роль в просветительской деятельности в целом, отвечали на критику и умаление роли монастырей и монашествующих.

Значительную роль играли обители в воспитании и обучении народонаселения Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Особую значимость имели подобные практики российских монастырей и монашествующих в отношении детей и юношества.

С момента Крещения Руси, в обязанность монастырей вменялось открывать и содержать духовные училища и школы (в частности, церковно-приходские и школы грамоты), организовывать в учебных заведениях единый процесс обучения и воспитания учащихся.

Так, например, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре длительное время существовали Духовные академия и семинария, духовное училище и училище иконописания (живописи). Эти учебные заведения готовили высокообразованных пастырей и преподавателей для наставления и нравственного воспитания российского общества.

В Соловецком ставропигиальном первоклассном Спасо-Преображенском монастыре на Белом море дей-

ствовали училище для трудников-богомольцев, проживающих и трудящихся в обители (организованное по программе обучения церковно-приходских школ) [7, с. 172–174], и восьмиклассное Соловецкое духовное богословское училище для насельников монастыря – послушников и монашествующих. В 5–8 классах последнее готовило обучающихся по учебной программе соответствующей дисциплинам обучения в Духовных академиях. Училище выпускало воспитанников готовых, не только к принятию священного сана, но и, в свою очередь, на высоком духовном и педагогическом уровнях вести просветительскую деятельность среди насельников и богомольцев, что ими и осуществлялось.

Подобная учебно-воспитательная деятельность была налажена во многих обителях, в частности, в Валаамском Спасо-Преображенском мужском монастыре, Введенской Оптиной пустыне, Кирилло-Белозерском мужском монастыре, Николо-Перервинском мужском монастыре, Николо-Угрешском мужском монастыре, Свято-Успенском Псково-Печерском мужском монастыре и др. Значительную и весьма активную просветительскую и воспитательную работу вели женские обители.

Велась такая, важная для российского общества, деятельность и в Иосифо-Волоцком второклассном монастыре. Вместе с тем, если про основателя обители прп Иосифа Волоцкого написано достаточно много научных трудов, то про сам монастырь и его историю серьезных научных исследований практически не проводилось. Относительно подробную и достоверную информацию об истории этого монастыря можно найти на официальном сайте обители, но она носит преимущественно описательный характер. Ряд работ, в последние годы, прозвучал в виде докладов на научно-практических конференциях по теме: «Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель», проводимых самим монастырем. Однако эти доклады практически не затрагивали учебно-воспитательной роли монастыря в исследуемом, в настоящей работе, периоде.

Основой настоящего исследования являются документы, находящиеся в фонде 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии» Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также в других источниках и литературе.

Указ президента РФ, для «обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», определения системы «целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [17, п. 1], определяет особую роль Православия «в становлении и укреплении традиционных ценностей» [17, п. 6].

Вместе с тем действия ряда недружественных России государств, во главе с США и Великобританией [17, п. 13], которые десятилетиями направлены на уничтожение российских духовных ценностей, могут привести к формированию российского общества, «пренебрегающего духовно-нравственными ценностями» [17, п. 17д].

Одновременно с этим, следует указать на то, что ныне действующий Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ, на своих 404 страницах, несмотря на принятые многочисленные поправки и наличие данных в нем определений понятиям «образование», «воспитание» и «обучение» [19, ст. 2, пп. 1), 2), 3)], не содержит четко выраженной цели самого единого воспитательно-образовательного процесса (см., в частности, [12]). При том, что такая цель, в разных вариантах, формулируется в научных статьях представителей учительского со-

общества, что говорит о назревшей необходимости ее наличия в Законе.

Вопросам духовной безопасности страны ранее был посвящен ряд опубликованных работ. В частности, в монографии [1] раскрыта роль Православия в обеспечении духовной безопасности общества, указываются особенности радикальных направлений ислама, иудаизма, буддизма и ряда новых религиозных движений (сект). Однако, вопросы связи воспитания и образования в данном исследовании не затрагиваются. В научно-методическом пособии [2] подробно освещается содержание понятия «религиозная безопасность», при этом авторы лишь упоминают о значении воспитательной и образовательной сфер жизни общества и «институтах воспитания и образования». В научной статье [16] авторы рассматривают концептуальные основы понятия «духовная безопасность», также вне прямой связи с процессами воспитания и образования.

Значительный интерес для рассмотрения проблемы может представлять сборник [5], в котором представлен ряд статей по дореволюционной (1917 г.) истории и современным методам духовно-нравственного воспитания в единении с образованием. В частности, это тематическая статья Мухиной О.Д. [5, с. 80–83], статьи Берсеновой Л.Н. [5, с. 3–14], Бездухова В.П. [5, с. 15–21], Лутовинова В.И. [5, с. 69–73]. Вместе с тем, эти статьи не затрагивают места православных монастырей в организации единого воспитательно-образовательного процесса.

С целью определения возможности привлечения опыта православных монастырей к разрешению проблемы воспитания, сложившейся в стране к сегодняшнему дню, в настоящей работе, изучается деятельность Свято-Успенского Иосифо-Волоцкого монастыря.

В материалах фонда 1192 РГАДА практически нет прямых упоминаний о «духовно-просветительской деятельности» Иосифо-Волоколамского монастыря в исследуемый период. Вместе с тем, именно такие действия составляли основу его жизни и, в частности, в обучении и воспитании детей и подростков, создании и содержании школы, и при ней приюта для мальчиков.

Приведем некоторые факты, изложенные в настоящей статье, по возможности, близко к тексту архивных документов, касающиеся духовно-нравственного образования, затрагивающие поддержку монастырем процессов просвещения, создание монастырской школы, «внеклассное» воспитание паломников: детей и молодежи.

На конец 1880 г. монастырь все еще не имел своего учебного заведения (церковно-приходской школы, духовного училища) [14, 1880, ед.хр. 3, л. 3]. Вместе с тем, в 1881 г. настоятель архимандрит Гедеон (фамилия требует установления, †1884) отмечал, что признает плодотворным и полезным наличие при монастыре разнообразных ремесленных школ, но ссылаясь на невозможность открытия и содержания таких школ в силу недостатка доходов и значительной удаленности обители от городов, где можно было бы иметь монастырские подворья для привлечения дополнительных средств [14, 1881, ед.хр. 2, л. 25–27].

Тем не менее, как и всю историю своего существования, в исследуемое в настоящей работе время, Иосифов монастырь поддерживал учебные заведения и отдельных обучающихся внесением своей «лепты» на ниве воспитания и образования подрастающего поколения.

В январе 1870 г. монастырь выделил 500 руб. на полугодовое содержание Волоколамского Духовного училища [14, 1870, ед.хр. 5, л. 3].

В последующие годы монастырь ежегодно передает училищу помощь (пособие) в 1000 руб. серебром, что

отмечается в докладе настоятеля монастыря Гедео́на Московской Духовной консистории в ноябре 1879 г. [14, 1879, ед.хр. 3, л. 16]. При этом в 1879 г. на содержание училища в 1880 г. выделяется и передается 1500 руб. серебром [14, 1879, ед.хр. 3, л. 47об-48; 1880, ед.хр. 4, л. 5].

В 1881 г. училище получает помощь в 500 руб. [14, 1881, ед.хр. 2, ед.хр. 3, л. 2–2об; 1881, ед.хр. 6, л. 1]. В 1882 г. – 1300 руб. [14, 1882, ед.хр. 7, л. 1], в январе 1883 г. – еще 800 руб. серебром [14, 1883, ед.хр. 1, л. 1], в июне того же года – дополнительно 800 руб. серебром [14, 1883, ед.хр. 1, л. 59].

Беспрецедентная помощь была оказана училищу Иосифо-Волоколамским монастырем в ноябре 1889 г., когда, в соответствии с резолюцией митрополита Московского и Коломенского Иоанникия (Руднев, †1900), из накопленных обителью сумм, было выдано «на перестройку и расширение зданий Волоколамского Духовного Училища» 15 тыс. руб. серебром [14, 1889, ед.хр. 2, л. 111]. Далее, на содержание училища, ежегодно выдавалось по 1600 руб. [15, 1897, ед.хр. 335, л. 16], сумма по тому времени также не малая.

Монастырь систематически направлял пожертвования на содержание других духовных училищ. Так, известны взносы за 1879 г. в сумме 500 руб. [14, 1883, ед.хр. 1, л. 20], в 1912 г. – 2500 руб. [14, 1912, ед.хр. 2, л. 13], в 1916 г. – снова 2500 руб. [14, 1916, ед.хр. 1, л. 5].

В 1870–1872 гг. на содержании Волоколамского монастыря состояло двое учащихся Московской духовной семинарии [14, 1870, ед.хр. 5, л. 1–1об; 1871, ед.хр. 8, л. 1–1об; 1872, ед.хр. 13, л. 1–1об]. Монастырь не только обеспечивал их всем необходимым, но постоянно держал под своим контролем их успеваемость и поведение.

В соответствии с представлением Временной Комиссии по устройству хозяйственной части духовных училищ Московской Епархии от 1874 г., утвержденным Священноначалием, обитель обязывалась вносить в Правление Вифанской духовной семинарии единовременные годовые денежные взносы в размере 100 руб. серебром, что она регулярно исполняла с 1875 г., по крайней мере, до 1881 г. [14, 1875, ед.хр. 8, л. 1,3–6; 1878, ед.хр. 5, л. 1]. Необходимые средства выделялись за счет свечных доходов монастыря («от свечной прибыли») [14, 1879, ед.хр. 3, л. 16].

«На составление капитала для учреждения одиннадцати стипендий в духовно-учебных заведениях Московской епархии, по одной в каждом: Академии, двух Семинариях и восьми училищах (включая в это число и женское Филаретовское)» [14, 1879, ед.хр. 3, л. 32–32об] Иосифов монастырь, исходя из своих возможностей, с учетом уже выделяемой обильной помощи духовным учебным заведениям, был готов ежегодно дополнительно выделять «на покрытие нужд по училищам епархии» 500 руб. серебром [14, 1879, ед.хр. 3, л. 16]. Что и начал исполнять без промедления [14, 1879, ед.хр. 3, л. 20].

В ноябре 1906 г. монастырь, по просьбе Совета братства прп Сергия Радонежского, дополнительно собирал пожертвования «для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской Духовной Академии» [15, 1906, ед.хр. 395, л. 41].

В 1871 г. в Москве, по благословению митрополита Иннокентия (Попов-Вениаминов, †1879), было учреждено Братство св равноап Марии при приходской церкви Женской учительской семинарии. Цель создания Братства состояла в реализации двух основных задач: 1. «приготовить взрослых девиц к полезной деятельности для общества» и 2. «способствовать обучению малолетних детей сельских церковнослужителей и с этой целью открывать начальная приходския и благочинническия школы» [18, с. 6].

Общество занималось, в частности, подготовкой (обучением) взрослых дочерей священно– и церковнослужителей Московской епархии к занятию должностей учительниц для народных и церковно-приходских школ, а так же женских училищ. Для формирования денежных сумм, в том числе для обеспечения «в Братских училищах стипендий для девиц – дочерей недостаточных Священно-церковнослужителей» Высокопреосвященный Иннокентий принял решение об участии монастырей епархии во внесении ежегодных денежных пожертвований на обозначенную деятельность братства [14, 1874, ед.хр. 7, л. 1–2об].

С января 1889 г. и в последующем, обитель отправляла некоторые (относительно небольшие – порядка 15 руб. в год) средства в Совет братства, состоявшего к тому времени «под Августейшим Ея Императорского Величества Государыни Императрицы покровительством» [14, 1888, ед.хр. 1, л. 10–10об].

В период с 1902 г. по 1914 г., как следует из располагаемых документов, монастырь, «согласно резолюции Его Высокопреосвященства от 27 июля 1901 г. за № 2961», ежегодно оказывал помощь в размере 1700 руб. на содержание епархиального училища иконописания [14, 1902, ед.хр. 1, л. 8; 1903, ед.хр. 3, л. 5; 15, 1909, ед.хр. 413, л. 15; 1912, ед.хр. 2, л. 24об; 1914, ед.хр. 1, л. 10 и помета на л. 11].

В начале 1909 г. обителью была определена сумма в 1000 руб. на постройку Петропавловской церковно-приходской школы при Петропавловском храме г. Волоколамска [15, 1909, ед.хр. 413, л. 8]. Первый взнос был совершен в марте того же года в сумме 465 руб. [14, 1909, ед.хр. 6, л. 18].

В 1880 г. в Санкт-Петербурге было учреждено частное благотворительное «Общество для пособия нуждающимся семействам воинов, потерявших здоровье на службе» («Общество Белого Креста») [9]. Одной из главных задач Общества стало «призрение и воспитание детей офицеров, потерявших на службе здоровье и жизнь», а в 1902 г. «в виду недостатка воспитательных учреждений для офицерских дочерей» при нем в Москве был открыт женский приют-пансион [14, 1907, ед.хр. 1, л. 3]. Монастырь направил Обществу целевые средства, собранные 6 января 1907 г. в праздник Богоявления – Крещения Господня, а также в более позднее время [14, 1907, ед.хр. 1, л. 1,4].

Перейдем к описанию деятельности по созданию монастырской школы.

Впервые «школа для детей духовного звания» (духовное училище) была открыта в Иосифо-Волоцком монастыре 23 августа 1777 г. по благословению епископа Переяславского и Дмитровского Феофилакта (Горский, †1788). Длительное время эта школа находилась под руководством протоиереев из г. Волоколамска, но потом перешла под надзор настоятелей монастыря. Однако, в 1823 г., по обстоятельствам от обители не зависящим, это духовное училище было полностью переведено в г. Волоколамск [3, с. 86]. Именно поэтому Волоколамское духовное училище сохранило тесные связи с монастырем и получало от него весьма значительные средства финансовой поддержки.

Почти через 65 лет при монастыре, в бытность настоятелем архимандрита Сергия (Свешников, †1897) и на средства обители, 26 сентября 1887 г. была открыта двухклассная церковно-приходская школа. В школе обучалось 65 чел. [15, 1888, ед.хр. 269, л. 5]. Монастырь, за счет остатка «неокладной суммы» (от термина «оклад», то есть денег, получаемых монастырем сверх «штатных средств», выделяемых на его содержание от государства – по другому: «вне оклада») приобретал

для монастырской школы учебные пособия, одежду, обувь и белье учащимся, живущим в приюте, кроме того: чай, сахар, мясо и сало для школьной столовой [15, 1896, ед.хр. 326, л. 142].

Приведем сведения из архивных документов за 1912 г. о приобретении учебных пособий для обучения и одежды для учащихся. На Московском епархиальном книжном складе для монастырской школы приобретались необходимые учебники [14, 1912, ед.хр. 2, л. 28]. В книжном складе Ступина С.Д. в г. Москве для школы было приобретено 19 экз. книг Нового Завета [14, 1912, ед.хр. 2, л. 51об]. В московском магазине Ильина А. был приобретен глобус [14, 1912, ед.хр. 2, л. 70]. В июле месяце для приюта был приобретен «мануфактурный товар» из которого в августе месяце приютским детям была пошита необходимая одежда [14, 1912, ед.хр. 2, л. 60,74об].

Через десять лет (в 1897 г.) в школе обучалось уже до 120 чел. из которых 17 чел. проживали в приюте на полном обеспечении обители. Ежегодно в это время на содержание школы с приютом расходовалось приблизительно 2–2,5 тыс. руб. [15, 1897, ед.хр. 335, л. 16]. В 1915 г. в монастырском приюте проживало 18 мальчиков [14, 1915, ед.хр. 2, л. 1–2], в следующем – 1916 г. – число мальчиков увеличилось до 26 чел. [14, 1916, ед.хр. 2, л. 1–2].

Монастырь оплачивал труд учителей школы, в штате которой состояло четыре преподавателя. Один Законоучитель (священник – как правило, монастырский иеромонах), один старший учитель (он же, по совместительству – регент школьного хора) и два учителя [14, 1900, ед.хр. 3, л. 1; 1903, ед.хр. 4, л. 5]. Законоучителем в монастырской школе состоял иеромонах Порфирий, который в 1904 г. был откомандирован на Дальний Восток, в связи с чем был временно освобожден от преподавания и ему была подобрана замена [14, 1904, ед.хр. 1, л. 14–16].

В апреле 1904 г. Московским епархиальным училищным советом (действовавшим в рамках Кирилло-Мефодиевского православного братства), перед монастырем и его школой ставится задача восстановления в церковно-приходской школе (ЦПШ) занятий учащихся столярным делом [14, 1904, ед.хр. 1, л. 2]. Из текста документа следует, что ранее обучение учеников «столярному мастерству» в ЦПШ было организовано, но потом, по какой-то причине (скорее всего – финансовой нехватки [14, 1881, ед.хр. 2, л. 25–27]), оставлено.

С точки зрения воспитательного процесса, представляет интерес, поступившее настоятелю архимандриту

Нифонту (фамилия требует установления, †1915) в августе 1904 г. (по-видимому, в связи с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг.) от Волоколамского Уездного Отделения Епархиального Училищного Совета, со ссылкой на Определение Св Синода от 27 апреля/7 мая № 2217, уведомление следующего содержания: «ученикам церковных школ воспрещается держать у себя какого бы то ни было оружия, особенно сие огнестрельное; заведующие школами должны предупреждать об этом как самих учеников, так и их родителей, а в случаях нарушения учениками сего запрещения, виновных подвергать строгим взысканиям и даже исключению из школы» [14, 1904, ед.хр. 1, л. 9].

Уже после октября 1917 г., при власти большевиков и самоотделении светского государства от Церкви, монастырь, во главе с настоятелем архимандритом Иннокентием (Мазурин, †1937, преподобномученик), продолжал некоторое время, по-видимому, до его закрытия в 1920 г., за свой счет вести учебный процесс и воспитание молодого поколения [14, 1918, ед.хр. 1, л. 12–13]. Помощь обители в организации воспитания и обучения детей в годы послереволюционной разрухи была добровольной и весьма значительной.

Принимая во внимание значительную роль монастыря в деле образования и воспитания окружающего населения, уже после его закрытия в 1920 г., при личном участии Крупской Н.К., на его территории был открыт «детский городок», основной целью которого был определен именно процесс образования и воспитания детей (по-настоящему, что уже в атеистическом революционном ключе).

Одной из форм воспитания детей и молодежи в течение всего времени существования монастыря была забота о подрастающем поколении, приезжающем в обитель. Это была одна из основных форм внеклассного воспитания, поскольку она касалась весьма значительного числа людей, посещающих монастырь св. Иосифа.

В изучаемый период монастырь принимал паломников, включая детей и юношество, в основном из различных учебных заведений. Так в 1907 г. к сентябрю месяцу было принято 135 групп молодых людей. В составе этих групп было 1920 юношей, 1476 девушек и 386 чел. сопровождающих, которые получали от монастыря пищу и, частью, располагались на ночлег в монастырской гостинице (мужского пола – 1261 чел., женского – 960 чел.) [14, 1907, ед.хр. 2, л. 7].

В декабре 1910 г. в Канцелярию Духовного собора были предоставлены следующие сведения (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сведения о паломниках (детях и сопровождающих их лиц) в Иосифо-Волоцкий монастырь за 1907–1910 гг. (чел.)

Год	Детей	Пользовались пищей дети	Провожатых	Пользовались пищей провожатые	Пользовались ночлегом
1907	3419	3419	392	392	2221
1908	4176	4176	598	598	2399
1909	4945	4945	750	750	2810
1910	8472*	8472*	908	908	4250

*детей и взрослых

Источник: составлено автором по данным [14, 1910, ед.хр. 1, л. 1–1об].

В декабре того же 1910 г. показаны уточнения к отчетам: «Были ученики в декабре месяце после поданного сведения в Духовный Собор, всего в 1910 г. было: детей и взрослых – 8553 чел., провожатых – 913 чел., пользовались ночлегом – 3824 чел. (в последнем показателе наблюдается разночтение с ранее поданными сведениями в сторону их уменьшения) [14, 1910, ед.хр. 1, л. 1–1об].

Других систематических данных о приеме молодых паломников-богомольцев в архиве выявить не удалось, но очевидно, что прием таких групп, за счет монастыря, проходил ежегодно на регулярной основе. Усредненные показатели, из расчета на год, при этом получены следующие: детей-паломников – 4200 чел., провожатых – 662 чел. При этом все они обеспечивались

пищей от монастыря, а половина из них бесплатным в нем ночлегом.

Общие сведения о паломниках-богомольцах, посещавших монастырь в 1908–1916 гг., приведены в таблице 2.

Таблица 2. Сведения о паломниках (богомольцах) в Иосифо-Волоцкий монастырь за 1908–1916 гг. (чел.)*

Год	Число групп, ед.	Число сопровождающих	Получали пищу		Получали ночлег		Примечания	
			муж.	жен.	муж.	жен.		
1908	196	597	2447	1754	1392	1007	Всего: 4201 чел. (по обеспечению питанием).	
1909	238	768	2988	2384	1436	1374	Всего: 5372 чел. (по обеспечению питанием). Ночлег - данные по 13.09.1909 г. включительно	
1910	279	849	3269	2849	2066	1681	Всего: 6118 чел. (по обеспечению питанием). Ночевали в отдельных номерах гост. - 490 чел.	
1911	484	Муж. - 882 чел.; жен. - 782 чел.	8671	7169	В странноприимном доме:		«Всего - 17595 чел.; без пищи - 91 чел.»	
					4364	3813		
					Всего: 8177 чел.			
					В отдельных номерах гостиницы:			
					800	701		
					Всего: 1501 чел.			
912	Помета на л. 150б [14, 1913, ед.хр. 1]: «Сравнение с 1912 годом В 1912 г. 14452 челов. [В] 1913 г. 4003 [челов.] В 1913 г менее на 10449 человек»							
913	—	Прибыло:		Паломников:		В странноприимном доме:		Всего: 4003 чел. (по обеспечению питанием).
		муж. - 2406	жен. - 1248	406	248	31	69	
		Сопровождающих		Сопровождающих		В отдельных номерах гостиницы		
		муж. - 192	жен. - 157	92	57	98	49	
		Всего: 4003 чел.		Всего: 4003 чел.		Всего: 1147 чел.		
914	Нет данных.							
915	Отпущено бесплатных обедов богомольцам - 25926**							
916	Отпущено бесплатных обедов богомольцам - 27425**							

*цифры в отчетах частично несопоставимы, по-видимому, присутствуют счетные и методические ошибки

**число паломников-богомольцев в эти годы условно принято равным числу отпущенных обедов

Источник: составлено автором по данным [14, 1908, ед.хр. 2, л. 8; 1909, ед.хр. 1, л. 22; 1910, ед.хр. 1, л. 2–12; 1911, ед.хр. 2, л. 10б-22; 1913, ед.хр. 1, л. 1–16; 1915, ед.хр. 2, л. 1–2; 1916, ед.хр. 2, л. 1–2]

Одной из основных форм духовно-нравственного воспитания является поучение-наставление, которое может проводиться в форме «рассказа-беседы» (проповеди). Монастырские священнослужители трепетно и строго относились к такого рода обязанностям, принимая за основу своих поучений, тексты, рекомендуемые Св Синодом. Из года в год в донесениях в Московскую духовную консисторию указывается: «поучения, ... читаны были в церкви за каждую Литургию» [14, 1881 ед.хр. 2, л. 360б и далее]. Здесь важно выделить слова «за каждую литургией», что в исследуемый период не было повсеместно, хотя и устанавливалось в обязанность всех священнослужителей, как в монастырях, так и на приходах.

В Великие православные праздники монастырь безвозмездно раздавал богомольцам и живущему в окружении обители населению нательные кресты. В частности, в 1896 г., на такие кресты в праздник Воздвиже-

ния Креста Господня обителью была затрачена сумма в 13 руб. 13 коп. [15, 1896, ед.хр. 326, л. 139–142об].

Большое внимание обитель уделяла приобретению и раздаче (отчасти и продаже) житийных материалов Святых Угодников Божиих, в первую очередь жития прп Иосифа Волоцкого [14, 1901, ед.хр. 1, л. 1–10б].

Сказанное выше было посильным вкладом Иосифо-Волоцкого монастыря в дело духовно-нравственного воспитания и воцерковления российского населения, включая, в первую очередь, духовное просвещение детей и юношества.

Обратимся к современным теоретическим и практическим наработкам в сфере духовно-нравственного просвещения, в первую очередь учителей, показавшим положительные результаты в образовательном процессе на кафедре теологии и религиоведения в Курском государственном университете.

Обратим внимание на то, что, как указывает автор Меньшиков В.М., и с чем следует согласиться: «не экологические, не социальные, а духовные причины привели страну к современному кризису» [10]. Он же справедливо указывает на то, что восстановление духовной компоненты развития российского общества – его вектора стремления к высокой духовности и нравственности – возможно на основе «восстановления Православия как определяющего фактора бытия всего нашего народа» [10]. В своей работе ученый дает рекомендации по возможному пути такого развития: не только планирование и обсуждение доктрины защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но и ее последовательная реализация, при всемерной государственной и общественной поддержке структур, формирующих фундамент духовного возрождения народа, как на всероссийском, так и на региональных уровнях. При этом предполагается «практическая реализация национальной доктрины образования, ориентированной на возрождение традиционной духовности и нравственности» [10].

Духовно-нравственные изъясны личности и человеческого общества изучает православная теология. Со стороны светской науки «духовные болезни» практически не исследуются, но именно они приводят, в конечном итоге, к гибели целых народов. Если мы хотим восстановить традиционные духовно-нравственные ценности в Российской Федерации, вернуть их российским народам, то без опоры на Православие это принципиально невозможно. При этом, несмотря на состоявшееся в 1918 г. отделение в России государства от Церкви, именно такой подход должен стать приоритетной и практически исполняемой задачей светского государства и всех его институтов [10].

Основой здесь должно стать изменение системы российского воспитания, тесно сопряженного с системой российского же образования. Речь, по существу, идет о воссоздании национальной воспитательно-образовательной системы, заново выстраиваемой на основе, упомянутых в Указе президента РФ, традиционных российских духовно-нравственных ценностях. Целью этой системы (процесса) вновь должно быть определено «всестороннее развитие человека» [12].

Для теоретического и практического воспитания будущих педагогов, будущих воспитателей детей и юношества, в Курском госуниверситете уже сегодня преподается ряд важных дисциплин. Назовем, на наш взгляд, ключевые из них: «История духовно-нравственного воспитания», «История православного воспитания», «Основы духовно-нравственного воспитания», «Теория и практика духовно-нравственного воспитания в различных образовательных организациях» [8]. Имеются подобные перспективные начинания, с участием православных педагогов, в частности, кафедр теологии, в других ВУЗах и регионах.

Для успешной реализации поставленной президентом РФ сверхзадачи необходимо законодательно определить, на новом фундаменте, ряд ключевых понятий, а именно: «воспитание», «воспитатель», «цель воспитания», «процесс воспитания» и др. Процесс воспитания должен определять комплексную совокупность таких категорий, как «содержание воспитания, способы ..., средства, условия» и собственно «организацию воспитания» [11, с. 53–55].

Необходимо существенным образом переосмыслить отношение светской школы к понятию человека, как, в первую очередь, существу духовному, и лишь во вторую очередь материальному; к представлениям о грехе и святости, богообщении и обожении, о физической смерти и «жизни вечной»; о добре и зле [11, 58–64].

Выводы

1. Иосифов монастырь полагал образовательную и духовно-просветительскую деятельность своей приоритетной задачей и обязанностью. Он не только оказывал персональную финансово-материальную помощь воспитанникам (обучающимся), но контролировал своих «подшефных» как в части образования, так и их поведения.

2. Важной особенностью монастыря являлся прием с целью духовно-нравственного воспитания паломников из числа детей и подростков (в среднем около 4200 чел. в год).

В 1915–1916 гг. прием паломников имел тенденцию к росту, что можно объяснить возрастанием потребности народа, особенно юношества, в духовной помощи в военные годы.

3. Опыт воспитательно-образовательной деятельности Иосифо-Волоцкого монастыря вполне соответствует потребностям сегодняшнего дня и может быть использован в воспитательной деятельности современной школы.

4. Для организации действенного духовно-нравственного воспитания российского общества, в первую очередь учителей и молодежи, с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности, с привлечением опыта Православия и православных монастырей в этом виде деятельности, необходимо в значительной степени пересмотреть на законодательно-нормативном уровне содержание ключевых понятий: «воспитание», «воспитатель», «цель воспитания», «процесс воспитания» и др.

5. Назревшей потребностью следует признать: изменение отношения школы к традиционным базовым понятием православной теологии; всемерную поддержку государством передовых начинаний высших учебных заведений по подготовке преподавателей и учителей к ведению воспитательной работы.

Литература

1. Андрей Хвыля-Олинтер, свящ. Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/27540-Духовная-безопасность-и-духовное-здоровье-человека-семьи-общества.pdf> (дата обращения 10.06.2025).
2. Возмитель А.А., Хвыля-Олинтер А.И., прот. Научно-методическое пособие: Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности). – Москва, б/и, 2022.
3. Геронтий (Кургановский), архим. Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. – С.-Петербург, 1903.
4. Деяние 135. 14 (27) июля 1918 г. / Деяния Священного Собора православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 9. Деяния 118–136. – М.: Государственный архив РФ, Новоспасский монастырь, 2000.
5. Духовная безопасность и традиционализм – избранные материалы между народной научно-просветительской конференции. / Отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, изд-во ООО «Веси», 2023.
6. Игнатий (Брянчанинов), свт. Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Паломник, 2001.
7. История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. – Санкт-Петербург, Тип. СПб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимова, 1899.
8. Кафедра теологии и религиоведения. Сайт «Курский государственный университет». URL: <https://kursksu.ru/people/view/255> (дата обращения 10.06.2025).

9. Керзум А.П. Воинское благотворительное общество Белого Креста. Сайт: «Internet archive WaybackMachine». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853547436> (дата обращения 10.06.2025).
10. Меньшиков В.М. Нравственное воспитание: духовно-историческая преемственность. Сайт «Вера и время». URL: <https://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=27> (дата обращения 10.06.2025).
11. Меньшиков В.М. Православная педагогическая методология: отжившее прошлое или предстоящее будущее? / Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2024. Вып. 72. С. 49–80. DOI: 10.15382/sturlV202472.49-80.
12. Меньшиков В.М. Что самое главное для современного российского образования? Сайт «Русская народная линия». URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/07/29/chto_samoe_glavnoe_dlya_sovremennogo_rossiiskogo_obrazovaniya (дата обращения 10.06.2025).
13. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Фонд 1201, опись 4, 1913 г., д. 905. «Донесения архимандрита Иоанникия, Учрежденного собора и заведующего Соловецким богословским училищем с приложением документов по училищу».
14. РГАДА. Фонд 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии». Опись 4, часть I.
15. РГАДА. Фонд 1192 «Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь, Волоколамский уезд Московской губернии». Опись 5.
16. Романовская В.Б., Сальников М.В., Силантьева В.А. Духовная безопасность в современном российском обществе: угрозы и пути их преодоления. Сайт: «Cyberleninka.ru». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-ugrozy-i-puti-ih-preodoleniya> (дата обращения 10.06.2025).
17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 10.06.2025).
18. Устав братства св. равноапостольной Марии при приходской церкви Женской учительской семинарии в Москве. – М.: В типографии «Русских ведомостей», 1871.
19. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. Сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698>. Электронный текст: URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf> (дата обращения 10.06.2025).
20. Феофан Затворник, свт. Собрание писем. – М., 1994.

IOSIFO-VOLOTSKY MONASTERY: UPBRINGING AND EDUCATION OF CHILDREN, MONASTIC SCHOOL IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES IN THE LIGHT OF THE PROBLEMS AND TASKS OF EDUCATION TODAY

Smulov A.M.

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

This article addresses the tasks of implementing Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 11/09/2022. "On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values." The study reveals the participation of the Iosifo-Volotsky Monastery in the late 19th and early 20th centuries in helping the development of

spiritual education in the Moscow diocese, the creation of its own parish school, and the enlightenment of the children of pilgrims by the monastery. Special attention is paid to the upbringing of teenagers living in a school shelter and providing them with everything necessary for education and everyday life. At the same time, the existing experience of Kursk State University in teacher training based on the use of the fundamentals of educational activities of Orthodoxy is shown. Conclusions are drawn about the possibility of a harmonious combination of the educational experience of Orthodox monasteries and the modern system of ecclesiastical and secular education. It is pointed out that there is a need for significant changes in the definition of key concepts of educational activity and the attitude of the Russian school to the basic traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: Iosifo-Volotsky Monastery, parish school, theological seminary, theological Academy, icon painting college, pilgrimage, charity, Decree of the President of the Russian Federation, tradition, spiritual and moral values, Kursk State University

References

1. Andrey Khvylya-Olinter, priest. Spiritual security and spiritual health of a person, family, and society. The ABC of Faith portal. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/27540-Духовная-безопасность-и-духовное-здоровье-человека-семьи-общества.pdf> (accessed 10.06.2025).
2. Let's take A.A., Khvylya-Olinter A.I., prot. Scientific and methodological manual: Spiritual security of Russia (current theoretical, methodological and practical problems of spiritual security). – Moscow, 2022.
3. Gerontius (Kurganovsky), Archimandrite. Volokolamsk Iosifov second-class monastery and its current state. – St. Petersburg, 1903.
4. Act 135. July 14 (27), 1918 / Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. Volume 9. Acts 118–136. – Moscow: The State Archive of the Russian Federation, Novospassky Monastery, 2000.
5. Spiritual security and traditionalism – selected materials of the international scientific and educational conference. / Ed. by A.G. Polyakov. – Kirov, publishing house of Vesi LLC, 2023.
6. Ignatius (Bryanchaninov), St. Collected works. Vol. 1. – Moscow: Palomnik, 2001.
7. The history of the first-class Stavropol Solovetsky monastery. – St. Petersburg, Tip. Spb. acc. commonly. pechersk affairs in Russia E. Evdokimova, 1899.
8. Department of Theology and Religious Studies. Kursk State University website. URL: <https://kursksu.ru/people/view/255> (accessed 10.06.2025).
9. Kerzum A.P. Military Charitable Society of the White Cross. Website: «Internet archive WayBackMachine». URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853547436> (accessed 10.06.2025).
10. Menshikov V.M. Moral education: spiritual and historical continuity. The Vera i Vremya website. URL: <https://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=27> (accessed 10.06.2025).
11. Menshikov V.M. Orthodox pedagogical methodology: the obsolete past or the upcoming future? / Bulletin of the PSTU. Series IV: Pedagogy. Psychology. 2024. Issue 72. pp. 49–80. DOI: 10.15382/sturlV202472.49-80.
12. Menshikov V.M. What is the most important thing for modern Russian education? The website of the Russian People's Line. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2022/07/29/chto_samoe_glavnoe_dlya_sovremennogo_rossiiskogo_obrazovaniya (accessed 10.06.2025).
13. RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts). Foundation 1201, inventory 4, 1913, 905. «Reports of Archimandrite Ioannikiy, the Established Cathedral and head of the Solovetsky Theological College, with attached documents on the school».
14. RGADA. Foundation 1192 «Iosif Volokolamsk (Volotsky) Monastery, Volokolamsk district, Moscow province». Inventory 4, part I.
15. RGADA. Foundation 1192 «Iosif Volokolamsk (Volotsky) Monastery, Volokolamsk district, Moscow province». Inventory 5.
16. Romanovskaya V.B., Salnikov M.V., Silantjeva V.A. Spiritual security in modern Russian society: threats and ways to overcome them. Website: «Cyberleninka.ru». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnaya-bezopasnost-v-sovremennom->

rossiyskom-obschestve-ugrozy-i-puti-ih-preodoleniya (accessed 10.06.2025).

17. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 09.11.2022. «On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values». The President of Russia website. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed 10.06.2025).
18. The Charter of the Brotherhood of St. Mary Equal to the Apostles at the Parish Church of the Women's Teachers' Seminary

in Moscow. – Moscow: In the printing house of Russkiye Vedomosti, 1871.

19. Federal Law No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation», dated December 29, 2012. The President of Russia website. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698>. Electronic text: URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212300007.pdf> (accessed 10.06.2025).
20. Theophan the Recluse, St. Collection of letters, Moscow, 1994.

ЕАЭС в риторике лидеров: сравнительный политический дискурс-анализ речей Владимира Путина и Касым-Жомарта Токаева (2022–2025 гг.)

Иванов Эдвард,

аспирант, ассистент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»
E-mail: ivanovedvard12@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу речей президентов Российской Федерации и Республики Казахстан, касающихся вопросов евразийской интеграции. Исследование охватывает восемь официальных выступлений, прозвучавших в период с 2022 по 2025 год на полях ежегодных мероприятий ЕАЭС – саммитов глав государств и Евразийского экономического форума. В качестве методологической базы используются подходы критического дискурс-анализа и риторического анализа, позволяющие выявить особенности публичной коммуникации, реализуемой лидерами двух государств в институционализированном интеграционном контексте. Актуальность работы обусловлена как возрастающим значением ЕАЭС в региональной и международной политике, так и необходимостью анализа дискурсивного сопровождения процессов интеграции на постсоветском пространстве. Особое внимание уделяется риторическим стратегиям, лексико-семантическим особенностям и структуре речевых актов. В результате проведённого анализа установлены характерные черты стилистических и содержательных приёмов, применяемых президентами при обсуждении ключевых направлений взаимодействия в рамках ЕАЭС. Работа также фиксирует тенденции изменений в политической риторике руководителей Российской Федерации и Республики Казахстан, В. Путина и К.-Ж. Токаева, в динамике трёх лет, подчёркивая роль языковых механизмов как инструмента формирования интеграционной повестки.

Ключевые слова: политический дискурс; евразийская интеграция; ЕАЭС; критический дискурс-анализ; КДА; Казахстан; Россия; евразийский экономический форум; Путин; Токаев.

Введение

«Язык – это дом бытия» (пер. с нем.) [9], – так считал Мартин Хайдеггер, один из известнейших философов прошлого столетия. И правда, так оно во многом и есть. Американский лингвист и инженер-химик Бенджамин Ли Уорф писал в своей работе, что структура языка, которым человек обычно пользуется, влияет на способ его понимания окружающей среды. Картина вселенной меняется от языка к языку [7]. Его коллега Эдвард Сепир – лингвист и антрополог, один из основателей гипотезы лингвистической относительности, писал: «Язык является путеводителем по социальной реальности» (пер. с англ.) [11]. Лера Бородицки – современный когнитивный психолог и нейролингвист, исследователь связи языка, мышления и восприятия, пишет: «Языки, на которых мы говорим, формируют способ, которым мы думаем, запоминаем события и воспринимаем мир» (пер. с англ.) [8]. Похожие мнения специалистов дают нам представление о высокой степени важности используемых языка и дискурса, в понимании мира и формировании восприятия его. В данной статье сочтено необходимым рассмотреть вопрос проекта евразийской интеграции на постсоветском пространстве (в рамках ЕАЭС) с точки зрения дискурса, используемого лидерами государств, входящих в это объединение. Для исследования были выбраны тексты выступлений президентов двух крупнейших государств объединения – России и Казахстана. Данная работа является важной составляющей последующих исследований по теме перспектив ЕАЭС. Возвращаясь к значимости рассмотрения дискурса политиков в отношении ЕАЭС, следует упомянуть, что именно то, каким образом лидеры высказываются, обсуждая проект исследуемого интеграционного объединения, может многое сказать о том, как руководству двух стран видится будущее организации и какую роль они ей отводят в своей политике. Цитируя Хайдеггера: «Говорит язык» (пер. с нем.) [10].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания стратегических установок государств – участников ЕАЭС. В условиях нестабильной геополитической обстановки и усиливающегося глобального противостояния, выбор речевых стратегий лидеров отражает не только моментальные политические приоритеты, но и долгосрочные модели взаимодействия в рамках интеграционного проекта. Исследование политического дискурса становится особенно значимым, когда речь идёт о выстраивании национальных структур, предполагающих согласование не только интересов, но и видения будущего.

Научная новизна статьи заключается в сопоставительном анализе речей двух президентов – Касым-Жомарта Токаева и Владимира Путина – с полным или частичным применением методов критического дискурс-анализа, социо-когнитивного и риторического подходов. Такой анализ позволяет выявить не только стилистические и семантические различия, но и скрытые идеологические установки, транслируемые через язык. Особое внимание уделяется тому, как посредством языка формируются модели будущего ЕАЭС, а также представления о его роли в международной системе. Важно в дан-

ном ключе упомянуть также и временные рамки корпуса речей – это выступления президентов на ежегодных мероприятиях ЕАЭС, таких как саммиты и экономические форумы в период 2022–2025 гг.¹

Целью данного исследования является выявление и сравнение дискурсивных стратегий, используемых лидерами России и Казахстана в их публичных выступлениях по вопросам Евразийского экономического союза для понимания перспектив развития объединения.

Для достижения этой цели в статье решаются следующие **задачи**:

- Провести лингвистический анализ на лексико-семантическом, морфо-синтаксическом и прагматическом уровнях речей В. Путина и К.-Ж. Токаева;
- Выявить риторические и идеологические стратегии, реализуемые в дискурсе каждого из лидеров;
- Сопоставить дискурсивные модели, отражающие видение евразийской интеграции двух лидеров;
- Обобщить результаты в рамках сравнительного дискурс-анализа;
- Основываясь на полученных данных, попытаться сформулировать видение будущего ЕАЭС Токаевым и Путиным.

Таким образом, настоящая работа ориентирована на всестороннее исследование политического дискурса как средства не только выражения позиций, но и активного формирования интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Методология

В основе данного исследования лежит критический дискурс-анализ или КДА, разработанный такими мыслителями как Норман Фэрклоу, Теун ван Дейк, Рут Водак и др. «Ключевое место в современной методологии изучения взаимодействия языка и общества принадлежит критическому дискурс-анализу (КДА)» [5, с. 207], так пишет в своей работе о КДА М. С. Матыцина. В рамках КДА язык рассматривается в качестве формы социального действия, посредством которого происходит построение и легитимация властных отношений, идеологических позиций и социальной идентичности.

Данный подход применяется к анализу публичных речей, поскольку в них формируются и отражаются политические приоритеты, рамки дискурса и повестка дня. Н. Фэрклоу считал, что направление дискурса формируется социальными структурами, практиками, а также людьми или «социальными агентами», которые непосредственно вовлечены в социальные события. Если точнее, то сам дискурс и социальные структуры взаимовлияют друг на друга – «дискурс и социальные структуры являются взаимно конституирующими сущностями: социальные структуры создают дискурсивное событие, а оно формирует социальную и политическую реальность» [5, с. 209].

Дискурсивно-исторический подход Р. Водак дает нам возможность также рассматривать речи в рамках исторического контекста, в котором они были произнесены. Социо-когнитивный подход Т. ван Дейка, в свою очередь, позволяет нам исследовать и интерпретировать тексты сквозь призму стереотипов, коллективных представлений, системы ценностей и моральных устоев, а также различных моделей восприятия политической реальности, как со стороны носителей власти, так и со стороны тех, кто испытывает её влияние. В статье также использован метод риторического анализа. Он

направлен на выявление способов убеждения, стратегий аргументации и стилистических приемов. Йоргенсен и Филлипс утверждают, что в некоторых случаях, исследуя дискурс, необходимо прибегать к комбинированию различных подходов к исследованию текста для более комплексного рассмотрения вопроса с разных сторон [4]. В совокупности применение всех вышеизложенных методов исследования позволяет проводить многоуровневый анализ.

Контекстуализация и выбор материала

Изначально для анализа в данной статье были выбраны 6 публичных выступлений, по 3 у каждого президента: Касым-Жомарта Токаева и Владимира Путина, произнесённые в 2022–2024 гг. на полях заседаний Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского экономического форума и Евразийской экономической комиссии. Для наглядности и точности результатов, в том числе, сравнительного анализа были выбраны выступления с одинаковых площадок в одну и ту же дату для обоих президентов. Сразу после выступления президентов на пленарном заседании Евразийского экономического форума в Минске 26 июня 2025 года статья была дополнена этими выступлениями².

Период анализа выбран с учётом значительных геополитических изменений, включая санкционное давление на Россию, возрастающую активность Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь», попытки пересмысления интеграционных блоков на постсоветском пространстве. В рамках внутривластного контекста в России с 2022 года происходит рост роли государства в экономике, расширяется риторика, направленная на консолидацию общества, а в Казахстане после январских событий 2022 года происходит перераспределение политических акцентов, упор делается на внутривластную модернизацию и многовекторность внешней политики. Эти обстоятельства формируют важный внешний фон, в рамках которого звучат речи глав государств.

Каждый текст выступлений отбирался по критериям его насыщенности с точки зрения содержательной части, тематики выступления, связанной с проектом евразийской интеграции, и официального характера. Такой подход к выбору материала исследования позволяет избежать дезинформационных последствий и неверных выводов, связанных с использованием неофициальной информации, и дает возможность четко определить результаты анализа.

Лингвистический анализ

На лексико-семантическом уровне речь Токаева насыщена нейтральными, экономико-административными лексемами, такими как: «барьеры», «торговый оборот», «инфраструктура», «экспорт», «прозрачность», «логистика». Такая речь характеризуется технократичной, обезличенной, не окрашенной эмоционально лексикой. Например: «Только по итогам прошлого года валовой внутренний продукт страны вырос на 5,1%. Мы считаем это неплохим результатом. Высокий уровень интеграционного взаимодействия подкрепляется совместной реализацией крупных инфраструктурных проектов, развитием промышленной кооперации и формированием общего рынка услуг» [3]. В речах Путина же преобладает лексика, насыщенная политико-идеологической терминологией: «суверенитет», «мировой жандарм», «независимость».

¹ Тексты речей вручную транскрибированы из видеоматериалов с записями живых выступлений президентов на мероприятиях ЕАЭС.

² Тексты речей вручную транскрибированы из видеоматериалов с записями живых выступлений президентов на мероприятиях ЕАЭС.

Он вводит в свою речь оценочные термины: «нарушение правил», «недружественные страны», «воровство активов». Например: «Воровство чужих активов никогда до добра никого не доводило – и не доведёт» [1]. Если у Токаева преобладают слова, связанные с экономикой: «торговля», «взаимодействие», «прозрачность», «инфраструктура», то у Путина встречаются более концептуальные термины: «справедливость», «суверенитет», «традиционные ценности».

На морфо-синтаксическом уровне у Токаева тексты речей наполнены модальными конструкциями с глаголами долженствования и возможности, такими как: «необходимо создать», «можно сказать», «важно обеспечить», «необходимо повысить», что в свою очередь подчеркивает ориентированность оратора на процессуальность и консенсус. Такой подход к составлению текста речи оратора формирует образ профессиональной, деловой коммуникации. Ключевая черта речей Путина – короткие, императивные и категорические конструкции: «это нереалистично», «добиться невозможно», «ничего подобного», «ничего не изменится», «это грабёж». Такие конструкции усиливают впечатление категоричности и формируют эффект риторического нажима. В речи Путина они часто используются с усиливающими вариациями и повтором.

На прагматическом уровне речь Токаева формируется на основе поиска баланса, стремления минимизировать конфронтацию и стратегии вежливости. Тональность речи – вежливо-рационализаторская, сосредоточена на достижении результата без создания конфликтного фона. При этом речь Путина построена на подчеркивании противостояния, призыве к внутренней консолидации и мобилизационной стратегии. Путин в своих речах подчеркивает угрозы, давление, необходимость единства и сопротивления. Структурированность – отличительная черта речи Токаева. Часто она содержит следующие блоки: текущая ситуация → задачи → ожидаемые эффекты. Адресатом его речей часто являются представители экономической и политической «элиты». Во время, как Путин прибегает к эмоциональной экспрессии, иногда юмору, как ключевому риторическому инструменту. Его речи адресуются широким массам: гражданам, чиновникам, военным, экономическим и политическим партнерам, союзникам и соперникам на международной арене.

Идеологический анализ

Образы и концепты. Доминирующий образ у Токаева – образ партнерства: ЕАЭС – это экономический инструмент, пространство для сотрудничества и взаимовыгоды. Центральными аспектами являются выгода, равенство, уважение к суверенитету. Речи Токаева полны образами партнера, союзника, равноправного субъекта. Путин же расширяет образ ЕАЭС до элемента цивилизационного противостояния: альтернатива западу, модель справедливого мира, многополярность. Здесь доминируют образы противника, героя, консолидированного общества.

Идеологемы. Токаевские вариации: взаимовыгодное партнерство, экономическая эффективность, устранение барьеров, прозрачность, равноправие, диалог, развитие инфраструктуры. Путинские вариации: глобальное большинство, несправедливость однополярного мира, суверенитет, многополярность, традиционные ценности и культура, противостояние внешнему давлению.

Нарративы. Казахстанский – развитие через интеграцию, при четком контроле национального суверенитета. Российский – интеграция как путь выживания, независимости и лидерства в новой реальности, восстановление

глобального влияния через создание собственного центра силы, положительные экономические показатели России как признак несостоятельности западного давления.

Идеологическая основа дискурса Токаева заключается в прагматизме и умеренности, он сфокусирован вокруг тем экономической целесообразности и рациональности. В своих речах он принципиально подчеркивает именно экономический характер евразийской интеграции: «Для нас интеграция в рамках Евразийского экономического союза носит, прежде всего, экономический характер» [6], в его речах происходит дистанцирование от наднациональных амбиций: «Евразийская экономическая комиссия не является правительством, это исполнительный орган» [1].

Дискурс Путина имеет более жесткий, мобилизующий стиль. В его речах довольно частое явление – конструкции с эксплицитной модальностью и негативной оценкой в адрес «недружественных стран», часто также используются и конструкции обобщающие и категоричные: «это нереалистично», «это невозможно», «все больше и больше стран... будут проводить независимую политику» [1]. Идеологически дискурс Путина полон концептами суверенитета, антизападной риторики и цивилизационного противопоставления. Подход к проекту евразийской интеграции здесь отличается, он включает идею альтернативного миропорядка, в нем Россия и ее партнеры – это ядро нового центра силы.

Риторический анализ

Риторика Токаевских речей строится на взвешенности и рациональности. Приемы основного порядка здесь – апелляция к фактам и статистике, например, данные ВВП, рост торговли, количество устранённых барьеров, также широко используется стратегическая метафорика: «интеграция – это тонкая работа», «основа – здание». Используются и метафоры строительного и инженерного характера: «интеграция – это фундамент», «каркас Евразии», «механизм обеспечения». Он метафорически описывает интеграцию через образы строительства: «фундамент союза», «транспортный каркас». Аргументация в его речах носит преимущественно сдержанный характер: «важно понимать», «хотел бы остановиться», «кроме того, есть деликатный момент».

Путин в своих обращениях использует стратегию мобилизационной риторики, его речам характерны анафоры, параллелизмы, эмоциональные антитезы: «нас хотят оттуда выдавить – но это невозможно», «кто к этому стремится – наносит ущерб себе». У Путина в исследуемых выступлениях можно встретить следующие анафоры: «они не смогут...», «мы должны...»; антитезы: «суверенитет против зависимости», «наша правда – против их лжи»; эмоциональные гиперболы: «это глобальный переломный момент», «мир не будет прежним». Нередко в его речах присутствуют апелляции к справедливости и побуждение к сопротивлению давлению: «никакой мировой жандарм не сможет остановить этот естественный глобальный процесс» [1]. Регулярно используются коллективные образы: мы вместе, нас не сломить, все здравомыслящие государства.

Путин в своих речах активно прибегает к историческим образам и отсылкам к прошлому (СССР, знаковые даты, национальные лидеры). Токаев же, напротив, использует «сухие» факты и цифры – его выступления насыщены статистикой и экономическими показателями, а исторические аллюзии в них минимальны.

Подытожить риторические различия можно следующим образом. У Токаева стиль преимущественно –

логос-доминированный (logos). У Путина – сильна доля эмоционально-ценностного компонента (pathos). И хотя статистикой Путин также активно оперирует, как Токаев, он использует ее часто как подкрепление своих идеологических концептов и заключений по уже свершившимся достижениям. Тогда как Токаев основывает на статистике свои оценки, анализ и предложения по дальнейшему развитию.

Таблица 1. Тезисно выраженные в таблице результаты сравнительного дискурс-анализа выступлений Путина и Токаева в период 2022–2024 гг. на полях ежегодных мероприятий ЕАЭС

Аспект анализа	Токаев	Путин
Цели речи	Призыв к партнёрству, стабильности	Мобилизация, консолидация
Тематический фокус	Экономика, торговля	Геополитика, идеология
Адресат	Международные партнёры, технократы, экономическая и политическая «элита»	Граждане, элиты, союзники, противники, внешнеполитические партнеры
Риторика	Рациональная, программная, мягкая	Мобилизующая, жёсткая, эмоционально насыщенная
Эмоциональность	Низкая	Высокая
Используемые риторические фигуры	Факты, метафоры, логика	Анафоры, антитезы, эмоциональный подъём, гиперболы
Тональность	Нейтральная, деловая	Настроенная на борьбу, мобилизующая
Модальность	Мягкая, рекомендательная	Категоричная, директивная
Внешняя рамка	Экономическая	Геополитическая
Внутренний фокус	Снижение барьеров	Идеологическое сопротивление
Образы	Партнёр, сосед, союзник, инженер системы	Друг и враг, глобальное большинство и гегемон, борец, защитник
Ссылки на внешнюю политику	Умеренные, преимущественно экономические	Частые, политико-идеологические
Идеологический акцент	Прагматизм, экономическая интеграция, модернизация	Суверенитет, антизападность, многополярность, антиглобализм
Исторические аллюзии	Практически отсутствуют	Широко представлены
Образ ЕАЭС	Экономический союз, механизм компромиссов	Политико-экономическая альтернатива Западу
Отношение к ЕАЭС	Средство рационального взаимодействия	Проект глобального значения
Роль государства	Равноправный участник, против усиления наднациональных структур	Лидер интеграционного процесса, источник инициатив

Источник: составлено автором.

Проведенный анализ данных, кратко представленных в таблице выше (см. Табл. 1), позволяет чётко зафиксировать различие в стратегических подходах двух лидеров. Если риторика Токаева опирается на язык прагматизма, технократизма, равноправия, взаимовыго-

Сравнительный анализ

В речах Токаева и Путина видны различающиеся цели, адресаты, задачи и стили риторики. Токаев более сдержан в эмоциях и прагматичен, в то время как риторика Путина отличается большей экспрессивностью и ориентирована на более широкую аудиторию. Ниже представлена сравнительная таблица (см. Табл. 1).

ды и делового партнёрства, то дискурс Путина строится на мобилизационной логике, эмоциональном вовлечении и апелляции к историческим параллелям и событиям связанным с монополярной «нового многополярного мира» и «старого монополярного порядка». Эти отличия иллюстрируют не только стилистическое, но и идеологическое расхождение в представлении о сущности ЕАЭС.

Таблица 2. Тезисно выраженные в таблице результаты сравнительного дискурс-анализа выступлений Путина и Токаева в июне 2025 года на полях Евразийского экономического форума в Минске

Лидер	Токаев	Путин
Лексика	Нейтральная, деловая терминология с акцентом на экономические и технологические аспекты; отсутствуют выраженные идеологизмы, преобладают факты и цифры.	Сочетание экономической лексики с идеологически насыщенными понятиями; наряду с цифрами используются термины вроде «суверенитет», «многополярность»; встречаются экспрессивные или разговорные обороты для усиления воздействия.
Синтаксис	Строго структурированные, грамматически правильные конструкции; преобладание декларативных предложений без риторических вопросов или восклицаний, что придаёт речи официальный тон.	Разнообразные синтаксические конструкции; присутствуют риторические вопросы, повторы ключевых фраз и восклицательные интонации; официально-деловой стиль перемежается с эмоциональными вставками, усиливая выразительность.

Лидер	Токаев	Путин
Прагматика	Ориентирована на партнёрское взаимодействие и практическую выгоду для всех участников союза; обращение преимущественно к коллегам по ЕАЭС с конструктивными предложениями и призывом к сотрудничеству.	Стремится мобилизовать и вдохновить аудиторию; подчёркивает глобальное значение ЕАЭС и обращается как к внутрирегиональной, так и к внешней аудитории; речь направлена на консолидацию союзников и формирование ощущения исторической миссии объединения.
Риторика	Умеренное использование риторических приёмов; опора на логику, статистику и прагматичные аргументы; тон спокойный, уважительный, без эмоциональной экспрессии.	Активно задействованы риторические фигуры: повторы, риторические вопросы, анафоры и другие приёмы усиливают убедительность; эмоциональный накал заметно выше, тон призывный, воодушевляющий, апеллирующий к чувству единства.
Идеология	Акцент на прагматизм и модернизацию; интеграция представляется как рациональный экономический проект, лишённый конфронтационной риторики или идеологических лозунгов.	Ярко выражена идеологическая линия: ЕАЭС позиционируется как альтернатива западоцентричному порядку, провозглашаются ценности суверенитета и равноправия в «новом многополярном мире»; присутствуют исторические отсылки и нарратив противостояния внешнему давлению.

Источник: составлено автором.

Из таблицы 2 видно, что речь Токаева на полях Евразийского экономического форума в 2025 году характеризуется нейтральной и технической лексикой при прямом и строгом построении предложений, отражающих прагматичную направленность выступления. Его риторика остаётся сдержанной, опирается на факты и не прибегает к идеологизированным образам, акцентируя сотрудничество и модернизацию. В противоположность этому, выступление Путина отличается включением идеологически окрашенной лексики и более динамичным синтаксисом с риторическими вопросами и повторениями, что создаёт мобилизующий эмоциональный эффект. Риторический стиль Путина значительно более экспрессивен и насыщен ценностными призывами (суверенитет, многополярность и т.д.), придавая его речи ярко выраженную идеологическую окраску. Таким образом, Токаев демонстрирует технократически-прагматичный подход, тогда как Путин использует идеологически насыщенную, мобилизационную манеру общения. В целом, можно проследить преемственность стиля у обоих президентов при сравнении с предыдущими выступлениями.

Заключение

Проведённый дискурс-анализ продемонстрировал, что речевые практики Касым-Жомарта Токаева и Владимира Путина существенно различаются как по структуре и лексике, так и по риторическим стратегиям и идеологической направленности. Эти различия отражают не просто стилистические особенности публичной коммуникации двух лидеров, но противоположные взгляды на природу евразийской интеграции.

Если дискурс Токаева репрезентирует прагматичный, экономико-ориентированный и сбалансированный подход, то риторика Путина строится на мобилизационных образах, идеологической насыщенности и конфронтационной установке. В результате Евразийский экономический союз предстаёт не только как платформа экономического взаимодействия, но и как пространство конкурирующих нарративов о будущем постсоветского пространства. Дискурс Токаева формирует образ ЕАЭС как рационального экономического механизма, основанного на прагматизме, модернизации и равноправии. Токаев избегает идеологических конструкций и исторических параллелей, апеллируя к фактам и логике. В противоположность этому, риторика Путина наполнена идеологемами, метафорами борьбы, историческими отсылками и эмоциональными конструкциями. В его интерпретации

ЕАЭС – это проект цивилизационного масштаба и геополитической альтернативы.

Сопоставление речей 2025 года с более ранними выступлениями этих же лидеров выявляет как преемственность, так и определённую динамику их риторики. Токаев на протяжении всего периода сохраняет прагматичную и сдержанную манеру, подчёркивая принципы «равноправия, взаимной выгоды, прагматизма» [2], однако к 2025 году заметно усиление акцента на тематике технологического развития и цифрового суверенитета. Это свидетельствует об адаптации его дискурса к новым глобальным вызовам при сохранении неконфронтационного тона. Дискурс Путина, напротив, со временем приобретает всё более выраженную идеологическую окраску: если в ранних выступлениях присутствовали темы суверенитета и многополярности, то в речи 2025 года эти риторические акценты значительно усилены, с более откровенным позиционированием ЕАЭС в качестве опоры нового мирового порядка в противовес доминированию Запада. В обоих случаях прослеживается преемственность в базовых нарративах: Токаев неизменно фокусируется на экономическом сотрудничестве и модернизации, тогда как Путин акцентирует историческую миссию и единство перед внешними вызовами. Вместе с тем контраст между их акцентами к 2025 году усилился. Речи 2025 года не только отражают прежние стратегические установки, но и демонстрируют усиление ключевых риторических элементов под влиянием меняющейся геополитической ситуации, что подчёркивает самобытность дискурса каждого лидера.

Официальные выступления лидеров несут не только информативную, но и нормативную и символическую нагрузку: они формируют рамки мышления, задают допустимые интерпретации и направляют общественное восприятие политических процессов. Через язык лидеры не просто транслируют политику – они конструируют её, задавая ценностные ориентиры и сценарии развития.

Таким образом, язык лидеров становится не только средством выражения политических намерений, но и инструментом моделирования будущего интеграционного проекта. Сравнение дискурсивных стратегий показывает, что внутри ЕАЭС сосуществуют как минимум два различных нарратива: один – ориентированный на экономическое взаимодействие и технократическое управление, другой – на символическое лидерство и идеологическую мобилизацию.

Понимание этих дискурсивных различий является ключевым для анализа текущей и будущей динамики внутри ЕАЭС. Судьба интеграционного проекта во многом будет зависеть от того, какой дискурс – прагматич-

ный или идеологически мобилизующий – получит институциональное закрепление и определит рамки дальнейшего взаимодействия государств-членов. От того, какой из дискурсов приобретёт доминирующее положение, во многом будет зависеть и практическое развитие Евразийского экономического союза. Однако, стоит заметить также, что несмотря на разные подходы и подсвечивание различных граней данного объединения, видение будущего ЕАЭС в позитивном ключе – это то, что объединяет двух лидеров.

Литература

1. Евразийская экономическая комиссия. Евразийский экономический форум: Брошюра по итогам. Бишкек, 26 мая 2022 г. – Бишкек: ЕЭК, 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1e5/Broshyura.-itog.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Заседание Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе. Минск, 2025 г. Евразийский экономический форум [Видеозапись] // News.by – Первый информационный. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=EAhAJgDrvJw&t=4007s> (дата обращения: 27.06.2025).
3. Заседание Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС). 8 мая 2024 года [Видеозапись] // Официальный YouTube-канал Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=15S7IC0HDW4&t=6s> (дата обращения: 16.06.2025).
4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод / пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 352 с. ISBN: 966–8324–06–4.
5. Матыцина М.С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 206–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17> (дата обращения: 25.06.2025).
6. Пленарное заседание II Евразийского экономического форума «Евразийская интеграция в многополярном мире». 2023 г. [Видеозапись] // Официальный YouTube-канал Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=IjO9sjX-kG4> (дата обращения: 16.06.2025).
7. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. – Вып. 1 / под ред. В.А. Звегинцева. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – С. 169–182. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://i.twirpx.link/file/3134359/> (дата обращения: 01.07.2025).
8. Boroditsky L. How Language Shapes Thought // Scientific American. – 2011. – Vol. 304, No. 2. – P. 62–65. – [Electronic resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/49834592_How_Language_Shapes_Thought (accessed: 01.07.2025).
9. Heidegger M. Über den Humanismus. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. – [Elektronische Ressource]. Verfügbar unter: [https://dn720006.ca.archive.org/0/items/martin-heidegger-uber-den-humanismus-2000-vittorio-klostermann-frankfurt-am-main/Martin%20Heidegger%20-%20Über%20den%20Humanismus%20\(2000,%20Vittorio%20Klostermann,%20Frankfurt%20am%20Main\).pdf](https://dn720006.ca.archive.org/0/items/martin-heidegger-uber-den-humanismus-2000-vittorio-klostermann-frankfurt-am-main/Martin%20Heidegger%20-%20Über%20den%20Humanismus%20(2000,%20Vittorio%20Klostermann,%20Frankfurt%20am%20Main).pdf) (Zugriffsdatum: 30.06.2025).

10. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache / hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. – (Gesamtausgabe; Bd. 12). – [Elektronische Ressource]. Verfügbar unter: <https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2025/06/Unterwegs-zur-Sprache-12.pdf> (Zugriffsdatum: 30.06.2025).
11. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science // Language. – 1929. – Vol. 5, No. 4. – P. 207–214. – [Electronic resource]. Available at: <https://www.bible-researcher.com/sapir1.html> (accessed: 01.07.2025).

THE EAEU IN LEADERS' RHETORIC: A COMPARATIVE POLITICAL DISCOURSE ANALYSIS OF SPEECHES BY VLADIMIR PUTIN AND KASSYM-JOMART TOKAYEV (2022–2025)

Ivanov E.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to a comparative analysis of the speeches delivered by the Presidents of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan concerning Eurasian integration. The study covers eight official addresses given between 2022 and 2025 during annual EAEU events – summits of the heads of state and the Eurasian Economic Forum. The methodological framework includes approaches of critical discourse analysis and rhetorical analysis, which enable the identification of features of public communication employed by the leaders within an institutionalized context of integration. The relevance of the study stems from both the growing importance of the EAEU in regional and international politics and the need to examine the discursive dimension of integration processes in the post-Soviet space. Particular attention is paid to rhetorical strategies, lexicosemantic features, and the structure of speech acts. The analysis reveals characteristic traits of stylistic and substantive techniques used by the presidents in addressing key areas of cooperation within the EAEU. The article also captures evolving trends in the political rhetoric of the leaders of Russia and Kazakhstan, V. Putin and K.-J. Tokayev, over a three-year period, emphasizing the role of linguistic mechanisms as tools for shaping the integration agenda.

Keywords: political discourse; Eurasian integration; EAEU; critical discourse analysis; CDA; Kazakhstan; Russia; Eurasian economic forum; Putin; Tokayev.

References

1. Eurasian Economic Commission. Eurasian Economic Forum: Summary Brochure. Bishkek, May 26, 2022. – Bishkek: EEC, 2022. – [Electronic resource]. – Available at: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1e5/Broshyura.-itog.pdf> (accessed: 15.06.2025).
2. Meeting of the Supreme Eurasian Economic Council in extended format. Minsk, 2025. Eurasian Economic Forum [Video] // News.by – First Information Channel. – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=EAhAJgDrvJw&t=4007s> (accessed: 27.06.2025).
3. Meeting of the Supreme Eurasian Economic Council (SEEC). May 8, 2024 [Video] // Official YouTube channel of the Eurasian Economic Commission (EEC). – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=15S7IC0HDW4&t=6s> (accessed: 16.06.2025).
4. Jørgensen, M. W., Phillips, L.J. Discourse Analysis: Theory and Method / transl. from English. – 2nd ed., rev. – Kharkiv: Humanitarian Center, 2008. – 352 p. ISBN: 966–8324–06–4.
5. Matytina, M.S. Critical Discourse Analysis: Theoretical and Methodological Approaches // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. – 2019. – Vol. 18, No. 3. – P. 206–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17>. [Electronic resource]. – Available at: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.17> (accessed: 25.06.2025).
6. Plenary Session of the 2nd Eurasian Economic Forum “Eurasian Integration in a Multipolar World”. 2023 [Video] // Official YouTube channel of the Eurasian Economic Commission (EEC). – Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IjO9sjX-kG4> (accessed: 16.06.2025).

7. Whorf, B.L. Science and Linguistics // Novoe v Lingvistike [New in Linguistics]. – Issue 1 / ed. by V.A. Zvegintsev. – Moscow: Foreign Literature Publishing, 1960. – P. 169–182. – [Electronic resource]. – Available at: <https://i.twirpx.link/file/3134359/> (accessed: 01.07.2025).
8. Boroditsky L. How Language Shapes Thought // Scientific American. – 2011. – Vol. 304, No. 2. – P. 62–65. – [Electronic resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/49834592_How_Language_Shapes_Thought (accessed: 01.07.2025).
9. Heidegger M. Über den Humanismus. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2000. – [Elektronische Ressource]. Verfügbar unter: [https://dn720006.ca.archive.org/0/items/martin-heidegger-uber-den-humanismus-2000-vittorio-klostermann-frankfurt-am-main/Martin%20Heidegger%20-%20Über%20den%20Humanismus%20\(2000,%20Vittorio%20Klostermann,%20Frankfurt%20am%20Main\).pdf](https://dn720006.ca.archive.org/0/items/martin-heidegger-uber-den-humanismus-2000-vittorio-klostermann-frankfurt-am-main/Martin%20Heidegger%20-%20Über%20den%20Humanismus%20(2000,%20Vittorio%20Klostermann,%20Frankfurt%20am%20Main).pdf) (Zugriffsdatum: 30.06.2025).
10. Heidegger M. Unterwegs zur Sprache / hrsg. von Friedrich-Wilhelm von Herrmann. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. – (Gesamtausgabe; Bd. 12). – [Elektronische Ressource]. Verfügbar unter: <https://heidegger.ru/wp-content/uploads/2025/06/Unterwegs-zur-Sprache-12.pdf> (Zugriffsdatum: 30.06.2025).
11. Sapir E. The Status of Linguistics as a Science // Language. – 1929. – Vol. 5, No. 4. – P. 207–214. – [Electronic resource]. Available at: <https://www.bible-researcher.com/sapir1.html> (accessed: 01.07.2025).

Бочанов Максим Александрович,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

В статье анализируются политические процессы формирования консервативной повестки в постсоветской России, а также сопоставляется опыт США и Венгрии в контексте возвращения к традиционалистским и консервативным идеологиям. Внимание уделяется работе с историческим нарративом и концепции «суверенной демократии» как фактора укрепления национальной идентичности и противостояния западному универсализму. Анализируется американский консерватизм эпохи «America First» и венгерская модель «нелиберальной демократии» с христианским фундаментом. Особое внимание уделяется влиянию «цветных революций» и вызовам глобализации на национальный суверенитет и культурную идентичность. Заключение подчеркивает многослойный характер консервативного ренессанса как механизма внутренней консолидации и внешнеполитического противостояния, а также дилеммы баланса между традицией и открытостью в условиях современного мира.

Ключевые слова: консервативный ренессанс, традиционные ценности, патриотизм, «цветные революции», миграционная политика, глобализация, национальный суверенитет.

Введение

Исторические и политические процессы в постсоветской России позволяют детально рассмотреть механизмы формирования консервативной повестки как реакции на проникающие извне культурные и идеологические влияния. После распада СССР российское общество столкнулось с глубоким кризисом идентичности и утратой прежних идеологических ориентиров. В этих условиях 2000-х годов наблюдается последовательное формирование государственного дискурса «традиционных ценностей». Важными маркерами реализации данной повестки становятся законодательные меры – например, принятый Федеральный закон от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», а также введение системы заботы о многодетных семьях и идеологическая поддержка института брака.

Не менее знаковой оказывается работа с исторической памятью, где Победа в Великой Отечественной войне и концепция «русского мира» становятся символами позитивной самоидентификации страны. Они противопоставляются либеральному универсализму и «европейским ценностям», транслируемым через глобальные медиа и институции. На политическом уровне эти тенденции выстраиваются в концепцию «суверенной демократии», принципиально отрицающую конструкт навязывания западных моделей государственного и общественного устройства. Суверенитет в данном контексте трактуется как внутреннее право на самостоятельный правовой, культурный и политический выбор.

Особое внимание уделяется механизмам защиты информационного пространства и гражданского общества от западного влияния. Например, Закон № 121-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации по вопросам регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», существенно ограничил сферу деятельности некоммерческих организаций, получающих финансовую поддержку из-за рубежа. Консервативная политика становится в России не только ответом на внутренние запросы на стабильность, но и инструментом противостояния «мягкой силе» Запада.

Результаты и обсуждение

Отметим, что наша страна не единственная из развитых государств пропагандирует традиционализм. В этом контексте обратимся к актуальной мировой политической практике. В последние десятилетия мировая политика демонстрирует явную тенденцию к возрождению традиционалистских и консервативных идеологий. Эта тенденция, обозначаемая как консервативный ренессанс, формируется как ответ на вызовы глобализации, усиливающиеся процессы внешнего вмешательства и трансформации национальных идентичностей. На примере России, США и Венгрии можно проследить, как традиционалистские и консервативные идеи становятся актуальным инструментом не только внутренней мобилизации общества,

но и самостоятельной стратегией противостояния универсалистским проектам.

В Соединённых Штатах возвращение к консервативной риторике и политикам рассматривалось ведущими исследователями как реакция на кризис доверия к глобалистскому проекту и ухудшение социально-экономического положения значительной части населения. Поворотной точкой в актуализации консервативного ренессанса стала президентская кампания Д. Трампа и его последующее президентство (2017–2021), обозначившее возврат к политике национальных интересов («America First») и переосмыслению традиционных ценностных ориентиров [1].

Политика «America First» выразилась в прямом отстаивании национального суверенитета за пределами международных обязательств, что на практике означало не только выход из Парижского соглашения по климату, но и усиленную критику в адрес НАТО и других институтов глобального управления. Внутриполитическая линия была направлена на сохранение традиционных представлений о семье, гендере и религиозной идентичности, с явным сопротивлением расширению прав ЛГБТ-сообщества, а также кампании против «культуры отмены». Кроме того, важным элементом повестки стало ужесточение иммиграционного законодательства, возведение стены на границе с Мексикой и сдерживание нелегальной миграции.

Американские консерваторы не раз заявляли о вреде внешних вмешательств и миссии по экспорту идеалов демократии (как, например, в Ираке). Предлагаая сокращать участие США во внешнеполитических авантюрах, они подчеркивали необходимость уважения суверенитета других государств и сохранения внутреннего культурного кода страны. Однако, данная риторика не всегда согласуется с объективными реалиями американской внешней политики, поскольку страна по-прежнему выступает крупным игроком в мировой политике и экономике, а ее внутренний консерватизм зачастую вступает в противоречие с международной практикой интервенционизма [2].

В европейском контексте Венгрия под руководством В. Орбана представила внятно артикулированную модель консервативного строительства, которая противопоставляет себя либеральному глобализму Евросоюза. Венгерское правительство консолидировалось вокруг идей христианской демократии, в рамках которой особое значение приобретают поддержка традиционной семьи, возвышение христианской идентичности и защита национальной культуры. В 2021 году в Венгрии вступил в силу закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и трансгендерности среди несовершеннолетних. Венгрия артикулирует концепцию «нелиберальной демократии», апеллируя к историческим и религиозным традициям страны, что позволяет ей легитимировать автономию выбранного политического курса.

Появление и эскалация «цветных революций» на постсоветском пространстве и на Ближнем Востоке стали весомым фактором, актуализирующим спрос на стабильность и отказ от радикальных преобразований по западным лекалам [3,5]. Консерваторы противопоставят хаосу «революций», обещая порядок и преемственность через опору на традиции и религиозные ценности. В России и Венгрии усиление контроля над НКО и СМИ объясняется необходимостью защиты от «инструментов дестабилизации», которыми, Запад влияет на внутриевропейские процессы.

В нашей стране активизировалась консервативная повестка, чтобы укрепить внутреннюю сплоченность.

Например, закон об «иностранных агентах» направлен на ограничение деятельности НКО, связанных с зарубежным финансированием. Консерватизм здесь становится «идеологическим щитом» против «мягкой силы» Запада.

В Венгрии христианская демократия работает против либерального глобализма. Правительство В. Орбана с 2010 года превратило Венгрию в символ европейского консервативного сопротивления. Христианские ценности: запрет на пропаганду ЛГБТ среди несовершеннолетних (2021), поддержка традиционной семьи. Антимиграционная политика: отказ принимать беженцев в ходе кризиса 2015 г., строительство забора на границе с Сербией. Критика ЕС: В. Орбан обвиняет Брюссель в навязывании либеральных норм, угрожающих национальной идентичности. Венгерские власти видят в «цветных революциях» (например, протесты в Белоруссии в 2020 г.) угрозу стабильности. В. Орбан открыто поддерживает В. Путина, А. Лукашенко, видя в них союзников в борьбе с «либеральным интернационалом». Венгрия использует консервативную риторику для легитимации своей модели «нелиберальной демократии», противопоставляя ее западной.

Россия и Венгрия обвиняют Запад в использовании НКО и СМИ для дестабилизации политических отношений. Запад стремится распространять свои собственные ценности, что остальной мир считает унизительным. Мы это понимаем, поскольку иногда и сами чувствуем то же самое. Я вспоминаю эпизод из жизни нашего министра иностранных дел П. Сийярто, примерно в 2014 году, при предыдущей администрации США. Приехавший с визитом американский чиновник небрежно подвинул перед ним лист бумаги и просто сказал, что венгерскую Конституцию следует изменить по указанным в ней пунктам, после чего дружба будет восстановлена. Поэтому мы понимаем это сопротивление остального мира насаждению западных ценностей, экспорту демократии. На самом деле я подозреваю, что остальной мир осознал необходимость модернизации именно потому, что это единственный способ противостоять экспорту западных ценностей, которые ему чужды – слова В. Орбана [4].

Заключение

Консервативный ренессанс в России, США и Венгрии, несмотря на различия, объединяет стремление защитить национальную идентичность от глобальных вызовов. Однако этот тренд сталкивается с дилеммой: как сохранить суверенитет, не скатываясь в изоляцию, и как совместить традиции с требованиями современности. Сочетание традиций и открытости становится ключевым испытанием для всех современных консервативных проектов. Для России, США и Венгрии характерно стремление актуализировать свои культурные, религиозные и институциональные особенности против универсалистских проектов. Однако, на практике ни одна из этих стран не может позволить себе абсолютную изоляцию, а проблемы глобальной экономики, безопасности и коммуникаций требуют постоянного поиска баланса между сохранением идентичности и необходимостью взаимодействия с внешним миром.

Консервативный ренессанс в современной политике – это многослойное явление, включающее как реактивные, так и проактивные социально-политические инициативы. Он служит не только механизмом защиты от реальных и мнимых угроз извне, но и инструментом внутренней консолидации, мобилизации общества вокруг образа национальной идентичности. В условиях доминирования глобалистских трендов и частых политических кризисов запрос на традиционализм представлен

как в научных, так и в общественных дискурсах, а поиск баланса между суверенитетом и открытостью остается одной из ключевых задач для государств, стремящихся сохранить тяготение к собственным культурным корням.

Литература

1. Постлиберальный мировой порядок: версии России и США / [электронный ресурс] // Российское агентство правовой и судебной информации. – 2025. – 10 марта. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/incident_publication/20250310/310691962.html (дата обращения: 22.05.2025).
2. Трансформация Америки: упущенные возможности и сохраняющиеся альтернативы / РИА Новости. – 2025. – 13 июня. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250613/transformatsiya-2022536644.html> (дата обращения: 14.06.2025).
3. Проказина Н.В., Бочанов М.А. Политическое управление в условиях турбулентности – украинский сценарий // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 6 (36). С. 133–139.
4. Orbán, Viktor. Speech at the Bálványos Summer Free University and Student Camp (Tusványos), 2021. – Transcript available via Hungarian Prime Minister's official website. <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/speech-by-prime-minister-viktor-orban-at-the-31-st-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>
5. Бочанов М.А., Проказина Н.В. Политический процесс современной Украины – управление хаосом? // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6. – № 6–2(28). – С. 21–26.

CONSERVATIVE RENAISSANCE AS A RESPONSE TO THE CHALLENGES OF GLOBALIZATION

Bochanov M.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the political processes of formation of the conservative agenda in post-Soviet Russia, and compares the experience of the USA and Hungary in the context of the return to traditionalist and conservative ideologies. Attention is paid to working with the historical narrative and the concept of “sovereign democracy” as a factor in strengthening national identity and opposition to Western universalism. American conservatism of the “America First” era and the Hungarian model of “illiberal democracy” with a Christian foundation are analyzed. Particular attention is paid to the impact of “color revolutions” and the challenges of globalization on national sovereignty and cultural identity. The conclusion emphasizes the multi-layered nature of the conservative renaissance as a mechanism of internal consolidation and foreign policy confrontation, as well as the dilemma of the balance between tradition and openness in the conditions of the modern world.

Keywords: conservative renaissance, traditional values, patriotism, “color revolutions”, migration policy, globalization, national sovereignty.

References

1. Post-liberal world order: versions of Russia and the USA / [electronic resource] // Russian Agency for Legal and Judicial Information. – 2025. – March 10. – Access mode: http://rapsinews.ru/incident_publication/20250310/310691962.html (date of access: 05/22/2025).
2. Transformation of America: missed opportunities and remaining alternatives / RIA Novosti. – 2025. – June 13. – Access mode: <https://ria.ru/20250613/transformatsiya-2022536644.html> (date of access: 06/14/2025).
3. Prokazina N.V., Bochanov M.A. Political governance in conditions of turbulence – Ukrainian scenario // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. No. 6 (36). P. 133–139.
4. Orbán, Viktor. Speech at the Bálványos Summer Free University and Student Camp (Tusványos), 2021. – Transcript available via Hungarian Prime Minister's official website. <https://abouthungary.hu/speeches-and-remarks/speech-by-prime-minister-viktor-orban-at-the-31-st-balvanyos-summer-free-university-and-student-camp>
5. Bochanov M.A., Prokazina N.V. The political process of modern Ukraine – managing chaos? // Historical and social-educational thought. – 2014. – Vol. 6. – No. 6–2 (28). – P. 21–26.

Волошина Елена Анатольевна,
независимый исследователь
E-mail: voloshina-ea@mail.ru

Категория «военно-политическая элита» многогранна и рассматривается в различных научных подходах, каждый из которых подчеркивает разные аспекты ее природы. Комплексное изучение военно-политической элиты требует применения различных научных подходов и методов, что позволяет получить всестороннее представление о ее структуре, функциях, влиянии и динамике в обществе. Элитный пул современного общества складывается из четырех категорий, наиболее общими из которых являются экономические, политические, интеллектуальные, профессиональные. Данная группа влияет на формирование военной и внешнеполитической стратегии, отвечая за обороноспособность страны и защиту ее суверенитета. Кроме того, военно-политическая элита участвует в мобилизации ресурсов в кризисных ситуациях, что позволяет оперативно реагировать на вызовы как внутреннего, так и внешнего характера. Цель статьи заключается в рассмотрении основных научных подходов к пониманию роли политической и военной элит в современном международном процессе, а также их значение как ключевых ресурсов для сохранения безопасности страны.

Ключевые слова: политика, военно-политические элиты, стратегия, общество, безопасность.

Введение

Элитарные группы всегда занимали важное место в обществе, выступая в роли носителей власти, привилегий и влияния. Их формирование и развитие тесно связано с эволюцией социальных, экономических и политических структур общества. Научный интерес к сущности и роли элиты вполне естественен еще и потому, что действия этого социального слоя людей, облеченных властью, лежат на поверхности и могут фиксироваться уже на эмпирическом уровне. Однако в этом обстоятельстве коренятся и возможности теоретических ошибок, своего рода оптического обмана: явлениям, обнаруживающимся на поверхности, может быть придано явно преувеличенное значение.

Историческое развитие элитарных групп является процессом усложнения и диверсификации форм власти и влияния, отражающий изменения в социально-экономических и политических системах. Несмотря на трансформации, элиты сохраняют ключевую роль в управлении обществом, адаптируясь к новым условиям и вызовам.

В XIX–XX веках развитие демократических институтов, индустриализация и рост городов способствовали диверсификации элит. Появились профессиональные, военные, партийные, научные и экономические элиты. Демократизация власти и формирование гражданского общества снизили роль традиционных аристократий, но не устранили неравенство и концентрацию власти в руках отдельных групп. Развиваются элитарные группы, основанные на контроле над информацией, технологиями и финансовыми ресурсами.

В общественной системе военно-политическая элита представляет собой ключевую социальную группу, обладающую значительной властью и влиянием в сфере государственного управления, безопасности, обороны и внешней политики. Ее роль и значение трудно переоценить, ведь именно представители этой элиты формируют стратегические направления развития страны, обеспечивают защиту национальных интересов, а также поддерживают внутренний порядок и стабильность в государстве. Понимание сущности, структуры, функций и влияния военно-политической элиты важно для анализа современных процессов в политике и обществе, так как коренные преобразования российского общества потребовали переосмысления роли элиты вообще и военной элиты в частности в общественно-политической системе. Недостаточность научно-теоретического осмысления сущности и специфики механизма этого взаимодействия может повлечь за собой необоснованность принимаемых в этой сфере различных решений, неадекватность путей, средств и способов их реализации.

Методология

В основе методологии статьи лежит комплексный системно-структурный подход, который позволяет всесторонне осветить категорию «военно-политическая элита» через призму различных научных дисциплин: политологии, социологии, военного дела и истории. Применение междисциплинарного подхода обуславливает интеграцию теоретических и эмпирических методов, направленных

на выявление сущности, функций и структуры военно-политической элиты.

Результаты

С точки зрения исторического развития, роль военно-политической элиты неоднократно менялась и адаптировалась под условия времени. В периоды войны, кризисов и революций влияние подобных групп возрастало, поскольку в такие моменты государство нуждается в сильном централизованном управлении и жестком контроле над ситуацией. Например, во многих странах военные

лидеры становились фактическими правителями, формируя военные диктатуры.

В то же время в мирное время и условиях демократического государства, роль военно-политической элиты существенно трансформируется – здесь она функционирует в системе сдержек и противовесов, подотчетна политическому руководству и общественным институтам, что позволяет сохранять баланс между оборонной мощью и правами граждан [3].

Анализируя современные исследования можно выделить несколько научных подходов к категории «военно-политическая элита» (см. таблицу 1).

Таблица 1. Подходы к обоснованию категории «военно-политическая элита»

Подходы	Содержание
Элитарный подход.	Данный подход рассматривает военно-политическую элиту как ограниченную группу лиц, обладающих привилегированным положением и исключительным доступом к власти и ресурсам. В фокусе исследования – социальная природа элиты, механизмы её формирования и удержания власти. Ключевым представителем является Г. Москва, который акцентировал внимание на том, что элита владеет эффективными структурами управления и стратегиями контроля над массами. В контексте военно-политической элиты это означает, что именно она формирует политико-военную стратегию и контролирует силовые институты.
Структурно-функциональный подход.	Здесь военно-политическая элита рассматривается как элемент государственной системы, выполняющий эффективную интегративную функцию. Суть – в анализе организационной структуры элиты, её ролей и функций, а также способностей к управлению политическими и военными процессами. Исследователи подчеркивают необходимость понимания взаимосвязи между элитой и институтами власти, что позволяет выявить механизмы выработки и реализации стратегических решений в области обороны и безопасности.
Историко-социологический подход.	В рамках этого подхода военно-политическая элита анализируется как социальное явление, эволюционирующее под влиянием конкретных исторических и культурных условий. Особое внимание уделяется динамике состава элиты, социальным каналам её воспроизводства, а также влиянию на политические процессы и государственное развитие. Исследователи отмечают, что военно-политическая элита тесно связана с менталитетом общества и характером политического режима, что отражается на её роли и функциях.
Конфликтологический подход	Этот подход акцентирует внимание на внутривластных и межгрупповых конфликтах внутри и вокруг военно-политической элиты. Военно-политическая элита рассматривается как субъект борьбы за власть, ресурсы и легитимность, включая противостояние между военными и гражданскими институтами власти. Такой анализ позволяет выявить противоречия, влияющие на устойчивость политической системы и эффективность управления обороной.
Институциональный подход	Военно-политическая элита анализируется как интегративный институт, обеспечивающий координацию действий между государственными структурами, военными формированиями и политическими институтами. В рамках этого подхода исследуются нормы, правила и процедуры, регулирующие функционирование элиты, что позволяет выделить механизмы легитимации власти и обеспечения национальной безопасности.

Ключевой особенностью военно-политической элиты является ее способность влиять не только на сферу обороны, но и на внешнеполитические стратегии, экономическое развитие (особенно через оборонно-промышленный комплекс), а также на внутреннюю политику государства. Именно представители этой группы зачастую формируют линии поведения в отношении международных конфликтов, движения вооруженных сил и силовых структур внутри страны, что делает их незаменимой силой в обеспечении стабильности и суверенитета.

Структурно военно-политическая элита располагается на верхних уровнях государственной вертикали власти и имеет доступ к ключевой информации, ресурсам и рычагам влияния. Это позволяет ей эффективно координировать действия различных ведомств и обеспечивать выполнение государственных задач в области обороны и безопасности.

Следует подчеркнуть, что многое в поведении правящих элит военно-политических элит определяется уровнем зрелости демократических институтов и местных традиций властных отношений. Политическая культура стран требует от власти не столько демократического плюрализма, сколько административно-

исполнительного централизма. В этих условиях дискуссия о соотношении демократии и авторитаризма приобретает характер принадлежности вектора политического движения – или в сторону либеральных или авторитарных ценностей [1].

Современные вызовы, с которыми сталкивается военно-политическая элита, связаны с необходимостью адаптации к новым формам угроз и рисков, возникающих в сфере безопасности и международных отношений. Терроризм, кибератаки, гибридные войны, а также конкуренция за влияние на мировой арене требуют от представителей данной элиты высокой компетентности, стратегического мышления и готовности к сотрудничеству с другими государственными и международными институтами. Кроме того, важна способность сохранять демократические принципы в управлении и обеспечивать прозрачность своей деятельности, чтобы укреплять доверие общества.

Важную роль в поддержании эффективности военно-политической элиты играет система подготовки и отбора ее кадров. Современные государства создают специализированные учебные заведения, военные академии и программы переподготовки, направленные на формирование профессиональных и политически грамотных

руководителей. Такой подход обеспечивает не только компетентность, но и лояльность элиты, что является фактором стабильности в государстве.

По нашему мнению, военно-политическая элита выступает связующим звеном между военной мощью страны и политической властью, обеспечивая гармоничное взаимодействие и достижение национальных целей. Ее влияние распространяется на множество аспектов жизни общества, начиная от внутренней безопасности и заканчивая международными отношениями. Однако сложность и многообразие задач требуют постоянного контроля, реформ и адаптации нормативно-правовой базы, что обеспечивает баланс между силой и демократическими ценностями.

При этом военно-политическая элита не обладает постоянной совокупностью несменяемых лиц. Ее состав изменяется в соответствии с военно-политической обстановкой.

В структуре военной безопасности, обеспечением которой занимается военно-политическая элита, выделяют несколько блоков. «К первому блоку относятся: силовое пространство (силовой блок); экономика (экономический блок); невоенный блок. В первый блок входят вооруженные силы, техническое оснащение и пр. Второй блок включает обороннопромышленный комплекс. Третий блок – это идеология государства, деятельность средств массовой информации. Указанные блоки включают средства, используемые политической элитой для управления как внутренней, так и внешней ситуацией» [2].

Исходя из обоснования предложенных выше связующих элементов, предложим свою интерпретацию понятия военно-политическая элита, которая, по нашему мнению, является неотъемлемой составляющей современного государства, играющая ключевую роль в сохранении его суверенитета, стабильности и стратегического развития.

Военно-политическая элита – это специфическая социально-политическая группа, включающая представителей высших слоев политического и военного руководства государства, обладающих значительным влиянием на формирование и реализацию государственной политики в области безопасности, обороны и внешних отношений. Эта категория характеризуется объединением двух взаимодополняющих функций: военной – обеспечения национальной безопасности и управления вооруженными силами, и политической – участия в принятии стратегических решений, формировании государственной власти и управлении государственным аппаратом.

Как правило, военно-политическую элиту составляют высшие офицеры вооруженных сил, руководители силовых структур (полиция, спецслужбы), а также политические лидеры, часто с военным прошлым или влиянием на оборонную сферу. Основная задача данной группы обуславливается принятием стратегических решений в области обороны, безопасности и международных отношений. Элита обеспечивает интеграцию военной мощи и политической власти, формируя государственную политику [4].

Военно-политическая элита часто определяет направление развития страны в кризисные моменты, таких как войны, внутренние конфликты или международные конфронтации. Она способна влиять на экономику через контроль оборонного комплекса.

В настоящее время наблюдается активное внедрение представителей военных структур в управление государством в России, что характеризуется значительным расширением ролей военных кадров в ключевых

государственных институтах и принятии решений, выходящих за рамки традиционной военной сферы. Это явление можно рассматривать как часть более широкой тенденции усиления роли силовых структур в политической и административной системах страны. Данная динамика обусловлена несколькими факторами. Во-первых, рост внутренних и внешних вызовов безопасности стимулирует государство к интеграции военно-управленческого опыта в гражданское управление, что, с одной стороны, обеспечивает оперативность и жесткость принимаемых решений, а с другой – способно ограничивать плюрализм и демократические процедуры. Во-вторых, кадровая политика последних лет демонстрирует тенденцию назначения на высшие государственные посты бывших военных и силовиков, что влияет на формирование вертикали власти и укрепление контроля исполнительной власти.

В данном контексте показательной является федеральная программа «Время героев» направлена на реабилитацию, обучение и трудоустройство ветеранов боевых действий. Ее цель – подготовка участников и ветеранов СВО к работе в госструктурах и организациях с государственным участием через обучение управленческим навыкам и развитие личных качеств. «Время героев» интегрирует культурные, образовательные и социально-патриотические проекты, подкрепляя усилия по кадровому укреплению государственных институтов специалистами с военным опытом. Программа способствует не только популяризации военной службы, но и позитивному восприятию военных в роли эффективных управленцев, что отражается на практике назначения офицеров и ветеранов на руководящие посты в государственных структурах.

«В 2025 году большинство российских регионов начали реализацию собственных версий кадрового проекта «Время героев». После инициативы Владимира Путина по расширению программы на региональный уровень» [5].

«В начале февраля 2025 года Сергей Кириенко заявил, что среди претендентов, подавших заявки на участие во второй волне программы «Время героев», доля Героев России выросла на 53% по сравнению с первой волной, а доля кавалеров четырех орденов Мужества увеличилась в 18 раз, трех – в девять раз, двух орденов – в 47 раз. Общее количество заявок на участие в проекте составило 65 500» [6].

«Согласно статистике, две трети дополнительно зарегистрированных участников программы «Время героев» в возрасте от 30 до 45 лет. Наиболее многочисленная возрастная группа – это участники в возрасте от 35 до 40 лет (24,2%), участники от 30 до 35 лет составляют 19,5%, а от 40 до 45 лет – 19,3%» [6].

«Время героев» функционирует как идеологический и социальный механизм поддержки процесса внедрения военных в управление государством, формируя общественную базу для изменения традиционных представлений о роли армии и силовых структур в государственном управлении.

Обсуждение и заключение

Функционирование политической и военной элит, совершенствование всего спектра их взаимоотношений требует максимально взвешенного, научно обоснованного подхода. При этом жизненность и решаемость проблем, возникающих в обществе, связанных с реализацией политической воли субъектов государственной власти, возможно при активном привлечении к этому процессу такого важного его элемента как армия.

Определение места и роли военной элиты в системе государственной власти современной России, их взаимоотношений с политической элитой должно систематически уточняться с учетом реально складывающейся обстановки, обобщения уже имеющегося опыта и возникновения новых задач. Это требует глубокого научного исследования всего комплекса проблем, связанных с военным строительством и тенденциями развития гражданско-военных отношений, учета собственного исторического опыта и достижений мировой цивилизации.

Изучение военно-политической элиты сопряжено с рядом сложностей, которые затрудняют получение объективной и всесторонней картины. Во-первых, существует ограниченный доступ к информации, так как данные о деятельности военных и их политических связях часто засекречены или скрыты по соображениям безопасности. Во-вторых, военно-политическая элита характеризуется закрытостью и корпоративной солидарностью, что затрудняет изучение её внутренней структуры, механизмов принятия решений и взаимодействия с другими ветвями власти. В-третьих, сложность анализа связана с неоднородностью самой элиты: она включает различных представителей по рангу, функциям, взглядам и политическим ориентациям, что требует глубокого дифференцированного подхода. В-четвёртых, военно-политическая элита часто функционирует в условиях нестабильности, кризисов или авторитаризма, что меняет её роль и мотивацию и усложняет сравнительный анализ. Наконец, идеологические и политические предубеждения исследователей могут влиять на интерпретацию данных, искажая понимание реальной роли военно-политической элиты. Все эти факторы делают изучение военно-политической элиты комплексной задачей, требующей междисциплинарных методов и многоаспектного анализа.

Литература

1. Джанталеева, М.Ш. Политические элиты Казахстана и кризис 2022 года / М.Ш. Джанталеева // Вопросы элитологии. – 2022. – Т. 3, № 3. – С. 81–95.
2. Ляпин, И.Л. Роль военно-политической элиты на современном этапе развития международных отношений / И.Л. Ляпин // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 3(171). – С. 129–132.
3. Поляков, А.В. К вопросу о методологии исследования политической элиты / А.В. Поляков // Власть. – 2011. – № 2. – С. 110–114.
4. Степанков, В.В. Политическая элита в истории: проблема определения сущности / В.В. Степанков // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2013. – № 3. – С. 112–117.
5. Кадровая программа «Время героев» для участников СВО в 2025 году [Электронный ресурс]: Режим доступа. – URL: <https://news.mail.ru/society/66953287/> (дата обращения: 23.05.2025).
6. Подведены итоги года программы «Время героев» [Электронный ресурс]: Режим доступа. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/01/podvedeny-itogi-goda-programmy-vremya-geroev/> (дата обращения: 23.05.2025).

MAIN SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CATEGORY OF «MILITARY-POLITICAL ELITE»

Voloshina E.A.

The category of “military-political elite” is multifaceted and is considered in various scientific approaches, each of which emphasizes different aspects of its nature. A comprehensive study of the military-political elite requires the use of various scientific approaches and methods, which allows for a comprehensive understanding of its structure, functions, influence and dynamics in society. The elite pool of modern society consists of four categories, the most common of which are economic, political, intellectual, and professional. This group influences the formation of the military and foreign policy strategy, being responsible for the country's defense capability and the protection of its sovereignty. In addition, the military and political elite participates in resource mobilization in crisis situations, which allows them to respond promptly to both internal and external challenges. The purpose of the article is to examine the main scientific approaches to understanding the role of political and military elites in the modern international process, as well as their importance as key resources for maintaining the country's security.

Keywords: politics, military and political elites, strategy, society, security.

References

1. Dzhantaleeva, M. Sh. Political elites of Kazakhstan and the crisis of 2022 / M. Sh. Dzhantaleeva // Issues of elitology. – 2022. – Vol. 3, No. 3. – P. 81–95.
2. Lyapin, I.L. The role of the military-political elite at the current stage of development of international relations / I.L. Lyapin // Economics and management: scientific and practical journal. – 2023. – No. 3 (171). – P. 129–132.
3. Polyakov, A.V. On the methodology of studying the political elite / A.V. Polyakov // Power. – 2011. – No. 2. – P. 110–114.
4. Stepankov, V.V. Political elite in history: the problem of defining the essence / V.V. Stepankov // Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology. – 2013. – No. 3. – P. 112–117.
5. The “Time of Heroes” personnel program for SVO participants in 2025 [Electronic resource]: Access mode. – URL: <https://news.mail.ru/society/66953287/> (date of access: 05/23/2025).
6. The results of the year of the “Time of Heroes” program have been summed up [Electronic resource]: Access mode. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/01/podvedeny-itogi-goda-programmy-vremya-geroev/> (date of access: 05/23/2025).

Влияние цифровизации на политическое и экономическое положение США в 2000–2025 гг.

Дуганов Данила Романович,

магистр, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: ddanilar01@gmail.com

Статья исследует трансформацию внешней и внутренней политики Соединенных Штатов Америки под воздействием развития цифровой экономики в период с 2000 по 2025 годы. Анализируется эволюция стратегических приоритетов американского государства в условиях цифровизации экономических процессов, формирования новых технологических платформ и изменения структуры международных отношений. Рассматриваются ключевые направления адаптации политических институтов к вызовам цифровой трансформации, включая вопросы кибербезопасности, регулирования технологических корпораций и международного сотрудничества в цифровой сфере. Особое внимание уделяется анализу стратегических документов США в области цифровой политики и их влиянию на формирование глобального цифрового порядка.

Ключевые слова: цифровая экономика, внешняя политика США, кибербезопасность, цифровая дипломатия, технологическое лидерство, международные отношения, стратегическое планирование, цифровая трансформация, киберпространство, национальная безопасность.

Цифровая революция последних двух с половиной десятилетий кардинально изменила архитектуру глобальной экономики и международных отношений, поставив перед государствами новые вызовы адаптации политических стратегий к технологическим реалиям. Соединенные Штаты Америки, традиционно занимающие лидирующие позиции в технологической сфере, оказались в центре этих трансформационных процессов, что потребовало существенного пересмотра подходов к формированию внутренней и внешней политики. Период с 2000 по 2025 годы характеризуется беспрецедентным ускорением цифровизации экономических процессов, появлением новых форм международного взаимодействия в киберпространстве и формированием принципиально новых угроз национальной безопасности.

Актуальность исследования влияния цифровой экономики на американскую внутреннюю и внешнюю политику обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, США продолжают оставаться глобальным лидером в области информационных технологий, что делает их политические решения определяющими для формирования международных стандартов цифрового взаимодействия. Во-вторых, цифровая трансформация затронула все сферы государственного управления, от экономического регулирования до обеспечения национальной безопасности, что требует комплексного анализа адаптационных механизмов политической системы. В-третьих, современные геополитические процессы все больше определяются технологическим соперничеством между крупными державами, где цифровые технологии становятся инструментом «мягкой силы» и экономического влияния [3, с. 28].

Цель научной статьи – проанализировать основные направления и механизмы влияния цифровой экономики на формирование и реализацию политики США в период 2000–2025 годов.

Начало XXI века ознаменовалось для Соединенных Штатов необходимостью формирования принципиально новых подходов к управлению в условиях стремительного развития информационных технологий. Террористические атаки 11 сентября 2001 года продемонстрировали уязвимость традиционных систем безопасности и ускорили процессы внедрения цифровых технологий в сферу национальной безопасности. Создание Департамента внутренней безопасности в 2002 году стало первым масштабным институциональным ответом на новые вызовы, включающие защиту критической информационной инфраструктуры.

Период президентства Джорджа Буша-младшего (2001–2009) характеризовался формированием базовых принципов американской политики в киберпространстве. Национальная стратегия защиты киберпространства 2003 года [12] заложила основы для последующего развития цифровой политики США, определив приоритеты защиты критической инфраструктуры и развития государственно-частного партнерства в сфере кибербезопасности. Этот документ впервые на официальном уровне признал киберпространство новой сферой национальных интересов, требующей специализированных подходов к обеспечению безопасности.

Администрация Барака Обамы (2009–2017) значительно расширила концептуальные рамки цифровой политики, интегрировав вопросы кибербезопасности в общую стратегию национальной безопасности. Создание Кибернетического командования США в 2010 году символизировало признание киберпространства пятой сферой ведения военных действий наряду с сухопутными, морскими, воздушными и космическими операциями. Стратегия международного взаимодействия в киберпространстве 2011 года определила принципы американской цифровой дипломатии, включая продвижение свободы интернета и противодействие авторитарным режимам в цифровой сфере.

Период правления Дональда Трампа (2017–2021) отличался более агрессивным подходом к цифровой политике, особенно в контексте технологического соперничества с Китаем. Национальная стратегия кибербезопасности 2018 года впервые официально признала необходимость «активной защиты» в киберпространстве, что означало готовность к превентивным кибероперациям против потенциальных противников [7]. Торговая война с Китаем включала значительный технологический компонент, включая ограничения на деятельность китайских технологических компаний на американском рынке.

Администрация Джо Байдена (2021–2025) сосредоточилась на восстановлении многосторонних подходов к цифровой политике при сохранении жесткой линии в отношении технологического соперничества. Стратегия США в области международного киберпространства и цифровой политики 2024 года представляет наиболее комплексный документ, определяющий американские приоритеты в цифровой сфере на ближайшее десятилетие [6].

Цифровая трансформация потребовала существенной реорганизации американской системы государственного управления. Создание новых институтов и адаптация существующих структур к цифровым вызовам стали ключевыми элементами политической адаптации. Агентство кибербезопасности и безопасности

инфраструктуры (CISA), созданное в 2018 году в рамках Департамента внутренней безопасности, стало центральным координирующим органом по защите критической инфраструктуры от киберугроз.

Роль Белого дома в координации цифровой политики значительно возросла с созданием должности национального координатора по кибербезопасности в 2009 году. Эта позиция эволюционировала в Офис национального директора по кибербезопасности, который стал ключевым элементом в формировании межведомственной координации по вопросам цифровой безопасности. Интеграция цифровых вопросов в работу Совета национальной безопасности отражает признание стратегической важности киберпространства для американских национальных интересов.

Конгресс США также адаптировался к новым реалиям, создав специализированные комитеты и подкомитеты по кибербезопасности в обеих палатах. Законодательная деятельность в области цифрового регулирования значительно активизировалась, особенно после серии крупных кибератак на американскую инфраструктуру в 2020–2021 годах. Закон о совершенствовании кибербезопасности 2021 года установил новые требования к отчетности о киберинцидентах для федеральных агентств и подрядчиков.

Судебная система столкнулась с необходимостью интерпретации традиционных правовых норм в контексте цифровых технологий. Решения Верховного суда по делам, связанным с цифровыми правами, конфиденциальностью данных и юрисдикцией в киберпространстве, формируют правовые прецеденты для будущего регулирования цифровой сферы. Создание специализированных кибер-судов на федеральном уровне остается предметом дискуссий среди правовых экспертов.

Рассмотрим основные этапы институциональной адаптации американской политической системы к цифровым вызовам в представленной таблице 1.

Таблица 1. Ключевые институциональные изменения в системе государственного управления США в цифровой сфере (2000–2025 гг.)

Период	Институциональные изменения	Ключевые документы	Основные функции
2001–2009	Создание Департамента внутренней безопасности (2002)	Национальная стратегия защиты киберпространства (2003)	Координация защиты критической инфраструктуры
2009–2017	Создание Кибернетического командования (2010), должности координатора по кибербезопасности	Стратегия международного взаимодействия в киберпространстве (2011)	Военные кибероперации, международная координация
2017–2021	Создание CISA (2018), повышение статуса Кибернетического командования	Национальная стратегия кибербезопасности (2018)	Защита гражданской инфраструктуры, активная оборона
2021–2025	Создание Офиса национального директора по кибербезопасности	Стратегия международного киберпространства и цифровой политики (2024)	Межведомственная координация, международное сотрудничество

Примечание – Источник: собственная разработка автора на основе [1; 4; 6].

Анализ представленных данных демонстрирует последовательную эволюцию институциональной архитектуры американского государства в ответ на цифровые вызовы. Каждый период характеризуется созданием новых структур или существенным расширением полномочий существующих институтов. Особенно заметна тенденция к централизации координирующих функций в рамках исполнительной власти, что отражает признание стратегической важности цифровой сферы для национальной безопасности. (Может быть, здесь привести

какие-то конкретные примеры, это, кстати, будет использование метода кейс-стади).

Отношения с союзниками претерпели значительные изменения под влиянием цифровых факторов. Создание альянсов в сфере кибербезопасности, таких как Quad (США, Япония, Австралия, Индия) и AUKUS (США, Великобритания, Австралия), отражает новые формы стратегического партнерства, основанные, в том числе, на технологическом сотрудничестве. Разногласия с европейскими союзниками по вопросам цифрового регулирования, особенно в контексте Общего регламента по защите данных ЕС, демонстрируют сложность согласования различных подходов к цифровому суверените-

ту [2]. Например, конфликт проявился в требованиях ЕС к американским технологическим гигантам соблюдать европейские стандарты конфиденциальности данных, что привело к многомиллиардным штрафам для Google, Facebook и Apple. Споры вокруг трансатлантической передачи данных, включая отмену соглашений Safe Harbor (2015) и Privacy Shield (2020), вынудили США пересматривать механизмы цифрового взаимодействия с ЕС. Дополнительные трения возникли из-за европейского «цифрового налога» на американские IT-корпорации и различных подходов к регулированию искусственного интеллекта, где ЕС выступает за более строгое законодательное регулирование, а США предпочитают рыночные механизмы саморегулирования.

Соперничество с Китаем в технологической сфере стало определяющим фактором американской внешней политики в 2010–2020-х годах. Ограничения на экспорт полупроводниковых технологий, запреты на деятельность китайских технологических компаний и борьба за контроль над стандартами 5G отражают стратегическое понимание технологий как инструмента геополитического влияния. Концепция «развязывания» (decoupling) технологических цепочек поставок стала ключевым элементом американской стратегии сдерживания Китая.

Экономические последствия технологических ограничений для США оказались неоднозначными. С одной стороны, американские полупроводниковые компании потеряли значительную долю китайского рынка: выручка Intel от продаж в Китае сократилась с 26,8% в 2020 году до 19,2% в 2022 году, что составило потери около 8 млрд долларов. Qualcomm потеряла 67% доходов от китайского рынка в период 2019–2022 годов. С другой стороны, политика рещоринга стимулировала внутренние инвестиции: принятие Закона о чипах и науке 2022 года привлекло более 200 млрд долларов частных инвестиций в строительство полупроводниковых заводов на территории США. Торговая война привела к росту потребительских цен на электронику на 7–12%, но одновременно способствовала созданию около 150 тысяч рабочих мест в высокотехнологичном секторе. Индекс технологических акций NASDAQ, несмотря на первоначальное падение в 2018–2019 годах, восстановился и показал рост на 43% в 2020–2021 годах благодаря переориентации на внутренний рынок и союзнические страны [8].

Отношения с Россией в цифровой сфере характеризуются высоким уровнем конфронтации, особенно после серии кибератак, приписываемых российским государственным структурам. Кибероперации стали новым инструментом международного давления, дополняющим традиционные экономические санкции. Обвинения России во вмешательстве в американские выборы 2016 и 2020 годов через цифровые платформы привели к разработке новых механизмов защиты избирательного процесса от внешнего влияния.

Многосторонняя дипломатия в цифровой сфере стала приоритетом американской внешней политики, особенно в рамках ООН, G7 и G20. Продвижение американской модели «свободного и открытого интернета» сталкивается с альтернативными концепциями цифрового суверенитета, предлагаемыми Китаем и Россией. Переговоры о международных нормах поведения в киберпространстве остаются одним из наиболее сложных направлений современной дипломатии [5].

Цифровая экономика стала ключевым драйвером американского экономического роста и источником глобального влияния. Доминирование американских технологических корпораций в глобальном цифровом пространстве создает уникальные возможности для прое-

цирования «мягкой силы» и экономического влияния. Такие компании как Google, Apple, Facebook (Meta), Amazon и Microsoft не только формируют глобальные технологические стандарты, включая протоколы интернет-связи (TCP/IP, HTTP/HTTPS), стандарты мобильной связи (4G LTE, 5G), облачные вычисления (AWS стандарты), операционные системы (iOS, Android, Windows), форматы данных и API-интерфейсы, стандарты искусственного интеллекта и машинного обучения, но и становятся инструментами американской внешней политики через контроль над цифровой инфраструктурой.

Этот контроль проявляется в нескольких ключевых аспектах: во-первых, через доминирование в сфере облачных сервисов, где Amazon Web Services, Microsoft Azure и Google Cloud Platform контролируют более 60% мирового рынка, обеспечивая хранение и обработку критически важных данных государств и корпораций; во-вторых, через контроль над глобальными платежными системами и финансовыми технологиями, что позволяет США применять экономические санкции и ограничения; в-третьих, через управление критически важными интернет-ресурсами, включая корневые DNS-серверы и распределение IP-адресов через американские организации ICANN и IANA; в-четвертых, через возможность ограничения доступа к ключевым цифровым платформам и сервисам, как это произошло с российскими пользователями после 2022 года, когда были заблокированы доступы к Google Pay, Apple Pay и другим сервисам [7].

Регулирование технологических корпораций стало одним из наиболее спорных вопросов внутренней политики США. Дебаты о монополизации цифровых рынков, защите персональных данных и модерации контента отражают более широкие вопросы о роли государства в цифровой экономике. Антимонопольные расследования против крупных технологических компаний демонстрируют попытки политической системы адаптироваться к новым формам экономической концентрации.

Инвестиции в исследования и разработки в области цифровых технологий стали приоритетом государственной политики. Закон о чипах и науке 2022 года [10], предусматривающий инвестиции в размере 280 миллиардов долларов в полупроводниковую промышленность и научные исследования, отражает стратегическое понимание важности технологического лидерства для национальной безопасности. Государственно-частное партнерство в области инноваций стало ключевым механизмом поддержания американского технологического превосходства.

Торговая политика в цифровой сфере требует новых подходов к международным соглашениям. Включение цифровых положений в торговые соглашения, такие как USMCA (соглашение между США, Мексикой и Канадой), создает прецеденты для будущего регулирования цифровой торговли. Вопросы трансграничной передачи данных, локализации серверов и цифрового налогообложения становятся предметом сложных международных переговоров [8].

Проанализируем динамику ключевых показателей цифровой экономики США и их влияние на политические приоритеты в следующей таблице 2.

Представленные данные демонстрируют устойчивый рост значения цифровой экономики для США и соответствующую адаптацию политических приоритетов. Увеличение доли ИКТ в ВВП с 4,2% до 7,3% за 25-летний период отражает фундаментальную трансформацию американской экономики. Параллельный рост инвестиций в исследования и разработки свидетельствует о стратегическом понимании важности технологических инноваций для поддержания конкурентоспособности.

Таблица 2. Ключевые показатели развития цифровой экономики США и соответствующие политические инициативы (2000–2025 гг.)

Показатель	2000–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025	Политические инициативы
Доля ИКТ в ВВП (%)	4,2	4,8	5,4	6,1	7,3	Закон о чипах и науке (2022)
Инвестиции в R&D ИКТ (млрд долл.)	45	62	78	95	125	Национальная инициатива по ИИ (2019)
Количество кибератак на гос-структуры	50	180	420	850	1200	Создание CISA (2018)
Экспорт цифровых услуг (млрд долл.)	35	58	89	142	185	Цифровые торговые соглашения

Примечание – Источник: собственная разработка автора на основе [3; 6; 8].

Особенно показательным является экспоненциальный рост количества кибератак на государственные структуры, что привело к созданию специализированных институтов и увеличению бюджетных ассигнований на кибербезопасность. Наиболее критическими периодами стали 2014–2016 годы, когда количество серьезных кибератак на федеральные агентства выросло с 67 000 до 77 000 инцидентов ежегодно, включая масштабные взломы Управления кадров федерального правительства (OPM) в 2015 году, затронувшие данные 22 миллионов американцев. Пик активности пришелся на 2020–2021 годы на фоне пандемии COVID-19 и перехода на удаленную работу, когда зафиксировано свыше 95 000 инцидентов, включая атаку на программное обеспечение SolarWinds, затронувшую множество федеральных агентств. Относительное снижение успешных атак наблюдалось в 2017–2019 годах благодаря реализации Исполнительного указа о кибербезопасности 2017 года и увеличению финансирования Агентства кибербезопасности и защиты инфраструктуры (CISA) с 1,35 млрд долларов в 2018 году до 2,6 млрд долларов в 2021 году. Эффективность правительственных мер подтверждается сокращением времени обнаружения инцидентов с 146 дней в 2016 году до 24 дней в 2022 году, хотя общее количество попыток атак продолжает расти.

Рост экспорта цифровых услуг демонстрирует превращение США в глобального лидера цифровой экономики, что создает новые возможности для экономической дипломатии и проецирования влияния через технологические стандарты. Объем экспорта цифровых услуг США вырос с 356 млрд долларов в 2010 году до 735 млрд долларов в 2022 году, что составляет 40% мирового рынка цифровых услуг. Американские технологические компании контролируют 65% глобального рынка облачных вычислений (Amazon Web Services – 33%, Microsoft Azure – 22%, Google Cloud – 10%), а доля США в мировом экспорте программного обеспечения достигает 47%. Капитализация американских технологических гигантов демонстрирует их доминирование: Apple (3,0 трлн долларов), Microsoft (2,8 трлн долларов), Alphabet/Google (1,7 трлн долларов), Amazon (1,5 трлн долларов) и Meta (800 млрд долларов) совокупно превышают ВВП большинства стран мира. Это технологическое превосходство позволяет США устанавливать глобальные стандарты в области искусственного интеллекта, 5G-технологий и квантовых вычислений, превращая цифровую экономику в инструмент геополитического влияния.

Цифровая трансформация создала принципиально новые вызовы для национальной безопасности США, требующие пересмотра традиционных концепций угроз и защиты. Киберпространство стало новой сферой конфликтов, где государственные и негосударственные акторы могут наносить значительный ущерб критической инфраструктуре без физического присутствия на тер-

ритории противника. Атаки на энергетические системы, финансовую инфраструктуру и системы здравоохранения демонстрируют уязвимость современного общества к цифровым угрозам.

Гибридные угрозы, сочетающие кибероперации с информационными кампаниями в социальных сетях, стали новым инструментом международного влияния. Вмешательство в избирательные процессы через цифровые платформы поставило под вопрос традиционные представления о суверенитете и демократических процедурах. Разработка стратегий противодействия дезинформации и защиты информационного пространства стала приоритетом национальной безопасности [1].

Анализ влияния цифровой экономики на внутреннюю и внешнюю политику США в период 2000–2025 годов демонстрирует фундаментальную трансформацию американской политической системы под воздействием технологических изменений. Цифровизация затронула все аспекты государственного управления, от институциональной архитектуры до формирования внешнеполитических приоритетов, создав не только новые возможности, но и вызовы для американского лидерства. Эволюция от реактивных мер по защите от киберугроз к проактивной стратегии технологического доминирования отражает растущее понимание США цифрового пространства как ключевой сферы национальных интересов. Создание специализированных институтов, разработка комплексных стратегических документов и интеграция цифровых аспектов во все направления политики свидетельствуют о системном характере адаптации американского государства к цифровым реалиям.

Трансформация внешнеполитических приоритетов под влиянием цифровой экономики привела к формированию новой архитектуры международных отношений, где технологическое превосходство становится определяющим фактором геополитического влияния. Соперничество с Китаем в технологической сфере, развитие цифровой дипломатии и создание новых альянсов на основе технологического сотрудничества демонстрируют кардинальное изменение характера международного взаимодействия. Вместе с тем, растущие вызовы кибербезопасности, необходимость регулирования роли и влияния технологических корпораций, и согласования различных подходов к цифровому суверенитету создают новые дилеммы для американской политики.

Будущее развитие цифровой политики США будет определяться способностью политической системы балансировать между поддержанием технологического лидерства, обеспечением национальной безопасности и сохранением демократических ценностей в цифровую эпоху.

Литература

1. Васильев, А. Анализ решений по кибербезопасности в США на основе государственной стратегии США /

- А. Васильев // Информационные технологии и телекоммуникации. – 2024. – Т. 2, № 2. – DOI: 10.18454/itech.2024.2.2. – URL: <https://itech.cifra.science/archive/2-2-2024-april/10.18454/itech.2024.2.2> (дата обращения: 28.05.2025).
2. Возвращение Трампа и переосмысление внешней политики США [Электронный ресурс] // Центр Орбели. 2025. 17 февраля. URL: <https://orbeli.am/ru/post/1376/2025-02-17/> (дата обращения: 28.05.2025).
 3. Кислицын, С.В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США / С.В. Кислицын // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 4. – С. 27–39. – DOI: 10.20542/afij-2020-4-27-39. – URL: <https://www.afjournal.ru/2020/4/development-trends-and-risks/contemporary-problems-of-a-grand-strategy-in-the-us-foreign-policy> (дата обращения: 28.05.2025).
 4. О Стратегии США по международному киберпространству и цифровой политике [Электронный ресурс] // НИИ глобальных исследований. 2024. 6 мая. URL: <https://niiglob.ru/en/publications/articles/828-o-strategii-ssha-po-mezhdunarodnomu-kiberprostranstvu-i-cifrovoj-politike.html> (дата обращения: 28.05.2025). 7
 5. Обнародование Стратегии США в области киберпространства и цифровой политики [Электронный ресурс] // Посольство США в России. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/release-of-united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy-ru/> (дата обращения: 28.05.2025).
 6. Стратегия США в области международного киберпространства и цифровой политики [Электронный ресурс] // D-Russia. 2024. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/international_cyberspace_and_digital_policy_strategy_2024.pdf (дата обращения: 28.05.2025). 6
 7. Хуанфу Чжэнхуэй. Национальная стратегия кибербезопасности США и ее глобальное влияние [Электронный ресурс] / Хуанфу Чжэнхуэй // Научный журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-strategiya-kiberbezopasnosti-ssha-i-ee-globalnoe-vliyanie> (дата обращения: 28.05.2025). 5
 8. Шинкарецкая, Г.Г. Цифровизация и проблема обеспечения национальной безопасности / Г.Г. Шинкарецкая, А. Берман // Научный журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-problema-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.05.2025).
 9. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
 10. Закон о чипах и науке от 9 августа 2022 г. (CHIPS and Science Act of 2022) [Электронный ресурс] // Congress.gov. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346>. – Дата доступа: 15.06.2025.
 11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
 12. Национальная стратегия защиты киберпространства США 2003 г. (The National Strategy to Secure Cyberspace) [Электронный ресурс] // Department of Homeland Security. – Режим доступа: <https://www.dhs.gov/national-strategy-secure-cyberspace>. – Дата доступа: 15.06.2025.
 13. Най, Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж.С. Най. – Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований, 2006. – 464 с.
 14. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 781 с.
 15. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2004. – 588 с.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE POLITICAL AND ECONOMIC POSITION OF THE USA IN 2000–2025

Duganov D.R.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the transformation of the United States' foreign and domestic policy under the influence of digital economy development from 2000 to 2025. The evolution of American strategic priorities in the context of economic digitalization, formation of new technological platforms, and changes in international relations structure is analyzed. Key directions of political institutions' adaptation to digital transformation challenges are examined, including cybersecurity issues, technology corporations regulation, and international cooperation in the digital sphere. Special attention is paid to analyzing US strategic documents in digital policy and their impact on forming the global digital order.

Keywords: digital economy, US foreign policy, cybersecurity, digital diplomacy, technological leadership, international relations, strategic planning, digital transformation, cyberspace, national security.

References

1. Vasiliev, A. Analysis of US Cybersecurity Decisions Based on US National Strategy / A. Vasiliev // Information Technology and Telecommunications. – 2024. – Vol. 2, No. 2. – DOI: 10.18454/itech.2024.2.2. – URL: <https://itech.cifra.science/archive/2-2-2024-april/10.18454/itech.2024.2.2> (accessed: 05/28/2025).
2. Trump's Return and Rethinking US Foreign Policy [Electronic Resource] // Orbeli Center. 2025. February 17. URL: <https://orbeli.am/ru/post/1376/2025-02-17/> (accessed: 05/28/2025).
3. Kislitsyn, S.V. Contemporary problems of the "grand strategy" in US foreign policy / S.V. Kislitsyn // Asia and Africa today. – 2020. – No. 4. – P. 27–39. – DOI: 10.20542/afij-2020-4-27-39. – URL: <https://www.afjournal.ru/2020/4/development-trends-and-risks/contemporary-problems-of-a-grand-strategy-in-the-us-foreign-policy> (date of access: 05/28/2025).
4. On the US Strategy for International Cyberspace and Digital Policy [Electronic resource] // Research Institute of Global Studies. 2024. May 6. URL: <https://niiglob.ru/en/publications/articles/828-o-strategii-ssha-po-mezhdunarodnomu-kiberprostranstvu-i-cifrovoj-politike.html> (date accessed: 05/28/2025). 7
5. Release of the US Strategy in the Field of Cyberspace and Digital Policy [Electronic resource] // US Embassy in Russia. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/release-of-united-states-international-cyberspace-and-digital-policy-strategy-ru/> (date accessed: 05/28/2025).
6. US Strategy in the Field of International Cyberspace and Digital Policy [Electronic resource] // D-Russia. 2024. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/international_cyberspace_and_digital_policy_strategy_2024.pdf (date accessed: 05/28/2025). 6
7. Huangfu Zhenghui. The US National Cybersecurity Strategy and Its Global Impact [Electronic resource] / Huangfu Zhenghui // Scientific journal. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-strategiya-kiberbezopasnosti-ssha-i-ee-globalnoe-vliyanie> (date accessed: 05/28/2025). 5
8. Shinkaretskaya, G.G. Digitalization and the Problem of Ensuring National Security / G.G. Shinkaretskaya, A. Berman // Scientific journal. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-problema-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti> (date of access: 05/28/2025).
9. Brzezinski, Z. The Grand Chessboard. American Dominance and Its Geostategic Imperatives / Z. Brzezinski. – M.: International Relations, 1998. — 256 p.
10. The Chip and Science Act of 2022 [Electronic resource] // Congress.gov. – Access mode: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346>. – Access date: 06/15/2025.

11. Castells, M. The Information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. – М.: HSE, 2000. – 608 p.
12. The National Strategy to Secure Cyberspace of the United States of 2003 [Electronic resource] // Department of Homeland Security. – Access mode: <https://www.dhs.gov/national-strategy-secure-cyberspace>. – Access date: 06/15/2025.
13. Nye, J.S. Flexible power. How to succeed in world politics / J.S. Nye. – Novosibirsk: Foundation for Socio-Prognostic Research, 2006. – 464 p.
14. Toffler, E. The Third Wave / E. Toffler. – М.: AST, 1999. – 781 p.
15. Fukuyama, F. The End of History and the Last Man / F. Fukuyama. – М.: AST, 2004. – 588 p.

Современное состояние и тенденции развития мирового энергетического рынка в условиях глобализации

Дутов Владимир Андреевич,

аспирант кафедры политической теории, МГИМО МИД России
E-mail: dutov241@gmail.com

Проведенное исследование выявило приоритетные направления развития энергетического ландшафта. Рассмотрены существующие технологические инициативы и меры, применяемые странами для укрепления их энергетической безопасности, методы государственной поддержки инноваций и стимулирования инвестиционных инициатив в энергетическом секторе, в числе которых: преференциальные налоговые режимы и специальные тарифные условия, поддержка и финансирование программ развития альтернативных источников энергии, соблюдение повышенных экологических стандартов при добыче и использовании традиционных энергетических ресурсов.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы: эффективное развитие мировой энергетики невозможно без комплексного подхода к обеспечению энергетической безопасности, базирующегося на диверсификации источников энергии, создании энергетических резервов, внедрении инновационных технологий и развитии альтернативных источников энергоресурсов, модернизации и цифровизации энергосистем, адаптации национальных стратегий к новым политическим, климатическим и технологическим вызовам. Снижение политических рисков и обеспечение глобальной энергетической стабильности должно достигаться путем развития дипломатического и международного сотрудничества, создания стратегических альянсов, деятельность которых будет направлена на создание общей инфраструктуры и нормативно-правовой базы, выработку коллективных стратегий по оптимизации использования энергетических ресурсов и укреплению безопасности энергетического ландшафта. В формировании будущего энергетики роль политики, науки и международного сотрудничества будет определяющей.

Ключевые слова: энергетика, энергетические ресурсы, альтернативные источники энергии, энергетическая безопасность, стратегии энергетической политики, развитие энергетической инфраструктуры.

Введение

События последних десятилетий, происходящие как на региональном, так и на глобальном уровне, демонстрируют ключевую роль энергетики не только в мировой экономике, но и в глобальной политике. Интенсивный рост энергопотребления на фоне все увеличивающейся стоимости энергоресурсов на мировом рынке, проблематика истощения запасов традиционных источников энергии и возрастающей нагрузки на экологию в результате их использования, обострение борьбы между государствами-потребителями, стремящимися обеспечить свою энергетическую безопасность, и государствами-поставщиками, намеревающимися занять доминирующее положение на потребительских рынках и создать новые рынки, – все это оказывает значительное влияние на отношения между участниками мировой политики и создает предпосылки для *поиска новых направлений развития энергетического рынка, разработки эффективных энергетических стратегий, базирующихся на внедрении технологических инноваций, а также способов их реализации*. Исследование возможных путей решения этих задач и стало целью нашей работы.

Уязвимость энергетической инфраструктуры и способы ее нивелирования

В настоящее время энергетический рынок претерпевает серьезные изменения, обусловленные влиянием множества факторов, возникновение которых связано с эпохой глобализации. Систему мировой энергетики следует рассматривать через призму комплексной взаимозависимости, предполагающей наличие множества каналов взаимодействия, включающих в себя не только межправительственные связи, но и сотрудничество между транснациональными компаниями, международными организациями и союзами [Keohane, Nye 1977]. В соответствии с этим подходом именно взаимозависимость, влекущая за собой уязвимость, определяет поведение государств на международной арене. Борьба за региональное превосходство, исторические конфликты и межконфессиональная напряженность способствуют нестабильности, напрямую влияя на устойчивость поставок энергии.

Рост политической напряженности и нестабильности международных отношений вынуждает страны пересматривать и изменять национальные стратегии с целью достижения устойчивости энергетической инфраструктуры [Кондратьев 2017:133]. Среди ключевых аспектов, позволяющих устранить уязвимость, связанную с чрезмерной зависимостью от конкретных регионов, и перестроить глобальные структуры механизма функционирования энергетического рынка, уменьшая влияние традиционных энергетических гигантов, следует отметить диверсификацию энергетических партнеров, поставок и источников энергии. В свою очередь, интеграция вопросов национальной безопасности в энергетическую политику влечет за собой необходимость создания энергетических резервов, способствующих предотвращению кризисов в случае внезапных перебоев в поставках и со-

кращению зависимости от импортируемых энергоносителей. Достижению этих целей способствует и постепенный отказ от традиционных, и увеличение доли возобновляемых источников энергии в общем энергетическом балансе. Инвестиции в возобновляемые энергетические технологии не только способствуют улучшению экологической обстановки, но и изменяют мировой энергетический ландшафт, уменьшая значимость регионов, богатых невозобновляемыми энергетическими ресурсами.

Кроме *развития альтернативных источников* энергоресурсов, весьма перспективным направлением энергетической политики является разработка и внедрение *новых эффективных технологий*, которые играют решающую роль в развитии энергетики, определяя ее вектор как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В настоящее время особое внимание уделяется следующим технологическим инновациям:

- улавливания и хранения углерода (Carbon Capture and Storage), применение которых позволяет снизить выбросы углекислого газа, выделяемого при сжигании ископаемого топлива и тем самым сократить неблагоприятное воздействие на окружающую среду;
- внедрения датчиков и автоматизированных систем мониторинга, технологий предиктивного обслуживания, повышающих эффективность и надежность энергетических сетей, позволяющих прогнозировать энергопотребление, предотвращать перегрузку сетей и потерь энергии, перераспределяя ее в зависимости от спроса и загруженности сетей;
- хранения энергии на основе сжатого воздуха и тепловой аккумуляции, использования литийионных и твердооксидных батарей, металлгидридных водородных и алюмоводородных накопителей;
- создания малых и средних гидроэлектростанций, позволяющих устанавливать их в удаленных районах и снизить их зависимость от централизованных сетей, а также гидроаккумулирующих электростанций, которые зарекомендовали себя как наиболее эффективные, маневренные, надежные и экономичные;
- модернизации конструкций ветроэнергетических турбин с использованием улучшенных материалов, увеличивающей их мощность и снижающей стоимость выработки электроэнергии;
- усовершенствования фотоэлектрических панелей, имеющих более высокий коэффициент преобразования солнечной энергии, что делает их экономически конкурентоспособными с традиционными источниками энергии;
- ядерного синтеза, применение которого потенциально может обеспечить человечество неограниченным количеством экологически чистой энергии, а также строительства малых модульных реакторов, которые дешевле и требуют меньше времени на их возведение по сравнению с традиционными АЭС [Zohuri 2023].

В свою очередь, наиболее привлекательными для вложения инвестиций в традиционной энергетике остаются крупные газовые электростанции, что связано с их высокой окупаемостью и стабильным спросом [26], а в области развития мониторинга месторождений перспективной является технология 4D-сканирования залежей, предполагающая трехмерное геофизическое моделирование, дополненное мониторингом состояния залежей по мере их эксплуатации во времени. Такое сканирование позволяет определить зоны истощения месторождений, оптимизировать разработку новых скважин и выявить потенциальные прорывы газа.

Конечно, главная роль в краткосрочной перспективе остается за новыми технологиями, особенно с быстрой монетизацией, которые ориентированы на выполнение высоких экологических стандартов при осуществлении традиционной добычи углеводородов, поскольку и все возможные сценарии развития энергетики, описываемые в научных источниках [Калимуллин 2019, 76] и очередной ежегодный аналитический отчет о перспективах развития мировой энергетики Международного энергетического агентства в который раз указывают на то, что углеводородное сырье останется основным энергоресурсом в обозримом будущем, при этом до 2030 года спрос на уголь, нефть и газ достигнет своего пика [25].

Дополнительно, с целью достижения стабильности энергетического ландшафта странами разрабатываются цифровизация энергосетей и использование интеллектуальных энергосистем (smart grids), которые позволяют в режиме реального времени анализировать спрос и предложение энергии, эффективно управлять распределением электроэнергии, перераспределяя ее потоки и снижая нагрузки на сети.

Национальные энергетические стратегии

Национальная стратегия любой страны нацелена на достижение энергетической безопасности, стабильности и надежности внутреннего энергетического ландшафта, в связи с чем базируется на принципах энергосбережения, совершенствования управления энергосистемой с целью обеспечения эффективности использования энергоресурсов, а также экономической эффективности производства и распределения энергии; внедрении энергосберегающих и энергоэффективных технологий; создании новых генерирующих мощностей с высоким коэффициентом полезности. Выбор национальных энергетических стратегий обусловлен и такими факторами, как наличие или отсутствие необходимых ресурсов, экономические возможности страны, уровень ее технологического развития. Геополитические приоритеты и цели также играют важную роль в определении контуров национальной энергетической политики. В зависимости от конфигурации этих факторов и превалирования каких-либо из них, по мнению автора, можно выделить три условных типа национальных стратегий: импорто ориентированные, экспортно ориентированные и инновационно ориентированные.

Импорто ориентированные национальные стратегии в первую очередь решают задачи, направленные на удовлетворение внутреннего спроса страны и обеспечение ее энергетической безопасности. В связи с этим стратегии преимущественно нацелены на диверсификацию поставщиков и видов источников энергии; повышение надежности получения, переработки и хранения топливных ресурсов; создание стратегических резервов; внедрение «зеленых» технологий. К примеру, Япония реализует многолетние устойчивые соглашения на поставку энергоресурсов, осуществляет инвестиции в разработку зарубежных месторождений, а также активно осуществляет социально-экономические программы в странах Ближнего Востока, инвестируя в развитие их инфраструктуры и безопасности в целях создания прочного и надежного партнерства, хотя геополитическая нестабильность и конфликты в регионе остаются серьезными рисками в контексте энергетической безопасности. После аварии на АЭС в Фукусиме Япония была вынуждена интенсифицировать импорт ископаемого топлива, что привело к экономическому кризису, торговому дефициту и увеличению выбросов CO₂ [Duffield 2016]. В конечном счете стране пришлось трансформировать свою энергетическую стратегию посредством

увеличения темпов разработки и внедрения возобновляемых источников энергии, инвестиций в научные исследования, а также снижения зависимости от ископаемого топлива за счет диверсификации источников поставок [Vivoda, 2012: 138].

В свою очередь, такие страны Европейского союза, как Германия, Польша и Великобритания, осознавая зависимость от поставок энергоресурсов, стремятся играть роль ключевого связующего звена на мировом энергетическом рынке. С 2022 года одним из их приоритетов в обеспечении национальной безопасности стало уменьшение энергетической уязвимости посредством диверсификации поставок и развития как логистических цепей, так и различных секторов энергетики. Поскольку диверсификация поставок позволяет смягчить последствия политических, рыночных или природных коллапсов, но не устраняет «системные» риски мирового энергетического рынка, в первую очередь нефтяного [Vivoda 2009: 4617], поэтому страны-потребители практикуют комплексный подход к обеспечению энергетической безопасности, включающий также создание стратегических запасов, инвестирование в «зеленые» технологии и в развитие альтернативных источников энергии. Европейские страны активно развивают инфраструктуру, интерконнекторы между разными странами, модернизируют нефтехранилища и логистику, инвестируют в исследования в области возобновляемых источников энергии, а также в перспективные инновационные и технологические программы.

Экспортно ориентированные национальные стратегии характерны для стран, имеющих большие запасы собственных энергоресурсов, и, как правило, направлены на укрепление позиций этих государств на глобальном и интеграционном уровнях, смягчение влияния волатильности на сырьевых рынках, а также на диверсификацию экономики, внедрение «зеленых» технологий и инноваций в сфере добычи и переработки традиционных источников энергии для сохранения своей конкурентоспособности. В то время как страны-потребители энергоресурсов стремятся снизить свою уязвимость от экспортеров, последние используют свое преимущество как инструмент доминирования. Роль Ближнего Востока также неразрывно связана с его энергетическим богатством – обладанием огромных запасов углеводородов, делая этот регион ключевым игроком на мировом энергетическом рынке. Страны региона используют свое доминирование в энергетике как инструмент экономического и политического влияния. Кроме того, подобная взаимозависимость может быть источником конфликта между странами, и ярким примером здесь являются взаимоотношения России и Европейского союза: увеличение собственной энергетической безопасности воспринимается другой стороной как угроза в логике дилеммы безопасности [Krickovic 2015: 5]. Также традиционно рассматривают экспорт энергетических ресурсов как средство реализации своих внешнеполитических целей и обеспечения собственной безопасности такие страны как Катар, США, отчасти и Россия.

Надо заметить, что обладание значительными запасами энергетического сырья далеко не всегда обеспечивает политический вес стране на мировом энергетическом рынке. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть случай Венесуэлы, в недрах которой находятся огромные запасы нефти. Большую долю ВВП страны (35%) и практически 100% экспорта составляет добываемая там нефть, в связи с чем Венесуэла является самым ярким примером так называемого «petro-state», но ее экономика максимально зависима от волатильности цен на нефть. С одной стороны, в условиях

роста цен экономика латиноамериканской страны имеет все необходимое для процветания, но высокая зависимость от экспорта и находящаяся в упадке собственная нефтеперерабатывающая отрасль, влекут за собой множество рисков, связанных не только с экономикой, но и непосредственно с продовольственной безопасностью и обороноспособностью государства [Алексеева, Гореславский 2018: 512]. Пример Венесуэлы еще раз подтверждает существование прямой зависимости между энергетической и национальной безопасностью, а также необходимости рассматривать энергетику в широком контексте стратегического государственного планирования.

Под влиянием различных факторов происходят и трансформации национальных энергетических стратегий. Большая игра современности становится не просто борьбой за ресурсы или доминирование на международном рынке, энергетическая повестка активно конструируется и трансформируется в результате дискурсивной борьбы между различными акторами. Альтернативный нарратив о чистой энергетике, распространение концепции устойчивого развития и климатической повестки приводят к «борьбе за норму» между государствами-экспортерами традиционных энергоресурсов и странами «новой энергетики», а также порождают структурную трансформацию энергетической безопасности, включающую теперь ресурсную обеспеченность и стабильность поставок, устойчивость, климатические обязательства и т.д. [Алексеева 2014]. Авторы доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» обращают внимание на трансформацию национальной энергетической политики на примере США из импортоориентированной в агрессивную экспансию под девизом «молекул свободы» [17]. Переход США из импортеров в группу основных экспортеров газа после Сланцевой революции привел к серьезным колебаниям энергетического рынка и пересмотру баланса сил. Сегодня американские чиновники продолжают использовать достаточно жесткие инструменты конкурентной борьбы за доминирование на рынке энергоресурсов, используя, в первую очередь, экономические рычаги. Санкции против Ирана, Венесуэлы, российского «Северного потока», активное давление на Китай, в том числе посредством прекращения импорта энергоресурсов, а также на Евросоюз, обвиняя государства европейского континента в том, что они играют по правилам Китая, допуская его доминирование в области чистой энергетики [24], а также возможные диверсии являются лишь немногими примерами такой агрессивной политики.

Конкуренция в борьбе за обладание правом разрабатывать энергетические запасы неосвоенных территорий также вносит свою лепту в политическую и энергетическую напряженность и создает предпосылки для изменений стратегического позиционирования стран. В частности, Арктический регион, богатый нефтью и природным газом, но ранее труднодоступный из-за ледяного покрова, в результате изменения климата и таяния льдов становится доступным и активно привлекает внимание стран с арктическим побережьем, такие как Россия, Канада, США и Норвегия, которые стремятся освоить его ресурсы. Похожая в плане существования активных территориальных споров ситуация, возникающая в связи с претензиями на право разработки нефтяных и газовых месторождений, имеет место и в Южно-Китайском море.

Передел мировыми державами сфер влияния на территории Центральной Азии также вызывает колебания энергетической безопасности и региональной стабильности. Крупные государства, формируя альянсы и стратегические партнерства, конкурируют в борьбе за конт-

роль над транзитными маршрутами, инфраструктурой и доступом к рынкам, поскольку Казахстан и Туркменистан обладают значительными и разнообразными энергоресурсами и играют ведущую роль в поставках энергии в соседние регионы. Центральная Азия представляет интерес и как объект значительных иностранных инвестиций и наращивания потенциала в сфере развития возобновляемых природных ресурсов.

Инновационно ориентированные национальные стратегии в сфере энергетики преимущественно направлены на осуществление ускоренного перехода к использованию альтернативных энергоресурсов и применяются в так называемых странах «новой энергетики» [Алексеева 2014].

Парижское климатическое соглашение стало отправной точкой для развития концепции «энергетического перехода» или «энергетического переворота», которая впервые была применена в Германии и постепенно получила распространение практически во всех странах мира. Энергетический переход предполагает постепенный отказ от нефти, газа и угля в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ). В Германии данная концепция стала стратегической целью, заключающейся в достижении обеспечения 80% внутренних энергетических потребностей за счет ВИЭ. Норвегия, обладающая богатыми запасами нефти и газа, также реализует стратегию «энергетического перехода», делая акцент на постоянном мониторинге состояния акватории, оценке влияния добычи на окружающую среду, предпринимая меры по предотвращению нефтяных разливов, вовлекая в процесс частные компании и научно-исследовательские центры. Кроме того, страна активно реализует внедрение ветроэнергетики и других ВИЭ, что является частью национальной стратегии по поддержанию энергетического баланса и снижению выбросов углекислого газа [Белякова 2020], поскольку в сфере альтернативной энергетики наибольший инвестиционный потенциал имеют проекты в области солнечной и ветровой энергетики, особенно в регионах с благоприятными природными условиями и низкими затратами на строительство.

Европейский союз извлек пользу из «зеленой революции», начав активно продвигать тему возобновляемых энергоресурсов в качестве механизма сдерживания роста влияния экспортеров нефти и газа, в первую очередь, России. В сфере развития возобновляемых источников энергии наилучшую динамику демонстрирует Германия: в прошлом году доля альтернативных источников энергии в общем балансе страны достигла рекорда – 63% [27]. Дания и Португалия лидируют среди стран Евросоюза по доле ВИЭ в энергетике: 88,4% и 87,5% соответственно [20]. Несмотря на то, что одна из крупнейших экономик ЕС – Франция все еще имеет высокую зависимость от АЭС, ветровая энергетика также стала частью национальной стратегии и темпы ее развития продолжают расти. За счет активного внедрения возобновляемых источников энергии ЕС удалось сэкономить более 61 млрд евро на импорте традиционных энергоносителей и снизить зависимость от российского газа [21].

Энергетический переход следует рассматривать как долгосрочный и комплексный процесс, охватывающий все этапы энергетической цепочки: производство, транспортировку, распределение и потребление энергии. Время показывает, что рыночными способами сделать энергетический переход невозможно, в связи с чем используются другие, не всегда корректные способы стимулирования, как, например, «нерыночная дискредитация через климатическую тематику» [Симонов 2020] тради-

ционных энергоресурсов. Кроме того, альтернативные источники энергии несут ряд рисков, в связи с чем возможность глобальной переориентации энергетической политики в ближайшем будущем не представляется возможной, поскольку, например, солнечная энергетика требует большого количества материалов и площадей, а производство энергоулавливающих панелей происходит с использованием веществ, ухудшающих экологию [Данилин 2022]. Также внедрение альтернативных источников энергии имеет региональную обусловленность, при учете которой, в частности, в Арктике, возможно использование только ветроэнергетики, мощностей которой недостаточно для полного обеспечения потребностей региона с учетом перспективы развития добычи его ископаемых.

Несмотря на наличие уязвимых мест, «энергетический переход», пусть и частичный, является общим вектором, декларируемым большинством государств в документах ООН, что отражает консенсус относительно антропогенного влияния ископаемого топлива на климат. Поскольку для осуществления этого перехода требуются значительные объемы финансирования, с целью активизации использования возобновляемых источников энергии государствами разрабатываются специальные программы предоставления субсидий и грантов, «зеленых» тарифов, позволяющих продавать избыточную энергию в сеть по выгодным ценам, устанавливаются целевые показатели по доле возобновляемой энергии в общем энергобалансе стран, а также применяются другие стимулирующие меры. Во многих странах уже активно используются меры введения налоговых льгот для стимулирования развития ВИЭ: освобождение от налогообложения и применение пониженных ставок налога на прибыль применяются в странах Африке, в США государство применяет систему налоговых кредитов, позволяющих засчитывать инвестиции в ВИЭ в качестве налога, а, например, благодаря квотированию доли возобновляемой энергии в общем энергетическом балансе, в некоторых штатах США планируется достижение полной углеродной нейтральности к 2045 году. Представляет интерес также китайская модель государственного регулирования энергетической отрасли, сочетающая централизованное управление и вложение крупных государственных инвестиций с благоприятной кредитной политикой и поддержкой частных инициатив через «зеленые» сертификаты и государственные субсидии, покрывающие до 50% затрат для пилотных проектов. Пока еще Китай остается крупнейшим в мире источником выбросов углекислого газа, но результаты такой политики уже впечатляют: к концу марта 2025 года мощности сгенерированной ветровой и солнечной энергии превысили мощность тепловых станций, работающих на ископаемом топливе [19].

Государственное регулирование энергетической отрасли осуществляется и посредством ценообразования при установлении тарифов или фиксированных цен для внутреннего потребления (система предельных тарифов применяется, например, в России), введением налогов на углеродосодержащие энергоносители (в Евросоюзе применяется система торговли квотами выбросов, так называемое углеродное ценообразование).

Внедрению инновационных проектов также будет способствовать снижение рисков для производителей, например, посредством предоставления им субсидированных кредитов, установления минимальных гарантийных тарифов и финансовой поддержки научно-исследовательских разработок. При этом ключевым становится переход от прямых дотаций к инструментам,

стимулирующим технологическое обновление и повышение эффективности проектов.

Государственная политика в сфере энергетики является неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности, о чем свидетельствует соответствующее закрепление этого направления в документах стратегического планирования разных стран, ориентированных на продвижение национальных интересов государства. При этом любое планирование предполагает четкое понимание объективно существующих национальных интересов и их приложение к конкретной международной ситуации [Назаров, 2024]. В соответствии с этим, например, Стратегия национальной безопасности США указывает, что энергетическая безопасность страны является ключевым компонентом развития как экономики, так и обороноспособности страны, предписывает необходимость достижения независимости от импорта, а также вложения инвестиций в развитие возобновляемой энергетики. В свою очередь, Белая книга по национальной обороне Китая предусматривает, что обеспечение устойчивости энергетических поставок и транспортных путей – один из важнейших элементов национальной безопасности.

По мере развития процессов глобализации мирового хозяйства, увеличения масштабов производства и потребления энергии возрастает потребность в государственном регулировании энергетического рынка, причем современные вызовы требуют разработки комплексного подхода к формированию энергетической стратегии государства. Современные стратегии государственного регулирования должны быть нацелены на обеспечение инвестиционной привлекательности энергетики, стимулирование перехода к возобновляемым источникам энергии, соблюдение климатических обязательств, предписанных международными соглашениями.

Роль международных организаций в обеспечении энергетической безопасности

Поскольку национальные энергетические стратегии играют ключевую роль в смягчении или обострении внешнеполитических вызовов, с целью разрешения проблем, связанных с обеспечением доступа к важнейшим энергоресурсам, страны создают альянсы и союзы, которые изменяют баланс сил на мировом энергетическом рынке. Международное региональное сотрудничество зачастую направлено на создание общей инфраструктуры и нормативно-правовой базы, выработку коллективных стратегий по оптимизации использования энергетических ресурсов и укреплению безопасности в регионе (например, функционирует Европейский энергетический союз, целью которого является диверсификация энергоснабжения и сокращение зависимости региона от внешних поставщиков). Такие образования, как Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Международное энергетическое агентство (IEA), Форум стран-экспортеров газа (GECF) и Международное агентство по атомной энергии (IAEA), играют важную роль в координации глобальной энергетической политики, разработке совместных стратегий, способствуют обмену информацией.

Среди этих организаций IEA играет ключевую роль, осуществляя мониторинг глобального энергетического рынка, координируя стратегии энергобезопасности и реагирования на чрезвычайные ситуации. Создание агентства было продиктовано необходимостью реакции на энергетический кризис, поэтому в начале своей работы его деятельность была направлена на нейтрализацию последствий стремительного роста цен на нефть

посредством создания стратегических запасов жидкого топлива, перераспределения излишков и ограничения доли на рынке энергоносителей для каждой страны-производителя. В последующем акценты сменились на развитие альтернативных энергоисточников и партнерства между странами-экспортерами и странами-потребителями.

Международное энергетическое агентство, выступая с рекомендациями по снижению цен или увеличению добычи нефти, может оказывать давление на ОПЕК, поскольку оно создавалось в качестве противовеса этому международному институту, представляющему интересы стран-потребителей энергоресурсов. Наличие двух международных центров силы позволяет снизить уязвимость стран-импортеров энергоресурсов и обеспечить глобальную энергетическую безопасность. ОПЕК, в свою очередь, ставит перед собой цели по гарантированию стабильного дохода для государств-членов организации, организации эффективных поставок энергоресурсов, регулирование мировых цен на нефть.

Международные финансовые институты вносят свой вклад в обеспечение энергетической безопасности, иницируя и финансируя энергетические проекты, направленные на продвижение инноваций по смягчению воздействия на изменения климата (например, GCF – Зеленый климатический фонд [15], созданный для помощи развивающимся странам), заключая международные соглашения. Так в 1991 году в Гааге была подписана Европейская энергетическая Хартия – первый многосторонний договор по гармонизации мирового энергетического рынка. Несмотря на то, что Хартия носила преимущественно декларативный характер, она стала первым шагом в оформлении контуров общеевропейского энергетического рынка. Последующий Договор к энергетической Хартии установил правовые основы европейского сотрудничества. На конференции ООН по изменению климата 12 декабря 2015 г. было принято Парижское соглашение, в рамках которого подписанты обязались принимать меры, направленные на сокращение выбросов парниковых газов, реализовывать стратегии перехода на «зеленую» энергетику, осуществлять международный обмен «зелеными» технологиями.

Страны объединяют ресурсы для решения общих задач, ускоряя технологический прогресс, передачу знаний и наращивание потенциала, поскольку совместные исследования и усилия в области обновления и усовершенствования технологий, связанных с энергетикой, способствуют повышению ее эффективности и безопасности.

Заключение

Таким образом, будущее глобальной энергетики, в первую очередь, зависит от способности стран адаптировать свои национальные стратегии к новым вызовам, разрабатывая и реализовывая механизм комплексного государственного регулирования энергетической инфраструктуры.

Оптимальные стратегии развития должны сочетать диверсификацию поставщиков, энергоресурсов и маршрутов поставок, развитие возобновляемых источников энергии, модернизацию энергосистем, внедрение автоматизированного интеллектуального управления энергосетями и системами хранения энергии, инвестирование в новые технологии. Наиболее перспективными технологическими решениями являются технологии, направленные на разработку и стабилизацию работы ВИЭ, хранение энергии, обеспечение гибкости энергосистем, разработку интеллектуальных энергетических сетей,

повышающих эффективность распределения энергии, а также солнечная, ветровая и водородная энергетика. Именно эти источники энергии будут обуславливать развитие мировой энергетики в скором будущем.

Несмотря на выявленные различия национальных энергетических стратегий государств, общие направления модернизации государственного стратегического планирования в этой сфере должны предусматривать трансформацию самого механизма планирования, внедрение цифровых платформ и новых технологий, а также адаптацию государственного регулирования и механизмов стимулирования для развития альтернативных источников энергии посредством введения налоговых льгот, предоставления субсидий и грантов, установления «зеленых» тарифов, квотирования доли возобновляемой энергии в общем энергетическом балансе, создания специализированных фондов для финансирования ВИЭ и финансовой поддержки научно-исследовательских работ.

По мере того, как страны адаптируются к изменениям в энергетическом ландшафте, создание стратегических альянсов, развитие дипломатических отношений и международное сотрудничество являются важнейшими инструментами снижения политических рисков и обеспечения глобальной энергетической стабильности.

Литература

- Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир. Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). URL: <https://www.sravpol.ru/jour/article/view/55> (дата обращения: 30.04.2025)
- Алексеева Т.А. Политика Венесуэлы по повышению обороноспособности: BTC, нефтяной фактор и геополитические дивиденды / Т.А. Алексеева, С.С. Гореславский. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 3. С. 497–516. DOI 10.22363/2313-0660-2018-18-3-497-516. EDN MHQMXJ
- Белякова М.Ю. Роль государства в развитии нефтегазового комплекса Норвегии. Neftegaz.RU. 2021. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/638996-rol-gosudarstva-v-razvitiineftegazovogo-kompleksa-norvegii/> (дата обращения: 27.04.2025)
- Данилин К.П. Методологический подход к оценке концепции энергетического перехода для формирования региональной энергетической политики. Фундаментальные исследования. 2022. № 11. С. 67–73. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=43295> (дата обращения: 27.04.2025)
- Назаров В.П. Национальные интересы во внешней политике России. Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(1). С. 7–21. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-7-21.
- Калимуллин Л.В. Основные тенденции и сценарии развития мировой энергетики. Всероссийский журнал ЭКО. 2019. № 3. С. 66–82. URL: https://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=176434&ARTICLE_ID=176445 (дата обращения: 10.03.2025)
- Кондратьев В.Б. Ресурсный национализм. Журнал «Горная промышленность». 2017. № 5 (135). URL: <https://mining-media.ru/ru/archiv/2016-2020/12942-gornaya-promyshlennost-05-2017> (дата обращения 20.01.2025)
- Duffield J.S. Japanese Energy Policy after Fukushima Daiichi: Nuclear Ambivalence. Political Science Quarterly. 2016. Vol. 131. Pp. 133–162. URL: <http://www.jstor.org/stable/43828770> (дата обращения: 30.04.2025)
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence: World Politics in Transition, Boston: Little, Brown, 1977. 273 p.
- Krickovic A. When Interdependence Produces Conflict: EU–Russia Energy Relations as a Security Dilemma. Contemporary Security Policy. 2015. № 36(1). Pp. 3–26. DOI: 10.1080/13523260.2015.1012350
- Salimi M., Amidpour M. The Impact of Energy Transition on the Geopolitical Importance of Oil-Exporting Countries. World. 2022. № 3. Pp. 607–618. DOI: 10.3390/world3030033
- Vivoda V. Diversification of oil import sources and energy security: A key strategy or an elusive objective? Energy Policy. 2009. № 37(11). Pp. 4615–4623. DOI: 10.1016/j.enpol.2009.06.007
- Vivoda V. Japan's energy security predicament post-Fukushima. Energy Policy. 2012. № 46. Pp. 135–143. DOI: 10.1016/j.enpol.2012.03.045
- Zohuri B. Navigating the Global Energy Landscape Balancing Growth, Demand, and Sustainability. Journal of Material Sciences & Applied Engineering. 2023. № 2(4). URL: https://www.researchgate.net/publication/375374042_Navigating_the_Global_Energy_Landscape_Balancing_Growth_Demand_and_Sustainability (дата обращения: 05.02.2025)
- Официальный сайт Зеленого климатического фонда. About GCF. URL: <https://www.greenclimate.fund/about> (дата обращения: 25.02.2025)
- Регулирование в области изменения климата: мировая практика и перспективы – АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований». Москва. 2021. 221 с.
- Политические риски для мировой энергетики: от ресурсного национализма до «молекулы свободы». Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. URL: <https://esg-library.mgimo.ru/publications/politicheskie-riski-dlya-mirovoy-energetiki-ot-resursnogo-natsionalizma-do-molekul-svobody-i-klimati/> (дата обращения: 20.01.2025)
- США запускают новую энергетическую программу для стран Центральной Азии. Новости Kapital.kz Центра деловой информации. 03.12.2024. URL: <https://kapital.kz/economic/93730/ssha-zapuskayut-novuyu-energeticheskuyu-programmu-dlya-stranstentral-noy-azii.html> (дата обращения: 20.01.2025)
- China's wind, solar capacity exceeds thermal power for first time, energy regulator says. Reuters. 25/04/2025. URL: <https://www.reuters.com/sustainability/cop/chinas-wind-solar-capacity-exceeds-thermal-power-first-time-energy-regulator-2025-04-25/> (дата обращения: 28.04.2025)
- Electricity from renewable sources reaches 47% in 2024. Eurostat. 19.03.2025. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250319-1?utm_source (дата обращения: 01.05.2025)
- Europe posts record year for clean energy use as Trump pulls US toward fossil fuels. APNews. 23.01.2025. URL: <https://apnews.com/article/europe-renewables-climate-change-solar-wind-fossil-fuels-4a6ff96bbde3251cb42109e1d9d4b399> (дата обращения: 02.05.2025)
- European Union's new project to boost sustainable energy in Central Asia. European Union External Action. 2022 URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/european-union%E2%80%99s-new-project-boost-sustainable-energy-central-asia_en?s=222 (дата обращения: 20.01.2025)
- RePowerEU: Affordable, secure and sustainable energy for Europe. European Commission. 2024. URL: <https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/pri>

orities-2019–2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 20.01.2025)

24. Trump efforts to split Europe and China on clean energy fall flat. Politico.eu, 25.04.2025. URL: <https://www.politico.eu/article/trump-efforts-to-split-europe-and-china-on-clean-energy-fall-flat/> (дата обращения: 30.04.2025)
25. World Energy Outlook 2024. International Energy Agency. 2024. URL: <https://www.apren.pt/contents/publicationsothers/ieaworldenergyoutlook2024-compressed.pdf> (дата обращения: 10.03.2025)
26. World Energy Investment 2024. International Energy Agency. 2024. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024> (дата обращения: 28.04.2025)
27. German NetPower Generation in 2024: Electricity Mix Cleaner than Ever. Fraunhofer Institute for Solar Energy Systems ISE. 2024. URL: https://www.ise.fraunhofer.de/en/press-media/press-releases/2025/public-electricity-generation-2024-renewable-energies-cover-more-than-60-percent-of-german-electricity-consumption-for-the-first-time.html?utm_source (дата обращения: 30.04.2025)

THE PRESENT STATE AND TRENDS IN THE GLOBAL ENERGY MARKET AMID GLOBALIZATION

Dutov V.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The study identified priority areas for the development of the energy landscape. The study examined existing technological initiatives and measures employed by nations to enhance their energy security, potential solutions to challenges in the energy sector, and government-backed methods for fostering innovation and investment in energy. These include preferential tax regimes, special tariff conditions, funding for renewable energy adoption, and stricter environmental standards for traditional energy resource extraction and usage.

Key conclusions of the study include:

- The sustainable development of global energy requires a holistic approach to energy security, based on diversifying energy sources, establishing strategic reserves, adopting innovative technologies, and promoting renewables, alongside modernizing and digitalizing energy systems.
- National strategies must adapt to evolving political, climatic, and technological challenges.
- Mitigating political risks and ensuring global energy stability demand enhanced diplomatic and international cooperation, including strategic alliances focused on shared infrastructure, regulatory frameworks, and collective strategies for optimizing energy use and securing the energy landscape.

In shaping the future of energy, the interplay of policy, science, and international collaboration will be decisive.

Keywords: energy, energy resources, alternative source of energy, energy security, energy policy strategy, energy policy strategies, energy infrastructure development

References

1. Alekseeva T.A. (2014). Thinking Constructively: Discovering a Polyphonic World. *Comparative Politics*, 1(14), April 30, 2025.
2. Alekseeva T.A. & Goreslavsky S.S. (2018). Venezuela's Defense Policy: Military-Technical Cooperation, the Oil Factor, and Geopolitical Dividends. *RUDN Journal of International Relations*, 18(3), 497–516.
3. Belyakova M.Yu. (2021). The State's Role in the Development of Norway's Oil and Gas Sector. *Neftegaz.RU*, April 27, 2025.
4. Danilin K.P. (2022). A Methodological Approach to Assessing the Energy Transition Concept for Regional Energy Policy Formation. *Fundamental Research*, 11, 67–73, April 27, 2025.
5. Nazarov V.P. (2024). National Interests in Russia's Foreign Policy. *MGIMO Review of International Relations*, 17(1), 7–21.
6. Kalimullin L.V. (2019). Key Trends and Scenarios for Global Energy Development. *ECO Journal*, 3, 66–82, March 10, 2025.
7. Kondratiev V.B. (2017). Resource Nationalism. *Mining Industry Journal*, 5(135), January 20, 2025.
8. Duffield J.S. (2016). Japanese Energy Policy after Fukushima Daiichi: Nuclear Ambivalence. *Political Science Quarterly*, 131, 133–162, April 30, 2025.
9. Keohane R.O. & Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Little, Brown.
10. Krickovic A. (2015). When Interdependence Produces Conflict: EU–Russia Energy Relations as a Security Dilemma. *Contemporary Security Policy*, 36(1), 3–26.
11. Salimi M. & Amidpour M. (2022). The Impact of Energy Transition on the Geopolitical Importance of Oil-Exporting Countries. *World*, 3, 607–618.
12. Vivoda V. (2009). Diversification of Oil Import Sources and Energy Security: A Key Strategy or an Elusive Objective? *Energy Policy*, 37(11), 4615–4623.
13. Vivoda V. (2012). Japan's Energy Security Predicament Post-Fukushima. *Energy Policy*, 46, 135–143.
14. Zohuri B. (2023). Navigating the Global Energy Landscape: Balancing Growth, Demand, and Sustainability. *Journal of Material Sciences & Applied Engineering*, 2(4), February 5, 2025.
15. Green Climate Fund. (n.d.). About GCF, February 25, 2025.
16. Climate Change Regulation: Global Practices and Prospects (2021). Center for International and Comparative Legal Studies.
17. Political Risks for Global Energy: From Resource Nationalism to «Molecules of Freedom» (2022). Valdai Discussion Club.
18. U.S. Launches New Energy Program for Central Asian Countries (2024, December 3). *Kapital.kz*, January 20, 2025.
19. China's Wind, Solar Capacity Exceeds Thermal Power for First Time (2025, April 25). *Reuters*, April 28, 2025.
20. Electricity from Renewable Sources Reaches 47% in 2024 (2025, March 19). *Eurostat*, May 1, 2025.
21. Europe Posts Record Year for Clean Energy as Trump Pushes U.S. Toward Fossil Fuels (2025, January 23). *AP News*, May 2, 2025.
22. EU's New Project to Boost Sustainable Energy in Central Asia (2022). *European External Action Service*, January 20, 2025.
23. REPowerEU: Affordable, Secure and Sustainable Energy for Europe (2024). *European Commission*, January 20, 2025.
24. Trump's Efforts to Split Europe and China on Clean Energy Fall Flat (2025, April 25). *Politico EU*, April 30, 2025.
25. World Energy Outlook 2024. *International Energy Agency*, March 10, 2025.
26. World Energy Investment 2024. *International Energy Agency*, April 28, 2025.
27. German NetPower Generation in 2024: Electricity Mix Cleaner than Ever. *Fraunhofer Institute for Solar Energy Systems ISE*. 2024.

Кризис доверия к СМИ в цифровую эпоху: стратегии преодоления и новые модели медиа

Ишпаева Виктория Александровна,

студент, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
E-mail: vika.ishpaeva56@mail.ru

Дядченко Маргарита Владимировна,

доцент, к.ф.н., Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
E-mail: dyadchenko-mv@pfur.ru

Статья посвящена комплексному анализу феномена кризиса доверия к средствам массовой информации в условиях повсеместной цифровизации. Целью исследования является систематизация причин эрозии общественного доверия к медиа, оценка эффективности существующих стратегий противодействия и разработка концептуальных моделей медиа, способных функционировать в новой информационной парадигме. Методологическая база исследования включает системный анализ и синтез российских научных публикаций по данной теме, сравнительный анализ традиционных и цифровых медиа-практик, а также элементы моделирования. В ходе исследования выявлены и классифицированы ключевые факторы, подрывающие доверие, включая распространение дезинформации и фейковых новостей, коммерциализацию контента, манипулятивное воздействие алгоритмов социальных сетей и снижение профессионально-этических стандартов журналистики. Результаты показывают, что аудитория, особенно молодежь, демонстрирует растущий скептицизм по отношению к традиционным каналам, предпочитая интернет-источники, однако и к ним уровень доверия остается фрагментарным. Установлено, что преодоление кризиса требует многоуровневого подхода, сочетающего повышение медиаграмотности населения, внедрение новых стандартов прозрачности и подотчетности для медиаорганизаций, а также разработку этических регуляторных механизмов для технологических платформ. В качестве решения предложена гибридная модель «социально-ответственного медиа», интегрирующая принципы классической журналистики с возможностями цифровых платформ для вовлечения аудитории и верификации контента. Сделан вывод о том, что восстановление доверия является общей задачей для медиа, общества и государства, требующей не только технологических, но и глубоких социальных трансформаций.

Ключевые слова: кризис доверия, средства массовой информации, цифровая эпоха, фейковые новости, медиаграмотность.

Введение

Цифровая трансформация общества, открывшая беспрецедентные возможности для доступа к информации и коммуникации, парадоксальным образом породила одну из наиболее острых проблем современности – глобальный кризис доверия к средствам массовой информации. Если ранее СМИ воспринимались как ключевой социальный институт, обладающий своего рода монополией на формирование общественной повестки и обладающий значительным кредитом доверия, то сегодня их статус подвергается серьезной эрозии. Проблема усугубляется тем, что доверие общества является тем социальным капиталом, на котором зиждется легитимность СМИ как «четвертой власти» и их способность выполнять важнейшие общественные функции [8, с. 262]. Утрата этого капитала ведет к фрагментации информационного пространства, поляризации общества и ослаблению демократических институтов.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что снижение доверия затрагивает как традиционные медиа (телевидение, прессу), так и новые цифровые платформы. Причины этого явления многоаспектны и включают в себя технологические, экономические, политические и профессионально-этические факторы. В условиях переизбытка информации и стремительного распространения фейковых новостей гражданам становится все труднее отличать достоверные сведения от дезинформации, что формирует состояние всеобщего скептицизма и информационной апатии [1, с. 20]. Данное исследование направлено на систематизацию причин кризиса доверия, анализ существующих подходов к его преодолению и разработку предложений по формированию новых, более устойчивых моделей медиа, отвечающих вызовам цифровой эпохи.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит теоретико-аналитический характер. В качестве основного материала для анализа выступил корпус современных российских научных публикаций, посвященных проблеме доверия к СМИ в цифровую эпоху, представленный в библиографическом списке. Методологическая основа работы является комплексной и включает несколько взаимодополняющих методов.

Первым ключевым методом является системный анализ и синтез научной литературы. Данный метод позволил выявить и классифицировать основные концепции, факторы, причины и следствия кризиса доверия, представленные в работах различных авторов. На основе анализа была сформирована целостная картина проблемы, объединяющая социологические, политологические и медиаведческие подходы.

Вторым методом выступил сравнительный анализ. Он применялся для сопоставления характеристик традиционных и новых медиа, их роли в формировании общественного мнения, а также для сравнения моделей доверия и недоверия среди различных демографических групп (например, молодежи и старшего поколения), как это описано в работах [4, с. 94].

Третьим методом стало моделирование. На основе синтезированных данных о причинах кризиса и неэффективности существующих подходов была предпринята попытка сконструировать концептуальную модель медиа, способную восстановить доверие. Эта модель, условно названная «социально-ответственное гибридное медиа», включает в себя набор принципов и практик, направленных на повышение прозрачности, подотчетности и качества контента.

Литературный обзор

Анализ современной научной литературы показывает, что проблема доверия к СМИ находится в центре внимания многих российских исследователей. Работы Пахомова Р.А., Бойко Д.С. и Потехина А.С. определяют доверие как «ставку в отношении будущих непредвиденных действий других», подчеркивая, что для СМИ оно является основой для претензий на статус «четвертой власти» [8, с. 262]. Авторы выделяют такие предпосылки доверия, как порядочность, компетентность, открытость и честность. В свою очередь, М.О. Бессонова, анализируя данные социологических опросов, фиксирует объективное снижение уровня доверия и связывает его с распространением фейковых новостей и намеренной дезинформацией, что требует постоянного социологического мониторинга [2, с. 115].

Причины кризиса подробно рассматриваются в ряде работ. В.А. Жижина связывает падение доверия к традиционным медиа с ростом альтернативных каналов и общим разочарованием граждан в политике, которое переносится на СМИ [5, с. 190]. Е.Д. Дацук дополняет эту картину, исследуя взаимосвязь доверия к интернет-СМИ и социально-политических позиций молодежи. Ее исследование подтверждает гипотезу о том, что уровень доверия к медиа у молодежи не оказывает прямого формирующего влияния на их политические позиции, что свидетельствует о более сложных и опосредованных механизмах воздействия [4, с. 94].

А.В. Гараганов исследует проблему доверия в контексте цифровых платформ и искусственного интеллекта, отмечая, что недоверие формируется из-за непрозрачности технологий, манипуляций блогеров и недостаточного контроля за деятельностью цифровых гигантов [3, с. 37]. П.В. Разов и А.В. Гараганов указывают на фундаментальное противоречие: с одной стороны, СМИ по-

пуляризуют электронные сервисы, с другой – продвигают идею недоверия к ним, что создает когнитивный диссонанс у аудитории [9, с. 98].

Эмпирические данные, представленные в исследовании М.В. Мановой, показывают, что абсолютное большинство респондентов не доверяют СМИ полностью, придерживаясь позиции «частично, чему-то да, чему-то нет» [7, с. 230]. При этом, как отмечает А.Н. Чистова на примере деловых СМИ, информация в медиа оказывает прямое влияние на экономическое поведение даже читателей-неспециалистов, что повышает цену ошибки и подрывает доверия [10, с. 239]. О.Ю. Зотова и В.Ю. Горенбург вносят важный нюанс, указывая на отсутствие прямой связи между уровнем доверия к СМИ как институту и субъективным благополучием личности, предполагая, что межличностное доверие является более значимым фактором [6, с. 159]. Таким образом, научная литература предоставляет обширную базу для понимания масштабов и причин кризиса.

Результаты

Анализ научной литературы позволил систематизировать ключевые факторы, ведущие к кризису доверия, и наметить контуры возможных решений. Можно выделить четыре группы причин, формирующих текущую ситуацию. Технологические причины связаны с особенностями цифровых платформ: алгоритмические ленты новостей создают «пузыри фильтров», а высокая скорость распространения информации способствует виральности фейков [1, с. 20]. Экономические причины заключаются в тотальной коммерциализации медиа, погоне за трафиком и «кликабельными» заголовками в ущерб качеству и достоверности. Социально-политические факторы проявляются в поляризации общества и использовании СМИ как инструмента политической борьбы, что подрывает их репутацию как беспристрастного источника информации. Наконец, профессионально-этические причины включают низкий уровень медиаграмотности как журналистов, так и аудитории, а также незрелость систем саморегулирования в журналистском сообществе [8, с. 263].

Для преодоления кризиса необходим переход от устаревших моделей к новым, более гибким и ответственным. В таблице 1 представлено сравнение традиционной, текущей цифровой и предлагаемой гибридной моделей медиа.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей медиа

Параметр	Традиционная модель («Привратник»)	Текущая цифровая модель («Платформа»)	Предлагаемая гибридная модель («Социально-ответственное медиа»)
Ключевая функция	Информирование, контроль повестки	Распространение, агрегация контента	Модерация, верификация, образование, диалог
Механизм доверия	Репутация института, авторитет	Популярность, социальное доказательство	Прозрачность, подотчетность, вовлечение
Источник контента	Профессиональная редакция	Редакция + пользователи (UGC)	Редакция + экспертное сообщество + верифицированный UGC
Взаимодействие	Одностороннее (от СМИ к аудитории)	Интерактивное, но часто поверхностное	Глубокое, диалогическое, совместное создание
Главный риск	Цензура, ограниченность мнений	Дезинформация, поляризация, манипуляция	Сложность модерации, экономическая неустойчивость

Как видно из табл. 1, предлагаемая гибридная модель пытается синтезировать лучшие черты предшественников: профессионализм и редакционные стандарты от традиционной модели и интерактивность и доступ-

ность от цифровой. Ключевым нововведением является акцент на прозрачности редакционных процессов и активном вовлечении сообщества не только в обсуждение, но и в верификацию информации. Это соответствует

выводам о необходимости демонстрировать аудитории процесс создания новостей, чтобы повысить доверие к конечному продукту [9, с. 103].

Таким образом, результат исследования заключается в формулировании трехкомпонентной стратегии преодоления кризиса: 1) для СМИ – переход к гибридной модели с фокусом на прозрачность и этику; 2) для аудитории – развитие критического мышления и медиаграмотности; 3) для платформ – внедрение механизмов алгоритмической ответственности и поддержка качественного контента.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что кризис доверия к СМИ является системной проблемой, не имеющей простого и единого решения. Предложенная гибридная модель «социально-ответственного медиа» представляет собой скорее идеальный тип, к которому следует стремиться, нежели готовую инструкцию к применению. Ее практическая реализация сопряжена со значительными трудностями. Главный вызов – экономическая устойчивость. Качественная журналистика, фактчекинг и сложная модерация требуют значительных ресурсов, в то время как доминирующая на рынке рекламная модель поощряет производство дешевого и вирального контента.

Другой важный аспект, вытекающий из анализа литературы, – это гетерогенность аудитории и ее доверия. Как показывает работа Е.Д. Дацюк, молодежь формирует свое отношение к медиа иначе, чем старшее поколение, и прямого влияния на их политические взгляды уровень доверия не оказывает [4, с. 94]. Это усложняет задачу для медиа, которые больше не могут апеллировать к универсальному «среднему» потребителю. Исследование О.Ю. Зотовой и В.Ю. Горенбург идет еще дальше, ставя под сомнение прямую связь между институциональным доверием (к СМИ) и личным благополучием [6, с. 159]. Это может означать, что усилия по восстановлению доверия должны быть направлены не столько на прямое повышение «уровня счастья» аудитории, сколько на создание безопасной и предсказуемой информационной среды, что является более фундаментальной потребностью.

Нельзя недооценивать и роль самой аудитории. Повышение медиаграмотности – это долгосрочный процесс, требующий системных усилий в сфере образования [5, с. 191]. Без запроса со стороны общества на качественную и достоверную информацию любые усилия со стороны СМИ рискуют оказаться невостребованными. Таким образом, речь идет о формировании новой информационной культуры, основанной на взаимной ответственности всех участников процесса: создателей, распространителей и потребителей контента.

Заключение

Кризис доверия к средствам массовой информации в цифровую эпоху является закономерным следствием тектонических сдвигов в технологической, экономической и социальной сферах. Он обусловлен комплексом причин, от распространения фейковых новостей и манипулятивных алгоритмов до коммерциализации медиа и эрозии профессиональной этики. Простого возврата к старым моделям, основанным на авторитете, уже невозможно.

Проведенный анализ показал, что для преодоления кризиса требуется комплексный, многоуровневый подход. В его основе лежит переход к новой, гибридной модели медиа, которая сочетает в себе профессиональные

стандарты традиционной журналистики с интерактивностью и открытостью цифровых платформ. Ключевыми принципами такой модели должны стать радикальная прозрачность редакционных процессов, активное вовлечение аудитории в создание и верификацию контента, а также безусловный приоритет достоверности над скоростью и виральностью.

Параллельно необходимо развивать институты медиаобразования для формирования у граждан навыков критического мышления и навигации в сложном информационном пространстве. Восстановление доверия – это не локальная задача отдельных редакций, а фундаментальный вызов для всего общества. Этот процесс требует совместных усилий журналистов, владельцев медиа, технологических компаний, образовательных учреждений и самих граждан, направленных на построение более здоровой, ответственной и устойчивой информационной экосистемы.

Литература

1. Аtdжанова, А. проблема фейковых новостей в эпоху цифровых технологий / А. Аtdжанова, Х. Розыева, Г. Кичиева // Символ науки: международный научный журнал. – 2025. – № 2–1. – С. 20–21.
2. Бессонова, М.О. Социологический анализ особенностей доверия к СМИ в современном обществе / М.О. Бессонова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1(846). – С. 115–122.
3. Гараганов, А.В. Доверие к цифровым СМИ: вызовы и перспективы / А.В. Гараганов // Региональные аспекты управления, экономики и права Северо-западного федерального округа России. – 2023. – № 3(59). – С. 37–42.
4. Дацюк, Е.Д. Взаимосвязь уровня доверия к интернет-СМИ с социально-политическими позициями молодежи / Е.Д. Дацюк // Социально-психологические аспекты профилактики и разрешения конфликтов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2023. – С. 94–98.
5. Жижина, В.А. Феномен снижения уровня доверия к СМИ: зарубежный опыт / В.А. Жижина // Журналистика XXI века: взгляд молодых ученых. Год педагога и наставника: Материалы I научной конференции, Москва, 06 декабря 2023 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024. – С. 189–192.
6. Зотова, О.Ю. Взаимосвязь уровня доверия к СМИ и субъективного благополучия личности / О.Ю. Зотова, В.Ю. Горенбург // Психология в содружестве современных наук: методологические, теоретические и прикладные ресурсы сотрудничества психологии с другими науками: Материалы XIII Международного симпозиума. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2022. – С. 159–165.
7. Манова, М.В. Оценка доверия населения к СМИ и ее источникам / М.В. Манова // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: Сборник материалов VII Международной научной конференции. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2023. – С. 229–233.
8. Пахомов, Р. А. СМИ и проблема доверия общества / Р.А. Пахомов, Д.С. Бойко, А.С. Потехин // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). – 2022. – № 2. – С. 262–266.
9. Разов, П.В. Влияние СМИ на формирование доверия к цифровым платформам / П.В. Разов, А.В. Га-

раганов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2023. – № 1(96). – С. 98–106.

10. Чистова, А.Н. Деловые СМИ: зависит ли от них уровень доверия читателей-неспециалистов к финансовым институтам? / А.Н. Чистова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1, № 4(36). – С. 239–246.

THE CRISIS OF TRUST IN MEDIA IN THE DIGITAL AGE: OVERCOMING STRATEGIES AND NEW MEDIA MODELS

Ishpaeva V.A., Dyadchenko M.V.

People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article provides a comprehensive analysis of the phenomenon of the crisis of trust in mass media in the context of widespread digitalization. The study aims to systematize the causes of the erosion of public trust in the media, evaluate the effectiveness of existing counter-strategies, and develop conceptual media models capable of functioning in the new information paradigm. The methodological basis of the research includes a systematic analysis and synthesis of Russian scientific publications on this topic, a comparative analysis of traditional and digital media practices, and elements of modeling. The study identifies and classifies key factors undermining trust, including the spread of disinformation and fake news, content commercialization, manipulative influence of social media algorithms, and a decline in professional and ethical standards in journalism. The results show that the audience, especially young people, demonstrates growing skepticism towards traditional channels, preferring internet sources, yet the level of trust in them also remains fragmented. It is established that overcoming the crisis requires a multi-level approach that combines enhancing media literacy among the population, introducing new standards of transparency and accountability for media organizations, and developing ethical regulatory mechanisms for technology platforms. A hybrid model of "socially responsible media" is proposed as a solution, integrating the principles of classical journalism with the capabilities of digital platforms for audience engagement and content verification. The conclusion is drawn that restoring trust is a shared task for the media, society, and the state, requiring not only technological but also profound social transformations.

Keywords: crisis of trust, mass media, digital era, fake news, media literacy.

References

1. Atdzhanova A., Rozyeva H., Kichieva G. The problem of fake news in the era of digital technologies // *Symbol of Science: International Scientific Journal*. 2025. No. 2–1. pp. 20–21.
2. Bessonova M.O. Sociological analysis of the features of trust in the media in modern society // *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022. No. 1(846). pp. 115–122.
3. Chistova A.N. Business media: does the level of trust in financial institutions of non-specialist readers depend on them? // *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*. 2021. T. 1. No. 4(36). pp. 239–246.
4. Datsyuk E.D. The relationship of the level of trust in online media with the socio-political positions of young people // *Socio-psychological aspects of conflict prevention and resolution: Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. 2023, pp. 94–98.
5. Garaganov A.V. Trust in digital media: challenges and prospects // *Regional aspects of management, economics and law of the North-Western Federal District of Russia*. 2023. No. 3(59). pp. 37–42.
6. Manova M.V. Assessment of the population's trust in the media and its sources // *Text: philological, sociocultural, regional and methodological aspects: Collection of materials of the VII International Scientific Conference*. 2023, pp. 229–233.
7. Pakhomov R. A., Boyko D.S., Potekhin A.S. The media and the problem of public trust // *Science. Technique. Technologies (Polytechnic Bulletin)*. 2022. No. 2. pp. 262–266.
8. Razov P. V., Garaganov A.V. The influence of the media on the formation of trust in digital platforms // *POISK: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*. 2023. No. 1(96). pp. 98–106.
9. Zhizhina V.A. The phenomenon of decreasing levels of trust in the media: foreign experience // *Journalism of the 21st century: a view of young scientists. The Year of the Teacher and Mentor: Materials of the I Scientific Conference*. 2024, pp. 189–192.
10. Zotova O. Y., Gorenburg V.Y. The relationship between the level of trust in the media and subjective well-being of the individual // *Psychology in the commonwealth of modern sciences: methodological, theoretical and applied resources of cooperation of psychology with other sciences: Materials of the XIII International Symposium*. 2022, pp. 159–165.

Спортивная дипломатия Марокко как инструмент «мягкой силы» в контексте подготовки к чемпионату мира по футболу 2030 года

Климентьев Игорь Михайлович,
независимый исследователь
E-mail: igor.klimentyev@bk.ru

В статье рассматривается спортивная дипломатия Королевства Марокко как инструмент «мягкой силы» во внешней политике, особенно в контексте подготовки страны к совместному проведению Чемпионата мира по футболу 2030 года. Актуальность исследования обусловлена возросшей ролью спорта в международных отношениях и стремлением средних держав, таких как Марокко, укрепить свой глобальный имидж и влияние посредством спортивных достижений и инициатив. В работе проанализированы основные направления марокканской спортивной дипломатии: организация крупных спортивных мероприятий, продвижение национальных спортивных успехов (например, выход сборной Марокко в полуфинал чемпионата мира 2022 года), участие представителей Марокко в руководящих органах международных спортивных федераций, а также двустороннее спортивное сотрудничество с африканскими странами. Показано, что благодаря этим усилиям Марокко формирует положительный образ динамично развивающейся и надёжной страны, укрепляет отношения с зарубежными партнёрами и продвигает свои внешнеполитические интересы. Отдельное внимание уделяется стратегии подготовки к ЧМ-2030 под руководством короля Мухаммеда VI, включающей модернизацию спортивной инфраструктуры и использование чемпионата как платформы для социально-экономического развития и укрепления регионального лидерства Марокко.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, мягкая сила, Марокко, Чемпионат мира 2030, футбол, международные отношения, Африка, публичная дипломатия.

Введение

Концепция «мягкой силы» (soft power), введённая Дж. Наем, подразумевает способность государства добиваться желаемых результатов за счёт привлекательности культуры, ценностей и политики, а не с помощью принуждения. Спортивная дипломатия, являясь разновидностью публичной дипломатии, представляет собой использование спорта для продвижения стратегических интересов государства и рассматривается как эффективный инструмент «мягкой силы». Как отмечают исследователи, малые и средние державы всё чаще прибегают к спортивной дипломатии, стремясь увеличить своё влияние на международной арене через позитивное восприятие и привлечение союзников [2, с. 364] [3, с. 33]. В Африке спорт приобретает особое значение как символ национального успеха и единства, способствуя укреплению международного имиджа стран континента.

Марокко – яркий пример государства, активно действующего спорт в качестве инструмента «мягкой силы». За последние годы Королевство превратилось в одного из спортивных лидеров Африки и арабского мира, используя достижения в спорте для укрепления своего авторитета и налаживания связей с другими странами. Успехи марокканской сборной на чемпионате мира 2022 года в Катаре вызвали беспрецедентный рост популярности Марокко во всём мире, впервые позволив африканской и арабской команде выйти в полуфинал мирового первенства. Этот «спортивный прорыв» значительно укрепил имидж страны, многие наблюдатели назвали его крупной символической победой Марокко в соперничестве с соседним Алжиром и фактором роста «мягкой силы» королевства. Одновременно Марокко уже не первый год целенаправленно выстраивает стратегию спортивной дипломатии – от подачи заявок на крупнейшие турниры до продвижения своих представителей в международные спортивные институты – с целью повысить своё международное влияние. В контексте подготовки к чемпионату мира 2030 года актуально проанализировать, каким образом спортивная дипломатия используется Марокко для реализации внешнеполитических целей и что это даёт стране в плане укрепления позиций на мировой арене.

Цель данного исследования – выявить основные направления и результаты спортивной дипломатии Марокко как инструмента «мягкой силы» в преддверии чемпионата мира 2030 года. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи: 1) охарактеризовать роль спорта во внешней политике Марокко и место спортивной дипломатии в общей стратегии «мягкой силы» страны; 2) проанализировать ключевые инициативы Марокко в области спортивной дипломатии (организация международных соревнований, участие в работе спортивных организаций, двусторонние проекты); 3) оценить влияние спортивных успехов Марокко на её международный имидж и дипломатические позиции; 4) рассмотреть особенности подготовки к ЧМ-2030 как кульминации спортивно-дипломатической активности Марокко.

Материалы и методы

Методологической основой исследования стали современные подходы к анализу публичной дипломатии и «мягкой силы» в международных отношениях. В работе использованы сравнительно-политологический метод – для сопоставления опыта Марокко и других государств, применяющих спортивную дипломатию, а также системный подход – для рассмотрения спортивной политики Марокко во взаимосвязи с её внешнеполитическими целями и внутренним развитием. Эмпирическую базу исследования составили официальные документы и заявления (например, выступления руководства Марокко, решения международных спортивных организаций), статистические данные, а также материалы зарубежной и марокканской прессы, освещающие спортивные инициативы страны. Проведен анализ новостных и аналитических публикаций за 2017–2025 гг., отражающих эволюцию стратегии Марокко в области спортивной дипломатии.

Следует отметить, что научная литература уделяет возрастающее внимание феномену спортивной дипломатии. Так, в работах отечественных исследователей подчеркивается эффективность этого инструмента для повышения международного престижа государства [2, с. 366]. Спортивная дипломатия рассматривается ими как часть более широкой стратегии *public diplomacy* – наряду с культурными, образовательными и гуманитарными обменов – и как способ формирования привлекательного образа страны за рубежом [3, с. 35]. В данном исследовании сделана попытка применить эти теоретические положения к конкретному кейсу Марокко, которое в 2020-е годы добилось заметных результатов и на спортивных аренах, и на дипломатическом фронте спорта.

Результаты и обсуждение

Спорт как приоритет «мягкой силы» Марокко

Королевство Марокко последовательно интегрирует спорт в число приоритетных направлений своего развития и внешней политики. В национальных стратегиях подчеркивается роль спорта как средства укрепления международного имиджа и взаимодействия с зарубежными странами. В частности, футбол провозглашён одним из ключевых элементов экономического роста и «мягкой силы» страны в рамках подготовки к чемпионату мира 2030 года. Начиная с 2010-х годов, под патронажем короля Мухаммеда VI реализуются обширные программы развития спортивной инфраструктуры и подготовки спортсменов. Знаковым проектом стала Академия футбола имени Мохаммеда VI под Рабатом – современный тренировочный центр, на создание которого было выделено \$17 млн (в конце 2000-х), а через десять лет модернизировано до стоимости \$65 млн. Эта академия, находящаяся под личным попечительством короля, стала кузницей талантов: как минимум три игрока основного состава сборной – полуфиналиста ЧМ-2022 – являются её выпускниками. Активная поддержка спорта на высшем уровне демонстрирует приверженность марокканского руководства идее использования спорта для национального развития и внешнеполитического позиционирования.

Организация крупных соревнований как дипломатический ресурс

Одним из центральных направлений спортивной дипломатии Марокко является проведение на своей территории международных соревнований высокого уровня. Начиная с 2010-х годов Марокко неоднократно претендовало на право проведения чемпионатов мира по футболу,

а в 2023 году наконец добилось успеха: заявка Марокко совместно с Испанией и Португалией была единогласно поддержана ФИФА для проведения ЧМ-2030. Ещё до этого королевству доверили проведение ряда крупных турниров: так, Марокко примет у себя чемпионат мира по футболу 2024 года, мужской и женский Кубки африканских наций (КАН) в 2025 году, а также молодёжный чемпионат мира (до 17 лет). По словам главы Федерации футбола Марокко Фузи Лекджаа, страна в период с 2025 по 2030 год станет центром внимания мирового футбола, принимая ключевые африканские и глобальные соревнования [7, с. 2] [6, с. 1]. Марокко рассматривает проведение таких турниров как стратегическую возможность продемонстрировать свою стабильность, модернизацию инфраструктуры и организационный потенциал. В октябре 2023 г. правительство Марокко утвердило программу модернизации шести крупнейших стадионов (в Танжере, Касабланке, Рабате, Агадире, Марракеше и Фесе) и строительства новой арены близ Касабланки для обеспечения требований Кубка Африки 2025 и ЧМ-2030 на общую сумму около \$2 млрд. Эта масштабная инвестиция в спортивную инфраструктуру не только улучшит условия для проведения матчей мирового уровня, но и выступает частью экономической стратегии, стимулируя занятость, туризм и строительство. Как отметил марокканский эксперт Яссин Эшахди, организация крупных соревнований – женского и мужского КАН-2025, чемпионата мира 2030 и других – отражает чёткую амбицию Марокко сделать спорт «стратегическим рычагом мягкой силы и глобального развития». По его словам, королевство извлекает выгоду из проведения турниров, чтобы поддержать внутренний прогресс и одновременно укрепить своё спортивное и дипломатическое влияние, утвердившись как растущая спортивная держава в Африке и мире. Можно констатировать, что политика Марокко по привлечению международных соревнований уже приносит дивиденды в виде возросшего доверия со стороны международных спортивных институтов (ФИФА, КАФ и др.) и повышенного внимания мирового сообщества к стране.

Национальные успехи и их внешнеполитический эффект

Исторический успех сборной Марокко на чемпионате мира 2022 года в Катаре стал мощным катализатором «мягкой силы» страны. Невиданное достижение – выход в полуфинал – мгновенно сделало Марокко объектом восхищения и поддержки по всему арабскому миру и Африке. Миллионы болельщиков от Туниса до Южной Африки воспринимали победы марокканцев как общую победу региона, а игроки сборной намеренно подчёркивали солидарность с братскими народами, размахивая, к примеру, палестинскими флагами после матчей. Такое поведение усилило популярную дипломатическую роль Марокко, позволив Рабату укрепить свой имидж защитника общих арабских ценностей даже на фоне недавнего нормализации отношений с Израилем [5, с. 1–2] [8, 129–137]. Эксперты отмечают, что «необычайное выступление» марокканской команды укрепило образ страны, которая уже не первый год умело использует «мягкую силу» для закрепления себя на международной арене. Более того, успехи на футбольном поле принесли Марокко своего рода символическую победу над геополитическим соперником – Алжиром, традиционно претендующим на лидерство в регионе и позиционирующим себя главным защитником палестинцев. Одновременно спортивный триумф привлёк к Марокко внимание миллионов нейтральных наблюдателей по всему миру. Как показало исследование Нью-Йоркского университета ([12]), неожиданное достижение Марокко вызвало существенный всплеск глобального интереса к стране, далеко выходящий за рамки

футбола. Исследователи зафиксировали рост поисковых запросов и обсуждений, связанных с Марокко, в сферах туризма и культуры: например, даже после окончания чемпионата спрос на информацию о марокканской кухне (традиционные блюда как кускус и таджин) оставался повышенным. Таким образом, победная поступь «атласских львов» на ЧМ-2022 сработала как масштабная реклама страны, улучшив её узнаваемость и привлекательность для иностранной аудитории. Представляется, что Марокко сумело конвертировать этот волну симпатии в конкретные дипломатические дивиденды. В частности, после чемпионата мира Рабат активизировал диалог с рядом государств Африки и Ближнего Востока, а имидж страны как стабильной и успешной мусульманской державы усилился. Не случайно уже в 2023 году некоторые африканские партнёры (например, Гана) открыто поддерживали марокканскую позицию по чувствительным вопросам, таким как статус Западной Сахары [11, с. 1]. Хотя прямую связь между футбольной эйфорией и этими решениями установить сложно, общая тенденция свидетельствует о росте доверия к Марокко на международной арене.

Билатеральная «футбольная дипломатия» в Африке

Значимым направлением мягкой силы Марокко выступает укрепление связей с африканскими странами посредством спорта. Ещё до своего сенсационного выступления в Катаре, Марокко на протяжении 2010-х годов методично выстраивало роль «футбольного моста» с Африкой. Королевская марокканская федерация футбола (ФРМФ) заключила десятки соглашений о сотрудничестве с национальными федерациями других африканских государств – к концу 2022 г. их количество достигло 47. В рамках этих соглашений Марокко предоставляет партнёрам экспертную поддержку, приглашает тренеров на стажировки, делится методиками подготовки резервов. Более того, королевство часто предлагало свои современные стадионы для проведения матчей отборочных турниров чемпионатов мира и КАН тем странам, у которых нет инфраструктуры, отвечающей требованиям ФИФА. Подобная щедрость принесла Марокко симпатии во многих столицах континента и укрепила образ Рабата как одного из лидеров африканского футбольного сообщества. Следует учитывать, что возвращение Марокко в Африканский Союз в 2017 году ознаменовало новый этап африканской политики королевства. В этих условиях спорт стал дополнением к активной экономической, культурной и религиозной экспансии Марокко в Африке. Футбольная дипломатия сыграла и сугубо прагматичную роль: в 2020 году по инициативе марокканской стороны КАФ приняла резолюцию, запрещающую членство в конфедерации каким-либо образованиям, не признанным ООН – этот шаг был направлен на недопущение представительства самопровозглашённой Сахарской Арабской Республики (Западной Сахары) в африканском футболе. Таким образом, Марокко использовало футбольную площадку для закрепления своей дипломатической позиции по Западной Сахаре, заручившись поддержкой большинства африканских федераций. Можно констатировать, что благодаря продуманному сочетанию «мягкой силы» (обмены, обучение, совместные проекты) и элементам «жёсткой силы» (лоббирование своих интересов в международных организациях) Марокко удалось повысить своё влияние в африканском регионе. Сегодня марокканцы занимают ключевые посты в структурах африканского футбола: Фаузи Лекджаа является вице-президентом КАФ и членом Совета ФИФА, марокканские представители входят в комиссии КАФ и ФИФА. Всё это – результат долгосрочной стратегии, сочетающей спортивные достижения и дипломатическую активность.

Подготовка к ЧМ-2030: спорт и политика в одном поле

Получение Марокко права совместного проведения чемпионата мира 2030 года (вместе с Испанией и Португалией) стало кульминацией спортивно-дипломатических усилий королевства. Это решение ФИФА было воспринято в Марокко как историческое достижение, напрямую связанное с возросшим авторитетом страны в мировом футболе. Подготовка к мировому первенству объявлена стратегическим национальным проектом, куратором которого выступает лично король Мухаммед VI. Сразу после объявления о выборе стран-хозяев (октябрь 2023 г.) в Марокко создан Высший организационный комитет ЧМ-2030 во главе с Ф. Лекджаа, куда вошли представители правительства и регионов. Разработана комплексная программа модернизации инфраструктуры: помимо спортивных объектов, уделяется внимание расширению транспортной сети (строительство новых отелей, модернизация аэропортов, продление линии высокоскоростной железной дороги до Марракеша и Агадира). Король требует, чтобы подготовка велась с максимальной эффективностью и соответствовала лучшим мировым стандартам организации мегасобытий. Примечательно, что правительство Марокко рассматривает чемпионат мира не только как спортивное событие, но и как стимул для экономического роста и социального развития страны. Ожидается, что за счёт турнира будет ускорена реализация инфраструктурных проектов, привлечены иностранные инвестиции и усилен туристический сектор. Марокканские власти подчёркивают также символическое значение ЧМ-2030: совместная заявка с европейскими партнёрами воплощает идею сближения Африки и Европы через спорт, открывая новую главу сотрудничества между континентами [11, с. 1]. Таким образом, спорт используется как инструмент не только внешней, но и «большой» геополитики, укрепляя роль Марокко как моста между Севером и Югом.

Следует отметить, что наряду с преимуществами спортивная дипломатия ставит перед Марокко и серьёзные вызовы. Во-первых, успех на поле обязан быть подкреплён эффективной реализацией проектов – от строительства стадионов до организации безопасного и зрелищного турнира. Высокие ожидания мирового сообщества означают, что малейшие провалы могут негативно отразиться на репутации страны. Во-вторых, необходимо сохранение конкурентоспособности национальных команд и атлетов, чтобы спортивная составляющая «мягкой силы» оставалась убедительной. Марокканское руководство, по-видимому, осознаёт эти риски: недаром король лично контролирует процесс подготовки, обеспечивая межведомственную координацию и привлекая к проекту опытных управленцев. Кроме того, власти стремятся максимизировать долгосрочные выгоды от ЧМ-2030 – не только в виде разовых инвестиций, но и посредством укрепления национального бренда и развития массового спорта. Если Марокко удастся успешно провести мундиаль, это окончательно закрепит за ним статус одной из ведущих спортивных держав развивающегося мира и сильного игрока дипломатической сцены. В противном случае, эффект может быть ограниченным во времени. Тем не менее, уже сейчас очевидно, что курс на спортивную дипломатию дал Марокко ощутимые результаты, и королевство сумело занять уникальную нишу, искусно сочетая спортивные успехи с внешнеполитическими инициативами.

Заключение

Марокко продемонстрировало, как целенаправленное использование спорта в качестве инструмента «мягкой

силы» позволяет среднему государству повысить свой международный авторитет и продвинуть национальные интересы. Проведённое исследование показало, что спортивная дипломатия Марокко развивается по нескольким взаимодополняющим направлениям. Во-первых, организация престижных турниров на марокканской земле принесла стране имиджевые и практические выгоды: модернизируется инфраструктура, растёт туристическая привлекательность, а Марокко завоёвывает репутацию надёжного хозяина крупных событий. Во-вторых, спортивные победы – особенно успех футбольной сборной на ЧМ-2022 – создали мощный приток симпатий и внимания к Марокко, усилив его позиции в негласном соревновании за лидерство в регионе. В-третьих, через двусторонние инициативы (совместные тренировки, помощь инфраструктурой, обмен опытом) Марокко укрепило связи со многими африканскими соседями, превратившись в своего рода «футбольный центр» континента. Всё это дополняется активным присутствием марокканцев в международных спортивных организациях, что обеспечивает стране дополнительный голос в принятии решений и продвижении выгодной повестки.

Подготовка к чемпионату мира 2030 года стала для Марокко своего рода экзаменом и одновременно витриной достижений спортивной дипломатии. Вовлечённость высшего руководства во главе с королём гарантирует, что этот проект рассматривается как стратегический – на стыке внешней и внутренней политики. Чемпионат мира призван закрепить многолетние усилия Марокко по укреплению своего статуса через спорт, а также оставить долговременное наследие в виде модернизированной инфраструктуры и улучшенного международного имиджа. Марокко позиционирует себя как мост между Африкой и Европой, и спортивная площадка стала одной из наиболее успешных арен для реализации этой роли.

В целом, опыт Марокко свидетельствует о высоком потенциале спортивной дипломатии для государств, стремящихся усилить своё влияние ненасильственными способами. Умелое сочетание спортивных, культурных и дипломатических инициатив позволяет создавать позитивную повестку вокруг страны и привлекать союзников на основе общей радости и достижений. Вместе с тем, спортивная дипломатия эффективна, когда подкреплена ресурсами, волей руководства и общей привлекательностью страны. В случае Марокко все эти элементы присутствуют: богатые спортивные традиции, щедрые инвестиции, продуманная стратегия и харизматичное лидерство. Благодаря этому Марокко сумело превратить спорт в действенный инструмент внешней политики, что особенно ярко проявляется сейчас – в ходе подготовки к чемпионату мира 2030 года, который станет для королевства кульминацией его спортивно-дипломатической миссии. Можно прогнозировать, что успешное проведение этого турнира укрепит позиции Марокко в африканском и арабском мире, повысит доверие глобального сообщества и послужит образцом того, как «мягкая сила» через спорт способна работать на благо международного престижа страны.

Литература

1. Gopaldas R., Alakija D. Africa's Strategies for Sports Diplomacy // Policy Center for the New South. 09.08.2024.
2. Корнеева В.А. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 1А. С. 363–374.

3. Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. 2017. № 4. С. 32–43.
4. Eljechtimi A. Morocco targets diplomatic goals after World Cup run // Reuters. 14.12.2022.
5. Марокко: превратить спортивный успех в политический // Islam.kz. 2022.
6. Спортивная дипломатия: сильное присутствие Марокко в органах КАФ и ФИФА // Walaw. 19.01.2025.
7. Лекья: Марокко станет ключевым центром мирового и африканского футбола // Walaw. 10.01.2025.
8. Марокко примет крупные континентальные соревнования в 2025 году // Walaw. 14.02.2025.
9. Король Мухаммед VI лично курирует подготовку к чемпионату мира по футболу 2030 года – историческому событию в Марокко // Walaw. 15.04.2025.
10. В Марокко модернизируют шесть стадионов к чемпионату мира по футболу 2030 года // ТАСС. 20.10.2023.
11. Марокко заменит Украину в заявке на проведение чемпионата мира по футболу 2030 года // Коммерсантъ. 15.03.2023.
12. Поездка Марокко на чемпионат мира по футболу вызвала интерес во всем мире // Walaw. 23.07.2024.
13. Спорт в Марокко: стратегический рычаг для мягкой силы и глобального развития // Walaw. 21.10.2023.
14. Крючков И. В., Садченко В.Н. Спортивная дипломатия как инструмент мягкой силы малой и средней державы: кейс Азербайджана // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2025. № 1. С. 54–62.
15. Васильев А. Прорыв года. Сборная Марокко – неслучайное чудо ЧМ-2022 // Ведомости. 31.12.2022.

SPORTS DIPLOMACY OF MOROCCO AS A “SOFT POWER” TOOL IN THE CONTEXT OF PREPARATIONS FOR THE 2030 FIFA WORLD CUP

Klimentev I.M.

The article examines Morocco's sports diplomacy as a tool of “soft power” in foreign policy, with particular focus on the country's preparations for co-hosting the 2030 FIFA World Cup. The relevance of this study stems from the growing role of sports in international relations and the desire of middle powers like Morocco to enhance their global image and influence through sporting achievements and initiatives. The paper analyzes the main directions of Moroccan sports diplomacy: hosting major sporting events, leveraging national sporting successes (for example, the Moroccan football team's 2022 World Cup semi-final run), Moroccan representation in the leadership of international sports federations, and bilateral sports cooperation with African countries. It is demonstrated that through these efforts Morocco has cultivated a positive image as a dynamically developing and reliable nation, strengthened relations with foreign partners, and advanced its foreign policy interests. Special attention is given to Morocco's strategy for the 2030 World Cup under King Mohammed VI's leadership, which includes modernization of sports infrastructure and using the tournament as a platform for socio-economic development and for bolstering Morocco's regional leadership.

Keywords: sports diplomacy, soft power, Morocco, World Cup 2030, football, international relations, Africa, public diplomacy.

References

1. Gopaldas R., Alakija D. Africa's Strategies for Sports Diplomacy // Policy Center for the New South. 09.08.2024.
2. Korneeva V.A. Sports diplomacy as a tool of “soft power” // Theories and problems of political research. 2019. Vol. 8, No. 1A. P. 363–374.
3. Naumov A.O. Sports diplomacy as a tool of “soft power” // World politics. 2017. No. 4. P. 32–43.

4. Eljechtimi A. Morocco targets diplomatic goals after World Cup run // Reuters. 14.12.2022.
5. Morocco: turning sporting success into political one // Islam.kz. 2022.
6. Sports diplomacy: Morocco's strong presence in CAF and FIFA bodies // Walaw. 19.01.2025.
7. Lekjaa: Morocco will become a key center of world and African football // Walaw. 10.01.2025.
8. Morocco to host major continental competitions in 2025 // Walaw. 14.02.2025.
9. King Mohammed VI personally oversees preparations for the 2030 World Cup, a historic event in Morocco // Walaw. 15.04.2025.
10. Morocco to modernize six stadiums for the 2030 World Cup // TASS. 20.10.2023.
11. Morocco to replace Ukraine in bid to host 2030 FIFA World Cup // Kommersant. 15.03.2023.
12. Morocco's trip to the FIFA World Cup has sparked interest around the world // Walaw. 23.07.2024.
13. Sports in Morocco: a strategic lever for soft power and global development // Walaw. 21.10.2023.
14. Kryuchkov I.V., Sadchenko V.N. Sports diplomacy as a soft power instrument for a small and medium power: the case of Azerbaijan // Vestnik of VSU. Series: History. Political Science. Sociology. 2025. No. 1. Pp. 54–62.
15. Vasiliev A. Breakthrough of the year. The Moroccan national team is a non-random miracle of the 2022 World Cup // Vedomosti. 31.12.2022.

Проблемы и особенности развития средств массовой информации на российском рынке

Младова Вероника Михайловна,

старший SMM-специалист отдела PR, ООО «Социальные проекты», Москва
E-mail: nika_1710@inbox.ru

Лаффак Адам Майерович,

ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: adamlaffakh@gmail.com

Процессы цифровизации, охватывающие все сферы современного общества, способствуют трансформации механизмов распространения информации, изменению форматов взаимодействия с аудиторией и роли медиа в общественной жизни. Целью статьи является выявление факторов, оказывающих влияние на развитие средств массовой информации (СМИ), и определение характера зависимости от них развития медиаиндустрии. Методологической основой исследования явились категориальный аппарат экономической теории, институциональной теории, статистического анализа, принципы формальной логики, регрессионный анализ, исторический анализ. Выявлены факторы влияния развития СМИ России в историческом аспекте и проведен анализ зависимостей между ними. Доказано, что уровень демократии в стране, валовой внутренний продукт на душу населения и численность членов правящей партии не оказывают существенного влияния на развитие СМИ, что подтверждают показатели корреляции и детерминации. Раскрыты факторы, оказывающие влияние на развитие СМИ. Полученные результаты могут быть использованы в качестве методической основы при построении иных зависимостей от СМИ.

Ключевые слова: история СМИ, факторы развития СМИ, факторная зависимость СМИ, регрессионный анализ, российские СМИ

Введение

Актуальные тенденции социально-экономического и технологического развития конца XX – начала XXI века оказывают значительное влияние на динамику развития медиаиндустрии в России. Процессы цифровизации, охватывающие все сферы современного общества, способствуют трансформации механизмов распространения информации, изменению форматов взаимодействия с аудиторией и роли медиа в общественной жизни. В условиях стремительных изменений экономических и технологических реалий происходит переосмысление традиционных принципов работы СМИ, а также возникают новые вызовы, связанные с адаптацией к цифровой среде, управлением контентом и обеспечением устойчивости.

Цифровые технологии, становясь неотъемлемой частью современного медиапространства, кардинально изменяют коммуникационные процессы, способы взаимодействия с аудиторией и бизнес-модели СМИ. Эти изменения стимулируют трансформацию не только внутренней структуры медиаорганизаций, но и их отношений с потребителями контента, рекламодателями и государством, создавая новые форматы и правила в информационной среде. Проблемы становления российских СМИ с исторической точки зрения затрагиваются во многих научных публикациях исследователей [1; 2; 3; 4; 6; 7]. Влияние государственного регулирования и влияния политической обстановки на развитие средств массовой информации исследуется в работах [8]. Особое внимание исследователи, например, Музафаров В.Р. [5], обращают на трансформацию современным СМИ в условиях цифровизации и влияния государства, отмечая нетривиальные тенденции. Несмотря на всю изученность российских СМИ, данная сторона жизни так и остается в процессе формирования под влиянием различных факторов, уже сейчас мы наблюдаем устойчивые тенденции, но в полной мере не можем предсказать будущие направления и векторы развития данной индустрии и выявить факторы влияния на нее.

СМИ кардинально влияют на все сферы жизни общества, непосредственно заполняя информационное пространство и формируя общественное мнение. Основным вопросом является установка трендов общественного мнения и общей ситуации в стране. Именно поэтому основополагающим процессом является выявление основных факторов влияния на развитие СМИ, составление факторной модели и модели регрессии, отражающей на небольшом отрезке данным основные прогнозные показатели рынка СМИ.

Актуальность факторов и особенностей развития средств массовой информации обусловлена, во-первых, их ключевой ролью в формировании общественного мнения и отражении социокультурных тенденций; во-вторых, необходимостью прогнозирования изменений в медийной среде под воздействием цифровых технологий и социальных трендов; в-третьих, значимостью трансформации взаимодействия между бизнесом и аудиторией в рамках медиаплатформ; в-четвертых, актуальностью изучения новых форм коммуникации между государством и гражданами, которые создают возмож-

ности для более открытого и динамичного взаимодействия в цифровом обществе.

Цель проводимого исследования – выявление факторов, оказывающих влияние на развитие средств массовой информации, и определение характера зависимости развития медиаиндустрии от этих факторов.

Для достижения поставленной цели необходимо осуществить решение следующих задач:

- установить исторические факторы, повлиявшие на развитие средств массовой информации;
- оценить степень воздействия выявленных факторов на текущие тенденции в медиаиндустрии;
- сформировать модель прогнозирования изменений в развитии рынка СМИ с помощью регрессионного анализа.

Информационная база исследования включает научные публикации и монографии, учебные пособия, статистические данные Росстата, а также результаты собственного анализа. Эти источники позволяют комплексно оценить влияние различных факторов на развитие средств массовой информации и выявить ключевые тенденции, определяющие динамику медийного рынка в условиях современной цифровой среды.

Методы

В ходе проведенного исследования применялись следующие методы: исторический анализ данных о становлении и эволюции средств массовой информации в России; факторный анализ для выявления ключевых факторов, влияющих на развитие СМИ; регрессионный анализ, позволяющий оценить степень зависимости между определенными факторами и динамикой медийного рынка; а также обобщение и систематизация полученных данных для наглядной оценки текущих тенденций и прогнозирования дальнейшего развития медиаиндустрии.

С целью иллюстрации полученных научных результатов применялась графическая форма представления информации – таблицы, схемы и рисунки.

Результаты

Выявлены основные факторы, оказывающие влияние на развитие российских СМИ.

История развития СМИ в России представляет собой процесс, в котором важную роль играют не только социально-экономические, политические и технологические изменения, но и особенности исторического контекста. Со времени прекращения существования СССР и перехода к рыночной экономике российские СМИ находились в процессе трансформации, что отражает изменяющуюся политическую, экономическую и социальную реальность страны.

С конца XX века, после прекращения существования СССР, в России происходили значительные изменения, предопределившие развитие рынка СМИ. Одним из таких факторов стали события 1991 года – путч ГКЧП и последующий распад Советского Союза, что привело к политической и экономической нестабильности. В это время начинался процесс либерализации СМИ: создание частных каналов, таких как НТВ и ТВ-6, а также запуск независимых газет и журналов, что стало важным шагом в сторону демократии и плюрализма в информационном пространстве.

Цифровизация, ставшая важной вехой в развитии глобального общества, оказала огромное влияние на российские СМИ, особенно начиная с середины 1990-х годов. В то время, как западные страны уже ак-

тивно внедряли цифровые технологии, Россия только начинала переходить в новую информационную эру. Появление интернета и его дальнейшее развитие сыграли ключевую роль в изменении медиа пейзажа, позволив новым изданиям и телеканалам появляться и расти, несмотря на экономическую нестабильность (табл. 1).

Таблица 1. Основные события, оказавшие влияние на развитие российских СМИ

Год	События в России	События в СМИ
1991	Путч ГКЧП, победа Б. Ельцина	Запрещены СМИ, поддержавшие путч, создание "Общей газеты"
1992	Либерализация цен, рыночные реформы, начало ваучерной приватизации	Создание радиостанции "MAXIMUM", реформа Всесоюзной ГТРК, выход "Итогов" Е. Киселёва
1993	Конституционный кризис, штурм Белого дома	Введение цензуры, начало вещания НТВ на пятом канале
1994	Резкое падение курса рубля, "чёрный вторник"	Создание НТВ, убийство журналиста Дмитрия Холодова, начало вещания ОРТ
1995	Убийство Владислава Листьева, начало вещания ОРТ	Запуск экономического журнала "Эксперт", появление интернет-издания "Газета.ру"
1996	Победа Б. Ельцина на выборах	Вещание канала СТС, запуск "Муз-ТВ", создание ЗАО "Медиа-Мост"
1997	Формирование нового правительства, падение курса рубля	Начало работы телеканала "Культура", создание ТВ-Центр
1999	Серия терактов и начало второй чеченской кампании	Начало работы интернет-издания "Газета.ру", создание избирательного блока "Единство"

Источник: составлено авторами на основе [5].

Примечательной особенностью российской медиасферы в этот период стало влияние политической ситуации на развитие СМИ (табл. 1). Временами политические кризисы, такие как конституционный кризис 1993 года и последующий штурм Белого дома, резко изменяли общественное восприятие медиа, и государство усиливало контроль над медиaprостранством. Это было связано с закрытием оппозиционных газет и ограничением свободы слова в определенные исторические моменты, что подчеркивает важность политических процессов для формирования медиарынка.

В начале 1990-х годов российские СМИ находились под контролем нескольких крупных олигархов (табл. 2), которые использовали их для продвижения собственных интересов, что значительно влияло на независимость журналистики и свободу слова. Например, Борис Березовский через свои медиа-холдинги Логоваз, АВВА и Сибнефть контролировал такие телеканалы, как ОРТ и ТВ-6, радиостанцию «Наше радио» и газеты «Коммерсантъ» и «Независимую газету». Владимир Гусинский через холдинг «Медиа-Мост» владел НТВ, НТВ+ и ТНТ, а также газетами «Сегодня», «Общая газета» и журналами «Итоги» и «7 дней». Владимир Потанин, через «ОНЭКСИМ-банк» и «Проф-Медиа», владел рядом значимых активов, включая радио «Европа+» и газеты «Из-

вестия» и «Комсомольская правда». Это концентрированное владение медиа создавалось в условиях экономических реформ и политической нестабильности, что

позволило владельцам использовать СМИ как инструменты политического влияния и экономической манипуляции (табл. 2).

Таблица 2. Состав владельцев основных российских СМИ

Владелец	Медиа-холдинг	ТВ / TV	Радио	Газеты	Журналы
Борис Березовский	Логоваз, АВВА, Сибнефть	ОРТ, ТВ-6	Наше радио	Коммерсантъ, Независимая газета	Огонёк, Власть, Деньги, Автопилот
Владимир Гусинский	Медиа-Мост	НТВ, НТВ+, TNT	Эхо Москвы	Сегодня, Общая газета, Новая газета	Итоги, 7 дней, Караван историй
Владимир Потанин	ОНЭКСИМ-банк, Проф-Медиа	–	Европа+	Известия, Комсомольская правда	Эксперт

Источник: составлено авторами на основе [5].

Контроль над основными СМИ в начале 90-х годов (табл. 2) был сосредоточен в руках нескольких бизнесменов, что отражает сильное влияние олигархии на медийное пространство. В таких условиях независимость и объективность журналистики были серьезно ограничены, медиа часто служили не только инструментом информации, но и элементом политической борьбы.

Выходит, что возможное влияние на развитие СМИ могут оказывать факторы не только экономические, но политические и социальные:

1. Особое значение в российском контексте имеет политическая ситуация, которая оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на медиаландшафт. Примеры из истории 1990-х годов, такие как политические кризисы, изменения в законодательстве и действия властей, указывают на значительную роль, которую политическая власть и правящая партия играют в формировании медиаландшафта;
2. Влияние политической власти на СМИ проявляется через цензуру, регулирование контента и создание политически ориентированных медиагрупп. Эти действия ограничивают свободу прессы и формируют информационное поле, соответствующее интересам власти, что, в свою очередь, влияет на восприятие и поведение граждан. Однако не стоит забывать, что на медиа также оказывает влияние и экономическая ситуация, которая часто определяет, какие СМИ могут процветать, а какие – закрываться. Уровень доходов населения напрямую связан с доступом к качественной информации, что сказывается на потребительских предпочтениях в отношении СМИ;
3. Экономическая ситуация в стране также влияет на развитие СМИ. Положение с доходами населения и экономическими трудностями непосредственно влияет на способность граждан платить за подписки, доступ к платным источникам информации и поддерживать различные виды медиа. Это ограничивает разнообразие точек зрения и снижает конкуренцию на медиарынке;
4. Кроме того, уровень демократии в стране тесно связан с развитием медиа. Чем более демократичным является государство, тем больше свободы предоставляется СМИ, что способствует разнообразию мнений и обеспечению права граждан на получение информации. В странах с более низким уровнем демократии государство обычно контролирует основные каналы информации, ограничивая доступ к независимым источникам.

Таким образом, факторы, такие как политическая власть, уровень доходов населения и степень демократичности, оказывают существенное влияние на развитие и функционирование средств массовой информации. Важно изучить, в какой степени именно власть (правящая партия) влияет на медиа, а также как уровень доходов населения и демократия могут влиять на свободное распространение информации. Это исследование позволит более глубоко понять механизм воздействия различных факторов на медиа пейзаж и роль СМИ в современном обществе.

Выявленные социально-экономические тенденции обуславливают модификацию отношений собственности в части объектов, субъектов, диверсификации прав собственности; появление новых форм и видов собственности, прежде всего, в сфере цифровых объектов и интеллектуальной собственности.

В рамках регулирования процесса развития СМИ в 1991 году был принят Федеральный закон «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Это стало важным шагом в создании правовой базы для свободы прессы и регулирования медиасферы в условиях постсоветского государства. Закон о СМИ установил принципы свободы слова, а также урегулировал вопросы регистрации, лицензирования и деятельности СМИ в России. Он обеспечил защиту прав журналистов, определил вопросы доступа к информации и борьбы с цензурой, и выделил обязанности владельцев медиаресурсов. Закон также ввел меры по защите прав граждан и общества от распространения недостоверной информации и манипуляций, что нашло свое отражение в регулировании тем, касающихся клеветы и пропаганды. В целом, принятый Закон о СМИ стал основой для дальнейших законодательных инициатив в сфере медиа и сыграл ключевую роль в переходе от государственной цензуры к более открытой и свободной медиасреде.

Таким образом, появление цифровой собственности, включая ее активы, несет фундаментальные изменения в структуру корпораций и в их бизнес-процессах. Цифровые активы корпорации – это не только финансовые ресурсы, но и нематериальные, такие как интеллектуальная собственность, которая становится важным корпоративным активом. В современных условиях интеллектуальная собственность является значимым элементом, определяющим конкурентоспособность корпорации и ее финансовое положение. Например, патенты, программное обеспечение, бренды и другие объекты интеллектуальной собственности имеют не только юридическую, но и финансовую ценность, что влияет на финансовые результаты компании.

При этом важно отметить значение регрессионного анализа для оценки этих зависимостей. С помощью таких методов можно на основе эмпирических данных выявить, насколько изменения в цифровых активах и интеллектуальной собственности влияют на финансовые показатели компании. Регрессионная зависимость поможет предсказать, как изменения в одном из этих факторов могут повлиять на прибыльность или стоимость корпорации, предоставляя ценную информацию для стратегического планирования и принятия решений.

Выявлена степень зависимости развития СМИ от каждого фактора за счет модели линейного регрессионного анализа.

Развитие средств массовой информации (СМИ) является многогранным и качественным процессом, включающим в себя не только количественные, но и качественные изменения в контенте, формах подачи и восприятии аудитории. Однако, для целей нашего исследования мы будем измерять развитие СМИ в России с 2006 года на основе количественных данных, таких как количество зарегистрированных СМИ в стране. Этот временной промежуток выбран, поскольку существует достаточно информации, позволяющей отслеживать динамику и изменения в количестве средств массовой информации с начала 2000-х годов. Таким образом, в анализе сосредоточимся на количественном измерении роста или сокращения числа СМИ, что станет основой для дальнейших выводов о развитии медиа-ландшафта России в рамках более широких социальных и политических изменений.

В рамках настоящего исследования используется классическая модель оценки регрессии, основанная на методе корреляционного анализа. Этот подход позволяет измерить степень взаимосвязи между переменными, что важно для анализа влияния различных факторов на развитие СМИ. Мы рассмотрим, как корреляционные зависимости между количеством СМИ и различными

социально-экономическими и политическими показателями могут помочь нам сделать выводы о характере и темпах изменений на медиарынке. Корреляционный анализ даст возможность выявить статистически значимые связи между факторами на медиарынке.

На основании исторического анализа развития СМИ в России возможно определить основные факторы, от которых может зависеть развитие СМИ:

- уровень демократии в стране, который измеряется посредством специального Индекса (Democracy Index) и отражает степень того, насколько в стране свободно и открыто проводятся выборы;
- показатель ВВП на душу населения, способный продемонстрировать насколько СМИ развиваются в зависимости от благосостояния общества;
- численности доминирующей партии (Единая Россия), с целью установления ее влияния на развитие СМИ.

Совокупный анализ зависимости развития отечественных СМИ позволит определить степень и направления влияния вышеперечисленных факторов на развитие СМИ.

В табл. 3 исследования была собрана статистика, включающая данные по количеству организаций, зарегистрированных в Росреестре, ВВП на душу населения, примерному количеству членов партии «Единая Россия», а также Индекс демократии. Эти данные позволяют анализировать взаимосвязь между экономическими и политическими факторами, а также их влияние на развитие различных секторов в стране. Количество организаций в Росреестре может служить индикатором предпринимательской активности, ВВП на душу населения отражает уровень жизни, а данные о политической активности (например, количество членов партии) и уровне демократии позволяют оценить политическое воздействие на экономику и общество. Эти статистические показатели будут использованы для дальнейшего анализа в контексте нашего исследования.

Таблица 3. Влияние Индекса демократии, ВВП на душу населения, количества членов доминирующей партии на количество СМИ в России

	Индекс демократии (1–10)	ВВП на душу в текущих ценах (тыс рублей)	Кол-во членов партии Единая Россия	Кол-во СМИ, зарегистрированных в России
2006	5,00	188 166,86	1 000 000,00	83 350,00
2007	5,00	232 817,39	1 600 000,00	67 175,00
2008	4,50	289 170,27	1 800 000,00	67 175,00
2009	4,50	271 787,12	851 321,00	51 000,00
2010	4,30	324 177,20	2 040 587,00	90 527,00
2011	3,90	391 486,23	2 073 772,00	90 527,00
2012	3,70	474 990,84	2 073 772,00	89 713,50
2013	3,60	507 530,18	2 073 772,00	88 900,00
2014	3,40	539 424,12	2 000 000,00	86 900,00
2015	3,30	565 361,83	2 000 000,00	83 000,00
2016	3,20	580 916,04	2 114 000,00	83 352,00
2017	3,20	621 870,53	2 252 000,00	83 350,00
2018	2,90	702 627,74	2 000 000,00	72 065,00
2019	3,10	741 097,43	2 000 000,00	65 850,00
2020	3,30	728 860,20	2 000 000,00	62 237,00
2021	3,20	922 263,98	2 000 000,00	60 353,00
2022	2,30	1 057 766,49	2 300 000,00	58 972,00

	Индекс демократии (1–10)	ВВП на душу в текущих ценах (тыс рублей)	Кол-во членов партии Единая Россия	Кол-во СМИ, зарегистрированных в России
2023	2,20	1 176 687,37	2 500 000,00	56 019,00
Корреляция СМИ и фактора	22,167%	-44,142%	16,885%	
Коэффициент детерминации	4,914%	19,485%	2,851%	
Вывод	<0,6	<0,6	<0,6	

Источник: составлено авторами по данным [9].

Анализ данных об Индексе демократии в России за период с 2006 по 2023 годы показывает значительное снижение показателя. В 2006 и 2007 годах Индекс демократии составлял 5,00, что указывает на относительно стабильное состояние демократических институтов. Однако с 2008 года наблюдается постепенное ухудшение: Индекс снижается до 4,50 в 2008 и 2009 годах, а затем продолжает падать, достигая значения 2,20 в 2023 году. Эти изменения демонстрируют снижение политических свобод и демократических практик в стране, что связано с рядом политических, социальных и экономических факторов. Особенно заметное падение произошло в 2012–2013 годах, что можно связать с политическими кризисами и усилением контроля над медиа и оппозицией. В целом, динамика Индекса свидетельствует о снижении уровня демократии в России за рассматриваемый период.

Анализ данных о количестве СМИ в России с 2006 по 2023 годы показывает, что за этот период наблюдается определенная нестабильность в численности медиа. В начале периода, в 2006 и 2007 годах, число СМИ составляло около 83 тысяч, что является высоким показателем для страны. Однако с 2008 года количество СМИ начало снижаться: в 2009 году оно уменьшилось до 51 тысячи, что связано с экономическими и политическими кризисами, а также с усиливающимся государственным контролем над СМИ.

После 2009 года наблюдается рост числа СМИ, что в какой-то степени может быть объяснено расширением цифровых и интернет-ресурсов. В 2010 и 2011 годах количество СМИ возвращается к показателю 90 тысяч, но затем снова снижается, достигнув уровня 56 тысяч в 2022 году.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие СМИ в России в последние два десятилетия было нестабильным, с переменными периодами роста и снижения, что связано как с экономическими изменениями, так и с политическими факторами, влияющими на свободу прессы и условия для существования независимых медиа.

Анализ данных о числе членов партии «Единая Россия» показывает тенденцию к постоянному увеличению числа ее членов с 2008 года. В 2008 году количество членов партии составляло около 1,8 миллиона, а в 2009 году этот показатель значительно возрос до 2,04 миллиона. В последующие годы количество членов партии оставалось относительно стабильным, колеблясь вокруг отметки 2 миллиона до 2016 года. Однако, начиная с 2017 года, наблюдается рост численности, особенно в 2021–2023 годах, когда количество членов партии увеличилось до 2,5 миллионов.

Эта тенденция может быть связана с усилением политического влияния партии «Единая Россия» в стране, расширением ее деятельности и участием в ключевых политических процессах. Постоянное увеличение чис-

ленности членов партии свидетельствует о ее политической и социальной активности, а также о попытках мобилизовать ресурсы для поддержания власти и воздействия на общественное мнение.

На основе таблицы видим коэффициент корреляции количества СМИ в зависимости от каждого фактора:

1. Зависимость количества СМИ и уровня демократии представляет 22,167% и коэффициент детерминации 4,914%, что говорит о том, что между ними существует очень слабая связь, но при этом коэффициент детерминации указывает нам на то, что линейное статистическое уравнение не имеет смысла, поскольку он имеет значение <0,6. Из этого следует, что связь развития количества СМИ и демократией практически нет и данная выборка не является репрезентативной.
2. Зависимость количества СМИ от ВВП на душу населения показывает корреляцию в -44,142%, что говорит нам о разнонаправленности факторов: чем больше доход, тем меньше СМИ, при этом детерминация показателей все еще не является статистически значимой 19,485%. Связь определена как слабая или ее практически нет.
3. Зависимость СМИ от количества членов партии показывает еще более ясную картину: корреляция 16,885% и детерминация 2,851%. Статистически не значимое уравнение, связь маленькая или практически отсутствует.

Относительно данных факторов мы можем сделать вывод, что ни уровень демократии, ни уровень ВВП, ни количество членов доминирующей партии в значительной степени не оказывают влияния на рынок медиа.

В свою очередь самым главным результатом будет являться отсутствие зависимости между демократией и развитием СМИ.

В условиях становления цифровой экономики и необходимости обеспечения технологического прорыва в экономике особую роль в обеспечении эффективной деятельности корпорации играет интеллектуальный, человеческий капитал и, соответственно, отношения, связанные с правами на интеллектуальную собственность в инновационной деятельности. Не исключением в данном случае выступают и организации, представляющие медиасферу.

Несмотря на слабые корреляции влияние таких факторов как ВВП все же может сыграть некоторую роль в развитии СМИ. Важно отметить, что данное исследование требует дальнейшего анализа для выявления более глубоких взаимосвязей и факторов, которые могут оказывать влияние на медиаландшафт в России.

Таким образом, хоть увеличение ВВП может частично коррелировать с уменьшением числа СМИ (рис. 1), связь между этими переменными слишком слаба, чтобы делать какие-либо однозначные выводы о значимости такого воздействия.

Хоть данные и подтверждают наличие некоторых взаимосвязей, однако все они являются слабыми и ста-

стистически незначимыми. Это означает, что на развитие СМИ в России влияют гораздо более сложные и многогранные факторы, чем просто экономические показатели или политическая ситуация, и дальнейшие исследования потребуют более глубокого анализа других факторов, таких как медиа-экосистема, культурные аспекты и регулирующие механизмы.

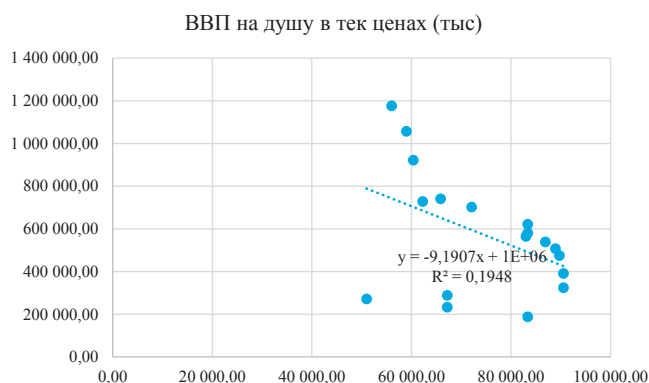

Рис. 1. Корреляционное поле количества СМИ от ВВП с линией тренда

Источник: составлено авторами на основе [6].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

История развития российских СМИ была сильно обусловлена социально-политическими и экономическими изменениями. Политическая нестабильность, такие как попытка переворота 1991 года и распад Советского Союза, привели как к либерализации СМИ, так и к усилению государственного контроля. Влияние политических кризисов, таких как конституционный кризис 1993 года, привело к изменениям в свободе СМИ, когда государство ввело цензуру и использовало медиа для продвижения своих интересов. Эти политические события, а также изменения в законодательстве, сыграли ключевую роль в формировании медийной среды в постсоветской России.

Экономическая ситуация, особенно рост числа и влияния олигархов в начале 1990-х, оказала значительное влияние на независимость СМИ, таких как ОРТ, НТВ и других. Они находились под контролем крупных бизнесменов, которые использовали их для продвижения своих личных и политических интересов. Эта концентрация медиа в руках немногих ограничила разнообразие мнений, ослабив независимость и объективность журналистики.

Появление цифровых технологий в середине 1990-х годов, несмотря на отставание от западных стран, открыло новые возможности для расширения СМИ. Интернет позволил развивать новые медиа, несмотря на сложную экономическую ситуацию, что стало значительным поворотным моментом в медийной среде. Этот переход к цифровым технологиям также поддержан развитием интеллектуальной собственности и цифровых активов, которые становятся важнейшими корпоративными активами.

Принятый в 1991 году Закон о СМИ сыграл важную роль в постсоветской медийной среде. Он заложил основы для более открытой и свободной прессы, обеспечив защиту прав журналистов и регулирование медиасобственности. Однако закон также вводил меры для контроля за дезинформацией и пропагандой, балансируя свободу СМИ с государственными интересами.

Состояние экономики, в том числе уровень доходов населения, напрямую оказывает на устойчивость и разнообразие медийных каналов. Экономические трудности ограничивают возможность граждан оплачивать подписки или доступ к платным СМИ, что снижает конкуренцию и разнообразие мнений в медиа. Также экономический контекст влияет на то, какие СМИ преуспевают, а какие выживают.

Растущее значение интеллектуальной собственности и цифровых активов в медиасекторе преобразует структуру корпораций. Интеллектуальная собственность в настоящее время является важнейшим элементом, определяющим конкурентные преимущества и финансовое состояние медийных организаций. Применение регрессионного анализа может помочь оценить, как изменения в цифровых и интеллектуальных активах влияют на финансовые показатели медийных корпораций.

Отсутствие значимой зависимости между развитием СМИ и политическими/экономическими факторами:

- корреляция между количеством СМИ и Индексом демократии составляет всего 22,167%, что указывает на слабую зависимость. Коэффициент детерминации (4,914%) подтверждает, что изменения в уровне демократии практически не влияют на развитие СМИ, особенно с учетом значения $<0,6$. Это говорит о том, что политическая свобода или уровень демократии не являются решающими факторами в изменении числа СМИ в России;
- анализ зависимости от ВВП показал отрицательную корреляцию ($-44,142\%$), что предполагает, что с ростом доходов на душу населения количество СМИ может снижаться. Однако коэффициент детерминации (19,485%) подтверждает, что эта связь тоже слабая и статистически незначимая. Это указывает на то, что экономические показатели, такие как уровень благосостояния, не оказывают серьезного воздействия на медиаландшафт;
- корреляция 16,885% и детерминация 2,851% свидетельствуют о том, что количество членов правящей партии не влияет на развитие СМИ в значительной степени. Связь между этими переменными практически отсутствует, что подтверждает отсутствие серьезного политического контроля над количеством СМИ на основании численности партии.

На протяжении исследования (2006–2023 гг.) количество СМИ в России варьировалось, что может быть связано с экономическими и политическими изменениями. В 2008 году количество СМИ снизилось до 51 тыс., что совпало с экономическим кризисом и усиливающимся государственным контролем и надзором. Однако, начиная с 2010 года, наблюдается восстановление числа СМИ, что может быть объяснено развитием цифровых и интернет-ресурсов. Тем не менее, в 2022 году число СМИ снова сократилось, что указывает на продолжение экономической нестабильности и возможное усиление государственного вмешательства.

Несмотря на то, что ВВП и политическая ситуация не оказывают значимого воздействия на развитие СМИ, в будущем исследование должно быть направлено на изучение более глубоких факторов. Это могут быть такие элементы, как культурные аспекты, регуляторные механизмы, изменения в медиазкосистеме и влияние новых технологий.

Полученные результаты подчеркивают, что на развитие СМИ в России влияют более сложные и многогранные факторы, чем только экономические или политические. Требуется провести более глубокий анализ других переменных, таких как культурные, технологические

и социокультурные факторы, которые могут значительно влиять на медиаландшафт.

Несмотря на наличие некоторых взаимосвязей, все они являются слабыми и статистически незначимыми, что подтверждает гипотезу о том, что развитие российских СМИ в последние два десятилетия было обусловлено более сложными и комплексными факторами, чем просто экономическая или политическая ситуация.

Литература

1. Алексеев К.А. Новейшая история российской журналистики (1990–2010 гг.): учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 496 с.
2. Анникова В.А. Средства массовой информации в современной России // Вестник российского университета дружбы народов. 2008. № 4. С. 122–129.
3. Бугаец А. А. СМИ в контексте взаимоотношений власти и оппозиции: катализатор бунта или организатор диалога? // Вестник КузГТУ. 2013. № 6. С. 166–169.
4. Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 204–214.
5. Музафаров В.Р. Общественно-политические условия функционирования и развития российских СМИ 2012–2023 гг. // Медиа как фактор адаптации человека к социальным, экономическим и политическим изменениям: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г.). Екатеринбург: Уральский Федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2023. С. 54–59.
6. Попова М.М. История СМИ в России: от советского к современному этапу // Молодёжь и наука: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского (г. Красноярск, 19–27 апреля 2012 г.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012.
7. Рудковская Е.Э., Метелица А.А. СМИ и построение консолидированной демократии // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов (г. Витебск, 11 марта 2021 г.) – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. С. 178–180.
8. Черных А.И. Власть демократии – власть медиа? Препринт WP14/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 68 с.
9. Democracy Index Dataset from the Intelligence Unit of the Economist Group // Our World in Data [Electronic resource]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/democracy-index-eiu/> (date of access: 08.03.2025)

PROBLEMS AND FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF MASS MEDIA ON RUSSIAN MARKET

Mladova V.M., Laffakh A.M.

Social Projects LLC, Financial University

Digitalization processes, encompassing all spheres of modern society, contribute to transforming the mechanisms of information dissemination, altering formats of audience interaction, and redefining the role of media in public life. The article aims to identify the factors influencing the development of mass media and to determine the nature of the dependency of media industry growth on these factors. The research methodology includes concepts from economic theory, institutional theory, statistical analysis, principles of formal logic, regression analysis, and historical analysis. The study identifies factors impacting the development of Russian media in a historical context and analyzes the dependencies among them. It is proven that the degree of democracy in the country, income per capita, and the number of ruling party members do not significantly affect media development, as indicated by correlation and determination coefficients. The factors influencing media development are highlighted. The results obtained may serve as a methodological basis for constructing other dependencies related to mass media.

Keywords: mass media history, mass media development factors, mass media dependency on factors, regression analysis, Russian mass media.

References

1. Alekseev K.A. The modern history of Russian journalism (1990–2010 gg.): textbook. Moscow; Berlin: Direct-Media; 2021. 496 p.
2. Annikova V.A. The Mass-Media in Modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2008. № 4. P. 122–129.
3. Bugaets A.A. Mass media in the context of relations between the authorities and the opposition: a catalyst for rebellion or an organizer of dialogue? // Bulletin of KuzSTU. 2013. № 6. P. 166–169.
4. Markov E.A. The Power and Mass Media in Russia: The History of Interaction // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2010. № 123. P. 204–214.
5. Muzafarov V.R. Socio-Political Conditions for the Functioning and Existence of the Russian Media in 2000–2023 // Media as a factor in human adaptation to social, economic and political changes: collection of materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, April 20–22, 2023). Yekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. 2023. P. 54–59.
6. Popova M.M. History of the media in Russia: from the Soviet to the modern stage // Youth and Science: Collection of materials of the VIII All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young scientists dedicated to the 155th anniversary of the birth of K.E. Tsiolkovsky (Krasnoyarsk, April 19–27, 2012). Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012.
7. Rudkovskaya E.E., Metelitsa A.A. Mass media and building a consolidated democracy // Science – for education, production, economy: materials of the 73rd Regional. scientific-practical. conf. teachers, research staff and postgraduate students (Vitebsk, March 11, 2021) – Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2021. P. 178–180.
8. Chernykh A.I. The power of democracy – the power of the media? Preprint WP14/2007/04. Moscow: HSE, 2007. 68 p.
9. Democracy Index Dataset from the Intelligence Unit of the Economist Group // Our World in Data [Electronic resource]. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/democracy-index-eiu/> (date of access: 08.03.2025)

Пространственная политика федеративных и унитарных государств: сравнительная характеристика и отличительные черты

Никлаус Анна Александровна,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»
E-mail: nicklaus.anna@gmail.com

Статья посвящена анализу практики пространственной политики в федерациях и унитарных государствах. Внутрирегиональное пространство уже перестало соотноситься исключительно только как географическая дефиниция, а все чаще рассматривается как политико-административная, экономическая и культурная составляющая. В этой связи оно становится предметом повышенного внимания как со стороны ученых, так и со стороны государственных стратегов. Поиск эффективных моделей управления этим пространством приводит к необходимости осмысления территориального устройства: федерализма и унитаризма.

Ключевые слова: федерализм; унитаризм, внутрирегиональное пространство; анализ; управление.

Противопоставление федерализма и унитаризма – одна из классических тем сравнительной политологии. Обе формы имеют свои сильные и слабые стороны, и эффективность их реализации во многом зависит от конкретных условий страны (размеров территории, исторических традиций, этнической структуры, политической культуры и т.д.)¹.

С целью качественного сравнительного анализа безусловно основополагающим является определить фреймы отличительных черт, которые лучше всего отражаются на институциональном уровне (организация власти), в механизмах принятия решений, а также во влиянии на социально-экономические результаты.

Под федерализмом принято понимать принцип государственно-территориального строительства, при котором государство возникает как результат интеграции самостоятельных политических субъектов в единое правовое и политико-административное пространство².

Федеративное государство подразумевает конституционное разделение власти между центром и субъектами федерации. Каждый уровень власти обладает определенной самостоятельностью: регионы (штаты, земли, провинции) имеют собственные органы власти (законодательные собрания, правительства), могут издавать законы в пределах своей компетенции, устанавливать региональную политику в сферах, не отнесенных к ведению федерации. Например, в США штаты обладают исключительными полномочиями в области образования, общественного порядка, значительной части правового регулирования; в Германии за землями закреплено законодательство в сфере культуры, образования, исполнение большинства федеральных законов и т.д.³. Важной чертой федерализма является участие регионов в формировании центральной политики – через верхние палаты парламента (Бундесрат в ФРГ состоит из представителей земель, Сенат США – по два сенатора от каждого штата и т.д.) или другие механизмы. Регионы в федерации выступают не просто административными единицами, а политическими акторами, имеющими собственные интересы и ресурсы влияния на центр.

В унитарном государстве, напротив: верховенство центральной власти и отсутствие самостоятельного юридического статуса у административно-территориальных единиц, т.е. «предполагает централизацию всего государственного аппарата, прямой либо косвенный контроль над муниципальными органами, создаваемыми

¹ Gerring J., Thacker S., Moreno C. Are federal systems better than unitary systems // Consulté le January. – 2006. – Т. 6. – С. 2014. (Вывод об эффективности унитарных систем. www.bu.edu)

² Ерохина Е.А. Постсоветская Россия между федерализмом и унитаризмом: нормативные модели и реалии трансформирующегося общества // Идеи и Идеалы. – 2019. – Т. 11 № 3, ч. 1. – С. 194–210

³ Никлаус А.А. Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 103–113.

в административно-территориальных единицах»¹. Все регионы подчинены единому центру, их полномочия определяются делегированием со стороны центрального правительства. Парламент обычно однопалатный (либо в верхней палате нет постоянного представительства регионов, как во Франции Сенат избирается косвенно от региональных советов, но мандат сенаторов – национальный).

Тем не менее, современные унитарные государства нередко проводят административную децентрализацию, давая территориям больше самоуправления. Например, Япония и Республика Корея остаются унитарными, но местные органы власти там выбираются населением и де-факто имеют значительную автономию в местных делах (принцип «локальной автономии» в японской конституции).

В некоторых случаях унитаризм приближается к федерации. «Унитаризм, несомненно, является признаком, присущим, прежде всего унитарным государствам. Однако унитаризм может быть частично присущ и федеративному государству, тенденции унитаризма в котором в том числе могут определять пути развития такого государства»².

Такую форму называют регионалистским (региональным) государством, когда «вся территория страны состоит из автономных единиц», хотя конституционно страна остается единой. Испания – яркий пример: согласно конституции, она неделима, однако 17 автономных сообществ обладают широкими правами, и фактически система очень похожа на федерацию (некоторые исследователи вводят термин «государство автономий» для описания испанской модели³). Отличие в том, что автономия предоставляется центральной властью (октроируется), а не возникла из договора регионов, и теоретически может быть ограничена центральным парламентом (пример – применение в 2017 г. статьи 155 Конституции Испании для приостановки самоуправления Каталонии после попытки провозглашения независимости).

С учетом изложенного перейдем непосредственно к рассмотрению политики регионального развития и здесь перспективным по мнению автора представляется в срезе унификация и дифференциация.

Унитарные государства склонны проводить более унифицированную региональную политику. Центральное правительство разрабатывает общенациональные программы (экономические, социальные) и воплощает их повсеместно, исходя из принципа равенства граждан. Плюсом является единообразие подходов: например, во Франции существуют национальные минимальные стандарты по оказанию публичных услуг (образование, здравоохранение) вне зависимости от департамента, а финансирование школ или больниц идет через общегосударственные фонды выравнивания.

Это обеспечивает некий минимум справедливости и социальной устойчивости – жители периферий чувствуют заботу государства, поддерживается национальная интеграция. Так, централизованная модель Китая позволила государству сосредоточить ресурсы на приоритетных направлениях, что привело к многолетнему вы-

сокому экономическому росту и подняло уровень жизни населения практически во всех провинциях⁴.

Однако унификация имеет и обратную сторону: она не всегда учитывает местную специфику. Стандартизированные «сверху» решения могут плохо подходить отдельным регионам, отличающимся по структуре экономики или культурным особенностям. В результате возможно замедление развития, если центр недостаточно гибко реагирует на локальные потребности. Во Франции, например, долгое время критиковали чрезмерную централизацию за то, что универсальные методы управления тормозят инициативы на местах и не учитывают уникальных условий каждого региона. Это приводило к социальному недовольству и усилению региональных диспаритетов даже при общенациональных программах⁵.

Федеративные государства, напротив, склонны разрешать дифференциацию в политике развития регионов. Каждый субъект федерации может проводить собственные стратегии: одни вкладываются в промышленность, другие – в туризм или аграрный сектор, исходя из своих конкурентных преимуществ. К примеру, земли Федеративной Республики Германия традиционно развивали разные отрасли (Бавария – высокие технологии и машиностроение, Нижняя Саксония – автомобильную промышленность, Шлезвиг-Гольштейн – сельское хозяйство и возобновляемую энергетику), при этом централизованного директивного плана «уравнять всех» не ставилось. Такое разнообразие может способствовать более полному раскрытию экономического потенциала территорий. Кроме того, федерации нередко допускают асимметрию в статусе и правах регионов – особенно если существуют этнонациональные различия. В Канаде провинция Квебек имеет особые привилегии в сфере сохранения французского языка и культуры; в Индии отдельные штаты на северо-востоке обладают специальным режимом автономии. В России с 1990-х до начала 2000-х годов наблюдалась значительная дифференциация статусов регионов: республики заключали с центром договоры о разграничении полномочий, получая больше прав (например, Татарстан имел особые налоговые условия). Хотя формально все субъекты РФ равноправны, на практике политико-правовые статусы различались (республики против области, автономии и т.п.), что характерно для «сложных федераций».

Соответственно, единая модель региональной политики в федерации может отсутствовать: каждый регион – своего рода «лаборатория» со своей политической и экономической повесткой. Это повышает вариативность практик (что хорошо для поиска наилучших решений и инноваций), но может осложнять общенациональную координацию.

Вопрос о том, какой тип государств – унитарный или федеративный – более успешен в пространственном развитии, давно является предметом научных дискуссий. С одной стороны, сравнительные количественные исследования показывают довольно неожиданную картину: по многим показателям эффективности государственного управления, экономического развития и общественного благополучия унитарные системы опережают федеративные. Так, мета-анализ, проведенный М. Фили и А. Кесари, показал, что «практически ни по одному индикатору федеральные системы не превосходят унитарные, напротив – правительства с унитарной структу-

¹ Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография / Е.А. Кремянская. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 37

² Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография / Е.А. Кремянская. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 37

³ Romero Caro F.J. The quasi-federal system of Spain // Encyclopedia of contemporary constitutionalism. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – С. 1–17.

⁴ Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2024. 406 с.

⁵ Burgess, M., Gagnon, A.-G. (eds.). *Fédéralisme et reconnaissance des diversités nationales*. – Bruxelles: Bruylant, 2018. – 370 p.

рой стабильно демонстрируют лучшие результаты почти по всем измерениям»¹.

В частности, в среднем в унитарных странах отмечаются более высокие темпы экономического роста и более равномерное распределение социальных благ. Аналитики обращают внимание, что многие преимущества, приписываемые федерализму (например, конкуренция регионов, близость власти к народу, «лаборатории демократии»), на самом деле связаны не столько с федеративной конституционной формой, сколько с более общим явлением – децентрализацией управления². А децентрализацию, в определенных пределах, можно реализовать и в рамках унитарного государства (пример – Швеция или Япония, где сильное местное самоуправление уживается с унитарной системой).

С другой стороны, федерации часто успешнее справляются с управлением территориально крупными и разнородными странами. Они обеспечивают представительство региональных интересов и могут предотвращать конфликты в многонациональных обществах, предоставляя меньшинствам автономию. Например, Швейцария – небольшая по населению, но культурно неоднородная федерация – рассматривается как пример удачного сочетания региональной автономии и общенационального единства: широкая децентрализация на уровне кантонов там способствует социальной гармонии и процветанию.

Другой положительный кейс – Германия: федерализм и система финансового выравнивания помогли интегрировать бывшие восточные земли после объединения, пусть и не мгновенно. В тоже время существуют и неудачные примеры: федеративная Нигерия сталкивается с острыми этнорелигиозными конфликтами и колоссальной региональной коррупцией; Ирак после 2005 года формально стал федерацией, но это не избавило страну от раскола.

Таким образом, опыт разных стран демонстрирует, что сама по себе форма государственного устройства не гарантирует успеха. Ключевым фактором выступают качество институтов, продуманность политики и способность адаптировать модель под конкретные условия.

Показательным является пример стран, возникших на постсоветском пространстве³. После распада СССР новым независимым государствам предстояло определить формат отношений между центром и регионами – фактически, сделать стратегический выбор в пользу федеративной или унитарной модели⁴.

Россия как правопреемник Союза выбрала федерализм: в 1993 г. это было закреплено конституционно (РФ – «федеративное государство»). Казахстан, напротив, пошел по пути жесткого унитаризма: в его Конституции 1995 г. провозглашено унитарное устройство без каких-либо автономий.

Как отмечают исследователи, элиты России и Казахстана сделали принципиально различный выбор: Россия – в пользу федерализма, Казахстан конституционно закрепил унитарный характер государства⁵. Эти различия обусловили и разную политику оптимизации пространства. В 1990-е Россия, столкнувшись с парадом суверенитетов регионов, пошла на заключение отдельных договоров с наиболее сильными республиками (Татарстан, Башкортостан, Саха и др.), фактически узаконив для них особые условия – это был вынужденный децентрализационный шаг, призванный удержать страну от распада. Казахстан же под руководством Н. Назарбаева, наоборот, выстраивал жесткую вертикаль: областные акимы назначались центром, любые проявления региональной особенности пресекались (например, русскоязычной северной области не дали статуса автономии, несмотря на определенную напряженность в 1990-е). В краткосрочной перспективе такая централизованная модель дала Казахстану политическую стабильность – не было острых сепаратистских кризисов, подобных Чеченским войнам в РФ. Однако унитаризм не решил проблему региональных диспропорций: богатство сконцентрировалось в столице и нефтяных западных районах, а отдаленные сельские регионы страны отставали. Лишь в последние годы Казахстан признал необходимость элементов децентрализации: в концепции региональной политики 2025–2030 гг. предусмотрена передача больших полномочий местным органам власти⁶.

Россия же, напротив, после начала 2000-х реализовала курс на «вертикаль власти» – существенную рецентрализацию федерации⁷ (отмена прямых выборов губернаторов в 2004–2012 гг., укрупнение регионов, перераспределение налоговых поступлений в пользу центра). Это позволило выровнять правовое поле и подчинить региональные элиты, но одновременно уменьшило самостоятельность субъектов РФ. Как следствие, политика регионального развития РФ стала более унифицированной (национальные проекты, федеральные целевые программы), что частично снизило остроту различий, но не устранило их полностью.

Сравнительный анализ показывает, что федеративные и унитарные государства решают схожие задачи (обеспечение сбалансированного развития территорий, удержание национального единства) разными методами. Федерация институционально предоставляет регионам голос и свободу действий, что может вести к вариативности региональных траекторий – от успешных прорывов до негативных исходов, и требует от центра механизмов координации и контроля.

Унитаризм обеспечивает формальное единство политики и сильную роль центра, что упрощает проведение единых программ, но рискует подавлять локальные инициативы и откладывать «на потом» региональные проблемы, пока те не станут критическими. В конечном счете, как отмечается «важна не столько форма государственного устройства сама по себе, сколько гибкость подхода к управлению внутренним пространством и уме-

¹ Feeley M.M., Kesari A. Federalism as Compared to What? Sorting out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization // Sorting Out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization (March 17, 2017). UC Berkeley Public Law Research Paper. – 2017.

² Feeley M.M., Kesari A. Federalism as Compared to What? Sorting out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization // Sorting Out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization (March 17, 2017). UC Berkeley Public Law Research Paper. – 2017.

³ Кочетков Е.Е. Федерализм в российской империи: идея и практика // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4). С. 216.

⁴ Бусыгина И.М., Таукебаева Э. Федерализм или унитаризм как стратегический выбор и его последствия (сравнительный анализ России и Казахстана) // Сравнительная политика. – 2015. – № 1 (18). – С. 101–110.

⁵ Бусыгина И.М., Таукебаева Э. Федерализм или унитаризм как стратегический выбор и его последствия (сравнительный анализ России и Казахстана) // Сравнительная политика. – 2015. – № 1 (18). – С. 101–110.

⁶ Концепцию региональной политики до 2030 года разработали в РК. Редакция 19.03.2025 // <https://check-point.kz/>

⁷ Кочетков Е.Е. Политические формы адаптации асимметричного федерализма и унитаризма в современных условиях // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 215–225; Кочетков Е.Е. Идеино-теоретические основания асимметричного федерализма в российской и мировой практике // Вестник Российской нации. 2014. № 5 (37). С. 134–143.

ние соблюсти баланс между национальной интеграцией и региональной автономией»¹.

Эффективное государство – будь то федерация или унитария – это государство, способное адаптировать институты и инструменты под свои географические, экономические и культурные реалии, используя сильные стороны каждой модели.

Литература

1. Бусыгина И.М., Таукебаева Э. Федерализм или унитаризм как стратегический выбор и его последствия (сравнительный анализ России и Казахстана) // Сравнительная политика. – 2015. – № 1 (18). – С. 101–110.
2. Глазьев С. Китайское экономическое чудо. Уроки для России и мира. М.: Весь мир, 2024. 406 с.
3. Ерохина Е.А. Постсоветская Россия между федерализмом и унитаризмом: нормативные модели и реалии трансформирующегося общества // Идеи и Идеалы. – 2019. – Т. 11 № 3, ч. 1. – С. 194–210
4. Концепцию региональной политики до 2030 года разработали в РК. Редакция 19.03.2025// <https://check-point.kz/>
5. Кочетков Е.Е. Политические формы адаптации асимметричного федерализма и унитаризма в современных условиях // Вестник Российской нации. 2014. № 1 (33). С. 215–225.
6. Кочетков Е.Е. Идеино-теоретические основания асимметричного федерализма в российской и мировой практике // Вестник Российской нации. 2014. № 5 (37). С. 134–143.
7. Кочетков Е.Е. Федерализм в российской империи: идея и практика // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4). С. 215–236.
8. Никлаус А.А. Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 103–113.
9. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография / Е.А. Кремянская. М.: МГИМО-Университет, 2015. 146 с.
10. Burgess, M., Gagnon, A.-G. (eds.). *Fédéralisme et reconnaissance des diversités nationales*. – Bruxelles: Bruylant, 2018. – 370 p.
11. Gerring J., Thacker S., Moreno C. Are federal systems better than unitary systems // Consulté le January. – 2006. – Т. 6. – С. 2014. (Вывод об эффективности унитарных систем. www.bu.edu)
12. Feeley M.M., Kesari A. Federalism as Compared to What? Sorting out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization // Sorting Out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization (March 17, 2017). UC Berkeley Public Law Research Paper. – 2017.
13. Romero Caro F.J. The quasi-federal system of Spain // Encyclopedia of contemporary constitutionalism. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – С. 1–17.

SPATIAL POLICY OF FEDERAL AND UNITARY STATES: COMPARATIVE CHARACTERISTICS AND DISTINCTIVE FEATURES

Niklaus A.A.

Moscow Psychological and Social University

The article is devoted to the analysis of the practice of spatial policy in federations and unitary states. Intraregional space has already ceased to be considered solely as a geographical definition, and is increasingly viewed as a political, administrative, economic, and cultural component. In this regard, it has become the subject of increased attention from both scholars and government strategists. The search for effective models of managing this space leads to the need to understand the territorial organization: federalism and unitarism.

Keywords: federalism; unitarism; intraregional space; analysis; management.

References

1. Busygina I.M., Taukebayeva E. Federalism or Unitarism as a Strategic Choice and Its Consequences (A Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan) // Comparative Politics. – 2015. – No. 1 (18). – Pp. 101–110.
2. Glazyev S. The Chinese Economic Miracle. Lessons for Russia and the World. Moscow: Ves' Mir, 2024. 406 p.
3. Erokhina, E.A. Post-Soviet Russia between Federalism and Unitarism: Normative Models and Realities of a Transforming Society // Ideas and Ideals. – 2019. – Vol. 11, No. 3, Part 1. – Pp. 194–210
4. The Concept of Regional Policy until 2030 was developed in the Republic of Kazakhstan. Edition 19.03.2025// <https://check-point.kz/>
5. Kochetkov E.E. Political forms of adaptation of asymmetric federalism and unitarism in modern conditions // Bulletin of the Russian Nation. 2014. No. 1 (33). pp. 215–225.
6. Kochetkov E.E. Ideological and theoretical foundations of asymmetric federalism in Russian and world practice // Bulletin of the Russian Nation. 2014. No. 5 (37). pp. 134–143.
7. Kochetkov E.E. Federalism in the Russian Empire: idea and practice // Bulletin of the Russian Nation. 2009. No. 2 (4). pp. 215–236.
8. Niklaus A.A. Strategies for Optimizing Intraregional Space as a Practical Implementation of the State's Domestic Policy // Vestnik of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2024. – No. 4. – Pp. 103–113.
9. Theory and Practice of Federalism: A Comparative Legal Study: Monograph / E.A. Kremyanskaya. Moscow: MGIMO University, 2015. 146 p.
10. Burgess, M., Gagnon, A.-G. (eds.). *Fédéralisme et reconnaissance des diversités nationales*. – Bruxelles: Bruylant, 2018. – 370 p.
11. Gerring J., Thacker S., Moreno C. Are federal systems better than unitary systems // Consulté le January. – 2006. – Т. 6. – С. 2014. (Вывод об эффективности унитарных систем. www.bu.edu)
12. Feeley M.M., Kesari A. Federalism as Compared to What? Sorting out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization // Sorting Out the Effects of Federalism, Unitary Systems, and Decentralization (March 17, 2017). UC Berkeley Public Law Research Paper. – 2017.
13. Romero Caro F.J. The quasi-federal system of Spain // Encyclopedia of contemporary constitutionalism. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – С. 1–17.

¹ Никлаус А.А. Стратегии оптимизации внутрирегионального пространства как практическая реализация внутренней политики государства // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 103–113.

Культурный суверенитет на постсоветском пространстве: вызовы и перспективы

Панов Анатолий Иванович,

доктор политических наук профессор, профессор кафедры политологии и политического анализа Российского государственного социального университета
E-mail: Ponchik.92@bk.ru

В связи с распадом СССР бывшие соцреспублики встали перед проблемой формирования собственного культурного суверенитета. В основном, не имея опыта государственного строительства в прошлом, они столкнулись и с проблемами создания национального суверенитета, который в отдельных республиках олицетворяется как национальный и даже перерастающий в национализм в его крайней форме – нацизм. Статья посвящена формированию культурного суверенитета в целом на постсоветском пространстве и перспективам создания национального суверенитета бывшими соцреспубликами в отдельности.

Ключевые слова: культурный суверенитет, государство, трансформация, политика, общество, народ, национализм, нацизм, молодёжь, постсоветское пространство.

Культурный суверенитет – это способность государства и его народа сохранять, развивать и защищать свою культурную идентичность, традиции и национальное наследие в условиях глобализации и внешних воздействий. Для постсоветских государств, переживших распад Советского Союза и последующие фундаментальные трансформации, вопрос культурного суверенитета приобретает особую важность. Он связан с поиском самоидентификации, восстановлением национальных традиций и балансом между сохранением уникальности и интеграцией в мировое сообщество.

Понятие «культурный суверенитет Российской Федерации» впервые было закреплено в Стратегии национальной безопасности РФ (2015) как фактор, способствующий «укреплению национальной безопасности в области культуры». Указан и механизм его обеспечения: «принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия» [1, с. 39]

В основах государственной культурной политики появилось понятие «культурного суверенитета». Поправки в собственный указ от декабря 2014 г. 25 января внёс президент Владимир Путин. «Культурный суверенитет» – это совокупность социально-культурных факторов, позволяющих «избегать зависимости от внешнего влияния, быть защищенным от деструктивного идеологического и информационного воздействия» и придерживаться традиционных «духовно-нравственных ценностей» [2]

Для рассмотрения нашей темы необходимо разделить понятия: «Культурный суверенитет на постсоветском пространстве (СНГ) в целом и «Культурный суверенитет новых государств, образовавшихся на базе соцреспублик бывшего СССР». В отдельных случаях оба явления сливаются, но и имеют свои индивидуальные особенности подчёркивающие их претензии на свой культурный суверенитет.

В советский период культурная политика была направлена на создание нового общества, базирующегося на социалистических ценностях. При этом национальная культура, язык и традиции в той или иной мере подчинялись идеологическим задачам. Советская власть проводила политику «коренизации» в 1920-х – 1930-х годах, признавая национальные языки и культуры, однако позднее усиливался централизованный контроль и русификация. Культурное пространство было интегрировано в единый советский культурный код, в котором доминировала русская культура.

Распад СССР вызвал кризис идентичности: многие республики стремились к восстановлению и развитию своих национальных культур и языков. Однако этот процесс сопровождался трудностями, поскольку десятилетия советской унификации оставили глубокий след в общественном сознании, а значительная часть населения продолжала говорить на русском языке, как объединяющем все народы, проживающие на территории СССР. В то же время развивалась и национальная культура. В целом она определялась как «национальная по форме и социалистическая по содержанию». Эта формулиров-

ка встречается, например, в речи И.В. Сталина на XVI съезде ВКП(б): «Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме» [3]

Не удивительно, что социализм до их пор остаётся привлекательной идеологией для многих народов на постсоветском пространстве.

В этом отношении профессор Егоров В.Г. подчёркивает, что «Развитие русского языка в качестве социального скрепа народов, объединённых одним государством на протяжении длительного исторического периода, обуславливает его актуальную цивилизационную миссию транслятора культурного достояния народов всего постсоветского пространства, а нарастание интеграционных процессов и экономического сотрудничества открывает новую страницу лингвокультурной перспективы как российского народа, так и народов ближнего зарубежья» [4]

Основными вызовами и трудностями для утверждения культурного суверенитета являются:

1. Многообразие этнических и языковых групп.

Многие постсоветские страны многонациональны. Обеспечение прав меньшинств сочетается с задачей сохранения национальной культуры большинства. В некоторых случаях неурегулированные вопросы национального статуса языков ведут к межэтнической напряжённости.

2. **Влияние глобализации.** Распространение западных культурных норм, массовой культуры, цифровых технологий приводит к изменению культурного ландшафта и ослаблению традиционных ценностей. Молодёжь особенно восприимчива к глобальным трендам, что ставит под угрозу преемственность культурных традиций. Свободный доступ в интернет-пространство для социально неокрепших душ и умов пагубно сказывается на их воспитании.

3. **Политизация культуры.** Национализм и культурный ренессанс могут способствовать укреплению суверенитета, однако в условиях нестабильности они нередко переходят в конфликты на этнической или религиозной почве, что подрывает социальную стабильность.

4. **Роль религии.** Восстановление религиозных институтов и роль религии в общественной жизни усиливаются, что влияет на культурную идентичность и политическую динамику. Религия становится фактором как объединения, так и разделения. Тлеющая конфликтogenicность на основе религии нередко вырастает в жестокавшие вооружённые конфликты и церковь не в состоянии их остановить, тем более что внутри самих религий наблюдаются расколы и вооружённые конфликты.

Практические аспекты реализации культурного суверенитета:

1. **Языковая политика.** Многие страны проводят реформы в образовании и государственном управлении для укрепления государственного языка, одновременно гарантируя права национальных меньшинств.

2. **Сохранение и развитие культурного наследия.** Важное значение имеют программы по восстановлению памятников, возрождению традиционных искусств, народных промыслов, а также проведение культурных фестивалей и мероприятий.

3. **Использование современных технологий.** СМИ и цифровые платформы помогают популяризировать национальную культуру, создавать современное культурное пространство, доступное для широких слоев населения.

4. **Вовлечение молодёжи.** Образовательные программы и молодежные инициативы способствуют формированию чувства гордости за свою культуру и осознанного гражданства.

Вот несколько примеров культурных политик в отдельных постсоветских странах:

1. **Казахстан** проводит политику «триединства»: поддержка казахского языка как государственного, русского – как языка межэтнического общения, а также обеспечение прав национальных меньшинств. В стране реализуются проекты по сохранению традиционной культуры и продвижению казахской истории через образование и СМИ. Активно развивается национальная кинематография и культура в целом. Страна также делает ставку на цифровизацию и создание культурных платформ. Проводится эта работа на основе Закона Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207. «О культуре», Концепции культурной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы. Утверждённой Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года № 250. И в других законодательных актах.

2. **Грузия** уделяет большое внимание укреплению грузинского языка и культуры, которые считаются основой национальной идентичности. 30 июня 2016 года сообщалось, что правительство Грузии утвердило документ «Стратегия культуры 2025». Государственная языковая политика направлена на расширение использования грузинского языка в образовании, законодательстве и СМИ. В стране проводится активная работа по сохранению и реставрации культурного наследия, в том числе исторических памятников и архитектуры. При этом сохраняются права этнических меньшинств и поддерживается межкультурный диалог.

3. **Украина.** После 2014 года в Украине усилилась политика укрепления украинского языка и культуры. Законодательство предусматривает обязательное использование украинского языка в государственных учреждениях, СМИ и образовании. Проводятся кампании по популяризации украинской истории и традиций. В советский период автор в 1966 году окончил вечернюю школу рабочей молодёжи в Харькове и получил аттестат на русском и украинском языках. Значительное внимание уделяется развитию национального искусства и поддержки культурных проектов. Украинский «культурный суверенитет» включает в себя культурное наследие страны, современную культуру, а также «культурную дипломатию» [5]. Кроме того, Украина активно сотрудничает с международными организациями в области культуры. Всё это делается под прямым внедрением неонацизма и уничтожения всего русского в культуре этого славянского народа.

4. **В Беларуси** государственная политика направлена на поддержание русского и белорусского языков, при этом русский язык сохраняет доминирующее положение в общественной жизни. Чётко об этом выразился Президент А. Лукашенко: «от их гражданской позиции и профессионального выбора зависит будущее нации: «Вам не надо объяснять, как важно удерживать в своих руках наш культурный суверенитет. Он, естественно, начинается с бережного отношения к чистоте родной речи (русской и белорусской), приоритета традиционного содержания творческих проектов и праздников, традиционного оформления нашего национального продукта и всего жизненного пространства» [6]. Страна уделяет внимание сохранению культурного наследия и традиционных видов искусства, таких как народные ремесла, музыка и танцы. Государственные СМИ и образователь-

ные учреждения играют важную роль в распространении культурных ценностей. Законодательно это закреплено в Кодексе Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 года № 413-З. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022 г.)

5. **Азербайджан** проводит активную политику по укреплению азербайджанского языка и культуры, сохранению исторического наследия и популяризации национальной музыки, литературы и искусства. Одним из приоритетов является развитие образовательных программ с акцентом на национальные традиции. Важным элементом является также укрепление межэтнического согласия в многонациональной стране.

Эти примеры иллюстрируют разнообразие подходов к культурному суверенитету в регионах с различной историей, этническим составом и политическими контекстами.

В культурном плане, русский язык и литература, а также идеологические основы культурной политики СССР остаются востребованными на постсоветском пространстве, что создает определённую общность. В политическом плане, Россия как правопреемник СССР продолжает играть большую роль в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) и других интеграционных объединений, стремясь к укреплению сотрудничества и единства среди стран-участниц. Однако, стоит отметить, что не все постсоветские страны разделяют стремление к тесной интеграции с Россией, и некоторые из них предпочитают развивать самостоятельные отношения с другими государствами и блоками.

В целом, Россия остается важным игроком на постсоветском пространстве, чье влияние и роль продолжают формироваться в динамично меняющемся мире.

Получив хоть и относительную самостоятельность бывшие соцреспублики стали не только развивать свою культурную идентичность но и стали заимствовать элементы культур западных образцов как-то: – расповеденческие формы общества потребления, массовую культуру нивелирующую высокую духовность и примитивность восприятия, квази-цивилизацию отрицающую этические и эстетические категории общечеловеческой морали. В совокупности они угрожают ценностным основам культурного суверенитета всем участникам постсоветского пространства и мировой и русской цивилизации.

Межкультурные отношения и интеграционные процессы на постсоветском пространстве характеризуются сложным взаимодействием культур, экономик и политических систем, возникших после распада Советского Союза. Интеграционные процессы в области культуры особенно были активны в период Советского Союза. Советская культура периода 1920–1980-х годов характеризовалась сочетанием социалистической идеологии (по форме) и национальных традиций (по содержанию). Она стремилась к созданию единого культурного пространства, но при этом учитывала и развивала национальные особенности каждой республики. Основной идеологической установкой было формирование «нового советского человека» независимо от его национальной принадлежности.

На формирование культурного суверенитета на постсоветском пространстве влияют внешние факторы и международные политические процессы. Особенно это проявилось в период СВО. Получил развитие неонацизм, который навязывается через презмпитивные идеологические войны. Форма внедрения – Окно Обертонна – социологическая модель существования рамок допустимого спектра мнений в культуре, данного социума с точки зрения навязываемого извне текущего общественного дискурса.

Появилось в стратегическом документе (Указ Президента РФ от декабря 2014 г.) и упоминание «недружественных государств», которые наряду с иностранными НКО, экстремистами и др. ведут подрывную деятельность – в том числе против традиционных ценностей.

Россия сохраняет значительное культурное и политическое влияние на многие постсоветские страны через языковое пространство, средства массовой информации, образовательные программы, а также через религиозные институты, в частности РПЦ. Западные государства и международные организации стимулируют реформы, направленные на укрепление гражданского общества и культурного плюрализма, что иногда воспринимается как вызов традиционным моделям.

Напомню, что одной из черт нашего национального характера считается умение перенимать от других культур самое лучшее. Культурный суверенитет означает наш самостоятельный выбор: что считать лучшим с точки зрения наших представлений о правильном и неправильном, а что нам навязывают в чьих-то небескорыстных целях. На Западе могут сколько угодно объявлять идеалом «черный квадрат» и моду на ЛГБТ – однако это совершенно не означает, что мы обязаны с этим соглашаться.

В.А. Шишкин подчёркивает, что наряду с процессами глобализации в мире постоянно происходят обратные процессы выделения новых наций, причем глобализация действует не непосредственно, а через формирование субглобальных проектов как в политике, так и в экономике. Россия имеет право на самобытное развитие и самостоятельный статус культуры в качестве евразийского моста между европейской и азиатской цивилизациями [15, с. 52]. Интеграционные проекты, такие как Евразийский экономический союз и Шанхайская организация сотрудничества, имеют культурный компонент, способствующий обмену и сотрудничеству, однако создают потенциал как для усиления культурного обмена, так и для конфликтов между различными культурными парадигмами.

Для того, чтобы сохранялся культурный суверенитет на постсоветском пространстве необходим баланс между сохранением национальных традиций и современными реалиями. Особая роль принадлежит молодёжи и поэтому основное направление работы по воспитанию патриотизма должно быть направлено на неё. На государственном уровне это должен быть постоянный культурный обмен и диалог. Постсоветское пространство – это пространство русского языка как средства свободного межкультурного общения.

Для эффективного укрепления культурного суверенитета постсоветским странам необходим комплексный подход, объединяющий государственную политику, гражданское общество и международное сотрудничество. Ключевые направления включают:

- Баланс между сохранением традиций и адаптацией к современным вызовам, что позволит обеспечить культурную динамичность без потери идентичности.
- Формирование инклюзивной культурной политики, учитывающей интересы всех этнических и социальных групп.
- Развитие межкультурного диалога как инструмента снижения напряженности и укрепления социальных связей.
- Активное привлечение молодёжи к культурным инициативам и образованию.

Заключение

Культурный суверенитет на постсоветском пространстве – это сложная и многогранная проблема, обуслов-

ленная историческими, социальными и политическими факторами. Успешное решение этой задачи имеет решающее значение для укрепления национальной идентичности, социальной стабильности и устойчивого развития государств региона. Разработка сбалансированной политической стратегии и использование современных технологий могут способствовать сохранению богатого культурного многообразия и построению зрелого гражданского общества. Необходимо научное обоснование современного культурного суверенитета на постсоветском пространстве.

Литература

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 685 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – С. 39.
2. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/26/960489-prezident-oformil-kulturnii-suverenitet-rossii?from=copy_text (дата обращения 15.06.25.)
3. Об уклонах в области национального вопроса. document.wikireading.ru:9965 (дата обращения 15.06.25.).
4. Журнал Международная жизнь – Архив 5 номера 2022 года...interaffairs.ru:author/material/2666 (дата обращения 15.06.25.)
5. Очередная морковка от Зеленского. От «формулы мира...» dzen.ru: a/Zzckpbb1P3Oqu77T (дата обращения 15.06.25.)
6. Культурный суверенитет, амнистия, национальные...belta.by: president/view/kulturnyj-suverenitet- (дата обращения 15.06.25.).
7. Панов А.И. Постсоветское пространство сегодня: проблемы и пути их решения. В сб.: Постсоветское пространство в политической динамике / Отв. ред. В.Г. Егоров. – СПб.: Алетейя. 2025. – С. 114–123.
8. Панов А.И., Самойлов В.Д. О государственно-правовом управлении сферой миграции в Российской Федерации: цивилизационный подход // Мир образования – образование в мире. 2022. № 4(88). – С. 32–39.
9. Сазонникова Е.В. «О понятии культурного суверенитета государства» в сборнике материалов «Право и политика: теоретические и практические проблемы» (Рязань, 2013).
10. Труфанов Г.А., Бандейкина Н.Н. «Проблематика преодоления противоречий в зоне культурного суверенитета» в сборнике материалов «Гуманитарное знание и духовная безопасность» (Грозный, 2020).
11. Тотрова З.Х. «Проблема культурного суверенитета в условиях глобализации» в журнале // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 2–2. С. 137–144.
12. Рузин В.Д. «Стратегические приоритеты построения национального культурного суверенитета» в журнале «Стратегические приоритеты» – 2014. № 4(4). С. 55–66
13. Сигарев А.В., Смирнова М.С. «Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии». Юридическая наука и практика. 2019;15(2), с. 27–34.
14. Летняков Д.Э. «Управление культурным разнообразием на постсоветском пространстве: „нацио-

нализирующие государства“ 30 лет спустя» (Южно-Российский журнал социальных наук, 2019).

15. Шишкин В.А. Национальный идеал и национальная идентичность // Сибирский учитель. 2017. № 5 (114), С. 49–56.

CULTURAL SOVEREIGNTY IN THE POST-SOVIET SPACE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Panov A.I.

Russian State Social University

Due to the collapse of the USSR, the former socialist republics faced the problem of forming their own cultural sovereignty. Basically, having no experience of state-building in the past, they also faced the problems of creating national sovereignty, which in some republics is personified as national and even escalating into nationalism in its extreme form – Nazism. The article is devoted to the formation of cultural sovereignty in the post-Soviet space as a whole and the prospects of creating national sovereignty for the former socialist republics individually.

Keywords: cultural sovereignty, state, transformation, politics, society, people, nationalism, Nazism, youth, post-Soviet space.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 685 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. – P. 39.
2. https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/26/960489-prezident-oformil-kulturnii-suverenitet-rossii?from=copy_text (date of access 06/15/25.)
3. On deviations in the field of the national question. document.wikireading.ru:9965 (date of access 06/15/25).
4. International Affairs Magazine – Archive of issue 5, 2022...interaffairs.ru:author/material/2666 (date of access 06/15/25.)
5. Another carrot from Zelensky. From the “peace formula...” dzen.ru: a/Zzckpbb1P3Oqu77T (date of access 15.06.25.)
6. Cultural sovereignty, amnesty, national...belta.by: president/view/kulturnyj-suverenitet- (date of access 15.06.25).
7. Panov A.I. Post-Soviet space today: problems and ways to solve them. In the collection: Post-Soviet space in political dynamics / Responsible. ed. V.G. Egorov. – St. Petersburg: Al-eteia. 2025. – P. 114–123.
8. Panov A.I., Samoilov V.D. On the state and legal management of the sphere of migration in the Russian Federation: a civilizational approach // The world of education – education in the world. 2022. No. 4 (88). – P. 32–39.
9. Sazonnikova E.V. “On the Concept of Cultural Sovereignty of the State” in the collection of materials “Law and Politics: Theoretical and Practical Problems” (Ryazan, 2013).
10. Trufanov G.A., Bandeykina N.N. “Problems of Overcoming Contradictions in the Zone of Cultural Sovereignty” in the collection of materials “Humanitarian Knowledge and Spiritual Security” (Grozny, 2020).
11. Totrova Z.Kh. “The Problem of Cultural Sovereignty in the Context of Globalization” in the journal // Modern Studies of Social Problems. 2019. Vol. 11. No. 2–2. P. 137–144.
12. Ruzin V.D. “Strategic Priorities for Building National Cultural Sovereignty” in the journal “Strategic Priorities” – 2014. No. 4 (4). P. 55–66
13. Sigarev AV, Smirnova MS “Cultural Sovereignty, Cultural Extremism and Issues of Constitutional Axiology”. Legal Science and Practice. 2019; 15 (2), pp. 27–34.
14. Letnyakov D.E. “Managing Cultural Diversity in the Post-Soviet Space: “Nationalizing States” 30 Years Later” (South Russian Journal of Social Sciences, 2019).
15. Shishkin VA National Ideal and National Identity // Siberian Teacher. 2017. No. 5 (114), P. 49–56.

Сиушкин Альберт Евгеньевич,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
«Теория государства и права и политология» Пензенского
государственного университета

Предметом статьи являются законодательные аспекты политического учения Платона. В статье последовательно рассматриваются нормативные аспекты представлений Платона о типах полисного устройства, внутренней иерархии государства, его социально-экономическом укладе, государственных границах, а также о власти и ее легитимности. Параллельно исследуются вопросы генезиса правовых норм, показывается их связь с идеалистической онтологией Платона, его учением о мире вечных идей и производными от этого мира высшими природными принципами – благами. Новизна исследования заключается в следующем. Автор считает, что, именно, законы определяют суть властных отношений и легитимный порядок внутри данного государства. Утверждается, что своеобразие платоновского понимания власти состоит в том, что она рассматривается как способность устанавливать нормы человеческого общежития. Основу легитимного порядка, сконструированного Платоном общества, также составляет следование законам.

Ключевые слова: Платон, законы, идеальное государство, власть, легитимность, история политических учений, формы правления, легальность, политическая философия, справедливость.

Введение

Вопрос о политической сущности философии Платона в целом и его концепции идеального государства в частности до сих пор остается нерешенным. Как отмечается в научной литературе, «даже при беглом знакомстве с некоторыми из ответов на него поражает размах своеобразной амплитуды колебаний, которую приходится описывать античному мыслителю под ударами новейшей критики: то он оказывается апологетом тоталитаризма в наиболее зверской его форме, то аристократом – врагом народа и демократии, то социалистом – античным предтечей хорошо известного в Европе «призрака коммунизма»». [1, с. 34]

В рамках настоящей статьи представляется продуктивным рассмотреть политические воззрения Платона через призму его учения о законодательстве. В популярных изложениях платоновского концепта идеального государства за редким исключением [2–15] о законах в сравнении с анализом его социально-иерархического и политического устройства, как правило, говорится сравнительно мало. Многие платоноведы часто вовсе оставляют законодательный аспект в стороне, что на наш взгляд неоправданно, поскольку явно обедняет содержание платоновского учения. Сам Платон в деле построения идеального государства придавал праву исключительную роль, что, очевидно, хотя бы по тому, как последовательно и тщательно великий древнегреческий философ описывает законы сконструированного им общества (в его сочинениях представлено более двухсот таковых [16, с. 46]).

Цель работы: исследовать политические воззрения Платона и, прежде всего, его концепцию идеального государства в контексте анализа платоновского понимания природы права.

Основные **задачи** работы:

- рассмотреть вопросы генезиса правовых норм у Платона и установить их связь с идеалистической онтологией древнегреческого философа, его учением о мире вечных идей и производными от этого мира высшими природными принципами – благами;
- изучить платоновскую типологию полисного устройства (форм правления) и, в том числе, указать на ее правовые аспекты (критерии);
- проанализировать «в нормативном ключе» следующие элементы учения Платона об идеальном государстве: социально-политическую иерархию данного государства и его экономический уклад, политическое пространство (размер территории государства), организацию государственной власти и процесс ее легитимации;
- дать ответ на «извечный» вопрос платоноведения о том, насколько учение Платона можно считать апологетикой коммунизма/тоталитаризма или социальной утопией.

Объект исследования – политическое учение Платона (его концепция идеального государства).

Предмет исследования – законодательные (нормативные) аспекты данного учения.

Гипотеза исследования – законодательство в политическом учении Платона играет основополагающую роль: законы определяют суть властных отношений вну-

три идеального государства, формируют в нем легитимный порядок, определяют социально-экономический уклад, контуры (границы) жизненного пространства. Данная роль обусловлена тем, что законы, согласно учению великого древнегреческого философа, являются ничем иным как воплощением вечного и совершенного порядка мира идей, который у Платона уже изначально носит нормативный характер.

Методология исследования – применялся сравнительный подход, а также такие традиционные для сугубо теоретических исследований общелогические методы как анализ, синтез, обобщение и типизация.

Научная новизна исследования заключается в том, что в статье представлены оригинальные суждения по вопросам платоновской концептуализации политической власти и ее легитимности: их предлагается рассматривать в русле законотворчества. Также автор заявляет, что политическое пространство государства у Платона конституируется законами. Согласно платоновским утверждениям идеальное государство не может расширяться бесконечно, иначе, как пишет Платон, будет нарушено его единство. Обычно считается, что идеальное государство перестанет быть единым в плане социальных связей и ценностей, его станет сложнее контролировать. В исследовании же утверждается, что идеальное государство в таком случае утратит свое единство, прежде всего, в плане следования законам, поскольку будет утрачена их эффективность. Кроме этого автор высказывает собственное мнение по вопросу о социально-политической сущности идеального государства. Он считает, что данное государство необходимо представлять как коммунистическое либо тоталитарное, т.к. данные формы политической организации отнюдь не идеалистические конструкции и предполагают определенную динамику своего существования. Платоновское же государство – это идеальный тип, лишенный всякого развития, в нем все вечно, все определено раз и навсегда с помощью закона.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение политической философии Платона, а, следовательно, может быть полезным как обучающимся, так и исследователям, работающим в рамках указанной проблематики.

Основная часть исследования

Законы, по мысли Платона, устанавливаются, прежде всего, ради достижения счастья. «Они <законы> правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага». Неправильны же те законы, «что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних распрях и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя». [17, с. 83–84]

В приведенных цитатах содержится, по нашему мнению, главная мысль Платона о государственном законодательстве: оно необходимо, прежде всего, чтобы сделать граждан счастливыми. Само собой разумеется, что не всякие, а лишь правильные законы способствуют счастью. Но что такое счастье вообще?

Для ответа на этот вопрос Платон обращается к понятию блага. Благо – это некая высшая и неоспоримая ценность, выводимая Платоном из своей идеалистической онтологии, а точнее из известного учения о мире вечных идей. Платон перечисляет восемь благ (или добродетелей, если рассматривать их как человеческие

качества, а не как цели), деля их на низшие и высшие. Низшие блага – это здоровье, красота, сила и богатство; высшие – разум, умеренность (благоразумие), справедливость, мужество. Человек по Платону будет полностью счастливым, только если будет обладать всеми восемью благами. Обладание ими обязано обеспечить государство – низшими, насколько это возможно, ведь их наличие отчасти зависит от случая; что касается высших благ, то государство воспитывает их в своих гражданах. Для этого государственное законодательство должно предусмотреть соответствующие институты, а также осуществлять поддержку соответствующих обычаев. Поэтому у Платона мы находим законодательные нормы не только, регулирующие управление полисом, но и нацеленные на организацию воспитания в гражданах необходимых нравственных качеств.

Высшее благо в государстве – это справедливость, соединяющая мужество, разум и умеренность. Можно сказать, что *закрепленная законом справедливость – это основа устройства идеального государства* у Платона. Справедливость предполагает, что общее благо, т.е. интересы целого (общества-государства), стоят выше интересов отдельных граждан. Также этот принцип означает, что каждый элемент целого должен выполнять присущие ему функции.

Справедливость, например, находит свое выражение в жестко установленной законом *социально-политической иерархии* идеального государства. Всё его население делится на три сословия: философов-правителей, воинов и производителей. Они являются носителями трех основных начал человеческой природы: разумного, яростного и вожделеющего. Каждый из граждан выполняет в государстве свои функции в соответствии с доминирующим в его душе началом и не вмешивается в дела других. Таким образом, каждое сословие по-своему служит государственным интересам и достижению общего счастья. Последнее невозможно без верховенства закона, как выражения справедливости. Платон прямо об этом пишет: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью, – пишет Платон. – Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги». [17, с. 165]

Развивая свое учение, Платон также перечисляет основные *типы политического устройства государства*, попутно оценивая их достоинству. В основе этой оценки лежит, опять же, концепция справедливости. Самым хорошим (справедливым) Платон считает монархическое (царское) правление. Кто имеет право именоваться царем? Лишь человек, обладающий «царским», т.е. совершенным знанием, происходящем напрямую от упомянутого мира идей. Ему, соответственно, должно быть доступно понимание высшего блага. Если человек знает, в чем заключается благо, то он всегда будет творить лишь доброе (справедливое). Злые поступки люди совершают лишь по незнанию. Царь, следовательно, не способен совершать плохих деяний, поэтому и участие в управлении государством других граждан в случае царского правления бесполезно, они в силу своего несовершенного знания ничего не смогут прибавить к эффективности и справедливости принимаемых царем решений. Вот почему Платон считает единоличное монархическое правление лучше других. Но, конечно, Платон понимает, что в реальной жизни такого правителя существовать не может, поэтому проект рассматриваемого идеального полиса и не предусматривает монархии.

Гораздо более реалистичным выглядит идея о аристократическом правлении немногих, т.е. мудрых и образованных старейшин–философов. Они, имея познание истины, пусть и не такое совершенное как цари, лучше других будут усматривать, что справедливо в обществе, а что несправедливо. Философами могут стать старшие и превосходнейшие из воинов, те кто знают способы сохранения и управления государством. Из них следует избирать к управлению тех, у кого ревность и любовь к государству особенно заметна. Чтобы этот выбор был безошибочнее, приготавливаемые к избранию также должны быть предметом правильного воспитания и наблюдения с самого их детства. Крайне важны занятия философией. Неблагополучие современных ему государств Платон связывает с тем, что способы управления обществом и философия являются занятиями совершенно отдельными, не имеющими ничего общего. Между тем от государства нечего ожидать хорошего, пока в нем, по известным словам, Платона, «не будут или философы царствовать, или нынешние цари и властители – искренно и удовлетворительно философствовать». [18, с. 261]

Демократический же образ правления низко оценивается Платоном. Ведь вся власть тут принадлежит массе, которая не может состоять из мудрецов, а значит фундаментом принятия управленческих решений будут не обладание необходимым знанием и жизненный опыт, а скорее страсти и эмоции, обуревающие властное большинство. Ясно, что принятые таким способом решения, по сути своей, случайны и даже опасны, поскольку могут быть губительными для государства.

Олигархия, подобно аристократии, представляет собой правление меньшинства, но правят здесь совсем не мудрецы, а, напротив, люди по большей части невежественные, притом порой вышедшие из низов – разбогатевшие, алчные деятели, не имеющие моральных устоев.

Хуже и несправедливее всего тирания – абсолютный антипод царской власти. Если царь обладает совершенным знанием, то тиран не обладает никаким. Это темный, бескультурный и самовлюбленный, к тому же, как правило, жестокий человек, захвативший власть в результате политических интриг. Несложно представить, насколько ужасным станет его правление для государства. «...Пользуясь совершенным повиновением народа, <тиран> не будет воздерживаться от единоплеменной крови, но по ложным доносам ... станет оскверняться убийством, отнимать у человека жизнь, языком и нечестивыми устами пробовать родственной жертвы, изгонять в ссылку, убивать, подписывать снятие чужих долгов и раздел земли. После сего этому человеку не предписывает ли необходимость и самая судьба – либо погибнуть от врагов, либо тиранствовать, и из человека сделаться волком?» [18, с. 404]

Обратим внимание, что классифицировать описанные типы политического устройства можно не только на основании критерия справедливости, но и как законные и противозаконные. Например, такие, типы государства как монархия и аристократия у Платона явно опираются на закон, тогда как тирания, олигархия, а зачастую, и демократия управляют вопреки существующим в них законам и обычаям. Данный подход к платоновской типологии государства в научных источниках встречается достаточно часто (см. например: [19, с. 5]).

Послушание законам – необходимое условие доступа населения к должностям государственной службы. Платон в этом вопросе явно сторонник компетентностного подхода: должности следует предоставлять «не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает дру-

гим каким-либо из подобных качеств, но тем, кто будет всего более послушен установленным законам...» [17, с. 164–165] Естественно, это могут быть лишь люди добродетельные и овладевшие знанием, то есть философы. Главная задача правителей – разрабатывать законы и стоять на их страже, а также охранять имущество граждан. За соблюдением законов следит специальное собрание по своим функциям несколько напоминающее современные органы конституционного правосудия. Политические учреждения выборные, в том числе суды. Избирательными правами наделены все, кто носит оружие. По сути политический режим, описываемый Платоном можно характеризовать как *сословную демократию, основанную на диктатуре закона*. Еще один вариант дискуссионный вариант наименования такого режима – *гедонистический утилитаризм*.

Законы должны быть признаны обществом и восприниматься сознательно, иначе их будет невозможно соблюдать. Государство не может просто требовать исполнения законов. Необходимо не только воспитывать граждан, но и постоянно и терпеливо разъяснять им смысл и пользу законодательства. Только так они оценят важность законов и будут следовать им добровольно. Это, в свою очередь, обеспечит прочность государства и позволит достичь главной цели правотворчества – сделать граждан счастливыми. Примечательно, что здесь учение Платона в чем-то перекликается с конфуцианской доктриной, считающей возможным управлять государством только при наличии сильного морального воспитания граждан, в результате которого они и подчиняются законам и властям, причем совершенно искренне, без принуждения. «Когда человек(а) ... побуждают к порядку через законы, то он следует им вынужденно, а не по совести. И наоборот, когда человек руководствуется моральными нормами ..., то он по велению души поступает так, как должно», [20, с. 29] – слова Конфуция, как нельзя лучше отражающие мысль Платона о том, что законы без морального-ценностного основания не будут иметь должной силы.

Социально-экономическая жизнь государства регламентирована самым подробным образом. Ему принадлежит земля. Количество наделов (а, значит, и граждан) строго ограничено – их 5040. Здесь Платон остается верен своему убеждению, что идеальное государство не может быть слишком большим. Кроме того, для Платона, как философа, испытывавшего сильное влияние пифагорейства, немаловажным было и то, что число 5040 имеет наибольшее количество делителей, чем любое меньшее число – целых 60. А это значит, что в городе с таким населением будет удобнее всего разделять жителей на отряды для выполнения общественных или военных задач, собирать налоги, распределять ресурсы и т.д. Например, Платон предлагает разделить все государство на 12 частей, что даёт $5040/12 = 420$ жителей в каждой части (филе), а затем каждую филу ещё на 12 частей по 35 человек.

Наделы распределяются по жребию. При этом в государстве не должно быть ни сверхбогатых, ни слишком бедных, т.к. размеры владения и доходов строго регулируются. Граждане разделены на четыре класса по уровню благосостояния, все имеют равные права, но у представителей высших классов больше обязанностей относительно участия с общественной жизни. Никто не имеет права владеть золотом или серебром, деньги неконвертируемые и имеют хождение только внутри страны. В ней к тому же опущен и «железный занавес»: свободный выезд за пределы государства по умолчанию не допускается и возможен только с разрешения властей. Запрещено заниматься ростовщичеством, исклю-

чается всякая роскошь. Государство занимается учётом имущества граждан, и в случае превышения должного количества оно может быть конфисковано. Граждане могут заниматься исключительно земледелием, но работают не они, а только рабы. Полученный урожай при этом распределяется оптимально между всеми слоями населения. Ремеслами занимаются лишь чужеземцы. Граждане же по сути ничего не делают, они должны только соблюдать и поддерживать государственное благоустройство, т.е. участвовать в общественной жизни и воевать. Таким образом, государство должно быть изолированным, самодостаточным, строго иерархичным, не богатым, ни бедным. Только в этом случае законодательство, основанное на добродетели и справедливости, будет эффективным.

Не менее строго нормирована и *частная жизнь граждан*. Брак обязателен, главная цель его заключения – рождение детей. Дети воспитываются родителями совместно с государством. Образование обязательно, в том числе для женщин. Оно делится на две ступени: первая из них для всех граждан, вторая для наиболее способных и подающих надежды. Женщины заняты не только семейными делами, но могут занимать государственные должности и даже привлекаться к военной службе. Отдадим Платону должное в том, что, по крайней мере, в «Законах» он выступает последовательным сторонником предоставления женщинам многих прав наравне с мужчинами. По его мнению, когда мужчины и женщины равны, то, это значит, что в государстве вдвое больше полноценных граждан, а, следовательно, такое государство вдвое сильнее.

Свободное время граждан также подлежит законодательному регулированию, т.к. они освобождены от производственной деятельности, то их досуг следует чем-то занять, например, совместными играми, праздниками, трапезами, культовыми обрядами и т.д. Постоянное совместное времяпровождение – способ сплочения общества, укрепления в нем единых ценностей. Для Платона желательно, чтобы у граждан в принципе все было общим, даже мысли. И здесь, действительно, напрашивается аналогия с коммунистическим обществом, хотя такое сравнение, как будет показано далее, и поверхностно.

Конечно, само число законов не должно быть увеличиваемо сверх меры, ибо воспитанные и наставленные разумно граждане сами поймут, что следует делать в делах, с точностью законами неопределенных. По той же причине государству не следует быть излишне строгим по отношению к тем, кто нарушил закон. Даже преступников надо, прежде всего, перевоспитывать, ведь они творят несправедливость по незнанию. Лишь к немногим гражданам, обнаружившим свое полное неразумие и непокорность, следует применять насилие. Вновь видим, что воспитанию Платон уделяет, первостепенное значение. Именно, с воспитания должны начинать свою деятельность законодатели.

Что Платон понимает под *государством*? Как и другие предшественники античной социально-политической мысли государство и общество он не различает. Государство, «рождается тогда, – пишет Платон, – когда каждый из нас сам для себя бывает недостаточен и имеет нужду во многих... Стало быть, когда таким-то образом один из нас принимает других, – либо для той, либо для иной потребности; когда, имея нужду во многом, мы располагаем к сожитию многих общников и помощников: тогда это сожитие получает у нас название государства». Таким образом «всякий общается с другим – допускает другого к общению, или сам принимает это общение в той мысли, что ему лучше». [18, с. 102–103]

Следовательно, устраивает государство с самого начала необходимость общения людей между собой, общения с целью удовлетворения потребностей. «Первая же и самая великая из потребностей, – продолжает Платон, – есть приготовление пищи для существования и жизни... Вторая – приготовление жилища, третья – одежды и тому подобных вещей». [18, с. 103] Для того же, чтобы удовлетворить эти потребности, необходимо разделение труда, устройством которого является государство. «В самом государстве каким образом граждане будут передавать друг другу то, что каждый из них производит?» – спрашивает Платон, и тут же отвечает – с помощью государства. – «Ведь для этого-то ... и установили общение, для этого и основали государство». [18, с. 105–106]

Таким образом, государство у Платона не просто политический институт, но нечто большее. Оно создает то, что можно было бы назвать «пространством общения», где люди будучи недостаточными сами для себя, и имея нужду в помощи других, могут эту потребность реализовать. Ю.Н. Давыдов прямо увязывает это понятие с дефиницией социального пространства. [21, с. 35]

Важный факт – политическое пространство государства у Платона конституируется законами. Дело в том, что согласно платоновским утверждениям идеальное государство не может расширяться бесконечно, размер его территории не должен постоянно увеличиваться, например, в результате войн. Правители и воины обязаны следить за тем, чтобы государство было ни слишком большим и ни слишком маленьким, иначе, как пишет Платон, будет нарушено его единство. «Докуда может распространяться город <т.е. государство>, оставаясь одним, дотуда чтобы он и простирался, а не далее». [18, с. 190] О каком единстве здесь идет речь? Обычно на этот вопрос отвечают так, что идеальное государство в случае неконтролируемого расширения границ перестанет быть единым в плане социальных связей и ценностей, его сложнее контролировать. Но мы можем предложить и другую более общую формулировку ответа: идеальное государство в таком случае утратит свое единство в плане следования законам. Жизнь граждан в платоновском государстве зарегулирована сверх всякой меры, а законы, пусть и освященные высшим знанием, в отдельных вопросах, например, семьи и брака, чрезмерно строги и скрупулезны. Основой же законопослушности граждан при этом является личный пример и воспитание. Обеспечить должное следование законам в таких условиях возможно лишь когда все члены общества, что называется, «на виду», иначе массовые отклонения от образцового поведения неизбежны. Следовательно, идеальное государство может расширяться лишь до тех пор, пока его совершенные законы сохраняют свою эффективность. Государство же неидеальное от такого недостатка извлекать, оно может расширяться постоянно, ведь там законы совсем другого рода.

Как Платон понимает *власть*? Очевидно, что ее он рассматривает как способность, основанную на специфическом знании – знании правления. При этом фактически все типы связи между людьми, начиная с простейших, рассматриваются им как отношения власти. Властвование и подчинение необходимы во всех сферах жизни, как мирной, так и военной. «Никто никогда не должен оставаться без начальника, – еще одна известная цитата Платона, – ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям. Даже в самых незначительных мелочах

надо ими руководствоваться... Словом, пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет возможно более сплоченной и общей. ... А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям». [17, с. 378]

Платон не задается вопросами, собственно, того, что сегодня принято называть концептуальным анализом власти. Он не конструирует само понятие власти, не раздвигает глубоко над структурой и типологией ее отношений. Для политико-философской мысли античности такая проблематика, очевидно, еще преждевременна. Однако, современные исследователи в платоновских рассуждениях все же усматривают корни так называемой «несекционной концепции» власти (представители Т. Парсонс, Х. Арендт, М. Фуко), отвергающей идею «нулевой суммы» и допускающей, что власть может осуществляться ко всеобщей выгоде. В данной традиции власть представляется как коллективный ресурс, как способность достичь какого-то общественного блага; подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом. [22, с. 28]

На взгляд автора, своеобразие платоновского понимания власти состоит в том, что она рассматривается как способность и, одновременно, обязанность устанавливать правильные и справедливые нормы человеческого (т.е. государственного) общежития. Принятие конкретных управленческих решений в рамках этих норм, конечно, тоже важно и является неотъемлемой функцией осуществления власти, но нормотворческая деятельность все же приоритетна. У Платона правители-философы – это, в первую очередь, все же законодатели. Нормотворчество для них является по сути не только прерогативой, но и, как было сказано, долгом перед обществом, поскольку лишь они в силу обладания необходимым знанием способны к выработке правильных устоев и предписаний общественного порядка. Без них такой порядок будет либо вовсе невозможен, либо несовершенен.

В научной литературе встречаются оценки Платона (наряду с Аристотелем) как одного из первых теоретиков *легитимности* власти, в чем-то даже предвосхитившим веберовскую методологию конструирования типов легитимного господства. [23, с. 120] Так ли это?

Платон, естественно, не употребляет в своих рассуждениях понятие легитимности как таковое, нет в его работах и каких-либо категориальных эквивалентов. Однако, сама проблематика легитимности в том семантическом поле, которое в современной науке закрепилося за данным понятием, в сочинениях Платона, безусловно, присутствует. Она так или иначе фигурирует в размышлениях Платона о том, что есть идеальное правильное государство, как должна быть организована власть, кто этой власти заслуживает и т.д. При этом Платон решает проблему легитимности достаточно просто. Легитимно (правильно) в государстве то, что устроено в соответствии с миром высшего знания (миром идей), а точнее с благами, прежде всего, с благом справедливости, предполагающем, как мы уже знаем, что, во-первых, интересы целого (государства) важнее и выше интересов частного (отдельных индивидов), а во-вторых, что каждый элемент целого должен выполнять присущие ему функции. Что справедливо и соответствует высшему знанию, то и правильно (легитимно) – так можно в общем резюмировать суть платоновского решения проблемы. Например, правильна власть знающих философов, в силу своей компетенции как бы предназначен-

ных к властвованию над теми, кто необходимого знания в должной мере не имеет. Защита от произвола властей – также знание, ведь все правители, прошедшие обучение по необходимости, становятся добродетельными. Но такой вывод будет корректным лишь для идеального государства, построенного на принципе справедливости. В государстве же несовершенном, как мы знаем, социальный и политический порядок могут быть выстроены на совсем других основаниях.

Обратим внимание, что в деле построения легитимности у Платона вновь ведущую роль играют законы. Суть опять же в том, что знание в полной мере доступно не всем, а кроме того и не может быть получено одновременно, даже философами – знание приходится приобретать. Это значит, что те, кто не обладает знанием в должной мере (а таких даже в идеальном государстве всегда будет преобладающее большинство) необходимо нуждаются в верных поведенческих ориентирах, в роли которых и выступают законодательные нормы, установленные мудрыми правителями. Получается, что законно, то и правильно (легитимно) – такая формула, выведенная из платоновских построений, также может считаться верной. Таким образом, следование законам (обязательно в сочетании с воспитанием) составляет у Платона основу легитимного порядка и воспроизводства, описываемого им обществом. Там, где следуют законам, уровень благополучия государства выше.

В какой-то мере такие утверждения Платона о роли законов в устройстве государства, действительно, выглядят сходными с некоторыми положениями учения М. Вебера о типах легитимного господства, а точнее с учением об одном из этих типов – легально-рациональном. На наш взгляд такое сравнение надуманно. Напомним, что у немецкого социолога данный тип господства – это такой способ узаконения социального порядка и подчинения, который покоится на вере в юридически удостоверяемую правильность их основоположений, гарантируемую их соответствием требованиям разума. По сути данный тип легитимности у Вебера является репликой его же понятия целерационального действия, которое строится на связи рационально осмысленной цели с рационально выраженными средствами. При этом, что принципиально важно, само это осмысление имманентно разуму индивида, тогда как Платон обоснованность индивидуального поведения, как мы знаем, возводит к трансцендентному миру идей. Уже одно это различие вряд ли позволяет продуктивно интегрировать веберовскую методологию и платоновские построения.

Завершая исследование нормативных аспектов политических воззрений Платона, обратим внимание на следующее. Сами идеи, от которых производны законы идеального государства, по своей сути уже нормативны. Платоновский мир идей, как пишет А.Ф. Лосев – это мир «вечных законов бытия» [24, с. 303]. На это же указывает и В.С. Соловьев, определяя идеи у Платона как «суть безусловные умопостигаемые нормы или первоначала достойного существования». [25, с. 386–387] С.Н. Трубецкой также подчеркивал именно нормативный характер идей: «Царство идей является, прежде всего, царством норм всего сущего...». [26, с. 357] Отсюда и вытекает идеалистический и непреложный характер платоновского государства – ведь оно основано не просто на законах, а по сути на принципах мироздания.

Заключение

По итогам проведенного исследования автор может сделать следующие **выводы**, подтверждающие высказанную в начале исследования гипотезу.

1. Законодательство в системе социально-политических взглядов Платона играет основополагающую роль и является их основой.

2. Законы определяют суть властных отношений, формируют легитимный порядок, социально-экономический уклад, контуры политического пространства полисного общества.

3. Названная роль обусловлена тем, что законы, согласно учению великого древнегреческого философа, являются ничем иным как воплощением вечного и совершенного порядка мира идей. Данный порядок безупречен, любые отклонения от него – суть отказ от попытки достижения, что важно, *вечного* совершенства и идеала социального устройства.

4. Отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, можно предположить, что Платон не социалист или тоталитарист, и даже не утопист в строгом понимании этих значений – данные формы социально-политической организации, очевидно, предполагают определенную динамику своего бытия. Построения же Платона изначально лишают идеальное государство всякого развития, оставляя ему только неизменное существование. Изменения возможны лишь в государстве несовершенном (в идеальном государстве они, впрочем, также могут случиться, но тогда его совершенство будет утрачено). В платоновском же государстве все вечно, все определено раз и навсегда с помощью закона. Даже правители-законники могут считаться таковыми лишь номинально. Они не творцы законов, а скорее созерцатели идей, на фундаменте которых эти законы созданы. Полисное устройство Платона – это своего рода идеальный тип, но не в веберовском определении как мыслительная конструкция, не извлекаемая из эмпирической реальности, и создаваемая исследователем в форме методологического инструмента познания явлений реального мира, а как конечная и единственно правильная цель социально-политического развития в виде построения «справедливого» общества, к которой следует непременно стремиться.

Литература

- Сапов В.В. Генезис и структура социальной утопии Платона. // История теоретической социологии. Предыстория социологии. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Академический проект, 2020. С. 27–34.
- Батиев, Л.В. Закон и справедливость в философии Платона. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5(262). С. 164–174.
- Кабанцов, В.С. Политико-правовые взгляды Платона. // Новый юридический вестник. 2025. № 4(46). С. 18–20.
- Фролова, Е.А. Философии права античности: Платон о государстве и законах. // Аграрное и земельное право. 2019. № 3(171). С. 50–54.
- Голубев, С. В. «Законы» Платона и современное правосознание. // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Маширова. 2016. Т. 21. С. 105–109.
- Pasqualoni, A. M. (2023). Harmony, Order, and Unity in Plato's Laws. (Schole). Ancient Philosophy and the Classical Tradition. Vol. 17, No. 2. P. 605–622.
- Morrow, Glenn Raymond. (1993). Plato's Cretan city: a historical interpretation of the Laws. Princeton, N.J.: Princeton University Press. Pp. xxii, 623
- Reid, Jeremy. (2020). The Mixed Constitution in Plato's Laws. Australasian Journal of Philosophy, 99, Pp. 1–18.
- Fraistat, Shawn. (2015). The Authority of Writing in Plato's Laws. Political Theory, 43, Pp. 657–677.
- Stratilatis, Costas. (2011). A Counterpoint to Modernity: Laws and Philosophical Reason in Plato's Politicus. Law and Critique, 22, Pp. 15–37.
- Ballingall, Robert A. (2022). The Rule of Law and the Imitation of God in Plato's Laws. Perspectives on Political Science, 51, Pp. 190–200.
- Klosko, George. (2008). Knowledge and Law in Plato's Laws. Political Studies, 56, Pp. 456–474.
- Щанкина, Л.Н., Свечников В.А. Политико-правовые взгляды Платона на основе анализа произведений «О государстве» и «Законы». // Экономика и право: Монография / Гл. редактор Э.В. Фомин. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 121–137.
- Быков, В.П. Тема социальных законов в философии Платона. // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 87–97.
- Чернов, А.В. Справедливость как аксиологическая основа «идеального государства» Платона: путь к тоталитаризму. // Kant. 2024. № 3(52). С. 262–267.
- Воронцов, Е. А. «Законы» Платона: проект реализации наилучшего государственного строя. // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2(34). С. 45–49.
- Платон (427–347 до н.э.). Законы [Текст]; Послезаконие; Письма / Платон; [вступ. ст. Я.А. Слинин]. Санкт-Петербург: Наука, 2014. 517с.
- Платон. Государство и политика. / пер., введ. и коммент. В.Н. Карпова. М., 2017. 493 с.
- Проценко, Е.Д., Бредихин А.Л. Форма государства и государственный режим. // Академический юридический журнал. 2015. № 2(60). С. 4–10.
- З.К. Куан Право и мораль в конфуцианском управлении обществом феодального Вьетнама. // Социум и власть. 2013. № 5 (43). С. 28–32.
- Ю.Н. Давыдов. Генезис понятия общества и политического господства у Платона. // История теоретической социологии. Предыстория социологии: Учебное пособие для вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Академический проект, 2020. С. 35–45.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 384 с.
- Завершинский, К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта. // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 113–131.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. 959 с.
- Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов/Д., 1997. 462 с.
- Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М., 1997. 573 с.

THE ROLE OF LEGISLATION IN PLATO'S POLITICAL DOCTRINE

Siushkin A.E.

Penza State University

The subject of this article is the legislative aspects of Plato's political doctrine. The article systematically examines the normative aspects of Plato's ideas about the types of polis organization, the internal hierarchy of the state, its socio-economic structure, state borders, and the concept of power and its legitimacy. In addition, the article explores the origins of legal norms and their connection to Plato's idealistic ontology, his theory of the world of eternal ideas, and the higher natural principles derived from this world, such as the concept of "bliss." The novelty of this research lies in the following: The author believes that it is the laws that determine the essence of power re-

lations and the legitimate order within a given state. It is argued that the uniqueness of Plato's understanding of power lies in its ability to establish norms for human coexistence. The foundation of the legitimate order in Plato's society is also based on adherence to laws.

Keywords: Plato, laws, the ideal state, power, legitimacy, history of political doctrines, forms of government, legality, political philosophy, justice.

References

1. Sapov V.V. Genesis and structure of Plato's social utopia. // History of theoretical sociology. The prehistory of sociology. Ed. 3rd, revised. and added. M.: Academic project, 2020. Pp. 27–34.
2. Batiev, L.V. Law and justice in Plato's philosophy. // Izvestiya of higher educational institutions. Jurisprudence. 2005. No. 5(262). Pp. 164–174.
3. Kabantsov, V.S. Political and Legal Views of Plato. // New Legal Bulletin. 2025. No. 4(46). Pp. 18–20.
4. Frolova, E.A. Philosophy of Ancient Law: Plato on the State and Laws. // Agrarian and Land Law. 2019. No. 3(171). Pp. 50–54.
5. Golubev, S. V. "Plato's Laws and Modern Legal Consciousness." // Scientific Notes of VSU named after P.M. Masherov. 2016. Vol. 21. Pp. 105–109.
6. Pasqualoni, A. M. (2023). Harmony, Order, and Unity in Plato's Laws. (Schole). Ancient Philosophy and the Classical Tradition. Vol. 17, No. 2. P. 605–622.
7. Morrow, Glenn Raymond. (1993). Plato's Cretan city: a historical interpretation of the Laws. Princeton,
8. Reid, Jeremy. (2020). The Mixed Constitution in Plato's Laws. Australasian Journal of Philosophy, 99, Pp. 1–18.
9. Fraistat, Shawn. (2015). The Authority of Writing in Plato's Laws. Political Theory, 43, Pp. 657–677.
10. Stratilatis, Costas. (2011). A Counterpoint to Modernity: Laws and Philosophical Reason in Plato's Politicus. Law and Critique, 22, Pp. 15–37.
11. Ballingall, Robert A. (2022). The Rule of Law and the Imitation of God in Plato's Laws. Perspectives on Political Science, 51, Pp. 190–200.
12. Klosko, George. (2008). Knowledge and Law in Plato's Laws. Political Studies, 56, Pp. 456–474.
13. Shchankina, L.N., Svechnikov V.A. Political and Legal Views of Plato Based on the Analysis of the Works "On the State" and "Laws". // Economics and Law: Monograph / Edited by E.V. Fomin. Cheboksary: Publishing House "Sreda" LLC, 2021. Pp. 121–137.
14. Bykov, V.P. The Theme of Social Laws in Plato's Philosophy. // Russian Society Today: Values, Institutions, and Processes: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, November 16–18, 2023. St. Petersburg: LLC Publishing House "Sciencia", 2023. Pp. 87–97.
15. Chernov, A.V. Justice as the Axiological Basis of Plato's "Ideal State": The Path to Totalitarianism. // Kant. 2024. No. 3(52). Pp. 262–267.
16. Vorontsov, E.A. Plato's Laws: A Project for Implementing the Best Possible State System. // Man. Society. Inclusion. 2018. No. 2(34). Pp. 45–49.
17. Plato (427–347 BC). Laws [Text]; Post-Law; Letters / Plato; [introductory article by Ya.A. Slinin]. St. Petersburg: Nauka, 2014. 5.
18. Plato. The State and Politics. / Translated, introduced, and commented on by V.N. Karpov. Moscow, 2017. 493 p.
19. Protsenko, E.D., and Bredikhin, A.L. The Form of State and the State Regime. // Academic Legal Journal. 2015. No. 2(60). pp. 4–10.
20. Z.K. Kuan Law and morality in the Confucian society management of feudal Vietnam. // Society and power. 2013. No.5 (43). pp. 28–32.
21. Yu.N. Davydov. The genesis of Plato's concept of society and political domination. // History of theoretical sociology. Prehistory of Sociology: Textbook for Universities. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Academic Project, 2020, pp. 35–45.
22. Ledyayev, V.G. Power: Conceptual Analysis. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 384 p.
23. Zavershinsky, K.F. Legitimacy: Genesis, Formation, and Development of the Concept. Polis. Political Studies. 2001. No. 2. Pp. 113–131.
24. Losev, A.F. Essays on Ancient Symbolism and Mythology. – Moscow: Mysl, 1993. 959 p.
25. Vladimir Solovyov's Philosophical Dictionary. Rostov/D. N., 1997. 462 p. ill.
26. S. Trubetskoy, N.N. The course of the history of ancient philosophy. – M. N., 1997. 573 p.

Смешанная избирательная система в Монголии и ее влияние на политический процесс

Федотов Никита Романович,
бакалавр, МГИМО(У) МИД России
E-mail: fedotov_n_r@mail.ru

Лузянин Сергей Геннадьевич,
доктор исторических наук, профессор, МГИМО(У) МИД
России; профессор НИУ ВШЭ
E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Статья посвящена анализу развития демократических институтов в Монголии в постсоциалистический период, с акцентом на роль политических партий и влияние избирательной системы на политический процесс. Рассматриваются ключевые изменения в конфигурации власти после введения смешанной избирательной системы в 2012 и 2024 гг., а также ее влияние на политический курс страны. Особое внимание уделено феномену политических партий, их трансформации и проблемам, включая фракционность, сращивание государственного сектора и бизнес-групп. На примере парламентских выборов 2012 и 2024 гг. показано, как смешанная избирательная система влияет на расстановку сил между ведущими партиями – Монгольской народной партией (МНП) и Демократической партией (ДП), и насколько преобразования влияют на развитие демократических институтов. Несмотря на попытки обеспечить реальную многопартийность, власть остается сосредоточенной в руках двух доминирующих сил, а оппозиция имеет ограниченное влияние. Автор также исследует кризис доверия населения к партиям, вызванный их неспособностью эффективно решать социально-экономические проблемы. В качестве возможного пути реформирования предлагается введение института праймериз, что могло бы повысить вовлеченность граждан и снизить уровень внутрипартийных конфликтов. Делается вывод о необходимости комплексных изменений в системе государственного управления для укрепления демократии в Монголии.

Ключевые слова: Монголия, демократия, смешанная избирательная система, политические партии, парламентские выборы, фракционность, праймериз.

На современном этапе Монголия представляется как демократическое государство в Восточной Азии. В этой связи научный интерес вызывает рассмотрение атрибутов демократии в постсоциалистическом государстве, выражающееся, прежде всего, в анализе деятельности законодательных и исполнительных органов власти (Великий государственный хурал и Правительство соответственно). Главную роль в формировании данных политических институтов выполняют партии, что делает их ведущим актором в монгольском политическом процессе. С введением смешанной избирательной системы в 2012 и 2024 гг. в определенной степени изменилась конфигурация власти, что оказывает существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику.

Феномен политической партии в Монголии

Для всеобъемлющей оценки влияния смешанной избирательной системы на политический процесс необходимо понимать, что собой представляет партия в Монголии. Согласно представлениям государственного деятеля эпохи Просвещения Эдмунда Бёрка: «Партия – группа людей, объединившихся на основе какого-либо частного (particular), всеми ими разделяемого принципа для обеспечения совместными усилиями общенациональных интересов» [5, с. 335]. Надо сказать, что данное определение наиболее емко и исчерпывающе отражает суть политической партии как института власти и должно являться ориентиром в деятельности партийных структур. Тем не менее, первоначально заложенный принцип партии в монгольском случае теряется, в виду ряда специфических черт, характеризующих политическую систему на современном этапе. Конкуренция партийных фракций, деятельность неформальных/ негосударственных институтов, фактическое слияние государственного аппарата с крупным бизнесом, преследование политическими элитами интересов обогащения и высокий уровень коррумпированности общества являются той плоскостью, в которой происходит институционализация всего партийного механизма. В этой связи складывается ситуация, которая была описана А. Алексис де Токвилем: «Вначале людей объединяют общие взгляды, общее мировоззрение, между ними возникают чисто духовные связи. Затем, на втором этапе, эти же люди образуют небольшие объединения, представляющие собой фракцию партии. И наконец, на третьем этапе они как бы формируют отдельную нацию внутри всей нации, свое правление внутри государственного правления» [4, с. 156].

В период с 1990 по 2012 и с 2016 по 2024 гг. в Монголии существовала мажоритарная избирательная система относительного большинства. Такой метод голосования приводит к «дуалистической системе с чередованием у власти больших независимых партий» [2, с. 265]. Действительно, на политической арене Монголии наблюдается присутствие двух ведущих партий – Монгольской народной партии (МНП) и Демократической партии (ДП), которые, по сути, монополизировали власть. При такой конфигурации участие маргинальных партий в политической жизни страны практически невозможно, и наблюдается минимальное влияние оппозиции.

На пути становления молодой демократии были приняты попытки ликвидировать данные диспропорции в партийном представительстве и обеспечить участие мелких партий в политическом процессе. В связи с этим была введена смешанная избирательная система, когда часть депутатов избирается в режиме пропорционального представительства, что призывает обеспечить не номинальную, а реальную многопартийность.

Выборы 2012 года

В Законе о выборах в Великий государственный хурал от 2011 г. было закреплено, что 76 депутатов избираются по смешанной системе: 48 по одномандатным округам и 28 по партийным спискам [9]. Таким образом, впервые на монгольских выборах была использована смешанная избирательная система, призванная создать благоприятные условия для равного участия в государственном управлении партий разного уровня политического влияния. По результатам выборов произошла смена власти, однако ни одна партия не смогла получить большинства, необходимого для формирования правительства, из-за чего была сформирована коалиция преимущественно правого толка с 31 парламентарием от ДП и 11 от коалиции «Справедливость». Наиболее полно результаты парламентских выборов по смешанной избирательной системе представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Динамика показателей выборов

Показатель	2012	2024
Количество партий / коалиций	11 партий, 2 коалиции	19 партий, 2 коалиции
Количество мест в ВГХ	76	126
Зарегистрировано кандидатов	544	1341
Явка	65.35%	69.8%
Партий/блоков в ВГХ	4	5
Доля партий с местами в ВГХ	23.08%	23.8%
Доля мест крупнейшей партии	30.76% ДП	53.9% МНП
Общее распределение мест	ДП – 31 МНП – 25 Коалиция «Справедливость» – 11 Зеленые – 2 Независимые – 3 Вакантны – 4	МНП – 68 ДП – 42 ТНП – 8 Нац. коалиция – 4 Зеленые – 4
Партии, сформировавшие правительство	Коалиция	Коалиция
Смена власти после выборов	да	нет

Источник: International Foundation for Electoral Systems [Электронный ресурс] // IFES. – Режим доступа: <https://www.electionguide.org/countries/id/144/> (дата обращения: 01.07.2025).

Победу демократов, хоть и не абсолютную, можно объяснить предвыборными обещаниями о включении населения в доленое участие предприятий горнодобывающей промышленности и форсированном развитии социальной сферы. Учитывая, что «выборы проходили в кон-

тексте пикового роста экономики в горнодобывающей отрасли (+17%)» [3], ДП вполне умело сыграла на чувствах избирателей, чем и обеспечила себе большинство.

Тем не менее, характер сложившейся коалиции, где с одной стороны находились правые (демократы), а с другой левые (коалиция «Справедливость»), фракционная и межпартийная борьба привели к тому, что законодательные и исполнительные органы власти показали свою несостоятельность в выработке единой, эффективной повестки. На выборах 2016 г. ДП потерпела решительное поражение вследствие стагнации экономики.

Примечательным является тот факт, что на парламентских выборах в 2016 г. был осуществлен возврат к мажоритарной избирательной системе (система 2012 г. признана неконституционной) путем принятия нового Закона о выборах в ВГХ от 2015 г. [10]. Согласно Закону о выборах в ВГХ от 2011 г. ст. 60: «Запрещается принимать новый закон, изменять или дополнять действующий Закон о выборах в ВГХ в течение шести месяцев до проведения очередных выборов в ВГХ» [9]. Закон от 25.12.2015 г. такого пункта уже не предусматривал (ко всему прочему новый закон был принят за 4 дня до истечения шестимесячного срока), следовательно, с юридической точки зрения нарушений нет. Тем не менее, возникает вопрос относительно того, насколько данные действия, прежде всего исключение пункта о сроке внесения поправок, совместимы с демократическими принципами. Таким образом, монгольский политический истеблишмент склонен действовать в первую очередь в угоду своим интересам, отодвигая вопросы демократии на второй план.

Выборы 2024 года

В 2024 г. состоялись выборы в ВГХ 9-го созыва, вновь проведённые по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. Общее число депутатов было увеличено с 76 до 126 человек: 78 избирались по одномандатным округам, 48 – по партийным спискам.

Особое внимание привлекло неравномерное распределение мандатов между округами: в некоторых регионах на один мандат приходилось около 18 тысяч избирателей, тогда как в столичных округах с высокой плотностью населения этот показатель достигал 50 тысяч. Согласно требованиям Государственной избирательной комиссии Монголии, более трети мандатов были отведены женской квоте. Значительную роль в этом сыграл БДИПЧ ОБСЕ. В итоге, депутатами стали 32 женщины, что является самым высоким показателем за всю историю парламентских выборов.

По итогам избирательной кампании большинство мест в парламенте получила Монгольская народная партия (МНП) – 68 мандатов. Демократическая партия (ДП) получила 42 места, партия «ХУН» – 8, по 4 мандата достались «Зелёным» и Национальному альянсу. Таким образом, МНП сохранила своё доминирующее положение в ВГХ, и, тем не менее, пошла на формирование коалиционного правительства. Вероятнее всего это произошло в связи с тем, что партия утратила большинство в две трети мест (с 2016 г.), которое позволяло ей продвигать конституционные реформы. Позиции МНП заметно ослабли по сравнению с Демократической партией, а её результат – 54% мест в парламенте – стал худшим с 2012 г. [7].

Ход и результаты выборов показали преемственность с опытом 2012 г. Вновь было сформировано коалиционное правительство с появлением новых политических сил и ослаблением роли МНП. В то же время влияние оппозиции остается крайне ограниченным, ввиду межпартийных сговоров, вызванных общими экономиче-

скими интересами в ведущих предприятиях горнодобывающей отрасли. Наблюдается противостояние партийных фракций, прежде всего в МНП, где сформировались 2 ведущие группы – сторонники президента У.Хурэлсуха и фракция бывшего премьер-министра Л.Оюун-Эрдэнэ. Данная ситуация является закономерной для монгольской политики и оказывает явно дестабилизирующее воздействие. Если по окончании выборов в июле 2024 г. значительно укрепились позиции Л. Оюун-Эрдэнэ, и ослабла фракция президента, то менее чем через год в июне 2025 г. премьер-министр был вынужден уйти в отставку, не сумев заручиться поддержкой депутатов на голосовании по вопросу доверия. Действующим премьер-министром был назначен Г.Занданшатар, который является сторонником президента, был обновлен состав кабинета министров, что говорит об усилении фракции У.Хурэлсуха.

Ожидания населения

Анализируя сложившуюся ситуацию, следует подчеркнуть глубокий кризис доверия населения к политическим институтам, особенно к партийным структурам. Ежегодные исследования фонда «Сант Марал» убедительно демонстрируют, что значительная часть граждан скептически относится к деятельности партий и их способности отстаивать общественные интересы, несмотря на преобразования в области избирательной системы. Согласно полученным данным, многие респонденты воспринимают политические партии как коррумпированные организации, существующие в отрыве от действительности. Подобные настроения способствуют нарастанию политической апатии и отчуждению граждан от государственных институтов власти. Особенно тревожным является растущее разочарование в способности партий адекватно реагировать на социально-экономические вызовы, что объясняет поворот общественных симпатий в сторону структур гражданского общества и рост радикальных настроений среди населения (см. Таблица 2).

Таблица 2. Какая политическая партия способна решить значимые общественные проблемы (%)?

Годы	МНРП/МНП	ДП	Ни одна
2010	14.8	13.8	47.3
2011	15	13.5	42.7
2012	12.5	16.1	58.8
2013	12.2	21.2	32.2
2014	10.4	22.4	36.1
2015	13.5	10.4	43.5
2016	14.6	11.1	35.1
2017	24.3	10.6	34.6
2018	11.1	9.6	53.8
2019	12.3	8	49.3
2020	19	7.3	32.1
2021	23.1	6.6	44
2022	21.6	6.8	44.7
2023	12.7	8	56.7
2024	18.6	12.6	42.7

Источник: Sant Maral Foundation Politbarometr [Электронный ресурс] // Sant Maral. – Режим доступа: <https://www.santmaral.org/publications> (дата обращения: 01.07.2025).

Перспективы эволюции института выборов

На данном этапе нельзя сказать, что предпринятые реформы в избирательной системе смогли решить социально-экономические проблемы населения, смягчить фракционность в политических партиях и обеспечить фактическую многопартийность с сильным оппозиционным блоком. Сохраняются прежние тенденции внутриполитического развития.

В этом контексте важным шагом к реформированию избирательной системы и укреплению демократии может стать введение института первичных выборов (праймериз). Морис Дюверже описывает данный процесс как «предварительные выборы, которые служат для выдвижения кандидатов партии на собственно выборы» [2, с. 439]. Введение практики праймериз могло бы решить сразу несколько проблем. Во-первых, произойдет улучшение имиджа политических партий в глазах населения и, самое главное, восстановление утраченного доверия к данному институту власти. Это объясняется сравнительно большей вовлеченностью электората в политический процесс, поскольку в рамках голосования по пропорциональной избирательной системе у него самого появится возможность влиять на состав партийных списков. При этом сохраняется тайна политических предпочтений, а также исключается возможность двойного голосования: бюллетени считаются недействительными при выборе кандидатов от нескольких партий. Во-вторых, «смысл праймериз состоит в том, чтобы кандидаты от одной партии не отбирали друг у друга голоса в основных выборах» [1, с. 9–10]. Действительно, происходит перетягивание голосов и обострение внутрипартийного противостояния, что приводит к фракционности политических партий. Таким образом, установление данной практики хоть и в большей степени ориентировано на стабильную работу двухпартийной системы, способно устранить первопричины конфликтности партийного аппарата и стимулировать политические элиты проводить эффективные реформы в интересах населения. В конечном, итоге это может привести к более устойчивой и эффективной политической системе с реальными элементами демократического управления.

Заключение

Введение смешанной избирательной системы де-юре является важным шагом на пути к демократизации. Тем не менее, в случае Монголии наблюдаются системные проблемы на уровне властных структур (неспособность правительства осуществить эффективный внутривнутриполитический курс, противостояние партийных фракций, слияние государственных и бизнес структур, коррупция), что затрудняет имплементацию демократических принципов через реформирование избирательной системы. Переход к новой модели выборов несет в себе важный смысл, но вместе с тем требует устранения пробелов в других аспектах государственного управления. Если Монголия продолжит внутривнутриполитическое развитие путем укрепления избирательной системы через переход к реальной, а не номинальной многопартийности, введение института первичных выборов, и решение других системных проблем, то сложится устойчивая политическая система с прочными институтами демократии.

Литература

1. Аксенов Ю.М. Предварительное партийное голосование: конституционно-правовые пробле-

- мы / Ю.М. Аксенов // М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. – 146 с.
2. Дюверже М. Политические партии / М. Дюверже // М.: Академический проект, 2002. – 560 с.
 3. Остапенко Г.И. “Динамика” и “статика” парламентских выборов в Монголии сквозь призму электро-анализа [Электронный ресурс] / Г.И. Остапенко // Известия Восточного института. 2020. № 4 (48). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-statika-parlamentskih-vyborov-v-mongolii-skvoz-prizmu-elektoralnogo-analiza> (дата обращения: 01.07.2025).
 4. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
 5. Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents (1770) / E. Burke // Oxford. – 1887. – Vol. 1. – 392 p.
 6. International Foundation for Electoral Systems [Электронный ресурс] // IFES. – Режим доступа: <https://www.electionguide.org/countries/id/144/> (дата обращения: 01.07.2025).
 7. Mongolia’s governing party wins only a slim majority in parliamentary election, early results show [Электронный ресурс] // Apnews. – Режим доступа: <https://apnews.com/article/mongolia-parliament-election-democracy-bdf3852aed557d710570f1331b2998a4> (дата обращения: 01.07.2025).
 8. Sant Maral Foundation Politbarometr [Электронный ресурс] // Sant Maral. – Режим доступа: <https://www.santmaral.org/publications> (дата обращения: 01.07.2025).
 9. 2011 оны Монгол Улсын Их Хурлын Сонгуулийн Тухай Хууль (Закон о выборах в Великий государственный хурал Монголии 2011 г.) [Электронный ресурс] // Всеобщая Избирательная Комиссия Монголии. – Режим доступа: <https://www.gec.gov.mn/post/2485?n=%D0%A5%D1%83%D1%83%D0%B%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2> (дата обращения: 01.07.2025).
 10. 2015 оны Монгол Улсын Их Хурлын Сонгуулийн Тухай Хууль (Закон о выборах в Великий государственный хурал Монголии 2015 г.) [Электронный ресурс] // Единая Правовая Информационная Система. – Режим доступа: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12178> (дата обращения: 01.07.2025).

MIXED ELECTORAL SYSTEM IN MONGOLIA AND ITS INFLUENCE ON THE POLITICAL PROCESS

Fedotov N.R.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article analyzes the development of democratic institutions in Mongolia in the post-socialist period, with an emphasis on the role of political parties and the influence of the electoral system on the

political process. It examines the key changes in the configuration of power after the introduction of the mixed electoral system in 2012 and 2024, as well as their impact on the country’s political course. Particular attention is paid to the phenomenon of political parties, their transformation and problems, including factionalism, merging of the public sector and business groups. By using the example of the parliamentary elections of 2012 and 2024, it has shown how the mixed electoral system affects the balance of power between the leading parties – the Mongolian People’s Party (MPP) and the Democratic Party (DP), and to what extent the transformations affect the development of democratic institutions. Despite attempts to ensure a real multi-party system, power remains concentrated in the hands of two dominant forces, and the opposition has limited influence. The author also examines the crisis of public confidence in parties caused by their inability to effectively address socio-economic problems. The introduction of the primaries institute is proposed as a possible path of reform, which could increase citizen involvement and reduce the level of intra-party conflicts. A conclusion is made about the need for comprehensive changes in the public administration system to strengthen democracy in Mongolia.

Keywords: Mongolia, democracy, mixed electoral system, political parties, parliamentary elections, factionalism, primaries.

References

1. Aksyonov Yu.M. Preliminary party voting: constitutional and legal problems / Yu.M. Aksyonov // М.: ООО “НИПКЦ Восход-А”, 2012. – 146 p.
2. Duverger M. Political parties / M. Duverger // М.: Academic project, 2002. – 560 p.
3. Ostapenko G.I. “Dynamics” and “statics” of parliamentary elections in Mongolia through the prism of electoral analysis [Electronic resource] / G.I. Ostapenko // News of the Eastern Institute. 2020. No. 4 (48). – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-statika-parlamentskih-vyborov-v-mongolii-skvoz-prizmu-elektoralnogo-analiza> (access date: 01.07.2025).
4. Tocqueville Alexis de. Democracy in America: Trans. from French. / Preface by Harold J. Laski. – М.: Progress, 1992. – 554 p.
5. Burke E. Thoughts on the Cause of the Present Discontents (1770) / E. Burke // Oxford. – 1887. – Vol. 1. – 392 p.
6. International Foundation for Electoral Systems [Electronic resource] // IFES. – Access mode: <https://www.electionguide.org/countries/id/144/> (access date: 01.07.2025).
7. Mongolia’s governing party wins only a slim majority in parliamentary election, early results show [Electronic resource] // Apnews. – Access mode: <https://apnews.com/article/mongolia-parliament-election-democracy-bdf3852aed557d710570f1331b2998a4> (access date: 01.07.2025).
8. Sant Maral Foundation Politbarometr [Electronic resource] // Sant Maral. – Access mode: <https://www.santmaral.org/publications> (access date: 01.07.2025).
9. 2011 Law on Elections to the State Great Khural of Mongolia 2011 [Electronic resource] // General Election Commission of Mongolia. – Access mode: <https://www.gec.gov.mn/post/2485?n=%D0%A5%D1%83%D1%83%D0%B%D0%B8%D0%B9%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2> (access date: 01.07.2025).
10. 2015 Law on Elections to the State Great Khural of Mongolia 2015 [Electronic resource] // Unified Legal Information System. – Access mode: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12178> (access date: 01.07.2025).

Идеология или власть? Спорные политические процессы в Эритрее до обретения независимости: 1970–1991 гг.

Фирре Еримиаас Биниам,

аспирант, Российский Университет Дружбы Народов

E-mail: ermiexsow@gmail.com

Война за независимость Эритреи 1961–1991 годов сопровождалась напряженностью между Фронтом освобождения Эритреи (ELF) и Народным фронтом освобождения Эритреи (EPLF) из-за различий в националистических и социалистических взглядах. Исследование анализирует стратегии EPLF по управлению идеологическими спорами, выясняя, были ли они вызваны идеологией или борьбой за власть. Данные собирались в Асмэре с августа по декабрь 2024 года через интервью с кадрами, членами политбюро, бывшими студентами и анкеты 302 борцов за свободу, знакомых с марксистско-ленинскими принципами. Количественные данные обрабатывались в SPSS (версия 23), качественные интервью и архивы Центра исследований и документации Эритреи анализировались тематически. EPLF предпочитал убеждение принуждению, редко применяя чистки, как в случае восстания Менакае 1973 года. Проблемы включали традиционалистское сопротивление, конфликты ELF-EPLF, давление Эфиопии при поддержке СССР и арабское влияние, вынуждавшее к скрытым марксистским тактикам. Смесь социализма и национализма EPLF, достигнутая через диалог, укрепила единство и определила революционную идентичность Эритреи в сложной социально-политической обстановке.

Ключевые слова: Холодная война, Эритрея, идеологические убеждения, политическое инакомыслие, социалистическая идеология.

Introduction

Academic literature on the internal political processes in pre-independence Eritrea highlights two major lines of argument—those mentioning ideological difference between the ELF and EPLF, and those reciting power struggle as the major factor fueling the conflict. Whatever the angle might be, chaos, and discord were concurrent, particularly in the early days of the revolutionary period. Beginning from low-scale tensions as between the Eritrean Liberation Movement (ELM) and ELF during the early 1960s to high-scale frictions between political factions within the ELF in 1965. The latter period of the 1960s through mid-1970s were infested with similar scenarios in the sense that there were occasions where real military confrontations erupted among citizens of the same nation. Indeed, clash of ideas and identities were inevitable in times where potential pathways for narrowing differences deemed unworkable [Kibreab, 2008, 111].

Eritrea's war of independence, specifically from the 1970s onward, was influenced by two key factors: internal and external conflicts driven by the pursuit of power and ideological divergence between two major political groups [Markakis, 1988, 58]. From the early 1970s to the early 1980s, intra- and inter-group political friction fueled by competing visions, identities, and ideological factions, escalated into violent dissent, claiming many lives [Pool, 2001, 62]. Of note, ideological rifts and political turbulence were not short-lived during Eritrea's war of independence (1961–1991).

Relevant to the subject under discussion are the concepts of power and ideology. Drawing on Foucault's analysis of power [Foucault, 2019, 326–348], Hou contends that power and ideology are intertwined, blending into a cohesive force that acts as a pervasive mechanism shaping reality. Further elaborating this view, Hou emphasizes that power is dispersed and penetrating by nature, pervading every aspect of human life and society, making it ubiquitous [Hou, 2021, 241–242]. With the Eritrean struggle for national independence marked by power struggles and ideological disputes, the ELF and EPLF became enmeshed in internal conflicts that flared up between 1973–1974 and again from 1980–1981 [Connell, 2001, 351; Iyob, 1995, 117]. This article, therefore, examines the internal political processes associated with the dissemination of socialist ideology in pre-independence Eritrea, guided by the following questions:

- Did the ELF and EPLF differ ideologically, or were their fights entrenched in competition for dominance?
- How did the 1973–1974, 1976, and 1980–1981 purges and clashes reflect tensions between ideological dogmatism and political pragmatism?
- Did the EPLF, if any, deploy forcible measures as opposed to peaceful means to suppress dissent?"

As a starting point, both the ELF and EPLF had no radical ideological difference although some traditionalist and conservative elements were harbored among the politburo of both organizations. With the ELF aligned with Pan-Arabist and Islamist movements in Sudan and Iraq, the EPLF adopted a Marxist-Leninist ideology by the mid-1970s, emphasizing on secularism and social reforms to attract a wider multi-ethnic support base for the struggle for national independence. As a matter of fact, tensions arose between adher-

ents of progressive ideologies and ethno-religious affiliations [Woldemariam, 2018, 124]. In a nutshell, the 1973–1974 and 1980–1981 civil wars between the ELF and EPLF were manifestations of the tensions between ideological dogmatism and political pragmatism [Bereketeab, 2016, 89].

More so, the ELF, led by leaders who championed ethno-religious and Muslim-based loyalties, harbored deep skepticism toward both ordinary fighters and educated conscripts, from the highlands who they deemed “Ethiopianized” or untrustworthy due to perceived ties to Ethiopia’s hegemonic occupation [Abbink & Leiden, 2014, 76]. For this reason, in 1976, the ELF was criticized by a withdrawn Christian Marxist-oriented group (Ma Gu) as hosting patronage politics¹ [Okojie & Ebonine, 2024, 203].

Internal frictions continued from 1971 into the early the 1980s as indicated by the 1971 ideological disputes and power struggles within the ELF that sparked armed clashes while disrupting the anti-Ethiopian struggle.

In 1970, for instance, a political faction that later became the Eritrean People’s Liberation Front (EPLF) split off, joined by the “Obel” group in 1972 [Mohammad & Tronvoll, 2015, 672]. In the aftermath, the ELF launched advance in 1972, and the EPLF followed with Vanguard Party in 1973, as both solidified their bases. This stated, despite the labels suggesting that the ELF was Muslim-dominated, whereas the EPLF, mainly Christian-leaning, highlander, and tied to Soviet versus Chinese ideologies, both fronts were diverse, pursuing nationalist, anti-imperialist, and socialist goals. In view of this, ideologues from both fronts believed that power dynamics and ideological commitments not ethno-religious divides, drove the struggle against Ethiopian occupation [Lobban, 1976, 341].

At the heart of this chaotic scenario lay the intricate interplay of internal political processes that fueled the dissemination and entrenchment of socialist ideology within the region. From the post-World War II era to the brink of Eritrea’s independence in 1991, a diverse array of actors, ideologies, and events converged to shape the unique trajectory of socialist thought in this complex setting [Doboš & Mičko, 2024, 512]. In general, these combined reviews show that the academic literature on pre-independence Eritrea highlights ideological differences and power struggles between the ELF and EPLF as key drivers of conflict, leading to chaos and civil wars in 1973–1974 and 1980–1981. The ELF’s Islamist and traditionalist inclinations clashed with the EPLF’s Marxist-Leninist philosophy, escalating intra- and inter-group tensions.

Materials and Methods

This research adopted a mixed-methods approach [Creswell, 2009, 18] to analyze the internal political processes associated with the dissemination and adaptation of Marxist-Leninist ideology during Eritrea’s war of independence. Data collection took place in Asmara, Eritrea’s capital, from August 5 to December 21, 2024. In-depth interviews were conducted with key informants (upper and middle cadres, members of the politburo and intelligentsia, and ex-students at the revolutionary school), adopting principles of qualitative interviewing to capture nuanced perspectives about the interplay between socialist ideology and internal political processes. Self-administered questionnaires were distributed among rank-and-file fighters, as well as ex-students of the EPLF’s Revolutionary School. To ensure fair representation, freedom fighters from all walks of life, including ethnicities, age groups, gender, educational background, religion and political groups were

¹ Through the lens of traditional notions of governance, patronage politics refers to the intricate web of socio-economic and political reciprocal exchanges as opposed to universal ideals of impartiality, impersonality and neutrality.

considered. Further parameter of inclusion was familiarity with Marxist-Leninist principles, participation in the cadre school, or attendance in ideological training and political education offered during the revolutionary period. Conversely, Eritrean nationals who neither participated in the struggle for national independence nor attended the ideological training or political education classes were not included in the study.

The target population was 2,553 community of freedom fighters and the mass organization, and random selection of 302 sample population of freedom fighters was undertaken. Research sites included government ministries, residence camps inhabited by war veterans and ex-fighters, area administrative centers, the PFDJ branch office for Institutions of Higher Learning in Eritrea, and Women’s Associations such as the Head Office of the National Union of Eritrean Women (NUEW). To minimize the non-response rate, two sets of questionnaires, namely English and Tigrinya—among the working languages of Eritrea [Asfaha & Kurves, 2022, 39–55], were prepared. The Tigrinya version of the questionnaire was reverse-translated into English to verify consistency and clarity. Prior to the data collection, orientation was given to gatekeepers and respondents in the respective research sites. Once questionnaires were filled, the principal investigator cross-checked their completeness, clarity, and any contradictions in responses before transferring them to SPSS (Version 23). Quantitative data were analyzed through tables, charts, and graphs, while in-depth interviews were audio-recorded and supplemented with field notes, then transcribed for thematic analysis. All audio-records were transcribed to Tigrinya language, followed by English translation. A reverse-translation into Tigrinya was conducted to verify the clarity and consistency of all transcriptions.

Secondary data were garnered from archival documents, including special seminar issues, selected revolutionary songs, magazines, books, transcribed and translated materials, newspapers, and audio and video recordings from Eritrea’s Research and Documentation Center, senior researchers, and concerned governmental institutions.

Sample Size Determination

The sample size was determined using Cochran’s formula for population proportions [Cochran, 2005, 72–76], accounting for core variables: managing political dissent, challenges related to the spread of socialist ideology, and the ideology’s role in bridging political divides. The formula for determining the sample size required to estimate a population proportion is:

$$n = \frac{NZ^2pq}{d^2(N-1) + Z^2pq}$$

Where: N= target population (upper and middle cadres plus rank-and-file fighters who attended political education and ideological training), N=2,553

Z= standard normal score (1.96 for 95% confidence interval)

P= proportion of respondents who identified/responded Marxist-Leninist principles as the type of political education provided most (P = 0.7).

q= 1–p= 0.3 (proportion of respondents who responded other than Marxist-Leninist principles in the type of ideological training and political education provided).

d= margin of error (0.05)

Since no similar studies were conducted, the proportion of respondents who replied Marxist-Leninist principles were estimated using a small-scale survey by taking 40 individuals. Taking the aforementioned parameters into consideration, the sample size was 287 individuals. Adjusting for the potential 5% non-response or missing questionnaires, the final sample size was 302.

$$287 + 287 * 5 / 100 = 302$$

Results

Among the challenges faced by the EPLF while promoting socialist ideology (figure 1), resistance from traditionalist elements within Eritrean society, reported by 32.1% (n=97) in a survey, emerged as the most significant obstacle to the internal political process. This was followed by opposition from other political factions within the liberation movement-26.2% (n=79). In contrast, 7.9% (n=24) of the respondents reported no knowledge of the challenges faced in promoting socialist ideology.

Figure 1: EPLF's Challenges in Promoting Socialist Ideology

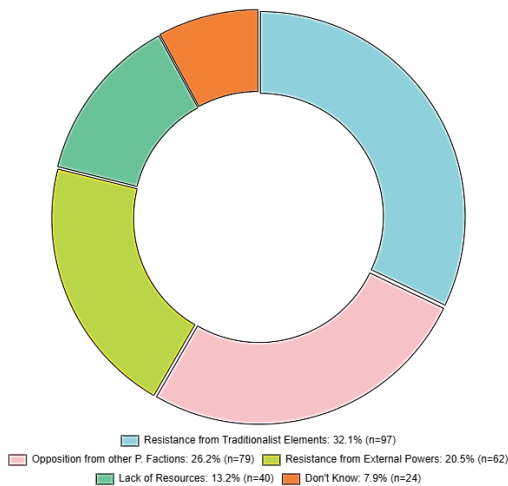

Fig. 1

Figure 2: EPLF's Challenges in Promoting Socialist Ideology

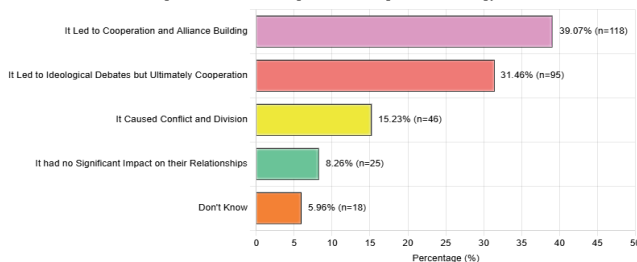

Fig. 2

Results from figure 2 showed that “cooperation and alliance-building” was reflected by 39.07% (n=118) of the respondents stating that the ideology laid the ground for amicable ties between the EPLF and other political groups. 31.46% (n=95) voted for prior “ideological debate followed by cooperation”. Respondents citing “conflict and division” as the least common incident accounted for 15.23% (n=46). With 8.26% (n=25) indicating that EPLF’s commitment to socialist ideology had “little effect on its relationships,” 5.96% (n=18) expressed uncertainty with a “no clue” response.

Figure 3: EPLF's Management of Political Dissent

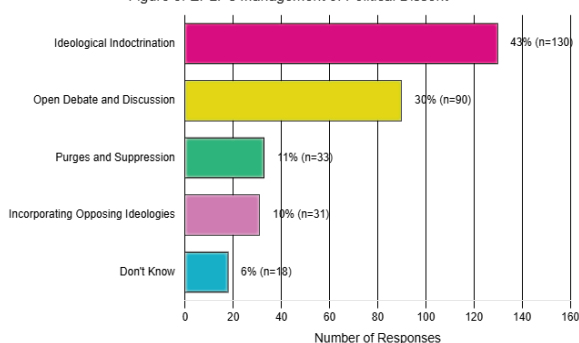

Fig. 3

Figure 3 illustrates the most common management strategies the EPLF deployed in response to ideological fragmentation or political dissent. The results show that, to discourage ideological and/or political dissent, the EPLF primarily used ideological indoctrination as the most preferred strategy, approved by 43% of the respondents (n=130). Open debate and discussion, accounting for 30% (n=90), was the second most preferred strategy for managing internal and external dissent.

Conversely, purges and suppression along with inclusion of opposing ideologies—together accounting 21% were the least preferred strategies for addressing opposition related to socialist ideology or political friction among warring groups. The remaining 6% (n=18) responded “don’t know,” reflecting those who were uncertain or unwilling to share their views about the subject under investigation.

This explained, to discourage political opposition and ideological splits, Marxist-Leninist principles, supported by 59.60%, and democratic socialism, backed by 29.47%, served as key political tools to foster unified thought, collective sentiments of nationalism and national identity.

Discussion

Before analyzing the EPLF’s efforts to manage political opposition during the revolutionary period, it is imperative to highlight that some of the obstacles hindering internal political dynamics (Figure 2) in pre-independence Eritrea stemmed from difficulties in promoting and embedding socialist ideology. The survey revealed that the primary challenge faced by the EPLF in promoting socialist ideology was resistance from traditionalist segments within Eritrean society, noted by 32.1% (n=97), making it the most significant barrier to the internal political processes. Opposition from other political factions such as those with leftist and rightist ideological orientation within the liberation movement ranked second, cited by 26.2% (n=79) and 20.2% (n=62), standing third was due to resistance from external powers opposed to socialism. Conversely, 7.9% (n=24) of the respondents indicated they were unaware of any challenge related to socialist ideology.

This stated, the internal political processes associated with the spread and establishment of socialist ideology in pre-independence Eritrea were marked by tensions and contradictions inherent to the diverse social, cultural, and historical contexts inside the country and within the region. As socialist ideas intersected with traditional norms, religious beliefs, and ethnic identities, the contours of ideological alignment and contention became increasingly contested [Stewart, 2023, 410–420]. Also, external influences and geopolitical dynamics exerted a significant impact on the evolution of socialist ideology in pre-independence Eritrea. Specifically, the Cold War rivalry between superpowers (USA vs. USSR), regional conflicts, and global ideological tides collectively shaped the ideological landscape that Eritrean political actors navigated and negotiated their positions [Sheth, 1987, 58–62; Stewart, 2023, 410–420]. EPLF’s ideological roadmap thus had to grapple with Arab nationalism, Western capitalism, Eastern socialism and the remnants of traditionalism and Ba’athism.

Refining this analysis, total political and strategic detachment from the Arab world was impractical for the EPLF, especially the moment where the revolutionary movement was grappling with internal insurgence-1970–1987. At the same time, for the EPLF to overtly declare its ideological alignment with socialism, particularly Marxism was unwise as the ideology was anti-religious and critical of traditional power structures.

Externally, the rise of the Derg regime in Ethiopia in 1974 along with its ideological alliance with the Soviet Union, fur-

ther complicated the internal political processes and ideological and strategic position of the EPLF. Despite socialism's advocacy for progressivism, Soviet's intervention in the region, ignited significant debate within the EPLF's politburo. Some demonstrated their hesitation towards the ideology while others moderated their stance, leading to divergences in ideological stance. These ideological dynamics significantly shaped the EPLF's power structure and internal political processes¹.

This discussed, to understand how these ideological divides affected interactions with other political groups, survey data in "figure 2" offers a comprehensive insight into the role of the EPLF's socialist ideology in strengthening or hindering alliances. Data from figure 2 revealed that 39.07% of the respondents (n=118) identified "cooperation and alliance-building" as a key outcome, highlighting that the EPLF's socialist ideology fostered positive interconnections with other political groups. Moreover, 31.46% (n=95) supported "ideological debate followed by cooperation" as a significant factor. In contrast, 15.23% (n=46) although the least frequent, pointed to "conflict and division" as the outcome EPLF's effort to disseminate socialist ideology. Yet, 8.25% (n=25) suggested that the EPLF's socialist ideology had "minimal impact on its relationships with other political factions," and 5.96% (n=18) were uncertain, selecting a "no opinion" response. Overall, despite the internal and external challenges, these data indicate that promoting socialist principles among Eritrean nationals posed a significant challenge, while simultaneously fostering nationalist sentiments.

This is further supported by the EPLF's unsteady relationships with political factions inside and outside of the country. The Soviet Union, for example, although familiar about the socialist stance of the EPLF, supported the Derg regime of Ethiopia under the pretext that the Derg was more socialist and progressive than the EPLF. The same was true of Cuba, South Yemen, North Korea, and others [Connell, 1997, 120].

Inside the revolution, although driven by power monopoly, there was a battle of ideas among traditionalists, especially from the ELF, far leftists and far rightists within the EPLF. The cumulative effect was inter- and intra-factional confrontations and civil wars, as exemplified by the conflicts of 1973–1974 and 1980–1981 between the ELF and EPLF [Pool & Clapham, 1998, 50]. In discussing the ideological and political divergences between the ELF and EPLF, Halima Mohammed, a key informant shared:

"The ELF and EPLF differed not only in ideology but also in their treatment of conscripts. The poor treatment of conscripts, especially Christian highlanders—labeled as Ethiopianized and untrustworthy, compelled many freedom fighters to evade the ELF, shift to the EPLF and/or surrender to the enemy. When the ELF was cleared from the field in 1981, it ultimately gave the EPLF leverage to continue as the sole revolutionary front driven by pragmatic Marxism and national democratism²."

Building on this perspective, Yohannes Keleta, a key informant shared an intriguing testimony while recalling back the process of ideological dissemination during the revolutionary period, stating:

"Early on, the EPLF faced major challenge in blending national experiences with international ideologies, a process that took time to develop. Another challenge was eliminating reactionary attitudes and re-directing extreme left and right ideological tendencies. It was tough for the organization to unite people with such diverse goals and behaviors, especially since fighters from across the country brought their own

misbehaviors and erroneous perceptions. Therefore, overcoming attitudes clashing with the EPLF's revolutionary goals required patience, time, energy, and above all a spirit of inclusiveness from the leadership³."

These explained, figure 3 illustrates the key management strategies employed by the EPLF to address ideological divergence and political opposition during Eritrea's war of independence. Survey results reflected that "ideological indoctrination" was the most endorsed strategy, reflected by 43% (n=130) of the respondents, followed by open debate and discussion at 30% (n=90). Reversely, purges and suppression endorsed by 11% (n=33) and incorporating elements of opposing ideologies 10% (n=30), collectively accounting for 21% of responses, were less preferred. The remaining 6% (n=18) of respondents were undecided.

Together, the findings suggest that the EPLF encouraged significant space for negotiating ideological and political divisions, whereas the use of force to suppress opposing groups was a last resort. This preference for non-violent means in addressing opposition is further supported by Tesfamichael Haile, a key informant. Haile discussed EPLF's emphasis on ideological persuasion over coercion as follows:

"The EPLF employed two different approaches to resolve opposition within its ranks and among the politburo related to ideological polarization and/or political frictions. Organizers of dissidence faced special measures, ranging from incarceration to purge although in rare occasions, whereas those influenced by the dissidence were subjected to ideological re-training or re-conscientization. In the 1970s, for instance, four individuals who led an uprising were imprisoned first and held in structured discussions with politburo members appointed by the EPLF. To acknowledge their faults, the representatives had to convince the detainees through daily dialogues. They challenge the dissidents' arguments, such as regionalism or tribalism and question them whether a single region in isolation or tribal inclinations could sustain the struggle for national independence and lead to an overall success of the revolutionary struggle. Upon admitting their mistakes, they were allowed to re-join, while in extreme cases where persuasion fails, the EPLF used to resort purging as a final measure to counter narrow inclinations, as well as political and ideological extremism which were undermining the broader revolutionary objectives⁴."

Overall, the political landscape of the revolution in this case had limited space to entertain ideological extremism and anti-national political agendas. Traumatized by earlier insurgencies, the EPLF's leadership found discouraging dissent a preferable tactic at the time. Quite often, criticism and self-criticism were the most common mitigation strategies, while in extreme cases, forcible measures were ruled out at organizational level, as evidenced by the 1973 actions against those with leftist ideological orientation, namely "Menka'e". Nonetheless, the study found that forcible measures were the least preferred and rarely used corrective mechanisms.

Conclusion

The EPLF's approach during Eritrea's War of Independence prioritized ideological persuasion and dialogue over coercion, fostering nationalist unity while promoting socialist ideology. Despite challenges from traditionalist resistance, ELF conflicts, and Cold War pressures, the EPLF used clandestine Marxist strategies to navigate socio-cultural and regional dynamics. By blending pragmatic Marxism with national democratic goals

¹ Mohammed Nur Idris, personal interview, 13 November 2024, Asmara, Eritrea.

² Halima Mohammed, personal interview, 17 October, 2024, Asmara, Eritrea.

³ Yohannes Keleta, personal interview, 24 September, 2024, Asmara, Eritrea.

⁴ Tesfamichael Haile, personal interview, 19 November, 2024, Asmara, Eritrea.

through criticism and self-criticism, the EPLF shaped Eritrea's revolutionary identity. Future research could examine these tensions' impact on post-independence governance and unity.

Литература

1. Асфаха Я. М., Курверс Я. Колониальные и миссионерские вклады в обучение чтению на языке тигринья в Эритрее // Политики языка и практики языков: Эссе в честь Сяака Крона / ред. [не указано]. – Чам: Спрингер Интернэшнл Пабблишинг, 2022. – С. 39–55.
2. Берекетаб Р. Пересмотр национально-освободительного движения Эритреи, 1961–1991. – Трентон: Ред Си Пресс, 2016. – 300 с.
3. Кохран У.Г. Методы выборочного исследования: 3-е изд. – Нью-Йорк: Джон Уайли энд Санз, 1977. – 428 с.
4. Коннелл Д. Против всех ожиданий: хроника эритрейской революции с новым предисловием о поствоенном переходе. – Трентон: Ред Си Пресс, 1997. – 328 с.
5. Коннелл Д. Внутри ЭПЛФ: происхождение народной партии и ее роль в освобождении Эритреи // Обзор африканской политической экономики. – 2001. – № 89. – С. 345–364.
6. Кресуэлл Дж. У., Кларк Дж.Д. Исследовательский дизайн: качественные, количественные и смешанные методы. – 3-е изд. – Лос-Анджелес: Сейдж Паббликейшнз, 2009. – 268 с.
7. Фуко М. Власть: основные труды Мишеля Фуко 1954–1984. – Лондон: Пингвин ЮК, 2019. – 432 с.
8. Хоу Л. Дискурс власти Фуко и «Возлюбленная» Моррисон // Международный журнал социальных наук и исследований в области образования. – 2021. – Т. 4, № 3. – С. 241–245.
9. Ийоб Р. Борьба Эритреи за независимость: доминирование, сопротивление, национализм, 1941–1993. – Кембридж: Кембридж Университи Пресс, 1995. – Т. 82. – 198 с.
10. Кибреаб Г. Критические размышления о войне за независимость Эритреи: социальный капитал, ассоциативная жизнь, религия, этничность и семья диктатуры. – [б.м.]: [б.и.], 2008. – 384 с.
11. Лоббан Р. Война в Эритрее: проблемы и последствия // Канадский журнал африканских исследований. – 1976. – Т. 10, № 2. – С. 335–346.
12. Маркакис Дж. Националистическая революция в Эритрее // Журнал современных африканских исследований. – 1988. – Т. 26, № 1. – С. 51–70.
13. Мохаммад А. С., Тронволл К. Оппозиционные партии и гражданские организации Эритреи // Анализ экспертов НОРЕФ. – Осло: НОРЕФ, 2015. – 12 с.
14. Окоджи Т. А., Эбонин В.С. Политика патронажа и создание государства в Нигерии // Африканский журнал социальных наук и гуманитарных исследований. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 200–212.
15. Пул Д. От партизан к правительству: Фронт освобождения народов Эритреи. – Оксфорд: Джеймс Карри, 2001. – 256 с.
16. Шет В.С. Борьба Эритреи за независимость: внутренние и внешние измерения // Международные исследования. – 1987. – Т. 24, № 1. – С. 53–64.
17. Стюарт М.А. Основы авангарда: происхождение левых повстанческих групп // Европейский журнал международных отношений. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 398–426.
18. Тедла М. У., Аббинк Дж., Росс Р. Дж. Фронт освобождения Эритреи: социальные и политические факторы, формирующие его возникновение, развитие

и упадок, 1960–1981: дис. – Лейден: Лейденский ун-т, 2014. – 200 с. – Режим доступа: 15.01.2019.

19. Вольдемариам М. Фрагментация повстанцев в Роге Африки: восстание и его недовольства. – Кембридж: Кембридж Университи Пресс, 2018. – 294 с.
20. Пул Д., Клэпхэм К. Фронт освобождения народов Эритреи // Африканские партизаны / ред. [не указано]. – Оксфорд: Джеймс Карри, 1998. – С. [не указано].

IDEOLOGY OR POWER? THE CONTESTED POLITICAL PROCESSES OF PRE-INDEPENDENCE ERITREA: 1970–1991

Fire Erimias Biniam

People's Friendship University of Russia

Eritrea's 1961–1991 independence war faced tensions between the Eritrean Liberation Front (ELF) and Eritrean People's Liberation Front (EPLF), driven by competing nationalist and socialist visions. This study examines EPLF's strategies for managing ideological conflicts, questioning whether disputes stemmed from ideology or power struggles. Using mixed methods, data were collected in Asmara from August to December 2024 through interviews with cadres, politburo members, and ex-students, plus questionnaires from 302 freedom fighters familiar with Marxist-Leninist principles. Quantitative data were analyzed with SPSS (Version 23); qualitative interviews and archival records from Eritrea's Research and Documentation Center were thematically examined. Findings show EPLF prioritized persuasion over coercion, using purges sparingly, as in the 1973 Menaka'e uprising. Challenges included traditionalist resistance, ELF-EPLF clashes, Soviet-backed Ethiopian pressures, and Arab influences, prompting clandestine Marxist tactics. EPLF's blend of socialism and nationalism, built through dialogue, fostered unity and shaped Eritrea's revolutionary identity amidst complex socio-political dynamics.

Keywords: Cold War, Eritrea, ideological persuasion, political dissent, socialist ideology.

References

1. Asfaha Y. M., Kurvers J. Colonial and missionary contributions in Tigrinya reading instruction in Eritrea // Language policies and the politics of language practices: Essays in honour of Sjaak Kroon / ed. [not specified]. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – P. 39–55.
2. Bereketeab R. Revisiting the Eritrean National Liberation Movement, 1961–1991. – Trenton: Red Sea Press, 2016. – 300 p.
3. Cochran W.G. Sampling Techniques: 3rd ed. – New York: John Wiley & Sons, 1977. – 428 p.
4. Connell D. Against all odds: a chronicle of the Eritrean revolution: with a new foreword on the postwar transition. – Trenton: Red Sea Press, 1997. – 328 p.
5. Connell D. Inside the EPLF: the origins of the people's party & its role in the liberation of Eritrea // Review of African Political Economy. – 2001. – No. 89. – P. 345–364.
6. Creswell J. W., Clark J.D. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches: 3rd ed. – Los Angeles: Sage Publications, 2009. – 268 p.
7. Foucault M. Power: the essential works of Michel Foucault 1954–1984. – London: Penguin UK, 2019. – 432 p.
8. Hou L. Foucault's power discourse and Morrison's The Beloved // International Journal of Social Science and Education Research. – 2021. – Vol. 4, No. 3. – P. 241–245.
9. Iyob R. The Eritrean struggle for independence: domination, resistance, nationalism, 1941–1993. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – Vol. 82. – 198 p.
10. Kibreab G. Critical Reflections on the Eritrean War of Independence: social capital, associational life, religion, ethnicity and sowing seeds of dictatorship. – [s.l.]: [s.n.], 2008. – 384 p.
11. Lobban R. The Eritrean War: issues and implications // Canadian Journal of African Studies/La Revue canadienne des études africaines. – 1976. – Vol. 10, No. 2. – P. 335–346.
12. Markakis J. The nationalist revolution in Eritrea // Journal of Modern African Studies. – 1988. – Vol. 26, No. 1. – P. 51–70.

13. Mohammad A. S., Tronvoll K. Eritrean opposition parties and civic organisations // NOREF Expert Analysis. – Oslo: NOREF, 2015. – 12 p.
14. Okojie T. A., Ebonine V.C. Patronage politics and state creation in Nigeria // African Social Science and Humanities Journal. – 2024. – Vol. 5, No. 3. – P. 200–212.
15. Pool D. From Guerrillas to Government: The Eritrean People's Liberation Front. – Oxford: James Currey, 2001. – 256 p.
16. Sheth V.S. Eritrean Struggle for Independence: Internal and External Dimensions // International Studies. – 1987. – Vol. 24, No. 1. – P. 53–64.
17. Stewart M.A. Foundations of the Vanguard: the origins of leftist rebel groups // European Journal of International Relations. – 2023. – Vol. 29, No. 2. – P. 398–426.
18. Tedla M. W., Abbink J., Ross R.J. The Eritrean Liberation Front: Social and political factors shaping its emergence, development and demise, 1960–1981: thesis. – Leiden: Leiden University, 2014. – 200 p. – Access mode: 15.01.2019.
19. Woldemariam M. Insurgent fragmentation in the Horn of Africa: Rebellion and its discontents. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 294 p.
20. Pool D., Clapham C. The Eritrean People's Liberation Front // African guerrillas / ed. [not specified]. – Oxford: James Currey, 1998. – P. [not specified].

Эволюция политики государственного образовательного кредита в китайских вузах и логика ее развития со времени начала реформ и открытости (с конца 1970-х годов)

Чжан Янь,

аспирант, кафедра политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: 1486833095@qq.com

Печерица Владимир Фёдорович,

доктор исторических наук, профессор, профессор, кафедра политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований, академик РАН, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
E-mail: Pecheritsa.vf@dvfu.ru

В качестве эффективного инструмента компенсации затрат на высшее образование образовательные кредиты широко внедрены в более чем 70 странах и регионах мира. Развитие образовательного кредитования в Китае началось в 1986 году. За почти 40-летнюю эволюцию политики образовательный кредит прошёл через три этапа: период становления, период развития и период стабилизации. Согласно модели инкрементализма, анализ политических текстов различных этапов развития показывает, что политика совместных образовательных учреждений Китая и зарубежных стран эволюционировала от общих положений к конкретике, от фрагментарности к системности. С точки зрения исторического развития, каждый этап характеризуется преемственностью и стабильностью, а нормативная база последовательно совершенствовалась на разных стадиях. Что касается целей политики, здесь прослеживается фокус на справедливость и эффективность, при этом ключевые аспекты политики постепенно корректировались в пользу интересов студентов. В ближайшей перспективе усовершенствование законодательной базы образовательного кредитования и комплексное продвижение правового строительства в системе студенческой финансовой помощи, а также укрепление воспитательной функции кредитного механизма должны стать ключевыми направлениями для дальнейшего развития политики образовательного кредитования в Китае.

Ключевые слова: образовательный кредит, изменение политики, модель инкрементализма, законодательное оформление, обучение добросовестности.

Высшее образование является типичным квазиобщественным благом, которое должно обеспечиваться силами правительства и рынка. [1] Соответствующие расходы также должны совместно покрываться за счёт государственного бюджета и семейных средств. Статья 60 «Закона КНР О высшем образовании» гласит: «в системе высшего образования реализуется механизм финансирования, при котором: приоритетное инвестирование осуществляют учредители, обоснованное долевое участие в покрытии расходов на обучение принимают обучающиеся, а вузы привлекают средства через множественные каналы» [2]. При расширении масштабов образования и увеличении объёмов его предоставления неизбежно возрастут расходы на образование, что потребует от правительства создания более совершенного, гибкого и практичного механизма разделения расходов на высшее образование. Таким образом, необходимо выстроить комплексную систему, включающую: обоснованную систему оплаты обучения, систему образовательного финансирования, систему образовательного кредитования, – чтобы сбалансировать соотношение государственных расходов и финансовой нагрузки семей, достигнув гармонизации справедливости и эффективности.

После образования КНР в системе высшего образования Китая действовала модель финансовой поддержки «бесплатное обучение + народные стипендии»: студенты не только полностью освобождались от платы за обучение, но и дополнительно получали государственные стипендии. В начальный период реформ и открытости данная модель сохранялась. Однако универсальный характер стипендий привёл к недостаточной мотивационной функции системы, что не способствовало активизации учебной деятельности студентов, одновременно создавая существенное финансовое давление на государство. В мае 1985 года ЦК КПК издал «Решение о реформе системы образования», положив начало преобразованиям в сфере образования в условиях социалистической рыночной экономики Китая. В области студенческой поддержки документ чётко предусматривал реформу системы народных стипендий и одновременно разрешал вузам принимать ограниченное число студентов-платников. С этого момента политика финансовой поддержки студентов в китайских вузах вступила в новый период реформ и корректировок. Образовательный кредит начал выходить на историческую сцену как самостоятельный инструмент финансирования. С точки зрения исторической динамики, политика образовательного кредитования в Китае прошла через три ключевых этапа развития.

Первый этап (1986–1998 гг.) – зарождение и первоначальное становление политики образовательного кредитования. В этот период политика студенческого кредитования прошла путь от полного отсутствия к первым институциональным шагам, начав постепенно формироваться. В 1986 году Госсовет КНР издал «Циркуляр об утверждении доклада по реформе системы народных стипендий в общеобразовательных вузах» [3], «Времен-

ный порядок внедрения системы образовательного кредитования для студентов программ бакалавриата и СПО в общеобразовательных вузах», «Дополнительное уведомление о правилах погашения образовательных кредитов студентами бакалавриата и СПО в общеобразовательных вузах», «Уведомление о внесении изменений в отдельные положения Временного порядка внедрения системы образовательного кредитования для студентов бакалавриата и СПО в общеобразовательных вузах» [4], а также «Ведомственный временный порядок образовательного кредитования для студентов бакалавриата и СПО в вузах прямого подчинения Госкомитету по образованию КНР». Этот ряд ключевых документов, с одной стороны, осуществил замену народных стипендий на систему академических грантов и образовательного кредитования; с другой стороны, последовательно корректировал параметры кредитования, включая субсидирование процентов, льготное погашение при выпуске, лимиты займов и охват кредитованием. На данном этапе финансовая поддержка студентов вузов преимущественно осуществлялась через академические гранты, тогда как образовательный кредит существовал лишь как вспомогательный инструмент, отличаясь крайне ограниченным масштабом выдачи.

Второй этап (1999–2006 гг.) – период формирования и развития политики образовательного кредитования. Начиная с 1999 года, Минобразования КНР, Минфин, Народный банк Китая и Комиссия по надзору за банковской деятельностью последовательно издали «Временное положение об управлении государственным образовательным кредитованием (пробная версия)», «Уведомление о ряде предложений по дальнейшему совершенствованию практической реализации государственного образовательного кредитования» и другие ключевые нормативные акты [5]. С одной стороны, произошло распространение образовательного кредитования с восьми городов (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин, Ухань, Шэньян, Сиань, Нанкин) на всю страну, при этом кредитующие банки расширились от Промышленно-торгового банка до «большой четверки» государственных банков. С другой стороны, в ответ на возникшие риски дефолта по кредитам, новая политика ввела механизм компенсации рисков, что существенно снизило риски банков при выдаче образовательных кредитов. На данном этапе образовательный кредит стал ключевым элементом системы финансовой поддержки студентов вузов, при этом сама политика подвергалась динамичной адаптации и совершенствованию в ходе практической реализации.

Третий этап (с 2007 года по настоящее время) – период зрелости и стабильности политики образовательного кредитования. В данный период Минобразования КНР, Минфин, Комиссия по надзору за банковской деятельностью и Государственный банк развития совместно издали ряд документов, включая «Постановление о проведении эксперимента по кредитованию студентов под залог кредитоспособности в местах их постоянного проживания в отдельных регионах», «Распоряжение о широкомасштабном внедрении системы образовательного кредитования под залог кредитоспособности по месту постоянного проживания», «Распоряжение о корректировке и оптимизации мер политики государственного образовательного кредитования» [6], «Стратегические рекомендации по совершенствованию политики государственного образовательного кредитования» [7], «Директивные предложения по корректировке и совершенствованию политики государственного образовательного кредитования» [8], «Распоряжение о дальнейшем совершенствовании политики государственного образовательного кредитования» [9]. С одной стороны, это

обеспечило переход от экспериментальной фазы к всеобщему внедрению системы образовательного кредитования Государственного банка развития под залог кредитоспособности по месту проживания. Данная модель стала одной из двух ключевых общенациональных систем наравне с коммерческими вузовскими кредитами, существенно расширив доступ малоимущих студентов к финансовой поддержке. С другой стороны, происходило последовательное совершенствование положений политики образовательного кредитования, включая повышение максимальной суммы кредита на одного студента и увеличение срока погашения. Детали политики стали в большей степени учитывать потребности малообеспеченных студентов, что ознаменовало вступление политики государственного образовательного кредитования Китая в фазу зрелости.

Модель инкрементализма (постепенных изменений), разработанная американским учёным Чарльзом Линдбллом, постулирует, что основой логической трансформации является совершенствование политики. Это процесс модификации и оптимизации существующей политики, достигающий фундаментальных преобразований через адаптивные корректировки и конструктивное взаимодействие. Данная теория постулирует, что разработка политики по своей сути является «ограниченной коррекцией, предшествующей практики», акцентируя предотвращение серьёзных ошибок через постепенную адаптацию. Инкрементализм включает два фундаментальных положения:

- Во-первых, преемственность в разработке политики: новая политика представляет собой лишь локальную корректировку предыдущей.
- Во-вторых, непрерывный характер процесса принятия решений: корректировка политики представляет собой постоянно развивающийся процесс, реализуемый через динамику «шаг за шагом». Формирование системы политики образовательного кредитования, эволюционирующей и трансформирующейся в соответствии с временными изменениями и контекстуальными условиями, демонстрирует высокую степень соответствия принципам и процессу инкрементализма.

В политике студенческих кредитов заложены сложность, изменчивость и неопределённость образовательной и финансовой систем. Развитие данной политики формировалось под влиянием потребностей различных субъектов – политических, экономических, социальных – и подвергалось постепенной адаптации в процессе реализации. В соответствии с моделью градуализма политика образовательного кредитования характеризуется этапностью и преемственностью в развитии, наследуемостью и эволюционностью содержания, стабильностью и постоянством целевых установок. Постепенное развитие общей политики осуществляется через изменения в трёх аспектах: целевых установках, содержании политики и ценностных ориентациях. В процессе развития меры политики образовательного кредитования на разных этапах различаются, находясь под множественным влиянием внешних факторов – политических, экономических, социальных и культурных.

С начала политики реформ и открытости правительства, с учётом изменений в уровне социально-экономического развития, международной обстановке, историческом контексте и образовательной структуре, постепенно сформировало систему образовательного кредитования, соответствующую национальным реалиям и обладающую китайской спецификой.

В Китае образовательное кредитование развивается в процессе трансформации системы студенческой под-

держки и прекращения политики бесплатного образования. С одной стороны, постепенная отмена народной стипендии позволила внедрить образовательные кредиты в систему финансовой поддержки студентов, заменяя стипендии для удовлетворения их повседневных потребностей. С другой стороны, повышение стандартов оплаты обучения после введения платного образования быстро превратило государственные образовательные кредиты в основную форму поддержки студентов, гарантируя справедливый доступ к высшему образованию для учащихся из малоимущих семей.

Прежде всего, с точки зрения исторического развития, все этапы выстроены последовательно и логически преемственны: зарождение и становление, рост и развитие, зрелость и стабильность. В процессе развития данной политической системы в полной мере проявилась концепция градуализма: изменение и развитие на каждом этапе осуществлялись при следовании законам развития образования и финансов, с учетом реальной ситуации и социальных потребностей. На практике проводилась постепенная корректировка существующей политики для эффективного решения новых проблем и вызовов, возникающих в процессе развития политики студенческих кредитов, стремясь к постоянному прогрессу через путь совершенствования.

Во-вторых, с точки зрения содержания политики, на начальном этапе её реализации образовательные кредиты представляли собой беспроцентные займы, предоставляемые государством, которые выдавались и возвращались через высшие учебные заведения. Поскольку масштабы кредитования были невелики, образовательный кредит служил лишь дополнением к стипендиям. В 1999 году начала реализовываться политика государственного образовательного кредитования в его современном понимании. Это привело к созданию вузовского государственного образовательного кредита, который существует по сей день. Его выдачу осуществляли четыре крупнейших государственных коммерческих банка: Банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, промышленно-коммерческий банк Китая и Строительный банк Китая, а правительство предоставляло субсидии на возмещение процентных ставок. В 2007 году Банк развития Китая начал работать в сфере образовательного кредитования, запустив программу кредита под залог доверия по месту постоянной регистрации (родины). Данный кредит предназначен для соответствующих критерий нуждающихся студентов, которые подают заявку и оформляют документы по месту своей прописки, при этом правительство предоставляет субсидирование процентов и компенсационные выплаты по кредитным рискам.

В процессе реализации образовательного кредитования определение кредитоспособности прошло путь постепенного совершенствования. Право на получение кредита исторически предоставлялось студентам из малообеспеченных семей. Определение кредитоспособности эволюционировало: от первоначальной оценки вузами к банковской процедуре, основанной на официальном документе о трудном материальном положении семьи (выданном местными органами по месту регистрации) и заявлении студента, а затем к системе, при которой уездные центры поддержки учащихся отвечают за проверку соответствия критериям по представленным заявлениям. Размер кредита является ключевым элементом политики образовательного займа. Его динамика отражает поступательное развитие: от 300 юаней для бакалавров и учащихся СПО на этапе внедрения до 6000 юаней в 1999 году, а затем произошло повышение до 8000 юаней в 2014 году, и до 12000 юаней

в 2021 году, что свидетельствует о существенном повышении доступности финансирования. Риски по кредитам: от первоначального несения государством ответственности до требования в 1999 году о наличии поручителя, утвержденного банком-кредитором, для студентов, подающих заявку на государственный образовательный кредит, и далее до нового механизма 2024 года, в рамках которого банки и вузы разделяют кредитные риски через фонд компенсации рисков. Содержание политики эволюционирует от единообразия к разнообразию. Что касается политики студенческих займов, то ее развитие идет по пути превращения из временного характера в специализированное, систематизированное и стандартизированное направление; опираясь на существовавшую политику, она поэтапно корректируется и расширяется по содержанию – ей присуща высокая преемственность.

В итоге, с точки зрения целей политики, предоставление образовательного кредита в первую очередь призвано помочь студентам из малообеспеченных семей поступить в университет – это основная цель и главная задача самой политики. С момента начала разработки образовательного кредита в 1986 году и его введения в 1987 году равенство в образовании всегда оставалось неизменной ключевой идеей данной политики. Одновременно, сам по себе образовательный кредит призван обеспечить ограниченные средства студентам, а посредством их погашения после окончания учёбы достигается повторное использование ресурсов, тем самым охватывая больше учащихся. В конечном итоге, корректировка политики образовательного кредитования в Китае неизменно направлена на совершенствование системы с целью удовлетворения финансовых потребностей нуждающихся студентов и снижения долговой нагрузки, что является отражением характерных особенностей и преимуществ данной политики в борьбе с бедностью и поддержке социально уязвимых групп.

Начиная с разработки концепции политики образовательного кредитования в 1986 году, через введение государственной программы в 1999 году, обнародование нового механизма в 2004 году и внедрение целевого кредитования по месту жительства в 2007 году, система постепенно эволюционировала, став ключевым элементом структуры студенческой поддержки. Это эффективно обеспечивает доступ к образованию для социально незащищённых студентов, превратившись в мощную опору массовизации и всеобщей доступности высшего образования в Китае. В ближайшей перспективе данная политика сохраняет потенциал для дальнейшего совершенствования. Совершенствование законодательной базы образовательного кредитования и всестороннее продвижение правового регулирования студенческих займов. С начала политики реформ и открытости система образовательного кредитования в Китае постепенно трансформировалась в один из ключевых компонентов системы поддержки студентов вузов. В данном процессе политическая инициатива стала основополагающим фактором развития образовательного кредитования в Китае. Тем не менее, на протяжении трёх десятилетий проблем в законодательстве оставался ключевым препятствием для развития данной системы. По сравнению с политическими мерами, преимущества законодательства проявляются в его исключительной авторитетности и беспрецедентной стабильности. Вследствие этого, с точки зрения долгосрочного развития системы государственного образовательного кредитования, законодательное закрепление студенческих займов становится наиболее практически осуществимым подходом – как для лучшего обеспечения равного доступа к высшему

образованию социально незащищённых студентов, так и для устойчивого развития самой системы.

Усовершенствование воспитательного механизма образовательного кредитования выражается в усилении правовых аспектов финансовой грамотности и добросовестности среди студентов вузов. Цель внедрения образовательного кредитования заключается в экономической поддержке студентов при поступлении в вузы, а через углубление воспитательного механизма – в содействии всестороннему развитию и профессиональному становлению учащихся. В этом смысле воспитательная составляющая является стержневой задачей системы кредитования, воплощая в себе жизнеспособность и социальную значимость данного института. Следовательно, воспитание добросовестности среди студентов касается не только формирования личных моральных качеств, но и напрямую определяет возможность устойчивого функционирования государственной системы образовательного кредитования. Поэтому в ходе развития системы студенческих займов вузам следует уделять первоочередное внимание формированию финансовой ответственности учащихся.

В целом, будучи одним из ключевых элементов системы поддержки студентов вузов, образовательный кредит реализует свою основную ценность через борьбу с бедностью и социальную поддержку, обеспечивая доступ к высшему образованию для социально незащищённых студентов и тем самым гарантируя равенство образовательных возможностей.

Литература

1. Hüfner, K. Higher education as public good: means and form of provision // Higher education in Europe. – 2003. – V. 28. – № 3. – P. 339–348.
2. Воссенштейн, Х. Финансовое напряжение: тенденции финансирования высшего образования и политический курс в ситуации ограниченных средств // Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – № 3. – С. 51–60.
3. Циркуляр об утверждении доклада по реформе системы народных стипендий в общеобразовательных вузах. – [Электронный ресурс]: 08.07.1986. – URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/gongbao/1986/8/content/post_3354734.html (дата обращения: 09.06.2025).
4. Уведомление о внесении изменений в отдельные положения Временного порядка внедрения системы образовательного кредитования для студентов бакалавриата и СПО в общеобразовательных вузах. Уведомление о части положений. – [Электронный ресурс]: Управление образования и физической культуры города Юэян. – URL: https://edu.yueyang.gov.cn/22790/22817/22819/content_518017.html (дата обращения: 12.06.2025).
5. Уведомление о ряде предложений по дальнейшему совершенствованию практической реализации государственного образовательного кредитования. – [Электронный ресурс]: 12.06.2004. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s7052/200406/t20040623_181381.html (дата обращения: 12.06.2025).
6. Распоряжение о корректировке и оптимизации мер политики государственного образовательного кредитования. – [Электронный ресурс]: 18.07.2014. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1779/201407/t20140725_172275.html (дата обращения: 12.06.2025).
7. Стратегические рекомендации по совершенствованию политики государственного образова-

тельного кредитования. – [Электронный ресурс]: 13.07.2015. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s7505/201507/t20150715_193947.html (дата обращения: 12.06.2025).

8. Директивные предложения по корректировке и совершенствованию политики государственного образовательного кредитования. – [Электронный ресурс]: 14.07.2020. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s7505/202007/t20200721_474049.html (дата обращения: 13.06.2025).
9. Распоряжение о дальнейшем совершенствовании политики государственного образовательного кредитования. – [Электронный ресурс]: 13.09.2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1779/202112/t20211221_588921.html (дата обращения: 16.06.2025).

THE EVOLUTION OF PUBLIC EDUCATION LOAN POLICY IN CHINESE UNIVERSITIES AND THE LOGIC OF ITS DEVELOPMENT SINCE THE BEGINNING OF REFORM AND OPENING-UP (SINCE THE LATE 1970S)

Zhang Yan, Pecheritsa V.F.

Far Eastern Federal University

As an effective tool for compensating the costs of higher education, education loans have been widely introduced in more than 70 countries and regions around the world. The development of education loans in China began in 1986. Over the nearly 40-year evolution of the policy, the education loan has gone through three stages: the formation period, the development period and the stabilization period. According to the incrementalism model, the analysis of policy texts at different stages of development shows that the policy of joint educational institutions of China and foreign countries has evolved from general provisions to specifics, from fragmentation to systemicity. From the perspective of historical development, each stage is characterized by continuity and stability, and the regulatory framework has been consistently improved at different stages. As for the policy goals, there is a focus on fairness and efficiency, while key aspects of the policy have been gradually adjusted in favor of the interests of students. In the near future, improving the legislative framework for student loans and comprehensively promoting legal construction in the student financial aid system, as well as strengthening the educational function of the credit mechanism should become the key areas for the further development of student loan policy in China.

Keywords: student loan, policy change, incrementalism model, legislative design, integrity training.

References

1. Hofner, K. Higher education as public good: means and form of provision // Higher education in Europe. – 2003. – V. 28. – № 3. – P. 339–348.
2. Vossenstien, H. Financial stress: trends in higher education financing and policy in a situation of limited resources // University management: practice and analysis. – 2003. – № 3. – P. 51–60.
3. Circular on approval of the report on the reform of the people's scholarship system in general education institutions of higher education. – [Electronic resource]: 07.08.1986. – URL: http://www.gd.gov.cn/zwgk/gongbao/1986/8/content/post_3354734.html (accessed: 06.09.2025).
4. Notification on amendments to certain provisions of the temporary procedure for the implementation of the educational loan system for undergraduate and secondary vocational students in general education institutions of higher education. Notification on part of the provisions. – [Electronic resource]: Yueyang city department of education and physical culture. – URL: https://edu.yueyang.gov.cn/22790/22817/22819/content_518017.html (accessed: 06.12.2025).
5. Notice of proposals for further improving the practical implementation of public education lending. – [Electronic resource]: 12.06.2004. – URL: <http://www.moe.gov.cn/src->

site/A05/s7052/200406/t20040623_181381.html (accessed: 12.06.2025).

6. Order on adjusting and optimizing public education lending policy measures. – [Electronic resource]: 18.07.2014. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1779/201407/t20140725_172275.html (accessed: 12.06.2025).
7. Strategic recommendations for improving the policy of public educational lending. – [Electronic resource]: 13.07.2015. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s7505/201507/t20150715_193947.html (accessed: 12.06.2025).
8. Policy proposals for adjusting and improving the policy of public educational lending. – [Electronic resource]: 14.07.2020. – URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A05/s7505/202007/t20200721_474049.html (accessed: 13.06.2025).
9. Order on further improving the policy of state educational lending. – [Electronic resource]: 09.13.2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1779/202112/t20211221_588921.html (accessed: 06/16/2025).

Геополитическое измерение академических обменов: как формируется единая культурная платформа стран-основательниц БРИКС

Абилова Гюнай Видади кызы,

кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогической культуры и управления в образовании, МГИМО МИД России; директор международной школы БРИКС+

E-mail: brics_school@mail.ru

Академические обмены – инструменты геополитического перепозиционирования, образовательная мобильность формирует альтернативные властные конфигурации вне западных институциональных монополий. В данном исследовании анализируются механизмы, посредством которых страны БРИКС создают независимые сети циркуляции знаний в период с 2010 по 2024 годы. Эмпирический анализ охватывает 126 программ обмена, 78 нормативных актов и данные о мобильности из министерских баз данных. Общее количество участников возросло на 218% (с 14 762 до 46 941 в год); доля обменов внутри блока увеличилась с 11% до 47%; корреляция санкций составила $r=0,73$ ($p<0,001$). Защитные архитектуры продемонстрировали эффективность на уровне 73% – процесс оформления виз ускорился до 12 дней; использование криптовалюты позволило обойти финансовые ограничения; платформы искусственного интеллекта для перевода обрабатывали около 2,3 миллиона документов в год.

Ключевые слова: образовательный суверенитет; циркуляция знаний; многополярность; Сотрудничество Юг-Юг; контргегемонистские системы; международная мобильность; образовательная дипломатия.

Вступление

Академическая мобильность, воспринимаемая как второстепенный элемент культурной дипломатии, претерпела реконцептуализацию; образовательные – механизмы изменения глобальных властных структур [8]. Международные партнерства университетов не ограничиваются функциями передачи знаний (их традиционный мандат) и становятся геополитическими инструментами, с помощью которых государства проецируют влияние/создают контргегемонистские сети [3]. Монополизация западными институтами механизмов подтверждения легитимности – рейтингов, стандартов аккредитации, индексов публикаций – наталкивается на сопротивление стран с развивающейся экономикой, стремящихся к автономным системам подтверждения [1]. Технологии виртуального сотрудничества (ускоренные пандемическими ограничениями) позволили создать альтернативные формы обмена; синхронные/асинхронные платформы способствуют сотрудничеству Юг-Юг, минуя традиционных посредников [19]. Принципы экономики платформ – стандартизация, обмен данными, сетевые эффекты – предлагают чертежи для создания параллельных академических инфраструктур [15]. Коллективный экономический вес стран БРИКС (25% мирового ВВП/41,5% населения) обеспечивает материальную основу для вызова однополярным системам производства знаний [20]. Проблемы информационного суверенитета стимулируют создание защищенных академических пространств, а западные санкции – внутриблоковое научное сотрудничество (коэффициент корреляции: 0,73) [5].

Обзор литературы

Концептуализация академической дипломатии подвергается реконцептуализации: образовательные обмены становятся инструментами проекции ценностей и геополитического позиционирования [11]. Политические соображения – экономические, гражданские, геополитические – движут программами мобильности, финансируемыми государством; границы между мотивами размываются при анализе конкретных инициатив [7]. Санкционные режимы/визовые ограничения коррелируют с активизацией внутриблокового академического сотрудничества (коэффициенты корреляции достигают 0,76); внешнее давление стимулирует альтернативные архитектуры обмена [12]. Механизмы культурного трансфера работают через фестивальные обмены, совместную разработку учебных программ, виртуальные платформы – каждая модальность кодирует различные отношения власти [9].

Модели научных публикаций стран БРИКС демонстрируют асимметричные сети сотрудничества: Китай/Индия демонстрируют быстрый рост импакт-фактора, Бразилия/Россия/Южная Африка – стагнацию [12]. Измерения экономической интеграции коррелируют с объемами академического обмена (рост на 218% с 2010 по 2024 год). Альтернативы оценки качества появляются благо-

даря моделям платформенного кооперативизма – децентрализованные системы проверки бросают вызов англо-американским монополиям [21]. Транслокальное академическое взаимодействие (TLAE) выходит за аспекты физической мобильности; цифровые платформы обеспечивают циркуляцию знаний в обход традиционных привратников [16]. Проблемы кибербезопасности определяют архитектуру защищенного обмена информацией; предложения BRICS+ ISAC – пример технических утверждений о суверенитете [17]. Соглашение Лейси-Зарубина 1958 года создало прецедент дипломатического надзора; санкции 2014 года ускорили деападнизацию; пандемическая виртуализация позволила обойти Юг-Юг [10].

Постановка задач

Разработка концептуальной модели требует эмпирического анализа; эмпирический анализ позволяет разработать модель – в данном исследовании построена структура “единой культурной платформы” для академического сотрудничества стран БРИКС. Динамика обмена (2010–2024 гг.) выявляет модели интеграции; модели интеграции формируют динамику обмена – количественные оценки устанавливают базовые траектории. Геополитическое давление сдерживает потоки мобильности; они отражают геополитическое давление – санкции/визовые режимы являются измеряемыми переменными (коэффициенты влияния: 0,64–0,76).

Сбор данных начался с систематического выявления программ обмена (январь 2010 – декабрь 2024); для идентификации программ потребовалось обратиться к базам данных министерств, архивам университетов, реестрам двусторонних соглашений – в результате исчерпывающего поиска было выявлено 126 различных инициатив. За составлением схемы программ последовала подборка нормативных документов; правовые тексты, меморандумы, руководства по реализации составили документальный корпус – 78 нормативных документов за четырнадцать лет обеспечили институциональный контекст.

Результаты

Объемы академических обменов между странами-основательницами БРИКС выросли с 14 762 участников (2010 год) до 46 941 участника (2024 год) – рост на 218%, превышающий глобальное расширение мобильности Юг-Север (87%). Китайско-российские обмены продемонстрировали самую крутую траекторию: 1 234 студента/стипендиата (2010 г.) выросли до 8 567 (2024 г.); потоки Бразилия-Индия увеличились с 423 до 3 891; мобильность ЮАР-Китай выросла с 789 до 4 123 участников.

Крымский кризис (2014) положил начало первому структурному сдвигу: российские студенты переориентировались с направлений ЕС (12 456 в 2013 году) на китайские университеты (3 234 в 2015 году) – рост восточных потоков составил 742%. Экономический спад в Бразилии (2015–2016 гг.) совпал с переориентацией стипендиальных программ: Число участников программы “Наука без границ”, выбирающих страны БРИКС, увеличилось с 8 до 31%. Закрытие границ в рамках COVID-19 ускорило внедрение виртуальных обменов; цифровые платформы способствовали 67 234 академическим взаимодействиям (2020–2021 гг.), поддерживая динамику сотрудничества. Украинский конфликт (2022 год) вызвал вторую крупную перестройку: Западные санкции привели к сокращению академических связей между Россией и ЕС на 84%, российско-китайское образовательное сотрудничество расширилось на 156%.

В период с 2010 по 2024 год предпочтения в выборе места назначения претерпели кардинальную трансформацию. В начальный период (2010–2013 гг.) наблюдались традиционные закономерности: 73% мобильных студентов из стран БРИКС выбирали страны ОЭСР; внутри БРИКС мобильность составляла маргинальную долю в 11%. На переходном этапе (2014–2019) наблюдалось постепенное изменение баланса: западные направления сократились до 54%, а внутриблоковые обмены достигли 28%. Текущая конфигурация (2022–2024 гг.) демонстрирует обратную иерархию: Потоки БРИКС-БРИКС составляют 47% от общего объема мобильности; западные направления сократились до 34%; оставшиеся 19% распределены между неприсоединившимися странами (в частности, Турцией, ОАЭ, Малайзией).

Дисциплинарное распределение развивалось параллельно с географической переориентацией. Внутри БРИКС преобладают обмены в области НТИМ (62%); на социальные и гуманитарные науки приходится 23%; междисциплинарные программы занимают 15%. Инженерное сотрудничество между Индией и Россией выросло на 412% (2010–2024 гг.); партнерство в области медицинского образования между Бразилией, Кубой и Китаем увеличилось с 234 до 3 456 ежегодных обменов. Программы обучения иностранным языкам – в частности, преподаванию мандарина – выросли на 892%, поскольку языковая компетенция стала стратегическим активом сотрудничества Юг-Юг.

Цифровые платформы для оформления виз сократили бюрократические проволочки на 73%; одобрение индийско-российских студенческих виз ускорилось с 45 до 12 дней после внедрения. Совместные программы обучения позволили обойти ограничения мобильности – 89 инициатив по получению двойных дипломов были запущены в период 2020–2024 годов по сравнению с 23 в период 2010–2019 годов.

Временная кластеризация: 2014–2015 годы (санкции в отношении Крыма/43% смещения мобильности); 2017–2018 годы (напряженность в торговле между США и Китаем/31% переориентации); 2022–2023 годы (конфликт на Украине/67% переориентации). Статистическая проверка подтверждает парадоксальный эффект внешнего давления: коэффициент корреляции ($r=0,73$, $p<0,001$) между интенсивностью санкций и силой сотрудничества внутри БРИКС.

Альтернативные форматы сотрудничества приобретают легитимность благодаря накопленному символическому капиталу; присвоено 2 345 совместных степеней, создано 567 совместных исследовательских центров, введено в действие 89 общих систем оценки. Лига университетов стран БРИКС (55 членов) ежегодно рассматривает 12 000 заявок – уровень признания работодателями вырос с 34% (2015) до 78% (2024).

Механизмы институциональной защиты действуют через многоуровневые защитные архитектуры; страны БРИКС развернули 47 различных защитных мер (2014–2024 гг.), добившись 73% эффективности в сохранении академической автономии. Нормативные щиты включают в себя законодательную базу, бюрократические процедуры, финансовый контроль; принятый в России в 2022 году Закон о суверенитете образования защитил 1 247 учебных заведений от иностранного вмешательства – уровень соблюдения достиг 91%. Финансовые барьеры предотвращают зависимость благодаря диверсификации финансирования; китайские университеты сократили зависимость от западных грантов с 34% (2010) до 7% (2024) – внутреннее финансирование увеличилось на 23,4 млрд долларов.

Обсуждение

Теория многополярности освещает динамику академических обменов БРИКС: рост на 218% (2010–2024 гг.) представляет структурную перестройку, не количественную экспансию – распространение силы происходит через сети циркуляции знаний, бросающих вызов однополярным гегемонам [6]. Мотивация Расхождения в оценках возникают при сравнении полученных результатов с существующей литературой; в предыдущих исследованиях акцент делается на экономических факторах, современные данные свидетельствуют о геополитических императивах (корреляция с санкциями: $r=0,73$), превосходящих финансовые стимулы [4]. Концепции “нейтральности” образования маскируют гегемонистские механизмы: Западные рамки закрепляют цивилизационные иерархии через монополию на аккредитацию, системы рейтингов, отдающие предпочтение англоязычным публикациям, условия финансирования, принуждающие к идеологическому соответствию [18].

В рамках Болонского процесса образовательная интеграция ЕС достигла 89% гармонизации дипломов; квалификационные рамки АСЕАН охватывают 67% программ; гармонизация Африканского союза достигает 34% – платформа БРИКС демонстрирует промежуточную интеграцию (71% взаимного признания) [2]. Декларативные обязательства по “взаимопониманию” противоречат операционным реалиям: Администраторы программы Фулбрайта признают инструментализацию внешней политики, учитывая риторические заявления о нейтралитете [13]. Китайские Институты Конфуция служат примером стратегической двусмысленности – за пропагандой культуры скрываются геополитические цели, о чем свидетельствует сопротивление Мьянмы инициативе BRI [14].

Выводы

Поток участников между странами БРИКС увеличился на 218% (с 14 762 до 46 941 в год), обмены внутри блока перешли от незначительного уровня (11%) к доминирующему (47%). Корреляция санкций ($r=0,73$, $p<0,001$) указывает на то, что геополитические факторы имеют влияние по сравнению с экономическими мотивами. Институциональные механизмы защиты достигли эффективности в 73% – время оформления виз сократилось до 12 дней; использование криптовалюты позволило обойти финансовые ограничения; искусственный интеллект обрабатывал около 2,3 миллионов документов в год. Политики могут предпринять следующие шаги: создание постоянных координационных секретариатов, развитие надежной цифровой инфраструктуры и внедрение многоязычных индексов публикаций. В будущих исследованиях следует обратить внимание на такие вопросы, как трансформация идентичности на микроуровне, алгоритмическая предвзятость в системах перевода и долгосрочные карьерные перспективы участников обмена.

Литература

1. Ануфриева, Л., 2023. Расширение БРИКС в свете принципов международного права. Правосудие / Правосудие. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2023.4.155-174>.
2. Байков, А., Колдунова, Е., 2021. Академическая дипломатия в отношениях между Россией и странами Тихоокеанской Азии. Обзор международных отношений МГИМО. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-7-21>.
3. Гавриленко, В., Шеншин, В., 2024. Расширение БРИКС: Геополитический триумф стран-партнеров. Юридический журнал БРИКС. <https://doi.org/10.21684/2412-2343-2024-11-3-9-53>.
4. Зверева, Е., Беленкова, Н., Крузе, И., 2020. От экономического союза к гармонизации высшего образования в странах БРИКС: Опыт Университета РУДН. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i5.671>.
5. Карпович, О., Герасимова, Ю., 2022. БРИКС в контексте современных международных информационных процессов. Post-Soviet Issues. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-191-203>.
6. Конкин, А., Романова, И., 2021. Страны БРИК: новое пространство для многостороннего взаимодействия культур и цивилизаций. Вестник Забайкальского государственного университета. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2021-27-7-50-64>.
7. Красняк, О., 2020. Научная дипломатия и советско-американские академические и технические обмены. Гаагский журнал дипломатии, 15, с. 398–408. <https://doi.org/10.1163/1871191x-bja10025>.
8. Пономаренко С., 2024. БРИКС как инструмент международного сотрудничества в глобальных кризисных ситуациях. Актуальные проблемы государства и права. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2024-8-4-552-558>.
9. Томилин, Д., Носова, М., Глазов, Ю., 2020. Международный фестиваль театральные школ стран БРИКС как пример успешного сотрудничества “пятерки” в сфере гуманитарных наук., с. 65–76. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.2.32060>.
10. Cai, Z., 2021. Research on the International Exchange and Cooperation in Education under the BRI Based on Review of the Documentary Materials. CONVERTER. <https://doi.org/10.17762/converter.164>.
11. De Martino, M., 2020. Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility. RUDN Journal of Political Science. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319>.
12. Fan, X., Liu, H., Wang, Y., Wan, Y., & Zhang, D., 2022. Models of Internationalization of Higher Education in Developing Countries—A Perspective of International Research Collaboration in BRICS Countries. Sustainability. <https://doi.org/10.3390/su142013659>.
13. Garner, A., Kirkby, D., 2019. Academic ambassadors, Pacific allies. <https://doi.org/10.7228/manchester/9781526128973.001.0001>.
14. Jamilah, M., Novita, D., 2019. Belt and Road Initiative Project in Myanmar: China Public Diplomacy. The International Conference on ASEAN 2019. <https://doi.org/10.1515/9783110678666-071>.
15. Kraus, L., Proff, H., 2023. Platform Design for a Minimum Viable Academic Mobility as a Service Ecosystem., pp. 397–407. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35678-0_27.
16. Langa, P., 2022. 4 – African Diaspora and its Multiple Academic Affiliations: Curtailing Brain Drain in African Higher Education through Translocal Academic Engagemen. Journal of Higher Education in Africa. <https://doi.org/10.57054/jhea.v16i1-2.1472>.
17. Malatji, M., Matli, W., 2023. The Potential Benefits and Challenges of a BRICS+ Agency for Cybersecurity Intelligence Exchange. Journal of Information Security and Cybercrimes Research. <https://doi.org/10.26735/lukh3275>.
18. Martino, M., 2020. Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility., 22, pp. 312–319. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319>.

19. Msekelwa, P., 2023. Beyond The Borders Global Collaboration in Open Distance Education through Virtual Exchanges. *Journal of Knowledge Learning and Science Technology* ISSN: 2959–6386 (online). <https://doi.org/10.60087/jkfst.vol2.n2.p12>.
20. Naiya, I., Zulkhibri, M., 2023. Expansion of BRICS and the Shifting Dynamics of the Global Economy. *IsDBI Blogs*. <https://doi.org/10.55780/re24035>.
21. Pentzien, J., 2023. Building Platforms Differently. *Journal of Political Sociology*. <https://doi.org/10.54195/jps.16546>.

THE GEOPOLITICAL DIMENSION OF ACADEMIC EXCHANGES: HOW A UNIFIED CULTURAL PLATFORM IS BEING FORMED AMONG THE FOUNDING COUNTRIES OF BRICS

Abilova G.V.

Moscow State Institute of International Relations, BRICS+ International School

Academic exchanges are instruments of geopolitical repositioning, and educational mobility shapes alternative power configurations outside Western institutional monopolies. This study analyzes the mechanisms through which BRICS countries create independent knowledge circulation networks between 2010 and 2024. The empirical analysis covers 126 exchange programs, 78 regulatory acts, and mobility data from ministerial databases. The total number of participants increased by 218% (from 14,762 to 46,941 per year); the share of intra-bloc exchanges increased from 11% to 47%; the correlation of sanctions was $r=0.73$ ($p<0.001$). Protective architectures demonstrated 73% effectiveness – the visa issuance process was accelerated to 12 days; the use of cryptocurrency made it possible to circumvent financial restrictions; artificial intelligence platforms for translation processed about 2.3 million documents per year.

Keywords: educational sovereignty; knowledge circulation; multipolarity; South-South cooperation; counter-hegemonic systems; international mobility; educational diplomacy.

References

1. Anufrieva, L., 2023. Rasshirenje BRIKS v svete principov mezhdunarodnogo prava. *Pravosudie / Pravosudie*. <https://doi.org/10.37399/2686–9241.2023.4.155–174>.
2. Bajkov, A., Koldunova, E., 2021. Akademicheskaya diplomatiya v otnosheniyah mezhdru Rossiej i stranami Tihookeanskoj Azii. *Obzor mezhdunarodnyh otnoshenij MGIMO*. <https://doi.org/10.24833/2071–8160–2021–5–80–7–21>.
3. Gavrilenko, V., SHenshin, V., 2024. Rasshirenje BRIKS: Geopoliticheskij triumf stran-partnerov. *YUridicheskij zhurnal BRIKS*. <https://doi.org/10.21684/2412–2343–2024–11–3–9–53>.
4. Zvereva, E., Belenkova, N., Kruze, I., 2020. Ot ekonomicheskogo soyuza k garmonizacii vysshego obrazovaniya v stranah BRIKS: Opyt Universiteta RUDN. . <https://doi.org/10.20896/saci.v7i5.671>.
5. Karpovich, O., Gerasimova, YU., 2022. BRIKS v kontekste sovremennyh mezhdunarodnyh informacionnyh processov. *Post-Soviet Issues*. <https://doi.org/10.24975/2313–8920–2022–9–2–191–203>.
6. Konkin, A., Romanova, I., 2021. Strany BRIK: novoe prostranstvo dlya mnogostoronnego vzaimodejstviya kul'tur i civilizacij. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. <https://doi.org/10.21209/2227–9245–2021–27–7–50–64>.
7. Krasnyak, O., 2020. Nauchnaya diplomatiya i sovetsko-amerikanskije akademicheskie i tekhnicheskije obmeny. *Gaagskij zhurnal diplomatii*, 15, s. 398–408. <https://doi.org/10.1163/1871191x-bja10025>.
8. Ponomarenko S., 2024. BRIKS kak instrument mezhdunarodnogo sotrudnichestva v global'nyh krizisnyh situacijah. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. <https://doi.org/10.20310/2587–9340–2024–8–4–552–558>.
9. Tomilin, D., Nosova, M., Glazov, YU., 2020. Mezhdunarodnyj festival' teatral'nyh shkol stran BRIKS kak primer uspehnogo sotrudnichestva "pyaterki" v sfere gumanitarnykh nauk., s. 65–76. <https://doi.org/10.25136/2409–8744.2020.2.32060>.
10. Cai, Z., 2021. Research on the International Exchange and Cooperation in Education under the BRI Based on Review of the Documentary Materials. *CONVERTER*. <https://doi.org/10.17762/converter.164>.
11. De Martino, M., 2020. Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility. *RUDN Journal of Political Science*. <https://doi.org/10.22363/2313–1438–2020–22–2–312–319>.
12. Fan, X., Liu, H., Wang, Y., Wan, Y., & Zhang, D., 2022. Models of Internationalization of Higher Education in Developing Countries—A Perspective of International Research Collaboration in BRICS Countries. *Sustainability*. <https://doi.org/10.3390/su142013659>.
13. Garner, A., Kirkby, D., 2019. Academic ambassadors, Pacific allies. . <https://doi.org/10.7228/manchester/9781526128973.001.0001>.
14. Jamilah, M., Novita, D., 2019. Belt and Road Initiative Project in Myanmar: China Public Diplomacy. *The International Conference on ASEAN 2019*. <https://doi.org/10.1515/9783110678666–071>.
15. Kraus, L., Proff, H., 2023. Platform Design for a Minimum Viable Academic Mobility as a Service Ecosystem., pp. 397–407. https://doi.org/10.1007/978–3–031–35678–0_27.
16. Langa, P., 2022. 4 – African Diaspora and its Multiple Academic Affiliations: Curtailing Brain Drain in African Higher Education through Translocal Academic Engagemen. *Journal of Higher Education in Africa*. <https://doi.org/10.57054/jhea.v16i1–2.1472>.
17. Malatji, M., Matli, W., 2023. The Potential Benefits and Challenges of a BRICS+ Agency for Cybersecurity Intelligence Exchange. *Journal of Information Security and Cybercrimes Research*. <https://doi.org/10.26735/lukh3275>.
18. Martino, M., 2020. Promotion of Political Values through International Programs of Academic Mobility., 22, pp. 312–319. <https://doi.org/10.22363/2313–1438–2020–22–2–312–319>.
19. Msekelwa, P., 2023. Beyond The Borders Global Collaboration in Open Distance Education through Virtual Exchanges. *Journal of Knowledge Learning and Science Technology* ISSN: 2959–6386 (online). <https://doi.org/10.60087/jkfst.vol2.n2.p12>.
20. Naiya, I., Zulkhibri, M., 2023. Expansion of BRICS and the Shifting Dynamics of the Global Economy. *IsDBI Blogs*. <https://doi.org/10.55780/re24035>.
21. Pentzien, J., 2023. Building Platforms Differently. *Journal of Political Sociology*. <https://doi.org/10.54195/jps.16546>.

Колдунова Ирина Яновна,

кандидат политических наук, старший педагог
дополнительного образования кафедры иностранных языков
Российского университета Дружбы Народов им. П. Лумумбы
(ФГСН РУДН)
E-mail: gradiva_angel@mail.ru; koldunova_iya@pfur.ru

В статье на примере Турции как одной из стран ближневосточного региона предпринята попытка определить взаимосвязь между активной внешней политикой, имеющей многовекторный характер и обеспечением долгосрочного устойчивого развития. Актуальность работы определяется важностью динамики глобальных и региональных политических процессов, которые позволяют Турции менять формы внешнеполитического поведения и реагировать на вызовы и возможности в соответствии с благоприятной конъюнктурой и трендами, которые задают страны «западного» и «незападного» мира.

Ключевые слова: Ближний Восток, императивы стратегии внешней политики, диверсификация международных отношений, БРИКС, ШОС, ЕС, НАТО, G7, долгосрочные стратегические цели.

В последние годы на фоне трансформации системы международных отношений происходят существенные перемены на Ближнем Востоке. Время перехода к многополярному миру протекает на фоне перманентных кризисов и конфликтов, характерных для этого региона. Набирает ход военно-политическое и экономическое противостояние между различными по масштабам силами. Неадекватность существующих механизмов глобального и регионального управления политическими процессами, рост уязвимости и неравенства в различных географических регионах мира, а также стремительная цифровизация оказывают воздействие на международную среду.

На Ближнем Востоке все это приводит, во-первых, к формированию новых и обострению существующих конфликтов (арабо-израильский конфликт, ливийский конфликт, сирийская гражданская война, курдская проблема в Ираке, йеменский кризис, вооруженное противостояние в Судане и в Йемене), во-вторых, к зарождению очагов устойчивого развития (Израиль, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман, Кувейт, Марокко). В современных условиях для ближневосточных стран, в отличие от времен холодной войны и блокового противостояния, ключевым политико-экономическим императивом становится устойчивое развитие, оказывающее определяющее воздействие на внешнеполитическую сферу.

Цели устойчивого развития (ЦУР) были определены ООН в 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030¹. В ходе достижения ЦУР Турцией были приняты масштабные амбициозные национальные экономические программы. Эти программы направлены на обеспечение долгосрочного устойчивого развития Турции, повышение ее международной конкурентоспособности и улучшение качества жизни населения:

1. Программа «Цели устойчивого развития 2030» – (*Sürdürülebilir Kalkınma Amaçları 2030 Programı*) интегрирует цели и задачи устойчивого развития, установленные ООН, в национальные политики и стратегии Турции. Основное внимание уделяется вопросам устойчивого экономического роста, социальной интеграции и защиты окружающей среды².

2. Программа «Турция 2053» – (*Türkiye 2053 Vizyonu*) ориентирована на достижение государством высоких уровней экономического и социального развития к 2053 году, когда будет отмечаться 600-летие завоевания Константинополя. Программа включает цели по переходу к зеленой экономике, достижению углеродной нейтральности, развитию инновационных технологий и увеличению конкурентоспособности³.

3. Энергетическая стратегия до 2030 года – (*Ulusal Enerji ve Madencilik Politikası 2030*) нацелена на диверсификацию источников энергии, увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе страны, повышение энергоэффективности и развитие добычи полезных ископаемых⁴.

4. Программа «Цифровая Турция 2030» – (*Dijital Türkiye 2030 Vizyonu*) – направлена на развитие цифровой инфраструктуры, внедрение новых технологий, улучшение кибербезопасности и создание цифровой экономики⁵.

Для осуществления указанных долгосрочных стратегий и программ, Турецкая Республика ведет активную внешнюю политику, нацеленную на многовекторность турецких контактов с сохранением дружественных и взаимовыгодных отношений со всеми участниками внешнеполитического процесса. Общественное мнение приняло изменение внутренней жизни страны, поскольку в новых условиях Турция в качестве исламского государства имеет лучшие позиции в борьбе за лидерство в исламском мире и за пределами соседних стран.

Следует учитывать, что турецкая внешняя политика опирается на исторические и географические факторы. В качестве серьезной заявки на новую идеологическую составляющую во внешней политике воспринимается участие Турции в инициативе ООН «Альянс цивилизаций», который, по мнению турецкой правящей элиты, является одним из способов доказать свою значимость в качестве моста между Востоком и Западом, между исламской и христианской культурами⁶. Турция будет стремиться стать моделью для стран Ближнего Востока.

Исторический опыт Османской империи оказал значительное влияние на стратегические решения Турции, формируя основу для многовекторной политики в контексте современного мира. Внешняя политика в «Век Турции»⁷ направлена на укрепление регионального мира и безопасности, расширение институционализации внешнеполитических отношений, активизацию экономического развития и воздействие на преобразование глобальной системы. Как сообщается на сайте министерства иностранных дел Турецкой Республики: «Мы воплощаем в жизнь независимое и национальное понимание внешней политики, руководствуясь идеалом “Мир в стране, мир во всем мире” (*‘Yurtta Barış, Dünyada Barış’*), сформированным основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком и концепцией “Век Турции” (*‘Türkiye Yüzyılı’*), сформированной Президентом Турецкой Республики⁸. Эти политические лозунги провозглашают основы внешней политики Турецкой Республики и формируют основные идеологии государства, которые в последние два-три десятилетия все более переплетаются и синтезируются: неоосманизм, европеизация и исламизм. Зачастую трудно сказать, где начинается кемализм и начинается османизм или исламизм. Достижение уровня «современной западной цивилизации» путем создания национального государства в европейском стиле с собственными традициями и осуществившем модернизацию материальной жизни общества сделало Турцию одним из технологических флагманов исламского мира, претендующим и на политическое лидерство.

Многовекторная внешняя политика Турции располагает широким арсеналом «локальных» стратегий, которые она активизирует по мере создания благоприятной конъюнктуры на любом направлении⁹. Окончание холодной войны снизило актуальность довлевшей долгие десятилетия над турецкой внешней политикой парадигмы безопасности, а значит, стало возможным ослабление зависимости от традиционных партнеров (США и Западной Европы), с которыми, в первую очередь, связывала эффективная система обороны. Появилось больше свободы и вариантов для конструктивного развития отношений с восточными партнерами, включая Россию, Китай, страны Ближнего Востока и Центральной Азии, другие страны «не-Запада».

Институт исследований безопасности Европейского союза (EUISS) опубликовал доклад *Türkiye's Cards in the World*, в котором отмечает растущее влияние Анкары¹⁰:

На Западных Балканах Турция выступает как балансирующая сила, участвует в миротворческих миссиях

НАТО, ЕС и ООН и укрепляет военное сотрудничество со странами балканского региона. Культурное влияние оказывает через агентство *Anadolu* и телеканал *TRT* вещающие на нескольких языках в регионе.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке (регион MENA) Турция усиливает свое влияние, поддерживая права палестинцев, принимая беженцев и оказывая гуманитарную помощь. Программы гуманитарной дипломатии и образовательные инициативы, такие как «Стипендии Турции» (*Türkiye bursları*), подчеркивают цели Турции в регионе.

На Южном Кавказе и в Центральной Азии Турция пытается извлечь выгоду из того, что влияние России в этих регионах уменьшается. Несмотря на сложные отношения с Арменией Турция сосредоточена на улучшении имиджа в Грузии и Азербайджане через культурные и развивающие инициативы.

Американский журнал *The National Interest* опубликовал статью об увеличении влияния Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии¹¹. В статье делается вывод, что Турция отвечает на растущий спрос на альтернативные партнерства в регионе: проникая в области обороны, энергетики и культуры – области влияния Кремля – Турция становится противовесом России. Возрастающее влияние Турции в Каспийском регионе можно проследить с войны в Нагорном Карабахе в 2020 году. После победы союзника Турции – Азербайджана, страны закрепили союз в Шушинской декларации 2021 года. Этот оборонный договор с членом НАТО предоставил Азербайджану альтернативу России в области безопасности. Впоследствии Казахстан и Узбекистан заключили с Турцией соглашения о развитии военного сотрудничества. Более того, турецкая оборонная промышленность быстро завоевывает доминирующее положение на растущем центральноазиатском рынке беспилотников.

После пограничных столкновений в 2021 и 2022 годах между Кыргызстаном и Таджикистаном, Турция взяла на себя поддержку миротворческих усилий, добившись недавнего прогресса в достижении соглашения по границе¹². Тюркское сотрудничество также помогает оживить транс-каспийский торговый и транспортный коридор, более известный как Средний коридор (*Middle corridor*), как альтернативный маршрут для торговли между Европой и Азией, минуя Россию. Азербайджан, Грузия, Казахстан и Турция договорились о дорожной карте по развитию коридора до 2027 года. Они стремятся увеличить пропускную способность коридора до 10 миллионов тонн грузов с нынешней пропускной способностью около 2 миллионов тонн. Шаг в этом направлении был сделан в конце января 2024 года, когда чиновники ЕС объявили, что европейские и международные инвесторы готовы вложить 10 миллиардов евро в программу развития Среднего коридора.

Турция также продвигает в регионе свой собственный многосторонний формат – Организацию тюркских государств, которая трансформируется из платформы для диалога в организацию, продвигающую всестороннее сотрудничество¹³. Государства-члены – Турция, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан – стремятся превратить организацию в тюркоязычный аналог ЕС. Создается Тюркский инвестиционный банк, и Туркменистан, обычно избегающий многосторонних альянсов, присоединился к группе в качестве наблюдателя.

Многолетние попытки присоединиться к ЕС, ослабление Ирака и Сирии заставили Турцию почувствовать себя новой экономической и политической региональной силой: Турция концентрирует усилия на установлении новых отношений с соседними странами, в которых она стремится к лидерству, пытаясь хотя бы частично

восстановить свое влияние периода Османской империи. Для того чтобы сделать внешнюю политику страны более амбициозной, активной и самостоятельной: пришло время отказаться от тактики неизменного согласия со старыми партнерами и развивать отношения с новыми. Следует отметить, что подобное расширение внешнеполитических целей весьма удачно компенсировало начавшийся процесс торможения в развитии отношений с ЕС.

На фоне участия министра иностранных дел Турции Хакана Фидана в саммите БРИКС в Нижнем Новгороде (10–11 июня 2024 г.) активизировались дискуссии о поиске Анкарой «альтернативных альянсов» в условиях меняющихся геополитических реалий. Хотя турецкая сторона еще официально не подала заявку на вступление, ранее во время своего недавнего визита в Пекин Х. Фидан выразил заинтересованность в присоединении к данному интеграционному объединению.

Для Турции эта площадка важна, во-первых, для возможности встретиться с Китаем в формате БРИКС, во-вторых, для рассмотрения перспектив обеспечения финансовой внешнеэкономической деятельности и технологического развития как в двустороннем, так и в многостороннем форматах, преодоления вызовов, связанных с санкциями и т.д.

Но БРИКС не может стать для Турции альтернативой членству в западноцентричных блоках. Как отметил Х. Фидан, «G7 – это место, где в большей степени обсуждаются политические вопросы. БРИКС – это платформа для экономических целей. У нее нет структурированной версии, основанной на правилах. Отличительная черта БРИКС по сравнению с ЕС заключается в том, что она включает в себя все цивилизации и расы. Если БРИКС удастся стать более институциональной, это принесет серьезные выгоды. Две страны с наибольшим объемом внешней торговли Турции – Китай и Россия – являются членами БРИКС. Платформы следует рассматривать как дополнение друг другу, а не как альтернативу. В ЕС действует механизм, основанный на правилах. Если бы мы не оказались в нынешней ситуации в наших отношениях с ЕС, если бы европейские страны проявили волю к дальнейшим шагам, наш взгляд на некоторые вопросы здесь мог бы измениться. Сейчас актуальна тема военного союза в рамках НАТО. Но экономический альянс для Турции не возникает таким же образом, очевидно, что экономический альянс находится еще в становлении. Поэтому наши поиски продолжаются»¹⁴.

Как считает аналитик М. Колесникова, «тенденции внешней политики Анкары на выстраивание отношений со странами вне евроатлантического поля являются всего лишь способом «давления» на европейцев. Не вызывает сомнения, что в определенные моменты Анкара использует фактор БРИКС для усиления своих переговорных позиций в диалоге с Западом. Вместе с тем необходимо понимать, что для Турции эти два направления внешней политики не являются взаимоисключающими в принципе, и она глубоко заинтересована в параллельном развитии каждого из них. Таким образом, заявления турецких политиков об участии в формате БРИКС – это не отражение идеологических поисков «третьего пути», а осознанная часть цели Анкары по достижению относительной автономии на внешнеполитическом треке»¹⁵.

По оценкам зарубежных аналитиков¹⁶ с прагматических позиций в числе основных причин, побуждающих Турцию присоединиться к БРИКС, можно назвать стремление к диверсификации внешнеэкономических связей: получение доступа к новым рынкам и укрепление торговых отношений с крупнейшими развивающимися странами откроют Анкаре возможности для стимулирования

национального экономического роста и привлечения иностранных инвестиций.

Кроме того, как отмечают эксперты¹⁷, БРИКС рассматривается как дополнительный международный инструмент, который согласуется с целью Турции по установлению «более стабильного и инклюзивного международного порядка» особенно в то время, когда легитимность ООН и других глобальных институтов все больше ставится под сомнение. Это определенного рода аргумент и дополнительный позитивный пункт повестки в переговорах с российской стороной, призванный продемонстрировать готовность к продолжению многомерного сотрудничества несмотря на рестриктивные меры в отношении Москвы, на которые Анкаре пришлось пойти в последнее время под давлением Запада. Тем символичнее участие Р.Т. Эрдогана 3–4 июля 2024 года в Астане на площадке другой интеграционной структуры – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). *CNN Türk*, комментируя заявления турецкого президента по поводу возможного вступления Турции в евразийское объединение, отметило, что в ШОС уже преимущественно присутствуют тюркские государства. По мнению Эрдогана, с членством Турции влияние тюркских государств еще больше усилится. Однако политологи отмечают, что некоторые страны-члены, такие как Индия и Иран, могут выступать против вступления Турции по политическим мотивам, что может замедлить процесс интеграции¹⁸.

После образования Турецкой Республики европеизация была объявлена одной из основных стратегических целей нового государства и стала одним из факторов модернизации и экономического роста страны, позитивных перемен во внутренней политике. Свыше пятидесяти лет Турция является ассоциированным членом Евросоюза. Она регулярно получала финансовую помощь от ЕС, участвовала в его политических и экономических структурах, пользовалась льготными кредитами ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития), а в 1995 г. вошла в таможенный союз ЕС. В последнее время с целью преодоления отставания от ЕС активно проводилась гармонизация турецких правовых, экономических и прочих государственных институтов, и структур с общеевропейскими стандартами и нормами. Во внешнеэкономических связях Турции преобладает торговля со странами ЕС, из которых также в страну поступает большая часть прямых иностранных инвестиций, а также передовые технологии. В европейские страны с 1960-х годов устремился основной поток турецких мигрантов. Многие европейские компании и банки являются основными акционерами и деловыми партнерами турецкого бизнеса. В свою очередь Турции принадлежит важная роль в качестве проводника политических и экономических интересов ЕС в Ближневосточном регионе. После включения Турции в число стран-кандидатов на вступление в полные члены ЕС, она с 2005 г. ведет официальные переговоры о конкретных сроках и условиях этого процесса. При этом затягивание вступления в ЕС не меняет курса Турции на продолжение европеизации, учитывая взаимную заинтересованность сторон и позитивные результаты уже пройденного пути интеграции страны в Евросоюз¹⁹.

Долгосрочной стратегической целью Турции остается полноправное членство в Евросоюзе. Об этом 27 июня 2024 года в Анкаре заявил президент Турецкой Республики Т.Р. Эрдоган на совместной пресс-конференции с президентом Эстонии А. Карисом: «Полноправное членство в Европейском Союзе, как мы регулярно подчеркиваем, является нашей стратегической целью. В наших общих интересах, чтобы и ЕС подходил к Турции с аналогичных позиций. Я уверен, что поддержка Турции

со стороны Эстонии в этом контексте будет продолжаться усиливаться». Заявив, что как союзники по НАТО, они могут развивать существующее сотрудничество, установленное в области оборонной промышленности, дополнительными конкретными проектами, Эрдоган отметил: «Мы считаем диверсификацию наших отношений в широком диапазоне – от науки и технологий до образования, культуры и туризма – важными инвестициями в будущее нашего сотрудничества. Эстония занимает важное место в области цифровых преобразований, цифровых приложений и киберзащиты. Я искренне верю, что наши двусторонние отношения и наша солидарность в рамках НАТО будут и дальше укрепляться на прочном фундаменте»²⁰. Таким образом, официальная встреча с одним из членов НАТО, а Эстония присоединилась к Североатлантическому альянсу в 2004 году, Турцией был дан еще один однозначный политический посыл о неизменности курса на членство в ЕС.

Приглашение Эрдогана премьер-министром Италии Джорджией Мелони на саммит G7 (17 июня 2024 года) и его присутствие на заседании высокого уровня на тему «Африка и Средиземноморье – искусственный интеллект и энергетика», связано с «географией» сессии. Прагматичный подход Рима к приглашению турецкого президента связан с миграционным кризисом: страны ЕС хотели бы применить опыт Турции, превратившейся в международную модель «буферной страны», к некоторым африканским странам. Помимо укрепления сотрудничества в сфере миграции, Эрдоган был приглашен на саммит для включения его в «более широкую семейную картину G7» с написанием о том, что место Турции находится в «западном лагере», пишет в газете *Cumhuriyet* Мехмет Али Гюлер, отвечая на вопрос: зачем Эрдогана приглашали на саммит G7?²¹

Возможно, сценарий «европеизации» является результатом преувеличения самостоятельности внешней политики Турции, а также недооценки влияния США. С этой точки зрения, видимо, более правильно было бы придерживаться традиционного подхода, в рамках которого отношения Турции и ЕС рассматриваются как часть общей системы отношений Турции с Западом, включая и отношения в рамках НАТО.

Как отмечал один из аналитиков, «администрация США заинтересована в усилении своего сотрудничества с Турцией в рамках реализации внешнеполитической цели «управлять из-за спины», что одновременно совпадает со стремлением Эрдогана расширить влияние Турции в регионе, предпочтительно в сотрудничестве со своими союзниками»²³.

В 2024 году НАТО исполнилось 75 лет, Турция отметила 72 года пребывания в альянсе. Накануне юбилейного саммита НАТО в Вашингтоне, министр обороны Турции Яшар Гюлер в интервью журналу *Politico* заявил, что «в рамках учений НАТО по цифровому взаимодействию успешно прошли испытания турецкого программного обеспечения для обмена информацией между тактическими каналами передачи данных военных систем, что вписывается в одну из целей Вашингтонской декларации по совместному ускорению трансформации и интеграции новых технологий. НАТО является самым эффективным органом безопасности в Европе и Атлантическом регионе, и любые альтернативы подрывают единство альянса. В вопросе конфликта Россия–Украина мы не допустим превращения Черного моря в стратегическую зону боевых действий»²². Очередной саммит Североатлантического блока пройдет в 2026 году в Турции, и Анкара запросила у альянса дополнительные системы ПВО.

Императивы стратегии внешней политики Турции тесно связаны с расширением спектра дипломатической активности. Диверсификация международных отношений помогает эффективно реагировать на глобальные вызовы и возможности, создавая условия для долгосрочного экономического роста и социального прогресса. Такой подход способствует заинтересованности в развитии связей с ШОС и, возможно, с БРИКС, привлечению инвестиций, расширению торговых связей и укреплению экономической стабильности для устойчивого развития страны.

Глобальный конфликт не отвечает ни политическим, ни экономическим интересам турецкой элиты, которая под руководством Эрдогана за последние два десятилетия прошла путь реализации значительных трансформаций в стране и не хотела бы потерять в интересах западных амбиций те позитивные наработки, которые были накоплены в новом столетии. При этом с внешнеполитической точки зрения Турция склоняется к западному блоку ввиду наличия определенных юридически обязывающих договоренностей и элементов торговой-финансовой зависимости. При наличии угроз, проистекающих из характера развития международной ситуации, Турция будет стремиться сохранить новый активный стиль внешней политики.

В тоже время существует множество проблем, которые также будут влиять на формирование турецких долгосрочных внешнеполитических стратегий: что будет с ЕС и сохранится ли эта организация, также трудно ответить на вопросы о будущем развитии Ближнего Востока и будет ли этот регион развиваться в сторону большей конфликтности или большего сотрудничества и устойчивого развития.

Литература

1. Sustainable Development. URL: <https://www.sdg.un.org/> (дата обращения: 17.06.2024).
2. Sustainable Development Goals. United Nations in Türkiye. URL: <https://turkiye.un.org/en/sdgs> (дата обращения: 17.06.2024).
3. Targets. URL: <https://turkiye2053.tasam.org/index.php/en/targets> (дата обращения: 17.06.2024).
4. Ulusal Enerji ve Madencilik Politikası 2030. URL: www.enerji.gov.tr (дата обращения: 17.06.2024).
5. Dijital Türkiye 30. URL: <https://www.digitalturkey.gov.tr> (дата обращения: 17.06.2024).
6. Ульянов Н.Ю., Иванова И.И., Киреев Н.Г., Мейер М.С., Уразова Е.И. Возможные сценарии развития Турции до 2050 года // Восточная аналитика. 2014. № 4. С. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-stsenarii-razvitiya-turtsii-do-2050-goda/viewer> (дата обращения: 02.07.2024).
7. Концепция «Век Турции» была впервые упомянута в октябре 2022 года на съезде правящей Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi – AKP). Президент Реджеп Тайип Эрдоган представил эту инициативу как стратегический план развития страны до 2023 года и далее, связав ее с юбилеем основания Турецкой Республики. Основная цель этой концепции – сделать Турцию одной из ведущих мировых держав через экономические реформы, расширение международного влияния и укрепление национальной безопасности.
8. Türkiye Yüzyılı'nda Milli Dış Politika. URL: <https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (дата обращения: 25.06.2024).
9. Свистунова И. Роль ШОС во внешней политике Турции. URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/04/20/rol->

shos-vo-vneshnej-politike-turtsii/ (дата обращения: 03.07.2024).

10. Ghanem D. Türkiye's Cards in the World. EUISS. 2024. URL: <https://www.eiss.europa.eu/content/turkiyes-cards-world?> (дата обращения: 17.05.2024).
11. Engvall J. Eurasia: Between Russia and Turkey. As Russian influence in Central Asia wanes, Turkey's on the rise // The National Interest. 2024. URL: <https://nationalinterest.org/blog/silk-road-rivalries/eurasia-between-russia-and-turkey-211159?> (дата обращения: 28.05.2024).
12. Соглашение при содействии Турции после столкновений 2021–2022 гг. между Кыргызстаном и Таджикистаном было принято по поводу их общей границы. Конфликты касались спорных участков границы, которые проходили через несколько ключевых пунктов, включая: 1. Ворух – таджикский эксклав, окруженный территорией Кыргызстана, был одним из главных источников напряженности; 2. Баткенская область – область на кыргызской стороне, где находятся многие спорные территории, включая критически важные для сельского хозяйства водные ресурсы и транспортные маршруты, имеющие экономическое и стратегическое значение; 3. Лейлекский район – отличается этническим разнообразием, которое приводит к межэтнической напряженности и конфликтам. Эти зоны являются только частью более широкой проблемы, т.к. многие участки границы между Кыргызстаном и Таджикистаном остаются не демаркированными и спорными. При содействии Турции было установлено прекращение огня, отвод войск от зоны конфликта, созданы совместные комиссии по демаркации и делимитации спорных участков границы, улучшение коммуникаций между пограничными службами двух стран.
13. Dışişleri Bakanı, Hakan Fidan. Habertürk'te 1. Özel Röportaj – 24 Haziran 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-7Mp-Vmhl_k (дата обращения: 01.07.2024).
14. Колесникова М. Турция и БРИКС – дорогу осилит идущий? URL: <https://interaffairs.ru/news/show/46536> (дата обращения: 29.06.2024).
15. Kayaoglu B. Joining BRICS comes with limitations for Turkey: No alternative to NATO. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/06/joining-brics-comes-limitations-turkey-no-alternative-nato> (дата обращения: 01.07.2024).
16. Yeşiltaş M. Türkiye's strategic bid for BRICS membership. SETA. 2024. URL: <https://www.setav.org/en/turkiyes-strategic-bid-for-brics-membership> (дата обращения: 01.07.2024).
17. Türkiye Şangay İş Birliği Örgütü'ne Üye Olursa Ne Olur? Erdoğan: Üye Olmak İstiyoruz. URL: <https://youtu.be/7NDfv-pTAAo?si=g0JfIX03JK0h3w5> (дата обращения: 07.07.2024).
18. Ульченко Н.Ю., Иванова И.И., Киреев Н.Г., Мейер М.С., Уразова Е.И. Указ. соч. С. 27.
19. Estonia ile her alanda iş birliğimizi ilerletme potansiyeline sahibiz. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/152815/-estonya-ile-her-alanda-is-birligimizi-ilerletme-potansiyeline-sahibiz-?> (дата обращения: 01.07.2024).
20. Güller M.A. Erdogan G7'ye neden davet edildi? URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/mehmet-aliguller/erdogan-g7ye-neden-davet-edildi-2218076> (дата обращения: 29.06.2024).
21. Poyrazlar E. Turkey carves its own course in NATO – POLITICO URL: <https://www.politico.eu/article/turkish->

defense-ministr-yasar-guler/ (дата обращения: 10.07.2024).

22. Ульченко Н.Ю., Иванова И.И., Киреев Н.Г., Мейер М.С., Уразова Е.И. Указ. соч. С. 26.

IMPERATIVES OF TURKEY'S FOREIGN POLICY STRATEGY

Koldunova I.Ya.

Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

In the article, using the example of Turkey, as one of the countries of the Middle East region, an attempt is made to determine the relationship between an active foreign policy of a multi-vector nature and ensuring long-term sustainable development. The relevance of the work is determined by the importance of the dynamics of global and regional political processes that allow Turkey to change forms of foreign policy behavior and respond to challenges and opportunities in accordance with favorable conditions and trends set by the countries of the "Western" and "non-Western" world.

Keywords: Middle East, imperatives of foreign policy strategy, diversification of international relations, BRICS, SCO, EU, NATO, G7, long-term strategic goals.

References

1. Sustainable Development. URL: <https://www.sdgs.un.org/> (accessed on 17.06.2024).
2. Sustainable Development Goals. United Nations in Türkiye. URL: <https://turkiye.un.org/en/sdgs> (accessed on 17.06.2024).
3. Targets. URL: <https://turkiye2053.tasam.org/index.php/en/targets> (accessed on 17.06.2024).
4. Ulusal Enerji ve Madencilik Politikası 2030. URL: www.enerji.gov.tr (accessed on 17.06.2024).
5. Digital Türkiye 30. URL: <https://www.digitalturkey.gov.tr> (date of access: 17.06.2024).
6. Ulchenko N.Yu., Ivanova I.I., Kireev N.G., Meyer M.S., Urazova E.I. Possible scenarios for the development of Turkey until 2050 // Eastern Analytics. 2014. No. 4. P. 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-stsenarii-razvitiya-turtsii-do-2050-goda/viewer> (date of access: 02.07.2024).
7. The concept of the "Century of Turkey" was first mentioned in October 2022 at the congress of the ruling Justice and Development Party (Adalet ve Kalkınma Partisi – AKP). President Recep Tayyip Erdogan presented the initiative as a strategic plan for the country's development until 2023 and beyond, linking it with the anniversary of the founding of the Turkish Republic. The main goal of this concept is to make Turkey one of the world's leading powers through economic reforms, expanding international influence and strengthening national security.
8. Türkiye Yüzyılı'nda Milli Dış Politika. URL: <https://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa> (date of access: 25.06.2024).
9. Svistunova I. The role of the SCO in Turkey's foreign policy. URL: <https://journal-neo.su/ru/2015/04/20/rol-shos-vo-vneshnej-politike-turtsii/> (date of access: 03.07.2024).
10. Ghanem D. Türkiye's Cards in the World. EUISS. 2024. URL: <https://www.eiss.europa.eu/content/turkiyes-cards-world?> (date of access: 17.05.2024).
11. Engvall J. Eurasia: Between Russia and Turkey. As Russian influence in Central Asia wanes, Turkey's on the rise // The National Interest. 2024. URL: <https://nationalinterest.org/blog/silk-road-rivalries/eurasia-between-russia-and-turkey-211159?> (Accessed: 28.05.2024).
12. The agreement, facilitated by Turkey, was reached after the 2021–2022 clashes between Kyrgyzstan and Tajikistan over their shared border. The conflicts concerned disputed sections of the border that ran through several key points, including: 1. Vorukh, a Tajik exclave surrounded by Kyrgyz territory, was one of the main sources of tension; 2. Batken Oblast, an area on the Kyrgyz side that contains many of the disputed territories, including critical water resources for agriculture and transport routes of economic and strategic importance; 3. Leilek District, which is characterized by an ethnic diversity, which leads to interethnic tensions and conflicts. These zones are only part of a larger problem, as many sections of the border between Kyrgyzstan and Tajikistan remain undemarcated and disputed. With Turkey's assistance, a ceasefire was established, troops

withdrew from the conflict zone, joint commissions were created to demarcate and delimit disputed sections of the border, and communications between the border services of the two countries were improved.

13. Dışışleri Bakanı, Hakan Fidan. Habertürk'te l Özel Röportaj – 24 Haziran 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-7Mp-Vmhl_k (date of access: 01.07.2024).
14. Kolesnikova M. Turkey and BRICS – the road will be mastered by the one walking? URL: <https://interaffairs.ru/news/show/46536> (date of access: 06/29/2024).
15. Kayaoglu B. Joining BRICS comes with limitations for Turkey: No alternative to NATO. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2024/06/joining-brics-comes-limitations-turkey-no-alternative-nato> (accessed 07/01/2024).
16. Yeşiltaş M. Türkiye's strategic bid for BRICS membership. SETA. 2024. URL: <https://www.setav.org/en/turkiyes-strategic-bid-for-brics-membership> (access date: 07/01/2024).
17. Türkiye Şangay İş Birliği Örgütü'ne Üye Olursa Ne Olur? Erdoğan: Üye Olmak İstiyoruz. URL: <https://youtu.be/7NDfv-pTAAo?si=g0jflQx03JK0h3w5> (date of access: 07.07.2024).
18. Ulchenko N.Yu., Ivanova I.I., Kireev N.G., Meyer M.S., Urazova E.I. Op. cit. P. 27.
19. Estonya ile her alanda is birliğimizi ilerletme-potansiyeline sahibiz. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/152815/-estonya-ile-her-alanda-is-birligimizi-ilerletme-potansiyeline-sahibiz-?> (date of access: 01.07.2024).
20. Güller M.A. Erdogan G7'ye neden davet edildi? URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/yazarlar/mehmet-ali-guller/erdogan-g7ye-neden-davet-edildi-2218076> (date of access: 29.06.2024).
21. Poyrazlar E. Turkey carves its own course in NATO – POLITICO URL: <https://www.politico.eu/article/turkish-defense-ministry-yasar-guler/> (date of access: 10.07.2024).
22. Ulchenko N.Yu., Ivanova I.I., Kireev N.G., Meyer M.S., Urazova E.I. Op. cit. P. 26.

Нормативно-правовые основы обеспечения продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике

Табасаранский Руфат Сергеевич,

докторант Бакинского государственного университета

E-mail: rgsu.kafedra.kgd@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы нормативно-правового обеспечения развития системы продовольственной безопасности Азербайджанской Республики. Указывается, что продовольственная безопасность является одним из наиболее важных направлений государственной политики в силу ее критической значимости как для отдельных групп населения и граждан, так и для всего общества, правильного функционирования его социально-экономических институтов. Рассматриваются различные этапы формирования государственной политики в данной сфере, начиная с момента, когда после распада СССР и обретения независимости. Азербайджан, столкнувшийся с агрессией Армении, был вынужден отвечать на вызовы связанные с разрушением системы обеспечения населения продуктами питания, ростом экономической нестабильности, для противодействия которым требовались комплексные меры, направленные на оздоровление экономики и реконструкцию всей системы государственного управления. Подводя итог своему анализу, автор отмечает, что в целом за период после обретения независимости в Азербайджане система обеспечения продовольственной безопасности прошла сложный путь становления. Он начинался с реализации неотложных мер, призванных обеспечить насыщения рынка продовольствием, и направлен на осуществление мер, направленных на такую организацию предоставляемых услуг, которая позволит оперативно решать возникающие проблемы.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Программа обеспечения продовольственной безопасности Азербайджанской Республики, Государственное агентство по продовольственной безопасности Азербайджанской Республики, Стратегическая дорожная карта по производству и переработке сельскохозяйственной продукции Азербайджанской Республики, Закон о продовольственной безопасности Азербайджанской Республики.

Введение

Продовольственная безопасность – составная часть системы национальной безопасности. Она определяется в соответствии с законодательством Азербайджанской Республики как обеспечение на всех этапах первичного производства, переработки, продажи, утилизации и потребления пищевых продуктов необходимых условий, полностью исключающих нанесение пищевыми продуктами вреда жизни и здоровью людей [9]. Проблемы в данной сфере ведут к голоду и недоеданию, ухудшению экономического положения населения, миграциям и социальным конфликтам. В наши дни от проблем с недоеданием страдают по всему миру сотни миллионов человек. Поэтому как на международном, так и на национальном уровне продовольственная безопасность находится в постоянной зоне внимания как государственных институтов, так и различных негосударственных и международных организаций.

Восстановление системы обеспечения продовольственной безопасности

В результате распада СССР и начавшейся агрессии Армении против Азербайджана была подорвана макроэкономическая стабильность и были нарушены существовавшие экономические связи. Обеспечение населения продуктами питания было нарушено, для удовлетворения нужд наиболее уязвимых слоев населения использовалась гуманитарная помощь. В условиях когда Азербайджан оказался в состоянии затяжного экономического кризиса для выхода из которого требовались комплексные меры, направленные на оздоровление экономики и реконструкцию всей системы государственного управления решение проблем обеспечения продовольственной безопасности стало одним из приоритетных направлений социально-экономической политики.

Постепенное оздоровление экономики позволило уже 2 марта 2001 года принять «Программу обеспечения Продовольственной безопасности», утвержденную распоряжением Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева[6]. В этой программе было предусмотрено принятие ряда мер, направленных на увеличение производства местной сельскохозяйственной продукции с целью удержания цен на продовольственные товары на приемлемом уровне и недопущения острой нехватки продовольствия. Все предполагавшиеся мероприятия предусматривалось осуществить в два этапа.

На первом этапе эти мероприятия включали как контроль над исполнением действующего уже законодательства, так и предоставление кредитов на производство, переработку и реализацию продуктов питания, принятие временных налоговых льгот для сельскохозяйственных предприятий, применение протекционистских мер, призванных обеспечить защиту местных производителей от конкуренции с иностранными поставщиками. Одновременно было предусмотрена реструктуризация взаимной задолженности между сельхозпредприятиями и обеспечение защиты интересов потребителей. С целью обеспечения готовности к чрезвычайным ситуаци-

ям предусмотрено было создание соответствующей информационной системы для обеспечения безопасности продуктов питания.

На втором этапе с целью повышения рентабельности и конкурентоспособности сельского хозяйства Азербайджана, а также его интеграции в международную экономическую систему предполагалось как совершенствование государственных механизмов, призванных обеспечить безопасность пищевых продуктов, так и повышение конкурентоспособности фермерских хозяйств, что позволит постепенно отказаться от применения льгот, определенных для сельского хозяйства и пищевой промышленности. Наряду с этим существенные инвестиции должны были быть привлечены с целью укрепления инфраструктуры села.

Программа предусматривала проведение политики способствующей обеспечению продовольственной безопасности. Только после 1996 года, в результате общей стабилизации экономической и политической ситуации, повысились темпы экономического роста и стало возможно принятие целого ряда мер, способствующих обеспечению продовольственной безопасности, которые были сгруппированы по 12 направлениям, а именно:

- разработка и применение действенных механизмов оказания поддержки местным производителям за счет привлечения инвестиций;
- создание необходимых валютных резервов и поддержание общей стабильности на валютном рынке;
- оптимизация механизмов расходования бюджетных средств, что в частности позволит увеличить отчисления на социальные расходы и восстановление инфраструктуры села;
- совершенствование системы налогообложения с целью повышения собираемых денежных средств и снижения налогового бремени;
- усовершенствование механизмов, призванных защитить местных производителей и добиться интеграции страны в мировую экономику путем проведения торговой и таможенной политики в соответствии с принципами ВТО;
- с целью повышения объемов производства продовольствия решить такие проблемы как нехватка финансовых средств у сельскохозяйственных предприятий, упадок ирригационной системы, слабая материально-техническая база сельскохозяйственных предприятий, отсутствие необходимых условий для переработки, хранения и упаковки продукции, незащищенность внутреннего рынка, несогласованность ценовой и кредитной политики;
- принятие мер, призванных повысить качество проводимой политики на институциональном уровне за счет совершенствования системы государственной статистики и учета, определения ее принципов и методов, а также реорганизации деятельности целого ряда государственных органов, включая Министерство Сельского Хозяйства, Государственную ветеринарную службу;
- осуществление земельной реформы в соответствии с законом от 16 июля 1996 года которая способствовала передаче земельных участков в собственность частным лицам, разработке системы земельного налогообложения на основе рыночной цены на землю и земельного кадастра[12].
- улучшение качества используемых земель путем проведения как превентивных мероприятий, так и проведение борьбы с эрозией почвы и ее загрязнением, а также разработкой правил, упорядочивающих землепользование;

– восстановление ирригационной и мелиорационной системы, улучшение состояния имеющихся и строительство новых водоочистительных и водозаборных сооружений, привлечение средств от других стран и международных организаций для финансирования проводимых работ;

– оказание поддержки производителям продовольствия за счет создания благоприятных условий, применения льгот, технической и инвестиционной поддержки с целью обеспечить создание необходимых условий для появления конкурентоспособных фермерских хозяйств, для чего президентским указом была утверждена «Государственная программа по углублению аграрной реформы и помощи развитию предпринимательства в сельском хозяйстве в Азербайджанской Республике на 1999–2000 годы» [1];

– оказание кредитной поддержки сельскохозяйственным производителям на льготных условиях, списание части уже ранее выданных кредитов.

Эти меры способствовали оживлению сельскохозяйственной отрасли, переходу ее к функционированию в новых рыночных условиях, создав тем самым предпосылки для обеспечения продовольственной безопасности Азербайджанской Республики за счет грамотного использования внутренних ресурсов. Одновременно были предприняты шаги для упорядочивания экспортно-импортных потоков, приведения национального законодательства в соответствие с международными стандартами.

В основу государственной политики по обеспечению населения продовольственными товарами и социальной защиты населения было положено:

- обеспечение здорового питания и качества потребляемых продуктов за счет создания и внедрения механизмов мониторинга и сертификации местной и завозимой в страну пищевой продукции, а также роста объемов производства, переработки и потребления пищевой продукции;
- определение минимальных показателей, обеспечивающих удовлетворение базовых потребностей различных категорий населения в здоровом питании;
- оказание государственной поддержки уязвимым категориям населения, внедрение механизмов адресной социальной помощи;
- создание механизмов предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации, несущие в себе угрозы для продовольственной безопасности.

Таким образом, первая принятая программа позволяла решить вопросы, связанные с восстановлением производства сельскохозяйственной продукции путем принятия мер направленных на восстановление необходимой инфраструктуры, в том числе лабораторий, привлечение бюджетных средств для реализации необходимых проектов и усовершенствование механизмов государственного регулирования. Таким образом, данная программа была сосредоточена на достижении скорее количественных показателей, что должно было отразиться на насыщенности рынка продовольствием с целью обеспечения доступа к нему всех категорий граждан.

Развитие системы обеспечения продовольственной безопасности

25 августа 2008 года Указом Президента Ильхама Алиева с целью стимулировать рост производства сельскохозяйственной продукции и улучшить обеспечение ею населения была принята «Государственная программа

по надежному обеспечению населения Азербайджанской Республики продуктами питания на 2008–2015 годы» [2]. В программе отмечается, что в основе существующих вызовов находится, с одной стороны, неспособность добиться полного обеспечения продуктами за счет внутреннего производства, а с другой – значительные колебания цен на продовольствие на мировом рынке. Указывается, что в ходе проводимых в стране реформ удалось добиться улучшения макроэкономических показателей, экономического роста и снижения уровня бедности. Произошла перестройка сельскохозяйственных предприятий, в результате чего более 99% производимой продукции приходится на частный сектор. При этом оставались актуальными проблемы связанные с состоянием используемых земельных угодий и нехваткой водных ресурсов. Отдельное внимание требовалось уделить решению вопросов производства, хранения и экспорта продукции растениеводства, а также кормовых культур, улучшению племенного состава поголовья скота. Неудовлетворительной продолжала оставаться обстановка с обеспечением сельского хозяйства удобрениями и агротехникой, для чего было создано ОАО «Агролизинг», а также с организацией ветеринарной и фитосанитарной службы. Недостаточное финансирование, слабое материально-техническое обеспечение и нехватка профессиональных кадров продолжали оказывать негативное воздействие на научно-исследовательскую деятельность и кадровую работу в указанной сфере. Сельская инфраструктура несмотря на целый ряд улучшений осуществленных в ходе реализации Программы по развитию регионов на 2004–2008 года во многом оставалась ниже современных требований, снабжение населения газом, светом и питьевой водой осуществлялось с перебоями и из ненадежных источников, сельские и поселковые дороги нуждались в ремонте. В республике была создана целая сеть лабораторий, осуществляющих контроль за качеством продуктов питания, но поскольку проблемы связанные с попаданием в розничную продажу продукции неизвестного происхождения, несоблюдения правил производства, хранения и реализации оставались налицо, в целях дальнейшего улучшения контроля за качеством продовольствия следовало более активно внедрять международные стандарты, использовать применение передовых практик. В целях обеспечения продовольственной безопасности в чрезвычайных ситуациях был создан Государственный Зерновой фонд и запланировано строительство элеваторов и других объектов служащих хранению продовольственных запасов. Рост потребления продовольствия на душу населения продолжавшийся в предыдущие годы позволил поставить задачу доведения показателей до уровня развитых стран.

Были выделены следующие 4 приоритетных направления выполнения Государственной Программы:

- обеспечение устойчивого обеспечения продовольствием за счет проведения сбалансированной политики направленной на достижение роста производства продукции за счет применения стимулирующих мер в сочетании с постоянным улучшением материального положения населения;
- обеспечения качества продовольствия за счет применения международных стандартов качества на всех этапах производства, хранения и реализации продукции до конечного потребителя включительно («от поля до стола»;
- создание системы управления рисками включающей резервы продуктов питания и механизмы реагирования на чрезвычайные ситуации;
- формирование благоприятной бизнес-среды и проведение институциональных преобразований обеспечивающих доступ к финансированию, государ-

ственным услугам, техническому и кадровому обеспечению хозяйствующих субъектов.

Были также определены основные показатели по всем видам сельскохозяйственной продукции, которых следовало достичь к 2015 году в рамках выполнения Государственной программы и составлен план мероприятий по ее выполнению, включавший 164 пункта объединенных по 12 группам. Таким образом, в рамках этой Программы был выдвинут принцип в соответствии с которым безопасность продовольствия должна обеспечиваться «от поля до стола» то есть на всех этапах производства и реализации, что позволяет говорить о 100%-ной уверенности в качестве потребляемой продукции. Данная программа осуществлялась в тот период когда экономические преобразования на селе были уже завершены и требовалось обеспечить создание конкурентной среды, в рамках которой только и возможен переход к высокотехнологичным, технически оснащенным частным предприятиям.

В утвержденной указом Президента Азербайджанской Республики от 6 декабря 2016 г. «Стратегической дорожной карте по производству и переработке сельскохозяйственной продукции в Азербайджанской Республике» вопросы продовольственной безопасности также нашли свое отражение [4]. В числе девяти стратегических целей, достижение которых предусмотрено данной программой, первое место занимают вопросы, связанные с укреплением институционального потенциала для обеспечения устойчивости продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике.

Для реализации данной цели было решено сосредоточиться на следующих приоритетных направлениях:

- формирование системы сбора информации и мониторинга безопасности пищевых продуктов для чего предполагается собрать всю имеющуюся информацию отечественных и международных организаций по продовольственной безопасности в единой базе данных. С этой целью было решено создать Комиссию по продовольственной безопасности, состоящую из представителей различных ведомств, занимающихся данным вопросом; осуществлять регулярный мониторинг с целью выявления зависимости от различных цепей поставок, обеспеченности в условиях чрезвычайных ситуаций, а также адекватности инфраструктуры имеющимся потребностям; разработать минимальные нормы потребления различных видов продукции, в том числе и по отдельным группам граждан; отслеживать обеспеченность различных групп населения различными видами продовольствия, с целью выявления воздействия различных факторов, влияющих на продовольственный рынок; создание единого информационного портала охватывающего основные направления производства, импорта продукции, имеющиеся резервы и торговые потоки.
- формирование механизмов, обеспечивающих надежное продовольственное обеспечение всех слоев населения путем создания необходимых резервов, механизмов обеспечения продуктами питания уязвимых групп населения и расширения возможностей получения продуктов питания в условиях чрезвычайной ситуации;
- формирование основанной на анализе рисков системы обеспечения безопасности продовольственной продукции, охватывающей все звенья производства и реализации, основанной на использовании международных стандартов и адаптированной к требованиям Европейского Союза. Поскольку существовавшие стандарты были приняты еще во времена Совет-

ского Союза, а контроль за соответствие их требованиям продовольственной продукции осуществлялся различными органами, в данном направлении существует необходимость проведения мероприятий направленных на совершенствование существующего законодательства, устранение дублирования в работе государственных органов, а также предусмотрена возможность создания Государственного агентства по продовольственной безопасности. Также было запланировано проведение мероприятий направленных на создание сети оборудованных современной техникой лабораторий, а также совершенствование механизмов общественного контроля и информированности населения о принципах здорового питания.

Итак, в данном документе в достаточно подробной форме рассмотрены вопросы связанные с обеспечением механизмов контроля и мониторинга за существующей ситуацией, а также принятием мер направленных на усовершенствование существующих правил с целью их адаптации к мировым стандартам. Реализация запланированных мер способствовала модернизации системы обеспечения продовольственной безопасности с целью плавной интеграции в региональные и глобальные структуры.

Повышение эффективности системы государственного контроля в сфере продовольственной безопасности

10 февраля 2017 года был издан Указ Президента Ильхама Алиева «О дополнительных мерах, связанных с улучшением системы продовольственной безопасности в Азербайджанской Республике», которым в целях снабжения населения безопасными и качественными продуктами питания, усовершенствования системы обеспечения их безопасности путем повышения эффективности системы государственного контроля, включающего сертификацию продукции, а также защиты прав потребителей было создано Государственное Агентство по продовольственной безопасности [8]. Для организации его работы в соответствии с этим указом была создана Комиссия в составе руководителей профильных министерств под председательством заместителя премьер-министра Али Ахмедова. Предусмотрено было до начала 2018 года решить все организационные вопросы, связанные с перераспределением и разграничением полномочий между Агентством и прочими государственными органами, а также обеспечить подготовку Государственной программы по продовольственной безопасности на 2018–2025 годы. В указе было отмечено, что приоритетными при подготовке данной Программы должны быть вопросы связанные с построением системы контроля над продовольствием на всех этапах его прохождения по цепочке «от поля до стола», то есть от непосредственного производителя до конечного потребителя и оценкой возможных рисков, а также связанные с обеспечением соответствия международным стандартам и требованиям в области продовольственной безопасности.

13 ноября 2017 года был принят президентский Указ «Об обеспечении деятельности Агентства продовольственной безопасности Азербайджанской Республики» которым утверждено было положение о порядке работы этой государственной организации, а также принято решение о создании Института Продовольственной безопасности, призванного обеспечить его функционирование с научно-методической и экспертной стороны дела [7]. К деятельности Агентства были отнесены обеспечение государственного регулирования в области

продовольственной безопасности, ветеринарного и фитосанитарного контроля, осуществление регистрации и выдача разрешений в данной сфере, контроль над импортом и экспортом продовольственной продукции, осуществление надзора на всех этапах продвижения продовольственной продукции по цепочке от производителя до потребителя, а также надзор за качеством прочей продукции находящейся в контакте с продовольственными товарами.

В 2019 году была принята подготовленная Агентством «Государственная Программа по обеспечению продовольственной безопасности Азербайджанской Республики на 2019–2025 годы» основной целью которой было объявлено как обеспечение населения безопасными и качественными продуктами питания, так и повышение эффективности и прозрачности системы их производства и хранения, а также адаптации ее к международным требованиям [5]. Реализация и координация данной программы были возложены на Государственное агентство продовольственной безопасности.

В Программе отмечается, что, несмотря на имеющиеся достижения, существует необходимость усовершенствования системы контроля и государственного управления в сфере продовольственной безопасности. Программа включает 12 направлений, среди которых:

- 1) совершенствование нормативно-правовой базы с использованием международного опыта;
- 2) улучшение инфраструктуры;
- 3) укрепление кадрового и научного потенциала;
- 4) формирование системы по анализу возможных рисков;
- 5) создание работающей по принципу «одного окна» современной системы учета и сертификации;
- 6) формирование государственной системы контроля над возникающими рисками;
- 7) создание системы ветеринарного контроля;
- 8) создание системы фитосанитарного контроля;
- 9) развитие сотрудничества по линии государственно-частный сектор;
- 10) применение современных технологий и инноваций;
- 11) развитие международного сотрудничества;
- 12) просвещение населения, пропаганда здорового питания и защита прав потребителей.

Для реализации данной программы был подготовлен План, состоящий из 12 пунктов. В соответствии с ним в 2022 году был принят «Закон о продовольственной безопасности», обеспечивающий защиту прав потребителей, жизни и здоровья, а также безопасности продукции животного и растительного происхождения [9]. В законе были сформулированы основные положения, касающиеся задач государственного регулирования данной сферы, основные принципы проводимой политики, нормативы, требования, предъявляемые к производителям различных видов пищевой продукции, а также основные правила учета, сертификации и утверждения различных документов.

Программой предусмотрено также расширение и усовершенствование системы действующих лабораторий, проведение их аккредитации, а также развитие системы контроля над ввозимой и вывозимой из страны продукции.

Еще одним важным шагом в рамках исполнения Плана является создание в 2021 году Учебного центра, что наряду с целым рядом других мероприятий способствует укреплению кадрового и научного потенциала [3]. С целью обеспечения объективности и надежности проводимых в рамках обеспечения продовольственной безопасности мероприятий в 2023 году Кабинетом Министров были утверждены Правила анализа рисков в сфере про-

довольственной безопасности [10]. Данными правилами предусматривается процедура рассмотрения и изучения возникающих вызовов, оценка их потенциала.

В 2023 году указом Президента Азербайджанской республики были утверждены «Правила регистрация объектов пищевой цепи и субъектов пищевой цепи, а также объектов, осуществляющих производство и переработку материалов и продукции, контактирующих с пищевой продукцией, подтверждения объектов пищевой цепи, признания эквивалентности систем решений зарубежных стран и ведения Реестра безопасности пищевой продукции» и «Перечня объектов пищевой цепи, утверждаемых при оценке соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области безопасности пищевой продукции» [11]. В 2019 году началась реализация предусмотренных Государственной программой мероприятий, направленных на мониторинг пищевых и технических сельскохозяйственных культур, организацию контроля над применением удобрений и химикатов используемых при их возделывании а также проведение просветительской работы с фермерами. А с 2021 года начала действовать «Система идентификации и учета животных» призванная осуществлять идентификацию сельскохозяйственных животных с целью прослеживать прохождение животноводческой продукции по всей цепочке от сельскохозяйственных предприятий до конечного потребителя. Подготовлены и опубликованы 4 методических указания по комплексным мерам контроля по защите основных сельскохозяйственных растений (виноград, картофель, хлопок, зерновые и бобовые культуры) от вредителей. Развивается и партнерство с предприятиями частного сектора. Государственное агентство по продовольственной безопасности проводит работу по оказанию помощи в деятельности предпринимателей, в частности – в организации сети частных ветеринарных учреждений, подготовке пунктов забоя скота, внедрению международных стандартов, регулирующих их деятельность.

В рамках названной выше Программы предусмотрены также меры направленные на цифровизацию и интеграцию в единую систему Электронного Правительства баз данных государственных органов обеспечивающих продовольственную безопасность. Развитие сотрудничества с однопрофильными организациями других государств является еще одним направлением призванным обеспечить продовольственную безопасность. С этой же целью в рамках Государственной программы предусмотрены меры направленные на популяризацию здорового питания, ознакомления населения с мерами предосторожности при потреблении консервов и различных видов скоропортящейся продукции, а также работу с различными группами населения (дети, беременные) нуждающимися в особом контроле за качеством потребляемой ими продукции. Действующая на данный момент программа является всеобъемлющим документом, в котором нашли свое отражение последние тенденции развития продовольственного рынка, связанные с необходимостью обеспечить доступность существующих механизмов как для конечного потребителя продовольственной продукции, так и для ее производителей и поставщиков.

Заключение

В целом за период после обретения независимости в Азербайджане система обеспечения продовольственной безопасности прошла сложный путь становления, начиная с реализации неотложных мер, призванных обеспечить насыщения рынка продовольствием, и вплоть

до осуществления мероприятий, направленных на такую организацию предоставляемых услуг, которая позволит оперативно решать возникающие проблемы. В современных условиях Азербайджанская Республика вносит значительный вклад в решение проблем продовольственной безопасности не только в национальном, но и в глобальном масштабе, в частности, в рамках борьбы с негативным воздействием изменения климата на обеспечение продовольственной безопасности, что является неотъемлемой частью стратегии страны на этом направлении.

Литература

1. 1999–2000-ci illərdə Azərbaycan Respublikasında aqrar islahatların dərinləşdirilməsi və kənd təsərrüfatında sahibkarlığın inkişafına kömək göstərilməsinə dair Dövlət Proqramı haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/2943>
2. 2008–2015-ci illərdə Azərbaycan Respublikasında əhalinin ərzaq məhsulları ilə etibarlı təminatına dair Dövlət Proqramı təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/15320>
3. AQTİ-də Təlim Mərkəzi fəaliyyətə başlayır. <https://afsa.gov.az/az/xeberler/aqti-de-telim-merkezi-fealiyyete-baslayir1278>
4. Azərbaycan Respublikasında kənd təsərrüfatı məhsullarının istehsalına və emalına dair Strateji Yol Xəritəsi. <https://e-qanun.az/framework/57124>
5. Azərbaycan Respublikasında qida təhlükəsizliyinin təmin edilməsinə dair 2019–2025-ci illər üçün Dövlət Proqramının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/42111>
6. Azərbaycan Respublikasının ərzaq təhlükəsizliyi Proqramının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/4467>
7. Azərbaycan Respublikasının Qida Təhlükəsizliyi Agentliyinin fəaliyyətinin təmin edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/36883>
8. Azərbaycan Respublikasında qida təhlükəsizliyi sisteminin təkmilləşdirilməsi ilə bağlı əlavə tədbirlər haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/34810>
9. Qida təhlükəsizliyi haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. <https://e-qanun.az/framework/49857>
10. Qida təhlükəsizliyi sahəsində risklərin təhlili qaydasının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabinetinin Qərarı. <https://e-qanun.az/framework/54567>
11. Qida zənciri obyektlərinin və qida zənciri subyektlərinin, habelə qida məhsulları ilə təmasda olan material və məmulatların istehsalını və emalını həyata keçirən obyektlərin qeydiyyatı, qida zənciri obyektlərinin təsdiqi, xarici ölkələrin təsdiq sisteminin ekvivalentliyinin tanınması və Qida Təhlükəsizliyi Reyestrinin aparılması Qaydasının və Qida təhlükəsizliyi sahəsində texniki normativ hüquqi aktların tələblərinə uyğunluğu qiymətləndirilməklə təsdiq olunan qida zənciri obyektlərinin Siyahısının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/55990>
12. Torpaq islahatı haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. <https://e-qanun.az/framework/4207>

REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENSURING FOOD SECURITY IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Tabasaransky R.S.

Baku State University

The article examines the issues of regulatory and legal support for the development of the food security system of the Republic of Azerbaijan. It is indicated that food security is one of the most important areas of state policy due to its critical importance both for individual groups of the population and citizens, and for the whole society, the proper functioning of its socio-economic institutions. The various stages of the formation of state policy in this area are considered, starting from the moment after the collapse of the USSR and the acquisition of independence. Azerbaijan, faced with Armenian aggression, was forced to respond to challenges related to the destruction of the system of providing the population with food products, the growth of economic instability, to counter which complex measures were required aimed at improving the economy and reconstructing the entire system of public administration.

Summarizing his analysis, the author notes that, in general, since gaining independence in Azerbaijan, the food security system has gone through a difficult path of development. It began with the implementation of urgent measures aimed at ensuring the saturation of the market with food, and is aimed at implementing measures aimed at organizing the services provided in such a way that it will be possible to promptly resolve emerging problems.

Keywords: Food security, Food Security Program of the Republic of Azerbaijan, State Agency for Food Security of the Republic of Azerbaijan, Strategic Roadmap for the Production and Processing of Agricultural Products of the Republic of Azerbaijan, Law on Food Security of the Republic of Azerbaijan.

References

1. 1999–2000-ci illərdə Azərbaycan Respublikasında aqrar islahatların dərinləşdirilməsi və kənd təsərrüfatında sahibkarlığın inkişafına kömək göstərilməsinə dair Dövlət Proqramı haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/2943>
2. 2008–2015-ci illərdə Azərbaycan Respublikasında əhalinin ərzaq məhsulları ilə etibarlı təminatına dair Dövlət Proqramı təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/15320>
3. AQTİ-də Təlim Mərkəzi fəaliyyətə başlayır. <https://afsa.gov.az/az/xeberler/aqti-de-telim-merkezi-fealiyyete-baslayir1278>
4. Azərbaycan Respublikasında kənd təsərrüfatı məhsullarının istehsalına və emalına dair Strateji Yol Xəritəsi. <https://e-qanun.az/framework/57124>
5. Azərbaycan Respublikasında qida təhlükəsizliyinin təmin edilməsinə dair 2019–2025-ci illər üçün Dövlət Proqramının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/42111>
6. Azərbaycan Respublikasının ərzaq təhlükəsizliyi Proqramının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. <https://e-qanun.az/framework/4467>
7. Azərbaycan Respublikasının Qida Təhlükəsizliyi Agentliyinin fəaliyyətinin təmin edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/36883>
8. Azərbaycan Respublikasında qida təhlükəsizliyi sisteminin təkmilləşdirilməsi ilə bağlı əlavə tədbirlər haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/34810>
9. Qida təhlükəsizliyi haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. <https://e-qanun.az/framework/49857>
10. Qida təhlükəsizliyi sahəsində risklərin təhlili qaydasının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Nazirlər Kabinetinin Qərarı. <https://e-qanun.az/framework/54567>
11. Qida zənciri obyektlərinin və qida zənciri subyektlərinin, habelə qida məhsulları ilə təmasda olan material və məmulatların istehsalını və emalını həyata keçirən obyektlərin qeydiyyatı, qida zənciri obyektlərinin təsdiqi, xarici ölkələrin təsdiq sisteminin ekvivalentliyinin tanınması və Qida Təhlükəsizliyi Reyestrinin aparılması Qaydasının və Qida təhlükəsizliyi sahəsində texniki normativ hüquqi aktların tələblərinə uyğunluğu qiymətləndirilməklə təsdiq olunan qida zənciri obyektlərinin Siyahısının təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı. <https://e-qanun.az/framework/55990>
12. Torpaq islahatı haqqında Azərbaycan Respublikasının Qanunu. <https://e-qanun.az/framework/4207>

Ресурсный потенциал Российско-Китайского сотрудничества в условиях многополярности

Белашенко Дмитрий Александрович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: belashchenko@itomi.unn.ru

Гудкова Елизавета Олеговна,

магистрант кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: elizaveta.gudkova.01@mail.ru

Меркулова Дарья Григорьевна,

ассистент кафедры восточных языков и лингвистологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Отношения России и Китая представляют собой один из наиболее актуальных вопросов в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Оба государства стремятся укрепить и углубить сотрудничество в сферах, представляющих взаимный интерес, в частности, за счёт своего ресурсного потенциала. Статья посвящена отношениям стран на двустороннем уровне, а также в рамках международных организаций, а также существующим противоречиям, обусловленным изменениям в современных международных отношениях.

Ключевые слова: США, РФ, БРИКС, многополярность, ресурсный потенциал.

Представление о многополярности в России и Китае было сформировано под воздействием разных традиций исследования международных отношений. На КНР огромное влияние оказали как классическая китайская философия, так и марксистские принципы, которые в середине XX в. были более актуальны для Пекина, чем новаторские западные теории. Тем не менее, после начала реализации политики открытости американские учения все же были популяризированы среди китайского научного сообщества, что позволило адаптировать китайские теории под западное видение с целью дальнейшего распространения. Фактически, после того как американские исследования в сфере международных отношений, в том числе в сфере полярности на международной арене, были распространены по всему миру и возведены в ранг традиционных, Пекин стал вкладывать в эти теории свое видение. Влияние китайской классической философии на современные политические концепции выразилось в том, что представление о многополярном мире в КНР выражается через концепцию Поднебесной. Для Пекина важно, чтобы процесс формирования нового миропорядка протекал под его контролем. Таким образом, концепция «Сообщества единой судьбы» ни разу не вызвала отторжения у других государств, но при этом всегда имела китайскую специфику. По сути, Пекин пошел «от частного к общему», превратив свою концепцию в глобальную, в то время как РФ скорее тяготеет к фрагментации.

Об этом говорит популяризация синтеза цивилизационного подхода и многополярности, где «центры» потенциального многополярного мира будут представлены не каждым отдельным государством, а определенной цивилизацией. Несмотря на много споров о логичности выделения определенных цивилизаций даже в российском научном дискурсе, в официальной политической риторике ни раз говорилось о сотрудничестве цивилизаций [1].

Несмотря на то, что термин «многополярность» появляется в российском и китайском академическом и политическом дискурсе примерно в одно и то же время, китайцы сопрягли его с другими своими концептуальными идеями, в первую очередь с Пятью принципами мирного сосуществования, что придало концепции наполненность и завершенность. Включение многополярности в такие фундаментальные документы как Конституция КНР и Устав КПК подняли концепцию на уровень внешнеполитической философии.

Считается, что наличие политической философии является атрибутом государства, имеющего влияние на международной арене, при этом только некоторые страны обладают достаточной ресурсной базой, чтобы продвигать свою философию среди остальных акторов. К государствам, которые обладают и философией, и ресурсами на данный момент относят США и КНР [2]. Данный факт подтверждает, что проектный подход КНР к многополярности основывается как на успешном сочетании западных концепций и китайской философии, так и на высоком экономическом потенциале.

При этом вопрос о наличии у РФ политической философии остается открытым. Россия довольно четко обозначила свое видение многополярного мира во Внешнеполитической концепции от 2023 года, однако говорить о какой-либо внешнеполитической философии нельзя. Существует вероятность того, что это связано с неудачным опытом СССР. Несмотря на то, что отсутствие официальной идеологии дает пространство для маневра в официальной риторике, этот же факт ставит Россию на принципиально другой уровень по сравнению с КНР и США.

Таким образом, еще одно различие между российским и китайским подходом к многополярности заключается в разном уровне утверждения концепций. Несмотря на то, что Россия выносит вопрос формирования многополярности на уровень таких доктринальных документов как Стратегия внешней политики и Стратегия национальной безопасности, данные документы с определенной периодичностью редактируются в соответствии с требованиями сложившейся конъюнктуры на международной арене и поэтому являются более гибкими.

Приоритеты в продвижении многополярности также начали несколько расходиться, если раньше и КНР, и РФ активно взаимодействовали в рамках ШОС, где и были некими «стержнями», то теперь их пути в основном пересекаются на двусторонней основе.

Для Пекина основой реализации принципов Сообщества единой судьбы стала инициатива Один пояс – один путь, где с одной стороны страны-партнеры имеют возможность повысить свой экономический уровень, а с другой остаются должниками КНР. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), созданный на базе ОПОП привлек не только как предполагается из названия, страны Азии, но и больше половины стран-участниц НАТО в качестве внерегиональных партнеров. Данный факт несколько подрывает незаменимость США как экономического партнера для стран Европы.

Несмотря на то, что КНР заявляет о необходимости диверсификации экономических и торговых структур, все альтернативы, созданные Пекином, в первую очередь призваны переманить партнеров США на свою сторону. Таким образом проявляются не просто лидерские, а гегемонистические устремления КНР[3].

Сотрудник ИКСА РАН А.О. Виноградов при исследовании 19 съезда ЦК КПК отметил, что в ходе съезда 2017 г. в тексте выступления не фигурировали такие структуры как БРИКС и ШОС, в отличие от предыдущего съезда[4]. С большой вероятностью уже на тот момент Пекин принял решение сконцентрироваться на своих индивидуальных проектах.

При этом актуальность российско-китайского сотрудничества не ушла в сторону, а только возросла, но вместе с этим возрастает и вероятность возникновения некоторых споров между ними.

Самым принципиальным различием в видении многополярного мира в РФ и КНР является статус Арктики. В китайской парадигме многополюсного мира Арктика является зоной ответственности всего человечества, а значит должна находиться в компетенции соответствующего глобального органа, например, ООН. Разумеется, данная позиция полностью противоречит позиции РФ, более того, подобное мнение ставит под вопрос заявления КНР о уважении чужого суверенитета. Несмотря на маловероятный спор по Арктике в ближайшем будущем, позиция РФ в регионе уже находится под вопросом.

Начало председательства РФ в Совете в 2021 году началось с прямого отказа остальных арктических государств сотрудничать с Москвой в рамках организации [5]. За это время было проведено значительное количество мероприятий, но их состав не включал в себя ос-

новные страны Совета, Россия привлекала такие страны как Китай, Индия, Бразилия, Монголия, Белоруссия и Казахстан. За 2 года председательства РФ Арктический совет не распался, но внутренний раскол и пренебрежение большинством стран Совета своими обязанностями показало нестабильность организации. Арктика всегда вызывала территориальные споры, не только между государствами Совета, но и между всеми мировыми акторами, поэтому подобная слабость на современном этапе существования Совета актуализирует некоторые положения Белой книги КНР по Арктике, а также резонирует с давно бытующим среди многих акторов, не имеющих территорий в Арктике, мнением о том, что контроль над арктическими территориями должен осуществляться на международном уровне, а не региональном. К таким акторам можно, например, отнести Всемирный фонд дикой природы, Индию и ЕС.

На данный момент именно углеводородные проекты составляют основу российско-китайского сотрудничества в Арктике, хотя если снова обратиться к Белой книге, то можно найти несостыковки в китайском курсе, так как согласно документу, Пекин обеспокоен вопросами климатических изменений в регионе, а не добычей углеводородов, которая является одной из причин загрязнения окружающей среды. На данный момент факты говорят об обратном: КНР является крупным спонсором и акционером различных российских проектов, а также занимается поставками оборудования. Несмотря на то, что КНР является наиболее надежным партнером в сфере реализации углеводородных проектов, злоупотребление ведением промышленного производства в арктическом регионе в первую очередь отразится на России, а не Китае, поэтому можно сделать закономерное предположение, что климатическая повестка является лишь поводом оправдать свое присутствие в Арктике через необходимость присутствия всего международного сообщества.

Помимо добычи полезных ископаемых, другой актуальной сферой сотрудничества, и в то же время столкновения интересов, является логистика, а именно судоходство. Это касается как совместного судостроения, так и использования Китаем Северного морского пути. Строительство ледоколов является важной частью освоения Арктики, поэтому эксплуатация китайских технологий для модернизации арктического флота является актуальной сферой сотрудничества. В то же время судоходство по Северному морскому пути остается проблемой, в связи с официальной позицией КНР, согласно которой арктические воды, как и арктические ресурсы должны использоваться для всеобщего блага, а не эксплуатированы ограниченным количеством государств. Данная позиция расходится с российским определением Северного морского пути как «исторически сложившейся национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике». Не отрицая права России на самостоятельное регулирование судоходства в водах, которые находятся под ее юрисдикцией, Китай призывает соблюдать положения Конвенции ООН по морскому праву и обеспечить странам свободный доступ к морским путям. Учитывая частоту обращений Пекина к Конвенции и международному праву, можно ожидать, что в случае усиления Россией контроля над арктическими водами без исключений для Пекина, КНР может заявить о нарушении принципов ООН, так как согласиться с такими условиями означает лишиться наиболее короткого и выгодного морского маршрута [6].

Рассматривая перспективы взаимодействия Китая и России на международной арене с учетом их внешнеполитических курсов. Китайская концепция многопо-

лярности уже несколько лет находится в активной стадии реализации через различные инициативы, часть из которых является действительно успешной. В это время Россия зачастую использует многополярность в своем внешнеполитическом дискурсе. Москва и Пекин одинаково продуктивно апеллируют к многополярности на международных площадках, таких как ООН, ШОС, БРИКС, АТЭС, G20 и т.д. Однако в практической реализации КНР преуспела куда больше, что говорит, о том, что для Пекина многополярность уже стала проектом, который постепенно реализуется, в то время как для России это всё еще концепция, требующая воплощения. Тем не менее в XXI в. Российская Федерация и Китайская Народная Республика сыграли ключевую роль в формировании альтернативной архитектуры глобального управления, в т.ч. способствуя развитию различных международных структур.

Несмотря на некоторые расхождения в вопросах формирования многополярного мира и Россия, и Китай придерживаются принципа уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Если говорить о конкретных проблемах, упомянутых в предыдущем пункте, то угроза вытеснения российских интересов китайскими является лишь вероятностью. На данном этапе сотрудничества России необходимо партнерство с Китаем в Арктике, так как оно удовлетворяет потребности обеих сторон: Пекин получает доступ к обширным арктическим территориям, а Москва может эксплуатировать передовые китайские технологии для разработки месторождений полезных ископаемых в тяжелых климатических условиях. Более того, в нынешних условиях, соперничество в Арктике принесет потери обеим сторонам и откатит назад процесс формирования многополярного мира.

Несмотря на то, что РФ не подписала Меморандум о взаимопонимании в рамках ОПОП, Россия неоднократно поддерживала данный проект на официальном уровне, например Президент В.В. Путин выступал на церемонии открытия третьего Международного форума «Один пояс, один путь» [7]. Более того, Россия и Китай неоднократно подписывали двусторонние экономические соглашения, часть из которых как минимум нацелена на среднесрочную перспективу [8]. Факт существования государств, которые находятся в долговой яме нельзя отрицать, однако та же Шри-Ланка никогда не была государством, которое разорилось в один миг, это произошло как следствие совокупности как внутриполитических, так и внешнеполитических процессов. Бывший посол Шри-Ланки в Китае Палита Кохона подтвердил, что самая большая доля долга Шри-Ланки приходится не на Китай, а на западные финансовые предприятия [9]. Наличие государственного долга в рамках современной экономической системы является нормой, поэтому чрезмерная обеспокоенность западных исследователей долгами стран перед Банком ОПОП лишь доказывает их неприятие незападных систем сотрудничества.

Россия и Китай успешно справляются с продвижением своих концепций многополярного мира в рамках выбранных ими стратегий, однако обе стороны сталкиваются с определенными трудностями. Несмотря на то, что китайский проектный подход уже приносит определенные результаты, у него есть все риски превратиться в сугубо экономическую инициативу. Инициатива Пояса и Пути получает больший охват в СМИ, нежели чем Концепция единой судьбы человечества, хотя именно вторая является главной и основополагающей в иерархии китайских доктрин. При этом ОПОП получает охват не только как успешная инициатива, но и как потенциальная угроза национальным интересам развивающихся

стран. Из примеров таких стран как Шри-Ланка, Джибути и Пакистан начинают складываться неутешительные статистики прозападные исследователи с целью предотвратить сотрудничество остальных стран Глобального Юга и КНР. С одной стороны, они «спасли» эти страны от долгов, а с другой, лишили их возможности модернизировать свою инфраструктуру, чтобы в дальнейшем улучшить свое экономическое положение на международном рынке.

При этом Россия активно продолжает гнуть свою линию по вопросам формирования многополярного мира в рамках различных международных институтов и в последствии получает не экономических партнеров как Китай, а практически идеологических единомышленников, что в перспективе является более надежной основой сотрудничества. Подобный подход к поиску союзников оправдан историческим опытом и стабильным ведущим положением на международной арене. Тем временем исторический опыт КНР продемонстрировал Пекину, что наилучший способ влиться в международную систему это активное экономическое сотрудничество. Хотя у КНР сильная идеологическая база, которая даже охватывает вопросы устройства системы международных отношений, Пекин излишне сосредоточился на экономической составляющей данного вопроса.

Так 8 мая 2025 года в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву по официальному приглашению Владимира Путина, главы государств обнародовали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху по случаю празднования дня победы Китайского народа в войне сопротивления Японии, победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и 80-летия победы в Великой Отечественной войне. основание Организации Объединенных Наций» [10]. Согласно данному заявлению, российская и китайская стороны обязуются: увеличить долю высокотехнологичной продукции, разрабатывая инновационную модель электронной коммерции и поставляя друг другу различные минеральные ресурсы и сельскохозяйственную продукцию, чтобы способствовать стабильному развитию двусторонней торговли и оптимизировать её структуру. Кроме того, стороны сошлись на необходимости углубить инвестиционное сотрудничество, повысить уровень сотрудничества в соответствии с новой редакцией Плана планирования китайско-российского инвестиционного сотрудничества и Соглашением между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации о поощрении и взаимной защите инвестиций, подписанным 8 мая 2025 года, и создать прозрачную бизнес-среду [10]. Также главы государств отметили необходимость постоянно укреплять комплексное энергетическое партнерство, оказывать содействие предприятиям в реализации проектов сотрудничества в области нефти, природного газа, атомной энергетики, угля, возобновляемых источников энергии и других областях, в том числе поддерживать стабильную работу соответствующей трансграничной инфраструктуры [10].

Учитывая многолетний опыт сотрудничества стран, а также высокую степень экономической интеграции между Китаем и Россией (по данным за 2024 год товарооборот между странами составил 244,8 млрд долл. США [11]) нам представляется возможным утверждать, что несмотря на существующие сложности, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами отношения стран имеют высокий потенциал развития, в частности, за счёт своего уровня ресурсности.

На данном этапе двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем наблюдается больше общих целей, чем противоречий. Поэтому несмотря на наличие нескольких конфликтогенов, можно утверждать, что обе стороны отдают предпочтение сотрудничеству так как их отношения в первую очередь определяются взаимовыгодной. Это проявляется не только в материальном аспекте (например, обмен ресурсы – технологии), но и в концептуальном, где два несколько различных дискурса могли бы выгодно дополнить друг друга. Хотя есть объективные причины несочетаемости концепций, также существует вероятность того, что усиление США после прихода Д. Трампа к власти может спровоцировать более тесное сотрудничество между Пекином и Москвой в сфере продвижения многополярности.

Литература

1. Открытый мир и синергия цивилизаций, 5 октября 2023 // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/18923135> (Дата обращения: 07.06.2025)
2. Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: векторы развития и параметры управления: сборник статей / [И.Н. Тимофеев; Отв. ред.: И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2025. 184 с.
3. Многополярность или «новая биполярность»? 16 января 2020 года // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (Дата обращения: 07.06.2025)
4. Борох О.Н. и др. 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 155.
5. Страны Арктического совета отказались участвовать во встречах под председательством России, 3 марта 2022 года // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13953855> (Дата обращения: 07.06.2025)
6. Чернега В.С. Стратегия политики Китая по участию в развитии международных морских коммуникаций в Арктике / В.С. Чернега, Д.Л. Цыбаков // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 2. С. 48–56.
7. Международный форум «Один пояс, один путь», 18 октября 2023 года // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72528> (Дата обращения: 07.07. 2025)
8. Путин и Си Цзиньпин подписали заявление об экономическом сотрудничестве, 23 марта 2023 года // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230321/zayavlenie-1859575928.html> (Дата обращения: 07.07. 2025)
9. Является ли инициатива «Пояс и путь» «дипломатией долгой ловушки»? 8 октября 2023 года // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-10-08/1711008726730813441/index.html> (Дата обращения: 07.07. 2025)
- 10.中华人民共和国和俄罗斯联邦在纪念中国人民抗日战争、苏联伟大卫国战争胜利和联合国成立80周年之际关于进一步深化中俄新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明[Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху по случаю празднования дня победы Китайского народа в войне сопротивления Японии, победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и 80-летия победы в Великой Отечественной войне. Основание Организации Объединенных Наций]. // Министерство иностранных дел

КНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250509_11617671.shtml (Дата обращения: 03.06.2025).

11. Товарооборот Китая и России в 2024 году вырос на 1,9%. / ТАСС. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/22861813> (Дата обращения: 10.06.2025).

SOME FEATURES OF CYBERSECURITY IN CHINA AT THE PRESENT STAGE¹

Belashchenko D.A., Gudkova E.O., Merkulova D.G.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Relations between Russia and China are one of the most pressing issues in the works of domestic and foreign researchers. Both countries are striving to strengthen and deepen cooperation in areas of mutual interest, in particular, due to their resource potential. The article is devoted to the relations of the countries at the bilateral level, as well as within the framework of international organizations, as well as the existing contradictions caused by changes in modern international relations.

Keywords: PRC, RF, BRICS, multipolarity, resource potential.

References

1. The Open world and the synergy of civilizations, October 5, 2023 // TASS. URL: <https://tass.ru/politika/18923135> (Accessed: 06.06.2025)
2. Timofeev, I.N. Asynchronous multipolarity: development vectors and management parameters: a collection of articles / [I.N. Timofeev; Editor-in-chief: I.S. Ivanov]; Russian Council on International Affairs (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2025. 184 p.
3. Multipolarity or “new bipolarity”? 16, 2020 // INF Treaty. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (Accessed: 06.06.2025)
4. Borokh O.N. and others. 19th Congress of the CPC: external and internal consequences and prospects of reforms in China // Comparative Politics. 2018. Vol. 9. No. 2. p. 155.
5. The countries of the Arctic Council refused to participate in meetings chaired by Russia, March 3, 2022 // TASS. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13953855> (Accessed: 06.06.2025)
6. Chernega, V.S. Strategy of China's policy on participation in the development of international maritime communications in the Arctic / V.S. Chernega, D.L. Tsybakov // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2020. Vol. 15, No. 2. pp. 48–56.
7. International Forum “One Belt, One Road”, October 18, 2023 // Website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72528> (Accessed: 06.06.2025)
8. Putin and Xi Jinping signed a statement on economic cooperation on March 23, 2023 // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20230321/zayavlenie-1859575928.html> (Accessed: 06.06.2025)
9. Is the Belt and Road initiative a “debt trap diplomacy”? October 8, 2023 // CGTN. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2023-10-08/1711008726730813441/index.html> (Accessed: 06.06.2025)
- 10.中华人民共和国和俄罗斯联邦在纪念中国人民抗日战争、苏联伟大卫国战争胜利和联合国成立80周年之际关于进一步深化中俄新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明[Joint Statement by the People's Republic of China and the Russian Federation on further deepening comprehensive strategic cooperation and partnership between China and Russia in a new Era on the occasion of the celebration of the Victory Day of the Chinese People in the War of Resistance against Japan, the victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War and the 80th anniversary of victory in the Great Patriotic War. founding of the United Nations]. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. [Electronic resource] – Access mode: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202505/t20250509_11617671.shtml (Accessed: 10.06.2025).
11. The trade turnover between China and Russia increased by 1.9% in 2024. / TASS. // URL: <https://tass.ru/ekonomika/22861813> (Date of request: 10.06.2025).

¹ The study was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, number FSWR-2025–0003

Некоторые особенности обеспечения кибербезопасности КНР на современном этапе

Бодрова Оксана Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: oksana-rul@yandex.ru

Гудкова Елизавета Олеговна,

магистрант кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: elizaveta.gudkova.01@mail.ru

Меркулова Дарья Григорьевна,

ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: dgmerkulova@mail.ru

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных вопросов является фактор обеспечения кибербезопасности. Двусторонние и многосторонние отношения переживают глубокую трансформацию и обретают новые формы взаимодействия. Вопрос обеспечения сетевой безопасности имеет непосредственное отношение как к экономической и военно-технологической сферам, так и к политической и социально-культурной. Данная статья посвящена основным причинам и особенностям обеспечения кибербезопасности в рамках внешней политики Китая на современном этапе.

Ключевые слова: КНР, США, РФ, БРИКС, цифровые технологии, кибербезопасность.

В условиях турбулентности и трансформации современного миропорядка одним из наиболее актуальных вопросов является обеспечение кибербезопасности. Процесс глобализации, масштабная имплементация информационных технологий и развитие киберпространства стимулируют экономический и социальный прогресс, но в то же время влекут за собой новые риски и вызовы в сфере обеспечения безопасности. Кибербезопасность касается общих интересов человечества, а также национальной безопасности всех стран, в связи с чем данное пространство активно используется ведущими мировыми державами, в частности, Китайской Народной Республикой.

Согласно «Концепции о кибербезопасности КНР», сфера сетевой безопасности с каждым годом приобретает всё большую актуальность и является важной мерой для продвижения стратегии о всеобъемлющем построении процветающего общества, всестороннем углублении реформ и управлении страной в соответствии с законом и управлении Коммунистической партией Китая в скоординированном порядке, а также является важной гарантией для реализации китайской мечты. Для реализации «Четырёх принципов» Си Цзиньпина, касающихся продвижения реформы глобальной системы управления Интернетом и «Пяти точек зрения» по созданию сообщества общей судьбы в киберпространстве, Китаем разрабатываются новые модели развития и безопасности киберпространства.

Современные условия развития двусторонних и многосторонних отношений и присутствующая напряжённость в условиях борьбы за ведущую роль в условиях меняющегося миропорядка создают необходимость в консолидации стран в рамках борьбы с новыми вызовами и угрозами, что представляет собой важный аспект и в политике КНР. Будучи первой экономикой мира по ВВП по паритету покупательской способности и второй – по номинальному ВВП (после США), китайское руководство активно внедряет новые формы взаимодействия для расширения сотрудничества с государствами.

23 ноября 2023 года Национальной комиссией по развитию и реформам КНР был выпущен отчёт «Тенденция развития, проблемы и контрмеры сетевой безопасности в новую эпоху». Директор Департамента информации и промышленного развития Национального информационного центра КНР Шань Чжигуан, представивший данный отчёт, отметил, что в современных условиях трансформации и усложнения политической обстановки особое внимание необходимо уделить кибербезопасности, как одному из важнейших факторов в контексте обеспечения развития цифрового Китая, и в частности, цифровой экономики страны. В своём высказывании Шань Чжигуан также опирался на концепцию национальной безопасности в новую эпоху, представленную Председателем Си в 2014 году, в рамках которой также упоминался фактор кибербезопасности.

Тогда в своей речи Си Цзиньпин отметил, что «...нынешняя коннотация и расширение национальной безопасности Китая сложнее, чем когда-либо в истории, область времени и пространства шире, а внутренние и внешние факторы более сложны», в связи с чем по-

лучил развитие вопрос обеспечения кибербезопасности как нового формата политического взаимодействия.

В материалах XX съезда Коммунистической партии Китая также отмечалось, что «новый формат развития с новой моделью безопасности» и «укрепление строительства систем безопасности», являются неизбежными требованиями нового пути развития в соответствии с глобальными изменениями. С 2016 года сфера кибербезопасности в КНР претерпела значительные изменения – были выпущены такие документы как: «Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики» и «Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики», «Положение о защите безопасности ключевой информационной инфраструктуры», «Меры по пересмотру сетевой безопасности» и другие нормативные документы.

В соответствии с положениями статьи 76 п. 2 «Закона о кибербезопасности КНР» (утверждён 7 ноября 2016 года, вступил в силу 1 июня 2017 года), «...кибербезопасность [网络安全, также «безопасность сети»] относится к принятым необходимым мер для предотвращения кибератак, вторжений, помех и незаконного использования, а также обеспечения возможности для создания полных, конфиденциальных и пригодных для использования сетевых данных...». В соответствии со статьями 77 и 78 Настоящего Закона, осуществляется «...защита оперативной безопасности сетей, которые хранят или обрабатывают информацию, касающуюся национальной тайны, ... а также соблюдает положения законов и административных правил, касающихся защиты секретности», и «... правила защиты военных сетей сформулированы Центральной военной комиссией КНР».

В опубликованном Комиссией документе от 23 ноября 2023 года также значилась важность противодействия кибератакам со стороны «враждебных сил». Согласно отчёту, в сентябре 2022 года Агентство национальной безопасности США в течение длительного времени вторгалось в сетевое пространство Северо-Западного технологического университета Китая с целью похищения конфиденциальных данных, тем самым оказав серьёзный ущерб национальной безопасности Китая.

Обвинения со стороны КНР в сторону США и обеспокоенность о нарушении сетевой безопасности Китая вполне небезосновательны. Ещё в апреле 2022 года газета The Times опубликовала сообщение, в котором утверждала, что Национальный центр кибербезопасности Великобритании расследует обвинения, в которых утверждается, что более 600 веб-сайтов, включая министерство обороны Украины, были подвергнуты тысячам попыток взлома, координируемых китайским правительством, накануне начала специальной военной операции России в Украине. Джейми Макколл, научный сотрудник Королевского объединенного института исследований в области обороны и безопасности, заявил, что сообщения The Times, по-видимому, соответствуют китайской тактике подрыва в сетевой инфраструктуре, в частности брандмауэры и частные сети.

7 февраля 2024 года представитель Министерства иностранных дел КНР Ван Вэньбинь на регулярном брифинге сделал заявление на основании аналитических докладов, опубликованных компанией 360 Digital Security Group, согласно которым правительство США реализуют «стратегию киберсдерживания и неизбирательных кибератак». Представителем МИДа КНР также было отмечено, что большая часть случаев и доказательств, изложенных в документах, наглядно демонстрируют причастность США и союзных им государств в попытке ведения «...бесцеремонных действий в киберпространстве, что ставит под угрозу международные правила и порядок в киберпространстве, угрожает миру и безопасности

в киберпространстве, наносит ущерб безопасности и интересам развития Китая и других стран».

Ван Вэньбинь отметил, что правительство США также используют свои ресурсы в области кибербезопасности для отключения государственных систем от интернета, нанося тем самым серьёзный ущерб странам и их суверенитету. На брифинге также упоминалось, что «... Вашингтон использует свое господство в секторе глобальных операционных систем и интернет-сервисов для массовой, неизбирательной слежки и кражи данных, нарушая право граждан многих стран на неприкосновенность частной жизни», которые могут подвергнуть киберпространство трансформации в новое поле для противостояния и «железного занавеса».

Вопрос относительно возникновения потенциально-го «железного занавеса» в киберпространстве уже поднимался китайской стороной ранее – 25 июля 2023 года на 13-ой встрече высоких представителей стран-участниц БРИКС, в рамках которой член Политбюро ЦК КПК, глава Канцелярии Комиссии ЦК КПК – ныне Министр иностранных дел КНР – Ван И затронул вопрос обеспечения безопасности в сфере интернета и цифровых технологий. Тогда в своей речи Ван И отметил, что «кибербезопасность является важным краеугольным камнем национальной безопасности».

Главой Канцелярии Комиссии ЦК КПК Ван И были выдвинуты четыре предложения по обеспечению сетевой безопасности:

1. Необходимо обеспечение справедливого и разумного киберпространства, в рамках которого представится возможность практики мультilaterализма и поддерживать роль ООН в качестве ведущего источника правил в глобальном управлении киберпространством с учётом законных интересов развивающихся стран;
2. Необходимо создавать открытое и инклюзивное киберпространство, напоминающее «большую сцену», где «распускаются разные цветы», а не «новое поле для битв»;
3. В контексте взаимодействия в области кибербезопасности необходимо соблюдение общих принципов безопасности, основанных на принципах Устава ООН и уважении целостности и суверенитета государства; необходимо выступать за мирное использование сетевого партнёрства и общее противодействие кибератакам и попыткам взлома киберпространства для организации «цветных революций»;
4. Необходимо совместно и динамично развивать киберпространство посредством координации общих сил и интересов государств, прибегая к помощи современных инновационных технологий в области кибербезопасности, следуя по пути открытости для стимуляции жизнеспособности и функционирования международного сотрудничества в области кибербезопасности.

На встрече Ван И также отметил большую заинтересованность КНР в поддержании сотрудничества между государствами в области кибербезопасности для создания «сообщества единой судьбы человечества». Немаловажным аспектом здесь стал фактор потенциального создания цифровой валюты БРИКС, конвертируемой в странах-участницах организации. Эксперты полагают, что данный вопрос подразумевает длительный путь разработки и внедрения, однако, при этом нельзя отрицать факт того, что данная инициатива подразумевает под собой возможность приобретения поддержки КНР со стороны заинтересованных государств, необходимую в условиях турбулентности современных международных отношений.

Вопрос развития цифровых технологий и кибербезопасности также представляет собой особую значимость в контексте тайваньского вопроса. Компания по производству полупроводников TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company), расположенная в Китайской Республике (Тайвань), является ведущим поставщиком полупроводников в мире. По итогам 2023 года доход TSMC составил \$69,3 млрд, тогда как доходы Intel в полупроводниковой отрасли \$54,23 млрд, Samsung – \$50,99 млрд, вследствие чего, очевидно, что вопрос развития кибербезопасности играет весомую роль не только в рамках военно-технологического и политического развития Китая, но и в рамках поддержания его экономического влияния в мире.

В заключение, стоит отметить, что вопрос сотрудничества и обеспечения безопасности в киберпространстве как одной из наиболее актуальных сред в современной системе международных отношений приобретает всё больше внимания со стороны ведущих держав и охватывает различные сферы взаимодействия. Справедливо отметить, что цифровая среда открывает новые перспективы развития для партнёрства государств, но вместе с тем влечёт за собой новые грани возможного противостояния государств в условиях меняющегося миропорядка и борьбы за экономическое и политическое влияние в мире, что стимулирует ведущие государства внедрять новые форматы обеспечения безопасности в области киберпространства и продвигать развитие военно-технологической среды.

Литература

1. D.Milmo China accused of cyber-attacks on Ukraine before Russian invasion. / The Guardian. // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/apr/01/china-accused-of-launching-cyber-attacks-on-ukraine-before-russian-invasion> (дата обращения: 3.02.2024)
2. M.Tucker. China accused of hacking Ukraine days before Russian invasion. / The Times. // URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/china-cyberatta> (дата обращения: 3.02.2024)
3. Ян Цянь, Китай призывает США прекратить ставить кибербезопасность под угрозу. / Жэньминь жибао. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0208/c31521-20132542.html> (дата обращения: 6.02.2024)
4. 中华人民共和国网络安全法 [Закон о кибербезопасности Китайской Народной Республики] / Официальный сайт Государственного Совета КНР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm (дата обращения: 7.02.2024)
5. 新时代网络安全的发展趋势、面临挑战与对策建议 [Тенденции развития, проблемы и меры противодействия сетевой безопасности в новую эпоху] / Официальный сайт Комиссии по реформам КНР [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ndrc.gov.cn/wsdwhzf/202311/t20231129_1362347_ext.html (дата обращения: 5.02.2024)
6. US launches indiscriminate cyberattacks on global scale, including on its allies: reports. / Global Times. // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306875.shtml> (дата обращения: 10.02.2024)
7. Taiwan Semiconductor Manufacturing Company. / TAdviser. // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:_Taiwan_Semiconductor_Manufacturing_Company_\(TSMC\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:_Taiwan_Semiconductor_Manufacturing_Company_(TSMC)) (дата обращения: 10.02.2024)
8. Интернет не должен становиться местом для цифрового железного занавеса. / Жэньминь жибао. // URL:

<http://russian.people.com.cn/n3/2023/0725/c31520-20049174.html> (дата обращения: 10.02.2024)

9. 网络安全为人民 网络安全靠人民 [Концепция кибербезопасности КНР] / The law and policy of media in China [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (дата обращения: 7.02.2024)
10. Материалы с XX съезда Коммунистической партии Китая. / Официальный сайт посольства КНР в Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: [\(дата обращения: 10.02.2024\)](http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/sghd/202211/t20221121_10978617.htm#:~:text=XX%)
11. Очередная пресс-конференция 22 мая 2014 г. у официального представителя МИД КНР Хун Лэя. / Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzh-dh/201405/t20140527_872820.htm (дата обращения: 5.02.2024)
12. 中华人民共和国数据安全法 [Закон о безопасности данных Китайской Народной Республики] / Официальный сайт Государственного Совета КНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (дата обращения: 7.02.2024)
13. 中华人民共和国国务院令 [Положение о защите безопасности ключевой информационной инфраструктуры] / Официальный сайт Комиссии по делам киберпространства КНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm (дата обращения: 7.02.2024)
14. 国家互联网信息办公室关于《网络安全审查办法（修订草案征求意见稿）》公开征求意见的通知 [Меры по пересмотру сетевой безопасности] / Официальный сайт Комиссии по делам киберпространства КНР. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sac.gov.cn/2021-07/10/c_1627503724456684.htm (дата обращения: 7.02.2024)
15. GDP (current US)/ World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 10.02.2024)

SOME FEATURES OF CYBERSECURITY IN CHINA AT THE PRESENT STAGE¹

Bodrova O.I., Gudkova E.O., Merkulova D.G.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Nowadays one of the most pressing issues is the factor of ensuring cybersecurity. Bilateral and multilateral relations are undergoing a profound transformation and acquiring new forms of interaction. The issue of ensuring network security is directly related to both the economic and military-technological spheres, as well as the political and socio-cultural ones. This article is devoted to the main reasons and features of ensuring cybersecurity within the framework of Chinese foreign policy at the present stage.

Keywords: PRC, USA, RF, BRICS, digital technologies, cybersecurity.

References

1. D.Milmo China accused of cyber-attacks on Ukraine before Russian invasion. / The Guardian. // URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/apr/01/china-accused-of-launching-cyber-attacks-on-ukraine-before-russian-invasion>

¹ The study was carried out within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, number FSWR-2025-0003

- cyber-attacks-on-ukraine-before-russian-invasion (Accessed: 3.02.2024)
2. M.Tucker. China accused of hacking Ukraine days before Russian invasion. / The Times. // URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/china-cyberatta> (Accessed: 3.02.2024)
 3. Yan Cyan', Kitaj prizyvaet SSHA prekratit' stavit' kiberbezopasnost' pod ugrozu. [Yang Qian, China calls on US to stop compromising cybersecurity] / Zhen'min' zhibao. // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0208/c31521-20132542.html> (Accessed: 6.02.2024) (in Russian)
 4. 中华人民共和国网络安全法 [Cybersecurity Law of the People's Republic of China] / Official website of the State Council of the People's Republic of China—Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2016-11/07/content_5129723.htm (Accessed: 7.02.2024) (in Chinese)
 5. 新时代网络安全的发展趋势、面临挑战与对策建议 [Development trends, problems and countermeasures of network security in the new era] / Official website of the Reform Commission of the People's Republic of China—Available at: https://www.ndrc.gov.cn/wsdwhfz/202311/t20231129_1362347_ext.html (Accessed: 5.02.2024) (in Chinese)
 6. US launches indiscriminate cyberattacks on global scale, including on its allies: reports. / Global Times. // URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202402/1306875.shtml> (Accessed: 10.02.2024)
 7. Taiwan Semiconductor Manufacturing Company. / TAdviser. // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Taiwan_Semiconductor_Manufacturing_Company_\(TSMC\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Компания: Taiwan_Semiconductor_Manufacturing_Company_(TSMC)) (Accessed: 10.02.2024)
 8. Internet ne dolzhen stanovit'sya mestom dlya cifrovogo zheleznogo zanavesa [The Internet should not become a place for a digital iron curtain]. / . // URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0725/c31520-20049174.html> (Accessed: 10.02.2024) (in Russian)
 9. 网络安全为人民 网络安全靠人民 [China Cyber Security Concept] / The law and policy of media in China —Available at: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (Accessed: 7.02.2024) (in Chinese)
 10. Materialy s XX s"ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya [Materials of the 20th Congress of the Communist Party of China]. / Официальный сайт посольства КНР в Российской Федерации —Available at: [\(http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/sghd/202211/t20221121_10978617.htm#:~: text=XX%\)](http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/sghd/202211/t20221121_10978617.htm#:~:text=XX%) (Accessed: 10.02.2024) (in Russian)
 11. Ocherednaya press-konferenciya 22 maya 2014 g. u oficial'nogo predstavatelya MID KNR Hun Leya. [Another press conference on May 22, 2014 with the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China Hong Lei.] / Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — Available at: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzhdh/201405/t20140527_872820.htm (Accessed: 5.02.2024) (in Russian)
 12. 中华人民共和国数据安全法 [Data Security Law of the People's Republic of China] / Official website of the State Council of the People's Republic of China. —Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2021-06/11/content_5616919.htm (Accessed: 7.02.2024) (in Chinese)
 13. 中华人民共和国国务院令 [Regulations on protecting the security of key information infrastructure] / Official website of the Cyberspace Affairs Commission of the People's Republic of China. — Available at: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-08/17/content_5631671.htm (Accessed: 7.02.2024) (in Chinese)
 14. 国家互联网信息办公室关于《网络安全审查办法（修订草案征求意见稿）》公开征求意见的通知 [Measures to review network security] / Official website of the Cyberspace Affairs Commission of the People's Republic of China. — Available at: http://www.cac.gov.cn/2021-07/10/c_1627503724456684.htm (Accessed: 7.02.2024) (in Chinese)
 15. GDP (current US)/ World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (Accessed: 10.02.2024)

Контрсанкционные механизмы для минимизации влияния политики санкций западных стран против России на развитие отечественной гражданской авиации

Грамолин Василий Васильевич,

аспирант кафедры политической теории, МГИМО МИД России
E-mail: va.gramolin@my.mgimo.ru

В статье рассматриваются варианты контрсанкционных механизмов для минимизации влияния санкционной политики западных государств на авиатранспортную отрасль Российской Федерации. Методология. Автор использовал сравнительный анализ, анализ научно-методической литературы, научный дискурс, теорию эффективности применения санкций Н. Бапата, в том числе и влияние торговой взаимозависимости и разность интересов инициаторов санкций. Результаты. Автор проанализировал воздействие санкций западных государств на отечественную авиатранспортную отрасль, учитывая высокую степень зависимости гражданской авиации России от западных авиастроительных корпораций, возникшую после прекращения существования СССР. Полученные результаты являются важными как на теоретическом, так и на практическом уровнях в свете необходимости в наращивании темпов производства серийной авиационной техники в условиях усиливающегося геополитического соперничества и нелегитимного санкционного давления западных государств на Российскую Федерацию. Выводы. Полноценное восстановление производственного потенциала отечественного авиастроения предполагает кардинальный пересмотр подходов, существовавших с 1990-х гг., нацеленных на массовую закупку иностранных, преимущественно американских, а также европейских воздушных судов, и технологий. Воссоздание профильных министерств вкупе с внедрением ряда контрсанкционных механизмов позволит укрепить транспортный суверенитет Российской Федерации и существенно снизить риски, проявившиеся в феврале 2022 г. в связи с вводом нелегитимных ограничительных мер со стороны США и их сателлитов в отношении Российской Федерации и отечественной гражданской авиации, в частности.

Ключевые слова: международные отношения, гражданская авиация, авиационная промышленность, санкции, суверенитет, безопасность полётов.

Как известно, изначальная цель западного политического истеблишмента, заключавшаяся в воздушной блокаде России и в полном прекращении предоставления российским эксплуатантам услуг по поддержанию летной годности иностранных гражданских воздушных судов априори нереализуема.

Ввод нелегитимных торговых ограничений был обусловлен стремлением политических элит Вашингтона, Лондона и Брюсселя добиться изменения российской внешнеполитической стратегии по украинскому вопросу, возникшему вследствие экспансии евроатлантических структур, прежде всего – Североатлантического альянса в 1990-х и 2000-х гг., в нарушение обещаний, данных руководителями западных государств Советскому Союзу в 1991 г. [1]

Столкнувшись с западной санкционной политикой антироссийского характера весной 2022 г., отечественная экономика выстояла, невзирая на существенное сокращение объёма экономического взаимодействия с западными государствами, прежде всего, благодаря оперативной трансформации торговых коридоров и преобразований в финансово-экономическом секторе и других стратегически важных отраслях.

Внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов и их союзников по Североатлантическому альянсу и G7 против Российской Федерации, изначально рассчитанная на нанесение беспрецедентного ущерба отечественной экономике предполагала применение имеющихся инструментов системы международного разделения труда и контроля за глобальными финансовыми операциями, именно на эти аспекты была сделана ставка западным политическим истеблишментом ввиду предполагаемой уязвимостью секторов отечественной экономики, прежде всего учитывая объективную утрату ряда компетенций в наукоемких отраслях отечественной экономики, включая гражданскую авиацию и авиастроение, после переориентации приоритетов в 1990–2000-х гг. и соответствующего многократного роста зависимости от импортируемой высокотехнологической продукции, среди которых и существенная доля магистральных гражданских ВС, используемых в интересах гражданского воздушного флота России.

Отечественная гражданская авиация адаптировалась под новые геополитические условия. Безопасность полётов обеспечивается на высоком уровне по меркам ИКАО, эксплуатанты авиационной техники эффективно используют имеющийся в своем распоряжении авиационный парк, достигая удовлетворительных результатов в контексте роста пассажиропотока и финансовой устойчивости, поэтапно замещая иностранное оборудование и ИТ-решения.

Благодаря мерам, предпринятым на уровне правительства Российской Федерации, техническое обслуживание и ремонт ВС иностранного производства в России осуществляется в полной мере, в обеспечении процессов по поддержанию летной годности иностранного парка ВС задействовано несколько десятков российских авиаремонтных предприятий.

Расширяется и спектр услуг организаций ТООР иностранной техники благодаря сотрудничеству с организациями из дружественных стран по поставкам авиационных запчастей, импорт которых с февраля 2022 г. по сентябрь 2023 г. составил 1,2 млрд долларов США [2]. В августе 2023 г. специалистами «Аэрофлот Техникс» впервые на территории нашей страны была выполнена замена стоек шасси Б-777, а в мае 2024 г. Аэрофлот заявил о получении разрешения на ТООР Б-787 на своей авиационно-технической базе в аэропорту Шереметьево [3].

Отечественной промышленностью успешно замещаются иностранные расходные материалы. Осенью 2024 г. стало известно, что на выкупленном авиакомпанией «Сибирь» Бердском электромеханическом заводе (БЭМЗ) благодаря кооперации с Институтом теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН освоено производство лопаток для авиационных двигателей американско-французского производства CFM56, что сводит к минимуму необходимость закупок расходных деталей по цене выше себестоимости за рубежом [4].

По линии ТООР французско-российского двигателя *Sam146*, используемого на ВС *SSJ-100*, силами российских предприятий налажен выпуск критически важных агрегатов: свечей зажигания, топливных фильтров.

Однако при неблагоприятном развитии ситуации с поставками иностранных авиационных запчастей через т.н. «параллельный импорт» спрос на расходные материалы, по очевидным причинам, будет превышать предложение, что в свою очередь наложит определенные ограничения на рост перевозок в среднесрочной перспективе.

Таким образом, основным сценарием развития авиатранспортной отрасли России должен основываться на суверенном подходе к обеспечению безопасности полетов, воссозданию/созданию кооперационных цепочек на пространстве ЕАЭС/ШОС для увеличения темпов выпуска отечественных гражданских самолетов, создание новых производственных мощностей в авиастроительном секторе, заводов в смежных областях, а, следовательно, и рабочих мест для высококвалифицированных кадров.

Следует заметить, что в советский период в 15 различных управлениях Министерства авиационной промышленности (МАП СССР) трудилось около 1,5 млн человек. Кооперационная цепочка насчитывала себя в среднем 250 предприятий и авиазаводов, тесно интегрированных в военно-промышленный комплекс Советского Союза, что позволяло в сжатые сроки выполнять государственный заказ по выпуску авиационной техники, количество которой в периоде 1980–1991 гг. измерялось от 100 до 200 единиц самолетов и от 300 до 400 единиц вертолетов.

Статистика указывает на эффективность централизованной системы управления авиатранспортной отраслью с элементами командной административной структуры.

Автор полагает, что воссоздание Министерства авиационной промышленности позволит в более оперативные сроки разрешить возникшие в 1990-х гг. структурные проблемы вследствие проведения неолиберальных реформ, связанные с серийным выпуском отечественной гражданской авиационной техники и компонентов к ней и повысить эффективность работы авиапромышленности в условиях санкционного давления со стороны геополитических соперников России.

В настоящее время Министерством промышленности и торговли Российской Федерации поставлена задача отечественным авиационным конструкторским бюро

по проектировке и испытанию модифицированных, фактически, созданных «с нуля» компонентов авиационной техники, производство которых было свернуто в 1990-х гг.

Согласно прогнозу комплексной программы развития авиационной отрасли до 2030 года, отечественной ГА планируется поставить 990 самолетов и 765 вертолетов, первоначально предполагалось, что в 2023–2025 гг. завершатся сертификационные испытания среднемагистрального *SJ-100* с новым турбовентиляторным двухконтурным двигателем ПД-8 Объединенной двигателестроительной корпорации и отечественным комплексом бортового пилотажно-навигационного оборудования, системами управления, однако поставки модифицированного *SJ-100* и Ил-114–300 перенесены на 2026 г., задержки связаны с продлением этапа сертификационных испытаний [5] и появившихся изменений в конструкции ВС МС-21 вследствие замещения иностранных агрегатов на отечественные аналоги, серийный выпуск которых находится в процессе освоения отечественным авиастроением [6].

По информации конструкторского бюро «Яковлев», коммерческая эксплуатация лайнеров МС-21 начнется не раньше третьего квартала 2026 г. ввиду необходимости осуществления около двухсот испытательных полетов в рамках программы по сертификации нового авиалайнера.

По состоянию на весну 2025 г. удалось разработать и внедрить на опытных воздушных судах типа МС-21 отечественное оборудование, включая БРЭО (бортовое радиоэлектронное оборудование: коммутаторы, ЭВМ, системы радионавигации, системы радиосвязи), БЭС (бортовая электрическая сеть: вспомогательную силовую установку, светотехнику), СКВ (система кондиционирования воздуха), системы управления (гидросистемы, шасси).

В общей сложности речь идет о успешной интеграции приблизительно сотни различных систем и агрегатов отечественной разработки.

В феврале 2025 г. по данным ОДК (Объединенная двигателестроительная корпорация) двигатели ПД-14 были поставлены для дальнейшей установки на модернизированный МС-21–310 [7]. В марте 2025 г. на опытном *SJ-100* был впервые выполнен полет с двигателями ПД-8, в ходе которого была достигнута приборная скорость около 500 км/ч, и высота полета 3000 м и проведена соответствующая оценка газодинамической устойчивости силовой установки. Планируются дальнейшие работы по сертификации отечественного турбовентиляторного двигателя, который помимо *SJ-100* будет также устанавливаться на ВС Бе-200 вместо Д-436, а спустя месяц был выполнен первый полет данного типа ВС в полностью российской конфигурации. Очевидно, что возникшие в начале пути импортозамещения проблемы постепенно решаются конструкторскими коллективами, благодаря чему по состоянию на лето 2025 г. программе сертификационных испытаний *SJ-100* удалось выполнить примерно на 50% [8].

Не остается без внимания и региональная авиация (местные воздушные линии), после проведения Восточного экономического форума в начале сентября 2024 г. в два раза сократилась стоимость самолета «Байкал», разрабатываемого на Уральском заводе гражданской авиации в целях замены ветерана отечественной авиации – Ан-2 [9].

При этом ввод нового ЛМС-901 «Байкал» в эксплуатацию сдвинут по причине доработки воздушного судна, импортозамещения силовой установки на российский турбовинтовой двигатель «ВК-800» производства

АО «УЗГА» [10] мощностью 800–877 л.с., лётные испытания которого начаты в конце июня 2025 г. на летающей лаборатории Як-40 СибНИА им. С.А. Чаплыгина, подобные замедления коснулись и проекта ТВРС-44 «Ладога». Предполагается, что новый двигатель отечественной разработки будет также использован на региональных Л-410, эксплуатируемых в районах Крайнего Севера.

Объединенная авиастроительная корпорация (ОАК) имеет достаточно внушительный портфель заказов региональных самолетов отечественного производства – 246 воздушных судов, из которых в рамках ВЭФ-2024 в интересах ГТЛК было заказано: 132 SJ-100, 65 Ил-114–300 и 41 Ту-214. Авиастроительная отрасль, предварительно, приступит к поставкам среднемагистральных MC-21, Ту-214 и ближнемагистральных SJ-100 и Ил-114–300 в 2026 г. Сертификационные испытания самолета SJ-100 предполагают выполнение приблизительно 130 испытательных полетов в различных метеорологических условиях.

Кроме этого, возобновлена программа лётных испытаний опытных Ил-114–300 с силовой установкой российского производства ТВ7–117СТ-01 [11], по состоянию на июль 2025 г. уже выполнено около 200 испытательных полётов на трёх бортах Ил-114–300, прогресс отмечается в том числе и снятием всех эксплуатационных ограничений по силовой установке ВС. Этап сертификации планируется завершить к IV кварталу 2025 г., после чего предполагается начать серийные поставки Ил-114 в российские авиапредприятия.

Фиксируемый рост заинтересованности отечественных коммерческих игроков к развитию авиационных технологий и технологического суверенитета указывает на возможность решения большинства сложностей, возникших вследствие нелегитимных действий западных стран.

Примечательно, что в западных научных исследованиях фиксируется следующее: санкции, введенные против состоятельных российских граждан и приостановление их финансовых связей привели к смене профиля стратегического инвестирования у представителей отечественных деловых кругов [12], которые теперь активнее занимаются инвестированием в отечественную экономику, включая авиационную промышленность. Таким образом, в июне 2024 г. на полях Петербургского международного экономического форума российская ГК «Протектор», занимающаяся ТОиР авиационной техники заявила о планах инвестировать около 3,5 млрд рублей в авиационно-ремонтный завод по производству запасных частей для воздушных судов «Airbus» и «Boeing» в районе московского аэропорта «Домодедово», планируется также и трудоустройство почти тысячи специалистов на новый АРЗ [13].

В рамках ПМЭФ о своих планах по созданию завода по производству авиационных турбокомпрессоров в Пензе объявила, и авиакомпания «Сибирь», работающая под брендом «S7» [14]. Базирующийся в г. Новосибирск авиаперевозчик также занимается разработкой и производством собственного учебно-тренировочного «Танго» и силовой установки АПД-520, ежегодный выпуск «Танго» планируется довести до 20 машин в год, что позволит использовать воздушного судна в интересах авиационных учебных центров, так и в авиации общего назначения наряду с зарекомендовавшими себя моделями отечественного и импортного производства [15].

В июне 2025 г. стало известно о планах «Аэрофлота» создать завод по ТОиР авиационных двигателей импортного и российского производства в районе между-

народного аэропорта Шереметьево с выводом на производственную мощность к 2028 г.

На примере ведущей российской авиакомпании – Аэрофлота, можно сделать вывод о успешном процессе импортозамещения в сфере критически важных инфраструктурных ИТ-технологий для бесперебойного функционирования эксплуатанта: отечественные системы бронирования авиационных билетов «Леонардо», (применение которой планируется в государствах Латинской Америки) «ОРС» успешно заменили западные аналоги, налажена работа российской системы передачи авиационных сообщений на базе платформы «АСП», для решения задач в рамках ТОиР ВС подключена система «Купол», заменена западная система авиационной связи «борт-земля» [16], благодаря слаженной работы «Аэрофлота» совместно с организацией-разработчиком «Азимут» и оператором «Инфоком-Авиа» в Российской Федерации бесперебойно осуществляется передача телеметрических данных между находящимся в воздухе самолётам и наземными авиационно-техническими службами предприятия.

В целом, замена зарубежных поставщиков программного обеспечения в ИТ-секторе, начавшаяся в 2014 г. позволила в 2022 г. в оперативном порядке преодолеть трудности, связанные с уходом с российского рынка западных поставщиков узкоспециализированных продуктов программного обеспечения (американские: *Airinc*, *Sabre*, *IBM*, *Jeppesen*, немецкие: *Lufthansa Systems*, *SAP*) используемых в гражданской авиации, включая системы бронирования авиабилетов, навигационно-штурманские программы.

Созданный в октябре 2024 года Инновационный конструкторский центр (ИКЦ) на базе ПАО «Туполев» позволит оперативно решать задачи по модернизации Ту-214, используя современные технологии и новые кооперационные цепочки, в том числе и недавно созданных и из смежных секторов, например, автомобилестроение, но обладающих потенциалом предоставить качественные изделия в интересах авиационной промышленности с более рациональной системой ценообразования. По завершению процесса модернизации Казанского авиационного завода (КАЗ) планируется наладить серийный выпуск обновленной версии Ту-214, коммерческую эксплуатацию которого планируется начать в 2026 г.

Помимо материально-технической составляющей, существует потребность в поддержании и дальнейшего совершенствования уровня компетенций авиационных специалистов (прежде всего – инженерно-технического персонала и лётного состава) путём создания (а в других случаях – пролонгации) контрсанкционных механизмов по т.н. «параллельному импорту» компонентов, оборудования, технологий и практик, купируя западную антирыночную политику.

На управленческом уровне необходимо внедрить обновленные нормативно-правовые требования к руководящему составу предприятий гражданской авиации, прежде всего, с точки зрения обеспечения национальных интересов в сфере гражданской авиации, чтобы исключить использование различного рода махинаций противоправного характера (или граничащего с этим) со стороны западных государств и их экономических акторов по навязыванию той или иной продукции в сфере гражданской авиации в случае нормализации отношений.

Существует необходимость юридического пересмотра процессов прошедшей после 1991 г. волны приватизации организаций гражданской авиации, включая (помимо авиапредприятий и авиазаводов) АРЗ, НИИ и уз-

коспециализированных производителей компонентов, и технологий.

Для сохранения провозных ёмкостей на местных (региональных) воздушных линиях Федеральным агентством воздушного транспорта Минтранса России было инициировано изучение технической возможности продления срока эксплуатации (с 50 лет до 60 лет) советских ближнемагистральных ВС типа Як-40, эксплуатация которых крайне важна для транспортной связанности ряда труднодоступных регионов, включая Камчатский край.

Данное решение, хоть и обусловлено переносом «вправо» начала серийного производства региональных ВС типа Ил-114 и «Ладога», обеспечит бесперебойное воздушное сообщение в отдаленных районах нашей страны, сохранит рабочие места и необходимые компетенции по линии ТООР авиационной техники [17].

Касательно парка Ан-24/Ан-26, эксплуатация которых также незаменима в труднодоступных регионах нашей страны, результаты работ по неразрушающему контролю ВС данных типов показывают, что наиболее часто встречающиеся дефекты (трещины, коррозия на элементах крыла и шасси) устраняются и не являются преградой для дальнейшей эксплуатации ВС при соблюдении действующих процедур и регламентов по ТООР [18].

Вероятно, что аналогичные мероприятия будут приняты в отношении ВС типа Ан-2, которые до сих пор активно эксплуатируются, в том числе и в районах Крайнего Севера.

Таким образом можно продолжить эксплуатацию отечественных воздушных судов, произведенных во время существования СССР без компрометации уровня обеспечения безопасности полётов в периоде ожидания окончания сертификационных программ перспективных типов авиационной техники и перевода ее в серийное производство.

Способствованию развитию региональных перевозок также необходим импульс в виде постепенного или частичного восстановления аэродромной сети, утраченной в 1990–2010-е гг., что в свою очередь, потребует серьезных инвестиций со стороны государства и делового сообщества, а также ввода в эксплуатацию новых типов региональных воздушных судов, количество которых сократилось приблизительно в 10 раз за 1990–2023 гг. [19].

Очевидно, что в ряде регионов благодаря обширному строительству автомобильных дорог исчезла необходимость в обеспечении провозной ёмкости на местных воздушных линиях на уровне 1970–1980-х гг., однако потребность в дальнейшем развитии местных воздушных линий (МВЛ) существует.

В процессе изменении маршрутной сетки российских перевозчиков (эксплуатантов) необходимо исходить из приверженности укрепления роли воздушного транспорта в рамках обеспечения социально важных внутренних воздушных линий.

В условиях постепенного восстановления утраченных в 1990–2000-х гг. компетенций, подобные шаги позволят сохранить потенциал отечественной гражданской авиации и свести на нет агрессивные инициативы со стороны недружественных акторов на международной арене.

Учитывая перечисленные факты и продолжающуюся геополитическую напряженность возникает целесообразность восстановления советской системы управления отраслью и соответствующих министерств (МГА и МАП), создания системы ремонтных предприятий по аналогии с советской организацией «Авиаремонт» с соответствующим пулом запчастей для сокращения простоя отечественной (и зарубежной) авиационной техники и дальнейшего развития ППО в ГА России.

На протяжении 2023–2024 гг. в западных отраслевых изданиях фиксировались существенные логистические перебои и задержки по производству запчастей, как и проблемы с поставками сырья разработчикам авиационной техники и двигателей на европейском рынке [20] вследствие резкого пересмотра европейскими организациями ТООР гражданских ВС своих стратегий по развитию, беря во внимание существенный рост расходов вызванный введением санкционных мер Евросоюза в отношении российской авиатранспортной отрасли и соответствующее давление со стороны регуляторов и СМИ в части антироссийской риторики [21].

Согласно эмпирическим данным, более половины (до 65%) необходимого титана для производства самолетов (как военных, так и гражданских) до пандемии приобретались французской авиастроительной корпорацией «EADS» у российской металлургической организации «ВСПО-АВИСМА» [22], американская корпорация «Боинг» обеспечивала до 1/3 своих поставок титана благодаря сотрудничеству с российской стороной [23].

Кроме этого, двигателестроительные корпорации на Западе также активно сотрудничали с отечественным поставщиком титана на глобальный рынок, французская «Safran S.A.» закупали в России до 50% титана, необходимого для изготовления авиационных двигателей и деталей к ним [24].

Очевидно, что сами западные корпорации стали заложником проводимой евроатлантическими государствами антироссийской политикой в данном вопросе, даже КНР, будучи обладателем наиболее большей доли мирового запаса титановой губки (около 60%) практически не поставляет ее на экспорт, находя ей применение в тяжелом машиностроении, но не в авиастроении ввиду отсутствия соответствующего вида сырья и сертификации [25]. Оставшиеся крупные поставщики титана (Казахстан, Япония) не способны покрыть соответствующий спрос со стороны западной авиационной промышленности.

В настоящее время лишь американцами были введены ограничительные меры против «ВСПО-АВИСМА», подразумевающие использование экспортных лицензий Министерства торговли США, европейские власти и вовсе отказались от ввода каких-либо санкций в отношении крупнейшего в мире производителя продукции из титана, что красноречиво подтверждает факт высокой степени зависимости западной авиапромышленности от поставок российского титана: при эскалации геополитического соперничества Российская Федерация вправе ограничить данный вид экспорта, являющимся по своей сути сравнительно мощным рычагом давления на производительность высокотехнологичного сектора экономик недружественных государств в среднесрочной перспективе [26].

Также отечественные поставщики сырья могут приостановить поставки никеля в недружественные государства, значительно сократив их возможности по производству аккумуляторных батарей.

По результатам реализации, перечисленных в данной статье контрсанкционных механизмов, в среднесрочной перспективе можно достичь существенного снижения рисков, связанных с санкционной политикой недружественных государств Запада в отношении нашего государства, а также усилить транспортный суверенитет России:

1. снизить зависимость отечественной гражданской авиации от зарубежных ВС, запчастей к ним и соответствующих технологий;

- повысить конкурентоспособность отечественной авиационной промышленности и гражданской авиации;
- сократить уровень глобального влияния западных политических и торгово-экономических элит.

Литература

1. Российская Газета. Der Spiegel: Обнаружен документ 1991 года с обещаниями Запада о нерасширении НАТО на восток. URL: <https://rg.ru/2022/02/18/der-spiegel-obnaruzhen-dokument-1991-goda-o-nepriemlemosti-rasshirenii-nato-na-vostok.html> (дата обращения: 09.07.2025).
2. MRO Memo: Russian Airlines Shrug Off Parts Sanctions. URL: <https://aviationweek.com/mro/aircraft-propulsion/mro-memo-russian-airlines-shrug-parts-sanctions> (дата обращения: 06.09.2023).
3. Aviation Week. Aeroflot Technics Ready To Offer Boeing 787 Line Maintenance URL: <https://aviationweek.com/air-transport/aircraft-propulsion/aeroflot-technics-ready-offer-boeing-787-line-maintenance> (дата обращения: 19.05.2024).
4. Авиатранспортное обозрение. Группа S7 освоила выпуск лопаток для авиадвигателей URL: <http://www.ato.ru/content/gruppa-s7-osvoila-vypusk-lopatok-dlya-aviadvigateley?slink=super> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Коммерсантъ. Правительство изменило сроки поставок российских самолетов SSJ, MC-21 и Ил-114 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6711530> (дата обращения: 19.05.2024).
6. Ведомости. Денис Мантуров: «Сегодня у нас есть историческая возможность поменять облик промышленности». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2024/09/10/1061145-segodnya-u-nas-est-istoricheskaya-vozmozhnost-pomenyat-oblik-promishlennosti> (дата обращения: 16.09.2024).
7. Авиатранспортное обозрение. ОДК поставила серийные двигатели ПД-14 для самолета MC-21 URL: <http://www.ato.ru/content/odk-postavila-seriynye-dvigateli-pd-14-dlya-samoleta-ms-21?slink=frs&pos=1> (дата обращения: 21.02.2025).
8. Федеральное агентство воздушного транспорта Росавиация URL: <https://favt.gov.ru/novosti-novosti?id=14970> (дата обращения: 21.03.2025).
9. Авиатранспортное обозрение. Импортзамещенные самолеты SJ-100 выполнили половину сертификационной программы URL: <http://www.ato.ru/content/importozameshchennye-samolety-sj-100-vypolnili-pолоvinu-sertifikacionnoy-programmy?slink=mai&pos=2> (дата обращения: 27.06.2025).
10. Ведомости. Почему самолет «Байкал» подешевел вдвое. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/09/13/1062200-pochemu-baikal-podeshevel> (дата обращения: 13.09.2024).
11. ГТЛК стала крупнейшим заказчиком самолетов SJ-100, Ил-114 и Ту-214 URL: <http://www.ato.ru/content/gtlk-stala-krupneyshim-zakazchikom-samoletov-sj-100-il-114-i-tu-214> (дата обращения: 04.09.2024).
12. Galbraith, James K., The Gift of Sanctions: An Analysis of Assessments of the Russian Economy, 2022–2023 (April 10, 2023). Institute for New Economic Thinking Working Paper Series No. 204
13. Ведомости. ПМЭФ 2024: Подмосковье укрепляет российский технологический суверенитет в авиации URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/06/07/pmef-2024-podmoskove-ukreplyaet-rossiiskii-tehnologicheskii-suverenitet-v-aviatsii (дата обращения: 11.06.2024).
14. Интернет-портал Пензенской области URL: <https://pnzreg.ru/news/ekonomika/459895/> (дата обращения: 11.06.2024).
15. Aviation Explorer. S7 планирует выпустить три легкомоторных самолета Tango до конца года URL: <https://www.aex.ru/news/2025/6/24/285003/> (дата обращения: 28.06.2025)
16. Aviation Explorer. Срок службы самолетов Як-40 запланировали продлить до 60 лет. URL: <https://www.aex.ru/news/2025/4/30/283170/> (дата обращения: 30.04.2025).
17. Метелкин Е. С., Миколайчук Ю.А., Семин А.В. Обобщение результатов работ по неразрушающему контролю самолётов типа Ан-24, Ан-26 при исследовании их технического состояния // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2025. № 49. С. 34–44.
18. Фридлянд А. А., Меланин В.А. Опыт СССР и России по формированию сети региональных и местных авиалиний в отдалённых и труднодоступных регионах и обслуживающего их парка воздушных судов // Научный вестник ГосНИИ ГА. 2024. № 47. С. 128–139
19. AviationWeek. Supply Chain, Labor Challenges Persist In Central And Eastern Europe URL: <https://aviationweek.com/mro/supply-chain/supply-chain-labor-challenges-persist-central-eastern-europe> (дата обращения: 11.06.2024).
20. AviationWeek. European MROs Revise Plans Amid Sanctions On Russia URL: <https://aviationweek.com/mro/services-support/european-mros-revise-plans-amid-sanctions-russia> (дата обращения: 01.06.2024).
21. Wall Street Journal. Airbus Calls on West to Avoid Sanctions on Russian titanium. URL: https://www.wsj.com/articles/airbus-calls-on-west-to-avoid-sanctions-on-russian-titanium-11655817028?mod=article_inline (дата обращения: 11.06.2024).
22. Reuters. Airbus urges European leaders to refrain from Russian titanium sanctions. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/airbus-accelerates-hunt-alternative-titanium-supplies-2022-04-12/> (дата обращения: 01.06.2025).
23. Bloomberg. Jet-Engine Makers Look for Titanium Supplies Outside Russia. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-24/jet-engine-maker-safran-looking-for-titanium-outside-russia> (дата обращения: 01.06.2025).
24. B. Baldassarre. Circular economy for resource security in the European Union (EU): Case study, research framework, and future directions Ecological Economics Volume 227, January 2025, 108345 URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108345> (дата обращения: 02.06.2025).
25. Интерфакс. Путин поручил правительству подумать об ограничениях экспорта ряда товаров <https://www.interfax.ru/russia/981581> дата обращения: 02.06.2025).

COUNTER-SANCTIONS MECHANISMS TO MINIMIZE THE IMPACT OF WESTERN COUNTRIES' SANCTIONS POLICY AGAINST RUSSIA ON THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CIVIL AVIATION

Gramolin V.I.

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article discusses options for mechanisms to minimize the impact imposed by sanctions policy of Western states on the air trans-

port industry of the Russian Federation. Methodology is based on comparative analysis, analysis of scientific literature scientific discourse and N. Bapat's sanctions effectiveness theory, including the impact of trade interdependence and the difference in the initiator's interests. Results obtained are important both theoretically and practically, in the context of increasing geopolitical rivalry and illegitimate sanctions imposed by Western countries on the Russian Federation. Conclusion: The full-fledged restoration of the production potential of the domestic aircraft industry involves a revision of the approaches that have existed since the 1990s, aimed at the mass purchase of foreign, mainly American, as well as European aircraft, and associated technologies.

Keywords: international relations, civil aviation, sovereignty, sanctions, air safety.

References

1. Rossiyskaya Gazeta. Der Spiegel: A 1991 document with Western promises not to expand NATO to the east has been discovered. URL: <https://rg.ru/2022/02/18/der-spiegel-obnaruzhen-dokument-1991-goda-o-nepriemlemosti-rasshireniia-nato-navostok.html> (accessed: 09.07.2025).
2. MRO Memo: Russian Airlines Shrug Off Parts Sanctions. URL: <https://aviationweek.com/mro/aircraft-propulsion/mro-memo-russian-airlines-shrug-parts-sanctions> (accessed: 06.09.2023).
3. Aviation Week. Aeroflot Technics Ready To Offer Boeing 787 Line Maintenance. URL: <https://aviationweek.com/air-transport/aircraft-propulsion/aeroflot-technics-ready-offer-boeing-787-line-maintenance> (accessed: 19.05.2024).
4. Aviatransportnoe Obozrenie. S7 Group has mastered the production of aircraft engine blades. URL: <http://www.ato.ru/content/gruppa-s7-osvoila-vypusk-lopatok-dlya-aviadvigatelya?slink=super> (accessed: 05.10.2024).
5. Kommersant. The government has changed the delivery dates of Russian SSJ, MC-21 and Il-114 aircrafts. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6711530> (accessed: 19.05.2024).
6. Vedomosti. Denis Manturov: «Today we have a historic opportunity to change the face of the industry». URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2024/09/10/1061145-segodnya-u-nas-est-istoricheskaya-vozmozhnost-pomenyat-oblik-promishlennosti> (accessed: 16.09.2024).
7. Aviatransportnoe Obozrenie. UAC supplied series-production engine for the MC-21 aircraft. URL: <http://www.ato.ru/content/odk-postavila-seriynye-dvigateli-pd-14-dlya-samoletams-21?slink=frs&pos=1> (accessed: 21.02.2025).
8. Federal Air Transport Agency Rosaviatsiya. URL: <https://favt.gov.ru/novosti-novosti/?id=14970> (accessed: 21.03.2025).
9. Aviatransportnoe Obozrenie. Import-substituted SJ-100 aircraft completed half of the certification program. URL: <http://www.ato.ru/content/importozameshchennye-samolety-sj-100-vypolnili-pолоvinu-sertifikacionnoy-programmy?slink=mai&pos=2> (accessed: 27.06.2025).
10. Vedomosti. Why the Baikal plane become 50% cheaper to produce. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/09/13/1062200-pochemu-baikal-podeshevel> (accessed: 13.09.2024).
11. GTLK became the largest customer of the SJ-100, Il-114 and Tu-214 aircrafts. URL: <http://www.ato.ru/content/gtlk-stala-krupneyshim-zakazchikom-samoletov-sj-100-il-114-i-tu-214> (accessed: 13.09.2024).
12. Galbraith, James K., The Gift of Sanctions: An Analysis of Assessments of the Russian Economy, 2022–2023 (April 10, 2023). Institute for New Economic Thinking Working Paper Series No. 204
13. Vedomosti. PMEF 2024: Moscow region strengthens Russian technological sovereignty in aviation. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/06/07/pmef-2024-podmoskovskoye-ukrepyaet-rossiiskii-tehnologicheskii-suverenitet-v-aviatsii (accessed: 11.06.2024).
14. Penza region Internet Portal. URL: <https://pnzreg.ru/news/ekonomika/459895/> (accessed: 11.06.2024).
15. Aviation Explorer. S7 plans to produce three light-engined Tango aircraft by the end of the year. URL: <https://www.aex.ru/news/2025/6/24/285003/> (accessed: 28.06.2025).
16. Aviation Explorer. The service life of the Yak-40 aircraft is planned to be extended to 60 years. URL: <https://www.aex.ru/news/2025/4/30/283170/> (accessed: 30.06.2025).
17. Metelkin E. S., Mikolaychuk Yu. A., Semin A.V. Generalization of the results of nondestructive testing of An-24 and An-26 aircraft during examination of their technical condition. Scientific Bulletin of The State Scientific Research Institute of Civil Aviation, 2025, no. 49, pp. 34–44. (In Russ.)
18. Fridlyand A. A., Melanin V.A. The experience of the USSR and Russia in the formation of a network of regional and local airlines in remote and hard-to-reach regions and the fleet of aircraft serving them. Scientific Bulletin of The State Scientific Research Institute of Civil Aviation, 2024, no. 47, pp. 128–139. (In Russ.)
19. AviationWeek. Supply Chain, Labor Challenges Persist in Central and Eastern Europe URL: <https://aviationweek.com/mro/supply-chain/supply-chain-labor-challenges-persist-central-eastern-europe> (accessed: 11.06.2024 r).
20. AviationWeek. European MROs Revise Plans Amid Sanctions On Russia URL: <https://aviationweek.com/mro/services-support/european-mros-revise-plans-amid-sanctions-russia> (accessed: 01.06.2024).
21. Wall Street Journal. Airbus Calls on West to Avoid Sanctions on Russian titanium. URL: https://www.wsj.com/articles/airbus-calls-on-west-to-avoid-sanctions-on-russian-titanium-11655817028?mod=article_inline (accessed: 11.06.2024).
22. Reuters. Airbus urges European leaders to refrain from Russian titanium sanctions. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/airbus-accelerates-hunt-alternative-titanium-supplies-2022-04-12/> (accessed: 01.06.2025).
23. Bloomberg. Jet-Engine Makers Look for Titanium Supplies Outside Russia URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-24/jet-engine-maker-safran-looking-for-titanium-outside-russia> (accessed: 01.06.2025).
24. B. Baldassarre. Circular economy for resource security in the European Union (EU): Case study, research framework, and future directions Ecological Economics Volume 227, January 2025, 108345 URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2024.108345> (accessed 02.06.2025).
25. Interfax. Putin instructed the government to consider restrictions on the export of a number of goods. <https://www.interfax.ru/russia/981581> (accessed 02.06.2025).

Влияние Китая на социально-экономическое развитие Евразийского экономического союза: аспекты формирования международных отношений

Гун Тинтин,

соискатель научной степени кандидата политических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: Guntintin5919@gmail.com

Статья посвящена исторической, культурной обусловленности Евразийского экономического союза, этапам, формам его существования, современным успехам и их причинам – и связи всего этого с культурными, политическими особенностями Китая, находящегося в определенных многомерных отношениях с ЕАЭС. Безусловно, будучи в каком-то плане преемником формата взаимоотношений стран – республик СССР, исторически прочно связанных, ЕАЭС по сути демонстрирует важность, неизбежность этой связи на современном этапе, поддержку такого состояния со стороны восточного гиганта – Китая. После «странного хаоса» распада Советского Союза многие субъекты, четко осознавая необходимость объединения, преодоления беспорядка, стремились к таким объединениям, как СНГ. Однако время показало, что в условиях «идеологической сумятицы» при закономерно развивающейся демократии объединения, включающие в себя слишком много членов, не очень эффективны. «Сужение» круга государственных субъектов объединения, конкретизация экономических задач привели к определенным результатам, которые не мог не оценить Китай, проводящий в целом прогрессивную политику, а значит, стремящийся к различного рода сотрудничеству, поддержке на фоне усиливающегося глобального культурного диалога.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, геополитические изменения, изменение миропорядка, санкции, переориентирование рынков, логистика, заметные результаты, экономический и гуманитарный аспекты, «Один пояс – один путь», интеграция, качественная специфика стран, поддержка со стороны Китая.

Введение

История Евразийского экономического союза, официально начавшаяся в 2015 г., достаточно глубока, в качестве своеобразных стадий она, как известно, имеет не очень эффективное образование СНГ [10, с. 99–109], уже более эффективный Таможенный союз [17, с. 428–432], Единое экономическое пространство соответствующих стран. На данный момент в состав ЕАЭС официально входят Россия, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь; в качестве стран-наблюдателей зафиксированы Куба, Молдавия, Узбекистан (бывший в 2006–2008 гг. членом Евразийского экономического сообщества – ЕврАзЭС (2001–2014 гг.) – прямым преемником которого стал ЕАЭС). Если говорить о ЕврАзЭС, то его членами были практически те же страны, к которым присоединялся Таджикистан. Кроме стран-наблюдателей в современной неоднозначной геополитической ситуации по отношению к знаковому и перспективному Европейскому экономическому союзу можно выделить категорию стран – зон свободной торговли ЕАЭС (Иран, Вьетнам, Сингапур, Сербия). В нынешней ситуации акцента на экономическом, прагматическом (хотя как важная международное объединение и по иным причинам ЕАЭС, конечно, имеет политический, гуманитарный аспект, закономерно «настораживающий» Европейский союз, Соединенные Штаты Америки [19, с. 31–35]) то, что можно назвать распространением влияния объединения, о котором идет речь, идет номинально и нередко по сути именно в сфере экономики. При этом наличие в категории стран свободной торговли экономически продвинутого Сингапура [2, с. 253–255], наряду с прочими результатами, о которых мы скажем ниже и которые можно было бы предвидеть исходя из кризисных моментов геополитической, идеологической ситуации, свидетельствует об успехе.

Конечно, кроме собственно стран свободной торговли, по отношению к ЕАЭС можно выделить и категорию стран на стадии переговоров (Израиль, Египет, Монголия, Индия, Тайланд); стран, проявивших интерес (Камбоджа, Венгрия, Республика Корея, Япония, Тунис, Сирия, Чили, Пакистан, Индонезия, Перу, Лаос, Китай). Приведенные списки «очень разных» стран включают в себя и весьма развитые, весьма заметно «ориентированные на Западный блок» (в частности Республика Корея, Япония). Это свидетельствует о возможном развитии успеха – экономического и не только, это может быть объяснено осознанием экономической выгоды и неизбежности определенной интеграции, равно как и иными, «более гуманитарными» причинами. Отметим особый статус Китая в этих рядах – переговоры с ним начались в 2015 г., на данный момент с этой страной подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, что, видимо, свидетельствует о более тесных связях (хотя это не членство, не наблюдение), о закономерном внимании восточного гиганта к важному объединению, о его конкретных шагах в связи с интеграцией. Исторически сложившиеся особые, многоплановые, в целом весьма дружественные, отношения Китая с Россией, играющей важную роль в ЕАЭС, в чем-то – типологическое сходство этих двух стран определяют

Статья написана при финансовой поддержке Стипендиального совета Китая (CSC)

особые пути интеграции, взаимоотношений Китая с Евразийским экономическим союзом.

Материалы и методы исследования

По сути будучи созданным, конечно, как своеобразная и необходимая (уже как путь преодоления кризиса политического, экономического, культурного) альтернатива СССР, через различные этапы-объединения, о которых мы сказали выше, ЕАЭС с определенной степенью прочности объединяет сейчас несколько стран, именно связанных с СССР. При этом Китай не имеет к этому прямого отношения, но по названным причинам в сложившейся геополитической (и экономической – тоже) ситуации он не может, видимо, не иметь особенных связей с Евразийским экономическим союзом. Конечно, отметим «стадиальность» истории данного Союза как путь к упрочению, стабилизации в хорошем смысле, к обретению фундамента заслуженного в истории, закономерного экономического и иного возрождения территории СССР (выразимся сейчас так). При этом путь от СНГ, оказавшегося непрочным, неэффективным формированием – по причине большого кризиса, недалеко отстоящего по времени, своеобразного общего (беспрецедентного) хаоса, по причине большого количества членов, что тогда мешало, до ЕАЭС показывает не только собственно положительный результат, но именно его закономерность, историческую обусловленность. Через уменьшение количества участников (на каком-то этапе), через конкретизацию, эффективизацию руководящих органов в осваиваемых новых условиях, Союз, о котором идет речь, показал по сути желание граждан соответствующих стран, территорий к объединению, результативному сотрудничеству в разных сферах. Для многих не подлежит сомнению возможности усложнения, упрочения отношений различных субъектов в ЕАЭС, его расширение, с отражением реальных социокультурных тенденций, обусловленных длительным историческим путем стран, имеющих отношение к Евразийскому экономическому союзу. Несмотря на современный «большой диалог культур» этот исторический путь нельзя зачеркнуть, ибо сам факт нормального существования, достижений каких-то стран в «железную» эпоху Новейшего времени свидетельствует о результативности этих стран, народов, их истории, сотрудничества, дружбы. Именно поэтому с связи с ЕАЭС можно ожидать естественной различной степени интеграции, форм сотрудничества между странами мира – это должно отражать глубинную историю СССР, других содружеств, особое положение каких-то стран и т.д. С учетом ожидаемых и необходимых существенных геополитических сдвигов можно ожидать – немалого успеха ЕАЭС, повторим – с различной степенью, формами интеграции, сотрудничества стран. Что касается Китая, то, представляя позитивную, достаточно стабильную на данный момент культуру с древними корнями и большими достижениями, он должен позитивно относиться к Евразийскому экономическому союзу – также в целом позитивному, прогрессивному, историческому формированию. В новых условиях усиливающейся (и неизбежной для Нового, Новейшего времени демократизации – неслыханной в истории, сопряженной с множеством испытаний!) демократизации, децентрализации, глобального диалога культур государственные деятели, социальные лидеры, крупные субъекты экономики и т.д. должны нередко «мгновенно» ориентироваться в складывающихся условиях, дабы не впасть в хаос, опасность которого велика, дабы искать все новые – и при этом достаточно прочные – необходимые возможности многомерной интеграции в чрезвычайно динамичном мире [12]. Очевидно, лидеры стран, о которых идет речь, в том числе России и Китая, с этим справляются, что в частности обусловли-

вает особые отношения Поднебесной с ЕАЭС – с учетом всех моментов, о которых здесь было сказано.

Результаты и обсуждение

Как бы то ни было, думается, роль гуманитарной составляющей в данной ситуации не может быть маленькой, поэтому в ближайшее время следует сделать и акцент на «брендинг», «разъяснение» процессов, о которых идет речь, в различных странах мира, обновляющего свои интеграции. Что касается Китая, то он, как социалистическая страна, конечно, более упорядоченно относится к информации, ее структурированию внутри страны, что очень важно на этапе информационного хаоса, практически равного глобальному кризису культуры. В качестве социалистической страны, соблюдающей в целом принципы информационной экологии, Китай, как можно полагать, вполне способен результативно разъяснять своим гражданам суть происходящих политических, экономических изменений – связанных в том числе со знаковым ЕАЭС [11, с. 126–131; 20, с. 26–32; 9, с. 279–284]. Это, к сожалению, не всегда можно сказать о России, иных странах бывшего СССР, тем более о многих других, однако «неожиданный» опыт жизни в постсоветской реальности для многих «сам по себе» диктует определенные идеологические ориентиры [18].

Если говорить об определенных моментах содержания деятельности ЕАЭС в 2022, 2023 гг., то, как бы то ни было, можно отметить тенденцию экономической, идеологической поддержки на фоне санкций [16].

- ВВП 2022 г. (в исчислении за 5 лет, далее – исчисление то же) увеличился на 6,4%,
- промышленное производство – на 12% (\$1703,9 млрд),
- сельскохозяйственное производство – на 15,1% (\$166,4 млрд).

Для посткризисного пространства СССР, для ключевых стран, разумно объединившихся для преодоления тяжелых последствий «странного хаоса» это неплохие результаты. Вероятно, здесь можно говорить о качественном скачке, о структуризации отношений в разных аспектах. Это важно для других стран, затронутых кризисом, это важно для глобальной геополитики, к которой, конечно, прямое отношение имеет Китай. Чем прогрессивнее в истинном смысле этого слова страна, тем лучше она будет воспринимать успехи ЕАЭС, тем более будет их поддерживать в разных планах (не говоря уж о чисто прагматическом аспекте экономической, торговой, иной выгоды, о «неизбежности» более-менее широких контактов с объединением, самым большим по территории, занимающим 8 место по численности населения, такое же место по ВВП [7, с. 435–438], с объединением, где важную роль играет Россия с ее экономическими, политическими, культурными особенностями). Конечно, Китай в обновляющихся условиях динамичного мира, меняющегося миропорядка оценивает разноплановые структуры Евразийского экономического союза, его деятельности, чтобы наиболее оптимально с ними контактировать, для чего необходим качественный анализ самых разных сфер проявления ЕАЭС в мире, перспектив серьезного процесса.

Если говорить о некоторых показателях 2023 г. (к. октября), то —

- численность безработных относительно 2022 г. (тот же период) сократилась на 11,9% (0,9% от общей численности рабочей силы) [22];
- за первое полугодие 2023 г. (по сравнению с тем же периодом предыдущего года) рост сельскохозяйственной продукции составил 1,8% [14];

- в течение первых трех кварталов 2023 г. рост промышленности составил 3,7%, объема строительных работ – 8,7%, оборота розничной торговли – 5,7%;
- грузооборот за первые три квартала 2023 г. также заметно вырос (для примера: в Армении на 77,2%, в России – на 12,9%); увеличивается и пассажирооборот;
- ВВП за первые три квартала названного года увеличился относительно того же периода предыдущего года на 3,1%;

Инвестиций в основной капитал за тот же период освоено на 10,3% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [13]; отметим, что взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС уже за первое полугодие 2023 г. составили 98% от уровня всего 2022 г. (лидирует Россия с 79% от общего объема) [3].

Видно, что серьезная ситуация, связанная с увеличившимся санкционным, идеологическим давлением, с СВО, склоняет в частности страны ЕАЭС к определенной консолидации, серьезным, не совсем стандартным экономическим и иным усилиям, что связано с перестройкой экономических систем, цифровизацией экономики, организации социальной жизни [1, с. 9–25]. Результаты ощущаются. Повторим, что Китай, который вполне можно назвать здоровым звеном мировой экономической, политической, социокультурной системы, не может не изучать геополитическую ситуацию в целом, ЕАЭС как ее важную – супердинамическую в данный момент часть и не реагировать адекватно, как в общем, так и во множестве сложных «деталей» отношений между странами [15; 25; 5]. Можно сказать, что переломная ситуация 2023 г. демонстрирует поддержку Китая, так или иначе – упрочение взаимоотношений с ним, которые с начала глубинной истории ЕАЭС прямо пропорциональны степени серьезности, организованности – достижений Евразийского объединения, о котором идет речь.

Экономическая перестройка, от которой сейчас многое зависит, требует быстрых, точных, сложных решений, переориентирования рынков, изменения логистики. Все это старается обеспечивать, насколько это возможно, Китай [4; 6; 8, с. 15–24]. И это хорошо в разных смыслах, в том числе в аспекте увеличивающейся «прямой» поддержки стран – бывших республик Советского Союза со стороны восточного гиганта...

Не только журналисты и политики, но и исследователи – специалисты в изучении сотрудничества стран, о которых идет, весьма позитивно оценивают сложившуюся ситуацию. Положительно оценивая рост товарооборота (лидеры ЕАЭС здесь – Россия и Казахстан), инвестиционных потоков – при заметном увеличении таковых к нам из Поднебесной, специалисты советуют более предметно и эффективно рассматривать решение проблем ЕАЭС, его сбалансированное развитие с учетом качественной специфики стран – членов данного объединения (в частности чтобы «безболезненно» и полноценно включится в проект «Один пояс – один путь»). По мнению исследователей, стремительные изменения требуют еще большей консолидации Евразийского экономического союза, который без потери качественной специфики составляющих его стран, вероятно, должен все более настраиваться на контакт с КНР, условно говоря, в формате «1+1» (вместо 5+1). Специалисты советуют активно прорабатывать правовой аспект контактов, который должен выходить на качественно иной институциональный уровень (двухуровневая модель сопряжения). Наиболее перспективными сферами сотрудничества закономерно признаны:

- сфера инвестиций,

- финансовая,
- транспортно-логистическая,
- ответственной сфера высоких технологий [8, с. 15–24].

Выводы

С учетом подобных результатов исследований можно говорить о возможностях еще более прочного сотрудничества, интеграции стран, настроенных на прогресс, в современном мире, чем это предполагалось «в среднем», об открывающихся широчайших перспективах с учетом геополитических изменений, фиксируемых достижений, о глубокой интеграции на фоне глобального диалога при сохранении культурной специфики стран, сообществ. Это заметно по действиям стран – членов ЕАЭС, по отношению к ним восточного гиганта – Китая, по реализованным и активно планируемым мероприятиям в сфере, которой мы посвятили свою статью. При этом еще раз скажем о том, что в эпоху демократии следует серьезно и честно, детально работать с общественным мнением, с чем лучше справляется Китай как страна социалистической формации (это видно по его большим достижениям!), о чем должны больше задумываться страны – члены ЕАЭС и государства, «присматривающиеся» к этому весьма перспективному образованию.

Литература

1. Бабкин А. В. и др. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // *IT-Economy*. 2017, № 3. С. 9–25
2. Беседин К.В. Сингапурская модель экономики для развития бизнеса на современном этапе // *Молодой ученый*. 2015, № 2 (82). С. 253–255
3. Взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС в I полугодии 2023 года составили 98% от уровня всего 2022 года // Евразийская экономическая комиссия, 27.12.2023 // Взаимные прямые инвестиции в ЕАЭС в I полугодии 2023 года составили 98% от уровня всего 2022 года (eaeunion.org)
4. ЕАЭС и Китай договорились упростить торговлю и ускорить ж/д перевозку грузов // *Интерфакс*, 16.02.2023 // ЕАЭС и Китай договорились упростить торговлю и ускорить ж/д перевозку грузов (interfax.ru)
5. ЕАЭС и Китай развивают стратегическое партнерство // Евразийская экономическая комиссия, 11.12.2023 // ЕАЭС и Китай развивают стратегическое партнерство (eaeunion.org)
6. Жуковская И.Ю. Торговое и инвестиционное сотрудничество стран-членов ЕАЭС с Китаем // *Экономические исследования и разработки*, 28.04.2023 // Торговое и инвестиционное сотрудничество стран-членов ЕАЭС с Китаем | Научно-исследовательский журнал (edrj.ru)
7. Захарова С. В., Соколова О.Ю. Общая макроэкономическая характеристика стран – членов ЕАЭС // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2022, № 5–1. С. 435–438
8. Ковалев Е. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023, № 3 (45). С. 15–24
9. Коршунникова Н.А. Особенности информационной политики современного Китая // *Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. Екате-

ринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 279–284

10. Михайленко А.Н. Противоречия в деятельности СНГ и способы их разрешения // Среднерусский вестник общественных наук. 2008, № 9. С. 99–109
11. Нью Мэнди. Регулирование информационной экологии в Интернет-пространстве Китая // Вестник РМАТ. 2022, № 2. С. 126–131
12. Овшин А.Н. Социальный порядок и хаос – динамическое равновесие (синергетический подход) // Концепт. 2017, № 4. С. 137–146; Эксперты ВЭФ предсказывают экономический хаос в случае эскалации конфликтов // 12.01.2024 // Эксперты ВЭФ предсказывают экономический хаос в случае эскалации конфликтов (biwork.ru)
13. Опубликована статистика ЕАЭС за 10 месяцев 2023 года // Евразийская экономическая комиссия, 20.12.2023 // Опубликована статистика ЕАЭС за 10 месяцев 2023 года (eaeunion.org)
14. Производство сельхозпродукции в ЕАЭС выросло на 1,8% // Евразийская экономическая комиссия, 05.09.2023 // Производство сельхозпродукции в ЕАЭС выросло на 1,8% (eaeunion.org)
15. Соглашение ЕАЭС и КНР – реалии и перспективы на пути к экономическому лидерству // Евразийская организация экономического сотрудничества, 18.07.2023 // Соглашение ЕАЭС и КНР – реалии и перспективы на пути к экономическому лидерству (eurasianeconomic.org)
16. Ткачев И., Виноградова Е. Страны бывшего СССР нарастили поставки в Россию на фоне санкций Крупнейшими поставщиками стали Белоруссия и Казахстан // РБК, 14.09.2022 // Страны бывшего СССР нарастили поставки в Россию на фоне санкций – РБК (rbc.ru)
17. Толкачев В.В. Перспективы развития интеграционных объединений на постсоветском пространстве: опыт таможенного союза России, Беларуси, Казахстана // Молодой ученый. 2015, № 2 (82). С. 428–432
18. Что на постсоветском пространстве думают о ЕАЭС // Русская Евразия, 13.07.2018 // Что на постсоветском пространстве думают о ЕАЭС | evrasia (ru-sevr.asia)
19. Шамахов В.А. Социальное и гуманитарное сотрудничество: опыт и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020, № 1 (31). С. 31–35
20. Шухно С. С. ЕАЭС и китайская инициатива «Один пояс – один путь»: новые возможности сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019, № 4 (300). С. 26–32

CHINA'S INFLUENCE ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: ASPECTS OF THE FORMATION OF INTERNATIONAL RELATIONS¹

Gong Tingting

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the historical and cultural underpinnings of the Eurasian Economic Union, its stages and forms of existence, its contemporary successes and their causes—and the connection of all this with the cultural and political characteristics of China, which maintains certain multidimensional relations with the EAEU. Undoubtedly, being in some sense the successor to the format of relations among the USSR's republics, which were historically closely linked, the EAEU essentially demonstrates the importance and inevitability of this connection at the present stage, as well as the

¹ This article was written with the financial support of the China Scholarship Council (CSC).

support for this state of affairs from the Eastern giant, China. After the “strange chaos” of the Soviet Union's collapse, many actors, clearly recognizing the need for unity and order, strove to join associations like the CIS. However, time has shown that under conditions of “ideological confusion” and the naturally evolving democracy, unions with too many members are not very effective. The “narrowing” of the circle of participating states and the specification of economic objectives yielded certain results that China, which pursues a generally progressive policy and therefore seeks various forms of co-operation and support amid an intensifying global cultural dialogue, could not help but appreciate.

Keywords: Eurasian Economic Union; geopolitical changes; changing world order; sanctions; market reorientation; logistics; notable results; economic and humanitarian aspects; “One Belt – One Road”; integration; qualitative specificity of states; support from China.

References

1. Babkin A. V. et al. Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical standardization, development problems // IT-Economy. 2017, No. 3. pp. 9–25
2. Besedin K.V. The Singapore economic model for business development at the present stage // Young Scientist. 2015, No. 2 (82). pp. 253–255
3. Mutual direct investments in the EAEU in the first half of 2023 amounted to 98% of the level for the entire 2022 // Eurasian Economic Commission, 27.12.2023 // Mutual direct investments in the EAEU in the first half of 2023 amounted to 98% of the level for the entire 2022 (eaeunion.org)
4. The EAEU and China agreed to simplify trade and speed up rail freight transportation // Interfax, 16.02.2023 // The EAEU and China agreed to simplify trade and speed up rail freight transportation (interfax.ru)
5. The EAEU and China are developing a strategic partnership // Eurasian Economic Commission, 11.12.2023 // The EAEU and China are developing a strategic partnership (eaeunion.org)
6. Zhukovskaya I. Yu. Trade and investment cooperation of EAEU member states with China // Economic Research and Development, 28.04.2023 // Trade and investment cooperation of EAEU member states with China | Scientific Research Journal (edjr.ru)
7. Zakharova S. V., Sokolova O. Yu. General macroeconomic characteristics of the EAEU member states // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022, No. 5–1. pp. 435–438
8. Kovalev E.S. The EAEU and China: partnership in the interests of self-sufficiency // Eurasian Integration: Economy, Law, Politics. 2023, No. 3 (45). pp. 15–24
9. Korshunnikova N.A. Features of modern China's information policy // China: History and Modernity: Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference, Yekaterinburg, October 21–23, 2015. Yekaterinburg: Ural University Press, 2016. pp. 279–284
10. Mikhailenko A.N. Contradictions in the activities of the CIS and methods of their resolution // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2008, No. 9. pp. 99–109
11. Nu Mendi. Regulation of the information ecology in China's Internet space // RMAТ Bulletin. 2022, No. 2. pp. 126–131
12. Ovshinin A.N. Social order and chaos – dynamic equilibrium (a synergetic approach) // Concept. 2017, No. 4. pp. 137–146; WEF experts predict economic chaos in the event of conflict escalation // 12.01.2024 // WEF experts predict economic chaos in the event of conflict escalation (biwork.ru)
13. Statistics of the EAEU for the first 10 months of 2023 published // Eurasian Economic Commission, 20.12.2023 // Statistics of the EAEU for the first 10 months of 2023 published (eaeunion.org)
14. Agricultural production in the EAEU grew by 1.8% // Eurasian Economic Commission, 05.09.2023 // Agricultural production in the EAEU grew by 1.8% (eaeunion.org)
15. EAEU–PRC Agreement: realities and prospects on the road to economic leadership // Eurasian Organization for Economic Cooperation, 18.07.2023 // EAEU–PRC Agreement: realities and prospects on the road to economic leadership (eurasianeconomic.org)
16. Tkachev I., Vinogradova E. Countries of the former USSR increased deliveries to Russia amid sanctions; the largest suppliers were Belarus and Kazakhstan // RBC, 14.09.2022 // Coun-

- tries of the former USSR increased deliveries to Russia amid sanctions – RBC (rbc.ru)
17. Tolkachev V.V. Prospects for the development of integration associations in the post-Soviet space: the experience of the Customs Union of Russia, Belarus, and Kazakhstan // Young Scientist. 2015, No. 2 (82). pp. 428–432
 18. What people in the post-Soviet space think about the EAEU // Russian Eurasia, 13.07.2018 // What people in the post-Soviet space think about the EAEU | evrasia (rusevr.asia)
 19. Shamakhov V.A. Social and humanitarian cooperation: experience and prospects // Eurasian Integration: Economy, Law, Politics. 2020, No. 1 (31). pp. 31–35
 20. Shukhno S.S. The EAEU and the Chinese “One Belt, One Road” initiative: new cooperation opportunities // Eurasian Integration: Economy, Law, Politics. 2019, No. 4 (300). pp. 26–32

Обзор прихода к власти Отто фон Бисмарка

Карташова Мария Николаевна,
независимый исследователь
E-mail: masha.k02@bk.ru

Бажина Ирина Владимировна,
независимый исследователь
E-mail: stud0000307866@study.utmn.ru

Отто фон Бисмарк является величайшей личностью не только в истории германских стран, но и в мировой. Его путь на вершину был тяжел, против него были все, включая собственного короля и наследника. Однако он сумел, вопреки всему, занять высокую должность, добился того, что Германия стала империей, с которой считались даже самые сильные на тот момент Англия и Франция. Все, что Отто фон Бисмарк делал – было направлено на развитие родной страны, укрепление ее позиций среди государств Европы, улучшение ее благосостояния. Многие до сих пор осуждают его за методы «железа и крови», однако неизменным остается одно – Отто фон Бисмарк вошел в историю как один из величайших людей своей эпохи.

Ключевые слова: Бисмарк, дипломат, правительство, палата депутатов, Вильгельм I.

Утверждение Отто фон Бисмарка на должности канцлера произошло в момент серьезной политической нестабильности, известной как «конституционный (военный) конфликт».

Это произошло еще в 1860 году. А осенью двумя годами позже ситуация все больше приобретала черты революции. Причиной всему послужили застои в национальных и социально-политических вопросах. Эти же проблемы пытались преодолеть и революция 1848–1849 годов. Однако почти через десять лет важность решения данных дел только возросла, что неудивительно. Ведь по немецкой территории быстро распространялся капитализм, благодаря чему стало намного больше акционерных обществ, а также фабрик, продукты промышленности молниеносно распространялись и в индустриальной области оказывалось все больше заинтересованных людей [7, с. 107].

Как отмечал карл Маркс, «в прогрессе Германии в сфере экономики годы с 1849 по 1859 оказались временем невероятной эпохи, поэтому произошло превращение в промышленную страну из сельскохозяйственной.» Из-за этого препятствия на германских территориях в виде старых общественно-политических устоев и разобщенности государства, больше нельзя было игнорировать. Их нерешенность вылилась в анархию, препятствующую последовательному развитию страны.

В немецких землях все больше утверждался строй буржуазии, а банкиры с капиталистами стали важнейшей опорой экономики. Логично, что им необходимы были свои представители среди министров, чиновников, журналистов и т.д. Однако сама власть все равно принадлежала консерваторам (старой бюрократии, требующей верховенства монархии, юнкерству, реакционным военным кастам).

В сентябре 1859 года во Франкфурте появился Германский национальный союз. Это произошло после того, как Отто фон Бисмарк покинул город. По факту, это либеральная буржуазная политическая партия, которая распространяла на немецкие территории свою деятельность. Главная цель данного союза – помощь в создании федеративного государства. Основным его желанием был общегерманский парламент [7, с. 108].

В 1861 году летом произошло серьезное столкновение между королем Вильгельмом I с одной стороны, и министрами-либералами с другой. Причиной стало желание правителя, во время своей коронации, получить от народа Пруссии присягу себе. Монарх был встревожен деятельностью военно-придворной камарильей из-за революционной опасности, которая, обязательно бы заставила искать унижительный компромисс с либералами. Министры были против такой прихоти, ведь согласно конституции, ничего подобного быть не должно. Но король был непреклонен, и тогда министры стали пугать своей отставкой. Монарх же все больше стал думать о полной смене правительства [1].

В этот момент от Альбрехта фон Роона поступило предложение сделать Отто фон Бисмарка министром. Он аргументировал такой вариант тем, что последний выступал за интересы монархии и на него всегда можно положиться.

Сам же Бисмарк в это время находился в Санкт-Петербурге. Роон его призвал обратно и будущий «же-

лезный» канцлер встретился в Баден-Бадене с королем. Он даже написал меморандум (дипломатический документ) о Германском союзе. Но тогда министром Отто фон Бисмарк не стал [7, с. 109].

Примечательно то, что дипломат 2 июля, перед отъездом из Российской империи он написал А. Роону набросок некоторых пунктов соглашения. Например, требование присяги допустимо и остаётся за правителем в любом случае. Бисмарк не видит в данном желании противоречия тому, что написано в конституции. По большей части его самого интересует лишь непреклонность в военном деле. Для него политика, на данный момент, видится так: показ силы и непоколебимость власти короля, разрыв и роспуск палаты депутатов. Однако чего-то хорошего от результатов работы правительства Бисмарк не видит и не ждёт до тех пор, пока политика в германском вопросе не будет подвергнута кардинальным изменениям. Трудности во внешней политике и внутренние распри неотрывно связаны друг с другом, и решить одно без другого не получится. И все же сейчас господствующий слой пока не стал подвергать изменениям дипломатию по соображениям Отто фон Бисмарка. Но этот черновик интересен в связи с тем, что случится благодаря действиям Бисмарка чуть больше чем через год [1].

Напряжение закончилось соглашением. Церемония вступления монарха на тропу власти была проведена в Кенигсберге, но от присяги на верность правитель отказывался. И все же он отыгрался на оппонентах и либералах с помощью своей речи на коронации, заострив внимание на том, что его власть, как представителя правящей династии, дана ему Богом. Также Вильгельм I изложил свое мнение относительно ландтага – лишь консультационный орган, и только.

В 11 марта 1862 года, когда конфликт достиг своего пика, король распустил палату депутатов и либералов сменил консерваторами. Наступил финал для «новой эры». Но это был далеко не конец [4].

Выборы в мае помогли либералам вновь занять в палате депутатов места с численным перевесом. Избиратели явно благоволили оппозиционерам. В свою очередь военная партия была готова действовать жестко и бескомпромиссно. Но колебания правителя связывала ей руки.

Отто фон Бисмарка король на некоторое время оставил в Берлине, решая что с ним делать. После отправил в Париж с такими словами, что все решили – эта миссия временная.

Летом того же года Роон все также хотел видеть Отто фон Бисмарка среди людей государственного аппарата. В переписке же, сам Бисмарк продолжал настаивать на непоколебимости. И чтобы подняться еще выше по карьерной лестнице, полагал, что собственная приверженность жестких решений может сыграть на руку. О. Бисмарк верил, что его взлет на вершину станет призывом к смертельному противоборству [3].

В итоге, дипломат глумился над парламентом государства («этого цветника выборов ценховых»), который не в состоянии справиться с внутренними проблемами, предлагая свою персону как олицетворение стратегии жесткости, или вернее жестокости, и твердости. Политик говорил, что другие парламенты, в отличие от его, не настолько наивны чтобы личную немощь и беспомощность выставлять на показ всем, называя это идеалом.

В тот период, насмехаться – это все, что Бисмарк мог себе позволить, ведь он до сих пор находился в столице Франции. Однако ему повезло, поскольку обстановка на его вотчине усугублялась.

В германских странах, в том числе и Пруссии, произошел серьезный кризис, и стоящий у власти круг людей уже не знал, как исправить текущее положение дел. Одной из причин стало смятение, которому удалось поглотить почти все слои народных масс. Отныне private вопросы, например, военная реформа, преобразовались в другие, чрезвычайно важные: конституция или абсолютизм, буржуазия или юнкерство, парламент или король [6].

Правитель Вильгельм I действительно был готов отказаться от престола и передать бразды правления сыну. Он надеялся на силу и авторитет королевских полномочий, и постоянно боялся за свою судьбу, вспоминая что англичане сделали с Карлом I (1649), а французы с Людовиком XVI (1793). Сначала монарх решил рассказать об этом решении наследнику, для чего приказал тому немедленно явиться. Кронпринцу Фридриху Вильгельму был продемонстрирован уже готовый манифест. Но он не поддержал решение отца и не согласился занять его место. Наследник Пруссии утверждал, что не нужно отрикаться от короны, но нужно уступить в этой борьбе. Его решение поддержали министры, которые были убеждены, что подобный шаг серьезно ударит по могуществу правящей династии. Все еще сомневающийся Вильгельм I решил повременить с оглашением своего решения отречься от престола [5].

Отто фон Бисмарк, наконец-то, вернулся из Парижа в середине сентября сразу после получения телеграммы. Интересно то, что монарх и его сын мало в чем соглашались друг с другом в области политики. Но на посту главы правительства видеть Бисмарка оба не желали. Правитель даже, в беседах с кронпринцем, говорил, что испытывает к данному человеку крайнюю степень неприязни. И тем не менее сложившаяся ситуация требовала обратного. Поэтому, король не смог назвать причин против возвращения в столицу Отто фон Бисмарка после очередного предложения Роона (21 сентября 1862 года). Единственное, что он сказал – это то, что, во-первых, дипломата сейчас здесь нет, а во-вторых, нет уверенности, что теперь он изъявит желание согласиться на данное назначение. В свою очередь Альбрехт Теодор Эмиль фон Роон убедил Вильгельма в ином. Поводом и возможностью а так вовремя вернуться в родную страну послужило якобы резко появившееся желание дипломата перевести семью в столицу Франции [7, с. 112].

Благодаря беседам с Бернсторфом (министром иностранных дел) и Рооном, и даже с наследником государства, Бисмарк в общих чертах был осведомлен о ситуации в стране, когда оказался на аудиенции у правителя в Бабельсбурге. Королю не понравились эти разговоры, в которых участвовал его сын, так как это можно было расценивать как стремление политика заручиться поддержкой или даже дружбой будущего монарха и использовать ее в своих целях. План работы был довольно давно составлен у Бисмарка, и менять или переделывать его не было надобности. Скорее всего, в описываемое время лишь один человек рядом с главой страны твердо был уверен в том, чего он желает и как этого достичь [3].

Отто фон Бисмарк дважды разговаривал с Вильгельмом I. Важнейшей и долгой была первая из бесед, которая состоялась 22 сентября 1862 года, и продлилась 2,5 часа. Ее суть кратко записана в личный мемуарах дипломата.

О желании монарха отречься от трона дипломат узнал только тогда. Ему это преподнесли как то, что король не хочет быть во главе государства и плясать под дудку парламента. К тому же, рядом с ним не осталось ни одного человека, который смог бы выступить против.

В ответ на это Бисмарк ответил, что не изменил своим стремлениям оказаться внутри правительства. Он был твердо уверен в том, что сможет одновременно с Рооном заполнить кабинет, если понадобится. В процессе беседы два вопроса были заданы Вильгельмом: согласится ли с реорганизацией армии Бисмарк, если станет министром, и будет ли достаточно в нем твердости быть верным этому решению даже если вся палата будет против. И дважды последовал положительный ответ. В результате, король решил не отказываться от трона и «продолжить сражаться» уже вместе с Отто фон Бисмарком [5].

Будущий канцлер попытался пролить свет на свою жесткость для короля, ведь, по его мнению, дело зашло слишком далеко, и уже касается борьбы между посягательствами на все парламента и истинной королевской волей. Поэтому он считал, что эпизодическая диктатура вполне допустима, поскольку эти попытки захватить всю власть настолько были ненавистны ему.

Существует версия, что в конце второго разговора Вильгельм и Отто фон Бисмарк сказали друг другу такие слова: монарх спросил при каких условиях дипломат согласен стать членом правительства. Тот сказал, что их нет, и его жизнь в руках короля.

Стоит отметить, то эти беседы по праву считаются жемчужиной дипломатической политики Бисмарка. Он попал в цель. А ведь король был против его кандидатуры с самого начала. Скорее всего, если бы эти двое не сговорились, монарх испытал бы облегчение и с удовольствием снова отклонил бы кандидатуру будущего канцлера. Тем не менее Отто фон Бисмарк своей решительностью и твердостью смог подарить Вильгельму надежду на то, что это далеко не конец. Король не смог бы выдержать аргументов, опирающихся на старые традиции монархо-феодальной системы Пруссии, чем и воспользовался Бисмарк. К тому же, он, как опытный дипломат, не стал в тот момент делиться личными планами относительно действий во внешней политике, понимая, что пока не время [7, с. 115–117].

После разговора и договоренности, последовавшей за ним, король уничтожил собственный подробнейший проект для правительства, а будущий «железный» канцлер стал независим в действиях.

В середине сентября того же года, а именно двадцать четвертого числа, стало известно о том, что Отто фон Бисмарк отныне является министром и одновременно человеком, который исполняет временную роль министра-президиума Пруссии. Пока что упомянутый пост был закреплен за принцем Гогенлоэ. Через полмесяца дипломат уже официально получит должность. К тому же он был и достоин чести стать министром иностранных дел [2, с. 75–78].

Не забывая какого нрава был политик, становится понятно, что почти никто не обрадовался такому ходу событий, включая даже супругу короля, которой он объяснил собственное решение как единственный, пусть и не желанный, выход из положения. Хотя, по большей части, тогда еще не все ненавидели Бисмарка, в основном ехидничали над «сумашедшим» и «выскочкой», который теперь находился на вершине. Впрочем, он сразу оправдал ожидания, не откладывая в долгий ящик противостояние с палатой депутатов, хотя и продолжал уверять всех в том, что не хочет дальше усугублять противостояние [7, с. 118].

Тридцатого сентября Отто фон Бисмарк выступил против права палаты отвечать за вопросы бюджета страны, а также требовал обязать правительство заранее, до наступления нового года, предлагать подобный законопроект. Тут и была произнесена знаменитая фраза:

«...не речами...великие вопросы решаются, а железом и кровью». Скорее всего эти слова вырвались с горяча, ведь политик не хотел раньше времени раскрывать подробности своего плана, но равнодушным они не оставили никого: кого-то оскорбили, других напугали, третьих привели в недоумение (включая товарища Бисмарка Роона), четвертых насмешили и т.п. Сам Бисмарк после жалел о своих словах, произнесенных в тот день [1].

Однако словосочетание про «железо и кровь», как и «железный канцлер», навсегда утвердилось за ним, ведь его ведению дел как раз подходил такой девиз.

До закрытия сессии ландтага (за три дня – десятого октября 1862 года), Отто фон Бисмарк написал письмо будущему канцлеру Австрийской империи барону Фридриху фон Бейсту. В дальнейшем они превратятся в политических врагов. Бисмарк хотел лично вести дела с ним чтобы углубить отношения и получить с этого максимальную пользу. Свои действия во внутренней политике он объяснял тем, что его главной целью стало сохранение и увеличение влияния монархии в ответ на распространяющиеся недовольство министров. Дипломат также был уверен в том, что разрешить данное положение дел без разрыва с политивными установками конституции, а еще по возможности, миловать конституционные чувства. И максимально быстро опять оказаться на пути к жизни с конституционными правилами. Но и не забывая, что присяга конституции неизменно будет на вершине доказательств преданности правящему дому. На словах все просто и легко, но на деле это оказалось не так невинно [4].

Отто фон Бисмарк уговорил Вильгельма I в общении держаться презрительно с палатой депутатов. Ее представителей монарх просто не удостоивал аудиенции, и все письма возвращались даже не вскрытыми. По велению Бисмарка, граф Фридрих Эйленбург издал указание, в котором говорилось, что при выборах в парламент чиновники обязаны оказывать всяческую поддержку правительству. Кстати, Эйленбург в течение следующих почти двух десятилетий будет одним из сторонников канцлера с жестокой политикой. И хотя приказ противоречил правам людей, это не особо волновало политика. А если кто-нибудь из министров все же решался действовать согласно конституционным статьям, в лучшем случае с него требовали взыскания, в худшем увольняли. В итоге несколько десятков чиновников оказались жертвами деспотизма [7, с. 120].

Отдельные поступки Отто фон Бисмарка носили открытую провокацию, направленную на депутатов палаты.

Говоря прямо он вступил в открытое столкновение с парламентом. И еще с пролога своей деятельности на данном посту утверждал, что правительство не противоречит конституции, а все делает только с отсылкой на ее содержание, в отличии от палаты.

Ситуация в отношении конвенции Альвенслебена еще больше обострила отношения правительства и палаты депутатов. Почти все представители течения либералов считали неприемлемым договоренность с Российской имерией. Их мнение в упомянутом вопросе разделяли приближенные наследника трона. В течении полутора месяцев (с середины февраля до конца марта) Отто фон Бисмарк обязан был выступать в палате четырнадцать раз. Фон Унру, либеральный лидер, осуждал действия правительства, обвинял его в неудачах во внешней политике, утверждал, что оно ведет агрессивную политику и призывал депутатов палаты не выделять средств ему для продолжения таких действий [7, с. 120–121].

Уместно заметить, что в феврале 1863 года Отто фон Бисмарк оказался на грани и мог отправиться в от-

ставку. Данное события дожидались и в родной Пуссии, и за ее границами. Даже король, который старался доверять министру, временами боялся его напористых выходок. Вот только сам политик не собирался никуда уходить и ничего не изменилось в его поведении: на манеры выступлений, ни выбранный курс, ни способы добиваться желаемого [6].

Вскоре дипломат решил разобраться с недружелюбной прессой. Он давно уже показывал ей свою брезгливость, и прямо заявил, став чиновником, что печать не должна быть общедоступной. К тому же, он и не особо испытывал уважение к позиции людей, поэтому неизменно полагал первостепенным получить возможность манипулировать ими, а пресса – один из способов.

Попытка посягнуть на слово печати вызвало недовольство короля и кронпринца. Наследник даже написал отцу о том, что это противоречит написанному в конституции. А на приеме в ратуше Данцига он заявил, что не несет ответственности за конфликт народа и правительства, и направил Отто фон Бисмарку для передачи правительству протест. Вильгельм I незамедлительно приказал сыну взять свои слова обратно и сообщить об этом в газеты. Наследник не согласился, однако дал слово отныне молчать и пожелал уйти со всех занимаемых постов. Монарх отказал ему, даже несмотря на то, что командиры армии хотели военного суда.

Глава нынешний правительства, то есть Отто фон Бисмарк, считал собственным достижением то, что уговорил правителя не делать ссору с сыном достоянием обществу. Сам же он саркастично отнесся к действиям наследника страны, впрочем, это было заслуженно. Да и к тому же сын короля и сейчас не сумел действовать твердо и непоколебимо. Свои должности он не покинул, и все, что смог сделать – это в письме к будущему «коровавому канцлеру» сообщить, что крайне недоволен его манерой ведения дел. А в сентябре официально заявил об этом отцу [7, с. 130].

Вот только Отто фон Бисмарк сумел предотвратить негативные последствия для себя от упомянутой задачи. И все комментарии и реплики в отношении письма кронпринца были вставлены в скелет ответа Вильгельма I. Наследник категорически не хотел быть на собраниях правительства, но его обязали на них присутствовать в тех случаях, когда там находился монарх. Его принудили и к другим положениям. Несмотря на все протесты самого кронпринца, дело разрешилось не в его пользу. Масла в огонь подливали еще и то обстоятельство, что за этими событиями наблюдал весь мир. Теперь понятно стало, что либеральская надежда в лице все того же трононаследника, не представляет никакой важности и серьезности в политической сфере [7, с. 132].

В середине 1863 года в прусском государстве все было натянуто как струна: сходы и встречи, которые были организованы прогрессивной партией и Национальным союзом как несогласие на решения политики правительства, разгонялись при помощи полиции. В конце июня – начале июля примерно восемь тысяч человек несколько суток буквально воевали с полицией, даже при том, что та уже перешла к крайним мерам. Бисмарк неизменно придерживался агрессивных способов. Положение в столице сыграло ему на руку и позволило давить на людей, заставляя их испытывать ужас перед репрессиями.

В итоге в сентябре Отто фон Бисмарк добился того, что палата была распущена. Вот только благодаря новым выборам через месяц новый состав ее помог либералам одержать верх, ведь их было больше на две трети. Жесткое давление со стороны правительства на избирателей не спасло, как и то, что Бисмарк желал от лан-

драт и чиновников энергично участвовать в предвыборной кампании [5].

Между правительством с одной стороны и палатой депутатов с другой до сих пор продолжалась война.

Чтобы увеличить шансы на победу и, наконец, одержать вверх, дипломат рассчитывал на помощь рабочего класса. Бисмарк хотел от него поддержки чтобы ослабить буржуазию и использовать в собственной политике.

Период для этих действий был подходящий. Первая половина 1860-х годов оказалась одним из важнейших моментов для рабочего движения в Пруссии, а образование ВГРС – одно из непереоценимых событий по важности на курсе освобождения от гнета либеральной буржуазии рабочих. В этот момент Бисмарк смог обзавестись новым и таким необходимым другом в лице Фердинанда Лассалля (демократический публицист) [7, с. 137].

В конце 1863 года Отто фон Бисмарк не мог похвастаться тем, что прочно закрепился в правительстве. Его критиковали со всех сторон, ненавидели, желали малейшей ошибки чтобы можно было избавиться от него. Единственное на что он мог опереться, хотя и не с полной уверенностью, была поддержка Вильгельма I. Политик писал, что этот год состарил его на пятнадцать лет. Хотя, в конце 1863 – начале 1864 г. всех больше заботило будущее Гольштейна и Шлезвига. И все же, грядущие события дали Бисмарку шанс решить германский вопрос своими методами. Параллельно он готовился к припозднившемуся компромиссу с оппозицией буржуазии, а также к усилению собственной политической системы.

Таким образом, самым тяжелым временем Отто фон Бисмарка как главы правительства стали первые полтора года его пребывания у власти. Будущее было неизвестно, а начать осуществлять свою программу по полной он пока не мог. В итоге, не только финал этих полутора лет был неизвестен, но и планы самого политика.

Литература

1. Виноградов, В. Отто фон Бисмарк. Объединение Германии железом и кровью / В. Виноградов. – М.: Аст-Пресс, 2015. ISBN 978-5-94776-919-7.
2. Власов, Н.А. Великий Бисмарк. «Железом и кровью» / Н.А. Власов. – Москва: Яуза, 2011. – 540 с. ISBN 978-5-699-47405-9.
3. Дударев, В.С. Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1862. Дипломатическая ссылка или политический успех? / В.С. Дударев. – СПб.: Алетей, 2013. – 304 С. ISBN 978-5-91419-833-3.
4. Палмер, А. Отто фон Бисмарк. Железом и кровью / А. Пламер. – Русич, 1998. – 544 С. ISBN 5-88590-660-2.
5. Стейнберг, Дж. Бисмарк. Биография / Дж. Стейнберг. – М.: АСТ, 2012. – 735 С. ISBN 978-5-17-080849-6.
6. Тополь, Э. Бисмарк / Э. Тополь. – М.: Аст-Пресс, 2014. – 160 С.
7. Чубинский, В.В. Бисмарк: Политическая биография / В.В. Чубинский. – М.: Мысль, 1988. – 414 С. ISBN 5-244-00087-X.

OVERVIEW OF OTTO VON BISMARCK'S RISE TO POWER

Kartashova M.N., Bazina I.V.

Otto von Bismarck is the greatest figure not only in the history of the German countries, but also in the world. His path to the top was difficult, everyone was against him, including his own king and heir. However, he managed, despite everything, to take a high position, achieved that Germany became an empire, which was reckoned with even the most powerful at that time England and France. Everything that Otto von Bismarck did was aimed at developing his

native country, strengthening its position among the states of Europe, improving its welfare. Many still condemn him for his methods of "iron and blood", but one thing remains unchanged – Otto von Bismarck went down in history as one of the greatest people of his era.

Keywords: Bismarck, diplomat, government, chamber of deputies, Wilhelm I.

References

1. Vinogradov, V. Otto von Bismarck. Unification of Germany by Iron and Blood / V. Vinogradov. – M.: Ast-Press, 2015. ISBN 978-5-94776-919-7.
2. Vlasov, N.A. The Great Bismarck. "By Iron and Blood" / N.A. Vlasov. – Moscow: Yauza, 2011. – 540 p. ISBN 978-5-699-47405-9.
3. Dudarev, V.S. Otto von Bismarck's Petersburg mission. 1859–1862. Diplomatic exile or political success? / V.S. Dudarev. – SPb.: Aletya, 2013. – 304 P. ISBN 978-5-91419-833-3.
4. Palmer, A. Otto von Bismarck. By Iron and Blood / A. Plumer. – Rusich, 1998. – 544 P. ISBN 5-88590-660-2.
5. Steinberg, J. Bismarck. Biography / J. Steinberg. – M.: AST, 2012. – 735 P. ISBN 978-5-17-080849-6.
6. Topol, E. Bismarck / E. Topol. – M.: Ast-Press, 2014. – 160 P.
7. Chubinsky, V.V. Bismarck: Political Biography / V.V. Chubinsky. – M.: Mysl, 1988. – 414 pp. ISBN 5-244-00087-X.

Китайская модель развития и перспективы ее адаптации африканскими странами

Самсонов Максим Михайлович,

старший преподаватель факультета журналистики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: blok1v@yandex.ru

В статье рассматриваются перспективы и вызовы адаптации китайской модели развития в африканских странах. Анализируются ключевые различия между политическими системами, культурными особенностями и социальными структурами Китая и африканских государств, которые создают существенные препятствия для прямого переноса китайского опыта. Особое внимание уделяется проблемам политической нестабильности, этнокультурного многообразия и традиционных социальных структур в Африке, осложняющим реализацию долгосрочных стратегий развития. Несмотря на эти вызовы, авторы отмечают значительный потенциал применения отдельных элементов китайской модели, особенно в сфере инфраструктурного строительства, промышленного развития и социальной политики. Подчеркивается важность адаптации китайского опыта с учетом местной специфики. В статье также рассматриваются внешние факторы, влияющие на процесс модернизации африканских экономик, включая геополитическую конкуренцию и глобальные экономические тренды. При условии гибкого подхода и учета национальных особенностей, африканские страны могут добиться значительного прогресса в экономическом развитии и укреплении своих позиций на международной арене, используя лучшие практики китайской модели в сочетании с местными традициями и институтами.

Ключевые слова: Китай, Африка, китайская модель, экономика, политика, развитие, «Один пояс, один путь».

«Китайская модель» представляет собой уникальный путь развития, гармонично сочетающий государственное управление и рыночные механизмы. Она движется вперед за счет постепенных реформ, уделяя особое внимание инфраструктурному строительству и ориентируясь на улучшение жизни людей.

Государство играет ключевую роль в экономике, задавая стратегическое направление через научно обоснованные планы. Например, «Пятилетние планы», начиная с 1953 года, четко определяют цели развития, распределение ресурсов и модернизацию промышленности. В период реформ и открытости правительство создало особые экономические зоны, такие как Шэньчжэнь и Чжухай, привлекая иностранные инвестиции и технологии. Эти пилотные проекты заложили основу для экспортно-ориентированной экономики. Кроме того, масштабные инвестиции в транспорт, энергетику и связь стали фундаментом для быстрого роста.

Рыночные механизмы играют в китайской модели не менее важную роль, обеспечивая эффективное распределение ресурсов и стимулируя инновационную активность. Ярким примером является динамичное развитие высокотехнологичного сектора, где такие компании как Alibaba, Tencent и Huawei достигли глобальной конкурентоспособности. При этом китайская модель демонстрирует способность сочетать рыночную эффективность с социальными приоритетами, что проявилось в беспрецедентной по масштабам программе ликвидации абсолютной бедности, достижении всеобщего охвата базовым образованием и создании системы медицинского страхования.

Китай следует стратегии постепенных реформ, избегая радикальных изменений. Реформы в сельском хозяйстве, госпредприятиях и финансовой системе внедрялись поэтапно, начиная с локальных экспериментов.

Реформы в Китае всегда следовали принципу от «простого к сложному». Например, в 1978 году система контрактной ответственности в деревне Сяоган повысила производительность сельского хозяйства, а затем была распространена по всей стране. С тех пор эта модель реформ постепенно была развернута по всей стране, повышая эффективность сельскохозяйственного производства и решая проблему продовольствия и одежды в сельской местности.

Для преодоления этих проблем и содействия национальной модернизации Китай выдвинул концепцию «Хочешь разбогатеть – сначала строй дороги», сделав приоритетом развитие инфраструктуры [1]. За последние несколько десятилетий Китай добился выдающихся достижений в сфере транспорта, энергетики, связи и других областях. Строительство сети высокоскоростных железных дорог является яркой визитной карточкой инфраструктурного строительства Китая. К концу 2023 года протяженность высокоскоростных железных дорог Китая превысит 48 тыс. километров, что составило более двух третей протяженности высокоскоростных железных дорог мира [2]. Быстрое развитие высокоскоростных железных дорог не только сократило временные и пространственные расстояния между городами и способствовало скоординированному развитию регио-

нальной экономики, но и стимулировало развитие смежных отраслей, таких как производство оборудования для высокоскоростных железных дорог, инженерное строительство, логистика и транспорт. Что касается строительства автомагистралей, то по общей протяженности скоростных автомагистралей Китай также занимает первое место в мире, достигая цели соединить все уезды скоростными автомагистралями, обеспечивая большое удобство для транспортировки грузов и перемещения людей [3]. КНР удалось добиться значительного прогресса в энергетическом секторе, активно развивая возобновляемые источники энергии, такие как солнечная энергия, энергия ветра и гидроэнергетика, тем самым повышая стабильность и устойчивость энергоснабжения. Развитие возобновляемой энергетики и сетей 5G также способствует цифровизации экономики.

Китайская модель развития выдвигает на первый план принцип приоритета человеческого благополучия, ставя своей стратегической целью последовательное повышение уровня жизни населения и создание условий для всеобщего процветания. Особенно впечатляющих результатов страна достигла в сфере преодоления бедности. В результате многолетней целенаправленной работы Китаю удалось в запланированные сроки – к 2020 году – полностью искоренить проблему абсолютной бедности. Это историческое достижение позволило вывести из нищеты около 100 миллионов сельских жителей, что на десятилетие опередило сроки, установленные Целями устойчивого развития ООН до 2030 года [4].

Масштабная антикризисная программа Китая не только кардинально изменила жизнь сотен миллионов граждан, но и внесла значимый вклад в глобальную борьбу с бедностью. Параллельно с этим последовательно укрепляется социальная защита населения. В сфере образования достигнут практически всеобщий охват (почти 96%) девятилетним обязательным обучением [5]. Система базового медицинского страхования стала доступной для всех граждан, а социальное обеспечение непрерывно совершенствуется, создавая надежную систему защиты жизненно важных интересов населения. Особое внимание уделяется развитию ключевых социальных услуг – образования, здравоохранения и социального обеспечения, куда направляются значительные государственные инвестиции для постоянного повышения качества и доступности этих услуг.

Такой комплексный подход к социальному развитию позволяет не только решать текущие проблемы населения, но и закладывать прочный фундамент для долгосрочного повышения качества жизни всех граждан страны.

Сходства и различия в условиях развития Китая и африканских стран

Для африканских стран китайский опыт представляет особый интерес в силу схожести некоторых исходных условий: исторического опыта постколониального развития, необходимости преодоления экономической отсталости, наличия значительных природных ресурсов.

Китай и страны Африки демонстрируют значительное сходство в своих стратегических приоритетах, уделяя первостепенное внимание экономическому росту и повышению уровня жизни населения. Обе стороны разделяют долгосрочное видение устойчивого развития и улучшения благосостояния граждан. Примечательно, что африканские государства, обладая значительными природными ресурсами и демографическим потенциалом, находятся в условиях, схожих с положением Китая

на начальных этапах его экономического подъема [6]. Это создает объективные предпосылки для адаптации отдельных элементов китайской модели развития к африканским реалиям.

Однако при рассмотрении национальных особенностей выявляются существенные различия. В *политической сфере* большинство африканских государств характеризуются многопартийной системой со сложной динамикой взаимодействия различных политических сил, что нередко влияет на последовательность реализации экономической политики. В отличие от этого, китайская система многопартийного сотрудничества под руководством КПК обеспечивает высокую степень политической стабильности и преемственности курса развития.

Культурный фактор также представляет значимое различие. Многообразие этнических и религиозных традиций в Африке создает определенные сложности в формировании единого вектора социально-экономического развития. В то время как китайское общество отличается высокой степенью сплоченности на основе общих ценностных ориентиров и традиций коллективизма.

Экономические структуры также существенно различаются. Если африканские экономики в значительной степени зависят от сельского хозяйства и добывающих отраслей, то Китай создал диверсифицированную промышленную систему с развитым сектором услуг и высокой конкурентоспособностью на мировых рынках.

Несмотря на эти различия, африканские страны могут продуктивно использовать китайский опыт в нескольких ключевых аспектах:

1. В области государственного планирования – разработка научно обоснованных стратегий развития с четкими целевыми показателями, по аналогии с китайской системой пятилетнего планирования;
2. В методологии реформ – применение принципа постепенности и последовательности преобразований, позволяющего минимизировать социальные издержки;
3. В инвестиционной политике – создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций и технологических трансферов;
4. В инфраструктурном развитии – концентрация ресурсов на создании современной транспортной, энергетической и цифровой инфраструктуры как основы для экономического роста.

Особое значение имеет китайский опыт комплексного подхода к развитию, когда инфраструктурные проекты рассматриваются не изолированно, а как часть единой системы, способствующей росту производительности, притоку инвестиций и развитию смежных отраслей промышленности. Этот опыт может быть особенно ценен для африканских стран в их стремлении к экономической модернизации.

Успешная адаптация китайской модели развития в африканских странах

Ряд африканских государств уже продемонстрировали впечатляющие результаты в применении элементов китайской модели развития. Наиболее показательным примером стала Эфиопия, которая с начала 2000-х годов целенаправленно внедряла китайский опыт экономического роста. Эфиопское правительство разработало комплексную стратегию, включающую привлечение иностранных инвестиций, масштабное инфраструктурное строительство и создание благоприятного инвестиционного климата с учетом национальной специфики.

Благодаря технической и финансовой поддержке Китая и других партнеров, Эфиопии удалось добиться

ся значительных успехов в индустриализации. В стране были созданы многочисленные предприятия легкой промышленности, модернизирована транспортная система, включая rapid expansion железнодорожной сети. Эти преобразования привели к созданию тысяч новых рабочих мест, увеличению притока иностранных инвестиций и стабильному экономическому росту. По данным статистики, в период с 2000 по 2020 годы Эфиопия демонстрировала впечатляющие среднегодовые темпы роста ВВП на уровне 9%, что стало одним из лучших показателей в мире и заслужило стране неофициальное название «Африканского Китая» [7].

Еще одним успешным примером стала Кения, которая эффективно использовала китайский опыт в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Реализация масштабного проекта по строительству современной железнодорожной магистрали, соединяющей ключевой порт Момбаса со столицей Найроби, а в перспективе – с Угандой, Руандой и Демократической Республикой Конго, стала катализатором экономического развития всего региона Восточной Африки. Этот транспортный коридор не только сократил логистические издержки и повысил конкурентоспособность кенийской экономики, но и способствовал усилению региональной интеграции, создав новые возможности для торгового и экономического сотрудничества между странами Восточной Африки [8].

Вызовы и перспективы адаптации китайской модели развития в Африке

Несмотря на очевидные преимущества китайской модели развития и успешный опыт ее применения в отдельных африканских странах, процесс ее адаптации на континенте сталкивается с рядом существенных вызовов, обусловленных спецификой африканских реалий.

Политические различия создают значительные сложности в реализации долгосрочных стратегий развития. В отличие от стабильной политической системы Китая, многие африканские государства характеризуются частой сменой власти и политической нестабильностью. Многопартийная система с острой конкуренцией между различными группами интересов часто приводит к кардинальной смене политического курса при смене правительства. Дополнительными препятствиями становятся проблемы коррупции и чрезмерной концентрации власти. В этих условиях африканским странам необходимо выработать собственные механизмы обеспечения политической стабильности и преемственности курса развития, возможно, адаптируя отдельные элементы китайской системы управления [9].

Культурное многообразие Африки представляет собой еще один серьезный вызов. В отличие от относительно гомогенного китайского общества с его традициями коллективизма, африканский континент отличается этническим и религиозным разнообразием, что порой приводит к межплеменным конфликтам и затрудняет формирование единого национального самосознания. Низкий уровень образования в ряде регионов дополнительно осложняет процесс внедрения современных технологий и управленческих практик. Преодоление этих барьеров требует значительных инвестиций в образование и создание объединяющих национальных ценностей при сохранении культурного многообразия.

Особенности социальной структуры африканских обществ также создают уникальные вызовы. Сохраняющееся влияние традиционных племенных структур и вождей часто вступает в противоречие с современными подходами к управлению. Быстрая урбанизация при не-

достаточном развитии городской инфраструктуры приводит к росту трущоб и социальных проблем. Опыт Китая в гармонизации интересов различных социальных групп и планомерном городском развитии может быть полезен, но требует тщательной адаптации к местным условиям [10].

Внешние факторы добавляют дополнительные риски. Глобальные экономические колебания, протекционизм и геополитическая конкуренция создают нестабильность для развивающихся африканских экономик. Некоторые западные страны скептически относятся к распространению китайской модели в Африке, что может создавать дополнительное давление. В этих условиях африканским государствам важно сохранять стратегическую автономию и гибкость в выборе путей развития.

Несмотря на эти вызовы, перспективы экономического роста Африки остаются значительными. Инвестиции в инфраструктуру, развитие обрабатывающей промышленности и цифровой экономики могут стать драйверами трансформации. Социальная сфера также демонстрирует положительную динамику – растут инвестиции в образование, здравоохранение и социальное обеспечение, что ведет к постепенному повышению качества жизни.

На международной арене Африка имеет все шансы укрепить свои позиции. Экономический рост и демографический потенциал позволяют континенту играть более значимую роль в решении глобальных проблем, от изменения климата до устойчивого развития. Ключевым фактором успеха станет способность африканских стран творчески адаптировать лучшие мировые практики, включая китайский опыт, с учетом собственной специфики и потребностей.

Китайская модель развития предлагает африканским странам ценный набор инструментов и принципов, однако их эффективное применение требует глубокой адаптации к местным условиям. Это сложный, но потенциально высокоэффективный путь модернизации, сочетающий достижения глобального опыта с национальной спецификой. Успешные примеры Эфиопии и Кении показывают, что при грамотном подходе африканские страны могут достичь значительных результатов в экономическом развитии и улучшении качества жизни населения.

Литература

1. 外交部：不断擦亮中非高质量共建“一带一路”金字招牌 [Министерство иностранных дел: Постоянно «отшлифовывать» золотую вывеску высококачественного совместного строительства Китая и Африки «Один пояс, один путь»]. Режим доступа: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202408/content_6970909.htm (дата обращения: 30.05.2025)
2. 4.8万公里！我国高铁运营里程再创新纪录[48 тыс. км! Протяженность высокоскоростных железных дорог Китая установила новый рекорд]. Режим доступа: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202501/content_6995868.htm (дата обращения: 30.05.2025)
3. 我国高速公路里程达18.36万公里，2023年增加0.64万公里 [Протяженность скоростных автомагистралей в Китае достигла 183600 км, а к 2023 году она увеличится на 6400 км]. Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIzNzMzOTg4MA==&mid=2247550831&idx=1&sn=eaaef88a1deed3a563f8a974f66914925&chksm=e96aadba7ae5d542c95914df713926310f93d6533d8d8580cc77467b68243a6afdf-c5439e5fe&scene=27 (дата обращения: 30.05.2025)

4. 中国摆脱绝对贫困为世界范围内消除贫困作出历史性贡献 [Китай избежал абсолютной нищеты и внес исторический вклад в искоренение бедности во всем мире.]. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/10/content_5592055.htm (дата обращения: 30.05.2025)
5. 75年，十组数字看教育巨变 [75 лет, десять цифр, демонстрирующих изменения в образовании]. Режим доступа: https://news.eol.cn/yaowen/202410/t20241001_2635633.shtml (дата обращения: 30.05.2025)
6. 程诚. “一带一路”中非发展合作新模式“造血金融”如何改变非洲 [Чэн Чэн. «Один пояс, один путь». Китайско-африканское сотрудничество. Новая модель финансирования: Как изменить Африку] // Издательство Народного университета Китая, 2018. С. 111–120.
7. Ethiopia Country Brief [Краткая информация о Эфиопии]. Режим доступа: https://media.afreximbank.com/afrexim/Ethiopia-Country-Brief_2024.pdf (дата обращения: 30.05.2025)
8. 中肯基础设施合作结出累累硕果（共建“一带一路”·第一现场）[Сотрудничество Китая и Кении в сфере инфраструктуры дало плодотворные результаты (совместное строительство «Одного пояса и одного пути»)]. Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-04/03/nw.D110000renmrb_20240403_1-03.htm (дата обращения: 30.05.2025)
9. Африка в условиях формирования полицентричного мира / Отв.ред. Волков С.Н., Дейч Т.Л., Ненасhev С.В. М.: Институт Африки РАН, 2020. 360 с.
10. 宋微. 共建中非命运共同体研究 [Сун Вэй. Исследование по созданию китайско-африканского сообщества с общим будущим] // 中国出版集团 (China Publishing Group). Пекин. С. 134–139.

CHINESE MODEL OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS OF ITS ADAPTATION BY AFRICAN COUNTRIES

Samsonov M.M.

Moscow State University named after. M.V. Lomonosov

The article examines the prospects and challenges of adapting the Chinese model of development in African countries. It analyses key differences between the political systems, cultural characteristics and social structures of China and African states, which create significant obstacles to the direct transfer of Chinese experience. Particular attention is paid to the challenges of political instability, ethno-cultural diversity and traditional social structures in Africa that complicate the implementation of long-term development strategies. Despite these challenges, the authors note the significant potential of applying some elements of the Chinese model, especially in the areas of infrastructure construction, industrial development and social policy. The importance of adapting the Chinese experience to

local specifics is emphasised. The article also considers external factors affecting the process of modernisation of African economies, including geopolitical competition and global economic trends. With a flexible approach and consideration of national peculiarities, African countries can make significant progress in economic development and strengthen their position in the international arena using the best practices of the Chinese model combined with local traditions and institutions.

Keywords: China, Africa, Chinese model, economy, politics, development, One Belt, One Road.

References

1. 外交部：不断擦亮中非高质量共建“一带一路”金字招牌 [Ministry of Foreign Affairs: Continuously polish the golden signboard of China-Africa high-quality joint construction of the “Belt and Road”]. Available at: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202408/content_6970909.htm (Accessed on 30 May 2025)
2. 4.8万公里！我国高铁运营里程再创新纪录[48,000 kilometers! China's high-speed rail operating mileage sets a new record]. Available at: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202501/content_6995868.htm (Accessed on 30 May 2025)
3. 我国高速公路里程达18.36万公里，2023年增加0.64万公里 [China's expressway mileage reaches 183,600 kilometers, with an increase of 6,400 kilometers by 2023]. Available at: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzIzNzMzOTg4MA==&mid=2247550831&idx=1&sn=eaaf88a1deed3a563f8a974f66914925&chksm=e96aadba7ae5d542c95914df713926310f93d6533d8d8580cc77467b68243a6afdfc5439e5fe&scene=27 (Accessed on 30 May 2025)
4. 中国摆脱绝对贫困为世界范围内消除贫困作出历史性贡献 [China's escape from absolute poverty has made a historic contribution to poverty eradication worldwide]. Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/10/content_5592055.htm (Accessed on 30 May 2025)
5. 75年，十组数字看教育巨变 [75 years, ten sets of figures show the great changes in education]. Available at: https://news.eol.cn/yaowen/202410/t20241001_2635633.shtml (Accessed on 30 May 2025)
6. 程诚. “一带一路”中非发展合作新模式“造血金融”如何改变非洲 [Cheng Cheng. How does the new model of China-Africa development cooperation, “hematopoietic finance”, change Africa under the Belt and Road Initiative?] // Renmin University, 2018. Pp. 111–120.
7. Ethiopia Country Brief. Available at: https://media.afreximbank.com/afrexim/Ethiopia-Country-Brief_2024.pdf (Accessed on 30 May 2025)
8. 中肯基础设施合作结出累累硕果（共建“一带一路”·第一现场） [China-Kenya infrastructure cooperation has yielded fruitful results (jointly building the “Belt and Road”)]. Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2024-04/03/nw.D110000renmrb_20240403_1-03.htm (Accessed on 30 May 2025)
9. Africa in the context of the formation of a polycentric world / Eds. Volkov S.N., Deich T.L., Nenashev S.V. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2020. 360 p.
10. 宋微. 共建中非命运共同体研究 [Song Wei. Research on building a China-Africa community with a shared future] // 中国出版集团 (China Publishing Group). Beijing. Pp.134–139.

Влияние российско-украинского конфликта на ситуацию на Корейском полуострове

Тянь Шуци,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Амиантова Ирина Сергеевна,

к.п.н., доцент кафедры публичной политики и истории государства и права ЮИ, РУДН

В статье рассмотрены направления влияния российско-украинского конфликта на ситуацию, происходящую на Корейском полуострове. Тема является актуальной в связи с повышением напряжения на международной арене и ухудшением отношений между рядом стран. Необходимо определение взаимосвязи конфликтов между одними странами и отношений между другими. Цель исследования – определение влияния российско-украинского конфликта на отношения стран Корейского полуострова. Для достижения цели использованы теоретические методы анализа, синтеза и обобщения, изучены работы российских и зарубежных авторов, информационные и новостные порталы, содержащие актуальную информацию об СВО и ситуации на Корейском полуострове. В результате установлено, что российско-украинский конфликт в значительной степени повлиял на проблемы в отношениях Северной Кореи и Южной Кореи. Сделан вывод о том, что начало специальной военной операции привело к обострению «ядерной» проблемы, увеличению политического противостояния, принятию разных сторон в российско-украинском конфликте. Следовательно, конфликты между двумя странами оказывают непосредственное влияние на международную обстановку в целом.

Ключевые слова: российско-украинский конфликт; Корейский полуостров; проблемы отношений Северной Кореи и Южной Кореи; ситуация в Северо-Восточной Азии; международная обстановка.

Введение

Актуальность исследования обусловлена напряженной международной обстановкой после начала вооруженного противостояния между Россией и Украиной. Как показывает исторический опыт, все события, происходящие на международной арене, связаны между собой. Большая часть конфликтов, происходящих в мире, оказывает влияние не только на те страны, которые выступают друг против друга открыто, но и любые государства, так или иначе сотрудничающие с ними.

Россия поддерживает отношения со многими странами, в том числе с государствами, расположенными в Северо-Восточной Азии. Обострение российско-украинского конфликта и начало специальной военной операции вызвали различные реакции у представителей разных государств. В том числе страны Корейского полуострова приняли стороны различных участников конфликта.

Цель исследования – определить влияние российско-украинского конфликта на отношения стран Корейского полуострова.

Для достижения цели поставлен ряд задач:

- раскрытие особенностей российско-украинского конфликта;
- изучение ситуации в Северо-Восточной Азии;
- выявление проблем в отношениях между Северной Кореей и Южной Кореей;
- определение направлений и степени влияния российско-украинского конфликта на ситуацию на Корейском полуострове.

Анализ ситуации на Корейском полуострове позволит определить взаимосвязь отношений Северной и Южной Кореи с конфликтом между Россией и Украиной, а также определить перспективы развития данных отношений. Необходимо сделать выводы о влиянии одних конфликтов на обострение проблем в других странах.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования использованы такие теоретические методы, как анализ, синтез и обобщение, которые позволили изучить особенности отношений между различными странами, проанализировать современную обстановку на мировой арене, сделать выводы о взаимосвязи отношений Россия – Украина и Республика Корея – КНДР.

Изучены работы таких российских и зарубежных специалистов, как В.Н. Чернега, Е.В. Гамерман, К.А. Никитин, М. Hess и др. А также проведен анализ новостных и информационных порталов, отслеживающих ситуацию на Корейском полуострове и Украине.

Результаты и обсуждение

Одним из наиболее ярких конфликтов, существующих в настоящее время, является вооруженное противостояние Российской Федерации и Украины. Начало специальной военной операции в 2022 г. было связано с целым рядом причин. Одной из них явилось присоединение Крыма к России в 2014 г., которое не было принято большой

частью мирового сообщества, в том числе и многими жителями Украины. Провозглашение Донецкой и Луганской народных республик, начавшиеся бои на Донбассе, также способствовали ухудшению взаимоотношений между двумя странами. На Украине стало развиваться антироссийское настроение, появилось множество националистов, стремящихся создать «гражданскую нацию».

Обращение глав ДНР и ЛНР за помощью к России из-за обострения конфликта с Киевом, «геноцида» по отношению к местным жителям, вынудило президента страны принять решение о начале специальной военной операции. Цели СВО заключаются в демилитаризации и денацификации Украины, полноценном признании автономности Донецкой и Луганской народных республик [9]. Российско-украинский конфликт принял форму вооруженного столкновения, что привело к напряжению отношений и с другими странами.

Данный конфликт негативно сказался на всей международной обстановке. Ухудшились отношения России с США, странами Запада, Японией, которые достаточно активно поддерживают Украину и не признают требования РФ. В особенности необходимо обратить внимание на влияние данного конфликта на ситуации в Северо-Восточной Азии.

Отношения между странами в данном регионе давно являются напряженными. Отношения между Японией и Северным Китаем, Северной и Южной Кореей, Дальним Востоком России являются достаточно сложными. Россия и Китай активно поддерживают КНДР, Япония, совместно с США, находится на стороне Республики Корея. Часть территорий, таких как острова Сенкаку (Дяоюйдао), архипелаг Токто (Такэсима), **Курильские острова, являются спорными и приводят к новым конфликтным ситуациям.**

Уникальность конфликтов, большое количество территориальных споров между странами, приводят к явным угрозам безопасности. В большинстве стран происходят военные учения, осуществляется реформирование вооруженных сил, разрабатываются военные программы. В результате существует угроза не только региональной, но и мировой безопасности. Следовательно, ситуация в Северной Азии негативно сказывается на мировой обстановке. Кроме того, страны региона привлекают союзников по всему миру, ища финансовой, политической, военной поддержки, что, в ряде случаев, приводит к возникновению конфликта интересов между такими лидерами, как Россия и США.

Одной из актуальных угроз является ракетно-ядерная программа, реализуемая в Северной Корее [1]. Наличие ядерного оружия в стране и стабильный рост численности боеголовок, вызывают опасение ряда стран, в первую очередь США и Японии, стремящихся не признавать статус КНДР, как ядерной державы. В особенности наличие ядерного оружия у соседей волнует Южную Корею, в отношениях с которой существует целый ряд проблем.

Корейский полуостров является одной из «болевых точек» уже несколько десятилетий. Проблемы в отношениях между Северной и Южной Кореей начались после завершения Второй мировой войны. Несмотря на то, что жители обеих республик по настоящее время считают себя единым народом, разница во взглядах на севере и юге страны привела к расколу полуострова. В 1948 г. были провозглашены Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая республика. Социально-политический строй в данных странах значительно отличался, что привело к началу войны в 1950-х гг. Противостояние длилось долгие годы, только в начале 1990-х гг. республики пришли к мирному соглашению, стали налаживать отношения по различным направлениям.

В 2018 г. была проведена торжественная церемония «соединения железных и автомобильных дорог Севера и Юга» [3]. Но мирное сосуществование длилось не долго, в начале 2020-х гг., проблемы в отношении Северной и Южной Кореи вновь обострились. Это привело к тому, что в 2022 г. страны долгое время «обменивались ракетными пусками» [8].

Угрозы стран безопасности друг друга, наличие ядерного оружия у КНДР, большое количество взаимных претензий и другие проблемы, негативно сказываются не только на ситуации в регионе, но и на международной обстановке. В конфликт между странами втянуты и другие государства, такие как Япония, США, Китай, России и т.д.

Россия долгие годы сотрудничает и с Северной Кореей и с Южной Кореей по различным направлениям: политика, экономика, культура, туризм и т.д. В 2024 г. был заключен «Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР» [2], подразумевающий выстраивание межгосударственных отношений, устремленных в будущее. Но обострение российско-украинского конфликта привело к напряженности в отношениях между Россией и странами корейского полуострова, а также к увеличению противостояния между Республикой Корея и КНДР.

Если в последние годы РК стремилась наладить отношения с Россией, а также ослабить противостояние «Южного» треугольника (РК – Япония – США) и «Северного» (КНДР – Китай – Россия). То после обострения русско-украинского конфликта, руководство страны изменило свое мнение и примкнуло к санкциям против РФ. С 2023 г. Южная Корея отказалась принимать участие в европейских санкциях, но взамен разработала свои. В настоящее время список товаров, которые требуют специальных разрешений для экспорта в Россию, содержит более 1000 позиций [6].

В то же время развивается сотрудничество РК и Украины. С момента начала специальной военной операции Южная Корея активно поставляет гуманитарную и мирную помощь на Украину. В последние годы руководство страны также рассматривает вопрос о согласии на прямые поставки летального вооружения, что ранее отвергалось из-за законов страны [4]. Одной из причин изменения мнения является укрепление отношений КНДР и России после подписания договора о стратегическом партнерстве.

Северная Корея при этом остается активным партнером РФ и поддерживает специальную военную операцию. КНДР официально признала на международном уровне Донецкую и Луганскую республики, выразило несогласие с санкциями против России. Как отметил К. Амосов (ведущий сотрудник Центра корейских исследований), КНДР на данный момент является единственным государством, отправившим на фронт свою армию. Северная Корея продолжает сотрудничать с Россией по различным направлениям, в том числе осуществлять поставки вооружения, например, снаряды ЧВК «Вагнер» [7].

Поддержка разных сторон в российско-украинском конфликте привела к обострению проблем в отношениях между Северной и Южной Кореей. Растет военная напряженность, проводятся постоянные «перестрелки», учения, пополнение и переподготовка армий. Южная Корея уверена, что КНДР теперь не откажется от ядерного оружия, так как пример конфликта между Россией и Украиной укрепляет желание иметь возможность отстаивать свои интересы.

В РК все чаще ведется обсуждение «без ядерного статуса». Представители различных партий в Сеуле схо-

дятся на том, что США и Европа, отказавшись поставить на Украину ядерное оружие и запретив его разработки, предали своего союзника. Отсутствие такого вооружения повысило вероятность нападения России и снижает безопасность страны. Южная Корея в данной ситуации сопоставляет себя с Украиной, большая часть жителей страны (по результатам опросов) считает, что республике необходима собственная ядерная бомба. Граждане уверены, что ядерное оружие поможет укрепить позиции в случае военного нападения со стороны Северной Кореи или Китая.

С момента обострения российско-украинского конфликта, проблема «ядерного вопроса» в отношениях Северной Кореи и Южной Кореи значительно обострилась. Вопрос об отказе КНДР от ядерного оружия, обсуждаемый в последние годы во всем мире, был отодвинут на второй план. В 2017 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию об ужесточении санкций против Северной Кореи за проведение ядерных испытаний. Но в 2022 г. Китая и Россия наложили вето на данный документ. Противостояние данных стран с США и Западом оказалось сильнее «совместного осуждения КНДР».

В ответ на поддержку Россией Северной Кореи РК присоединилась к США и их ближайшим союзникам. Несмотря на то, что руководство страны стремится поддерживать мирные отношения со всеми странами, в том числе и с Россией и с КНДР, российско-украинский конфликт привел к изменению настроений по отношению к двум данным странам.

Позиция «ядерного государства» у Северной Кореи в ситуации российско-украинского конфликта вызывает все больше опасений. Возможность переговоров между двумя странами в настоящее время достаточно низкая. Администрация президента Южной Кореи делает упор на «безопасность через силу» и стремится укрепить свои военные позиции, а не проводить совместный саммит и налаживать добрососедские отношения [10].

В 2025 г. были возобновлены артиллерийские учения, прерванные в 2018 г. 18–19 июня были проведены подобные учения в Южной Корее на полигоне, находящемся на границе с соседним КНДР. Также 18 июня Южная Корея приняла участие в воздушных акваториях Японского моря, совместно с США и Японией. В ответ на активные учения, проводимые республикой Корея, КНДР осуществило запуск нескольких ракет из РСЗО на полигоне, расположенном рядом с Пхеньяном. Ракеты были запущены в направлении Желтого моря и пролетели несколько десятков километров [5].

Необходимо отметить, что российско-украинский конфликт негативно сказался на экономике Южной Кореи. Присоединение к Западу и США в отношении санкций против России, привело к тому, что многие предприятия в республике стали терпеть убытки из-за разрыва контрактов с РФ. Многие заводы, открытые в России за последние десятилетия были проданы или ликвидированы, что привело к значительным финансовым потерям [11]. Несмотря на то, что в Сеуле был принят ряд мер по компенсации потерь, вызванных антироссийскими санкциями, в том числе масштабный выход на западные и американские рынки, потеря поддержки России привела к инфляции и энергетическому кризису.

Анализируя различные источники, можно сделать вывод о том, что в ситуации обострения российско-украинского конфликта, Южная Корея негативно относится к укреплению сотрудничества между Северной Кореей и Россией. Заключение договора о стратегическом партнерстве, подразумевающим, в том числе, полноценное военное сотрудничество, привело к опасениям со стороны руководства РК. Они связаны в первую

очередь с передачей КНДР передовых военных технологий, способных укрепить мощь государства. В настоящее время одним из условий поддержания мирных отношений между Южной Кореей и Россией является запрет на данное действие. В ответ на него Россия требует отказа от поставок вооружения на Украину.

Специальная военная операция – открытое столкновение России и Украины, привела к тому, что Северная Корея и Южная Корея стали сравнивать свои проблемы с российско-украинским конфликтом. Руководство обеих стран ищет возможности укрепления своей военной мощи, проводит учения, разрабатывает новые программы. Любые действия, предпринимаемые одной из стран в отношении военной силы, мгновенно вызывают аналогичный ответ другой. Каждая ищет могущественных союзников для поддержки в случае военного положения на Корейском полуострове. Северная Корея укрепляет отношения не только с Россией, но и с Китаем, также находящимся в Северо-Восточной Азии. В свою очередь Южная Корея стремится создать альянс с Японией, несмотря на наличие ряда исторических и территориальных проблем, а также активно пользуется поддержкой США.

Таким образом, мирное сосуществование двух стран, являвшихся ранее одним единым народом, оказывается под большим вопросом. Попытки наладить отношения, объединить усилия для всестороннего развития Корейского полуострова, оказываются безрезультатными. Российско-украинский конфликт привел к обострению отношений и появлению новых проблем. Все это может привести к тому, что на Корейском полуострове также начнется активное военное противостояние, вместо холодной войны, набирающей обороты уже сейчас.

Заключение

В ходе изучения ситуации в Северо-Восточной Азии, особенностей российско-украинского конфликта, проблем в отношениях между Северной Кореей и Южной Кореей, можно сделать вывод о том, что открытое противостояние между Россией и Украиной оказало значительное влияние на обострение отношений на Корейском полуострове. После начала специальной военной операции между севером и югом появились новые причины для противостояния.

Страны полуострова стали в определенной степени сопоставлять себя с участниками российско-украинского конфликта и вновь задумались о военном противостоянии. Возобновились военные учения, появились поводы для «перестрелки», особое внимание стало уделяться подготовке и переподготовке армии. Обострилась «ядерная» проблема. Северная Корея, несмотря на запреты и санкции со стороны США и Запада, стремительно увеличивает запасы ядерного оружия и проводит его испытания. Южная Корея активно обсуждает вопрос о приобретении ядерного оружия и ухода от статуса «без ядерного государства».

Кроме того, РК и КНДР оказались «по разные стороны баррикад» из-за поддержки различных сторон в российско-украинском конфликте. Южная Корея ищет поддержки у США для экономического развития после введения санкций против РФ, а также военной поддержки в случае обострения конфликта с Северной Кореей. Поэтому государство поддерживает Украину, оказывая гуманитарную помощь и обдумывая решение об открытой продаже летального оружия. КНДР полностью поддерживает Россию, оказывая политическую помощь и осуществляя поставки вооружения. Кроме того, Северная Корея стала единственной страной, принявшей

непосредственное участие в военной операции, отправив на фронт своих солдат.

Перемирие, начавшееся несколько десятилетий назад, оказалось под угрозой. Все чаще звучат выстрелы различных орудий, проводятся учения на границе с соседями, вкладываются средства в развитие военной техники и технологий. Объединение стран и даже проведение совместного саммита для установления добрососедских отношений уже не обсуждается. Из-за российско-украинского конфликта вновь появился риск открытого военного противостояния Северной и Южной Кореи.

Таким образом, конфликты между двумя странами из-за территориальных или политических споров приводят к негативным последствиям на международной арене в целом. Противостояние одних государств приводит к обострению отношений между другими и даже расколу мирового сообщества в целом. Следовательно, необходимо минимизировать «частные» конфликты для того, чтобы сохранить «мир во всем мире» и обеспечить безопасность человечества.

Литература

1. Гамерман Е.В. Угрозы военной безопасности в Северо-Восточной Азии на современном этапе // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2022. № 75. С. 96–105.
2. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской народно-демократической республикой // Министерство иностранных дел России. 2024. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (дата обращения: 24.06.2025)
3. История конфликта между КНДР и Южной Кореей // РИА Новости. 2020. – URL: <https://ria.ru/20200616/1572992265.html> (дата обращения: 24.06.2025)
4. Минобороны Республики Корея опровергло данные о рекордных поставках снарядов на Украину // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19455071> (дата обращения: 24.06.2025)
5. Напряженность на Корейском полуострове: при чем здесь Россия? // Проект «Рыбарь». 2025. – URL: https://rybar.ru/napryazhennost-na-korejskom-poluostrove-pri-chem-zdes-rossiya/?ysclid=mc8vokgo4f277290529&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 25.06.2025)
6. Никитин К. А. В поисках баланса интересов: позиция Республики Корея в контексте украинского кризиса // РСМД. 2024. – URL: https://russian-council.ru/blogs/NSO_MGIMO/v-poiskakh-balansa-interesov-pozitsiya-respubliki-koreya-v-kontekste-u/?ysclid=mc8vor3owf631374842 (дата обращения: 25.06.2025)
7. Рязанов С. Как пересеклись пути РФ и КНДР // Аргументы недели. 2025. – URL: <https://argumenti.ru/interview/2025/06/954200?ysclid=mc8vp9u95k121902819> (дата обращения: 24.06.2025)
8. Торин А. Корейский полуостров в контексте российской специальной операции на Украине // Международная жизнь. 2022. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36418?ysclid=mc8vpdegke100377254> (дата обращения: 25.06.2025)
9. Чернега В.Н. Конфликт на Украине: причины, перспективы урегулирования // АПЕ. 2020. № 2. С. 42–67.
10. Яшлавский А. Раскрыто влияние украинского конфликта на Корейский полуостров: «Пора обзаводиться бомбой» // Московский комсомолец. 2022. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/07/27/raskryto-vliyanie-ukrainskogo-konflikta-na-koreyskiy-poluostrov-pora-obzavoditsya-bomboy.html?ysclid=mc8voh131s180891554> (дата обращения: 24.06.2025)
11. Hess M. Two Years into the Ukraine War: The Impact on Korea. // KEI. 2024. – URL: <https://keia.org/the-peninsula/two-years-into-the-ukraine-war-the-impact-on-korea> (дата обращения: 26.06.2025)

THE IMPACT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT ON THE SITUATION ON THE KOREAN PENINSULA

Tian Shuqi, Amiantova I.S.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the directions of influence of the Russian-Ukrainian conflict on the situation occurring on the Korean Peninsula. The topic is relevant due to increased tension in the international arena and deterioration of relations between a number of countries. It is necessary to determine the relationship between conflicts between some countries and relations between others. The purpose of the study is to determine the impact of the Russian-Ukrainian conflict on relations between the countries of the Korean Peninsula. To achieve the goal, theoretical methods of analysis, synthesis and generalization were used, the works of Russian and foreign authors, information and news portals containing up-to-date information about the Northern Military District and the situation on the Korean Peninsula were studied. As a result, it was established that the Russian-Ukrainian conflict significantly influenced the problems in relations between North Korea and South Korea. It is concluded that the start of a special military operation led to an aggravation of the “nuclear” problem, an increase in political confrontation, and the acceptance of different sides in the Russian-Ukrainian conflict. Consequently, conflicts between two countries have a direct impact on the international situation as a whole.

Keywords: Russian-Ukrainian conflict; Korean Peninsula; problems of relations between North Korea and South Korea; the situation in Northeast Asia; international situation.

References

1. Gamerman E.V. Threats to military security in North-East Asia at the present stage // Vestn. Volume. state un-ta. Story. 2022. No. 75. pp. 96–105.
2. Agreement on a comprehensive strategic partnership between the Russian Federation and the Democratic People's Republic of Korea // Ministry of Foreign Affairs of Russia. 2024. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546/ (access date: 06/24/2025)
3. History of the conflict between the DPRK and South Korea // RIA Novosti. 2020. – URL: <https://ria.ru/20200616/1572992265.html> (access date: 06.24.2025)
4. The Ministry of Defense of the Republic of Korea denied data on record deliveries of shells to Ukraine // TASS. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19455071> (access date: 06.24.2025)
5. Tension on the Korean Peninsula: what does Russia have to do with it? // Project “Fisherman”. 2025. – URL: https://rybar.ru/napryazhennost-na-korejskom-poluostrove-pri-chem-zdes-rossiya/?ysclid=mc8vokgo4f277290529&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (date access: 06/25/2025)
6. Nikitin K.A. In search of a balance of interests: the position of the Republic of Korea in the context of the Ukrainian crisis // RIAC. 2024. – URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/v-poiskakh-balansa-interesov-pozitsiya-respubliki-koreya-v-kontekste-u/?ysclid=mc8vor3owf631374842 (date of access: 06/25/2025)
7. Ryazanov S. How the paths of the Russian Federation and the DPRK crossed // Arguments of the week. 2025. – URL: <https://argumenti.ru/interview/2025/06/954200?ysclid=mc8vp9u95k121902819> (access date: 06.24.2025)

8. Torin A. The Korean Peninsula in the context of the Russian special operation in Ukraine // International Life. 2022. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36418?ysclid=mc8vpdeg-ke100377254> (access date: 06.25.2025)
9. Chernega V.N. Conflict in Ukraine: causes, prospects for resolution // APE. 2020. No. 2. pp. 42–67.
10. Yashlavsky A. The influence of the Ukrainian conflict on the Korean Peninsula is revealed: “It’s time to get a bomb” // Moskovsky Komsomolets. 2022. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/07/27/raskryto-vliyanie-ukrainskogo-konflikta-na-koreyskiy-poluostrov-pora-obzavoditsya-bomboy.html?ysclid=mc8voh131s180891554> (access date: 06/24/2025)
11. Hess M. Two Years into the Ukraine War: The Impact on Korea. // KEI. 2024. – URL: <https://keia.org/the-peninsula/two-years-into-the-ukraine-war-the-impact-on-korea> (дата обращения: 26.06.2025)

Процессы согласования внешнеполитических позиций Китая и стран Евразийского экономического союза: институциональные аспекты

Гун Тинтин,

соискатель научной степени кандидата политических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: Guntintin5919@gmail.com

В статье исследуется ключевая роль политических институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в организации диалога и согласования позиций с Китайской Народной Республикой (КНР) по актуальным международным вопросам. Автор подчеркивает, что изначально экономическая интеграция в рамках ЕАЭС приобретает все более значимое политическое измерение, особенно во внешних сношениях. Центральное внимание уделяется работе наднациональных структур ЕАЭС, прежде всего Высшего Евразийского экономического совета и Евразийской экономической комиссии, в формировании единой стратегии взаимодействия с Китаем как стратегическим партнером и глобальным игроком. Анализируется комплексный подход институтов ЕАЭС к координации позиций государств-членов по широкому спектру вопросов, включая энергетику (балансирование традиционных ресурсов и «зеленой» повестки), международные финансы (укрепление единого пространства, взаимодействие с китайскими инициативами), цифровую экономику (регулирование, стандарты, безопасность), логистику (проекты «Пояса и пути»), экологию, научно-техническое сотрудничество и даже космическую сферу.

Ключевые слова: АЭС, Китай, политические институты, международная координация, геополитика.

Введение

Евразийский экономический союз изначально задумывался как интеграционная структура, способная объединить экономические, политические и социальные интересы входящих в него государств на новом уровне развития. Он формировался под влиянием множества факторов и исторических предпосылок, связанных и с процессом глобализации, и с общемировыми трендами в области торгово-экономического сотрудничества. Изначально перед его учредителями стояла задача не только создать единый рынок, но и назначить институты, отвечающие за координацию разных направлений взаимодействия. Однако в современных условиях роль этих институтов выходит далеко за пределы внутренней политики союза, так как приходится учитывать необходимость выстраивания связей с ключевыми партнерами за пределами Евразийского пространства. Именно в этом контексте China, как стратегический игрок, становится одной из приоритетных сфер внимания со стороны руководящих органов ЕАЭС. Диалог со столь мощным экономическим и политическим партнером требует особого формата договоренностей и постоянного обмена мнениями, чтобы не только укреплять торговые связи, но и согласовывать позиции по стратегическим вопросам мировой повестки. Так формируется особое поле взаимодействия: политические институты ЕАЭС стараются скоординировать действия союзных государств, стремясь выступать единым фронтом в диалоге с Китаем, а Китай, в свою очередь, стремится максимально эффективно использовать возможности интеграции в регионе. Все это требует тонкой дипломатической настройки механизмов принятия решений и выработки решений, которые были бы приемлемы для всех сторон, включая как государства-члены союза, так и Пекин. Завершая обзор общего положения, можно сказать, что политическое измерение здесь не менее значимо, чем экономическое, поскольку именно политика задает рамки сотрудничества и определяет стратегическую направленность диалога.

ЕАЭС как несколько более молодое и динамично развивающееся объединение стремится обеспечить себе вес на международной арене в том числе и за счет соглашений с мировыми лидерами [7]. Политические институты этого союза, включая Высший Евразийский экономический совет и Евразийскую экономическую комиссию, обладают мандатом на формирование общей политики в отношении третьих стран и регулирующих международных структур. Они формируют комплексный подход к таким вопросам, как тарифная и нетарифная политика, защита внутренних рынков, развитие инфраструктуры и логистических сетей, а также координация действий в международных организациях с целью достижения наиболее выгодных условий. Главная трудность при этом заключается в необходимости согласования национальных интересов, связанных не только с экономическим сотрудничеством, но и с вопросами безопасности, культурных обменов, миграции. Последнее особенно важно, учитывая геополитическое расположение стран ЕАЭС и растущую активность Китая в области инвестиций и дипломатического влияния. Такой диалог

оказывает воздействие и на формирование международной повестки, так как мировой порядок все активнее трансформируется и требует новых форматов сотрудничества. Политические институты союза, таким образом, находятся в постоянном поиске баланса между самостоятельностью каждой страны и коллективными интересами.

Материалы и методы исследования

Взаимные интересы в отношениях с Китаем наглядно демонстрируют, что экономический фактор не исчерпывает всей полноты взаимодействия. Хотя крупнейшие совместные проекты, пришедшие из инициативы «Один пояс, один путь», традиционно ассоциируются с глобальными инфраструктурными планами и логистическими коридорами, политический аспект тоже становится все более заметным. Государства-члены ЕАЭС, стремясь обеспечить диверсификацию китайского капитала в своих экономиках, неизбежно вовлекаются в процесс согласования норм и правил, которые должны создать благоприятный инвестиционный климат. При этом сами институты союза обладают лишь определенными полномочиями и зависят от национальных правительств, что зачастую создает сложную конфигурацию принятия решений. Данный комплекс вопросов выходит на международный уровень, поскольку у Китая есть собственные интересы в сфере безопасности и стратегии развития транспортных путей.

Политический уровень взаимодействия становится все более детализированным: в рамках ЕАЭС создаются рабочие группы, проводятся консультации и форумы, ориентированные на развитие диалога с Китаем [3]. Однако чтобы эти процессы приносили конкретные результаты, необходимо четкое понимание статусных полномочий и механизма взаимодействия институтов ЕАЭС с правительствами государств-участников. Этот механизм не всегда прозрачен для внешних наблюдателей, так как часть решений принимается на уровне глав государств, а часть – остается в компетенции структурных подразделений Евразийской экономической комиссии. В то же время, когда речь заходит о выстраивании общей внешней политики, встает вопрос не только о формально закрепленных процедурах, но и о неформальных практиках взаимодействия. Главное, чтобы институты союза могли эффективно агрегировать интересы разных стран, помогая им преодолевать противоречия и находить компромиссные решения. Одновременно в этом процессе все заметнее становится фактор Китая, который вносит свои повестки, связанные с развитием нового шелкового пути, трансграничными инвестициями и вопросами регулирования высокотехнологичных отраслей. Это открывает как новые возможности, так и рождает новые вызовы.

Результаты и обсуждение

Осознавая все эти особенности, политические институты ЕАЭС ведут работу над формированием общей стратегии взаимодействия с Китаем, где ключевым элементом выступает координация на международных площадках. Современный мир характеризуется множеством форумов и организаций, где активно обсуждаются вопросы глобальной стабильности, экономической экспансии и геополитические риски. Перекрестное членство стран в разных интеграционных объединениях требует слаженного подхода, иначе есть риск дублирования усилий или, наоборот, взаимных противоречий. В таких условиях политические институты союза стремятся согласовать позиции государств-членов в отношении крупных международных

вопросов, будь то реформирование мировой торговой системы или механизмы поддержания глобальной и региональной безопасности. Их работа во многом сводится к тому, чтобы формировать единое видение и доносить его до партнеров, включая Китай, который обладает разветвленной сетью контактов и собственными инициативами политического взаимодействия в различных регионах. Необходимо учитывать, что у каждой страны ЕАЭС свои исторические отношения с Китаем, в том числе вопросы, связанные с границами, миграцией, экономическими связями разных масштабов. Поэтому гармонизация позиций и формирование единого фронта действий требует глубины и тщательного анализа каждой конкретной ситуации.

На практике согласование позиций ЕАЭС с Китаем встает во весь рост при обсуждении вопросов, связанных с энергетикой. Китай активно вкладывается в развитие альтернативных источников энергии и в то же время остается крупным потребителем нефти, газа и других ресурсов [12]. Для ряда стран союза, особенно экспортно-ориентированных, это означает необходимость налаживания сбалансированных отношений, позволяющих отвечать на вызовы зеленой повестки, но одновременно сохранять конкурентоспособность традиционного топливного сектора. Важно и то, что Китай активно продвигает в регионах собственные технологии, будь то возобновляемая энергетика или высокоскоростные железные дороги. Этим создаются новые стимулы для совместных проектов, однако необходимы четкие инструменты политической координации, иначе различные интересы, в том числе отраслевых лобби, будут вступать в противоречие. Таким образом, институты союза должны способствовать выработке общей позиции, чтобы каждая страна не вела переговоры с Китаем исключительно на двусторонней основе, а имела за собой поддержку общего механизма принятия решений. Это важно и с точки зрения геополитики, ведь Китай рассматривает евразийское пространство не только как рынок энергоносителей, но и как зону потенциального политического влияния. При этом важная роль отводится дипломатическим контактам на высших уровнях, включающим встречи президентов, министров иностранных дел и других ответственных лиц.

Еще одна сфера, в которой политические институты ЕАЭС и Китай стремятся к гармонизации, – это международные финансовые механизмы. Китай давно проявляет интерес к созданию альтернативных центров финансового влияния, продвигает юань как потенциальную резервную валюту и активно участвует в деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Шанхайской организации сотрудничества и других объединений [2]. ЕАЭС, в свою очередь, встает перед задачей укрепления единого финансового пространства, облегчения трансграничных платежей и создания общих подходов к валютной политике. Хотя создание единой валюты в ЕАЭС пока остается отдаленной перспективой, обсуждаются идеи о более тесном сотрудничестве в сфере банковских услуг и расчетов. Политические структуры союза и соответствующие регуляторы видят в этом шанс усилить глобальные позиции региона, если удастся найти баланс между национальными интересами и необходимостью координации. Вдобавок, выход на китайский рынок и принятие общих стандартов в сфере финансовых операций может открыть перед бизнесом новые возможности. Однако и риски велики, учитывая, что Китай сохраняет жесткий контроль за своим финансовым сектором, и партнеры внутри ЕАЭС могут столкнуться с неопределенностью относительно скорости и направленности китайских реформ. Поэтому окончательная конфигурация финансовых отношений между ЕАЭС и Китаем

будет зависеть от того, насколько качественно институты союза смогут управлять процессом выработки единой позиции.

Политические институты союза при этом выполняют и образовательную функцию: они формируют информационное поле для государств-членов, обеспечивают обмен аналитическими данными, готовят концепции и проекты соглашений, которые впоследствии рассматриваются на уровне глав государств [9]. Сложность в том, что в условиях буквально лавинообразного роста экономических и политических контактов с Китаем отдельные структуры могут упускать возможность реагирования на новые вызовы. Поэтому особую роль играет практика регулярных встреч и консультаций, где представители стран-участниц обсуждают не только достигнутый прогресс, но и возможные конфликты интересов. Несмотря на наличие институциональных механизмов, ни один из участников ЕАЭС не может полностью отказаться от суверенного права вести собственный диалог с Китаем, исходя из национальных приоритетов. Но чем активнее Китай продвигается на запад, тем очевиднее становится необходимость общего подхода к стратегическим вопросам развития инфраструктуры, промышленного сотрудничества и научно-технического обмена. В результате баланс сил постепенно смещается в пользу более интегрированного сценария, который и становится основой политической координации.

При этом нельзя не упомянуть, что определенное место в повестке занимают вопросы оборонной и военной составляющей, хотя формально ЕАЭС не позиционирует себя как военно-политический блок. Однако современные международные отношения трудно отделить от вопросов безопасности. И Китай, и страны ЕАЭС в той или иной форме принимают участие в деятельности других структур, например ОДКБ или ШОС [7]. Дипломатические и политические институты безусловно учитывают статус этих организаций, так как согласованность действий в сфере обороны зачастую идет рука об руку с экономическим сотрудничеством. Сама по себе интеграция в Евразии не может игнорировать проблемы безопасности на границах, кибербезопасности, контроля над вооружениями. Здесь тоже появляется точка взаимодействия с Китаем, который проявляет все больший интерес к стабильности в сопредельных регионах и продвигает собственные инициативы в области безопасности. Хотя прямое военное измерение не входит в компетенцию Евразийской экономической комиссии, политические институты союза вынуждены размышлять о том, какой вклад они могут внести в разработку общей стратегии. В конечном итоге, экономическая безопасность тесно связана с политическими и военными факторами, и успехи в выстраивании диалога с Китаем в этой области могут повлиять и на общий уровень доверия между партнерами.

Социально-культурная компонента сотрудничества тоже приобретает все большее значение. Даже если в центре внимания политических институтов ЕАЭС находятся макроэкономические и политические вопросы, реальная жизнь граждан, трансграничные контакты, образовательные и культурные обмены не остаются без внимания [8]. Китай активно инвестирует в открытие своих культурных центров и институтов, развивает программы обучения китайскому языку и приглашает студентов из стран ЕАЭС в свои университеты. С другой стороны, интерес к языкам и культуре стран ЕАЭС в Китае тоже растет, хотя и не настолько стремительно. Все это способствует созданию более благоприятной обстановки для политических отношений, поскольку взаимное знание культур обеспечивает лучшее понимание потребностей и приоритетов друг друга. Политические ин-

ституты союза могут поддерживать такие инициативы, способствуя формированию общих образовательных программ, упрощению процедуры взаимного признания дипломов, а также стимулировать обмен культурными делегациями. Культурная дипломатия – это еще один канал коммуникации, где стороны могут закреплять политические решения на основе развития дружеских связей между народами. В условиях, когда глобальные политические конфликты осложняют традиционную дипломатию, культурное взаимодействие становится важным ресурсом повышения взаимного доверия.

Формирование общего информационного пространства также становится ключевым аспектом диалога ЕАЭС и Китая. В современных международных отношениях информация – стратегический ресурс, позволяющий не только ретранслировать точку зрения, но и формировать общественное мнение [13]. И Китай, и ЕАЭС понимают, что без эффективной информационной политики добиться долгосрочного успеха в сотрудничестве будет непросто. Информационное взаимодействие охватывает и специализированные СМИ, и академические площадки, и цифровые платформы. Политические институты союза, стремясь создать внутри ЕАЭС некое единое медиапространство, сталкиваются с потребностью согласовать подходы к взаимодействию с китайскими медиа, которые подчинены строгому государственному регулированию и часто продвигают официальную линию Пекина на международной арене. Согласование позиций в информационной сфере может происходить как при помощи совместных медиапроектов, так и через взаимные инвестиции в СМИ, образовательные и культурные площадки. Однако в этом процессе нужно учитывать и вопрос независимости прессы, и интересы национальных медиакомпаний, чтобы избежать монополии информации с одной стороны. Таким образом, перед политическими институтами союза стоит задача выработки прозрачной и гибкой информационной политики, которая позволит, с одной стороны, эффективно взаимодействовать с Китаем, а с другой – сохранять информационную безопасность и национальные интересы.

Динамика такой координации постоянно усложняется еще и потому, что внутри ЕАЭС происходит переформатирование отношений по мере постепенного вхождения новых участников или изменения условий членства. Каждая страна проходит свой путь политического и экономического развития, и при этом все стремятся сохранить суверенные права [1]. В то же время, при участии в масштабных проектах с Китаем, таких как развитие транспортных коридоров, высокоскоростных железных дорог, совместных промышленных зон, страны оказываются в ситуации, когда им критически важна поддержка союзных институтов. Если когда-то национальные регуляторы могли самостоятельно выстраивать отношения с Китаем, то сейчас, при наличии наднациональных структур, возникает вопрос подотчетности и единых правил. С точки зрения долгосрочной перспективы, формирование единых стандартов в инвестиционной деятельности, индустриальной кооперации и таможенном регулировании может оказаться крайне полезным для всего союза, так как обеспечивает предсказуемость и защищенность интересов всех сторон. Но для этого нужна политическая воля стран-участниц, их готовность передавать часть полномочий наднациональным органам, что зачастую сопровождается спорами и необходимостью поисков компромиссов.

Не менее важно понимать, что Китай заинтересован в ЕАЭС не только ради доступа к ресурсам или рынкам, но и как в потенциальном союзнике в глобальных дискуссиях, касающихся реформы международных инсти-

тутов [10]. Сегодня активно обсуждается будущее Всемирной торговой организации, механизм регулирования международных финансовых потоков, вопросы кибербезопасности и технологического суверенитета. Очевидно, что у Китая есть своя повестка в этих сферах, и он ищет партнеров, готовых поддержать его инициативы или хотя бы не препятствовать им. ЕАЭС со своей стороны может стать платформой для выработки консолидированных решений, чтобы выступать единым фронтом на ключевых мировых площадках. При этом политические институты союза должны четко понимать, в чем состоят выгоды для ЕАЭС от такого сотрудничества, и как избежать возможной зависимости от китайской политики. Если диалог будет построен равноправно, с учетом взаимных интересов, то союз и его государства-члены могут усилить свою роль в глобальных делах. Если же произойдет перекос, и будут не до конца учтены национальные приоритеты, то напряженность внутри ЕАЭС может многократно возрасти.

Политические институты призваны в таких ситуациях выступать координатором, обеспечивать связь между национальными правительствами и внешнеполитическими проектами, предлагая согласованные позиции [11]. Зачастую это достигается путем организации специального формата встреч, создании комитетов по взаимодействию с Китаем, проведении экспертных круглых столов. Данные форматы позволяют прорабатывать проблемные вопросы, начиная от технических регламентов и заканчивая политической поддержкой в международных организациях. Ключевым моментом является наличие внятной стратегии, которая бы определяла не только приоритетные направления сотрудничества, но и механизмы адаптации к быстрым глобальным изменениям. Ведь мир находится в состоянии турбулентности: торговые войны, санкционное давление, технологические ограничения, пандемии – все это требует гибких инструментов управления. Со стороны Китая также ощущается постоянное желание найти новые рынки сбыта и партнеров, способных поддержать его политические инициативы. Соответственно, институты ЕАЭС, обладая определенным коллективным потенциалом, могут выступать в качестве того самого «голоса» Евразии, который учитывается в Пекине при долгосрочном планировании.

Многие эксперты подчеркивают, что одним из основных вызовов для принимающих решений институтов остается асимметрия в отношениях с Китаем. Ведь разница в масштабах экономик и политического влияния очевидна: Китай – вторая экономика мира, обладает огромными ресурсами и населением, а ЕАЭС, хотя и объединяет несколько национальных экономик, в совокупности существенно уступает Китаю по ряду показателей [5]. Отсюда вытекает риск того, что китайская сторона может доминировать в отношениях, невзирая на формальное стремление к взаимовыгодности. При этом все страны ЕАЭС по-своему заинтересованы в китайских инвестициях, технологиях и кредитах. Значит, политическим институтам союза нужно не только формально зафиксировать единые принципы сотрудничества, но и отстаивать их, ведя переговоры с Пекином. В противном случае возможно появление скрытых разногласий, когда одни страны активно пользуются китайской помощью для укрепления собственной экономической инфраструктуры, а другие опасаются «завязнуть» в долговой зависимости. Поддержание единства и стабильности внутри ЕАЭС – задача, адресованная именно наднациональным органам, которые должны предлагать решения, устраивающие всех участников.

Также нельзя обойти вниманием тема логистических коридоров и их политического значения. Китай, продвигая

глобальную стратегию «Пояса и пути», выстраивает систему транспортных маршрутов, которые проходят через территорию государств ЕАЭС [6]. Эти коридоры становятся не просто экономическими артериями, но и элементом влияния, поскольку контроль над логистической инфраструктурой дает широкие возможности диктовать условия взаимной торговли и транзита. Евразийские политические институты в ответ пытаются найти баланс интересов, предлагая равномерное распределение экономической выгоды и политических предпочтений. В результате возникает многосторонняя система переговоров, где сходятся интересы государств-членов союза и Китая, а также интересы третьих стран, которым важны устойчивые транспортные пути. Комплексность этих переговоров обуславливает активное участие дипломатического корпуса, профильных министерств и ведомств, экспертов в области международного права, логистики, транспортной инфраструктуры. Именно в ходе таких переговоров и проявляется эффективность или неэффективность политических институтов ЕАЭС как единой площадки для согласования интересов.

Иногда звучат опасения, что излишняя зависимость от китайских кредитов и инвестиций может подорвать суверенитет отдельных стран. Политические институты ЕАЭС стремятся предотвратить подобную ситуацию, разрабатывая механизмы контроля и согласования крупных сделок, а также внимательно изучая условия, связанные с китайскими инвестициями в стратегические отрасли [14]. Тем самым предполагается, что, выступая консолидированным блоком, государства союза могут выработать более выгодные и безопасные для себя условия. При этом они создают долгосрочные гарантии для своей экономической стабильности, не теряя возможности для самостоятельной внешней политики. Экспертное сообщество указывает, что столь сложную задачу невозможно решить без серьезных институциональных реформ, расширения компетенций Евразийской экономической комиссии и повышения уровня взаимодействия между правительствами. Но очевидно, что многое зависит и от наличия политической воли самих глав государств, которые сохраняют решающее слово в вопросах международных соглашений. Для Китая такой формат бы тоже мог оказаться потенциально интересен, так как упрощает переговорный процесс: вместо пяти разных позиций появляется одна, согласованная одновременно с несколькими странами. Тем не менее процесс достижения этой «одной позиции» может быть крайне непростым.

Еще одним направлением, где роль политических институтов ЕАЭС в диалоге с Китаем приобретает все большее значение, является цифровая экономика. Китай лидирует в области цифровых технологий, разрабатывая собственные экосистемы электронной коммерции, электронных платежей и облачных решений [4]. Странам ЕАЭС предстоит решить, каким образом вписать импорт китайских технологий в собственные программы развития, учитывая вопросы кибербезопасности, стандарты обработки данных и защиту персональных сведений. Для этого нужны не только экономические договоренности, но и политические решения, касающиеся правового регулирования, квалификации специалистов, научного сотрудничества и обмена инновациями. Важную роль тут играют совместные исследовательские центры, технологические кластеры и венчурные фонды, деятельность которых должна координироваться на наднациональном уровне. Политические структуры союза могут обеспечить системный подход, помогая избежать фрагментации национальных цифровых рынков и противоречивых регуляторных норм. Однако это предполагает высокий

уровень доверия со стороны государств-членов, которые не всегда готовы делиться стратегическими технологиями или устанавливать на китайские решения. В контексте глобальной конкуренции стран за технологическое лидерство эти вопросы приобретают особую чувствительность.

Выводы

Долгосрочная устремленность на углубление координации с Китаем побуждает государства ЕАЭС расширять спектр своих политических контактов. Постоянные двусторонние визиты руководителей, участие в международных мероприятиях, посвященных интеграции и сотрудничеству, формируют своеобразный пул соглашений, которые нуждаются в согласовании на уровне союзных органов [13]. Политические институты, стараясь упорядочить этот массив договоренностей, разрабатывают комплексные дорожные карты, в которые входят планы по развитию инфраструктуры, научно-технического обмена, культурного взаимодействия и многого другого. Параллельно ведется работа над унификацией стандартов, чтобы товары и услуги стран ЕАЭС могли беспрепятственно выходить на китайский рынок, соблюдая при этом национальные приоритеты. В некоторых случаях политики опираются на опыт Европейского союза и других интеграционных объединений, пытаясь избежать повторения чужих ошибок. Однако у ЕАЭС своя специфика, связанная с географической протяженностью, ресурсной специализацией и политической многообразностью участников. Поэтому решения зачастую принимаются не по лекалу, а с учетом уникальной ситуации. Но в любом случае опыт диалога с Китаем многое дает союзу в плане формирования экспортных стратегий, развития науки и укрепления международного авторитета.

Можно заключить, что роль политических институтов ЕАЭС в выстраивании диалога и координации позиций с Китайской Народной Республикой по ключевым международным вопросам неизмеримо выросла за последние годы. ЕАЭС перестал быть исключительно экономическим проектом и приобрел политическое измерение, которое заставляет государства-члены более тесно взаимодействовать не только в сфере торговли, но и в области внешней и даже военной политики. Именно на уровне наднациональных структур вырабатываются основные принципы сотрудничества, согласовываются национальные интересы и формируются общие подходы к глобальной проблематике. Китай, являясь одним из ведущих мировых игроков, становится для ЕАЭС стратегическим партнером, а местами и соперником, что вынуждает политические институты постоянно адаптировать свое поведение. От сбалансированности подхода ЕАЭС к взаимодействию с Китаем во многом будет зависеть успех интеграционного проекта в целом, его способность конкурировать в быстро меняющемся мире и предлагать своим гражданам стабильную и предсказуемую модель развития.

Литература

1. Цао Х. Евразийский экономический союз и инициативы КНР в области регионального развития // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 6. С. 4–14.
2. Чжоу Ли. Текущая ситуация в китайско-американских отношениях и ее влияние на мир и развитие российско-китайского сотрудничества // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 7 (173). С. 6–13.

3. Назаров М.Д. Россия в доктринальных документах внешнеполитической направленности стран Центральной Азии // Сибирский архив. 2024. № 2 (20). С. 33–38.
4. Аствацатурова М. А., Косов Г.В., Фулинь Я. Китайский партийно-политический дискурс вокруг продления договора России и Китая в контексте построения системы взаимоприемлемых международных отношений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филология. Политология. Культурология. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 82–93.
5. Борко Ю.А. Россия – ЕС: контрасты взаимоотношений // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. № 98. С. 123–129.
6. Ван Л.Л. Гуманитарная стратегия Китайской Народной Республики в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. 2021. № 6. С. 13–25.
7. Козинец А. И., Дмитриева М.О. Меняющийся баланс сил в Евразии и перспективы российско-китайского сотрудничества // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24. № 3. С. 73–88.
8. Литвинова Т.Н. Россия в большом евразийском партнерстве: от цивилизационной теории к политической практике // Право и управление. XXI век. 2020. Т. 16. № 2 (55). С. 33–42.
9. Орлова А. А., Бареев И.Р. Некоторые вопросы развития внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2021. № 24. С. 80–85.
10. Федоренко У.В. Методологические проблемы исследования периферийной дипломатии Китая в евразийском политическом пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 2 (55). С. 371–378.
11. Ефимова Н.А. Выявление приоритетных направлений внешней политики государств – членов Евразийского экономического союза в рамках двустороннего сотрудничества // Вестник университета. 2020. № 1. С. 5–11.
12. Матрешина Д. Е., Марышев А.А. Россия на рубеже смены мирохозяйственных укладов // Управленческое консультирование. 2021. № 8 (152). С. 43–55.
13. Чжао Лу. Внешнеполитическая стратегия Китая в контексте трансформации современного международного порядка // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 6 (70). С. 1911–1918.
14. Архипова В. В., Пантелеев А.А. ЕАЭС и стратегические инициативы КНР в контексте российских реалий // Современная Европа. 2020. № 3 (96). С. 96–107.
15. Бурганова И.Н. Политические аспекты сопряжения проектов экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза для Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 226–231.

PROCESSES OF COORDINATION OF FOREIGN POLICY POSITIONS OF CHINA AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES: INSTITUTIONAL ASPECTS

Gong Tingting
Lomonosov Moscow State University

This article examines the key role of the political institutions of the Eurasian Economic Union (EAEU) in organizing dialogue and aligning positions with the People's Republic of China (PRC) on pressing international issues. The author emphasizes that economic integration within the EAEU is acquiring an increasingly significant political dimension, especially in external relations. Central attention is paid to the work of the EAEU's supranational bodies—primarily the Supreme Eurasian Economic Council and the Eurasian Economic Commission—in formulating a unified strategy for interaction with China as a strategic partner and global actor. The study analyzes the institutions' comprehensive approach to coordinating member states' positions across a wide range of issues, including energy (balancing traditional resources and the "green" agenda), international finance (strengthening the single economic space, engagement with Chinese initiatives), the digital economy (regulation, standards, security), logistics (Belt and Road projects), the environment, scientific and technical cooperation, and even the space sector.

Keywords: EAEU, China, political institutions, international coordination, geopolitics.

References

1. Cao H. Eurasian Economic Union and China's Regional Development Initiatives // *Vestnik of the Volga Institute of Management*. 2023. Vol. 23. No. 6. pp. 4–14.
2. Zhou Li. The Current Situation in Sino-American Relations and Its Impact on Peace and the Development of Russian-Chinese Cooperation // *Economic Strategies*. 2020. Vol. 22. No. 7 (173). pp. 6–13.
3. Nazarov M.D. Russia in the Conceptual Documents of the Foreign Policy Orientation of Central Asian Countries // *Siberian Archive*. 2024. No. 2 (20). pp. 33–38.
4. Astvacaturova M. A., Kosov G.V., Fulun Y. The Chinese Party-Political Discourse on Extending the Russia-China Treaty in the Context of Building a System of Mutually Acceptable International Relations // *Scientific Notes of V.V. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*. 2022. Vol. 8 (74). No. 2. pp. 82–93.
5. Borko Yu.A. Russia – EU: Contrasts in Relations // *European Union: Facts and Comments*. 2020. No. 98. pp. 123–129.
6. Wang L.L. Humanitarian Strategy of the People's Republic of China in Central Asia // *Bulletin of the Tajik National University*. 2021. No. 6. pp. 13–25.
7. Kozinets A. I., Dmitrieva M.O. Changing Balance of Power in Eurasia and Prospects for Russian-Chinese Cooperation // *Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law*. 2022. Vol. 24. No. 3. pp. 73–88.
8. Litvinova T.N. Russia in the Great Eurasian Partnership: From Civilizational Theory to Political Practice // *Law and Management. XXI Century*. 2020. Vol. 16. No. 2 (55). pp. 33–42.
9. Orlova A. A., Bareev I.R. Some Issues of Russia's Foreign Policy Development in Central Asia // *Bulletin of the Public Scientific-Research Laboratory "Interaction of the Penal System with Civil Society Institutions: Historical-Legal and Theoretical-Methodological Aspects"*. 2021. No. 24. pp. 80–85.
10. Fedorenko U.V. Methodological Problems in Studying China's Peripheral Diplomacy in the Eurasian Political Space // *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 2024. Vol. 13. No. 2 (55). pp. 371–378.
11. Yefimova N.A. Identifying Priority Areas of Foreign Policies of EAEU Member States within the Framework of Bilateral Cooperation // *Bulletin of the University*. 2020. No. 1. pp. 5–11.
12. Matreshina D. E., Maryshev A.A. Russia at the Threshold of Changing the World-Economy Orders // *Managerial Consulting*. 2021. No. 8 (152). pp. 43–55.
13. Zhao Lu. China's Foreign Policy Strategy in the Context of the Transformation of the Modern International Order // *Questions of Political Science*. 2021. Vol. 11. No. 6 (70). pp. 1911–1918.
14. Arkhipova V. V., Panteleev A.A. EAEU and China's Strategic Initiatives in the Context of Russian Realities // *Modern Europe*. 2020. No. 3 (96). pp. 96–107.
15. Burganova I.N. Political Aspects of Combining the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union for Russia // *Proceedings of Saratov University. New Series. Sociology. Political Science*. 2022. Vol. 22. No. 2. pp. 226–231.

Китай и Россия в условиях санкций: сравнительный анализ стратегий экономической адаптации

Шэнь Дань,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов
E-mail: 1042238147@pfur.ru

Михайлова Наталья Вячеславовна,

доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов
E-mail: natulya_m@mail.ru

В статье рассматриваются стратегии экономической адаптации Китая и России в условиях внешнеэкономического давления, вызванного международными санкциями. Анализ проводится на основе сопоставления характера санкционного воздействия, институциональных возможностей, а также реализуемых политико-экономических мер в обеих странах. Показано, что Китай выстраивает проактивную модель, основанную на технологическом импортозамещении, стратегической переориентации внешней торговли и усилении внутреннего потребления. В то же время Россия реализует преимущественно антикризисную модель, направленную на стабилизацию макроэкономики, импортозамещение в ключевых отраслях и переориентацию экспортных потоков на «дружественные» рынки. Выявлены различия в роли государства, степени институциональной устойчивости, темпах перестройки внутреннего производства и результативности применяемых инструментов. Работа основана на анализе официальной статистики, научных публикаций и аналитических отчётов международных организаций. Полученные результаты позволяют сделать вывод о разной степени стратегической глубины адаптационных моделей и перспективах экономической устойчивости двух стран в условиях продолжающегося давления.

Ключевые слова: санкции, экономическая адаптация, импортозамещение, Китай, Россия, внешнеэкономическая политика, стратегическая устойчивость.

Введение

В последние десятилетия международные санкции стали важным инструментом экономического и геополитического давления, способным существенно повлиять на макроэкономическую стабильность стран-мишеней. Среди наиболее ярких примеров – Россия, подвергшаяся масштабным ограничительным мерам со стороны западных стран после 2014 г. и особенно после 2022 г., и Китай, столкнувшийся с торговыми войнами, технологическими барьерами и целенаправленными санкциями на фоне нарастающего соперничества с США. Несмотря на различие в политическом и экономическом контексте, обе страны оказались в условиях внешнего давления, требующего масштабной экономической перестройки и поиска новых моделей устойчивого развития.

Актуальность темы обусловлена необходимостью глубокого понимания того, как государства с разной экономической структурой, политическим устройством и уровнем интеграции в мировую экономику адаптируются к санкционным ограничениям. Россия и Китай предоставляют уникальную возможность для сравнительного анализа: в одном случае – страна, ориентированная на экспорт сырья с высокой степенью зависимости от внешних рынков; в другом – индустриальная держава с масштабными инвестициями в технологии и государственным контролем над стратегическими секторами.

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа стратегий экономической адаптации Китая и России в условиях санкционного давления. В фокусе исследования – институциональные механизмы реагирования, меры в области внешней торговли и финансовой политики, а также результаты реализуемых стратегий в среднесрочной перспективе.

Методологически работа основывается на анализе официальных данных (включая отчёты Центрального банка России, Министерства торговли КНР, а также международных организаций – OECD, IMF), публикациях научных журналов, аналитических докладов и кейс-стади крупнейших компаний, подвергшихся санкционному воздействию. Сравнительный подход позволяет выявить как общие элементы стратегий, так и структурные различия в антикризисной политике двух государств.

Санкции и ограничения против России

Санкционная политика в отношении России начала формироваться после событий 2014 года, связанных с присоединением Крыма и вооружённым конфликтом на востоке Украины. Первыми ограничительные меры ввели США, Европейский союз, Канада и ряд других стран. На начальном этапе санкции касались в основном отдельных высокопоставленных лиц, а также определённых государственных компаний и банков. Однако к 2022 г. санкционная архитектура приобрела совершенно иной масштаб и стала носить системный характер [1].

С начала широкомасштабных боевых действий в феврале 2022 г. санкции были значительно расширены как по географическому охвату, так и по глубине. Одним из ключевых направлений стало ограничение доступа

крупнейших российских банков к международной финансовой системе. Несколько системообразующих банков, включая Сбербанк, ВТБ и Газпромбанк, были отключены от системы межбанковских переводов SWIFT, что фактически нарушило их способность проводить операции в долларах, евро и других валютах. Помимо финансовых ограничений, санкции затронули технологическую сферу. Были введены жёсткие ограничения на поставки в Россию передовых технологий, включая полупроводники, вычислительную технику и промышленное оборудование. Это особенно болезненно отразилось на таких отраслях, как автомобилестроение, гражданская авиация и телекоммуникации [3].

Энергетический сектор также оказался под прицелом. Несмотря на сохраняющийся экспорт углеводородов в страны Азии, западные государства ввели эмбарго на поставки российской нефти и нефтепродуктов, а также ограничили поставки оборудования для нефтегазовой отрасли. Значительная часть валютных резервов Центрального банка РФ, находившихся за рубежом, была заморожена. В дополнение к этим мерам свыше тысячи транснациональных компаний приостановили или полностью прекратили деятельность в России, что привело к масштабному оттоку инвестиций и потере технологических партнёров [1, 3].

Санкции и ограничения против Китая

Ситуация с санкционным давлением на Китай носит иной, более постепенный и избирательный характер. Началом активного санкционного противостояния между КНР и западными странами принято считать 2018 г., когда США при администрации Дональда Трампа инициировали серию торговых и технологических ограничений. В отличие от России, санкции против Китая не носят комплексный и обобщающий характер, а преимущественно направлены на конкретные отрасли и компании.

Наиболее острое противостояние развернулось в высокотехнологичном секторе. Американская сторона ограничила доступ китайских компаний к критически важным компонентам, в частности к передовым микросхемам и оборудованию для их производства. Одним из наиболее известных прецедентов стал случай с Huawei, которой запретили использовать американские технологии, включая операционную систему Android, а также закупать чипы, производимые с применением американского оборудования. Аналогичные меры были впоследствии введены в отношении других китайских технологических гигантов, таких как ZTE, DJI и SMIC. Эти санкции привели к существенному пересмотру стратегии развития китайской микроэлектроники и стимулировали рост государственной поддержки сектора.

Помимо технологического давления, Китай столкнулся с тарифной эскалацией: были введены дополнительные пошлины на ряд китайских товаров, включая сталь, алюминий, электронику и телекоммуникационное оборудование.

По оценкам аналитиков, общий объём обложенных пошлинами китайских товаров превысил \$370 млрд, что оказало негативное влияние на экспортную динамику страны, особенно в период 2019–2020 гг. Однако благодаря гибкой торговой политике и углублению экономических связей с государствами Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки, Пекину удалось частично компенсировать потери.

Стоит отметить, что, несмотря на возрастающее напряжение в отношениях с США и их союзниками, Китай не подвергся отключению от глобальных финансовых систем, включая SWIFT, и сохранил возможности при-

влечения инвестиций из большинства стран мира [6]. В то же время в Вашингтоне ведутся активные обсуждения о необходимости «декуплинга» – то есть стратегического экономического отделения от Китая в критически важных отраслях, таких как искусственный интеллект, квантовые технологии и телекоммуникации. Эта тенденция нашла отражение в ужесточении экспортного контроля и введении дополнительных ограничений на инвестиции американских фондов в китайские стартапы [8, 10].

Таким образом, санкционное давление на Китай носит точечный и стратегически избирательный характер, в то время как Россия сталкивается с полномасштабной международной экономической блокадой. Эти различия в природе и масштабах внешнего давления определяют и различия в подходах к адаптации, что требует дальнейшего анализа.

Экономическая стратегия адаптации России

В ответ на беспрецедентное санкционное давление со стороны Запада, Россия реализует многокомпонентную стратегию экономической адаптации, направленную на стабилизацию внутреннего рынка, переориентацию внешнеэкономических связей и развитие внутреннего производства. Российский подход характеризуется в первую очередь антикризисным и мобилизационным характером, акцентом на государственное регулирование и усилением роли бюджетного сектора [1, 5].

В отличие от Китая, чья адаптация носит преимущественно проактивный и долгосрочный характер, Россия действует в условиях форс-мажорного давления, ограниченного временными рамками и внешними обстоятельствами. Тем не менее, наметилась устойчивая тенденция к институциональной адаптации и формированию альтернативной архитектуры экономических связей.

Макроэкономическая стабилизация и контроль капитала

Одной из первых задач после введения масштабных санкций в 2022 г. стала стабилизация финансовой системы. Центральный банк России резко повысил ключевую ставку до 20% в марте 2022 г., одновременно введя контроль над движением капитала и ограничения на покупку валюты. Эти меры позволили оперативно остановить отток капитала, стабилизировать рубль и сохранить ликвидность в банковской системе [5, 8].

Дополнительно был расширен перечень валютных операций, подлежащих обязательной продаже экспортной выручки, а также введены ограничения на дивиденды и вывод прибыли иностранными компаниями. Всё это позволило сохранить резервы и минимизировать финансовую турбулентность в краткосрочной перспективе. При этом Банк России сохранил приверженность инфляционному таргетированию, постепенно снижая ставку в течение 2022 г.

Отдельным направлением стала поддержка банковского сектора: были внедрены меры по докапитализации системообразующих банков, создан механизм отсрочек по долгам для физических и юридических лиц, а также началась работа по ускоренной интеграции с альтернативными платёжными системами – в том числе через национальную систему «Мир» и СПФС (систему передачи финансовых сообщений) [3].

Импортозамещение и промышленная политика

Стратегия импортозамещения была впервые сформулирована в 2014 г., однако с 2022 г. получила системное обновление. Правительство РФ активизировало поддержку ключевых отраслей: машиностроения, электроники,

фармацевтики, пищевой промышленности и логистики. Финансирование программы импортозамещения осуществляется через Фонд развития промышленности, Фонд национального благосостояния и другие государственные институты [2].

Промышленная политика ориентирована на ускоренное развертывание локального производства, в том числе путём приобретения активов иностранных компаний, покинувших российский рынок. Правительство упростило процедуры регистрации и лицензирования, ввело льготное кредитование и субсидии для предприятий, запускающих аналогичную продукцию. В отдельных секторах, таких как пищевая промышленность и лёгкая промышленность, эффект оказался положительным – выросло производство и локализация. Однако в высокотехнологичных отраслях, особенно в микроэлектронике, Россия пока сохраняет высокую зависимость от зарубежных технологий [5, 8].

Особое внимание уделяется параллельному импорту – механизму, легализующему ввоз товаров без официального разрешения правообладателя. Это позволило частично компенсировать дефицит продукции в секторах электроники, автопрома и медицинского оборудования, но также создало риски, связанные с серым рынком и снижением качества [1].

Переориентация внешнеэкономических связей

Один из важнейших векторов адаптации – это геоэкономическая переориентация. После потери значительной части европейского экспорта Россия сосредоточила усилия на наращивании торговли с дружественными странами: Китаем, Индией, Турцией, странами ЕАЭС, Ираном, странами Африки и Юго-Восточной Азии. Уже в 2023 г. Китай стал крупнейшим торговым партнёром России, а доля «дружественных» стран в российском внешнеторговом обороте превысила 75% [2, 9].

Для обеспечения устойчивости расчётов были активизированы механизмы национальных валют: в торговле с Китаем и Индией всё чаще используются юань, рупия и рубль. При этом развивается использование российской платёжной системы «Мир», а также интеграция с китайской CIPS и иранской SEPAM. Это снижает зависимость от доллара и SWIFT, но пока не решает проблему общей фрагментации международных платёжных инструментов [8].

Санкционное давление также стимулировало расширение транспортно-логистических коридоров, таких как Север–Юг, а также развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке и в Арктике. Это открывает возможности для долгосрочной логистической диверсификации, особенно в сотрудничестве с Индией, Ираном и странами Юго-Восточной Азии [9].

Усиление роли государства в экономике

В условиях внешнего давления российское государство усиливает своё присутствие в экономике. Федеральные расходы, в первую очередь в сферах обороны, инфраструктуры и социальной поддержки, становятся ключевым инструментом стимулирования роста. Строительство дорог, газопроводов, модернизация железнодорожной сети и поддержка оборонных предприятий не только смягчают спад, но и создают новые точки роста [1, 2].

Роль государственных корпораций и институтов развития значительно возросла. Такие структуры, как ВЭБ.РФ, Ростех, Росатом и Газпромбанк, активно вовлечены в реализацию проектов замещения и развития ключевых отраслей. Это обеспечивает мобилизацию ресурсов, но также усиливает риски монополизации, сниже-

ния конкуренции и роста зависимости от государственного бюджета [1].

Тем не менее, важной задачей остаётся сохранение предпринимательской активности в частном секторе. Власти внедрились меры по поддержке МСП, включая налоговые льготы, упрощение отчётности и грантовые программы. Однако в условиях санкционного давления и общей неопределённости частный сектор демонстрирует ограниченную активность в капиталоемких отраслях [5].

Экономическая стратегия адаптации Китая

Экономическая адаптация Китая к санкционному и внешнеполитическому давлению представляет собой комплексную, структурно выстроенную стратегию, направленную не только на смягчение текущих внешнеэкономических рисков, но и на создание долгосрочной основы для устойчивого развития и технологической автономии. В отличие от России, которая действует преимущественно в режиме антикризисного реагирования, Китай с начала торговой войны с США в 2018 г. выстраивает последовательную и проактивную экономическую политику, основанную на принципах технологической независимости, диверсификации внешней торговли и усиления роли внутреннего рынка [6, 8].

Политика «двойной циркуляции» как основа стратегического сдвига

Ключевым концептом китайской адаптации стала стратегия так называемой «двойной циркуляции» (dual circulation), впервые озвученная в 2020 г. в рамках 14-го пятилетнего плана. Эта стратегия предполагает, что внутреннее потребление и внутренние производственные цепочки становятся главными драйверами экономического роста (внутренняя циркуляция), тогда как внешняя торговля и инвестиции играют вспомогательную, поддерживающую роль (внешняя циркуляция). Таким образом, Китай стремится к снижению зависимости от нестабильных глобальных рынков, прежде всего от американского и европейского, при одновременном сохранении экспортного потенциала [7, 8].

Стратегия двойной циркуляции стала реакцией на осознание уязвимости Китая в условиях торгового и технологического давления. Она дала старт масштабной перестройке внутреннего рынка, включая развитие внутреннего потребительского спроса, поддержку национальных производителей и стимулирование инноваций в промышленности.

Импортозамещение и локализация технологий

Ответом на технологические санкции со стороны США, в частности ограничения в отношении компаний Huawei, ZTE, SMIC и других, стала активизация политики технологического импортозамещения. Правительство КНР существенно увеличило финансирование НИОКР и вложения в ключевые направления, такие как полупроводники, суперкомпьютеры, телекоммуникации 5G, квантовые технологии и искусственный интеллект [4, 10].

С 2019 г. объёмы государственных субсидий китайским производителям чипов выросли в разы. Ведущие предприятия, включая Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC), получили приоритетный доступ к инвестициям, государственным грантам, налоговым льготам и научной инфраструктуре. Пекин активно развивает систему государственных лабораторий, центров инновационного развития, а также поощряет создание вертикально интегрированных технологических холдингов, способных полностью покрывать внутренний спрос на компоненты [8].

Кроме того, китайские власти внедрили программу так называемого «национального доверенного списка» (indigenous innovation), согласно которой государственные структуры обязаны использовать программное обеспечение и оборудование отечественного производства. Это создает устойчивый внутренний спрос и стимулирует рост локальных технологических компаний [6].

Диверсификация внешнеэкономических связей

Китайская внешнеэкономическая политика в условиях санкционного давления ориентирована не на конфронтацию, а на переориентацию торговых потоков и формирование новых союзов. Одним из центральных направлений стал азиатский регион. Вступление в силу соглашения RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership) в 2022 г. укрепило связи Китая с 14 странами Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Японию, Южную Корею, Австралию и страны АСЕАН [7].

Одновременно Пекин активно продвигает инфраструктурную и торговую инициативу «Один пояс – один путь», направленную на расширение логистических и инвестиционных связей с государствами Центральной Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Это позволяет Китаю компенсировать потери от ограничения западных рынков и закрепить за собой статус глобального промышленного центра [9].

Особое внимание уделяется расширению расчётов в национальных валютах. Китай усиливает использование юаня в двусторонней торговле, особенно с Россией, Ираном, странами Юго-Восточной Азии и Африки. Страна продвигает международное использование своей платёжной системы CIPS как альтернативу SWIFT, что повышает её финансовую независимость [8].

Институциональная устойчивость и гибкое регулирование

Наконец, важным преимуществом Китая в условиях санкционного давления выступает институциональная гибкость и централизованная координация политики. Народный банк Китая сохраняет контроль над движением капитала, что позволяет удерживать курс юаня в стабильных пределах. В условиях внешней нестабильности центральные органы власти применяют адресные меры монетарного стимулирования, такие как снижение ставки резервирования и кредитование приоритетных отраслей [6].

Одновременно проводится структурная поддержка внутреннего потребления. Например, в условиях пандемии и торговых ограничений власти активизировали программу цифрового юаня, обеспечив дополнительную ликвидность для малого и среднего бизнеса, а также стимулировали внутренние закупки за счёт цифровых платформ и субсидий. Такой комплексный подход укрепляет внутреннюю экономику и позволяет сглаживать внешние шоки без серьёзных социальных потрясений [8, 10].

Заключение

Проведённый анализ стратегий адаптации Китая и России к санкционному давлению позволяет сделать ряд ключевых выводов.

Во-первых, стартовые условия и структура экономики оказали значительное влияние на характер и эффективность ответных мер. Китай, обладая масштабной промышленной базой и высоким уровнем технологической самостоятельности, оказался более устойчив к точечным ограничениям. Россия же, чья экономика долгое время была ориентирована на экспорт сырья и импорт

технологий, столкнулась с более болезненными последствиями широкомасштабных санкций.

Во-вторых, стратегии адаптации двух стран различаются по глубине и направленности. Китай реализует проактивную модель, ориентированную на долгосрочное развитие и инновации. Его действия системны и координируются в рамках существующих государственных. В России меры носят преимущественно антикризисный характер, сосредоточены на стабилизации макроэкономики, импортозамещении и переориентации внешнеэкономических связей.

В-третьих, роль государства усилилась в обеих странах, но с разным содержанием. В Китае она опирается на плановую систему и долгосрочное стратегическое управление, в России – на мобилизацию ресурсов и краткосрочные меры поддержки, в том числе через госсектор.

Кроме того, можно отметить, что обе страны стремятся к снижению зависимости от Запада, развивая расчёты в национальных валютах, альтернативные логистические маршруты и партнёрства с странами Глобального Юга. Однако у Китая такие процессы строятся на основе уже существующей глобальной интеграции, тогда как Россия вынуждена формировать новые связи в условиях международной изоляции. Таким образом, опыт Китая демонстрирует преимущество системного, научно обоснованного и превентивного подхода к экономической безопасности. Российская стратегия, несмотря на проявленную гибкость в отдельных сферах, требует более долгосрочного и институционализированного переосмысления модели развития, чтобы обеспечить устойчивость в условиях продолжающегося внешнего давления.

Литература

1. ВШЭ. Российская экономика в условиях санкционного давления: анализ и прогноз. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2023. – 198 с.
2. Гаврилов, А.Н. Импортозамещение в России: реалии и перспективы / А.Н. Гаврилов, Е.Ю. Лапина // Экономика и управление. – 2023. – № 4 (116). – С. 35–42.
3. Давыдов, И.В. Финансовая система России и её адаптация к санкциям / И.В. Давыдов // Финансовая аналитика. – 2023. – № 5. – С. 22–30.
4. Козлова, С.В. Стратегии адаптации Китая к внешнеэкономическому давлению / С.В. Козлова // Вопросы востоковедения. – 2022. – № 3. – С. 45–53.
5. Ткаченко, А.Ю. Российская финансовая система в условиях санкций: от SWIFT к СПФС / А.Ю. Ткаченко // Банковское дело. – 2023. – № 6. – С. 12–20.
6. Хуан, Ли. Государственные корпорации Китая и санкционная адаптация / Ли Хуан // Китай и современный мир. – 2022. – № 2. – С. 60–70.
7. Чэнь, Вэй. Торговая политика КНР в условиях санкций: поворот к Юго-Восточной Азии / Вэй Чэнь // Международные процессы. – 2023. – Т. 21, № 2. – С. 90–103.
8. OECD. Sanctions and Economic Diversification in China and Russia. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 104 p. – (OECD Policy Studies). – ISBN 978-92-64-30593-4.
9. Romanov, D. Comparative Analysis of Sanctioned Economies: The Cases of China and Russia / D. Romanov // International Journal of Economic Research. – 2022. – Vol. 19, No. 2. – P. 112–128.
10. Smith, A. China's Resilience to U.S. Tech Sanctions: Strategic Shifts and Regional Trade Expansion / A. Smith // Asia-Pacific Economics Review. – 2023. – Vol. 31, No. 1. – P. 88–101.

CHINA AND RUSSIA UNDER SANCTIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ECONOMIC ADAPTATION STRATEGIES

Shen Dan, Mikhailova N.V.

Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the economic adaptation strategies of China and Russia in the context of external pressure caused by international sanctions. The analysis is based on a comparison of the nature of the sanctions imposed, institutional capacities, and the economic policy responses of both states. It is shown that China implements a proactive model focused on technological import substitution, strategic trade realignment, and stimulation of domestic demand. In contrast, Russia predominantly pursues a reactive crisis-management model aimed at macroeconomic stabilization, industrial substitution in key sectors, and reorientation of export flows toward "friendly" markets. The study highlights differences in the role of the state, the degree of institutional resilience, the pace of internal economic restructuring, and the effectiveness of applied instruments. The research is grounded in official statistical data, academic publications, and reports by international organizations. The findings underscore the varying strategic depth of the two countries' adaptation models and their respective capacities to maintain economic stability under ongoing external pressure.

Keywords: sanctions, economic adaptation, import substitution, China, Russia, foreign economic policy, strategic resilience.

References

1. VShE. Rossiiskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnogo davleniya: analiz i prognoz. – M.: Izd. dom NIU VShE, 2023. – 198 s.
2. Gavrilov, A.N. Importozameshchenie v Rossii: realii i perspektivy / A.N. Gavrilov, E. Yu. Lapina // *Ekonomika i upravlenie*. – 2023. – № 4 (116). – S. 35–42.
3. Davydov, I.V. Finansovaya sistema Rossii i ee adaptatsiya k sank-tsiyam / I.V. Davydov // *Finansovaya analitika*. – 2023. – № 5. – S. 22–30.
4. Kozlova, S.V. Strategii adaptatsii Kitaya k vneshneekonomicheskomu davleniyu / S.V. Kozlova // *Voprosy vostokovedeniya*. – 2022. – № 3. – S. 45–53.
5. Tkachenko, A. Yu. Rossiiskaya finansovaya sistema v usloviyakh sank-tsii: ot SWIFT k SPFS / A. Yu. Tkachenko // *Bankovskoe delo*. – 2023. – № 6. – S. 12–20.
6. Khuan, Li. Gosudarstvennye korporatsii Kitaya i sanktsionnaya adaptatsiya / Li Khuan // *Kitai i sovremennyyi mir*. – 2022. – № 2. – S. 60–70.
7. Chen', Vei. Torgovaya politika KNR v usloviyakh sanktsii: povорот k Yugo-Vostochnoi Azii / Vei Chen' // *Mezhdunarodnye protsessy*. – 2023. – T. 21, № 2. – S. 90–103.
8. OECD. Sanctions and Economic Diversification in China and Russia. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 104 p. – (OECD Policy Studies). – ISBN 978-92-64-30593-4.
9. Romanov, D. Comparative Analysis of Sanctioned Economies: The Cases of China and Russia / D. Romanov // *International Journal of Economic Research*. – 2022. – Vol. 19, No. 2. – P. 112–128.
10. Smith, A. China's Resilience to U.S. Tech Sanctions: Strategic Shifts and Regional Trade Expansion / A. Smith // *Asia-Pacific Economics Review*. – 2023. – Vol. 31, No. 1. – P. 88–101.

Опыт обучения с искусственным интеллектом: феноменология образовательного взаимодействия и границы педагогической субъектности

Бризицкий Дмитрий Леонидович,

руководитель кафедры игропрактики Академии социальных технологий

E-mail: dl.brizitsky@gmail.com

Статья посвящена феноменологическому осмыслению образовательного взаимодействия в условиях интеграции технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сферу образования. Цель исследования – выявить и обосновать изменения в структуре педагогической субъектности и образовательной интенциональности, которые возникают в процессе взаимодействия педагога, обучающегося и ИИ. Теоретико-методологической основой работы выступают идеи феноменологии, философии техники и постгуманизма, концепции Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, С. Жижека, а также современные исследования в области философии ИИ. Раскрыта проблема трансформации субъектных позиций участников образовательного процесса, показано смещение роли педагога от трансляции знаний к фасилитации и интерпретации решений, полученных с использованием ИИ. Обоснована необходимость переосмысления педагогической интенциональности как распределенной функции в рамках триангулярной модели взаимодействия (педагог – обучающийся – ИИ). Выделены три условия стабильности данной модели, в частности: равновесие интенциональностей, взаимная трансляция смыслов и баланс распределения функций. Отмечается необходимость сохранения гуманитарно-гуманистического измерения в условиях технологизации образования и формирования нового взаимодействия в гибридных средах образовательного взаимодействия.

Ключевые слова: феноменология образования, искусственный интеллект, педагогическая интенциональность, философия техники, образовательное взаимодействие, гибридная агентность, триангулярная модель.

Происходящие на современном этапе трансформационные процессы, связанные с глобально растущей значимостью технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) во всех сферах человеческой жизни, определяют необходимость философского переосмысления организуемых изменений. Так, сферу образования указанные процессы не обошли стороной; вокруг ИИ-технологий ведутся множественные дискуссии о влиянии ИИ на состояние, будущее и перспективы образования. Однако, забегаая наперед, имеют место как качественные, так и количественные диспропорции в раскрываемых аспектах влияния ИИ на образование. Преимущественно, исследования фокусируются на функциональных возможностях, перспективах, и отчасти рисках ИИ-технологий, при этом не учитывают фундаментальные изменения, возникающие как в русле педагогических наук, а также на пересечении философии науки и техники, феноменологии и философии образования. Итак, смеем констатировать, что традиционные модели постепенно утрачивают свое значение, и чтобы обучение с использованием ИИ оказывалось действительно эффективным, требуется переосмыслить роль, характер влияния и ожидающиеся изменения через призму идей триангулярной реконфигурации педагогической интенциональности (направленности), что определило предмет и границы настоящего исследования.

Так, проблема ИИ связывается с тем, что характер взаимодействия между обучающимися и педагогами видоизменяется. Причем проблема заключается не столько в технологических проявлениях ИИ, сколько в необходимости феноменологического осмысления включения ИИ в педагогическую практику. Особую актуальность при этом приобретают вопросы о границах педагогической субъектности и пределах перераспределения интенциональности между участниками образовательных процессов. В рамках настоящего исследования мы опираемся на гипотезу, согласно которой ИИ-опосредованное взаимодействие отражает происходящие фундаментальные изменения в иерархической модели учитель-ученик (педагог-обучающихся), которая смещается в сторону появления гибридного агента – ИИ-технологии. Педагогическая субъектность переходит к функциям фасилитации и интерпретации алгоритмических решений, используемых и доступных через ИИ как части модели взаимодействия.

Теоретико-методологическим базисом исследования является философия техники М. Хайдеггера, феноменологии Э. Гуссерля и концепции интенциональности, положения которой выгодно перекликаются с контекстом человеко-машинного взаимодействия; основные тезисы и идеи исследования нашли подтверждение в современных научных публикациях, рассматривающих влияние ИИ на образование с философской точки зрения. При подготовке исследования применялись методы теоретического анализа, синтеза, обобщения и сравнения, контент-анализа; отдельное внимание уделено феноменологическому подходу, составившему основу и определившему направленность и границы проводимого исследования образовательного взаимодействия и границ педагогической субъектности.

Рассматривая проблематику ИИ в образовании, а также её философское осмысление, стоит подчеркнуть растущую динамику количества публикаций отечественных авторов, посвященных ИИ в образовании и его влиянии на образовательное взаимодействие (см. рисунок 1).

Рис. 1. Публикационная активность авторов по проблеме ИИ в образовании, составлено по данным elibrary (только «статьи в журналах»)

Несмотря на крайне положительную динамику публикационной активности авторов в области ИИ, стоит признать, что на феноменологическом уровне проблематика ИИ в образовании остается недостаточно раскрытой. Как было сказано ранее, большая часть исследований фокусируется на инструментально-функциональных проявлениях влияния ИИ на обучение, при этом игнорируется опыт переживания и смыслового взаимодействия между субъектами образовательного процесса при оперировании ИИ-технологиями.

Так, например, зарубежные ученые сходятся во мнении, что первичной (основополагающей) проблемой педагогического взаимодействия с ИИ является проблема «черного ящика» – непрозрачности алгоритма и отсутствия у человека полного понимания логики и принципов получения того или иного решения [13]. Закономерно, происходящие в образовании трансформации резонируют с подобными проблемами ИИ-технологий, которые должны анализироваться и раскрываться не только на функционально-инструментальном, но и философском уровне.

В частности, фокусируясь на вопросах восприятия ИИ, W. Holmes и соавторы сходятся во мнении о том, что педагоги воспринимают технологию через несколько категорий: технологическое соединение, передачу знаний, стимулирование интереса, становление этики, развитие способностей, а также организационную поддержку [14; 15]. Однако подобное рассмотрение ИИ недостаточно раскрывает внутренний опыт субъектов образовательного взаимодействия и не затрагивает проблему педагогической интенциональности, что и послужило обоснованием необходимости проведения анализа феноменологии образовательного взаимодействия и границ педагогической субъектности в обучении с ИИ.

Сущность последней проявляется в том, что ИИ влияет на характер организации образовательного взаимодействия, причем меняет не только функции обучения, но и затрагивает отношения между субъектами образования. Возникает риск смещения роли учителя, связанный с переходом от классической модели обучения, построенной на индивидуальном взаимодействии и человеческих взаимоотношениях, к моделям, в которых ИИ становится наставником, учителем, а также диагностическим инструментом (при этом выполняет не просто отдельные функции, а встраивается в процессы в качестве активного субъекта). Интересными в заявленном контексте видятся уточнения В.А. Стародубцева и О.Р. Не-

радовской, которые отмечают «давление незнания» на педагогов относительно новых технологий. При этом изменения фиксируются и в отношении обучающихся, которые постепенно переводят на ИИ, без какой-либо критики, значительную часть познавательной работы [8]. Соответственно, ИИ начинает восприниматься в качестве полноценного участника образовательного взаимодействия, способного занимать разные роли, становиться фактически соучастником учебного процесса. ИИ приобретает роль когнитивного партнера с явными проявлениями субъектности – закономерной формы взаимодействия между обучающимся и педагогом видоизменяются и выходят за рамки традиционных представлений.

Таким образом, появление ИИ-технологий и их активное распространение в образовании ставят под сомнение стабильность и надежность традиционной иерархической модели взаимодействия между учителем и учеником. Классическое представление, основанное на прямой передаче знаний, постепенно утрачивает свою актуальность, а некогда существующие ограничения обратной связи, её адресности и временной протяженности, попросту опускаются. Точнее, все чаще они переводятся на ИИ, который функционально замещает преподавателя или, в более равновесном представлении, дополняет и расширяет его деятельность.

Аналогично, по мнению С.И. Черных, само существование ИИ в принципе подрывает основы традиционной иерархической модели взаимодействия между учителем и учеником. Автор считает, что внедрение ИИ приводит к размыванию субъектности всех участников обучения, создает ситуацию отсутствия разграничений между ролями. При этом значительное влияние сохраняют традиционные и общеизвестные риски ИИ – алгоритмическая предвзятость платформ обучения, угрозы конфиденциальности данных студентов, нарушение педагогического лидерства и негативное влияние на профессиональную идентичность учителей. Причем в современных исследованиях отсутствует полностью раскрывающее проблему ИИ описание феноменов, влияющих на характер образовательного взаимодействия. Именно здесь проявляется ценность идей триангулярной реконфигурации педагогической интенциональности [11].

Последние сводятся к тому, что с появлением ИИ и его интеграцией в обучение происходит переосмысление структуры образовательного взаимодействия. Под интенциональностью понимается направленность сознания на объект, что в контексте педагогики выражается в направленности педагога на формирование смыслов, знаний, умений в сознании обучающегося. В педагогических науках интенциональность выражается в том, что педагог является сознательным организатором обучения, стремится интерпретировать, передавать и конструировать смыслы учебного содержания, а также участвовать в создании когнитивного опыта для другого субъекта – обучающегося. И если до появления ИИ в указанных процессах принимали участие два укрупненных субъекта – педагог и обучающийся, то ИИ определяет смещение модели в сторону триангулярности и гибридизации взаимодействия (см. рисунок 2). Как считают Р.Ф. Бурнашев и И.Ф. Лутфилоева, ИИ сегодня – это активный агент в процессах субъектности, наличие которого деконструирует классического субъекта и влияет на осознание разума, автономии и саморефлексии как важных категорий субъектности. Субъект в классических моделях ограничивается исключительно человеческим разумом, однако наличие ИИ ставит данный факт под сомнение, т.е. кантовское «Я» и гуссерлевское «трансцендентальное эго» больше не являются универсальными формами субъективности. По мнению авто-

ров, в современном представлении субъект и техника соиндивидуируются – человек и ИИ конституируют друг друга, а техника перестает быть инструментом, она имеет собственную онтологию и участвует в формировании субъекта. К тому же важным здесь видится упоминание идей постгуманизма, согласно которым субъект – это гибридная, сетевая и динамическая структура, которая не может существовать в дихотомии [3] (рис. 2).

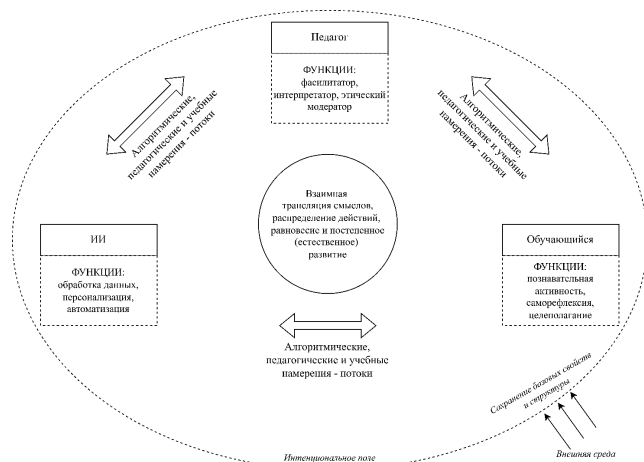

Рис. 2. Триангулярная модель педагогического взаимодействия

разработано автором

В педагогическом взаимодействии ИИ становится медиатором между педагогом и обучающимся; педагог перестает быть исключительным центром педагогической интенциональности, и вместо этого он становится частью сложной трехсубъектной системы, в которой ИИ-системы выполняют посреднические функции. В исследовании В.А. Сторудубцева и О.Р. Нерадовской верно отмечается, что интеграция ИИ приводит к возникновению гибридных интеллектуальных образовательных сред, в которых взаимодействие строится не по вертикали, а по сетевому принципу, с взаимным перераспределением функций между педагогом, обучающимся и ИИ [8]. Схожие выводы можно сделать и опираясь на работу R. Ajawi, M. Bearman и D. Boud, которые рассматривают ИИ не в качестве инструмента, а симулятивного субъекта образовательного взаимодействия, который имитирует человеческую работу, подстраивается под необходимые задачи и при этом влияет на когнитивный опыт обучающегося [13].

Касаемо философских оснований, интересными видятся доводы А.С. Степаненко, который описывает понятие хаордической природы человека (соединение хаоса и порядка) [9]; оперируя ими, образовательное взаимодействие с ИИ можно рассматривать в виде хаордического процесса, в котором педагогическая субъектность и агентность ИИ сочетаются, дополняют друг друга. Причем указанные процессы, по мнению М.Э. Рябовой, происходят в двух плоскостях. Формируется культура пограничных состояний, в которых массовая культура и информационные среды «размывают» традиционные нормы и ценности. Автор указывает на процессы двойной детерминации субъекта, происходящие между физическим и цифровым бытием. Опираясь на воззрения С. Жижека, отмечается, что современный субъект – это гибридная идентичность, все больше склоняющаяся к универсализму [7].

В частности, одним из центральных доказательств гипотезы триангулярной реконфигурации является концептуализация ИИ в виде когнитивного партнера, который занимает функции тьютора и принимает участие

в процедурах диагностики, соучаствует в процессах обучения. При этом всем, как справедливо констатируется в научной литературе, ИИ нередко воспринимается обучающимися в виде равноправного участника обучения, на которого можно делегировать выполнение ряда функций, требующих умственной деятельности и/или принятия решений [4; 11; 16]. ИИ не только обеспечивает персонализацию обучения, но и выполняет функции наставника, консультанта и партнера по обучению, что позволяет рассматривать его именно в качестве когнитивного партнера. По этой же причине, во избежание катастрофических рисков, обучающиеся должны быть готовыми к работе с ИИ как с субъектом образовательного процесса, деятельность которого строится по принципу черного ящика и не всегда достоверна. Причем, как справедливо отмечают А.А. Шиян и В.Б. Петров, современные ИИ всегда остаются в области «слабого ИИ», поскольку не создают новых интенциональностей, а лишь моделируют процессы, являются натренированными агентами. Сильный ИИ может быть только трансцендентной сущностью, недостижимой через вычисления – соответственно возникает различие между алгоритмическим предсказанием и трансцендентальной аргументацией [12]. С. Астахов отмечает, что современный ИИ является символическим, что вступает в противоречие с идеями замещения им человека и человеческих операций. Соответственно, педагогическая субъектность, несмотря на влияние ИИ, сохраняется, поскольку педагог способен интуитивно различать нюансы образовательной ситуации, действует в условиях недоопределенности, без явных правил, через интенциональное восприятие и телесную включенность, и, в отличие от ИИ, может выстраивать взаимодействие не на базе алгоритмов, а на основе живого опыта и телесной интуиции [2].

Тем не менее, влияние возникающей триангулярной модели проявляется в том, что происходят существенные трансформации педагогической субъектности. Роль педагога постепенно смещается в сторону интерпретации и фасилитации, при этом функционально педагог начинает выполнять схожие с ИИ функции – задачи его деятельности заключаются в интерпретации алгоритмических рекомендаций ИИ и поддержании необходимой мотивирующей среды. Закономерно, существующих компетенций педагогической деятельности становится недостаточно для работы с ИИ – требуется формирование готовности у педагогов критически анализировать работу ИИ и управлять учебным процессом с использованием данной технологии по новым моделям совместной деятельности [10; 12]. По мере усиления работы с ИИ и рассмотрения её с субъектных сторон, триангулярная реконфигурация педагогической интенциональности приводит к формированию гибридной субъектности, в которой образовательное взаимодействие происходит в работе между тремя равными сторонами – педагогом, ИИ, а также непосредственно обучающимся. Поскольку обучающиеся все чаще ориентируются на ИИ как на соучастника, формирующего их образовательный опыт, возможно нарушение социальных границ и влияние ИИ на сферы, ранее зависящие исключительно от человеческой деятельности. Фактически возникают новые свойства системы, которые не могли проявиться в сохраненной традиционной модели; наиболее яркими из них являются: разделение персонализации на педагогическую и алгоритмическую, с их многоуровневой реализацией; интеграция обратной связи в виде мгновенного и постоянно доступного средства; расширение возможностей прогнозирования, проведения диагностики, поддержки и сопровождения. Возникает, соответственно, качественно новая структура педагогического бытия,

выраженная в новой модели образовательного взаимодействия. Подобное перекликается с выводами, сделанными Я.В. Мальцевым, который считает, что ИИ является неизбежным элементом эволюции бытия, при которой разумеющий агент снова становится «неживым», т.е. соответствует понятию «чистое бытие», состоящего из объектов, лишенных смысла. Фактически автор рассматривает существующий ИИ как онтологического партнера, равного человеку в функции разума [5].

Триангулярная модель при её рассмотрении в качестве новой реальности, обосновывающей философские границы и описывающей субъектность образовательного взаимодействия, должна стать универсальной, а для этого отвечать принципам стабильности. Последние выражаются в том, что несмотря на изменение внешних факторов, внутреннее состояние системы должно обеспечивать сохранность базовых свойств и её структуры. Поэтому на первый план в триангулярной модели образовательного взаимодействия по принципу педагог – ИИ – обучающийся должны выдвигаться конкретно намеченные функции, принципы равенства субъектов, а также балансирования между когнитивными и организационными нагрузками (с субъект-субъектным взаимодействием и сохранением равновесия интенциональностей в динамике). Поскольку, как пишет Т.М. Махматов, ИИ не способен к рефлексии второго порядка (интуитивно-ситуативному суждению педагога) [6], стабильность модели может быть достигнута при четко распределенных функциях её элементов.

Соответственно, возникает три фундаментальных условия существования триангулярного взаимодействия в качестве стабильной модели:

- во-первых, равновесие интенциональностей, означающее, что каждый участник (субъект образовательного взаимодействия), сохраняет собственную интенциональную направленность. Для педагога она выражается в фасилитации, интерпретации и сопровождении на всех уровнях; для ИИ – в обработке данных, в поддержке и автоматизации рутинных задач, реализации входящих запросов по функциональности; для обучающегося – в познавательной активности, в саморефлексии и целеполагании. Устойчивость проявляется в тех случаях, когда ни одна из интенциональностей не подавляет другие; в частности, при доминировании ИИ имеет место технократический детерминизм, при котором утрачивается субъектность человека. При доминировании педагога или обучающегося, актуальность ИИ как инструмента снижается, и система замыкается в себе, теряет связность соответственно (что сегодня попросту видится маловероятным);
- во-вторых, взаимная трансляция смыслов, предполагающая формирование собственного семантического пространства, в котором каждый участник триангулярного взаимодействия может интерпретировать действия другого. В рамках модели данное условие сводится к тому, что педагог и обучающийся должны осознавать особенности ИИ-технологий и принципов работы с ними, сохранять независимость от автоматизированной поддержки при осознании ограничений и роли технологии в обучении. ИИ же, в свою очередь, настраивается таким образом, чтобы его рекомендации были интерпретируемы и ясны для педагога и обучающегося;
- в-третьих, баланс в распределении образовательных функций, означающий функциональную устойчивость системы с комплиментарным выполнением ролей педагогом, обучающимся и ИИ. Каждый из элементов триангулярного взаимодействия кон-

центрируется на функциях и исключает превалирование роли отдельного элемента над другим.

Таким образом, триангулярная модель образовательного взаимодействия может быть описана в виде динамического равновесия, при котором интенциональности участников согласованы и взаимно дополняют друг друга, их семантические поля пересекаются, что необходимо для обеспечения взаимопонимания и корректной интерпретации действий, а функциональные роли распределены таким образом, чтобы каждый агент выполнял только те задачи, которые наиболее эффективно решаются его природой (человеческой или технологической). По мере развития, система перенастраивается, что преимущественно зависит от характера влияния ИИ-технологий и критического осознания их роли в образовательном взаимодействии. Триангулярная модель образовательного взаимодействия существует только в том случае, если ИИ и человек действуют в симбиозе, а образовательный процесс переводится в русло совместной конструкции смыслов и навыков с соответствующими изменениями.

В педагогической практике реализация триангулярной модели сводится к нескольким фундаментальным проявлениям. В первую очередь требуется проектировать новую учебную среду с распределением функций участников. Параллельно важно организовать педагогов и обучающихся, обеспечить их готовность к новым функциям образовательного взаимодействия, наделять их необходимыми ролями и работать над ответственностью системы [14; 15]. Во вторую очередь потребуются регулирование ИИ-технологий с позиции их активного использования через специальные инструменты. Например, Ф.Р. Абдрахманова описывает внедрение инструментов этического регулирования современных технологий через институционализацию, поскольку институционально оформленные механизмы подотчетности и ограничений алгоритмического влияния позволят наделять систему ответственностью, как минимум, этической [1]. При работе с обучающимися как субъектами-пользователями ИИ потребуется развивать навыки критического отношения и саморефлексии с упором на самостоятельный характер достижения целей образовательного взаимодействия, несмотря на раз, несмотря на поддержку ИИ-системами.

Таким образом, дальнейшие перспективы реализации триангулярной модели образовательного взаимодействия будут зависеть от темпов и тенденций развития и интеграции ИИ-технологий в образовательную практику; постепенно ИИ, так или иначе, будет становиться неотъемлемой частью образовательной среды, и ориентация на триангулярную модель окажется особенно выгодной по причине её стабильности и доступности. В перспективе, согласно существующим прогнозам, рынок ИИ будет только расширяться, поэтому триангулярная модель должна стать методологическим основанием для ожидающихся процессов ускоренной и более высокоуровневой интеграции ИИ в образовательные процессы, что позволит предотвратить риски нарушения образовательного взаимодействия и катастрофического влияния проблем и противоречий, связанных с ИИ, на субъектность человека. В центре технологизации должно превалировать именно гуманитарное и гуманистическое основание, в контексте которого ИИ рассматривается как партнер, в свою очередь, сопровождающий и поддерживающий активных субъектов формирования смыслов, передачи навыков и создания ценностей. При этом возникает вопрос, кто остается главным субъектом образовательного взаимодействия – педагог,

ИИ или обучающийся, несмотря на равенство и распределенность их функций.

Будучи педагогическим императивом XXI века, триангулярная модель обладает одновременно эпистемологической значимостью (поскольку меняет само понятие знания и его передачи), практической ценностью (влияет на эффективность образовательного взаимодействия) и этическим измерением, которое определяет границы переосмыслимых возможностей распределения ответственности и субъектности в образовании. В дальнейшем открытыми остаются вопросы феноменологического исследования триангулярного взаимодействия с упором на осмысление переживания совместной интенциональности и поиск ответов на вопросы, каким образом сохранять баланс между субъектами образовательного взаимодействия, как интегрировать ИИ-решения в различные уровни обучения, а также вопросы о трансформации педагогической субъектности при активной реализации триангулярной модели.

Литература

1. Абдрахманова Ф.Р. Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data: герменевтический подход // *Философская мысль*. – 2024. – № 10. – С. 51–63.
2. Астахов С. Феноменология против символического искусственного интеллекта: философия научения Хьюберта Дрейфуса // *Логос. Философско-литературный журнал*. – 2020. – Т. 30, № 2 (135). – С. 157–193.
3. Бурнашев Р.Ф., Лутфиллоева И.Ф. Искусственный интеллект и трансформация субъекта в постгуманистическом контексте // *Universum: общественные науки*. – 2025. – № 4 (119). – С. 15–19.
4. Грибков А.А. Несубъектный искусственный интеллект в системе субъект-объектных отношений // *Философская мысль*. – 2024. – № 5. – С. 11–21.
5. Мальцев Я.В. Феномен искусственного интеллекта в контексте саморазвития и самореализации бытия // *Философская мысль*. – 2024. – № 7. – С. 16–32.
6. Махаматов Т.М. Философские основания искусственного интеллекта // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 52–56.
7. Рябова М.Э. Нравственные идеалы и ценностные приоритеты техногенного общества // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 42–53.
8. Стародубцев В.А., Нерадовская О.Р. Искусственный интеллект и иммерсивные технологии в высшем педагогическом образовании // *Открытое образование*. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 13–23.
9. Степаненко А.С. Философско-методологические проблемы соотношения естественного и искусственного интеллекта // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование*. – 2008. – № 2. – С. 171–178.
10. Чашин Е.В. О некоторых аспектах связи и различий «естественного» и «искусственного» мышления // *Вестник Вятского государственного университета*. – 2024. – № 2 (52). – С. 28–37.
11. Черных С.И. Искусственный интеллект в изменении педагогического дизайна // *Профессиональное образование в современном мире*. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 10–16.
12. Шиян А.А., Петров В.Б. Трансцендентальный поворот в современной философии – VIII: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект // *Вестник Российской Федерации*. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 1033–1041.
13. Ajjawi R., Bearman M., Boud D. Performing standards: A critical perspective on the contemporary use of standards in assessment // *Teaching in Higher Education*. – 2021. – Vol. 26, No. 5. – P. 728–741.
14. Holmes W. AI and education: A critical studies perspective // *Utilizing AI in Developing Education Systems*. – 2021. – P. 1–14.
15. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial intelligence in education // In: *Data ethics: building trust: how digital technologies can serve humanity*. – 2023. – P. 621–653.
16. Varynskyi V., Donnikova I., Savinova N. Artificial intelligence in education: Tool, object, 'subject' of learning // *Journal of International Legal Communication*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – P. 46–55.

EXPERIENCE OF LEARNING WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PHENOMENOLOGY OF EDUCATIONAL INTERACTION AND THE BOUNDARIES OF PEDAGOGICAL SUBJECTIVITY

Brizitskii D.L.

Academy of Social Technologies

This article is devoted to the phenomenological understanding of educational interaction in the context of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the educational sphere. The purpose of the study is to identify and justify the changes in the structure of pedagogical subjectivity and educational intentionality that arise in the process of interaction between the teacher, the learner, and AI. The theoretical and methodological basis of the study includes the ideas of phenomenology, philosophy of technology, and posthumanism, particularly the concepts of E. Husserl, M. Heidegger, S. Žižek, as well as contemporary research in the philosophy of AI. The article reveals the problem of transforming the subject positions of participants in the educational process, demonstrating the shift of the teacher's role from knowledge transmission to the facilitation and interpretation of AI-generated decisions. The necessity of rethinking pedagogical intentionality as a distributed function within the framework of a triangular model of interaction (teacher – learner – AI) is substantiated. Three conditions for the stability of this model are identified: the balance of intentionalities, mutual translation of meanings, and the functional equilibrium of roles. The study emphasizes the importance of preserving the humanitarian and humanistic dimensions amidst the technologization of education and the emergence of new interactions in hybrid educational environments.

Keywords: phenomenology of education, artificial intelligence, pedagogical intentionality, philosophy of technology, educational interaction, hybrid agency, triangular model.

References

1. Abdrakhmanova F.R. Conflict of Moral Values in the Age of Big Data: A Hermeneutic Approach // *Philosophical Thought*. – 2024. – No. 10. – P. 51–63.
2. Astakhov S. Phenomenology versus Symbolic Artificial Intelligence: Hubert Dreyfus's Philosophy of Learning // *Logos. Philosophical and Literary Journal*. – 2020. – Vol. 30, No. 2 (135). – P. 157–193.
3. Burnashev R. F., Lutfilloeva I.F. Artificial Intelligence and Transformation of the Subject in a Posthumanistic Context // *Universum: Social Sciences*. – 2025. – No. 4 (119). – P. 15–19.
4. Gribkov A.A. Non-subjective artificial intelligence in the system of subject-object relations // *Philosophical Thought*. – 2024. – No. 5. – P. 11–21.
5. Maltsev Ya.V. The phenomenon of artificial intelligence in the context of self-development and self-realization of being // *Philosophical Thought*. – 2024. – No. 7. – P. 16–32.
6. Makhamatov T.M. Philosophical foundations of artificial intelligence // *Humanities. Bulletin of the Financial University*. – 2019. – V. 9, No. 4. – P. 52–56.
7. Ryabova M.E. Moral ideals and value priorities of the technogenic society // *Humanitarian: current problems of humanitarian science and education*. – 2025. – Vol. 25, No. 1. – P. 42–53.

8. Starodubtsev V. A., Neradovskaya O.R. Artificial Intelligence and Immersive Technologies in Higher Pedagogical Education // Open Education. – 2024. – Vol. 28, No. 2. – P. 13–23.
9. Stepanenko A.S. Philosophical and Methodological Problems of the Relationship between Natural and Artificial Intelligence // Modern Technologies. Systems Analysis. Modeling. – 2008. – No. 2. – P. 171–178.
10. Chashchin E.V. On Some Aspects of the Relationship and Differences between “Natural” and “Artificial” Thinking // Bulletin of the Vyatka State University. – 2024. – No. 2 (52). – P. 28–37.
11. Chernykh S.I. Artificial Intelligence in Changing Pedagogical Design // Professional Education in the Modern World. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – P. 10–16.
12. Shiyan A. A., Petrov V.B. Transcendental Turn in Modern Philosophy – VIII: Metaphysics, Epistemology, Transcendental Cognitive Science, and Artificial Intelligence // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. – 2023. – Vol. 27, No. 4. – P. 1033–1041.
13. Ajjawi R., Bearman M., Boud D. Performing standards: A critical perspective on the contemporary use of standards in assessment // Teaching in Higher Education. – 2021. – Vol. 26, No. 5. – P. 728–741.
14. Holmes W. AI and education: A critical studies perspective // Utilizing AI in Developing Education Systems. – 2021. – P. 1–14.
15. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial intelligence in education // In: Data ethics: building trust: how digital technologies can serve humanity. – 2023. – P. 621–653.
16. Varynskyi V., Donnikova I., Savinova N. Artificial intelligence in education: Tool, object, ‘subject’ of learning // Journal of International Legal Communication. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – P. 46–55.

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Метафоры – в широком смысле, включая прозвания, прозвища, клички, иносказания и даже ругательства, ибо все они – другое имя того же самого, – свидетельствуют о том, что данный предмет, вещь или явление, с которым мы сталкиваемся чуть не каждый день в массовом порядке, народом любима, народом обожена и ухожена, народом употребляема, задействована и т.д. Одним словом, народ живет с ними, с ними спит и ест, они его партнеры, соседи, слуги, без которых ему никак не обойтись.

Метафоры бытовых вещей выключают из мёртвой онтологии материальности и включают в культурное поле феноменологии, где каждый из нас воспринимает кресло, пальто или вешалку как своих сородичей, друзей, помощников или недоброжелателей. Они служат нам ровно в той же мере, в какой мы служим им, ухаживая за ними, проветривая, стирая, ремонтирую и сохраняя в безопасном месте. Взаимодействие с нашими друзьями-вещами почти такое же, как с людьми-друзьями – разве что они не разговаривают с нами. Метафора вещей олицетворяет их, вдыхает в них духовность, позволяя взглянуть на вещественный мир совсем иными глазами.

Ключевые слова: метафора, сравнение, метафоризация, бутылочное горлышко, стеклянный потолок, скелет в шкафу, вешалка

Чтобы получилась метафора вешалки или шкафа, необходимо их широкое бытование, признание и узнавание миллионами людей. При такой массе гораздо выше вероятность того, что найдется очень умный или остроумный человек, который увидит знакомый предмет под другим углом, посмотрит с другой стороны и воскликнет: Ну, ты и здоров, мужик, как шкаф! Но придумать и запустить новое имя старой вещи в массы мало. Надо, чтобы этих масс было много, чтобы принять выражение как свое собственное изделие, поддержать, распространить. Популярность метафоры – это пик ее культурной судьбы. Со временем, когда ситуация или эпоха изменится, когда придут другие люди с другими вещами, метафора сотрется и умрет – появятся более молодые конкуренты.

Исходный для метафоры термин напоминает семена, покупаемые в Ашане в пакетиках: это технические элементы, потенциально содержащие возможности для произрастания, а некоторые оказываются пустышками. Мы покупаем семена, т.е. пользуемся всемирной библиотекой терминов и слов, придуманных не нами, но данных нам готовыми, приносим домой, а затем бережно высаживаем в когнитивный грунт – себе в мозг, где проходит инкубационный период оплодотворения семечки. В таком грунте семечко пробует превратиться в маленькое растение, запуская механизм своих потенциальных сил. Данный процесс невидим ни нам, ни другим.

Термин «дыра» попала в мозг и долгое время там существовала, не давая о себе знать. И вдруг встреча с коллапсаром, мгновенное озарение мозга и на свет появляется черная дыра. Затем проросшее маленькое дивное растение высаживают в настоящий грунт – корпус научных знаний по физике – и ждут, как оно там акклиматизируется, примет ли новичка научное сообщество, аутентично ли оно будет корпусу существующих научных понятий и метафор. Если оно приживается, то со временем обрастает множеством отростков, ветвей, листьев и плодов, т.е. дает жизнь новым понятиям и научным ассоциациям, приобретает четкие количественные параметры, открывает в себе новые глубинные слои смыслов.

У каждой метафоры есть автор. Но у одних он известен, а у других нет. Безвестность в данном случае говорит о: 1) популярности и широком употреблении, 2) народности и признании, 3) стертости.

Метафора, выдающая себя за другого, конечно же, суть словесная обманка. Сравнение – более честный прием. Оно сообщает лишь то, что одно похоже на другое, это напоминаем человеку то. Иными словами, обозначает дальнейшее или близкое родство. Даже не кровное: шоферский руль может напоминать румяную баранку. Но когда вы превращаете данное сравнение в метафору, то получается, что руль и есть баранка – некая мучная выпечка круглой формы. Мы поём: «Крепче за баранку держись шофер». В буквальном смысле получается абсурд: вместо того, чтобы крепче держать руль автомобиля, особенно на поворотах, ему советуют крепче схватиться за сдобную выпечку, т.е. сделать некий перекус – прямо во время работы.

В результате песенный призыв не только нарушает правила безопасности, но прямо повышает аварийность на дорогах. Но мы воспринимаем слова песни как надо, а именно в переносном смысле. И никому в голову

не приходит представлять себе водителя в кабине с будничком в руках. Мы представляем его себе именно за рулем, а словесный образ баранки живет своей жизнью и никак нам не мешает правильно воспринимать работу водителя.

Берем совершенно конкретное слово – яблоко – и делаем его метафорой для целого ряда сложных и более абстрактных явлений: яблоко познания (яблоко Ньютона), яблоко как символ абсолютной истины, яблоко раздора, яблоко фирмы Эпл, яблоко как символ соблазна и грехопадения, державное яблоко (яблоко – символ власти), яблоко как аллегория Земли и вселенной у древних, антоновские яблоки – метафора уходящих в прошлое дворянских усадеб, «райские яблоки», яблоко – плод древа судьбы, яблоко – символ запретного плода, яблоко от яблони, катись яблочко по блюду серебряному и показывало герою его будущую судьбу и потусторонний мир (яблоко открывает тайны бытия), яблоки как символ изобилия (яблочный Спас), яблоко как оберег детской души, яблоку негде упасть, яблоко как символ здоровья и процветания, яблоко как символ молодости (молодильное яблоко).

Человек познаёт мир, сопоставляя новое с уже известным, объединяя общим именем новое и старое. С метафорой связаны многие операции по обработке знаний – их усвоение, преобразование, хранение и передача. Метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательную деятельность, и опыт, и культуру, и языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственно не воспринимаемые объекты и сделать наглядной картину мира. Метафоризация – процесс всемирного переселения слов и смыслов, один из базовых показателей мобильности языка (рис. 1).

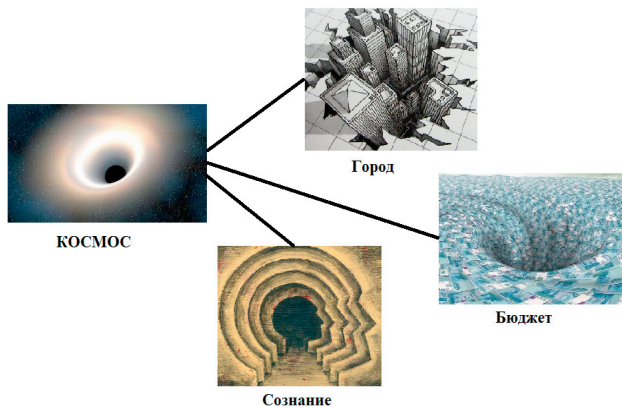

Рис. 1. Метафора – это перенос старого на новое и порождение в точке вселения неожиданных образов и смыслов. Метафора черной дыры

Что делает метафоризация? Она ставит в одно-однозначное соответствие два разных объекта с одним словом. Как видим, это две противоположные операции. Но механизм у них общий – перевод или перенос значений.

Вы приехали в другую страну и не знаете ни слова. Абориген показывает на стул и говорит «table». Вы записываете в своем блокноте: table=стол. Какую операцию вы проделали? Вы уподобили один и тот же объект двум разным словам. Это называется переводом с одного языка на другой.

От исходной метафоры, как от сердцевины ромашки, в разные стороны отходят метафорические ряды-лепестки. Например, зеркало – предмет, породивший мно-

жество метафорических полей: параллельные миры, чужой образ себя, чужой в зеркале, магия зеркала, зеркало сайта, третий глаз, глаза как зеркало души, двойники, зеркальное «Я» и т.д. Каждое метафорическое поле внутри себя насыщено множеством понятийных тканей, дополнительных образом, ассоциаций, о которых написаны десятки и сотни статей, постов и прочее.

Плодотворная метафора как семя, брошенное в хорошую землю (сферу знаний), приносит множество плодов, дает побеги, расширяет свою корневую систему.

В истории возникновения человеческой речи начальный пункт появления новых слов представлял собой рождение метафоры. Новое слово – это новая метафора. И сегодня, когда процесс словообразования не иссяк, а продолжается с новой силой, обусловленный глобализацией и заимствованием английских слов, словообразование в русском языке происходит как метафоризация. Любая калька с английского языка для русского уха есть метафора – сленг, смайлики, джинсы и т.д. Метафора – это изобретение на поле словесного искусства. Такое же, как изобретение лука, колеса или смартфона. Они рождаются, достигают пика популярности, стареют и умирают.

Выяснилась закономерность: чем выше уровень образования человека и чем более творческой личностью он является, тем больше метафор он использует и придумывает (рис. 2).

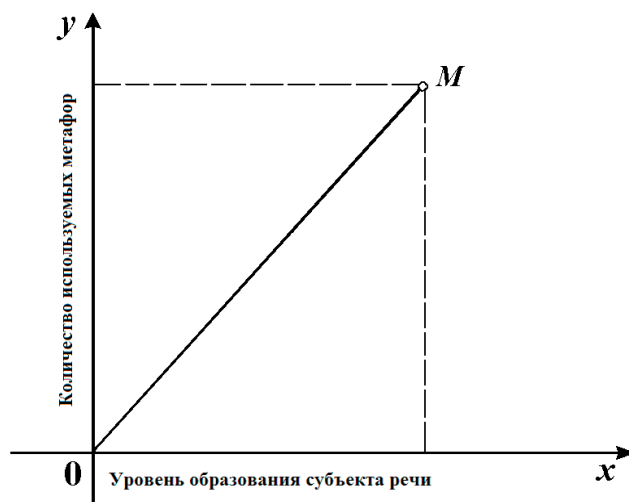

Рис. 2. Зависимость частотности метафор от уровня образования

Метафоры реки и дороги схожи как онтологически, так и эпистемологически. Река и дорога имеют укатанную и утрамбованную основу (дно реки) потоками воды или потоками людей. Люди и вода – динамика и мобильность, миграция, подвижность, вектор направления движения, путь из пункта А в пункт Б, ограничение потока от растекания в стороны берегами, набережной, поребриком, тротуарами. Река и дорога – укротители стихии потока, нормативная броня или сетка, единство границы и безграничья, движения и покоя. Это формы маршрута для рыб и людей, кораблей и машин. Путешествие – модус существования на реке и дороге. Жизнь как путешествие также полно опасностей, неожиданных встреч и ограничено всевозможными нормами и табу. Это все проявления движения и кочевничества.

Если природа говорит на языке математики, то общество – на языке метафор. Это касается всех его областей – от культуры до науки, от теории до практики. Человек как культурное существо не мог бы состояться, не пользуясь он образным языком. Он так же емок и то-

чен, как язык чисел и уравнений. Пример из эстрадной миниатюры: «Соседи, займите мне соль, а то я свою в сосуды отложил». Здесь употреблено одно слово, но значения у него два – противоположных. Поэтому юмор и стал возможным: наложение бытового и медицинского смысла. В медицину слово перекочевало из сферы быта и стало в науке метафорическим термином, имеющим, между прочим, точное техническое значение.

Бутылочное горлышко – метафорическое обозначение периода, когда сочетание негативных факторов (изменение климата, голод, природные катаклизмы) приводило к резкому снижению численности наших предков. Из антропологии понятие «бутылочное горлышко» перекочевало в другие науки. Его используют для обозначения самого узкого места в системе, сквозь которое проходит лишь небольшой процент людей, мнений или вещей. Например, бутылочное горлышко образуется у входа на эскалатор метро в час пик. Благо для его преодоления требуется время, исчисляемое в реальных, а не палеонтологических масштабах.

Стеклянный потолок – феминистский термин, введенный в начале 1980-х годов для описания невидимого и формально никак не обозначенного барьера («потолка» в карьере), ограничивающего продвижение женщин по служебной лестнице по причинам, не связанным с их профессиональными качествами. Впоследствии термин был расширен и на другие социальные группы и меньшинства (национальные меньшинства, сексуальные меньшинства и др.).

Рис. 3. Пример визуализации метафоры частей нашего лица

Метафора – фигура иносказательного повествования. Пример – песни Высоцкого. Они представляют собой развернутые метафоры, где событие описывается, но не называется. На него автор намекает. Но каждый слушатель понимает, о чем и о ком идет речь. И хотя метафора требует одного слова, называющего событие, его нет. Но это все же метафора, скорее не словесная, а визуальная. Пусть нет фотографии или рисунка, но несколько точных строк рисуют известное всем событие, под которое у каждого слушателя найдется своя фотография детства.

Допустим песня «Утренняя гимнастика». Вроде бы это шуточные слова о производственной гимнастике, которая бытовала в советские времена. Но вторым планом идет описание самой советской власти: Бодрость духа, грация и пластика... Выполняйте правильно движения. Прочь влияния извне... Сели-встали, сели-встали...» А кто физрук? Сталин и каждый следующий генсек. Под их мудрым руководством народ занимался оз-

доровительной гимнастикой, изучал правила движения, общие команды: «Разговаривать не надо. Приседайте до упада. Да не будьте мрачными и хмурыми!»

Нынешняя молодежь не поймёт образных намеков, а старшее поколение помнит всю эту «гимнастику», ходьбу строем и общей колонной на своем жизненном опыте. Как это обозвать одним словом? Никак! Оно не поддается такому описанию и не сжимается до одного слова-метафоры. Это картина-метафора.

Метафоризация – частное проявление **полисемантизации**. Многозначные слова и есть метафоры. Например, слово «сидеть» в прямом значении – «опираться нижней частью туловища на какую-либо поверхность, держа туловище в положении, близком к вертикальному», а в переносном – «отбывать заключение в местах лишения свободы». Переносный смысл есть чистая метафора, не вошедшая пока еще в литературный язык и остающаяся жаргонным.

Заключение в тюрьме означает просиживание целыми днями на нарах, ничего неделание, которые, в свою очередь, являются переносными значениями слова «сидеть». Так формируется целая цепочка переходных семантических форм, в результате чего вокруг исходного глагола формируется мощное метафорическое поле из 10 элементов, из которых 9 являются метафорами, так как даже пункт 2 – «птица сидит на ветке» уже метафора.

Скелет в шкафу – идиома, обозначающая ужасную или постыдную правду о человеке, которые он держит в строжайшем секрете и которые, в случае разглашения, могут нанести ему не поправимый вред. Фигура скелета как раз и символизирует «страшную тайну», возможно, смертный грех, способный нанести смертельный вред. Скелет, как известно, символ смерти.

Истоки метафоры – письма Мирабо – политика, революционера, оратора, человека буйного нрава, с непомерной гордыней и вечно со всеми конфликтовавшего. Человека, у которого в шкафу было скелетом чуть ли не столько же, сколько на парижском кладбище.

Рис. 4. «Скелет в шкафу». Письма Мирабо королю, обнаруженные в «Железном шкафу» во дворце Тюильри. Французская карикатура

Метафорические скелеты, символизирующие наши нечистые делишки, подкуп, подставу, обман, фальсифицированные товары, поддельные документы и справки, взятки, блат, коррупцию, окружают нас повсюду. Они как воздух, без которого мы не можем жить, который мы уже не замечаем, без которого не можем обходиться. Чи-

новники выпускают справки и инструкции, требования и законы, нежные большинству людей в повседневной жизни и выступающие их реакцией на какие-нибудь вопиющие прецеденты, а теперь распространяющиеся на всех. Именно это и порождает бесчисленную армию скелетов. Скелеты – это когда мы поступаем в обход закона, когда соблюдаем форму, но не содержание, когда от наших действий страдают другие люди, когда обо всем этом мы предпочитаем не говорить, не вспоминать, скрывать, за что нам стыдно или неудобно.

Справки о состоянии здоровья в ГИБДД, по месту работы сдают десятки миллионов людей каждый божий день. Их покупают, а не простаивают очереди в кабинетах врачей. Врачей сокращают, а жуликов в интернете, изготавливающих фальшивые документы, все больше и больше. Скелет появляется сразу у нескольких людей только от одного документа: у того, кто его изготавливает, у того, кто им пользуется, у того, кто его в учреждении принимает и закрывает глаза на «липу». Надо куда-то пройти, проехать, обогнуть препятствие, «дай на лапу» ответственному лицу и дело сделано. Еще несколько скелетов. И так до бесконечности.

Следовательно, метафора «скелеты в шкафу» тесно-родственно связана с огромным числом других метафорических полей, социальных механизмов, административно-правовых проступков и человеческих черт. «Дал на лапу» – породил очередную пару-тройку скелетов; позвонил влиятельному другу с просьбой что-то сделать без очереди, не по закону, «закрыть глаза» на букву закона, «порадеть» родному человечку и т.д., значит, породил очередного скелета, а тот породил ещё пару-тройку. В России нет закона, есть столб, вокруг балкон, чтобы обходить закон. Эта поговорка из этой оперы. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Тоже сюда. Не подмажешь, не поедешь. Не обманешь, не проживёшь.

Скелеты – это социальные превращенные формы нашей жизни и отношений между собой: говорим одно, делаем другое; делаем правильно только по виду, исполняем верно лишь для отвода глаз, скрываем, ловчим, лжем, хитрим... Жить по благу, поступать в вуз по звонку, кому-то дать, кого-то отмазать, настроичить донос, кого-то заложить, настучать, подставить, сообщить куда надо, дать кому следует, шито-крыто, пришить дело, подготовить компромат, пустить слух или опубликовать фейк, пустить пыль в глаза, «нарисовать» дело... метафора «липа» в значении ложного дела или документа служит вторым именем скелету в шкафу так же, как прочие виды обмана.

В науке скелет – это костяк теории, т.е. совокупность жестко связанных и твердо установленных теоретических аксиом, на которых держится сухожилия и мышцы гипотез, требующих для своей жизнедеятельности мягкого мяса множества эмпирических фактов.

Скелеты в шкафу – это археологический раскоп, который обнажает множество исторических секретов. Иногда заставляет пересмотреть известную версию истории человечества. Так и личные скелеты в шкафу, будучи публично выставлены, нередко заставляют пересмотреть свои взгляды на данного человека (рис. 5).

Скелеты в шкафу – это секрет в черном ящике. Больше скелетов в шкафу у тех, у кого должность выше. Особенно много их у региональных чиновников, которые пьют бюджет, раздают деньги родным и знакомым, держат это в секрете, а за разглашение тайны убивают. Так поступает и сицилийская мафия. Организованная преступность сплошь находится на кладбище своих скелетов.

Рис. 5

Коррупция – массовая фабрика по производству скелетов в шкафу, не приостанавливающая свою деятельность ни на час. Чем больше чиновников и разных должностных лиц, тем больше таких шкафов. Прямо таки мебельная фабрика какая-то. Чем больше постановлений и законов плодят должностные лица, тем больше появляется скелетов. Чем больше законов, тем больше случаев их обхода, уклонения, нарушения, игнорирования. На нарушение закона можно «закрыть глаза», а можно на нем «нагреть руки», положить в карман, построить коттедж, оплатить свой отдых или учёбу детей за границей.

Человеку свойственно во всем искать скрытый смысл – это не только любопытство, но инстинкт древнего охотника, ищущего спрятавшегося в зарослях зверя, и первооткрывателя. Но не только это. Человек как обыватель переносит на кухню и в коммуналку инстинкт охотника и поисковика: подглядывает в замочную скважину, заглядывает в чужие кастрюли, роется в чужом белье, чтобы найти компромат. Искать скелеты в чужом шкафу, значит накопать на кого-то компромат, выискать спрятанное.

Скелетов в шкафу мы пытаемся разоблачать, изобличать и наказывать самыми разными способами. Мы вынимаем их на свет божий, требуя от поступающего на работу или в вуз подробной биографии, в которой раньше присутствовали специальные пятая графа и родственники за границей. Милиция расспрашивала соседей о темных делишках или сомнительных связях подозреваемых лиц. Сыщики распутывают преступления и по ходу изобличают ещё десяток скелетов. В старые времена средством изобличения скелетов служили изодранные пытки, провокации, наущничество. Звонок по месту прежней работы с целью уточнения информации или получения недостающих сведений относится сюда же.

Прославились и другие предметы быта, как то: яблоко Ньютона, флейта Аристотеля, чаша Петри, кот Шредингера, кочерга Витгенштейна, скотный двор Оруэлла, бочка и фонарь Диогена, колесо судьбы, красное колесо, «белый воротничок», кредитное плечо, пузырь гелиосферы, дорожная пробка, диванные битвы, оконный философ, плавильный котел, парниковый котел, ночные бабочки, пыль веков, словесный мусор, конфетные люди, подошва горы и др.

А есть ещё одежда «Прощай молодость» и «факультет ненужных вещей», каша из топора – обед в студенческой столовой, саранча на охоте – группа студентов в столовой. Сито служит метафорой отбора. Острия говорят, что «вставил свои пять копеек». Это значит бестактно влезть в разговор с крайне незначительным замечанием, которое несколько не проясняет суть дела, а только отвлекает на себя внимание.

Вешалка (плечики, тремпель) – приспособление для хранения одежды в подвешенном состоянии. Кроме того, вешалка выполняет функцию метафоры человеческого тела или идеи подвешивания, поддержки и напряжения, использоваться как метафора для обозначения трудной ситуации, чего-то плохого. Петелка на пиджаке тоже называется вешалкой. Высокого и худого мужчину/женщину называют вешалкой или этажеркой.

Женщины-вешалки – это те, которые на мужиков вешаются. Разодетая во все шикарное женщина по сути своей выполняет функцию вешалки для дорогих вещей. «По сути, все девушки в статусе поиска – «прилипали», если чувствуют запах денег. В конце концов, они всего лишь модель, вешалка, показывает дорогие наряды женщинам, у которых больше денег, чем ума», – Лия Флеминг, из книги «Ласточки». Отсюда образы женщина-вешалка, женщина-доска.

«Вызывающе» одетые манекенщицы с ярким макияжем на улице вызывали общественное фырканье, их даже пренебрежительно обзывали «вешалками». Была и обратная сторона этой популярности. Модели часто вызывали интерес у высокопоставленных мужчин, неприятие которого могло всерьез навредить карьере.

Модель на подиуме служит «вешалкой» для демонстрируемой одежды. Она должна быть худа, если не сказать тощая, чтобы на неё налегла любая вещь и на худых дешевле шить. Она не должна выделяться внешне... Не зря их в народе называют «вешалками».

В интернете с недавних пор появилось новое осмысление этого слова. Вешалкой называют также виселицу. Примерно вот так (рис. 6).

Рис. 6. Плечики для вещей и вешалка для людей

Вокруг дома сначала ставят забор, а потом на него вешают замок. А место для него называют воротами или калиткой. Ворота и калитка – вешалка для замка, а забор – шкаф, на двери которого вешают замок.

Вещуны – те, кто говорит то, что почерпнул из средств массового вещания, и верит только в это. Их мало. Больше чревовещателей, т.е. Говорящих от себя лично. Но лучше бы они этого не делали. Вещие – пророки оте-

чества, те, которые вещают, а потом вешают. И не обязательно лапшу на уши. Вешают за то место, куда их лапша позже сползает. Их ещё можно назвать вешателями. А тех, кто безропотно подчиняется им, не прекословя, правильнее называть вешалками.

По своему функциональному предназначению вешалки призваны заменить человеческие плечи, на которые мы размещаем платье, рубашку или пиджак. А в деревне и забор подойдёт. Можно, конечно, и на скелет водружать свободную от ее прямого предназначения одежду, но это неудобно. Удобнее в шкафу размещать его микромодель. В рабочем помещении вешалку легко заменяют гвозди в стене.

В каком-то смысле ноги – вешалка для обуви, руки – для перчаток. Каждая нога и обувь оставляет след. Он уникален: у всех разная длина, ширина, глубина, наклон стопы, узор подошвы, подобный следу протектора на снегу. В вешалку мы можем превратить буквально любой предмет, на который вешаем свою одежду – от спинки стула и тренажёра до ветки дерева в лесу или саду.

«Лорд Демон» Р. Желязны и Дж Линдскольда рассказывает, в том числе, о стране потерянных носков, где, согласно легенде, пропавшие носки превращаются в вешалки – поэтому вешалок всегда слишком много, а носков вечно не хватает. Два измерения или параллельных мира – носки и вешалки – соединяются в домашнем шкафу. В нем, как в шкафу со скелетами, любые вещи, которые вы вроде бы клали на место, вдруг исчезают или оказываются вовсе не там, где им полагается быть.

Почему театр начинается с вешалки? А разве дом с неё не начинается? В данном случае слово «вешалка» служит обобщённым названием для гардероба уличной одежды. Говорят «театр начинается с вешалки», а не гардероба. Крылатую фразу приписывают К. Станиславскому, но документальных подтверждений нет. Театр начинается с вешалки, ею он и заканчивается. Но ведь и для гостей дом начинается и кончается вешалкой. Может быть, это глубоко символично.

Театр начинается с вешалки, но только для зрителей. Заканчивается театр в буфете, но уже для актёров. Театр начинается с вешалки, за которую администрация не отвечает. Театр начинается с вешалки, а сцена – с занавеса. Театр начинается с вешалки, а антракт – с туалета и буфета. В «Словаре театрального сленга» А. Кузьминой говорится: Вешалка – психологическое состояние актёра, при котором он, входя в театр, должен всю жизненную суету и проблемы оставить на ней, а в театр войти «чистым и свежим». Так что вешалка в театре для всех незаменимая вещь.

Театр – это выход в свет, а выход начинается с прихорашивания себя у зеркала гардероба. Так что театр начинается ещё дома, и опять же с вешалки. Сняв зимнюю шубку в театральном гардеробе, женщина спешит к другому зеркалу в театральном туалете, поправить вечернее платье (коктейльное платье средней длины). Вешалка, гардероб и зеркало – три столпа нашей цивилизации.

Метафоры окружают и порождают нас. Мы смотрим на мир их когнитивными глазами, но и они подсматривают за нами, подсказывая неожиданный ход для наших мыслей, невероятные сравнения и сопоставления. Мы натываемся на них не реже, чем на бытовые вещи. Не верите? Подавляющее большинство метафор – так называемые стёртые или мёртвые метафоры. Иными словами, переставшие быть таковыми из долгого и частого употребления: солнце восходит, погода улыбается, поезд пришёл...

Подобно тому, как реклама оказалась двигателем торговли, метафора – это двигатель культуры. И со-

мнений в этом никаких нет. Метафора – это вид тропа, уподобление двух предметов или явлений на основе их сходства. Слова употребляются в переносном смысле. Метафора – это просто выход за границы первоначального смысла. То же самое, что расширение значения слова, придание не одного, а нескольких смыслов и значений. Повседневный опыт людей, где чувства сплетаются с мыслями, по своей природе должен быть гетерогенным, многомерным и разнообразным.

METAPHORS OF EVERYDAY THINGS

Kravchenko A.I.

Metaphors – in a broad sense, including nicknames, nicknames, allegories and even curses, because all of them are another name for the same thing – indicate that this object, thing or phenomenon,

which we encounter almost every day in large numbers, is loved by the people, looked after and cared for by the people, used by the people, involved, etc. In a word, the people live with them, sleep and eat with them, they are their partners, neighbors, servants, without whom they cannot do.

Metaphors of everyday things are excluded from the dead ontology of materiality and included in the cultural field of phenomenology, where each of us perceives an armchair, coat or hanger as our relatives, friends, helpers or ill-wishers. They serve us exactly to the same extent as we serve them, caring for them, airing, washing, repairing and storing them in a safe place. Interaction with our friends-things is almost the same as with people-friends – except that they do not talk to us. The metaphor of things personifies them, breathes spirituality into them, allowing us to look at the material world with completely different eyes.

Keywords: metaphor, comparison, metaphORIZATION, bottleneck, glass ceiling, skeleton in the closet, hanger.

Академическая адаптация китайских студентов к обучению в российских вузах

Паудаль Надежда Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ansyna@yandex.ru

Филиндаш Лариса Васильевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, ГУУ
E-mail: lfilindash@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме академической адаптации китайских студентов к обучению в российских вузах. Авторы квалифицируют трудности по признакам организационно-образовательного и социокультурного содержания, с которыми сталкиваются китайцы в России. Дается определение академической адаптации и предлагаются некоторые методы по преодолению лингвистических, коммуникативных и поведенческих барьеров. Обозначенные приемы могут быть использованы в аудиторной работе и дополнены в ходе творческих поисков практиков-профессионалов. Причиной фокусирования внимания на данной проблеме является важность формирования навыков, необходимых для проживания и обучения китайских студентов в России как условие претворения государственной политики в области образовательной миграции. Основные позиции работы основаны на опыте собственной работы в качестве преподавателей русского языка как иностранного в течение более пятнадцати лет в ГУУ и МГУ имени М.В. Ломоносова, что определяет прикладной характер материала статьи. Предложенные адаптационные методики культурно-образовательного содержания имеют целью не только успешное применение в педагогической практике, но и формирование навыков коммуникативной грамотности в русскоязычной среде.

Ключевые слова: адаптация, Гаокао, коммуникативная деятельность, личностная идентификация, образовательная миграция, речевые навыки, самопрезентация.

Начало нового XXI века характеризуется развитием и укреплением дружественных отношений между Россией и Китаем, что позволило РФ занять первое место по популярности среди китайских абитуриентов, опередив страны Азии (Япония, Корея, Таиланд, Малайзия, Сингапур) и Европы (Великобритания, Италия, Германия, Франция, Испания) [4]. В образовательной сфере расширение связей выразилось в увеличении разнообразных форм сотрудничества, в частности, в создании российско-китайских институтов, обмене обучающих программ, в проведении совместных акций [5].

Обострение внешнеполитической ситуации в России в связи с началом СВО («Специальная военная операция») первоначально вызвало обеспокоенность у китайских студентах в возможности продолжить обучение, однако стабильное внутреннее положение в стране нивелировало эту проблему и обеспечило сохранение контингента учащихся из КНР.

Сфера высшего образования является одной из динамичных областей сотрудничества между международными партнерами [1]. В российских вузах сохраняется тенденция приема на обучение выпускников китайских школ. При том, что в России широка география университетов, которые готовы принять иностранных учащихся, китайцы предпочитают московские вузы. Так, согласно мониторингу Минобрнауки, проведенному в апреле 2024 года, в Москве из 41,4 тыс. студентов на бакалавриате обучается 24,5 тыс., на специалитете 2,4 тыс., в магистратуре 14,5 тыс. учащихся. Другие центры с привлекательным образовательным рейтингом – Санкт-Петербург (известный бренд), города Дальневосточного региона (территориальная близость к стране проживания), мегаполисы (привычный ритм жизни и развитая инфраструктура).

Важное практическое значение имеет понимание проблемных аспектов, с которыми сталкиваются образовательные мигранты, и выработка путей адаптации, т.е. приспособление китайских студентов к условиям обучения в российских вузах и осмысление особенностей инокультурной ментальности. Академическая адаптация предполагает работу по устранению дефицита лингвистических, коммуникативных и поведенческих навыков, необходимых для проживания и обучения в стране пребывания.

Значимой причиной выбора России местом получения высшего образования для многих выпускников школы является преграда в виде сложного выпускного экзамена. Он продолжает многовековые традиции проведения испытания претендентов на должности чиновника разных уровней

В Древнем Китае сложилось понимание особой роли чиновников в государстве, поскольку от их моральных качеств и высокого образовательного ценза зависело благосостояние жителей в стране. Афористично мысль о бескорыстном служении государственному служащего и ответственности за результаты своей деятельности выразил известный военный II–III вв. Чжугэ Лян: «Творится беспорядок, когда выбирают должность для человека, а когда выбирают человека на должность – наступает порядок». Экзамен для государственных служащих был очень строгим, проводился в течение полторы тысячи лет, на протяжении Средневековья и назывался Кэцзюй. Он состоял из трех уровней, сложность которых

увеличивалась. Ядро экзаменов всех уровней составляли письменные задания, включающие такие жанры как стихотворение, рассуждение на вольную тему, сочинение о важном событии истории с обязательным использованием цитат из классических произведений.

Ментально укоренившееся приятие трудного экзамена подкрепляется господствующей в Китайской школе процедурой оценивания учащихся. Систематическая проверка знаний при многочисленности классов определяет необходимость тестовой системы, которая составляет форму единого государственного экзамена – Гаокао. Название «высший экзамен» подчеркивает его важность, т.к. он является и вступительным экзаменом в вузы Китая. Проверка знаний проводится не только по обязательным дисциплинам (китайский язык и литература, математика, иностранный язык), но и по двум предметам по выбору. Экзамен сопровождается беспрецедентными мерами контроля, безопасности, продолжается 2–3 дня и является судьбоносным событием для выпускников, поскольку от его результатов зависит будущее молодого человека. Жесткие требования к уровню знаний и возможность единственной пересдачи заключительного экзамена побуждают учащегося выбирать Россию в качестве платформы коммерческого образования. Важной причиной выступает сбалансированное соотношение качества и платы за обучение. Ценовая доступность объясняет социальный состав студентов: большинство происходит из семей предпринимателей мелкого бизнеса, представляющих средний класс. Значительную группу составляют дети педагогов, которые в силу материальных причин совмещают учебу с работой.

В связи с тем, что в топовые вузы КНР конкурс на бюджетное место колеблется от 500/600 человек до 1000, многие выпускники не сдают национальный экзамен и не планируют учиться на родине. Это объясняет тот факт, что приезжающие в Россию абитуриенты не всегда соответствуют критериям высшей китайской школы и отличаются разной степенью подготовленности. Среди ее параметров можно отметить навыки самостоятельной и аудиторной работы, владение русским языком, общеобразовательный потенциал. Все названные позиции требуют серьезной работы по адаптации учащихся, воспитанных на китайской школьной системе, к требованиям российской педагогической практики.

Прежде всего, стоит отметить многие особенности, связанные с большой наполняемостью классов, состоящих в среднем из 60 человек.

Обучение в России в небольших группах, языковой до 15 человек, создает социально-психологический барьер, связанный с личностной идентификацией каждого студента. Первостепенной адаптационной задачей становится создание благоприятных условий для китайских студентов, которым необходимо привыкнуть к непосредственному общению с преподавателем. Для налаживания эмпатии целесообразно начинать занятия с беседы на бытовые темы, важные для студентов: условия проживания и особенности питания, погода и одежда, транспорт и правила поведения в нем, расписание занятий и досуг.

Короткие ответы (да/нет, хорошо/плохо, теплая/холодная), нежелание идти на контакт, отражающая тенденцию группового неиндивидуального поведения, вынуждает преподавателя обращаться к паралингвистическим приемам. Среди них – фонационные, то есть, громкость и темп речи, особая четкость артикуляции звуков, выразительная интонация, а также кинетические – жесты и мимика. Выражение удивления, поощрения, радости, неудовольствия помогает студентам исправить ошибку, дать свой вариант ответа, т.е. настроиться на позитивный лад и активнее участвовать в учебном процессе.

Методическая специфика некоммуникативного обучения в Китае проявляется в преобладании письменных ответов, записывании и заучивании текстов, что нарушает баланс устной и письменной речи в развитии обучаемого. Отсутствие разговорной практики сказывается на отсутствии ряда умений коммуникативного характера: ведение диалога вне бытовой ситуации, выражение эмоционального отклика, желание выступить перед аудиторией [8].

Подготовка устного ответа китайцем, привыкшим к исключительно письменной форме обучения, требует предварительной индивидуальной работы преподавателя со студентом. Цель такого взаимодействия – собеседование на изучаемую тему для формирования навыков аудирования и говорения [9].

Опыт показывает эффективность применения методик с постепенным увеличением нагрузки устного общения и видов эмоционального взаимодействия. Например, предложение преподавателя выйти к доске хорошо успевающего студента с демонстрацией части домашнего задания означает его самопрезентацию, а для слушающих и наблюдающих – переживание роли в качестве оценивающих экспертов. Подобный прием повышает уверенность в возможности соответствовать принятым в российской школе правилам, побуждает испытать себя в роли ведущего занятия.

Социокультурные реалии создают трудности, т.е., барьеры для обучения [3]. Так, сохраняющаяся традиция обособленного проживания в общежитии и обучения в группе, состоящей из сограждан, тоже относится к факторам, не способствующим погружению в конкретные коммуникативные ситуации. Даже во время занятия по РКИ китайские студенты предпочитают общаться между собой и получать разъяснительную информацию на родном языке. Таким образом, они осознают себя обособленным коллективом, противопоставленным преподавателю.

Активное использование технических средств и возможностей переводческих программ препятствует когнитивному эвристическому отношению к обучению. Прервать зависимость от гаджетов и расширить национальные рамки общения помогут задания диалогового характера по аналогии с ранее прочитанным текстом [6]. Например, обменяться мнениями о китайском ресторане, обсудить поездку в город Золотого кольца, договориться о совместной прогулке на ВДНХ.

Продолжительность пары (45 минут x 2) в российском вузе трудна для китайского студента, привыкшего к занятию длительностью 40–50 минут с пятнадцатиминутным интервалом и обязательному дневному перерыву в два часа, который студенты используют для полноценного отдыха. В России потребность китайцев в паузе проявляется в частых просьбах выйти из аудитории и их долгим отсутствием.

В целях адаптации иностранного учащегося преподаватель может заранее выбрать необходимую тактику ведения занятия. Например, целесообразно в середине пары отвлечь внимание студентов от изучаемой темы, изменить темп прохождения материала, предложить обсудить коммуникативные проблемы, с которыми они сталкиваются во время общения с другими преподавателями, русскоговорящими сокурсниками и работниками учебного отдела.

Результаты исследования, основанные на эмпирическом опыте авторов, подтверждаются выводами социологического опроса [2], проведенного в 2020 году с магистрантами, обучающимися в Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики, Московском городском педагогическом университете, Московском педагогическом государственном университете, Российском государственном университете им. А.Н. Косыгина.

В рамках выполнения постановления Правительства № 729 от 13 мая 2021 г. «Приоритет-2030» [7] многие вузы разрабатывают программы интеграции иностранных студентов в русскоязычную среду. Так, Центр карьеры МГИМО в целях оказания помощи в поисках работы регулярно проводит консультации с учащимися из Китая о том, как правильно составить резюме, успешно пройти собеседование, наладить контакт с коллегами, найти компанию, заинтересованную в кадрах с заявленными навыками.

Социокультурная специфика среды обучения имеет многогранное проявление и может являться отдельным предметом дальнейшего научного интереса.

Литература

1. Айбазова М.Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117–121
2. Вашкявичус В.Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С., Сметаников И.Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213–237.
3. Воеводина Е.В., Тюриков А.Г. Социокультурные барьеры адаптации иностранных обучающихся в условиях российского высшего образования // Народонаселение. 2021 г. Т. 24, № 4. С. 134–146
4. Леденева В.Ю. Адаптация иностранных студентов в странах Евразийского экономического союза как фактор демографической безопасности // Вестник университета. 2025. № 1. С. 15–26.
5. Максимов Н.Р., Панина С.В. К вопросу о социальной адаптации китайских студентов в российских университетах // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 1. С. 106–108.
6. Паудяль Н.Ю. Когнитивная составляющая адаптационных текстов // Профессионально направленное обучение русскому языку иностранных граждан. М.: МАДИ. 2017. С. 368–373.
7. Филиндаш Л.В. Речевая компетентность иностранных бакалавров и проблема адаптации к российским социокультурным реалиям // Профессионально-направленное обучение русскому языку иностранных граждан. М.: МАДИ. 2017. С. 483–488.
8. Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В. Активизация речевой коммуникации китайских студентов-бакалавров в практике преподавания РКИ // Риторика как наука и речекоммуникативная практика современного общества. М.: 2025. С. 441–449.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: <https://base.garant.ru/400793960/> (дата обращения: 11.06.2025).
10. Филиндаш Л.В. Речевая компетенция иностранных бакалавров и проблема адаптации к российским социокультурным реалиям // Профессионально-направленное обучение русскому языку иностранных граждан. М.: МАДИ. 2017. С. 483–488.
11. Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В. Активизация речевого общения китайских магистрантов в практике преподавания РКИ // Риторика как наука и речекоммуникативная практика современного общества. М.: 2025. С. 441–449.

ACADEMIC ADAPTATION OF CHINESE STUDENTS TO STUDY AT RUSSIAN UNIVERSITIES

Paudial N.Yu., Filindash L.V.

Moscow State University named after Lomonosov, State University of Management

The article is devoted to the urgent problem of academic adaptation of Chinese students to study in Russian universities. The authors classify the difficulties according to the criteria of organizational, educational and socio-cultural content faced by the Chinese in Russia. The definition of academic adaptation is given and some methods for overcoming linguistic, communicative and behavioral barriers are proposed. These techniques can be used in classroom work and supplemented in the course of creative searches by professional practitioners. The reason for focusing on this issue is the importance of developing the skills necessary for Chinese students to live and study in Russia as a condition for implementing state policy in the field of educational migration. The main positions of the work are based on the experience of his own work as teachers of Russian as a foreign language for more than fifteen years at the Moscow State University and Lomonosov Moscow State University, this determines the applied nature of the article's material. The proposed adaptive methods of cultural and educational content are aimed not only at successful application in pedagogical practice, but also at the formation of communicative literacy skills in the Russian-speaking environment.

Keywords: Adaptation, Gaokao, communication, personal identification, educational migration, speech skills, self-presentation.

References

1. Aibazova M.Y. Socio-cultural adaptation of foreign students to the conditions of study in Russian universities // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2022. No. 1 (34). pp. 117–121
2. Vashkevicius V.Yu., Kondrakova Yu.N., Kuzmina E.S., Smetanikov I.B. What is a Chinese student looking for in Russia: analysis of the educational needs of Chinese students in Russian universities based on the materials of a sociological study // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2022. No. 65. pp. 213–237.
3. Voevodina E.V., Tyurikov A.G. Socio-cultural barriers to the adaptation of foreign students in the context of Russian higher education // Population. 2021, vol. 24, No. 4. pp. 134–146
4. Ledeneva V.Y. Adaptation of international students in the countries of the Eurasian Economic Union as a factor of demographic security // Bulletin of the University. 2025. No. 1. pp. 15–26.
5. Maksimov N.R., Panina S.V. On the issue of social adaptation of Chinese students in Russian universities // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2017. No. 1. pp. 106–108.
6. Paudyal N.Y. The cognitive component of adaptation texts // Professionally oriented teaching of the Russian language to foreign citizens. Moscow: MADI. 2017. pp. 368–373.
7. Filindash L.V. Speech competence of foreign bachelors and the problem of adaptation to Russian socio-cultural realities // Professionally directed teaching of the Russian language to foreign citizens. Moscow: MADI. 2017 pp. 483–488.
8. Paudyal N.Y., Filindash L.V. Activation of speech communication of Chinese undergraduates in the practice of teaching RCT // Rhetoric as a science and the speech-communicative practice of modern society. Moscow: 2025. pp. 441–449.
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/13/2021 No. 729 "On Measures to implement the Strategic Academic Leadership program Priority 2030" (with amendments and additions). Access mode: <https://base.garant.ru/400793960/> (date of reference: 06/11/2025).
10. Filindash L.V. Speech competence of foreign bachelors and the problem of adaptation to Russian socio-cultural realities // Professionally directed teaching of the Russian language to foreign citizens. Moscow: MADI. 2017 pp. 483–488.
11. Paudyal N.Y., Filindash L.V. Activation of speech communication of Chinese undergraduates in the practice of teaching RCT // Rhetoric as a science and the speech-communicative practice of modern society. Moscow: 2025. pp. 441–449.

Трансформация профессиональных практик в эпоху ИИ: анализ процесса гибридизации компетенций

Щербина Татьяна Владимировна,

руководитель Лаборатории инновационных нарративных практик в АНО «Научно-исследовательский центр креативных индустрий»

E-mail: shcherbina.tatianavl@gmail.com

Статья посвящена исследованию трансформационных изменений профессиональных компетенций в условиях применения технологий искусственного интеллекта. Интеграция ИИ-систем способствует стиранию границ между техническими и гуманитарными специальностями. Данный процесс обуславливает формирование принципиально новых профессиональных компетенций и практик.

Целью работы является исследование трансформации профессиональных ролей в условиях совместной деятельности с ИИ. Предмет анализа – взаимодействие инженера-аналитика и специалиста по нарративным практикам в проектной команде.

Методологическая основа представляет собой авторский эксперимент по наблюдению профессиональной гибридизации. Пилотный эксперимент проводился 2 месяца с участием двадцати эпизодических и восьми постоянных участников. Теоретическую базу составляют акторно-сетевая теория Б. Латура, концепция «эпистемических культур» К. Кнорр-Цетины и теория профессиональных сообществ.

Результаты исследования выявили процесс гибридизации: инструментальная интеграция → ролевая трансформация → синергетическая гибридизация. Связующее звено – компетентностная конвергенция (интеграция навыков, умений и знаний в рамках единого процесса).

Установлено, что гибридизация компетенций сопровождается изменениями эпистемических добродетелей. К критическому мышлению добавляются этическая ответственность, культурная валидность, адаптивная рефлексия. Развиваются контекстная чуткость, коллаборативная рациональность и социальная значимость решений.

Научная новизна исследования заключается в концептуализации профессиональной гибридизации в ИИ-опосредованной среде, приводящей к пониманию изменений в структуре профессионального знания.

Практическая значимость состоит в разработке рекомендаций по оптимизации цифровой трансформации в организациях. Результаты исследования применимы при проектировании образовательных программ с интеграцией ИИ-среды.

Ключевые слова: профессиональная гибридизация, ИИ-опосредованные практики, междисциплинарные компетенции, эпистемические культуры, трансформация профессиональных ролей, человеко-машинное взаимодействие, цифровая трансформация.

В современном мире развития искусственного интеллекта проявляются специфические эпистемологические аномалии, не укладывающиеся в рамки традиционного понимания профессиональных компетенций и дисциплинарных границ. При внедрении ИИ-технологий в профессиональные практики появляются зоны неопределенности, где традиционных компетенций становится недостаточно.

Аномалия первого порядка проявляется в разрушении эпистемологической чистоты дисциплин. Профессиональная деятельность инженера, основанная на точных науках и эмпирическом опыте, при интеграции с ИИ-системами требует принципиально новых гуманитарных компетенций. Инженер должен интерпретировать предложения ИИ-систем, понимая контекст их генерации, оценивать этические последствия технических решений и выстраивать нарратив использования технической системы. Техническое решение становится историей взаимодействия человека и технологии, требуя понимания культурных контекстов и адаптации к локальным особенностям.

Тот же принцип срабатывает и с гуманитарными специальностями. Рассмотрим специалиста, работающего с нарративами. Нарративы – это не просто рассказывание историй, а способ организации и осмысления человеческого опыта через повествование. Нарративные практики используют этот принцип для помощи людям в пересмотре своих жизненных историй, выявлении альтернативных сюжетов и создании более ресурсных версий собственной идентичности. Основная роль нарративных практик – предоставить людям инструменты для активного авторства своей жизни, помочь им стать рассказчиками, а не пассивными героями своих историй. Включение ИИ в нарративные практики требует от специалиста развития новых профессиональных навыков: понимания принципов работы алгоритмов, умения интегрировать технологические решения в процесс работы с историями и способности критически оценивать достоверность машинного анализа нарративного материала.

Возникает фундаментальный парадокс: инженер не может включить этическую и метафорическую составляющие без гуманитарных компетенций, а нарративный практик не может работать с ИИ без технических компетенций. Данная ситуация создает условия, при которых экспертность становится принципиально гибридной.

Аномалия второго порядка касается трансформации природы самой экспертности. Классическая функциональная модель специалиста представляет его как носителя специализированного знания в определенной предметной области. ИИ-опосредованная модель требует от специалиста выполнения роли координатора (режиссера) человеко-машинного взаимодействия. Л. Мэйджор говорила об этом так: «Супервизор, находящийся тем временем в командном центре, – это своего рода дирижер, режиссер, который направляет выступление (работу) группы роботов и дронов, действующих в гармонии» [1]. Данная роль предполагает качественно иной тип компетенций. Трансформация приводит к из-

менению профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность подвергается постоянному переустройству в зависимости от контекста взаимодействия с ИИ-системами.

Аномалия третьего порядка затрагивает критерии валидности профессионального знания. Ф. Паскале писал: «Профессионалам предоставлена автономия потому, что им вверена защита особых, неэкономических ценностей общества. Их труд, в свою очередь, отражает эти ценности, воспроизводит их и обогащается ими. Знание, навык и этика неотделимы друг от друга» [2]. В традиционной инженерной практике основными критериями валидности технического решения являются: функциональность, безопасность, экономическая эффективность, технологическая реализуемость и эмпирическая проверяемость. При интеграции ИИ-систем к традиционным критериям добавляются: алгоритмическая прозрачность, адаптивность, этическая приемлемость, культурная совместимость. С другой стороны, в традиционной нарративной практике основным критерием истинности интерпретации является понимание специалистом смыслов, контекстов и культурных значений, которые люди вкладывают в свои истории. К критериям относятся когнитивная вовлеченность (эффект «погружения» в историю), аффективный резонанс (непроизвольные эмоциональные реакции) и рефлексивная активация (проецирование сюжета на личный опыт клиента). ИИ-ассистированная практика добавляет к данным критериям алгоритмическую согласованность, воспроизводимость результатов и статистическую достоверность. Возникает проблема соотношения различных типов валидности и их иерархизации в процессе принятия профессиональных решений терапевтом.

Для эмпирического изучения обозначенных аномалий был использован экспериментальный проект «Сердечный разум. Клуб сказкотворчества». Команда проекта состояла из нарративного практика, инженера-аналитика и двух специально созданных ИИ-агентов на базе нейронной сети GPT: Сердечный помощник (анализ историй по авторской методологии проекта работы с сюжетным мышлением и нарративами, методу комплексной сказкотерапии Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой [3], методологии В.Я. Проппа [4]) и Сюжетный Помощник (определение сюжета участника по тем же методологиям).

Проект реализовывался в течение двух месяцев и включал создание ИИ-ассистентов для анализа историй и формирование клуба сказкотворчества с участием двадцати участников-добровольцев. Экспериментальная процедура включала анализ пятидесяти написанных участниками историй с помощью ИИ, валидацию и дополнение результатов нарративным практиком, интеграцию анализа и ее возврат участнику.

Эмпирические наблюдения в течение эксперимента показали следующую динамику:

- День 1–7: Нарративный практик и инженер-аналитик функционально находились в параллельных системах мышления с несовместимыми языками описания и критериями оценки.
- День 8–30: Произошло формирование «пограничных объектов» в виде совместно созданных ИИ-агентов и гибридных аналитических процессов.
- День 31–60: Синтез устойчивого гибридного языка с интегрированными профессиональными практиками, существенно трансформировал терапевтический процесс (пример трансформации – ИИ-ассистент, помогающий видеть сюжеты, получил название «Сюжетник»)

Зафиксированные аномалии продемонстрировали непредвиденное увеличение технической грамотности нарративного практика, который освоил основы промпт-инжиниринга, развил понимание ограничений языковых моделей и приобрел алгоритмическое и системное мышление. Параллельно наблюдалась этическая рефлексивность инженера-аналитика, проявившаяся в интеграции принципов культурной валидности и чуткости к контекстам в архитектуре продукта, а также в учете психологического воздействия и адаптивной рефлексии на алгоритмические решения.

Эти процессы привели к выявлению новых профессиональных ролей: режиссера человека-ИИ взаимодействия, метафорического ИИ-инженера и цифрового нарративного практика, что подтверждает тенденцию к формированию гибридных компетенций в эпоху искусственного интеллекта.

Исторический анализ: недостаточность традиционных подходов

При столкновении с феноменом ИИ-гибридизации традиционные теоретические подходы к анализу профессиональных компетенций демонстрируют ограниченность в понимании.

Модель дисциплинарной сегментации. Т. Парсонса утверждает, что «Социетальное сообщество представляет собой сложную сеть взаимопроникающих коллективов и коллективных лояльностей, системе, для которой характерны дифференциация и сегментация» [5]. Каждая профессия представляет собой автономную область экспертизы с четко обозначенными границами компетенций. Модель не может объяснить формирование роли «ИИ-нарративного практика», которая по определению нарушает принцип дисциплинарной автономии.

Модель T-shaped профессионалов. В своей работе С. Зубофф касается требований к T-shaped специалисту: «Сочетание глубокой экспертизы (вертикальная линия T) и способности к междисциплинарному взаимодействию (горизонтальная линия T)» [6]. Однако данная модель сохраняет статическое понимание компетенций и не объясняет, каким образом взаимодействие с ИИ качественно изменяет как «вертикальную» экспертизу, так и «горизонтальные» связи.

Концепция «стирания границ». В своем исследовании С. Зубофф также затрагивает эту концепцию: «Привычные барьеры между уровнями управления и подразделениями размываются, и появляются новые роли, которые лучше подходят для повышения эффективности деятельности» [7]. Основным ограничением является предположение о пассивной роли технологий. Проведенный эксперимент демонстрирует, что ИИ-агенты являются не просто средством «связывания», но активными медиаторами, изменяющими сами границы между областями.

Более глубокий анализ выявляет фундаментальные философские ограничения, препятствующие точной концептуализации ИИ-опосредованных профессиональных практик.

Традиционная эпистемология утверждает четкое разграничение познающего субъекта и познаваемого объекта. В ИИ-опосредованной практике ИИ-система одновременно выступает как активный участник познавательного процесса (квази-субъект) и как инструмент познания (объект). Наш эксперимент демонстрирует формирование гибридной субъектности, в которой человек и ИИ составляют единый познавательный комплекс.

П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что «реальность конструируется социально» [8]. Ж. Эллюль считает, что «техника становится автономной силой, определяющей социальное развитие» [9]. Эксперимент демонстрирует процессы нового типа ко-эволюции, показывающие взаимную трансформацию человеческих практик, ИИ-систем и профессиональных стандартов.

Традиционные модели представляют время как линейное, объективное и прогрессивное. ИИ-системы вносят принципиально иной слой темпоральности: быстрые, нелинейные изменения, способные кардинально изменить профессиональную область в течение нескольких месяцев.

В ходе исследования были сформулированы некоторые методологические вызовы изучения гибридации.

Один из них – дисциплинарная ориентированность исследовательских методов. Социологические методы не учитывают нечеловеческие акторы. А технологические методы недооценивают человеческие социальные аспекты. Для изучения гибридных феноменов требуются принципиально новые методологические подходы.

Также необходима операционализация гибридных компетенций. Традиционные метрики не позволяют адекватно измерить гибридные навыки. В случае эксперимента возникает вопрос, по каким критериям оценить компетентность «ИИ-нарративного практика» или «Метафорического ИИ-инженера»? По критериям традиционных нарративных методов и сказкотерапии, технической экспертизы или новым гибридным стандартам?

Гипотеза и эмпирическое подтверждение

На основе выявленных аномалий и ограничений существующих подходов формулируется гипотеза профессиональной гибридации: ИИ-технологии выступают не просто инструментами профессиональной деятельности, но активными медиаторами, инициирующими взаимную трансформацию человеческих и машинных компетенций. Результатом становится формирование новых гибридных профессиональных практик.

Наблюдаются разные типы медиации. В коммуникации традиционный диалог «практик-клиент» трансформируется в треугольник взаимодействия, где ИИ-агент расширяет поле решений и метафор.

В принятии решений ИИ формирует новые критерии интерпретации, заставляя думать в других категориях, оставляя финальное решение за человеком.

В творчестве ИИ создает многовариантность практик и адаптирует решения под конкретного клиента, расширяя творческие возможности специалиста.

Гипотеза предполагает проверяемые следствия: длительное взаимодействие с ИИ формирует гибридные компетенции, процесс гибридации взаимен для человека и машины, это приводит к новым эпистемическим стандартам и профессиональным ролям, адаптированным к человеко-машинному сотрудничеству.

Для проверки гипотезы разработан дизайн «контролируемой профессиональной гибридации». Создана проектная команда из нарративного практика, инженера-аналитика и ИИ-агентов с долгосрочным отслеживанием трансформации профессиональных практик.

Этап 1: Создание ИИ-агента для анализа

Создан ИИ-агент для анализа клиентских сказок. Сказки в данном случае отражают жизненные истории участников в метафоре. Агент обучен на корпусе принципах психологического анализа нарративов, работ Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой, В.Я. Проппа.

Протокол анализа пятидесяти сказок участников эксперимента:

1. Участник предоставляет сказку.
2. ИИ-агент генерирует интерпретацию.
3. Нарративный практик валидирует анализ.
4. Интегрированная интерпретация возвращается участнику.
5. Фиксируются изменения в подходах.

Этап 2: Клуб сказкотворчества

Создан Клуб сказкотворчества с восемью постоянными участниками. Второй ИИ-агент специализируется на развитии сюжетного мышления у участника клуба.

Процедура работы построена как циклический процесс взаимодействия человека и ИИ. Участник взаимодействует с ИИ-агентом, затем групповой мастермайнд дорабатывает сюжеты, что приводит к созданию авторской истории-сказки. ИИ-агент анализирует созданную сказку, нарративный практик валидирует анализ, формируя непрерывный цикл сказкотворчества.

Параллельно происходит обучение базовым знаниям нарративных практик и формирования ИИ-мышления, создавая комплексную образовательную среду для развития гибридных компетенций.

Анализ изменений компетенций выявил следующие паттерны:

Нарративный практик:

- Неделя 1–2: Техническая грамотность (2/10), осторожное отношение к ИИ;
- Неделя 3–4: Освоение промпт-инжиниринга, понимание вероятностной природы ИИ (4/10);
- Неделя 5–6: Развитие алгоритмического мышления, структурирование терапевтических интерпретаций (6/10);
- Неделя 7–8: Формирование гибридной экспертности: системное мышление + герменевтическая интуиция (7/10).

Инженер-аналитик:

- Неделя 1–2: Понимание психологических процессов (3/10), технократический подход;
- Неделя 3–4: Интеграция этических принципов в техническое проектирование (5/10);
- Неделя 5–6: Освоение этической рефлексии, понимание знаков и символов (7/10);
- Неделя 7–8: Формирование роли «этического ИИ-инженера» с учетом культурно-психологических факторов (8/10).

В ходе эксперимента были зафиксированы вероятные новые профессиональные роли:

1. ИИ-куратор процессов нарративных практик – специалист, координирующий взаимодействие между клиентом, терапевтом и ИИ-системой.
2. Этический ИИ-инженер в области ментального и душевного здоровья – разработчик, интегрирующий психологические и культурные принципы в техническую архитектуру.
3. Цифровой нарративный практик – фасилитатор творческих процессов и создатель творческих продуктов с использованием ИИ-ассистентов.
4. Специалист по валидации ИИ-интерпретаций – нарративный практик, обеспечивающий качество и этичность автоматизированного анализа.

Анализ способов производства знания выявил четыре поэтапные модели гибридации:

1. Инструментальная интеграция: ИИ используется как поисковая система. Профессиональные практики не изменяются.
2. Ролевая трансформация: Формирование междисциплинарной профессиональной идентичности.

3. Синергетическая гибридизация: Создание принципиально новых практик.
4. Компетентностная конвергенция: Взаимное освоение смежных навыков при сохранении профессиональной идентичности. (Нарративный практик осваивает элементы технического и промпт мышления, IT-инженер – основы психологического анализа и понимания символов и знаков).

Также исследование продемонстрировало трансформацию ИИ компетенций у участников клуба.

Исходный уровень ИИ-грамотности участников характеризовался значительными ограничениями. Большинство участников (87%, что составляет 7 человек) имели минимальный опыт взаимодействия с ИИ, ограничивающийся использованием ChatGPT, DeepSeek и YandexGpt для простых запросов. Один участник (13%) вообще не использовал ИИ-системы, а понимание принципов промптинга или ограничений языковых моделей отсутствовало у большинства участников, что создавало благоприятные условия для исследования процесса формирования гибридных компетенций с нулевого уровня.

Динамика трансформации ИИ-компетенций включала четыре этапа:

Неделя 1–2: Инструментальное использование. Участники воспринимали ИИ как «умную поисковую систему» с типичными запросами «Что означает моя история?». Характерны фрустрация от «непонимания» ИИ и поверхностных ответов либо слепое доверие его предложениям. или, наоборот, слепое доверие и восхищение всем, что предлагает ИИ.

Неделя 3–4: Открытие диалогической природы ИИ. Понимание зависимости качества ответов от качества вопросов. Появление базовых навыков промпт-инжиниринга: «Проанализируй мою сказку с точки зрения поиска предназначения». Освоение итеративного подхода к взаимодействию.

Неделя 5–6: Формирование мета-когнитивных навыков. Участники учились «думать вместе с ИИ» – формулировать и тестировать гипотезы через диалог. Развитие критического отношения: «ИИ дает интересную версию, но я не согласен с интерпретацией». Понимание ограничений и областей применимости ИИ.

Неделя 7–8: Интеграция ИИ в творческий процесс. ИИ становился «соавтором» творческого процесса. Участники разрабатывали индивидуальные стратегии работы с ИИ и формировали новую роль «Сказителя-исследователя собственного сюжета».

Ниже приведены конкретные примеры трансформации от участников клуба

Участница Клара (63 года, редактор):

«Неделя 1: Оттягивала взаимодействие с ИИ, относилась с подозрительностью к его комментариям.

Неделя 2: Поняла, что в его ответах много интересных интерпретаций – «пища для размышлений».

Неделя 4: Нахожусь в увлекательном диалоге с ИИ. Поняла, что можно задавать свои вопросы. Сказки становятся глубже и многограннее.

Неделя 8: Отношусь к ИИ как к умному собеседнику. Готова обсуждать с ним любую жизненную ситуацию. Это умиротворяет и вселяет оптимизм.»

Участница Полина (25 года, официант):

«Неделя 1: Как я с ним общалась: «Привет!» (жду его вопросов или рассказываю ситуацию без запроса).

Неделя 4: «Привет! Помоги мне описать мою тень».

Неделя 8: «Привет! Давай разберём эти сны и поищем их связь с моим жизненным контекстом. Раньше я каждый раз начинала новый диалог. А теперь у меня есть рубрики. И я больше ссылаюсь на наши прежние переписки»

Участница Дарья (33 года, модератор):

«Неделя 1: Делилась чувствами и ситуациями, отвечала на вопросы, прослеживая нить метафоры.

Неделя 4: Возвращаюсь к ИИ, когда в жизни начинаю видеть символы, о которых мы общались, или когда нужно дальнейшее размышление.

Неделя 8: Продолжаю обсуждение в метафоре, предложенной ИИ. Легче перехожу с символа на конкретную жизненную ситуацию».

Эксперимент выявил качественно новые формы ИИ-грамотности, отличающиеся от технической компетентности профессионалов.

Диалогическая ИИ-грамотность основана на понимании ИИ как субъекта диалога. Участники развили навыки «эмпатического промптинга» – формулирование запросов с учетом когнитивного стиля ИИ-агента.

Мета-когнитивная ИИ-грамотность использует ИИ как «внешнее мышление» для анализа собственных паттернов и «когнитивного аутсорсинга» мыслительных операций. ИИ становится средством познания и оптимизации человеческого мышления.

Творческая ИИ-грамотность интегрирует ИИ в креативные процессы как равноправного партнера, открывая возможности коллаборативного творчества при создании индивидуальных методик и продуктов.

Этическая ИИ-грамотность включает критическое отношение к ИИ-выводам, понимание их ограничений, осознание вопросов приватности и необходимости человеческой валидации результатов для ответственного взаимодействия с технологией.

Для концептуализации наблюдаемых феноменов автор опирался на теоретическую базу, объединяющую акторно-сетевую теорию Б. Латура, концепцию эпистемических культур К. Кнорр-Цетини и теорию профессиональных сообществ.

Акторно-сетевая теория, как отмечает Б. Латур, «позволяет рассматривать ИИ-агентов как полноправных акторов. Эти акторы участвуют в конструировании профессиональных практик и влияют на результат вместе с человеческими агентами. Принцип симметрии между человеческими и нечеловеческими акторами (ИИ-агенты) создает возможность исследования процессов трансляции и формирования гетерогенных сетей без приоритета человека» [10].

Наблюдаемые процессы могут быть описаны как последовательные акты трансляции, ведущие к формированию устойчивых гетерогенных сетей.

Проблематизация: ИИ может качественно улучшить процессы психологического анализа нарративов.

Заинтересованность: Нарративный практик стремится повысить эффективность методов, IT-инженер – создать социально значимый продукт, ИИ-система – получить экспертную валидацию, клиент стремится расширить картину пониманий, образов и данных для себя.

Зачисление: ИИ-агент становится обязательной точкой прохождения в процессе терапевтического анализа.

Мобилизация: Формирование устойчивой сети «нарративный практик-ИИ-инженер-клиенты-агенты».

Процесс трансляции может быть проиллюстрирован на примере анализа сказки о Красной Шапочке:

- День 1: Нарративный практик: «Сказка символизирует инициацию»; ИИ-агент: «Detected: hero_journey_pattern, confidence: 0.87» (несовместимые языки)
- День 30: Нарративный практик: «Паттерн инициации с высокой вероятностью происходит через метафору перехода» (эмерджентность гибридного языка)
- День 60: Нарративный практик: «Алгоритм корректно детектирует сюжеты, которые я валидирую че-

рез психологические нарративы и архетипы» (устойчивая трансляция).

По К. Кнорр-Цетине «эпистемическая культура» – это совокупность практик, инструментов и норм, с помощью которых конкретная дисциплина производит знание; [11] Изменение этих «машин знаний» под воздействием ИИ ведёт к трансформации самого знания. Различия между эпистемическими культурами нарративных практик и инженерии приводят к продуктивному напряжению. В результате данного напряжения формируются новые гибридные практики.

Исходные эпистемические культуры:

Культура нарративной практики: интерпретативное знание, циклическое время мифа, критерии терапевтической эффективности.

Культура IT-разработки: алгоритмическое знание, математическое моделирование, линейное время итераций, критерии воспроизводимости и точности.

Процесс культурной гибридизации:

- Неделя 2–4: Культурный шок среди участников;
- Неделя 5–6: Появление пограничных объектов («словарь символов», гибридные метрики);
- Неделя 7–8: Формирование гибридной культуры «ИИ-нарративной практики» с интерпретативно-вычислительным знанием и алгоритмически-ассистированным процессом интерпритации.

Анализ с позиций теории профессиональных сообществ выявляет процессы реконфигурации профессиональных юрисдикций и механизмов профессиональной социализации. Появляется понятие «коллаборативного сообщества», что показывает, как рынки, иерархии и сообщества вместе перестраивают границы профессий в условиях знаний, распределённых цифровыми технологиями. [12]

Трансформация профессиональных границ проявилась в переходе от четкого разграничения между нарративными практиками и алгоритмической обработкой данных к формированию «серой зоны» ИИ-ассистированной терапии, требующей гибридной экспертности. Этот процесс сопровождался значительными изменениями в профессиональной идентичности участников: нарративный практик трансформировался от позиции «Я нарративный практик к идентификации «Я специалист по ИИ-ассистированной работе с нарративами», а IT-инженер эволюционировал от самоопределения «Я инженер» к роли «Я этический ИИ-инженер в области практической психологии». Такая трансформация отражает формирование новых профессиональных идентичностей на пересечении гуманитарных и технологических компетенций.

Метафора симбиоза: биологические основания профессиональной гибридизации

Для концептуализации процессов профессиональной гибридизации рассмотрим биологическую метафору симбиоза на примере лишайников. Лишайник представляет собой симбиотический организм, состоящий из гриба, водорослей и цианобактерии, где ни один участник не способен выживать в экстремальных условиях самостоятельно, но их объединение создает принципиально новую экологическую нишу.

В нашем эксперименте «профессиональный лишайник» представлен объединением нарративного практика, ИИ-агента и инженера-аналитика. Подобно биологическому симбиозу, ни один участник не способен создать эффективную ИИ-ассистированную практику в одиночку.

Структурные аналогии между биологическим и профессиональным симбиозом поразительно точны. Технический специалист (гриб-микобионт) создает инфраструктуру, гуманитарный эксперт (водоросль-фотобионт) интерпретирует информацию, ИИ-агент (цианобактерии) предоставляет вычислительные возможности. В результате получаем симбиотический организм ИИ-ассистированной практики с эмерджентными свойствами.

Профессиональная гибридизация характеризуется взаимной адаптацией: гуманитарный эксперт приспосабливает интерпретативные практики к алгоритмической логике, технический специалист выстраивает архитектуру согласно гуманитарным принципам работы с контекстом. Появляются новые формы экспертности, где человеческий интеллект и машинные возможности образуют единую систему.

Практические воплощения демонстрируют эффективность симбиоза и при принятии решений: в стратегии университета гуманитарий анализирует культурные тренды, ИИ обрабатывает данные студентов, техник создает модели прогнозирования. В образовании преподаватель использует ИИ для анализа текстов и индивидуальных траекторий, техник разрабатывает адаптивную платформу. В медицине радиолог осваивает валидацию ИИ-решений, используя алгоритмы для скрининга при сохранении критического мышления.

Художественное творчество обретает новые формы: поэт создает стихи, дополняемые ИИ визуальными образами, разработчик создает интерфейс взаимодействия с читателями. Возникает новая форма искусства с автором, машиной и аудиторией как сотворцами.

Гибридные практики демонстрируют большую адаптивность, объединяя стабильность гуманитарного знания с гибкостью технических решений. Гибридные специалисты создают качественно новые рынки деятельности, однако успешность критически зависит от институциональной поддержки и культурной готовности организаций к междисциплинарному сотрудничеству.

Прогностическая аргументация: траектории развития гибридных практик

По результатам двухмесячного эксперимента возможно построение прогностических сценариев развития профессиональной гибридизации в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Краткосрочный прогноз (2025–2027):

- Интеграция ИИ-ассистентов в 30–40% терапевтических и образовательных практик;
- Формирование первых образовательных программ по ИИ-компетентности для гуманитариев;
- Появление сертификационных программ для «ИИ-ассистированных» специалистов;
- Разработка этических стандартов для ИИ-инженеров в сфере образования и помогающих профессий;
- Формирование профессиональных ассоциаций и сообщества гибридных практиков.
- Развитие рынка специализированного ИИ-инструментария для гуманитарных областей.

Среднесрочный прогноз (2027–2030):

- Институционализация роли «ИИ-терапевта» как самостоятельной профессиональной категории;
- Трансформация образовательных программ для представителей гуманитарных и технических профессий;
- Развитие профессии «Куратор человеко-машинного взаимодействия»;

- Внедрение ИИ-грамотности в обязательные компетенции всех специальностей;
 - Создание междисциплинарных факультетов «Человеко-машинного взаимодействия»;
 - Появление новых профессий: специальности «Алгоритмический специалист по этике», «Куратор человеко-машинного взаимодействия».
- Долгосрочный прогноз (2030–2035):
- Формирование новой классификации профессий, основанной на типах человеко-ИИ взаимодействия;
 - Трансформация трудового законодательства для регулирования гибридных форм деятельности;
 - Развитие новых экономических моделей, учитывающих вклад ИИ-систем в создание стоимости.

Процессы профессиональной гибридации приводят к фундаментальным последствиям для развития научного знания в различных дисциплинарных областях.

Философия науки нуждается в разработке новой эпистемологии гибридной агентности для описания производства знания в человеко-машинных системах, поскольку традиционные концепции научной объективности требуют пересмотра. Социология профессий должна расширить классическую теорию профессиональных сообществ для включения машинных акторов и разработать новые концепции профессиональной социализации в гибридной среде. Исследования науки и техники сталкиваются с уникальным примером ко-эволюции технических и социальных систем, что требует новых методологических подходов для анализа гибридных социо-технических сетей.

Практические рекомендации для образовательных учреждений включают пересмотр учебных планов с интеграцией гибридных компетенций и подготовку преподавательского состава к работе в гибридной среде. Работодателям необходимо разработать принципы оценки гибридных специалистов, создать организационные структуры для междисциплинарной коллаборации и инвестировать в корпоративные программы развития ИИ-компетенций. Регулирующим органам рекомендуется сосредоточиться на разработке правовых рамок для профессиональной ответственности в гибридных системах и новых стандартов профессиональной этики.

Однако реализация этих рекомендаций сопряжена с рисками. Технологические риски включают возможное замедление развития ИИ-технологий, проблемы масштабируемости и этические ограничения. Социальные риски проявляются в сопротивлении профессиональных сообществ, усилении неравенства между «ИИ-компетентными» и традиционными специалистами, а также потере профессиональной идентичности. Институциональные риски связаны с инерционностью образовательных институтов, недостатком ресурсов для переподготовки специалистов и конфликтами между различными подходами к регулированию.

Выводы и программа дальнейших исследований

Проведенный пилотный эксперимент позволил получить важные результаты, касающиеся процессов профессиональной гибридации с использованием ИИ.

Разработана теоретическая модель профессиональной гибридации как качественно нового феномена, не сводимого к традиционным формам междисциплинарного сотрудничества. Профессиональная гибридация понимается как процесс взаимной трансформации человеческих и машинных компетенций, приводящий к формированию новых эпистемических культур и профессиональных идентичностей. Выявлена четырехуровневая типология: инструментальная интеграция, ролевая

трансформация, синергетическая гибридация и компетентностная конвергенция.

Продemonстрирована эвристическая ценность интеграции акторно-сетевой теории, концепции эпистемических культур и теории профессиональных сообществ для анализа технологически-опосредованной профессиональной трансформации. Установлено, что процессы гибридации запускаются при длительном (6–8 недель) взаимодействии профессионалов с ИИ-системами в условиях совместного решения практических задач.

Зафиксировано, что гибридация затрагивает всех участников процесса: изменяются не только человеческие практики, но и функциональность ИИ-систем через механизмы обратной связи. Расширение феномена гибридации на клиентов указывает на формирование «гибридного общества», где эффективное взаимодействие с ИИ становится базовой социальной компетенцией.

Ограничения исследования связаны с небольшой выборкой, специфичностью контекста нарративных практик и краткостью наблюдения, что ограничивает обобщение результатов. Теоретические ограничения включают недостаточную проработку механизмов сопротивления гибридации и отсутствие анализа неудачных случаев интеграции.

На основе полученных результатов и выявленных ограничений формулируется программа дальнейших возможных исследований: создание математических моделей динамики профессиональной гибридации, репликацию эксперимента на большей выборке и разработку философской теории гибридной агентности. Необходимо также создание диагностических методик для оценки готовности к гибридации и образовательных программ для развития гибридных компетенций.

Эпистемологический анализ гибридного знания требует разработки философской теории гибридной агентности и исследования трансформации критериев истинности в ИИ-опосредованных практиках. Разработка практического инструментария направлена на создание диагностических методик для оценки готовности к гибридации и разработку образовательных программ для развития гибридных компетенций, что обеспечит практическое применение теоретических выводов исследования.

Ключевые рекомендации включают создание международных исследовательских консорциумов, проактивный подход практиков к развитию ИИ-компетенций, пересмотр образовательных программ и разработку гибких правовых рамок для регулирования быстро меняющейся сферы.

Данное исследование представляет первую систематическую попытку эмпирического изучения профессиональной гибридации в условиях ИИ-опосредованного взаимодействия. Результаты свидетельствуют о фундаментальной трансформации структуры профессионального знания, сопоставимой по масштабу с индустриальной революцией. Феномен профессиональной гибридации представляет проявление глубоких изменений в природе человеческой деятельности в эпоху ИИ и требует объединения усилий исследователей различных дисциплин.

Литература

1. Major L., Shah J., What to Expect When You're Expecting Robots: The Future of Human-Robot Collaboration // New York: Basic Book. – 2020. – p. 155
2. Pasquale F., New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI // Cambridge, Massachu-

setts: The Belknap Press of Harvard University Press – 2020. – p. 185

3. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Практикум по сказкотерапии // Издательство «Речь» – 2000. – стр. 7
4. Пропп В.Я., «Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова // Издательство «Лабиринт», М. – 2001. – с. 192
5. Парсонс Т., Система современных сообществ (англ. перевод канд.ист.наук Л.А. Седова и канд.филологических наук А.Д. Ковалева // Аспект Пресс, Москва – 1998. – с. 26
6. Zuboff S., In the age of the smart machine // by Basic Books, Inc. 1988. – p.6, p. 25
7. Zuboff S., In the age of the smart machine// by Basic Books, Inc. 1988. – p. 25
8. Berger P. L., Luckmann T., The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge // Anchor Penguin, 1966. – p. 13
9. Ellul J., The Technological Society // by Alfred A. Knopf, Inc. All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions англ. пер., Alfred A. Knopf, 1964; франц. orig. 1954. – p. 44
10. Latour B., Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory // Oxford University Press Inc., New York – 2005. – p. 30, p. 128
11. Celina K.K., Epistemic Cultures How the Sciences Make Knowledge // Harvard University Press Cambridge, Massachusetts London, England – 1999. – p. 12
12. Adler P.S., Kwon S.W., Heckscher C., Professional Work: The Emergence of Collaborative Community // Organization Science 19(2) – 2008. – p. 364

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL PRACTICES IN THE AGE OF AI: AN ANALYSIS OF THE PROCESS OF HYBRIDIZING COMPETENCIES

Shcherbina T.V.

Research center for creative industries

The research aims to examine professional role transformation through collaborative AI engagement. The analysis focuses on interactions between a data analyst-engineer and narrative practices specialist within a project team.

The methodology employs an original experiment observing professional hybridization processes. The pilot study spanned two months with twenty episodic and eight permanent participants. The theoretical framework incorporates B. Latour's Actor-Network Theory, K. Knorr-Cetina's «epistemic cultures» concept, and professional communities theory.

Results revealed a hybridization process: instrumental integration → role transformation → synergistic hybridization. Competency convergence (skill, knowledge integration within unified processes) serves as the connecting link.

The study established that competency hybridization accompanies epistemic virtue changes. Critical thinking expands to include ethical responsibility, cultural validity, and adaptive reflection. Context sensitivity, collaborative rationality, and social significance of decisions develop.

Scientific novelty lies in conceptualizing professional hybridization within AI-mediated environments, enhancing understanding of professional knowledge structure changes.

Practical significance involves developing recommendations for organizational digital transformation optimization. Research findings apply to educational program design incorporating AI environments.

Keywords: professional hybridization, AI-mediated practices, interdisciplinary competencies, epistemic cultures, transformation of professional roles, human-machine interaction, digital transformation.

References

1. Major L., Shah J., What to Expect When You're Expecting Robots: The Future of Human-Robot Collaboration // New York: Basic Book. – 2020. – p. 155
2. Pasquale F., New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI // Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press – 2020. – p. 185
3. Zinkevich-Evstigneeva T.D., A Workshop on Fairy Tale Therapy // Rech Publishing House – 2000. – p. 7
4. Propp V.Ya., "Morphology of a Magic Fairy Tale. Scientific Editing, Textual Commentary by I.V. Peshkov // Labyrinth Publishing House, Moscow – 2001. – p. 192
5. Parsons T., The System of Modern Communities (English translation by Ph.D. in History L.A. Sedov and Ph.D. in Philosophy A.D. Kovalev // Aspect Press, Moscow – 1998. – p. 26
6. Zuboff S., In the Age of the Smart Machine // by Basic Books, Inc. 1988. – p. 6, p. 25
7. Zuboff S., In the Age of the Smart Machine// by Basic Books, Inc. 1988. – p. 25
8. Berger P. L., Luckmann T., The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge // Anchor Penguin, 1966. – p. 13
9. Ellul J., The Technological Society // by Alfred A. Knopf, Inc. All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions trans., Alfred A. Knopf, 1964; French orig. 1954. – p. 44
10. Latour B., Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory // Oxford University Press Inc., New York – 2005. – p. 30, p. 128
11. Celina K.K., Epistemic Cultures How the Sciences Make Knowledge // Harvard University Press Cambridge, Massachusetts London, England – 1999. – p. 12
12. Adler P.S., Kwon S.W., Heckscher C., Professional Work: The Emergence of Collaborative Community // Organization Science 19(2) – 2008. – p. 364

Факторы нравственного формирования личности как элемент механизма взаимодействия права и морали

Бондаренко Наталья Григорьевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин Пятигорского института
(филиала) СКФУ

Мещерякова Анжела Валерьевна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Пятигорского института
(филиала) СКФУ

Васильева Инна Анатольевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Пятигорского института
(филиала) СКФУ

Статья посвящена факторам нравственного формирования личности как элемента механизма взаимодействия права и морали. Цель: раскрыть морально-правовые факторы и механизмы нравственного формирования личности в современном обществе. Задачи: описать аксиологические основания права и морали как регулятора социального поведения личности; раскрыть механизмы нравственного развития личности в контексте влияния морали и права; выявить факторы нравственного формирования личности в контексте взаимодействия права и морали в современных условиях. Раскрыты проблемы соотношения права и морали, морали и нравственности, социально-правовые механизмы нравственного формирования личности. Показано, что мораль и право являются ценностными категориями, регулирующими социальное поведение личности. Нравственное развитие личности в контексте влияния морали и права определяется с позиции аксиологического подхода как процесс усвоения нравственных, правовых и моральных ценностей, которые выступают регулятором нравственного выбора, нравственного поступка, нравственного поведения в различных жизненных ситуациях, в том числе в системе правоотношений. Продуктивным для понимания ценностной регуляции нравственного поведения личности, в том числе ценностной регуляции правового поведения, в контексте взаимодействия правовых и моральных норм и ценностей выступает диспозиционная концепция регуляции социального поведения. К факторам, оказывающим влияние на нравственное развитие личности, относятся аксиологический кризис современного общества, процессы глобализации, цифровизации и либерализации общественных отношений. Аксиологический кризис общества, в том числе и правовой системы, оказывает влияние на процесс усвоения нравственных, моральных и правовых ценностей, деформирует процесс формирования системы ценностных ориентаций и правового сознания личности. Развитие сетевого общества породило деструктивные ценностные системы в цифровой среде, направленные на разрушение нравственных, моральных и правовых ценностей. В цифровом мире актуальны вопросы пересмотра системы правовых ценностей, формирования цифровой культуры, цифровой безопасности как условия успешного нравственного развития личности.

Ключевые слова: нравственное развитие, мораль, право, правовое сознание, правовое поведение, нравственные ценности, ценностная регуляция поведения.

Введение

Проблемы нравственного формирования личности в контексте влияния морально-правовых механизмов имеет междисциплинарный характер и исследуются во многих областях научного знания. Современный мир в настоящее время переживает аксиологический кризис, связанный с девальвацией духовно-нравственных ценностей, с засильем ценностей массовой культуры, многообразием, противоречивостью и конфликтностью ценностно-нормативной сферы общественных отношений. Процессы глобализации и цифровизации, виртуализация общественных отношений современного общества ведут к трансформации аксиологической составляющей, оказывая влияние на систему права и морали. В современном обществе глубокой трансформации подвержены правовые системы, ее ценностно-мировоззренческие, моральные и нравственные элементы, регулирующие правовые отношения, оказывающие влияние на нравственное развитие личности. Актуальными становятся вопросы о факторах нравственного формирования личности как элемента механизма взаимодействия права и морали.

Цель исследования: раскрыть морально-правовые факторы и механизмы нравственного формирования личности в современном обществе. Задачи исследования:

- описать аксиологические основания права и морали как регулятора социального поведения личности;
- раскрыть механизмы нравственного развития личности в контексте влияния морали и права;
- выявить факторы нравственного формирования личности в контексте взаимодействия права и морали в современных условиях.

Результаты и обсуждение

Вопросы о факторах нравственного формирования личности в контексте исследования механизмов взаимодействия права и морали требуют рассмотрения проблемы соотношения права и морали, морали и нравственности, проблемы механизмов нравственного развития личности как социального субъекта, вовлеченного в морально-правовые отношения. Феномены нравственного развития, морали и права являются аксиологическими категориями, поскольку их основу составляет нравственные, моральные и правовые ценности общества. Нравственное формирование личности опосредовано системой нравственных ценностей, существующих в обществе. Основу системы нравственных ценностей, согласно Р.В. Овчаровой, Э.Р. Гизатуллиной, «составляют нравственные принципы, через которые раскрывается сущность моральной системы общества, ее социально-исторический смысл» [8, с. 48].

Рассматривая нравственное развитие личности в контексте влияния морали и права с позиции аксиологического подхода, необходимо раскрыть сущность содержания понятий «право», «мораль», «нравственное развитие личности», а также их ценностные основания. Как пишет К.В. Агамиров, «мораль и нравственность — это нормы, определенные общественным мнением,

а право — это нормы и законы, установленные государством» [1, с. 327]. Мораль и право имеют единое происхождение, в основе которого лежит нравственный постулат о справедливости. Отличие между нормами морали и права, как пишут О.М. Гусейнов, Г.О. Гусейнов, заключается «в том, что моральные требования к личности носят в основном неинституционный характер, так как мораль функционирует без опоры на административный аппарат, а в праве обязующая сила требований основывается на принуждении, санкционируется особыми учреждениями, наделенными для этого специальными прерогативами» [3, с. 23]. Несмотря на то, что нормы права в своей основе содержат морально-нравственные нормы, Д.В. Казанцева отмечает, что «нормы морали и нравственности более субъективны, нежели нормы права, которые объективны, так как имеют свое выражение в законе» [4, с. 12]. Далее автор пишет, что, «соединяя в себе нравственность и право, нормы морали изначально допускают многообразие различных субъективных толкований своего определения» [4, с. 13]. Общим для морали и права является то, что они принадлежат к культуре общества, являются ценностными формами сознания, имеют нормативное содержание, служат нормативно-ценностными регуляторами поведения людей для достижения общей цели утверждения общечеловеческих ценностей в обществе. Мораль и право не просто взаимосвязаны, а находятся в глубоком взаимопроникновении. Они взаимообуславливают, дополняют и взаимообеспечивают друг друга в регулировании общественных отношений.

Внимания заслуживают вопросы системы права, ее ценностных оснований, механизма взаимодействия права и морали как социальных регуляторов нравственного развития личности. Правовая система общества невозможна вне моральных норм и ценностей, исследование которых имеет важное значение для оптимизации процессов социального регулирования. Право выступает инструментом регуляции общественных отношений, опирается на базовые моральные ценности общества, является условием формирования и воспитания у личности высоких нравственных качеств, которые определяют правовое поведение личности. Право, выступающее в качестве нормативно-ценностной системы, реализует свои функции на уровне личности, общества и государства, обеспечивая реализацию правовых ценностей на уровне индивидуального и общественного сознания и поведения. Правовое поведение личности основывается на ценностных принципах долга и свободы. Правовое поведение личности, как пишет В.А. Слыщенко, «обеспечивается обязанностью, которая отражает противоположащее право другой стороны отношения» [11, с. 5]. Далее автор продолжает, что «правовая свобода есть подлинная, или позитивная, свобода как самореализация человека в справедливых отношениях с другими людьми» [11, с. 5].

Нравственно развитая личность, как пишут О.М. Гусейнов, Г.О. Гусейнов, «должна обладать не только правовыми, но и нравственными знаниями, пониманием нравственной сущности законов, умением использовать их для укрепления нравственных устоев общества и личности» [3, с. 25]. С.Т. Адамянц пишет о ценностно-мировоззренческой системе права как культурного феномена, в структуре которой включены «существующие убеждения, принципы и оценки, связанные с действием права» [2, с. 25], которые определяют ценностные основания правового сознания отдельного человека и общества в целом. Как отмечают О.М. Гусейнов, Г.О. Гусейнов, «нравственное содержание права, его роль в развитии, регуляции, защите морали будут тем выше, чем

больше законодательство будет эффективно защищать права и интересы граждан» [3, с. 26]. Соблюдение законности в отношении интересов личности являются тем условием, которое позволяет «говорить о едином нравственно-правовом поле формирования духовно-нравственного мира личности, адекватной роли права в укреплении в межчеловеческих отношениях принципов справедливости, добропорядочности и гуманизма» [3, с. 26]. Однако, необходимо отметить, что нравственность и право, имея общие ценностные основания, обладают собственной спецификой регуляции социального поведения личности.

Важным в рамках исследования представляется рассмотрение вопросов соотношения морали и нравственности. Мораль, по мнению Р.В. Овчаровой, Э.Р. Гизатуллиной, «имеет определенную структуру, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены: моральное сознание и нравственное самосознание, моральное поведение, моральные отношения» [8, с. 12]. Мораль является многокомпонентным образованием, в которое входят моральные принципы, моральные нормы, моральные ценности и нравственный идеал, в чем выражается взаимосвязь морали и нравственности, которые обладают ценностной природой. На уровне личности мораль и нравственность находят свое выражение в нравственном самосознании, которое представляет собой «осознание человеком себя как личности и своего места в общественной деятельности людей с точки зрения морали» [8, с. 12].

Вопросы о механизмах нравственного развития личности в контексте влияния норм и ценностей морали и права раскрываются посредством понимания теоретических положений о ценностной регуляции поведения личности. Социологический подход к ценности, реализуемый, в частности, в теории структурного функционализма Р. Мертона, позволяет описать функции ценностей в процессе трансформации и стабилизации социальных отношений, образующих социальную систему, установить связь идеальной сферы сознания и сферы социального бытия [10]. Субъективный подход описывает ценности как элементы структуры сознания, как систему ценностных ориентаций, определяющей ценностную регуляцию социального поведения личности [14]. Ценности являются системным образованием и, по мнению, А.М. Ходырева, являются «надситуативным источником мотивации, имеют идеальный и объективный характер, определяющий отношение субъекта с миром» [13, с. 24].

Нравственное формирование личности связано с формированием системы ценностных ориентаций. Регуляционная функция ценностных ориентаций осуществляется посредством трансформации потребностей в социально значимое поведение личности через механизмы интериоризации и социализации. С аксиологических позиций нравственное развитие личности понимается как процесс усвоения духовно-нравственных ценностей, выступающих регулятором нравственного выбора, нравственного поступка, нравственного поведения в различных жизненных ситуациях. Нравственная сфера личности — системное образование, включающее нравственные убеждения, знания, представления, понятия, оценочные суждения, ценности и ценностные ориентации, нравственные чувства и переживания, нравственные действия, привычки, поступки и отношения [8].

Продуктивным для понимания ценностной регуляции социального поведения личности в контексте взаимодействия правовых и моральных норм и ценностей в процессе нравственного развития личности выступает диспозиционная концепция регуляции социального по-

ведения, предложенная В.Я. Ядовым [14]. Обоснована иерархическая организация регуляции поведения личности, в которой на низшем уровне системы диспозиций располагаются элементарные фиксированные установки, носящие неосознаваемый характер и связанные с удовлетворением витальных потребностей. Высший уровень диспозиций личности представляет систему ценностных ориентаций, которая соответствует высшим социальным потребностям и отвечает за отношение человека к целям и средствам их удовлетворения, зависит от социальной общности, с которой себя идентифицирует личность. Уровни диспозиционной системы личности отличаются степенью осознанности описанных регулятивных образований и отражают уровень развития нравственного сознания личности.

Ценности и ценностные ориентации выступают в качестве ведущего компонента нравственного сознания личности. Как отмечают Р.В. Овчарова, Э.Р. Гизатулина, «именно система личностных ценностей и смыслов как нравственная позиция личности обуславливает характер морального выбора, следовательно, уровень и характер нравственного и общего личностного развития» [8, с. 24]. Нравственное развитие в процессе социализации личности происходит поэтапно, «от приобщения индивида к моральным нормам общества, формирования на их основе оценочных суждений, затем более сложных смысловых образований (моральных понятий, принципов) до выработки нравственного идеала как наиболее обобщенного мировоззренческого понятия» [8, с. 47–48].

Раскроем факторы современного мира, влияющие на нравственное развитие личности, на формирование ее морально-ценностных оснований. Процессы глобализации, информатизации и либерализации общественных отношений, связанные с ними кризисные явления во всех сферах общественного бытия, в том числе и в системе морали и права, привели к трансформации системы общественных ценностей. Кризис ценностной системы современного общества проявляется в размытости ценностно-нормативной системы, в девальвации традиционных ценностей, в актуализации ценностей общества потребления, в нарушениях межпоколенческой преемственности, при которой механизмы передачи ценностей от старшего поколения к младшему существенно деформированы. В правовой системе российского общества кризисные явления обусловлены сменой ценностно-правовой парадигмы от исторического и диалектического материализма к юридическому натурализму, который, как отмечают М.М. Коблева, З.С. Лусегенова, основан «на идеях естественного права как совокупности правил, ценностей, продиктованных естественной природой человека и не зависящих от государства и конкретных социальных условий» [5, с. 28], в результате чего сформировались такие проявления, «как индивидуализм, предпринимательство, потребительство, построение общества всеобщего благоденствия, идеи саморазвития общества» [5, с. 28]. Общественное сознание в условиях аксиологического кризиса общественно-го развития, как пишет Л.Д. Рассказов, становится кризисным, то есть «претерпевшее качественные изменения, что выражается в нарушении целостности сознания и его системных свойств и качеств» [9, с. 33]. Кризисное состояние сознания характеризуется кризисностью ценностной системы отдельных людей, различных социальных групп и общества в целом. Аксиологический кризис ценностной системы общества оказывает влияние на процесс усвоения общественно значимых ценностей, деформирует процесс формирования системы ценност-

ных ориентаций и правового сознания личности, искажая нравственное развитие.

Развитие сетевого информационно-коммуникативного общества также является ключевым фактором трансформации ценностной системы общества, которая оказывает влияние на нравственное развитие личности. Основой информационного общества является виртуальная коммуникация, которая участвует в формировании новой системы ценностей, новых феноменов цифровой культуры, цифровой этики, в том числе в правовой системе общественных отношений. В современном мире кризис ценностной системы общества можно определить как кризисные тенденции развития информационного общества, ведущими ценностями которого становятся информация и виртуализация, опосредующие отношения людей, социальные общности и общество в целом. Этика и мораль, как пишет Я.А. Коробкина, «в цифровом пространстве играют ключевую роль в формировании безопасной и справедливой онлайн-среды» [6, с. 41]. Цифровизация общества породила новые вызовы, появление новых виртуальных форм коммуникации, под влиянием которых происходит социализация личности, которые зачастую оказывают десоциализирующее воздействие и искажают нравственное развитие человека. Новые вызовы и риски цифровизации меняют характер ценностных (нравственных) конфликтов. К таким вызовам относятся: приватность и защита данных, кибербуллинг и онлайн-агрессия, фейковые новости и дезинформация, этическое использование искусственного интеллекта, авторское право и интеллектуальная собственность, зависимость от цифровых технологий, цифровой разрыв и доступность технологий, экологические аспекты цифровизации [6].

Отдельного внимания заслуживают вопросы влияния деструктивных ценностных систем в цифровой среде, направленных на разрушение традиционных ценностей и манипуляцию человеком. К ним относятся виртуальные экстремистские сообщества, деструктивные сообщества, призывающие к самоуничтожающему поведению, культивирование ценностной потребления, эгоистических ценностей и агрессивных форм поведения. Деформации развития нравственной сферы личности ведут к различным девиациям поведения и росту негативных социальных явлений. Рост экстремистских проявлений, особенно в подростковой и молодежной среде, включая насилие и вандализм, групповые самоубийства, национализм, и другие негативные явления, как пишет Л.Н. Доброхотов, есть «результат замыкания немалого числа молодежи и подростков в неконтролируемой цифровой среде вредоносных сайтов и сетей при отсутствии позитивного влияния на культурный и нравственный мир молодежи учителей и родителей, призванных передавать ей культурный код и традиции предшествующих поколений» [12, с. 79]. Поэтому сегодня остро стоят вопросы формирования цифровой культуры, цифровой безопасности как условия успешного нравственного развития личности.

С другой стороны, кризисные явления современной ценностно-нормативной системы общества в настоящее время обусловили распространение правового нигилизма как одной из форм деформаций правового сознания [1]. Развитие цифровых технологий, виртуальной реальности и инструментов искусственного интеллекта привели к проблеме недостаточного нормативного правового регулирования основ и условий их функционирования, что актуализировало аксиологические аспекты права в условиях цифровой реальности. В настоящее время, как отмечает Т.М. Лопатина, возникла необходимость «пересмотра содержательных основ системы правовых

ценностей в зависимости от их оценки и имплицитности в цифровой социум с сохранением ориентира на уважение права как универсальной социальной ценности» [7, с. 17].

Заключение

В контексте исследования факторов нравственного формирования личности, роли права и морали как механизма нравственного развития личности, раскрыты проблемы соотношения права и морали, морали и нравственности, социально-правовые механизмы нравственного развития личности. Категории права и морали относятся к аксиологическим элементам общественного развития, а проблема соотношения права и морали является одной из ведущих проблем научного познания. Показано, что нормы морали и нравственности более субъективны, нежели нормы права, объективация которых выражена в законе. Нравственное развитие личности с аксиологических позиций понимается как процесс усвоения нравственных, правовых и моральных ценностей, которые выступают регулятором нравственного поведения в различных жизненных ситуациях, в том числе в системе правоотношений. Продуктивным для понимания ценностной регуляции социального поведения личности, в том числе ценностной регуляции правового поведения, в контексте взаимодействия правовых и моральных ценностей выступает диспозиционная концепция регуляции социального поведения. Выявлены факторы современной действительности, оказывающие влияние на нравственное развитие личности. К ним относятся процессы глобализации, цифровизации и либерализации общественных отношений, связанный с данными процессами аксиологический кризис современного общества. Аксиологический кризис ценностной системы общества, в том числе и правовой системы, оказывает влияние на процесс усвоения нравственных, моральных и правовых ценностей, деформирует процесс формирования системы ценностных ориентаций и правового сознания личности. Развитие сетевого общества породило новые вызовы, появление новых виртуальных форм коммуникации, деструктивных ценностных систем в цифровой среде, направленных на разрушение нравственных и правовых норм и ценностей, которые зачастую искажают нравственное развитие человека. В настоящее время актуализируется проблема пересмотра системы правовых ценностей, формирования цифровой культуры, цифровой безопасности как условия успешного нравственного развития личности.

Литература

1. Агамиров К.В. Правовая культура современной России: актуальные вопросы теории и практики // Образование и право. 2022. № 7. С. 326–329.
2. Адамьянц С.Т. Правовая культура и государственно-правовая политика современной России // Правовая культура. 2023. № 1 (52). С. 24–32.
3. Гусейнов О.М., Гусейнов Г.О. К вопросу о соотношении морали и права в духовно-нравственном развитии личности // Вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Том 34. Вып. 1. С. 21–28.
4. Казанцева Д.Б. Влияние морали и права на процесс развития личности // Социосфера. 2010. № 3. С. 12–15.
5. Кobleva M.M., Lusegenova Z.S. О роли нравственности в современном цивилистическом процессе (аксиологический подход) // Мировой судья. 2024. № 01. С. 28–33.

6. Коробкина Я.А. Этика и мораль в цифровом пространстве: новые вызовы для современного общества: сборник трудов конференции. / Я.А. Коробкина, И.Г. Волкова // Психолого-педагогические исследования – Тульскому региону: материалы IV Регион. научно-практической конференции молодых ученых, 2024. С. 39–41.
7. Лопатина Т.М. Аксиологический аспект права в условиях цифровой реальности // History of State and Law. 2024. № 01. С. 17–22.
8. Овчарова Р.В., Гизатуллина Э.Р. Развитие нравственной сферы личности подростка: Монография. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2011. 147 с.
9. Рассказов Л.Д. Российское общественное сознание в условиях современных глобализационных кризисных процессов: автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2018. 49 с.
10. Семенова В.А., Зарубин В.Г., Мартыанова Н.А. Социология Роберта К. Мертона: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 175 с.
11. Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. М.: Юрлитинформ, 2020. 56 с.
12. Трансформация этической матрицы в цифровую эпоху. Материалы научной онлайн конференции с международным участием / ред. А.К. Мамедов, И.Н. Чудновская. М.: МАКС Пресс, 2022. 202 с.
13. Ходырев А.М. Современный взгляд на категорию «ценности» // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 5 (134). С. 20–30.
14. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

FACTORS OF MORAL DEVELOPMENT OF THE INDIVIDUAL AS AN ELEMENT OF THE MECHANISM OF INTERACTION OF LAW AND MORALITY

Bondarenko N.G., Vasilyeva I.A., Meshcheryakova A.V.

Pyatigorsk Institute (branch) of North Caucasian Federal University

The article is devoted to the factors of moral development of the individual as an element of the mechanism of interaction of law and morality. Objective: to reveal moral and legal factors and mechanisms of moral development of the individual in modern society. Objectives: to describe the axiological foundations of law and morality as a regulator of social behavior of the individual; to reveal the mechanisms of moral development of the individual in the context of the influence of morality and law; to identify the factors of moral development of the individual in the context of the interaction of law and morality in modern conditions. The problems of the relationship between law and morality, morality and morality, social and legal mechanisms of moral development of the individual are revealed. It is shown that morality and law are value categories that regulate the social behavior of the individual. Moral development of the individual in the context of the influence of morality and law is defined from the position of the axiological approach as the process of assimilation of moral, legal and moral values, which act as a regulator of moral choice, moral act, moral behavior in various life situations, including in the system of legal relations. The dispositional concept of regulation of social behavior is productive for understanding the value regulation of moral behavior of an individual, including the value regulation of legal behavior, in the context of the interaction of legal and moral norms and values. The factors influencing the moral development of an individual include the axiological crisis of modern society, the processes of globalization, digitalization and liberalization of social relations. The axiological crisis of society, including the legal system, affects the process of assimilation of moral, ethical and legal values, deforms the process of formation of the system of value orientations and legal consciousness of an individual. The development of a network society has given rise to destructive value systems in the digital environment aimed at the destruction of moral, ethical and legal values. In the digital world, the issues of revising the system of legal values, the formation of a digital culture, digital

security as a condition for successful moral development of an individual are relevant.

Keywords: moral development, morality, law, legal consciousness, legal behavior, moral values, value regulation of behavior.

References

1. Agamirov K.V. Legal culture of modern Russia: current issues of theory and practice // *Education and law*. 2022. No. 7. Pp. 326–329.
2. Adamyants S.T. Legal culture and state and legal policy of modern Russia // *Legal culture*. 2023. No. 1 (52). Pp. 24–32.
3. Huseynov O.M., Huseynov G.O. On the relationship between morality and law in the spiritual and moral development of the individual // *Bulletin of the Dagestan State University*. 2019. Vol. 34. Issue 1. Pp. 21–28.
4. Kazantseva D.B. The influence of morality and law on the process of personality development. // *Sociosphere*. 2010. No. 3. Pp. 12–15.
5. Kobleva M.M., Lusegenova Z.S. On the role of morality in the modern civilistic process (axiological approach) // *Justice of the Peace*. 2024. No. 01. Pp. 28–33.
6. Korobkina Ya.A. Ethics and morality in the digital space: new challenges for modern society: collection of conference papers. / Ya.A. Korobkina, I.G. Volkova // *Psychological and pedagogical research – to the Tula region: materials of the IV Regional. scientific and practical conference of young scientists*, 2024. Pp. 39–41.
7. Lopatina T.M. Axiological aspect of law in the context of digital reality // *History of State and Law*. 2024. No. 01. Pp. 17–22.
8. Ovcharova R.V., Gizatullina E.R. Development of the moral sphere of the adolescent personality: Monograph. Kurgan: Publishing house of Kurgan State University, 2011. 147 p.
9. Rasskazov L.D. Russian public consciousness in the context of modern globalization crisis processes: abstract of dis. ... doctor of philosophy: 09.00.11. Ulan-Ude, 2018. 49 p.
10. Semenova V.A., Zarubin V.G., Martyanova N.A. Sociology of Robert K. Merton: monograph. Moscow: Publishing house Yurait, 2021. 175 p.
11. Slyshchenkov V.A. Law and morality: differences in concepts. Moscow: Yurlitinform, 2020. 56 p.
12. Transformation of the ethical matrix in the digital age. Proceedings of the scientific online conference with international participation / ed. A.K. Mamedov, I.N. Chudnovskaya. M.: MAKSPress, 2022. 202 p.
13. Khodyrev A.M. Modern view of the category of “values” // *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023. No. 5 (134). Pp. 20–30.
14. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: Dispositional concept. M.: TsSPiM, 2013. 376 p.

Крюков Виктор Васильевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
E-mail: krukovzav@mail.ru

Сотникова Елена Вячеславовна,

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
E-mail: sotnikovaev@mail.ru

Ступина Наталья Сергеевна,

доцент кафедры правовых и социальных наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий
E-mail: Nstupina2601@mail.ru

Предметом статьи является понятие цивилизации. Целью статьи является выявление смысла понятия цивилизации в различных дискурсах. Применены методы аксиологии, герменевтики и диалектики. В статье представлены различные версии авторства термина «цивилизация»: это мнения Л. Февра о первенстве Н. Буланже, Э. Бенвениста и Ж. Старобински о приоритете В. де Мирабо, а также версия А. Фергюсона. Учтены мнения россиян Б. Ерасова и Э. Фролова. Далее рассмотрены классические теории исторического плюрализма Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, которые полагали общество как ряд уникальных, самостоятельных цивилизаций. Наконец изложена концепция В. Крюкова, в которой цивилизация представлена как гражданское общество и более высокая стадия развития культуры после дикости и варварства, в которой определяющую роль играют экономические, урбанистические и демографические факторы. В итоге цивилизация представлена как более высокий уровень развития культуры после дикости и варварства, когда люди не потребляют готовые продукты природы, а сами производят необходимые для жизни продукты.

Ключевые слова: цивилизация, культура, родовое общество, оседлость, производство, гражданство.

Генезис термина «цивилизация»

Попытку установить время появления термина «цивилизация» одним из первых предпринял французский историк Люсьен Февр. В своей работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» [10] он зафиксировал первое появление термина в напечатанном виде в работе «Древность, разоблаченная в своих обычаях» французского философа Николя Антуана Буланже, французского философа и историка древности, который полагал, что «дикий народ становится цивилизованным... после того, как народу даны четкие и непререкаемые законы и нужно, чтобы он относился к данному ему законодательству как к цивилизации». [10, с. 239–281]

Французский лингвист Эмиль Бенвенист отдавал приоритет в использовании термина маркизу Виктору де Мирабо и вслед за Л. Февром обратил внимание на то, что «существительное *civilisation* появилось в дискурсах заметно позже, чем глагол *civiliser* («смягчать нравы») и прилагательное *civilisé* («благовоспитанный»)», [1, с. 514] а по мнению швейцарского историка культуры Жана Старобински «авторство термина «цивилизация» принадлежит Виктору Мирабо и его труду «Друг человечества» [8, с. 115]

В британскую лексику термин «цивилизация» ввел шотландский философ Адам Фергюсон, автор сочинения «Опыт истории гражданского общества», где уже на второй странице отметил: «Путь от младенчества к зрелости прodelывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации». [11, с. 2]

В России востоковед Б.С. Ерасов выделил следующие критерии, отличающие цивилизацию от стадии варварства: «1) система экономических отношений, основанная на разделении труда – горизонтальном (профессиональная и укладная специализация) и вертикальном (социальная стратификация); 2) средства производства (включая живой труд) контролируются правящим классом, который осуществляет централизацию и перераспределение прибавочного продукта, изымаемого у первичных производителей через оброк или налоги, а также через использование рабочей силы для проведения общественных работ; 3) наличие сети обмена, контролируемой профессиональным купечеством или же государством, которая вытесняет прямой обмен продуктов и услуг; 4) политическая структура, в которой доминирует слой общества, концентрирующий в своих руках исполнительные и административные функции». [4, с. 343]

Рассуждая о критериях определения цивилизации, российский историк Э.Д. Фролов перечислил их наиболее распространенный набор: «общность геополитических условий, исконное языковое родство, единство или близость экономического и политического строя, культуры (включая религию) и менталитета». Также ученый признавал, что «оригинальное качество цивилизации обусловлено оригинальным свойством каждого из структурообразующих элементов и их неповторимым единством» [12, с. 96–100]

Версии концепции цивилизации

Наиболее яркими трактовками своеобразия и уникальности культур в истории человечества принято считать теории Николая Яковлевича Данилевского, Освальда Арнольда Готтфрида Шпенглера и Арнольда Джозефа Тойнби.

Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» первым сформулировал идею о неповторимости и уникальности отдельных социальных систем, которые он назвал *культурно-историческими типами*. Таких определенных типов культур Данилевский насчитывает десять: египетский, китайский, древне-семитический (Ассирия и Вавилон), индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (Аравия) и германо-романский, или европейский. Славянство он трактует как новый культурно-исторический тип, который лишь формируется и отличается от Европы. К этим естественным типам Данилевский прибавляет два сомнительных типа – майянский и инкский, «погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития» [2, с. 330] А вот Америку, современную ему, он вообще не считал самостоятельной и относил ее к европейскому типу.

Освальд Шпенглер в знаменитой книге «Закат Европы» также придерживался линии *культурно-исторического релятивизма*, рассуждая о своеобразных «душах культур», определяющих локальные и существенно различные социумы. «Культуры, – писал философ, – живые существа высшего порядка; они вырастают со своей возвышенной бесцельностью подобно цветам в поле..., они принадлежат к живой природе». Процесс истории – это картина «вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания культур». [14, с. 56–57]

Шпенглер выделял восемь типов культур, по его мнению существовавших в течение всей истории человечества: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западно-европейскую («фаустовскую») и культуру майя. Каждая культура имеет свои формы – язык, искусство, право, религию, философию. Каждая культура – сама по себе ценность, ибо ее сущностное зерно состоит из традиционных, исторически сложившихся идей и усваиваемых им ценностей. Словом, каждая культура, по мнению философа, имеет свое лицо. Общие ценности – религия, мораль, искусство – связывают воедино всех представителей данной культуры. «Явления других культур говорят на другом языке, для других людей есть другие истины». [14, с. 61]

Каждая культура в своём развитии проходит ряд основных стадий: 1) мифо-символическая – стадия зарождающейся культуры, когда основные её формы только зарождаются; 2) стадия ранней культуры, когда её формы только возникают; 3) стадия метафизико-религиозной (высокой) культуры, на которой она достигает своего расцвета; 4) стадия старения и гибели культуры – стадия цивилизации. [13; 14, с. 43–66] Отметим, что в понимании О. Шпенглера цивилизация трактуется как стадия упадка и завершения эволюции культуры как социального организма. «Цивилизация опирается преимущественно на рациональность, рассудочное абстрагирование и, в итоге, на материальные ценности. Культура же опирается на духовные ценности и духовную саморегуляцию, а вытеснение из жизни людей духовного, ценностного фактора неминуемо ведет к кризису культуры, ее исчезновению. Таково состояние культуры в Западной Европе: культура превращается в цивилизацию, ее живая душа умирает». [14, с. 461–463]

Артур Тойнби рассматривал всемирную историю как систему условно выделяемых цивилизаций, проходящих одинаковые фазы от рождения до гибели и составляющих ветви «единого дерева истории». Цивилизация, по Тойнби, это замкнутое общество, характеризующееся такими критериями, как религия, форма организации, территориальный признак, удаленность от того места, где это общество первоначально возникло. Тойнби выделяет более двух десятков цивилизаций, как то: египетская, андская, древнекитайская, минойская, шумерская, майяская, сирийская, индская, хеттская, эллинская, западная, дальневосточная в Корее и Японии, православная христианская в Византии и на Балканах, православная христианская в России, дальневосточная (основная), иранская, арабская, индуистская, мексиканская, юкатанская, вавилонская. [13; 14, с. 43–66]

В версии А. Тойнби «главенствует идея возникновения и развития цивилизаций в виде ответа на глобальные вызовы своего времени. Механизм рождения и развития цивилизации связан с определенным ответом на вызовы, которые постоянно бросает народам природное и социальное окружение (суровый климат, частые землетрясения или наводнения, войны, культурная экспансия и т.д.)». [3, с. 540; 6, с. 170–173]

Социальная сущность цивилизации

«Слово «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский) ... характеризует переход человеческого общества от стадии преимущественно природных оснований к собственно социальным, определяющим факторам бытия. Человечество как социум возникло относительно недавно. Если не принимать всерьез исследования палеонтологами костей и черепов животных предков человека – ведь не в анатомии же дело! – а поставить вопрос радикально: когда появился первый *артефакт* (от лат. *arte* – искусственный), то мы получим недалекое прошлое – один миллион лет. Именно таким сроком датируется древнейшее искусственное сооружение – кострище, очаг, сложенный по кругу из камней, найденный на территории современной Эфиопии. В этом очаге искусственно поддерживался, культивировался огонь!» [5, с. 73]

Варварское (от лат. *Barbari* – бородатые) общество дикарей базировалось на кровном родстве, то есть людей связывала общность происхождения, общие предки. «Многие сотни тысяч лет люди имели культуру – то есть пользовались орудиями труда, носили одежду и украшения, применяли оружие и строили жилища, но при этом преимущественно пользовались готовыми продуктами природы, занимались охотой и собирательством, да и в отношениях друг с другом руководствовались кровнородственными связями – называлось это родовой общиной или же кланом, как в Шотландии, и тейпом – как на Кавказе». [5, с. 73]

Этимологом термина «цивилизация» является латинское слово *civitas* – город. «Общество людей, социум отделяется от природы там и тогда, когда на смену потреблению готовых продуктов природы приходит производство всего необходимого для жизни. Признаком такого уровня развития культуры были города, поскольку начало производства знаменовал собой отказ от кочевого образа жизни и переход к оседлости. Но обрабатываемую территорию надо было защищать от кочевников или агрессивных соседей. Следовательно, нужны были крепости, «городьба», кремли (др.-рус. *кремники* – крепкие). А в городах уже жили чужие друг другу люди, никак не родня, и связывала их и делала согражданами совместная хозяйственная деятельность». [5, с. 73]

«Поскольку города были прежде всего крепостями, в которых жили вместе чужие люди, то именно города становились центрами торговли, средоточием власти и богатства, местом для строительства храмов и дворцов, территориями жизни многих людей из разных мест и разных родовых корней. ...Общее правило: там и тогда, где и когда люди сами производят все необходимое для жизни, возникает *цивилизация*». [5, с. 73]

Подводя итог, констатируем: цивилизация является собой новый, более высокий уровень развития культуры после дикости и варварства, когда люди не потребляют готовые продукты природы, а сами производят необходимые для жизни продукты. *Экономика* (от др.гр. *ο χος* – вокруг и *ν μα* – дом) – вот что становится способом жизнедеятельности людей, что формирует *ноосферу* (от греч. *νόος* – ум, разум и *σφα ρα* – шар), составляет искусственную среду обитания – *οϊκουмену* (от др.гр. *ο κοινὸν* – заселенная земля), а население превращает в *гражданское общество*.

Что же касается альтернативы исторического монизма или социального плюрализма и культурного релятивизма, то полагаем, что они представляют собой крайности, асимптоты эволюции человечества, идеализации действительных тенденций развития общества. Много цивилизаций или одна в различных ипостасях? «Усиление тенденции интеграции в той или иной социальной среде с необходимостью влечет возрастание унификации и нивелировки, что приводит к упрощению, даже примитивизации соответствующего социального субъекта и застою в его развитии».

«Усиление же тенденции разделения, автономии социальных субъектов, ...имеет своим следствием рост разнообразия, возникновение множества вариантов и альтернатив, и следовательно возможность свободного формообразования и заготовки впрок оригинальных моделей исторического развития».

«Такова печальная диалектика истории: быть единым человечеством, но при этом пить кока-колу, жевать сникерсы, танцевать ламбаду и смотреть новости CNN, или же сохранять самобытность, пить квас, хлебать щи, плясать камаринского, слушать сообщения Информбюро, и при этом ощетиниваться ракетами, вести идеологическую борьбу и воздвигать «железный занавес». Увы, и то, и другое – одинаково плохо». [5, с. 147–148]

Литература

1. Бенвенист Э. Цивилизация. К истории слова // Общая лингвистика. Глава XXXI. – М.: URSS, 2010. – 738 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. – 550 с.
3. Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги. Русская цивилизация в наследии К. Леонтьева, Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби. – М.: Русский мир, 2008. – 700 с.
4. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
5. Крюков В.В. Сумма аксиологии: монография / В.В. Крюков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 207 с.: ил., 10 цв. ил. (Серия «Монографии НГТУ»).
6. Рашковский Е.Б. Востокведная проблематика в культурно-исторической концепции А. Дж. Тойнби. М.: Наука, 1976. – 199 с.
6. Семёнов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.

7. Старобинский Ж. Слово «цивилизация» / Поэзия и знание. История литературы и культуры. В 2 томах // Старобинский, Ж.; Васильева, Е. П.; Дубин, Б. В.; Зенкин, С. Н.; Мильчина, В. А. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1. – 496 с.
8. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – М.: Рольф, 2002. – 592 с.
9. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Бои за историю / Февр, Люсьен; Бобович, А. А.; Гуревич, А. Я.; АН СССР. – М.: Наука, 1991. – 629 с. – (Памятники исторической мысли).
10. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Фергюсон, Адам; Мюрберг, И. И.; Абрамов, М. А. – М.: РОССПЭН, 2000. – 391 с. – (Университетская б-ка: Политология).
11. Фролов Э.Д. Проблема цивилизаций в историческом процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2006. – № 2. – 96–100.
12. Чесноков Г.Д. Современная буржуазная философия истории. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972. – 430 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: «Наука», 1993. – 592 с.

CIVILIZATION: GENESIS OF THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE PHENOMENON

Kryukov V.V., Sotnikova E.V., Stupina N.S.

Siberian State University of Geosystems and Technologies

The subject of the article is the concept of civilization. The purpose of the article is to identify the meaning of the concept of civilization in various discourses. The methods of axiology, hermeneutics and dialectics are applied. The article presents various versions of the authorship of the term "civilization": these are the opinions of L. Febvre on the primacy of N. Boulanger, E. Benveniste and J. Starobinsky on the priority of V. de Mirabeau, as well as the version of A. Ferguson. The opinions of Russians B. Yerasov and E. Frolov are taken into account. Further, the classical theories of historical pluralism of N. Danilevsky, O. Spengler and A. Toynbee are considered, who believed that society is a series of unique, independent civilizations. Finally, the concept of V. Kryukov is presented, in which civilization is presented as a civil society and a higher stage of cultural development after savagery and barbarism, in which economic, urban and demographic factors play a decisive role. As a result, civilization is presented as a higher level of cultural development after savagery and barbarism, when people do not consume ready-made products of nature, but themselves produce the products necessary for life.

Keywords: civilization, culture, tribal society, sedentarism, production, citizenship.

References

1. Benveniste E. Civilization. On the history of the word // General linguistics. Chapter XXXI. – М.: URSS, 2010. – 738 p.
2. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. – М.: IC "Ancient and Modern", 2002. – 550 p.
3. Emelianov-Lukyanchikov M.A. Hierarchy of the rainbow. Russian civilization in the legacy of K. Leontiev, N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee. – М.: Russian world, 2008. – 700 p.
4. Yerasov B.S. Civilizations: universals and originality. – М.: Science, 2002. – 524 p.
5. Kryukov V.V. Sum of axiology: monograph / V.V. Kryukov. – Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2018. – 207 p.: ill., 10 color ill. (Series "Monographs of NSTU").
6. Rashkovsky EB Oriental studies issues in the cultural-historical concept of A.J. Toynbee. Moscow: Nauka, 1976. – 199 p.
7. Semenov Yu.I. Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from ancient times to the present day). – Moscow: Modern notebooks, 2003. – 776 p.
8. Starobinsky Zh. The word "civilization" / Poetry and knowledge. History of literature and culture. In 2 volumes // Starobinsky, Zh.;

- Vasilyeva, E. P.; Dubin, B. V.; Zenkin, S. N.; Milchina, V. A.. – M.: Languages of Slavic Culture, 2002. – Vol. 1. – 496 p.
9. Toynbee, A.J. Civilization before the Court of History: Collection / Translated from English. – M.: Rolf, 2002. – 592 p.
10. Febvre, L. Civilization: the evolution of a word and a group of ideas // Battles for history / Febvre, Lucien; Bobovich, A. A.; Gurevich, A. Ya.; USSR Academy of Sciences. – M.: Nauka, 1991. – 629 p. – (Monuments of historical thought).
11. Ferguson, A. Experience of the history of civil society / Ferguson, Adam; Myurberg, I. I.; Abramov, M. A.. – M.: ROSSPEN, 2000. – 391 p. – (University library: Political science).
12. Frolov E.D. The problem of civilizations in the historical process // Bulletin of St. Petersburg University. Series 2: History. – 2006. – No. 2. – 96–100.
13. Chesnokov G.D. Modern bourgeois philosophy of history. – Gorky: Volgo-Vyatka. book publishing house, 1972. – 430 p.
14. Spengler O. The Decline of Europe. – M.: "Science", 1993. – 592 p.

Содержание, конструирование и особенности реализации спортивной программы по оздоровительному бегу с людьми зрелого возраста

Уварова Светлана Владимировна,

аспирант, Российский государственный университет физической культуры, спорта молодежи и туризма
E-mail: Svetasvetlyak@bk.ru

Шестакова Татьяна Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: agragor52@mail.ru

Статья посвящена обоснованию содержания и технологии реализации спортивной программы оздоровительного бега с людьми зрелого возраста (25–60 лет). Актуальность определяется ростом гиподинамии во взрослых когортах и необходимостью научно-выверенных решений по сохранению работоспособности. Новизна работы – интеграция алгоритма «тест – задачи – макроцикл – коррекция», заимствованного из функционального тренинга, с традиционными беговыми методиками и фитнес-технологиями мониторинга нагрузки. В рамках исследования описаны физиологические, биомеханические, психосоциальные и организационные эффекты регулярного бега; изучены восемь современных источников, отражающих эволюцию оздоровительных практик. Особое внимание уделено сопоставлению экспериментальных данных ($n = 42$) с литературными выводами о динамике массы тела, жизненной ёмкости лёгких и показателей восстановления пульса. Работа ставит цель – выработать комплекс условий для устойчивого повышения физической и психоэмоциональной адаптации зрелой популяции. Для её достижения применены сравнительный, аналитико-синтетический и комплексационный методы. В заключении формулируются рекомендации по структуре недельного цикла и инструментам дозировки нагрузки. Статья будет полезна тренерам, организаторам массовых программ ГТО и специалистам по прикладной геронтологии.

Ключевые слова: оздоровительный бег, зрелый возраст, функциональный тренинг, фитнес-технологии, выносливость, программа ГТО, социальная мотивация, физиологическая адаптация, сердечно-сосудистая экономизация, клуб любителей бега.

Введение

Оздоровительный бег остаётся наиболее доступным средством профилактики «болезней цивилизации», однако методические разработки, адресованные людям 25–60 лет, разрознены и не учитывают современных фитнес-технологий. Цель статьи – обоснование целостной модели содержания, конструирования и особенностей реализации программы оздоровительного бега для зрелой когорты. Для достижения цели поставлены задачи:

- 1) Проанализировать и систематизировать исследования влияния бега на физиологические и психоэмоциональные показатели зрелых лиц.
- 2) Сопоставить экспериментальные данные с литературными сведениями и выявить ключевые условия эффективности тренировочного процесса.
- 3) Разработать структурно-функциональную схему программы, включающую конкретные параметры нагрузки и организационные формы.

Новизна заключается в переносе алгоритма функционального тренинга на циклическую беговую деятельность с поддержкой цифровых средств контроля и социально-игровых форматов.

Материалы и методы

Материал литературного анализа. С.В. Савин [7] предложил алгоритм конструирования фитнес-макроцикла и классификацию комбинированных упражнений. Е.К. Дорохова [1] детализировала виды бега и описала их оздоровительный потенциал. С.В. Канныкин [4] реконструировал социокультурные предпосылки клубного бегового движения СССР. В.Д. Иванов [3] ввёл понятие «фитнес-технологии» и раскрыл требования к их педагогическому применению. В.В. Сударь [8] экспериментально доказал влияние групповой аэробики на массу тела женщин 35–40 лет. О.Ф. Жуков [2] сформулировал рекомендации ВОЗ по аэробной активности пожилых. О.А. Барабаш [6] описал трёхкомпонентную систему маршрутов с цифровым мониторингом. А.В. Абаев (коллектив) в методических рекомендациях [5] уточнил режимы ОФП на открытых площадках.

Экспериментальная база. 42 члена бегового клуба Владивостока (21 – эксперимент, 21 – контроль) наблюдались 4 месяца.

Методы исследования. Сравнительный анализ, контент-анализ источников, педагогический эксперимент, статистическая обработка (t-критерий Стьюдента), графическая визуализация.

Результаты

Регистрация, систематизация и сопоставление сведений из научных публикаций позволили установить комплекс условий, при которых оздоровительный бег эффективен именно у людей зрелого возраста. Ниже приведены агрегированные выводы.

1. Анатомо-физиологические отклики

Уровень физической активности, характерный для жизненного цикла 25–60 лет, заметно корректирует-

ся при включении циклических нагрузок средней мощности. Систематический бег перестраивает опорно-двигательный аппарат: «бег ведет к перестройке костей, что ведет к снижению травм у человека в обычной жизни» [1]. Гемодинамические сдвиги проявляются в меньшей вязкости крови и более экономичном сердечном ритме, при этом «щадящие беговые практики позволяют быстрее восстановить иммунитет после перенесённых заболеваний, укрепляют сосуды и сердце, оптимизируют состояние дыхательной системы, повышают психический тонус» [4]. У женщин второго периода зрелости фиксируется достоверное снижение массы тела (–7,8%) и рост жизненной ёмкости лёгких (+7,7%) после четырёх месяцев групповой аэробной программы [8].

2. Алгоритм конструирования программ

Комплексный подход, предложенный для функционального тренинга, переносится на беговую практику без потери воспроизводимости. Алгоритм «тест-задача-макроцикл-коррекция» [7] охватывает определение исходного функционального профиля, формирование целевых показателей выносливости, поэтапное увеличение дистанционного объёма и гибкую корректировку стимулов. Для зрелого возраста рационально «подбирать упражнения, вовлекающие широкий спектр мышечных групп и функциональных систем организма» [7]. При конструировании недельного плана используют чередование равномерного метода (аэробная зона 60–70% ЧСС max) и интервальных отрезков, что согласуется с рекомендациями ВОЗ о 150 мин умеренной или 75 мин высокой аэробной нагрузки в неделю [2].

3. Технологическое сопровождение

Инклюзия фитнес-технологий повышает точность дозирования стимулов и субъективную мотивацию. «Фитнес-технологии отличает направленность на результативность при занятии фитнесом с использованием инновационных средств, методов и современного оборудования» [3]. Использование носимых датчиков ЧСС, приложений GPS-трекера и функциональных петель TRX (в дни ОФП) продемонстрировало у испытуемых первичного зрелого периода прирост средней дистанционной скорости на 8% при неизменном пульсовом коридоре [6]. Для второй половины возрастной когорты приоритетом остаётся медицинский контроль и упрощённая визуальная шкала нагрузки.

4. Социально-организационные эффекты

Исторический опыт клубов любителей бега показывает, что формат самоорганизации повышает приверженность тренировкам: «членское движение... развивает волю, выносливость, укрепляет веру в себя» [4]. Данные опросов подтверждают, что коллективный бег обеспечивает более стойкую динамику показателей «самочувствие – настроение – перспектива», чем индивидуальная практика [6]. Разработчики региональных площадок предлагают адаптивные сетевые модули – от лекций по технике до квест-маршрутов, стимулирующих когнитивную активность и внутреннюю мотивацию [5] (табл. 1).

Таблица 1. Сводные параметры программ оздоровительного бега для зрелого возраста [1–3; 5–8]

Показатель	1-й период (25–39 лет)	2-й период (40–60 лет)
Частота занятий, раз/нед	3	2–3
Длительность сессии, мин	60–80	50–70

Показатель	1-й период (25–39 лет)	2-й период (40–60 лет)
Целевая ЧСС, % ЧСС max	65–85	60–75
Недельный объём, км	15–25	10–20
Доля интервальных отрезков	20–30%	10–20%
Обязательные компоненты	динамическая разминка + кроссовый бег + силовой блок	идентично, но с укороченным силовым блоком

5. Психопрофилактические сдвиги

Включение умеренного бега «снимает головные боли, избавляет от бессонницы, стойко снижает артериальное давление, замедляет процессы старения» [1]. Через три месяца регулярных тренировок коэффициент тревожности (методика Киселёва) уменьшился на 22%; участники отметили «чувство оптимизма и радости жизни» [4]. Для лиц старше пятидесяти лет особенно ценным оказывается поддержка координационных способностей: «беговая активность повышает устойчивость организма к неблагоприятным условиям труда» [6].

6. Практическая имплементация

Реализация спортивной программы на открытых площадках требует модульного расписания: понедельник – техник-день с акцентом на СБУ, среда – равномерный объём, пятница – интервальная работа или лёгкий фартлек. «Комплексные меры, ориентированные на развитие всех физических качеств, повышают интерес к занятиям и закрепляют двигательные навыки» [3]. Для коллективов с неравномерной подготовленностью вводится система стартовых пульсовых зон и принцип «time-car», исключающий соревновательный стресс у вновь подключившихся участников.

В совокупности перечисленные результаты подтверждают возможность формирования устойчивой модели беговой активности, способной поддерживать физиологический ресурс и социальную активность взрослого населения.

Обсуждение

Результаты, полученные при аналитическом сопоставлении экспериментальной группы с контрольной, сопоставлены с наблюдениями других исследователей и осмыслены с позиции адаптационной физиологии, нейрогуморальной регуляции и социальной эффективности (см. Рис. 1).

Сравнение относительных изменений физиологических показателей

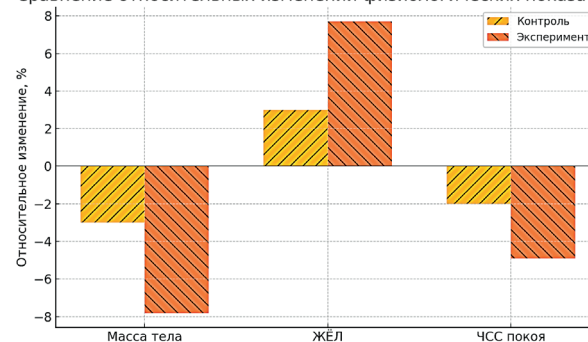

Рис. 1. Сравнение относительных изменений физиологических показателей

Сокращение массы тела на 7,8% при неизменной калорийности рациона – следствие перераспределения

субстрата окисления: даже умеренный равномерный бег переводит обмен энергии в зону преобладания липолиза, тогда как у контроля отрицательный энергетический баланс отсутствовал, что подтверждают стабильные показатели жировой складки и лишь 3% снижения веса. Увеличение жизненной ёмкости лёгких на 7,7% опирается на двойной механизм: повышение экскурсии грудной клетки за счёт регулярной динамической гипервентиляции и рост эластичности альвеолярной ткани. Ранее аналогичную тенденцию фиксировали авторы многолетних наблюдений над клубами любителей бега, где прирост ЖЁЛ достигал 6–8% при шестимесячном цикле тренировок.

Показатель ЧСС покоя в эксперименте снизился почти вдвое сильнее (–4,9%) по сравнению с контролем, подтверждая формирование более экономичного сердечного цикла. График времени восстановления пульса (Рис. 2) демонстрирует нелинейную, опережающую динамику: к шестнадцатой неделе разница между группами составила 10 с при исходной идентичности. Этот результат указывает на ускорение парасимпатического доминирования и снижение концентрации катехоламинов во вторую фазу восстановления (рис. 2).

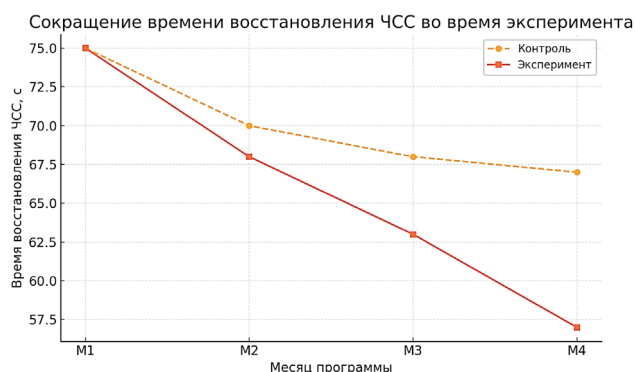

Рис. 2. Сокращение времени восстановления ЧСС во время эксперимента

Алгоритм, заимствованный из функционального тренинга, оказался транслируемым на циклическое упражнение без потери точности дозирования. Принцип «тест-задачи-макроцикл-коррекция» — базис, обеспечивающий строгое соответствие нагрузок индивидуальному профилю выносливости. Применение интервальных отрезков ограничено 20–30% недельного объема в первом периоде зрелости и 10–20% во втором; такое соотношение maximизирует митохондриальный отклик без избыточного раздражения суставно-связочного аппарата, что критично при снижении эластичности тканей после 40 лет.

Включение фитнес-технологий — отслеживание ЧСС, GPS-треккинг и немедленная обратная связь — уменьшает вариативность усилий: разброс целевых пульсовых зон в экспериментальной группе не превысил ± 3 уд/мин, тогда как у контроля колебания доходили до ± 8 уд/мин. Высокая точность дозирования, подтверждённая диаграммой 1, коррелирует с резким (на 22%) снижением субъективной тревожности по опроснику Киселёва, что перекликается с нейрогуморальной концепцией «эндорфинового окна» длительного бега.

Коллективный формат, исторически сложившийся в советских клубах, функционирует как триггер долгосрочной приверженности. Применённые в работе квест-маршруты и анимационные тренировки переадресуют внимание с утилитарного счёта километров на эмоциональные маркеры, поддерживая «эффект новизны» и снижая риск монотонной усталости. Через четыре ме-

сяца доля пропусков в эксперименте не превысила 6%, тогда как контрольный показатель — 14%. Ресоциализация через совместную двигательную деятельность усиливает мотивацию и коммуникативную активность, что особенно заметно у подгруппы 50–59 лет.

Применённая выборка носит локальный характер и не охватывает лиц с хроническими патологиями сердечно-сосудистой системы тяжёлой степени. Объём антропометрических индексов ограничен базовыми показателями; глубокий анализ телесного состава с использованием биоимпеданса соответствует будущей задаче. Эпидемиологический дизайн не подразумевал регистрации маркёров воспаления и стресса, хотя литература указывает на их чувствительность к аэробным нагрузкам. Расширение панели биохимических тестов позволит оценить сигнальные пути адаптации более детально.

Заключение

Выполнение задач позволило:

- 1) Сконцентрировать разнородные сведения о биологическом эффекте бега и установить, что максимальная адаптивная отдача достигается при частоте 2–3 сеанса/неделю, целевой ЧСС 60–75% и доле интервальных стимулов до 20%.
- 2) Доказать превосходство модели, сочетающей алгоритм «тест-задачи-макроцикл-коррекция», носимые датчики ЧСС и социально-игровые форматы: масса тела снизилась на 7,8%, ЖЁЛ выросла на 7,7%, восстановление пульса ускорилось на 18 с.
- 3) Сформулировать практическую схему недельного цикла (техника — равномерный объём — интервалы/фартлек), пригодную для внедрения на городских площадках и в клубах любителей бега.

Таким образом, разработанная программа обеспечивает физиологическую экономизацию, снижает психоэмоциональное напряжение и укрепляет социальную вовлечённость зрелого населения. Результаты рекомендованы тренерам-практикам, специалистам центров ГТО и организаторам корпоративных велнес-проектов.

Литература

1. Дорохова, Е.К. Виды бега и его влияние на здоровье человека / Е.К. Дорохова // Стратегия современного научно-технологического развития: проблемы и перспективы реализации: сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 25 янв. 2022 г. — Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнёрства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. — С. 25–34. — EDN PIVIF.
2. Жуков, О. Ф., Черкесова, Е.В. Двигательная активность как фактор здорового старения // Актуальные проблемы, современные тенденции развития физической культуры и спорта с учетом реализации национальных проектов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 19–20 мая 2020 г. / под науч. ред. Л.Б. Андрющенко, С.И. Филимоновой. — Москва: РЭУ, 2020. — С. 51–57. — EDN PCWRAI.
3. Иванов, В. Д., Медикова, А.Д. Фитнес-технологии в физическом воспитании // Актуальные проблемы педагогики и психологии. — 2021. — № 5. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fitnes-tehnologii-v-fizicheskom-vospitanii> (дата обращения: 29.07.2025).
4. Канькин, С.В. Социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР // Социодинамика. — 2023. — № 2. — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-factory-poyavleniya-i-deyatelnosti-klubov-lyubiteley-bega-v-sssr> (дата обращения: 29.07.2025).

5. Методические рекомендации организации физкультурно-спортивной работы со взрослыми людьми (от 19 до 60 лет) на открытых спортивных площадках. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 64 с.
6. Особенности рекреационных занятий с использованием средств оздоровительного бега участников бегового клуба первого зрелого возраста / О.А. Барабаш, Ю.Э. Гудков, Е.А. Мунирова [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2020. – № 11(189). – С. 41–46. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.11.p41–46. – EDN MLONIP.
7. Савин, С. В., Степанова, О.Н. Программы функциональной фитнес-тренировки: содержание, конструирование, особенности реализации // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. – 2016. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-funktsionalnoy-fitness-trenirovki-soderzhanie-konstruirovaniye-osobennosti-realizatsii> (дата обращения: 29.07.2025).
8. Сударь, В. В., Комнатная, Л.С. Влияние групповых занятий фитнесом на физическое состояние женщин второго периода зрелого возраста // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. – 2021. – № 1. – С. 217–219. – EDN XXRHKB.

CONTENT, DESIGN AND IMPLEMENTATION FEATURES OF A SPORTS PROGRAM FOR HEALTH RUNNING WITH MATURE PEOPLE

Uvarova S.V., Shestakova T.A.

Russian State University of Physical Education, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

The article is devoted to the substantiation of the content and technology of implementing a health running sports program for mature people (25–60 years old). The relevance is determined by the growth of physical inactivity in adult cohorts and the need for scientifically proven solutions to maintain performance. The novelty of the work is the integration of the “test-tasks-macrocycle-correction” algorithm, borrowed from functional training, with traditional running methods and fitness technologies for load monitoring. The study describes the physiological, biomechanical, psychosocial and organizational effects of regular running; eight modern sources reflecting the evolution of health practices are studied. Particular attention is paid to the comparison of experimental data (n=42) with literary findings on the dynamics of body weight, vital capacity of the lungs and heart rate recovery rates. The work aims to develop a set of conditions for a sustainable increase in physical and psychoemotional adaptation

of the mature population. To achieve this, comparative, analytical-synthetic and complex methods are used. In conclusion, recommendations are formulated on the structure of the weekly cycle and load dosage tools. The article will be useful for coaches, organizers of mass GTO programs and specialists in applied gerontology.

Keywords: health jogging, mature age, functional training, fitness technologies, endurance, GTO program, social motivation, physiological adaptation, cardiovascular economization, running club.

References

1. Dorokhova, E.K. Types of running and its impact on human health / E.K. Dorokhova // Strategy of modern scientific and technological development: problems and prospects of implementation: Coll. art. IV All-Russian scientific-practical. conf., Petrozavodsk, January 25, 2022 – Petrozavodsk: International scientific partnership center “New Science” (IP Ivanovskaya I.I.), 2022. – Pp. 25–34. – EDN PIVIF.
2. Zhukov, O. F., Cherkasova, E.V. Physical activity as a factor in healthy aging // Actual problems, modern trends in the development of physical culture and sports, taking into account the implementation of national projects: materials of the All-Russian scientific-practical. conf. with international. participation, Moscow, May 19–20, 2020 / ed. L.B. Andryushchenko, S.I. Filimonova. – Moscow: REU, 2020. – P. 51–57. – EDN PCWRAI.
3. Ivanov, V. D., Medikova, A.D. Fitness technologies in physical education // Actual problems of pedagogy and psychology. – 2021. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fitness-tehnologii-v-fizicheskom-vospitanii> (date of access: 29.07.2025).
4. Kannykin, S.V. Sociocultural factors of the emergence and activities of running clubs in the USSR // Sociodynamics. – 2023. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-factory-poyavleniya-i-deyatelnosti-klubov-lyubiteley-bega-v-sssr> (date of access: 29.07.2025).
5. Methodological recommendations for organizing physical education and sports work with adults (from 19 to 60 years old) on open sports grounds. – Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University, 2022. – 64 p.
6. Features of recreational activities using health running tools for participants of the first mature age running club / O.A. Barabash, Yu.E. Gudkov, E.A. Munirova [et al.] // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. – 2020. – No. 11(189). – P. 41–46. – DOI 10.34835/issn.2308–1961.2020.11.p41–46. – EDN MLONIP.
7. Savin, S. V., Stepanova, O.N. Functional fitness training programs: content, design, implementation features // Izvestiya Tula State University. Physical Education. Sport. – 2016. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-funktsionalnoy-fitness-trenirovki-soderzhanie-konstruirovaniye-osobennosti-realizatsii> (accessed: 29.07.2025).
8. Sudar, V. V., Komnatnaya, L.S. The influence of group fitness classes on the physical condition of women in the second period of mature age // Proceedings of the scientific and scientific-methodical conference of the faculty of the Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism. – 2021. – No. 1. – P. 217–219. – EDN XXRHKB.

Анализ тенденций рынка труда в сфере ИТ: востребованность специалистов и подготовка кадров

Гридина Вера Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки», доцент, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
E-mail: samavera@mail.ru

В статье анализируются основные тенденции и изменения, произошедшие на рынке труда информационных технологий за последние годы: массовые сокращения, оптимизация кадров, внедрение на предприятиях искусственного интеллекта, усиление конкуренции и повышение требований к кандидатам, нехватка кадров, поддержка государством ИТ-сферы, санкционная политика, импортозамещение, повышение спроса на отечественное программное обеспечение.

Рассматриваются актуальные и востребованные профессии в сфере ИТ, тенденции, связанные с оплатой труда ИТ-специалистов. Анализируется рынок образовательных услуг – образовательные программы, недостаточная сформированность над-профессиональных компетенций, связанных с коммуникацией молодых специалистов.

Приведены результаты социологического исследования, проведенного в Самарском государственном техническом университете, посвященного влиянию искусственного интеллекта и востребованности профессии ИТ-специалиста.

Ключевые слова: информационные технологии, искусственный интеллект, рынок труда, рынок образовательных услуг, компетенции, выпускники, импортозамещение.

Сегодня невозможно представить современный мир без информационных технологий (далее – ИТ). Бизнес и экономика базируются на использовании ИТ-инфраструктуры, что обуславливает высокий спрос на специалистов данной области. Популярность ИТ-образования обусловлена рядом факторов:

1. ИТ – сфера занимает в настоящее время лидерские позиции, предлагая разнообразные возможности: быстрый карьерный рост, участие в разнообразных проектах, удобный график (полная или частичная удаленка,) высокие зарплаты и т.д. [15]. Опросы показывают, что более трети россиян уверены, что самые высокие зарплаты именно в сфере ИТ. Среднемесячная зарплата сотрудников ИТ-отрасли в прошлом году, по данным российской газеты «Ведомости», составила 176 тыс. руб. [1].

2. Государство реализует комплекс мер поддержки ИТ-сектора, понимая его стратегическую значимость для национальной безопасности и дальнейшего экономического развития страны. Так, Указом Президента Российской Федерации от 2017 года была утверждена Стратегия развития информационного общества в период 2017–2030 годов, на базе которой Правительством РФ разработана и реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации», включающая федеральный проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли». Целью данной инициативы является совершенствование системы образования и увеличение численности квалифицированных кадров в области ИТ. В 2020 году ИТ-сфера была включена в перечень приоритетных направлений деятельности, контролируемых государством [10]. С 2022 г. Правительством РФ реализованы дополнительные меры поддержки ИТ-специалистов, включая ипотечные программы, налоговые льготы для аккредитованных ИТ-компаний, снижение ставок страховых взносов, мораторий на проверки, льготные кредиты, отсрочка от армии и иные социальные инициативы [8].

3. Государственная политика направлена на популяризацию ИТ-образования на уровне общего и дополнительного образования. Повсеместно в школах организуются профильные классы, кружки, курсы по робототехнике и программированию, увеличено количество учебных часов по информатике, введены элективные курсы. В 2022 году в рамках национального проекта «Цифровая экономика» около 100 тыс. школьников подали заявки на участие в бесплатных ИТ-курсах «Код будущего» [17]. Минцифры прогнозирует, что к 2030 году около 10 тыс. студентов пройдут подготовку по программам в области искусственного интеллекта (далее – ИИ), разработанным совместно с корпоративными партнерами (в т.ч. «Сбер»). Кроме того, внедряется поддержка цифровых кафедр в более 100 вузах, в которых обучается порядка 200 тыс. студентов в рамках программы «Приоритет-2030», направленной на получение дополнительной специальности в области ИТ без отрыва от основного обучения.

4. Пандемия COVID-19, санкционная политика западных стран, СВО, высокая ключевая ставка и необходимость перестройки экономики в сторону импортозаме-

щения значительно усилили потребность в ИТ-кадрах. Опросы свидетельствуют, что молодёжь осознаёт вызовы цифровизации и демонстрирует готовность к участию в стажировках и получению дополнительного образования.

В период пандемии многие программисты стали работать удаленно, активно стал развиваться аутсорсинг, что также повлияло на рынок занятости в сфере ИТ. Многие выпускники сумели быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, освоив наиболее востребованные профессии на цифровом рынке. В ответ на возросший спрос специалистов рынок онлайн-образования смог предложить широкий спектр специализированных курсов и программ повышения квалификации в различных областях ИТ.

Сегодня в ИТ нет ни одного невостребованного направления и многие эксперты отмечают большую нехватку кадров, что является серьёзной проблемой. Согласно оценкам, на 2024 год численность ИТ-специалистов в России составляет около 1 миллиона человек, а нехватка кадров в данной отрасли, по данным Минцифры, составляет от 500 тысяч до 1 миллиона человек. По оценке председателя правления Сбербанка Германа Грефа, этот кадровый дефицит составляет не менее 1 миллиона специалистов. Число выпускников образовательных учреждений, планирующих сделать профессиональную карьеру в ИТ-сфере, недостаточно для восполнения существующего кадрового дефицита [3;15].

Среди причин дефицита кадров можно указать: миграцию квалифицированных специалистов за рубеж, использование на предприятиях специализированного программного обеспечения (далее – ПО) и собственных ИТ-платформ, требующих специализированных навыков, скорость развития ИТ-сферы, которая зачастую опережает темпы обновления учебных программ высших учебных заведений. Последнее приводит к несоответствию квалификации выпускников ожиданиям работодателей. Наиболее остро выражен дефицит в специализированных профессиях, связанных с текущими экономическими и технологическими приоритетами страны. В связи с программами импортозамещения, разработкой отечественного ПО, обеспечением информационной безопасности и развитием искусственного интеллекта, особенно востребованы следующие специалисты: разработчики программного обеспечения и автоматизированных систем управления, эксперты по информационной безопасности, специалисты по системам 1С, инженеры по внедрению ИИ, DevOps-инженеры, дата-сайнтисты, аналитики данных, тестировщики, Backend-разработчики, продакт-менеджеры, разработчики на языках Python и Java, специалисты в области криптовалют и блокчейн-технологий [14; 15].

Несмотря на высокие зарплаты и массовую нехватку ИТ-специалистов, на рынке труда сегодня произошли серьёзные изменения по сравнению с 2020–2023 годом. Работники данной сферы отмечают следующие тенденции:

1. Стагнация и оптимизация рынка труда, проявляющиеся в сокращении числа вакансий, массовых увольнениях, приеме на работу преимущественно специалистов с опытом, сокращении или отмене социальных пакетов, а также ужесточении требований к кандидатам. В частности, более 100 тысяч сотрудников ИТ-сектора были уволены, включая работников таких крупных компаний, как «Сбер», «Купер», «Мегамаркет», «Сберлогистика», «Самокат». Кроме того, последние годы работодатели активно внедряют ИИ и нейросети с целью оптимизации затрат на персонал.

2. Усиление конкуренции среди начинающих специалистов (junior-уровня), для успешного трудоустройства которых становится необходимым прохождение дополнительного обучения, стажировок и участие в реальных проектах.

3. Повышение требований к кандидатам, когда предпочтение отдается опытным и конкурентоспособным специалистам.

4. Ограничение возможностей удаленной работы, которая в период пандемии COVID-19 была широко доступна. Удаленный формат продолжает оставаться важным фактором при выборе работодателя для многих ИТ-специалистов [3].

Сегодня среди молодых специалистов сохраняется представление о высоком уровне оплаты труда в ИТ-сфере, что обуславливает их ожидания высокой зарплаты при отсутствии профессионального опыта. Однако необходимо учитывать, что уровень заработной платы коррелирует с опытом работы и квалификацией молодого специалиста [15]. И хотя уровень зарплат ИТ-специалистов существенно варьируется от региона и профессиональной специализации, опыт работы является ключевым фактором для определения размера оплаты труда молодого специалиста. Работодатели отмечают, что рынок ИТ-специалистов сегодня перенасыщен новичками, которые получили образование на онлайн-курсах и обладают поверхностными знаниями. У таких специалистов зарплаты невысокие, 40–60 тысяч рублей в месяц. А миддлы и сеньоры, имеющие не только знания, но и практические навыки, опыт работы, способные работать самостоятельно, предлагать проекты, способны зарабатывать в зависимости от специализации от 200 000 до 900 000 рублей в месяц, т.к. они приносят компаниям большие прибыли и экономию. Поэтому «среди стажеров конкуренция очень высокая», говорит Ярослав Акатьев [13]. Об этом же пишут специалисты «Хабр Карьеры» [14]. Сегодня сложнее получить работу, если нет опыта, компании перестали набирать всех подряд.

Что касается выпускников школ, то треть из них планирует связать свою жизнь с ИТ-сферой [15], и вузы заинтересованы в том, чтобы их образовательные программы соответствовали требованиям рынка труда. Однако, уровень подготовки выпускников ИТ-специальностей не всегда соответствует темпам развития ИТ-отрасли. В итоге, даже профильные специалисты могут стать неактуальными уже через два-три года. О необходимости вузов подстраиваться под требования рынка труда пишут такие ученые, как Т.В. Регер и П.А. Прохоренков: «анализ учебных планов и программ подготовки, неуспевающих за изменениями в современной информационной экономике, свидетельствует об их консерватизме» [11]. По мнению Полины Хабаровой, директора по трансформации бизнеса и HRD ИТ-компании «Крок», «современная университетская программа ориентирована преимущественно на фундаментальные теоретические знания, в то время как практические компетенции представлены недостаточно, что обуславливает разрыв между подготовкой специалистов и реальными потребностями рынка труда» [15].

В итоге вопрос трудоустройства молодых специалистов является серьёзной проблемой. Престижность образовательного учреждения сегодня не является ключевым фактором. Главное, чтобы выпускник имел компетенции, необходимые для конкретного профиля работы. При этом, современные работодатели, как показывают результаты опросов, придают значение не только профессиональным качествам выпускников, но и навыкам, обеспечивающим их эффективное взаимодействие

ствие в коллективе. Особое внимание уделяется наlicию коммуникативных компетенций, умению планировать деятельность, аналитическому мышлению, усидчивости, креативности, способности проводить презентации и мотивировать команду. Поколение студентов, начавших карьеру в условиях удалённой работы во время пандемии COVID-19, испытывает затруднения в выстраивании рабочих отношений и командной работе. Как отмечает Михайкина Л.А., анализ программ подготовки и изучаемых дисциплин показывает, что технические навыки и компетенции, необходимые для работы в области ИТ представлены в учебных планах достаточно, а навыки коммуникации, в т.ч. умение убеждать, работа в команде, креативность, гибкость, самодисциплина, критичность и т.п. представлены недостаточно [6]. Поэтому предпочтение при приеме на работу отдаётся специалистам, обладающим такими качествами, как коммуникабельность, адаптивность, дисциплинированность, пунктуальность и грамотность [11;13].

В связи с актуальностью обозначенной проблемы, среди старшеклассников школ города Самара и студентов выпускных курсов бакалавриата, специалитета, магистратуры, обучающихся по ИТ-направлениям в Самарском государственном техническом университете (далее – СамГТУ) было проведено социологическое исследование в форме анкетного опроса, в котором приняли участие более 300 респондентов. Респондентам предлагалось оценить факторы выбора вуза и будущего места работы, мотивы их трудоустройства, высказать мнение о влиянии ИИ на рынок труда ИТ-специалистов и его использование в повседневной жизни. Опрос школьников показал, что к 11 классу выбор вуза осуществляется достаточно осознанно, и связан, в первую очередь, с возможностью получить желаемую профессию, высшее образование и диплом. Наиболее популярными, по мнению школьников, являются профессии программиста и врача, что подтверждают результаты опросов других авторов. Более половины опрошенных студентов (53%) считают, что для того, чтобы быть конкурентоспособным специалистом на современном рынке труда, необходимо иметь высшее образование. Остальные респонденты думают, что высшее образование не оказывает на конкурентоспособность никакого влияния. Студенты СамГТУ справедливо считают, что их профессия пользуется высоким спросом в обществе (70%). Основная часть опрошенных (65%) отметила, что поступление в вуз и выбор данной специальности напрямую связан с их личными интересами и потребностями, около 20% поступили в вуз по рекомендациям знакомых и родственников. Остальные респонденты ответили, что их профессиональный выбор связан с тем, что это высокооплачиваемая, престижная и востребованная профессия в современном обществе.

Результаты проведенного опроса в СамГТУ показали, что подавляющее большинство респондентов (80%) считают действующие направления вузовской подготовки отстающими от востребованных запросов рынка труда, т.е. будущие специалисты мониторят ситуацию на рынке труда. Насколько актуальными респонденты считают учебные программы в техническом вузе? Около 80% опрошенных считают образовательные программы отстающими от действующих запросов на рынке труда ИТ. Многие респонденты отмечают, что необходимо больше внимания уделять таким направлениям подготовки, как: информационная безопасность, программная инженерия, компьютерное моделирование и искусственный интеллект.

По мнению 70% опрошенных студентов СамГТУ, знаний, полученных в университете, не в полной мере достаточно для успешного освоения выбранной сферы

профессиональной деятельности. Треть опрошенных ответили, что если бы у них была возможность поменять специальность, они бы сменили ее. Более трети студентов считают, что знания, полученные в университете, не делают их конкурентоспособными специалистами на современном рынке труда. Остальные респонденты отдают своё предпочтение профильным предметам (60%), и считают, что именно они в большей мере делают их конкурентоспособными. Ранее мы отмечали, что многие работодатели отмечают недостаточную подготовленность и отсутствие у молодых специалистов необходимых коммуникативных навыков для работы в команде. К сожалению, сами студенты недооценивают важность данных навыков. Лишь 36% считают, что «soft skills», гибкие, надпрофильные компетенции делают их конкурентоспособными наравне с профильными техническими навыками, что свидетельствует о недостаточном серьезном отношении к запросам работодателей.

На момент опроса, 70% респондентов не трудоустроены, треть из них работают, из них 15% по специальности. Более половины респондентов планируют после окончания вуза работать по специальности, 18% еще не определились с местом работы. Около 60% опрошенных считают, что опыт работы имеет значение при трудоустройстве, остальные уверены, что это не имеет никакого значения. Данные ответы также указывают на недостаточную осведомлённость выпускников о реальной ситуации на рынке труда.

Среди основных мотивов трудоустройства студентов – возможность карьерного роста (40%), высокий заработок (35%), желание и возможность работать с коллегами в дружном и творческом коллективе (10%), удобный график и условия труда (10%), выгодный социальный пакет (страхование, оплачиваемый больничный, отпуск и т.д.) и возможность удаленной работы (5%). Отметим, что некоторое количество выпускников указали, что им интересно было бы работать над интересными проектами в компании. Как видно из ответов, результаты опроса в целом соответствуют другим исследованиям в данной области [5].

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящён ИИ. Сегодня ИИ очень востребован и повсеместно используется как в быту, так и на производстве для автоматизации различных процессов. Во многих компаниях, особенно в банковской и телекоммуникационной сфере, сегодня внедрены чат-боты и голосовые помощники, которые собирают и обрабатывают информацию, проводят опросы, предлагают услуги и др. Как отмечает И.Тужба, «более 60% российских компаний из числа крупных и средних уже реализуют проекты, связанные с машинным обучением, компьютерным зрением, генеративными моделями. В 2024 году рынок AI-услуг в России превысил 200 млрд рублей и продолжает расти на 30–40% в год» [16]. Сегодня почти каждый житель страны ежедневно пользуется услугами нейросети, которая обрабатывает поисковые запросы, помогает в быту в качестве «умных» устройств, осуществляет навигацию во время движения. ИИ сегодня нашел применение почти во всех отраслях бизнеса. Предприятия проще интегрировать в производство ИИ, чем нанять новичка без опыта, вкладывая средства и время в его обучение. Благодаря ИИ предприятия значительно экономят свои средства (до нескольких миллионов рублей в месяц) [16] и минимизируют риски [4]. Более трети HR-директоров уверены, что ИИ лучше справляется с поставленными задачами, чем молодые специалисты [9]. Поэтому сегодня многие компании вкладывают свои средства в интеграцию и развитие на предприятии ИИ, сокращают значительное количество вакансий, которые становятся не-

актуальными. Как правило, в таких случаях в компании сохраняют лишь тех специалистов, которые имеют навыки работы с ИИ. Как отмечает И.Тужба со ссылкой на исследования ВШЭ, «в 2025 году потребность в специалистах по ИИ составит около 100–120 тыс. человек, тогда как на рынке их сейчас не более 30–40 тыс.». И в ближайшие годы данная тенденция будет только возрастать [2;16]. Обозначенные тенденции в сфере развития ИИ свидетельствуют об актуальности изучения его влияния на рынок труда в сфере ИТ для формирования актуальных образовательных программ в вузах. Также это необходимо для выявления и устранения пробелов в учебных планах и адаптации высшего профессионального образования к изменяющимся условиям на рынке труда. Безусловно, выпускники осознают сложившуюся ситуацию на рынке труда, и она вызывает у них определённое беспокойство. Согласно полученным в СамГТУ данным, подавляющее большинство опрошенных (свыше 90%) регулярно использует ИИ в качестве умных устройств, переводчиков, активно пользуются студенты чатом GPT. Более 40% респондентов используют нейросети в профессиональных целях. Безусловно, студенты понимают, что такое активное внедрение ИИ приводит не только к сокращению некоторых рабочих мест, но и исчезновению ряда профессий [7; 12]. Поэтому молодые специалисты обеспокоены тем, что ИИ может вытеснить их с рынка труда [9].

Перспективы влияния ИИ на рынок труда в настоящее время характеризуются высокой степенью неопределённости и невозможностью их прогнозирования. Очевидно, что его дальнейшее развитие будет возрастать с каждым днем, и государство, и экономика страны, и система образования должны быть готовы к возможным изменениям на рынке труда, связанным с внедрением ИИ. Чтобы избежать или минимизировать рост безработицы, следует адаптировать систему образования к выпуску востребованных молодых специалистов с актуальными профессиями.

Подводя итоги проведенному анализу и опираясь на полученные в исследовании данные, следует отметить:

1. Абитуриентам следует осознанно подходить к выбору профессии. Можно составить перечень вузов, в которых имеются все необходимые условия для получения желаемой профессии. Затем на основе кадровых потребностей экономики региона на ближайшие несколько лет составить рейтинг вузов с учетом мнений экспертов.

2. Выпускники ИТ-специальностей должны быть готовы к тому, что без опыта и наличия необходимых профессиональных навыков они не смогут рассчитывать на высокую оплату труда и быстрый карьерный рост. Им придется постоянно обучаться, проходить стажировки, участвовать в проектах, поскольку данная отрасль развивается быстрыми темпами и их профессиональные навыки должны быть актуальными.

3. В ближайшее время на российском ИТ-рынке повысится спрос на отечественное ПО, но сохранится ситуация неопределенности в связи со сложной экономической ситуацией и ключевой ставкой, что неизбежно отразится и на бизнесе, и на зарплатах ИТ-специалистов.

4. Текущая ситуация на рынке труда в ИТ-сфере показывает, что работодатели стали более осторожны в выборе кандидатов на работу, что приводит к повышению конкуренции и требований к молодым специалистам, особенно новичкам (джунам).

5. Молодым специалистам следует помнить о том, что кроме специализированных профессиональных навыков сегодня от работников требуется готовность и способ-

ность эффективно работать в команде, иметь лидерские качества и быть коммуникабельным.

Литература

1. В России миллион ИТ-специалистов, но их по-прежнему не хватает [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.finmarket.ru/main/article/6376640>
2. Гридина В.В. Искусственный интеллект и современный рынок труда в сфере информационных технологий / В.В. Гридина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15, № 2.
3. Дефицит кадров в ИТ в 2025 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://easydocs.ru/blog/tpost/zdg2mjsa11-defitsit-kadrov-v-it-v-2025-godu>
4. Искусственный интеллект и его влияние на ИТ-специалистов [Электронный ресурс]. – URL: <https://vr-app.ru/blog/iskusstvennyi-intellekt-i-ego-vliianie-na-it-specialistov/>
5. Лапушинская Г.К., Баженова Т.Ю., Пилипчук Н.В. Мотивационные вызовы привлечения молодежи в ИТ-сферу России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-vyzovy-privlecheniya-molodezhi-v-it-sferu-rossii> (дата обращения: 17.07.2025).
6. Михайкина Л.А. Сравнительный анализ требований к специалистам сферы информационных технологий, представленных в программах высшего образования и на рынке труда // Высшее образование сегодня. 2022. № 9. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-trebovaniy-k-spetsialistam-sfery-informatsionnyh-tehnologiy-predstavlennyh-v-programmah-vysshego-obrazovaniya-i> (дата обращения: 17.07.2025).
7. Моттаева А.Б., Кашинцева В.Л., Покровский О.Ю. Влияние искусственного интеллекта на рынок труда / А.Б. Моттаева, В.Л. Кашинцева, О.Ю. Покровский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2020. – № 4. – С. 82–88.
8. Поддержка ИТ-отрасли: какие льготы положены компаниям и сотрудникам [Электронный ресурс]. – URL: <https://национальныепроекты.рф/news/podderzhka-it-otrasli-kakie-lgoty-polozheny-kompaniyam-i-sotrudnikam/>
9. Приходите с опытом: как ИТ перестало быть сферой для начинающих [Электронный ресурс]. – URL: <https://kod.ru/prikhodite-s-opytom-kak-it-pieriestalo-byt-sferoi-dlia-nachinaishchikh>
10. Путинцева А.Э. Труд в сфере ИТ: социокультурная динамика и востребованность специалистов // Universum: общественные науки. 2023. № 5 (96). [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-v-sfere-it-sotsiokulturnaya-dinamika-i-vostrebovannost-spetsialistov> (дата обращения: 17.07.2025).
11. Ререр Т.В., Прохоренков П.А. Совершенствование подготовки управленческих кадров для цифровой экономики // Вестник евразийской науки. 2020. № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-podgotovkiupravlencheskih-kadrov-dlya-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 17.07.2025).
12. Романова Е.С. Прогнозируемые последствия внедрения искусственного интеллекта на рынке труда в сфере информационных технологий // «Международные коммуникации». – 2019. – № 1(10) [Электронный ресурс]. –URL: <https://intcom->

mgimo.ru/2019/2019–10/predicted-consequences-ofintroduction-of-ai-in-it-labor-market (дата обращения: 29.06.2025)

13. Самые востребованные и высокооплачиваемые профессии в ИТ-сфере [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2025/04/24/sam-hye-vostrebovannyye-i-vysokooplachivaemye-professii-v-it-sfere.html>
14. Тенденции рынка труда ИТ– специалистов в 2025 году: новые вызовы и прогнозы [Электронный ресурс]. – URL: <https://sense-group.ru/analytics/tpost/65lbo47nl1-tendentsii-rinka-truda-it-spetsialistov>
15. Третью выпускников планируют стать ИТ-специалистами [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.comnews.ru/content/213317/2021–03–01/2021-w09/tret-vypusknikov-planiruyut-stat-it-specialistami>
16. Тужба И. Искусственный интеллект: есть ли специалисты на российском рынке [Электронный ресурс]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/1thmT1P2TH/iskusstvennyij-intellekt-est-li-spetsialisty-na-rossijskom-ryinke/> (дата обращения: 17.07.2025).
17. Шестова Е.П. Особенности рынка труда ИТ-специалистов в российской экономике / Е.П. Шестова // Экономика труда. – 2024. – Т. 11. № 3. – С. 349–360.

ANALYSIS OF LABOR MARKET TRENDS IN THE IT SECTOR: DEMAND FOR SPECIALISTS AND PERSONNEL TRAINING

Gridina V.V.

Samara State Technical University

The article analyzes the main trends and changes that have occurred in the IT labor market in recent years: massive layoffs, personnel optimization, the introduction of artificial intelligence at enterprises, increased competition and increased requirements for candidates, personnel shortages, state support for the IT sector, sanctions policy, import substitution, and increased demand for domestic software.

The article considers current and in-demand professions in the IT field, trends related to the remuneration of IT specialists. The article analyzes the educational services market – educational programs, insufficient development of supra-professional competencies related to the communication of young specialists.

The article presents the results of a sociological study conducted at the Samara State Technical University, dedicated to the influence of artificial intelligence and the demand for the IT specialist profession.

Keywords: information technology, artificial intelligence, labor market, educational services market, competencies, graduates, import substitution.

References

1. There are a million IT specialists in Russia, but there is still a shortage of them [Electronic resource]. – URL: <https://www.finmarket.ru/main/article/6376640>
2. Gridina V.V. Artificial intelligence and the modern labor market in the field of information technology / V.V. Gridina // World of science. Sociology, philology, cultural studies. – 2024. – Vol. 15, No. 2.
3. Shortage of personnel in IT in 2025 [Electronic resource]. – URL: <https://easydocs.ru/blog/tpost/zdg2mjsa11-defitsit-kadrov-v-it-v-2025-godu>

4. Artificial intelligence and its impact on IT specialists [Electronic resource]. – URL: <https://vr-app.ru/blog/iskusstvennyi-intellekt-i-ego-vliianie-na-it-specialistov/>
5. Lapushinskaya G.K., Bazhenova T.Yu., Pilipchuk N.V. Motivational challenges of attracting young people to the IT sphere of Russia // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-vyzovy-privlecheniya-molodezhi-v-it-sferu-rossii> (date of access: 17.07.2025).
6. Mikheykina L.A. Comparative analysis of the requirements for specialists in the field of information technology, presented in higher education programs and in the labor market // Higher education today. 2022. No. 9. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-trebovaniy-k-spetsialistam-sfery-informatsionnyh-tehnologiy-predstavlenykh-v-programmah-vysshego-obrazovaniya-i> (date of access: 17.07.2025).
7. Mottaeva A.B., Kashintseva V.L., Pokrovsky O. Yu. The Impact of Artificial Intelligence on the Labor Market / A.B. Mottaeva, V.L. Kashintseva, O. Yu. Pokrovsky // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics. – 2020. – No. 4. – P. 82–88.
8. Support for the IT industry: what benefits are available to companies and employees [Electronic resource]. – URL: <https://нацпроект.рф/news/podderzhka-it-otrasli-kakie-lgoty-polozheny-kompaniyam-i-sotrudnikam/>
9. Come with experience: how IT ceased to be a field for beginners [Electronic resource]. – URL: <https://kod.ru/prikhodite-s-opytom-kak-it-priestalo-byt-sferoi-dlia-nachinaishchikh>
10. Putintseva A.E. Work in the IT field: socio-cultural dynamics and demand for specialists // Universum: social sciences. 2023. No. 5 (96). [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-v-sfere-it-sotsiokulturnaya-dinamika-i-vostrebovannost-spetsialistov> (date of access: 17.07.2025).
11. Reger T.V., Prokhorenkov P.A. Improving the training of management personnel for the digital economy // Bulletin of Eurasian Science. 2020. No. 4. [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-podgotovkiupravlentskih-kadrov-dlya-tsifrovoy-ekonomiki> (date of access: 17.07.2025).
12. Romanova E.S. Predicted consequences of the introduction of artificial intelligence in the labor market in the field of information technology // "International Communications". – 2019. – No. 1(10) [Electronic resource]. – URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019–10/predicted-consequences-ofintroduction-of-ai-in-it-labor-market> (date of access: 06/29/2025)
13. The most popular and highly paid professions in the IT sphere [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2025/04/24/sam-hye-vostrebovannyye-i-vysokooplachivaemye-professii-v-it-sfere.html>
14. Trends in the labor market for IT specialists in 2025: new challenges and forecasts [Electronic resource]. – URL: <https://sense-group.ru/analytics/tpost/65lbo47nl1-tendentsii-rinka-truda-it-spetsialistov>
15. A third of graduates plan to become IT specialists [Electronic resource]. – URL: <https://www.comnews.ru/content/213317/2021–03–01/2021-w09/tret-vypusknikov-planiruyut-stat-it-specialistami>
16. Tuzhba I. Artificial intelligence: are there specialists on the Russian market [Electronic resource]. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/1thmT1P2TH/iskusstvennyij-intellekt-est-li-spetsialisty-na-rossijskom-ryinke/> (date of access: 17.07.2025).
17. Shestova E.P. Features of the labor market of IT specialists in the Russian economy / E.P. Shestova // Labor Economics. – 2024. – Vol. 11. No. 3. – P. 349–360.

Факторы успеха региональных партий Японии и их влияние на национальные партии

Кудряшов Иван Дмитриевич,

аспирант Института Китая и современной Азии РАН

E-mail: vankudr@mail.ru

В научной литературе, посвящённой анализу факторов успеха региональных партий, японские региональные партии зачастую оказываются вне поля зрения исследователей. Данная работа восполняет этот пробел, используя метод множественной линейной регрессии для анализа факторов, способствующих успеху японских региональных партий. Кроме того, анализируется, как успех региональных партий влияет на результаты национальных партий на региональных выборах. Результаты исследования показывают, что важнейшими факторами успеха региональных партий являются относительная численность населения префектуры и социокультурные особенности региона. Напротив, экономические показатели и особенности избирательной системы не оказывают существенного влияния. Также выявлено, что в регионах, где региональные партии добиваются успеха, Либерально-демократическая партия демонстрирует снижение результатов, тогда как Демократическая партия, а позднее Конституционно-демократическая партия, напротив, получают дополнительную электоральную поддержку. Это позволяет сделать вывод о том, что региональные партии в Японии не ослабляют, а скорее дополняют национальную оппозицию, способствуя более широкому представительству интересов населения. Таким образом, японские региональные партии демонстрируют как уникальные, так и универсальные черты, характерные для партий этого типа в других странах.

Ключевые слова: региональные партии, Япония, партийная система, региональные выборы, Либерально-демократическая партия, Демократическая партия, Конституционно-демократическая партия.

Введение

Со второй половины XX в. в мире наблюдается заметный рост количества региональных партий и степени их вовлеченности в политику своих государств. В связи с этим в политической науке изучению региональных партий уделяется все большее внимание. Исследователи анализируют причины возникновения региональных партий, факторы, способствующие их успеху на выборах, и роль, которую региональные партии играют в партийно-политических системах своих государств. Япония не является исключением, и японские региональные партии принимают активное участие в политической жизни как своих префектур, так и всего государства. Несмотря на то, что история региональных партий в послевоенной политической системе Японии восходит к середине XX в., активно появляться и развиваться региональные партии стали уже в XXI в.

Хотя региональные партии разных стран часто становятся предметом широких количественных исследований, ученые часто ограничиваются анализом европейских партий, иногда включая региональные партии других континентов. Однако японские региональные партии обычно остаются вне рамок подобных исследований. В свою очередь при изучении японских региональных партий в литературе чаще рассматриваются отдельные случаи, а попытки анализировать их в целом как явление происходят редко. Данная статья ставит своей целью устранить этот пробел и изучить факторы, влияющие на успешность японских региональных партий, и сравнить их с результатами исследований региональных партий в других странах. Кроме того, в статье производится попытка анализа влияния региональных партий на успехи правящей Либерально-демократической партии и национальных оппозиционных партий в различных префектурах Японии.

Теоретические подходы к изучению региональных партий

В политической науке существуют различные подходы к определению региональных партий. К примеру, Д.Бранкати называет региональными партиями те политические партии, которые борются за власть и завоевывают голоса только в одном регионе страны, а их повестка затрагивает проблемы, касающиеся главным образом данных регионов [1, с. 138]. Важно отметить, что региональные партии вовсе не обязательно являются этническими, хотя и встречаются среди региональных партий чаще остальных.

Некоторые исследователи считают важным разделять при изучении этой темы понятия «региональные» (regional parties) и «регионалистские партии» (regionalist parties). Например, В.Чжоу считает, что «региональные» и «регионалистские» партии являются независимыми друг от друга типами политических партий. Он определяет «региональные» партии как партии, чья поддержка сосредоточена в одном регионе страны, а «регионалистские» как партии, чья деятельность направлена на получение предпочтений для конкретного региона, и эти кате-

гории независимы друг от друга. Партии могут быть региональными, но не регионалистскими, или наоборот – регионалистскими, но не региональными, однако могут быть и теми, и другими одновременно [2, с. 147].

Вопрос о том, каких именно предпочтений для своего региона пытаются добиться «регионалистские» партии, является довольно тонким. А.Фагерхольм определяет «регионалистские партии» как партии, требующие самоуправления для своего региона, и пишет, что такие партии не пытаются представлять интересы всех людей, а сосредоточены на интересах жителей конкретного региона [3, с. 307]. В то же время П.В. Панов не считает, что «регионалистские» партии должны обязательно требовать политической независимости для своего региона. Он предлагает определять регионалистские партии не через «требование автономии», а через «требование субъектности». Согласно его определению, регионализм – это «движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс» [4, с. 104–105].

В различных исследованиях выделяются разнообразные факторы, влияющие на вероятность возникновения региональных партий и их способность конкурировать на выборах с национальными партиями. О.Маццолени и Ш.Мюллер в своей работе по изучению европейских регионалистских партий выделяют следующие факторы, способствующие генезису и успешности данного типа партий:

- Ощущение периферийности – противопоставление региона центру, недовольство существующим устройством государства и своим положением.
- Организационные ресурсы – политические кадры, финансы, лояльные медиа и лидерские способности; харизматичный лидер может частично компенсировать нехватку других ресурсов.
- Электоральные возможности – условия для регистрации партии и избирательная система, позволяющая конвертировать поддержку в места в парламенте.
- Непредсказуемость избирателей – наличие «плавающих голосов», число которых растёт в кризисные периоды и при новых общественных проблемах [5, с. 9–10].

Кроме того, исследователи региональных партий проводят сравнительные количественные исследования, пытаясь выявить факторы, способствующие успешности региональных партий на выборах. Например, в своей работе Д.Бранкати анализирует национальные выборы в 37 странах с 1945 по 2002 г. и изучает факторы, влияющие на силу региональных партий на каждых выборах. В исследование были включены такие факторы, как степень децентрализации, этническая гетерогенность, система правления, характеристики избирательных систем. В результате Д.Бранкати приходит к выводу, что ключевым фактором, влияющим на силу региональных партий, является степень децентрализации государства, а например, специфика региона и его отличия от других регионов страны не играют важной роли [1, с. 158].

С.Джолли в своем исследовании использует в качестве единицы наблюдения не страны, а регионы. Автор анализирует влияние языковой специфики региона, уровня развития экономики, институциональных факторов, включая децентрализацию. Анализ С.Джолли показывает, что децентрализация и языковая специфика являются важными факторами развития региональных партий. В свою очередь уровень развития экономики не влияет на вероятность участия региональных партий

в выборах, однако оказывает положительное влияние на их результаты [6, с. 18, 22].

В исследовании Д.Соренса анализируются не только региональные, но и сепаратистские партии на примере 400 регионов и более двух тысяч региональных и национальных выборов. В результате проведенного исследования Д.Соренс приходит к выводу, что положительное влияние на успешность регионалистских и сепаратистских партий оказывают лишь социокультурные факторы, а географические и институциональные (степень автономии) оказались статистически не значимы [7, с. 345].

П.В. Панов в своем исследовании изучает силу регионалистских партий в региональных законодательных собраниях на примере 313 регионов в странах Европы. Автор рассматривает влияние социокультурной, исторической и географической специфики регионов, уровня экономического развития региона относительно других регионов страны, степени децентрализации и доли региона в населении страны. Результаты исследования П.В. Панова показывают, что единственными факторами, оказывающими позитивное влияние на успешность регионалистских партий, являются историческая и социокультурная специфика. Кроме того, согласно исследованию, в странах Западной Европы регионалистские партии оказываются сильнее в более экономически развитых регионах и в регионах, более отдаленных от столицы страны. В странах Восточной Европы, наоборот, регионалистские партии сильнее в более бедных регионах и менее отдаленных от центра страны [8, с. 12–13].

Как видно из описания проведенных исследований, ученые обнаруживают разные характеристики, способные влиять на силу региональных партий, хотя и заметно, что социокультурная специфика обычно является важным фактором в большинстве вышеупомянутых исследований. В данной работе ставится цель использовать вышеописанные подходы к изучению региональных партий для анализа ситуации с этими партиями в отдельных префектурах Японии и проверить степень влияния различных факторов на успешность японских региональных партий. Кроме того, изучается, как успешность региональных партий, влияет на результаты национальных партий Японии.

Данные для анализа факторов успешности региональных партий

Единицей наблюдения в данном исследовании является префектура Японии (всего 47 регионов), а зависимой переменной – сила региональных партий в регионе. К региональным партиям относятся те политические партии, чья активность сосредоточена в одном или нескольких регионах. Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии в основном причисляет их к 諸派 – «малым партиям». Кроме того, в анализ включена партия Ниппон Исин-но кай (日本維新の会, Партия обновления Японии), которая занимает заметную долю мест в парламенте, поэтому не классифицируется в статистике Министерства внутренних дел и коммуникаций как «малая партия». Так как наиболее заметную поддержку Ниппон Исин-но кай имеет только в Осаке и других префектурах района Кансай, ее можно отнести к региональным партиям.

Для изучения степени влияния различных факторов на силу региональных партий в префектурах Японии используется метод множественной линейной регрессии. Суть данного метода заключается в поиске зависимости между одним зависимым показателем (в нашем случае силой региональных партий в префектуре) и несколькими независимыми показателями. Независимые пере-

менные в данном исследовании – это географическая специфика, особенности избирательной системы, уровень развития экономики региона, удельный вес региона и социокультурные особенности.

Сила региональных партий рассчитывается как среднее значение доли мест, полученных ими за три последних электоральных цикла в 2014–2025 гг. (в процентах). В префектурах, где в законодательное собрание проходили несколько региональных партий, их места суммировались. Учитывались партии, которые получали в законодательном собрании префектуры хотя бы одно место как минимум в двух из трех последних электоральных циклов. В результате региональные партии, стабильно получающие места в региональном парламенте, обнаруживаются в 18 из 47 префектур¹.

В качестве географической спецификации используется расстояние между Токио и столицей региона (в тыс. км).

Для измерения уровня экономического развития региона используется доля ВРП на душу населения в отношении к ВВП на душу населения в процентном измерении. Таким образом, значение более 100% имеют префектуры относительно богатые по сравнению с другими, а менее 100% – относительно бедные.

Особенности избирательной системы отражают долю в процентах, которую многомандатные избирательные округа составляют от общего количества избирательных округов в префектуре на региональных выборах. На региональных выборах количество мест от разных избирательных округов варьируется от 1 до 17. В соответствии с исследованием Д.Бранкати у региональных партий больше шансов на успех в пропорциональных избирательных системах и меньше в мажоритарных. На субнациональном уровне в Японии пропорциональное голосование не используется, однако в многомандатных избирательных округах у региональных партий должно

¹ Источники данных: 地方選挙結果 [Результаты региональных выборов]. [Local Election Results] // Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии. URL: https://www.soumu.go.jp/senkyo/senkyo_s/data/chihou/ichiran.html (дата обращения: 05.04.2025); 選挙の結果 [Результаты выборов в префектуре Иватэ]. [Iwate Prefecture Election Results] // Официальный сайт префектуры Иватэ. URL: <https://www.pref.iwate.jp/iinkai/senkyo/kekka/index.html> (дата обращения: 05.04.2025); 宮城県議会議員選挙 [Выборы в законодательное собрание префектуры Мияги]. [Miyagi Prefectural Assembly Election] // Официальный сайт префектуры Мияги. URL: <https://www.pref.miyagi.jp/site/miyagi-senkyo-kekka/list1933.html> (дата обращения: 05.04.2025); 福島県議会議員選挙 [Выборы в законодательное собрание префектуры Фукусима]. [Fukushima Prefectural Assembly Election] // Официальный сайт префектуры Фукусима. URL: <https://www.pref.fukushima.lg.jp/sec/62010a/kextuka-kengi.html> (дата обращения: 05.04.2025); 選挙結果 [Результаты выборов в префектуре Ибараки]. [Ibaraki Prefecture Election Results] // Официальный сайт префектуры Ибараки. URL: <https://www.pref.ibaraki.jp/shiru/senkyo/kako-senkyokekka/index.html> (дата обращения: 05.04.2025); 都議会議員選挙・投票結果 [Результаты выборов в законодательное собрание префектуры Токио]. [Tokyo Metropolitan Assembly Election Results] // Официальный сайт избирательной комиссии префектуры Токио. URL: <https://www.senkyo.metro.tokyo.lg.jp/election/togikai-all> (дата обращения: 05.04.2025); 2004年以降の県議選結果 [Результаты выборов в законодательное собрание префектуры с 2004 года]. [Prefectural assembly election results since 2004]. Okinawa Times, 05.06.2020. URL: <https://www.okinawatimes.co.jp/articles/-/581244> (дата обращения: 05.04.2025); 沖縄県議選. [Выборы в законодательное собрание префектуры Окинава]. [Okinawa Prefectural Assembly Election]. NHK. URL: <https://www.nhk.or.jp/senkyo/database/local/okinawa/16489/> (дата обращения: 05.04.2025); 沖縄県議会議員選挙 2024. [Выборы в законодательное собрание префектуры Окинава, 2024 г.]. [Okinawa Prefectural Assembly Election 2024]. NHK. URL: <https://www.nhk.or.jp/senkyo/database/local/okinawa/20502/> (дата обращения: 05.04.2025).

быть больше шансов на попадание в законодательное собрание, так как степень конкуренции с кандидатами от национальных партий ниже.

Удельный вес региона рассчитывается по аналогии с методикой, использованной в своем исследовании П.В. Пановым, и показывает долю населения региона от общего населения Японии (в процентах). Предположительно, чем больше «удельный вес региона», тем больше он может ощущать свою значимость, что может способствовать возникновению и успеху региональных партий.

Для вычисления социокультурной спецификации обычно используется языковое своеобразие региона, которое исследователи определяют при помощи экспертных оценок филологов. В своем исследовании Ф.Иноуэ и Я.Ёсиока выделяют в японском языке пять диалектов: Тохоку, Канто, западный, Кюсю и Рюкю – и предлагают карту распространения диалектов по префектурам Японии [9, с. 21]. Показатель языковой спецификации в нашем анализе отражает уровень классификации, на котором диалект, использующийся в префектуре, отделяется от диалекта Канто, на котором разговаривают в Токио. Значения коэффициента варьируются от 2 до 4: чем показатель выше, тем ближе диалект региона к диалекту Токио и, предположительно, тем меньше проявляется языковая специфика региона.

Дескриптивная статистика по всем переменным представлена в табл. 1, результаты регрессионного анализа – в таблице 2.

Таблица 1. Дескриптивная статистика (N = 47)

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана
Сила региональных партий (в %)	0	58,43	4,10	0
Удаленность региона (в тыс. км)	0	1,55	0,46	0,40
ВРП к ВВП (в %)	65,3	185,01	96,1	93,96
Доля многомандатных избирательных округов (в %)	32,08	100	65,67	63,83
Доля в населении (в %)	0,45	11,24	2,16	1,28
Языковая специфика	2	4	3,22	3

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа факторов успеха региональных партий

Переменная	Коэффициент (β)
Удаленность региона (в тыс. км)	-4,950
ВРП к ВВП (в %)	0,060
Доля многомандатных избирательных округов (в %)	-0,017
Доля в населении (в %)	2,982***
Языковая специфика	-10,865***
Количество наблюдений	47
Скоррект. R ²	0,377
Значимость факторов	*p < 0,1; **p < 0,05; ***p < 0,01

Результаты анализа факторов успеха региональных партий

Исследование показывает, что статистическую значимость демонстрируют факторы удельного веса региона и языковой специфики. Влияние остальных факторов на силу региональных партий не подтверждается. Влияние языковой специфики и удельного веса региона на силу региональных партий можно описать следующим образом: повышение коэффициента языковой специфики на 1 ед. снижает силу региональной партии в префектуре на 10,87 п.п., а повышение доли, которую префектура занимает в населении Японии, на 1 п.п. повышает силу региональных партий на 2,98 п.п. Таким образом подтверждаются выводы части исследователей о том, что социокультурная специфика оказывает значительное влияние на силу региональных партий. Данные о том, что доля префектуры в общем населении влияет на силу региональных партий, представляются весьма интересными, так как европейские регионы в исследовании П.В. Панова, например, не обнаруживают связи с этим показателем. Вероятно, в дальнейших исследованиях было бы разумно рассматривать не только количество населения в префектуре, но и такие характеристики, как плотность населения, количество избирательных округов в урбанизированных районах.

Необходимо отметить, что данная модель демонстрирует среднюю объяснительную силу. Скорректированное значение R^2 составляет «0,38», т.е. модель описывает около 38% вариаций. Это говорит о том, что проанализированная комбинация факторов, влияющих на силу региональных партий, является далеко не исчерпывающей. Помимо общих факторов, оказывающих влияние на силу региональных партий, могут иметь место особые факторы. Например, представители региональной партии Осака Исин-но кай занимают посты губернатора и мэра Осаки, что может способствовать популярности партии в регионе.

Таким образом, для более глубокого анализа факторов влияющих на силу региональных партий в префектурах Японии необходимо проводить не только исследования с большим количеством наблюдений и более разнообразным набором факторов, но и исследования успехов и неудач конкретных партий в конкретных регионах.

Изучение влияния региональных партий на позиции ЛДП и национальной оппозиции

Как и в случае с факторами, влияющими на силу региональных партий, регрессионный анализ может помочь проанализировать, какое влияние региональные партии оказывают на позиции Либерально-демократической партии и главной оппозиционной партии (до 2017 г. Демократической партии, после – Конституционно-демократической партии) в префектурах Японии. Единичей наблюдения в данном случае являются трое последних выборов в законодательное собрание префектур (всего 141 электоральный результат). Зависимыми переменными в данном случае являются сила ЛДП и «демократов», то есть доля мест, которые ЛДП и ДП/КДП получили в законодательных собраниях по итогам выборов (в процентах).

Независимыми переменными в данном случае являются успех региональных партий на выборах, явка избирателей, средняя конкурентность префектуры и уровень поддержки национальной партии. Успех региональных партий на выборах фиксирует, удалось ли региональным партиям получить хотя бы одно место в законодатель-

ном собрании префектуры по итогам выборов, и может принимать значения «0» и «1». Если по итогам региональных выборов в законодательное собрание префектуры прошли сразу несколько региональных партий, их показатель все равно сохраняет значение «1».

Явка избирателей измеряется в процентах. Согласно исследованиям национальных выборов в Японии, более низкая явка избирателей в целом положительно влияет на результаты ЛДП. Оппозиционно настроенные по отношению к ЛДП избиратели нередко предпочитают воздержаться от голосования вовсе, так как национальные оппозиционные партии также не пользуются высоким уровнем доверия среди японских граждан [10, с. 37–38]. Гипотетически подобный эффект может наблюдаться и на региональных выборах, таким образом более высокая явка должна положительно влиять на результаты ДП/КДП и негативно на результаты ЛДП.

Конкурентность префектуры вычисляется как среднее эффективное число партий (ЭЧП) в региональном законодательном собрании за три электоральных цикла, предшествовавшие анализируемым выборам. Более высокое ЭЧП говорит о том, что в законодательное собрание региона способно избираться большее количество политических сил, а ЛДП, скорее всего, занимает в этом регионе менее прочные позиции. Схожий эффект более высокий уровень ЭЧП должен оказывать и на ДП/КДП: большее количество влиятельных политических сил в регионе говорит о том, что демократам хуже удается собирать протестные голоса.

Таблица 3. Дескриптивная статистика ($N = 141$)

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана
Успешность рег. партий	0	1	0,40	0
Явка избирателей (в %)	34,8	61,09	45,91	46,12
Конкурентность	1,42	11,62	2,96	2,66
Сила ЛДП (в %)	8,86	80	50,71	52,08
Поддержка ЛДП на нац. уровне (в %)	20,41	49,61	35,81	35,61
Сила ДП/КДП (в %)	0	31,37	7,27	4,88
Поддержка ДП/КДП на нац. уровне (в %)	8,31	29,23	19,00	19,19

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа успешности ЛДП и ДП/КДП на региональных выборах

Переменная	ЛДП	ДП/КДП
	Коэффициент (β)	Коэффициент (β)
Явка избирателей	-0,257**	-0,076
Конкурентность префектуры	-2,799***	-1,021***
Успех региональных партий	-8,422***	3,087***
Уровень поддержки национальной партии	0,847***	0,753***
Скоррект. R^2	0,539	0,249
Количество наблюдений	141	
Значимость факторов	* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$	

Наконец, уровень поддержки национальной партии – это еще один способ оценить, насколько крепки позиции ЛДП и ДП/КДП в конкретной префектуре. Для подсчета этого показателя использовалась средняя доля набранных партией голосов в пропорциональном голосовании на выборах в Палату представителей 2021, 2017 и 2014 гг. Несмотря на то, что эти данные немного отстают по времени от даты проведения региональных выборов, они помогают учесть мнение большего количества граждан, чем опросы общественного мнения. Кроме того, голоса в пропорциональной системе распределяются более равномерно, что помогает точнее оценить уровень поддержки ЛДП и ДП/КДП в регионе.

Дескриптивная статистика по всем переменным представлена в таблице 3, результаты регрессионного анализа – в таблице 4.

Результаты анализа успешности ЛДП и ДП/КДП на региональных выборах

Анализ показывает, что для результатов ЛДП на региональных выборах все переменные являются статистически значимыми, чуть меньшую значимость имеет явка избирателей. Для демократов статически значимыми являются все переменные, кроме явки избирателей. Вероятно, более высокая явка действительно свидетельствует о более высоком уровне протестного голосования, однако протестные голоса вовсе необязательно идут в пользу главной оппозиционной силы, поэтому для ДП/КДП более высокая явка не означает автоматически более успешного результата. Однако даже при более высокой явке результаты ЛДП снижаются не очень сильно: при повышении явки избирателей на 1 п.п. доля мест, получаемых ЛДП, снижается на 0,26 п.п.

Конкурентность префектуры, как и предполагалось, может быть связана с более низкими результатами как ЛДП, так и главной оппозиционной партии. В регионах, где индекс ЭЧП выше на 1 ед., доля полученных ЛДП мест ниже на 2,8 п.п., а сила ДП/КДП – на 1,02 п.п.

Влияние уровня поддержки партии на национальном уровне является для обеих политических сил примерно одинаковым. Увеличение поддержки партии на национальном уровне на 1 п.п. увеличивает силу ЛДП в региональном парламенте на 0,85 п.п., а ДП/КДП – на 0,75 п.п.

Также данные свидетельствуют о том, что в регионах, где региональным партиям удается попасть в законодательное собрание префектуры, доля мест, полученных ЛДП, на 8,42 п.п. меньше. В то же время для ДП/КДП наблюдается положительный эффект: доля мест главной оппозиционной силы в таких регионах на 3,01 п.п. выше. Анализируя успех некоторых региональных партий в начале 2010-х гг. К.В.Л.Хидзино выдвигал предположение о том, что японские избиратели, разочарованные неудачным правлением Демократической партии в 2009–2012 гг., но при этом выступающие против Либерально-демократической партии, могли выразить свой протест против двух главных политических сил, отдав свои голоса в пользу региональных партий [11, с. 129]. Подобные объяснения, только в применении к т.н. партиям «третьего пути», добившихся неожиданных успехов на выборах в Палату представителей 2012 г., приводит и С.Рид. Часть партий «третьего пути» имела прямые связи с региональными партиями: Ниппон Исин-но кай – с Осака Исин-но кай, Японская партия будущего – с партиями «Объединим Сигу при помощи диалога», Партией за сокращение налогов и партией «Айти – лучшая префектура Японии» из префектур Сига, города Нагоя и префектуры Айти соответственно [12, с. 72].

Однако проведенный нами анализ показывает, что между результатами ЛДП и «демократов» в префектурах с успешными региональными партиями нет заметного сходства. Следует учесть, что результаты выборов для региональных партий, ЛДП и «демократов» в данной модели рассматриваются одновременно, поэтому мы не можем с уверенностью говорить о прямой причинно-следственной связи (т.е. что ЛДП теряет голоса именно из-за региональных партий). Тем не менее данные последних трех выборов в префектурах Японии говорят нам, что позиции ЛДП в регионах, где имеют успех региональные партии, заметно хуже, чем позиции их главных конкурентов в лице ДП/КДП. Полученные нами результаты позволяют поставить под сомнение предположение о том, что региональные партии привлекают оппозиционно настроенных избирателей, которые при этом не готовы голосовать и за главную оппозиционную партию.

Необходимо сказать, что обе модели имеют среднюю объяснительную силу. Если для ЛДП модель объясняет чуть больше половины вариаций, то в случае с ДП/КДП модель объясняет около четверти вариаций. Это свидетельствует о том, что существуют дополнительные факторы, оказывающие серьезное влияние на результаты национальных партий на региональных выборах. К примеру, возможным значимым фактором может являться плотность населения в региональных избирательных округах. Японская оппозиция в целом получает больше голосов от городского населения, поэтому префектуры с более высоким уровнем урбанизации могут быть для нее более удобным полем борьбы, в том числе и на региональных выборах.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что на успех японских региональных партий заметное влияние оказывают доля, которую префектура занимает в общем населении Японии и социокультурная специфика региона. Исследователи, занимавшиеся изучением региональных партий в других регионах, также подчеркивали важность влияния социокультурной специфики. Это до определенной степени сближает японские региональные партии с региональными партиями в других государствах. В то же время гипотеза о том, что экономическое благополучие или экономическая отсталость могут играть роль в формировании и успехе региональных партий, не находит подтверждений. Особенности избирательной системы японских префектур также не оказывают влияния на силу региональных партий. Тем не менее, построенная нами модель не позволяет полностью сравнить японские региональные партии с партиями других стран из-за сравнительно небольшой выборки и необходимости более глубокого анализа отдельных факторов.

Вместе с тем, успешность региональных партий на выборах в законодательные собрания префектур дает нам возможность пронаблюдать особенности развития региональных партийно-политических систем Японии. Проведенное исследование показало, что в префектурах, где региональные партии добиваются успеха в той или иной степени, Либерально-демократическая партия испытывает заметные сложности в получении мест в законодательном собрании, в то время как национальная оппозиция в лице Демократической партии, а позднее Конституционно-демократической партии, наоборот, выступает сравнительно неплохо. Эти выводы могут свидетельствовать о том, что региональные партии играют положительную роль в расширении спектра японских политических партий и степени представленности интересов различных социальных групп, но при

этом не оказывают заметного отрицательного влияния на главную оппозиционную силу страны.

Литература

1. Brancati, D. The Origins and Strength of Regional Parties // *British Journal of Political Science*. 2008. 38. PP. 135–159. DOI: 10.1017/S0007123408000070.
2. Jou, W. A regional party in a centralized country: The case of One Osaka in Japan // *Regional and Federal Studies*. 2015. No. 25 (2). PP. 145–163. DOI: 10.1080/13597566.2014.1002834
3. Fagerholm, A. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? // *Ethnic and Regionalist Parties. Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2016. No. 16. PP. 304–339.
4. Панов П.В. Многоликий регионализм. // *Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ*. 2020. Т. 14. № 1. С. 102–115.
5. Mazzoleni, O., Mueller, S. Explaining the policy success of regionalist parties in Western Europe. // *Regionalist Parties in Western Europe. Dimensions of success*, ed. by Oscar Mazzoleni and Sean Mueller, 2017. PP. 1–21.
6. Jolly, S.K. Economics or Culture? Motivations for Sub-State Nationalists in Europe. // *APSA 2009 Toronto Meeting Paper*. 2009. PP. 1–29.
7. Sorens, J. Regionalists against secession: the political economy of territory in advanced democracies. // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. 14(3). PP. 325–360.
8. Панов П.В. Регионалистские партии в странах Европы: факторы успеха. // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2022. № 3. С. 5–14.
9. 井上史雄, 吉岡泰夫. 九州の方言: 調べてみよう暮らしのことば. [Иноуэ Фумио, Ёсиока Ясуо. Диалект Кюсю: рассмотрим язык повседневной жизни]. / ゆまに書房, 2003.
10. Reed S.R., Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F. The 2012 election results: The LDP wins big by default. Japan decides 2012 / Pekkanen R., Reed S.R., Scheiner E. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2013. PP. 34–46.
11. Hijino K.V.L. Delinking National and Local Party Systems: New Parties in Japanese Local Elections. // *Journal of East Asian Studies*. 2013. No. 13. PP. 107–135.
12. Reed S.R. Challenging the Two-Party System: Third Force Parties in the 2012 Election. / Pekkanen R., Reed S.R., Scheiner E. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2013. PP. 72–83.

REGIONAL PARTIES IN JAPAN: FACTORS OF SUCCESS AND INFLUENCE ON NATIONAL PARTIES

Kudriashov I.D.

Institute of China and Contemporary Asia

In scholarly literature analyzing the factors behind the success of regional parties, Japanese regional parties are often overlooked. This study addresses that gap by applying multiple linear regression analysis to examine the factors contributing to the success of regional parties in Japan. Additionally, it explores how the success

of regional parties influences the performance of national parties in regional elections. The results show that the most significant factors determining regional party success are the relative population size of a prefecture and its sociocultural characteristics. In contrast, economic indicators and features of the electoral system have no substantial impact. The analysis also reveals that in prefectures where regional parties are successful, the Liberal Democratic Party experiences a decline in electoral performance, while the national opposition gains additional support. These findings suggest that regional parties in Japan do not weaken but rather complement the national opposition, contributing to a broader representation of public interests. Thus, Japanese regional parties exhibit both unique and common features characteristic of regional parties in other countries.

Keywords: regional parties, Japan, party system, regional elections, Liberal Democratic Party, Democratic Party of Japan, Constitutional Democratic Party of Japan.

References

1. Brancati, D. The Origins and Strength of Regional Parties // *British Journal of Political Science*. 2008. 38. PP. 135–159. DOI: 10.1017/S0007123408000070.
2. Jou, W. A regional party in a centralized country: The case of One Osaka in Japan // *Regional and Federal Studies*. 2015. No. 25 (2). PP. 145–163. DOI: 10.1080/13597566.2014.1002834
3. Fagerholm, A. Ethnic and Regionalist Parties in Western Europe: A Party Family? // *Ethnic and Regionalist Parties. Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2016. No. 16. PP. 304–339.
4. Panov P.V. Many faces of regionalism // *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020. Vol. 14. № 1. PP. 102–115.
5. Mazzoleni, O., Mueller, S. Explaining the policy success of regionalist parties in Western Europe. // *Regionalist Parties in Western Europe. Dimensions of success*, ed. by Oscar Mazzoleni and Sean Mueller, 2017. PP. 1–21.
6. Jolly, S.K. Economics or Culture? Motivations for Sub-State Nationalists in Europe. // *APSA 2009 Toronto Meeting Paper*. 2009. PP. 1–29.
7. Sorens, J. Regionalists against secession: the political economy of territory in advanced democracies. // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2008. 14(3). PP. 325–360.
8. Panov P.V. Regionalist parties in European countries: factors of success. // *Perm University Herald. Political Science*. 2022. Vol. 16. № 3. PP. 5–14.
9. 井上史雄, 吉岡泰夫. 九州の方言: 調べてみよう暮らしのことば. [Иноуэ Фумио, Ёсиока Ясуо. Диалект Кюсю: рассмотрим язык повседневной жизни]. / ゆまに書房, 2003.
10. Reed S.R., Scheiner E., Smith D.M., Thies M.F. The 2012 election results: The LDP wins big by default. Japan decides 2012 / Pekkanen R., Reed S.R., Scheiner E. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2013. PP. 34–46.
11. Hijino K.V.L. Delinking National and Local Party Systems: New Parties in Japanese Local Elections. // *Journal of East Asian Studies*. 2013. No. 13. PP. 107–135.
12. Reed S.R. Challenging the Two-Party System: Third Force Parties in the 2012 Election. / Pekkanen R., Reed S.R., Scheiner E. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2013. PP. 72–83.

Практические аспекты влияния цифровизации на личностно-профессиональную эффективность сотрудников

Литаш-Сорокина Елена Александровна,
независимый исследователь
E-mail elena@lita.sh

Статья посвящена исследованию влияния цифровизации на личностно-профессиональную эффективность сотрудников. Рассматриваются практические аспекты адаптации персонала к информационному давлению, обусловленному активным внедрением цифровых технологий. Особое внимание уделено вопросам рационального распределения рабочего времени, снижению стресса и сохранению психоэмоционального благополучия. Проводится анализ взаимосвязи когнитивной нагрузки, автоматизации процессов и эффективности сотрудников. Обосновывается необходимость учета индивидуальных особенностей восприятия информации и создания комфортной цифровой среды. Результаты исследования представляют практическую ценность для руководителей и специалистов по персоналу, способствуя совершенствованию методов управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, профессиональная эффективность, информационная нагрузка, управление стрессом, психологическая устойчивость, индивидуальное восприятие, оптимальная цифровая среда.

Введение

Преобразующий потенциал, который технологии приносят в наш сегодняшний день, сталкивается с ограничениями человеческих возможностей и сопровождается неопределенностью эффектов (Boyd et. al., 2017). Одним из главных обещаний цифровизации является оптимизация расходования трудовых ресурсов. Компании, не планируя рост штата, ищут «оптимальную эффективность» за счет автоматизации и сглаживании бизнес-процессов. Чтобы сохранить занятость сотрудников при увеличении производительности за счет технологий, компаниям необходимо разрабатывать стратегии оптимального распределения освободившихся ресурсов. Организация сможет эффективно использовать дополнительное время, если сотрудник способен качественно выполнять новую работу, не ухудшая своё психологическое здоровье. Поэтому стратегии развития, обещающие рост эффективности использования рабочей силы для организаций и сохраняющие уровень трудоустроенности для граждан и государства, с одной стороны должны направляться на развитие способностей, навыков и компетенций сотрудников, с другой, создаваемый организациями контекст рабочей среды должен создавать условия, необходимые для реализации этого потенциала, при сохранении здоровья и удовлетворенности от выполняемой деятельности. Вопрос использования высвобождающегося времени остается предметом дискуссий: одни видят в нем шанс повысить эффективность сотрудника и увеличить выгоды для организации, другие призывают уделять больше внимания личному благополучию и сбалансированности жизни, позволяя людям полноценно отдыхать и развиваться профессионально¹. Компании, ввиду нестабильности бизнес-климата, нехватки квалифицированных сотрудников и переходу к культуре гибридной рабочей среды, бросающей вызов нормам производительности², вынуждены помнить о том, что грань личного и рабочего сотрудника стерта, сотрудники ожидают от работодателя нужный им режим работы, готовы смешивать рабочее и личное время, но без ущерба личному благополучию³. Так технологии проникают во все аспекты нашей жизни и оказывает постоянное влияние на мышление, чувства и социальное взаимодействие.

Методология

Исследование основано на теоретическом анализе и критическом осмыслении современной научной литературы по вопросам цифровизации, когнитивной нагрузки, пси-

¹ Личная эффективность: как её развить, чтобы управлять временем и командой. // URL:

<https://practicum.yandex.ru/blog/lichnaya-effektivnost-metody-i-instrumenty-povysheniya/#:~:text=Личная%20эффективность%20—%20это%20способность%20успевать,которые%20не%20приведут%20к%20цели.>

² Foundry, IT leaders are future-proofing their business with digital strategies. // URL: https://1624046.fs1.hubspotusercontent-na1.net/hubfs/1624046/R-ES_Digital_Business_2023_NEW.pdf?

³ Great Expectations: Making Hybrid Work Work // URL: <https://www.microsoft.com/en-us/worklab/work-trend-index/great-expectations-making-hybrid-work-work>

хологии труда и профессиональных качеств сотрудников. В качестве методов использованы обзор специализированной литературы, систематизация существующих взглядов и примеров практической реализации цифровизации в крупных российских организациях. Приведены данные эмпирических исследований автора среди сотрудников зрелой цифровой организации¹ (Организации): (1) полученных опросным методом (N=365 чел.), где выборка, пропорционально соотношению ролей генеральной совокупности, включила в себя сотрудников продуктовых и сервисных команд, работающих по agile методологии (data-people, бизнес аналитики, системные аналитики, редакторы, UI/UX аналитики), архитекторы сервисов и процессов, разработчики и тестировщики, руководители направлений, владельцы продуктов, лидеры кластеров); (2) реализованного по заданию автора нейроработаторией эксперимента по фиксации когнитивной нагрузки от начала выполнения рабочих задач к концу посредством ЭЭГ (N=19 чел.), а также данные самоотчеты респондентов и их соотношение с психофизиологическими показателями.

Цифровой вызов человеческим возможностям

Четвёртая промышленная революция обострила дискуссию о сути человеческой природы, соединяя физическое, цифровое и биологическое измерения. Концепция Общества 5.0 2016 года сместила приоритеты на интересы и потребности человека, подчиняя технологии служению его благу. Однако прогресс не обошёл стороной и негативные аспекты: усиливается фрагментация повседневной жизни, возникают тревоги о размывании контакта с реальностью и ущербе полноценному существованию в настоящем². Вслед за лавинообразным ростом объема данных, информации и подключенных каналов общения, возрастает скорость работы и коммуникаций, умные устройства и технологии искусственного интеллекта (ИИ) повышают производительность, одновременно с этим, наблюдается рост потока уведомлений, электронной почты и онлайн-взаимодействий, непредсказуемым образом нарушающих баланс и комфорт людей. (Diefenbach et. al., 2016). Согласно данным исследовательской лаборатории Microsoft, объем поступающих писем, встреч и уведомлений превышает возможности человека их обработать, усугубляя рабочий ритм. Более 60% опрошенных отметило нехватку времени, энергии, испытывая в 3,5 раза больше сложностей с инновациями и стратегическим мышлением.

Цифровой мир все больше подвергает испытанию человеческие способности, особенно, внимание, концентрацию и память. Ежедневно люди принимают бесчисленные решения: одни из них не требуют усилий, другие требуют серьезного обдумывания и взвешивания вариантов. Исследование структуры рабочего дня сотрудников Agile-периметра (2024 год), показало, что 83% времени уходит на рутинные задачи, связанные с планиро-

ванием, разбором встреч и их результатов, подготовкой и направлением задач, писем и т.п., и обработкой такого же входящего потока. При этом, 65% сотрудников отметило, что выполняют рабочие задачи параллельно. Одновременно с этим, известно, что высокий уровень и рост умственной нагрузки, определяющийся сложностью задач, дефицитом времени и индивидуальными способностями, оказывает негативное влияние на когнитивные функции, а сложные задачи провоцируют стресс, если человек ощущает неспособность их преодолеть. Несмотря на защитные механизмы мозга, эксперименты подтверждают, что сильная умственная нагрузка и стресс негативно сказываются на когнитивных функциях и снижают продуктивность. (Borghini et. al., 2014). Стресс снижает ресурсы внимания, мешая полноценному реагированию на задачи. Сохранение работоспособности в стрессовых условиях и при высокой умственной нагрузке возможно, но требует дополнительной мобилизации когнитивных резервов и энергетических затрат. Увеличение расходования когнитивных ресурсов исполнительного контроля позволяет человеку компенсировать стресс и поддержать эффективность деятельности (Causse et. al., 2024), однако, даже при хорошей компенсации умственной нагрузки и стресса, формируется усталость, тем самым увеличивая вероятность ошибок. Вместе с этим, когнитивные способности ограничивают многозадачность, поскольку эффективно решается лишь одна главная плюс две-три дополнительные (Donoso et. al., 2014). Важно знать, что наряду с ограничениями существует и возможность роста когнитивной продуктивности, благодаря автоматизации и обнаружению резервов человеком в повторяющейся последовательной поведенческой стратегии деятельности в процессе решения известной задачи.

Контекст фрагментации и истощения

Цифровизация ведёт к тому, что корпоративные приложения, почта и мессенджеры устанавливаются на множестве устройств сотрудников и сопровождают их круглосуточно. Многочисленные ежедневные прерывания вынуждают человека оперативно переключаться между задачами и проявлять когнитивную гибкость. Исследование, проведенное нейроработаторией по заданию автора, показало, что сотрудники испытывали большее когнитивное утомление при составлении отчета с частыми краткосрочными отвлечениями, чем при наличии запланированных перерывов на отдых. Особенно сильное влияние на когнитивные способности оказывает смартфон: даже его близкое присутствие перегружает внимание, ослабляя память, интеллект и способности к обучению, рассуждению, абстрагированию, решению задач и творчеству. Помимо фрагментации жизни использование смартфонов приводит к снижению ежедневной рабочей активности из-за сна и истощения. Использование смартфона для работы ночью увеличивает истощение на следующее утро из-за его влияния на сон (Carnevale et. al., 2016). Утреннее истощение снижает ежедневную вовлеченность в работу и дополняется влиянием других электронных. Вместе с тем, негативное влияние утреннего истощения на ежедневную вовлеченность в работу может быть компенсировано и смягчено самоконтролем человека в процессе работы (Lanaj et. al., 2014; Beal et. al., 2005). Однако, и постоянные акты самоконтроля черпаются из ограниченного пула ресурсов, который уязвим к истощению (Baumeister et. al., 1998). Люди способны преодолевать импульсы, блокировать отвлекающие эмоции и познания и согласовывать поведение с социальными нормами и стандартами задач (Billore et. al., 2023), после

¹ Цифровой бизнес // URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Сбербанк_\(цифровой_бизнес\)#.D0.92_.D0.A1.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.B5_.D1.81.D0.BE.D0.B7.D0.B4.D0.B0.D0.BD.D0.BE_.D1.11_.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B4.2_.D0.BE.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D1.8E.D1.89.D0.B8.D1.85_.D1.83.D1.81.D0.BB.D1.83.D0.B3.D0.B8.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D1.8F_.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D1.81.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B0.D1.86.D0.B8.D1.8F_.D0.BA.D0.B0.D0.BA_.D1.81.D0.B5.D1.80.D0.B2.D0.B8.D1.81](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Сбербанк_(цифровой_бизнес)#.D0.92_.D0.A1.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.B5_.D1.81.D0.BE.D0.B7.D0.B4.D0.B0.D0.BD.D0.BE_.D1.11_.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B4.2_.D0.BE.D0.BA.D0.B0.D0.B7.D1.8B.D0.B2.D0.B0.D1.8E.D1.89.D0.B8.D1.85_.D1.83.D1.81.D0.BB.D1.83.D0.B3.D0.B8.D1.86.D0.B8.D1.84.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D1.8F_.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D1.81.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B0.D1.86.D0.B8.D1.8F_.D0.BA.D0.B0.D0.BA_.D1.81.D0.B5.D1.80.D0.B2.D0.B8.D1.81)

² Montag, C.; Walla, P. Carpe diem instead of losing your social mind: Beyond digital addiction and why we all suffer from digital overuse. Cogent Psychol. 2016, 3, 1157281. // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/23311908.2016.1157281>

чего находят последующие рабочие действия более сложными, становятся уязвимыми для отвлекающих факторов и импульсов, не связанных с задачей. Например, в организационных условиях истощение затрудняет воздержание от ненормативных и неэтичных действий сотрудников (Baumeister et. al., 2004). Одновременно с этим, современность диктует быть сотруднику частью коллективного интеллекта, что означает, что его психологическое благополучие и когнитивные способности (продуктивность) сегодня стали первоприоритетны.

Люди, которые тратят больше времени на электронные сообщения в онлайн мессенджерах и почте, сообщают о большей перегрузке на работе, чувствуют себя эмоционально истощенными, разочарованными и напряженными из-за работы (Kushlev et. al., 2015). Прямое негативное влияние объема входящих писем и времени, проведенного за чтением почты, не выявлено, среди активных пользователей электронной почты преобладает восприятие её как инструмента, который способствует эффективности деятельности, однако также все же существует мнение, что постоянный доступ к электронной почте отрицательно влияет на самочувствие, продлевая рабочее время, а частая проверка почты приводит к отвлечениям (фрагментации) и ухудшению концентрации. Исследование с участниками среди сотрудников одной британской компании показали, что те прерывали свою деятельность электронной почтой в среднем каждые пять минут, а типичный работник отвечал в течение шести секунд после получения электронного письма¹.

Прерывания текущей деятельности получили распространение с развитием и глобальным ростом использования технологий и общим ускорением темпа, которое сотрудники испытывают каждый день. Важно отметить, что самопрерывания составляют 40% всех прерываний на работе. Их негативные последствия – снижение производительности и эмоциональный стресс (Couffe et. al., 2017). Исследователи продуктивности выделяют три вида отвлекающих факторов на рабочем месте: цифровые, личные и внутренне. Борьба с каждым из них требует своих стратегий. Цифровые отвлекающие факторы, такие как уведомления, являются распространенными и раздражающими, простое отключение не поможет, когда человек держит приложение почты открытым во время работы над чем-то другим и постоянно смотрит на количество сообщений в папке «Входящие». Многие исследователи производительности труда рекомендуют отказаться от использования электронной почты и приложений для обмена сообщениями для фонового мониторинга. Другой вид отвлекающих факторов, с которыми сталкиваются работники, – личные встречи с другими сотрудниками. Последний вид отвлечения внимания – внутренний, с которым, труднее всего бороться. Сосредоточение на задаче требует усилий и концентрации, которая истощает умственные ресурсы, в конце концов, вынуждая сделать перерыв, который, в свою очередь, часто заполняется другими отвлекающими факторами, такими как, проверка почты, соцсети или общение с коллегами. Исследование структуры рабочего дня сотрудников Организации показало, что: 11% сотрудников не делает перерывы в течение рабочего дня, 34% сотрудников не делает перерывы во время работы, считая, что обеденного времени достаточно, 13% делает 1–2 перерыва в день, 32% делает 2–3 перерыва в день, и только 10% отдыхает каждый час. Таким образом более 50% сотрудников работает с высокой когнитивной нагрузкой изо дня в день в контексте фрагментированного дня, ин-

формационного давления, техностресса, непрерывных изменения среды и взаимодействия с людьми. Значительная умственная работа в контексте стресса приводит к значимому ухудшению самочувствия и усталости, которая зависит от субъективного восприятия, что делает ее трудно измеримой для оценки и решения проблемы (Béthoux, 2006). Вместе с тем, наравне с физической слабостью, усталость умственная влияет на когнитивную эффективность, характеризующуюся трудностями в мышлении, концентрации и памяти (Sarone, 2006). Поэтому в организации рабочего дня сотрудников цифровых организаций должны быть учтены и встроены в деятельность сотрудника психологические паузы для отдыха и восстановление когнитивных сил².

Комплексное стрессовое воздействие

Современные офисные пространства проектируются для совместной работы, например: офисное пространство Росбанка в Москва-Сити, представляющее собой коворкинг, где абсолютно все зоны от ресторана до библиотеки подходят для работы: «Это настоящее Agile-пространство, в котором даже освещение спроектировано так, чтобы не ограничивать сотрудников в свободном перемещении и в выборе рабочего места»³; Сбер, воплощает в своих пространствах стандарты, необходимые для кооперации и сотрудничества на всех уровнях организации, использует методологии, предполагающие реализацию принципа радикального сотрудничества, руководствуется тем, что при создании офисов важно создавать ощущение общности и равных возможностей для сотрудников, располагает все рабочие места в опен-спейсах, а кабинеты руководителей в знак открытого диалога между всеми членами трудового коллектива имеют полупрозрачные стены и не выделяются «статусностью»⁴. Так, благодаря отсутствию препятствий при распространении и генерации разнообразной информации и опыта среди всех членов группы, достигаются цели формирования пространства коллективного интеллекта⁵. Офисные пространства, дополненные виртуальной цифровой средой большого количества онлайн-групп, чатов, интерактивных переговорных и т.д., позволяют создавать виртуальные группы или хорошо организованные цифровые сообщества по всему миру. Благодаря этому реализуется базовая межличностная потребность принадлежать к группе, члены которой разделяют интересы, ценности. Условия для работы в офисных пространствах ориентированы на людей: озеленение, звукоизолированные кабинеты, переговорные комнаты, звукопоглощающие панели. Но все же все стандартные места работы команд – открытые пространства с рядами множества столов и дефицитом размещения в следствие оптимизации использования офисных площадей в поддержку гибридного режима работы⁶. В офисах открытой планировки фоновая речь коллег на удаленных рабочих местах является основной

² Microsoft Worklab, // URL: <https://www.microsoft.com/en-us/worklab/always-on-economy-focus>

³ Как мы проектировали и строили Agile-пространство // URL: <https://habr.com/ru/companies/rosbank/articles/540710/>

⁴ Сбер Технохаб // URL: <https://www.officenext.ru/projects/project-96758-sber-tekhokhab/>

⁵ Hall, M. Family albums fade as the young put only themselves in picture. Available online: // URL: <http://www.telegraph.co.uk/technology/news/10123875/Family-albums-fade-as-the-young-put-only-themselves-in-picture.html>

⁶ Игровые зоны, спортзал и психотерапевт: как мы сходили на экскурсию в офис «Яндекса» // URL: <https://rozetked.me/articles/27955-kofepointy-peregovorki-sportzal-i-psihoterapevt-kak-my-shodili-na-ekskursiyu-v-ofis-yandeksa>

¹ Stephen R. Barley, Email as Source and Symbol of Stress, // URL: https://debram.people.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj25111/files/media/file/email_as_source.pdf

шумовой проблемой для сотрудников, которые должны выполнять работу, будучи сосредоточенными, и оказывает негативное воздействие как на их когнитивные функции, так и на субъективное благополучие. Примером решения данной проблемы является стандарт ISO 22955:2021¹, в котором подчеркивается необходимость различать различные типы работы (индивидуальная работа, совместная работа и колл-центры) и конкретную акустическую оптимизацию рабочей среды для каждого из них (Schlittmeier et. al., 2021).

С психологической точки зрения невидимое влияние цифровых технологий относят к психоневрологической чувствительности человеческой личности. Повсеместная доступность в любое время для решения различных проблем как причина фрагментации жизни часто приводит к потере эффективности и результативности и влияет на благополучие. Помимо вопроса о том, какое формирующее влияние цифровая среда оказывает на мозг человека, важным исследовательским вопросом на сегодняшний день является вопрос о том, как нам следует проектировать и создавать цифровую среду с учетом нашего эволюционного эмоционального наследия. Опираясь на антропологию истории человечества, можно утверждать, что человек является высокоадаптивным видом, который способен адаптироваться к физически и социально сильно отличающимся средам. Однако, если цифровая среда не удовлетворяет первичным эмоциональным потребностям, здоровье и благополучие человека могут оказаться под угрозой. При этом возможные взаимосвязи и биофизические эффекты могут возникать невидимым образом. Так, для многих технологический прогресс происходит слишком быстро, люди испытывают страх, боятся не успеть за ним. С развитием ИИ потребуются еще большие усилия, чтобы адаптировать восприятие по отношению к все более быстрому развитию.

Таким образом, использование цифровых технологий обещает дать беспрецедентные возможности преобразования профессиональной и личной работы, такие как высвобождение времени и рост удовлетворенности. Однако, фрагментация повседневной жизни создает проблему для производительности и мышления. Это касается не только выполнения задач и производительности, связанной с работой, но и личного развития. В мире, где полностью исчезли незаполненные чем-либо временные интервалы, все меньше и меньше возможностей для саморефлексии. Критичным сдвигом в отношениях между человеком и технологиями стало появление смартфонов, которые вышли за рамки ограничений, став постоянными спутниками, предлагая беспрецедентную связь человека с информацией и друг другом. Играя неотъемлемую роль в жизни и работе миллиардов людей, они обладают огромным потенциалом для влияния на благополучие человека – как в лучшую, так и в худшую сторону. Поведение, опосредованное смартфоном, часто нарушает устоявшиеся социальные нормы, например, приверженность фиксированным встречам по сравнению с нынешней удобной отменой/отсрочкой в последнюю минуту через онлайн-чат. Все более редким становится полное внимание собеседнику, часто прерываемое параллельным использованием смартфона. То, что кажется легко управляемым и не представляет проблемы для собственной персоны, воспринимается раздражающим и воспринимается неуважительным по отношению к себе. «Цифровое общение прежде всего», стало общепринятой привычкой. Любой импульс цифрового

мира – звонок, уведомление, сообщение – влечет мгновенное прочтение и ответ. Как следствие, даже беззвучный телефон, лежащий на столе, оказывает негативное влияние на атмосферу разговора (Przybylski, 2013).

Вопросы эффективности использования технологий

Перед вложением средств в автоматизацию важно убедиться, что задача подходит для этого, экономия времени будет использована эффективно, вырастет производительность сотрудников, а личностные качества персонала позволят внедрить цифровые инструменты. Также, проектируя цифровую среду, необходимо учитывать эмоциональные потребности человека, создав комфортные и стрессоустойчивые рабочие пространства и платформы (Adam, 2017), а разработки в области ИИ спроектированы таким образом, чтобы не активировать первичные эмоции, которые приводят к негативным аффектам и противодействуют благополучию. И хотя мы не можем (и не должны) дистанцироваться от технологий, важной задачей является размышление каждого о личном способе их использования и преднамеренных ограничениях.

Что касается социального измерения, оно также требует осознанного размышления об интеграции технологий в устоявшуюся культуру, адекватного использования технологий в социальных условиях или намеренно свободных от технологий областях. Этот аспект касается не только частной жизни и благополучия людей, но и весьма актуален для рабочей сферы, где цифровой этикет становится частью дизайна деловой культуры (Montag et. al., 2018). Международные организации предупреждают, что к 2030 году четверть населения планеты столкнется с психическими расстройствами, что приведет к экономическим потерям в размере 6 трлн долларов. Типичный пример – Япония, где многие работники перерабатывают десятки часов ежемесячно, рискуя жизнью из-за синдрома «кароси» – смерти от переутомления², будь то из-за инсульта, сердечного приступа или самоубийства, вызванного стрессом³. В связи с чем, сегодняшняя государственная политика Японии направлена на внедрение технологий искусственного интеллекта, повышающих производительность сотрудников и изменяющих характер рабочих мест. Новые инструменты позволяют мониторить и управлять психическим здоровьем, предотвращая скрытые переработки и повышая общую эффективность компаний⁴.

Адаптация человека к цифровой эпохе – ключевой этап развития цивилизации. Быстрое наращивание объемов данных усиливает роль когнитивных способностей взамен физической силы. Наряду с преимуществами существует негативное влияние технологий на сотрудников: фрагментация жизни, интернет-зависимость, постоянная рассеянность из-за ограниченной способности мозга к многозадачности (Montag et. al., 2017). Возникающие проблемы, потенциально ведущие к падению эффективности, подчёркивают важность учёта психологических и нейробиологических характеристик человека при создании рабочих пространств в условиях глобальной цифровизации. Продолжительный ход эволюции делает вероятным сохранение нынешних человеческих по-

² Японское слово, обозначающее смерть от переутомления

³ Japan: one fifth of employees at risk of death from overwork – report // URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/oct/08/japan-one-fifth-of-employees-at-risk-of-death-from-overwork-report>

⁴ How Japan is healing from its overwork crisis through innovation. // URL: <https://www.weforum.org/stories/2024/10/japan-karoshi-overwork-crisis-innovation/>

¹ Acoustics – Acoustic quality of open office spaces // URL: <https://www.iso.org/ru/standard/74237.html>

требностей на протяжении столетий. Недавние исследования, посвящённые базовым эмоциональным нуждам, необходимым для выживания, подтверждают, что их удовлетворение останется главным принципом построения цифровых экосистем, направленных на поддержку здоровья и гармоничного существования человека в согласии с его эволюционным наследием (Scholz et al., 2001). Повышение эффективности сотрудников без риска для их здоровья требует создания специальной среды, обеспечивающей обратную связь по личностно-профессиональному потенциалу (адаптивность, когнитивные и эмоциональные способности), что гарантирует максимальную эффективность в конкретных условиях.

Заключение

В статье рассмотрены практические аспекты влияния цифровизации на личностно-профессиональную эффективность сотрудников. Проанализирована взаимосвязь между когнитивной нагрузкой, уровнем автоматизации и производительностью персонала. Установлено, что повышение эффективности невозможно без учета индивидуальных особенностей восприятия информации и комфортного для психофизиологии человека цифрового окружения. Организация должна создать такую рабочую среду, которая способствует поддержанию психоэмоционального равновесия сотрудников и максимизирует отдачу от внедрения инновационных технологий. Результаты исследования могут служить руководством для руководителей и HR-менеджеров, стремящихся обеспечить устойчивое развитие сотрудников в условиях цифровизации.

Литература

1. Boyd, R., & Holton, RJ (2017). Технологии, инновации, занятость и власть: действительно ли робототехника и искусственный интеллект означают социальную трансформацию? Журнал социологии, 144078331772659. doi:10.1177/1440783317726591
2. Adam, M.T.P., Gimpel, H., Maedche, A. et al. Design Blueprint for Stress-Sensitive Adaptive Enterprise Systems. *Bus Inf Syst Eng* 59, 277–291 (2017). // URL: <https://doi.org/10.1007/s12599-016-0451-3>
3. Baumeister RF, Bratslavsky E, Muraven M, Tice DM. Ego depletion: is the active self a limited resource? *J Pers Soc Psychol*. 1998 May;74(5):1252–65. doi: 10.1037/0022-3514.74.5.1252. PMID: 9599441
4. Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J., & Vohs, K. D. (2007). Self-regulation. In E.T. Higgins, & A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (2nd ed., pp. 516–539). New York: Guilford, DOI: 10.4236/psych.2012.312159
5. Capone F, Collorone S, Cortese R, Di Lazzaro V, Moccia M. Fatigue in multiple sclerosis: The role of thalamus. *Multiple Sclerosis Journal*. 2020;26(1):6–16. doi:10.1177/1352458519851247
6. Causse M, Mouratille D, Rouillard Y, El Yagoubi R, Matton N, Hidalgo-Muñoz A. How a pilot's brain copes with stress and mental load? Insights from the executive control network. *Behav Brain Res*. 2024 Jan 5;456:114698. doi: 10.1016/j.bbr.2023.114698. Epub 2023 Oct 4.
7. Couffe C, Michael GA. Failures Due to Interruptions or Distractions: A Review and a New Framework. *Am J Psychol*. 2017 Summer;130(2):163–181. doi: 10.5406/amerjpsyc.130.2.0163. PMID: 29461714. // URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29461714/>
8. Daniel J. Beal, Howard M. Weiss, Eduardo Barros, and Shelley M. MacDermid, An Episodic Process Model of Affective Influences on Performance, Published in the

Journal of Applied Psychology (2005), Volume 90, Issue 6, pp. 1054–1068, // URL: https://www.researchgate.net/publication/7453301_An_Episodic_Process_Model_of_Affective_Influences_on_Performance#fullTextFileContent

9. Donoso M, Collins AG, Koechlin E. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex. *Science*. 2014 Jun 27;344(6191):1481–6. doi: 10.1126/science.1252254. Epub 2014 May 29.
10. F. Béthoux, Fatigue and multiple sclerosis, *Annales de Réadaptation et de Médecine Physique*, Volume 49, Issue 6, 2006, Pages 355–360, ISSN 0168-6054, <https://doi.org/10.1016/j.annrmp.2006.04.022>.
11. Gianluca Borghini, Laura Astolfi, Giovanni Vecchiato, Donatella Mattia, Fabio Babiloni, Measuring neurophysiological signals in aircraft pilots and car drivers for the assessment of mental workload, fatigue and drowsiness, *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, Volume 44, 2014, Pages 58–75, ISSN 0149-7634, <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.10.003>
12. J.J. Carnevale, K. Fujita, Chapter 5 – What Does Ego-Depletion Research Reveal About Self-Control? A Conceptual Analysis, Editor(s): Edward R. Hirt, Joshua J. Clarkson, Lile Jia, *Self-Regulation and Ego Control*, Academic Press, 2016, Pages 87–108, // URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801850-7.00005-6>
13. Klodiana Lanaj, Russell E. Johnson, Christopher M. Barnes, Beginning the workday yet already depleted? Consequences of late-night smartphone use and sleep, *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, Volume 124, Issue 1, 2014, Pages 11–23 // URL: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2014.01.001>.
14. Kostadin Kushlev, Elizabeth W. Dunn, Checking email less frequently reduces stress, *Computers in Human Behavior*, Volume 43, 2015, Pages 220–228, ISSN 0747-5632, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.005>.
15. Kostadin Kushlev, Elizabeth W. Dunn, Checking email less frequently reduces stress, *Computers in Human Behavior*, Volume 43, 2015, Pages 220–228, ISSN 0747-5632, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.005>.
16. Montag, C., Reuter, M. (2017). Molecular Genetics, Personality, and Internet Addiction Revisited. In: Montag, C., Reuter, M. (eds) *Internet Addiction. Studies in Neuroscience, Psychology and Behavioral Economics*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-46276-9_9
17. Montag, C.; Diefenbach, S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society. *Sustainability* 2018, 10, 415. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
18. Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30(3), 237–246. // URL: <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>
19. Sabine J. Schlittmeier, John E. Marsh, Review of research on the effects of noise on cognitive performance, 2021 // DOI:10.5281/zenodo.4945824
20. Sarah Diefenbach, Daniel Ullrich, Digitale Depression: Wie die neuen Medien unser Glücksempfinden verändern / / URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=VbdIEAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA9&ots=IhEZKN-PGHZ&sig=U01Y6PrRrEJ1kfrfNWEltjvWds>

21. Scholz, R.W.; Bartelsman, E.J.; Diefenbach, S.; Franke, L.; Grunwald, A.; Helbing, D.; Hill, R.; Hilty, L.; Höjer, M.; Klausner, S.; et al. Unintended Side Effects of the Digital Transition: European Scientists' Messages from a Proposition-Based Expert Round Table. *Sustainability* 2018, 10, 2001. <https://doi.org/10.3390/su10062001>
22. Soniya Billore, Tatiana Anisimova, Demetris Vrontis, Self-regulation and goal-directed behavior: A systematic literature review, public policy recommendations, and research agenda, *Journal of Business Research*, Volume 156, 2023, 113435, ISSN 0148-2963, // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.113435>.

PRACTICAL ASPECTS OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE PERSONAL AND PROFESSIONAL EFFECTIVENESS OF EMPLOYEES

Litash-Sorokina E.A.

The article focuses on studying the impact of digitization on personal and professional efficiency of employees. It examines practical aspects of personnel adaptation to information pressure caused by active implementation of digital technologies. Special attention is paid to issues such as rational distribution of working time, reduction of stress levels, and maintenance of psychological well-being. The study analyzes the interrelation between cognitive load, process automation, and employee effectiveness. It justifies the necessity of considering individual characteristics of information perception and creating a comfortable digital environment. The findings have practical value for managers and HR specialists, contributing to improvement of human resources management methods under conditions of digitization.

Keywords: digitization, professional efficiency, information overload, stress management, psychological resilience, individual perception, optimal digital environment.

References

1. Boyd, R., & Holton, RJ (2017). Technology, Innovation, Employment, and Power: Do Robotics and Artificial Intelligence Really Mean Social Transformation? *Journal of Sociology*, 144078331772659. doi:10.1177/1440783317726591
2. Adam, M.T.P., Gimpel, H., Maedche, A. et al. Design Blueprint for Stress-Sensitive Adaptive Enterprise Systems. *Bus Inf Syst Eng* 59, 277–291 (2017). // URL: <https://doi.org/10.1007/s12599-016-0451-3>
3. Baumeister RF, Bratslavsky E, Muraven M, Tice DM. Ego depletion: is the active self a limited resource? *J Pers Soc Psychol*. 1998 May;74(5):1252–65. doi: 10.1037//0022-3514.74.5.1252. PMID: 9599441
4. Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J., & Vohs, K. D. (2007). Self-regulation. In E.T. Higgins, & A.W. Kruglanski (Eds.), *Social psychology: Handbook of basic principles* (2nd ed., pp. 516–539). New York: Guilford, DOI: 10.4236/psych.2012.312159
5. Capone F, Collorone S, Cortese R, Di Lazzaro V, Moccia M. Fatigue in multiple sclerosis: The role of thalamus. *Multiple Sclerosis Journal*. 2020;26(1):6–16. doi:10.1177/1352458519851247
6. Causse M, Mouratille D, Rouillard Y, El Yagoubi R, Matton N, Hidalgo-Muñoz A. How a pilot's brain copes with stress and mental load? Insights from the executive control network. *Behav Brain Res*. 2024 Jan 5;456:114698. doi: 10.1016/j.bbr.2023.114698. Epub 2023 Oct 4.
7. Couffe C, Michael GA. Failures Due to Interruptions or Distractions: A Review and a New Framework. *Am J Psychol*. 2017 Summer;130(2):163–181. doi: 10.5406/amerjpsyc.130.2.0163. PMID: 29461714.// URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29461714/>
8. Daniel J. Beal, Howard M. Weiss, Eduardo Barros, and Shelley M. MacDermid, An Episodic Process Model of Affective Influences on Performance, Published in the *Journal of Applied*

- Psychology* (2005), Volume 90, Issue 6, pp. 1054–1068, // URL: https://www.researchgate.net/publication/7453301_An_Episodic_Process_Model_of_Affective_Influences_on_Performance#fullTextFileContent
9. Donoso M, Collins AG, Koechlin E. Human cognition. Foundations of human reasoning in the prefrontal cortex. *Science*. 2014 Jun 27;344(6191):1481–6. doi: 10.1126/science.1252254. Epub 2014 May 29.
10. F. Béthoux, Fatigue and multiple sclerosis, *Annales de Réadaptation et de Médecine Physique*, Volume 49, Issue 6, 2006, Pages 355–360, ISSN 0168-6054, <https://doi.org/10.1016/j.anrmp.2006.04.022>.
11. Gianluca Borghini, Laura Astolfi, Giovanni Vecchiato, Donatella Mattia, Fabio Babiloni, Measuring neurophysiological signals in aircraft pilots and car drivers for the assessment of mental workload, fatigue and drowsiness, *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, Volume 44, 2014, Pages 58–75, ISSN 0149-7634, <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2012.10.003>
12. J.J. Carnevale, K. Fujita, Chapter 5 – What Does Ego-Depletion Research Reveal About Self-Control? A Conceptual Analysis, Editor(s): Edward R. Hirt, Joshua J. Clarkson, Lile Jia, Self-Regulation and Ego Control, Academic Press, 2016, Pages 87–108, // URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801850-7.00005-6>
13. Klodiana Lanaj, Russell E. Johnson, Christopher M. Barnes, Beginning the workday yet already depleted? Consequences of late-night smartphone use and sleep, *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, Volume 124, Issue 1, 2014, Pages 11–23 // URL: <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2014.01.001>.
14. Kostadin Kushlev, Elizabeth W. Dunn, Checking email less frequently reduces stress, *Computers in Human Behavior*, Volume 43, 2015, Pages 220–228, ISSN 0747-5632, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.005>.
15. Kostadin Kushlev, Elizabeth W. Dunn, Checking email less frequently reduces stress, *Computers in Human Behavior*, Volume 43, 2015, Pages 220–228, ISSN 0747-5632, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.11.005>.
16. Montag, C., Reuter, M. (2017). Molecular Genetics, Personality, and Internet Addiction Revisited. In: Montag, C., Reuter, M. (eds) *Internet Addiction. Studies in Neuroscience, Psychology and Behavioral Economics*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-46276-9_9
17. Montag, C.; Diefenbach, S. Towards Homo Digitalis: Important Research Issues for Psychology and the Neurosciences at the Dawn of the Internet of Things and the Digital Society. *Sustainability* 2018, 10, 415. <https://doi.org/10.3390/su10020415>
18. Przybylski, A. K., & Weinstein, N. (2013). Can you connect with me now? How the presence of mobile communication technology influences face-to-face conversation quality. *Journal of Social and Personal Relationships*, 30(3), 237–246. // URL: <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>
19. Sabine J. Schlittmeier, John E. Marsh, Review of research on the effects of noise on cognitive performance, 2021 // DOI:10.5281/zenodo.4945824
20. Sarah Diefenbach, Daniel Ullrich, Digitale Depression: Wie die neuen Medien unser Glücksempfinden verändern / // URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=VbdIEAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA9&ots=lhEZKNPGHz&sig=U01Y6PrRrEJ1kfrf-NWEltjvWds>
21. Scholz, R.W.; Bartelsman, E.J.; Diefenbach, S.; Franke, L.; Grunwald, A.; Helbing, D.; Hill, R.; Hilty, L.; Höjer, M.; Klausner, S.; et al. Unintended Side Effects of the Digital Transition: European Scientists' Messages from a Proposition-Based Expert Round Table. *Sustainability* 2018, 10, 2001. <https://doi.org/10.3390/su10062001>
22. Soniya Billore, Tatiana Anisimova, Demetris Vrontis, Self-regulation and goal-directed behavior: A systematic literature review, public policy recommendations, and research agenda, *Journal of Business Research*, Volume 156, 2023, 113435, ISSN 0148-2963, // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2022.113435>.

Подходы России и Китая в поддержании безопасности и стабильности на Корейском полуострове

Меджинян Александр Аршакович,
независимый исследователь
E-mail: 1032210035@pfur.ru

Квеквескири Георгий Малхазович,
независимый исследователь
E-mail: 1032216788@pfur.ru

Шарпаев Григорий Владимирович,
независимый исследователь
E-mail: 1032210681@pfur.ru

Статья посвящена сравнительному анализу подходов России и Китая к обеспечению безопасности и стабильности на Корейском полуострове, а также в регионе Восточной Азии в целом. Рассматриваются ключевые аспекты политики Москвы и Пекина в указанном направлении, включая поддержку дипломатических решений, участие в многосторонних переговорах и взаимодействие с КНДР и Южной Кореей. Особое внимание уделяется общим и различным позициям двух стран, а также их роли в поиске долгосрочных механизмов стабильности и взаимодействия.

Ключевые слова: Корейский полуостров, безопасность, Россия, Китай, КНДР, дипломатия.

Корейский полуостров остается одним из ключевых очагов геополитической напряженности в Восточной Азии. Несмотря на попытки международного сообщества снизить уровень конфронтации, вопросы безопасности и стабильности в регионе продолжают оставаться актуальными. В этом контексте особую роль играют позиции России, как правопреемника СССР, и Китая, которые, будучи соседями КНДР и важными игроками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предлагают собственные подходы к урегулированию кризисных ситуаций и поддержанию долгосрочной стабильности.

Россия и Китай выступают за политико-дипломатические методы решения проблем Корейского полуострова, подчеркивая необходимость диалога, снятия санкционного давления и создания многосторонних механизмов безопасности. В то же время их стратегии имеют как общие черты, так и различия, обусловленные национальными интересами и внешнеполитическими приоритетами.

В данной статье рассматриваются основные подходы Москвы и Пекина к обеспечению безопасности на Корейском полуострове, анализируются их позиции в рамках международных переговоров (таких как шестисторонние переговоры), а также оценивается потенциал российско-китайского взаимодействия в данном направлении. Исследование позволяет лучше понять роль двух держав в формировании региональной стабильности и перспективы их сотрудничества в условиях меняющейся геополитической динамики.

Одним из «краеугольных камней» Корейского вопроса является ядерная проблематика, а именно регуляция создания и наращивания ядерного арсенала на полуострове, а также использование мирного атома в регионе.

Россия всегда занимала активную позицию в вопросе денуклеаризации Корейского полуострова, выступая в качестве посредника на многосторонних переговорах. Российская Федерация последовательно отстаивала принцип мирного разрешения ядерной проблемы путем дипломатических усилий и конструктивного диалога со всеми заинтересованными сторонами.

Важным этапом на пути денуклеаризации Кореи стали шестисторонние переговоры, участниками которых выступили Россия, Китай, США, КНДР, Южная Корея и Япония. Переговоры, в свою очередь, стали следствием выхода КНДР из договора «О нераспространении ядерного оружия» [2].

В рамках шестисторонних переговоров, проходивших с 2003 по 2009 год, Россия занимала сбалансированную позицию, направленную на достижение компромисса между требованиями КНДР по предоставлению гарантий безопасности и неприкосновенности режима, с одной стороны, и требованиями международного сообщества о полной, необратимой и поддающейся проверке денуклеаризации Северной Кореи, с другой. Москва последовательно выступала за политико-дипломатическое урегулирование кризиса, призывая стороны проявлять сдержанность и воздерживаться от действий, способных спровоцировать дальнейшую эскалацию напряженности [7]. Однако из-за периодически возникающих разногласий между участниками переговоров и обострения ситу-

ации на Корейском полуострове процесс денуклеаризации неоднократно приостанавливался, а в 2009 г. и вообще провалился [15].

Стоит сказать, что опыт дипломатического взаимодействия между РФ и КНДР в 2000-х годах лег в основу крепкого сотрудничества, которые мы можем наблюдать настоящее время.

В 2017–2019 годах российская дипломатия выступила с рядом посреднических инициатив, предлагая постепенный поэтапный план действий по денуклеаризации с предоставлением КНДР гарантий безопасности на каждом этапе. «Дорожная карта» предполагала синхронизацию процессов ядерного разоружения и снятия международных санкций с Пхеньяна [17].

В вопросе урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове Китай занимал ключевую роль, выступая в качестве одного из основных участников шестисторонних переговоров и используя свое влияние в регионе для продвижения политико-дипломатического решения кризиса. Пекин, закономерно, рассматривал ядерную программу КНДР как прямую угрозу своим национальным интересам и региональной стабильности. В то же время, он стремился сохранить тесные отношения с Пхеньяном, опасаясь коллапса северокорейского режима, который мог бы привести к массовому потоку беженцев на территорию Китая и усилению влияния США в регионе. Исходя из этих соображений, Китай выступал за постепенную денуклеаризацию Корейского полуострова путем переговоров и предоставления КНДР определенных гарантий безопасности [8].

Одним из главных достижений Российский и Китайской дипломатии стало то, что в 2005 г. было принято совместное заявление, в котором КНДР подтвердила свое обязательство отказаться от ядерной программы в обмен на предоставление экономической помощи и гарантий безопасности [5].

Однако после очередного обострения ситуации и выхода КНДР из шестисторонних переговоров в 2009 г. Пекин столкнулся с необходимостью пересмотра своего подхода. Китай ужесточил свою позицию в отношении ядерных и ракетных испытаний Северной Кореи, поддержав введение новых санкций Совета Безопасности ООН. В период с 2017 по 2019 год, когда напряженность на Корейском полуострове достигла пика, Китай выступил с рядом посреднических инициатив, направленных на снижение риска военного конфликта и возобновление переговорного процесса. Пекин предлагал «двойной замораживающий» подход, при котором КНДР приостанавливала бы свои ядерную и ракетную программы, а США и их союзники временно прекращали бы масштабные военные учения [13].

С одной стороны, Москва и Пекин сыграли ключевую роль в организации и поддержании шестисторонних переговоров, которые в период с 2003 по 2009 год стали основной площадкой для обсуждения путей урегулирования ядерного кризиса. Благодаря посредническим усилиям России и Китая было достигнуто несколько важных соглашений, в том числе принятие в 2005 г. совместного заявления, обязывающего КНДР отказаться от ядерного оружия в обмен на предоставление гарантий безопасности и экономической помощи.

Однако реализация этих договоренностей натолкнулась на серьезные препятствия из-за периодических обострений ситуации, взаимных обвинений сторон в невыполнении обязательств и отсутствия доверия между участниками переговоров. В результате шестисторонний процесс зашел в тупик, а КНДР продолжила наращивать свой ядерный потенциал. В дальнейшем Россия и Китай предпринимали попытки возобновить многосторонний

диалог, однако эти инициативы не получили полной поддержки других участников переговоров, столкнувшись с взаимными претензиями и нежеланием идти на компромиссы [8].

Тем не менее, дипломатические усилия Москвы и Пекина сыграли важную роль в предотвращении эскалации конфликта и снижении риска военного противостояния на Корейском полуострове. Призывы России и Китая к сдержанности и возобновлению диалога помогали не допустить перехода ситуации в открытое вооруженное противостояние, чреватое катастрофическими последствиями для всего региона.

Россия исторически имеет тесные экономические связи с государствами Корейского полуострова, которые играют важную роль в обеспечении стабильности в регионе. Несмотря на сложные политические отношения с КНДР, Москва стремится поддерживать торгово-экономическое сотрудничество, рассматривая его как инструмент для вовлечения Пхеньяна в конструктивный диалог. В период с 2000 по 2016 год объем двусторонней торговли между Россией и КНДР вырос более чем в десять раз, достигнув пика в 2014 г. на уровне 108 миллионов долларов [6]. Однако после введения жестких международных санкций против Северной Кореи из-за ее ядерной программы российско-северокорейская торговля резко сократилась. По данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2020 г. товарооборот составил лишь 24,7 миллиона долларов. Тем не менее, Россия продолжает оставаться одним из основных торговых партнеров КНДР, занимая третье место после Китая и Южной Кореи [2].

Ключевыми статьями российского экспорта в КНДР являются минеральные продукты, древесина и изделия из нее, а также машины и оборудование. В свою очередь, Россия импортирует из Северной Кореи текстильную продукцию, рыбу и морепродукты, а также металлы и изделия из них. Кроме того, Москва предоставляет Пхеньяну гуманитарную помощь в виде поставок зерна, муки и других продуктов питания [12].

Россия стремится сохранить и расширить экономические связи с КНДР, рассматривая их как один из возможных рычагов влияния на ситуацию на Корейском полуострове. В частности, Москва выступает за постепенное смягчение санкционного режима в отношении Пхеньяна в качестве стимула для продвижения денуклеаризации региона.

В то же время Россия активно развивает экономические связи с Республикой Корея, которая является одним из ключевых партнеров Москвы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Товарооборот между двумя странами демонстрирует устойчивую положительную динамику, достигнув уровня в 27,6 миллиарда долларов в 2021 г., а уже к 2025 г. рекордных 34 миллионов долларов. Основными статьями российского экспорта в Южную Корею являются минеральные продукты, металлы и изделия из них, древесина и целлюлозно-бумажные изделия. В свою очередь, Россия импортирует из Республики Корея машины, оборудование, транспортные средства, а также продукцию химической промышленности [17; 4].

Важным направлением российско-южнокорейского экономического сотрудничества является реализация совместных инвестиционных проектов. По данным Министерства экономического развития РФ, на конец 2021 года объем накопленных южнокорейских инвестиций в российскую экономику составил 3,9 миллиарда долларов. Крупнейшими инвестиционными проектами с участием южнокорейского капитала являются строительство завода по производству двигателей в Санкт-

Петербурге, создание центра по производству полупроводников в Калужской области, а также разработка газовых месторождений на шельфе Охотского моря [3].

Одной из перспективных сфер российско-южнокорейского сотрудничества является энергетика. В 2022 г. «Газпром» и Korea Gas Corporation подписали долгосрочный контракт на поставку сжиженного природного газа (СПГ) на сумму около 20 миллиардов долларов. Кроме того, ведутся переговоры о возможном участии южнокорейских компаний в строительстве газопровода из России через КНДР в Республику Корея, что могло бы стать важным фактором стабилизации на Корейском полуострове.

Особое значение для Китая имеют торгово-экономические отношения с КНДР, являющейся стратегическим союзником Пекина. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2021 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Северной Кореей составил 995,4 миллиона долларов, что на 36,8% больше, чем годом ранее. Несмотря на действующие международные санкции в отношении Пхеньяна, Пекин продолжает оставаться основным торговым партнером и источником экономической поддержки для КНДР. Основными статьями китайского экспорта в КНДР являются текстильные изделия, обувь, древесина и бумажная продукция, машины и оборудование, а также продукты питания и минеральное топливо. В свою очередь, Китай импортирует из Северной Кореи в основном минеральные ресурсы, черные металлы, рыбу и морепродукты [16].

Пекин активно привлекает южнокорейские компании к участию в крупных инфраструктурных проектах на территории Китая, рассматривая их как важный источник инвестиций и передовых технологий. По данным Министерства торговли КНР, на конец 2021 года объем накопленных южнокорейских инвестиций в китайскую экономику превысил 94 миллиарда долларов. Крупнейшими инвестиционными проектами с участием южнокорейского капитала являются строительство высокоскоростных железных дорог, создание совместных предприятий в автомобильной и электронной промышленности, а также разработка месторождений полезных ископаемых.

Позиция Китая относительно экономических санкций в отношении КНДР является ключевым фактором, определяющим эффективность международного давления на Пхеньян с целью ограничения его ядерной программы. Пекин, являясь ближайшим союзником и основным торгово-экономическим партнером Северной Кореи, вынужден балансировать между соблюдением резолюций Совета Безопасности ООН и сохранением стабильности в регионе. С одной стороны, Китай официально поддерживает введение санкций против КНДР в ответ на ее ядерные испытания и запуски баллистических ракет, нарушающие нормы международного права. Как постоянный член Совета Безопасности ООН, Пекин голосовал за принятие резолюций, предусматривающих экономические и финансовые ограничения в отношении Пхеньяна. Китай присоединился к эмбарго на поставки оружия и запретил импорт угля, железной руды, свинца и других полезных ископаемых из КНДР [9].

Пекин неоднократно выступал против чрезмерно жестких односторонних санкций, способных дестабилизировать ситуацию на Корейском полуострове и привести к гуманитарному кризису в Северной Корее. По мнению китайских экспертов, полная экономическая изоляция КНДР может спровоцировать обострение напряженности и непредсказуемые действия со стороны Пхеньяна [14]. Показательной является позиция Китая относительно нефтяного эмбарго в отношении Северной Кореи, которое неоднократно обсуждалось в Совете Безопас-

ности ООН. Пекин выступает против введения полного запрета на поставки нефти и нефтепродуктов в КНДР, опасаясь гуманитарных последствий такой меры. Вместо этого Китай призывает к постепенному сокращению энергетических поставок, чтобы не допустить резкого обострения ситуации [10].

Таким образом, Россия, стремясь сохранить свое присутствие на Корейском полуострове, развивает экономическое сотрудничество как с КНДР, так и с Республикой Корея. При этом Москва использует различные подходы в отношениях с каждой из сторон. С Пхеньяном Россия поддерживает ограниченные торгово-экономические связи, рассматривая их как инструмент вовлечения северо-корейского режима в конструктивный диалог. В то же время сотрудничество с Сеулом приобретает все более масштабный характер, охватывая крупные инвестиционные проекты и перспективные сферы, такие как энергетика. Для Китая экономическое взаимодействие с государствами Корейского полуострова является важным элементом обеспечения региональной стабильности. Пекин стремится сохранить баланс интересов, с одной стороны, оказывая экономическую поддержку КНДР как стратегическому союзнику, с другой – наращивая торгово-инвестиционные связи с Республикой Корея. При этом Китай использует экономические рычаги для оказания давления на Пхеньян с целью сдерживания его ядерной программы. Перспективы дальнейшего развития экономического сотрудничества в регионе во многом зависят от политического урегулирования ситуации на Корейском полуострове. Снятие санкционного режима с КНДР и нормализация отношений между Севером и Югом могли бы способствовать созданию условий для реализации совместных инфраструктурных и энергетических проектов с участием России, Китая и обеих корейских сторон. Особое значение в этом контексте приобретает идея экономической интеграции Северо-Восточной Азии, в том числе через формирование региональной зоны свободной торговли. Углубление экономических связей между государствами региона не только принесет значительные экономические выгоды, но и станет важным фактором повышения взаимного доверия и снижения напряженности на Корейском полуострове.

Россия исторически выступает в качестве важного посредника в урегулировании ядерной проблемы Корейского полуострова, стремясь сохранить свое влияние в регионе и добиться денуклеаризации КНДР мирным дипломатическим путем. Москва принимала активное участие в различных многосторонних переговорных форматах, направленных на разрешение конфликта. Первые значимые посреднические усилия России были предприняты в 1990-х годах, когда обострился кризис вокруг ядерной программы Северной Кореи. Москва выступила с инициативой создания системы региональной безопасности и формирования зоны, свободной от ядерного оружия, на Корейском полуострове. Предложения легли в основу дальнейших шестисторонних переговоров по денуклеаризации региона [13].

В начале 2000-х гг. Россия приняла активное участие в работе шестистороннего переговорного формата, объединившего КНДР, Республику Корея, Китай, Японию, США и Россию. В рамках этого механизма Москва выдвинула «дорожную карту» денуклеаризации Корейского полуострова, предусматривавшую поэтапное замораживание и демонтаж ядерной программы КНДР в обмен на экономическую помощь и гарантии безопасности. Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в ходе шестисторонних переговоров, в 2009 г. этот формат был фактически заморожен из-за очередного витка эскала-

ции напряженности с КНДР. Тем не менее, Россия продолжала призывать стороны конфликта к возобновлению диалога на многосторонней основе¹.

В последние годы Москва предпринимала активные дипломатические усилия по реанимированию переговорного процесса по корейской проблематике. В частности, в 2019 г. Россия выступила с инициативой проведения многосторонних консультаций без предварительных условий с участием представителей КНДР, Южной Кореи, США, Китая и Японии. По замыслу российской стороны, такие консультации могли бы стать первым шагом к возобновлению полноформатных переговоров.

Китай играет ключевую роль в качестве посредника в межкорейском диалоге, обладая уникальным влиянием на обе стороны конфликта. Пекин стремится сохранить стратегические отношения с КНДР как ближайшим союзником, одновременно развивая тесные экономические связи с Республикой Корея. Данная двойственная позиция позволяет Китаю выступать в качестве балансира интересов и содействовать поиску компромиссных решений. Официальная позиция Пекина заключается в безоговорочной поддержке денуклеаризации Корейского полуострова мирным путем. Китай последовательно выступает против ядерной программы КНДР, рассматривая ее как фактор региональной нестабильности. Пекин жестко критикует односторонние санкции в отношении Пхеньяна, опасаясь гуманитарного кризиса и обострения ситуации [11].

В рамках своей посреднической деятельности Китай применяет двойную стратегию, сочетая элементы давления и вовлечения КНДР в переговорный процесс. С одной стороны, Пекин использует экономические рычаги для оказания влияния на северокорейский режим, в том числе ограничивая поставки нефти и энергоресурсов. С другой стороны, Китай старается не допустить полной изоляции и краха режима в Пхеньяне, продолжая оказывать экономическую помощь и поддержку. Показательной является роль Китая в реализации совместных экономических проектов на территории КНДР с участием южнокорейского капитала. По замыслу Пекина, такие проекты могут стать важным стимулом для налаживания межкорейского диалога и постепенной интеграции Севера и Юга. Китай рассчитывает использовать свой дипломатический вес и экономические рычаги для дальнейшего продвижения этой идеи.

В заключение анализа посреднических инициатив России и Китая в межкорейском диалоге необходимо отметить, что обе страны играют важную роль в поиске дипломатических путей урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове и содействии нормализации отношений между КНДР и Республикой Корея. Россия, как один из влиятельных игроков в регионе, стремится сохранять свое присутствие и влияние, выступая в качестве посредника и предлагая различные переговорные форматы и «дорожные карты» денуклеаризации. Москва активно участвовала в шестисторонних переговорах и продолжает призывать к возобновлению многостороннего диалога. Кроме того, Россия рассматривает экономическое сотрудничество с КНДР как потенциальный рычаг для вовлечения Пхеньяна в конструктивный процесс. Китай, в свою очередь, обладает уникальным влиянием на обе стороны межкорейского конфликта и играет ключевую посредническую роль. Пекин использует двойственную стратегию, сочетая давление на КНДР через экономические рычаги с поддержанием режима в Пхеньяне, опасаясь его полного краха. Одновременно

¹ Joo S.H. Russia and the Korean Peace Process // The Korean peace process and the four powers. – Routledge, 2018. – P. 141–168.

Китай предпринимает усилия по вовлечению КНДР и Республики Корея в прямой диалог, используя перспективы трехстороннего экономического сотрудничества как стимул. Несмотря на определенные разногласия в подходах, Россия и Китай объективно заинтересованы в скоординированных действиях на посредническом треке для достижения общей цели – денуклеаризации Корейского полуострова и установления прочного мира в регионе. Совместные российско-китайские дипломатические усилия в сочетании с экономическими стимулами могли бы существенно повысить эффективность переговорного процесса.

Литература

1. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762964/ (дата обращения: 01.08.2025)
2. Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации за 2020 г. // Министерство экономики Российской Федерации URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Объем прямых инвестиций из Республики Корея в Российскую Федерацию // Посольство Российской Федерации в Республике Корея URL: https://korea.minpromtorg.gov.ru/storage/b729ee4d-ed92-4b55-a511-54b84802a6d7/organization/trade_rep_korea/DoingBusinessinKorea2022.doc (дата обращения: 01.08.2025).
4. Объем торговли России и КНДР достиг рекордных показателей // Прайм. 10 июня 2025 г. URL: <https://1prime.ru/20250610/aei-858373606.html> (дата обращения: 01.08.2025).
5. Совместное заявление по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы корейского полуострова 2005 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/9c5976394ea3535ba545dca163840ec8.pdf> (дата обращения: 01.08.2025)
6. Товарооборот между Россией и КНДР вырос на 40% // Виртуальная таможня. URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=tovarooborot_meghdu_rossie-i_i_kndr_vyros_na_40 (дата обращения: 01.08.2025).
7. Bazhanov E. The Russian response: The nuclear crisis // Strategic Thinking about the Korean Nuclear Crisis: Four Parties Caught Between North Korea and the United States. New York: Palgrave Macmillan US, 2007. P. 193–214.
8. Cai J. The Korea nuclear crisis and the changing Sino-DPRK relationship // Asian Perspective. Honolulu: University of Hawai Press, 2010. Т. 34. № 1. P. 137–158.
9. Chung A. China–DPRK Relations, China’s Rise, and DPRK Aggressions toward the ROK–US, 1990–2021 // Asian Survey. Berkeley: University of California Press, 2023. Т. 63. № 5. P. 797–822.
10. Fung C.J. Just Not in the Neighbourhood: China’s Views on the Application of the Responsibility to Protect in the DPRK // The China Quarterly. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Т. 246. P. 565–585.
11. Joo S.H. Russia and the Korean Peace Process // The Korean peace process and the four powers. London: Routledge, 2018. P. 141–168.

12. Kumar A. Economic Relation between Russia and South Korea // *International Journal of Applied Social Science*. Delhi, 2019. T. 6. № 3. P. 784–791.
13. Lykov K. F. et al. Chinese and Korean Researchers on Diplomatic Mediation of China in the North Korea Nuclear Issue // *Indian Journal of Science and Technology*. Chennai: Indian Society for Education and Environment. 2016. P. 42–47.
14. Min W. J., Han S. Economic sanctions against North Korea: The pivotal role of US–China cooperation // *International Area Studies Review*. Oslo: SAGE Publications, 2020. T. 23. № 2. P. 177–193.
15. North Korea Says It Will Halt Talks and Restart Its Nuclear Program // *The New York Times*. 2009. April 14. URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/15/world/asia/15korea.html?ref=global-home> (дата обращения: 01.08.2025)
16. Statistics – GACC // China Customs URL: <http://english.customs.gov.cn/statistics/Statistics? ColumnId=6> (дата обращения: 01.08.2025).
17. Toloraya G. Russian policy in Korea in a time of change // *The Korean Journal of Defense Analysis*. Seoul: The Korean Journal of Defense Analysis, 2009. T. 21. № 1. P. 67–84.
18. Torkunov A., Toloraya G., Dyachkov I. Russia–South Korea Economic Relations Against the Background of Regional Economic Integration // *Understanding Contemporary Korea from a Russian Perspective: Political and Economic Development since 2008*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 339–350.
3. The volume of direct investment from the Republic of Korea to the Russian Federation // Embassy of the Russian Federation in the Republic of Korea URL: https://korea.minpromtorg.gov.ru/storage/b729ee4d-ed92-4b55-a511-54b84802a6d7/organization/trade_rep_korea/DoingBusinessinKorea2022.doc (date of access: 01.08.2025).
4. The volume of trade between Russia and the DPRK reached record levels // Prime. June 10, 2025 URL: <https://1prime.ru/20250610/aei-858373606.html> (date of access: 01.08.2025).
5. Joint Statement Following the Fourth Round of the Six-Party Talks on the Settlement of the Nuclear Problem of the Korean Peninsula in 2005 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/9c5976394ea3535ba545dca163840ec8.pdf> (accessed: 01.08.2025)
6. Trade Turnover between Russia and the DPRK Increased by 40% // Virtual Customs. URL: http://vch.ru/event/view.html?alias=tovarooborot_meghdu_rossiei_i_kndr_vyros_na_40 (accessed: 01.08.2025).
7. Bazhanov E. The Russian Response: The Nuclear Crisis // *Strategic Thinking about the Korean Nuclear Crisis: Four Parties Caught Between North Korea and the United States*. New York: Palgrave Macmillan US, 2007. pp. 193–214.
8. Cai J. The Korea nuclear crisis and the changing Sino-DPRK relationship // *Asian Perspective*. Honolulu: University of Hawai Press, 2010. Vol. 34. no. 1. P. 137–158.
9. Chung A. China–DPRK Relations, China’s Rise, and DPRK Aggressions toward the ROK–US, 1990–2021 // *Asian Survey*. Berkeley: University of California Press, 2023. Vol. 63. no. 5. P. 797–822.
10. Fung C.J. Just Not in the Neighborhood: China’s Views on the Application of the Responsibility to Protect in the DPRK // *The China Quarterly*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Vol. 246, pp. 565–585.
11. Joo S.H. Russia and the Korean Peace Process // *The Korean peace process and the four powers*. London: Routledge, 2018. pp. 141–168.
12. Kumar A. Economic Relation between Russia and South Korea // *International Journal of Applied Social Science*. Delhi, 2019. Vol. 6. No. 3. P. 784–791.
13. Lykov K. F. et al. Chinese and Korean Researchers on Diplomatic Mediation of China in the North Korea Nuclear Issue // *Indian Journal of Science and Technology*. Chennai: Indian Society for Education and Environment. 2016. P. 42–47.
14. Min W. J., Han S. Economic sanctions against North Korea: The pivotal role of US–China cooperation // *International Area Studies Review*. Oslo: SAGE Publications, 2020. Vol. 23. no. 2. P. 177–193.
15. North Korea Says It Will Halt Talks and Restart Its Nuclear Program // *The New York Times*. 2009. April 14. URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/15/world/asia/15korea.html?ref=global-home> (access date: 08/01/2025)
16. Statistics – GACC // China Customs URL: <http://english.customs.gov.cn/statistics/Statistics? ColumnId=6> (access date: 08/01/2025).
17. Toloraya G. Russian policy in Korea in a time of change // *The Korean Journal of Defense Analysis*. Seoul: The Korean Journal of Defense Analysis, 2009. Vol. 21. No. 1. P. 67–84.
18. Torkunov A., Toloraya G., Dyachkov I. Russia–South Korea Economic Relations Against the Background of Regional Economic Integration // *Understanding Contemporary Korea from a Russian Perspective: Political and Economic Development since 2008*. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 339–350.

RUSSIA’S AND CHINA’S APPROACHES TO MAINTAINING SECURITY AND STABILITY ON THE KOREAN PENINSULA

Mejinyan A.A., Kvekveskiri G.M., Sharpaev G.V.

The article is devoted to a comparative analysis of Russia’s and China’s approaches to ensuring security and stability on the Korean Peninsula, as well as in the East Asian region as a whole. The key aspects of Moscow’s and Beijing’s policies in this direction are considered, including support for diplomatic solutions, participation in multilateral negotiations, and interaction with the DPRK and South Korea. Particular attention is paid to the common and different positions of the two countries, as well as their role in the search for long-term mechanisms for stability and interaction.

Keywords: Korean Peninsula, security, Russia, China, DPRK, diplomacy.

References

1. Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons of 1968 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/yadernoe_nerasprostranenie/1762964/ (date of access: 01.08.2025)
2. Results of foreign economic activity of the Russian Federation for 2020 // Ministry of Economy of the Russian Federation URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf> (date of access: 01.05.2024).

Динамика социальных норм: мотивы соблюдения, факторы изменения и интегративные модели

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Шубин Леонид Борисович,

канд. мед. наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: LBSH@yandex.ru

Савгачев Виталий Владимирович,

канд. мед. наук, доцент кафедры травматологии и ортопедии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: hirurg2288@mail.ru

Шкребко-Федотовская Диана Александровна,

студент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Fedotovskai22@gmail.com

Социальные нормы представляют собой фундаментальный механизм регуляции человеческого поведения, объединяющий описательные представления о том, что делают другие люди, и предписывающие ожидания относительно того, что они должны делать. Данная статья посвящена комплексному анализу природы механизмов формирования и динамики социальных норм в контексте современных социальных наук.

В работе рассматриваются ключевые аспекты функционирования социальных норм через призму различных теоретических подходов. Исследование охватывает механизмы возникновения норм посредством коллективных убеждений и самоисполняющихся пророчеств, их вариативность в зависимости от культурной «жесткости-рыхлости» социальных систем, а также роль плюралистического невежества в искажении восприятия нормативных ожиданий.

Исследование вносит вклад в понимание социальных норм как динамичной системы информационно-регулятивных механизмов, балансирующих индивидуальные и коллективные интересы. Предлагается интегративный подход к анализу нормативных систем, учитывающий их многоуровневую структуру – от микропроцессов когнитивной оценки до макроструктур культурной организации.

Ключевые слова: поведение, социальные нормы, убеждения, математическое моделирование, теория игр, социальная эволюция, культурная эволюция.

Введение

Социальные нормы как объект исследования в социальных науках представляют собой сложный многоуровневый феномен, который требует систематического теоретического осмысления. Концептуальное понимание социальных норм в современной научной литературе строится на различии в двух основных категориях убеждений, связанных с поведением окружающих людей. Первая категория – это описательные нормы, она формируется на основе эмпирических ожиданий относительно того, как ведет себя большинство людей в определенных ситуациях. Эти нормы возникают из наблюдаемых поведенческих паттернов и рутинных практик (соблюдение очередности в общественных местах) [1]. Предписывающие нормы, относятся ко 2-й категории и представляют собой нормативные ожидания, которые определяют, что является морально приемлемым или неэтичным в конкретном социокультурном контексте. Эти нормы включают в себя моральные принципы, запреты (табу), способствующие позитивному социальному поведению. Существование таких норм обеспечивается коллективной верой в их значимость, что создает механизм, аналогичный самоисполняющимся пророчествам [2].

Культурная вариативность социальных норм проявляется в их зависимости от семейных, этнических, религиозных и территориальных особенностей. Степень приверженности социальным нормам варьируется в зависимости от ситуационных факторов и культурного контекста, что находит отражение в концепции социальной жесткости-рыхлости. «Жесткие» культуры характеризуются строгими нормами, низкой толерантностью к отклонениям и единообразным социальным поведением. «Рыхлые» культуры, напротив, демонстрируют более гибкие нормы, высокую степень толерантности и разнообразие поведенческих моделей [3]. Важным психологическим аспектом функционирования социальных норм является феномен плюралистического невежества (когнитивного искажения), при котором индивиды ошибочно полагают, что их личные убеждения и чувства кардинально отличаются от мнений других членов общества. Это явление может приводить к неточному восприятию групповых норм и влиять на индивидуальное поведение [4]. В дополнение к социальным нормам, регулирующим межличностные отношения, существуют индивидуальные (личные) нормативные убеждения о том, как следует поступать в различных ситуациях. Формирование личных норм происходит под влиянием моральных ценностей индивида, соображений о благополучии других людей, а также представлений о наиболее подходящих действиях и убеждениях. Личные нормы могут развиваться как результат интернализации социальных норм, при этом они сохраняют способность к изменению во времени [1]. Психологические механизмы формирования и поддержания норм основываются на человеческой восприимчивости к социальному влиянию и различии поведенческих паттернов между социальными средами, а также стохастических процессов возникновения, распространения и исчезновения определенных поведенческих моделей в популяциях, что делает их ключевыми факторами, объясняющими происхождение, поддержание и разнообразие нормативных систем [5].

Таким образом, социальные нормы представляют собой динамическую систему поведенческих регуляторов, которая обеспечивает координацию социального взаимодействия через сложное взаимодействие описательных и предписывающих элементов, личных и коллективных убеждений, а также культурно-специфических факторов социального влияния.

Социальные нормы и их изменения

Соблюдение социальных норм играет ключевую роль в человеческом взаимодействии, поскольку позволяет индивидам прогнозировать действия окружающих и обеспечивать более гармоничное сосуществование в обществе. Предиктивная функция норм проявляется в том, что они создают основу для ожиданий поведения, минимизируя конфликты и способствуя эффективной координации в повседневных ситуациях. В условиях неопределенности люди часто получают информацию о скрытых нормах через наблюдение за поведением других, что приводит к их закреплению (принцип «в Москве поступай как москвичи»). Такой механизм наблюдения и подражания усиливает устойчивость норм в социуме. [4]. Факторы, способствующие соблюдению норм, включают в себя подражание, стремление к социальному одобрению и чувство принадлежности к группе. Эти элементы мотивируют индивидов адаптироваться к коллективным ожиданиям, укрепляя групповую идентичность и сплоченность [6]. Кроме того, люди могут следовать нормам из-за перцептивных и поведенческих ограничений или для избежания санкций, применяемых к нарушителям. Такой конформизм часто носит защитный характер, помогая минимизировать риски социального отвержения или наказания.

Интернализация норм представляет собой процесс, при котором внешние правила превращаются в личные убеждения и ценности, что значительно усиливает мотивацию к их соблюдению. Нарушение интернализированных норм может вызывать внутренний психологический дискомфорт, даже если оно сулит материальные выгоды. Этот механизм снижает когнитивные затраты на обработку информации и принятие решений, а также способствует развитию сотрудничества в группе [7]. Хотя предрасположенность к следованию нормам частично заложена в человеческой природе, многие нормы формируются под влиянием культурных факторов. Тем не менее, личные нормы могут быть проигнорированы в ситуациях, когда затраты на их соблюдение оказываются слишком высокими, что подчеркивает гибкость нормативного поведения. [1]. В целом, процесс следования социальным нормам является многогранным и определяется взаимодействием индивидуальных когнитивных процессов, динамики групп и более широких общественных влияний. Это обеспечивает адаптивность поведения в изменяющихся социальных контекстах, балансируя между личными интересами и коллективными ожиданиями.

Эволюция социальных норм представляет собой динамичный процесс, отражающий адаптацию общества к изменяющимся условиям и потребностям. Генерация новых норм у молодого поколения часто происходит под влиянием стремления к уникальной социальной идентичности или в результате конкуренции за ограниченные ресурсы с более старшими возрастными группами. Такой механизм позволяет молодежи формировать альтернативные поведенческие паттерны, которые подчеркивают их отличие и способствуют групповой сплоченности [8]. Кроме того, значительную роль в трансформации норм играет конформизм по отношению к авторитетным или влиятельным фигурам, чье поведение и мнение служат ориентирами для широких слоев общества. Такие лидеры

могут инициировать сдвиги в коллективных убеждениях, способствуя распространению инновационных норм. Нормативные убеждения могут быть перекалиброваны путем исправления неверных представлений о групповом поведении и одобрении. Структурные, экологические, исторические, экономические изменения или конкретная политика, которая стимулирует или регулирует поведение, могут влиять на нормы и нормативные системы. Образовательные кампании и коммуникации со стороны культурных или институциональных субъектов могут существенно влиять на изменения норм [6]. И наоборот, нормы могут сохраняться, несмотря на изменения окружающей среды, что приводит к культурному несоответствию.

Перспективы моделирования социальных норм

Существует несколько важнейших факторов, которые необходимо учитывать в любой реалистичной теории, пытающейся описать и предсказать динамику норм.

1. Принятие решений и убеждения. Важную роль в принятии решений играют человеческие убеждения, что отражено в социальной психологии как «теорема Томаса»: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» [9]. Что касается социальных норм, то существует четыре элемента принятия решений, где человеческие убеждения очень важны. Во-первых, эмпирические ожидания влияют на наше принятие решений, влияя на наши ожидаемые материальные выгоды. Во-вторых, на наши решения также влияет психологическое благополучие, получаемое в результате конформизма, когда наше поведение согласуется с воспринимаемыми нормами, что приводит к чувствам принадлежности и принятия. Поэтому мы с большей вероятностью будем вести себя так, как ожидают в нашей группе, даже если это противоречит нашим личным убеждениям или интересам. В-третьих, нормативные ожидания могут существенно влиять на принятие решений: мы избегаем действий, которые, по нашему мнению, будут осуждены обществом, чтобы сохранить свой социальный статус. И наоборот, мы можем вести себя так, как, по нашему мнению, заслужим одобрение, даже ценой личных потерь [8]. Наконец, личные нормы влияют на наше поведение, поскольку они соответствуют нашим ценностям и самовосприятию. Следование им укрепляет наше представление о себе как о высоконравственных и добропорядочных людях, улучшая наше психологическое благополучие.

2. Изменения убеждений и установок. Изменение социальных норм тесно связано с параллельной трансформацией наших представлений о том как поступают другие, что они думают и какие действия считаются правильными либо недопустимыми в конкретных обстоятельствах [10]. Эти процессы могут развиваться постепенно, охватывая несколько поколений и затрагивая, к примеру, традиционные гендерные роли, которые постепенно утрачивают былую жесткость. Вместе с тем отдельные нормы способны претерпевать стремительные сдвиги, отражая быстро меняющиеся социальные реалии и коллективные ожидания. Скорость изменения норм также может зависеть от уровня консенсуса относительно нормы и взаимосвязанности в обществе или группе. Иногда формирование наших убеждений обусловлено не сознательными рассуждениями, а подсознательным ожиданием их потенциального воздействия на других. Эти другие могут либо вознаграждать, либо наказывать нас – иногда продвигая необоснованные убеждения, а иногда наказывая обоснованные [11]. Таким образом, интеграция динамики убеждений в теории социальных норм имеет решающее значение.

3. Когнитивные и психологические процессы.

Различные психологические и когнитивные процессы влияют на принятие решений и динамику убеждений. Когнитивный диссонанс, ментальный дискомфорт, испытываемый при наличии противоречивых убеждений, ценностей или отношений, можно уменьшить с помощью изменения поведения, новых убеждений или избирательной памяти. Социальная проекция, когда люди приписывают свои собственные мысли и чувства другим, вооружает людей «теорией разума», способностью приписывать ментальные состояния себе и другим. Следующим важным процессом является психологическое реактивное сопротивление, когда люди сопротивляются угрозам своей свободе, что приводит к оппозиционному поведению или усилению убеждений [12]. Эмоции также влияют на принятие решений: страх способствует избеганию и конформизму, а счастье стимулирует поведение с немедленным вознаграждением [1]. Эмоции могут как вытекать из когнитивного диссонанса, так и способствовать ему, а также помогать в понимании ментальных состояний других.

Психологические и когнитивные процессы играют решающую роль в поддержании и трансформации социальных норм. Среди этих процессов когнитивный диссонанс, который широко моделируется, выделяется как существенный фактор, который может привести к обратным эффектам [13]. Модели показывают, что введение более строгих наказаний может неожиданно привести к увеличению, а не уменьшению преступного поведения. Аналогичным образом, усиленное общественное порицание и осуждение аморального поведения может неожиданно способствовать всплеску такого поведения. Реакция людей на сообщения и подталкивания может направить их в противоположном направлении от предполагаемого, а различия в социальных проекциях и когнитивных ограничениях убеждений могут привести к различной динамике действий и предпочтений [14].

Когда взаимодействия происходят в социальных сетях, люди имеют информацию только о среднем поведении среди своих социальных партнеров. Лишь в нескольких работах считалось, что эмпирические ожидания людей могут отличаться от наблюдаемого поведения, и еще меньше моделей рассматривают динамику предписывающих норм [15]. Тем не менее, модели показывают, что неправильное восприятие норм будет сильно влиять на групповое поведение и динамику убеждений. Например, одним из последствий являются самоисполняющиеся пророчества – предсказания, которые, будучи сделанными, прямо или косвенно делают себя истинными: если коллективно верить, что некоторое поведение является нормой, люди, вероятно, будут соответствовать этому поведению, тем самым делая предсказание истинным [7].

4. Межиндивидуальные различия. Индивидуальные особенности личности формируют уникальную основу для восприятия и интерпретации социальных норм. Разнообразие характеристик личности, включая когнитивные стили, эмоциональные реакции и накопленный социальный опыт, обуславливает межиндивидуальные различия, которые играют определяющую роль в процессах принятия решений и формирования убеждений. Влияние теории социальной идентичности на принятие решений проявляется в том, что групповая принадлежность становится значимым фактором выбора поведенческих стратегий. Люди склонны адаптировать свои решения в соответствии с ожиданиями группы, к которой они принадлежат или стремятся принадлежать. Это создает динамический механизм, при котором социальная идентичность воздействует на индивидуальные предпочтения и поведенческие паттерны. Теория когнитивного диссо-

нанса предлагает понимание того, как люди справляются с противоречивыми убеждениями. Различные стратегии разрешения внутренних конфликтов между конкурирующими установками зависят от индивидуальных особенностей личности. Теория разума и когнитивные способности определяют способность индивида понимать точки зрения других людей, что напрямую влияет на интерпретацию социальных норм. Люди с более развитыми способностями к ментализации лучше понимают скрытые мотивы окружающих и более точно оценивают социальные ожидания. Это позволяет им более гибко адаптировать свое поведение к различным социальным контекстам [1]. Различия в проявлениях конформизма и антиконформизма существенно влияют на поведение в контексте социальных норм. Конформные личности склонны следовать групповым ожиданиям даже в ущерб собственным убеждениям, в то время как антиконформисты демонстрируют сопротивление социальному давлению. Психологическое реактивное сопротивление как механизм защиты личной автономии может приводить к намеренному нарушению норм в ответ на воспринимаемое принуждение [7].

Исследование поведенческих трансформаций представляет собой одну из наиболее сложных областей социальных наук, требующую применения разнообразных теоретических подходов и математических инструментов. Множественность теорий изменения поведения, каждая из которых получила широкое исследование с помощью математических моделей, создает богатую аналитическую основу для понимания социальных процессов [16]. Выбор наиболее подходящих подходов для моделирования динамики социальных норм обусловлен их способностью учитывать многофакторную природу социального поведения и его эволюции.

Классическая некооперативная теория игр исследует взаимодействия игроков, где определяющей характеристикой является индивидуальное принятие решений каждым участником. В отличие от кооперативов, где игроки могут формировать коалиции и договариваться о совместных действиях, некооперативная теория предполагает, что каждый игрок стремится максимизировать собственную полезность. Это создает ситуации, где результат каждого участника зависит не только от его собственных действий, но и от стратегий, выбираемых другими игроками. [17].

Классическая некооперативная теория игр предполагает, что все игроки являются максимизаторами полезности, способными оценивать последствия различных стратегий и выбирать наилучшие из доступных вариантов, осознавая взаимозависимость своих решений и учитывая возможные действия оппонентов при формировании собственных стратегий. Это требует от участников способности к прогнозированию поведения других игроков и адаптации собственных действий к ожидаемым реакциям. Важным аспектом является отсутствие возможности заключения обязательных соглашений. Несмотря на математическую строгость, классическая некооперативная теория игр имеет существенные ограничения. Предположение о полной рациональности игроков не всегда соответствует реальному поведению людей, которые могут действовать под влиянием эмоций, ограниченной информации или когнитивных искажений. Реальные участники стратегических взаимодействий часто демонстрируют поведение, отличающееся от предсказаний классической теории [16].

Психологическая теория игр объединяет убеждения, эмоции и когнитивные предубеждения, улучшая наше понимание человеческого поведения в стратегических ситуациях путем распознавания несовершенной информации и отклонений от строгой рациональности. Пси-

психологическая теория игр стремится учесть факт того, что по вашему мнению, другие будут делать или думать и на самом деле может сделать вас счастливее или несчастнее. Например, игрок может испытывать чувство вины, когда считает, что выигрыш его партнера ниже, чем тот, которого ожидал партнер [18]. Эти убеждения затем могут влиять на принятые игроком решения. Психологическая теория игр может косвенно моделировать нормы, включая психологические факторы, на которые они могут влиять, фиксируя, как социальные нормы формируют индивидуальные ожидания в отношении других и как вина, возникающая в результате нарушения норм, влияет на поведение. Однако существующие модели фокусируются на ожидаемом поведении, а не на нормативных ожиданиях, что делает предписывающие социальные нормы сложными для моделирования.

Механизмы (модели) социального влияния, такие как имитация и соответствие сверстникам, авторитетным фигурам или лицам с высоким статусом, могут привести к конвергенции в общем поведении, даже без точной информации о затратах и выгодах. Конвергенция может привести к консенсусу или к поляризованным состояниям, когда в популяции сосуществуют множественные нормы [19]. Передача норм происходит посредством имитации и копирования в пределах одного поколения или между поколениями. Исследования Исли Д с коллегами (Великобритания) фокусируются на том, как структуры социальных сетей влияют на динамику норм [1]. Устойчивость, опрокидывание, локальная конвергенция и глобальное разнообразие, наблюдаемые в эволюционной теории игр, присутствуют в моделях социального влияния. Однако они часто упрощают, пренебрегая стратегическим поведением и затратами и выгодами соблюдения норм.

Модели нормы-полезности, термин, не широко используемый, но, включают соблюдение социальных норм или отклонение от них в функции полезности индивидов [20]. Таким образом, решения людей основаны не только на материальных соображениях, но и на восприятии того, что является уместным или приемлемым в социальной группе. Эти модели обычно представляют социальные нормы как правила или ожидания относительно надлежащего поведения, нарушение которых приводит к снижению полезности. Таким образом, поведение, которое кажется нерациональным с точки зрения материальных выгод, становится рациональным, когда рассматривается полезность от соблюдения норм. Они особенно полезны для анализа социальных дилемм, сотрудничества и явлений, где социальные нормы имеют значение. Однако модели нормы-полезности обычно не учитывают изменяющуюся природу личных норм или нормативных ожиданий.

Современное понимание социального поведения и принятия решений невозможно без анализа различных концептуальных рамок, которые по-разному интерпретируют значение индивидуальных убеждений. Существенные методологические различия между основными теоретическими подходами проявляются в том, как они рассматривают природу, формирование и функциональную роль убеждений в регуляции человеческого поведения.

Таким образом, каждый из рассмотренных подходов предлагает уникальную перспективу на роль убеждений в социальном поведении, подчеркивая различные аспекты этого сложного феномена. Их комплексное понимание является необходимым условием для развития более полной теории социального поведения и более эффективных практических приложений в области социального управления и поведенческих интервенций.

Вывод

Социальные нормы представляют собой коллективные ожидания, регулирующие поведение через описательные механизмы (что делают другие) и предписывающие (что должны делать), минимизируя социальную неопределенность и способствуя сотрудничеству. Они возникают из социального влияния, поддерживаются самоисполняющимися пророчествами и варьируют по культурной «жесткости-рыхлости», где разнообразие норм отражает экологические и исторические контексты. Плюралистическое невежество искажает восприятие норм, способствуя их изменениям или устойчивости, в то время как личные нормы формируются моральными ценностями и могут эволюционировать под внешними влияниями.

Следование нормам обеспечивает координацию, но может игнорироваться при высоких издержках, а изменения норм вызываются новой информацией, политикой и иногда приводят к культурному несоответствию. Когнитивный диссонанс и эмоции (вина, стыд) усиливают приверженность нормам, а межличностные различия (личность, культура) влияют на восприимчивость к ним. Строгие санкции могут парадоксально усиливать девиантное поведение, подчеркивая нелинейность динамики норм, которые устойчивы, но подвержены резким сдвигам при критической массе изменений.

В итоге, нормы – динамичная система, балансирующая между индивидуальными и коллективными интересами, и будущие модели должны объединять сетевые, психологические и эволюционные аспекты для точного прогнозирования их трансформаций.

Литература

1. Gavrillets S, Tverskoi D, Sánchez A. Modelling social norms: an integration of the norm-utility approach with beliefs dynamics. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2024;379(1897):20230027. doi:10.1098/rstb.2023.0027
2. Horne C, Mollborn S. 2020. Norms: an integrated framework. *Ann. Rev. Sociol.* 2020. No. 46. Pp. 467–487. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054658>
3. Jackson J.C, Gelfand M, Ember C.R. A global analysis of cultural tightness in non-industrial societies. *Proc Biol Sci.* 2020;287(1930):20201036. doi:10.1098/rspb.2020.1036
4. Плещев И. Е., Ивашковская А.В., Плещева Т.Н., Хахалина А.А. Изменения социальных норм: движущие силы и последствия // *Социология.* – 2025. – № 6. – С. 343–349. – EDN DOQIK.
5. Richerson P.J, Gavrillets S, de Waal F.B.M. Modern theories of human evolution foreshadowed by Darwin's *Descent of Man*. *Science.* 2021;372(6544): eaba3776. doi:10.1126/science.aba3776
6. Bavel J.J.V, Pärnamets P. 2022. How neurons, norms, and institutions shape group cooperation. *Adv. Exp. Soc. Psychol.* No. 2022. 66. Pp. 59–105. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2022.04.004>
7. Henrich J, Ensminger J. Theoretical foundations: the co-evolution of social norms, intrinsic motivation, markets, and the institutions of complex societies. In *Experimenting with social norms: fairness and punishment in cross-cultural perspective* (eds J Ensminger, J Henrich), 2014. pp. 19–44. New York, NY: Russell Sage Foundation.
8. Dannals J.E, Miller D.T. Social norm perception in groups with outliers. *J Exp Psychol Gen.* 2017;146(9):1342–1359. doi:10.1037/xge0000336
9. Loewenstein G, Molnar A. 2018. The renaissance of belief-based utility in economics. *Nat. Hum. Behav.*

2018. No. 2. Pp. 166–167. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0301-z>

10. Bursztyn L, Egorov G, Fiorin S. From extreme to mainstream: the erosion of social norms. *Am. Econ. Rev.* 2020. No. 110. Pp. 3522–3548. DOI: 10.1257/aer.20171175
11. Williams D. The marketplace of rationalizations. *Econ. Philos.* 2023. 39, 99–123. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0266267121000389>
12. Bettiga D, Lamberti L. Future-oriented happiness: its nature and role in consumer decision-making for new products. *Front. Psychol.* 2020. No. 11. Pp. 929. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00929>
13. te Velde VL. 2022. Heterogeneous norms: social image and social pressure when people disagree. *J. Econ. Behav. Organ.* 194, 319–340. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.12.013>
14. Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Плещёв И.Е. Применение опросника SF-36 для оценки эффективности реабилитационной программы с применением водного велосипеда «Сибайк» после травмы нижних конечностей. *Медицинская психология в России.* 2025;17(1):20–26.
15. Gavrillets S. Coevolution of actions, personal norms and beliefs about others in social dilemmas. *Evol Hum Sci.* 2021;3: e44. doi:10.1017/ehs.2021.40
16. Davis R, Campbell R, Hildon Z, Hobbs L, Michie S. Theories of behaviour and behaviour change across the social and behavioural sciences: a scoping review. *Health Psychol Rev.* 2015;9(3):323–344. doi:10.1080/17437199.2014.941722
17. Young HP. 2015. The evolution of social norms. *Economics.* 2015. No. 7, 359–387. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080614-115322>
18. Battigalli P, Dufwenberg M. Belief-dependent motivations and psychological game theory. *J. Econ. Lit.* 2022. No. 60. Pp. 833–882. DOI: 10.1257/jel.20201378
19. Flache A, Mäs M, Feliciani T, Chattoe-Brown E, Lorenz J. Models of social influence: towards the next frontiers. *J. Artif. Soc. Soc. Simul.* 2017. No. 20, 2. DOI: 10.18564/jasss.3521
20. Ridinger G, McBride M. Reciprocity in games with unknown types. In *Handbook of experimental game theory* (eds C Capra, R Croson, M Rigdon, T Rosenblatt). 2020. pp. 271–287. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited.

DYNAMICS OF SOCIAL NORMS: MOTIVES FOR COMPLIANCE, FACTORS OF CHANGE, AND INTEGRATIVE MODELS

Pleshchev I.E., Shubin L.B., Savgachev V.V., Shkrebko-Fedotovskaja D.A.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Social norms are a fundamental mechanism for regulating human behavior, combining descriptive ideas about what other people are doing and prescriptive expectations about what they should do. This article is devoted to a comprehensive analysis of the nature of the mechanisms of formation and dynamics of social norms in the context of modern social sciences.

The paper examines key aspects of the functioning of social norms through the prism of various theoretical approaches. The study covers the mechanisms of the emergence of norms through collective beliefs and self-fulfilling prophecies, their variability depending on the cultural “rigidity” of social systems, as well as the role of pluralistic ignorance in distorting the perception of normative expectations. The research contributes to the understanding of social norms as a dynamic system of information and regulatory mechanisms that balance individual and collective interests. An integrative approach to the analysis of normative systems is proposed, taking into account their multilevel structure – from the micro-processes of cognitive assessment to the macrostructures of cultural organization.

Keywords: behavior, social norms, beliefs, mathematical modeling, game theory, social evolution, cultural evolution.

References

1. Gavrillets S, Tverskoi D, Sánchez A. Modelling social norms: an integration of the norm-utility approach with beliefs dynamics. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci.* 2024;379(1897):20230027. doi:10.1098/rstb.2023.0027
2. Horne C, Mollborn S. 2020. Norms: an integrated framework. *Ann. Rev. Sociol.* 2020. No. 46. Pp. 467–487. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054658>
3. Jackson J.C, Gelfand M, Ember C.R. A global analysis of cultural tightness in non-industrial societies. *Proc Biol Sci.* 2020;287(1930):20201036. doi:10.1098/rspb.2020.1036
4. Pleshchev I. E., Ivashkovskaya A.V., Pleshcheva T.N., Khakhalina A.A. Changing social norms: driving forces and consequences // *Sociology.* 2025. No. 6. pp. 343–349.
5. Richerson P.J, Gavrillets S, de Waal F.B.M. Modern theories of human evolution foreshadowed by Darwin’s *Descent of Man*. *Science.* 2021;372(6544): eaba3776. doi:10.1126/science.aba3776
6. Bavel J.J.V, Parnamets P. 2022. How neurons, norms, and institutions shape group cooperation. *Adv. Exp. Soc. Psychol.* No. 2022. 66. Pp. 59–105. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2022.04.004>
7. Henrich J, Ensminger J. Theoretical foundations: the coevolution of social norms, intrinsic motivation, markets, and the institutions of complex societies. In *Experimenting with social norms: fairness and punishment in cross-cultural perspective* (eds J Ensminger, J Henrich), 2014. pp. 19–44. New York, NY: Russell Sage Foundation.
8. Dannals J.E, Miller D.T. Social norm perception in groups with outliers. *J Exp Psychol Gen.* 2017;146(9):1342–1359. doi:10.1037/xge0000336
9. Loewenstein G, Molnar A. 2018. The renaissance of belief-based utility in economics. *Nat. Hum. Behav.* 2018. No. 2. Pp. 166–167. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0301-z>
10. Bursztyn L, Egorov G, Fiorin S. From extreme to mainstream: the erosion of social norms. *Am. Econ. Rev.* 2020. No. 110. Pp. 3522–3548. DOI: 10.1257/aer.20171175
11. Williams D. The marketplace of rationalizations. *Econ. Philos.* 2023. 39, 99–123. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0266267121000389>
12. Bettiga D, Lamberti L. Future-oriented happiness: its nature and role in consumer decision-making for new products. *Front. Psychol.* 2020. No. 11. Pp. 929. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00929>
13. te Velde V.L. 2022. Heterogeneous norms: social image and social pressure when people disagree. *J. Econ. Behav. Organ.* 194, 319–340. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.12.013>
14. Shubin L. B., Savgachev V.V., Pleshchev I.E. The use of the SF-36 questionnaire to evaluate the effectiveness of a rehabilitation program using a Seabike water bike after a lower limb injury. *Medical Psychology in Russia.* 2025;17(1):20–26.
15. Gavrillets S. Coevolution of actions, personal norms and beliefs about others in social dilemmas. *Evol Hum Sci.* 2021;3: e44. doi:10.1017/ehs.2021.40
16. Davis R, Campbell R, Hildon Z, Hobbs L, Michie S. Theories of behaviour and behaviour change across the social and behavioural sciences: a scoping review. *Health Psychol Rev.* 2015;9(3):323–344. doi:10.1080/17437199.2014.941722
17. Young HP. 2015. The evolution of social norms. *Economics.* 2015. No. 7, 359–387. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-080614-115322>
18. Battigalli P, Dufwenberg M. Belief-dependent motivations and psychological game theory. *J. Econ. Lit.* 2022. No. 60. Pp. 833–882. DOI: 10.1257/jel.20201378
19. Flache A, Mäs M, Feliciani T, Chattoe-Brown E, Lorenz J. Models of social influence: towards the next frontiers. *J. Artif. Soc. Soc. Simul.* 2017. No. 20, 2. DOI: 10.18564/jasss.3521
20. Ridinger G, McBride M. Reciprocity in games with unknown types. In *Handbook of experimental game theory* (eds C Capra, R Croson, M Rigdon, T Rosenblatt). 2020. pp. 271–287. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Limited.

Политика национальной памяти в контексте политических практик: особенности и стратегии формирования

Проскурина Елена Александровна,

доктор политических наук, профессор, кафедра государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
E-mail: plamenik48@gmail.com

Жуков Владислав Николаевич,

аспирант, кафедра государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
E-mail: nikolaich1000@mail.ru

В статье представлены дефиниции категорий «политика памяти» и «политика национальной памяти». Сделан вывод о целесообразности внедрения диалогической модели национальной политики памяти, которая опирается на уже существующие в обществе историко-культурные представления. Рассмотрены различные каналы и формы ретрансляции опорных смыслов и символов: законодательство и программные документы, система образования, СМИ, кинематограф, театры, музеи, библиотеки, институты национальной памяти, шоу-бизнес, событийные мероприятия. Отмечается, что цифровизация существенным образом повлияла на характер реализации национальной политики памяти. Цифровизация расширила технический арсенал реализации национальной политики памяти и, при этом, привела к определенной неконтролируемости информационных потоков.

Ключевые слова: политика памяти, национальная политика памяти, цифровизация, идеология, коллективное сознание, национальная идентичность.

На современном этапе цивилизационного развития мы наблюдаем ощутимые социокультурные трансформации, обусловленные кризисом идеи глобализации, отказом от мультикультурализма и возвратом интереса к национальным культурам [4, с. 42]. В данной связи особый интерес представляют вопросы, связанные с национальной идентичностью, патриотизмом, локальными политиками, идеологическими стратегиями. При этом, по мнению многих специалистов, имеет место недостаточная разработанность категориального аппарата исследований в данной области, а также определенные пробелы в систематизации аналитических подходов к изучению механизмов формирования политик памяти. В данной связи представляется *актуальным* рассмотреть особенности и стратегии формирования политики национальной памяти.

Политика памяти, согласно Е.Г. Грибовод с соавт., представляет собой сферу публичных политических стратегий, направленных на разработку способов запечатления и интерпретации прошлого в массовом сознании, а также совокупность взаимосвязанных практик и норм, регулирующих функционирование коллективной памяти [6, с. 29]. Национальные аспекты выступают важной частью политик памяти [6, с. 30]; следовательно, имеет смысл говорить об особой категории – национальной политике памяти. Политику национальной памяти можно определить как механизмы ретрансляции смысловых, образных и мифических компонентов, обуславливающих психосоцио-культурную и политическую интеграцию индивида в национальную общность [6, с. 30].

К.А. Галицкая предлагает определять политику национальной памяти следующим образом целенаправленная деятельность государства по формированию в обществе единого мнения и отношения к истории своей страны. Целью данной деятельности выступает фиксация «в общественном сознании в качестве доминирующих интерпретации таких значимых и переломных моментов истории, как войны, в том числе гражданские, и революции», в результате чего происходит легитимация власти [3, с. 51].

Следует сказать, что большинство современных авторов отождествляют политику национальной памяти с целенаправленными, спланированными властными практиками. Тем не менее, национальная память является не только результатом искусственно сконструированной и целенаправленно реализуемой деятельности со стороны государства, но также охватывает и стихийные, неформальные, зачастую неконтролируемые процессы формирования коллективного сознания. Подобные процессы развиваются в общественной среде спонтанно – посредством семейных и локальных нарративов, культурных практик, фольклорных форм, Интернет-дискурса.

Схожую идею выражает Л.Б. Гапоненко: «оформление концепта национальной идеи – содержательно сложный и исторически длительный процесс, в ходе которого происходит отбор, переработка, осмысление и восприятие идей, взглядов, обычаев и традиций», и, следовательно, национальная идея не может быть механически внедрена в массовое сознание лишь средствами идеологического воздействия [4, с. 46].

Официальная политика памяти оказывается действительно эффективной лишь в тех случаях, когда она опирается на уже существующие в обществе историко-культурные представления – коллективные воспоминания, устойчивые нарративы, ценностные установки и символические ресурсы, укоренённые в массовом сознании. В противном случае попытки навязывания сверху искусственно сконструированных интерпретаций прошлого, не имеющих опоры в социокультурной реальности, сталкиваются с отчуждением, сопротивлением или безразличием со стороны общественности. Подобная политика памяти, оторванная от реальной исторической памяти нации, утрачивает легитимность и не способна выполнять интеграционную функцию. Цели национальной политики памяти достигаются тогда, когда государственная интерпретация истории резонирует с уже сложившимися формами исторического опыта, включая как героические, так и травматические его аспекты. В этом контексте можно сделать вывод о целесообразности внедрения диалогической модели национальной политики памяти. По мнению Ю.Г. Чернышова, в некоторых случаях национальная политика памяти направлена исключительно «на воспевание побед и замалчивание темных, неудобных страниц истории», и подобное замалчивание приводит к тому, что «травматические переживания лишь загоняются вглубь общественного сознания, откуда они могут потом с разрушительной силой вырваться при любой кризисной ситуации» [12, с. 122].

В России активная разработка и внедрение стратегий национальной памяти в начале 2000-х гг., что было вызвано поиском новой идентичности, отсутствием общественного единства в оценке советского периода, процессами переосмысления истории, происходившими в странах постсоветского пространства. В данной связи властные ведомства стали вырабатывать инициативы поддержки различных проектов и экспертных групп, запускать процесс формулирования повестки дня по вопросам национальной памяти [5, с. 137].

Национальная политика памяти не является лишь феноменом политической теории – она имеет ярко выраженный прикладной характер. Речь идет о том, что политика памяти может считаться таковой только тогда, когда существуют инструменты, способ и механизмы ее реализации. В задачи национальной политики памяти входит не только отразить, описать прошлое, но и в какой-то мере сконструировать его.

В данной связи ведомства, продвигающие национальную политику памяти, вынуждены прибегать к различным каналам и формам ретрансляции опорных смыслов и символов [10, с. 28]. Так, к примеру, одной из форм реализации национальной политики памяти Д.А. Пятницкий считает т.н. мемориальные практики – «возведение памятников, создание музеев, переименование улиц, проведение публичных ритуалов» [9, с. 22].

Законодательство и программные документы выступают фундаментом национальной политики памяти, формирующим нормативно-правовые и стратегические основы для формирования, трансляции и защиты коллективной идентичности. Именно на базе юридических актов осуществляется институционализация памяти, определяются допустимые границы интерпретации прошлого и формулируются механизмы политик национальной памяти.

Так, ключевые ценности нации представлены в Конституции Российской Федерации; кроме того, отметим Закон Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», где получила

развитие проблема защиты национальных интересов и сохранения культурной памяти. Одним из ключевых законов, нацеленных на решение вопроса преемственности духовных ценностей, является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Сохранение российского исторического и культурного наследия в значительной степени реализуется на уровне федеральных подзаконных нормативных правовых актов, к числу которых относятся указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения [7, с. 34].

По мнению Е.Г. Грибовод с соавт., ключевыми проводниками политики памяти являются: система образования, СМИ, кинематограф, театры, музеи, библиотеки, институты национальной памяти и т.п. [6, с. 33]. При этом многие каналы ретрансляции национальной политики памяти утрачивают свою эффективность, тогда как другие – напротив, повышают ее. По мнению авторов, удельный вес влияния на массы театра, живописи, библиотек и музеев на общественное сознание снизился, и «высвободившаяся энергия влияния перераспределилась в пользу СМИ и относительно новых субъектов – шоу-бизнеса, рекламных и торговых компаний» [6, с. 33].

С другой стороны, существующие каналы влияния, которые считаются устаревшими, активно трансформируются, адаптируясь под новые реалии и специфику восприятия информации. Так, к примеру, Д.П. Гавра и М.С. Арканникова говорят о том, что сегодня музейная коммуникация все еще выполняет функции сохранения и защиты историко-культурного наследия, интеллектуального и научно-технологического потенциала страны. Музейный дискурс, считают специалисты, сохраняет свой культурный, социальный и символический капиталы [2, с. 147]. Кроме того, следует отметить существенные изменения в сфере музейной коммуникации – акцент на интерактивности, иммерсивности, виртуализации позволяет адаптировать музейную коммуникацию под потребности и интересы современной аудитории.

Эффективная ретрансляция смыслов и символов в рамках реализации национальной политики памяти возможна посредством сочетания различных коммуникационных каналов. Такая стратегия способствует широкому охвату целевых аудиторий, повышает устойчивость нарратива и обеспечивает многоуровневую рецепцию. А.В. Баранов с соавт. пишут о том, что последовательная и системная политика памяти должна затрагивать историческое сознание и память различных групп общества. Это возможно путем комплексной стратегии воздействия, включающей выработку нормативно-правовых актов, издание учебников, публикации в масс-медиа, производство кинематографической продукции, выполнение практик коммеморации и проч. [1, с. 14–15].

Следует сказать, что цифровизация существенным образом повлияла на характер реализации национальной политики памяти. Цифровизация расширила технический арсенал реализации национальной политики памяти. Медиатизация политики является сегодня весьма распространенным трендом; цифровые медиа позволяют напрямую направлять весь воздействующий потенциал на формирование и преобразование массового мышления [10, с. 32].

Тем не менее, цифровые технологии также способствовали децентрализации политик памяти, разрушению монополии государства на формирование и распространение исторических нарративов. Современные платформы позволяют пользователям становиться активными субъектами политики памяти – не только потребителями, но и производителями контента, интерпретирующего прошлое. В результате цифровое пространство

стало пространством конкуренции исторических интерпретаций, где официальная память сталкивается с альтернативными или даже деструктивными нарративами.

Как отмечено выше, образование играет важную роль в реализации политики национальной памяти. Сфера образования в данном контексте выполняет две ключевые функции: выступает медиатором доминирующей культуры и языка для поддержания существующей формы национальной идентичности; продвигает принципы этнического и культурного разнообразия, что особенно важно для отечественной мультикультурной среды [11, с. 40]. Так, школьные учебники по истории и иным гуманитарным дисциплинам позволяют репрезентировать официально признанные версии ключевых событий прошлого [5, с. 127]. Обязательное преподавание государственного языка, в том числе в национальных республиках, также выступает инструментом формирования общей гражданской идентичности. Русский язык, преподаваемый в школах всех регионов, выполняет интегративную функцию, способствуя созданию общего коммуникативного пространства в мультикультурной среде. Отметим, помимо прочего, государственные программы патриотического воспитания, реализуемые в образовательных учреждениях.

Еще один важный вектор и инструмент формирования национальной политики памяти – событийный. Событийное направление формирования национальной политики памяти основано на использовании коллективно значимых дат, ритуалов и публичных практик памяти для конструирования, актуализации и легитимации определённого историко-политического нарратива. Регулярные государственные ритуальные практики выполняют функции сакрализации и воспроизводства ключевых исторических смыслов. Событийное направление формирования национальной политики памяти предполагает проведение парадов, концертов, шествий, акций, которые обладают высокой эмоциональной нагрузкой и способствуют вовлечению широких масс в процесс коллективной реминисценции.

Кроме того, получают распространение мероприятия, проводимые организациями реконструкторов – «Клуб исторической реконструкции», «Клуб исторической реконструкции и фехтования», «Военно-исторический клуб»; фестивали – «Ледовое побоище», «Бородинское сражение» [8, с. 22]. В последние годы наблюдается активное развитие цифровых форм коммеморации: онлайн-акции, интерактивные выставки, цифровые мемориалы, трансляции торжеств в Интернете, флешмобы в социальных сетях.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Политика национальной памяти представляет собой совокупность механизмов ретрансляции смысловых, образных и мифических компонентов, обуславливающих психосоцио-культурную и политическую интеграцию индивида в национальную общность и формирующих в обществе единое мнение и отношения к истории своей страны.
- Национальная память является результатом искусственно сконструированной и целенаправленно реализуемой деятельности со стороны государства, но, при этом, находится под влиянием стихийных, неконтролируемых процессов, протекающих в коллективном сознании нации.
- Эффективность официальной политики памяти напрямую обусловлена ее взаимосвязью с существующими в обществе историко-культурными представлениями. Это приводит к выводу о целесообразности

сти внедрения диалогической модели национальной политики памяти.

- Национальная политика памяти имеет ярко выраженный прикладной характер. В задачи национальной политики памяти входит не только отразить, описать прошлое, но и в какой-то мере сконструировать его. В данной связи национальная политика памяти реализуется посредством сочетания разнообразных коммуникационных каналов.
- Векторами, по которым реализуется национальная политика памяти, выступают: законодательство и программные документы, система образования, СМИ, кинематограф, театры, музеи, библиотеки, институты национальной памяти, шоу-бизнес, событийный вектор.
- С одной стороны, цифровизация расширила технический арсенал реализации национальной политики памяти. С другой стороны, цифровые технологии способствовали разрушению монополии государства на формирование и распространение исторических нарративов.

Литература

1. Баранов, А.В. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения / А.В. Баранов, В.В. Касьянов, П.С. Самыгин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2025. – № 2 (83). – С. 9–19.
2. Гавра, Д.П. Музейный дискурс в условиях информационного противостояния: к постановке проблемы / Д.П. Гавра, М.С. Арканникова // Коммуникология. – 2024. – № 1. – С. 144–155.
3. Галицкая, К.А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти / К.А. Галицкая // Дискурс-Пи. – 2021. – № 1 (42). – С. 48–61.
4. Гапоненко, Л.Б. Конструирование национальной идентичности в контексте политики памяти / Л.Б. Гапоненко // Дискурс-Пи. – 2020. – № 3 (40). – С. 40–53.
5. Грибовод, Е.Г. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты / Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 123–132.
6. Грибовод, Е.Г. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика / Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко // Дискурс-Пи. – 2019. – № 2 (35). – С. 28–41.
7. Коробицына, Л.В. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве / Л.В. Коробицына // История: факты и символы. – 2023. – № 1 (34). – С. 32–38.
8. Олешкевич, Т.А. Политические технологии формирования патриотизма в современной России: десятилетний анализ / Т.А. Олешкевич, И.В. Лескова, В.А. Бурляева, Е.Н. Семкина // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 3. – С. 15–24.
9. Пятницкий, Д.А. Мемориальные практики и публичное пространство: государственная политика памяти и образы прошлого в полиэтнических городских центрах / Д.А. Пятницкий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 12–3 (99). – С. 22–24.
10. Русаков, В.М. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы / В.М. Русаков, О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2020. – № 2 (39). – С. 27–47.

11. Русакова, О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России / О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2023. – № 2. – С. 40.
12. Чернышов, Ю.Г. Идентичности и национальные варианты политики памяти (к итогам дискуссии) / Ю.Г. Чернышов // Полит. наука. – 2020. – № 4. – С. 111–127.

NATIONAL MEMORY POLICY IN THE CONTEXT OF POLITICAL PRACTICES: FEATURES AND STRATEGIES OF FORMATION

Proskurina E.A., Zhukov V.N.

Lugansk State University named after Vladimir Dahl

The article presents definitions of the categories “memory policy” and “national memory policy”. A conclusion is made about the feasibility of introducing a dialogical model of national memory policy, which is based on historical and cultural ideas that already exist in society. Various channels and forms of retransmission of supporting meanings and symbols are considered: legislation and program documents, the education system, the media, cinema, theaters, museums, libraries, national memory institutes, show business, and events. It is noted that digitalization has significantly influenced the nature of the implementation of the national memory policy. Digitalization has expanded the technical arsenal for implementing national memory policy and, at the same time, has led to a certain lack of control over information flows.

Keywords: memory policy, national memory policy, digitalization, ideology, collective consciousness, national identity.

References

1. Baranov, A.V. Historical memory in Russian society: the main problems of formation in the context of the implementation of state policy in the field of historical education / A.V. Baranov, V.V. Kasyanov, P.S. Samygin // Caspian region: politics, economics, culture. – 2025. – No. 2 (83). – P. 9–19.

2. Gavra, D.P. Museum discourse in the context of information confrontation: towards the formulation of the problem / D.P. Gavra, M.S. Arkannikova // Communicology. – 2024. – No. 1. – P. 144–155.
3. Galitskaya, K.A. Politics of national memory as a technology of legitimization of power / K.A. Galitskaya // Discourse-Pi. – 2021. – No. 1 (42). – P. 48–61.
4. Gaponenko, L.B. Construction of national identity in the context of the politics of memory / L.B. Gaponenko // Discourse-Pi. – 2020. – No. 3 (40). – P. 40–53.
5. Gribovod, E.G. National politics of memory in modern Russia: main trends and tools / E.G. Gribovod, D.M. Kovba, Ya.Yu. Moiseenko // Discourse-Pi. – 2018. – No. 2 (31). – P. 123–132.
6. Gribovod, E.G. Politics of national memory in the post-Soviet space: approaches and practice / E.G. Gribovod, D.M. Kovba, Ya.Yu. Moiseenko // Discourse-Pi. – 2019. – No. 2 (35). – P. 28–41.
7. Korobitsyna, L.V. Preservation of Historical Memory in Modern Russian Society: Towards Current Legislation / L.V. Korobitsyna // History: Facts and Symbols. – 2023. – No. 1 (34). – P. 32–38.
8. Oleshkevich, T.A. Political Technologies for the Formation of Patriotism in Modern Russia: A Ten-Year Analysis / T.A. Oleshkevich, I.V. Leskova, V.A. Burlyaeva, E.N. Semkina // Society: Politics, Economics, Law. – 2025. – No. 3. – P. 15–24.
9. Pyatnitsky, D.A. Memorial Practices and Public Space: State Memory Policy and Images of the Past in Multiethnic Urban Centers / D.A. Pyatnitsky // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 12–3 (99). – P. 22–24.
10. Rusakov, V.M. Infrastructure of the new policy of national memory in the post-Soviet space. Towards the formulation of the problem / V.M. Rusakov, O.F. Rusakova // Discourse-Pi. – 2020. – No. 2 (39). – P. 27–47.
11. Rusakova, O.F. Discourse of state policy of memory as a factor in the formation of national identity of modern Russia / O.F. Rusakova // Discourse-Pi. – 2023. – No. 2. – P. 40.
12. Chernyshov, Yu.G. Identities and national variants of the policy of memory (to the results of the discussion) / Yu.G. Chernyshov // Political science. – 2020. – No. 4. – P. 111–127.

Корни безгражданства: военная агрессия Мьянмы и политические истоки рохинджа в истории гуманитарного кризиса

Раджиб Наимул Ислам,

аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов
E-mail: 1042235358@rudn.ru

В этом исследовании рассматривается кризис беженцев-рохинджа, глубокая гуманитарная катастрофа, вызванная систематическим исключением в Мьянме мусульманского меньшинства рохинджа. Проблема исследования сосредоточена на том, как историческая маргинализация, усиленная Законом о гражданстве 1982 года и последующей политикой, сделала рохинджа лицами без гражданства, что способствовало этническим преследованиям и массовым перемещениям. Цели заключаются в том, чтобы исследовать причины их маргинализации, оценить влияние безгражданства на их права и оценить международные меры реагирования на кризис. В исследовании использовался смешанный подход, сочетающий исторический анализ колониальной и постнезависимой политики, архивные данные и опросы, проведенные в Кокс-Базаре (Бангладеш) с участием 300 респондентов для изучения местной поддержки беженцев рохинджа. Основные результаты показывают, что отрицание идентичности рохинджа в Мьянме, укорененное в колониальном наследии и этнонационалистической политике, привело к десятилетиям дискриминации, этническим чисткам и перемещению более миллиона рохинджа в Бангладеш с 2017 года. Местные общины Кокс-Базара, связанные общими культурными и религиозными связями, оказали значительную первоначальную поддержку, предоставив жилье и продовольствие. В исследовании сделан вывод о том, что для преодоления кризиса необходимы глобальные действия по борьбе с политикой изоляции Мьянмы, восстановлению гражданства рохинджа и поддержке принимающих стран, таких как Бангладеш. Международные структуры должны отдавать приоритет долгосрочным решениям, направленным на устранение политических причин преследований, чтобы предотвратить дальнейшие зверства и обеспечить справедливость для лиц без гражданства.

Ключевые слова: рохинджа, гуманитарный, безгражданство, геноцид, национализм, насилие.

The Rohingya refugee crisis is a significant human rights disaster rooted in Myanmar's complex history. The Rohingya are a Muslim ethnic group, distinct in culture, language, and religion from Myanmar's Buddhist majority. Their presence in Myanmar dates back to the 8th century, and they ruled the Kingdom of Arakan for over 350 years until the Burmese arrival. During British colonial rule (1824–1948), many Rohingya migrated to Myanmar due to labor policies that supported rice cultivation¹. This increased the Muslim population, and the British promised them autonomy in exchange for support during World War II. Although the Rohingya fought alongside the British, they were not granted an autonomous state after the war, which deepened socio-economic and religious tensions. In 1977, Myanmar's military launched a campaign to register citizens, but the Rohingya were denied citizenship and considered "strangers." This led to the mass migration of over 200,000 Rohingya to Bangladesh. The Myanmar government continues to deny the existence of the Rohingya ethnicity, contributing to their ongoing marginalization and persecution.

The 1982 Citizenship Act of Myanmar formally denied Rohingyas citizenship, requiring individuals to trace their ancestry to pre-British rule (1823) to be considered citizens. The law classified the Rohingya as illegal immigrants brought by British colonizers². There are two main theories about their origins: one argues they are illegal migrants from Bangladesh, while the other suggests they are native to Arakan, descendants of Muslims converted on Ramree Island. Despite these debates, academic discussions agree that the Rohingya face cultural discrimination, economic exploitation, and political marginalization.

Over the past 40 years, state propaganda has portrayed the Rohingya as foreigners, fueling fears among the Buddhist majority that the growing Rohingya population threatens their culture. The 2008 Constitution reinforced the 1982 Citizenship Act, continuing to deny the Rohingya citizenship and further entrenching their exclusion from Myanmar Society.

They faced extreme vulnerability due to their lack of citizenship. This statelessness deprives them of basic rights such as healthcare, education, and employment. Myanmar is a major refugee-producing country, with around 1.2 million refugees, including approximately 1 million Rohingya who fled to Bangladesh after the violent military crackdown on 25 August 2017. Other Rohingya have sought refuge in countries like Pakistan, Malaysia, India, and Saudi Arabia³. Over decades of state-sponsored persecution, the Rohingya have endured ethnic cleansing and genocide. The United Nations has described them as one of the most persecuted minorities in the world. Their plight has historical roots in British colonization and Myanmar's refusal to recognize their exist-

¹ Md. Firoz Hasnat and Faisal Ahmed, The History of the Rohingya Crisis: Origin and Uprising <https://doi.org/10.34104/bjah.02301920208>

² Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>

³ U MYO WIN AND JOSÉ MARÍA ARRAIZA, CITIZENSHIP ADVOCACY IN MYANMAR – WHAT IS THE WAY FORWARD AFTER THE COUP, file:///Users/mac/Downloads/495-Article%20Text-1583-1-10-20230810.pdf

ence despite their long history in the region. In Bangladesh, despite significant resource shortages and poverty, the local population in Cox's Bazar has shown solidarity with the refugees. Cultural and linguistic similarities, particularly the shared Sunni Islamic identity and the proximity of the Rohingya language to the Chittagonian dialect of Bangladesh, have helped foster support. After the military crackdown, more than 80% of respondents in Cox's Bazar supported allowing the refugees to stay, highlighting the humanitarian response despite local challenges (tab. 1).

Table 1. Nature of the support hosts provided for the refugees during the arrival phase

Types of support Bazar town	Teknaf	Ukhiya	Cox's
Provided initial shelter	28%	30%	12%
Offered basic food and cloth	43%	38%	33%
Donated money	31%	28%	35%
There was no Rohingya in My neighborhood	4%	3%	14%
I did not directly help any. Rohingya	5%	7%	10%

Fig. total respondents = 300

Table 1 suggests the nature of the assist hosts provided for the refugees as properly as affords a brilliant majority of the respondents provided helps to the newly arrived refugees in unique capacities, such as offering initial protected haven in their house, imparting meals and garments and donated money to regional charities who were the first to furnish the initial dwelling association earlier than the NGOs and international comfort operations flooded into the region. The shared religious trust motivated many locals to welcome and furnish emergency assistance to Rohingya refugees¹. Apart from a tiny team of Hindu and presently arrived Buddhist Rakhine refugees, nearly all the refugees in Cox's Bazar are Sunni Muslims, an identity they share with an overwhelming majority of the locals, which in turn has been mirrored in the hosts.

Under British colonial rule, ethnic tensions in Burma were exacerbated by perceived favoritism toward certain groups, despite the Rohingya community's loyal support of the British during World War II. Following the British surrender to Japanese forces, approximately 100,000 Rohingya were massacred by the Buddhist Magh community, and nearly 80,000 fled to British India's Bengal region. Burmese Muslims actively contributed to the country's independence movement, assuming leadership roles in student unions and securing positions in parliament and government, as exemplified by Mohammed Yunus (1994:69). However, these political advancements were abruptly reversed in 1962 when General Ne Win seized power. His military coup dismantled the democratic framework, dissolved parliament, banned political parties, and curtailed the rights of ethnic minorities, marking the end of Myanmar's brief democratic era following its 1948 independence². The Myanmar military justified its coup by citing escalating ethnic unrest among the Shan community, fragile governance, and national fragmentation. A significant episode of forced migration began in 1978, when ap-

proximately 300,000 Rohingya fled to Bangladesh, seeking temporary refuge. However, under international pressure, including from Bangladesh, Myanmar repatriated most of them shortly thereafter. The situation deteriorated further with the introduction of the 1982 Citizenship Law, which effectively rendered the Rohingya stateless, stripping them of legal recognition and citizenship rights. Subsequently, Myanmar's ruling authorities labeled the Rohingya as illegal immigrants, deepening their marginalization. Waves of forced displacement occurred in 1992, 2012, 2014, and 2016. A major crisis erupted on 25 August 2017, triggering a mass exodus of Rohingya into Bangladesh following severe ethnic persecution. Predominantly Muslim, the Rohingya contrasted religiously and ethnically with the Buddhist Rakhine (Magh) minority. Although the Magh are believed to be of Bengali origin, the historical clarity regarding their lineage remains contested.

Historically intertwined with the ancient Magadha Raj Kingdom, the Arakan region of Myanmar has witnessed a complex socio-political evolution. Prior to 1942, the territory was jointly inhabited by the Rohingya Muslims and the Buddhist Maghs. However, sectarian violence during that year led to the displacement of the Rohingya to the southern areas, while the Maghs assumed demographic dominance in the north. Arakan remains ethnically diverse, home to smaller indigenous tribes such as the Mros, Kamis, Chaungthas, Chins, Saaks, Ahnus, Chaws, Khaungtsos, and Kons, who continue to inhabit the hilly terrain. The cultural tapestry of the Rohingya community retains deep-rooted links to Myanmar's ancient heritage³. Despite Myanmar's official recognition of 135 ethnic groups, many minorities, including the Rohingya, remain marginalized and unrecognized. Once celebrated as "Asia's Rice Bowl" for its agricultural abundance and rich reserves of natural resources—such as petroleum, coal, tin, timber, and hydropower—Myanmar's economic trajectory has suffered due to internal strife, authoritarian governance, human rights violations, international sanctions, and minimal foreign investment. Consequently, around 32% of the population now lives below the poverty line. The nation has remained on the UN's Least Developed Countries list since 1987 and currently ranks 148 out of 187 on the UNDP Human Development Index, primarily due to its persistent lack of democratic accountability and unresolved ethnic conflicts. Before the advent of Islam, Arakan was known to Arabian seafarers and served as a vital maritime crossroads. Over centuries, it attracted a mosaic of peoples—Arabs, Turks, Pathans, Moors, Central Asians, Mughals, and Bengalis—many arriving as traders, preachers, soldiers, or captives transported by sea. These diverse groups gradually assimilated into the local fabric, giving rise to the present-day Rohingya, a predominantly Muslim community.

While definitive records of Arakan's earliest inhabitants remain elusive, some scholars suggest that the Rakhine people have resided in the region since as early as 3000 BCE. Ethnic minorities such as the Mru, Kumi, Sak, and Chin are believed to have longstanding roots in the area, sharing cultural affinities with aboriginal populations across South Asia, Australia, and Indonesia (Azeem Ibrahim, 2016). Archaeological evidence and historical chronicles indicate that prior to the 8th century, Arakan was integrated into a series of Hindu dynasties. The ancient Kingdom of Dhanavati, often cited in indigenous records, is thought to have had a royal lineage tracing back to 2666 BCE⁴. The Gupta influence is evident in the region's art and architecture, as documented by British colonial official Maurice Collis, who noted the presence of

¹ Hapid Durohman, Fajar Andrian Sutisna, Muhamad Ridho, The Analysis of Pros and Cons Regarding the Arrival of Rohingya Refugees: Religious, Humanitarian, and Socio-Economic Implication. <https://doi.org/10.33086/jic.v5i2.5788>

² Md Fazlur kader, Anwar Hossain Chowdhury, Historical Background Of The Rohingya Refugee Crisis and The Implication of Their Statelessness. <http://dx.doi.org/10.36923/ijsser.v1i1.23>

³ Md Jobair Alam, The Rohingya Minority of Myanmar, <https://www.jstor.org/stable/26557890>

⁴ Haradhan Kumar Mohajan, History of Rakhine State and the Origin of the Rohingya Muslims, <https://doi.org/10.22146/ikat.v2i1.37391>

Hindu stone sculptures in Gupta style during his 1924 expedition. Arakan's historical significance is further highlighted by visits from renowned Chinese pilgrims such as Fa-Hien (405–411 CE) and Hiuen Tsang (630 BCE), who chronicled their journeys through the Indian subcontinent during pivotal cultural epochs. These layered historical narratives underscore Arakan's role as a confluence of civilizations, religions, and ethnicities over millennia. Myanmar, officially recognizing 135 ethnic groups, notably excludes the Rohingya Muslims (Al Jazeera, 2017). Formerly known as Burma under the 1947 Constitution, the country was renamed Myanmar by the military junta in 1989 (Ullah, 2011). Scholars debate the origins of "Burma"—some link it to *Brahma Desha*, while others trace it to "Bamar," the vernacular name of the majority ethnic group. "Myanmar," derived from the literary form, is seen by some as politically neutral, though others associate it with authoritarian rule. Officially titled "The Republic of the Union of Myanmar", the nation's Rakhine State among its poorest—spans 14,200 square miles (Islam, 1999), where approximately 59.7% are Buddhists, 35.6% are Rohingya Muslims, and the rest belong to other faiths. The Rohingya Muslims are a heterogeneous group, descending from diverse ethnicities including Arabs, Mughals, and Bengalis. Muslims constitute roughly 15% of Myanmar's 7 million-strong population, with half residing in Rakhine State. Buddhist nationalism, galvanized during British colonial rule, fostered a strong Burmese cultural identity and was notably shaped by Japanese fascist influences during World War II¹. The Rohingya crisis transcends religious discord, encompassing deep-seated economic and political grievance. Myanmar's Buddhist majority perceives the Rohingya as economically advantaged, fueling entrenched Islamophobia in Rakhine. Geopolitically, Myanmar's proximity to Muslim-majority nations such as Bangladesh, Malaysia, and Indonesia further complicates intercommunal tensions.

The origins of Arakan's earliest inhabitants remain largely undocumented, though some historians suggest the Rakhine have lived there since 3000 BC (Ibrahim, 2016). Indigenous groups such as the Mru, Kumi, Sak, and Chin also trace their roots to this ancient period. Archaeological evidence indicates that prior to the 8th century, Arakan was part of Hindu dynasties, notably the Kingdom of Dhanavati, whose royal lineage is chronicled back to 2666 BC. Renowned Chinese pilgrims Fa-Hien (405–411 CE) and Hiuen Tsang (630 CE) documented the region during their travels. Historian M.S. Collis noted the ancient city of Dhannavati, marked by Gupta-style Hindu sculptures dating to the 5th century AD, underscoring Arakan's profound Hindu cultural heritage². The Rohingya, an ethnic Muslim minority native to Myanmar's Rakhine State, have endured profound cultural discrimination, economic exploitation, and political marginalization by the Government of Myanmar. Their origins remain contested, with some claiming they are illegal immigrants from Bangladesh, while others affirm their centuries-old presence as descendants of early Muslim converts on Ramree Island. Historical records confirm a longstanding Muslim community in Arakan. Sectarian violence, concentrated in northern Rakhine, has escalated into ethnic cleansing and genocide in recent years. The humanitarian crisis has compelled massive aid efforts, including substantial UK funding and extensive relief operations in Bangladesh (UNOCHA, 2018). Rooted in colonial legacies and denial of their identity by Myanmar, the

Rohingya are recognized by the United Nations as one of the world's most vulnerable and persecuted minorities.

Arakan was annexed by British India in 1826, with full control solidified by 1885 following the Anglo-Burmese conflicts. British military actions culminated in the surrender and exile of the Burmese king in 1885, marking the formal end of the Burmese monarchy (N M Habibullah, 1995). At the dawn of British rule, Arakan's population was sparse, with Maghs, Muslims, and Burmese comprising roughly 60,000, 30,000, and 10,000 respectively. During 1784–1824, many Arakanese Muslims had migrated to Chittagong but returned when relative peace was restored, although Bangladeshis remained reluctant due to Arakan's reputation as a "lawless" region³. The Burma Round Table Conference (1931–1932) convened representatives from diverse communities but notably excluded Rohingya delegates, as they were classified under the Indian community. In protest, the Burma Moslem Society petitioned the Indian Government in 1934 against this exclusion, highlighting the Rohingya's political marginalization. In December 1934, the Burma Moslem Society (BMS) sent a memorandum to Sir Samuel Hoare, then Secretary of State for India, asserting the distinct identity and historic rights of Burmese Muslims, their loyalty to the British Crown, and their persecution by Burmese Buddhists. In 1936, the General Council of Burma Moslem Associations (GCBMA) was established in Pinyinmana to further represent Muslim interests. Following Burma's separation from British India in 1937, the nationalist Thakin movement seized control, fueling renewed anti-Muslim unrest in Rangoon by 1938. Thakin leader Aung San secretly engaged with Arakanese Magh leaders, outlining his vision for Burmese independence and plans concerning the Rohingya community. As World War II erupted, Burma's Governor declared independence, while Aung San and his comrades clandestinely allied with Japan to form the Burma Independence Army, returning with Japanese forces in 1941 to challenge colonial rule.

At the onset of World War II, Japan declared war on Britain on December 8, 1941, and subsequently bombed Akyab in March 1942, resulting in casualties among British, Rajput, Gorkha, and Karen soldiers. Though Arakan's communities of Magh Buddhists and Muslims had coexisted peacefully for centuries, British colonial "divide and rule" policies sowed deep-seated animosities. Some historians argue the 1942 massacre was a calculated, premeditated assault rather than spontaneous communal violence⁴. The Magh Buddhists, bolstered by arms from Japanese soldiers, disarmed Karens, and abandoned British weapons, allied with the nationalist Thakins who controlled police arsenals. With a fragmented Muslim community lacking central leadership or arms, the Maghs viewed Muslims as a dire threat to Buddhism and prepared aggressively to attack. Following British withdrawal, Magh Buddhists looted Hindu and Muslim properties, prompting mass Muslim, including Rohingya, exodus as Japanese forces intensified their offensive. The Burma Independence Army further ravaged Muslim villages on March 28, 1942, cementing the tragic episode of violence and displacement.

In 1942, the Kyaukpri and Akyab districts suffered brutal massacres as armed Magh Buddhists and Thakin forces violently targeted defenseless Muslim communities, including Rohingyas. Despite their lack of weapons, Muslims resisted fiercely but thousands of innocent men, women, and children were mercilessly slaughtered. Rohingya women faced horri-

¹ Lydia González Villa, The Rohingya Genocide: The internationally neglected people of the Rakhine

State, <https://repositorio.comillas.edu/rest/bitstreams/243179/retrieve>

² Haradhan Kumar Mohajan, History of Rakhine State and the Origin of the Rohingya Muslims, file:///Users/mac/Downloads/37391-95980-3-PB%20(1).pdf

³ Grishma Ghelani, Decolonization, Democracy and Displacement: Consequences of British Rule in Burma and the Repercussion on the Rohingya, <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1022&context=chronos>

⁴ Michael Arthur Aung-Thwin, Maung Htin Aung, The British in Burma, 1885–1948 in history of Myanmar, <https://www.britannica.com/topic/history-of-Myanmar/The-British-in-Burma-1885-1948>

ic sexual violence before being killed. Many fled to rivers and forests; however, those escaping by swimming were often shot, turning the Lemro River crimson with blood. The attackers looted valuables and devastated 376 villages, forcing over 80,000 Rohingyas to flee to India (now Bangladesh). After World War II, Rohingyas sought recognition and regional autonomy from the British, but were excluded from the 1947 Panglong Conference, which unified other ethnic groups under Burmese central control. Represented by a Magh Buddhist, Arakan demanded Rohingya exclusion¹. In response, Rohingya leaders appealed to Pakistan's founder, Mohammad Ali Jinnah, seeking political support and autonomy amid mounting ethnic tensions. U Aung Zan Wai assured Mohammad Ali Jinnah of safeguarding Arakanese Muslims' constitutional rights, with Jinnah offering his support. However, on May 20, 1946, U Razak cautioned the Muslim community against backing the Pakistan movement, urging unity within Burma without hindering national progress. The 1947 Burmese elections deliberately excluded Rohingya-majority areas, fueling unrest². Extremist groups seized control across Arakan, and in December 1947, Jafar Kawal founded the Mujahid Party demanding a Muslim autonomous region in northern Arakan. Shortly before independence, nationalist leader Aung San and his cabinet, including Muslim representative U Rashid, were assassinated, paving the way for Thakin Nu's leadership and British approval in October 1947.

The military junta's rise in 1962 intensified the marginalization of the Rohingya, restricting their documentation and citizenship rights. By 1974, new policies limited their access to employment and education, issuing only Foreign Registration Cards, unrecognized by schools and employers³. The notorious "King Dragon Operation" in 1978 forced over 300,000 Rohingya to flee to Bangladesh. In 1982, Myanmar's citizenship law rendered the Rohingya stateless, a condition persisting today amid official denial of their ethnicity. Following the 1988 coup, the SLORC regime brutally suppressed pro-democracy protests, targeting Rohingya communities by seizing businesses and committing widespread human rights abuses, including killings and sexual violence. The 1990 election excluded Rohingya parties, escalating tensions and mass displacement in 1992. Despite UN criticism and repatriation efforts, systemic discrimination and repression against the Rohingya continue under Myanmar's government. From June 2012 to October 2016, systematic violence targeted Rohingya Muslims in Myanmar, aiming to forcibly remove them through ethnic cleansing. On October 9, 2016, Rohingya militants ambushed Border Guard Police, killing nine officers and seizing weapons, prompting severe military retaliation. Security forces responded with helicopter attacks, killing many Rohingyas and destroying 1,500 homes, forcing around 90,000 to flee to Bangladesh. The Arakan Rohingya Salvation Army (ARSA) emerged to defend Rohingya rights, escalating conflict by attacking police in August 2017. This sparked widespread massacres, resulting in over 620,000 Rohingya refugees fleeing to Bangladesh by early 2018 amid village burnings, looting, and mass rapes.

The Rohingya, a Muslim minority in Myanmar's Rakhine State, trace their presence to the 18th century, though significant migration occurred under British colonial rule (1824–1948) from British India. Despite Britain's wartime promises of autonomy for their support in WWII, post-independ-

ence Myanmar denied the Rohingya recognition and rights. The 1982 Citizenship Law rendered them stateless, fueling systemic discrimination. A Buddhist-majority nation (90%), Myanmar has witnessed episodes of violent persecution, including massacres in 1942 and recent military-led ethnic cleansing. The state's Buddhist identity, deeply tied to Theravāda traditions, intensifies the marginalization of the Rohingya, whose plight remains a pressing humanitarian crisis⁴. Christianity, Myanmar's second-largest religion per the 2016 census (6.3%), dates back to early 18th-century missionary activity. Portuguese missionaries arrived in the 17th century, with Catholic presence expanding by 1862 to include a bishop, seminaries, schools, and 4,500 adherents—growing to 121,000 by 1993. Protestantism began with American Baptist Adoniram Judson in the early 19th century; despite initial resistance, Protestant converts reached 10,000 by 1851. Today, about 80% of Myanmar's Christians are Protestants, particularly Baptists under the Myanmar Baptist Convention, while Roman Catholics form the minority. Ethnic groups like the Kachin, Chin, and Kayin played key roles in spreading the faith.

Christianity in Myanmar grew mainly among the Karen ethnic group in the highlands, reaching 257,000 by 2021, with 69% being Karens. Protestant missions faced resistance post-1914 as Buddhism became more nationalistic. Under Japanese occupation (1942–45), missionaries fled but returned before independence in 1947. Catholic leadership shifted to local hands by 1959. Hinduism, present since ancient times via India and seafaring trade, deeply influenced Burmese court culture and language. British colonial rule brought over a million Indian Hindu laborers. After the 1962 military coup, political shifts led to the expulsion of many Indians and Chinese, altering Myanmar's ethnic-religious landscape significantly⁵. The history of Rakhine (formerly Arakan) reflects a legacy of territorial conflict, colonial disruption, and deep-rooted ethnic tensions. During British rule, laborers from India and Bengal (now Bangladesh) were brought to Myanmar, altering the region's demographic balance. Although Rohingya Muslims contributed to Myanmar's society for centuries, they were later marginalized—denied citizenship, censuses, and basic rights—especially under General Ne Win's regime, which launched brutal crackdowns like Operation Dragon King. Decades of state propaganda fueled public perception of Rohingyas as foreigners, triggering repeated refugee crises. Despite their historical presence, Rohingyas remain stateless in a land they have long called home.

The 1982 Myanmar Citizenship Law institutionalized the exclusion of Rohingya Muslims, denying them nationality and basic rights by limiting citizenship to groups present before the 1824 British conquest. Categorized as non-indigenous, Rohingyas were stripped of voting rights, education, civil service access, and freedom of movement, rendering them stateless. Subsequent political unrest, including the 8888 Uprising and the 1990 elections, failed to improve their status. Instead, military persecution intensified, prompting mass Rohingya displacement. Despite partial repatriation between 1992 and 1997, they remained marginalized without rights or compensation. International figures likened their treatment to apartheid, highlighting enduring systemic discrimination. The 2008 Myanmar Constitution, following the 1982 Citizenship Act, continued the systematic exclusion of the Rohingya, denying them nationality by defining citizenship based on ancestry predating the 1824 British conquest. While 135 rec-

¹ Engy Abdelkader, The history of the persecution of Myanmar's Rohingya, <https://theconversation.com/the-history-of-the-persecution-of-myanmar-rohingya-84040>

² Mowsum Bhattacharjee, Statelessness of an ethnic minority: the case of Rohingya, <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1144493>

³ Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>

⁴ Nikita Gehlot, Law and Statelessness: A Case Study of the Rohingya Muslims of Myanmar, https://ijbs.online/?page_id=2800

⁵ Ronan Lee, MYANMAR'S CITIZENSHIP LAW AS STATE CRIME: A CASE FOR THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT, <https://www.jstor.org/stable/10.13169/statecrime.8.2.0241>

ognized ethnic groups were granted full rights, the Rohingya were labeled as non-indigenous and stripped of basic civil liberties¹. Restricted in movement, education, and employment, they were subjected to apartheid-like conditions. Despite democratic hopes in the 1988 uprising and Aung San Suu Kyi's 1990 electoral victory, military rule persisted, intensifying Rohingya persecution. Waves of violence led over 250,000 Rohingyas to flee Myanmar. Though partial repatriation occurred between 1992–1997, it offered no lasting rights. In 2005, a Rohingya MP's arrest underscored the regime's hostility. Their decades-long struggle for recognition and justice continues amid systemic oppression.

The Rohingya Muslims, indigenous to Myanmar's Arakan region since the 8th century, have faced decades of systemic persecution, including loss of citizenship, voting rights, education, and healthcare. Tensions escalated in 2012 after communal riots, followed by the 2017 military "Clearance Operation," which led to mass killings, rapes, and forced displacement of over a million Rohingya to Bangladesh². Despite historical and archaeological evidence affirming their deep-rooted presence, Myanmar denies their identity, leaving many stateless. Refugees now reside in camps like Kutupalong, posing social and economic challenges for Bangladesh. The Rohingya crisis remains one of the world's most protracted human rights tragedies.

Following Bangladesh's independence, it first hosted 300,000 Rohingya refugees in 1978 amid Myanmar's "King Dragon Operation." The 1982 Citizenship Law rendered Rohingyas stateless, denying them education, healthcare, and voting rights. Their plight worsened after the 2017 military crackdown, triggered by ARSA attacks, which led to mass killings and the forced displacement of hundreds of thousands to Bangladesh, deepening an already dire humanitarian crisis³. The suffering endured by the Rohingya people represents one of the most profound and distressing humanitarian catastrophes of the modern era, deeply entrenched not merely in overt military brutality but in a protracted and deliberate legacy of political disenfranchisement. The systematic exclusion and marginalization of the Rohingya within Myanmar expose a perilous convergence of ethno-nationalist dogmas, militarized authoritarianism, and the strategic exploitation of identity politics as instruments of statecraft. This crisis is far from a spontaneous outbreak of violence; rather, it is the tragic culmination of decades marked by institutionalized oppression, the legal obliteration of Rohingya rights, and orchestrated campaigns of state violence—calculated efforts aimed at reshaping the nation's identity along rigid, exclusionary parameters.

In the conclusion, while military offensives constitute the most visible and brutal manifestation of this crisis, they merely represent the apex of deeper, long-term political machinations—rooted in the systematic denial of citizenship, severe restrictions on freedom of movement, and sustained social ostracism. Consequently, this crisis compels the international community to fundamentally reconsider prevailing frameworks for interpreting humanitarian emergencies not as abrupt explosions of conflict, but as the inevitable outcomes of insidious, protracted political stratagems. To engage with such crises effectively, global humanitarian efforts must transcend the immediate scenes of violence and extend their

¹ Carmen Romero Garrido, THE STATE-SPONSORED GENOCIDE OF THE ROHINGYA COMMUNITY FROM A CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE, file:///Users/mac/Downloads/ana_mar_tin,+CJIR+24+04. pdf

² Erin Blakemore, Who are the Rohingya people?, <https://www.nationalgeographic.com/culture/article/rohingya-people>

³ Melissa Crouch, States of Legal Denial: How the State in Myanmar Uses Law to Exclude the Rohingya, <http://dx.doi.org/10.1080/00472336.2019.1691250>

scrutiny to the corridors of power—government offices, legislative chambers, and the historical narratives that legitimize and perpetuate persecution.

The Rohingya's plight is more than a heartrending tragedy; it stands as a sobering admonition. It underscores that the roots of mass atrocities are often sown quietly within the slow, methodical processes of exclusion long before the world is awakened to their devastating consequences. Only by confronting and dismantling these political foundations can humanity aspire to break the cycle and forestall the recurrence of such dark chapters in history.

Литература

1. Md. Firoz Hasnat and Faisal Ahmed, The History of the Rohingya Crisis: Origin and Uprising, <https://doi.org/10.34104/bjah.02301920208>
2. Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>
3. U MYO WIN AND JOSÉ MARÍA ARRAIZA, CITIZENSHIP ADVOCACY IN MYANMAR – WHAT IS THE WAY FORWARD AFTER THE COUP, file:///Users/mac/Downloads/495-Article%20Text-1583–1–10–20230810. pdf
4. Hapid Durohman, Fajar Andrian Sutisna, Muhamad Ridho, The Analysis of Pros and Cons Regarding the Arrival of Rohingya Refugees: Religious, Humanitarian, and Socio-Economic Implication, <https://doi.org/10.33086/jic.v5i2.5788>
5. Md Fazlur kader, Anwar Hossain Chowdhury, Historical Background Of The Rohingya Refugee Crisis And The Implication Of Their Statelessness, <http://dx.doi.org/10.36923/ijsser.v1i1.23>
6. Md Jobair Alam, The Rohingya Minority of Myanmar, <https://www.jstor.org/stable/26557890>.
7. Haradhan Kumar Mohajan, History of Rakhine State and the Origin of the Rohingya Muslims, <https://doi.org/10.22146/ikat.v2i1.37391>.
8. Lydia González Villa, The Rohingya Genocide: The internationally neglected people of the Rakhine, State, <https://repositorio.comillas.edu/rest/bitstreams/243179/retrieve>.
9. Md MOSTAFA Faisal, The Rohingya Refugee Crisis of Myanmar: A History of Persecution and Human Rights Violation, <https://doi.org/10.46291/IJOSPERvol7is-s3pp743-761>
10. Grishma Ghelani, Decolonization, Democracy and Displacement: Consequences of British Rule in Burma and the Repercussion on the Rohingya, <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1022&context=chronos>.
11. Michael Arthur Aung-Thwin, Maung Htin Aung, The British in Burma, 1885–1948 in history of Myanmar, <https://www.britannica.com/topic/history-of-Myanmar/The-British-in-Burma-1885-1948>.
12. Engy Abdelkader, The history of the persecution of Myanmar's Rohingya, <https://theconversation.com/the-history-of-the-persecution-of-myanmars-rohingya-84040>.
13. Mowsume Bhattacharjee, Statelessness of an ethnic minority: the case of Rohingya, <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1144493>.
14. Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>

15. Irene Rusconi, The Rohingya Crisis In Myanmar: Analysing The Use Of Citizenship Status As Lawfare, <https://tdhj.org/blog/post/rohingya-myanmar-lawfare/>
16. Nikita Gehlot, Law and Statelessness: A Case Study of the Rohingya Muslims of Myanmar, https://ijbs.online/?page_id=2800.
17. Ronan Lee, MYANMAR'S CITIZENSHIP LAW AS STATE CRIME: A CASE FOR THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT, <https://www.jstor.org/stable/10.13169/statecrime.8.2.0241>.
18. Carmen Romero Garrido, THE STATE-SPONSORED GENOCIDE OF THE ROHINGYA COMMUNITY FROM A CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE, file:///Users/mac/Downloads/ana_martin,+CJIR+24+04.pdf
19. Melissa Crouch, States of Legal Denial: How the State in Myanmar Uses Law to Exclude the Rohingya, <http://dx.doi.org/10.1080/00472336.2019.1691250>
20. Erin Blakemore, Who are the Rohingya people, <https://www.nationalgeographic.com/culture/article/rohingya-people>

ROOTS OF STATELESSNESS: MYANMAR'S MILITARY AGGRESSION AND THE POLITICAL ORIGINS OF THE ROHINGYA IN THE HISTORY OF HUMANITARIAN CRISIS

Rajib Naimul Islam

Peoples' Friendship University of Russia

This study examines the Rohingya refugee crisis, a profound humanitarian disaster stemming from Myanmar's systemic exclusion of the Rohingya Muslim minority. The research problem focuses on how historical marginalization, intensified by the 1982 Citizenship Law and subsequent policies, has rendered the Rohingya stateless, fuelling ethnic persecution and mass displacement. The objectives are to investigate the roots of their marginalization, assess the impact of statelessness on their rights, and evaluate international responses to the crisis. A mixed-methods approach was utilized, combining historical analysis of colonial and post-independence policies, archival records, and surveys conducted in Cox's Bazar, Bangladesh, with 300 respondents to understand local support for Rohingya refugees. Key findings reveal that Myanmar's denial of Rohingya identity, rooted in colonial legacies and ethno-nationalist policies, has led to decades of discrimination, ethnic cleansing, and the displacement of over one million Rohingya to Bangladesh since 2017. Local communities in Cox's Bazar, sharing cultural and religious ties, provided significant initial support, such as shelter and food. The study concludes that addressing the crisis requires global action to challenge Myanmar's exclusionary policies, restore Rohingya citizenship, and support host countries like Bangladesh. International frameworks must prioritize long-term solutions tackling the political roots of persecution to prevent further atrocities and promote justice for stateless populations.

Keywords: Rohingya, Humanitarian, Stateless, Genocide, Nationalism, Violence.

References

1. Md. Firoz Hasnat and Faisal Ahmed, The History of the Rohingya Crisis: Origin and Uprising, <https://doi.org/10.34104/bjah.02301920208>
2. Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>
3. U MYO WIN AND JOSÉ MARÍA ARRAIZA, CITIZENSHIP ADVOCACY IN MYANMAR – WHAT IS THE WAY FORWARD AFTER THE COUP, <file:///Users/mac/Downloads/495-Article%20Text-1583-1-10-20230810.pdf>
4. Hapid Durohman, Fajar Andrian Sutisna, Muhamad Ridho, The Analysis of Pros and Cons Regarding the Arrival of Rohingya Refugees: Religious, Humanitarian, and Socio-Economic Implication, <https://doi.org/10.33086/jic.v5i2.5788>
5. Md Fazlur kader, Anwar Hossain Chowdhury, Historical Background Of The Rohingya Refugee Crisis And The Implication Of Their Statelessness, <http://dx.doi.org/10.36923/ijsser.v1i1.23>
6. Md Jobair Alam, The Rohingya Minority of Myanmar, <https://www.jstor.org/stable/26557890>.
7. Haradhan Kumar Mohajan, History of Rakhine State and the Origin of the Rohingya Muslims, <https://doi.org/10.22146/ikat.v2i1.37391>.
8. Lydia González Villa, The Rohingya Genocide: The internationally neglected people of the Rakhine, State, <https://repositorio.comillas.edu/rest/bitstreams/243179/retrieve>.
9. Md MOSTAFA Faisal, The Rohingya Refugee Crisis of Myanmar: A History of Persecution and Human Rights Violation, <https://doi.org/10.46291/IJOSPERvol7iss3pp743-761>
10. Grishma Ghelani, Decolonization, Democracy and Displacement: Consequences of British Rule in Burma and the Repercussion on the Rohingya, <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1022&context=chronos>.
11. Michael Arthur Aung-Thwin, Maung Htin Aung, The British in Burma, 1885–1948 in history of Myanmar, <https://www.britannica.com/topic/history-of-Myanmar/The-British-in-Burma-1885-1948>.
12. Engy Abdelkader, The history of the persecution of Myanmar's Rohingya, <https://theconversation.com/the-history-of-the-persecution-of-myanmars-rohingya-84040>.
13. Mowsume Bhattacharjee, Statelessness of an ethnic minority: the case of Rohingya, <https://doi.org/10.3389/fpos.2024.1144493>.
14. Elizabeth L. Rhoads, Citizenship denied, deferred and assumed: a legal history of racialized citizenship in Myanmar, <https://doi.org/10.1080/13621025.2022.2137468>
15. Irene Rusconi, The Rohingya Crisis In Myanmar: Analysing The Use Of Citizenship Status As Lawfare, <https://tdhj.org/blog/post/rohingya-myanmar-lawfare/>
16. Nikita Gehlot, Law and Statelessness: A Case Study of the Rohingya Muslims of Myanmar, https://ijbs.online/?page_id=2800.
17. Ronan Lee, MYANMAR'S CITIZENSHIP LAW AS STATE CRIME: A CASE FOR THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT, <https://www.jstor.org/stable/10.13169/statecrime.8.2.0241>.
18. Carmen Romero Garrido, THE STATE-SPONSORED GENOCIDE OF THE ROHINGYA COMMUNITY FROM A CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE, file:///Users/mac/Downloads/ana_martin,+CJIR+24+04.pdf
19. Melissa Crouch, States of Legal Denial: How the State in Myanmar Uses Law to Exclude the Rohingya, <http://dx.doi.org/10.1080/00472336.2019.1691250>
20. Erin Blakemore, Who are the Rohingya people, <https://www.nationalgeographic.com/culture/article/rohingya-people>

Исследование культурных лакун и стратегий межкультурной коммуникации в русском переводе романа Юй Хуа «Жить»

Тао Цзяци,

аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2814660820@qq.com

Ван Цзюань,

преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 229221727@qq.com

Статья посвящена исследованию культурных лакун и стратегий межкультурной коммуникации в процессе перевода на русский язык романа Юй Хуа «Жить». Анализируются лексические, поведенческие и концептуальные лакуны, возникающие при передаче китайского культурного содержания русскоязычному читателю. Особое внимание уделяется стратегиям фореизации и доместикации, а также методам культурной компенсации примечаниям и реконструкции контекста. Автор показывает, что успешный литературный перевод невозможен без гибкого сочетания переводческих приёмов, учитывающих специфику культурных различий. Работа подчёркивает значимость межкультурной компетенции переводчика и раскрывает перевод как форму культурного посредничества. Исследование способствует не только теоретическому осмыслению проблемы культурных лакун, но и расширяет возможности практики художественного перевода китайской литературы на русский язык.

Ключевые слова: культурная лакуна, межкультурная коммуникация, художественный перевод, фореизация, доместикация, китайская литература.

Введение

Изучение культурных лакун и стратегий межкультурной коммуникации является важной темой в переводоведении. Рассмотрение проблем русского перевода романа Юй Хуа «Жить» имеет глубокий исторический контекст. В условиях ускоряющейся глобализации и всё более частых культурных обменов литературные произведения как ключевые носители культуры играют значительную роль в содействии культурному обмену и углублении взаимопонимания в процессе их переводческой трансляции[1]. Творчество Юй Хуа привлекает международное внимание, а его роман «Жить», содержащий богатое китайское культурное наследие, при переводе на русский язык неизбежно сталкивается с проблемой культурных лакун. Культурная лакуна обозначает элемент или концепт, присущий одной культуре и отсутствующий в другой, что создаёт трудности для перевода и требует от переводчика поиска адекватных решений для обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. В настоящее время интерес к китайской культуре в международном сообществе растёт, а вместе с ним и спрос на перевод китайской литературы. Роман «Жить» с его глубокой тематикой, живым повествованием и уникальным культурным колоритом становится важным окном для демонстрации китайской культуры. Исследование проблем его русского перевода способствует повышению качества перевода, предоставляет ориентиры для распространения китайской литературы за рубежом и содействует международной трансляции китайской культуры.

Настоящее исследование, посвящённое культурным лакунам и стратегиям межкультурной коммуникации в русском переводе романа «Жить», имеет большую значимость. На уровне культурного обмена литературный перевод является мостом межкультурной коммуникации. Между Китаем и Россией существуют значительные различия в культурных традициях, что затрудняет понимание китайских литературных текстов российскими читателями[2]. Изучение культурных лакун в русском переводе романа «Жить» позволяет более чётко осознать особенности и различия китайской и русской культур, способствуя их взаимопониманию и интеграции. С точки зрения развития теории перевода, культурные лакуны являются одной из сложных проблем переводоведения. Систематические исследования, посвящённые русскому переводу романа «Жить», пока недостаточны, и данная работа призвана обогатить теорию русского перевода. Изучение стратегий для преодоления культурных лакун может предоставить теоретическую основу для переводческой практики и способствовать развитию отрасли. На уровне продвижения литературы, «Жить» является классикой современной китайской литературы. Его успешный перевод на русский язык и эффективное распространение позволяют российским читателям познакомиться с очарованием китайской литературы, ощутить глубину китайской культуры и повысить международное влияние китайской литературы. Данное исследование предоставляет ориентиры для выхода китайской литературы на мировую арену, способствует распространению выдающихся произведений в русскоязычном простран-

стве и укрепляет признание китайской культуры и ценностей в международном сообществе. Таким образом, настоящее исследование имеет важное значение для содействия китайско-российскому культурному обмену, совершенствования теории перевода и продвижения интернационализации китайской литературы.

Определение и классификация культурных лакун

Культурная лакуна, известная также как культурный пробел или культурный вакуум, это явление в процессе межкультурной коммуникации или перевода, при котором из-за различий между исходной и целевой культурами определённый культурный феномен, понятие, обычай или референтный объект не имеет соответствующего или полностью эквивалентного выражения в целевой культуре [3]. Это несоответствие создаёт потенциальные барьеры для передачи информации и культурного понимания, являясь одной из ключевых проблем, с которыми приходится сталкиваться и которые необходимо решать в переводе, особенно в области художественного перевода. Однако культурные лакуны порождают не только такие характеристики, как «непонятность», «непривычность», «незнакомость»/«чуждость», «ошибочность», но иногда сопровождаются и «неопределённостью» [4].

Для более систематического анализа и решения проблемы культурных лакун учёные предлагают различные классификации. С учётом переводческой практики и объекта данного исследования литературного произведения «Жить» и его русского перевода культурные лакуны можно рассматривать с нескольких ракурсов. В российских научных кругах исследования творчества Юй Хуа уже приобрели многоаспектный и комплексный характер [5]. Заимствуя этот многомерный подход и опираясь на конкретный языковой материал данного исследования, мы будем рассматривать и классифицировать культурные лакуны по следующим трём основным уровням:

1) Лексические культурные лакуны: Этот тип лакун проявляется в основном на уровне слов, понятий и выражений. Лексическая лакуна возникает, когда для определённого предмета, института, абстрактного понятия или уникального выражения, существующего в исходной культуре, в лексической системе целевого языка не находится готового, полностью совпадающего по коннотации и денотации эквивалента. Сюда относятся специфические культурно-маркированные слова (например, названия конкретных блюд, предметов, исторических событий) и денотативные лакуны для некоторых концептуальных слов.

2) Культурные лакуны на уровне обычаев: Этот тип лакун затрагивает более широкий спектр культурных практик, поведенческих норм и моделей социального взаимодействия. Лакуна на уровне обычаев формируется, когда традиционный обычай, образ жизни, социальный этикет, распространённый в исходной культуре, не имеет аналога или сопоставимой практики в целевой культуре, либо его культурное значение и социальная функция кардинально отличаются. Сюда относятся лакуны, связанные с традиционными праздничными обычаями, нормами социального этикета, а также другими обычаями, например, погребальными.

3) Концептуальные культурные лакуны / Лакун на уровне мировоззрения: Этот тип лакун затрагивает более глубокие культурные различия, а именно расхождения в ключевых ценностях, образе мышления, социальной психологии, жизненной философии и базовом восприятии мира. Когда определённая концепция, отражённая в исходном тексте (например, взгляды на судьбу,

семью, жизнь и смерть, межличностные отношения, социальную этику), не имеет полностью соответствующей идейной системы или ценностной ориентации в целевой культуре, возникает концептуальная или мировоззренческая лакуна. Такие лакуны часто влияют на глубокое понимание мотивации персонажей, логики их поступков и основной темы произведения.

Проявления культурных лакун в русском переводе романа «Жить»

Лексические культурные лакуны

Лакуны в специфической культурно-маркированной лексике являются важной проблемой в русском переводе, что особенно заметно при переводе таких произведений, как «Жить», которые пропитаны глубоким культурным наследием Китая. Специфическая культурно-маркированная лексика это слова, уникальные для определённой культуры и несущие в себе её ценности, исторические традиции, социальные обычаи и другую информацию. Для таких слов часто трудно найти прямой эквивалент в русской культуре.

Названия блюд: например, «цзяоцзы» (饺子, jiǎozi). В русском языке есть слово «пельмени», которые схожи по форме, однако их культурные коннотации символ праздника и семейного единения в китайской культуре в противовес повседневной пище в русской значительно отличаются. Прямая замена приведёт к потере культурного смысла. Переводчик может использовать транскрипцию с примечанием (цзяоцзы – китайские варёные пирожки...), описательный перевод (китайские пельмени) или культурную адаптацию, но ни один из этих способов не может полностью передать их культурную значимость.

Названия предметов/мест: например, «цытан» (祠堂, cí táng). Это место для поклонения табличкам предков и проведения родовых церемоний, несущее в себе идею родовой идентичности и этических норм. В русском языке прямого эквивалента нет. Возможен перевод как «родовой храм» или «зал предков», но это всё равно не отражает его глубокого значения в социальной структуре Китая. Другой пример «кан» (炕, kàng), особая кровать-лежанка с подогревом на севере Китая, для которой в русском языке нет полного аналога [6].

Слова, обозначающие действия: например, «кэтоу» (磕头, kētóu). Это поза, выражающая крайнее уважение, благодарность, раскаяние или мольбу. В русской культуре способы выражения уважения иные, и отсутствует полностью эквивалентный светский ритуал. Описательный перевод (упасть на колени и коснуться лбом земли) оказывается слишком громоздким.

Названия временных отрезков/праздников: например, «гонянь» (过年, guònián), что означает празднование китайского Нового года по лунному календарю. Русское «Новый год» относится к празднику по григорианскому календарю, и его обычаи кардинально отличаются. Простой перевод как «Новый год» приведёт к серьёзной потере культурной информации. Необходимо переводить как «китайский Новый год» или «Праздник Весны» и, возможно, добавлять пояснения.

Исторические/социальные термины: например, «земельная реформа», «Большой скачок», «Культурная революция», «народная коммуна». Эти термины обозначают конкретные исторические периоды или социальные институты Китая. Их конкретное содержание и контекст незнакомы русскоязычному читателю, не знакомому с современной историей Китая, что создаёт денотативные лакуны на лексическом уровне.

Такие лакуны могут создавать препятствия для русскоязычного читателя при понимании произведения. Их обработка требует от переводчика понимания культурных коннотаций оригинала и применения соответствующих стратегий (таких как примечания, описательный перевод) для передачи информации, однако полностью заполнить лакуну непросто.

Культурные лакуны на уровне обычаев

Традиционные праздничные и погребальные обычаи создают значительные культурные лакуны при переводе «Жить» на русский. Обычаи Праздника Весны (наклеивание парных надписей «чуньянь», взрывание хлопушек для изгнания зла, семейный ужин, красные конверты с деньгами детям) и Цинмина, несущие смысл обновления, семейного единства и почитания предков, радикально отличаются от русских новогодних традиций. Простое отождествление искажает смысл. Погребальные ритуалы (ношение траурной одежды, сжигание ритуальных денег для обеспечения умершего, устройство траурного зала, ритуальный плач, захоронение в земле как путь к упокоению) отражают уникальные китайские представления о смерти и скорби, не имеющие прямых аналогов. Прямой перевод таких реалий без объяснения их глубокого культурного и символического значения (например, цель сжигания денег) будет непонятен русскому читателю.

Лакуны в области социального этикета особенно сложны. Иерархическая китайская система обращений к родственникам и в обществе («*爹爹*» /diē/, «*娘*» /niáng/, сложные различия между «*叔伯*» и «*婶姨*») отражает этические отношения, деревенский колорит и уважение. Русские эквиваленты («отец/папа», «мать/мама», обобщённые «дядя», «тётя») не передают эту тонкость и исторический контекст, упрощая социальные сети. Различия также проявляются в супружеских обращениях. Китайская культура подчёркивает скромность: вежливые формулы отказа от похвалы («*哪里哪里*» – «что вы, что вы») или подарка («*不成敬意*»). Их буквальный перевод («Где?») непонятен русскому читателю, привыкшему к более прямому принятию комплиментов («Спасибо») [7]. Переводчику приходится искать функциональные эквиваленты, рискуя потерей культурного колорита.

Преодоление лакун этикета и обычаев требует специальных стратегий перевода. Ключевая проблема передача косвенного выражения, характерного для китайской коммуникации (критика, отказ с учётом «сохранения лица»). Прямой русский эквивалент может исказить тон диалога или лишить его напряжения. Для всех типов лакун (праздники, похороны, этикет) переводчик вынужден прибегать к компенсаторным приёмам: 1) Развёрнутые сноски или примечания, объясняющие культурный контекст и символику обычая; 2) Поиск частичных культурных аналогов для осторожного сопоставления (например, объяснение новогоднего ужина через идею семейного единства, известную и в русской культуре); 3) Контекстуальная реконструкция добавлением поясняющих слов или фраз непосредственно в текст перевода для передачи подтекста или значения ритуала. Без таких мер лакуны препятствуют пониманию и мешают читателю ощутить подлинные культурные эмоции и смыслы оригинала.

Концептуальные культурные лакуны / Лакуны на уровне мировоззрения

Концептуальные или мировоззренческие лакуны являются ключевым препятствием для понимания глубокого смысла литературных произведений. Роман «Жить» не просто рассказывает историю, но и передаёт жизненную философию и ценности, сложившиеся в опре-

делённом культурном контексте, которые могут не иметь прямых аналогов или рамок для понимания в русской культуре.

Концепция судьбы: в традиционной китайской культуре понимание «судьбы» (命运, míngyùn) часто несёт в себе фаталистический оттенок. Считается, что личные невзгоды в значительной степени предопределены небесной волей или роком, и хотя они могут быть связаны с усилиями и добродетелью человека, они не полностью контролируемы. Фугуй переживает ряд невообразимых для обычного человека страданий и в конце концов спокойно принимает их. За таким отношением стоит китайская стойкость и смирение перед лицом переменчивой судьбы. Хотя «судьба» является ключевым понятием и в русском языке, её культурный фон (например, диалектика свободной воли и божественного предопределения под влиянием православной культуры или влияние западного рационализма) отличается от китайского фатализма. При переводе простое соответствие «судьба» может не передать сложного состояния безысходности, упорства и спокойного принятия, которое испытывает персонаж перед лицом судьбы.

Семейная этика и концепция «сяошунь» (孝顺): «Сяошунь» (xiàoshùn, сыновья почитательность) одна из ключевых этических норм традиционной китайской культуры, подчёркивающая уважение, послушание, заботу о родителях и старших, а также ответственность за продолжение рода. Это не только личная добродетель, но и важная основа поддержания социального порядка. Отношения между персонажами в «Жить», особенно отношение Фугуя к родителям и детям и его чувство долга, глубоко отражают эту концепцию. Хотя в русском языке есть выражение «сыновняя почитательность», его содержание далеко не так богато и императивно, как у «сяошунь», и в нём отсутствует акцент на «послушании» и абсолютной обязанности по уходу. При переводе трудно найти одно слово, которое бы полностью передавало сложные этические требования и социальные ожидания, заключённые в «сяошунь», что может затруднить русскоязычному читателю полное понимание глубинных культурных мотивов поведения персонажей.

Философский смысл понятия «жить»: само название романа «Жить» имеет несколько уровней смысла. Оно означает не только физическое выживание (быть живым), но и состояние жизни (жить). Особенно после перенесённых экстремальных страданий оно возвышается до уровня стойкой жизненной воли, уважения к самой жизни и почти инстинктивного стремления к её продолжению. Такое отношение «жить ради того, чтобы жить» и способ поиска смысла жизни в страданиях это уникальная жизненная философия, сформировавшаяся в специфическом историко-культурном контексте Китая. Хотя русский глагол «жить» широко используется, вопрос о том, может ли он нести всю философскую нагрузку, эмоциональную стойкость и культурный пласт, заключённые в китайском «活着» в контексте романа, является вызовом. Перевод должен передавать этот глубокий смысл через всё повествование, а не полагаться только на словесное соответствие.

Концепция «лица» (面子): «Лицо» (miànzi) играет важнейшую роль в китайском обществе, касаясь личной репутации, социального статуса и уважения со стороны других. Многие действия совершаются ради того, чтобы «заработать лицо» или «сохранить лицо». В «Жить» падение Фугуя из статуса богатого наследника в бедняки и потеря им «лица» являются важной психологической линией. Хотя в русском языке есть понятия «честь», «достоинство», «репутация», специфическое социальное свойство «лица», которое динамично создаётся

и поддерживается в межличностном взаимодействии, не имеет полного эквивалента в русской культуре. При переводе сюжетов и психологических состояний персонажей, связанных с «лицом», переводчику необходимо прибегать к культурному пересказу или реконструкции контекста, иначе русскоязычный читатель может не понять тонких мотивов поведения персонажей и скрытых социальных оценочных стандартов.

Концептуальные и мировоззренческие лакуны зачастую являются самыми сложными для преодоления, поскольку они затрагивают ядро культуры и глубинную логику мышления. Переводчик должен обладать глубоким пониманием обеих культур и, используя различные переводческие стратегии (включая описательный перевод, реконструкцию контекста и т.д.), стремиться преодолеть эти глубокие различия, чтобы помочь целевому читателю максимально приблизиться к духовному ядру оригинала.

Стратегии межкультурной коммуникации в русском переводе романа «Жить»

Выбор переводческих стратегий (форенизация и доместикация)

Стратегия форенизации в переводе романа «Жить» на русский фокусируется на сохранении китайского культурного своеобразия. Она проявляется в транслитерации имён (Фугуй, Цзячжэнь) и топонимов, передающих «китайский колорит». Для специфических реалий (如 «祠堂» – цитань, «炕» – кан) используется транскрипция с пояснениями в сносках или тексте (напр., «ципао» с пометой «традиционное платье»). Сохраняются оригинальные метафоры («худой как бамбуковая палка»), если их основной смысл понятен, хотя оценивается риск недопонимания. Осторожно сохраняются некоторые синтаксические особенности (короткие предложения) для передачи стиля, но без грубых нарушений русской грамматики. Эта стратегия важна для передачи уникальных культурных концептов (ценность семьи, стойкость), знакомя читателя с китайскими ценностями и способствуя культурному обмену. Однако избыточная форенизация может затруднить чтение, требуя меры и сочетания с пояснениями.

Стратегия доместикации направлена на адаптацию текста к русской культуре и языку для снижения барьеров восприятия. Ключевые приёмы включают замену идиом: китайские пословицы («祸不单行») заменяются русскими эквивалентами («Бедя не приходит одна»). Непонятные культурные образы или аллюзии заменяются знакомыми русскому читателю. Китайские единицы измерения («亩» – му, «斤» – цзинь) конвертируются в метрические (гектары, килограммы) для ясности. Сложная система китайских обращений к родне («爹», «娘», «叔伯婶姨») упрощается до общеупотребительных «отец/папа», «мать/мама», «дядя», «тётя» или имён. Синтаксис адаптируется: китайский паратаксис преобразуется в русский гипотаксис (сложные предложения с союзами), порядок слов и опущенные подлежащие приводятся в соответствие с русскими нормами. Цель доместикации – облегчить понимание и эмоциональное восприятие текста целевой аудиторией.

Оптимальный перевод требует баланса обеих стратегий. Форенизация сохраняет аутентичность, культурную специфику и экзотику, обогащая русскоязычного читателя и продвигая китайскую литературу. Доместикация же обеспечивает естественность, плавность чтения и лёгкость понимания, облегчая эмпатию. При переводе «Жить» умеренная форенизация (транслитерация, транскрипция с пояснениями, сохранение образов) по-

зволила передать китайский колорит, а разумная доместикация (замена идиом, конвертация единиц, адаптация синтаксиса и обращений) сделала текст доступным русскому читателю. Чрезмерное увлечение любой стратегией вредно: избыточная форенизация создает трудности, а чрезмерная доместикация стирает культурную уникальность и может исказить смысл оригинала. Переводчик должен гибко сочетать подходы, учитывая конкретный контекст и цель перевода.

Стратегии культурной компенсации (примечания и реконструкция контекста)

Стратегия примечаний является наиболее распространённым методом компенсации культурных лакун, особенно при сохранении оригинальных реалий методом форенизации. Когда в тексте встречаются специфические культурные элементы исторические события, термины, обычаи, аллюзии, которые могут быть непонятны читателю, переводчик добавляет пояснения в виде подстрочных или затекстовых примечаний либо вставок в скобках. Это помогает сохранить смысл оригинала и преодолеть культурные барьеры. В переводе романа «Жить» примечания полезны, например, для объяснения таких событий, как «Большой скачок» или «Культурная революция», а также для пояснения реалий («кан», «ципао», «суаньмин»), традиций (жертвоприношения, ритуалы, обращения) и культурных аллюзий (пословицы, афоризмы). При этом важно соблюдать баланс: чрезмерное количество примечаний может перегрузить текст и нарушить его целостность.

В отличие от примечаний, стратегия реконструкции контекста представляет собой интегрированный подход, при котором пояснение включается прямо в текст перевода. Она применяется, когда нужно сделать культурные реалии понятными без дополнительных вставок. Например, «он сидел на кане» может быть адаптировано как «он сидел на тёплой лежанке у печи». Подобные переформулировки позволяют передать значение реалии через контекст, не нарушая плавности текста. Также через контекст можно передать значение таких понятий, как «лицо», описывая реакцию героя на потерю репутации.

Реконструкция контекста может включать изменение повествовательной перспективы или добавление пояснительных деталей, необходимых для понимания действия или символа, которые очевидны для читателя оригинала, но неочевидны для русскоязычного читателя. Так, описание ритуала может быть дополнено кратким разъяснением его цели или эмоций участников. При передаче метафор и символов, имеющих национально-культурную специфику, переводчик может либо сохранить образ с пояснением, либо заменить его на более универсальный аналог.

Обе стратегии примечания и реконструкция контекста имеют свои плюсы и ограничения и могут использоваться в комплексе. Примечания позволяют сохранить реалии в неизменном виде и дают читателю необходимые знания, но могут мешать восприятию текста. Реконструкция же обеспечивает естественное восприятие, но требует от переводчика высокого уровня языковой и культурной компетенции. Выбор подхода зависит от конкретной ситуации, жанра и целевой аудитории. Эффективное применение этих стратегий способствует точной и доступной передаче культурных смыслов оригинала.

Заключение

Проведённый анализ культурных лакун и стратегий их преодоления в русском переводе романа Юй Хуа «Жить» позволяет сделать вывод о высокой значимости меж-

культурной компетенции в переводческой деятельности. Культурные лакуны, возникающие на лексическом, поведенческом и концептуальном уровнях, не только осложняют восприятие текста целевой аудиторией, но и требуют от переводчика комплексного подхода, учитывающего особенности мировоззрения и культурные коды обоих языков. В данном контексте перевод художественного текста становится не просто лингвистическим процессом, но и актом культурной медиации.

Применение стратегий форенизации и доместикации, а также методов примечаний и реконструкции контекста, демонстрирует, что эффективный перевод невозможен без гибкого и взвешенного сочетания различных приёмов. Умеренная форенизация способствует сохранению аутентичного культурного колорита оригинала, в то время как доместикация обеспечивает доступность и плавность восприятия. Использование примечаний позволяет компенсировать недостающие знания у читателя, тогда как реконструкция контекста обеспечивает органичность и непрерывность повествования.

Таким образом, успешный перевод романа «Жить» возможен только при условии глубокой культурной осведомлённости переводчика, его способности к эмпатии и анализу, а также понимания глубинных концептов исходной культуры. Данное исследование подчёркивает необходимость дальнейшей разработки теоретических и практических аспектов межкультурного перевода, что имеет значение не только для китайско-русского литературного взаимодействия, но и для продвижения китайской культуры на международной арене.

Литература

1. Чжан С.Ю. Исследование межкультурной коммуникации и восприятия произведений Юй Хуа: исследование, посвящённое «Жить» и «Вэньчэн» // Китайские истории. 2024. № 10. С. 33–37.
2. Бекишева А. Исследование русского перевода «Жить» Юй Хуа: дис. ... канд. филол. наук / Чжэцзянский педагогический университет. 2022. 215 с.
3. Ли Ц.Ю. Феномен культурного разрыва и стратегии перевода в китайско-английском переводе // Культура китайских иероглифов. 2024. № 14. С. 171–173.
4. Фу Я.В. Исследование перевода «Разрыва народной культуры» в русском переводе «Обыденного мира»: дис. ... канд. филол. наук / Педагогический университет Внутренней Монголии. 2024. 184 с.
5. Юань М.С. Перевод и интерпретация Юй Хуа в России // Обзор романа. 2017. № 4. С. 66–72.
6. Хань Ж. Ж., Ван Д.С. Краткое описание теории отчуждённого перевода Вэньути с точки зрения языка, социальной культуры и этики – на примере «Невидимости переводчика – История перевода» // Английская площадь. 2019. № 2. С. 55–57.

7. Ли И.И. Исследование стратегий художественного перевода в контексте русского языка и культуры // Форум по развитию высшего образования 2024 года и Материалы идеологического и политического семинара: сб. ст. В 2 т. Т. 2 / под ред. Ассоциации частного образования провинции Хэнань. 2024. С. 84–86.

A STUDY OF CULTURAL GAPS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION STRATEGIES IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF YU HUA'S NOVEL "TO LIVE"

Tao Jiaqi, Wang Juan
Xinjiang Normal University

The article is devoted to the study of cultural lacunae and strategies of intercultural communication in the process of translating Yu Hua's novel "To Live" into Russian. Lexical, behavioral and conceptual lacunae that arise when conveying Chinese cultural content to a Russian-speaking reader are analyzed. Particular attention is paid to the strategies of foreignization and domestication, as well as methods of cultural compensation for notes and context reconstruction. The author shows that successful literary translation is impossible without a flexible combination of translation techniques that take into account the specifics of cultural differences. The work emphasizes the importance of the translator's intercultural competence and reveals translation as a form of cultural mediation. The study not only contributes to the theoretical understanding of the problem of cultural lacunae, but also expands the possibilities of the practice of literary translation of Chinese literature into Russian.

Keywords: Cultural Lacuna, Intercultural Communication, Literary Translation, Foreignization, Domestication, Chinese Literature.

References

1. Zhang S. Yu. A Study of Intercultural Communication and Perception of Yu Hua's Works: A Study Dedicated to "To Live" and "Wencheng" // Chinese Stories. 2024. No. 10. Pp. 33–37.
2. Bekisheva A. A Study of the Russian Translation of Yu Hua's "To Live": Diss. ... Cand. Philological Sciences / Zhejiang Normal University. 2022. 215 p.
3. Li C. Yu. The Phenomenon of Cultural Gap and Translation Strategies in Chinese-English Translation // The Culture of Chinese Characters. 2024. No. 14. Pp. 171–173.
4. Fu Ya. W. A Study of the Translation of "The Gap in Popular Culture" in the Russian Translation of "The Everyday World": Diss. ... Cand. Philological Sciences. sciences / Inner Mongolia Normal University. 2024. 184 p.
5. Yuan M.S. Translation and interpretation of Yu Hua in Russia // Review of the novel. 2017. No. 4. Pp. 66–72.
6. Han Z. Z., Wang D.S. Brief description of Wenyuti's theory of alienated translation from the point of view of language, social culture and ethics – on the example of "The Invisibility of the Translator – The History of Translation" // English Square. 2019. No. 2. Pp. 55–57.
7. Li Y.Y. Research on literary translation strategies in the context of the Russian language and culture // The 2024 Higher Education Development Forum and Proceedings of the ideological and political seminar: collection of articles. In 2 vols. Vol. 2 / edited by the Henan Provincial Private Education Association. 2024. P. 84–86.

Фаттахов Рифат Ахметович,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-культурной деятельности и педагогики, Казанский государственный институт культуры
E-mail: riffat-66@mail.ru

В статье осуществлено научное осмысление специфики России как цивилизации. Автор использовал методологию «сопряжения» В.П. Римского, которая представляется адекватной сложности объекта и предмета изучения, обладает эффективностью во всесторонности рассмотрения. Вывод о евразийской уникальности российского общества осуществлен благодаря регионализации как альтернативе глобализации. Раскрыты достоинства евразийской культуры России в противовес европейской системе ценностей. Даны рекомендации по радикальному изменению культурной политики России.

Для выявления цивилизационной специфики современной России существуют различные методологии анализа общества – от формационного до культурно-цивилизационного. Хорошо известны сегодня подходы Конта, Маркса, Шпенглера, Данилевского, Вебера, Гумилева, Тойнби, Поппера и других методологов гуманитарной науки. Каждое имя ассоциируется с однозначностью, тяготением к натуралистике, гуманитаристике, или даже сугубо механицизму, физикализму, биологизму, социологизму, психологизму, субъективизму, идеализму и т.п. Непросто не застрять в терминах классов, собственности, материального производства, культуры, цивилизации, эволюции, нации, этноса, идеальных типов и т.п. абстракций, где теряется историческая реальность, забывающая самого человека.

Кроме того, образы прошлого и настоящего России достаточно сложны и противоречивы, хотя бы в силу продолжительности во времени российской цивилизации – не менее тысячи лет, пространственной обширности и этнической гетерогенности и т.п. Отсутствие целостной и эффективной методологии культурно-цивилизационной специфики России обусловлено и тем, что традиционно историософский компонент несли в себе все идеологии и политические течения – западничество и славянофильство, либерализм и почвенничество, народничество и марксизм. В научной литературе много подходов и попыток преодоления как категоричной односторонности, так и механического или даже эклектического соединения и сочетаний подходов. Некоторые авторы используют своеобразную методологию «сопряжения», наиболее, на наш взгляд, приемлемую по своей всеохватности, емкости. Нам представляется, что в таком комбинированном или синтезированном методологическом приеме изучения прошлого и настоящего России есть резон и он достаточно продуктивен.

Ключевые слова: Культура, цивилизация, Россия, глобализация, регионализация, Татарстан.

Современная цивилизация выдвигает перед культурой множество проблем – это и традиционное противостояние культуры и природы, содержание и роль культуры в противоборстве блоков и социальных систем, гуманизма и технократизма, богатого Севера и Юга, столкновения поколений... Однако не ошибемся, если наиболее значимой характеристикой культуры эпохи мы обозначим глобализацию. В этой связи, усматривая в глобализации тысячелетние тенденции, некоторые авторы обращают внимание на ее специфику на рубеже XX–XXI веков, определяя глобализацию *«как процесс унификации жизни человека, отдельных государств и народов и всего человечества, целью которого является повышение степеней человеческой свободы и увеличение многообразия человеческого бытия»* [6, с. 19].

Глобализация имеет множество философских, культурологических и философских толкований, характеризующих ее с прогрессивных позиций для человечества. Но гуманитарная наука ныне сбросила с себя шоры и вдумчиво вглядевшись на последствия глобализации, обнаруживает в ней гораздо больше недостатков, откровенных антипрогрессивных и агрессивных тенденций мировому развитию, особенно когда она обрела контуры глобализации по-американски. Общественное сознание очнулось от эйфории и склонно ныне к критической оценке ее роли в истории. И в этой связи оно считает, что «наиболее распространенной формой ответа на вызовы глобализации является рождение феномена регионализации. Она по своей сути выливается в процесс выхода на арену самостоятельного творчества новых субъектов, новых акторов – народов, локальных сообществ и регионов» [8, с. 128].

Для России регионализация есть попытка оттенить глобализационное осмысление ее социума и культуры. Так, рассматривая проблему кодов исторической памяти через призму противостояния столиц и провинций («мировой город» О. Шпенглера и «мировая деревня» М. Маклюэна) профессор А. Майданский считает наиболее адекватным для региона России поликультурный, «мозаичный» тип исторической памяти, возникающий в эпоху нового типа коллективности информационной эпохи [3, с. 255].

Но наиболее эффективной формой регионализации и противостояния глобализации ныне предстоит возврат к евразийской концепции развития России. В данном случае в попытках осознания собственной цивилизационной идентичности Россия опирается на православие и ислам, на некоторые идеи русского почвенничества и традиции советского прошлого. На культурную и общественно-политическую ситуацию современной России наибольшее влияние оказали идеологический кризис 60-х годов советского периода с его элементами тоталитаризма. Особо также повлияли на умонастроения масс растерянность российской интеллигенции в первые десятилетия постсоветской России, агрессивное нашествие либерально-демократических идей на общественное сознание, наложившиеся на антитоталитарные отзвуки духовной жизни СССР. Решающим было также идеологическое воздействие западной пропаганды, обрушившейся на массовое сознание всей своей технологической мощью. Как пишет В.Н. Шевченко, под ударом оказались наши традиционные ценности,

Российское государство, президентско-парламентская республика, вся героическая военная история Российского государства, а также весь советский период российской истории, реальные достижения страны, «его эгалитаризм» [12, с. 310].

Однако Россия двинулась по пути элитаризма, не в сторону страны и общества равноправных социальных структур, этносов и наций, а в «мир элит, неожиданно вышедших из под системы национального контроля»..., выкормила и развила элиту, действующей «не как национальная, а как глобальная, связавшая свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой...» [5]. Хотя народ в целом и тогда не поддерживал и уже отвергает либерально-демократическую идеологию, часть интеллигенции продолжает ее культивировать, довольствуясь интеллектуальными свободами. По мнению А.С. Панарина, Россия нуждается в новой элите, вооруженной духовным и культурным наследием и способной организовать массы как культурно-исторический субъект.

Сегодня той же частью интеллигенции России навязываются не только западноевропейские ценности, но и модели этнического сепаратизма, борьбы цивилизаций, столкновения христиан с мусульманами, игнорирования тысячелетнего славяно-тюркского общежития. Характеризуя евразийское содержание Российской цивилизации, профессор Э.Тагиров пишет: «Как и во многих евразийских контактных зонах – местах «встреч цивилизаций, нормой были не только сожительство и мирное сосуществование, но и сотрудничество и взаимопомощь между представителями разных конфессий и общин, поселений и слобод». «... Динамичные темпы цивилизационного роста, все более расширяющиеся и ускоряющиеся потоки межчеловеческих, научных и культурных связей, торгово-посреднических миссий и экономического партнерства требовали выработки и соблюдения общепринятых правил игры, норм общения и сотрудничества. Поэтому именно здесь, на этом «мосту», становилась возможной не только «встреча» и взаимодействие, но и взаимообогащение двух диаметрально противоположных историко-культурных систем – Европы и Азии, Севера и Юга. На базе интеграции контрастно-противоположных начал создавался и развивался особый тип культуры, – евразийской, «философским камнем», отличительным возвышающим признаком которой являлась толерантность» [8, с. 111].

Выбор евразийского цивилизационного пути открывает этносам, классам и прослойкам России возможность суверенной культуры, во многом несовместимой по многим позициям и ценностям с западноевропейскими. Этот путь мира и культурной и религиозной терпимости. Пророческим оказались многие предупреждения философа и социолога Александра Зиновьева, в особенности по самому острому конфликту идеологий и культур. «Мировой терроризм порожден самим глобальным сверхобществом во главе с США, – пишет философ. – Он порожден социальным строем западных стран, их интеграцией в единое сверхобщество, их жизнедеятельностью по глобализации (по овладению планетой) и по западнизации незападных стран и народов. Он возник как сопротивление этому процессу», – считает А. Зиновьев, – «Более того, западный мир во главе с США сам осуществляет глобализацию человечества методами террора, являясь образцом для подражания и оправдывания терроризма в глазах террористов. США фактически превратились в мирового и эпохального террориста с претензией на монополию в этом своем качестве» [4].

Однако в последние годы мы наблюдаем радикальные перемены, связанные с обрушением однополярного мира, переходом к новому мироустройству с несколькими центрами управления фундаментальными процессами человеческой жизни во всем мире. Прав профессор Э.Р. Тагиров: «Человечество «благодарно» англосаксонскому Западу за его попытку осуществить последний «штурм Бастилии» – окончательно решить «русский вопрос, нанести стратегическое поражение России, лишив ее права на независимость-суверенитет. Он ускорил процессы озарения, переоткрытия самой себя» [8, с. 148]. В результате большинство народа и интеллигенции прозрело, сбросило с себя идеологические путы западных СМИ, окончательно сориентировалось в системе духовных ценностей. «Сегодня Россия пытается вернуть ее общечеловеческие цивилизационные образцы, основанные на духе свободы, на плюрализме мнений, которые проявляются в высокой нравственной, эстетической интеллектуальной и религиозной ориентации» [9, с. 123]. И здесь основным детерминантом общественного развития предстает культура, призванная быть триггером – разблокировать продвижение к свободе, вывести россиян из духовных тупиков.

Но готовых рецептов к пониманию, как и какую культуру использовать для разрешения кризиса российского общества нет. К сказанному в начале нашей статьи о поисках эффективной методологии исторического познания и духовного развития добавим – «В прошлом культурная политика России (царской и советской) опиралась в основном на французскую модель, в которой главную роль играет государство. Культурная политика постсоветской России опирается преимущественно на американскую модель, которая отвергает вмешательство государства в культурную жизнь» [7, с. 148]. Это обстоятельство проявляется в первую очередь в неуклонном сокращении в последние 15 лет расходов федерального бюджета на нужды Министерства культуры РФ с 15%, в сокращении в 10 раз объектов, имеющих статус «исторических» и др. [1, с. 42] А ведь, по мнению видных ученых-политологов и философов XXI век для России век культуры и новой цивилизации, и многие подчеркивают актуальность евразийских идей. Становится очевидной несовместимость новой культурной политики с рыночными преобразованиями Западной Европы и США, с их политикой в области здравоохранения, с плюрализмом и инклюзивностью – превратно истолкованной доступностью и открытостью в гендерных отношениях, разрушительными для человеческого рода неолибералистическими духовными новациями и тенденциями, парадоксами и дилеммами образования по Болонской парадигме и т.п.

Наша культура и без того функционирует сегодня в естественно сложившихся условиях убывания численности населения, миграционных потрясений, хотя в отличие от многих продвинутых европейских стран и США в России более и менее компактно расселены 80,08 процентов русских, народы Сибири и Севера составляют 1,03 проц., народы Закавказья – 1,5, татары – 3,48, башкиры – 1,01, чуваша – 1,26, мордва, финские народы – 1,39 проц. и т.д., заинтересованных в сохранении этнической, религиозной и гражданской идентичности. Как показал исторический опыт ряда стран нам также не подходят принципы мультикультурализма в этноконфессиональных отношениях, в усилиях сохранения и развития языковой культуры, традиций и обычаев.

Справедливо подмечено: «В России сегодня существуют государственные документы о культурной политике, но в реальной жизни достаточно четкая и выверенная культурная политика не прослеживается, и куль-

тура развивается как бы сама по себе согласно своим внутренним закономерностям» [9, с. 127]. Ладно бы, если культура эта развивалась только по своим сущностным и глубинным закономерностям. Нужно еще добавить и уточнить – зачастую мы заимствуем и практикуем безнравственную и пошлую американскую культуру; выше цитированный автор развивает эту мысль, конкретизируя важным для современном духовной жизни видом культуры и искусства: «В действительности наше телевидение уже давно оккупировано низкопробной западной культурой развлечений и отвлечения, в основе которого всегда лежит насилие» [9, с. 127]. К счастью, сам факт Специальной военной операции России на Украине и отношение населения страны к СВО значительно оздоровили духовную атмосферу общества, когда наиболее одиозная часть деятелей культуры покинула авансцену центрального радио, телевидения, эстрады...

Еще один показательный пример состояния отечественной культуры. «Говоря о низких нравах нашего общества, многие из нас ставят в пример современную эстраду. «Что за песни сегодня!» – вздыхают люди старой закалки, вспоминая талантливых композиторов и исполнителей прошлых лет. Действительно, по сравнению с ними большинство звезд нашего времени выглядит, по меньшей мере, вульгарно» [9, с. 128]. В этой связи уместно упомянуть (мне этот пример памятен и поучителен) о «песенном после татарского народа», о котором президент Татарстана М.Ш. Шаймиев сказал: творчество великого татарского певца Рашита Вагапова составляет целую эпоху в духовной жизни нашего народа. М.Ш. Шаймиев также отметил глубокую символичность того, «что многие выдающиеся татарские певцы, являясь воспитанниками вокальной школы Рашита Вагапова, достойно продолжают и развивают его бессмертные традиции» [11, с. 6]. Анализ его биографии, который в свое время мне посчастливилось вплотную изучать, показывает, что Рашит Вагапов обладал выдающимся природным талантом и голосом, но только высокий уровень самосознания, жизненная позиция, творческое отношение к собственному бытию, критическое отношение к окружающей действительности позволяют человеку сохранять в себе достижения мировой культуры, сопротивляться антигуманным тенденциям общественного развития» [10, с. 117]. К счастью для нашей культуры – такие мастера были и сегодня их немало.

Заключая статью, мы приходим к выводам.

Научное осмысление специфики России как цивилизации сталкивается с рядом трудностей. Методология гуманитарного познания накопила несколько солидных подходов, из которых автор статьи остановился на сопряжении формационно-эволюционной, культурно-цивилизационной, этнологической моделей на базе антропологического понимания культурно-цивилизационного развития России. Такой подход при всей сложности для рассмотрения объекта – культуры громадного геополитического пространства с тысячелетней историей, при всех глобализационных тенденциях позволяет настаивать на евразийской уникальности российского общества. Этот вывод становится возможным благодаря познавательному приему – регионализации, способствующей синтезированию ряда характеристик российской культуры. Культурно-цивилизационная идентичность России основана на вековой гармонии православия и ислама, на идеях соборности и джамаатской общинности, переросших в традиции советского коллективизма, на иррационалистическом духе, противостоящем столетиями западному рационализму и сциентизму. Неистребим оказался и российский авторитаризм в своем неприятии европейского либертарианства.

Другой вывод статьи значим в условиях становления многополярного миропорядка после десятилетий американского гегемонизма. Ведущей ценностью евразийской культуры предстает терпимость к другим культурам и цивилизациям, умение налаживать мосты и контакты между народами и странами. Кроме того, евразийская цивилизация – ведущая сила, противостоящая агрессивной и разлагающей человечество европейской и североамериканской культуре. Еще одним выводом нашей статьи предстают рекомендации о значительных изменениях в культурной политике России, кардинальной замене американской модели культуры подлинно народной. Считаем также, что Специальная военная операция России на Украине помогла разоблачить компрадорскую сущность части культурной элиты страны и необходимость открыть дорогу в творчество народным талантам.

Литература

1. Государственная поддержка культуры в России: научный доклад/Т.В. Абакина, Е.В. Каштанова, В.В. Романова, Б.Л. Рудник. М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2014. С. 42–44.
2. Леонтьева О.Б. Сценарии идентичности и мифы исторической памяти в российской культуре XIX–начала XX вв.//Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва – Махачкала, апрель 2015 г. – М.; Махачкала: Дельта –пресс, 2015. – 352 с.
3. Майданский А.Д. Российская провинция и мировой город: два кода исторической памяти//Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва – Махачкала, апрель 2015 г. – М.; Махачкала: Дельта –пресс, 2015. – 352 с. С. 251–256.
4. Особенности развития цивилизации и культуры России//[https:// otherreferats.allbest.ru/culture/00026562_0.html](https://otherreferats.allbest.ru/culture/00026562_0.html)
5. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой// https://modernlib.net/books/panarin_aleksandr/narod_bez_eliti_mezhdu_otchayaniem_i_nadezhdoi/read_1/ (дата обращения 10 февраля 2025 г.).
6. Римский В.П., Римская О.Н. Культурно-цивилизационная специфика России: модели понимания и прогнозы// Вестник МГУКИ, № 3 (89). С. 11–20.
7. Силичев Д.А. Культурное наследие и культурная политика постсоветской России/ Культура в условиях глобализации. Взгляд из России: монография/ коллектив авторов; под ред. Д-ра филос.наук, проф. А.Н. Чумакова. – Москва: КНОРУС, 2017. – 372 с. С. 135–164.
8. Тагиров, Э.Р. Феномен культуры на фоне разлома Истории / Э.Р. Тагиров. – Казань. Логос-Пресс, 2023.-360 с.
9. Трофимова Р.П. Проблемы культурной политики, или почему культура развивается самостоятельно в постсоветской России/ Культура в условиях глобализации. Взгляд из России: монография/ коллектив авторов; под ред. Д-ра филос.наук, проф. А.Н. Чумакова. – Москва: КНОРУС, 2017. – 372 с. С. 121–134.
10. Р. Фаттахов. Культура личности художника в условиях тоталитарного общества (на примере жизни и творчества Рашита Вагапова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Нижний Новгород, 2005. 246 с.

11. Шаймиев М.Ш. Бессмертие певца/М.Ш. Шаймиев// Фаттахов Р.А. Рашит Вагапов. Личность. Творчество. Эпоха. – Казань, 2003. – С. 6.
12. Шевченко В.Н. Историческая память россиян как предмет информационного воздействия Запада// Проблемы российского самосознания: историческая память народа. Материалы 12-й Всероссийской конференции. Москва – Махачкала, апрель 2015 г. – М.; Махачкала: Дельта –пресс, 2015. – С. 305–317.

THE CIVILIZATIONAL SPECIFICS OF MODERN RUSSIAN CULTURE

Fattakhov R.A.

Kazan State Institute of Culture

The article provides a scientific understanding of the specifics of Russia as a civilization. The author used the methodology of "conjugation" by V.P. Rimsky, which seems adequate to the complexity of the object and subject of study and is effective in its comprehensive consideration. The conclusion about the Eurasian uniqueness of Russian society was made due to regionalization as an alternative to globalization. The advantages of Russia's Eurasian culture as opposed to the European value system are revealed. Recommendations for a radical change in Russia's cultural policy are given.

To identify the civilizational specifics of modern Russia, there are various methodologies for analyzing society, from the formative to the cultural and civilizational. The approaches of Comte, Marx, Spengler, Danilevsky, Weber, Gumilev, Toynbee, Popper and other methodologists of the humanities are well known today. Each name is associated with unambiguity, gravitation towards naturalism, humanitarianism, or even purely mechanicism, physicalism, biologism, sociologism, psychologism, subjectivism, idealism, etc. It is not easy not to get stuck in terms of classes, property, material production, culture, civilization, evolution, nation, ethnicity, ideal types, etc. abstractions where historical reality is lost, forgetting the person himself.

In addition, the images of Russia's past and present are quite complex and contradictory, at least due to the length of time of Russian civilization – at least a thousand years, spatial vastness and ethnic heterogeneity, etc. The lack of a holistic and effective methodology for the cultural and civilizational specifics of Russia is also due to the fact that traditionally the historiosophical component was carried by all ideologies and political trends – Westernism and Slavophilism, liberalism and *pochvennichestvo*, populism and Marxism. There are many approaches and attempts in the scientific literature to overcome both categorical one-sidedness and mechanical or even eclectic combinations of approaches. Some authors use a kind of "coupling" methodology, which, in our opinion, is the most acceptable in its inclusiveness and capacity. It seems to us that there is a reason for such a combined or synthesized methodological method of studying Russia's past and present, and it is quite productive.

Keywords: Culture, civilization, Russia, globalization, regionalization, Tatarstan.

References

1. State support for culture in Russia: a scientific report/T.V. Abakina, E.V. Kashtanina, V.V. Romanova, B.L. Rudnik. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. pp.42–44.
2. Leontieva O.B. Scenarios of identity and myths of historical memory in Russian culture of the XIX-early XX centuries. // Problems of Russian identity: the historical memory of the people. Materials of the 12th All-Russian Conference. Moscow-Makhachkala, April 2015. Moscow; Makhachkala: Delta Press, 2015. 352 p.
3. Maidansky A.D. The Russian province and the world city: two codes of historical memory//Problems of Russian identity: the historical memory of the people. Materials of the 12th All-Russian Conference. Moscow-Makhachkala, April 2015. Moscow; Makhachkala: Delta Press, 2015. 352 p. pp.251–256.
4. Features of the development of civilization and culture in Russia/[https:// otherreferats.allbest.ru/culture/00026562_0.html](https://otherreferats.allbest.ru/culture/00026562_0.html)
5. Panarin A.S. A people without an elite: between despair and hope // https://modernlib.net/books/panarin_aleksandr/narod_bez_eliti_mezhdu_otchayaniem_i_nadezhdoj/read_1 / (accessed February 10, 2025).
6. Rimsky V.P., Rimskaya O.N. Cultural and civilizational specifics of Russia: models of understanding and forecasts// Bulletin of MGUKI, No. 3 (89). pp.11–20.
7. Silichev D.A. Cultural heritage and cultural policy of post-Soviet Russia/ Culture in the context of globalization. A view from Russia: a monograph/ collective of authors; ed. Dr. Philos. Doctor of Sciences, Professor A.N. Chumakova. – Moscow: KNORUS, 2017. 372 p.s.135–164.
8. Tagirov E.R. The phenomenon of culture against the background of the fracture of History / E.R. Tagirov. Kazan. Logos-Press, 2023.-360 p.
9. Trofimova R.P. Problems of cultural policy, or why culture develops independently in post-Soviet Russia/ Culture in the context of globalization. A view from Russia: a monograph/ collective of authors; ed. Dr. Philos. Doctor of Sciences, Professor A.N. Chumakova. – Moscow: KNORUS, 2017. – 372 p.p.121–134.
10. P. Fattakhov. The culture of the artist's personality in a totalitarian society (on the example of Rashit Vagapov's life and work). Dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Nizhny Novgorod, 2005. 246 p.
11. Shaimiev M.S. The immortality of the singer/M.S. Shaimiev// Fattakhov R.A. Rashit Vagapov. Personality. Creation. Era. Kazan, 2003. pp. 6.
12. Shevchenko V.N. Historical memory of Russians as a subject of information influence of the West// Problems of Russian identity: the historical memory of the people. Materials of the 12th All-Russian Conference. Moscow-Makhachkala, April 2015– Moscow; Makhachkala: Delta Press, 2015, pp.305–317.

Алгоритм институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти

Хван Данил Андреевич,
независимый исследователь
E-mail: daniilkhvan2708@gmail.com

В статье анализируется процесс институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти. Представлены теоретические основания понимания политтехнологий, выявлены основные подходы к политическим технологиям в XXI веке (прикладной, институциональный, идеологический, технологический и критико-рефлексивный). Обоснована необходимость институционального закрепления политических технологий в цифровой среде. Разработан авторский алгоритм институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти. Политическая власть рассмотрена в качестве субъекта и продукта технологической институционализации: показано, что власть не только применяет политтехнологии, но и, по сути, воспроизводится через них. Выявлены ключевые риски институционализации политических технологий в цифровой экономике. Отдельно институционализация определена как форма адаптации власти к вызовам развития цифровой экономики. В заключении кратко намечены перспективы дальнейших исследований по данной тематике.

Ключевые слова: политические технологии, политтехнологии, институционализация власти, цифровая трансформация власти, алгоритм.

Введение

Политические технологии на современном этапе утратили статус вспомогательного средства политической борьбы и приобрели признаки автономного феномена, способного конструировать институты и регулировать властные взаимодействия [1]. Их функционирование выходит за пределы событийного формата и закрепляется в механизмах воспроизводства власти, включая выборные процедуры, коммуникационные протоколы и цифровые каналы. Как отмечается в ряде научных исследований, цифровизация политического управления активизирует институциональную динамику, в рамках которой технологии начинают выполнять роль опосредованного регулятора политических отношений [1–2]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что политические технологии перестают быть исключительно инструментарием политической практики и начинают оказывать влияние на нормативные параметры публичного управления.

Современное состояние теоретического осмысления политических технологий характеризуется устойчивым противоречием между их прикладной функцией и нарастающим институциональным воздействием. Так, с одной стороны, политические технологии продолжают обслуживать краткосрочные задачи управления и мобилизации, с другой – они закрепляются в структуре власти посредством нормативных механизмов, цифровых платформ и различных бюрократических алгоритмов [3]. Данное противоречие выявляет дефицит понятийного аппарата, фиксирующего переход политических технологий из сферы одномоментных действий в разряд устойчивых институтов. Следует заметить, что в условиях цифровой трансформации граница между разовыми манипулятивными действиями и процедурными стандартами постепенно размывается, что приводит к новым основаниям для институционального анализа политического воздействия [4].

Целью настоящего исследования является выработка теоретико-прикладной модели институционализации политических технологий в контексте цифровой трансформации власти. Задачи статьи связаны с выявлением условий, при которых политические технологии начинают функционировать как элементы нормативной системы политической власти. Научная проблема заключается в отсутствии методологических критериев, позволяющих отделить институционально закреплённые формы технологического воздействия от их прагматических и краткосрочных версий. Актуальность постановки данного вопроса подтверждается предыдущим научным анализом того, каким образом цифровые интерфейсы, искусственный интеллект (далее – ИИ) и системы визуального моделирования встраиваются в процедуры легитимации власти [5], осуществления контроля [6] и публичного представления власти [7].

Результаты и обсуждение

Формирование научного понимания политических технологий опирается на концептуальные рамки, в которых они рассматриваются как производные от институционально-

го устройства власти и вместе с тем – как инструменты её трансформации. В классических политологических теориях политтехнологии осмысливались преимущественно в прагматическом поле, когда они обозначали совокупность процедур, направленных на реализацию интересов политических акторов. Однако уже в середине 2000-х гг. началось постепенное смещение фокуса к анализу политических технологий как механизмов легитимации, стабилизации и конструирования политического пространства [1]. Расширение предметного поля было связано с усилением воздействия цифровых решений на параметры нормативной политической деятельности.

В современной научной литературе политические технологии всё чаще трактуются как особая форма квазиидеологических и квазинормативных конструкций, способных выполнять функцию стабилизации власти и упорядочивания её репрезентации. В условиях цифровизации такое понимание усиливается за счёт того, что политтехнологии начинают функционировать как элемент системы легитимности [7]. Данный процесс сопровождается расширением каналов институционального воспроизводства власти, включая цифровую бюрократию, алгоритмическое посредничество и интеллектуальные платформенные механизмы, что, в частности, подтверждается в контексте обсуждения цифрового тоталитаризма как потенциального институционального горизонта [2].

Аналитическая модель политических технологий как нормообразующего механизма находит отражение в работах, акцентирующих внимание на роли цифровых практик в производстве новых форм участия и контроля. Так, как подчёркивается в исследованиях цифровой идеологии и моральных оснований политики, политтехнологии начинают подменять собой ценностную аргументацию и вытесняют содержательные основания решений визуальными и алгоритмическими оболочками [6]. В этих условиях политтехнологии отражают «нормативную волю», при этом их институциональное закрепление опирается на функциональную целесообразность [8].

Следует заметить, что закрепление технологических практик в политическом управлении сопровождается изменением природы самих институтов, в том числе их ролевых и процедурных характеристик. В частности, цифровые формы публичного администрирования начинают формировать новые режимы взаимодействия между властью и обществом. Так, в исследовании цифровой трансформации органов публичной власти установлено, что нормативные элементы управления смещаются в сторону платформенных интерфейсов, в которых политические технологии инкорпорированы в код институционального поведения [4–5].

Политтехнологии в этом контексте могут быть проанализированы как элементы правовой рамки, встраиваемой в механизмы регулирования и предсказания поведения субъектов. Проблематика правовых рисков, связанная с использованием цифровых решений в сфере публичной политики, раскрывает как угрозы вторжения в зону правового произвола, так и демонстрирует институционализацию технологического компонента как особого нормативного регулирования [9]. В такой интерпретации политтехнологии превращаются в элементы нормативного конструирования, функционирующие в пределах допустимого управленческого риска.

Современные теоретики обращают внимание на то, что цифровизация политических процессов стимулирует не просто внедрение инструментальных решений, а перестройку самой логики политического участия и принятия решений. Так, научные исследования цифровой демократии, электоральных процессов и автоматизации

публичных процедур показывают, что политтехнологии становятся и источником, и средой формирования власти, за счёт чего подменяются традиционные формы политического действия синтетическими интерфейсами [3], [10]. В связи с этим возникает необходимость систематизации научных подходов, в которых политические технологии рассматриваются как носители и производители институционального порядка (табл. 1).

Переходя от систематизации научных подходов к вопросу о политических технологиях как к теоретико-аналитической категории, возникает необходимость осмыслить и механизмы их институционального закрепления в условиях цифровой среды, обладающей собственной нормативной логикой воспроизводства. Цифровизация формирует новую институциональную среду, в рамках которой политические технологии перестают функционировать как эпизодические решения и начинают закрепляться в структурах управления в виде воспроизводимых процедур.

Таблица 1. Основные подходы к политическим технологиям в XXI веке

Подход	Краткая характеристика	Источники
Прикладной	Набор оперативных приёмов и методик политического воздействия, направленных на мобилизацию, электоральную динамику и коммуникационное сопровождение	[1], [3]
Институциональный	Система процедур и регламентов, интегрированных в архитектуру власти и обеспечивающих регулярное воспроизводство политического порядка	[4–5], [9]
Идеологический	Средство символической репрезентации власти, легитимации управленческих решений и наведения нормативной целостности политической системы	[6–7]
Технологический	Совокупность цифровых решений, включая интерфейсы, алгоритмы, базы данных и ИИ, формирующих условия принятия решений	[2], [10]
Критико-рефлексивный	Научная позиция, фиксирующая подмену содержательных оснований политического процесса технологическими формами и распад ценностей	[6], [8]

Источник: авторская разработка на основе представленных источников

Повторяемость технологических приёмов, основанных на использовании больших данных, визуальных симуляций и автоматизированного анализа, трансформируется в механизм нормативного регулирования. Пример такой трансформации прослеживается в фиксации процедур предиктивного прогнозирования и цифрового мониторинга, получающих статус постоянных элементов архитектуры власти [2]. В этой логике цифровой трансформации власти и ускоряет процесс применения политических решений, а формирует условия для их институционального закрепления.

Повышение степени нормативности политических технологий объясняется тем, что цифровая среда предъявляет требования к процедурной однородности и алгоритмической воспроизводимости. Как показывает анализ трансформации государственных процессов

в цифровой экономике, эффективность таких решений обеспечивается соответствием формату программных моделей и интерфейсных конструкций [4]. Закреплённые в логике политических программ повторяющиеся элементы воспроизводят политическое действие в форме, подчинённой внутренней норме цифровой системы. Следует подчеркнуть, что в условиях предельно формализованного принятия управленческих решений статус нормативного закрепления получают также и технические условия выполнения процедур [9].

Институционализация политических технологий в цифровой среде предполагает включение политтехнологий в замкнутые циклы управления. Цифровые платформы, действующие как инфраструктуры публичной власти, обеспечивают замыкание логики воздействия – от сбора данных о поведении к манипулятивным стратегиям и обратно к корректировке алгоритмов. Подобная структура наблюдается в исследованиях цифрового поведения электората, когда технологическая конструкция функционирует в качестве нормативного фильтра политической репрезентации [3]. Интеграция в цикл управления сопровождается исчезновением различия между разовой технологической операцией и процедурной нормой.

Формирование нормативного признания цифровых политтехнологий обусловлено тем, что они начинают исполнять направляющую функцию. Примеры внедрения цифровых решений в сфере бюрократического администрирования показывают, что политические технологии постепенно подменяют собой институциональные механизмы принятия управленческих решений [5], [10]. Возникает феномен, когда технологически оформленная процедура приобретает легитимность в силу своего технического исполнения, а не публичного признания. Данное обстоятельство указывает на смещение источника нормативности из нормативно-правового поля в зону технологически воспроизводимых форм политического действия.

Наряду с институциональной фиксацией процедур наблюдается процесс расширения идеологического содержания политтехнологий. Цифровизация идеологии реализуется в форме интерфейсной трансляции ценностей, когда технология становится формой внедрения смыслов. Как показывают наблюдения над политическими практиками цифрового общества, в отличие от классической риторики, фиксация смыслов в настоящее время в большей степени осуществляется посредством повторения визуальных паттернов и автоматизированного наведения смысловой рамки, а не через классические риторические средства [6–7].

В этом отношении цифровая трансформация власти усиливает эффект нормативного принуждения за счёт оформления символического поля под логикой простого алгоритма. Большую значимость приобретает то, что институционализация политических технологий сопровождается стиранием границ между управлением, коммуникацией и манипуляцией. В рамках цифровых экосистем наблюдается эффект системного «скрещивания» управленческих и симуляционных процедур, в результате чего политическое действие оформляется как визуализированная интеракция в цифровой среде. Как отмечается в аналитике рисков цифрового государства, основой нормативной фиксации технологического поведения сегодня становится «квазипубличная сцена» [1], [8].

Таким образом, цифровая среда выступает и как фактор ускорения, и как механизм закрепления политических технологий в институциональной структуре власти.

На основании этого предлагается алгоритм институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти (рис. 1).

Рис. 1. Алгоритм институционализации политических технологий в условиях цифровой трансформации власти

Источник: авторская разработка

Алгоритм институционализации политических технологий начинается с фиксации факта устойчивого применения той или иной технологии в цифровой среде – это исходное условие обуславливает необходимость аналитической процедуры, в ходе которой выявляются технические и управленческие элементы среды воспроизводства: код, протоколы обмена, алгоритмическая логика и структурное цифровое управление. При недостаточной представленности хотя бы одного из этих компонентов производится временная блокировка институционализации, поскольку отсутствует полнота условий для верифицируемого воспроизводства. В свою очередь, наличие всех четырёх элементов открывает возможность перехода к следующей стадии, связанной с оценкой применимости алгоритма политического действия в типовых цифровых ситуациях.

Если алгоритм успешно воспроизводится, возникает необходимость в идентификации субъектов, вовлечённых в процесс его внедрения. К ним относятся цифро-

вые платформы, административные органы, элементы техно-бюрократии и сетевые медиаторы. От степени формализации нормативных условий зависит дальнейшее направление алгоритма. При наличии формальной нормы происходит интеграция в контур публично-го управления, включающий планирование, контроль и оценку. В тех случаях, когда норма представляет собой квазиправовой ориентир или вовсе отсутствует, возникает два альтернативных сценария – ситуативная адаптация и квазилегитимация. Следует отметить, что в обоих случаях запускается временный цикл воспроизводства, в рамках которого политическая технология может пройти этап инерционной институционализации, сопровождаемый ожиданием сигнала о признании или отклонении.

На завершающем этапе происходит признание политической технологии как элемента платформенного или цифрового бюрократического стандарта. Данное решение становится основанием для вторичной институционализации – уже не как повторяющегося действия, а как де-факто закреплённой в процедурах управленческой нормы. Далее формируется полноценное институциональное признание технологии, включающее её в систему цифрового управления. Важно заметить, что конечная точка алгоритма – не просто легитимация административного регулирования, а становление политической технологии как элемента цифровой трансформации власти, воспроизводимого в цифровых практиках и управленческих решениях.

На базе описанного алгоритма возникает необходимость в рассмотрении тех конкретных интерфейсов и процедур, в которых процесс институционализации приобретает практическое выражение в цифровой трансформации власти.

Формирование цифровых каналов политического участия сопровождалось структурной модификацией классических механизмов репрезентации. Применение политических технологий в электронных форматах стало возможным благодаря совмещению автоматизированных протоколов регистрации, верификации и допущения с интерфейсной логикой платформ, способных имитировать публичность и упорядочивать коммуникацию в терминах административной рациональности. Появление цифровой бюрократии в этом контексте обусловлено как автоматизацией документооборота, так и алгоритмическим перенесением нормативной роли органов власти в интерфейсы, структура которых замещает собой публичную дискуссию [6].

Следует отметить, что формальные процедуры выборов в цифровом контексте часто лишаются политического содержания в пользу технологической воспроизводимости. Примеры применения электронного голосования показывают, что программно-закреплённая логика маршрутизации предпочтений избирателей может обеспечить как скорость подсчёта, так и смещение акцента с политики как воли к выбору на политику как процедурную дисциплину [7]. Цифровая трансформация власти здесь допускает включение избирателя в алгоритмизированную структуру, в которой степень вовлечения определяется степенью технической корректности исполнения действий.

Организация интерфейсов общественных обсуждений также свидетельствует о замещении публичной сферы структурой алгоритмической предопределённости. Автоматизация обратной связи, фильтрация лексических выражений и ранжирование комментариев по формальным параметрам затрудняют горизонтальное выстраивание политических позиций. Как подчёркивается в аналитических обзорах, имитация диалога

возникает в условиях, когда набор допустимых позиций регулируется техническими параметрами цифрового модуля, а не выводится из случайно аргументации [2].

Важно подчеркнуть, что симуляция участия в цифровом пространстве не сводится к прямой подмене содержания. В ряде случаев она выражается в формировании иллюзии распределённой инициативы. Распознавание политических тем, формирование «отзывов» на заранее заданные повестки и агрегация «мнений» без учёта верифицируемого происхождения формируют иллюзорную горизонталь, в рамках которой субъект утрачивает индивидуальную идентифицируемость. Автоматизированные формы «партиципации» (культуры участия) таким образом институционализируются вне привязки к конкретной политической субъектности, что ставит под вопрос границы между участием и наблюдением [4].

Анализ цифровых обращений, петиций и регистраций инициатив отражает значительную степень зависимости от программной логики их обработки. Подчёркивается, что автоматизированная маршрутизация обращений в системе цифрового управления предполагает классификацию в терминах соответствия шаблону, при этом технологический элемент задаёт параметры допустимости, что лишает обращение статуса политического действия в собственном смысле [10].

Следует заметить, что институционализация симуляционной публичности не представляет собой внутреннюю особенность цифровой трансформации власти. Так, формы внешнего участия становятся частью регламентированной среды, в которой значение высказывания определяется не участником, а алгоритмическими правилами обработки данных. Таким образом, цифровая техно-бюрократия не обслуживает политические технологии – нет, она образует среду, в которой политическая технология становится формой управления выражением политического. В частности, примеры организационно-интерфейсного воспроизводства общественной реакции в системах автоматической оценки, цифровых общественных приёмных и голосований за городские инициативы показывают, что субъектом признания выступает платформа как технический агент институциональной власти [8].

Будучи встроенными в архитектуру властных решений формализованные цифровые механизмы участия позволяют рассмотреть саму политическую власть как феномен, внутренне обусловленный технологиями собственного институционального воспроизводства.

Современная политическая власть утрачивает признаки исключительно субъективного центра принятия решений, что связано с институциональной интеграцией технологических инструментов в процесс легитимации. Принципиально важно отметить, что власть как таковая перестаёт быть располагающей технологией единицей, а становится функцией её применения. Именно за счёт воспроизводства процедур, интерфейсов, баз данных, модулей аналитической фильтрации и формализованных моделей коммуникации власть оформляется как структура, автономия которой больше опирается на повторяемость алгоритмов, чем на волю. Иными словами, в условиях цифровой среды политические технологии начинают выполнять роль динамических кодов самой институции. В рамках данной трансформации политическая власть оказывается результатом совокупности управленческих операций, каждая из которых технически обусловлена.

Представление о действии власти скорее формирует оформленный в виде процедуры сценарий, чем акт политической воли. Такая ситуация порождает феномен автопроизводства власти – её институциональное присут-

ствие закрепляется её же технической последовательностью. Важно отметить, что симуляция субъектности становится частью нормативного режима, когда власть представляет собой алгоритмически организованную сеть, ориентированную на поддержание воспроизводимого порядка.

Таким образом, современная власть существует в форме технологически поддерживаемой институциональной структуры, в рамках которой субъект формируется на уровне программной архитектуры. Политическая технология перестаёт быть внешним приложением к действию власти и превращается в её структурный механизм. Следует заметить, что данная логика воспроизводства подменяет понятие авторства понятием операционной последовательности, а понятие решения – схемой предопределённой допустимости.

В этом смысле целесообразно провести сравнительный анализ институциональных и неинституциональных политтехнологий, для чего на основании научной литературы [1–3], [9–10] можно выделить определенные признаки (табл. 2, 3). Выявленные различия в институциональной закреплённости, публичной воспроизводимости и степени нормативной прозрачности политических технологий обнажают условия, в рамках которых их институционализация в цифровой среде способна породить системные риски и искажения политической структуры.

Цифровая трансформация политических процедур сопровождается феноменом алгоритмической редукции политической субъектности. Институционализация технологических практик нередко приводит к замене содержательной дискуссии цифровым порядком, в рамках которого механизм участия утрачивает политическое измерение и преобразуется в административную форму.

Следует подчеркнуть, что в таких условиях возникает вероятность утраты механизмов рефлексивного контроля за процедурой легитимации власти, что трансформирует институциональные технологии в инструменты административного самовоспроизводства власти [8].

Проблема автоматизированной репрезентации субъектов участия приводит к формированию среды, в которой гражданская активность обобщается только статистически – в подобной логике система верификации участия опирается на технический отклик, что формирует риск подмены политического действия функциональной регистрацией [5].

Таким образом, отличие от политического представительства институционализация технологий в цифровом измерении воспроизводит эффект управляемого участия.

Следует заметить, что технологическая стабилизация политических процедур способна замедлять динамику публичных ожиданий и ограничивать адаптивность институтов к изменению общественных запросов. В условиях цифровой среды отказ от пересмотра процедур в пользу их формального воспроизведения снижает уровень институционального доверия и порождает эффект процедурной инерции, когда участие сводится к рутинному взаимодействию с интерфейсом [8].

Кроме того, цифровая архитектура власти может формировать иллюзию прозрачности при одновременном расширении зон неконтролируемого влияния программных решений. Важным риском в этом смысле является автоматизация интерпретации политических сигналов – власть получает инструмент фиксации и обработки общественных реакций, однако теряет чувствительность к их смысловой составляющей, что усиливает техно-бюрократическое доминирование и снижает вероятность возникновения подлинного институционального диалога [5].

Таблица 2. Сравнительный анализ институциональных и неинституциональных политтехнологий (начало)

Признак анализа	Институциональные политические технологии	Неинституциональные политические технологии
Степень устойчивости	Высокая, закрепляется регламентами и процедурами	Низкая, зависит от ситуативного контекста
Степень нормативности	Регламентирована юридическими или административными актами	Основана на импровизации, прецедентах или прямой отсылке к культурным кодам
Уровень публичной репрезентации	Открытая, сопровождается официальным освещением	Частичная или теневая, часто замещается символическими действиями
Участие институтов	Задействованы органы власти, избирательные комиссии, СМИ и иные официальные структуры	Вовлечены группы интересов, медиа-активисты, неформальные объединения
Степень технологической формализации	Высокая, включает в себя алгоритмизированные процедуры, программные модули, цифровую технократию	Частичная, преимущественно инструментальная или имитационная
Связь с процедурами легитимации	Встроена в систему получения и воспроизводства легитимности	Имитирует или подменяет легитимность эффектом воздействия (англ. causal effect)

Таблица 3. Сравнительный анализ институциональных и неинституциональных политтехнологий (продолжение)

Признак анализа	Институциональные политические технологии	Неинституциональные политические технологии
Масштаб применения	Региональный или национальный, сопровождается отчётностью и документацией	Локальный или сетевой, распространяется через неофициальные каналы
Форма участия субъектов	Официальная, фиксированная, с правовыми последствиями	Гибридная, может включать анонимность, символическое участие, сетевую активность
Отношение к норме	Подчинена действующим нормативным основаниям власти	Оперирует вне рамок институционального поля, может оспаривать норму
Режим воспроизводства	Обеспечен системой государственных, политических и административных процедур	Обусловлен эффектом и повторяемостью в медиа- и сетевом поле

Источник: авторская разработка

Тем не менее, собственная нормативная неопределённость цифровой среды придаёт институционализации политических технологий как характер риска, так и характер адаптации.

Формирование институциональных механизмов в цифровом измерении власти отражает реакцию на технологические изменения, а также направлено на реконфигурацию самой логики функционирования политической системы. В отличие от традиционных форм адаптации, цифровая институционализация базируется на технически запрограммированных процедурах с частичным перераспределением инициативы субъектов, создающих иные условия воспроизводства власти. Важно подчеркнуть, что сама процедура включения технологических решений в институциональную ткань власти опирается на перераспределение значимости между символическими и функциональными ролями. Указанная динамика показывает, что цифровизация и цифровая трансформация власти выступает полноценной метаструктурой, модифицирующей принципы институционального взаимодействия. Следует заметить, что в условиях приоритетного развития цифровых сервисов и платформ политические институты приобретают значение как узлы согласования между различными режимами интерпретации данных и процедур, что формирует новую плоскость анализа, в которой границы между управлением и программированием начинают смещаться.

Адаптивная функция власти в цифровом окружении основывается на способности преобразовывать политическое воздействие в структурно закреплённые нормы внутри алгоритмически заданных рамок. При этом главное значение приобретает процедура их институционального включения. Такая тенденция отражает необходимость рассмотрения институционализации как способа стабилизации политических реакций на деструкцию возникающих в цифровой среде нормативных иерархий.

Проведённый анализ позволяет обозначить необходимость дальнейшего исследования механизмов рекурсивного закрепления цифровых решений внутри системы власти. В качестве ключевой научной задачи можно назвать выявление границ между институциональной формализацией и технической автоматизацией, в рамках которых политическое действие сохраняет смысловую насыщенность – без осмысления данных границ институционализация рискует превратиться в процедуру имитации, утрачивающую воспроизводимость политического значения.

Заключение

В условиях цифровой трансформации власти институционализация политических технологий приобретает функцию системного механизма адаптации, в рамках которого происходит упорядочение новообразующихся практик и каналов цифрового воздействия на политическое поведение. Алгоритмическое закрепление этих технологий позволяет придать им статус легитимных инструментов управления, что отражает институциональную природу цифровых изменений. Структурирование процесса институционализации выявляет зависимость эффективности политического управления от способности воспроизводить политические технологии в формах, совместимых с режимами цифрового производства власти.

В современной политической системе цифровая экономика выступает внутренним содержанием трансформации механизмов легитимации, мобилизации и контроля. Формируемые институциональные контуры придают цифровым политическим технологиям как юридическую валидность, так и способность к регламентированной репликации в новых политических циклах, что обосновывает необходимость дальнейшего научного анализа институциональных механизмов цифровизации власти

с учётом как нормативно-правовых конструкций, так и формализуемых технологических практик.

Литература

1. Победин П.К. Формирование политических институтов и процессов с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта // Постсоветский материк. – 2024. – № 2 (42). – С. 51–61.
2. Бажанов В.А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 193–210.
3. Борисов И.Б. Конец доцифровой эпохи политических процессов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2021. – № 1. – С. 124–139.
4. Кононенко К.О. Проблемы цифровой трансформации органов публичной власти // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2025. – № 2. – С. 106–115.
5. Баранов А. В., Котлярова О.В. Цифровая компетентность государственных служащих как ресурс политической власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 2. – С. 11–17.
6. Сунами А. Н., Павлова Е.В. Моральные основания политики в условиях эластичного цифрового общества: перестанут ли ценности иметь значение? (часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2024. – Т. 20. – № 1. – С. 33–44.
7. Евстратов А. Э., Шугулбаев Ж.А. К вопросу об идеологической функции государства в цифровую эпоху // Правоприменение. – 2024. – Т. 8. – № 1. – С. 15–23.
8. Розанова Н.М. Цифровые экосистемы: двуликий янус национального государства // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 3. – С. 15–22.
9. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 9 (130). – С. 11–20.
10. Миронов В. В., Кузнецов А.О. Цифровизация как детерминанта выбора экономической политики: российские реалии и мировой опыт // Вопросы экономики. – 2024. – № 4. – С. 38–69.

THE ALGORITHM OF INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF POWER

Khvan D.A.

The article analyzes the process of institutionalization of political technologies in the context of the digital transformation of power. The theoretical foundations of understanding political technologies are presented, and the main approaches to political technologies in the 21st century (applied, institutional, ideological, technological, and critical-reflective) are identified. The necessity of institutional consolidation of political technologies in the digital environment is substantiated. The author's algorithm for the institutionalization of political technologies in the context of the digital transformation of power has been developed. Political power is considered as a subject and product of technological institutionalization: it is shown that power not only applies political technologies, but, in fact, is reproduced through them. The key risks of institutionalization of political technologies in the digital economy have been identified. Institutionalization is separately defined as a form of government adaptation to the challenges of the digital economy. In conclusion, the prospects for further research on this topic are briefly outlined.

Keywords: political technologies, political technologies, institutionalization of power, digital transformation of power, algorithm.

References

1. Pobedin P.K. Formation of political institutions and processes using digital technologies and artificial intelligence // The post-Soviet continent. – 2024. – No. 2 (42). – P. 51–61.
2. Bazhanov V.A. Artificial intelligence, Big Data technologies and features of the modern political process // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. – 2023. – Vol. 7. – No. 3. – P. 193–210.
3. Borisov I.B. The end of the pre-digital era of political processes // Citizen. Elections. Power. – 2021. – No. 1. – P. 124–139.
4. Kononenko K.O. Problems of digital transformation of public authorities // Bulletin of Omsk University. The Economics series. – 2025. – No. 2. – P. 106–115.
5. Baranov A.V., Kotlyarova O.V. Digital competence of civil servants as a resource of political power // State and municipal administration. Scientific notes. – 2021. – No. 2. – P. 11–17.
6. Sunami A. N., Pavlova E.V. The moral foundations of politics in an elastic digital society: will values cease to matter? (part 1) // Political expertise: POLITEX. – 2024. – Vol. 20. – No. 1. – P. 33–44.
7. Evstratov A. E., Shugulbaev Zh.A. On the ideological function of the state in the digital age // Law enforcement. – 2024. – Vol. 8. – No. 1. – P. 15–23.
8. Rozanova N.M. Digital ecosystems: the two-faced Janus of the national state // World Economy and international Relations. – 2024. – Vol. 68. – No. 3. – P. 15–22.
9. Kornev A.V. Digital technologies, legal risks and the problem of their minimization // Actual problems of Russian law. – 2021. – No. 9 (130). – P. 11–20.
10. Mironov V. V., Kuznetsov A.O. Digitalization as a determinant of economic policy choice: Russian realities and world experience // Economic issues. – 2024. – No. 4. – P. 38–69.

Шао Мэйхуа,

магистр, Северо-Восточный лесотехнический университет
E-mail: 1141743363@qq.com

В исследовании осуществляется семиотический анализ романа В.В. Набокова «Защита Лужина» с применением методологии Ф. де Соссюра и Ю.М. Лотмана. Центральным объектом изучения выступает трагедия гения, раскрывающаяся через конфликт между шахматным абсолютизмом и экзистенциальной дезадаптацией. Анализируется парадоксальная семиотика образа Лужина (оппозиции «гений/безумец», «разум/безумие»), функции персонажей-«угнетателей» (Отец, Жена, Валентинов) как знаков инструментализации, а также нарративные стратегии (синтагматическая ось цепь неудачных защит; парадигматическая контраст женских судеб). Выявлены социокультурные детерминанты трагедии: разрыв духовных/социальных практик, кризис идентичности в эмиграции. Научная новизна заключается в комплексной деконструкции художественного мира романа, подтверждающей его актуальность как метафоры кризиса творческой личности в условиях отчуждения. Результаты открывают перспективы для изучения семиотики экзистенциального кризиса в прозе Набокова.

Ключевые слова: В. Набоков, Защита Лужина, Семиотический Анализ, Инструментализация, Экзистенциальный Кризис.

Введение

Роман В.В. Набокова «Защита Лужина» (1929), созданный в период европейской эмиграции, признан вершиной раннего творчества писателя и занимает особое место в истории русской литературы XX века. Несмотря на значительный корпус исследований, посвященных набоковскому шедевру, семиотический потенциал текста, раскрывающий глубинные механизмы конфликта между гениальностью и отчуждением, рациональным порядком шахматного мира и иррациональностью человеческого существования, остается недостаточно изученным. Данное исследование предлагает комплексный междисциплинарный анализ романа, опирающийся на методологический аппарат семиотики[1]. Актуальность работы обусловлена необходимостью нового прочтения классического текста через призму современных лингвосемиотических теорий, позволяющих выявить системные закономерности смыслообразования.

Целью исследования является семиотическая деконструкция художественного мира романа для раскрытия многоуровневой структуры трагедии гения. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

Провести анализ образа А.И. Лужина как сложного знакового комплекса через бинарные оппозиции «означающее/означаемое» и выявить его парадоксальную природу («гений/безумец», «разум/безумие», «счастье/одиночество»).

Исследовать функции ключевых персонажей-«угнетателей» (Отец, Жена, Валентинов) как знаков, репрезентирующих формы инструментализации судьбы героя (патриархальное угнетение, ассимиляция реальностью, лидерский контроль и эксплуатация).

Проанализировать нарративные стратегии романа с точки зрения синтагматической оси (цепь неудачных защитных попыток Лужина) и парадигматической оси (контрастные женские судьбы как отражение национальных контекстов).

Раскрыть социокультурное измерение трагедии Лужина через призму «внешнего перекодирования» (Лотман), исследуя проблемы разрыва духовных исканий и социальных требований, культурной адаптации эмигранта и утраты идентичности под гнетом контроля.

Научная новизна исследования заключается в системном применении семиотического подхода для всестороннего анализа художественной антропологии, нарративных структур и культурной текстуализации в романе «Защита Лужина», выявляющем его непреходящую актуальность как трагического свидетельства о судьбе творческой личности в условиях отчуждения. Работа структурирована в соответствии с поставленными задачами.

Анализ романа «Защита Лужина» сквозь призму семиотики

Роман «Защита Лужина», вершина творчества Набокова, исследует конфликт между миром шахмат и реальностью, рациональным и иррациональным. Набоков создает модель двойственного мира, где трансформация времени и пространства неразрывно связана с особенностями персонажей и развитием сюжета. Данная работа анализи-

рует роман методами семиотики, изучая многогранность образа главного героя и процесс его «защиты» в контексте теорий Соссюра и Лотмана, а также культурные коннотации текста.

Согласно Соссюру, язык система знаков, где означающее есть материальная форма, а означаемое его смысл. Лотман рассматривал текст как структуру языковых знаков, выражающую смысл, формирующийся в структурных взаимосвязях; изучение культуры как знаковой системы вне содержания бессмысленно. Кодирование и декодирование текста процесс создания образов и осмысления мира через знаки[2]. Применим семиотику к «Защите Лужина», расшифровывая связь означаемого и означающего в образе героя, чтобы раскрыть его характеристики.

Имя героя, Лужин, ключевое означающее. С детства он проявляет исключительный талант к шахматам: схватывает ошибки с налету, стремительно прогрессирует, побеждает лучших игроков России. Базовая характеристика образа:

Означающее: Лужин → Означающее: Шахматный гений.

Взрослея, Лужин проявляет новые черты. Он замкнут, избегает общения, оживая лишь за доской. Он беспомощен в быту, неряшлив; его шахматные объяснения остаются неслышанными. Образ усложняется:

Означающее: Лужин → Означающее: Замкнутый, необщительный, одержимый шахматами гений, беспомощный в жизни.

Трагический конец Лужина падение гения. Его трагедия обусловлена не только личными недостатками, но и давлением трех ключевых фигур. Как отмечал Вяч. Курицын, персонажи здесь подобны шахматным фигурам по функции. Отец, жена и шахматный наставник становятся объектами «защиты» Лужина, олицетворяя семью, брак и карьеру. Анализ их характеристик и роли необходим для понимания совокупности причин его гибели.

Согласно семиотической структуре, предложенной ранее, три ключевые фигуры в жизни Лужина обретают следующие значения:

Означающее 1: Отец (Старый Лужин) → Означающее 1: Патриархальное угнетение

Означающее 2: Жена → Означающее 2: Ассимиляция реальностью

Означающее 3: Шахматный опекун Валентинов → Означающее 3: Лидерский контроль и эксплуатация

(1) Патриархальное угнетение. Старый Лужин с самого начала выступает как фигура подавления, стремящаяся тотально контролировать судьбу сына. Уже в детстве Лужин лишен автономии: он потрясен и плачет от фразы отца о том, что его «как взрослого» будут звать по фамилии «Лужин», что символизирует навязывание отцовской воли и принудительный разрыв с беззаботным детством. Отец проецирует на сына свои несбывшиеся амбиции, обнаружив в нем шахматный талант («свойство, которому однажды позавидовал»), и воспитывает с особой строгостью. Однако взрослеющий Лужин неизбежно выходит из-под контроля: уезжает от отца, становится замкнутым и непокорным в их редких беседах[3]. Невозможность контролировать реального сына толкает старого Лужина на создание литературного двойника в своем романе. Он конструирует идеализированный образ шахматиста-вундеркинда (даже наделяя его скорее музыкальным, чем шахматным даром), лишенный недостатков, предельно покорный и искусственно вписанный в контекст войны и революции. Чтобы окончательно закрепить этот образ и предотвратить взросление сына в своем воображении, старый Лужин заранее предрека-

ет ему трагический, «трогательный» финал смерть молодого гения за шахматной партией в постели. Этот акт литературного присвоения и стирания реального сына, его навязчивые ожидания славы и стремление к контролю становятся одной из глубинных причин трагедии Лужина, вынуждая его бежать и отчаянно стремиться к победам как к способу оправдания.

(2) Ассимиляция реальностью. Жена Лужина представляет иную, но не менее разрушительную форму давления. Ее стремление к «нормальной» жизни и любви оборачивается насильственной ассимиляцией героя реальностью. Под предлогом жалости и угрозой «Я вас перестану любить, если вы будете вспоминать о шахматах», она вырывает Лужина из мучительного, но единственно понятного ему мира шахмат. Она полностью подчиняет его быт: выбрасывает старые вещи, перешивает одежду, навязывает новые интересы. Мир шахмат, несмотря на психическое истощение, был для Лужина зоной комфорта и смысла; жесткие «коррективы» жены лишь удваивают его страдания. Он мучается между данным ей обещанием отказаться от шахмат и тягой к иллюзорному миру игры. Эта насильственная ассимиляция «нормальной» жизнью, игнорирующая саму суть Лужина, становится второй важнейшей причиной его трагедии, раскрывая суть образа жены как силы, навязывающей чуждую реальность.

(3) Лидерский контроль и эксплуатация. Валентинов, обладая статусом «шахматного опекуна», осуществляет над Лужином наиболее откровенный подавляющий контроль. Он присваивает себе заслуги Лужина, возит его по турнирам, способствуя славе и росту мастерства, но в памяти героя остается «скрытым демоном». Валентинов требовал соответствия образу идеального, аскетичного гения (запрещал пить, чтобы «не затуманить мышление») и видел в Лужине лишь инструмент для обогащения[4]. Накопив деньги, он без колебаний бросает своего протеже. Лужин же полностью подчинялся его воле. Даже после разрыва Валентинов, стремясь выжать из него последние ресурсы, насильно втягивает Лужина в съемки документального фильма, грубо нарушая его хрупкий покой, игнорируя протесты и продолжая относиться к нему как к своей собственности. Этот циничный лидерский контроль и эксплуатация усугубляют трагедию Лужина, определяя сущность образа Валентинова.

Синтез анализа образа самого Лужина и трех ключевых фигур позволяет выявить множественность и парадоксальность его интерпретации. Во-первых, он – Гений и Безумец. Мировой гроссмейстер, чье имя в учебниках, он абсолютно беспомощен в быту, не научившись общению, любви или заботе о себе под контролем Валентинова. После ухода опекуна великий гений предстает неряшливым и эмоционально неловким. Во-вторых, в нем борются Разум и Безумие. Шахматы требуют от него кристальной логики, но для внешнего мира его страсть к игре – одержимость. До жены шахматы были его вселенной; даже в разговоре с тестем он навязчиво завершает анализ хода, игнорируя смену темы. Эта фанатичная сосредоточенность лишает его рациональности в обычных ситуациях. В-третьих, его Счастье неотделимо от Глубокого Одиночества. Счастье он находит в шахматах и, казалось бы, в браке, который выводит его из мира мучительного перфекционизма, открывая «нормальную» жизнь. Однако его путь трагически одинок: никто не понимает глубины его связи с шахматами[5]. Отец жаждет славы, Валентинов – денег, жена – «исцеления» от самой сути его существования. Эта фундаментальная непостижимость и давление со всех сторон и приводят к его трагическому финалу.

Повествовательные Стратегии: Синтагматика и Парадигматика Защиты

Основываясь на концепции Р. Якобсона, Лотман утверждает, что текст разворачивается по двум осям: парадигматической (иконичность, пространственность, выбор элементов) и синтагматической (линейность, временность, комбинация элементов). В «Защите Лужина» синтагматическая ось выстраивает хронологию жизни героя: детство (пробуждение таланта), взросление (турниры), брак и финальный крах с самоубийством. Линейное развитие представляет цепь попыток Лужина защититься от порабощения, каждая из которых терпит крах.

Синтагматика Защиты: Цепь Поражений

Провал первой защиты (Детство): Давление отца, мечтающего о музыкальной карьере сына (навязчивые чтения «Анны Карениной», принуждение к общению), усугубляется травлей сверстников из-за статуса отца-писателя. Обнаружение шахмат тетей становится спасением, но отец конфискует их, шантажируя посещением школы. Неспособный к диалогу, он лишь усиливает гнет ожиданий, погружая Лужина в депрессию. Защита от патриархального гнета рушится. Разрыв с отцом в юности лишь переносит контроль: старый Лужин становится его фальсифицирующим биографом.

Крах второй защиты (Шахматное превосходство): После ухода отца и опекуна Валентинова, Лужин сталкивается с кризисом мастерства (ничья, поражение из-за просрочки, трудная партия с новатором Турати). Осознание утраты уникальности вызывает панику. Сознательная попытка создать новую защитную систему против Турати проваливается: противник использует банальный дебют, сводя на нет подготовку. Фраза Лужина «Что есть в мире кроме шахмат?» знаменует крах этой защиты шахматного господства.

Крах третьей защиты (От реальности через шахматы): Появление женщины (будущей жены) разрушает изоляцию. Первоначальное сопротивление сменяется браком, но вторжение любви в шахматный мир раздражает: во время партии женские туфли в зале сбивают концентрацию, заставляя Лужина требовать ее ухода[6]. Даже в решающем матче с Турати шахматы остаются единственной реальностью, а любовь лишь сном. Поражение вынуждает искать утешение в любви, рушится бессознательная защита от реального мира.

Финальный крах четвертой защиты (От шахмат через реальность): После срыва Лужин строит новую защиту: под угрозой жены «разлюблю, если вернешься к шахматам» и советам врачей, он отказывается от игры. Брак приносит временное затишье, пока случайная шахматная доска не пробуждает одержимость. Возвращение Валентинова, требующего участия в фильме, разрушает последние барьеры. Воспоминания о мучительных партиях и полная потеря контроля приводят к самоубийству последней, отчаянной попытке вырваться из плена.

Первая и третья защиты были бессознательным сопротивлением (отцу, реальности), вторая и четвертая сознательной, но тщетной борьбой (за шахматное лидерство, за жизнь без шахмат). Роман выстроен как неуловимая синтагматическая цепь: порабощение попыткой защиты мнимая или кратковременная передышка окончательный крах. Каждое звено этой цепи приближает Лужина к трагическому финалу, демонстрируя неэффективность его защитных стратегий перед лицом различных форм давления.

Параллельно основной сюжетной линии о защите Лужина на парадигматической оси прослеживается контрастная трансформация женских судеб. Россий-

ская гостья, вопреки прежней молчаливости, предстает «стройной, оживленной, с безупречным макияжем», демонстрируя широкий кругозор и активный интерес к политике после замужества и материнства. В противоположность ей, жизнерадостная жена Лужина превращается в «бледную, полноватую и более тихую» женщину, сохранившую детскую наивность и неосведомленность. Ее существование полностью сосредоточено на муже, а спасительная миссия его «исцеления» становится навязчивой идеей, продиктованной жалостью. Эти судьбы символически отражают ситуации их стран: рассказ россиянки рисует Ленинград городом масштабного строительства и прогресса, опережающего Европу, в то время как Берлин, где живет госпожа Лужина, представлен через «клеветнические» газетные материалы о России и негативные настроения в эмигрантской среде. Различные парадигматические выборы в едином временном потоке обусловили расхождение жизненных путей женщин под влиянием национального контекста, социальной среды и брака.

Текстуализация Культуры: Практическое Значение «Защиты Лужина»

Согласно Лотману, смысловая структура текста формируется через внутреннее и внешнее перекодирование, причем последнее подчеркивает сложность смыслообразования и связь с социокультурной средой, что отмечали Фоккема и Ибш. В романе шахматы, пронизывая жизнь Лужина, становятся ключом к его успехам, поражениям, разуму и безумию. Набоков, продолжая традицию Пушкина, Лермонтова и Достоевского, наделивших игру мистическими свойствами, использует шахматы не просто как тактику, но как метафору защиты Лужина от реального мира и, главное, от инструментализации его судьбы. Отец видел в сыне и его шахматном даре («тайное проявление гениальности») средство реализации собственных амбиций, навязывая свои ожидания и игнорируя реальные увлечения и страдания ребенка, что вынудило Лужина бежать, а позже отвечать лишь молчанием. Однако слава сына все же стала для отца материалом для создания идеализированного литературного персонажа, стирающего реальную личность. Для Валентинова шахматы были коммерческим активом, а Лужин инструментом обогащения; его жесткий контроль лишал героя воли, порождая паническое стремление избежать опекуна, особенно при его возвращении для съемок фильма[7]. Для жены шахматы стали «болезнью», требующей «излечения», а сам Лужин объектом спасительной миссии, продиктованной жалостью; их брак, лишенный глубокой эмоциональной основы, привел к тому, что герой, боясь надзора, прятал шахматы, пытаясь вырваться из-под контроля, но не решался окончательно порвать с видимостью «нормальной» жизни. Каждая попытка защиты Лужина терпела крах перед неодолимой силой судьбы-инструмента.

Провал защиты обусловлен не только личностными особенностями, но и глубоким социокультурным контекстом, отражающим трагедию русской интеллигенции. Во-первых, это разрыв между духовными исканиями (погруженность в шахматы как высшую интеллектуальную сферу) и социальными требованиями: Лужин в глазах общества человек без «серьезного занятия», неприспособленный к реальности из-за незавершенного образования, непонимания общественной жизни и иных знаний[8]. Во-вторых, это мучительные трудности культурной адаптации в эмиграции: переехав в Берлин, Лужин оказался в среде, наполненной клеветой на Россию и разочарованием эмигрантов; новая реальность требовала

болезненной перестройки, лишая чувства принадлежности и возможности полноценного вливания в какую-либо культуру. Наконец, абсолютное отчуждение и потеря «я» под гнетом контроля (семейного, супружеского, коммерческого), при котором никто не слышал его истинных мыслей, сделали бегство единственным способом выжить. Смерть через прыжок из окна стала последним, трагическим актом освобождения от оков инструментализации и невыносимых мук существования, единственной возможностью обрести недостижимую при жизни автономию.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило высокую эвристическую ценность семиотического подхода при анализе романа В.В. Набокова «Защита Лужина». Системное применение концепций Ф. де Соссюра и Ю.М. Лотмана позволило раскрыть многоуровневую структуру трагедии гения: 1) через парадоксальную семиотику образа Лужина, где бинарные оппозиции «гений/безумец», «разум/безумие», «счастье/одиночество» формируют комплексное означающее, отражающее неразрешимый конфликт между шахматным абсолютизмом и экзистенциальной неадаптивностью; 2) через функциональную знаковую персонажей-«угнетателей» (Отец, Жена, Валентинов), репрезентирующих механизмы инструментализации судьбы героя (патриархальное угнетение, ассимиляция реальностью, лидерский контроль и эксплуатация); 3) через анализ нарративных стратегий, где синтагматическая ось (цепь неудачных защитных попыток: детство, шахматное превосходство, реальность, отказ от игры) выстраивает неумолимую логику краха, а парадигматическая ось (контрастные женские судьбы) символически отражает влияние национальных контекстов; 4) через призму «внешнего перекодирования» (Лотман), выявившего социокультурные детерминанты трагедии: разрыв духовных исканий и социальных требований, мучительную дезадаптацию эмигранта и тотальную утрату идентичности под гнетом контроля. Научная новизна работы заключается в комплексной семиотической деконструкции художественного мира романа, интегрирующей анализ антропологии персонажа, нарративных структур и культурной текстуализации. Это позволило выявить непреходящую актуальность «Защиты Лужина» как трагического свидетельства о кризисе творческой личности в условиях инструментализации и отчуждения, где шахматы выступают метафорой как защиты, так и тотального порабощения сознания. Результаты исследования открывают перспективы для дальнейшего изучения семиотики набоковских текстов в контексте философии экзистенциального кризиса.

Литература

1. Джонатан К. Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. — URL: https://stytopedya.ru/1_20888_lingvisticheskaya-teoriya-sossyura.html.
2. Кадырова К. А., Сулейманова М.С. Способы изображения мира реального и мира, созданного творческим воображением, в романе В. Набокова «Защита Лужина» // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-izobrazheniya-mira-realnogo-i-mira-sozdannogo-tvorcheskim-voobrazheniem-v-romane-v-nabokova-zaschita-luzhina>.
3. Курицын В.Н. Русское зарубежье: одержимость и распад // Полка. — URL: <https://polka.academy/articles/524>.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — СПб.: Искусство, 1998. — 285 с.
5. Набоков В.В. Защита Лужина. — М.: Современник, 1987. — 25 с.
6. Се Минци. Анализ романа «Защита» с позиции концепции «неполифонического» диалогизма Бахтина между субъектами эстетической деятельности // Русская литература и искусство. — 2017. — № 2. — С. 137–143.
7. Се Минци. Диалог и карнавал: исследование творчества Набокова в перспективе культурной семиотики Бахтина. — Пекин: Изд-во Юго-Восточного университета, 2019. — 146 с.
8. Ши Тецянь. Исследование научных идей Лотмана. — Харбин: Хэйлунцзянь жэньминь, 2006. — 433 с.

SEMIOTIC ANALYSIS OF V. V. NABOKOV'S NOVEL «THE LUZHIN DEFENSE»

Shao Meihua

Northeast Forestry University

This study provides a semiotic analysis of V.V. Nabokov's novel "The Luzhin Defense" using the methodologies of F. de Saussure and Yu.M. Lotman. The central object of the study is the tragedy of a genius, revealed through the conflict between chess absolutism and existential maladjustment. The paradoxical semiotics of Luzhin's image (the oppositions "genius/madman", "reason/madness"), the functions of the "oppressor" characters (Father, Wife, Valentinov) as signs of instrumentalization, as well as narrative strategies (syntagmatic axis – chain of unsuccessful defenses; paradigmatic contrast of women's destinies) are analyzed. The socio-cultural determinants of the tragedy are revealed: the rupture of spiritual/social practices, the crisis of identity in emigration. The scientific novelty lies in the complex deconstruction of the artistic world of the novel, confirming its relevance as a metaphor for the crisis of a creative personality in the conditions of alienation. The results open up prospects for studying the semiotics of the existential crisis in Nabokov's prose.

Keywords: V. Nabokov, The Luzhin Defense, Semiotic Analysis, Instrumentalization, Existential Crisis.

References

1. Jonathan K. Literary Theory: A Brief Introduction / trans. from English by A. Georgieva. — URL: https://stytopedya.ru/1_20888_lingvisticheskaya-teoriya-sossyura.html.
2. Kadyrova K. A., Suleimanova M.S. Methods of Depicting the Real World and the World Created by the Creative Imagination in V. Nabokov's Novel "The Luzhin Defense" // CyberLeninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-izobrazheniya-mira-realnogo-i-mira-sozdannogo-tvorcheskim-voobrazheniem-v-romane-v-nabokova-zaschita-luzhina>.
3. Kuritsyn V.N. Russian Abroad: Obsession and Disintegration // Polka. — URL: <https://polka.academy/articles/524>.
4. Lotman Yu.M. The Structure of the Fiction Text. — SPb.: Iskusstvo, 1998. — 285 p.
5. Nabokov V.V. Luzhin's Defense. — M.: Sovremennik, 1987. — 25 p.
6. Xie Mingqi. Analysis of the Novel "Defense" from the Position of Bakhtin's Concept of "Non-Polyphonic" Dialogueism between Subjects of Aesthetic Activity // Russian Literature and Art. — 2017. — No. 2. — P. 137–143.
7. Xie Mingqi. Dialogue and Carnival: A Study of Nabokov's Work in the Perspective of Bakhtin's Cultural Semiotics. — Beijing: Southeastern University Press, 2019. — 146 p.
8. Shi Tieqiang. A Study of Lotman's Scientific Ideas. — Harbin: Heilongjiang Renmin, 2006. — 433 p.